

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

~~302 j. 17~~

Confined to Library

o.PG 1225. M4

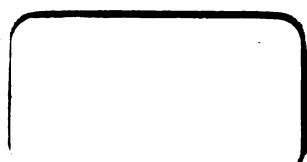

~~302 j. 17~~

Confined to Library

o.PG 1225. M4

ИСТОРИЯ
СЕРБСКАГО ЯЗЫКА

ПО ПАМЯТНИКАМЪ, ПИСАННЫМЪ КИРИЛЛИЦЮ,
ВЪ СВЯЗИ СЪ ИСТОРИЮ НАРОДА.

СОЧИНЕНІЕ

А. Мейкова.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.
1887.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, мая 31-го дня, 1857 года.

Ценсоръ, Н. Фонъ-Крузъ.

Славянская наука, какъ и всякая другая наука, какъ и все, что растеть и движется въ мѣрѣ нравственномъ и вещественномъ, имѣеть свои возрасты, свои времена, свои переходы. Дѣло ученаго угадать современную пору своей науки и удовлетворить ея потребностямъ. Начавшись еще такъ недавно, всего въ половинѣ прошлаго столѣтія, и пойдя отъ общаго сознанія Славянства, отъ общаго пробужденія чувства народности, Славяновѣдѣніе совершило въ короткое время огромные успѣхи по всѣмъ отраслямъ народной жизни. Теперь оно находится въ порѣ частныхъ. Первоначальное общее сдѣлало свое дѣло: новая мысль пробуждена, направленіе дано, развитіе пошло въ ходъ; зерно пустило такъ глубоко корни, что исторгнуть ихъ уже невозможно. Славянамъ остается воздѣлывать новооткрытый у самихъ себя мѣръ, проводить сознаніе самобытности во всѣ его нравственныя явленія и строить цѣльное, размѣрное зданіе Славянства на началахъ, добытыхъ изъ глубины народнаго духа. Пора заключительнаго общаго, такого общаго, что встекало бы непосредственно изъ воспроизведенныхъ и живо сознанныхъ частныхъ, въ которомъ каждая отдѣльная частію получила бы свое мѣсто, свою мысль и отвѣтила бы согласно единства, еще не настала: она настанетъ тогда, когда все нужное вещество будетъ подготовлено, когда всѣ частности выйдутъ наружу и обработаются. Къ этому-то и клонится теперь Славянская дѣятельность. Замѣтимъ, что все рѣзко выдающееся въ области Славянской учености, все, что есть въ ней самого блестящаго, самого полезнаго и насущнаго для всякаго образующагося Славянина, все это относится къ частностямъ, иногда мельчайшимъ, а иногда къ цѣлымъ, извѣстнымъ отдѣламъ ихъ. Напротивъ, всѣ попытки создать что нибудь общее не имѣютъ успѣха, или имѣютъ весьма малый. Отъ чего? Отвѣтъ простъ: отъ того, что общее не можетъ существовать безъ частнаго: надобно сначала приготовить частное, чтобы изъ него вышло общее. Самая продолжительная, самая скучная и утомительная пора есть пора частныхъ. Но она такъ же необходима для науки, какъ необходимо прочное основаніе для всякаго зданія, которому предназначается долгій вѣкъ. Не смотря на постоянно-возрастающее число дѣятелей на поприщѣ Славяновѣдѣнія и быстро умножающіеся труды ихъ, не смотря на возникающія изъ тайниковъ своихъ сокровища древности, всякій, кто только пристально слѣдитъ за развитіемъ Славянской науки, или самъ принадлежитъ къ ея вкладчикамъ, согласится, что въ ней многія отдѣльныя частію, особливо мелкія, обработаны довольно тщательно; но части эти суть еще *membra disjecta*, ожидающія творца, дожиливающаго пригнать съ

вѣками, чтобы совокупить ихъ, вдохновить единымъ духомъ и оживить цѣльною, самостоятельною жизнью. Но до того времени главною задачею всякаго Славяниста должно быть сколько можно успѣшнѣйшее воспроизведеніе недостающихъ частныхъ, пополненіе пробѣловъ. По временамъ слышатся у насъ возгласы противъ частныхъ, хотя бы обработанныхъ добросовѣстно, съ любовью и знаніемъ дѣла. Эти возгласы требуютъ общаго. Но общаго въ мѣрѣ нѣтъ, а есть единицы, слагающіяся въ общее и получающія свою важность по отношенію къ общему. Нельзя требовать общаго, отвергая частное. По этому подобны возгласы обличаютъ въ глашатаяхъ или полное непониманіе дѣла, противонаучный взглядъ, или умысленную недобросовѣстность.

Вполнѣ убѣжденный въ истинности сейчасъ изложенной мысли и зная, какъ въ многомъ еще нуждается Славянское языковѣдѣніе, и именно въ своемъ собственномъ, я избралъ предметомъ настоящаго изслѣдованія область Древнесербскаго нарѣчія, какъ одну изъ нужнѣйшихъ для современной науки. Опытъ, сдѣланный Шафарикомъ въ Древнечешскомъ нарѣчіи, показалъ всю важность ближайшаго и полнѣйшаго знакомства съ Славянскими нарѣчіями въ ихъ древнемъ состояніи. Для правильнаго и вполнѣ достойнаго развитія Славянскаго, какъ части общесравнительнаго Индоевропейскаго, языковѣдѣнія еще мало одного знанія нарѣчій въ ихъ современномъ состояніи, болѣе разобщенномъ, болѣе самоотдѣльномъ, болѣе несходномъ, чѣмъ въ старину: надобно знать и тотъ путь, который они, видоизмѣняясь, совершали до настоящаго времени. Путь этотъ, восходя въ старину, приближаетъ если не къ единству языка, ибо такъ далеко не можетъ онъ идти, за неимѣніемъ средствъ, то, по крайней мѣрѣ, къ тому состоянію нарѣчій, въ которомъ ихъ общее родство, ихъ семейное единеніе становится яснѣе, открытѣе, понятнѣе. На немъ предстанутъ глазамъ изслѣдователя многія починныя точки, отъ которыхъ продолжается дальнѣйшее движеніе отличительныхъ признаковъ, составляющихъ вмѣстѣ съ доисторическими особенностями самобытное достояніе нарѣчій, ихъ собственность, ихъ обликъ. Другихъ починныхъ точекъ, лежащихъ далѣе въ глубь старины, за предѣлами проложеннаго пути, едва ли когда можно будетъ достигъ: по законъ наведенія убѣждаетъ, что въ прадавнихъ вѣкахъ пути нарѣчій сходились всѣ вмѣстѣ къ одной точкѣ, къ одному цѣльному Славянскому языку. Исторія не помнитъ общаго безразличнаго Славянскаго языка, но хорошо знаетъ то состояніе Славянскихъ нарѣчій, въ которомъ они ближе сходились между собою, удерживая нѣкоторыя первичныя свойства праязыка. Кто же станетъ отвергать важность и необходимость изслѣдованія такихъ путей, которые, съ одной стороны, приближая къ образу единаго, цѣльнаго, исконнаго языка, съ другой, указывая тѣ свойства, которыя выставляло и усиливало каждое нарѣчіе для своего выособленія, поясняютъ и современную сущность Славянскихъ нарѣчій?

Въ выборѣ предмета я соображался со средствами, которыми могъ пользоваться, ибо чѣмъ счастливѣе обстановка, тѣмъ удачнѣе предпріятіе. Къ сожалѣнію, не всѣ Славяне ведутъ между собою то взаимное тѣсное общеніе, ту круговую мѣну, которыя давали бы ученымъ возможность равно усѣбно обрабатывать любой предметъ на разныхъ концахъ Славянскаго міра. Эта возможность тогда настанетъ, когда древнія сокровища, которыми владѣетъ каждое племя, пойдутъ въ огласку и сдѣлаются общедоступными; а теперь пока каждый долженъ

пользоваться тѣмъ, что у него есть подъ рукою и чему наиболѣе способствуютъ мѣстность и время. Я старался окружить себя возможно большимъ числомъ источниковъ; нѣкоторыхъ, конечно, мнѣ не доставало, но недоставало отъ того, что рѣшительно не было возможности приобрести ихъ. Въ отношеніи таковыхъ я не беру на себя отвѣтственности; я работалъ по тому, что было для меня доступно. По мѣрѣ полученія новыхъ источниковъ, я вводилъ ихъ въ рукопись а къ напечатанному подлвннику, присоединялъ въ видѣ дополненій.

Предѣлы моего изслѣдованія обозначаются сами собою, естественнымъ образомъ. Изстари въ Сербскомъ племени ведется невыгодное внутреннее разложеніе, нарушающее связь единства и подкапывающее народныя силы и народную самостоятельность. Изстари Сербія служила полемъ; на которомъ сталкивались и боролись два начала, Западное и Восточное. Вѣроисповѣдныя и государственныя отношенія раздѣлили Сербію на двѣ половинны, изъ коихъ одна склонилась къ Западному началу, другая осталась вѣрною стародавнему Восточному. Несчастливая середина этого поля, наиболѣе выносившая на себѣ борьбу двухъ могущественныхъ началъ, Босна, не склонившаяся окончательно ни къ тому, ни къ другому, болѣе всѣхъ утратила силы и до сихъ поръ, подъ гнетомъ чуждаго Европейскому Западу и Востоку Азіятскаго начала, лежитъ какъ трупъ, лишенный духа самобытности, духа жизни. Раздѣленіе отразилось и въ судьбахъ языка, даже въ самой вѣтшей его части—азбукѣ. Съ различіемъ азбукъ соединено и различіе коренныхъ началъ. Ограничившись Кириловскимъ письмомъ, я въ то же время ограничился чертою, проникающею гораздо глубже въ народное существо и складящуюся съ чертою вѣроисповѣднаго, государственнаго и гражданскаго быта. Но въ самой Кириловской письменности есть два главные отдѣла, одинъ духовно-созерцательный и нравственный, другой государственно-гражданскій; въ одномъ преобладаетъ языкъ Церковнославянскій, истекающій изъ того хранилища плодовъ духовной и умственной дѣятельности, изъ котораго почерпали Сербы убѣжденія Вѣры и нравственности и пищу для ума; въ другомъ преобладаетъ языкъ народный, которому проводникомъ служили дѣла житейскія и соображенія правительственныя. Я избралъ послѣдній. Наконецъ судьбы народныя, окончательно измѣнившіяся съ исходомъ XV-го в., повлекшія за собою переворотъ во всемъ народномъ составѣ и наложившія свою печать на все его нравственное существо, полагаютъ временный предѣлъ и моему изслѣдованію: оно оканчивается вмѣстѣ съ паденіемъ Сербіи.

Избранный мною отдѣлъ Сербокириловской письменности замѣтно отличается отъ другаго отдѣла какъ по языку, такъ и по содержанию. Языкъ его преимущественно народный съ необходимою примѣсью Церковнославянскаго: содержаніе его историческое. Съ какими признаками являлось въ старину Сербское нарѣчіе; какъ постепенно все болѣе и болѣе отклонялось оно къ самоличности; и какъ, въ какой мѣрѣ, воспринимало въ свою письменность Церковнославянское начало: вотъ главнѣйшіе вопросы изслѣдованія повременныхъ судебъ Древнесербскаго языка на почвѣ самостоятельнаго развитія. Что новаго вносятъ и что стараго подтверждаютъ, или опровергаютъ избранныя памятники въ жизни народа государственной и гражданской, и какъ явленія языка объясняются явленіями историческими: вотъ главнѣйшіе вопросы историческіе. Самостоятельный народъ живетъ

всею совокупностію своихъ жизненныхъ силъ; эта цѣльность бытія отражается и въ его языкѣ: она должна отражаться и въ трудѣ ученыхъ. По этому мой трудъ естественно распадается на два отдѣла. историческій и языковословный. Въ первомъ я излагалъ событія въ связанной ихъ послѣдовательности, руководствуясь тѣмъ, что было доселѣ сдѣлано по этой части и распространяясь въ подробностяхъ тамъ, гдѣ нужно было приурочить встрѣтившіяся памятники и дополнить, подтвердить, или измѣнить, на основаніи его достовѣрности, то, что доселѣ было сдѣлано по другимъ даннымъ. Сдѣсь разрѣшены нѣкоторые недоразумѣнія и подняты новые вопросы. Во второй главную мою задачу было прослѣдить измѣняющееся во вѣкахъ и областяхъ состояніе Древнесербскаго языка, отличить его собственные признаки отъ приносимыхъ другой, Церковнославянской, стихіи, и по первымъ опредѣлить степень движенія, которое онъ совершалъ вмѣстѣ съ другими Славянскими нарѣчіями, отвѣчая общеславянскому движенію и своимъ собственнымъ личнымъ потребностямъ. Сравнительные приемы допущены мною лишь тамъ, гдѣ я считалъ ихъ необходимыми не столько для сторонняго противня, сколько для поясненія и опредѣленія тѣхъ уклоненій отъ первоначальника и собратій, какія сдѣлалъ Сербскій языкъ, достигнувъ конца XV-го вѣка и обозначивъ впередъ ту особь, какою онъ явился въ наше время. Какъ повсюдной самостоятельной обработки исторической части, такъ и сравнительнаго, въ полномъ смыслѣ этого слова, изученія Древнесербскаго языка я не принималъ на себя, довольствуясь, въ отсутствіи памятниковъ, одною историческою нитью и ограничиваясь одними явленіями Древнесербскаго языка, когда они были понятны сами по себѣ. Общесравнительные приемы ставятъ всѣ нарѣчія въ одинъ уровень, въ равномерное взаимное отношеніе; каждое изъ нихъ является только долею общаго ученія о звукахъ и словодвиженіи; я же, имѣя въ виду одно разсматриваемое нарѣчіе, опредѣленное сверхъ того извѣстнымъ письмомъ, мѣстомъ и временемъ, долженъ былъ выставить его передъ другими, какъ главный предметъ изслѣдованія, чтобы приготовить такимъ образомъ лишнюю частицу почвы, на которой должно со временемъ возродиться общеславянское сравнительное языкоученіе. Я держался мысли, высказанной выше.

Но изслѣдованіе Древнесербскаго языка, кромѣ собственной исторической важности этого языка, имѣетъ еще особое значеніе для письменности Славянъ Грековосточнаго исповѣданія. Такъ какъ языкъ Древнебулгарскихъ рукописей, при перепискѣ ихъ въ другихъ православныхъ земляхъ, подчинился вліянію туземнаго нарѣчія, то, когда возстановлены свойства и признаки Древнесербскаго языка съ ихъ повременнымъ движеніемъ и при томъ въ Кириловскомъ письмѣ, тогда уже легко опредѣлить степень вліянія, оказаннаго этимъ языкомъ на Древнебулгарскую письменность и ярче обозначить въ ней особенности, составляющія такъ называемый Сербскій изводъ.

На сколько удачно исполнена мною предположенная задача, это рѣшитъ судъ знатоковъ, отъ которыхъ, какъ истинныхъ цѣнителей, я желалъ бы услышать правдивый приговоръ.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стран.</i>	
Введеніе.....	1	
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.		
ГЛАВА I.		
Дубровникъ.....	59	
ГЛАВА II.		
Босна.....	171	
ГЛАВА III.		
Сербія.....	205	
ЧАСТЬ ВТОРАЯ.		
Памѣтки.....		307
ГЛАВА I.		
Зачинъ.....	321	
ГЛАВА II.		
Полугласныя.....	345	
ГЛАВА III.		
Гласныя.....	399	
ГЛАВА IV.		
Согласныя.....	475	
ГЛАВА V.		
Словенія.....	567	
ГЛАВА VI.		
Српшениа.....	707	
Заключеніе.....	814	
Дополненія и поправки.....	825	
Слѣсокъ памѣткинаго.....	841	
Сокращенія.....	847	

ВВЕДЕНІЕ.

Народные Сербскіе памятники, писанные Кириллицею и подлежащіе нашему изслѣдованію, не разнообразны, но довольно многочисленны. Это суть надписи на монетахъ и печатахъ, грамоты и Законникъ Душановъ.

Монеты и печати составляютъ скудный источникъ для исторіи и языка. Онѣ, конечно, могутъ быть сами по себѣ предметомъ любопытныхъ изслѣдованій ученыхъ, но для насъ важны только надписи, на нихъ находящіяся и переданныя или прямо въ снимкахъ, или въ такихъ описаніяхъ и изслѣдованіяхъ, которыя ручаются за достовѣрность передаваемыхъ ими надписей. Такъ какъ печати и преимущественно монеты носятъ не рѣдко Латинскія надписи, то, само собою разумѣется, съ этими послѣдними мы не будемъ имѣть дѣла: до насъ касаются лишь надписи, сдѣланныя на Сербскомъ языкѣ.

Еще въ началѣ прошлаго столѣтія монеты Сербскія стали обращать на себя вниманіе нумизматовъ. По этому случаю описанія нѣкоторыхъ изъ нихъ вошли въ ученые труды, посвященные этой отрасли человѣческихъ познаній. Но одни ученые, какъ-то: Бандури, Муратори, Аргедати, Аппель и Іоахимъ, разсматривали только весьма немногія Сербскія монеты, описанія коихъ составляютъ въ ихъ сочиненіяхъ, относящихся къ монетамъ другихъ странъ, самую незначительную часть. Другіе же ученые, каковы: Занетти и Нани, обращали свои изслѣдованія преимущественно только на Сербскія монеты, что видно уже изъ самого заглавія ихъ сочиненій, ибо первый писалъ «De nummis regum Mysiae seu Rasciae», а второй «De duobus imperatorum Russiae nummis». Въ концѣ того же вѣка Рачичъ въ своей Исторіи Славянскихъ народовъ помѣстилъ два снимка съ двухъ монетъ деспота Юрія Бранковича¹. Какъ прошедшее столѣтіе ознаменовалось трудами однихъ только иностранныхъ ученыхъ по части Сербской нумизматики, такъ нынѣшнее столѣтіе видитъ уже однихъ Славянскихъ ученыхъ, трудящихся на томъ же поприщѣ. Описанія Сербскихъ монетъ, въ большемъ, или меньшемъ количествѣ, и ученые изслѣдованія о Сербскихъ монетахъ, въ текущемъ вѣкѣ, сдѣланы Давыдовичемъ, Светичемъ, Луценбахеромъ, Стоячковичемъ и Спирою Поповичемъ². Труды всѣхъ этихъ и вышеупомянутыхъ ученыхъ заключились обширною статьею о Сербскихъ монетахъ, съ присовокупленіемъ Булгарскихъ, Яна Шафарика, поощренною съ дополненіемъ въ III-й и V-й ч. «Гласника»³. Я. Шафарикъ воспользовался трудами почти всѣхъ своихъ предшественниковъ и, сверхъ того, самъ описалъ вновь много Сербскихъ монетъ, ему доступныхъ, хранящихся въ различныхъ собраніяхъ частныхъ и общественныхъ. Къ своей статьѣ онъ приложилъ 128 снимковъ съ монетъ Сербскихъ, Булгарскихъ и Венеціанскихъ, изъ которыхъ

¹ Исторія Славянскихъ народовъ, наипаче Болгаръ, Хорватовъ и Сербовъ. Вѣна, 1791.

² Ч. Я. всюду слѣдую второму изданію, въ Пештѣ, 1823. 4 ч. См. ч. III, стр. 168.

³ Гласникъ Дружтва Србске Словесности. Связка I. У Веограду, 1847.

⁴ Гласникъ. Св. III, 1851. Св. V, 1853.

большинство принадлежит первымъ. (Ко вторымъ относятся только 12 снимковъ, а къ послѣднимъ всего 2). Въ предисловіи указаны нѣкоторыя замѣчательныя монетохранилища и исчислены всѣ извѣстныя автору сочиненія, относящіяся къ тому же предмету. Вотъ почему, упоминая объ ученыхъ его предшественникахъ, я не приводилъ заглавія ихъ сочиненій, мѣсто и время появленія ихъ: то и другое читатели могутъ найти въ означенной статьѣ Я. Шафарика. Замѣчу только, что у него пропущены извѣстія знаменитаго его дяди, Павла Шафарика, и описаніе С. Поповича, о которомъ я упомянулъ выше. П. Шафарикъ сообщалъ извѣстія о монетахъ короля Владислава, царя Душана, Вукашина и деспота Юрія Бранковича¹. С. Поповичемъ описаны монеты королей Владислава, Уроша I, Драгутина, Милутина, Стефана Дечанскаго, короля, а потомъ царя, Стефана Душана, деспотовъ Стефана Лазаревича и Юрія Бранковича. Но хотя означенныя два описанія пропущены Я. Шафарикомъ въ его исчисленія предшествовавшихъ сочиненій, и даже ни разу не упомянуты въ продолженіи всей его статьи; однако, нѣтъ сомнѣнія, что самыя монеты вошли въ его статью и, сверхъ того, большая часть ихъ, если только не всѣ, переданы въ снимкахъ, ибо не только монеты обонихъ были ему извѣстны, но даже второй составлялъ свое описаніе Сербскихъ и Булгарскихъ монетъ по указаніямъ самого же Яна Шафарика. Вотъ почему статью послѣдняго я принимаю за главнѣйшій источникъ Сербскихъ монетныхъ надписей и не привожу монетъ, описанныхъ его предшественниками, какъ такихъ, которыя уже вошли въ его описаніе. За годъ слишкомъ до Я. Шафарика Сербскихъ монетъ коснулся Я. Я. Рейхель, котораго статья, вмѣстѣ съ примѣчаніями П. С. Савельева напечатана въ 1-мъ томѣ Записокъ Археологическо-Нумизматическаго Общества за 1849 годъ. Но Я. Шафарикъ не зналъ объ этой статьѣ и не воспользовался новыми, ему неизвѣстными, экземплярами Сербскихъ монетъ. Наконецъ, послѣдняя по времени статья, касающаяся между прочимъ Сербскихъ монетъ и извѣстная мнѣ по рукописи, принадлежитъ О. М. Бодянскому и написана имъ, въ видѣ письма къ Графу С. Г. Строганову, по случаю появленія предыдущей статьи г. Рейхеля. Она распадается на двѣ части, изъ коихъ въ первой сочинитель повѣряетъ изслѣдованія г. Рейхеля о нѣкоторыхъ Булгарскихъ и Сербскихъ монетахъ и во многомъ исправляетъ его, или не соглашается съ нимъ; во второй онъ излагаетъ свое мнѣніе о *златѣ* и *серебрѣ* Владимировомъ. Въ обѣихъ этихъ статьяхъ до насъ относятся, разумеется, только одиѣ монеты Сербскія. Въ статьѣ г. Рейхеля находимъ нѣсколько таковыхъ, но число ихъ гораздо менѣе числа, выставленнаго у Я. Шафарика. Есть нѣкоторые сходные экземпляры у того и другаго; есть и такіе, которыхъ нѣтъ у Я. Шафарика, на пр., монета князя Лазаря съ надписью *индузъ лазръ*. Но, сличая экземпляры г. Рейхеля съ подобными у Я. Шафарика, мы замѣчаемъ, что вообще у г. Рейхеля экземпляры не такъ ясны, или же г. Рейхель не вѣрно читаетъ ихъ. Это видно и изъ статьи О. М. Бодянского, у котораго, мы знаемъ, находятся превосходные экземпляры старинныхъ Сербскихъ монетъ, на основанія коихъ онъ во многомъ исправляетъ чтеніе г. Рейхеля. Жаль, что статья г. Бодянского, писанная только по поводу другой и, подобно этой, не имѣвшая своимъ главнѣйшимъ предметомъ описанія однихъ только Сербскихъ монетъ, не могла представить всего количества этихъ монетъ, хранящихся у ея автора, что было бы весьма желательно для всѣхъ, занимающихся Славянскою нумизматикою. Намъ пока остается пользоваться тѣми Сербскими

¹ Jahrbücher der Literatur. Wien. 1831, 53. Anzeige-Blatt, N 1.—Serbische Lesekörner. Pesth. 1853, стр. 9, N 5.

надписами, которыя представлены въ трехъ послѣднихъ статьяхъ: Я. Я. Рейхеля, Я. Шафарика и О. М. Бодянского.

Печати бѣдѣ монетъ и снимками и описаніями. Извѣстные мнѣ снимки съ печатей, носящихъ Сербскія надписи, и описанія, приводящія таковыя надписи, находятся: въ сочиненіи Авраамовича о Святой Горѣ¹, гдѣ сняты 10 печатей, привѣщенныхъ къ дарственнымъ грамотамъ Сербскихъ Государей; у Шимка, приложившаго къ своей Исторіи Босны и Сербіи² печать короля Твртка, 1444 г., и деспота Юрія, 1449 г.; у Ранча, помѣстившаго въ началѣ III-й части своей Исторіи снимокъ съ печати Лазаря, той самой, которая изображена въ «Угорскомъ Магази́нѣ»³; въ «Сербо-Далматинскомъ Магази́нѣ»⁴, гдѣ описаны печати Стефана Лазаревича и Уроша V; у Милутиновича, снявшаго печать Ивана Черноевича⁵; въ «Споменникахъ»⁶, гдѣ описана печать Вукашина и снята печать Стефана Вукчица Косачи; въ Гласникѣ⁷, гдѣ описаны двѣ печати: одна Уроша III и другая Уроша V. Сюда же можно отнести изображеніе печати деспотицы Ангелины, находящееся у Юлинца⁸, Ранча⁹, въ «Забавникѣ» Давыдовича¹⁰, и у Яна Шафарика¹¹.

Обильнѣйшими источникомъ для исторіи и языка служатъ *грамоты*. До 200 слѣшкомъ грамотъ уже напечатано; неизвѣстно, какъ велико число не напечатанныхъ; но, судя по нѣкоторымъ извѣстіямъ и предположеніямъ, можно догадываться, что едва ли не бѣльшая половина еще остается подъ спудомъ. Я укажу на тѣ изданія, которыми могъ пользоваться. Сдѣсь первое мѣсто занимаютъ Споменники, которые содержатъ 180 различныхъ грамотъ, начиная съ древнѣйшей, бана Кулина, 1189 года, до грамоты Юрія Бранковича, 1689 года, и, слѣдовательно, обнимаютъ пространство времени въ четыреста лѣтъ. За ними слѣдуетъ Авраамовича «Описаніе Сербскихъ древностей на Аѳонѣ». Кромѣ выписокъ и указанія на значительное число грамотъ, хранящихся въ Аѳонскихъ монастыряхъ, Авраамовичъ напечаталъ 20 грамотъ вполне, между которыми, по старшинству и важности, замѣчательнѣе другихъ грамота великаго жупана Немани. Она же перепечатана безъ всякихъ переиънъ (кромѣ исправленной опечатки: тѣнгъ, вм. тѣнгъ,) въ другомъ сочиненіи Авраамовича, «Света Гора», вмѣстѣ съ отрывками изъ типика Св. Савы и исчисленіемъ грамотъ, хранящихся въ Хиландарскомъ монастырѣ¹². Въ «Голубицѣ»¹³ на 1839 годъ (часть I) напечатано 7 грамотъ, которыя вошли въ Споменникъ¹⁴. Въ Голубицѣ на 1840 годъ (часть II) напечатаны двѣ копіи, одна съ

¹ Описаніе древностей Сербскія у Светой (Аѳонской) Гори. У Београду, 1847.

² Schimek's politische Geschichte des Königreichs Bosnien und Rama. Wien, 1787.

³ Ч. IV, стр. 10. Engel, Geschichte von Serbien und Bosnien. Стр. 336.—Wien. Jahrb. der Lit. Anz. Bl. N 35.

⁴ Сербо-Далматинскій Магазинъ, 1844, у Задру; 1851, у Загребу. Изд. Николаевичемъ.

⁵ Исторія Церне-Горе. У Београду. 1835.

⁶ Сербскіи Споменници или старе рисовуль, дипломе, повель, и сношенія Босанскія, Сербскія, Херцеговачки, Далматинскія, и Дубровачки Крадѣва, Царева, Бавова, Деспота, Клевова, Войвода и Властелина. Собраны Павломъ Карано-Твртковичемъ. Часть первая. Въ Бѣлградѣ, 1840. См. стр. 77, N 62 и стр. 207, N 120.

⁷ Свеза II. У Београду, 1849.

⁸ Краткое введеніе въ исторію происхожденія Славеносербскаго народа, сочинено и изъ разныхъ авторовъ ютами изъяснено Павломъ Юлицемъ. 1765. Стр. 123.

⁹ Часть III, стр. 333.

¹⁰ Забавникъ за годъ 1821. Вѣна. N 4.

¹¹ Гласникъ, св. III, табл. VIII, N 88.

¹² Света Гора са стране вере, художества и повестнице. У Београду, 1848.

¹³ Голубица съ цветомъ княжества Сербскогъ. Изд. Григор. Вазаровичемъ. Въ Бѣлградѣ.

¹⁴ NN 1, 53, 54, 55, 56, 146, 180.

грамоты царя Душана, 1351 года, апрѣля 26, видиктъ 1; другая съ хрисовула султанши Мары, 1479 г., 15 Апрѣля, инд. 5. Тироль напечаталъ грамоту Стефана Уроша отъ 1357 года, 10 апрѣля¹, которая была перепечатана въ «Лѣтопись» 1838 года² и, наконецъ, вошла въ Споменики подъ № 46. Павелъ Юлиацъ напечаталъ въ своей книгѣ грамоту деспотицы Ангелины съ сыновьями, деспотами Юриемъ и Иваномъ, 1496 года, ноября 3³; она же вошла въ Споменики подъ № 178. У Миклошича, въ его изданіи одного Слова Іоанна Златоустаго, находимъ грамоту Милутина 1305—1307 года.⁴ Въ Гласникѣ⁵ помѣщены грамоты: Уроша V, 1358 г., іюня 2, царицы Мары, 1479 г., апрѣля 15, напечатанная прежде въ Голубицѣ, Іоанна Бранковича, 1499 г., іюля 23, и др. позднѣйшія. Іоакимъ Вуйчъ издалъ въ своемъ «Путешествіи»⁶ три грамоты: дарственную грамоту Стефана Первовѣчаннаго (1222—1228 г.), изсѣченную на стѣнѣ Жичанской церковной башни, князя Лазаря, 1380 г., и патріарха Спиридона, 1385 г., мая 16, инд. 2. Давыдовичъ въ «Сербскихъ Новинахъ»⁷ издалъ грамоту Дабыши, 1395 г., апрѣля 26. Магарашевичъ напечаталъ въ Лѣтопись⁸ Жичанскую грамоту, но, какъ и Вуйчъ, съ большими ошибками. Павелъ Соларичъ⁹ напечаталъ грамоту Дабыши, вошедшую потомъ въ Споменики подъ № 179. Милутиновичъ, въ своей Исторіи Черногоріи, напечаталъ грамоты: Ивана Черноевича, 1485 года, генваря 4, и 1482 года, и др. позднѣйшія. Въ Сербо-Далматинскомъ Магазиѣ напечатаны грамоты: Милешевская деспота Стефана Лазаревича, по видимому, не совсѣмъ точно, Уроша V, 1357 г., апрѣля 10, та самая, которая была напечатана въ Споменикахъ подъ № 46, султана Баязида, 1492 г., ноября 15, и др. поздн.¹⁰ Въ «Загребскомъ Архивѣ» изданы латинскими буквами двѣ Боснійскія грамоты королей Остои, 1400 г., декабря 8, и Томы, 1443 г., августа 22, (съ facsimile).¹¹ Шафарикъ въ своей книгѣ «Serbische Lesekörner»¹² предложилъ отрывки изъ грамотъ: Жичанской Стефана Первовѣчаннаго (по весьма точному списку), двухъ Стефана Душана отъ 1347 г. (по списку XVI вѣка) и 1348 г. (съ fac simile), изъ коихъ первая вполнѣ напечатана у Авраамо-

¹ Въ Вѣлградѣ подъ заглавіемъ: Проба штампана стары диплома Србски Царева, Краљѣва и Деспота, Босански Краљѣва и Ванова и Дубровачки Властелина.

² Лѣтопись, 1838, ч. II, стр. 40.

³ Краткое введ. въ Исторію и др., стр. 120.

⁴ S. J. Chrysostomi Nomilia in ramos palmarum. Ed. Miklosich. Windob. 1845. Фарлатъ въ Illyricum Sacrum t. VII, p. 57, сдѣлалъ переводъ этой грамоты съ Итальянскаго на Латинскій языкъ, но невѣрно отмѣтилъ 1310 годомъ. Миклошичъ критически назвначилъ ей время между 1305 и 1307 годами.

⁵ Свез. I. 1847, II, 1849, V, 1853.

⁶ Путешествіе по Сербіи. У Будиму. 1828. Стр. 71—76, 141—154.

⁷ Новине Сербске изъ града Виене. 1815, 3 Септ, N 195.

⁸ Лѣтопись 1828, ч. II, стр. 9—22.

⁹ См. Шафарика въ Wiener Jahrbücher 1831, 53. Anz. VI. N 38. — Рейца, Политическое устройство и права прибрежныхъ острововъ и городовъ Далмацин, въ сборникѣ Валуева, М. 1846. Стр. 125.—Zemljopis i poviestnica Bosne, od slavoljuba Bosnjaka. U Zagrebu, 1851. Стр. 110. Грамота издана Соларичемъ въ Венеціи 1815 г. подъ заглавіемъ: Objasnenije ko snimku diploma Stefana Dabisce.

¹⁰ За лѣто 1841 (IX година), у Задру. За лѣто 1851 (XVI год.), у Загребу.

¹¹ Arkiv za povjestnicu Jugoslavensku. Uredio Ivan Kukuljević Sakcinski. Knjiga II, razděl I. U Zagrebu, 1882.

¹² Serbische Lesekörner oder historisch-kritische Beleuchtung der Serbischen Mundart von P. I. Schaffarik. Pesth. 1833.

вича под № 11, Вука Бранковича, 1371 г., царя Лазаря, 1381 г., и Стефана Томашевича, 1458 г. (по списку половины XVI вѣка). В. С. Караджичъ, въ предисловіи къ своему Словарю¹, помѣстилъ другой небольшой отрывокъ изъ грамоты царя Лазаря, 1381 года. По списку же Вука, сдѣланному для графа Н. П. Румянцова, А. Х. Востоковъ, въ «Описаніи Румянцовскаго Музея» (№ LXXIX), напечаталъ начало двухъ грамотъ, Хиландарской Душана, 1348 г., и Раваницкой Лазаря, 1381 года. В. И. Григоровичъ въ своемъ «Путешествіи по Европейской Турціи»² представилъ образцы Сербскихъ грамотъ, но, къ сожалѣнію, перемѣшалъ ихъ съ Русскими языкомъ. Наконецъ, въ 1851 г. Шафарикъ, въ своихъ «Памятникахъ древней письменности южныхъ Славянъ»³, въ отдѣлѣ: *Okázky občanského písemnictví*, напечаталъ 17 Сербскихъ грамотъ, изъ коихъ только одна обнародована имъ въ первый разъ: это отрывокъ изъ неизвѣстной Дубровницкой грамоты (№ II). Прочія грамоты были уже извѣстны прежде: Жичанская (№ VII) изъ Лѣтописа, Вучева Путешествія и отрывка, помѣщеннаго Шафарикомъ въ *Serbische Leseköfner*; грамоты: Поповской Общины (№ I), Кулина (№ IV), Нинослава (№ VI), Андрея Хлумскаго (№ VIII), короля Радослава (№ IX), Дубровничанъ (№№ X, XIV, XV, XVI, XVII), Владислава (№№ XI, XII, XIII) и Радослава Хлумскаго (№ XVIII) напечатаны въ Споменикахъ подъ №№ 11, 1, 5, 4, 2, 3, 8, 12, 16, 19, 7, 6, 9, 20. Грамота Немани (№ V) два раза напечатана Авраамовичемъ (№ 1). И. И. Срезневскій, разбирая изданіе Шафарика въ «Извѣстіяхъ Императорской Академіи Наукъ»⁴, напечаталъ грамоту бана Кулина по подлиннику, хранящемуся въ библиотекѣ Академіи Наукъ⁵.

Вотъ все, что мнѣ извѣстно изъ грамотъ, гдѣ и когда либо напечатанныхъ⁶. Но прежде, чѣмъ пойду далѣе, считаю нужнымъ остановиться на самихъ изданіяхъ грамотъ и преимущественно на главнѣйшемъ, Споменикахъ. Не имѣя возможности сличить изданія съ подлинниками, я долженъ былъ вѣрить издателямъ, на сколько явленіе какой-либо странной формы не противорѣчитъ законамъ языка и на сколько оно возможно и объяснимо. Не знаю, кому приписать совершенно невозможныя формы, или, лучше сказать, ошибки, противныя здравому смыслу, — подлиннику ли, переписчику ли, или же, наконецъ, справщику; а таковыхъ ошибокъ довольно въ Споменикахъ, какъ и въ другихъ изданіяхъ. Въ послѣдствіи мы увидимъ, что нѣкоторыя изъ нихъ приходятся на долю подлинниковъ. Что касается до формъ, хотя весьма сомнительныхъ, однако, сколько-нибудь объяснимыхъ, то на таковыхъ я не могъ основывать ни какихъ выводовъ, но мѣстами указываю на нихъ, какъ на явленія, стоящія особнякомъ. Исторія языка требуетъ самыхъ вѣрныхъ изданій, которыя бы равнялись подлиннику; она отмечаетъ все то,

¹ Српски Рјечник. У Бечу, 1818. Стр. IV.

² Очеркъ ученаго путешествія по Европейской Турціи. Ученныя записки, издаваемыя Императорскимъ Казанскимъ Университетомъ. 1848. Кн. III.

³ *Památky dřevního písemství Jihoslovánův. V Praze, 1851.*

⁴ Извѣстія Императорской Академіи Наукъ по отдѣленію Русскаго языка и словесности. СПБ. 1852. Т. I, л. 22.

⁵ Въ одномъ печатномъ отзывѣ объ упомянутомъ изданіи Шафарика гр-ы NN V и VII отнесены къ изданнымъ въ первый разъ: до Шафарика онѣ были уже дважды напечатаны, первая Авраамовичемъ въ 1841 г. (Опис. Древн. Србски) и въ 1848 г. (Света Гора), а вторая Магарашевичемъ и Вучемъ.

⁶ При трудности собиранія всѣхъ источниковъ, я легко могъ не знать объ одной—двухъ изданныхъ грамотахъ; но на это отвѣчаю Чешской пословицей: «Одна ласточка еще не прилоситъ весны.» Забѣчу еще, что сдѣсь я исчислялъ только тѣ грамоты, которыя не моложе XV-го вѣка.

подписи пропущенъ конецъ, дополненный Рачичемъ, именно, послѣ Арханасомъ должно слѣдовать: *и Дисіи, рекше западныхъ страны*. Въ гр-ѣ Ангелины, напечатанной у Юлианаца, поставлено всюду и тамъ, гдѣ въ Споменикахъ стоитъ и или а; ѣ часто тамъ, гдѣ въ Спом. ъ; полугласныя замѣнены гласными, напр. Ю. спаснѣа, С. списанѣа; Ю. схмѣдыи, С. смѣды и пр. Вотъ еще для сличенія мѣсто изъ гр-ы Душана, напечатанной у Авраамовича, вѣроятно, по подлиннику, и у Шафарика, по списку XVI-го ст.: Авр. оѣмолахъ стѣ съборъ аио да се потроудѣ и да понижоу мѣги (межи) и прѣдѣа мѣстоу томоуи. и да съѣдине съ сноринисномъ и зигъскомъ мѣгомъ (со Скорпійскою и Зигскою межею). ѣи и сътворѣи и пондои съ црѣковни до кѣио рѣчицѣхъ мѣстѣ. и съ ѣскѣи соудомъ и зикомомъ црѣкѣи иуиандои мѣги и снорѣ. Шаф. Оѣмолахъ стѣ съборъ, аио да се потроудѣ, и да понижоу мѣги и прѣдѣа мѣстоу томоуи, и да съѣдине съ сноринисномъ и зигъскомъ мѣгомъ. ѣи и сътворѣи, и пондои съ царствои до кѣио рѣчицѣхъ мѣстѣ, и съ ѣскѣи соудомъ и зикомомъ царскимъ иуиандои мѣги и снорѣ. Въ заключеніе приведу отрывокъ Жичанской грамоты по тремъ изданіямъ. У Вучича: и сіе Жиче (округи) что предложомъ црѣки сѣса нашего съ симъ да не имѣю прѣдѣкорѣкѣи области, а што доходи ѣ Попокъ или ѣ Владхизмѣлскѣи люди, что ѣ Попокскѣи Биръ (дань), что се ѣзмили на людѣхъ, да се та всѣ ѣ змили сѣи црѣки, а иицѣи Пископѣи, не се дошла Жиче, да ѣзмиа Протопопа Дворскѣи полковнѣи Бирѣ Попокскѣи, а иири црѣковниа по томъ да ѣ тога иѣзмилиа Протопопа тѣсти, по всѣ то Пискиѣ да ѣзмилиа асе до Жиче Елшаница, Низка, ѣ Банера ѣ иирицѣи оѣлазмилиа Протопопа. У Магарашевича: и симъ жиче что приложомъ црѣки сѣса нашего. съ симъ да не имѣю прѣдѣкорѣкѣи дворскѣи иирицѣи области. а что доходи ѣ иирицѣи, или ѣ влахъ или змѣлскѣи люди. что попокскѣи биръ что се ѣзмилиа на людѣхъ да се та всѣ ѣ змилиа сѣи црѣки. а иицѣи епископѣи не се дошла жиче. да ѣзмиа прѣдѣкорѣкѣи полковнѣи бирѣ дворскѣи. а иири црѣковниа попомъ да ѣ тога не ѣзмилиа прѣдѣкорѣкѣи тѣсти. не всѣ то пискиѣ да ѣзмилиа а симъ: д: жиче. илшаница. низка. банера. ѣ страцѣи влазмилиа прѣдѣкорѣкѣи. У Шафарика: и симъ жиче, что приложомъ црѣки сѣса нашего, съ симъ да не имѣю прѣдѣкорѣкѣи дворскѣи иирицѣи области. а что доходи ѣтѣ иирицѣи или ѣтѣ влахъ или змѣлскѣи люди, что ѣ попокскѣи биръ, что се ѣзмилиа на людѣхъ, да се та всѣ ѣзмилиа сѣи црѣки. а иицѣи пископѣи не се дошла жиче, да ѣзмилиа прѣдѣкорѣкѣи полковнѣи бирѣ попковскѣи, а иири и црѣковниа попомъ, да ѣтѣ тога не ѣзмилиа прѣдѣкорѣкѣи тѣсти, не всѣ то пископѣи да ѣзмилиа а симъ. д: жиче: илшаница, ниоуца, банера, ѣтѣ иирицѣи не ѣзмилиа прѣдѣкорѣкѣи. Благодаря Споменикамъ, содержащимъ въ себѣ грамоты, напечатанныя въ Голубицѣ 1839 года, у Соларича, Юлианаца, Тироля и въ Лѣтописѣ, Гласнику, вмѣстѣ съ грамотою султанши Мары, и Шафарика, обнаруживавшему Жичанскую грамоту, мы, изъ всѣхъ доступныхъ намъ грамотъ, не можемъ, въ исторіи языка, пользоваться только грамотою Душана во II-й ч. Голубицы, деспота Стефана въ Сербо-Далматинскомъ Магазиѣ на 1844 годъ, да двумя грамотами у Вучича, по причинѣ невѣрности ихъ изданія. Грамота же Дабыши остается, на этотъ разъ, вовсе недоступною намъ, за неимѣніемъ № Сербскихъ Новинъ. Сдѣсь кстати замѣчу, что въ наше время переписчику уже никакъ не слѣдуетъ подвергать языкъ подлинника своей исправкѣ; ибо чрезъ это въ филологическомъ отношеніи памятникъ теряетъ вовсе свою цѣну, становясь плохою копіею, вмѣсто того, чтобы быть полнозамѣною подлинника. Что понятно и естественно въ писателяхъ древнихъ, то непонятно и осудительно въ писателяхъ новыхъ.

То же должно сказать и о переводахъ. Безъ сомнѣнія, самый трудный для пе-

ревода есть историческій памятникъ: сдѣсь мало одного словаря; сдѣсь потребно знаніе политической и домашней исторіи народа и современнаго памятнику значенія словъ. Изъ Сербскихъ грамотъ только одна, сколько мнѣ извѣстно, переведена на Рускій языкъ: это договоръ Дубровника съ Михаиломъ Асѣномъ (Ш. № XVI, С. № 16). Переводъ сдѣланъ Априловымъ¹. Въ подлинникѣ есть много мѣстъ трудныхъ для уразумѣнія; есть и очевидныя погрѣшности стариннаго писца. То и другое затрудняло переводчика и, по видимому, заставляло его не столько переводить, сколько рассказывать своими словами содержаніе памятника. На нѣкоторыя явныя ошибки перевода считаю долгомъ указать. Априловъ переводитъ: «Я Марсиль Георгіевъ повелѣваемъ славнаго Дожа Венеційскаго князь города Дубровника, *совокупно съ великими и малыми судьями и советниками общины города нашего Дубровника, вѣрные пріатели Твоего святаго царскаго Величества съ давнихъ временъ желаемъ, милостію Божіею, святаго Божія Евангелія, пресвятой Дѣвы матери его, честнаго чудотворнаго креста, святыхъ Апостоловъ Петра и Павла, четырехъ блаженныхъ Евангелистовъ, Марка, Матѳея, Луки и Іоанна, святаго мученика Господня Власа, Лаврентія, Петра и Андрея, нашихъ святителей и всѣхъ святыхъ имѣть пріязнь къ Твоему царскому Величеству. Угодивъ (!!) Господу Богу, кланяемъ (!!) и общаемъ Твоему святому царскому Величеству быть врагами невѣрному королю Урошу его братьямъ, его роду, и всѣмъ жителямъ Державы его и всѣмъ имѣющимъ во владѣніяхъ его *нѣкоторую власть*, и покуда они пребудутъ непріязненными и невѣрными Твоему святому царскому Величеству и намъ, считать ихъ непріятелями и врагами города нашего Дубровника.» А вотъ дословный переводъ того же мѣста: «Я, Марсиль Георгій, повелѣваемъ славнаго Дожа Венеційскаго, князь города Дубровника, и всѣ судьи, и вѣчники, и вся Община преславнаго города нашего Дубровника, малые и великіе, вѣрные друзья Твоего святаго Царства, издавна желающіе пользоваться любовію Твоего Царства,—Богомъ и св. Евангелиемъ Божіимъ и св. Дѣвою Маріею, Матеріею Его, и Честнымъ Животворящимъ Крестомъ и святыми Апостолами, Петромъ и Павломъ, и блаженными четырьмя Евангелистами, Маркомъ, Матѳеємъ, Лукою и Іоанномъ, и св. мучениками, Господиномъ Власіемъ, Лаврентіемъ, Петромъ и Андреемъ, нашими святителями, и всѣми святыми, угодившими Господу Богу, кланяемъ и общаемъ Твоему Великому святому Царству быть противъ зла творенья, невѣрнаго короля Уроша, и противъ братіи его, и рода его и противъ всѣхъ, живущихъ въ землѣ его и тѣхъ, кои въ земляхъ ихъ (Уроша и родичей его) завѣдываютъ какою-либо властію. Если они будутъ измѣнниками и врагами Твоему святому Царству, то и нашему городу Дубровнику будутъ также измѣнниками и врагами....» Въ описаніи границъ Дубровницкихъ владѣній переводъ Априлова грѣшитъ вопіющимъ образомъ, особенно въ именахъ собственныхъ. Вотъ онъ: «Земли, селенія и владѣнія со стороны твердой земли и *нынѣ владѣнія, смежныя съ другими селами и владѣніями, желающіе (!!)* Божіею помощію вступить въ подданство къ Твоему Величеству, мы при семъ означаемъ. Земли, села и владѣнія *предковъ нашихъ* начинаются съ церкви Святаго Георгія къ старому городу Епидавру до церкви Св. Петра, а съ церкви Св. Петра до церкви Св. Гипократа (!!), а съ церкви Св. Гипократа *по дорогѣ* до Бѣлома внизъ мѣльницъ, а съ мѣльницъ *по дорогѣ* къ верху, *идучи* къ Жерновицѣ до *самаго Влащица*, а съ Влащица вверхъ *дороги* къ *Шумету* до самой *Оки* (!!). *Бережемъ же рѣки Оки* (!!) къ верху простирается наше достояніе до *высшей Корилы*, а отъелъ по дорогѣ*

¹ Болгарскія Грамоты, собранныя, переведенныя на Русскій языкъ и объясненныя Василіемъ Априловымъ. Одесса, 1845.

верхъ *Затова*, *Полицы* и *Орашицы* до самой церкви Святой *Феклы*. Все показанное выше пространство земли, находящееся между сказанными мѣстами, съ селеніями и округами, начиная съ горы до самаго берега моря, принадлежать намъ по наследству нашихъ предковъ.» Подлинный переводъ таковъ: «означимъ земли, села и поземельныя владѣнія на сушѣ, съ нашей стороны, равно какъ владѣнія тѣхъ земель и тѣхъ селъ и округовъ, которые вскорѣ, при помощи Господа Бога, будутъ преданы твоему Величеству (т. е., означаются, съ одной стороны, владѣнія *Дубровника* на сушѣ, а съ другой владѣнія *Уроша*, долженствующія въ скоромъ времени поступить во власть *Михаила Асѣна*). А означенная наша дѣдина, земли, села и управленія, начинаются отъ церкви святаго *Георгія* къ старому граду *Бидавару* и идутъ до церкви св. *Петра*, а отъ церкви св. *Петра* идутъ до церкви св. *Панкратія*, а отъ церкви св. *Панкратія*, какъ владѣтся изстари, къ *Бѣлома* и спускаются къ *Мѣльницамъ*, а отъ *Мѣльницъ*, какъ владѣемъ изстари, (пограничными землями суть тѣ), кон идутъ на *Жерновницу* вплоть до *Влаштицы*, а отъ *Влаштицы*, какъ было встарину, суть тѣ, кон лежатъ на *Шуметь* и простираются до *Ока*, а съ той стороны *Ока*, какъ ведется изстари, (пограничными землями суть тѣ), кон находятся выше *Рѣки* и стягиваются до старинныхъ (земель), лежащихъ выше *Корила*; а отъ *Корила*, по древнему, суть тѣ, кон лежатъ на *Затонъ*, *Полицу* и *Орашецъ*, и стягиваются къ церкви *Св. Феклы*. И всѣ межн означенныхъ земель, и селъ, и округовъ, и вышеописанныхъ возвышенностей спускаются къ морю, и всѣ принадлежатъ нашей дѣдинѣ...» Навваніе особыхъ чиновниковъ: *съ вѣки* (вѣча) *змолаши*, то же, что *pregati*, неправильно передано словомъ *повѣренныя вѣча*; равно какъ *прѣци овкишаски* и *прѣци градци* то же, что *avvocati*, ошибочно названы *первенствующими общинами* и *первенствующими городами*. Неужели сходство между *прѣци* и *прѣци* надоумило къ тому переводчика? Нельзя не пожалѣть также о прислахъ, не разъ встрѣчающихся въ ученыхъ сочиненіяхъ, коихъ авторы, не имѣя главнѣйшею цѣлью изданіе какого-либо древняго подлиннаго документа, при печатаніи такового, позволяютъ себѣ дѣлать въ немъ пропуски по своему усмотрѣнію, а иное выражать своими словами, выкидывать, или измѣнять буквы и т. п. Въ наше просвѣщенное время всякій памятникъ, тѣмъ болѣе старинный, долженъ быть издаваемъ такъ, какъ онъ есть, съ безукоризненною точностію, для того, чтобы имъ могъ пользоваться всякій, кто даже не имѣетъ возможности изучать его въ подлинникѣ. *Г. Григоровичъ*, посѣщая *Аеонскіе монастыри*, знаменитые не своими древнехранилищами, а хранящимися въ нихъ древностями, читалъ многія *Сербскія грамоты*, дѣлалъ изъ нихъ выписки, а нѣкоторыя а вполне списалъ; но съ сожалѣніемъ должно сказать, что отрывки, сообщенныя имъ въ его *Путешествіи*, мы не можемъ пользоваться при изученіи языка, ибо въ нихъ слова подлинника перемѣшаны съ выраженіями самого издателя; напечатаны гражданскими буквами, между которыми кое-гдѣ проглядываютъ *Ц.-Славянскія* буквы и сочетанія, въ родѣ, *1-а* и *1-е*, и титлы. По этому мы не сличаемъ его грамотъ съ тѣми, которыя изданы *Авраамовичемъ*. Довольно указать на одну грамоту *Стефана Немани*, изданную весьма точно два раза *Авраамовичемъ* и одинъ разъ *Шафарикомъ*, и переданную *Григоровичемъ* со множествомъ разнословій противъ трехъ другихъ изданій; но стоитъ лишь прочесть двѣ, или три строки, чтобы убѣдиться, что грѣшатъ не первые двое, а послѣдній.

Сличеніе однихъ и тѣхъ же грамотъ, изданныхъ *Шафарикомъ* и въ *Споменикахъ*, приведетъ насъ къ довольно любопытнымъ замѣткамъ. При первомъ взглядѣ на изданіе *Шафарика*, мы уже видимъ, что посторонняя рука коснулась

подлинника: древнѣйшіе знаки препинанія опущены; двоеточіе и точка замѣнены новыми запятою и точкою, которыя, разумѣется, стали на другія мѣста, уже опредѣленные для нихъ издателемъ по новѣйшимъ правиламъ правописанія. Титлы опущены, на пр., надъ числовыми буквами, или, вмѣстѣ съ словотитлами (разумѣю всякую букву подъ титломъ) переведены въ строку. То и другое уже нарушаетъ подлинный видъ письма, даетъ памятнику несвоевременный образъ, даже посягаетъ на самый языкъ. Величайшее затрудненіе при переводѣ титлъ въ строку представляютъ полугласныя. Мы знаемъ, что древній Сербскій книжный языкъ, вопреки Церковнославянскому вліянію, всюду ставилъ одно ѣ вмѣсто ѣ и ѣ: тѣмъ не менѣ послѣдняя буква удержалась кое-гдѣ въ Сербскихъ памятникахъ, преимущественно такихъ, кои наиболѣе подвержены были Ц.-Славянскому вліянію. Послѣ этого, можно ли положительно ручаться, что писецъ, скрадывая отъ читающаго, чрезъ сокращеніе, явный способъ произношенія, самъ непремѣнно произносилъ слово съ мягкимъ ѣ, а не твердымъ ѣ? Съ другой стороны, извѣстно, что чѣмъ древнѣе памятникъ, тѣмъ чаще употребляется въ немъ ѣ для смягченія согласныхъ звуковъ, но что уже въ самыхъ древнѣйшихъ памятникахъ показывается мѣстами отсутствіе б-ы ѣ: издатель рѣшительно въ недоумѣніи, какъ перевести титловую букву, обыкновенно для краткости словотитлы лишеную б-ы ѣ, — съ б-ю ли ѣ, или безъ б-ы ѣ? Большинство случаевъ ни сколько не служитъ здѣсь оправданіемъ, ибо въ дѣлѣ книжнаго языка оно нигдѣ никогда не пользуется правомъ исключительнаго господства: сначала являются рѣдкія исключенія, потомъ число ихъ увеличивается, и наконецъ сами они становятся большинствомъ; на этихъ-то видоизмѣненіяхъ и основывается вся исторія движенія или развитія языка. Одинаковымъ образомъ переводить титлы въ грамотахъ различныхъ вѣковъ значить налагать однообразную личину на подлинный видъ памятниковъ. Въ третьихъ, извѣстно, что переходъ полугласнаго ѣ въ полную гласную есть одинъ изъ главнѣйшихъ признаковъ историческаго хода книжнаго Сербскаго языка; но словотитлы, не говоря уже о полномъ сокращеніи подъ титлою, бывають лишены какъ ѣ, такъ и замѣняющей его полной гласной: издатель не можетъ достовѣрно рѣшить, какъ произносилось слово, написанное подъ титлою, или словотитлою, — съ б-ю ли ѣ, т. е., съ полугласнымъ отзвукомъ, или уже съ полною гласною, и притомъ какою? Въ четвертыхъ, случается иногда, что писцы ставятъ титлы, по пристрастію къ нимъ, надъ полными формами, слѣдовательно, тамъ, гдѣ онѣ не нужны: издатель, не признающій и не допускающій титлъ, какого бы рода онѣ ни были, легко опускаетъ таковыя случайныя титла, не подвергая формы слова никакой перемѣнѣ; но если писецъ, на основаніи современныхъ ему правописныхъ соображеній, принималъ форму безъ смягчающаго, или звукоотбивающаго ѣ за полную, и только по избытку ставилъ надъ нею титлу, то издатель впадаетъ въ ошибку противъ своевременности памятника, когда, побужденный титлою, вставляетъ въ эту форму ѣ и, такимъ образомъ, дѣлаетъ ее старше своего времени. Наконецъ, въ пятыхъ, есть слова подъ титлою, которыхъ настоящая форма можетъ быть двояка: такъ црѣство, или позднѣйшее црѣство, можетъ быть произнесимо и царство и цесарство: переводящій титлу недоумѣваетъ, и вѣчно будетъ недоумѣвать, въ какомъ случаѣ поставить первую, полную, форму, и въ какомъ случаѣ вторую? Этѣ предварительныя замѣтки послужатъ намъ объясненіемъ большей части разночтеній, встрѣчающихся между изданіемъ Шафарика и Споменниками. Кстати замѣчу еще, что Шафарикъ, въ изданіи своемъ, отвергая подлинныя знаки препинанія и титлы, и, по этому случаю, снимая титлы съ самыхъ числовыхъ буквъ, что вообще противорѣчитъ правописному обы-

чаю Кириллицы, не смотря на то, все же таки принужденъ былъ удержатъ древнѣйшій знакъ отдѣла между словомъ и числомъ, точку, для избѣжанія совершеннаго слитія числовыхъ буквъ съ обыкновенными, и происходящей отъ того сбивчивости чтенія; сдѣсь онъ самъ поступилъ противъ своего правила. Впрочемъ, я не виню прямо Шафарика. Кто знаетъ, какъ иногда трудно, и даже невозможно бываетъ при изданіи памятниковъ пользоваться самими подлинниками этихъ памятниковъ, и кто знаетъ, что Шафарикъ печаталъ грамоты по списку, заранѣе приготовленному для него другимъ, тотъ пойметъ, что, при малѣйшемъ подозрѣніи въ неточности списка, издатель не могъ уже безгранично полагаться на него и, подозрѣвая, или дѣйствительно замѣчая въ немъ какія-либо погрѣшности противъ сохраненія титлъ и знаковъ препинанія, имѣлъ право однажды навсегда сгладить эту тончайшую и, по причинѣ своей мнимои маловажности, болѣе доступную ошибкамъ переписчиковъ особенность Кириловскаго письма. Мы имѣемъ основаніе догадываться, что списокъ грамотъ, которымъ пользовался Шафарикъ, не всюду былъ вѣренъ своему подлиннику: насъ убѣждаетъ въ этомъ сличеніе Шафарикова изданія съ Споменниками, къ которому сейчасъ и приступимъ. Самое молчаніе издателя о разночтеніяхъ его списка со спискомъ Споменниковъ свидѣтельствуетъ, что издатель не имѣлъ возможности повѣрить свой списокъ съ самими подлинниками, и долженъ былъ молча отдать его на судъ читающему міру. Если же къ уничтоженію титлъ, значковъ и древнихъ знаковъ препинанія издатель побужденъ былъ лишь желаніемъ придать своему изданію типографскую красоту, какъ самъ онъ на это ссылается въ предисловіи, то, признаемся, такую причину въ ученое изданіе мы менѣе всего допускаемъ: если уже нельзя помирить вѣрности подлиннику съ красотою изданія, то, ни сколько не колеблясь, можно второю пожертвовать въ пользу первой. Впрочемъ, и на самую красоту изданія можно смотрѣть двойко, и мы сомнѣваемся, чтобы къ старинному Ц.-Славянскому письму можно было удачно примѣнить новѣйшія понятія о красотѣ новыхъ гражданскихъ шрифтовъ. А самыя буквы? Отъ чего Шафарикъ всюду ставитъ оу вмѣсто ѡ? Отъ чего у него всегда въ началѣ словъ систематически стоитъ ѡ вм. ѡ, въ пользу котораго во всѣхъ памятникахъ есть многочисленныя исключенія? Отъ чего у него нѣтъ вовсе ѡ, а вмѣсто него всюду ѡ, которое есть то же, что мягкое ѡ? Чѣмъ оу, ѡ, ѡ красивѣе ѡ, ѡ, ѡ? А между тѣмъ чрезъ таковыя перемены подлинный видъ памятника страдаетъ. И такъ, однажды навсегда, запомнимъ, что ѡ Споменниковъ постоянно замѣняется у Шафарика начертаніемъ оу: по видимому, издатель не допускаетъ перваго начертанія, хотя оно есть сокращеніе древнѣйшаго оу, и потому имѣетъ свое историческое значеніе. На титловыхъ ѡ, ѡ, ѡ, ѡ не станемъ нигдѣ останавливаться, ибо они у Шафарика всегда переводятся въ ѡдъ, ѡтъ. Встрѣчающіяся въ грамотахъ формы ѡѡ (С. NN^о 1, 3, 4, 12, 19), ѡѡ (С. N^о 7), ѡѡ (С. N^о 3), ѡѡ (С. NN^о 2, 4) переведены у Шафарика въ ѡтъѡдъ, ѡтъѡдъ и однажды въ ѡтъѡдъ (N^о X), но почему въ одномъ случаѣ съ ѡ, а въ другомъ безъ ѡ? Формы безъ титлы: ѡѡдъ, ѡѡдъ (С. NN^о 5, 8, 20) изображены то въ видѣ ѡтъѡдъ (N^о XVIII), то въ видѣ ѡ(тъѡ)дъ (N^о VI), ѡ(тъѡ)дъ (N^о XIV), но почему однажды ѡтъѡдъ безъ ѡ, и почему всюду съ т? А мы знаемъ, что Сербы любятъ опускать д и т предъ ч: повтому писецъ, можетъ быть, и считалъ сдѣсь титлу лишнею. Отъ того и форму ѡѡѡѡѡѡ (С. N^о 7) нельзя передѣлать въ ѡѡѡѡѡѡѡѡ (N^о XI). Какъ сокращенную сѡѡ, сѡѡ, сѡѡ перевести въ полную? У Шафарика она всюду дополняется б-ю ѡ: сѡѡѡ сѡѡѡ и только однажды б-ю ѡ: сѡѡѡ (N^о XVIII), между тѣмъ какъ послѣдняя форма была бы гораздо умѣстнѣе и для всѣхъ прочихъ грамотъ; ибо Сербское правописаніе, по самому свой-

ми, С. сѣмѣми, гдѣ, очевидно, я прочтено за ѡ. Ш. шетьмѣдесеть, С. шетьмѣдесети. Ш. помагати, С. помогають. У Ш. пропущено до въ выраженіи идоуть цркви свѣтого поврата. Ш. дори, С. дери. Ш. брахъ рѣкоу, С. брахъ рѣки. Ш. сѣтегьпоуться, С. сѣтѣгьшеться. Ш. штеде, С. штедѣ. Ш. ѡионоузи законь, С. ѡионози законь: послѣднее вѣроятно. Ш. доуероукии, С. доуероукии. Ш. людьмь, С. лудьмь. Ш. скетити цркви, вѣроятно, опечатка ви. скитатѣ цркви, какъ въ С. Ш. нискоушпы—ошибка ви. нисъшы, какъ въ С. Ш. бисетьскога, С. бисетъскога. Ш. да нмамо, С. да ѡмо. Ш. ѡпкинѣ, С. и ѡпкинѣ. Ш. потерьдены, С. потерьдены. Ш. оумоленѣ, С. умоленѣ. Ш. теодра боу дауни, С. теодора будауни. Ш. амьдрѣ колыбенки, С. амьдрѣ вальскии. Ш. жоуна богданниа, С. жена богдановиши. Ш. ни дръже, С. ни дръже, гдѣ по ошибкѣ и принято за и. Ш. уиниы. С. уиы, почему не уиньы или уинень? Ш. поборни, С. поборни. У Ш. послѣ амьдрѣ гонслаени прибавленъ жоуны боласлаени, котораго нѣтъ въ С. Ш. шокрашии, С. шокраши. Ш. дьоброукога, С. дьоброукога. Ш. дьоброукии, С. дьоброу. № XVII Ш.—№ 19 С. Ш. стрѣи васѣ, С. стрѣи васѣ—разночтеніе важное для исторіи полугласнаго ѡ. Ш. о тѣлѣ ихъ и добитыи ихъ, С. отсѣ ихъ и добитыи ихъ—дурно прочтено. Ш. ѡткорень, С. ѡкорень, можетъ быть, вмѣсто ѡткорень. Ш. ере боудѣ, С. ере коудѣ—дурно прочтено. Ш. мегоу, С. мѣу—разнословіе важное для исторіи б-ы ѡ. Ш. да сѣ не роуши, С. да сѣ не рѣши. У Ш. послѣ уинити пропущено сплюще катки, какъ въ С. Ш. цроу, С. црѣз, гдѣ буквы переставлены. У Ш. лишняя подпись: тоудра боугауни. Отсюда виднѣтъ, что списокъ съ этой грамоты для Споениковъ сдѣланъ не такъ отчетливо, какъ для Шафарика. Напротивъ, слѣдующая грамота № XVIII Ш.—№ 20 С. напечатана гораздо вѣрнѣе въ Споеникахъ, чѣмъ у Шафарика. Въ списокѣ послѣдняго есть много мѣстъ противныхъ смыслу, напр., ильшомѣ соудьщѣмъ и вьсѣ опькии доуероукии съ моиоу доуероу кѣтени ви. судити и вьсѣи ѡпкинѣ доуероукоуи: смонь добрии кѣтени; прокоу мою силоу съ моиу доудѣ ви. протика мои силѣ: и смонни лудьми; шгои лудьми ви. шгои лудьми; а к съ моиу люди, кон нмаи и съ кон нмаи шити, боудоу держани оу катъкоу и оу мирѣ съ великомъ господномъ михономъ царѣ боульгарьскимъ и съ своимъ лудьми, како стон шании градѣ доуероукии, дошѣи и царѣ стон оу катъкоу и оу мирѣ съ градѣ доуероукии ви. а з смонни лѣми, кои шмаи: или зунѣ шити: бѣдѣ дръжанѣ з катѣи и з мирѣ: съ великимъ гѣомъ михиломъ царѣмъ бульгарьскомъ: и съ шгои лѣми: доколат зунѣ: стотѣи съ нимъ градѣ дьоброукии: доколат: цѣрѣ стон з-катѣи и з мирѣ: з градѣ дьоброукии. Измѣнены нѣкоторые падежи и буквы (и ви. я, с ви. ѡ), опущены подписи: погдаи радѣши, деснири урѣтнокни, гедѣи шрании, шрадѣи шоброукии, и вообще заиѣтно участіе переписчика, желавшаго согласовать и измѣнять слова по своему. Мы нарочно долго останавливались на сличеніи однихъ и тѣхъ же грамотъ, напечатанныхъ въ Споеникахъ и у Шафарика, чтобы показать, какъ осторожно издатели должны пользоваться изготовленными для нихъ списками. Оба изданія сдѣланы, безъ сомнѣнія, по спискамъ, снятымъ съ одного и того же подлинника, и оба заслуживаютъ, по качеству своему, полного довѣрія изслѣдователей, не равняясь въ этомъ отношеніи съ второстепенными изданіями, сдѣланными, на пр., въ Голубицѣ, Вушчѣ, Юлищѣ и др.; а между тѣмъ и въ нихъ есть разночтенія, которыя мѣстами весьма важны. Политическая исторія не затруднится этими разночтеніями, лишь бы смыслъ оставался въ сохранности; но исторія языка должна сдѣлать выборъ между тѣмъ и другимъ изданіемъ: ея дѣло смотрѣть, какое изданіе вѣрнѣе подлиннику. Если позволено судить объ изданіяхъ по взаимному ихъ сличенію и тщательности, съ каковою они сдѣланы, то, въ видахъ исторіи языка, мы

не затруднился отдать преимущество Споменникамъ, на слѣдующихъ основаніяхъ. Въ Споменникахъ не замѣтно сглаживающей и обобщающей руки: въ нихъ соблюдены титлы и различіе между начертаніями оу и ѳ и ѳ и е. Видно, что переписчикъ обращалъ на все это вниманіе. Въдѣ близко же сходятся между собою оба изданія относительно употребленія начертаній ѳ и ѳ въ среднихъ словъ: значить, сдѣсь оба переписчика, безъ всякаго взаимнаго соглашенія, были столь внимательны къ подлиннику, что рѣшились соблюдать въ точности различіе въ обоихъ начертаніяхъ. Въ такомъ случаѣ изданіе Шафарика подкрѣпляетъ собою изданіе Споменниковъ. Но относительно оу и ѳ и титлъ Шафариковъ переписчикъ измѣнилъ своей точности, между тѣмъ какъ переписчикъ, трудившійся для Споменниковъ, остался вѣрнѣ подлиннику: соблюденіе втѣхъ мелочей ручается за тщательность и добросовѣстность переписчика и поселаетъ въ нему довѣріе со стороны изслѣдователя. При слѣженіи можно было также замѣтить, что Шафарикъ считая свое е твердымъ, всюду ставитъ его вм. настоящаго твердаго ѳ, даже тамъ, гдѣ въ Споменникахъ стоитъ мягкое е. Но вопросъ о томъ и другомъ начертаніи весьма труденъ: рукописи мало отличаютъ ихъ, или даже вовсе не соблюдаютъ различія между ними; къ тому же древній почеркъ часто давалъ б-ѳ е такой видъ, что можно было легко принять ее за б-у е. По этому переписчикамъ и издателямъ предстоялъ большой трудъ въ распознаваніи обоихъ начертаній. Можно даже полагать, что въ Споменникахъ, въ сличаемыхъ грамотахъ, смѣлый и кругловатый почеркъ для е заставлялъ иногда это е принимать за е, но нѣтъ сомнѣнія, что это послѣднее начертаніе имѣло мѣсто и огромное употребленіе въ другихъ, и именно, позднѣйшихъ, грамотахъ, гдѣ оно служило замѣною для ѳ. Нѣкоторые описки и недомолвки, встрѣчающіяся въ обоихъ изданіяхъ на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, свидѣтельствуютъ, что переписчики вѣрно держались подлинника и соблюдали даже его погрѣшности. Такъ, на пр., въ № XIV Ш. = № 8 С. за сию обговоряи, гдѣ писецъ подлинника опискою поставилъ ю вм. ѳ; въ № I Ш. = № 11 С. оиниѣ вм. опиниѣ, и особенно въ № XVI Ш. и № 16 С., подлинникъ коего небрежно составленъ или списанъ для двойника, а списки сдѣланы вѣрно для обоихъ изданій. Все это свидѣтельствуетъ, что Споменники не уступаютъ въ точности изданію Шафарика, и если вспомнимъ, что легче переписчику ошибиться въ пользу нынѣшнихъ знаковъ препинанія, нынѣшнихъ безтитловыхъ формъ, нынѣшняго чтенія, на пр., змилю вм. змиѣ, люди вм. лѣды, крѣстителѣ, кралою вм. крѣстителѣ, кралаѣ и т. п., чѣмъ впасть въ старину, то мы должны будемъ признать за Споменниками право первенства и ими руководствоваться въ филологическихъ изслѣдованіяхъ, приводя, гдѣ нужно, замѣчательныя разночтенія по изданію Шафарика. Есть еще одна грамота у Шафарика, напечатанная до него дважды Авраамовичемъ: это № V Ш. = № 1 А. Въ ней, также какъ и въ другихъ, титлы переведены въ строку и древніе знаки препинанія замѣнены новыми; з измѣнено въ оу. Изъ разночтеній замѣчательны: Ш. дарока машимъ дядомъ, А. дарока машимъ прадыдомъ. и машимъ дядомъ. Ш. съ льпашимъ, А. съ льпашимъ. Ш. ѳзъмѣтѣ, А. ѳзъмѣтѣ, Ш. съпѣтѣснѣтѣ ского, А. и лѣснѣтѣ ского, кажется, послѣднее чтеніе вѣрнѣе, ибо безъ ѳ трудно обойтись. Ш. по изколѣнню, А. по изколѣнню. Ш. оу мѣлѣтѣ, А. оу мѣлѣтѣ, что весьма важно для исторіи б-ы и въ Сербской письменности. Ш. тоуѣгѣ—вѣрнѣе тѣгѣ, какъ и у Авр. въ другомъ изданіи (Света Гора), ибо сдѣсь и есть усиливающая частица весьма обыкновенная въ древней Сербской грамотности. Ш. соудѣство—вѣрнѣе, чѣмъ А. сѣдѣство, что, безъ сомнѣнія, есть опечатка. Ш. доуѣгѣ, А. дѣуѣгѣ—весьма важное различіе въ отношеніи исторіи б-ы ѳ, столь обык-

новенной въ позднѣйшихъ памятникахъ. Ш. мод. А. мод. Ш. прѣтвори да, А. прѣтворф. Ш. пугать стѣфана великаго, А. пугат великаго. О переводѣ титлъ не мѣшаетъ замѣтить, что въ этомъ случаѣ нѣкоторыя формы не могутъ быть названы непремѣнно таковыми, каковыми воображалъ ихъ себѣ писецъ, на пр., почему вѣгь, вѣжнѣвъ, вѣжнѣвъ, вѣдѣуствѣу, —ъ, вѣдѣуствѣмъ, вѣдѣмъ, —ш, срдѣцѣмъ, силъ, бѣуствѣмъ, —ъ, бѣуствѣмъ, вѣгь, милосрдѣю, снѣмѣмъ должны быть положительно таковыми: богъ, вѣжнѣвъ, вѣжнѣмъ, вѣдѣуствѣу, —ъ, вѣдѣуствѣмъ, вѣдѣмъ, —ш, срдѣцѣмъ, силъ, бѣуствѣмъ, —ъ, бѣуствѣмъ, вѣгь, милосрдѣю, снѣмѣмъ, а не иными, какъ, на пр., вѣгь, вѣжнѣвъ и т. д., вѣдѣуствѣу и т. д., срдѣцѣмъ, или срдѣцѣмъ, силъ, бѣуствѣмъ, —ъ, бѣуствѣмъ, вѣгь, милосрдѣю, снѣмѣмъ? Эти отличія, за которыя можно столь же твердо стоять, сколь твердо стоитъ Шафарикъ за свои восполненныя формы, ибо въ подлинникѣ нѣтъ ни тѣхъ, ни другихъ, могутъ имѣть огромное вліяніе, по причинѣ древности грамоты, на исторію б-ъ ѡ, ѡ; но мы не примемъ ни своихъ, ни Шафариковыхъ, такъ какъ единственный рѣшитель ихъ достовѣрности, подлинникъ, употребляетъ ихъ въ сокращенномъ видѣ. У самого Шафарика, по сличеніи дважды изданныхъ имъ однихъ и тѣхъ же мѣстъ Жичанской грамоты, находимъ одну, или двѣ разности: котальника и котальника, архинискоупнокъ и архинискоупнокъ, изъ коихъ послѣдняя весьма важна для опредѣленія природы б-ъ ѡ. Подобное сличеніе изданій, которыя, по видимому, ручаются за свою достовѣрность, можетъ быть весьма поучительно для тѣхъ, кто изготовляетъ списки съ подлинниковъ. Сдѣсь малѣйшая неосмотрительность, опущеніе, или перемѣна одной буквы, одного значка приводятъ языковѣдателя въ недоумѣніе: каково же ему, когда цѣлыя слова, цѣлыя выраженія не имѣютъ смысла, или рознятся въ изданіяхъ? Николаевичъ, издатель Сербо-Далматинскаго Магазина, имѣя въ рукахъ списокъ съ грамоты Уроша V, которая уже была напечатана въ Споменикахъ (№ 46), и, видя между обоими списками большую разницу, не могъ удержаться, чтобы снова не напечатать грамоты, «нека чатательн виде, како преписници различно прекопѣваю.» И вотъ отрывки изъ обоихъ изданій. Сп. Нѣжъ испрѣка снѣгѣмъ любѣвъ вѣжнѣмъ и сладостъ мѣжрѣмѣмъ слави твоѣ. и кто доволѣмъ ѡ изгати таковоу вѣгь ѡжъ даровалъ вси вѣко хѣ. ѡбѣи црѣ слави своимъ рѣкомъ. православнимъ црѣмъ. вѣжнѣмъ вѣговѣрнимъ и унѣстою. прѣшѣши вса лѣта живота своего. и вѣспрѣмѣмъ вѣнцѣ поучѣти ѡ всемогущаго вѣки. и ѡ рѣки аггѣломъ мѣуъ побѣди. Ник. Нѣжъ испрѣка снѣгѣмъ. за любовь вѣжнѣмъ, и сладѣ мѣжрѣмѣмъ слави твоѣ кто доволѣмъ ѡ изгати. таковоу вѣговѣрнимъ. нѣжъ даровалъ вси вѣко хѣ ѡбѣи црѣ, рѣкомъ своимъ. слави православнѣи царемъ вѣговѣрнимъ и унѣстою прѣшѣмѣмъ вѣ лѣта живота своего. И вѣспрѣмѣмъ вѣнцѣ поучѣти: подамѣмъ всемогущаго вѣки ѡ рѣки аггѣломъ, мѣуъ побѣди. Это начало; но и самое изложеніе дѣла не менѣе, если только не болѣе, искажено въ обоихъ спискахъ, на пр.: С. и вѣжнѣмъ црѣмъ (Штомъ (островъ) ѡмѣгъ (по ту сторону) дѣвѣрѣмъ мѣтѣ. съ всеми сѣмъ снѣгѣмъ и зѣси и съ всеми правѣмъ тога ѡтока. и съ всеми вѣстоуѣ. нѣжъ ѡ ѡ вѣжнѣмъ. снѣмъ га съ имѣли или вси ѡ прѣжѣ да имѣ ѡ вѣжнѣмъ и з ѡуѣстоуѣ имъ и нѣжъ дѣжнѣмъ до вѣжнѣмъ. Ник. записалъ имѣ црѣкомъ ѡтока ѡмѣгъ дѣвѣрѣмъ мѣтѣ съ всеми вѣжнѣмъ ѡ правѣмъ ѡтока тогази како ѡ вѣжнѣмъ вѣжнѣмъ и како мѣжъ съ нимъ вѣжнѣмъ имѣли ѡ дѣжнѣмъ да имѣ ѡ вѣжнѣмъ и з ѡуѣстоуѣ имъ. Въ послѣднемъ гораздо менѣе смысла, чѣмъ въ первомъ. Хотя въ обоихъ есть погрѣшности, однако ихъ гораздо больше въ послѣднемъ, гдѣ также весьма подозрительна замѣна древнѣйшихъ ѡ, ѡ-ми а, ѡ: но

всему видно, что Споменники заслуживаютъ большаго довѣрія, хотя и ихъ мѣстами должно исправлять спискомъ Николаевича.

Издатели Споменниковъ спѣшили сообщить ученому міру находившіяся въ ихъ рукахъ грамоты, и сообщили ихъ даже безъ предисловія. Но какія бы ни были обстоятельства, не позволявшія имъ дать предварительнаго извѣстія объ издаваемыхъ ими памятникахъ, изслѣдователю остается жалѣть, что онъ лишенъ всякихъ критико-историческихъ и палеографическихъ замѣчаній. Подобныя указанія необходимы для точнѣйшаго опредѣленія степени возраста и достовѣрности памятника, особенно, если этотъ послѣдній не заключаетъ въ себѣ самомъ достаточныхъ данныхъ: съ ними изслѣдователю какъ-то легче приниматься за дѣло. Зная судьбу и внѣшній видъ памятника, онъ смѣлѣе дѣлаетъ свои заключенія; онъ или вполне довѣряетъ памятнику, или отвергаетъ его. Грамоты въ Споменникахъ расположены въ хронологическомъ порядкѣ. Это легко было сдѣлать издателямъ, когда грамота помѣчена годомъ, часто индиктомъ, мѣсяцемъ и числомъ; но гораздо труднѣе, когда въ грамотѣ время не означено. Въ такомъ случаѣ остается искать другихъ историческихъ слѣдовъ: и дѣйствительно, тамъ, гдѣ есть извѣстныя имена, издатели старались по этимъ именамъ найти время грамоты. Для исторіи языка достаточно, если при грамотѣ означено разстояніе времени, въ которое жило или дѣйствовало извѣстное лицо; но политическая исторія нуждается иногда въ точнѣйшемъ опредѣленіи времени. Издатели, съ своей стороны, или приблизительно означали возрастъ грамоты, или положительнѣе опредѣляли его, если находили въ памятникѣ достаточныя для того данныя. Но есть въ Споменникахъ грамоты, подъ которыми поставленъ тотъ, или другой годъ безъ всякаго видимаго основанія; есть и такія, подъ которыми года не выставлено, но которыя поставлены въ ряду грамотъ извѣстнаго возраста.¹ При таковыхъ грамотахъ необходимо бы было предпослать нѣсколько словъ, которыя объясняли бы, почему такъ поступили издатели; но если этихъ словъ нѣтъ, то мы не можемъ въ нѣкоторыхъ грамотахъ согласиться съ ихъ отиѣтками. Такъ грамоту № 17, августа 13, я ставлю передъ гр-ою № 16, III. № XVI, отъ 1253 года, іюня 15. Въ первой король Урошъ I заключаетъ выгодный договоръ съ Дубровникомъ, а во второй Дубровникъ входитъ въ союзъ съ царемъ Булгарскимъ, Михаиломъ Асѣномъ, противъ Уроша I. Черезъ два мѣсяца не могло совершиться такой перемѣны, тѣмъ болѣе, что въ слѣдующемъ году, мая 22, Дубровничане, заключая договоръ съ Радославомъ Хлумскимъ (№ 19, III. № XVII), ссылаются на клятву, данную Михаилу, а отсутствіе имени князя Георгія Марцела показываетъ, что въ то время онъ уже не былъ княземъ. Но такъ какъ въ гр-хъ NN № 16 и 17 онъ упоминается, какъ князь Дубровницкій, то очевидно, что 13-е августа должно относиться къ годамъ, предшествующимъ 1253 году, въ которомъ, 15-го іюня, заключенъ былъ договоръ Дубровничанъ съ Михаиломъ: слѣдовательно, гр-а № 17 писана между 1249 годомъ, въ которомъ княземъ былъ Яковъ Дельфинъ, и 1253. Грамоту подъ № 24, писанную, по мнѣнію издателей, около 1254 года, я отношу къ 1276 году—и вотъ мои доказательства. Въ грамотѣ подъ № 31, 1281 года, Стефанъ Милутинъ упоминаетъ объ устройствѣ съ Дубровничанами, сдѣланномъ пять лѣтъ тому назадъ, т. е., вскорѣ по вступленіи его на Сербскій престолъ: естественно, Дубровничане спѣшили возобновить съ каждымъ новымъ владѣльцемъ уговоръ, сдѣланный съ его предшественниками. Въ гр-ѣ подъ № 31 изложено, въ чемъ состоялъ этотъ уговоръ или устрой 1276 года: 1) да ѿ сѣбѣ и наирядѣ владѣльствомъ унии мѣтъ владѣльцомъ дѣ-

¹ На примѣръ, NN 11, 23, 28, 29, 30, 34, 38, 41, 69, 72, 74, 149, 156.

роштьскимъ и шецинитъ и трыжничкомъ ихъ. 2) да нмъ в миръ кон в и право нмъ бмдъ дохлъ жити право съ кралектвомн. 3) ако ли що погрѣши зымлн кралектквми и не исправимси. да нмъ се да вѣдѣние трыни мѣсци ако си могъ трыжничн ихъ ѡити з градъ съ всамъ скономъ. 4) а да дамъ кралектквзын ихъ годици. двѣ тисѣци перлперъ. 5) и сиизуи миръ не зрѣте кралектвомн зронл дохлѣ хоки быти нѣ ако ми не сѣгрѣши и до живота могъ да си имлю сизи миръ и сизи двѣ тисѣки да дамъ на дмитровъ днѣ. Подписъ: Стефанъ по Милости Божіен Краль Сръскы Зымлѣ и поморскыи. Въ грамотѣ подъ № 24 виднмъ, что Дубровничане въ первый разъ входятъ въ устрой съ королемъ, ибо тутъ есть ссылка на предшественника: 1) ико нмъ в бнлѣ створилъ братын краѣ стѣпанъ (Драгутинъ) милость: по томоужѣ ѡбразоу и краѣвѣстквми створи нмъ милость. Въ чемъ состояла эта милость, видно изъ послѣдующихъ словъ, которыя совершенно согласны съ словами гр-ы № 31, именпо: 2) дохлѣ правдоу имоути имати краѣвѣвоумн: моупци ихъ да си ходѣ по зымлн краѣвѣстквми: беззволзны и беззаклѣ: съ всакомъ свободомъ: 3) а оми да дамъ ѡ града: кралектвоумн: на всако годици: двѣ тисоуки перлперъ: на дмитровъ днѣ: 4) и ако що сѣгрѣши краѣвѣстквми: да се соудомъ исправлямо: како в по зыкомъ: аколи соуда не боудѣ сѣврѣшимн: ихъ воупци кон боудоути оу зымлн: краѣвѣстквми: да нмъ всть ромъ: за тры мѣсци: да си вѣдоути съ всамъ скономъ добнтьномъ: 5) и дамъ нмъ милость до живота: могго: Подписъ: Стефанъ зрѣше По милости божиен Краль и своего Самодръжць сръскыи зымлн и поморскыи. Объемъ грамоты, тожество условій, сходство изложенія и сакныхъ выраженій, и, наконецъ, подпись съ словомъ «самодержецъ», являющаяся въ грамотахъ Милутина, что замѣчаетъ и Шафарикъ¹, заставляють меня отнести гр-у № 24 къ 1276 году и признать ее за тотъ уговоръ, о которомъ, спустя пять лѣтъ, упоминается въ гр-ѣ № 31, 1281 года. Пятилѣтнее разстояніе назадъ съ 1281 года приводитъ гр-у № 22 къ 1276 году или ко времени воцаренія Милутина, чѣмъ и объясняется ссылка на предшественника его, или брата, Драгутина. Равношррно, гр-у № 25 я отношу къ Милутину, хотя не могу въ точности назначить ей года. Если въ гр-ѣ № 24 Милутинъ повторяетъ устрой съ Дубровничанами своего брата, то въ гр-ѣ № 25 онъ повторяетъ укладъ съ Дубровничанами своего отца, Уроша I. Драгутинъ, царствовавшій весьма не долго, съ 1272 по 1275 годъ, вѣроятно, не могъ подтвердить всѣхъ прежнихъ укладовъ, и нѣкоторые остались на подтвержденіе его брату, Милутину. Въ гр-ѣ № 25 кратко сказано: да се на законѣ. що нмъ в дль. стпоупникыи. гымн ѡцѣ; но повторено важѣйшее условіе договора Уроша I подъ № 22: и ако се ѡбрѣте кон дльгъ меѣжъ сръскыи съ дуброкыиномъ. да да нмъ в сѣ правдъ судномъ сръскыи и правдъ судномъ дуброкыиномъ, повторено въ слѣдующихъ выраженіяхъ: да нмъ вѣ здалѣ. в семъ годѣ дльгъ. днше сѣдомъ. да се ницѣ. да в еднѣ сръскыи. и други дуброкыиномъ. Все это мѣсто и рѣдкое слово «удава», встрѣчающееся въ обѣихъ грамотахъ, показываютъ, что писецъ имѣлъ предъ глазами договоръ Уроша I; но самое уже повтореніе одного и того же условія и ссылка на договоръ отца свидѣтельствуютъ, что обѣ грамоты NN^о 22 и 25 не могутъ принадлежать одному и тому же королю, и послѣдняя непременно принадлежитъ сыну Уроша I, если не Милутину, какъ думаю, то Драгутину, хотя нмъ одного и того же Дубровничкаго посла, Грубъши, встрѣчающееся въ гр-хъ № 25 и № 31, указываетъ скорѣе на Милутина; слѣдовательно, эта грамота можетъ быть отнесена ко времени между 1272

¹ Slovanské starožitnosti, V Praze, 1837. Okres II, článek IV, §. 31, 647. Славянскія Древности, переводъ О. Еодляскаго. Москва, 1848. Томъ II, кн. I, стр. 420, Прижѣчаніе.

и 1284 годами. Что касается до гр-въ NN[№] 23, 28 и 30, то я не имѣю никакихъ данныхъ для ихъ повѣрки; издатели же, по сходству почерка, подписей и печатей, также по матеріалу, на которомъ онѣ писаны, могли лучше опредѣлить ихъ возрастъ: они назначаютъ первой время около 1254, а послѣднимъ около 1280 года. Впрочемъ, основываясь отчасти на сходствѣ подписей, а преимущественно на повтореніи въ гр-хъ № 23 и № 22 одного и того же положенія относительно мѣстечка Брескова, я причисляю грамоту № 23 къ грамотамъ Милутина, т. е. къ NN[№] 28 и 30. Если въ гр-ѣ № 22 Урошъ I уже оставилъ: *И кизици про шесъ кшлю ако растокарн з брѣскова. да плати царини. ако ли мимо шесъ да гдъ продд. тѣ и царини да плати*, то ему не зачѣмъ было повторять того же самого во второй разъ и единственно для этого писать особую грамоту. Милутину же свойственно было подтвердить уговоръ отца, тѣмъ болѣе, что въ этой грамотѣ положена за послушаніе одинаковая пѣня, 500 перперовъ, какъ и въ гр-ѣ № 25. Всѣми этими грамотами, весьма краткими, Милутинъ какъ бы точнѣе опредѣлялъ прежнія торговыя отношенія къ Дубровнику, при немъ еще не опредѣленныя, а именно: въ гр-ѣ № 23 о томъ, чтобы не брать ничего съ Дубровницкихъ купцовъ, минующихъ Бресково; въ гр-ѣ № 28 не брать у нихъ ничего безъ платы, или насильно; въ гр-ѣ № 20 о правѣ продавать спиртъ и вино въ Бресковѣ. Грамота № 27 не ранѣе 1272 года, въ которомъ умеръ Урошъ I. Въ ней, между прочимъ, Елена, супруга Уроша I, уговаривается съ Дубровничанами извѣщать ихъ о всемъ, что задумаетъ противъ нихъ Король. Грамота писана въ Брънаткахъ. Такъ не могла она дѣйствовать относительно мужа, ибо лѣтописцы не упоминаютъ ни о какихъ ея несогласіяхъ съ мужемъ; но, естественно, она не должна была довѣрять своему сыну, Драгутину, который лишилъ престола своего отца, а ея мужа, Драгутинъ далъ ей для жительства мѣсто въ Дуклѣ близъ Скодра, а Даниилъ именно называетъ Брънатками дворъ ея, гдѣ она жила монахиней и скончалась въ 1305 — 1306 г. ¹ Она могла такъ дѣйствовать и относительно другаго своего сына, Милутина; ибо ей, отверженной къ Римской церкви, не нравилась политика сына, хитрившаго съ Западомъ. Извѣстно, что Милутинъ не доброжелалъ Дубровничанамъ за то, что они ссорились съ Которомъ и потомъ, въ союзъ съ Венеціанами, овладѣли нѣкоторыми Далматскими городами, принадлежавшими, по его словамъ, къ Хлуму. ² Впрочемъ, имя Дубровницкаго князя Ивана Сторлата, которому издатели назначаютъ приблизительно 1268 годъ, заставляетъ и самую грамоту № 27 отнести ко времени, ближайшему къ этому году. Гр-у № 29 мы скорѣе припишемъ Душану, чѣмъ кому-либо другому. Грамота № 35 не относится ни къ 1292, ни къ 1372 году, какъ думаютъ издатели. Число *зѣ*, неполное, что доказываетъ и самая неподписанная титла надъ *ѣ*; этой титлы нельзя принимать за букву или цифру и объяснять 1372 годомъ: въ такомъ случаѣ численная буква и слѣдовала бы въ строкѣ; точка, поставленная послѣ *ѣ* ничего не выражаетъ, ибо численныя буквы часто раздѣляются одна отъ другой точками. Индиктъ а не приходится ни на 1292, ни на 1372 годъ. Года съ индиктомъ *ѣ* суть: 1288, 1303, 1318, 1333, 1348, 1363, 1378 и т. д. Я отношу эту грамоту къ 1348 году на слѣдующемъ основаніи: 1) пышное вступленіе, отличающее дарственные грамоты Душана ³; 2) ти-

Engel, Geschichte von Serbien und Bosnien. Стр. 241. — Рачъ, ч. II, стр. 501.

¹ Appendini, Notizie storico-critiche sulla antichità dei Ragusei. Т. I. стр. 282 — 287.

² Ср. Аврамовича О. Д. С. у С. Г., NN 5, 10, 11, 12. — Восток., N 1.

туль: азъ азъ хъ бѣа блгокрини и бѣо поставленни црѣ استفанъ сръбскъ и гркомъ и халкъи стрлицъ. Въ 1346 году Стефанъ Душанъ наименовалъ себя царемъ Сербскимъ, Греческимъ и Булгарскимъ, а сына, Уроша, королемъ Сербскимъ; 3) титулъ и имена супруги и сына: и съ бѣодарованною бѣоутикою и хртолюбивою црѣю августино крѣ язною и съ възлюбленнымъ и блгокринимъ сѣомъ нѣю кралямъ зрошымъ, что одно уже служитъ достаточною причиною для приуроченія грамоты ко времени Душана. Въ грамотахъ, напечатанныхъ у Авраамовича, въ описаніи Сербскихъ древностей на Авонѣ, подъ NN^о 10 и 12, и отмѣченныхъ годами, Стефанъ Душанъ точно также именуетъ супругу и сына: прѣисомѣ , и бѣодарованнимъ црѣ августини крѣ Елѣни. и съ бѣодарованнимъ сѣомъ нѣю блгокринимъ кралямъ зрошымъ (N^о 10). съ бѣоутикою и хртолюбивою прѣисомою августино блгокриню црѣю крѣ елѣною. и съ бѣодарованнимъ и прѣвълюбленнымъ сѣомъ нѣю кралямъ зрошымъ (N^о 12). Въ Споменѣцахъ, въ гр-ѣ N^о 46, Урошъ, сынъ Душана, называетъ свою мать блгокриню црѣю крѣ язною; 4) видиктъ ѣ совпадаетъ съ 1348 годомъ. Грамота N^о 41 должна стоять между грамотами короля Душана (1336 — 1346), ибо въ ней владѣтель Сербіи называется еще «королемъ». Въ ней Дубровницкіе послы, Живе, Маро и Мартолица, совершаютъ сдѣлку въ Которѣ съ какии-то «господиномъ» касательно Которской царини за соль на три года. Въ гр-ѣ N^о 55, 1362 года, мы видимъ, что Дубровничане за что-то поссорились съ Войславомъ Которскимъ, а въ гр-ѣ N^о 56, вѣроятно, того же года, самъ Войславъ объясняетъ, что онъ уже помирился съ Дубровничанами и повторяетъ, что соляной откупъ продалъ на три года Дубровницкимъ посламъ, и что годъ начинается съ 21 августа (1362 года?). Ясно, что предметомъ ссоры былъ соляной откупъ, и что во всѣхъ трехъ грамотахъ дѣло идетъ объ одномъ и томъ же. Но такъ какъ въ грамотѣ Войслава соляной откупъ и его условія представляются дѣломъ обычнымъ и стародавнимъ, старимъ закономъ како смо и прѣко имали, то это выраженіе и показываетъ, что тѣ три года, о которыхъ идетъ рѣчь въ гр-ѣ N^о 41, не принадлежатъ къ 1360-мъ годамъ, въ продолженіи которыхъ условія солянаго откупа были нарушены и завязалась вражда между Дубровникомъ и Войславомъ; другими словами, гр-а N^о 41 не есть тотъ самый договоръ, который въ шестьдесятъ вторыхъ годахъ былъ нарушенъ Войславомъ: иначе невозможно бы было помирить слово «краль» съ царствованіемъ царя Уроша V. Относительно возраста грамотъ подъ NN^о 51 и 52, я согласенъ съ Миклошичемъ¹, что издатели ошибочно означили ихъ 1357 годомъ. Первая принадлежитъ Стефану Первоначанному (1195—1224), что доказывается 1) грамотою подъ N^о 52, которая непременно должна принадлежать Урошу II Милутину, а не Урошу V, сыну Душанову, о чемъ скажу ниже. Въ ней Милутинъ называетъ Стефана, одарившаго Бенедиктинскій монастырь Богородицы на Млѣтѣ, своимъ дѣдомъ; 2) выраженіе: и азъ кратки мои виша ми шикъ, которое относится къ брату Стефана Первоначаннаго, Вукану, дѣйствовавшему противъ брата. Это же выраженіе точно опредѣляетъ время грамоты, именно, между 1204 и 1224 годами: въ 1203 г. Вуканъ отказался отъ Сербскаго престола, а въ 1224 умеръ Стефанъ; 3) титулъ: азъ гръшняи استفанъ велии крѣ. влѣкстъи гѣи нѣса сръбскѣ зѣмли. и диоклини. и димитри. и травѣцини. и халкъски зѣмли: такъ титуловался Стефанъ Первоначанний²; 4) языкомъ и духомъ всей грамоты; 5) подписью: Стефанъ во Ми-

¹ *Bonilla, Praefatio.*

² *Шасерскъ. Slov. Staroŝ. II, IV, 31, 647. Слав. Древн., т. II, кн. I, стр. 420. Прихвѣчаніе*

лости Божей вступились Крале и самодръжць кси Сръпски¹ Земли и поморьски. Предъ Милутиномъ одинъ Стефанъ Первовънчаннй именовался самодръжцемъ, что согласно и съ показаніемъ Шафарика². Слово «вънчаннй», встрѣчающееся и въ Жичанской грамотѣ (Ш. № VII), указываетъ на того же Стефана и еще точнѣе опредѣляетъ возрастъ грамоты: она не старше 1217 года, въ которомъ Стефанъ былъ вънчанъ. Сдѣсь я разумю первое его вънчаніе папою Григоріемъ, ибо очень естественно, что Стефанъ, имѣя въ виду благоволеніе Папы, дарилъ земли Бенедиктинскому монастырю. Въ 1222 году онъ былъ снова вънчанъ своимъ братомъ, Савою, и не могъ уже такъ поступать въ отношеніи католицизма. Слѣдовательно, грамота писана между 1217 и 1222 годами. Послѣднихъ четырехъ доказательствъ достаточно, чтобы утвердить эту грамоту за Стефаномъ Первовънчаннмъ: по этому грамота № 52, гдѣ новый король называетъ Стефана своимъ дѣдомъ, относится къ Милутину; но, кромѣ того, она имѣетъ и свое доказательство — подпись: **Стефанъ оурошъ по милости божии крале и самодръжць кси Сръпски земли и поморьски**. Такъ подписывался Урошъ II Милутиновъ³. Урошъ V, которому издатели приписали эту грамоту, подписывался иначе: **Стефанъ зрешъ върни** (или: **благочрсти**, или: **въ хѣ бѣ благочрсти**) **царь Сръбьскъ и Грѣкъскъ**⁴. Грамота Черноевичей, Радича и Степана, № 60, поставленная издателями между 1367 и 1368 гг., должна быть отнесена ко времени нѣсколько позднѣйшему; ибо въ ту пору Черноевичи не могли еще имѣть такого значенія и такихъ владѣній, каковыя открываются изъ гр-ы, данной ими Дубровничанамъ. Условіе извѣщать другъ друга о врагахъ, свобода торговли въ земляхъ тѣхъ и другихъ и самая возможность договора относить гр-у ко временамъ послѣднихъ Балшичей, т. е., къ 1380, или 90-мъ годамъ, если только не ко времени еще позднѣйшему; ибо нѣчто сходное съ именами этихъ Черноевичей встрѣчаемъ въ гр-ѣ Ивана Черноевича, 1485 г. (Мил.), гдѣ въ числѣ родственниковъ послѣдняго упоминаются Остоичи, Ратко съ братомъ и племянниками, которые уступаютъ свои владѣнія Цетинскому монастырю и за нихъ получаютъ отъ Ивана Черноевича новыя владѣнія «землю за землю, лозу за лозу, дубъ за дубъ во вѣки и въ баштину». Въ такомъ случаѣ грамота № 60 сдѣлается еще моложе и будетъ относиться къ концу XV ст. Небольшая грамота № 69 Вука (Бранковича) должна слѣдовать за гр-ю № 73, ибо въ ней Вукъ подтверждаетъ свое первое записаніе, данное Дубровничанамъ подъ № 73 въ 1387 году: слѣдовательно гр-а № 69 должна стоять не между 1382—1385 годами, какъ ставятъ ее издатели, а послѣ 1387 года. Грамоты NN № 74 и 75 должны стоять гораздо ниже. Первая, данная Владиславомъ Стефановичемъ (сыномъ Стефана Косачи) Дубровнику, въ томъ, что онъ отказывается отъ своей доли, 12 тысячъ червонцевъ, всего скорѣе относится къ тому времени, когда Владиславъ, обиженный отцомъ, бѣжалъ къ Дубровничанамъ и, при помощи ихъ войска, велъ двѣ войны съ своимъ отцомъ (1441 — 1463). Вторая, данная Дубровнику воеводою Алибегомъ Павловичемъ, также должна относиться или къ 1433 году, подъ которымъ Ранчъ⁴ говоритъ о пашѣ Алибегѣ, пришедшемъ въ Албанію и разбитомъ въ Герцеговинѣ, или вообще къ половинѣ XV столѣтія, когда Албанія подчинилась Турціи и въ ней началось отуреченіе. Отечественное имя «Павловичъ» указываетъ на отуречившагося Славянина, какъ и ны-

¹ Тамъ же.

² Шафарикъ, тамъ же.

³ Ср. NN 50, 53, 54, 55.

⁴ Исторія и пр., ч. III, стр. 156.

нѣ таковыя Сербы любятъ величать себя христіанскими отечественными именами. Грамоту № 149 должно приписать Юрію Кастріоту Скендербегу, какъ по духу и содержанію, такъ и по тому, что писана въ Лѣшѣ и заключаетъ имя дьяка (канцлера) Нипца, который встрѣчается въ предыдущей гр-ѣ, принадлежащей Скендербегу: слѣдовательно, она писана около 1459 года. Грамота подъ № 156 писана около 1466 года, какъ и грамота № 155, означенная этимъ годомъ: въ обѣихъ родичи Брамла Тезаловича получаютъ наслѣдство по смерти его дочерей. Грамота подъ № 175, отъ 1413 года, 3 октября, дана Стефаномъ Григоріемъ съ матерью и братьями, Стефаномъ Юрьемъ и Лазаремъ. Объ ней упоминаетъ Авраамовичъ¹. Григоровичъ ошибочно относитъ ее къ 1424 году². Иос. Мюллеръ, въ перечнѣ Авонскихъ грамотъ³, подъ 1414 (3) годомъ, 3 окт., приводитъ эту самую грамоту, измѣняетъ степени родства и относитъ ее къ деспоту Юрію Бранковичу съ супругою и дѣтьми, Стефаномъ, Юриемъ и Лазаремъ. Ему казалось страннымъ встрѣтить четырехъ братьевъ вмѣсто трехъ; но вся ошибка его состояла въ томъ, что имя Стефана, при имени Юрія, онъ счелъ особымъ именемъ и отдѣлилъ одно отъ другаго запятою, между тѣмъ какъ имя Стефана есть такое же придаточное при имени Юрія, какъ и при имени Григорія. Черезъ это онъ сдѣлалъ три еще болѣшія ошибки: во первыхъ, отца Юрія Бранковича называлъ Григоріемъ, именемъ старшаго его сына; во вторыхъ, сдѣлалъ его деспотомъ, тогда какъ въ 1413 году Юрій Бранковичъ еще не былъ деспотомъ, и въ третьихъ, сыновей его называлъ Стефаномъ, Юриемъ и Лазаремъ, а извѣстно, что сыновья его назывались Григоріемъ, Стефаномъ и Лазаремъ. Ясно, что грамоту должно приписывать не дѣтямъ Юрія Вуковича Бранковича, а самому Юрію Вуковичу съ братьями, старшимъ Григоріемъ и младшимъ Лазаремъ Вуковичами. Эти самые князья дали другую грамоту 1405 года, 29 декабря, № 91, въ которой мать свою называютъ Марою, отца Вукомъ: сдѣсь нѣтъ имени Стефана при именахъ Григорія и Юрія, откуда видно, что имя Стефана показываетъ только, что братья считали свой родъ царскимъ и ближайшимъ къ престолонаслѣдію по родству съ царемъ Лазаремъ. Грамота № 176 Стефана Дечанскаго, не отмѣченная годомъ, относится къ 1330 году, ибо въ ней говорится о побѣдѣ надъ Михаиломъ, царемъ Булгарскимъ, какъ событіи современномъ, и о созданіи, украшеніи и надѣленіи землями Дечанскаго монастыря. Грамота № 179 означена не тѣмъ годомъ, какимъ слѣдуетъ: писецъ ошибся и вмѣсто ѣ: ѣ: ѣ: ѣ (1395) написалъ ѣ: ѣ: ѣ: ѣ (1325). Въ этой грамотѣ Дабыша именуется королемъ и говоритъ о смерти Тартка, который умеръ, какъ извѣстно, въ 1391 году. Писцы не всегда вѣрно означали годъ, и особенно писцы. Ошибки противъ послѣдняго очень часты. Издатели не довѣряютъ писцу въ гр-хъ NN^o 170, 171 и 172 и означаютъ года по своему. Въ гр-ѣ № 170 два раза поставленъ тѣтъ (1466) годъ; но издатели замѣнили его 1496 годомъ. Въ гр-ѣ № 171 поставленъ тѣтъ годъ, очевидно, неправильно написанный. Въ этой грамотѣ, октября 10, Владиславъ Стефановичъ упоминается умершимъ, а въ гр-ѣ № 162 у. и з. и. и з. (1487), окт. 27, онъ еще живъ. Слѣдовательно, буква з не можетъ означать 60, какъ бы вмѣсто ѣ, и должна стоять вмѣсто ѣ (90). Тамъ и сдѣлали издатели, переведя число тѣтъ числомъ 1497. На этомъ основаніи и гр-у № 172, въ которой поставленъ тѣтъ годъ, они помѣтили 1496 годомъ.

¹ О. А. С. у С. Г., стр. 76.

² Путешествіе, стр. 25, № 4.

³ Slav. Bibliothek v. Miklosich. 1851. Стр. 171.

но такъ какъ въ этой грамотѣ встрѣчается имя Жарка Хлумскаго, и его же мы видимъ въ гр-ѣ № 170, то, вѣроятно, по этой причинѣ они и гр-у № 170 отнесли къ 1496 году. По моему мнѣнію, писецъ не могъ въ одной и той же грамотѣ № 170 ошибиться сряду два раза, написавъ гъзъ, и потому вѣрнѣе отнѣсти ее 1466 годомъ, а въ гр-ѣ № 172 принять букву з за сокращенную џ и отнести грамоту къ 1468 году. Наконецъ, гр-а № 131 ошибочно означена 1441 годомъ, когда въ ней самой выставленъ 1457 годъ. Судя по устному отзыву Шафарика и по печатному г. Срезневскаго, въ Академическихъ Извѣстіяхъ, я долженъ сказать, что Споменики изданы весьма вѣрно, исключая нѣкоторыя ошибки переписчика и опечатки, о коихъ не можетъ быть и рѣчи.

Перехожу къ грамотамъ, напечатаннымъ у Авраамовича въ его Описаніи Сербскихъ древностей на Аеоноѣ. Издатель хотѣлъ расположить грамоты въ хронологическомъ порядкѣ, но не вездѣ ему удалось это. Я постараюсь опредѣлить годами тѣ изъ нихъ, подлѣ которыми года не выставлено. Первая принадлежитъ, безъ сомнѣнія, Стефану Неманѣ и относится къ тому времени, когда Неманя, удалившись изъ Студеницы въ Аеоноскую гору, возобновилъ разрушенный монастырь Хиландарь. Преставленіе его было февраля 13, 1200 года, какъ свидѣтельствуютъ Житіе его, писанное сыномъ его, св. Савою¹, и слово, говоренное тѣмъ же святымъ и помѣщенное въ Хиландарскомъ типикѣ². Монастырь Хиландарь окончателно возобновленъ имъ былъ за 8 мѣсяцевъ до преставленія, какъ сказано въ томъ же типикѣ³: отсюда заключаемъ, что грамота писана не ранѣе, какъ за 8 мѣсяцевъ до кончины Стефана Немани (въ монашествѣ Симеона), т. е., въ августѣ 1199 года, ибо въ ней говорится уже о возобновленіи и надачѣ монастыря. Двѣ грамоты NN^o 3 и 4, принадлежащія Стефану Урошу II Милутину, должны быть писаны вскорѣ послѣ гр-ы № 2, 1302 года; ибо въ нихъ говорится о надачѣ пирга (башни) и отношеніи его къ Хиландарю и о средствахъ къ содержанію монаховъ, словомъ, рѣшаются такіе вопросы, которые должны были представиться вскорѣ послѣ основанія пирга. Подписавшійся въ нихъ архіепископъ Сава III скончался въ 1316—1317 году. Грамота № 5 принадлежитъ королю Стефану Душану и писана ранѣе 1346 года, ибо въ ней онъ еще не именуется царемъ. Что она принадлежитъ Душану, то это видно изъ степеней родства: въ ней Стефанъ король называетъ себя сыномъ Уроша III. Грамота № 6 принадлежитъ Милутину, и должна стоять послѣ гр-ы № 2 и прежде гр-ы NN^o 3 и 4, ибо въ ней говорится, съ одной стороны, о пиргѣ, какъ уже созданномъ, а съ другой, объ Еленѣ, матери Милутина, умершей въ 1305 году, и архіепископъ Евстаѣи II, правившемъ отъ 1291 до 1308 г., какъ о находящихся еще въ живыхъ, между тѣмъ, какъ въ гр-хъ NN^o 3 и 4 подписывается уже Сава III. Сверхъ того, въ ней упоминается о селѣ Добродолянкахъ, какъ раздѣленномъ на двѣ части, изъ коихъ одна принадлежитъ Хиландарю, а другая Студеницѣ: но изъ гр-ы № 8, 1327 года, извѣстно, что преемникъ Милутину, Стефанъ Дечанскій, соединилъ обѣ половини и отдалъ все село Хиландарю, надѣливъ Студеницу другими селами. По всему этому грамота № 6 никакъ не можетъ принадлежать преемнику Милутина; а что она не принадлежитъ и предшественнику его, то это видно изъ слѣдующихъ обстоятельствъ: 1) дарующій король называетъ королеву Елену своею матерью и подписывается «самодержецъ»;

¹ Иаданіе Шафарикомъ въ Памятникахъ, стр. 14.

² Авраамовича О. Д. С. у С. Г., стр. 8.

³ Тамъ же, стр. 9.

2) приводятся имена епископовъ изъ тѣхъ епархій, которыя, по словамъ Рачча, ¹ были основаны Милутиномъ, но не при Никодимѣ архіепископѣ, какъ думаетъ Раччъ, а еще ранѣе Савы III, при Евстафѣ II; 3) на нее намекаетъ самъ Милутинъ въ другой, позднѣйшей, своей гр-ѣ А. № 4, когда говорить.... ѿ прѣдъ, многогъ приложениа ѿлично ми вы възможно приложѣ.... сѣла ѿ пашницъ доволю въ сѣльсцѣи ѿ въ груццѣи хѣлиа.... тѣ же вса зѣ не исписашѣ. пшѣже софѣ въ цркви хрисокофалѣ. ѿ въ прѣистклинѣ хрисокофѣа. Этотъ хрисовулъ и есть та самая гр-а № 6, ибо въ ней именно говорится о сѣлахъ и земляхъ, дарованныхъ Милутиномъ Хиландару; а такъ какъ въ ней не упоминается уже о какомъ либо другомъ хрисовулѣ того же короля, но только о хрисовулахъ родителей и прародителей, то изъ этого и видно, что гр-а № 6 старше гр-ы № 4. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что грамота писана между 1302 и 1304 годами. Объ ней знаетъ Раччъ ² и приписываетъ ее также Милутину. Грамота № 7 относится къ Стефану Дечанскому, ибо заключаетъ въ себѣ обстоятельства его жизни. Въ ней Король обращается съ молитвою къ св. Николаю и возобновляетъ во имя его церковь въ Добруштѣ. Между прочимъ упоминаетъ о гнѣвѣ своего отца, Милутина: амо и рѣдѣжѣна оустронтѣ оустровоу родитѣла крѣким. и кѣвѣрѣци не хоте въ рокѣ возмѣжѣна амо не бити ми. насладѣнѣна столоу бустѣа момго и пр., и называетъ себя внукомъ короля Стефана Уроша (I). Лѣтописецъ Данилъ и рукописное житіе Стефана Дечанскаго, писанное Григоріемъ игуменомъ ³, свидѣтельствуютъ о чудесахъ, совершенныхъ на немъ св. Николаемъ, и объ особенной вѣрѣ, которую питалъ Стефанъ къ этому святителю и чудотворцу. Извѣстенъ также гнѣвъ Милутина на своего сына, въ слѣдствіе котораго Стефанъ былъ ослѣпленъ. За грамотою № 15 должна слѣдовать гр-а № 18: въ ней мать деспота Стефана Лазаревича еще носитъ имя Милицы, тогда какъ изъ другихъ грамотъ видно, что въ 1395 году она была уже монахинею и называлась Евгениею ⁴. За нею слѣдуетъ гр-а № 19, въ которой упоминается уже монахиня Евгения съ двумя сыновьями, Стефаномъ и Вукомъ. Евгения скончалась въ 1406 году ⁵: слѣдовательно, и грамота писана ранѣе 1406 года. Далѣе слѣдуетъ грамота № 17 отъ 1411 года, подписанная однимъ Стефаномъ, ибо Вукъ былъ убитъ Мусою въ 1410 году. Наконецъ, гр-а № 16, которую ставлю послѣ всѣхъ вышеупомянутыхъ, потому что въ ней Стефанъ называется уже ктиторомъ Хиландара и говорить о благоприятныхъ временахъ, которыя настали только въ концѣ его господствованія: 'Азѣ ѿ ѿмостѣалгоми възраста ѿ младѣихъ ѿмѣтен, бѣу самѣбтрѣни-

¹ Ч. II, стр. 625.

² Ч. II, стр. 598.

³ Житіе ѿ житѣлствѣ великаго мѣника въ цркви, Стефана Сербскаго, ѿже ѿдѣстѣ. ѿписано григоріемъ мѣнхѣ ѿ прохѣнтерѣ, ѿгоумѣнѣ выдѣши той же ѿбитѣан.

⁴ Ималеръ у Миклош. Slav. Biblioth., стр. 168.—Успенскій Ж. М. Н. II. 1818, LVIII, стр. 171.

⁵ Рукопись подъ заглавіемъ: Житіе ѿ жизни приѣ поминѣи словоуцаго, блѣгоуѣкаго гѣа дѣспота стефана. ѿписано поклѣнѣиѣмъ ѿ поклѣнѣиѣмъ стѣнѣаго патрїѣрха. хѣмѣ тоѣ сербскаѣ кїрѣ ѿмѣонѣ. ѿ нелатѣиѣ пѣауѣлѣнѣиѣ. видѣнѣиѣмъ трѣстѣи ѿ ѿвлѣнѣиѣмъ самѣиѣмъ тѣхѣоѣмѣнѣиѣтомоу. просѣдѣлѣѣѣроу сїѣ бити. Зач. 52: пѣауѣтѣ оуѣво хѣти ѿбитѣа сїѣѣ. кѣѣ. ѿ. ѿ. ѿ. (1407) ѿ прѣѣѣ сѣѣ. лѣтѣ прѣстѣѣѣ блѣгоуѣкаѣ гѣа ѿтѣѣѣѣ. мѣѣ сѣѣ тѣхѣоѣмѣнѣиѣтѣа. Лѣтописцы Сербскіе кончину еѣ относятъ къ 11-му ноябрю 6915, а по другимъ, 6914 года (1406 — 1405). Шаѣ. Памяти, стр. 75 и сл. Червогорскій.

оческии замѣтками. Григоровичъ неправильно назначаетъ первой изъ нихъ 1356 г. вмѣсто 1358¹. Въ другой части Гласника² сообщено важное палеографическое извѣстiе о грамотѣ, напечатанной въ Споменикахъ подъ № 176, изъ котораго, между прочимъ, мы узнаемъ, что она состоитъ изъ двухъ грамотъ, какъ и надобно было ожидать, смотря по ея наружному виду. Вторая грамота начинается словами: *Ї еще приложихъ*. Къ нимъ приклеена еще третья (въ Споменикахъ № 177). Въ этой послѣдней издателя Спомениковъ пропустили, среди подписи, печать съ словами: *сѣ Стефанъ. зромъ ѿ ирала*. Какимъ образомъ, при имени игумена Аванасiя съ братiею, очутилась королевская печать — неизвѣстно. Вѣроятно, Дечанскiй монастырь постоянно употреблялъ эту печать въ память своего основателя.

Прекрасное критико-историческое изслѣдованiе приложилъ Миклошичъ къ напечатанной имъ въ *Notitia Serbica* грамотѣ Уроша II Милутина.

Грамоты, изданныя Шафарикомъ въ Памятникахъ, расположены въ хронологическомъ порядкѣ, или, по крайней мѣрѣ, издатель хотѣлъ расположить ихъ такъ. На первомъ мѣстѣ поставлена имъ гр-а общины Попова (С. № 11), но почему — издатель не говоритъ. Отвѣтъ находимъ въ другой его книжкѣ, написанной 14 лѣтъ тому назадъ и составляющей родъ каталога памятниковъ Южнославянскимъ³. Сдѣсь онъ относитъ ее къ 1150—1200 г., но опять безъ доказательствъ. По моему мнѣнiю, грамота, не отмѣченная годомъ и не пишущая въ своемъ языкѣ ничего такого, чтобы рѣшительно говорило въ пользу ея старшинства предъ другими древнѣйшими грамотами, носящими на себѣ годъ, не можетъ быть предпочтена гр-ѣ Кулина, пишущей предъ нею уже то одно преимущество, что эта послѣдняя отмѣчена годомъ; по языку же судить трудно: обѣ писаны весьма древнимъ языкомъ; но и въ этомъ отношенiи гр-а Кулина не уступитъ гр-ѣ Попова. Повторяю, я не нашелъ въ послѣдней ни одного признака, который бы давалъ ей старшинство предъ первой. Я, съ своей стороны, скорѣе отнесъ бы ее ко второй или, по крайней мѣрѣ, къ первой половинѣ XIII-го столѣтiя — и вотъ почему: издатель замѣчаетъ, что эта грамота, равно какъ и слѣдующая за нею подъ № II, написаны на одномъ пергаменномъ листѣ и что письмо второй гораздо старше письма первой. Отсюда можно заключить, что обѣ, по крайней мѣрѣ, ровесницы между собою, если только вторая не древнѣе первой. Но вторая, т. е. № II, несомнѣнно относится къ половинѣ XIII-го ст., что сейчасъ будетъ доказано; а потому и первая можетъ легко приурочиться къ тому же времени. Грамота, напечатанная подъ № II, носить, по выраженiю издателя, слѣды глубочайшей древности; и потому въ упомянутой книжкѣ (*Prospectus*) она поставлена издателемъ на первомъ мѣстѣ и приурочена къ 1050 — 1150 г. Она есть не что иное, какъ отрывокъ, заключающiй подписи нѣкоторыхъ Дубровничанъ и

¹ Путешествiе, стр. 51, N 27.

² Слѣз. I. 1847.

³ (*Prospectus*) *Monumenta Illyrica seu Slavorum gentis universae Illyrici sensu latissimo summi provinciae, videlicet hodiernam Hungariam, Dalmatiam, Croatiam, Slavoniam, Serbiam, Bosniam, Ducatum S. Sabbae seu Hercegovinam, Montem Nigrum, Albaniam, Macedoniam, Bulgariam, Ugrovlachiam et Moldaviam incolentis lectissima omnis aevi et generis literaria documenta idiomate patrio et litteris cyrillicis consignata. Collegit P. I Schafarik. Praegae, MDCCCXXXIX.*

Дубровничанокъ. Вчитываясь въ эти подписи, я замѣтилъ, что нѣкоторые изъ нихъ повторяются въ другой Дубровницкой гр-ѣ, заключающей въ себѣ договоръ Дубровника съ Булгарскимъ царемъ Михаиломъ Асѣномъ и отмѣченной 1253-мъ годомъ (Ш. № XVI. С. № 16). Вотъ эти подписи: палыма пинкоуларевникъ, пиланъ шокърешникъ, мартинь соунеленикъ, пиланъ лугунижникъ (Ш. № II); ниѣ отвѣчаютъ, въ томъ порядкѣ, какъ онѣ сдѣсь представлены, подписи упомянутой грамоты 1253-го г.: палыма пинзаревникъ.—Филипо. шокърешникъ.— мартинь слункабеникъ. — Филипо инунижникъ (Ш. № XVI. С. № 16). Сюда же можно отнести и подпись: колмьда лом(ьн)рьдѣ, неясную въ первой гр-ѣ, и колмьда. ломьшиновникъ, ясную во второй. На послѣднее имя, стертое въ № II указываютъ нѣсколько отечественныхъ именъ въ № XVI: ломьпридикъ, ломьприкъ, ломьприжикъ. Не сличаю отдѣльно личныхъ именъ съ личными и отечественныхъ съ отечественными въ обѣихъ грамотахъ: въ такомъ случаѣ набралось бы сходныхъ подписей гораздо больше. Положимъ, что личныя мало бы оказали помощи, но отечественныя, изъ коихъ нѣкоторыя довольно замѣчательны, могли бы служить большимъ пособіемъ при сличеніи подписей; но мы ограничиваемся тожествомъ подписей, заключающихъ въ себѣ сходство и личныхъ и отечественныхъ именъ въ одно и то же время. Такое сходство не можетъ быть случайнымъ. Если въ двухъ грамотахъ подписались лица съ одними и тѣми же личными и отечественными именами, то это не игра случая: я хочу сказать, что палыма пинкоуларевникъ, подписавшій гр-у № II, есть тотъ же самый палыма пинзаревникъ, который подписалъ и гр-у № XVI; такъ точно и другія сходныя подписи принадлежать однимъ и тѣмъ же лицамъ. Нѣсколько сходныхъ отечественныхъ именъ, имѣющихъ при себѣ разныя личныя имена, могутъ относиться къ братьямъ, или родичамъ, близкимъ между собою по времени. А если все это такъ, то нѣтъ сомнѣнія, что обѣ грамоты были подписаны отчасти одними и тѣми же лицами, отчасти родичами, носившими одинаковыя отечественныя имена. Присутствіе въ двухъ грамотахъ четырехъ однихъ и тѣхъ же лицъ и еще многихъ другихъ, близкихъ между собою, съ одинаковыми отечественными именами, сокращаетъ разстояніе между грамотами почти на двѣ трети человѣческой жизни, не включая сюда возраста, еще не созрѣвшаго для общественной дѣятельности. Такое разстояніе между грамотами можно бы было предположить, если бы только одно лицо участвовало въ подписаніи той и другой; но такъ какъ тутъ участвовали цѣлыхъ четыре лица, которыя, конечно, не могли же всѣ быть между собою ровесниками, т. е., которыя въ молодости подписали бы одну грамоту; а въ старости другую, то изъ этого открывается, что разстояніе между обѣими грамотами должно значительно сократиться, такъ что, по моему мнѣнію, оно не превышаетъ 10, много 20 лѣтъ. И такъ, отрывокъ грамоты подъ № II долженъ относиться къ 1243 — 1263 г. Во всякомъ случаѣ, за отсутствіемъ года, ее слѣдуетъ помѣстить рядомъ съ № XVI; а потому Шафарикъ ошибается, почитая ее древнѣйшею изъ Сербскихъ грамотъ. Гр-а № VI (С. № 5), отмѣченная въ Споменикахъ 1236-мъ годомъ, отнесена Шафарикомъ къ 1216 — 1231 г., а въ Pгоsvrestus при этихъ годахъ выставленъ въ скобкахъ 1233 — 1235 г. Тѣмъ же годомъ отмѣченная въ Споменикахъ гр-а № 4 означена у Шафарика 1233—1235 г. (№ VIII). Гр-ы NN № XI и XII (С. NN № 7 и 6), подъ которыми издатели Спомениковъ не выставили года, означены у Шафарика 1235-мъ годомъ. Равножърно другія двѣ грамоты въ Споменикахъ, писанныя, по мнѣнію

издателей, около 1240 г., NN^о 9 и 8, отмѣчены у Шафарика 1238-мъ г. NN^о XIII и XIV. Въ гр-ѣ N^о XV (С. N^о 12) разница состоитъ въ одномъ годѣ: у Шафарика выставленъ 1243-й годъ, а въ Споменникахъ 1244-й.

Остается сличить года нѣкоторыхъ грамотъ, напечатанныхъ въ Споменникахъ и хотя не изданныхъ Шафарикомъ, но упомянутыхъ имъ въ его Prospectus monumentorum Illyricorum. Между Ш. N^о 19 и С. N^о 10 разница въ одномъ годѣ. Сдѣсь кстати замѣчу, что у Шафарика выставленное въ гр-ѣ ния князя значится неправильно Luga: въ подлинникѣ оно есть Ъзра, т. е., Гюргъ, Дюрдй, Юрй. Подъ гр-ю С. N^о 15 выставленъ приблизительно 1248 г., а у Ш. при N^о 22 показанъ 1250—1251 г. Гр-у С. N^о 17 мы почитаемъ рѣше писанною, чѣмъ С. N^о 16 (1253 г.): такъ и Шафарикъ отмѣчаетъ ее у себя 1252-мъ годомъ (N^о 23). Въ С. гр-а N^о 18 приблизительно означена 1253-мъ г., а у Ш. она же, N^о 24, отнесена къ 1252-му г. Гр-а С. N^о 27 = Ш. N^о 31 въ первыхъ помѣчена приблизительно 1268-мъ г., а у второго 1266-мъ. Шафарикъ относитъ гр-у N^о 33 ко временамъ Драгутина, а въ Споменникахъ (N^о 38) она поставлена между грамотами Дечанскаго: рѣшить трудно, нужно видѣть самый подлинникъ. Впрочемъ подпись гѣа стефанъ чуть-ли не говоритъ въ пользу ея относительной молодости. Слѣдующія двѣ грамоты NN^о 34, 35 Шафарикъ приписываетъ Драгутину, замѣчая, однако, что онѣ, какъ и предыдущая, суть aetatis incertae. Неизвѣстно, какая грамота въ Споменникахъ отмѣчаетъ второй (Ш. N^о 35): гр-а ли подъ N^о 22 или подъ N^о 42? Думаю, что, на основаніи подписи, Шафарикъ не станетъ гр-у С. N^о 42 приписывать Драгутину, хотя и съ ?. Равнобѣрно и гр-у С. N^о 22 нельзя сопоставить съ N^о 35; ибо хотя въ той и другой упоминается о Бресковѣ, однако представленное у Шафарика вкратцѣ содержаніе гр-ы N^о 35 что-то слабо напоминаетъ о замѣчательномъ содержаніи гр-ы N^о 22. Но если бы и дѣйствительно Шафарикъ разумѣлъ эту самую грамоту, то, по нашему мнѣнію, ее вѣрнѣе можно приписывать Урошу I, чѣмъ Драгутину или, вмѣсто него, скорѣе ужъ Милутину. Подпись сдѣсь не рѣшаетъ ничего, пока нѣтъ предъ глазами подлинника: и Урошъ I, и Милутинъ, и Дечанскій подписывались иногда одинаково, именно, стефанъ црешъ краљь. Но Драгутину, кажется, нѣкогда было заниматься столь мелочными торговыми вопросами, какими посвящена грамота: для этого надобно царствовать долго и долго. Урошу же приличнѣе всего было заняться опредѣленіемъ торговыхъ правъ Дубровничанъ послѣ размирья, бывшаго въ 1253 г. Тому же предмету посвящена и другая Урошева грамота С. N^о 21. Одна служить какъ бы дополненіемъ другой. Положеніе о Бресковѣ, сдѣланное въ гр-ѣ N^о 21, примѣнено въ гр-ѣ N^о 22 и къ Рудницѣ. Грамота Дубровничанъ 1254-го г. (С. N^о 26) подтверждаетъ положеніе, сдѣланное въ гр-ѣ С. N^о 22 касательно выдачи виновныхъ. Въ положеніи о Бресковѣ, въ гр-ѣ N^о 22, нѣтъ ссылки на законъ отца или дѣда, чего всякій пресмникъ Уроша I не прикинулъ бы сдѣлать, при пособіи Дубровничанъ, не упускавшихъ случая напоминать сыновьямъ и братьямъ о выгодныхъ для себя договорахъ съ ихъ предшественниками: сдѣсь нѣтъ выраженія въ родѣ этого: како я кнѣзь сътверилъ вратями или ѿцыми, а это было бы очень легко сдѣлать, ибо въ Урошевской гр-ѣ N^о 21 есть уже постановленіе о Бресковѣ. Гр-а N^о 25, принадлежащая, по нашему мнѣнію, Милутину, повторяетъ почти слово въ слово положеніе о свидѣтеляхъ въ спорѣ Сербовъ съ Дубровничанами изъ гр-ы N^о 22 и тутъ же говоритъ, что это дѣлается по закону, постановленному

еще родителемъ короля: да съ на законъ. про нмъ и дая. стѣпоуиельни. гѣ ми ѡцъ. Ясно, что гр-а № 22 дана отцомъ Милутина, Урошемъ I. Впрочемъ, если бы даже гр-а № 25 принадлежала не Милутину, а Дечанскому, какъ думаетъ Шафарикъ, то все же таки гр-а № 22 будетъ относиться не къ Драгутину, а къ Милутину, отцу Дечанскаго. Но гр-а № 25 скорѣе всего принадлежитъ Милутину. Самъ Шафарикъ замѣчаетъ, что она *aetatis incertae*, и свое мнѣніе выражаетъ въ скобкахъ и съ вопросительнымъ знакомъ (№ 45). Подпись опять ничего не рѣшаетъ. Но находящееся въ гр-ѣ № 25 имя посла Грубѣши, встрѣчающееся еще въ гр-ѣ С. № 31, 1281 г., при частой смѣнѣ словъ, намекаетъ на близкое разстояніе обѣихъ грамотъ и принадлежность первой Милутину. Подписи въ обѣихъ грамотахъ весьма сходны. Шафарикъ относитъ гр-у № 34 = С. № 30 къ Драгутину (? *aet. inc.*), но почему же не отнести ея къ Милутину? Шафарикъ гр-у № 44, съ замѣчаніемъ *aetatis incertae* и съ ?, приписываетъ Дечанскому; издатели Спомениковъ приписываютъ ее Урошу I (№ 23); мы же держимся средины и видимъ въ ней грамоту Милутина. Касательно гр-ы С. № 29 = Ш. № 52 мы согласны съ Шафарикомъ, что она скорѣе относится къ Душану, чѣмъ къ кому-либо другому. Гр-у С. № 35 = Ш. № 55 Шафарикъ удачно отиѣчаетъ 1348-мъ годомъ, хотя и ставитъ при этомъ знакъ вопроса. Гр-у С. № 75 = Ш. № 240 Шафарикъ относитъ къ 1470 г. Хотя трудно назначить ей годъ; однако она, по всему вѣроятію, принадлежитъ ко второй половинѣ XV-го ст. Равноѣрно, къ этому же времени должно отнести и гр-у Черновеичей С. № 60, которой Шафарикъ назначаетъ 1460 — 1470 г. (№ 190). Гр-у С. № 76, около 1387 г., Шафарикъ отиѣчаетъ 1389—1398 г. (№ 100). У Шафарика въ гр-ѣ подъ № 129 ошибкою выставленъ 1421 годъ вмѣсто 1427, а въ гр-ѣ № 142, вмѣсто 5, стоитъ 25 октября. Почему при годѣ гр-ы № 196 = С. № 154 Шафарикъ поставилъ знакъ вопроса? Въ грамотѣ положительно выставленъ 1461 годъ. Шафарикъ употребляетъ въ грамотахъ правильный способъ переведенія лѣтъ отъ сотворенія міра въ года отъ рождества Христова. Онъ принимаетъ, и справедливо, сентябрьскій годъ, начинавшійся четырьмя мѣсяцами ранѣе январскаго.

Грамота Стефана Лазаревича, напечатанная въ Сербо-Далматинскомъ Магазиѣ, на 1844 годъ, относится, по всему вѣроятію, къ послѣднимъ временамъ деспотства Стефанова. Въ ней уже не помянуто о матери и братѣ Деспота; но, напротивъ, подобно грамотѣ, напечатанной у Авраамовича подъ № 16, уже говорится о минованіи различныхъ политическихъ бурь: И мѣтлами ихъ многаи сѣсгнъ быхъ, къ мори же, и на суши. къ ратехъ, и къ раздунимихъ изѣдахъ. и нахождѣни ѡ исполмичинихъ. Дажъ и ѡмлаиную дѣш мою ѡ братъ смъртныхъ възвратихъ.

Опредѣлявъ приблизительно возрастъ грамотъ, не носящихъ на себѣ года и не означенныхъ имъ вовсе, или означенныхъ ошибочно въ изданіяхъ, я приступаю къ рѣшенію другаго вопроса, не менѣе важнаго, какъ для исторіи народа, такъ и для исторіи языка, именно: въ какой странѣ какая грамота писана? Одною изъ трудныхъ задачъ государственной исторіи есть опредѣленіе границъ какъ общихъ, такъ и областныхъ: въ этомъ отношеніи древняя исторія Сербіи далеко не удовлетворяетъ требованіямъ любознательнаго изслѣдователя. Съ одной стороны, неизвѣстность мѣстоахожденія многихъ городовъ, упоминаемыхъ въ источникахъ, а съ другой безпрестанное измѣненіе

границъ въ слѣдствіе войнъ и договоровъ, часто заставляють историковъ означать границы только приблизительно одними именами областей, или городовъ. Въ отношеніи языка знать мѣстонаписаніе грамоты нужно по тому, что языкъ имѣетъ свои разнорѣчія, которыя могутъ быть подмѣнены на историческомъ пути не иначе, какъ чрезъ подобное распредѣленіе грамотъ. Къ выгодамъ изслѣдователя скажу, что Сербскій языкъ менѣе разнообразенъ, чѣмъ другія вѣтви того же говора, напр. Хорутано-Словенскія. Исторія языка покажетъ, въ какой мѣрѣ существовали его разнорѣчія въ старину.

Большую частію грамоты сами собою указываютъ на мѣсто своего написанія; но есть въ Споменникахъ и такія, которыя требуютъ историческаго соображенія для опредѣленія своей мѣстности. Между послѣдними грамота № 10, отъ князя Юрія Дубровника, писана въ Приморьи, какъ видно изъ словъ ея: гдѣ на ны подѣ дръва (суда, корабли) заморьскія и кынтутьскія на шьтѣ градъ; а въ какомъ именно городѣ и отъ какого князя Юрія — это можно бы было узнать изъ того, что князь Юрій называетъ свою жену дочерью короля Владислава; но Исторія не говоритъ намъ ничего о дочеряхъ Владислава. Впрочемъ, по имени упоминаемаго князя Озора, можно заключить, что грамота писана въ Омышѣ. У Люція нѣсколько разъ упоминается Озоръ, графъ Омышскій, изъ рода Кациховъ, въ половинѣ XIII ст. Чикарелли¹ передаетъ любопытный памятникъ отъ 1240 г., писанный на Латинскомъ языкѣ, въ которомъ, между прочимъ, говорится о походѣ Сплитянъ на Озора Омышскаго: *Cum D. Garganus potestas cum toto exercitu Spalatensium iret super Almisum ad accipienda pignora de DCCCXIII libris, quae dedit et accomodavit Ozor in manus Bogdanici pro comuni Spalati pro emendatione residui bestiarum* и т. д. Архидіаконъ Тома называетъ Озора *filius Malducis de Almisio* и графомъ Брача. По его словамъ, отецъ Озора былъ морскимъ разбойникомъ. Въ 1240 г. Сплитяне овладѣли Брачемъ и захватили Озора, который въ слѣдствіи получилъ свободу. Морскіе грабежи были главною причиною постоянной вражды приморскихъ городовъ². Каталиничъ³ рассказываетъ, изъ архидіакона Тома (гл. XXXVI), о морскихъ грабежахъ графа Омышскаго, Озора, и о взятіи его въ плѣнъ Сплитянами около 1240 года. Изъ того же источника вычерпнулъ и Енгель⁴, у котораго читаемъ, что около 1230 года Сплитяне, выведенные изъ терпѣнія морскими разбойниками Омышанъ, захватили, наконецъ, главнога предводителя морскихъ разбойниковъ, графа (князя) Озора (Ossor), и заставили городъ выдать имъ свои корабли. Этимъ объясняется, почему князь Юрій говоритъ, что къ Дубровничанамъ посланъ «отрокъ» князя Озора, а не самъ Озоръ: это ти градѣ Шрокъ княза Озора именовъ братослакъ съ потышномъ къ князу кашанъ и утѣ гокори Шрокъ княза Озора шьтѣ изъ ктѣръ княо сашомъ Озоръ: дѣ мѣ съ штѣти (дальше изорвано) градѣкъ къ кашъ. Время грамоты позднѣе 1240 года, потому что въ ней уже упоминается король Урошъ. Грамота № 18 писана въ побережьи близъ Дубровника; ибо, по ея словамъ, владѣніе князя Черномира находилось между Цавтатомъ и Молувтомъ, слѣдовательно, въ жупѣ Конавляхъ. Грамота № 41 принадлежитъ Дубровнику.

¹ Ciccarelli, Osservazioni sull' isola della Braza. Venez. 1802, стр. 107, 117. — Рейцъ, въ Сборникѣ Валуева, Москва, 1846, стр. 29.

² Schwandtneri Script. rer. Hungar., т. III, стр. 598 — 601 и слѣд.

³ Cattalinich, Storia della Dalmazia. Zara, 1835. Т. III, стр. 28.

⁴ Geschichte des Ungarischen Reichs und seiner Nebenländer. Halle. 1798. Часть II, стр. 493.

Гр-а № 56 писана въ Которѣ: князь Воиславъ, давшій ее, называется въ предыдущей грамотѣ «братомъ», т. е. любимцемъ, близкимъ, царя Уроша, и имя его стоитъ вмѣстѣ съ именемъ Котора. Гр-а № 58 Твердислава Углича, племянника Вукашинова, писана, можетъ быть, въ Македоніи, гдѣ отецъ Твердислава былъ намѣстникомъ. Во всякомъ случаѣ она принадлежитъ къ собственно - Сербскимъ грамотамъ. Гр-а № 60 Черноевичей дана въ Зетѣ, гдѣ родъ Черноевичей былъ однимъ изъ самыхъ почетныхъ. Гр-ы NN № 63, 67, 70 и 71, данныя Балшичами, писаны въ ихъ владѣніи, Зетѣ и сѣверной части Албаніи. Всѣ онѣ помѣчены городами: гр-а № 63 дана въ Дштѣ, № 67 въ Рьтцѣ на Черной горѣ, № 70 въ Тузахъ близъ Плучи, № 71 подъ Скродромъ. Гр-а № 74, вѣроятно, дана въ Дубровникѣ; давшій ее, Владиславъ, былъ сынъ Хлумскаго воеводы Стефана Косачи. Гр-а № 75 Алибега Павловича писана гдѣ нибудь въ Албаніи. Грамоты, данныя Санкомъ и Сяковичами NN № 78, 79, 80, 86, Сандаломъ NN № 93, 96, 98, 105, и его родичами NN № 110, 120, 124, 125, 128, 132, 134, 139, 142, 143, 144, 158, 159, 161, 162, 163, 169, 170, 171, 172, Григорьемъ Вукославичемъ № 94, Павломъ Радичевичемъ № 82, сыномъ его, Радославомъ Павловичемъ № 101, 102, 104, 106, 107, 114, 117, 122, 127, 129, и внуками, Иванишемъ № 133, Петромъ и Николаемъ № 145, принадлежать всѣ той части Сербіи, которая называлась Хлумомъ и Травуниєю, потомъ получила названіе воеводства св. Савы и, наконецъ, подъ Турецкимъ владычествомъ, именуется Герцеговиною. Можно еще нѣсколько ближе опредѣлить мѣстность грамотъ, вспомнивши, гдѣ сидѣли вышеозначенные роды. Санко и дѣти его владѣли Травуниєю и Конавлими, какъ видно изъ самихъ грамотъ. Князь Вукославичъ, родомъ Яблановичъ, былъ Травунскій бояринъ, и сынъ его называется графомъ Травунскимъ. Нѣсколько грамотъ Радослава Павловича писаны въ Борчѣ; Иванишева писана подъ Бродаромъ, но главнымъ городомъ оставался, по прежнему, Борчъ, какъ видно изъ гр-ы¹. Вѣроятно, Яблановичи получили Травунию послѣ Сяковичей. Къ Травунскимъ же грамотамъ должно отнести и гр-ы Влатка Поповича № 155, родственника Бранла Тезаловича, который часто упоминается въ числѣ бояръ Радослава Павловича, и гр-у С. № 156. Сандакъ былъ воеводою Хлумскимъ. Гр-а № 98 писана «въ Драчевицѣ въ Новомъ»², № 105 въ Куканѣ. Племянникъ Сандака, Стефанъ Вукчичъ Косача, воевода св. Савы, пишетъ грамоты: № 120 на Невесинѣ подъ городомъ Кяпауцымъ (Въньчецомъ, Въньчикомъ), № 128 въ Новомъ въ Драчевицѣ, № 134 въ Ключѣ, NN № 139 и 144 въ Новомъ, NN № 142 и 143 вѣнчикъ на валинѣ на пишутѣ. Сыновья Стефана Вукчича даютъ грамоту свою № 158 также въ Новомъ. Есть еще грамота Гервон Сплитскаго, № 88, и племянника его, Юрія, воеводы Дольнихъ Краевъ и проч., № 118; первая писана въ Звечанѣ, вторая въ Крешевѣ.

Опредѣливъ приблизительно мѣсто написанія тѣхъ грамотъ, которыя могли бы представить нѣкоторое затрудненіе при изслѣдованіи мѣстныхъ свойствъ Сербскаго нарѣчія и опредѣленія признаковъ пространства Сербскихъ областей, я раздѣлю теперь всѣ вообще грамоты на слѣдующія группы или семьи.

¹ Шафарикъ, въ Slow. Starož. II, IV, § 32, 663, Слав. Древн., ч. II, кн. I, стр. 433, не беретъ объяснить положеніе Борча: во всякомъ случаѣ его должно искать не въ собственной Сербіи, а въ Травуни.

² Оба города лежали близко одинъ отъ другаго.

Но прежде замѣчу, что сдѣсь есть своего рода исключенія, которыя составляютъ грамоты, писанныя въ чужихъ земляхъ, а не во владѣніяхъ тѣхъ лицъ, кому принадлежатъ. Такъ Дубровничане писали нѣкоторыя грамоты въ Дубровника, и на оборотъ, многія лица писали свои грамоты въ Дубровникъ; такъ нѣкоторыя грамоты даны на Аеонѣ, или въ Турецкихъ земляхъ и пр. Въ этомъ случаѣ всего лучше относить грамоты къ лицамъ, которыми онѣ даны. 1) Семья *собственно* — *Сербскихъ* грамотъ, данныхъ Сербскими королями, царями, деспотами и родичами ихъ. Къ нимъ принадлежатъ Аеонскія, всѣ тѣ, въ которыхъ говорится о надачахъ, сдѣланныхъ Аеонскимъ монастыремъ. Онѣ даны или на Аеонѣ, или въ канцеляріи Сербскихъ владѣтелей. Ихъ обнаружено немного: большая часть хранится въ рукописи на Аеонѣ. Извѣстія о нихъ сообщили архимандритъ Успенскій¹ и Авраамовичъ². Иосифъ Мюллеръ воспользовался ихъ указавіями и сдѣлалъ каталогъ всѣхъ грамотъ, упоминаемыхъ обоими путешественниками, расположивъ ихъ по годамъ, между тѣмъ какъ у Успенскаго и Авраамовича онѣ расположены по монастырямъ³. Но ему осталось неизвѣстнымъ путешествіе г. Григоровича, въ которомъ есть также любопытныя извѣстія о грамотахъ, хранящихся въ различныхъ Аеонскихъ монастыряхъ. 2) Семья *Боснійскихъ* грамотъ, писанныхъ банами и королями Боснійскими. 3) *Герцеговинскія* или *Хлумскія* и *Травунскія*. Въ исторіи языка мѣстами удобнѣе соединять обѣ послѣднія семьи вмѣстѣ подъ общимъ названіемъ *Боснійскихъ*; но мѣстами слѣдуетъ различать ихъ, даже Хлумскія отъ Травунскихъ. 4) *Турецкія*: четыре (С. № 164), касающіяся дѣтей Стефана Косачи, писаны одна въ Дубровникъ, другая въ Хотъ; обѣ означены годами по Христіанскому лѣтосчисленію, но двѣ другія по Магометанскому. Еще четыре Турецкія, данныя Дубровнику (С. № 113, 168, 173; С.-Д.-М. 1851 г.), изъ коихъ двѣ писаны въ Адрианополь, одна въ Царѣградъ, а другая неизвѣстно гдѣ, кажется, тоже въ Царѣградъ, ибо въ ней говорится о прибытіи Аеонскихъ монаховъ въ Порту къ Султану. 5) *Зетскія*, къ которымъ относятся также грамоты, данныя въ Албаніи Балшичами, Александромъ Кавинскимъ и Авлонскимъ (С. № 61) и Юриемъ Кастріотичемъ Скендербегомъ (С. NN № 148, 149), а также воздѣйшія Черногорскія (№ 60, Мил.). 6) *Дубровницкія*, писанныя Дубровничанами. 7) *Приморскія*, къ коимъ относятся не многія, писанныя въ побережьи выше и ниже Дубровника (С. NN № 10, 18, 94).

Другой, не менѣе замѣчательный, памятникъ Сербскаго языка есть *Законникъ* царя Душана. Въ 1349 году, мая 21-го дня, состоялся соборъ, на которомъ присутствовали Царь и патриархъ Іоанникій, всѣ архіереи и церковники, великіе и малые, и всѣ властели царскіе, великіе и малые. На этомъ-то соборѣ сочиненъ былъ Законникъ; дополненный въ послѣдствіи на другомъ подобномъ соборѣ, въ 1354 году. Изъ извѣстій, поданныхъ Шафарикомъ⁴,

¹ Описаніе монастырей Аеонскихъ въ 1845 — 6 годахъ по вѣстамъ. Журналъ Мил. Народн. Просвѣщенія, 1848, ч. 58, стр. 55 — 101, 111 — 168.

² О. Д. С. у С. Г. — Света Гора.

³ Slav. Biblioth. v. Miklosich, 1851. Стр. 147 — 199.

⁴ Въ Wiener Jahrbücher, 1831, Bd. 53, Anz. Bl., NN 116, 117, 118, и въ предисловіи къ Законнику, изданному имъ въ книгѣ: Památky dřevního písemství Jihoslovánův vь otdělu: okázky občanského písemnictví. W Praze. 1851.

отрывается, что всѣ доселѣ извѣстные списки Законника дѣлятся на два разряда: къ первому относятся всѣ тѣ, въ коихъ число статей не полно; изъ нихъ одни писаны древнимъ языкомъ, другіе подновленнымъ. Писаны древнимъ языкомъ или сохранившіе таковой, не смотря на позднюю переписку, суть: Ходошскій, писанный около 1390 г., Шишатовачскій, ок. 1541 г., и Хиландарскій. Писанные подновленнымъ языкомъ суть: Текеліевъ, Раваничскій, ок. 1650—1687 г., и Рудницкій, ок. 1700 г. Ко второму разряду принадлежатъ: Раковецкій, писанный въ 1700 г., и два списка, принадлежащіе проф. Григоровичу въ Казани. Сверхъ того, еще два другихъ неизвѣстныхъ списка находятся, одинъ у проф. Надеждина, изъ монастыря Быстрицкаго (въ Валахія), другой въ Стругѣ близъ Охриды (открытый г. Григоровичемъ). Списки Законника никогда не попадаются отдѣльно, но всегда встрѣчаются вмѣстѣ съ другими статьями Номоканоновъ. Списки второго разряда, по содержанию своему, столь же древни и достовѣрны, какъ и кратчайшіе списки первого разряда. Надписи надъ статьями суть плодъ выдумки позднѣйшихъ переписчиковъ, и потому не одинаковы во всѣхъ спискахъ. Шафарикъ, въ 1851 году, подъ общимъ названіемъ Памятниковъ письменности южныхъ Славянъ, въ 'отдѣлѣ Образцовъ гражданской письменности, издалъ Законникъ по древнѣйшему, Ходошскому, списку 1390-го года, дополнивъ недостающее изъ позднѣйшаго и полнѣйшаго, Раковецкаго, списка. Всѣхъ статей у Шафарика, по Ходошскому списку, оказалось 130. На 115-й оканчивается законникъ 1349 года, а съ 116-й по 130-ю включительно простирается законникъ 1354 года. За тѣмъ идутъ статьи изъ Раковецкаго списка числомъ отъ 131-й по 205-ю, которою и оканчивается весь Законникъ. Всѣхъ прибавочныхъ статей 75. Если изъ числа этѣхъ послѣднихъ мы 21 статью, входящую между статьями древнѣйшаго списка законника 1349-го г., прибавимъ къ 115, то увидимъ, что законникъ этого года оканчивался на 136-й статьѣ; а если еще 3 статьи, входящія въ Законникъ 1354-го г., присовокупимъ къ 136, то увидимъ, что второй законникъ оканчивался 139-ю статьею. Но сдѣсь еще не настоящій конецъ его. Раковецкій списокъ свидѣтельствуетъ, что къ нему должны быть приданы еще 51 статья, именно, тѣ самыя, которыя напечатаны у Шафарика по означенному списку, начиная съ 155-й до 205-й включительно. Такимъ образомъ изъ изданія Шафарика открывается, что, изъ 75-ти лишнихъ статей, 24 должны входить въ самый составъ Законника, по древнѣйшему списку, а 51 должны служить ему продолженіемъ. При семъ не могу не замѣтить, что моя показанія, основанныя на послѣднемъ изданіи Шафарика, рознятся съ показаніями Палацкаго¹, который всѣхъ статей Законника принимаетъ 200: на 135-й оканчивается редакція 1349-го г.; въ Законникъ по древнѣйшему списку недостаетъ 11-ти статей; со включеніемъ этѣхъ недостающихъ статей, древнѣйшій списокъ оканчивается 151-ю статьею; со 152-й всѣ остальные статьи должны быть заимствованы изъ позднѣйшаго списка. Всѣхъ недостающихъ статей 70. Въ этѣхъ показаніяхъ Чешскаго ученаго есть небольшое

¹ Srownánj zákonŭ cara Stefana Dušana srbakého s neustaršjmi řádu zemskými v Čechách. Въ Časopis Českého Museum, 1846. Русскій переводъ, съ дополнительными примѣчаніями, сдѣланъ проф. Бодявскимъ въ Чтеніяхъ Н. О. И. и Д. Р. 1846. N 2. Сербскій, съ особымъ вступленіемъ и примѣчаніями, сдѣланъ Милошемъ Поповичемъ, кажется, уже съ Русскаго перевода, какъ то показываютъ примѣчанія, оттуда заимствованныя; помѣщенъ во II-й части Гласника, 1849.

противорѣчіе: по его счету всѣхъ статей выходитъ 210 вмѣсто 200, имъ же самимъ принимаемыхъ; ибо если къ 151 прибавимъ 59, то получимъ 210: по этому, вмѣсто 11-ти, слѣдуетъ выставить 21-ую статью, или, оставивъ это число, сократить 151 на 141. Отрывки изъ Ходошскаго списка предложены были Палацкимъ въ упомянутой статьѣ и Шафарикомъ въ *Serbische Lesekörner*. Раковецкій списокъ получилъ свое названіе по монастырю Раковцу, гдѣ былъ написанъ. Теперь онъ хранится въ библіотекѣ Новосадской гимназіи, почему и называется иногда Новосадскимъ. Въ припискѣ сказано: *слинсе нже къ предѣламъ срамской горы къ цркви стой обштылы, монастырв раковцу. . . оци стй протитлющй стн законникъ блкнты а не кльнты гршного раба блѣа пахомѣа еромонаха понижше не ниса дѣх ми аггѣл нь рѣка брѣма и гршннл. въ лѣто 735б.* Слѣдовательно, списокъ этотъ сдѣланъ іеромонахомъ Пахоміемъ въ 1701 году. Шафарикъ, Палацкій, Кухарскій, Мацѣвскій и многіе другіе ученые называютъ его списокомъ 1700 года; но по чему — не знаю. Не имѣя случая свѣрить изданіе съ подлинникомъ, я остаюсь при 1701-мъ годѣ, какъ означенъ онъ въ Лѣтописѣ изданія Магарашевича. Въ этомъ Лѣтописѣ¹, въ III-й и IV-й его частяхъ, за 1828-й годъ, напечатанъ весь Раковецкій списокъ по Новосадской рукописи. Тотъ же списокъ изданъ былъ послѣ того Кухарскимъ², которому переслалъ Мацѣвскій, получившій его, въ свою очередь, отъ Шафарика. Слѣдовательно, можно думать, что списокъ изготовленъ былъ къ печати самимъ Шафарикомъ, который, сверхъ того, приложилъ къ нему Нѣмецкій переводъ, прилѣчанія и разнословія со списокомъ 1390 года. Въ такомъ видѣ изданъ онъ Кухарскимъ. Буквы гражданскія. Число статей въ Лѣтописѣ не означено; у Кухарскаго всѣхъ статей 160. Въ Раковецкомъ спискѣ, по изданію Лѣтописца, находится послѣсловіе, отдѣленное отъ предыдущаго чертою и начинающееся такъ: *Тѣмжѣ и азъ вѣмунъ, и спѣ ѿ и брѣслѣ влгѣго корннѣ ѿ стѣй бгѣосно вѣдѣй родителѣ и прѣродителѣ мой нарѣщѣсе рабѣ хѣ стѣфанѣ.* Но, согласно со смысломъ предыдущихъ словъ, черта должна быть перенесена гораздо выше, и именно туда, гдѣ оканчивается послѣдняя статья, *ѿ издѣке ханомъ*, слѣдующими словами: *да е опѣтъ егѣокъ а нно ннѣа да мѣз ѿ ѿзѣмѣ.* Слѣдующія за тѣмъ непосредственно слова: *Лѣуе сѣгршннѣа ѿстаклати, нѣ ѿмѣршннѣа нѣжѣ ннѣи испѣонннѣи мѣунѣти* должны служить настоящимъ началомъ послѣсловію, откуда понятенъ будетъ и заключительный оборотъ рѣчи *тѣмжѣ и азъ*. Подобныя вступленія съ заключительнымъ переходомъ къ изложенію самого дѣла весьма обыкновенны въ Сербской письменности. Далѣе въ послѣсловіи разсказывается, какъ Душанъ, вмѣстѣ съ отцомъ, одержалъ побѣду надъ семью царями, какъ пришелъ въ немплость у отца, вступилъ на престолъ, вѣнчался на царство и, наконецъ, издалъ Законникъ. Послѣсловіе оканчивается словами: *нъ шѣуѣ да воужнѣмъ къ вѣслѣной тихости и кѣзѣмѣкѣмъ жѣтѣю и въ прѣославлѣнѣй вѣри жѣтѣи съ всѣми людьми црѣкѣа нѣшого малѣмѣжѣ и вѣлнннѣмъ и всѣтѣнѣмъ црѣкѣо нѣшо въ вѣдѣщѣ ѿнѣмъ вѣщѣа амнѣ.* Отрывки изъ этого списка предложены были также Палацкимъ въ упомянутомъ Сравненіи Законовъ, тамъ, гдѣ недоставало статей по списку 1390 года. Въ III-мъ при-

¹ Лѣтописецъ за годину 1828. Година IV. Части 14 и 15.

² Древнѣйшія Памятники Словянскаго Законодательства. Варшава. 1858. Стр. 100. Нѣмецкій переводъ на стр. 171.

бавленіи къ IV-й части своей Исторіи, Ранчъ напечаталъ списокъ Душанова Законника, находящійся въ библиотекѣ Гр. Петра и Савы Текелиевъ, въ Арадѣ, и напечаталъ его «въ самой простотѣ своей отъ слова до слова». Нѣмецкій переводъ съ этого списка сдѣланъ Енгелемъ, въ его Исторіи Сербіи и Босны¹. Въ одномъ мѣстѣ своей Исторіи² Ранчъ пишетъ, что есть преданіе, будто Душанъ сочинилъ книгу правъ, и кодексъ этотъ хранится въ Дечанскомъ монастырѣ. Самъ Ранчъ не говоритъ утвердительно о послѣднемъ обстоятельстве, но предоставляетъ другимъ повѣрить его справедливость³.

Шафарикъ издалъ Ходошскій списокъ, какъ самъ онъ говоритъ, безъ всякихъ переиъвъ и дополненій, въ совершенной чистотѣ, ради его древности и исправности. Только уже въ слѣдъ за нимъ, не нарушая состава древнѣйшаго изложенія, приложилъ онъ, для дополненія, недостающія статьи изъ Раковецкаго списка. Изданіе одинаково съ грамотами: какъ тамъ, такъ и здѣсь всюду опущены древнѣйшіе знаки препинанія и титла. О прочемъ судать не можемъ. Какъ бы то ни было, это изданіе Шафарика мы должны принять въ основаніе при историческомъ и филологическомъ изученіи памятниковъ: ему же будемъ слѣдовать и въ историческомъ изученіи Раковецкаго списка, который, по молодости своей, не входитъ въ кругъ нашихъ филологическихъ изслѣдованій. Надобно отдать справедливость исправности Ходошкаго списка въ сравненіи съ другими. Статьи расположены довольно понятно: по крайней мѣрѣ, въ общемъ ихъ расположеніи можно найти нѣкоторый порядокъ, а именно, сначала идетъ рѣчь о духовенствѣ и дѣлахъ церковныхъ, потомъ о гражданскихъ и уголовныхъ и, наконецъ, о дѣлахъ судебныхъ. Заглавія статей, хотя, быть можетъ, и позднѣйшія, принадлежащія самому писцу, сдѣланы удачно; но не для всѣхъ статей. Всѣхъ заглавій LXXIV. Раковецкій списокъ не слѣдуетъ такому порядку статей, какому Ходошскій; въ сравненіи съ послѣднимъ, статьи его переиъшаны, но такъ, однако, что общее расположеніе ихъ остается замѣтнымъ. Особенно важно то, что смѣшеніе статей совершается въ тѣхъ только предѣлахъ, до которыхъ доведень списокъ 1390 года. Этотъ предѣлъ въ изданіи Кухарскаго означень чертою — и очень справедливо: 120-я ст. отвѣчаетъ послѣдней, 130-й, статьѣ Ходошкаго списка, и съ 121-й начинается дальнѣйшій рядъ статей, которыхъ уже нѣтъ въ Ходошскомъ списокѣ. Спрашивается, почему изъ вѣдѣхъ послѣднихъ статей только одна, именно 148-я, отвѣчающая 44-й ст. Ходошкаго списка, вошла въ составъ древнѣйшаго списка, всѣ же прочія, не смотря на существующее смѣшеніе, остались въ сторонѣ служить лишь продолженіемъ конца, но не полненіемъ середины, или начала его? А между тѣмъ всѣ предшествующія статьи до 120-й, по числу своему, переиъшиваются страннымъ образомъ со статьями Ходошкаго списка, то есть, въ обоихъ спискахъ порядокъ статей чрезвычайно различень; но весь Ходошскій списокъ, не смотря на это смѣшеніе статей, равняется только тому объему Раковецкаго, который оканчивается 120-ю статью, со включеніемъ 148-й, и только съ вѣдѣи первыми 120-ю статьями можетъ быть сравниваемъ. Въ числѣ вѣдѣхъ же 120-ти статей находятся и тѣ, коихъ недостаетъ въ Ходошскомъ списокѣ.⁴ Словомъ, Рако-

¹ Geschichte der Servien und Bosnien. Стр. 283 — 310.

² Ч. II, стр. 783.

³ По послѣднимъ рассказамъ путешественниковъ, извѣстіе Ранча о Дечанскомъ подлинникѣ подтверждается.

ведкій списокъ только первыми своими 120-ю статьями отвѣчаетъ вполне всему Ходошскому, а изъ послѣдующихъ только одна 148-я вошла въ составъ Ходошскаго. Если бы не было сдѣсь какихъ либо постороннихъ причинъ, то легко могло бы случиться, что изъ послѣднихъ 121 — 160 статей не одна, а многія отвѣчали бы статьямъ Ходошскаго списка; ибо если смѣшеніе статей въ Раковецкомъ списокѣ было допущено и, при томъ, въ такомъ огромномъ разнѣрѣ, то по чему бы писцу не помѣстить было какой либо статьи древнѣйшаго списка между статьями 121—160? Нѣтъ, на 120-й статьѣ онъ вдругъ какъ бы остановился. Изъ этого я заключаю, что подлинникъ, служившій іерономаху Пахомію, самъ по себѣ былъ списокомъ, сдѣланнымъ съ двухъ подлинниковъ, изъ коихъ одинъ былъ кратчайшій, одинаковаго объема съ Ходошскимъ, гдѣ писецъ и дѣлалъ по своему перестановку статей, а другой полнѣйшій, изъ котораго заимствовано было продолженіе первому, и хотя тоже, можетъ быть, подверженное перестановкѣ, однако уже не могшее войти въ составъ предыдущихъ статей. Покончивъ съ однимъ подлинникомъ, писецъ привился за другой, сплотивъ ихъ вмѣстѣ при концѣ 130-й (по Ход.), или 120-й ст. (по Раков.). Отъ того статьи одного подлинника не смѣшались со статьями другаго. Это обстоятельство указываетъ на древность кратчайшихъ списковъ и заставляетъ думать, что древнѣйшій, кратчайшій, списокъ не былъ извлеченіемъ изъ полнѣйшаго, но только не доконченнымъ, или по чему либо прерваннымъ во время переписки. Удивительно то, что Ходошскій списокъ, сдѣланный только чрезъ 36 лѣтъ по изданіи Законника, является уже краткимъ, и что другіе древнѣйшіе, досель извѣстные, списки всѣ суть краткіе. Несходство Раковецкаго списка съ Ходошскимъ, лишнія статьи въ томъ и другомъ и вставки въ первомъ, относящіяся ко временамъ Уроша и Лазаря, показываютъ, что, помимо Ходошскаго, были другіе краткіе списки, не уступавшіе ему въ древности. Не было ли при самомъ изданіи Законника двухъ редакцій, такъ что недостающее въ Ходошскомъ списокѣ есть уже прибавленіе, сдѣланное либо въ томъ же, 1354-мъ, году, либо въ слѣдующихъ годахъ царствованія Душана? Но присутствіе въ Раковецкомъ списокѣ нѣкоторыхъ, очевидно, позднѣйшихъ вставокъ и поясненій, показываетъ, что у переписчика былъ подъ рукою какой либо позднѣйшій списокъ, если только не самъ переписчикъ дополнял и измѣнялъ слова подлинника. Вотъ что говоритъ о немъ Шафарикъ, сличая его съ древнѣйшимъ: Hier endet die alte Hands. v. J. 1390. Alles bis ans Ende folgende steht lediglich in der Hs. 1700, und ist daher zum Theil sehr verdächtig, wenigstens entstellt. Einiges scheint wohl alt zu seyn, etwa aus der Zeit des Tzars Urosch und Lazar (1366 — 1389); mehreres scheint mir entschieden unächt. Die letzten §§ sind gar sinnlos. Mehrere sind nur Wiederholungen der frühern. Es scheint fast, als wenn der Abschreiber selbst sie concipirt hätte. Раковецкій списокъ, какъ изданъ онъ въ Лѣтописѣ, заключаетъ въ себѣ много ошибокъ, рѣже затемняющихъ смыслъ и чаще обнаруживающихъ небрежность писца. Б-ы ѣ и ѣ смѣняются одна съ другою; есть з, но нѣтъ оу, вмѣсто котораго ставится ү; а употребляется иногда вмѣсто ш; и — нѣтъ, но вмѣсто него существуетъ какое-то странное іе; падается и ѡІ вмѣсто м; надъ краткимъ и становится значокъ ѱ; титлы и значки, . . . удержаны; знакомъ препинанія служитъ одна точка. Содержаніе № 4, подъ заглавіемъ ѿ ересѣ латинскій, заключающееся въ четырехъ статьяхъ, опущено въ печати, по недозволенію Австрійской цензуры. Сдѣланное по той же рукописи изданіе Кухарскаго отличается отъ Лѣ-

тописнаго исправностию формъ; но печать въ немъ гражданская: отъ того какъ-то странно бросаются въ глаза подобныя буквы *ou, ia, ie*; б-ы ъ нѣтъ. Оба изданія согласны въ расположеніи статей. Заглавіи въ Лѣтописномъ изданіи 94; у Кухарскаго ихъ 95, ибо послѣдняя статья, *о издаве законъ*, стѣшена 95-мъ числомъ, чего нѣтъ въ Лѣтописѣ. Древность текста Раковецкаго списка и самихъ находящихся въ немъ вставокъ побуждаетъ насъ, въ историческихъ изслѣдованіяхъ, обращать вниманіе на его разнословія съ Ходошскимъ, а, по прекращеніи послѣдняго, исключительно принять его въ основаніе изслѣдованій, по изданію Шафарика. Списокъ Текеліевъ, напечатанный у Ранча гражданскими буквами, есть самый поздній и невѣрный; онъ значительно передѣланъ какъ въ содержаніи, такъ и по языку. Многія статьи переижданы самымъ варварскимъ образомъ. Такъ, на пр., конецъ одной приставленъ къ началу другой; одна статья вставлена въ другую; нѣкоторыя раздроблены; одні сокращены, другія распространены, отъ чего мѣстами измѣнился и самый смыслъ; многія статей вовсе опущено; въ концѣ и кое-гдѣ въ срединѣ есть значительныя добавки изъ Властарова Правильника. Оба предыдущіе списка не такъ отличаются другъ отъ друга, какъ этотъ отъ нихъ обоихъ. Пользоваться имъ для того времени, которое служить имъ предметомъ историческаго изслѣдованія, я считаю невозможнымъ: прибавленія и передѣлки въ такой безобразной смѣси законовъ ничего не говорятъ объ этомъ времени; ихъ мѣсто въ позднѣйшихъ вѣкахъ. Они произошли частію въ слѣдствіе новыхъ условій общегитія, частію отъ желанія писца уяснить слова подлинника по своему крайнему разумію. Въ нихъ легко можно подмѣтить наростъ времени и руку самого писца, который сокращалъ или распространялъ, смотря по надобности, подлинныя выраженія Законника. Впрочемъ, въ немъ есть статьи, носящія на себѣ, по содержанію, признакъ глубокой древности и не находящіяся въ обомъ предыдущихъ спискахъ; такова, на пр., статья 69-я: *Аще ли убежеть отъ кое нужде, или отсужданства отъ иніе земля ко нашему Царству, тако да ильст дати натрагъ, аще и мною та земля постраждетъ*. Таковы еще статьи: 52, 80, 94, 95 и 98.

Языкъ всѣхъ трехъ списковъ имѣетъ свои особенности, которыя отвѣчаютъ возрасту самихъ списковъ. Языкъ перваго, или древнѣйшаго, списка отличается отъ прочихъ наибольшимъ присутствіемъ Ц.-Славянской стихіи и ясности изложенія. Это объясняется, во первыхъ, древностию списка, не могшаго такъ много, какъ другіе, подвергнуться порчѣ переписчиковъ; а во вторыхъ тѣмъ, что на соборахъ 1349 и 1354 годовъ главное мѣсто занимало духовенство, рецензіи коего Законникъ необходимо долженъ былъ подвергнуться. Очень можетъ быть, что и сочиняло его какое ни будь духовное лицо. Во всякомъ случаѣ, важность содержанія и неминуемое участіе духовенства требовали, по тогдашнему мнѣнію, и пристойнѣйшаго языка, а таковымъ былъ Ц.-Славянскій. Напротивъ того, Раковецкій списокъ обилуетъ звуками и формами народными. Въ статьяхъ, совершенно сходныхъ по содержанію со статьями Ходошскаго списка, рука позднѣйшаго переписчика умѣла сгладить рѣзкіе оттѣнки Ц.-Славянской стихіи и замѣнить ихъ народными; но въ то же время нѣкоторыя ошибки въ смыслъ словъ, даже вовсе темныя мѣста, упрекаютъ писца въ слишкомъ произвольномъ измѣненіи подлинника. Принимая въ расчетъ то, что Пахомій окончилъ списокъ въ 1701-мъ году, и судя по свѣжести народныхъ признаковъ и чистотѣ преобразованія языка, мы никакъ не можемъ думать, чтобы самъ Пахомій могъ сдѣлать отъ переижды: въ его время нельзя было

итѣ и побужденія къ тому. Все заставляетъ насъ признать за Раковецкимъ спискомъ большую древность, чѣмъ полуторавѣковую; онъ, по языку своему, относится, по крайней мѣрѣ, къ XV-му столѣтію, ко второй его половинѣ, когда народная стихія еще правильнымъ путемъ, безъ перелома и незамѣтно тихо, входила въ древнія права Ц.-Славянской. Не то уже было въ послѣдствіи, когда Сербія пала совершенно, а съ нею палъ и письменный языкъ: съ того времени всякое развитіе его, которое до того времени было такъ разумно, естественно и безыскусственно, прекратилось, а вмѣсто него, въ языкѣ явилось неправильное смѣшеніе Ц.-Славянскихъ формъ и звуковъ съ народными, смѣшеніе, лишенное жизни, чуждое движенія; ибо и самый народъ едва только сохранялъ въ себѣ искру жизни. Закоснѣніе продолжалось нѣсколько вѣковъ, къ которымъ принадлежалъ и вѣкъ Пахомія: языкъ, уже чуждый согласія составныхъ частей, оставался въ одномъ положеніи, какъ гряда двухъ разрушенныхъ стихій, куда рукою переписчиковъ и писателей этого времени подброшено было какъ можно болѣе признаковъ Ц.-Славянской стихіи, снова, въ это печальное время, осилившей народную. Порабощенный народъ, отставляя вѣру своихъ предковъ, имѣя нравственною опорою духовенство, далъ и въ языкѣ своемъ, величаемомъ названіемъ книжнаго, ходъ Ц.-Славянской стихіи, болѣе противъ прежняго. Ежели, въ счастливыя времена самобытности и могущества, народъ Сербскій постоянно стремился къ полному самосознанію, которое такъ вѣрно отражалось въ его книжномъ языкѣ, черезъ торжество народнаго начала, то въ бѣдственные времена смуть и разрушенія прежняго порядка вещей, обѣ стихіи стали въ превратное отношеніе, которое не могло произвести ничего живаго, а произвело одну безобразную смѣсь, чуждую всякаго преуспѣянія. По этому самому рецензію Раковецкаго списка я не отношу ко временамъ Пахомія, но ставлю его гораздо ближе къ XV-му столѣтію; а самого Пахомія, сдѣлавшаго этотъ списокъ, признаю самымъ вѣрнымъ и добросовѣстнымъ переписчикомъ, неизмѣнно и сохранило передавшимъ языкъ древнѣйшаго списка, служившаго ему подлинникомъ. Въ его время, повторяю, нельзя было совершить такой редакціи. Пахомій, іеромонахъ и, какъ видно, начетчикъ церковныхъ книгъ, самъ не могъ опустить Ц.-Славянскихъ формъ и замѣнить ихъ сербизмами. Вотъ какъ языкъ говоритъ онъ о себѣ: *А писашаго сѣ сердце съетно и лукаво, бѣи сиомъ ѡтхнуомъ а палъ земама дрехла, а рѹце брама и грѣшиа ѹмомъ нѣ бѣ вицѣпраканиа многими грѣхи поминамъ емъ ѡкланиі азъ ѡчи стѣи проунтаѹщій сѣи законниа блѣите а не каинте грѣшнаго рѣба бѣіа пахоміа еромонаха вопиже не ниса дѣхъ ни аггѣлъ ни рѹка брама и грѣшиа. Въ лѣто 756. Подобнымъ языкомъ писано и послѣсловіе. Видно, что писало его какое либо духовное лицо, или, по крайней мѣрѣ, писецъ поддаивавался подъ духъ Ц.-Славянскаго языка. И писатель Пахомій соблюлъ въ точности это различіе между текстомъ и послѣсловіемъ, что не мало подтверждаетъ его добросовѣстность. Напротивъ, къ позднѣйшему времени, или ко времени смѣшенія обѣихъ стихій и вторичнаго преобладанія Ц.-Славянской, должно отнести составленіе Текеліева или Арадскаго списка, напечатаннаго Раичемъ. Языкъ этого списка исказенъ писцемъ, желавшимъ въ народную стихію примѣшать поболѣе Ц.-Славянской; онъ носитъ на себѣ всѣ признаки позднѣйшаго времени, когда Сербскій языкъ до того былъ испорченъ въ устахъ книжниковъ, что его нельзя было назвать ни Сербскимъ, ни Ц.-Славянскимъ, а называли его вообще Славяно-*

сербскимъ. Во всѣхъ трехъ спискахъ есть свое замѣчательное словоупотребленіе. Списокъ 1701 г. замѣняетъ нѣкоторыя слова списка 1390 г. другими словами. Такъ, вмѣсто употребляемаго въ древнѣйшемъ списокѣ слова *порота*, въ позднѣйшемъ употреблено *свѣдъ*; *вм. поротьци* — *свѣдѣ*: это показываетъ, что для составителя Раковецкаго списка слова *порота* и *поротьци* уже утратили свое значеніе и сдѣлались неизвѣстными; списокъ 1390 г. употребляетъ и *соудъ* и *порота* — каждое въ своемъ значеніи. Такъ, вмѣсто *имѣтиа*, какъ стоитъ въ древнѣйшемъ списокѣ, въ позднѣйшемъ поставлено *коуѣи*, вѣроятно, *коуѣи* или *коуѣе*; *вм. кон хотеть быти стронѣаіе домоу кожю* — *кон ге* (т. е., *ки*) *стѣжати домоу кожѣи*; *вм. люди црѣковне* — *меропѣ црѣкне*; *вм. оу мнорѣи* — *у мурѣки*; къ слову *властелина* древнѣйшаго списка прибавлено въ позднѣйшемъ *сирѣчь князѣ или болшрина*¹; выраженіе списка 1390 г. *кто не имать баѣнне* — въ сп. 1701 г. пояснено словомъ *сиромѣ*²; *вм. ливадоу* — *инѣз*; *вм. коуѣи* — *дому*; *вм. ѿтъ свѣтаго крама* — *ѿ црѣ*; *вм. оу жоуѣи или оу катюѣоу* — *у полю или шатору*; *вм. соужь* — *тѣцѣи*; *вм. стаминноу* — *градлиннѣ*; *вм. жоупа* — *вндаѣтъ*; *вм. логофетоу* — *писарѣ*; *вм. меропѣ* — *сауга*; *вм. уелици* — *науелици*; *вм. оу ирагѣ* (т. е., *краѣи*) — *краден* (съ благозвучнымъ *в*); *вм. въ ризахъ* — *къ одежѣ*. Также точно находимъ нѣкоторыя словозамѣненія въ спискахъ Раковецкомъ и Текеліевомъ. Вмѣсто *меропѣи* перваго во второмъ употреблено *посадники*; *вм. тѣцѣи* — *сужань*, какъ въ сп. 1390 г.; *вм. темнице* — *робства*; *вм. стаминнѣ* — *го-стимникъ*; *вм. писарѣ* — *логофетъ*; *вм. проишрѣ* — *господарѣ*; слово *ѿтроци* замѣщено или словомъ *люди*, или словомъ *посадники*; *вм. пристаѣ* употребляется слово *посланникъ* и пр. Для ближайшаго знакомства съ языкомъ и способомъ изложенія Ходошскаго и Раковецкаго списковъ, я приведу изъ нихъ нѣсколько статей для сличенія. Сп. 1390 г. *И святитѣаіе да поставѣтъ доухоуѣнне по въ-сѣхъ мортѣхъ, по градовѣхъ и по селѣхъ и ты доухоуѣнни да соуѣтъ, нѣз соуѣтъ прѣбави благословѣіе ма доухоуѣннуѣство вѣзати и рѣшити ѿтъ сконъ имѣ архі-ерѣи. и да слоушавѣтъ ихъ всѣмъ по законуу црѣковномоу. а ѿмыи доухоуѣнни конѣхъ не соуѣтъ поставлѣнн доухоуѣнне, да иждѣноуѣтъ се, и да ихъ вѣдѣвѣса црѣкка по законуу. Сп. 1701 г. И стѣи да поставѣ дѣоуѣнне по всѣхъ извѣрихъ ихъ и по градовѣхъ и по селѣхъ и ты дѣоуѣнни да и слѣша всѣмъ уаѣкъ по законуу црѣковнѣ. а они дѣоуѣнни конѣи ни сѣ поставлѣени да се иждѣнѣвѣтъ по законѣ црѣковнѣ. И дѣоуѣннѣ дѣлѣгъ ипоставлѣени да не свѣдѣ кто ли се илѣге ѿ ипоставлѣени свѣдѣнѣ црѣковнѣ дѣлѣгъ да плати тѣи вѣрѣрѣхъ тѣммоу црѣковѣ да свѣди. Сп. 1390 г. И на тисоуѣоу коуѣи да вѣтаѣтъ се въ монашѣрихъ. в. калогирѣ, Сп. 1704 г. И у монашѣрѣ да се*

¹ Въ Лѣтописномъ изданіи этой прибавки нѣтъ. См. ст. нѣ.

² Это выраженіе не мѣшаетъ принять въ соображеніе при толкованіи слова «изгой». Оно доказываетъ, что тотъ, кто не имѣлъ своей баштины, т. е., наследственной или родовой, въ нынѣшнемъ смыслѣ, собственности, хотя бы имѣлъ другаго рода земельную собственность, назывался «сиротою». *Сирота коудѣлинца*, читаемъ далѣе въ Законникѣ (ст. 55, изд. Шаф.), да есть свободна, такожде, мѣо и поль. Если вспомнимъ, что въ старину ремесла были наследственными въ родѣ, то увидимъ, что смыслъ этого мѣста таковъ: человекъ, не получившій, въ наследственную собственность, земли для добыванія глины, какъ и сирота поль, свободенъ отъ повинностей. Съ этимъ можно сличить другое мѣсто Законника (ст. 31, изд. Шаф.): а нѣмы поповѣ, кон не имѣю баѣнне, да им се дадоу три нѣзѣ законитѣ, и да есть капл повоуѣскѣ свободна.

драве ѿ малугеръ. Сп. 1390 г. И налогирѣ и налогирѣце, кон се пострѣжють, та живють въ своихъ домохъ, да изглавють се, и да живють по монастырѣхъ. Сп. 1701 г. И малугери кон се пострѣжѣ пани нде у свой домъ да се ѿждемъ ѿдома ѿ да ѿде у монастырѣ. Сп. 1390 г. Аще кто оужжетъ коукю или гоумио или слямоу или сѣно по низме (нести) комоу, да съжгоуть его огнемъ. аще ли се не панде, да га дастъ този село. аще ли не дастъ, да плати този село, що би пожгы платилъ. Сп. 1701 г. Аще сѣ кто пани кон пани изъѣдъ уѣдъ или гумио, или слямѣ, или сѣно. то сѣло изъкога е ть уѣкъ кон е упалѣо, да га дѣдъ. аколи га не дѣдъ да плати то сѣло. що би даѣ пожжѣнѣа. Сп. 1390 г. Кто що пани оу царевъ зѣман, да не възметъ та речеть: вратити кю. аще кто що позма, та похвати или възме, да плати кю и тать и хоусарь. Сп. 1701 г. Уто пани ко у црѣвой зѣман да не възме да не рѣу вратити кю. ако не позма ѿ похвати. или възме да плати што тать, и гусарь. Сп. 1390 г. Повеланіе царьско. оуъ выки да естъ верота и за много и за мало. за велико дѣло да соу. ид. поротъци, а за помѣнны дѣлгъ .ки. поротъць, а за мало дѣло .з. поротъць. и тизи поротъци да не соу колѣни оумирити ни кога, развѣ да осправе, или да осправе. и да естъ въсака порота къ црѣкви, и понь къ ризахъ да ихъ замальеть. и оу веротѣ кюмо се выки кюмоу, и кога выки осправе, тизи да соу взрванн. Сп. 1701 г. Повеланіе црѣко ѿ събора ѿсѣдѣ панирѣ да естъ сѣдѣ и за много и за мало: за велико дѣло да ст идъ сѣдѣ и за маний дѣлгъ да сѣ вѣ а за мало дѣло ѿ. и да вѣ у нихъ родима ни пизматарѣ. и тѣ сѣдѣ да исъ колѣни никого умирити, развѣ да осправѣ, или пани да осправе. и да е въсѣмъ сѣдѣ къ црѣкви и понь да осправѣтъсѣ къ одѣлѣ и да и замальеть. и сѣдѣ кога кѣмьеть и кога ѿ правѣдѣ тѣ да сѣ взрванн. Не мѣе любопытно сличить всѣ три списка вывѣсть. Вотъ нѣсколько статей на выдержку. Сп. Ходош. И всѣи хрисовоудн и простагме, що естъ комоу сътворило царство ми, и что кѣскощеть комоу сътворити, и тѣзи вѣщине да соу тверде вѣже и вѣщине правокърѣннхъ царь. и да соутъ волиними или подѣ црѣкѣ да дати, или за доушоу оудати, или продати комоу либо. Сп. Раков. И всѣи хрисовѣдѣ и простагме що е кому дѣто црѣко повеланіе. и што ге кому дати. и вѣщине да сѣ тверде. како и вѣщине правокърѣннхъ црѣ. да сѣ волиними. или црѣкви дати или за дѣшѣ оудати. или продати кому либо. да е свобода. Сп. Текел. *И васи русоволи и записанія, што е кому оставило царство мое и што кому оставихъ бащине и записанія да су тверда, како и прочихъ первыхъ православныхъ царей, волини нима или подѣ црѣкѣ дати, или за доушу, или продати либо кому.* Сп. Ходош. Кон властелинъ имать дѣтѣноу, или не имать и оумреть, и по негове смрѣти бащина ноуста останеть, аще се осправѣтъ оуъ шѣока рода до третѣго братоучѣда, тѣ да имать егокоу бащиноу. Сп. Раков. Кон властелинъ не имать дѣтѣ или имать и умреть и по неговой смрѣти бащина ноуста остане. гдѣ сѣ пани ѿ неговаго рѣда до третѣго братоучѣда. тѣ да има рѣдѣ изъкоу бащину. ако не бѣдѣ ближнѣйшаго. Сп. Текел. *Кон властелинъ имать дѣтѣноу. а пакъ не имель буде чедѣ и умреть: и по неговои самрѣти бащина пуста, иде се обряцеть оуъ негова рода до третѣго братоучѣда, тѣ да има неговоу бащину.* Сп. Ходош. И вѣщине всѣ да соутъ свободне оуъ всѣхъ работъ и подьяннхъ царства ми, развѣ да дѣлають кони, и конскоу да вѣжють по закомоу. Сп. Раков. И вѣщине всѣ да сѣ свободне ѿ всѣхъ работъ. рѣдѣ да даѣ десѣто и войску да воюѣ по зѣкомѣ. Сп. Текел. *А властелинѣ бащине, да су свободне оуъ всѣхъ данакъ царства нашего, разма да дають десѣтѣноу,*

и войску да воюють са мною по закону. Сп. Ходош. Аще оубѣ властелинъ себръ оу градуу или оу жоупѣ или оу китоуноу, да плати тысоуцоу перперь. аще ли себръ властелина оубѣтъ, да моу се ѡбъ роуцѣ ѡтсѣмоутъ, и да плати .т. перперь. Сп. Раков. Аще уѣтъ властелинъ себръ ѣ градѣ, или у полю, или шатору. да плати тысоуцѣ перперь. А коли себръ властелина уѣтъ. да мѣ се ѡбъ рѣцѣ ѡтсѣку и да плати ѣ перперь: Сп. Текел. *Аще бѣтъ властелинъ себра у граду или у жуупи, аще на смерть умретъ себарь, да платитъ властелинъ 1000 перперь, ако ли бѣтъ себарь властелина, да му се руке отсекутъ, и да платитъ 300 перперь.* Приведенныхъ статей достаточно для того, чтобы видѣть, что Текеліевъ списокъ такъ же точно относится къ списку Раковецкому, какъ этотъ послѣдній къ списку Ходошскому. По содержанію и языку, всѣ три списка стоятъ въ прямомъ другъ къ другу отношеніи. Раковецкій списокъ значительно рознится отъ Ходошскаго чрезъ измѣненія, вставки, смѣшеніе и избытокъ статей; Текеліевъ еще болѣе рознится съ Раковецкимъ чрезъ неумѣстныя поясненія древнѣйшаго смысла статей, весьма важные пропуски, искаженія и дополненія. Ходошскій списокъ, по языку своему, принадлежитъ къ той семьѣ памятниковъ, въ которой Ц.-Славянская стихія имѣла наибольшее вліяніе и въ то же время согласно и естественно, но не безобразно, дружилась съ народною. Раковецкій представляетъ совершенно противоположное явленіе и указываетъ на ту пору и то направленіе писцовъ, когда народная стихія, осливъ Ц.-Славянскую коливчествомъ признаковъ, не переставала благотворно воздѣйствовать на языкъ, не нарушая его правильнаго развитія. А Текеліевъ напоминаетъ собою то время, когда языкъ книжниковъ искажился до безобразія въ слѣдствіе упадка народной жизни; когда смѣшеніе стихій произвело въ языкѣ ломку, безсвязное столкновеніе частей при насильно водворенномъ превосходствѣ Ц.-Славянскихъ признаковъ.

Окинемъ еще разъ бѣглымъ взглядомъ пройденное нами пространство и назовемъ тѣ источники, которыми можемъ пользоваться въ исторіи Сербскаго языка. Исторія государственная не такъ взыскательна: ей нужны только вѣрность содержанія памятника, да правильно выставленный годъ. Но исторія языка требуетъ больше: она можетъ пользоваться такими неопредѣленными, безъ именъ и годовъ, безцѣльно — историческими памятниками, которыми первой пользоваться не нужно: она должна опредѣлять возрастъ памятника по его языку и сдѣлать его годнымъ для первой: она нуждается не только въ вѣрномъ опредѣленіи возраста и мѣстоаписанія памятника, но требуетъ еще, чтобы и списокъ съ него былъ сдѣланъ вѣрно, добросовѣстно, съ дипломатическою точностію. Она, какъ и первая, имѣетъ дѣло съ историческими событіями и лицами; но, сверхъ того, главнѣйшимъ ея предметомъ есть языкъ памятника: по этому ей, какъ и первой, нужна не только вѣрность содержанія, мѣстности, именъ и года, но, сверхъ того, еще и вѣрность языка, если она пользуется не самымъ подлинникомъ, а только спискомъ съ него. Отъ того кругъ пользованія у государственной исторіи обшириѣе, чѣмъ у исторіи языка. Изъ упомянутыхъ нами изданій грамотъ и Законника, изъ коихъ всѣ полезны для исторіи народа, многія остаются бесполезными для исторіи языка. Таковы изданія грамотъ Вучича, Юдинаца, Давыдовича, Магарашевича, Голубицы: ими мы вовсе можемъ не пользоваться, равно какъ и изданіемъ Тирола и Соларича; ибо всѣ они (кромя одной грамоты Душана и одной Дабыши) уже вошли въ позднѣйшія и исправнѣйшія изданія. Къ послѣднимъ принадлежатъ Споеники, Сербскія Древности

Авраамовича, Гласникъ, Памятники Шафарика и его же *Serbische Lesekörner* (для того, что не нашло себѣ мѣста въ Памятникахъ), изданіе Милутиновой грамоты у Миклошича и Черноевичевой у Милутиновича. Другою грамотою Черноевича, у того же Милутиновича, мы не можемъ пользоваться, ибо она напечатана гражданскими буквами и съ измѣненіями въ языкѣ. По той же самой причинѣ остаются для насъ бесполезными значительныя отрывки изъ Сербскихъ грамотъ, сообщенныя г. Григоровичемъ. Небольшой отрывокъ въ Словарѣ В. Караджича съ пользою послужитъ намъ для двухъ, трехъ примѣровъ. Равноиѣрно, съ осторожностію должно пользоваться спискомъ Караджича, сдѣланнымъ съ Сербскихъ грамотъ для Гр. Румянцева и изданнымъ въ отрывкахъ г. Востоковымъ. Списокъ этотъ, по сличенію тутъ же приложенной надписи на погровѣ св. Лазаря съ этою самою надписью, напечатанною въ Памятникахъ Шафарика, оказывается невѣрнымъ во многихъ отношеніяхъ: то же замѣтить всякій, кому только знакомы грамоты, и въ двухъ отрывкахъ изъ грамотъ Душановой и Лазаревой: въ нихъ ѣ часто опускается, или неправильно замѣняется б-ю ѣ; множество значковъ опущено; подозрительны буквенныя сочетанія въ словахъ *ытымы*, *мыи*, *мыица*, которыя пахнутъ новизною, и и. др. Изданіе Законника по списку 1390 г. сдѣлано еще въ первый разъ Шафарикомъ: имъ и будемъ мы пользоваться. Но мы уже знаемъ свойства изданій Шафариковыхъ, и потому, во многихъ случаяхъ, на пр., въ ученіи о значкахъ, полугласныхъ и начертаніи нѣкоторыхъ буквъ, будемъ пользоваться ими съ осторожностію и ограниченіями.

Припоминая количество и возрастъ изданныхъ и извѣстныхъ уже намъ памятниковъ, мы видимъ, что непрерывный рядъ ихъ тянется съ конца XII вѣка, или грамоты бана Кулина, 1189 года, до исхода XV столѣтія и оканчивается въ одно время съ политическою независимостію Сербіи и Босны. По этой причинѣ, въ своихъ изслѣдованіяхъ объ исторіи и языкѣ Сербскаго народа, я останавлиюсь собственно на концѣ XV столѣтія, а о позднѣйшемъ времени скажу только мимоходомъ, по скольку касаются его наши источники. Споменики останавливаются собственно на 1501 годѣ; хотя въ нихъ есть еще 3 грамоты: Хиландарская 1544 г., Дечанская 1613 г. и Юрія Бранковича 1689 года, но, очевидно, онѣ такъ отдалены одна отъ другой и содержаніемъ и временемъ, что по нимъ одиѣмъ нельзя вывести никакихъ итоговъ для исторіи языка. Не помогутъ и нѣкоторыя другія грамоты этого времени, не упомянутыя нами въ обзорѣ источниковъ, именно 4 митрополичьи 1622, 1690, 1706 и 1789 годовъ, и письма Арсенія Черноевича 1696 г., относящіяся собственно къ исторіи Сербской церкви и церковнаго языка у Сербовъ. Письмо Еронима Ядарскаго 1533 г., изъ Царяграда, стоитъ особнякомъ, а грамоты у Милутиновича относятся къ одной Черной Горѣ, и ими уже воспользовался самъ издатель въ своей Исторіи Черной Горы; также немногія изъ нихъ послужатъ для исторіи Сербскаго языка, ибо большая ихъ часть писана современнымъ церковнымъ языкомъ. Раковецкій списокъ Законника нуждается въ строгомъ опредѣленіи возраста и редакціи. Такіе скудные и разбитые источники сами по себѣ не могутъ дать понятія о событіяхъ въ Сербіи и состояніи Сербскаго языка въ XVI, XVII и XVIII ст. Они слишкомъ недостаточны для того времени, которое столь извѣстно и богато событіями; ихъ назначеніе — служить дополненіемъ къ другимъ, обильнѣйшимъ источникамъ. Со стороны языка они значительно разнятся отъ тѣхъ явленій, которыя въ XIV и XV ст. обличаютъ

сильное развитіе Сербскаго языка и стремленіе его къ самостоятельности въ ущербъ Церковнославянской стихіи; рознятся и отъ преобладающаго языка послѣдующихъ, или современныхъ, столѣтій; по этому въ историческій обзоръ Сербскаго языка XVI, XVII и XVIII ст. они войдутъ только для сравненія и противоположенія, а самый обзоръ должно основать совсѣмъ на другихъ источникахъ, которые прямо приведутъ къ Исторіямъ Бранковича и Раича. Кромѣ недостатка въ источникахъ и перемѣны въ ихъ языкѣ, другія, не менѣе важныя, причины заставляютъ меня остановить историческій обзоръ событій и языка на концѣ XV столѣтія, а именно: 1) съ этого времени Сербія и Босна теряютъ совершенно политическую независимость и подчиняются Турецкой власти. Въ слѣдствіе того и государственная ихъ дѣятельность прекращается: дипломатика не существуетъ болѣе. Только въ Австріи, предъ Австрійскимъ правительствомъ, Сербы хлопочутъ о сохраненіи обѣщанныхъ имъ правъ, но уже не на родномъ языкѣ; и только изрѣдка Патріархи Сербскіе дарятъ грамоты и посланія своимъ духовнымъ чадамъ. Выѣстъ съ тѣмъ останавливается духовное развитіе Сербскаго народа въ Турціи, а поселенцы Австрійскіе, по своей малочисленности, не могутъ поддержать его послѣ вынесенныхъ ими страшныхъ ударовъ. Сербы грубѣютъ и отуречиваются. Отсюда понятенъ 2) недостатокъ памятниковъ, относящихся къ этой позднѣйшей эпохѣ. Народныя пѣсни останавливаются на борьбѣ Сербіи съ Турціею и прославляютъ подвиги послѣднихъ представителей Сербской независимости, Марка Краевича, Вука Зміевича и другихъ витязей, которые сходятъ съ поприща побѣдъ безъ успѣшныхъ послѣдствій, приобрѣтая славу только себѣ, но безъ пользы для народа: ибо народъ, въ смыслѣ государства, уже не существовалъ. За борьбой умолкаютъ и пѣсни; рѣдко слышатся стоны несчастнаго Сербца, или Сербянки, страдающихъ подъ игомъ невѣрныхъ. Духовенство въ нѣкоторыхъ монастыряхъ, преимущественно защищенныхъ природою отъ напора Азіатскихъ побѣдителей, сберегаетъ то, что еще можно было сберечь отъ древнихъ временъ. Оно хранитъ, или переписываетъ, рукописи, хотя уже давно дѣйствуютъ печати; но преграда, поставленная Турками, заставляетъ его скорѣе переписывать гдѣ нибудь въ уединенной кельи, чѣмъ отваживаться на покупку печатной книги. Грамотность переходитъ опять къ одному только духовенству, которое снова даетъ перевѣсъ Церковнославянскому языку, такъ что и позднѣйшіе писатели, до самого Обрадовича, подчиняются его влиянію. Турки, не вторгаясь, по видимому, въ домашній бытъ побѣжденнаго народа, умѣли, однакоже, подавить въ немъ всякое развитіе, совершенное въ счастливыя времена славы и могущества Сербіи, и заглушить самый зародышъ этого развитія въ будущемъ. Они сумѣли вытѣснить Сербскую народность изъ городовъ, какъ средоточія умственной дѣятельности, и отодвинуть ее въ деревни, гдѣ она прозябала бесплодно. 3) Дубровникъ, хотя удерживаетъ свою независимость, однако прекращаетъ государственныя сношенія съ Сербіею и Босною: этотъ богатый источникъ грамотъ изсыкаетъ. 4) Сербскій письменный языкъ въ концѣ XV ст. еще представляетъ счастливое движеніе впередъ, при содѣйствіи распространявшейся грамотности: въ немъ уже проявляются тѣ признаки, которые въ послѣдствіи, въ концѣ XVIII и началѣ XIX ст., опредѣлили собою новый Сербскій письменный языкъ, каковыя онъ явился въ нашъ вѣкъ съ правомъ гражданства въ возродившейся письменности Славянъ. Но съ XVI ст. онъ останавливается на пути успѣха и снова подвергается сильному

вліянію Церковнославянскаго, такъ что подѣ перомъ писателей, до самого Обрадовича, представляетъ странную смѣсь словъ и формъ, лишенную всякой возможности совершенствованія. 5) Предметъ моихъ изслѣдованій составляютъ *письменные* памятники; но XV-мъ вѣкомъ во всей Европѣ завершается эпоха письменныхъ памятниковъ и начинается новая пора образованія, пора печатныхъ книгъ. Сербы уже въ концѣ XV вѣка печатали, но только одѣ церковныя книги. Основаніе въ XVI ст. печатень въ Сербскихъ и сосѣднихъ земляхъ положило конецъ порѣ рукописей, и Кириловскія книги, доселѣ усердно переписывавшіяся духовенствомъ, предаются печати¹. Охота къ списыванію пропадаетъ по мѣрѣ того, какъ старинныя рукописи являются въ печати: она еще сильна въ XVI и XVII вѣкахъ, но исчезаетъ съ началомъ XVIII. 6) Кириловское письмо потерпѣло уронъ еще и съ другой стороны. Когда пали Сербія и Босна, тогда пало и сильное средоточіе Славянскаго Православія на югѣ: тамъ не стало независимаго государства. Со стороны Далмацин Римскіе католики удобнѣе могли вводить Латинскую азбуку, ибо уже не было я сильныхъ Боснійскихъ, Хлумскихъ и Травунскихъ бояръ, которые отстаивали Православіе вмѣстѣ съ ересью Патаренскою. Со стороны Славоніи и Срема Австрійскіе католики не менѣе удачно дѣйствовали въ пользу Латинской азбуки, заставляя и Сербскихъ поселенцевъ въ Австріи, огражденныхъ императорскими грамотами, отказываться отъ Кириллицы². Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятая, составляютъ рѣзкую грань въ исторіи и языкѣ Сербовъ и достаточны для того, чтобы раздѣлить ихъ на два періода: предшествующій, или древній, и послѣдующій, или средній. Новый начинается съ Кара-Георгія и Обрадовича, или съ войнъ Сербовъ съ Даями за независимость и образованія новаго книжнаго языка у Сербовъ³. И вотъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, причина, почему я останавливаю свой очеркъ на концѣ XV столѣтія.

Однимъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ чистаго Сербскаго языка могли бы служить народныя пѣсни, если бы записаны были въ то время, къ которому относятся мои изслѣдованія; но только въ наше время В. С. Караджичъ передалъ ихъ письму; до него же онѣ переходили устно изъ вѣка въ вѣкъ, получая отъ времени наростъ въ содержаніи и перемѣны въ языкѣ. По языку онѣ вѣчно юны; но по содержанію многія изъ нихъ носятъ признаки глубочайшей древности. Въ нѣкоторыхъ сохранились воспоминанія объ Индіи и притомъ столь свѣжія, что даже не забыта и исполнская Южноазиатская растительность; другія исполнены мнѣческихъ преданій и вѣрованій языческихъ Славянъ; третьи содержатъ въ себѣ множество слѣдовъ историческихъ событій и свидѣтельствуютъ о своей исторической основѣ, хотя извѣстія, ими передаваемые, уже оповѣтиваны народомъ, или искажены полузабвеніемъ. Начало ихъ восходитъ къ древнѣйшимъ временамъ Сербской державы: онѣ помнятъ Симеона Непаню, Св. Саву, братьевъ Милутина и Драгутина, Душана, Лазаря и ин.

¹ См. статью Шафарика: О Древнеславянскихъ, именію Кириловскихъ, типографіяхъ въ Югославянскихъ земляхъ и прилежащихъ имъ краяхъ, въ XV, XVI и XVII ст. Чтенія Н. С. II. и Д. Р. 1845 — 46, кн. III. Перев. проф. Бодянскаго.

² См. статью д-ра Мушицкаго: Судбине Кирилски писмена у Аустрійской државл. Гласникъ, ч. I, стр. 127.

³ Краткій очеркъ Сербской письменности въ брошюрѣ Субботича: Einige Grundzüge aus der Geschichte der serbischen Literatur. Wien. 1850, и въ книгѣ Шафарика: Geschichte der Slavischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten. Offen. 1826.

др.; но любимѣйшій ихъ предметъ — славные подвиги народныхъ витязей въ борьбѣ съ Турками. Въ витязяхъ народъ олицетворилъ свой воинственный духъ и заклѣтую вражду къ бусурманамъ. Въ этой враждѣ народъ, стѣсненный гнетомъ рабства, порываясь къ самобытности, находилъ себѣ единственное утѣшеніе. И не мудрено, что, при такомъ настроеніи духа, онъ украшалъ подвиги своихъ витязей великолѣпными вымыслами, столь чудными и необъятными, что въ пѣсняхъ о нихъ часто уже нельзя доискаться истины; или часто приписываются витязямъ такіе подвиги, которыхъ они и не думали совершать. Счастливые избранники народныхъ думъ, они соединили въ себѣ и подвиги своихъ собратій, у которыхъ народъ часто отнималъ славныя дѣла и переносилъ на своихъ любимцевъ. Можно сказать, что пѣсни сопровождаютъ Сербскій народъ отъ самой его колыбели, когда онъ, живя въ своей прародинѣ, еще не выдѣлился изъ общей Славянской семьи и водилъ тѣсную дружбу съ природою, сопровождаютъ чрезъ всю его послѣдующую жизнь, счастливую, бурную и бѣдственную, пока, наконецъ, подвигъ Чернаго Георгія и его Сербской дружины положилъ начало осуществленію той мысли, которую народъ постоянно воспитывалъ въ своихъ думахъ. Съ этой поры открылся новый обильный источникъ для народной поэзіи: про Чернаго Георгія, Милоша и ихъ сподвижниковъ уже сложены пѣсни и поются народомъ. Черногорцы, съ самаго водворенія Турокъ въ Европѣ, поютъ свое четованье, величаютъ своихъ богатырей и прославляютъ свои битвы съ Турками за независимость. Пѣсни, лучшій цвѣтъ народной поэзіи, постоянно возносятся надъ поверхностію народной жизни, то спокойною, то тревожною, и, сдѣлавшись достояніемъ простолюдиновъ, сохранился до насъ столь же свѣжій, какъ свѣжа жизнь всякаго народа, который умѣлъ сберечь себя, свое нравственное существованіе, свою народность, вѣру среди жестокихъ политическихъ бурь и крушеній. Современность есть отличительная черта пѣсенъ: онѣ прекрасны сами по себѣ; но историческимъ источникомъ, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, служить не могутъ. Онѣ требуютъ особой предварительной разработки, и потому опредѣленіе ихъ историческаго значенія и изслѣдованіе ихъ языка могутъ служить предметомъ отдѣльнаго труда.

Но пора отвѣчать на вопросъ, который, можетъ стать, кто либо сдѣлаетъ: нѣтъ ли еще другихъ народныхъ Сербскихъ памятниковъ, изъ древняго періода, писанныхъ Кирилицею, и подлежащихъ нашему изслѣдованію? Прежде всего скажу, что въ настоящее время, когда нѣкоторые ученые прилѣжно занимаются Сербскою стариною, трудно ручаться, чтобы не нашлись еще новыя, доселѣ неизвѣстныя, памятники народнаго слова, прямо относящіяся къ разряду тѣхъ, которымъ я посвятилъ свои изслѣдованія. Во вторыхъ, очень легко можетъ быть, что въ чьихъ либо рукахъ сберегаются памятники уже открытые, но мнѣ неизвѣстныя, или недоступныя. Въ третьихъ, можно, необинуясь, указать на нѣкоторыя хранилища, заключающія въ себѣ навѣрно, или предположительно, драгоценныя памятники, писанныя на древнемъ Сербскомъ языкѣ: таковы многіе старинные Сербскіе монастыри, опытъ описанія которыхъ предложенъ былъ В. Караджичемъ въ Даницѣ 1826 г.; таковы преимущественно Аѳонскіе монастыри, содержащіе въ себѣ множество церковно-богослужебныхъ и лѣтописныхъ книгъ Сербской рецензіи, множество Сербскихъ дарственныхъ грамотъ и вообще множество такихъ памятниковъ, о которыхъ, какъ неприступныхъ сокровищахъ, съ восторгомъ и сожалѣніемъ отзываются путеше-

ственики. Эти памятники, известные намъ только по слуху, лишенные всякой возможности къ пользованію и, Богъ вѣсть когда, имѣющіе явиться въ печати, или даже въ спискахъ, все равно какъ бы не существовали теперь для насъ. Недостигаемые для самихъ путешественниковъ, лично посѣщавшихъ Святую Гору, они тѣмъ менѣе доступны для ученыхъ, живущихъ внѣ Аѳона; большая часть ихъ гниетъ безъ употребленія, служа лишь одному времени своимъ тлѣніемъ. Такъ, мы знаемъ, есть у нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ любителей науки замѣчательныя собранія древнихъ Сербскихъ монетъ. Такъ, различныя древле-хранилища, преимущественно народное Сербское и Вѣвское, сберегаютъ большой запасъ Сербскихъ письменныхъ памятниковъ и монетъ. Есть много частныхъ лицъ и ученыхъ, владѣющихъ болѣе, или менѣе драгоценными рукописями и рѣдкими монетами: кажется, не ошибусь, если на первое мѣсто между ними поставлю П. I. Шафарика.⁴ Съ другой стороны, чтобы отвѣчать на предложенный вопросъ, должно условиться объ языкѣ памятниковъ, избранныхъ мною предметомъ изслѣдованія. Не касаясь въ подробности до свойствъ языка тѣхъ памятниковъ, которые входятъ въ кругъ моихъ историческихъ и филологическихъ изысканій, я скажу сдѣсь только, что буду разсматривать памятники, писанные на Сербскомъ языкѣ. Древній книжный языкъ Сербовъ былъ двойкаго рода. Въ одномъ случаѣ Сербы, переписывая Древне-булгарскія книги, или сами сочиняя что либо, старались писать по-Древне-булгарски; но, при всемъ своемъ желаніи писать таковымъ языкомъ, они никакъ не могли остеречься до такой степени, чтобы не внести въ Ц.-Славянскій языкъ болѣе, или менѣе признаковъ своего народнаго языка: словомъ, они подчиняли Ц.-Славянскій языкъ своей рецензії. Въ другомъ случаѣ Сербы, наоборотъ, старались писать по-Сербски, то есть, на своемъ народномъ языкѣ; но такъ какъ въ старину писцы или дьяки были въ то же время и начетчики, и такъ какъ первоначальное ихъ образованіе и грамотность состояли въ знакомствѣ съ Д.-Булгарскою письменностію, съ которою вмѣстѣ пришла въ Сербію Православная Вѣра, то пишущему Сербу не оставалось ничего болѣе, какъ народный языкъ свой, еще не обработанный письменно, не возведенный на степень книжнаго и не собравшійся по этому съ силами, подчинить дѣйствию Ц.-Славянскаго, давно уже славившагося своею книжностію, и создать такимъ образомъ свой особый письменный языкъ, въ которомъ народные звуки и формы перемешались съ Ц.-Славянскими. Въ памятникахъ, писанныхъ этимъ народнымъ книжнымъ языкомъ, замѣтно мѣстами желаніе писцовъ поддѣлаться подъ Ц.-Славянскій ладъ, а мѣстами, при всемъ своемъ желаніи писать по-Сербски, писцы не могли удержаться отъ того, чтобы не внести въ свой языкъ нѣкоторыхъ Ц.-Славянскихъ признаковъ, по тому, повторяю, что ихъ отечественный языкъ не былъ еще воздѣланъ книжнымъ образомъ и не могъ

⁴ Каталогъ Сербскихъ грамотъ, сколько набудъ строящихъ этого названія, нѣтъ. Но попытки представить ихъ уже сдѣланы: Успенскій, Авраамовичъ, Григоровичъ, Мюллеръ суть начинатели этого дѣла, и должно сознаться, что они добросовѣстно и прилежно, сколько позволяли имъ средства, трудились на этомъ важномъ поприщѣ. Ихъ труды посвящены преимущественно Аѳону. Западное же хранилище, прежде бывший Дубровницкій архивъ (нынѣ перенесенный въ Вѣну), нашелъ для себя смѣлаго глашатая въ лицѣ П. I. Шафарика, который въ 1839 г. извѣстнаго слишкомъ о 250 хранящихся въ немъ грамотахъ въ своей чрезвычайно рѣдкой книжкѣ: *Prospectus Monumentorum Шутисага*.

вполнѣ удовлетворить имъ. Послѣ этого всякій, кто только слѣдилъ за развитіемъ древняго книжнаго, не только Сербскаго, но и всякаго другаго Славянскаго, языка, сложившагося изъ двухъ стихій, пойметъ, что въ письменности этого языка непремѣнно найдутся такіе памятники, которые принадлежатъ по преимуществу той или другой стихіи и къ исторіи ея развитія относятся. Такъ точно и въ древней Сербской письменности одни памятники служатъ основаніемъ для исторіи Ц.-Славянскаго языка въ Сербіи, подъ Сербскою рецензіею; а другіе руководятъ исторіею Сербскаго языка подъ вліяніемъ Ц.-Славянской стихіи. Само собою разумѣется, что движеніе языка совершается въ тѣхъ памятникахъ, которые писаны на этомъ самомъ языкѣ, если не на совершенно чистомъ, то, по крайней мѣрѣ, на такомъ, гдѣ народныя признаки преобладаютъ надъ посторонними: у себя дома языкъ развивается быстрѣе и полнѣе, чѣмъ на чужбинѣ, среди преобладающей посторонней стихіи. Въ памятникахъ, писанныхъ на Сербскомъ языкѣ, народныя признаки показываются гораздо ранѣе, въ лучшемъ порядкѣ, постепеннѣе и въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ въ памятникахъ Д.-Булгарскаго языка Сербской рецензіи, хотя бы писанныхъ или переписанныхъ природными Сербами. Если къ тому же прибавлю, что въ памятникахъ послѣдняго рода въ Ц.-Славянской языкѣ входятъ, какъ естественно и должно ожидать, одни только главнѣйшіе, постоянные, а потому и не подверженные временному движенію, признаки Сербскаго языка, то ясно будетъ, что по этимъ памятникамъ нельзя исторически изучать Сербскій языкъ; между тѣмъ какъ памятники перваго рода давно уже обогнали эти послѣдніе и ранностію и количествомъ появленія народныхъ признаковъ съ ихъ временными видоизмѣненіями. Тамъ, гдѣ Сербскій языкъ является гостемъ и пришлецомъ и гдѣ онъ всегда можетъ быть скуднымъ и запоздалымъ, тамъ я не буду его изучать. Его исторія должна вращаться въ его собственной средѣ и покоиться на памятникахъ, которые онъ оставилъ по себѣ, такихъ памятникахъ, гдѣ присутствіе его ознаменовано преобладаніемъ надъ постороннею стихіею. Избравъ эти одни памятники основаніемъ для исторической разработки Сербскаго языка, я долженъ былъ коснуться и ихъ отношенія къ судьбамъ самого Сербскаго народа, показать ихъ значеніе въ государственной и гражданской жизни Сербовъ. Но что это за памятники? Они уже названы и исчислены мною. Теперь, для большей ясности, слѣдуетъ только показать отношеніе ихъ по языку и содержанию къ прочимъ памятникамъ древней Сербской письменности. Бѣглый очеркъ этой послѣдней, до XV-го вѣка включительно, яsnѣе представитъ различіе ея памятниковъ и оправдаетъ объемъ моего изслѣдованія.

Всю Древнесербскую письменность можно раздѣлить на слѣдующіе виды, представляемые нами въ общихъ чертахъ: 1) богослужебныя, богословскія и вообще духовнаго содержанія книги, писанныя первоначально на Древнебулгарскомъ языкѣ, но, чрезъ переписываніе, подвергнувшіяся Сербской рецензіи и принявшія въ себя много сербизмовъ, или прямо переведенныя на Сербобулгарскій языкъ. Въ послѣдствіи ббльшая часть ихъ, именно богослужебныя книги, была тиснута въ древнѣйшихъ Сербскихъ и сосѣднихъ печатняхъ.¹

¹ О Кирилловскихъ типографіяхъ въ Южнославянскихъ земляхъ и о древнѣйшихъ Сербскихъ печатныхъ книгахъ см. статью Шафарика, переведенную проф. Бодаискимъ въ Читаніяхъ И. О. И. и Д. Р. за 1845—46, кн. III. Также у Шаф. въ *Serbische Lesekörner*, стр. 12.

Всѣ эти книги, какъ рукописныя, такъ и печатныя, важны для насъ еще и по тому, что имѣютъ надписи, послѣсловія и приписки, языкъ которыхъ, наполненный сербизмами, далеко не таковъ, какъ языкъ текста; ибо сочинители ихъ пользовались здѣсь большими правами относительно языка и, будучи Сербами, вносили сюда свойства народнаго языка въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ въ текстъ. По этому подобныя дополненія лучше отнести къ слѣдующему, второму, отдѣлу памятниковъ.¹ 2) Духовныя сочиненія Сербскихъ писателей и отчасти переводы, типки, номоканоны, житія святыхъ, церковныя извѣстия, лѣтописи, медицинскія сочиненія, надписи на церквахъ, иконахъ, церковныхъ утваряхъ, гробницахъ и т. п. Этотъ отдѣлъ есть самый

¹ Считаю не лишнимъ поименовать здѣсь нѣкоторыя древнѣйшія, къ этому разряду относящіяся, рукописи Сербской рецензи, помѣченныя годомъ, или извѣстнаго вѣка. Важнѣйшія изъ нихъ суть: Феодоровскій списокъ Шестодневъ 1263 г., въ Москвѣ, (отрывокъ у Калайдовича въ Иоаннѣ, Екзархѣ Болгарскомъ); Прологъ XIII-го в., въ С.-Петербургѣ, (Востокова Описаніе Руманцевскаго музея, N CCCXIX); Евангеліе 1516 г., въ Карейской типикарицѣ Св. Савы; Апостолъ Шишатовачкій, писанный Даміаномъ въ 1523 г.; Евангеліе 1529 г. въ мон. Св. Павла на Аѳонѣ; Слова Иоанна Златоустаго 1544 г. въ Хиландарѣ; Патерикъ 1546 г., въ мон. Кръкъ, въ Австріи, (рецензія миѣ неизвѣстна); Евангеліе 1572 г. въ Вѣнской придворной библіотекѣ; Служебникъ, вѣроятно, въ 1586 г. писанный, (Вост. Оп. Рум. муз. N CCCC); Евангеліе Шишатовачкаго монастыря XIV в.; Евангеліе, хранившееся въ монастырѣ Св. Николая на Моравѣ; Отрывки Евангелія и одного поученія того же вѣка; Иоанна Дамаскина Богословіе, въ Крушедолѣ, того же вѣка; Рукопись, содержащая Патокиниже Моисеево, книгу Осія, книгу Судей и четыре книги Царствъ, въ Крушедолѣ, XV-го в.; другая, содержащая Псалтырь, Апостолъ, Синаксарій и Часословъ, тамъ же и того же вѣка; Толкованіе на Евангеліе, въ Крушедолѣ; Григорія Богослова 16 Словъ (изъ коихъ 13 сохранились еще въ другомъ спискѣ, Вост. Оп. Рум. Муз. NN LXXXV, LXXXVI); Иоанна Лѣтвничника Бесѣды (принадлеж. Н. и. Публ. Библіотекѣ. См. Вост. Оп. Рум. Муз. N CC, стр. 256); Четвероевангеліе, въ правописаніи коего есть смѣсь Русскаго съ Сербскимъ (Вост. Оп. Рум. Муз. N C XIX); Филиппа пустычника Діоптра, въ Шишатовцѣ; Иоанна Климача Лѣтвница (въ трехъ спискахъ, изъ коихъ два въ Крушедолѣ, одинъ въ Карловцахъ); Иоанна Златоустаго Постыя Слова (въ двухъ спискахъ, въ Карловцахъ и Крушедолѣ); его же Бесѣды (въ двухъ спискахъ, въ Крушедолѣ); Григорія Назіанзіана Слова, въ Крушедолѣ; Рукопись, содержащая въ себѣ различныя статьи, какъ-то преданія о Спасителѣ, Святой Дѣвѣ и Апостолахъ, Заѣтъ 12-ти Патріарховъ, Изъясненіе Псалмовъ, Библейскую Исторію, Исторію Римскихъ и Греческихъ императоровъ, Исповѣданіе и Уставъ Константина Великаго, избранныя мѣста изъ Дамаскина и Златоустаго, Родословіе святыхъ паторовъ и господъ Сербскихъ и пр. Всѣ XV-го в. и пр. и пр. Григоровичъ видѣлъ въ Аѳонскихъ монастыряхъ множество пергаменныхъ (не говорю уже бумажныхъ) рукописей, Евангелій, Апостоловъ, Псалтырей и др., Сербской рецензи, возрастъ которыхъ еще не опредѣленъ. Есть много и такихъ рукописей, рецензія которыхъ намъ неизвѣстна, ибо видѣвшіе ихъ не дали о томъ знать. Но сколько еще такихъ, которыя извѣстны только по названію, или даже вовсе не открыты, Сербскіе, Черногорскіе и ближайшіе къ Сербіи Булгарскіе монастыри, Южная Угрія, Аѳонъ, Вѣна, Москва, Петербургъ и многія другія мѣста хранятъ обильный запасъ церковныхъ книгъ Сербской рецензи. Мы не приводили здѣсь позднѣйшихъ XVI-го и слѣдующихъ вѣковъ; но и между ними есть весьма важныя, одолженныя своимъ происхожденіемъ древнѣйшимъ подлинникамъ. Укажу, на пр., на Каноны Сербскихъ святымъ въ спискѣ 1714 г., содержащіе при себѣ и прологи вмѣстѣ съ другими биографическими извѣстіями о Сербскихъ короляхъ, царяхъ, деспотахъ, ихъ родичахъ и прочихъ святыхъ. Свѣдѣнія о рукописяхъ этого разряда находятся по разнымъ сочиненіямъ, какъ-то, путешествіямъ, описаніямъ книгохранилицъ и повременнымъ изданіямъ. Полнѣйшія указанія приведены Шафарикомъ въ *Wiener Jahrbücher* 1851, 53 *Anzeige Blatt*, въ *Serbische Lesekörner* и въ *Prospectus Monumentorum Illyricorum*; Кухарскимъ въ *Časopis vlastenského Museum*, 1829, IV; Востоковымъ въ Описаніи Руманцевскаго Музеума, 1842; Успенскимъ, Авраамовичемъ, Григоровичемъ въ ихъ Путешествіяхъ; а также въ Лѣтописѣ, Длинцѣ, Новинахъ, Гласникѣ, Сербо-Далматинскомъ Альманахѣ и Магацинѣ и ии. др.

обширный. Разумѣется, между нимъ и предыдущимъ нельзя положить точныхъ границъ, особенно въ языкѣ: языкъ того и другаго почти одинаковъ и если мы различаемъ ихъ, то на иномъ основаніи, именно, по способу самого употребленія языка. Мы, кажется, не ошибемся, если замѣтимъ, что къ первому разряду преимущественно относятся такія книги, которыя были только переписаны Сербами, нисколько не желавшими измѣнять ихъ Древнебулгарскій языкъ, но невольно внесшими въ нихъ нѣкоторыя важнѣйшія особенности своего нарѣчія, напр., замѣну д, ж, з и љ буквами ѡ, оу, ѣ, м, н, и н. др. Ко второму же разряду принадлежатъ тѣ книги, въ которыхъ Сербы сами являются сочинителями, или переводчиками, но уже не переписчиками. Хотя сдѣсь языкъ былъ въ полномъ ихъ распоряженіи, однако они, отчасти по навыку и понятіямъ своимъ о книжномъ языкѣ, отчасти изъ уваженія къ предмету своихъ сочиненій и переводовъ, проникнутому религиознымъ настроеніемъ духа, а отчасти и по образцу книгъ перваго разряда, составлявшихъ необходимо первое явленіе Сербской письменности, употребляли тотъ же самый языкъ, какой находили въ книгахъ перваго разряда, т. е., писать старались по-Древнебулгарски съ примѣсью важнѣйшихъ сербизмовъ. Повторяю, если мы различаемъ оба разряда, то не по языку, а способу употребленія языка и содержанію большинства рукописей. Непреложной грани между ними положить нельзя, во первыхъ, по тому, что есть много рукописей, о которыхъ не извѣстно, были ли онѣ только переписаны Сербами съ Древнебулгарскихъ, или прямо переведены на этотъ языкъ Сербами; во вторыхъ, по тому, что есть сборники, которыхъ содержаніе относится къ тому и другому разряду; въ третьихъ, есть не переведенныя, а сочиненныя Сербами рукописи, по содержанію своему относящіяся къ первому разряду, вмѣсто втораго, каковы, напр., службы Сербскимъ святымъ и т. п. Но, не смотря на то, все же таки отличительною чертою въ языкѣ памятниковъ втораго разряда есть присутствіе личности и личнаго произвола писателя, или переводчика. Не будучи невольнымъ переписчикомъ, онъ могъ всегда въ сочиненіи, или переводѣ своемъ, располагать языкомъ по своему произволу, подчиняя его своему собственному воззрѣнію. Писатель есть уже самъ по себѣ личность съ опредѣленнымъ направленіемъ, характеромъ, взглядомъ; онъ непремѣнно образованъ, онъ начетчикъ, книжникъ. А если вспомнить, что древняя грамотность состояла почти исключительно въ знаніи Ц.-Славянскаго языка и его письменности, то очевидно будетъ, что древніе писатели, когда еще не было и помину о введеніи въ книжность народнаго языка, должны были употреблять не иной какой языкъ, какъ тотъ, который они считали единственнымъ книжнымъ языкомъ и съ помощію котораго могли пошеголять своею грамотностію. Чѣмъ грамотнѣе былъ писатель, тѣмъ языкъ Ц.-Славянскій былъ у него чище и правильнѣе. Съ одной стороны самый предметъ духовнаго содержанія требовалъ соответственнаго ему языка, съ другой религиозно-нравственное воззрѣніе лѣтописцевъ на событія міра и на все мірское открывало и въ лѣтописи путь Ц.-Славянскому языку: ибо всѣ отступленія, весьма частыя и всегда набожнаго содержанія, заимствованныя когда изъ догматическаго, когда изъ практическаго богословія, выписывались и повторялись наизусть изъ книгъ церковныхъ. Все въ этомъ отдѣлѣ обнаруживаетъ, что писатели, почти одни духовныя лица, сроднились съ Ц.-Славянскимъ языкомъ; что Св. Писаніе и Отцы Церкви были для нихъ постояннымъ предметомъ чтенія, книгою сподручною, настольною. Гдѣ нельзя было заимствовать цѣлыхъ мѣстъ и выраженій изъ

Съ Писанія, тамъ, по крайней мѣрѣ, они употребляли языкъ Св. Писанія. Также писали на церквахъ, крестахъ, иконахъ, гробницахъ, церковныхъ печатяхъ и другихъ утваряхъ уже по тому самому, что относились къ предметамъ священнымъ, писались Ц.-Славянскимъ языкомъ. Вотъ почему этому отдѣлу, какъ и предъущему, свойственно болѣе названіе Церковнославянскаго, или Древнебулгарскаго, чѣмъ Сербскаго; хотя онъ и заключаетъ въ себѣ народныя Сербскія памятники, но тѣмъ не менѣе языкъ ихъ не народный Сербскій, а Церковнославянскій, преобладающій подъ нѣкоторымъ вліяніемъ Сербскаго. Еще въ половинѣ XIV ст. переводчикъ Властарова Правильника говорилъ, что этотъ послѣдній языкъ есть простѣйшимъ изъ нихъ, но въ то же время самъ произосилъ и писалъ изъ нихъ, а не изъ нихъ. По тому-то я отнѣтилъ этотъ отдѣлъ памятниковъ присутствіемъ личности: языкъ памятниковъ зависѣлъ отъ лица произвола писателей. Не маловажнымъ доказательствомъ въ пользу болгарина этого отдѣла служить то, что, по словамъ Шафарика, письма и разговоры книжъ въ Родословіи отличаются бѣльшимъ количествомъ Сербскихъ признаковъ, нежели остальной рассказъ лѣтописца Даниила, и еще то, что Житія Сербскихъ Святыхъ существуютъ въ двухъ редакціяхъ: Сербской и Булгарской. Которая изъ нихъ есть первоначальная, подлинная—пока неизвѣстно; но ясно, что вся разница языка памятниковъ состояла въ той, или другой редакціи, или, иными словами, въ незамѣтномъ и невольномъ вліяніи туземнаго нарѣчія на книжное, церковное, въ такой, однако, мѣрѣ, что отъ этого существенныя свойства первоначальнаго языка не исчезали и перевѣсь все таки оставался на ея сторонѣ. Древнебулгарскіе памятники останутся все тѣмъ же, будутъ ли они Сербской, или какой иной, на пр. Русской, редакціи. Равноиѣрно и Шафарикъ называетъ ' языкъ Древнесербскихъ памятниковъ этихъ двухъ отдѣловъ Церковнославянскимъ или, лучше, Славяносербскимъ, прибавляя, что въ Сербскихъ богослужебныхъ книгахъ чище сохранился Древнебулгарскій языкъ, чѣмъ въ Русскихъ'. По этому, говоря о своей книгѣ, *Serbische Lesekörner*, онъ такъ объясняетъ ея цѣль: *Der Zweck ist einzig und allein: aus altserbischen, zum Theil in slawischer Kirchenmundart, zum Theil in slawo-serbischen Sprachgemenge geschriebenen Denkmälern, durch systematische Zusammenstellung der daraus excerpirten Serbismen, das Alter des jetzigen serbischen Dialekts, so weit es möglich ist, zu ermitteln* (стр. 8). Ясно, что онъ разумѣетъ здѣсь частію чистый Булгарскій языкъ, частію смѣшанный, въ которомъ, подъ преобладаніемъ Булгарскаго, присутствуетъ и Сербскій, но какъ членъ далеко второстепенный. А выше онъ говоритъ: *Wir brauchen bloss ein einfaches Zeugenverhör vorzunehmen und die serbischen Denkmäler der Zeitfolge nach über die Beschaffenheit der in ihnen enthaltenen Mundart zu befragen, um zu dem Resultate zu gelangen, dass in Serbien von altersher, und namentlich seit dem IX Jahrh., neben dem mit dem cyrillischen Alphabet aus Bulgarien eingeführten und als gegebene, fertige Schriftsprache willig aufgenommenen Kirchendialekte zugleich ein selbständig ausgebildeter, in allen wesentlichen Punkten mit dem heutigen übereinstimmender serbischer Nationaldialekt be-*

¹ *Serbische Lesekörner*, стр. 8.—Geschichte d. Slav. Sprache u. Literatur, стр. 206.—Ср. Давыдовича: *Данія въ исторіи Сербскаго народа*, Забавникъ на 1821 г., стр. 5 — 7.

² О Кирилловскихъ типографіяхъ въ Южнославянскихъ и сосѣднихъ земляхъ. Читенія И. О. И. и Д. Р. 1845 — 46, кн. III, стр. 19

standen habe (стр. 5). Изъ его книги, писанной преимущественно по источникамъ двухъ означенныхъ отдѣловъ (грамоты, печати, монеты и законникъ Душановъ составляютъ незначительную часть источниковъ, которыми онъ пользовался), съ цѣлью найти въ Церковнославянскомъ языкѣ нѣкоторые признаки Сербскаго, видно, что этотъ послѣдній только отдѣльными звуками и формами входитъ въ составъ словъ и рѣчи Церковнославянскаго языка, господствующаго въ этихъ двухъ отдѣлахъ¹. 3) Совѣтъ иное явленіе представляютъ

¹ Назову большую часть древнѣйшихъ памятниковъ, намъ известныхъ и относящихся къ этому разряду. Таковы: Житіе св. Симеона Немани, писанная его сыновьями, Стефаномъ Первоувѣнчаннымъ и св. Савою, около 1200 г., и подаренная Шафарикомъ въ Памятникахъ Древней письменности южныхъ Славянъ, первое по рукописи конца XIII, или начала XIV в., второе по списку 1619 года. Два Типика св. Савы: Карейскій 1199 г. (у Шафарика въ позднѣйшемъ спискѣ) и Студеницкій 1210—1213 г. (у Шаф. въ спискѣ 1619 г.): первый данъ св. Савою Карейской мелии близъ Ораховицы (въ области Хиландарскаго монастыря) и напечатанъ по довольно небрежному списку въ Голубицѣ за 1840 годъ (Ч. II), гдѣ сказано, что онъ хранится въ Карейской типикарицѣ. Авторъ «Писемъ Святогорца о Святой горѣ Авонской» (С.-Пет., 1850, 2 ч.) читалъ этотъ типикъ въ подлинникъ въ удивленной мелии Хиландарскаго монастыря, и напечаталъ большую его часть, по лѣтислову Русскимъ, смѣшавшимъ съ Ц.-Славянскимъ; онъ напечаталъ же грамоту св. Савы, при которой, по его словамъ, находятся подпись и именная печать Святаго (см. ч. II, стр. 174). Шафарикъ тоже представлялъ отрывокъ этого типика въ своихъ *Serbische Lesehörner*. Авраамовичъ видѣлъ въ Хиландарѣ типикъ, сочиненный, по преданію, для этого монастыря св. Савою и написанный однимъ изъ его учениковъ (на кожѣ, въ осьмушку). Изъ этого типика Авраамовичъ выписалъ заглавіе, второе Слово и начало третьяго (о пришествіи Симеона Немани съ сыномъ, Савою, въ Хиландаръ, возобновеніи этого монастыря и преставленіи Симеона) и оглавленіе главъ (Описаніе древностей Сербскіи у Святой Горѣ — Светагора); Года Авраамовичъ не приводитъ. I. Мюллеръ отмѣчаетъ его 1188 годомъ, что не вѣрно уже по тому, что въ немъ говорится о кончѣ св. Симеона (*Slavische Bibliothek, von Miklosich, Wien, 1851*). О Студеницкомъ типикѣ намъ ничего неизвѣстно: отрывки изъ него напечатаны у Шафарика въ *Serb. Lesehörner*. Но, судя по тождеству этихъ отрывковъ съ указателемъ главъ Хиландарскаго типика, у Авраамовича, мы можемъ пона, до новыхъ разсужденій, предположить, что Хиландарскій типикъ былъ первообразомъ Студеницкаго и перенесенъ или въ подлинникъ, либо въ спискѣ, самимъ Савою изъ Хиландара въ Студеницу, по случаю прибытія сюда св. Савы и введенія имъ здѣсь новаго устава монашескаго обществія. За сѣмъ слѣдуетъ Житіе свв. Симеона Немани и Савы, писанное Дометіаномъ въ 1284 г., въ Карейской мелии Хиландарскаго монастыря (въ спискѣ 1350—1400 г.). Родословъ, заключающій въ себѣ описаніе царствованія Радослава, Владислава, Уроша I, Драгутина, Милутина, Дечанскаго и Душана и жизнь современныхъ имъ архіепископовъ, отъ Савы I до Ефрема, составленный архіепископомъ Даниломъ (1325—1338) и его продолжателями и идущій съ 1224 по 1375 г. (Подлинникъ въ Хиландарѣ, а три списка съ него, XVIII ст., въ Карловцахъ и Львовской Университетской бібліотекѣ). Переводъ Кормчей Книги, приписываемый тому же Данилу. Жизнь Дечанскаго, написанная Григоріемъ Цамблякомъ, XIV в., въ Дечаняхъ. Жизнь Душана, писанная однимъ изъ продолжателей Родослова, ученикомъ Данила, 1356—1375 г., въ Студеницѣ. Лѣтопись Амартола, переведенная монахомъ Георгіемъ въ 1389 г.; о другомъ ея спискѣ XV в. упоминаетъ г. Востоковъ въ Описаніи Румянцеваго Музея подъ N XIII. Неполный Типикъ, писанный около 1357 г. Еще три Типика XIV в. Медицинская рукопись, писанная около 1390 г. (отрывки въ *Serb. Lesehörner*). Властаревъ Правильникъ (въ 8 спискахъ XIV, XV и XVI ст.). Царствѣникъ или Троянникъ немѣстнаго сочинителя и въва, заключающій въ себѣ списокъ Сербскимъ, Греческимъ, Българскимъ и Русскимъ государямъ и событіямъ ихъ царствованія (совершенно сходенъ съ Хронографомъ, писаннымъ, въ 1650 г., въ Верхнебреаницѣ близъ Племы, въ Герцеговинѣ). Краткій Лѣтописникъ, изъ разныхъ лѣтописцевъ избранный и составленный инокомъ Георгіемъ, при царѣ Лазарѣ и патріархѣ Смирнѣдовѣ (въ двухъ спискахъ: одинъ въ Хиландарѣ, другой въ монастырѣ св. Павла). Вѣролатію, этого же самого Лѣтописника третій списокъ помещенъ въ рукописи, принадлежащей Кухарскому и просмотрѣнной

собственно народное двадцатка: грамоты, Законникъ, молитвы, печати и др. Изъ историческое явленіе таково, что они всегда составляютъ современный памятникъ: являютъ, ими сообщаемое, всегда вѣрно самому себѣ; ибо они суть по же событіе, но только запечатлѣнное письмомъ. Сдѣсь нѣтъ произвола писателя, ни его взглядъ на событія, ни его ошибокъ; сдѣсь само событіе, само историческое явленіе, какъ оно было и есть на дѣлѣ. Такъ, грамота, если передаетъ какое либо событіе, то этому событію она и слу-

профес. Бодянский въ бытность его въ Варшавѣ. Онъ носитъ имя *Инокъ Гвѣрѣга* и называется такъ: *По ѿрѣ Константина црѣвоу Констан сѣ ѿго*. Самая рукопись въ которой онъ помѣщенъ, по словамъ ея владѣльца, подарена ему покойнымъ владыкою Черногорскимъ, Петромъ Петровичемъ I Негушанъ: это огромный сборникъ статей, писанныкъ на Булгарскомъ и на Сербскомъ (вѣрнѣе Сербобулгарскомъ) языкѣ, коихъ числомъ до 54; начатое крѣстце о немъ сообщено Кухарскимъ въ видѣ письма въ редакцію журнала *Sazoris wlas enského Museum*, 1829, ч. IV. Тутъ между прочимъ находятся: *Животъ и дѣла св. сръбскѣхъ цркви, иже пожени въ землѣ сръбстан бѣуствѣа сегого колѣно кѣхъ пожитъ. и бѣи науство прозѣе. и кѣхъ по нѣхъ бѣсть и каждѣхъ крѣстцѣхъ прѣидѣ* и *Житіе деспота Стефана Лазаревича*, озаглавленное одинаково съ напечатанъ макъ рукописью Булгарской рецензіи, только съ отличіями въ языкѣ, а именно: *Житіе и жизнь прѣо поминанаго славоушѣаго бѣгоуствѣаго гѣа деспота стѣфана*. сѣнисанно повѣстивымъ и помоужденнымъ стѣннѣаго патриарха землѣхъ тоѣ сръбскѣхъ мѣрѣхъ никѣонь. и полатнѣхъ мѣуамѣхъ. видѣннѣаже трѣстѣхъ мѣуамѣхъ сѣамохъ тѣубѣмнѣахъхъ прославающихся бѣти. Забѣчательная разность въ заглавіи этой рукописи съ заглавіемъ Булгарской состоитъ въ падежѣ имени Инокъ: сдѣсь оно употреблено въ творительномъ падежѣ, а тамъ въ родительномъ. Рукопись оканчивается Краткою Сербскою Лѣтописью, о которой скажу ниже. Не эту ли рукопись разумеетъ Шафарикъ подъ именемъ кодекса Черногорскаго, о которомъ упоминаетъ мнѣюкодемъ на 44 стр. своего *Prospectus Monumentorum Slavicorum*? Отечникъ или Патерикъ (въ спискѣ конца XIV, или начала XV ст.), въ Врѣдникѣ. Палагирникъ начала XV в., въ Крушедолѣ. Лѣтопись Зонары XV в. Повѣсть о перенесеніи мощей св. евангелиста Луки въ Смедерево при деспотѣ Юріи Бранковичѣ, XV в., въ Врѣдникѣ. Весма древняя книга, содержащая въ себѣ Житіе св. Антоніа Великаго и св. Савы Сербскаго и Похвальное Слово св. Симеону и Савѣ (въ монастырѣ Св. Павла). Сербскія лѣтописи въ 12 спискахъ: 1) въ Властаревомъ Правильникѣ, писанномъ, по повелѣнію Зетскаго архіепископа Иосифа, дякономъ Дамьяномъ, въ Копривнѣ, и хранящемся въ Крушедолѣ: этотъ списокъ оканчивается 1453 годомъ. 2) При Канонѣ св. Николаю въ числѣ приложений. Рукопись находится въ Карловицкой митрополитской библиотекѣ; а самый списокъ Лѣтописи останавливается на 1503 годѣ. 3) Въ Сборникѣ XV в., содержащемъ въ себѣ различные статьи и хранящемся въ Крушедолѣ. Этотъ списокъ озаглавленъ: *Родословіе светилъ крѣстѣа и господѣ Сербскѣхъ* и уцѣлѣлъ только на послѣднемъ листѣ въ небольшомъ отрывкѣ. 4) Сечеянскій, въ Сборникѣ начала XVI в., содержащемъ въ себѣ Синаксары. Оканчивается 1501 годомъ. 5) Хиландарскій до 1552 г., списанный Рачемъ, подъ названіемъ Хиландарской Лѣтописи, изъ рукописи 1758 г., въ Хиландарѣ. 6) Давыдовичевъ, въ одной рукописи XVI ст. Доведенъ до 1554 г. 7) Въ Хронографѣ съ различными прибавленіями, писанномъ въ Верхнебраничѣ близъ Плевны, въ Герцеговинѣ, въ 1650 г. 8) Ковыльскій, около 1670 г., въ припадкѣхъ къ рукописи того же времени. 9) Рачкій, около 1690 г. 10) Магарашевичевъ, ок. 1699 г. 11) Салтоандревскій, ок. 1700 г. 12) Черногорскій, помѣщенный въ концѣ сборника, подаренаго Кухарскому Черногорскимъ владыкою. Объ немъ упоминаетъ Шафарикъ въ *Wien. Jahrb.*, 1831, Anz. Bl., N 151. Списокъ съ него находится у проф. Бодянскаго. Мы не знаемъ только, въ какомъ отношеніи между собою находятся некоторые списки, упоминаемые Шафарикомъ въ *Wien. Jahrb.*, *Prospectus* и *Rachniku*, именно, какъ относятся такъ названные имъ, въ послѣднемъ изданіи, Рачкій и Салтоандревскій списки къ тѣмъ рукописямъ, о которыхъ онъ упоминаетъ въ *Prospectus* на стр. 44 подъ буквами: i) *Codex, cui titulus «Cvetodarovanije», cum annexis, sec. XVI—XVII; k) Nomocanon cum adnexis, sec. XVII; l) (Wien. Jahrb. N 8) Apographton*

жить законникъ подтвержденіемъ, какъ бы переводить это отъ инска къ осуществленію. Такъ, Законникъ, если онъ представляетъ обычай, или законъ, освященный употребленіемъ, а потому писанный, то значить, что этотъ обычай, или законъ дѣйствительно былъ таковъ; есть ли это невозможное, самообразовавшееся требованіе вѣка и народа, или провозвѣнное уложеніе одного лица: во всякомъ случаѣ оно выражаетъ извѣстный возрастъ народа, степень его образованія, духъ и направленіе вѣка. Вотъ почему этотъ отдѣлъ памятни-

annualium a. 1762 ex ignoto codice exscriptum? Почерпнуты ли они изъ этихъ самыхъ рукописей, или составляютъ нечто иное? А также, вошелъ ли въ послѣднее изданіе списка, отпечатанный въ Просвѣтѣ 6-ю d) и, если вошелъ, то подъ какою заглавіемъ? Два первые списка напечатаны Шафарикомъ особо; другіе вошлы, начиная съ 4-го по 11-й, въ сводѣ, все помѣщены въ Наматникѣ. Изъ нихъ Давыдовичевъ списокъ напечатанъ еще въ 1-й ч. Лѣтописа, за 1828 г., подъ заглавіемъ: **ЛѢТОПИСЬ ЦРЬЕМЪ СРЪБНИМЪ**. Теперь въ Сербскомъ Народномъ Музеѣ хранится совершенно подобный ему списокъ, который, по случаю описанія древностей, принадлежащихъ упомянутому Музею, Ивкою Ошкрою Поповичемъ, былъ напечатанъ въ 1-й части Гласника (1847). Онъ отыскавъ въ одномъ пергаменномъ сборникѣ, купленномъ Сербскимъ правительствомъ у вдовы покойнаго Михаила Германа; съ нимъ вмѣстѣ помѣщался и Номоканоникъ. По слученіи обонхъ изданій, между ними не оказывается рѣшительно никакихъ развѣсовій, кромѣ одной ошибки въ годѣ и одной въ мѣсцѣ; они разнятся только по языку, что, впрочемъ могло произойти совсѣмъ отъ другой причины, вѣроятно, отъ неправильнаго списыванія. По этому мы думаемъ, что списокъ Гласника одинъ и тотъ же со спискомъ Давыдовича. Въ этомъ убѣждаютъ насъ еще молчаніе Шафарика о спискѣ Музейномъ и одинаковое заглавіе въ обонхъ изданіяхъ; ибо и въ Гласникѣ написано: **ЛѢТОПИСЬ ЦРЬЕМЪ СРЪБНИМЪ** или (тамъ же) **ЛѢТОПИСЬ ЦРЬЕМЪ СРЪБНИМЪ**. Но почему же въ Гласникѣ ни слова не сказано объ отношеніи напечатаннаго въ немъ списка къ списку Давыдовичеву? Въ Гласникѣ издатель намѣренно опустилъ, начиная съ 6967 года, нѣкоторыя событія, не касающіяся Сербіи. Вѣроятно, по той же причинѣ и самый списокъ оконченъ 7021 (1543) годомъ, между тѣмъ какъ въ Лѣтописѣ онъ идетъ до 7082 (1554) г. Начинается же онъ въ обонхъ изданіяхъ съ раздѣленія Церквей, или съ 6240 г. Въ Лѣтописи, по словамъ Шафарика, есть тоже пропуски. Другой, Магарашевичевъ, списокъ напечатанъ безъ заглавія въ томъ же журналѣ, Лѣтописѣ, въ 1-й его части за 1829 годъ. Онъ начинается съ Потопа и оканчивается 1698-мъ годомъ. Однимъ съ нимъ годомъ начинается и оканчивается списокъ, принадлежащій теперь Сербскому Народному Музею и найденный въ другомъ, бумажномъ, сборникѣ, купленномъ также у вдовы Германа. Онъ изданъ въ той же книжкѣ Гласника въ слѣдъ за первымъ, какъ его дополненіе, съ огромными пропусками. По языку онъ, какъ и предыдущій, разнится отъ Магарашевичева, но по содержанію буквально сходится съ нимъ. Взаимное отношеніе обонхъ опять необъяснено издателемъ, а Шафарикъ тоже молчитъ о спискѣ Германовскомъ. Черногорскій, или списокъ Кухарскаго, занимаетъ 16½ послѣднихъ листовъ Рукописи, изъ коихъ первые 15 писаны полууставомъ, а послѣдніе 1½ скорописью. Онъ именуется: **Сказаніе вратца сѣшнимъ ѿ Адама до дѣшнего времья**. И дѣйствительно, начинается онъ съ Адама, но быстро проходитъ чрезъ лѣта царствованія Греческихъ императоровъ и, упоминувъ объ изобрѣтеніи азбуки съ Кирилломъ и вращеніи Руса, приступаетъ къ болѣе подробному описанію событий Сербской исторіи, начиная смертью Душана въ 1356(5) году и оканчивая преставленіемъ архіепископа Алтонія въ 1574 г. Недавно, въ 1863 году, въ V-й части Гласника, изданъ еще одинъ списокъ, отдѣленный съ древнѣйшаго іеромонахомъ Іосифомъ въ монастырѣ Трешнѣ въ 1794 г. Подлинникъ его оканчивался первой четвертью XVI ст. Онъ отличается отъ предыдущихъ своею полнотою, и въ составитель его замѣтилъ желаніе излагать событія въ связномъ разсказѣ, а не записывать ихъ врознь, коротко и голословно. Переписчикъ же дѣлалъ отъ себя поддѣйшія дополненія и замѣчанія. Этотъ списокъ озаглавленъ: **Родословіе срѣбскихъ**. Относительно всѣхъ этихъ списковъ Сербскихъ Лѣтописей должно замѣтить, что хотя они доходятъ до болѣе, или менѣе позднѣго времени, однако въ нихъ не трудно замѣтить словъ, различающихся между собою отчасти языкомъ, отчасти спосо-

лось отличается отсутствием личности писателя; съдѣсь нѣтъ сочинителя: съдѣсь сочинитель весь народъ. Дѣлами суть только посредники между народомъ и грамотностию, воспринимавшимъ въ себя еще свѣжія событія, еще живыя понятія и впечатлѣнія народа. Отъ того памятники эти должно по преимуществу называть народными. Напротивъ, лѣтописи болѣею частью своего содержанія относятся ко временамъ минувшимъ; сообщаютъ преданія и слухи, часто омытые невѣжествомъ; или вымыслами воображенія; или, наконецъ, тѣмъ полулживеніемъ. Но тому, чѣмъ дайте лѣтописецъ углублется въ старину, тѣмъ сочинительнѣе становятся подробности его разсказа, тѣмъ голововнѣе выказываются одно лишь основаніе событій. За то драгоцѣннѣе лѣтописи самою, которая передаетъ то, чего нѣтъ въ грамотахъ, или самый поводъ грамоты обстановка и поводъ и правдолюбивѣе; изъ нея можно видѣть связь событій и значеніе ихъ. Однако, и тутъ нельзя иногда не упрекнуть лѣто-

пись изложенія. По этому вопросу нѣтъ опредѣлительнаго вѣдѣнія: но крайней мѣрѣ, дѣло ихъ должно относить къ древнѣйшимъ временамъ письменности, а не къ позднѣйшимъ. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть о надписяхъ, намъ извѣстныхъ, каковы: на крестахъ королевы Елены и сына ея Милутина; на лжицѣ королевы Елены, неважно которой; на церкви св. Космы и Аммѣ, въ Студенцѣ, 1814 г.; на крестѣ царя Душана, 1848 г., въ Дечанахъ (сообщено приложенъ къ Вакребскому Архиву, 1852, кн. II, отд. II.); на покровѣ царя Лазаря 1389—1392 г.; на церкви Святости-евоинскаго монастыря, въ округѣ Алексинацкомъ, время деспота Стефана Лазаревича и брата его, Вука, 1399 г.; на завѣстѣ царскихъ вратъ въ церкви Хиландарской, 1399 г. (Гласникъ, ч. V); на столбѣ Косовскаго поля; на гробницахъ: Дабыжива, епископа царя Уроша, 1387 г.; Стефана Угдешича, въ Любостинѣ; царицы Милыцы; деспота Стефана Лазаревича, 1429 г.; Катерины Боснійской, 1498 г.; Марии Кралевича и др.; на церкви Святониколаевскаго монастыря, 1426 г.; надъ изображеніемъ деспота Юрія съ супругомъ, Иржиномъ, сыномъ Григоріемъ, и дочерью, Марою, на одной изъ деспотовыхъ грамотъ, въ монастырѣ Свигмѣнѣ; на паннагарѣ епископа Силвестра, конца XV-го в., въ Крушедолѣ; на оловѣнѣ, изготовленномъ деспотицею Ангелиною для мощей св. Іоанна Златоустаго въ церкви св. Марыи, въ Пресбургѣ; на дукѣ митракѣ, въ Крушедолѣ, и др. и др. Есть старинныя надписи на церковныхъ печатяхъ и иконахъ; но время ихъ опредѣлить почти невозможно. О надписяхъ, послѣсловіяхъ и припискахъ на книгахъ не говорю: ихъ весьма много. Изъ которыхъ перешли въ печать въѣсть съ богослужебными книжками, надписаны въ древнѣйшихъ Жарнаковскихъ печатяхъ. Надпись на Митрачской церковной башнѣ есть не что иное, какъ грамота, и потому отнесена мною къ числу послѣднихъ. Однѣ только Шафарикъ составилъ родъ каталога для большей части надписей въ Wiener Jahrbücher, 1831, 53 Anz. Bl., NN 1—25, и въ своемъ Prospectus Monumentorum Slaviconum. Извѣстія о прочихъ разбѣяны по разнымъ повременнымъ изданіямъ, описаніямъ, путешествіямъ и т. п. Вообще свѣдѣнія о памятникахъ этого разряда и вчерта въ изъ тѣхъ же источниковъ, какъ и для предыдущаго. Укажу еще на Шафариково извѣстное сочиненіе Geschichte der Slavischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten. Offen, 1828; на статью въ Сербо-Далматинскомъ Альманахѣ на 1836 г.: Княжество Сербия у чреднѣхъ вѣку (стр. 61), и на книжку Субботича: Einige Grundzüge aus der Geschichte der serbischen Literatur. Поэтъ имѣетъ этого краткаго обзора духу разрядовъ древнѣйшихъ памятниковъ Сербской письменности не дужко бы было и упомянуть, что множество рукописей еще остается въ неизвѣстности и недоступнымъ для ученыхъ изслѣдователей; а нѣтъ, хотя и открыты и прочтены, но редакція ихъ не объявлена. Думаю, что Русскія книгокрадчица, какъ общественныя, такъ и частныя, имѣчаютъ въ себѣ не мало рукописей, преимущественно церковно-богослужебнаго содержанія, Сербской редакціи. Входъ такимъ рукописямъ въ Россію былъ удобенъ; притѣры у насъ предъ глазами: древнѣйшій въ митрополитѣ Кириакѣ, позднѣйшій въ Сухановѣ. Но составили каталогъ нѣтъ, или вовсе не обращали вниманія на редакцію рукописей (кроме Восточкова), а для юго-славянскихъ ученыхъ онъ былъ вовсе недоступенъ. Въ заключеніе припомню еще разъ, что въ этомъ очеркѣ древней Сербобудгарской письменности я ограничился только тѣми важнѣйшими памятниками, которые не моложе XV-го вѣка.

писца въ какой нибудь задней мысли, въ жертву которой приносится или истина, или въ какомъ нибудь неправильномъ и пристрастномъ взглядѣ и т. д., чего нѣтъ, разужбется, въ грамотахъ. Такъ, дѣтописецъ Давидъ, при всей высокой заимчивости своего Родослова, многое умалчиваетъ о своихъ покровителяхъ, любимцахъ и воспитанникахъ, четырехъ короляхъ Сербскихъ. Дѣяки или дисцы скрываютъ часто свое имя, а если и выставляютъ его, то вовсе не съ авторскимъ знаменіемъ, а по тому, что того требовали форма и продолжительность грамоты. Они могли блеснуть своимъ книжнымъ образованіемъ, выказать свою грамотность только въ началѣ и концѣ некоторыхъ грамотъ и въ послѣсловіи Законника; но существуетъ предметъ, специальность дѣла заставляя ихъ выражаться простымъ, общедоступнымъ языкомъ, почти такимъ, какимъ говоритъ народъ: отъ того вся средняя и, следовательно, несравненно большая часть грамотъ и весь Законникъ писаны народнымъ языкомъ, въ которомъ хотя и замѣтно вліяніе Церковнославянскаго, однако этотъ послѣдній стоитъ къ народному уже въ обратномъ отношеніи сравнительно съ памятниками двухъ первыхъ отдѣловъ. Исторія народнаго языка должна опираться преимущественно на этотъ третій отдѣлъ памятниковъ: въ немъ она увидитъ поступательное движеніе языка впередъ, настоящую пору различныхъ явленій, составляющихъ сущность его исторіи, между тѣмъ какъ въ предыдущихъ она нѣсколько опаздываетъ. Сдѣсь, въ своей настоящей области, она дѣйствуетъ быстрее и успѣшнѣе.

Вотъ почему, желая исторически изучить народный языкъ Сербовъ, я избралъ этотъ именно отдѣлъ главнымъ предметомъ своихъ изслѣдованій. Но, быть можетъ, кто нибудь спроситъ, дѣйствительно ли такъ же различаются между собою по языку второй и третій виды Сербскихъ памятниковъ, какъ различаются они по значенію и общимъ свойствамъ своимъ? На это отвѣчаю: есть, конечно, такіе памятники, которые соединяютъ своимъ языкомъ оба вида. Такъ, на пр., дароуственные Аеоноскія грамоты, имѣя въ себѣ наибольшее количество признаков Ц.-Славянскаго языка, сходятся въ этомъ отношеніи съ надписями, или книжными послѣсловіями и пошѣтами; но даже и въ этихъ грамотахъ, нѣсколько приближающихся ко второму и первому отдѣламъ, есть такіе страницы, гдѣ языкъ народности своею далеко опережаетъ языкъ надписей, послѣсловій и т. п., и это именно тѣ самыя страницы, для которыхъ писана вся грамота; это тѣ мѣста, въ которыхъ заключается главное содержаніе и дѣль грамоты. Независимо отъ этого довода скажу: если по духу и содержанию своему памятники обоихъ послѣднихъ видовъ такъ рознятся между собою, что въ этомъ отношеніи нельзя не найти предѣловъ тому и другому виду, то и въ отнесеніи исторіи языка необходимо признать то же дѣленіе. Съ другой стороны, при подвижности и измѣчивости книжнаго языка, безъ сомнѣнія, найдутся такіе памятники, которые, связывая собою другіе, болѣе отличные по языку, составляютъ съ послѣдними непрерывную цѣпь, обнимающую всѣ, сколько бы ихъ ни было, памятники древней письменности. Но надо же найти между ними и грани, когда замѣчаешь, что тотъ, или другой отдѣлъ памятниковъ, въ совокупности взятый, довольно рѣзко отличается отъ прочихъ. Прочитавши одну за другою всѣ грамоты и Законникъ и прочитавши потомъ всѣ памятники, отнесенные нами ко второму отдѣлу, не говоря уже о первомъ, сейчасъ замѣчаешь, что впечатлѣніе, производимое языкомъ

тѣхъ и другихъ; вовсе не одинаково: въ первыхъ непремѣнно увидѣшь наибольшее отсутствіе народной стилии, во вторыхъ И.-Славянской. Вотъ почему и въ отношеніи языка я принялъ для памятниковъ такое же дѣленіе, какое и въ отношеніи ихъ духа, содержанія. Очевидно, что основаніе дѣленія справедливо во всѣхъ отношеніяхъ. Еще, быть можетъ, нѣкоторые, увлекшіеся народнымъ языкомъ, положивъ, хоть Русскихъ лѣтописей, спросить насъ, почему же мы Сербскія лѣтописи не отнесли къ третьему разряду? Конечно, лѣтописи, уже однимъ названіемъ своимъ, скорѣе всякаго другаго памятника, побуждаютъ къ такому вопросу; но отвѣчаемъ: кто читалъ Сербскихъ лѣтописцевъ, тотъ, съ перваго же разу, увидитъ, что языкъ ихъ вовсе не народный и далеко не таковъ, какъ языкъ грамотъ. Они, безъ сомнѣнія, воѣ были духовныя лица, писали по монастырямъ, окруженные церковными книгами, и часто на самихъ же церковныхъ книгахъ, языкомъ совершенно одинаковымъ съ языкомъ Житій Сербскихъ Святыхъ, слѣдовательно, Булгаросербскимъ. По этому самое приличное имъ мѣсто во второмъ разрядѣ.

Ни одинъ историкъ не пользовался тѣми грамотами, какія мы уже знаемъ, за исключеніемъ немногихъ, и Законникомъ по древнѣйшему списку. Но грамоты часто бываютъ отдѣлены одна отъ другой большимъ разстояніемъ въ пространствѣ и времени: чтобы связать ихъ и дать надлежащее значеніе каждой изъ нихъ, я долженъ вести непрерывную историческую нить, которая, при всей краткости разсказа, укажетъ настоящее мѣсто для того, или другаго памятника, чтобы онъ не представлялся чѣмъ либо отрывочнымъ и не терялъ половины своей цѣны. Пусть другіе излагали Сербскую исторію по другимъ источникамъ: моею задачею будетъ повѣрить и дополнить ихъ тѣмъ, что отыскано мною въ изданныхъ послѣ нихъ народныхъ Сербскихъ памятникахъ. Глазъ ученаго отличить общеизвѣстное, то, что я называю историческою нитью, отъ того, что предложено мною новаго. Въ отношеніи же языка, его коснулся пока одинъ только Шафарикъ; но коснулся на столько, на сколько нужно было для исторіи Древнебулгарскаго языка въ Сербіи. Изъ его изслѣдованія, между прочимъ, оказывается, что Сербскій языкъ не есть тотъ, на который совершенъ переводъ Священнаго Писанія. Въ древнѣйшихъ Далматохорватскихъ грамотахъ, писанныхъ на Латинскомъ языкѣ, и Византійскихъ лѣтописцахъ Шафарикъ отыскиваетъ слѣды Сербскаго языка, и тѣмъ доказываетъ, что этотъ языкъ, еще при самомъ разсвѣтѣ Исторіи, уже имѣлъ тѣ особенности, которыя отличаютъ его въ послѣдствіи отъ языка Славянобулгарскаго. Потомъ, сообразно съ своею цѣлю, онъ разсматриваетъ Славянобулгарскую письменность въ Сербіи и указываетъ на тѣ сербизмы, которые мало по малу входили въ эту письменность изъ устнаго народнаго языка. Но, имѣя въ виду преимущественно Славянобулгарскій языкъ по памятникамъ этого языка въ Сербіи, Шафарикъ не могъ не воспользоваться для сравненія памятниками народными, какіе были у него подъ рукою; таковы: 11 грамотъ, 4 печати, нѣсколько монетъ и Законникъ Душановъ по древнѣйшему списку 1390 года. Эти немногіе памятники третьяго отдѣла служили Шафарику представителями Сербскаго языка среди множества рукописныхъ и печатныхъ памятниковъ Славянобулгарской письменности, принадлежащей Сербіи. Но, скажу еще разъ, Шафарикъ вовсе не думалъ строить полнаго зданія Сербскаго языка: ему нужно было только указать на тѣ мелкія зерна, которыя разсыяны въ памятникахъ Славянобулгарской письменности и рѣзко отличаются отъ коренныхъ свойствъ Славянобул-

гарскаго языка, чѣмъ само собою опровергается и ложное мнѣніе, приписывающее Сербскому языку честь быть богослужебнымъ языкомъ православной Церкви въ Булгаріи, Паноніи, Сербіи и Россіи. Слѣдовательно, ему предстояло рассмотреть не столько народныя, сколько Славянобългарскіе памятники, принадлежащіе Сербіи. Тамъ онъ и одѣлалъ. Его книгу, *Serbische Lesekörner*, можно назвать исторіею Церковнославянскаго языка въ Сербіи. Я предложилъ себѣ задачу противоположную Шафариковой—*очертить исторію Сербскаго языка по народнымъ памятникамъ*, и именно такими же, какими пользовался и Шафарикъ, т. е., *используя Кирилицю*. Но такъ какъ письменный языкъ Сербовъ, какинъ бы онъ ни былъ въ сущности, все же такъ вообще былъ языкомъ искусственнымъ, образованнымъ изъ двухъ стѣпій, народной и Славянобългарской, прѣ разсмотрѣніи ихъ участіи и взаимодействіи, трѣбала мнѣя будетъ, на оборотъ, рѣшить, *на сколько Сербскій языкъ подверженъ азійско Церковнославянскому?* Здѣсь сами собою представляются два вопроса: какъ Сербскій языкъ постепенно устанавливался въ своихъ звукахъ и формахъ, и какое отношеніе имѣлъ онъ къ Церковнославянскому? Естественнымъ путемъ къ рѣшенію этихъ вопросовъ должно быть изученіе народныхъ памятниковъ Сербской письменности, какъ противоположныхъ Славянобългарскимъ.

Могутъ сдѣлать мнѣ другой вопросъ: почему я избралъ одни только памятники, писанные Кирилицю? На этотъ вопросъ отвѣчаю словами и притѣромъ Шафарика, который, въ *Serbische Lesekörner*, уже предвидѣлъ этотъ вопросъ и такъ отвѣчалъ: *Es würde folgenreich sein, von dem Gesichtspunkte auszugehen, dass die Sprache der Serben griechischen Ritus in Serbien und der Serben oder Illyrier lateinischen Ritus in Dalmatien nur eine Mundart sei, und dass man demnach alte, mit lateinischen oder glagolitischen Buchstaben geschriebene Sprachdenkmäler der Dalmatiner bei der Lösung der vorliegenden Frage mit ebendenselben Rechte befragen könne und müsse, mit welchem die cyrillischen Handschriften befragt werden.... Da man sich indess durch zu vorschnelle und breite Anwendung dieses Grundsatzes der Gefahr aussetzen möchte, von einem Theile der bei der Frage Betheiligten eines Cirkels in der Beweisführung beschuldigt zu werden, jenem Theile nämlich, der es dafür hält, dass die Sprache der katholischen Illyrier gerade die aus der, nach ihrer Meinung den Serben eigenthümlich angehörigen Altslawischen, durch Abfall entstandene, corrupte, keiner Beachtung werthe Pöbelsprache sei: so muss man vorerst sein Augenmerk auf die cyrillischen Sprachdenkmäler der Serben griechischen Ritus allein richten* (стр. 6 — 7). Но Шафарикъ, вполне убѣжденный въ справедливости принятаго имъ раздѣленія, сдѣлалъ только слабое возраженіе, между тѣмъ какъ основаніе, опредѣляющее объемъ его сочиненія, чрезвычайно вѣрно. Справедливо замѣчаетъ онъ тутъ же, что во всей Сербіи существовалъ и существуетъ одинъ языкъ съ нѣкоторыми маловажными измѣненіями, и по тому въ исторіи языка необходимо допустить къ сравненію памятники, писанные какъ Латинскими буквами, такъ и Глаголическими. Но всякій, кто сколько нибудь знакомъ съ исторіею Сербской письменности и Сербскаго народа, оправдаетъ его раздѣленіе. Случайное, по видимому, обстоятельство употребленія той, или другой азбуки тѣсно связано съ важнѣйшими основами жизни Сербскаго народа. Оно не только связано съ вѣроисповѣданіемъ Сербовъ, но и съ политической ихъ судьбою. Сербы католики постоянно удо-

требляла Латинскую, или Глагольскую азбуку, Сербы православные — Кириллицу. Сербскія области, Босна и Герцеговина, всегда стремились къ разьединенію съ Сербією и успѣли пріобрѣсти себѣ большую, или меньшую степень политической независимости. Въ нихъ Католицизмъ встрѣтился съ Православіемъ и сдѣлалъ значительныя завоеванія. Политика и религія произвели то, что въ области, вѣдѣтъ съ Далмаціей и Приморскою Хорвацією, гдѣ исключительно господствовалъ Католицизмъ, клонились болѣе къ Угріи, чѣмъ къ Сербіи. Даже въ нихъ самихъ, когда Герцеговина (воеводство св. Савы) устремилась къ независимости, религіозное начало служило главною основою къ распадению: воеводы св. Савы, въ противоположность Боснійскимъ королямъ, привяли сторону Православія и восточной ереси Манихейцевъ. Поодаль отъ нихъ стояла Сербія съ своимъ Православіемъ. Все католическое населеніе въѣхъ земель, подѣ влияніемъ Запада, употребляло въ церковныхъ книгахъ Глаголитыку, позднѣе Буквицу, въ другихъ Латинскую азбуку; все православное населеніе, напротивъ, употребляло всюду Кириллицу. Въ книжнѣмъ языкѣ православныхъ Сербовъ, составляющемъ предметъ моего изслѣдованія—ибо нѣтъ памятника, который бы былъ писанъ чистымъ народнымъ языкомъ, какъ напр., пѣсни,—замѣтно большее, или меньшее влияніе и присутствіе Славянобългарскаго языка: того вовсе нѣтъ въ народныхъ памятникахъ католическихъ Сербовъ; хотя въ глаголитскихъ не-церковныхъ опять замѣтно присутствіе Ц.-Славянскій стихій, оправдываемое совсѣмъ другою причиною. Исторія письменности у Православныхъ и у Католиковъ представляетъ также два совершенно различныя предмета, и Шафарикъ имѣлъ полное право, въ своей книгѣ *Geschichte der Slavischen Sprache und Literatur*, говорить о той и другой въ особыхъ отдѣлахъ. Такимъ образомъ различіе азбуки отвѣчаетъ распаденію Сербскаго народа въ вѣроисповѣданной, государственной и умственной дѣятельности. Принимая въ соображеніе все сказанное и не желая нарушать единства и цѣльности предмета, я ограничился такимъ же объемомъ, какъ и Шафарикъ, а именно *памятниками, писанными Кириллицею.*

Но памятники, положенные мною въ основу при изученіи судьбы Сербскаго языка, суть *историческіе*: а по сему я долженъ предварительно разсмотрѣть ихъ съ исторической точки зрѣнія, показать ихъ значеніе въ народной жизни и тѣмъ объяснить различныя явленія, совершающіяся въ движеніи языка. Они еще не вошли въ кругъ историческихъ соображеній ученыхъ. Лица и событія, въ нихъ встрѣчающіяся, еще не узнаны и не объяснены, равно какъ сами еще не объяснили собою того, что извѣстно изъ другихъ источниковъ. Писанные подѣ исключительнымъ влияніемъ историческихъ судьбъ народа, они должны были и языкъ свой подчинить этому влиянію. Различіе, замѣчаемое въ ихъ языкѣ, объясняется ихъ отношеніемъ къ различнымъ явленіямъ народной жизни. Аѳонскія грамоты исполнены звуковъ и формъ Ц.-Славянскихъ; но грамоты той же семьи, заключающія торговые договоры съ Дубровничанами, даютъ перевѣсъ народнымъ звукамъ и формамъ. Такъ, грамоты Боснійскихъ королевъ, предъявлявшихъ свои права на православную Сербію и потому поддававшихся подѣ приемы, языкъ и выраженія грамотъ православной Сербіи, имѣютъ въ себѣ гораздо болѣе Ц.-Славянскій стихій, чѣмъ современныя имъ грамоты Боснійскихъ же братьевъ, ведшихъ свои переговоры съ Дубровникомъ. Такъ, Дубровницкія грамоты отличаются ровностію и народностію языка, ибо Дубровничане были католики и имѣли менѣе побужденія и средствъ къ введенію въ свои грамоты Ц.-Славянскій стихій. Самое количество памятниковъ, время ихъ появленія, умноже-

нія и исчезновенія, условливается какъ нельзя лучше государственнымъ бытомъ, временемъ усиленія, процвѣтанія и упадка Сербскихъ областей, къ которымъ они относятся. Такъ, Законникъ появляется въ то время, когда Сербія, усиленная извнѣ, обратилась къ самой себѣ, чтобы повершить дѣло своего возвеличенія чрезъ уясненіе и упроченіе основъ своего внутренняго быта. Время Душана есть время созрѣванія Сербіи, и ему, съ одной стороны, отвѣчаютъ пышныя, исполненныя сознанія народнаго достоинства, грамоты, какъ выраженіе внѣшнихъ отношеній Сербіи; съ другой Законникъ, какъ выраженіе внутренней жизни народа, плодъ развившихся и пришедшихъ къ сознанію общественныхъ началъ народа. Такъ, грамоты православной Сербіи учащаются при Милутићѣ, Дечанскомъ и Душанѣ и послѣ нихъ рѣдѣютъ; ибо время этихъ трехъ государей имѣетъ то же значеніе въ жизни народа, какое цвѣтъ, наливъ и зрѣлость въ провзрастаніи плода. Такъ, Зетскія и Боснійскія грамоты появляются именно въ то самое время, когда Зета и Босна вступаютъ на поприще самобытной дѣятельности. Боснійскія грамоты слѣдятъ за развитіемъ Босны и число ихъ еще болѣе увеличивается отъ усиленія Боснійскаго боярства. Такъ, Дубровницкія грамоты постоянно сопутствуютъ самостоятельной жизни Восточной Сербіи и Босны и прекращаются съ ихъ паденіемъ, когда Дубровнику уже не съ кѣмъ было сноситься. Такъ, по мѣрѣ вторженія Турціи въ права завоеванныхъ народовъ, показываются Турецкія грамоты и пр. Даже нравственное значеніе областей и лицъ Сербіи имѣло, съ своей стороны, немаловажное вліяніе на содержаніе грамотъ. Такъ, Дубровникъ, вольно-торговый городъ, нуждавшійся въ хлѣбородныхъ земляхъ, ведетъ переговоры о приобрѣтеніи земель, дѣлахъ торговыхъ, принятія къ себѣ изгнанниковъ, о вкладахъ, процентахъ и т. п. Такъ, православные Сербскіе государи и ихъ родичи, оставляютъ въ грамотахъ память о своихъ подвигахъ благочестія. Боснійскіе короли, стремящіеся къ приобрѣтенію православной Сербіи, хлопочутъ о нравственномъ вліяніи на народъ ся и, по смерти Уроша V, не смотря на деспотовъ, слѣшатъ брать съ Дубровника «Сербскій доходъ», какъ выраженіе ихъ правъ на православную Сербію. Такъ, Зетскіе и Боснійскіе бояре стараются объ упроченіи своихъ поземельныхъ владѣній и водвореніи прямыхъ сношеній съ Дубровникомъ; ибо то и другое наиболѣе способствовало ихъ независимости, которой они добивались. Такъ, со времени вторженія Турокъ въ предѣлы Сербіи, Дубровницкія грамоты часто извѣщаютъ о полученіи вкладовъ отъ разныхъ Сербскихъ владѣльцевъ, обезпечивавшихъ себя чрезъ то въ случаѣ нашествія непріятели. Турецкія грамоты носятъ ясный отпечатокъ могущества и самовластия завоевателей Сербіи. Турки то даютъ отъ себя Дубровничанамъ право свободной торговли, запрещая сосѣдямъ, ближнимъ и дальнимъ, вредить ихъ торговцамъ; то требуютъ отъ Дубровничанъ Сербской дани, надбавляя ее; то разрушаютъ городокъ, построенный безъ ихъ дозволенія, то вмѣшиваются въ частныя дѣла Дубровника съ Сербскими владѣльцами по вкладамъ; то позволяютъ себѣ рѣшать дѣла монастырскія: короче сказать, они являются полными распорядителями въ дѣлахъ Сербіи, и воля ихъ есть законная опора для Сербовъ. Такъ, не Зета, не Босна, а православная Сербія, какъ область болѣе другихъ сильная и самостоятельная, издаетъ Законникъ, который дышетъ современною жизнію, исполненъ вопросовъ, наиболѣе затрогивавшихъ тогдашнее правительство и общество. Словомъ, памятники, мною избранные, всѣ проникнуты историческою жизнію народа и не могутъ быть отдѣлены отъ нея. По этому изслѣдованія мои сами собою распадутся на двѣ части: *историческую* и *филологическую*.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

ДУБРОВНИКЪ.

Разсматриваемые мною памятники относятся къ исторіи Дубровника, Босны и Сербіи. Значеніе ихъ въ исторіи этѣхъ грехъ государственныхъ областей постараясь теперь изложить въ краткомъ очеркѣ. Главнымъ основаніемъ и источникомъ послужать мнѣ сказанные памятники; но безъ другихъ источниковъ обойтись нельзя тамъ, гдѣ связь грамотъ прервана, или гдѣ самихъ грамотъ недостаточно для объясненія лицъ и событій, въ нихъ встрѣчающихся.

Начну съ *Дубровника*, ибо къ нему преимущественно относятся грамоты, которыхъ ббольшая часть найдена въ его же архивѣ¹.

Вотъ какъ Санковичи, уступая Дубровнику, въ 1391 году, Конавле и Виталину, пишутъ въ своей грамотѣ (С. № 78) объ основаніи Дубровника: «(я) живише вѣльзкы и ковоода рѣднуѣ братьми савьковичи поумасмо еа истиниѣ по старехъ писмехъ и по старехъ паметарехъ (старожилахъ) добрехъ людехъ кои съ узли ѿ одного коагма до другаго и повеждичехъ вѣльзкы (признакахъ) и здамьннхъ на цаптата при мори есть бнль градъ старн дубровиниѣ полагъ живише комакальскы комеѣ градѣ пристотнѣ жуѣа комавалоски и вѣше мѣ имьшито (потомственное владѣніе) та живи и другѣ земли и мѣста и када се онъ старн градъ рлсе и опестѣ тѣда господа рашька и хемьскиа зъ ти дни крикиномъ поседомѣ и по силн узши комакальскы живи и друга мѣста тоган града и тада гравнѣ (граждане) пондоше зъ твердо мѣсто и зидашѣ градъ дубровиниѣ кои есть и дамашѣ божьомъ милостнѣ поутень и слободамѣ ѿ коихъ люди старога града все съ родннн и нислѣдннн властельс града дубровиниѣ. Упоминаемые въ этой грамотѣ повеждици вѣльзи, признаки или живыя урочища, подтверждаются извѣстіемъ ученыхъ, что въ долину Ободѣ, которая принадлежала, какъ видно изъ грамотъ, къ Конавльской жуѣѣ, находятся развалины Епидавра съ гробницею Долабеллы². Цавтатъ также возникъ на развалинахъ древняго Епидавра и потомъ отошелъ къ Конавли. Бандури³ приводитъ свидѣтельство Тубера, который рассказываетъ о великолѣпномъ водопроводѣ, бывшемъ въ его время въ Конавлѣ, olim ager Epidaurius. Слѣдовательно, Епидавръ виѣщалъ въ своемъ обширномъ кругу и Ободѣ, и Цавтатъ. Въ грамотѣ онъ названъ старымъ Дубровникомъ (Ragusa vecchia), и ему принадлежали

¹ Теперь онѣ хранятся въ Вѣнскомъ Государственномъ Архивѣ, куда поступили послѣ присоединенія Далмаціи къ Австріи.

² Appendini, т. I, стр. 41, 49.

³ Animadv. in I. Const. Porphyrog., de Adm. Imp. Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae, Const. Porphyrog., т. III, р. 356. Ed. Bonnae. Я всюду слѣдую этому повѣйшему изданію.

Конавле и Виталина. Далѣ грамота говорить, что этотъ старыи городъ разрушился (расъ) и опустѣлъ. Этими она намекаетъ на постепенное разрушеніе и опустѣніе города, которое, дѣйствительно, началось съ половины III столѣтія и остановилось на Славянахъ въ половинѣ VII ст. Славянамъ предшествовали Авары¹; но, по свидѣтельству Константина Багрянороднаго, Славяне, при помощи Сарацынъ, довершили паденіе города, овладѣвъ имъ². То же утверждаетъ и грамота, говоря о завоеваніи Конавли и Виталины владѣтелями Рашскими и Хлумскими. Тогда жители, тѣ, которые успѣли спастись бѣгствомъ, основали при морѣ въ удобномъ мѣстѣ другой, новый Дубровникъ, существующій и доселѣ. Такъ повѣствуютъ всѣ лѣтописцы. Только годъ основанія новаго Дубровника неопредѣленъ достоверно. Бандури справедливо замѣчаетъ³ ошибку въ лѣтосчисленіи Константина Багрянороднаго. Аппендини⁴, съ своей стороны, опровергая мнѣнія другихъ, думаетъ, что Дубровникъ былъ основанъ въ 656 году. Енгель соглашается съ нимъ⁵. Самъ Ендавръ былъ когда-то основанъ Греками, потомъ завоеванъ Римлянами, около времени Юлія Цезаря. Его владѣнія были прежде значительнѣе: ему принадлежали земли по морскому берегу, выше и ниже его лежащія, и нѣсколько укрѣпленныхъ городовъ, въ томъ числѣ Требине и Молунтъ; но Дубровникъ не имѣлъ уже округа: все это было завоевано Славянами. По тому-то Константинъ Багрянородный и говорить, что Дубровникъ лежитъ между Травуниемъ и Хлумомъ, и въ обѣихъ земляхъ имѣетъ своихъ гражданъ и виноградники⁶. Паденіе Салоны въ 692 г. и Дукли въ 980 г. увеличило значеніе Дубровника; многіе граждане и знатное духовенство переселились въ него изъ обѣихъ городовъ, и Дубровницкая Церковь получила достоинство архіепископіи⁷. Впрочемъ, вѣроятнѣйшее учрежденіе Дубровницкой архіепископіи относится къ 1076—1121 г.⁸ Но свидѣтельство Константина Багрянороднаго, писателя X вѣка, не оставляетъ никакого сомнѣнія относительно малоземельности Дубровницкаго округа. Тѣмъ не менѣе съ теченіемъ времени Дубровничане значительно подвинулись на сѣверъ, будучи стѣснены Травуниемъ съ юга. При Урошѣ I они, въ договорѣ съ Михаиломъ Асѣномъ Булгарскимъ С. № 16, III. № XVI, обозначаютъ границу, которая доходила до Затона; а такъ какъ въ этомъ договорѣ и въ другихъ современныхъ, они вообще упираются на старыя отношенія, бывшія между Дубровникомъ и

¹ Appendini, т. I, ч. I, кн. II, гл. VIII и IX.

² *Οἱ δὲ αὐτοὶ Ραυδάιοι τὸ παλαιὸν ἐκράτουν τὸ κάβτρον τὸ ἐκτελούμενον Πίταυρα. καὶ ἐπειδὴ, ἤνικα τὰ λοιπὰ ἐκρατήθησαν κάβτρα παρὰ τῶν Σκλάβων τῶν ὄντων ἐν τῷ θέματι.* Corp. Script. Hist. Byzant., Const. Porphyrog., de Adm. Imp., v. III, c. 29, p. 137.—Stritter, II, 17. — Engel, Geschichte des Freistaates Ragusa. Wien, 1807, стр. 45.

³ Animadv. in libr. Constant. Porphyrog. de Adm. Imp. Corp. Script. Hist. Byz., Const. Porphyrog., v. III, p. 311.

⁴ Т. I, стр. 81 и 238.

⁵ Geschichte des Freistaates Ragusa, стр. 48.

⁶ *Τὸ δὲ κάβτρον τὸ Ραυδίον μέσον τῶν δύο χωρῶν κρέσσεται, τῶν τε Σαχλούμων καὶ τῆς Τερβουνίας. ἔχουσι δὲ καὶ τοὺς ἀμπελῶνας αὐτῶν εἰς ἀμφοτέραις τὰς χώρας.* Corp. Script. Hist. Byz., Const. Porphyrog., v. III, de Adm. Imp., c. 30, p. 147.—Stritter, II, 407, 409.

⁷ Аппендини (т. I, ч. I, кн. III, гл. I—III) относить начало Дубровницкой архіепископіи къ паденію Салоны; Бандури, по Раци, — къ паденію Дукли. Вотъ, что онъ говорить: *Dioclea autem urbe a Bulgaris eversa, Ioannes archiepiscopus Diocleensis Ragusium archiepiscopalem dignitatem accepit a Benedicto V, Pontifice Maximo, ut scribit Seraphinus Razzius in [Historia archiepiscoporum Ragusinorum. Animadv. in l. Const. P. de Adm. Imp., Corp. Script. Hist. Byz., Const. Porphyrog., v. III, p. 357.*

⁸ Engel, Gesch. d. Freist. Ragusa, стр. 90.

Сербією при Неманѣ и Стеванѣ Первоначальномъ, то можно замѣтить, что уже при Неманѣ ихъ округъ доходилъ до Затона (близъ Стонскаго перешейка). Множество жителей и обширная торговля требовали и большаго количества състныхъ припасовъ. Хлѣбъ вообще цѣнился въ Далмаціи. Ограниченность городскихъ округовъ, каменистая и сухая почва не могли доставлять жителямъ надлежащаго количества хлѣба, и вотъ по чему въ статутахъ разныхъ Далматскихъ городовъ хлѣбъ находится подъ запрещеніемъ вывоза. По свидѣтельству Лукари¹ вся страна, которая простирается отъ мыса Куманскаго до залива Рясанскаго и обнимаетъ, вмѣстѣ съ прилежащими островами, около 340 кв. миль, производитъ хлѣба не болѣе, какъ на 4 мѣсяца, и городъ долженъ привозить для себя хлѣбъ извнѣ. Такое свидѣтельство современника второй половины XVI ст. весьма важно. Отъ того постоянною заботою Дубровника было увеличеніе городского округа. Онъ двояко приобрѣталъ себѣ земли: или открыто чрезъ пословъ просилъ себѣ уступки сосѣднихъ земель и платилъ за нихъ деньги, или незамѣтнымъ, тихимъ образомъ засаживалъ ближайшіе виноградники, засѣвалъ ближайшія поля, надѣясь укрѣпить ихъ за собою давностию владѣнія. Частыя напоминанія Сербскихъ владѣтелей, чтобы Дубровничане не переходили черезъ свои межи, и судебныя изслѣдованія о земляхъ и людяхъ, отошедшихъ къ Дубровнику, показываютъ, что этотъ послѣдній способъ приобрѣтенія земель не былъ пренебрегаемъ Дубровникомъ. Уже Константинъ Багрянородный замѣчаетъ, что въ IX ст. Дубровникъ платилъ дань за землю Хлумскимъ и Травунскимъ владѣтелямъ: *καὶ τολοῦσι πρὸς μὲν τὸν ἄρχοντα τῶν Ζαχλοῦμων νομίσματα λς, πρὸς δὲ τὸν ἄρχοντα Τερβουρίας νομίσματα λς*². Неманя, въ мирномъ договорѣ съ Дубровничанами, избавилъ ихъ отъ дани, платимой за виноградники и пашни, лежавшія на Стонскомъ полуостровѣ (Punta)³. Радославъ, стѣсненный обстоятельствами, простилъ городу всѣ дани, которыя платились за Рѣку, за Затонскіе, Полицкіе и Жерновницкіе⁴ виноградники и за всѣ земли, засаженные лозами, но съ тѣмъ, чтобы впредь Дубровничане не занимали болѣе ни одной пяди королевской земли ни лозами, ни житою, ни овощами (1234 г., февр. 4. С. № 2. III. № IX). Владиславъ, обязывая ихъ оставаться въ прежнихъ межахъ (С. № 3. III. № X), простилъ имъ Жерновницкіе «жогорычи» или платежи (С. № 6. III. № XII). Такимъ образомъ отреченіе королей отъ дани давало Дубровничанамъ право, опираясь на грамоты, считать вышеупомянутые участки своею собственностію. Любопытно опредѣлить величину Дубровницкаго округа въ половинѣ XIII вѣка и видѣть постепенное возрастаніе городскихъ владѣній. На востокъ съ нимъ граничила Поповская Община. Вызывая Дубровничанъ на сходку (састанакъ) въ Затонѣ, гдѣ была «властельская потрѣба», и объявляя, что она не перейдетъ на другой берегъ рѣки, Поповская Община какъ бы указывала этия, что За-

¹ Annali di Rausa, l. 4, p. 153.

² Corp. Script. Hist. Byz., Const. Porphyrog., v. III, de Adm. Imp., c. 30, p. 147.—Stritter, II, 407, 409.

³ Appendini, т. I, ч. II, к. II, стр. 270. — Енгель, Gesch. d. Freist. Ragusa, стр. 86.

⁴ Полицъ (отъ поле) много въ Далмаціи: одна на востокъ за Требиною; другая въ Коначѣ на югъ отъ Цавтата; третья въ Которскомъ округѣ, въ православной Кривошейской парохіи (см. Сербо-Далм. Маг., 1850, стр. 32); четвертая, составлявшая прежде свободную общину, лежала между Цетинію и Жерновницею (см. Сербо-Далм. Маг., 1847, стр. 57); пятая на Кръкѣ и т. д. Сдѣсь разумѣются ближайшія къ Дубровнику Полицы и Жерновница; ибо онѣ, какъ сейчасъ увидимъ, стояли, вмѣстѣ съ другими мѣстечками, на одной окружной межѣ Дубровницкихъ владѣній.

тонъ и Рѣка¹ были границами ея и Дубровницкимъ земель (С. № 11. Ш. № 1). На югѣ округъ Дубровника доходилъ до Цавтата, какъ видно изъ словъ князя Черношира (С. № 18), что за Цавтатомъ не сидятъ Дубровницкіе люди. Подробное описаніе своихъ границъ предложилъ самъ Дубровникъ въ договорѣ съ царемъ Булгарскимъ Михаиломъ Асѣномъ, 1253 года (С. № 16. Ш. XVI). Въ примѣрѣ тогдашняго опредѣленія границъ я приведу слова подлинника: а прѣписане. дѣднѣ. маше. земли. и села и дрѣзакъ. маушнאותъ. ѿ цркви. стого. гворьгнѣ. врьхъ. старѣ. градъ. синтакъ. нже идеть. до цркви. стого. истра'. а ѿ цркви стого. петрл. идеть до цркви. стого. помрата. а ѿ. цркви. стого. помрата. ико. дрѣжѣ. горьре. врьхъ. бллома. и слезуть. до миннехъ. а ѿ. миннехъ. ико. дрѣжѣ. горьре. нос. гредеть. врьхъ. жьрковичъ. дерн. до кладнице. а ѿ. кладнице. ико. дрѣжѣ. горьре. нос. сѣть. врьхъ. шуметь² и гредеть. до ѿкл. а ѿ. ѿше стране. ѿкл. ико. дрѣжѣ. горьре. нос. сѣ. врьхъ. рѣке'. и сѣтьгьнѣтъсе дерн. до горьре. нос. сѣ. врьхъ. корнла'. а ѿ корнла. ико. дрѣжѣ. горьре. нос. сѣ. врьхъ. златомъ'. и врьхъ. полице. и врьхъ. ѿрлшъцъ'. и сѣтьгьнѣтъсе. до. цркви. стѣ. тьмьлѣ. и вѣсе. мѣде. ѿ прѣписанехъ. земли и села. и дрѣзакъ. ѿ врьхъ. ѿ вѣсе. прѣписанѣ. горьре. слезуть. до мора. вѣсе. сѣ. маше. дѣднѣ'. Отсюда видимъ, что всѣ дани, какія простили имъ Радославъ и Владиславъ, относились къ пограничнымъ землямъ. Такъ распространялъ Дубровникъ свой округъ. Нѣкоторые изъ упомянутыхъ пограничныхъ мѣстностей были не задолго до Немани приобрѣтены Дубровничанами отъ Сербскихъ владѣтелей. Разсказъ о приобрѣтеніи этомъ сохраненъ многими Дубровницкими лѣтописцами, какъ-то: Червою (Туберомъ), Раниною, Рацци, Лукари, Дандуломъ и Рести; но года и имена искажены. Аппендини относитъ это событіе къ 1050 году¹⁰.

¹ Что это за рѣка? Требиняшница ли, а по другимъ Захлума, протекавшая по Поповской долигѣ, или другая такая подъ Златомомъ, опредѣлить не могу. Рѣка, какъ граница, встрѣчается въ гр-ѣ С. N 16. Впрочемъ, судя по словамъ гр-ы Стефана Первовѣчанскаго (С. N 51), что въ Рѣкѣ и Жерновницѣ находятся церкви, должно заключить, что въ окрестностяхъ Дубровника лежало мѣстечко Рѣка, и за него-то, вѣроятно, Родославъ просилъ дань Дубровничанамъ. Нынѣ это мѣстечко называется Омбла: тутъ же течетъ и ручей того же имени (Arión, Ombla), соединяющійся подземнымъ путемъ съ Требиняшницей.

² Мощи св. Петра, замученнаго въ Которѣ, были принесены въ Дубровникъ, въ 1026 г., по свидѣтельству Мелетія, древнѣйшаго Дубровницкаго поэта-историка. См. Engel, Gesch. d. Freist. Regua. стр. 69.

³ Мощи св. Паавратія почитали въ Дубровникѣ: *ἐν δὲ τῷ αὐτῷ κἀστρῷ κεῖται ὁ ἄγιος Παυκράτιος ἐν τῷ ναφ τοῦ ἀγίου Στεφάνου*—пишетъ Багрянородный (de Adm. Imp., Corp. Script. Hist. Byz., v. III, p. 137). Объ нихъ же между другими мощами упоминаетъ и Туберъ въ Schwandtneri Script. Rer. Hungar., t. II, p. 191. Ср. Бандури, Animadv. in I. Const. P. de Adm. Imp., Corp. Script. Hist. Byz., Const. P., v. III, p. 345. Обѣ эѣ церкви указываютъ на близкое разстояніе границъ отъ города.

⁴ Нынѣ Gionchetta, близъ Рѣки.

⁵ Нынѣ Ombla.

⁶ Или Курила, нынѣ Рожато, село и приходъ (парокія) въ Рѣкѣ.

⁷ Нынѣ Malfi, между Орашцемъ и Рѣкою. Другой Затонъ лежитъ на Стожскомъ перешейкѣ.

⁸ Нынѣ Valdinose. Извѣстія о современныхъ названіяхъ всѣхъ вѣтхъ мѣстностей сообщены намъ туземцемъ и знатокомъ края, графомъ Орсагомъ Почичемъ Загорскимъ. Ср. Сербско-Далматинскій Магазинъ, 1839, стр. 121; 1851, стр. 14.—Юнкча Zemljopis i povestnica Bosne, стр. 86. Хорошая карта, приложенная при Путешествіи Вилькинсона, (Dalmatien und Montenegro mit einem Ausfluge nach der Herzegowina und einer geschichtlichen Uebersicht der Schicksale Dalmatiens und Ragusa's, nach Sir J. Gardner Wilkinson bearbeitet, v. Wilh. Ad. Lindau, Leipzig, 1849, 2 B.) содержитъ въ себѣ почти всѣ упомянутыя мѣстности.

⁹ Переводъ см. въ Введеніи, стр. 9.

¹⁰ Т. I, ч. II, к. II, стр. 252.

Вгелъ, принимая это лѣтосчисленіе, уступку земель приписываетъ Воиславу и сыну его, Михаилу (1040—1080). Дубровничане получили отъ перваго Жупу (Брено), Рѣку (Омблу), Гружь (Гравозу), Затонъ (Мальфи) и весь берегъ до Орашьца (Valdinose); а отъ втораго острова Колочепъ (Каламоту), Лопудъ (Меццо) и Жупану (Шяпанъ)¹. Основываясь на давности владѣнія и уважая память предшественниковъ, Сербскіе короли оставляли за Дубровникомъ тѣ земли, которыми онъ владѣлъ при ихъ родителяхъ и дѣдахъ. Такъ Урошь I пишетъ въ грамотѣ (С. № 24): *ико зѣмѣ и виноградѣ цю стѣ дръжали. до зыръти гѣмѣи ѿца. да си ю дръжите; но присовокупляетъ: а потола што се види послѣно виноградѣи. или зѣмѣ примышѣ. да се седомъ испрѣви.* Такъ и Милутина укрѣпляетъ за Дубровничанами цю съ дръжали зѣмѣ: и виноградъ: и ѿрши: з гѣмѣи сѣктопоукишега ѿцѣи: (С. № 33), что подтвердила и мать Короля, Елена (С. № 32). Въ 1333 году, грамотою отъ 22 генваря (С. № 37), Стефанъ Дечанскій продалъ Дубровничанамъ рѣть стонски са всѣми мѣстами скои и са зѣсѣли и слюдѣи и да съ ѿбластини зидати га на прѣвѣлци² и на другомѣ мѣстѣ гдѣ имъ будѣ хѣтинѣ и ѿце имъ придахъ ѿ прѣвѣлки зскрии мора до двѣрокатѣи мѣѣи и сѣлицѣи моръ съ тѣзици бѣла и по сѣрѣвѣницѣи како ѿнтѣге нерѣтѣ до мора. то такое былъ рѣть Стонскій, называемый въ другой грамотѣ (С. № 39) *рѣдѣ и рѣтъ?* Миклошичъ³ такъ объясняетъ: *punta di Stagno, apex, collis*, и сравниваетъ съ Сербскими *ртань, ртеница, ртеняча*. Въ изданной имъ грамотѣ Милутина рѣчь идетъ о монастырѣ Богородицы ниже истъ оу рѣтъѣи, почему онъ и называется монастыремъ вѣѣ рѣтъѣскимъ⁴. В. С. Караджичъ въ своемъ Словарѣ переводитъ слова: *ртеница, ртеняча*—*der Rückgrat, spina dorsii*; а *Ртань, Ртня*, по его словамъ, есть *«grosser kegelförmiger Berg (saltus) in der Црна ријека»*. Собирая все сказанное, мы должны заключить, что рѣть означаетъ собственно возвышенность, но въ грамотѣ оно употреблено въ переносномъ смыслѣ. Какъ всякая возвышенность составляетъ преграду, такъ и какое нибудь торговое, или политическое учрежденіе можетъ быть такою же преградой. Вѣроятно, Стонскій Рѣть былъ не что иное, какъ селеніе, нарочно учрежденное для сбора пошлины. Этимъ только можно объяснить слова грамоты, что Дубровничане могутъ строить рѣть на переволокѣ (Стонскомъ перешейкѣ), или въ другомъ какомъ мѣстѣ, и указанія гр-ы С. № 39, гдѣ прямо сказано, что въ Рѣтъѣ есть церкви и тамъ живутъ Королевскіе люди. Но въ прямомъ значеніи, какъ возвышенность, Рѣтомъ назывался полуостровъ Пелѣшацъ, соединяющійся съ материкомъ посредствомъ Стонскаго перешейка. Апендици⁵ говоритъ: *ora dai Ragusei e Dalmatini dicesi Pelisaz o Peljasaz, Rat e*

¹ Gesch. d. Freist. Ragusa, стр. 9.

² Хотя Превѣлакъ весьма много въ прибрежной Сербіи, такъ что по одному Которскому залѣву находится ихъ нѣсколько, однако здѣсь разумѣется не другая какая, а именно та, которая лежитъ между Пелѣшцемъ (Sabbioncello) и материкомъ. Это переволока или волокъ, т. е., узкій перешеекъ, чрезъ который волокутъ или тагуть различныя тяжести.

³ *Vomilia, praefatio.*

⁴ Онъ находился въ Зегѣ и былъ основанъ королевою Еленою, матерью Милутина (Фарлати, *Шугиош Sacrum*, VII, 43). На картѣ Черной Горы графа Карачая (de Karacsay) означено: *S. Maria de Rotaz*; а изъ Фарлати (II. S., VII, 13, 58) видно, что монастырь стоялъ на высокомъ холмѣ близъ Бара. Въ Врѣшницкомъ статутѣ 1443 г., на Кръкѣ, упоминается рѣть св. Петра (см. *Arhiv za povijestnicu Jugo-Slavensku*, кн. II, отд. II, стр. 295).

⁵ Т. I, стр. 283. Примѣчаніе.

Art, che significa punta, acume, e dagli Italiani Sabbioncello o Punta di Stagno. Очевидно, что такое названіе очень шло къ несчащюй полосѣ, возвышавшейся надъ морскою поверхностію. Причиною этой уступки Пелѣшца Апендини составляетъ помощь, оказанную Дечанскому Дубровникомъ черезъ наемниковъ, въ войнѣ перваго съ Михаиломъ Българскимъ, и содѣйствіе одного Дубровничанина, находившагося при дворѣ Стефана Котромановича¹. Вскорѣ между Дубровничанами и Королемъ вышло какое-то несогласіе за Стонъ: вѣроятно, многіе изъ Королевскихъ людей несправедливо приписаны были къ Стону и стали принадлежать Дубровнику. Вида гнѣвъ Короля, Дубровникъ отправилъ пословъ и получалъ отъ Короля грамоту, 1334 года, мая 19 (С. № 39), въ которой было сказано, что они не могутъ присвоивать себѣ Королевскихъ людей, кромѣ тѣхъ, которыхъ застали въ Стонѣ и Рѣтѣ; если же найдутся сдѣсь люди, послѣ пришедшіе сюда, то возвращаются Королю. То же самое писалъ и царь Душанъ въ грамотѣ своей отъ 1349 г., 20 сентября, присовокупляя, чтобы возвратили всѣ земли, которыя заняли, или засадили виноградниками за межею, поставленною при его родителяхъ и прародителяхъ (С. № 43). Видно, Дубровничане продолжали слѣдовать обычаю незамѣтнаго и миролюбиваго присвоенія сосѣднихъ земель; но и Сербскіе короли были осмотрительны. Дубровничанамъ не нравилось, что по близости ихъ города нѣкоторые владѣльцы берутъ съ купцовъ различныя пошлины и тѣмъ оказываютъ не малое препятствіе ихъ торговлѣ: это было другою побудительною причиною къ приобрѣтенію земель. Уже Стефанъ Душанъ, въ гр-ѣ 1349 г., 20 сент. (С. № 43), писалъ: *И за мѣтъ. да не имаютъ печали ни за що. тѣмъ да ѿ ѣрми. ико ѿ и ѿ прѣжъ било. Ранчъ², по Орбини, свидѣтельствуетъ, что Душанъ подарилъ Дубровнику полуостровъ Ратану, къ которому принадлежали острова: Млѣтъ, Корчула и Хваръ (Лезина). Конечно, это несправедливо относительно Млѣта, ибо въ 1357 г., 10 апрѣля, царь Урошъ V подарилъ Млѣтъ своимъ любимымъ властелямъ, Басету Баричену Быволичичу и Трипету Миховичу Букичу, которыхъ называетъ «достоверными, угодными, любимыми и укутными (домашними) властелями и князьями своего Царства» (С. NN^o 46, 48; С.-Д. М. 1851). А черезъ двѣ недѣли, Дубровничане жаловались на притѣсненія, оказываемыя имъ, вѣроятно, черезъ взиманіе пошлинъ при выѣздѣ изъ Млѣта, говоря: *гѣ ѣрѣ мѣтъ ѿ ѣрѣтати а ми имамо хълакъ измига; по чему Царь и постановилъ, что за Млѣтъ никто не имѣетъ дѣла съ Дубровникомъ, ни Царь, ни его властели, кромѣ двухъ вышеупомянутыхъ владѣльцевъ (С. № 48). Не знаю, что заставило Миклошича³ сказать, что этою грамотою Урошъ подарилъ Млѣтъ Дубровнику. Если въ выраженіи, *ѿ дѣмъ на прѣдѣ никто да не има посла за властели и за града дубровникъ рѣшше за мѣтъ*, послѣднія слова отнести къ владѣтелямъ и городу, то не будетъ смысла: Дубровникъ нельзя посягать Млѣтомъ; но ихъ должно отнести къ выраженію *да не има посла*, да не имѣетъ дѣла съ Дубровникомъ, то есть, за Млѣтъ. И такъ мы знаемъ, что Стефанъ Первовѣчанский владѣлъ Млѣтомъ (С. № 51), что Урошъ V владѣлъ имъ тоже, хотя оба, оставляя верховную власть свою надъ нимъ, отдавали его въ пользованіе, первый Бенедиктинцамъ, что подтверждено Милутиномъ, (С. № 52), второй двумъ властелямъ: по этому мы не вѣримъ словамъ Апен-**

¹ Т. I, ч. II, к. II, стр. 288, 289, 230. — Ср. Engel, Gesch. d. Freist. Ragusa, стр. 122 и слѣд.

² Ч. II, стр. 769.

³ *Notitia, praefatio.*

длин, утверждающаго, что будто бы еще Тъхомилъ, отецъ Немани, отдалъ произведенія (*usu—fructu*) Млѣта въ пользу Лакромскихъ Бенедиктинцевъ, а самый островъ подчинилъ верховной власти Дубровника¹. Но спустя 5 лѣтъ, въ 1362 г., 22 августа (С. № 55), Урошь V вспоминаетъ старыя доходы и въ томъ числѣ Млѣтскій: а что съ доходни црѣвами стары и законити да ихъ дакую црѣвами како ѿ съ давали и роитялю црѣвами. а за млатъ за дохдымъ црѣвами... или ѿ по старѣ законѣ такози и илпрядъ да ѿ. а за земаю жрыновиннымъ или нма ѿ дало и занислао црѣвы такози да нмаю и дрыже а за ѿ за тэзи земаю. да не нма посла никтѣ ѿ властель црѣвами до икни. Вѣроятно, въ это время Млѣтъ уже принадлежалъ Дубровнику. Орбини не понималъ хорошо словъ Тубера у котораго заимствовалъ извѣстiе о Ратанѣ. Вотъ что говоритъ послѣднiй: *Qui (Stephanus Nemagna) non mediocrem his (Ragusanis) Stali agri partem dono dederit cum tota Chersoneso a Rhataneo castello denominata.... latere septentrioni obiecto Naresium efficit (Rhatana Chersonesus) sinum, cuius os Phariam excipit insulam, seu, ut nunc dicitur, Lesinam; qua austrum spectat, et Melite et Corcyra nigra adiacent*². Во первыхъ, изъ этихъ словъ не видно, чтобы Стефанъ Неманичъ уступилъ Ратану непремѣнно съ принадлежащими островами; во вторыхъ, Стефаномъ Неманею можно назвать всякаго Сербскаго короля и царя. По Туберу, современнику ему былъ Людовикъ Великий, *Ludovicus Hungarorum rex, Caroli filius*, который «въ это время выгналъ Венецианъ изъ Далмацiи»; а это случилось въ 1358 году: слѣдовательно, подъ Неманею Туберъ разумѣлъ не Душана, но сына его, Уроша, что и будетъ согласоваться съ нашими грамотами. Енгель, слѣдуя Пейачевичу³, утверждаетъ, что Ратану подарилъ Дубровнику Душанъ, а не кто другой⁴. Но какъ согласить слова Дубровничанъ, сказанныя Урошу V: *гмѣ црѣ млатъ ѿ црѣвати, съ нѣкоторыми главами Млѣтскаго статута, несомнѣнно доказывающими, что въ 1345 году, когда писанъ былъ означенный статутъ, Млѣтъ уже принадлежалъ Дубровнику?* Вотъ смыслъ этихъ статей: право аппеляцiи князю Дубровницкому на рѣшенiе судей Млѣтскихъ; назначаемый при продажѣ родовой недвижимаго собственности трехмѣсячный срокъ, въ продолженiе коего родственники продавца имѣютъ право перекупить имѣнiе у посторонняго покупателя, не касается тѣхъ, кто находится на государственной службѣ въ Дубровникѣ, равно какъ все продолженiе ихъ службы пойдетъ въ счетъ срочныхъ мѣсяцевъ; за утайку найденныхъ вещей въ морѣ, въ окрестностяхъ Млѣтскаго (Бенедиктинскаго?) монастыря, 25 перперовъ пени вносятся въ Дубровницкую казну; за продажу сыра внѣ острова Млѣта половина полной пени, состоящей изъ 5 перперовъ, идетъ доносчику, а другая половина поступаетъ въ Дубровникъ⁵. Присоединить сюда должно и постоянное молчанiе статута о какой либо верховной власти на Млѣтѣ, которое объясняется только тѣмъ, что Млѣтъ не имѣлъ своего князя, ни повиновался царямъ Сербскимъ, а признавалъ надъ собою

¹ Т. I, ч. II, кн. II, стр. 282. Ср. Engel, *Gesch. d. Freist. Ragusa*, стр. 80.

² *Ladov. Tuber., Commentar. de temporib. suis. Schwandtneri Scriptor. rer. Hungaricarum*, t. II, p. 196. Ратана то же, что Рать.

³ Къ сожалѣнiю, мы не могли пользоваться весьма важною книгою Пейачевича: *Historia Serviae*, за неимѣнiемъ ея на этотъ разъ.

⁴ *Gesch. v. Serv. u. Bosn.*, стр. 282.

⁵ *Dubrovnik, svet narodnoga knjiživa, za godinu MDCCCLII. Urednik Matija Ban. U Zagrebu, 1852. Statut ili Zakoni od Univerzitati Otoka od Mljeta*. Гл. 19, 32, 55, 68.

власть князя Дубровницкаго. Все это не оставляет никакого сомнѣнія о принадлежности Млѣта къ Дубровнику, но въ то же время противорѣчитъ и всему тому, что сказано нами выше на основаніи не менѣе достовѣрныхъ данныхъ. Какъ же рѣшить такое противорѣчіе? Если предположить ошибку въ годѣ статута, то мы не имѣемъ на то права. Остается прибѣгнуть къ догадкѣ и допустить, что въ настоящее время мы не хорошо понимаемъ прежнія условія и степень зависимости второстепенныхъ Далматскихъ городовъ и острововъ отъ ихъ метрополи. Отдать землю въ пользованіе кому нибудь не значитъ еще отказаться отъ верховнаго права надъ нею. Стефанъ Первовѣчаный, уступая Млѣтъ Бенедиктинцамъ, не отказывался отъ верховныхъ правъ на него. Такъ точно Душанъ и Урошъ, безъ сомнѣнія, считали себя верховными владѣтелями этого острова. Но Дубровничане, конечно, пользовались или, лучше, кормились этимъ островомъ, за что, вѣроятно, и платили дань Сербскимъ государямъ. Отъ того въ извѣстіяхъ лѣтописцевъ и историковъ о времени приобрѣтенія Дубровникомъ Млѣта мы находимъ такую сбивчивость. Млѣтъ былъ необходимъ Дубровничанамъ, какъ островъ, ближайшій къ ихъ городу, доставлявшій имъ хлѣбъ и могшій въ одно и то же время и способствовать и мѣшать ихъ торговлѣ. По этому они и считали весьма важнымъ имѣть его у себя подъ рукою. А такъ какъ онъ имѣлъ населеніе сходное съ Дубровничкимъ и такой же родъ правленія, то, принадлежа Дубровнику, естественно, могъ легко зависѣть въ главныхъ дѣлахъ отъ тамошняго князя и правительства. Повторяю, Дубровничане, до самой кончины Уроша V, не могли владѣть Млѣтомъ исключительно: они только пользовались имъ, какъ съежики и правители; но верховная власть, хотя бы она была только нарицательною, оставалась всегда за царями Сербскими. Иначе слова Дубровничкихъ пословъ: *гми црѣ матъ и црѣвати а ми нмамо забавез изига* не имѣли бы смысла. Какое мысленное соотношеніе было бы между первою и второю частію рѣчи? Но они становятся вполне понятными, если, на основаніи нашего предположенія, дополнимъ ихъ такъ: «Господине Царю! Млѣтъ есть Твоего Царства, и ты уступилъ его намъ, а мы имѣемъ затрудненіе при выѣздѣ изъ него» (по случаю учрежденія царины). Сверхъ того Урошъ V, въ 1357 г., 25 апр., подарилъ Дубровничанамъ землю. *иako се кани вали. долу кинноградомъ. двароклукимъ и имѣръ. ѿ люта.*¹ до изрива (С. № 49). Въ 1391 году Санковичи уступили Дубровнику всю жупу Конавле съ Дольною Горомъ и городомъ Соколомъ и жупу Виталину съ островомъ Молунтомъ. Границы положены слѣдующія: Требине, Врсьине, Драчевица, предградье Дубровника, морской берегъ, на которомъ стоялъ Цавтатъ, и Молунтская² при-

¹ «Эта рѣка текла подъ Епидавромъ, нѣсколько южнѣе отъ него. Говорили, что соединяется съ Требиниєю. Она впадала въ море подъ именемъ «Доброй Воды». (Appendini, т. I, стр. 50). Изъ этихъ словъ видно, что Аппендини не хорошо зналъ мѣстность, которую описывалъ. Люта не могла соединяться ни съ Требиниєю, ни съ Доброю Водомъ. Онъ смѣшалъ двѣ Люты: одну онъ справедливо отнесъ къ окрестностямъ Епидавра, гдѣ и должно искать ее, судя по словамъ грамоты; другую, называемую и въ нижнемъ теченіи Доброю Водомъ, онъ разумѣетъ въ округѣ Доброты (въ Бокѣ Которской), по сѣверной границѣ коего она дѣйствительно протекаетъ нынѣ. Сдѣсь лежатъ и мѣстечко того же имени, принадлежащее къ православною Ораховацию парохіи (Сербо-Далм. Маг., 1851, стр. 33). Но эта Люта не одно и то же съ Доброю Водомъ, которая течетъ вдоль Жупы (Грыбля), и слова грамоты къ ней относятся не могутъ.

² «Замокъ Молунтъ лежалъ при гавани того же имени и былъ самымъ южнымъ владѣніемъ Епидавра. Это былъ послѣдній Дубровничкій замокъ на югѣ близъ Котора. Тамъ говоритъ Аппендини (т. I, стр. 52-53). Слѣдовательно, было два Молунта: одинъ замокъ

станъ (С. № 78). Въ 1399 году Остоя продолжилъ Дубровницкія границы далѣе къ сѣверу. Мы видѣли, что онѣ доходили до Курила ¹ (С. NN № 16, 49). Остоя уступилъ Дубровнику все Приморье отъ Курила до Стона, гдѣ находились слѣдующія села: Курило, Осельникъ, Любачъ, Громача, Орѣшець, Тръстено, Мичево, Брсечево, Мравинець, Дульпо, два Малькова, Слано, Трънова, Подгора, Чепикуче, Подмочъ, Котези, Затонъ, Высочане, Точильникъ, Смоковляне, Ошле и Топола (С. № 84)². Аппендини опредѣляетъ длину этого Приморья, именно отъ Орашья до Стона и Имотицы, въ 30 Итальян. миль, а ширину въ 6³. Стономъ уже владѣли Дубровничане. Съ своей стороны Радичъ Санковичъ, ходатайствовавшій въ этомъ дѣлѣ за Дубровничанъ, подарилъ имъ свое село Лисецъ, лежавшее въ этомъ Приморьи; по его словамъ, Приморье простиралось отъ Курила чрезъ Имотицу до села Дльжи (Долгое? С. № 86)⁴. Въ 1405 году Дубровничане сказали Твьртку Твьртковичу, что въ записи короля Остоя дано имъ все Приморье отъ Курила до Стона со всѣми селами и заселками и межами, но въ записи этой пропущены села: Лисецъ, Имотица и Тръновница, по чему и просятъ его утвердить за ними и эти села. Твьртко, посоветовавшись съ герцогомъ Гервоею, воеводою Сандамомъ и другими властелями, укрѣпилъ за Дубровникомъ все Приморье съ тремя упомянутыми селами (С. № 89). Какимъ образомъ жупа Конавальская, принадлежавшая Санковичамъ и подаренная ими Дубровнику, отошла къ Сандаму Хравичу и Павлу Яблановичу, мы не знаемъ. Въ грамотахъ своихъ (С. NN № 96, 98) Сандамъ ясно говоритъ, что они владѣли и господствовали въ этой жупѣ. Тѣмъ не менѣе Дубровничане успѣли выпросить у Сандама сначала его участокъ, половину Конавальской жупы съ Виталиною и Дольною Горою (С. № 96), потомъ и другой участокъ, доставшійся Сандаму послѣ Петра Павловича, убитаго Турками; половину Сокола (другая уже была уступлена Сандамомъ, но только не упомянута въ грамотѣ), половину Конавальской жупы съ Ободомъ⁵ и Цвѣтатомъ и половину Дольной Горы и Виталины (С. № 98). Первую грамоту подтвердилъ Стефанъ Остоичъ (С. № 97), вторую Твьртко (С. № 99). Такимъ образомъ съ 1419 по 1420 годъ Дубровничане добыли снова всю жупу Конавалю, или, лучше сказать, весь Конавальскій округъ съ Виталиною, Доль-

съ пристанью, на твердой землѣ, другой островъ насупротивъ первого, или того самого мѣста, гдѣ Виталина граничитъ съ Конавалемъ. На одной старинной картѣ Которскаго залива, составленной пастеромъ Коронелли въ 1688 г., означенъ на материкѣ punto Molone piccolo. Нынѣ на берегу лежитъ селеніе Moloni.

¹ Аппендини (т. I, стр. 270) увѣряетъ что Курило есть то же, что Петрово Село, которое Немани, въ договорѣ съ Дубровникомъ, оставилъ за собою. Енгель повторяетъ то же самое, отличая Курило отъ Рожато (Gesch. d. Freist. Rag., стр. 86). Но мы отдаемъ преимущество показанію туземца и считаемъ Курило за нынѣшнее Рожато.

² Почти всѣ эти села находимъ и нынѣ въ пограничныхъ Дубровникомъ и Стожскомъ судахъ. (См. Сербо-Далматинскій Магалинъ, 1851, стр. 14 и 15).

³ Т. I, ч. II, кн. II, стр. 297. Ср. Engel, Gesch. d. Freist. Ragusa, стр. 150.

⁴ Если буквально понимать слова грамоты, то выходитъ, что Имотица лежала южнѣе Стона, т. е., ближе къ Дубровнику; но она лежитъ, какъ извѣстно, сѣвернѣе Стона на берегу материка, между тѣмъ, какъ Стовъ находится на полуостровѣ. Вотъ по чему одну и ту же между одна грамота доводитъ до Стона, другая до села Дльжи: значить, первая вводитъ между въ полуостровъ Пелѣшаць, а вторая ведетъ ее по берегу материка, минуя Пелѣшаць, чрезъ Имотицу до Дльжи.

⁵ Замокъ Ободъ лежалъ въ долинѣ того же имени и составлялъ, вмѣстѣ съ Цвѣтатомъ, часть древняго Епидавра. Тутъ была гробница Долабеллы. Appendini, т. I, стр. 44, 49.

ною Горую, Соколомъ, Ободомъ, Цавтатомъ и со всѣмъ, что относилось къ этому округу (о Молунтѣ не упоминается нигдѣ, но, вѣроятно, онъ постоянно принадлежалъ Дубровнику)¹. Радославъ Павловичъ, получивъ право на отцовское и братнино наслѣдство и считая половину Конавля своимъ удѣломъ, подтвердилъ ее и городъ Соколъ за Дубровникомъ, въ 1421 — 1423 г., такъ какъ они уже были уступлены Сандаломъ (С. NN^o 101, 104)². Съ 1408 по 1413 г. Дубровничане приобрѣли отъ Гервон и императора Сигизмунда три прекрасныхъ острова, Корчулу, Хваръ и Брачь³. Они не упускали случая испрашивать у королей и другихъ владѣльцевъ подтвержденія дарственныхъ записей на обладаніе земельною собственностію. Таковыя подтвержденія находимъ въ грамотахъ: Твртка, 1421 г. (С. N° 103), на Приморье, Радослава Павловича, 1423, 1427 и 1432 гг. (С. NN^o 104, 107, 114), на его участокъ половины Конавля, Стефана Вукчича, 1435 г. (С. N° 120), на другую половину Конавля. Но тотъ же Стефанъ Вукчичъ Косача, около 1441 года, поссорясь съ Дубровникомъ, захватилъ жупу Конавля, а по тому сынъ его, Владиславъ, стоявшій на сторонѣ Дубровника, обѣщалъ употребить всѣ силы къ возвращенію этой жупы (С. N° 132). Въ слѣдующемъ году сынъ Радослава, Иванишъ, снова утвердилъ за Дубровникомъ свою половину Конавльской жупы (С. N° 133). Помирившись съ Дубровникомъ, Стефанъ Косача возвратилъ ему Конавля. Въ 1444 году Тома Кристичъ подтвердилъ записи на Приморье и Конавля (С. N° 136), и въ 1451 г. уступилъ еще все Врсьине и всю жупу Драчевицу⁴ съ Суториною⁵, Мориню⁶ и городами Новымъ и Рисномъ⁷ до самой Которской межи: — и это, по нашимъ грамотамъ, было уже послѣднимъ, приобретениемъ Дубровника (С. N° 140). Въ 1454 году Петръ и Николай Радославичи дали ему грамоту, въ которой, между прочимъ, укрѣпляли за нимъ Конавля (С. N° 145); а въ 1461 году Стефанъ Томашевичъ укрѣпилъ за нимъ Приморье и Конавля (С. N° 150). Впрочемъ, Дубровничане не забыли прежней своей привычки и незамѣтно построили на Неретвѣ деревянную крѣпостцу. Султанъ Магомедъ II, быть можетъ, по жалобѣ Влатка, владѣвшаго этою частію Герцеговины, тотчасъ приказалъ Герцеговинскому санджакбегу Гамзѣ, разрушить этотъ городокъ, тутъ, или въ другомъ мѣстѣ построенный (С. N° 164, II)⁸. Такимъ образомъ, соображая всѣ свидѣтельства грамотъ, можемъ заключить, что владѣнія Дубровника простирались по морскому берегу отъ Драчевицы, лежавшей при Которскомъ заливѣ на сѣверъ чрезъ Цавтатъ и самый Дубровникъ до Стона включительно, и чрезъ Имотицу до села Дльжи, а въ средоземье онъ вдавался до границъ Требиня. Сверхъ того, ему принад-

¹ По свидѣтельству Люція (кн. V, гл. V), Дубровничане купили, сверхъ того, у Сандала еще, въ 1411 г., замокъ Островицу за 5000 дукатовъ.

² Ср. Engel, Gesch. d. Freist. Ragusa, стр. 159.

³ Engel, Gesch. d. Freist. Ragusa, стр. 154 и слѣд.

⁴ До сихъ поръ онѣ составляли границу Дубровницкихъ владѣній.

⁵ Узкая полоса земли, лежащая на сѣверъ за Конавлемъ и Виталиною между Дубровничанскимъ округомъ и Боккою Которскою: она доходитъ до берега Которскаго залива и, принадлежа нымъ Турціи, соединяется такимъ образомъ Турецкіи владѣнія въ Герцеговинѣ съ водами залива. Величина $\frac{1}{2}$ кв. м.; имѣетъ 10 селъ съ 558 жит. Сербо-Далмат. Магаз., 1838, стр. 34.

⁶ Нынѣ два мѣстечка, верхній и нижній Моринь, лежащія между Новымъ и Рисномъ — православная парокія. Сербо-Далмат. Магазинъ, 1850, стр. 3.

⁷ Новый и Рисно лежатъ по Которскому заливу.

⁸ Ср. статью: Сербско Общество у Дубровнику, въ Сербо-Далмат. Магазинѣ, 1839, стр. 121 и слѣд.

лежало нѣсколько ближайшихъ острововъ. Хотя грамоты говорятъ весьма глухо объ условіяхъ уступки земель, и даже просто называютъ это «подаркомъ», однако Дубровничане платили за этѣ земли ежегодную дань, какъ увидимъ ниже.

Земля уступалась Дубровнику со всѣми лежащими селами, заселками и людьми (С. № 37). Въ позднѣйшихъ грамотахъ еще подробнѣе обозначались принадлежности уступаемыхъ земель. Обыкновенно уступалось все безъ исключенія, даже люди, жившіе на этой землѣ. Таково постоянно встрѣчаемое въ грамотахъ и почти одинаковое всюду, выраженіе: *са ксьми сьли и засьльци и сьльци и са ксьми прькини медьни и ксьмонни прькинами и сьодьли, машами, дрььли, дььрками, грьшнимь (кустарникомъ), пльшинами (горами), стрьлами (стремнинами), горамн (лѣсистыми возвышенностями), льдзьми, сьмокоси, поли, анькьдани, зьмьлами и цо и на покрьши и са кськимь мннмь достьжннмь и са ксьми прькини котари (округами)*¹.

Нельзя съ достовѣрностію сказать, оставались ли прежніе владѣльцы, при уступкѣ земель, на своихъ мѣстахъ? Король, какъ верховный владыка всѣхъ Сербскихъ земель, былъ ли то Сербскій, или Боснійскій король, передавалъ часть своихъ земель Дубровнику, который становился въ такое же отношеніе къ этѣмъ землямъ, въ какомъ прежде былъ король; но, не смотря на то, землевладѣльцы, властелины, оставались, кажется, по прежнему на своихъ земляхъ, т. е., власть Дубровника не исключала ихъ изъ собственности. Это можно видѣть отчасти изъ грамоты Уроша V (С. № 48), въ которой Царь поручаетъ своихъ властелей, Басета и Трипета, которымъ подарилъ Млѣтъ, блюдицію и защитѣ Дубровничанъ; и изъ грамоты С. № 94, которая показываетъ, что подѣ Стономъ, со стороны Дубровника, слѣдовательно, на его землѣ, сидѣлъ какой-то властелинъ Григорій Вукославичъ, установившій царину передъ Стономъ по дорогѣ въ Дубровникъ, и потомъ, за право гражданства, снявшій ее и ходившій въ Дубровникъ съ извиненіемъ.

Уступленные земли составляли баштину Дубровничанъ и переходили къ дѣтиямъ и внукамъ (С. № 37). Урошъ V, даря Дубровничанамъ землю (С. № 49), писалъ: *а да мнѣ не имать носьма сьго. забьленти за тьзи зьмлю. ни властельи фьриши. ни кьплани. ни ннѣ нннѣ: кто мнѣ бьдѣ зъ сьсѣдѣстѣ на ксьмо кьрамѣ.* Часто въ грамотахъ встрѣчается выраженіе объ уступкѣ земель «въ державу, и въ область, и въ господство, въ баштину, и въ племенито (наслѣдственное, родовое владѣніе) отцамъ, дѣтямъ, и внукамъ, и всему потомству; да будутъ областны земляни во вѣки»¹. Въ примѣръ приведу выраженія грамоты Санковичей (С. № 78): *обѣхьасьмось.... поставити зъ державѣ и зъ областѣ и зъ господствѣо намономъ зъ мнѣ кьшннннѣ племенитѣ оуѣнннѣ и властелинъ града дььрковьниина и мнѣ мьдѣдати зъ мнѣ рьки и зъ областѣ и стражѣ града сокола и всьхъ кнннѣ зьписанѣ жннѣ пошкьласнѣ и кннннннѣ да сѣ колнннѣ властельи и оуѣнннѣ дььрковьннѣ зьнннннѣ и стнннннѣ и господствѣо градѣ и жннѣ и мьста кнннѣ писана како свое правѣ и властѣ (собственныя) кьшнннѣ намономъ мьгъ зьнннннѣ оуѣ скога старьга владанѣ и державѣ.*

Важны нѣкоторыя другія условія уступки. Такъ, уступая Стонъ, Стефанъ Дечанскій взялъ съ Дубровничанъ обѣщаніе, что въ Стонѣ и Рьтѣ останется по прежнему и будетъ отправлять богослуженіе Сербскій попъ (православный), и что жители Стона и Рьта, въ случаѣ войны, не пойдутъ на Короля. Король же, съ своей стороны, обѣщалъ, что не станетъ отыскивать въ Стонѣ

¹ Ср. С. NN 37, 48, 84, 86, 97, 98, 99, 107, 140 и пр.

² Ср. С. NN 78, 84, 86, 97, 98, 99, 107, 140, 145 и пр.

и Рѣтъ людей, которые ему не подданные; но за то Дубровникъ долженъ возратить ему всѣхъ тѣхъ людей, которые поселились, или скрылись въ Стоиѣ и Рѣтъ послѣ уступки ему этихъ мѣстъ (С. № 39). Заключая въ 1253 г. оборонительный и наступательный договоръ съ Булгарскимъ царемъ Михаиломъ Асѣномъ (С. № 16), Дубровничане подробно обозначаютъ свои границы для того, чтобы Царь, завоевавши Сербію, не вступилъ въ ихъ межу; а они обѣщаютъ отдать ему всѣ приморскіе города и церкви, которыя завоюютъ, съ тѣмъ, однако, чтобы ихъ Церковь, мать всѣмъ ихъ Церквамъ, удержала за собою все, что держала дотолѣ по старымъ книгамъ и преимуществомъ, въ городахъ, на сушѣ: епископства, монастыри, церкви, поповъ и пр. Санковичи, уступая Дубровнику Конавле и Виталину, писали въ своей грамотѣ (С. № 78): 1) поглавитые люди и бояре этѣхъ жупъ присягнуть на вѣрѣ и душѣ, что будутъ вѣрны Общинамъ и властелямъ Дубровническимъ; 2) если Конавляне и Виталиняне не захотятъ повиноваться Дубровнику, то Санковичи употребятъ всю силу и власть, чтобы привести ихъ снова, какъ враговъ, въ повинование Дубровнику; 3) Санковичи хранятъ и защищаютъ означенныя жупы отъ всякаго насилія и похищенія; 4) люди могутъ свободно переселяться изъ этѣхъ жупъ во владѣнія Санковичей и обратно изъ ихъ владѣній въ упомянутыя жупы подъ власть Общины. Сандаля, уступая Дубровнику ту и другую половину Конавли, обѣщаль, что будетъ беречь и защищать этѣ земли отъ всякаго зла и насилія, и ни въ какомъ случаѣ не станетъ присвоивать ихъ себѣ (С. NN № 96, 98). То же обѣщаль и Радославъ Павловичъ, когда подтверждалъ уступку, сдѣланную Сандаломъ (С. № 107), и еще прежде, при подтвержденіи записи на свой удѣлъ въ Конавлѣ, вставилъ условіе, что не приметъ въ свои земли ни одного человѣка изъ Дубровническаго участка въ Конавлѣ (С. № 104). Тома Остоичъ позволялъ Дубровничанамъ строить въ подаренной имъ Драчевицкой жупѣ крѣпости въ настоящее и будущее время; и если вся эта жупа, или часть ея, достанется когда либо ему, или его подданному, то онъ обѣщаетъ возратить ее Дубровнику не позже трехъ мѣсяцевъ (С. № 140).

Но главнымъ условіемъ уступки была плата за уступленныя земли. Уже объ ней говорилъ король Радославъ (С. № 2), что отцы и дѣды Дубровничанъ давали дары за занятыя земли. По этому кажется не чуждымъ истины свидѣтельство Аппендини, повторенное Енгелемъ¹, что между условіями договора, заключеннаго съ Неманею, Дубровничане помѣстили освобожденіе отъ дани, платимой ими за виноградники и поля, лежавшія въ Сербской землѣ (Стоиѣ). Впрочемъ, при молчаніи памятниковъ, трудно опредѣлить, за что именно Дубровникъ платилъ Сербскимъ королямъ столь большія деньги. Объ этой ежегодной дани я скажу послѣ; здѣсь приведу только тѣ случаи, которыя прямо относятся къ уступкѣ земель. Такъ, Стефанъ Дечанскій продалъ Стоискій Рѣтъ за 500 перперовъ ежегодной дани, вносимой на «великій день» (Пасху), съ тѣмъ, что если Дубровничане не внесутъ ея въ назначенный срокъ, то платятъ вдвое (С. № 37). Банъ Тврьтко требовалъ, чтобы Дубровничане прислали ему 500 перперовъ за Стоиѣ (С. № 59). О Стоискомъ доходѣ упоминаетъ и Остоя, опредѣляя его въ 500 перперовъ, которые уплачивались въ праздникъ св. Власія, 3 февраля (по нашему календарю 11 февраля). С. № 83). Сандаля получалъ съ Дубровника ежегодно по 500 перперовъ

¹ Gesch. d. Freist. Ragusa, стр. 86.

за каждую половину Конавля; и эта дань, 1000 перп., должна была идти всему его потомству по мужскому колѣну, а послѣ братьямъ его, Вукчу съ сыномъ, и Вуку, и ихъ мужскому потомству, исключая того времени, когда война съ Боснійскими, или Угорскими королями, или Турецкимъ султаномъ, или же съ самими Храничами, помѣшаетъ имъ владѣть этою жупою (С. NN[№] 96, 98). Одну половину Конавля добылъ себѣ Радославъ Павловичъ и, видя, что она уже уступлена Дубровнику Сандаломъ, подтвердилъ эту уступку; но выговорилъ себѣ за нее ежегодной дани 600 перперовъ, которые должны были идти послѣ него сыну его, Иванушу, и дальнѣйшему потомству, сначала по мужской линіи, потомъ по женской, и наконецъ къ ближайшимъ родичамъ, како врачъ модае; но въ случаѣ войны съ кѣмъ либо изъ сосѣднихъ государей, или съ самимъ родомъ Ябланичей, дань прекращается впредь до возстановленія мира (N[№] 107). Дѣйствительно, мирясь съ Дубровничанами, Радославъ Павловичъ, въ своей грамотѣ, прощалъ имъ ту часть дани, которая приходилась на время войны (С. N[№] 114).

Образъ вѣнскихъ дѣйствій Дубровника рѣзко отличалъ его отъ сосѣднихъ государствъ. Дубровникъ велъ обширную торговлю не только съ внутренними землями Фракійскаго полуострова, но и съ другими странами, какъ-то: Италію, Сицилію, Испанію, Грецію, Александрію, Левантомъ и пр.; сверхъ того онъ имѣлъ постоянные сношенія съ Венецію, оказывавшею сильное притязаніе на Далмацію. Подобная торговля должна была развить вѣнскую дѣятельность Дубровника и поставить ее въ уровень съ дѣятельностію Венеціи и другихъ искусныхъ въ этомъ дѣлѣ государствъ. Что касается до отношеній Дубровника къ сосѣднимъ городамъ Далмаціи, то онъ стоялъ выше ихъ и умѣлъ упрочить свою самобытность, между тѣмъ какъ эти переходили поперебѣнно то къ Венеціи, то къ Угріи; онъ стоялъ несравненно выше Сербскихъ и Боснійскихъ владѣтелей, которымъ успѣлъ внушить уваженіе къ себѣ и дать почувствовать свою необходимость для нихъ; Угорскіе и Турецкіе государи, равнобѣрно, уважали его и не отбавивались посягать на его независимость. Когда переговорами и деньгами, а когда и оружіемъ, Дубровникъ умѣлъ отдѣлаться отъ приходившихъ на него Боснійскихъ владѣтелей и, еще болѣе, Турецкихъ пашей. Такимъ образомъ до самыхъ позднѣйшихъ временъ оставался онъ ни отъ кого независимымъ.

Чувствуя свое достоинство, Дубровникъ всегда старался заключать выгодные и сообразные съ своимъ значеніемъ договоры. Старые договоры были для него выгоднѣе новыхъ, ибо въ старину неразвитость вѣнскихъ отношеній и торговли у сосѣднихъ государствъ обращала всѣ выгоды на его сторону. Отъ того съ каждымъ новымъ владѣтелемъ Дубровникъ спѣшилъ возобновить старый договоръ, что приносило ему двойную пользу: во первыхъ, соблюденіе старыхъ выгодныхъ условій, во вторыхъ, упроченіе миролюбивыхъ отношеній, весьма нужныхъ для его торговли. Въ подобныхъ договорахъ частыя ссылки на «старый законъ» и указанія на договоры «отца и дѣда», или «родителей и прародителей», на постановленія «прежней госпды Сербской и Боснійской» и т. д. свидѣтельствуютъ, что Дубровничане повторяли старые, выгодные для нихъ уклады и избѣгали новыхъ. Въ послѣдствіи мы видимъ, что они только переписываютъ старую грамоту и даютъ на утвержденіе новому владѣтелю. Такъ, на пр., грамота Милутина, 1281 года (С. N[№] 31), есть повтореніе договора, заключеннаго съ Дубровникомъ пять лѣтъ назадъ (С. N[№] 24); грамота Уроша V, 1357 г., 25 апр. (С. N[№] 50), есть не что иное, какъ списокъ съ гр-н Душана 1349 г., 20 сент. (С. N[№] 43). Такъ въ гр-хъ Вука Бранковича,

1387 г., 20 лив. (С. № 73), деспота Стефана Лазаревича, 1405 г., 2 дек. (С. № 90), Григорія, Юрія и Лазаря Вуковичей, 1405 г., 29 дек. (С. № 94), Юрія Бранковича, 1428 г., 13 дек. (С. № 111), и его же, 1445 г., 17 сент. (С. № 137), почти дословно переписаны одни и тѣ же судебныя разбирательства въ сношеніяхъ съ Дубровничанами. Есть цѣлыя грамоты, которыми владѣтели, не упоминая ни о какихъ условіяхъ, иногда повторяя только количество ежегодной дани и названіе уступленныхъ земель, подтверждаютъ вообще прежніе договоры (увѣты), записи, права и преимущества своихъ предшественниковъ. Тогда извѣстно было, въ чемъ состояли основныя уклады Сербскихъ владѣтелей съ Дубровникомъ, и по тому въ подобныхъ подтвердительныхъ грамотахъ не считалось нужнымъ повторять ихъ постатейно. Обыкновеннымъ въ такомъ случаѣ выраженіемъ, подъ которымъ знали, что разумѣть, было слѣдующее: *иако да бисмо ми по ѡбитю рѣчунъ господѣ (поименованныхъ предшественниковъ) нимъ подтвердили и заставиши крѣпко прѣихъ (предковъ) ѡшихъ слободѣши и законѣ и зѣтѣ и повелѣши и пислиши*. Это выраженіе показываетъ, что таковъ былъ обычай всѣхъ вступавшихъ на престолъ Сербскихъ владѣтелей. Таковы подтвердительныя грамоты великаго князя Хлумскаго Андрея, 1248 года (С. № 15), короля Вукашана, 1370 г., 5 апр. (С. № 62), Вука Бранковича (С. № 69), королевей: Дабыши и супруги его, Елены, 1392 г., 17 іюля (С. № 81), Остои Кристича, 1399 г., 5 февр. (С. № 85), его же, 1409 г., 4 дек. (С. № 92), Стефана Остоича, 1419 г., 5 марта (С. № 95), Твртка Твртковича, 1421 г., 18 авг. (С. № 103), Ђоши Остоича, 1444 г., 3 сент. (С. № 136), Стефана Томашевича, 1461 г., 23 ноября (С. № 150). Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ (С. NN № 84, 85, 95, 103) прямо указывается на грамоту перваго Боснійскаго короля Твртка, 1378 г., 10 апр. (С. № 66), какъ на основную. Особая политика Боснійскихъ королевей, старавшихся привязать себя къ роду собственно — Сербскихъ владѣтелей, чтобы тѣмъ упрочить за собою какъ свой престолъ, такъ и нѣкоторыя Сербскія земли, много способствовала Дубровнику къ поддержанію съ Босніею прежнихъ укладовъ, бывшихъ у него съ королями и царями Сербіи. Признавая Боснійскихъ королевей законными наслѣдниками Боснійскаго и Сербскаго престоловъ, Дубровникъ тѣмъ самымъ какъ бы обязывалъ ихъ повторять уставы своихъ предшественниковъ, и именно прежнихъ Сербскихъ владѣтелей. По этому въ грамотахъ Боснійскихъ королевей мы не находимъ ничего существенно новаго какъ о торговлѣ, такъ и о судебныхъ разбирательствахъ. Въ большей части изъ нихъ встрѣчаемъ выраженія о послахъ: *и приносимѣ записанѣи родителѣ и прародителѣ правлѣствани, или: вспомниши за законѣ и зѣтѣ кои съ имали и т. п.* Важнѣ многія государственныя условія, о которыхъ скажу послѣ. Но и въ чрезвычайныхъ договорахъ, имѣвшихъ основою какое нибудь государственное событіе и относившихся къ извѣстному времени и случаю, часто попадаются, между прочими условіями, общія выраженія въ родѣ слѣдующаго: *поткрѣгю и подкрѣпљу сѣи повелѣи и свободе и законѣ и ѡбѣту кои съ имѣи съ прѣихомъ господомъ босньскомъ и сръньскомъ*¹. До какой степени Дубровничане дорожили старыми выгодными договорами, видно изъ того, что, заключая союзъ съ Михаиломъ Асѣномъ, они выговаривали себѣ право оставаться съ Сербіею въ прежнихъ укладахъ, хотя бы Сербія и была завоевана имъ: да стоимо. съ-

¹ Ср. С. NN 55, 57, 66, 71, 77, 89, 107, 113, 120, 132, 153, 140, 144, 145 и мн. др.

спис. згман. и града. сръбски. и поморьски. въ ошехъ. змочевъ. нов. смо. нимаи сьшани (съ ними). пражда. годичъ. вьтънадсести. нов съ и сьшани. доска.... и ошешъ. законъ. нов с. есть. оъ измьркъ (отку нъ). сольски. медъ. ирадь. сръбски и града. джуровъуни. да. дражи. стѣти. цѣство. (С. № 16). Дошедшая до насъ грамота Боснійскаго бана Кулина, 1189 года, и другая Нинослава, 1236 г., упоминающая о договорѣ съ Кулиномъ, равно какъ встрѣчающіяся въ грамотахъ Владислава и Уроша I извѣстія о договорахъ съ ихъ «отцомъ» и «дѣдомъ» (С. NN№ 3, 7, 17, 21, 26) и о «старомъ законѣ» (С. NN№ 4, 15, 16, 19, 20) свидѣтельствуютъ, что еще при великомъ жупанѣ Немањѣ Дубровничане входили въ уклады съ разными Сербскими владѣтелями. Впрочемъ, въ грамотахъ Уроша I ссылаются только на его отца, изъ чего можно заключить, что большая часть укладовъ и точнѣйшее опредѣленіе торговыхъ и судебныхъ отношеній возникли при Стефанѣ Первовѣчанномъ. Изъ другихъ источниковъ извѣстно, что еще въ IX ст. Дубровникъ началъ свои договоры съ жупанами Травуескими и Хлумскими. Если вспомнимъ количество дошедшихъ до насъ грамотъ, и по немъ сдѣлаемъ заключеніе о количествѣ грамотъ утраченныхъ, о которыхъ сохранилось только извѣстіе въ грамотахъ уцѣлѣвшихъ, и тѣхъ, которыя пропали безъ вѣсти, то мы поймемъ, съ какими стараніемъ Дубровничане поддерживали свои миролюбивыя сношенія съ сосѣдними государями, даже Турецкими султанами, и какъ ревностно участвовали свои договоры съ ними, чтобы чрезъ то упрочить свою торговлю и независимость. Рядъ Дубровническихъ грамотъ тянется отъ древнѣйшихъ временъ чрезъ все поприще самостоятельной жизни Сербіи и Боснии до самого конечнаго паденія этѣхъ державъ. Не съ одними вѣчанными особами договаривались Дубровничане, но и съ знатнѣйшими боярами и сосѣдними землевладѣльцами. Въ этомъ ряду грамотъ есть и Турокія — задатокъ тѣхъ сношеній, которыя начинались между Дубровникомъ и Турціею; но, къ несчастію, остались намъ неизвѣстными.

Въ сношенія съ Сербскими владѣтелями Дубровничане входятъ, какъ равные въ равнымъ. Они именуются «пріятелими, сродниками и братьями, вѣрными, любимыми, почтенными» и пр. Въ грамотахъ своихъ Сербскіе владѣтели постоянно ссылаются на «пріязнь, любовь, дружбу, вѣрность, послуженіе, почести и дары», бывшіе у Дубровничанъ съ ними и ихъ предшественниками. Съ своей стороны Дубровникъ всегда обязывался оказывать владѣтелю надлежащую «господскую почесть», какую оказывалъ его предшественникамъ.

Какъ городъ торговый, Дубровникъ старался всегда быть въ мирѣ со всѣми и востоянно наблюдать невинность. Отъ того въ сношеніяхъ съ Сербскими владѣтелями онъ выговариваетъ себѣ право держать у себя ихъ враговъ, но съ тѣмъ, чтобы эти послѣдніе уже не выказывали болѣе своихъ враждебныхъ намѣреній (С. NN№ 3, 12, 26). Какъ сильный, богатый и всѣми уважаемый городъ, Дубровникъ былъ открытъ для всѣхъ, договаривался со всѣми; и противники не роптали на него за то: въ случаѣ несчастія, тотъ, или другой находилъ въ немъ убѣжище. Радославъ, супруга короля Владислава и Владиславъ, сынъ Косачи, жили въ немъ (С. NN№ 2, 12, 132). Короли Владиславъ и Урошъ I, Боснійскій банъ Стефанъ, Хлумскій жупанъ Радославъ, король Таргивъ I, Вукъ Бранковичъ и многія другія лица, опасаясь гибельныхъ переворотовъ, заранѣе выговаривали себѣ безопасное убѣжище въ Дубровникѣ (С. NN№ 3, 14, 19, 26, 76, 77). Съ своей стороны Дубровничане общаются пригласять ихъ съ надлежащими почестями и беречь не только ихъ самихъ, но и женъ,

дѣтей, бояръ и все имущество; а въ случаѣ отхода, провожать (С. NN№ 3, 76, 77)¹. Исторія представляет много случаевъ того, что знатные изгнанники находили себѣ безопасное убѣжище въ Дубровникѣ: но мы ограничиваемся сдѣсь нашими грамотами². Таково было общее правило Дубровника относительно изгнанниковъ. Но иногда это правило дополнялось нѣкоторыми подробностями. Такъ Урошу I они обѣщали, что если онъ съ людьми своими придетъ въ ихъ городъ, то жито и вино не вздорожаютъ для него, а будутъ продаваться, какъ продаются гражданамъ (С. NN№ 26). Такъ Радославъ Павловичъ требовалъ, что если ему, или сыну его, Иванушу, случится быть въ ихъ городъ, то, по праву гражданства: да буде з митъ з кожди радославъ и з сѣи ми кнезъ и клястанинъ и кнезъ и вѣщанинъ и сѣдиши како з комъ годъ клястоу дубровауцихъ другоу на десете (С. NN№ 107). Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ Дубровничане, кажется, нарушали свое невѣжательство. Такъ, въ договорахъ съ Владиславомъ (С. NN№ 3) и Михаиломъ Асѣномъ (С. NN№ 16) они обязываются имѣть общихъ друзей и враговъ, а послѣднему, сверхъ того, обѣщаютъ не принимать къ себѣ ни Уроша, ни брата его, Владислава, ни ихъ родичей, ни друзей, ни властелей, и не слушать ихъ наущеній. Съ королемъ Твѣрткомъ I они заключили довольно странное условіе, которое показываетъ, что не всегда невѣжательство ихъ могло устоять противъ напора государственныхъ бурь. Въ это время они признавали верховную власть Угрии, и именно, королевы Маріи, противъ которой дѣйствовалъ Твѣртко въ союзѣ съ баномъ Хорватомъ и другими недовольными: по этому, заключая съ Твѣрткомъ договоръ, они объявили, что Твѣртко можетъ свободно прийти и безопасно проживать въ ихъ городъ съ семействомъ, людьми и имуществомъ; но если Марія освободится изъ плѣна и будетъ преслѣдовать его, а онъ на ту пору случится въ Дубровникѣ, то они не будутъ держать и защищать его, а дадутъ ему срокъ къ безпрепятственному оставленію ихъ города, или если онъ случится внѣ города, то они не впустятъ его къ себѣ (С. NN№ 77). Между тѣмъ это не мѣшало имъ называть Твѣртка своимъ «искреннимъ союзникомъ и другомъ» и не покидать дружбы съ нимъ «ни за какія блага міра и ни за какой страхъ, или обѣтъ». Принявъ къ себѣ Вука Бранковича съ семействомъ, Дубровничане позволили ему построить въ ихъ городѣ православную церковь (С. NN№ 76). Вообще для Дубровника было весьма выгодно присутствіе знатныхъ бѣглецовъ, которые обыкновенно приносили съ собою все свое имущество, много денегъ и вещей, и приводили своихъ сторонниковъ: отъ того количество потребленія увеличивалось, а съ нимъ вѣсть росла промышленность и богатство города.

Обычныя государственныя условія договоровъ были слѣдующія. Обѣ стороны хранить вѣчный миръ, братство и дружбу, стоять взаимно въ искренней сердечной вѣрѣ и правдѣ безъ всякаго злаго умысла и ухищренія до конца жизни (С. NN№ 1, 9, 14, 27, 60, 64, 69, 77, 82, 89, 104, 107, 132, 166); соблюдаютъ единство мысли и чувства и составляютъ одинъ домъ (С. NN№ 3, 57, 58, 64, 79, 104); ни за страхъ, ни за совѣтъ и мольбу, ни за какія блага не покидаютъ взаимной дружбы (С. NN№ 77). Дубровникъ старался болѣе выговаривать условій для себя, чѣмъ давать ихъ: это объясняется его осторожною и миро-

¹ Особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи гр-а N 76.

² Число лицъ, искавшихъ и находившихъ себѣ убѣжище въ Дубровникѣ, удвоится, или утроится, если къ нашимъ грамотамъ присоединимъ и другіе источники.

любивою политикою. Владѣльцы сосѣднихъ земель не могли столько опасаться его, сколько, на оборотъ, онъ долженъ былъ страшиться различныхъ внутреннихъ потрясеній и войнъ у сосѣдей, которыя часто отзывались невыгодно на его торговлѣ. По этому, заключая договоры съ обоими противниками въ одно и то же время, онъ старался оградить себя такими условіями, которыя ни въ какомъ случаѣ не нарушали бы его мира. Какъ городъ по преимуществу мирный и торговый, онъ не терпѣлъ переворотовъ, и условія были нужны ему, а не другимъ. Въ договорахъ Дубровникъ требовалъ, чтобы союзники помогали и благопріятствовали ему, хранили и защищали городъ, людей и землю (С. NN^о 1, 14, 20, 60, 64, 66, 77, 104, 107, 141, 168): особенно обязательнымъ было это условіе для тѣхъ, которые получили въ Дубровникѣ право гражданства. Людямъ и войскамъ не позволять тревожить Дубровника и людей его, ходящихъ по чужимъ владѣніямъ (С. NN^о 20, 21); ни за страхъ, ни за благо, ни по наговору злыхъ людей не покидать города и не вредить ему, его людямъ и землямъ (С. NN^о 2, 16, 57, 96, 98, 104, 107, 132); позволять свободное и безопасное хожденіе Дубровническимъ людямъ съ товарами и безъ товаровъ и для переговоровъ какъ по своимъ землямъ, такъ и чрезъ свои земли, изъ Дубровника и въ Дубровникъ (С. NN^о 5, 14, 15, 20, 22, 72, 80, 100, 101, 102, 111, 132, 137); не соединяться со врагомъ и не ходить съ нимъ на Дубровникъ (С. NN^о 4, 15, 20, 60); извѣщать объ опасности, грозящей Дубровнику (С. NN^о 20, 27, 60); и, въ случаѣ войны, давать знать ему за нѣсколько времени впередъ, для того, чтобы люди его могли съ имуществомъ и семействомъ возвратиться изъ непріятельскихъ земель въ свой городъ (С. NN^о 17, 24, 31, 43, 50, 55, 72, 73, 91, 111, 137, 144, 145). Срокъ этотъ былъ различенъ: Милутинъ давалъ 3 мѣсяца (С. NN^о 24, 31), Стефанъ Душанъ, Урошъ V и деспоты давали 6 мѣсяцевъ (С. NN^о 43, 50, 73, 91, 111, 137), Яблановичи столько же (С. NN^о 145), Стефанъ Вукчичъ Косача назначалъ для того 3 мѣсяца (С. NN^о 144), Юрій Балшичъ Зетскій только недѣлю (С. NN^о 72). Союзники Дубровника не заключаютъ мира съ его врагомъ безъ его вѣдѣнія и согласія, и если уже мирятся, то и городъ должны помирить съ нимъ (С. NN^о 16, 132, 140, 141); кровопролитія, обиды и насилія, бывшія во время войны, прощаются и предаются забвенію (С. NN^о 89, 100, 101, 102, 114, 144). Рѣдко Дубровничане высказывали какія либо условія съ своей стороны, но многія изъ условій подразумѣвались. Такъ, на пр., они общали, что городъ ихъ будетъ открытъ князю и людямъ Хлума (С. NN^о 19); но такое общаніе, кромѣ чрезвычайныхъ событій, имѣло силу всегда и для всѣхъ, ибо черезъ это усиливалась ихъ торговля. Равнымъ образомъ права торговли и невмѣшательства, а еще болѣе желаніе приобрести себѣ общую довѣренность заставляли Дубровничанъ хранить и защищать чужеземцевъ, приходившихъ по торговлѣ, или за тѣмъ либо другимъ, въ ихъ городъ и округъ, хотя только разъ высказано было ими это условіе (С. NN^о 19). Что же касается до условій, нарушавшихъ невмѣшательство города, то Дубровничане никогда не давали ихъ ни одному изъ своихъ союзниковъ, и не вмешивались въ чужія распри: въ этомъ отношеніи они были весьма осторожны. Такъ, на пр., заключая союзъ съ Радославомъ Хлумскимъ, они не общаютъ воевать за него, между тѣмъ какъ онъ обязуется воевать за нихъ съ Урошемъ I (С. NN^о 19, 20). Исключеніе составляютъ тѣ случаи, когда отъ взаимной распри сосѣдей страдали ихъ собственныя выгоды, или когда ихъ самихъ затрогивали: тогда они склонялись на ту, или другую сторону и объявляли войну, уже какъ обиженные, стоя

на первомъ мѣстѣ и ища себѣ союзниковъ. Тогда заключался оборонительный и наступательный союзъ, и Дубровничане обязывались давать помощь своимъ союзникамъ на морѣ и на сушѣ (С. NN[№] 3, 16, 88). Разумѣется, что они обязывались защищать и тѣхъ владѣтелей, которые были гражданами ихъ города, какъ, на пр., Яблановичей (С. N[№] 107). Находимъ еще условіе, что они не станутъ подучать и подсылать на своихъ союзниковъ ни враговъ ихъ, ни враждебныхъ имъ грамотъ (С. NN[№] 8, 12).

Не съ одними Сербскими и Боснійскими владѣтелями были у Дубровника договоры: онъ сносился и съ другими сосѣдними владѣтелями. Наши грамоты указываютъ на близкія его сношенія съ Юріемъ Кастриотомъ Скандербегомъ, который имѣлъ свои денежные вклады въ ихъ городѣ (С. N[№] 148) и давалъ знать имъ о движеніяхъ Турецкаго войска. «Царь идетъ на насъ», писалъ онъ имъ въ грамотѣ своей изъ Лѣша (С. N[№] 149). Также Турецкіе наши имѣли съ Дубровникомъ частыя сношенія. Алібегъ Павловичъ писалъ Дубровничанамъ: да (я) ѣз (хочу быть) икамъ право а ви на митъ киво камъ е згодно гспоцтву (С. N[№] 75). Особенно частыми сдѣлались эти сношенія, когда Турецкія владѣнія прикоснулись къ Дубровникимъ. Султанъ посылалъ своихъ пашей разрушить деревянный городокъ, востроенный Дубровничанами на Неретвѣ, и вытребовать у нихъ расписки (хужеты) въ возвращеніи Влатку и Стефану Храничамъ вклада, положеннаго ихъ отцомъ, Стефаномъ Косачею (С. N[№] 164). Въ Порту ходили Дубровничкіе послы, какъ видно изъ грамотъ С. NN[№] 113 114, и султаны посылали въ Дубровникъ по разнымъ дѣламъ свои грамоты. Въ одной изъ таковыхъ (С. N[№] 113) Мурадъ даровалъ Дубровнику защиту отъ сосѣднихъ владѣтелей и его купцамъ право торговли въ Турецкихъ земляхъ, 1430 г., 6 дек.; въ другой (С. N[№] 168) султанъ Магомедъ подтвердилъ грамоту Мурада и опредѣлилъ ежегодную дань, которую долженъ былъ платить Дубровникъ, 1480 г., 7 мая; въ третьей (С.-Д. М. 1851) султанъ Баязидъ проситъ Дубровничанъ дать его послу, отправленному въ Венецію, корабль для перѣзда черезъ море туда и оттуда, 1492 г., 13 дек.; въ четвертой (С. N[№] 173) тотъ же султанъ заставляетъ Дубровникъ вносить по прежнему извѣстную плату въ Сербскіе монастыри на Аеоиѣ, около 1500 г. Царица Мара, дочь Юрія деспота, супруга Мурада II, была въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Дубровникомъ, даже во время царствованія Магомеда II, удалившаго ее въ Елево (близъ Аеоиа). Мы имѣемъ отъ этого времени четыре грамоты Мары. Въ одной изъ нихъ она извѣщаетъ городъ, что его послы были у нея и что она подтвердила городу старинную дружбу своихъ предковъ, а о прочихъ дѣлахъ передала посламъ на словахъ (С. N[№] 166); въ другой сѣтуетъ на Дубровничкихъ пословъ, которые не завернули къ ней по обыкновенію, когда шли въ Порту, «что ей было весьма прискорбно». Эту грамоту, вмѣстѣ съ нѣкоторыми устными порученіями, она передала посламъ, нарочно прибывшимъ къ ней по этому случаю съ особою грамотою и извиненіемъ (С. N[№] 167).

Въ вознагражденіе за земли, полученныя отъ Храничей и Яблановичей, Дубровничане подарили этимъ двумъ родамъ дворцы въ своемъ городѣ. Уже прежде Сандаль Храничъ имѣлъ въ Дубровникѣ дворецъ, какъ видно изъ его грамоты (С. N[№] 96), но, уступивъ Дубровнику свою половину въ Конавалѣ, получилъ еще другой дворецъ близъ его перваго дворца (С. N[№] 96); наконецъ, когда уступилъ Дубровнику и остальную половину Конавалской жупы, тогда Дубровничане подарили ему и третій дворецъ, бывшій, какъ говоритъ Сандаль «нашихъ влаетелей Вукасовичей, а потомъ монахинь св. Маріи отъ

Ангеловъ, радомъ съ этихъ монастырей (С. № 98). Эти слова Сандаля свидетельствуютъ, между прочимъ, что въ Дубровникъ находимся дворцы Хлумскихъ владетелей. Дубровничане обязались отдѣлать великолѣпно всѣ три дворца и утвердить ихъ за родомъ Храничей на вѣчныя времена, такъ что они не отойдутъ отъ этого рода ни черезъ войну, ни черезъ что либо другое на свѣтъ. Также точно Радичъ Павловичъ Яблановичъ, за уступку своего удѣла въ Конавлѣ, получалъ отъ Дубровничанъ дворецъ, бывший протовистіара Жареты, на тѣхъ же самыхъ условіяхъ, именно, чтобы дворецъ этотъ былъ отдѣланъ и украшенъ, какъ слѣдуетъ, да есть на виданье ерѣ есть гроцки подааи, и чтобы постоянно оставался въ родѣ Яблановичей, сначала въ мужской линіи, потомъ въ женской, наконецъ въ ближайшемъ къ нимъ родѣ, или крѣвъ подла. Ни война, ни что либо иное, не можетъ быть причиною къ отчужденію этого дворца отъ рода Яблановичей, которые владѣютъ имъ вполне и могутъ безпрепятственно, кому хотять, продать, заложить, или подарить (С. № 107). Видѣтъ съ дворцами какъ Храничи, такъ и Яблановичи получили часть земли во владѣніяхъ Дубровника на тѣхъ же самыхъ условіяхъ, какъ и дворцы. За каждый изъ удѣловъ своихъ, уступленный Дубровнику въ Конавлѣ, Сандаля съ своимъ родомъ получилъ въ Дубровницкой жупѣ по баштинѣ, кое съ изимъ за три тисѣи перперъ, т. е., всего двѣ баштины, стоющія 6000 перп. Изъ словъ грамоты (С. NN^о 96, 98), даше и дароаша мамъ, можно бы было заключить, что Дубровникъ дѣйствительно подарилъ Сандалу вышеозначенныя баштины, стоящія каждая 3000 перп., но, по моему мнѣнію, эти слова должно понимать нѣсколько иначе. Дубровникъ не подарилъ, а только позволилъ Сандалу купить въ городской жупѣ баштины, изъ коихъ каждая не превышала бы цѣнности 3000 перп. Такъ объясняется выраженіе кое съ изимъ; цѣнность подарка не могла бы быть опредѣлена такъ положительно, или не была бы вовсе выставлена подобно цѣнности дворцовъ; но выраженіе кое съ изимъ указываетъ именно на право покупки, и при томъ не болѣе, какъ на сумму 3000 перп. Дубровникъ имѣлъ причину не дозволить въ своей жупѣ значительныхъ покупокъ: столь богатые бояре, каковы были Храничи и Яблановичи, легко бы могли скупить всѣ Дубровницкія владѣнія, чтобы имѣть въ запасъ убѣжище отъ Турецкаго нашествія, подобно тому, какъ Сербскіе деспоты готовили себѣ такое убѣжище въ Угріи; но тогда чужеземная стихія взяла бы перевѣсъ надъ Дубровницкою, и городское владѣтельство было бы стѣснено въ своихъ владѣніяхъ. Вотъ по чему Дубровникъ, не могши вовсе отказать въ покупкѣ баштины Сандалу, какъ своему гражданину, и при томъ подарившему городу цѣлую Конавльскую жупу, ограничилъ, однако, эту покупку цѣнностію 6000 перперовъ. Также точно и Радославу Павловичу даны были земли, но не въ округѣ Дубровницкомъ, а въ Конавлѣ, даюше земли и истоога дла три тисѣи (С. № 107). Радославъ, какъ извѣстно, уступилъ Дубровнику ту самую половину Конавля, которую Сандаля, получивши по смерти Радослава брата, Петра, уже подарилъ Дубровнику; но Радославъ, оттягавшій ее, какъ родовое наследство, могъ взять и не взять ея обратно у Дубровника. Дубровницкіе послы склонили его на послѣднее и онъ подтвердилъ и «благословилъ» уступку, слѣланную Сандаломъ. Хотя уже Сандаля получилъ за эту уступку 500 перп. ежегодной дани, другой дворецъ и другую баштину, однако и Радославъ имѣлъ полное право требовать себѣ за нее вознагражденіе, и получилъ 600 перп. ежегодной дани, дворецъ и часть земли въ Конавлѣ. Послѣднее выраженіе грамоты я понимаю такъ, что Радославъ получилъ не $\frac{1}{2}$, всей земли въ Конав-

лѣ, а только 3 доли изъ одной пятой части земли, что составитъ несравненно меньшее количество владѣнія. Какъ Храничи, такъ и Яблановичи получили землю на однихъ правахъ, какъ и дворцы. Ихъ баштинны составляли вѣчную и неотъемлемую родовую собственность, которою они могли располагать по произволу, продавать, закладывать, дарить и пр.

Радославъ Павловичъ и Сандалъ владѣли дворцами и землями, какъ Дубровничскіе граждане. Не въ одной Венеціи записаны были гражданами многіе Сербскіе и Боснійскіе государи и вельможи¹; но также и въ Дубровникѣ искали они права гражданства. Званіе гражданина Венеціанской, или Дубровничской республики считалось почетнымъ. Царь Душанъ, стоя на верху своего могущества, искалъ себѣ гражданства въ Венеціи. Александръ, господинъ Каннинъ и Авлону, просилъ Дубровничскую Общину, да будетъ однимъ изъ ея гражданъ, и посылалъ за тѣмъ дѣломъ своего властелина. И еш иѣ хотѣшши и люкокъ и сиршиши ми момъ питаниши цо понскакъ. и зупишиши ми кингуъ кариъ и хансугатиши. пугатишомъ комъшишомъ. идлиши ю момъ властелиниши диниши и досла ми ю. и ео томъ бѣгодарѣ бѣга и захвалѣ. И тогѣ ради се зговориши смонни властелин и присягѣ на стѣи и кѣшественномъ нелаганиши и смонни властелин. како ми понска никола ивезушиши. Клоко да бѣдѣ и кариъ дуброкулинниши и принѣтъ и смонни властелин да смѣ дръжамъ дуброкулинниши всаномъ кѣдѣ бѣдѣ момъ владаниши и кѣдѣ бѣдѣ ш (С. № 61). Такова была форма дарованія и принятія права гражданства. Гражданство требовало взаимной защиты и помощи. Такъ Санко (С. № 79) жалуется, что Дубровничане тѣсятъ его въ покупкѣ у него товаровъ. Том (то) добръ кѣтѣ (знаете) да смѣ я (я) ималъ неамъ кѣтѣ (болѣе) ѣ. иѣти (разъ) вѣмъ говорѣ (: ма драга) братниши не кѣшѣтиши мѣтъ цѣнаши унишѣти како вѣдѣтъ вола (или) примораниши вола хѣмълиниши кѣрѣ (ибу) смѣ я вѣдѣтъ ѣтъ вѣтъ а кѣ стѣ^о з момъ владаниши коанко м (:) тогѣ ми иѣстѣ зупишиши(ли) нека и мѣтъ цѣнаши вола кѣрѣ (нежели) иномъ кѣрѣ смѣ вѣтъ а нека и момъ удѣкѣтъ вола цѣнаши кѣрѣ ивогѣ удѣкѣтъ кѣрѣ сѣ вѣтъ (:) тогѣ ми иѣстѣ зупишиши да ма драга братниши ако ѣтъ томъ бити да кѣ не ѣтъ ииѣдѣтъ кѣрѣтиши некаши з момъ владаниши да и ш томъ зупишиши. Какъ гражданинъ, Санко имѣлъ право жаловаться, что Дубровничане не возвышаютъ цѣны ни ему, ни людямъ его, противъ другихъ продавцовъ; и ежели они стали покупать не у него одного, то и онъ не станеть продавать имъ однимъ. Павелъ Радиновичъ Яблановичъ, получивъ гражданство въ Дубровникѣ, общалъ за то вѣрность, дружбу и всякое пособіе городу и его торговцамъ (С. № 82). То же общалъ и сынъ его, Радославъ Павловичъ (С. № 104). Властелинъ Григорій Вукославичъ поставилъ предъ Стономъ царину на дорогѣ въ Дубровникъ; но, получивъ гражданство, снялъ царину и отправился въ Дубровникъ съ благодарностію и извиненіемъ (С. № 94). Влатковичи, противники Стефана Косачи, вступая противъ него въ союзъ съ Дубровничанами и получивъ право граж-

¹ Въ Загребскомъ Архивѣ (Arkiv za povéstnicu Jugoslavenaku, Knjiga I) напечатана рукопись на Итальянскомъ языкѣ, заключающая имена иноземныхъ владѣтелей, бывшихъ гражданами Венеціи: Tutte le casate dei Signori e Forestieri aggiunti nel numero del Maggior consiglio doppo il settarati di quello, con tempo e coi Dogi, sotto de quelli furono creati. Между ними находимъ имена королей Боснійскихъ: Стефана Тврътка (1386), Дабыши (1391), Тврътка Тврътковича (1404), воеводы Сандала Хранича (1410), Вукца и Вука, братьевъ его, и Стефана Вукчича (1422), деспота Юрія (1435), Фомы, короля Боснійскаго, и Иваниша, сына Радослава Павловича, (1444), Стефана, воеводу св. Савы, и сына его, Владислава (1455), Стефана Томашевича (1461), Ивана Кастриота Скандербега (1463), Ивана Черносевича, владѣтеля верхней Зетии, (1470), и пр.

данства, обязуются защищать всею силою Дубровникъ, его князя и владѣнія; если же не придутъ на помощь городу, то будутъ подъ гнѣвомъ его, какъ и другіе властели (С. № 141). Съ своей стороны Дубровникъ общалъ бережъ и защищать своихъ гражданъ на сушѣ и на морѣ. Объ этомъ правѣ говоритъ Радославъ Павловичъ въ своей грамотѣ (С. № 107): и ако би се зъ кои време згодило теръ на гнѣ ковода радославъ или мои сѣи князь нелишиши нашии се на мори обстоваши ми князь властели и вса ѡпина гра дубровникъ взети насъ зъ нихъ дрьнехъ (судахъ) гдѣ се ними вьде моћи и каше патражье (потомство) на нихъ тракше и спешу (траты и издержки) и прикести насъ исехъ зъ дубровникъ и да насъ не даде ни мого сѣи княза нелишиши ни нашега патрашка ни едному нашему исприштелю ни за страхъ ни за благо ни за ни едного уловака колю сыган свѣта плумъ гдѣ годъ зъ гнѣ ирлава згрьсцихъ или зъ мисти згрьсцихъ да за насъ стов совошь и своимъ покласари (послами) како за мого годъ нихъ. Другимъ важнымъ преимуществомъ гражданъ было право имѣть въ Дубровникѣ недвижимую собственность, дома и земли, какъ видно изъ примѣра Храничей и Яблановичей. Наконецъ, основываясь на словѣ «вѣчникъ», сопоставляемомъ грамотами съ словами «властель» и «гражданинъ»¹, мы имѣемъ полное право заключать, что вписанные граждане—а таковыми могли быть только знатные иноземцы—пользовались всѣми правами, какія принадлежали собственно Дубровникскимъ благороднымъ лицамъ или властелямъ, и между прочимъ правомъ подавать голосъ на вѣчѣ. Стефана Косачу Дубровничане называютъ своимъ «найпервымъ и найпоглавитымъ» гражданиномъ (С. № 157). Трудно понять, чего требовалъ Радославъ Павловичъ этими словами: и ако би ми се по коомъ врѣмѣ згодило донти зъ дубровникъ мѣнъ ководи радославъ или ми сѣи князь нелишиши да вьде зъ мѣнъ зъ ководи радославъ и зъ сѣи ми князу нелишиши властелии и князь и вѣчникъ и сьдѣи како зъ коомъ годъ властѣю дуброванихъ дрого на десете (С. № 107)? Аппендины приводятъ много родовъ, которые получили въ Дубровникѣ право гражданства; всѣ они отличаются знаменитостію. Между прочими мы находимъ: Хрестича, Яблановича (оба короля), Котромановъ, Павловича (т. е., Радослава), Санковичей, Босиновичей, Хранича (Сандаля, графа Благая и Имоты), Косачей, (воеводъ св. Савы), Влатковичей (Хлумскихъ бояръ, см. С. № 141) и Вуковичей.

Вникая въ духъ договорныхъ грамотъ, мы не можемъ не замѣтить особенности, которая обличаетъ общее свойство отношеній Дубровничанъ къ Сербіи и Босніи. Сербскія королевскія и царскія грамоты писаны поспѣшище, короче, безъ излишнихъ ласкательныхъ выраженій и даже часто безъ всякаго титула, просто: «князю, властелямъ и общинамъ» и. т. п. Это показываетъ, что Сербія была въ то время сильна собственными средствами и смотрѣла на Дубровникъ не болѣе, какъ на союзный и дружелюбный городъ, не давая ему особой важности и не привязывая себя къ его судьбѣ. Не такъ смотрѣла на него Босна. Для Боснійскихъ королей Дубровникъ являлся городомъ, котораго голосъ имѣлъ сильное вліяніе на ихъ участь. Будучи большею частію незаконными государями, и въ то же время величая себя прямыми наследниками престола честныхъ родителей своихъ, государей Боснійскихъ и Сербскихъ, и обнаруживая постоянныя притязанія на владѣніе Сербіею, короли Боснійскіе нуждались въ службѣ и помощи Дубровника, который могъ или признать ихъ

¹ Ср. С. MN 104, 107, 114, 141.

такими, или поднять противъ нихъ многихъ честолюбивыхъ и сильныхъ бояръ. Сверхъ того, смежность владѣній, сила и богатство города должны были внушать къ нему уваженіе, а гроза съ востока постоянно указывала на него, какъ на единственное убѣжище: отъ того въ Боснійскихъ грамотахъ Дубровникъ всегда величается «владущимъ, славнымъ, почтеннымъ, возможнымъ» городомъ; съ большою готовностію припоминаются его «сердечная пріязнь, дружба, безмѣрная любовь, почтеніе, послуженіе, дары» и пр., и въ подтвержденіи всѣхъ правъ и договоровъ существуетъ замѣтная предупредительность.

Дубровникъ всегда старался заключать пожизненные договоры. «До конца жизни», «во вѣки» и тому подобныя выраженія и страшные зарокѣ или заклинанія не нарушать мира и условій договора обличаютъ вполне миролюбивое направленіе независимой общины, для которой миръ былъ необходимъ, какъ главное условіе торговыхъ успѣховъ. Миръ съ нею нуженъ былъ и для противной стороны.

Дубровникъ всегда держался той мысли, что худой миръ лучше доброй ссоры. Пока другія Европейскія государства, въ продолженіи вѣковъ, оставались при убѣжденіи, что война усиливаетъ и обогащаетъ ихъ, Дубровникъ дошелъ до высшей и счастливѣйшей мысли, что благосостояніе гражданъ зависитъ отъ спокойствія и согласія съ сосѣдями извнѣ и отъ развитія промышленности и торговли внутри государства. Эта община была по преимуществу миролюбивая. Въ ея грамотахъ видно сильное желаніе мира; всѣ ея договоры и дѣйствія клонились къ выгодамъ торговли и промышленности, составлявшимъ главную основу ея существованія.

Только въ крайнихъ обстоятельствахъ, когда дѣло шло о потери собственныхъ владѣній, и когда всѣ договоры и посредничества оставались тщетными, Дубровникъ брался за оружіе и велъ войну до перваго удобнаго случая къ примиренію. Но судьба какъ бы преслѣдовала его войнами. Самымъ началомъ своимъ онъ обязанъ войнѣ и опустошенію. Въ IX ст. онъ нѣсколько разъ отбивался отъ Сарацинъ; въ X его тревожили Венеціане и Наречане, Булгарскій царь, Самуилъ, и императоръ Оттонъ; въ XI союзъ съ Гвискаронъ Апулійскимъ и Калабрскимъ вовлекъ его въ войну съ Алексѣемъ Комнинскимъ и Венеціанцами; смуты въ Хорваціи коснулись и его; въ XII онъ велъ войну съ Борисомъ, баномъ Босны, и великимъ жупаномъ Неманею¹. Но всѣ войны оканчивались счастливо для Дубровника, и онъ выходилъ изъ нихъ съ честью и выгодными договорами. Отъ войнъ должно отличать нѣкоторыя враждебныя дѣйствія Дубровника, которыя городъ иногда позволялъ себѣ преимущественно съ мелкими владѣльцами и общинами. Причину тому должно искать въ потребностяхъ города; поводомъ же были, вѣроятно, нѣкоторыя взаимныя несогласія. Въ значительныхъ войнахъ Дубровничане всегда искали себѣ союзниковъ. Мы встрѣчаемъ въ памятникахъ XIII, XIV и XV столѣтій нѣкоторые слѣды ихъ непріязненныхъ столкновеній съ сосѣдями. По словамъ приморскаго князя Юрія, ихъ корабли, вмѣстѣ съ Венеціанскими, ходили на его городъ (С. № 10). Другой приморскій князь, Черномиръ, жалуется, что они хватаютъ и продаютъ его людей (С. № 18). Подобныя похищенія чужихъ подданныхъ мы видимъ довольно часто.

¹ См. у Аппендинга, т. I, ч. II, кн. II. Я указываю на одного Аппендинга, по тому что онъ пользовался всѣми предыдущими историками, и пользовался весьма осторожно. Турберъ, Рацци, Лукари, Орбини, Бандури, Рести, Дольчи, Фарлати (Жолети) и мн. др. служили ему источникомъ. Енгель является послѣ него простымъ компиляторомъ.

Обидна Попова жалуется, что она, вопреки клятвѣ, связала ихъ властелина Радослава (С. № 11); самъ король Владиславъ передаетъ ихъ суду Божию за то, что они не держатъ даннаго слова, пустошатъ его села, хватаютъ и казнятъ его бояръ (С. № 9). Болѣе важныя несогласія видимъ при Урошѣ I. Противъ него Дубровничане входятъ въ союзъ съ Боснійскимъ баномъ, Стефаномъ, въ 1249 году (С. № 14), Булгарскимъ царемъ, Михаиломъ Асѣномъ, въ 1253 г., при князѣ Георгии Марцелѣ (С. № 16), и Радославомъ, жупаномъ Хлумскимъ, въ 1254 г. (С. № 19). Всѣ трое обязуются защищать ихъ противъ короля Рашскаго. Подобныя договоры Дубровничанъ, въ которыхъ выражено предчувствіе войны, вдвойнѣ любопытны, ибо, кромѣ торговыхъ условій, которыхъ никогда не забывалъ Дубровникъ, въ нихъ находятся и другія государственныя условія. Такъ, съ Владиславомъ былъ уговоръ, что Дубровничане, по его требованію, дадутъ ему помощь на морѣ, и за то онъ проститъ имъ всю дань того года, а купцамъ ихъ царину (С. № 3); что ни Владимиръ, ни другой какой врагъ не станетъ съ ихъ совѣта опустошать его земель (С. № 8). Урошу I общали, что жена Владислава не будетъ съ ихъ совѣта и вѣдѣнія разсылать изъ ихъ города непризнанныя ему грамоты и пословъ ни по морю, ни по суху (С. № 12). Банъ Стефанъ обязывается, въ случаѣ ихъ войны съ Урошемъ I, не дать въ обиду ни ихъ самихъ, ни ихъ имущества (С. № 14). Условія въ договорѣ съ Михаиломъ Асѣномъ суть слѣдующія: 1) имѣть общихъ враговъ и друзей; 2) Дубровникъ не принимаетъ къ себѣ короля Сербскаго, ни его родичей, ни сторонниковъ; 3) Михаилъ, заключивъ миръ съ Урошемъ, не оставляетъ и Дубровника безъ мира съ нимъ; 4) Дубровникъ помогаетъ Михаилу по возможности всѣми своими силами на морѣ, въ поморья и на сушѣ; 5) изготавливается чрезъ двѣ недѣли съ того времени, какъ послышитъ о его вторженіи въ Сербію; 6) въ городѣ остается только необходимая стража; 7) передаетъ Михаилу всѣ приморскіе города и церкви, которыми завладѣетъ; 8) Михаилъ защищаетъ Дубровникъ въ случаѣ вторженія неприятельскаго (С. № 16). Радославъ обязуется: 1) вести войну съ Урошемъ I, когда откроетъ ее Дубровникъ; 2) всюду, гдѣ можетъ, защищать людей и имущество Дубровника; 3) стоять въ мирѣ и дружбѣ съ Михаиломъ Асѣномъ, пока стоитъ Дубровникъ; 4) нейти на городъ съ его врагами и извѣщать объ опасности, грозящей городу и его купцамъ (С. № 20). Поводомъ къ войнѣ съ Урошемъ I было, по словамъ Аппендини¹, корыстолюбіе послѣдняго и желаніе повредить возрастанію и усиленію Дубровника; а по Енгелю², властолюбіе Венеціанскаго архіепископа, Іоанна, хотѣвшаго распространить свою власть не только на Баръ, но и на всѣ католическія церкви въ Сербіи. Но война ограничилась одними плѣнами, ибо въ томъ же 1254 году князь Андрей Златъ заключилъ съ Урошемъ договоръ (С. № 26), въ которомъ, между прочимъ, возвращаетъ ему захваченную въ плѣнъ челядь, а Урошъ, съ своей стороны, общаетъ, что бѣглецы изъ Дубровника, проживающіе въ его земляхъ, не станутъ вредить городу (С. № 21). По Аппендини, Дубровникъ обязался платить Урошу I ежегодно 2000 перперовъ за право торговли и пользованія землею. Въ грамотахъ извѣстіе объ этой дани мы встрѣчаемъ позднѣе, при Милутинѣ. Королева Елена, вдова Уроша I, обязалась извѣщать Дубровникъ о всѣхъ враждебныхъ ему замыслахъ короля Ми-

¹ Т. I, стр. 281. Но Аппендини невѣрно означаетъ 1259 г. вм. 1255.

² Gesch. d. Freist. Ragusa, стр. 107. У Енгела для этой распри определено время между 1249 и 1252 годами.

лутина (С. № 27). Дѣйствительно, въ 1289 г. Милутинъ, по разнымъ причинамъ, опустошилъ Дубровницкія земли и осаждалъ самый городъ, произвелъ въ немъ голодъ, но не могъ взять его¹. Изъ грамоты Уроша V (С. № 55), узнаемъ, что около 1362 года Дубровникъ велъ войну съ правителемъ Котора, Воиславомъ (кажется, за соль). Царь помирилъ ихъ и постановилъ: 1) убытки и кровь прощаются; 2) нѣтъ отищенія тому, кто помогалъ Дубровнику въ этой рати; 3) всѣ плѣнные съ той и другой стороны и Которскія баштаны возвращаются; 4) Царю платятся всѣ прежнія дани. Аппендинъ знаетъ объ этой войнѣ, но Воислава отдѣляетъ отъ Котора и дѣлаетъ его владѣтелемъ Ужицы, вмѣсто брата, Алтомана. По его словамъ, Воиславъ, графъ Ужицы, вмѣстѣ съ братомъ своимъ, Алтоманомъ, велъ несчастную войну съ Дубровникомъ, въ 1359 г., и снова началъ ее, когда Которцы заспорили съ послѣднимъ за соль и торговлю. Балшичи вступились за Дубровникъ, и Воиславъ, лишенный соли, примирился съ Дубровничанами². Но изъ грамоты Уроша V (С. № 55) мы навѣрно знаемъ, что Воиславъ былъ владѣтелемъ Котора: по тому мы должны нѣсколько измѣнить событія и сказать, что Воиславъ, съ своимъ городомъ Которомъ, велъ войну съ Дубровничанами за соль, какъ свидѣтельствуя грамоты С. NN^o 41 и 56, а братъ его, Алтоманъ, могъ помогать ему изъ Ужицы. Этотъ Воиславъ, дѣятельность котораго совпадаетъ преимущественно съ временемъ царствованія Уроша V, былъ, по свидѣтельству Орбни³, сыномъ Войхны, возведеннаго въ цезарское достоинство Душаномъ. Подъ 1371 годомъ Аппендинъ повѣствуетъ, что Венеціане, завладѣвшіе большею частію Истрии, осаждали Дубровникъ, но были отбиты съ помощію Твртка Боснійскаго. Король Остоя жестоко оскорбилъ Дубровничанъ, продавъ имъ Приморье и потомъ снова отнявши его для взятія съ нихъ вторичной платы. Въ 1404 году, 15 янв., они соединились съ Гервоею противъ короля Остоя «на его погибель, и раззореніе, и изгнаніе изъ королевства»; Гервоя обѣщала послать свое войско черезъ Неретву въ Хлуцкую землю и тутъ объявить королю Павлу Радишича, а Дубровникъ, съ своей стороны, обязывался сдѣлать, за одно съ Гервоею, все, что только будетъ возможно, на морѣ и на сушѣ, противъ короля Остоя и въ пользу Павла Радишича (С. № 88). Но Остоя бѣжалъ, а Твртко утвердилъ за Дубровникомъ Приморье (С. № 89). Когда Остоя, въ 1408 году, воротился съ Турецкимъ войскомъ, тогда Дубровничане, слѣдуя своему обычаю быть въ мирѣ со всѣми и особенно съ непосредственными сосѣдями, вошли въ договоръ съ Остою и испросили у него новую подтверждательную грамоту (С. № 92). Такія же грамоты далъ и Стефанъ Остоичъ въ 1419 году (С. NN^o 95, 97). Радославъ Павловичъ, искавшій подъ Сандамомъ своего законнаго родоваго наслѣдства, половины Конавльскоя жупы, захваченной Сандамомъ по соизволенію Султана, послѣ смерти Петра Павловича, имѣлъ распрю съ Дубровникомъ, по тому что Сандамъ уже успѣлъ продать эту половину Дубровнику. Въ праздникъ Рождества Христова, 1420 года, настало примиреніе: Дубровничане признали Радослава истиннымъ наслѣдникомъ отца, Павла, и старшаго брата, Петра; а

¹ Engel, Gesch. d. Freist. Ragusa, стр. 115.

² Т. I, стр. 294 и 295.

³ Стр. 233, 234, 241. За неимѣніемъ подлинника, мы слѣдуемъ Русскому переводу, сдѣланному Теофаномъ Прокоповичемъ подъ заглавіемъ: Квѣга Исторіографіа и т. д. Слб., 1722 г. По свидѣтельству того же, Урошъ V имѣлъ супругою дочь Воислава. — Ср. Дюфрена, Familiae Dalmaticae et Slavonicae, гл. III, § LIX.

Радославъ укрѣпилъ за ними всѣ прежнія права и свой удѣлъ въ Конавлѣ и предалъ забвенію всякую обиду и кровопролитіе, бывшія по смерти Петра до первыхъ Святыхъ (Божия) (С. NN^о 100, 101, 102). Около 1432 года Дубровникъ снова поссорился съ Радославомъ «по наговору злыхъ людей», какъ сказано въ грамотѣ, а собственно по тому, что Радославъ требовалъ двойной платы за свой участокъ въ Конавлѣ. Хотя Дубровничане и были разбиты при Лють¹; однако, при посредствѣ Твртка и Султана, примирились весьма выгодно, въ 1432 г., 25 октября. Между прочимъ Радославъ подтвердилъ за ними половину Конавли и обязался: 1) не брать обратно ранѣе двухъ лѣтъ, со дня заключенія мира, своихъ денегъ, положенныхъ въ Дубровникѣ по 5%^о, между тѣмъ какъ прежде могъ взять ихъ во всякое время, предупредивъ только за два мѣсяца впередъ; 2) изъ дохода съ земель и дворца, подаренныхъ ему Дубровникомъ, равно какъ изъ суммы, вносимой ему ежегодно Дубровникомъ за уступленную половину Конавли, а также изъ роста съ денегъ, положенныхъ въ Дубровникѣ, не требовать той части, которая приходилась на время войны; 3) не присваивать себѣ людей, перешедшихъ во время войны на сторону Дубровника, но освободить ихъ отъ подданства и позволить имъ ходить по своимъ владѣніямъ; 4) выпустить безъ выкупа всѣхъ плѣнныхъ; 5) выпросить у короля Твртка подтвердительную грамоту на всѣ условія настоящаго договора и извѣстить Султана о мирѣ съ Дубровникомъ. Отсюда можно заключить, что не Дубровникъ, а Радославъ прибѣгнулъ къ посредничеству Порты. Съ своей стороны Дубровникъ далъ Радославу всѣ прежнія права: 1) гражданство и дворецъ, 2) право отдавать деньги въ ростъ ихъ казнѣ, и 3) право пользоваться всѣми доходами, получаемыми отъ ихъ города (С. N^о 114). Когда Стефанъ Косача поссорился съ сыномъ своимъ, Владиславомъ, то этотъ послѣдній былъ принятъ Дубровникомъ и заключилъ съ нимъ союзъ, 1441 г., 15 авг., изъ котораго видно, что Косача жегъ и грабилъ городское имущество и захватилъ Конавле. Владиславъ обязался: 1) стараться всѣми силами о возвращеніи и защитѣ Конавльской жупы и, когда вступитъ во владѣніе своими землями, подарить изъ нихъ Дубровнику смежную съ нимъ окраину; 2) не заключать мира съ отцомъ безъ вѣдома и согласія Дубровника; 3) не вступать въ разирые съ городомъ; 4) оставить по прежнему всѣ торговля и соляныя учрежденія и пр. (С. N^о 132). Черезъ десять лѣтъ Косача снова объявилъ войну Дубровнику за сына и жену, бѣжавшихъ въ этотъ городъ. Король Фома заключилъ наступательный и оборонительный союзъ съ Дубровникомъ, обязавшись воевать съ Косачею, и не мириться съ нимъ безъ вѣдома и согласія города; если найдетъ себѣ союзниковъ, то принять и городъ въ союзъ и пр. (С. N^о 140). Сильный Хлумскій родъ Влатковичей сталъ также на сторонѣ Дубровника противъ Косачи съ обѣщаніемъ не заключать съ нимъ мира помимо города (С. N^о 141). Въ 1454 году; 10 апрѣля, Стефанъ Косача примирился съ городомъ, подтвердилъ всѣ прежнія права и земли, спорныя дѣла подчинилъ рѣшенію суда, а всѣ убійства и взаимныя оскорбленія, бывшія во время войны, предалъ забвенію (С. N^о 144).

Такимъ образомъ, припомнивъ всѣ событія жизни Дубровника, мы увидимъ, что эта община была чужда той корысти, которая вовлекала Венецію въ постоянныя войны, не столько оборонительныя, сколько наступательныя. До по-

¹ Appendini, т. I, стр. 302 и 303.

слѣдней возможности Дубровникъ хранилъ миръ со всѣми ближними и дальними владѣльцами. Расчитанныя заранее выгоды требовали, чтобы особенно твердо держался онъ ближайшихъ своихъ сосѣдей, которыхъ владѣнія граничили съ его округомъ и отъ которыхъ онъ пріобрѣталъ себѣ земельную собственность. Но за эту же собственность онъ принуждаемъ былъ вести войну съ прежними ея владѣльцами, войну всегда оборонительную и справедливую. Далѣе никуда не проникало его оружіе. Онъ умѣлъ всегда найти себѣ союзниковъ и представить свое дѣло правымъ: отъ того войны, во время прекращаемыя его миролюбіемъ и скромными условіями, не могли никогда поколебать его могущества, но еще болѣе снискивали ему уваженія.

Нѣкогда Дубровникъ, вмѣстѣ съ остальною Далмаціею, признавалъ власть Византіи; но въ IX вѣкѣ тотъ и другая отпали отъ Византіи и устремились къ независимости. Константинъ Багрянородный, называя Греко-Далматскіе города и острова, платившіе, по распоряженію Василія Македонянина, годовую дань Хорватскому жупану, не упоминаетъ о Дубровникѣ¹. Доселѣ Дубровникъ былъ главнымъ городомъ Далмаціи; Константинъ Багрянородный и Кедрипъ, повѣствуя о войнѣ съ Сарацинами, называютъ его не иначе, какъ метрополіею. У перваго читаемъ: *ἐπὶ δὲ τῆς βασιλείας Μιχαὴλ τοῦ υἱοῦ Θεοφίλου ἀνῆλθεν ἀπὸ Ἀφρικῆς στόλος λῆ κομπανίων, ἔχων κεφαλὴν τον τε Σολδαγὸν καὶ τὸν Σάμαν καὶ τὸν Καλφούς, καὶ ἐχειρόβαντο διαφόρους πόλεις τῆς Δαλματίας καὶ τὴν τε Βούτοβαν καὶ τὴν Ῥάσσαν καὶ τὰ κάτω Δεκάτερα. ἦλθον δὲ καὶ πρὸς τὴν τοῦτων μητρόπολιν, ἣ Ῥαούσιον λέγεται, καὶ ταύτην ἐπὶ χρόνον ἐπολιόρουν ἱκανοί*². У втораго: *προχωροῦντων δὲ κατὰ τοῦν τῶν πραγμάτων τοῖς Ἀγαρηνοῖς ἦλθον καὶ ὑπὸ τοῦ ὄλου ἔθνους μητρόπολιν, ἣ Ῥαούσιον λέγεται*³. Но съ этой поры участь Далмаціи и Дубровника разъединяется. Петръ Медвѣдъ, Венеціанскій дожъ, завоевалъ Далмацію въ 995 году, но не думалъ завоевывать Дубровника⁴. Между тѣмъ, какъ Далмація проходила различныя ступени государственнаго бытія и испытывала вліяніе то Хорваціи, то Венеціи, то Византіи, пока не поддавалась Угріи, Дубровникъ въ это время пріобрѣталъ болѣе и болѣе степень независимости. Настойчивыя войны Венеціи и морскіе разбои Наречанъ, отдаленность и нерадѣніе Византіи, а часто соперничество Венеціи съ Византіею, заставляли Дубровникъ обороняться одиными своими силами и чрезъ то поддерживали его независимость. Въ 1080 г. мы видимъ его уже въ союзѣ съ Гвискаримъ Апулійскимъ противъ Алексѣя Комнина и Венеціанъ; въ 1172 г. тоже въ союзѣ съ Вильгельмомъ Сицилійскимъ и подъ его верховною защитою отъ Венеціанъ и Византіи. Но по смерти Вильгельма, въ 1192 г., онъ отдается подъ покровительство Исаака Ангела⁵. Во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ уже видѣнъ произволъ независимой общины. Только уже въ XIII вѣкѣ встрѣчаемъ нѣкоторыя сомнительныя отношенія къ Венеціи,

¹ Corp. Script. Hist. Byz. Const. Porphyrog., de Adm. Imp., c. 30, p. 147. — Stritter, II, 399.

² Corp. Script. Hist. Byz. Const. Porphyrog., v. III. De Thematibus, l. II, th. 11. — Stritter, II, 91. Тоже повторено имъ и въ Vita Basilii Macedonis.

³ Corp. Script. Hist. Byz. Georg. Cedrenus, tomus alter, p. 219. Cp. Bandurii Animadv. in l. Const. Porphyrog. de Adm. Imp. Corp. Script. Hist. Byz. Const. Porphyrog., v. III, p. 344.

⁴ Лучичъ (Lucius, De regno Dalm. et Croat., кн. 2, гл. IV) замѣствовалъ это извѣстіе изъ Сабеллика и Дандула.

⁵ Appendini, т. I, ч. II, кн. II.

которыя если не заставляютъ подозрѣвать какой либо зависимости отъ нея, то все таки набрасываютъ тѣнь на свободу государственныхъ дѣйствій Дубровника, такъ сильно отстаиваемую Аппендини противъ Венеціанскихъ историковъ. По словамъ Аппендини, отъ 1204 до 1230 и отъ 1232 до 1358 года, Дубровникъ управлялся князьями изъ Венеціанскихъ графовъ, поставляемыхъ Венеціею; эти князья присягали въ сохраненіи Дубровническихъ законовъ, правъ и обычаевъ, а сами брали съ жителей присягу быть вѣрными Венеціи¹. Наши источники заключаютъ слѣдующія имена князей: Кривашъ, 1189 г., Петръ Болеславичъ и Тудръ Крусмичъ², 1234 г., Жани Давьдолъ (1233 — 1238), Николай Тонисто (1238 — 1240), Жани Михаилъ (de Claudus, 1244), Жани Куринъ (Квиринъ, 1248), Яковъ Дальфанъ, 1249 г., Марсилій Георгій, 1253 г., Андрей Златъ (Daucus), 1254 г., Иванъ Сторлатъ (1266 — 1268), Николай Маврижинъ (Maucosenus, 1281), Маринъ Жоргій (Жоржи, 1289); далѣ именъ не находимъ. Всѣ эти имена, кромѣ перваго и двухъ послѣдующихъ, довольно сомнительныхъ, указываютъ на свое Итальянское происхожденіе. Сверхъ того въ памятникахъ находимъ нѣкоторыя другія указанія, подтверждающія отчасти слова Аппендини. Поморскій князь Юрій пишетъ Дубровничанамъ (С. № 10): *мы есте властельи нѣда на ны подѣ дрѣка (пойдутъ корабли) заморьска и вѣстѣуьска на нѣшь градъ: тѣда вѣша дрѣка позьгъ (подлѣ) нѣшъ градѣ на ны и мы у томъ нѣшамо гѣтѣ на вы.* Отсюда видно, что Дубровникъ, хотя и былъ независимъ, однако, находясь подъ верховною властію Венеціи, долженъ былъ свои корабли посылать вмѣстѣ съ Венеціанскими на своихъ сосѣдей, которые не были съ нимъ въ войнѣ: только по этой причинѣ Поморцы не сердились на него. Сдѣсь Дубровникъ является невольнымъ союзникомъ. Въ договорѣ съ Михаиломъ Асѣномъ Георгій Марцель такъ пишется: *повѣляемъ. славамога дужа. вѣстѣуькога. князь. града. дубровника. Городъ клянется и за прочихъ князей: ни вѣдутъ по вѣрменскъ. въ дубровникъ. похѣтѣмо. славамога. дужа. вѣстѣуькога, клянется такъ: И ми. и дѣтѣцѣ. наша... всѣ. снѣ. принисамъ. да нѣмамо. и хѣмо. дрѣжати. сѣслоуце. клятѣтѣ. и похѣтѣ и служеѣ. ков сѣмо. дрѣжани (обязаны) унишати. гѣв. дужѣ. и оубинѣтѣ. вѣстѣуьков.* (С. № 16). О той же клятвѣ дожу и общинѣ Венеціанской говорятъ судьи Дубровничскіе, заключая договоръ съ Радославомъ Хлумскимъ (С. № 19). Душанъ, давши Дубровнику хрисовулъ, въ 1349 году (С. № 43), велѣлъ изготовить три списка: одинъ оставилъ у себя, другой положилъ въ Венеціи у дожа, третій отдалъ Дубровнику; но ничего этого уже не находимъ въ хрисовулѣ Уроша V, 1357 года (С. № 50), списанномъ съ хрисовула Душанова: видно, такое распоряженіе было не нужно. Дѣйствительно, по однимъ, въ этомъ же году (1357), по другимъ въ 1370 году, Дубровникъ перешелъ подъ верховную власть Угорскихъ королей. Вѣроятнѣе всего, это случилось вскорѣ послѣ 1358 года. Вотъ что говоритъ объ этомъ Туберъ: *Etenim Ludovicus rex, ex quibusdam maritimae Dalmatiae urbibus Venetos expulisset, quingentos duntaxat aureos, annui census nomine, Ragusanos pendere jussit, caetera liberos et suis legibus in perpetua tum Hungarorum soci-*

¹ Т. I., ч. II, кн. I, гл. II. Рация несправедливо относить къ XII ст. (1122 г.) введеніе Венеціанскихъ ректоровъ въ Дубровникъ. Енгель (Gesch. d. Freist. Rag., стр. 77) дѣлаетъ ему справедливое возраженіе, имѣя въ виду также Le Bret и Гебгарди, занимававшихъ у него это мѣстѣе безъ повѣрки.

² Эти два имени выставлены по почтенному; сначала въ грамотѣ было написано что-то другое.

etate, in qua ad hanc diem integerrima fide permanserunt, aetatem agere permisit¹. Завоеваніе Далматскихъ городовъ окончено Людовикомъ, какъ извѣстно, въ 1358 году, въ которомъ и состоялся знаменитый миръ съ Венеціанами. Енгель принимаетъ для этого 1358-й годъ². Заключая договоръ съ королемъ Тврѣткою, въ 1387 году (С. № 77), Дубровничане ясно выражали свою покорность Угорской королевѣ Маріи, даже во время ея плѣна. *Остакнѣши и сѣхранивъши взръ и усть, племнѣти маме госноги кралице марѣи згрѣске: — вотъ подѣ какишъ условіемъ обѣщали они дружбу ея врагу, Тврѣтку, и объявили ему, что если королева Марія, избавившись отъ плѣна, станетъ преслѣдовать его, то они не скроютъ его въ своемъ городѣ и даже не впустятъ въ свои стѣны съпротивѣть усть и взръ гѣге маме племнѣти кралице марѣи згрѣске. Если въ послѣдствіи мы видимъ, что Дубровничане платятъ дань Турецкимъ султанамъ, то это они дѣлаютъ для того лишь, чтобы обесоружить Турокъ и получить право торговли въ ихъ земляхъ. На самомъ же дѣлѣ, они постоянно остаются подѣ верховнымъ покровительствомъ Угрии до самой Мугачской битвы (1526).*

Нѣкоторые Венеціанскіе историки, въ томъ числѣ Лучичъ (Люцій), хотѣтъ доказать, что Дубровникъ былъ подчиненъ Венеціи, какъ городъ подвластный и зависимый. Но для этого нужно было завоевать его, а онъ никогда не былъ завоеванъ Венеціею. Такъ, добровольно онъ не могъ покориться Венеціи, если и слабѣйшіе Далматскіе города не покорялись ей безъ упорнаго сопротивленія: мы знаемъ знаменитую осаду Ядра въ 1345 году и отчаянное сопротивленіе ея жителей. Дубровникъ присягалъ только на союзъ съ нею и, избирая въ свои князья ея графовъ, тѣмъ самымъ защищалъ себя отъ ея нападеній. Въ Угрии онъ нашелъ достойную ей соперницу, а потомъ, когда Турки потрясли могущество Угорской, а вслѣдъ за тѣмъ Австрійской державы, онъ поддался подѣ покровительство Турціи.

Дубровникъ не зависѣлъ ни отъ Сербскихъ, ни отъ Боснійскихъ королей, но платитъ имъ ежегодную дань, вѣроятно, за земли, которыми владѣлъ. Въ послѣдствіи сюда могли присоединиться и другія статьи, на пр., право торговли, капиталы, залогъ и т. п. Дань была не всегда одинакова. Владиславу Дубровникъ обязался платить ежегодно 1000 перперовъ и 50 локтей скарлату неподдѣльнаго (унстога) и червленаго, какой онъ самъ изберетъ; половиину, т. е., 500 перп., платитъ тотчасъ, потомъ 50 локтей скарлату и наконецъ, къ Рождеству (до вѣника), остальные 500 перп. (С. № 3). Милутину платилъ 2000 перп. на Дмитровъ день (С. NN № 24, 31). По свидѣтельству Аппендини³, эту дань они уже платили Урошу I за право торговли и пользованія Сербскими землями. Та же дань платилась, вѣроятно, царямъ Душану и Урошу V. Въ междуцарствіе, по смерти Вукашина до вѣнчанія на царство Лазаря, Юрій Балшичъ, въ 1372 г., 30 ноября, овладѣлъ частью Приморья и требовалъ себѣ за нее дани, присовокупляя: *(а)ко бѣде господарь оконзи земли приморскон комъ и около дубровника да ми даю вѣтеле дубровуки доходькъ яколи не бѣде да посла за нѣ (дѣла съ ними) не имамъ ми едмога за доходькъ. Онъ не зналъ, будетъ ли еще кто царемъ въ Сербіи, и по тому писалъ надвое: и ако тко бѣде црѣ гнѣ срѣлѣ и вѣтеле и земли српскон да нѣ съ дръжани вѣтеле дубровуки*

¹ Schwandt. Scriptores rerum Hungaricarum, т. II, стр. 96.

² Gesch. d. Freist. Ragusa, стр. 128 и слѣд.

³ Т. I, стр. 282.

дати имъ доходна вѣнчаницаго (С. № 64). Слѣдовательно, онъ завладѣлъ тѣми самыми Сербскими землями, которыя, какъ смежныя, были уступлены Дубровнику за 2000 перп., что и называлось «Сербскимъ доходомъ»; но онъ завладѣлъ ими на время и ни мало не думалъ отстаивать ихъ противъ будущаго царя, а по тому и писалъ, что если въ Сербіи будетъ царь, а онъ уже не станетъ владѣть этѣми землями, то и Дубровничане не обязаны давать ему уреченнаго дохода. Дѣло окончилось тѣмъ, что Дубровничане получили отъ Юрія небольшую часть его владѣній, бывшихъ его собственностію, и платили ему какую-то дань, по чему Балша, братъ Юрія, писалъ въ своей грамотѣ, 1379 г., 20 ноября: а мз даю и мз крику рѣки да плакию како . сз плакили при вѣнотѣ брата мога гѣдъ гюрги (С. № 67). Между тѣмъ еще въ 1378 году, а можетъ быть и ранѣе, весь Сербскій доходъ, 2000 перп., перешелъ къ Боснійскому королю, Тврьтку. Въ 1378 году, 10 апрѣля, Тврьтко писалъ въ своей грамотѣ (С. № 66): да даю краљевствени доходъ сръбски по змионъ кон сз двѣдди госпуде сръбскон. такожѣ да даю краљевствени ѡ всякомъ приходѣмъ дмитроке диеви. ѡ тисцихъ пѣни. ѡвѣзми вѣтѣѡ и закономъ и шлунномъ. доколе дръжи и господи краљевствени ѡвомзи земаѡ приморьскомъ трѣншѣ и конавлами и драчевиномъ.... И ца богъ не даи и салуисѣ иткою крѣи и не бѣде сплаци земаѡ ѡ ѡблѣ краљевствени трѣниѣ и конавли и драчевице. Воли краљевствени не съкрыши и не ѡиради ишѣрѣуѣнога и не плати трѣцѣ годѣ не ѡбѣкарлати влѣдѣни или нагѣи нѣхъ иткою утѣта за ѡмѣ доходѣкъ да краљевствени не имл питати ѡдинѣхъ ѡнога дохотка никто ни по краљевствени не ѡни да сз дръжми двѣати. Вотъ основное положеніе, на которое должно упираться всякое изслѣдованіе о Сербскомъ доходѣ или дани, платимой Дубровникомъ сначала Сербіи, потомъ Босніи. Отсюда мы заключаемъ: 1) земли, за которыя Дубровникъ вносилъ дань, были: Конавле, Требине и Драчевица, смежныя съ его округомъ: въ нихъ онъ воздѣлывалъ для себя поля и виноградники; 2) такъ какъ этѣ земли перешли отъ Сербіи къ Босніи, то, вмѣстѣ съ ними, и дань, 2000 перп., перешла отъ Сербскихъ владѣльцевъ къ Боснійскимъ: отъ того Тврьтко отказывается отъ дохода, если не будетъ владѣть этѣми землями; 3) хотя собственно дань платилась за земли, но всегда, нераздѣльно съ землею, Дубровникъ пользовался еще правомъ дружбы и свободной торговли и вносилъ дань какъ бы и за это право: отъ того Тврьтко, отказывается отъ дохода еще въ слѣдующихъ случаяхъ: а) если онъ, Тврьтко, не заплатитъ Дубровницкимъ купцамъ за убытки, которые могутъ быть имъ причинены вассліемъ въ его земляхъ; б) если онъ не защититъ Дубровника и его владѣній отъ враговъ, разбойниковъ и т. п.; и, въ слѣдствіе того, в) если Сербскій доходъ понесетъ какой либо ущербъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что главныи основаніемъ дохода, получаемого съ Дубровника, были земли, а потомъ право дружбы и свободной торговли. Все количество дохода простиралось до 2500 перп., изъ коихъ 2000 перп., за Конавле, Требине и Драчевицу, вносились въ день св. Димитрія, а 500 перп., за Стовъ, вносились въ день св. Власія. Эту дань, 2500 перп., постоянно выговариваютъ себѣ въ подтвердительныхъ грамотахъ короли Остоя (С. № 85), Стефанъ Остоичъ (С. № 95), Тврьтко II (С. № 103), Ѳома Кристичъ (С. № 136) и Стефанъ Томашевичъ (С. № 150); короли Тврьтко I (С. № 66) и Дабыша (С. № 81) не упоминаютъ о 500 перп., вѣроятно, по тому, что они составляли особую дань за Стовъ; но что эта дань получалась по прежнему, видно изъ того, что король

Остоя употребляетъ ее въ уплату долга, оставшагося у Дубровника на покойномъ королѣ Тврткѣ (С. № 38). По Аппендини¹, Дубровникъ началъ платить дань Портѣ съ 1442 года, при султанѣ Мурадѣ, за то, что оказалъ защиту скитавшемуся тогда деспоту Юрію. Енгель находитъ гораздо ранѣе слѣды этой дани. По его разысканіямъ, Дубровничане обѣщали за право Левантской торговли платить 500 черв. наследнику умершаго въ Бруссѣ Оркана (1359), Мураду; потомъ возобновили свою дань при Баязидѣ (1399) и Магомедѣ (1414), при чемъ получили подтвержденіе старыхъ и новыхъ торговыхъ права не только въ Азіятской Турціи, но и въ Турецкихъ владѣніяхъ въ Европѣ. Въ 1445 г. дань была увеличена до 1000, въ 1451 до 1500, въ 1454 до 5000, въ 1471 до 8000, а въ 1474 до 10000 черв.² Въ 1480 году султанъ Магомедъ II объявлялъ своею грамотою (С. № 168), что за землю, державу и баштину, за всѣхъ людей на сушѣ и островахъ, за городъ и замки Дубровничане платили ему доселѣ 10000 черв. харача и за гюмурукъ (пошлину, царину) 2500 черв., всего 12500 черв.; но что отселѣ навсегда должны платить ему еще 2500 черв., всего 15000 черв. Болѣе этой платы не смѣлъ требовать съ нихъ никто, ни санджакбегъ, ни субаша, ни кадія, ни другой какой рабъ его Султанскаго Величества. Изгнаннымъ Турками воеводамъ св. Савы и знатѣйшимъ Хлумскимъ боярамъ Дубровникъ отпускалъ немалое количество денегъ на содержаніе (провиантъ), какъ видно изъ различныхъ, дошедшихъ до насъ, расписокъ (С. NN № 162, 169, 170, 171). Деспоты уже не получали дани съ Дубровника; иначе они не преминули бы упомянуть о ней въ своихъ грамотахъ. Только доходъ отъ Стона, 1000 перп., постоянно платился Дубровникомъ Ерусалимской церкви св. Архангеловъ по завѣщанію Сербскихъ царей. Конечно, была у Дубровника особая сдѣлка съ Боснійскими королями, царемъ Лазаремъ и деспотами Сербскими, сдѣлка, намъ неизвѣстная, по которой онъ вносилъ за Стонъ 500 перп. Боснѣ и 1000 перп. въ Ерусалимъ. О послѣднемъ вносѣ я сейчасъ скажу.

Желая упрочить доходы извѣстныхъ церквей, или монастырей, или своихъ родичей, Сербскіе владѣтели назначили имъ ежегодную сумму изъ Дубровницкой дани. Богатство и независимость города внушали довѣріе къ его капиталамъ и прочности залоговъ. Такъ, уже Душанъ изъ своего дохода, получаемого съ Дубровника, назначилъ ежегодно на праздникъ Пасхи 500 перперовъ Ерусалимской церкви св. Архангеловъ Михаила и Гавріила (С. № 35), и еще 500 перперовъ платы за Стонъ назначилъ храму Богородицы Синайской, какъ видно изъ подтверждающей грамоты Уроша V 1357 года (С. № 47). Самъ Урошъ V къ упомянутому доходу Ерусалимской церкви св. Михаила приложилъ, въ 1358 году, отъ себя еще 500 перп., получаемыхъ съ Дубровника, съ тѣмъ, чтобы они вносились ежегодно на Дмитровъ день. Такимъ образомъ Дубровникъ долженъ былъ платить ежегодно, въ два срока, 1000 перп. до тѣхъ поръ, пока владѣлъ Стономъ. Если же опустѣетъ церковь св. Михаила, то онъ вносить этѣ деньги Сербскимъ Аѳонскимъ монастырямъ, находящимся подъ вѣдѣніемъ монастыря пресвятой Богородицы Хиландарской, и монастырю св. Георгія, именуемому св. Павла (Г. А). Въ послѣдствіи этотъ доходъ получала султанша Мара, какъ видно изъ ея расписки 1470 года, 4 ноября, данной Дубровнику въ полученіи 500 перп. динарами Дубровничскими

¹ Т. I, стр. 361.

² Engel, Gesch. d. Freist. Ragusa стр. 144, 150, 156, 171, 172, 175, 187.

или 147 червонцевъ по тогдашней стоимости одного червонца въ 41 динаръ (С. № 165), и уже отъ себя послала деньги въ Ерусалимъ. Въ 1479 году, 15 апр., по причинѣ запустѣнія храма свв. Архангеловъ и въ силу завѣщанія Уроша V, царица Мара перевела Дубровницкій доходъ въ Аѳонскую гору вышеозначеннымъ монастырямъ. По этому случаю она послала отъ Хиландара и св. Павла двухъ честныхъ монаховъ къ Дубровничанамъ, съ которыми они и учинили съглагъ заради вѣрованія, именно червонецъ, разсѣченный на трое (Г. Б). Около 1500 года въ Порту прибыли послы отъ Аѳонскихъ Сербскихъ монастырей съ жалобою, что Дубровничане, плативши имъ нѣсколько лѣтъ доходъ, по распоряженію царицы Мары, вдругъ перестали платить его, и уже нѣсколько лѣтъ не платятъ, по тому что «одна жена нѣкимъ волхвованіемъ уничтожила этотъ обычай». Визирь султана Баязида, выслушавъ ихъ жалобу, послалъ грамоту Дубровничанамъ, убѣждая ихъ платить по прежнему дань Аѳонскимъ монастырямъ и грозя, въ случаѣ вторичнаго прихода въ Порту Аѳонскихъ пословъ, допустить этихъ послѣднихъ прямо предъ лицо Султана (С. № 173).

Кромѣ обычной, установленной дани, Дубровничане давали дары приходившимъ къ нимъ знаменитымъ гостямъ. Въ часто употребляемыхъ выраженіяхъ «почетъ и послуженіе», которыя Дубровничане оказывали своимъ гостямъ, должно разумѣть отчасти и дары. Такъ Стефану Дечанскому они поднесли 8000 перп. и ими многие потребности быстислаши (С. № 37). Жупанъ Санко жалуется, что городъ не почтилъ его дарами: и то добръ вѣсти да съмъ приходилъ прѣдъ вашъ градъ вѣ двацѣ мѣста ми до мѣсе сѣкне поутѣнитъ зупинанъ (С. № 79). Остоя вспоминаетъ о дарахъ, которыми почтили его Дубровничане при его пришествіи къ нимъ (С. № 84). Кромѣ того, Дубровничане имѣли обыкновеніе отправлять своихъ пословъ съ дарами, особенно когда испрашивали подтвержденіе своимъ правамъ и льготамъ. О такихъ дарахъ владѣтели всегда отзываются съ благодарностію и называютъ ихъ «многочѣнными и почетными»¹.

Торговля была главнымъ занятіемъ Дубровника: ею прибрѣталъ и поддерживалъ онъ свою силу, богатство и независимость; чрезъ нее возвысился онъ надъ прочими Далматскими городами и снискалъ себѣ общее уваженіе. За то онъ высоко цѣнилъ торговлю, которую отправляли не только горожане, но и благородные. До насъ не дошли всѣ его торговые договоры; но уже изъ дошедшихъ можемъ видѣть, какъ дорожилъ онъ торговыми льготами; даже во всѣхъ политическіе договоры онъ вставлялъ торговые условія, и при каждомъ удобномъ случаѣ повторялъ ихъ.

Главнымъ основаніемъ всѣхъ торговыхъ условій было право свободной и безопасной торговли. Въ этомъ случаѣ грамота бана Кулина, 1189 года, 29 авг. (И.), служить какъ бы образцомъ для всѣхъ прочихъ подобныхъ сдѣлокъ: *всѣмъ дубровчанамъ: — писалъ Кулинъ — крѣе ходо: но могомъ владанню трыгуюкѣ: годѣ си што: хове: крѣлати (имѣть пристанище): годѣ си што мниѣ: правокъ: вѣрокъ: прѣчимъ срьдѣчимъ: дръжати в: безъ вьсаковъ зледи: разкѣ цо ми што: да своѣмъ колехъ покломъ (подарокъ): и да имъ не будѣ: да монхъ: устьиникомъ: сплѣ: и доволя: з мнѣ вѣдѣ: дати имъ свѣатъ: и помокъ: калорг: и свѣт: поличоръ мого: вѣдѣ вьсѣга: злого примысли. Сдѣсь въ краткихъ словахъ выставлены почти*

¹ Ср. С. NN 49, 50, 95, 97, 100, 103, 120, 133, 150 и мн. др.

всѣ условія, какія встрѣчаемъ въ другихъ торговыхъ договорахъ; а именно: земли владѣтелей открыты для Дубровничанъ; ихъ купцы могутъ свободно и невредимо стоять, ходить и проходить по землямъ, торгамъ, городамъ, селамъ и дорогамъ союзника и пріятеля, продавать и покупать гдѣ и что хотятъ. (С. NN^о 1, 2, 4, 5, 14, 19, 20, 23, 24, 25, 28, 29, 36, 42, 44, 45, 50, 54, 55, 60, 66, 67, 70, 71, 73, 80, 82, 90, 91, 100, 111, 113, 129, 132, 144, 145, 168^а). Это условіе распространялось иногда обратно и на Дубровникъ, впрочемъ очень рѣдко, именно въ договорѣ съ Михаиломъ Асѣномъ, 1253 г., 15 іюня (С. N^о 16), и Хлумскимъ жупаномъ Радославомъ, 1254 г., 22 мая (С. N^о 19). Вѣроятно, Сербскіе владѣтели, не понимавшіе еще важности торговли и не выдавшіе ея въ своихъ земляхъ, не считали это условіе нужнымъ: гдѣмъ не менѣе Дубровникъ былъ всегда открытъ для ихъ подданныхъ. Дубровничане ставятъ нѣкоторыя ограниченія въ двухъ упомянутыхъ договорахъ. Българскіе купцы могутъ покупать всѣ потребные для нихъ товары: золото, серебро, золотые сосуды, свиты, и все прочее, кромя пшеницы, которую не могутъ вывозить изъ города безъ позволенія князя. Дубровникъ былъ богатъ предметами роскоши, особенно благородными металлами, доставляемыми большею частію изъ Босны. Но хлѣба, какъ въ Дубровникѣ, такъ и въ другихъ Далматскихъ городахъ, было мало. Своего хлѣба не доставало на самое короткое время, и жители должны были привозить его не для торговли, а для собственной потребности: отъ того въ статутахъ разныхъ приморскихъ городовъ видимъ постоянное запрещеніе вывоза хлѣба; города спорятъ между собою о правѣ покупки хлѣба и, подчиняясь Венеціи въ 1420 году, выговариваютъ право свободного закупа хлѣба для собственного употребленія¹. Такъ и Дубровничане, хотя, по словамъ Рацин, у нихъ и было иногда обиліе въ привозномъ хлѣбѣ, боялись, однако, его дороговизны и запрещали вывозъ его. Въ договорѣ съ Радославомъ Дубровничане отворяютъ свой городъ его людямъ по старому закону; онъ и люди его могутъ закупать у нихъ всякій товаръ, но не могутъ продавать и дарить закупленныхъ товаровъ врагу. Въ это время они были въ разири съ Урошемъ I.

Въ нѣкоторыхъ грамотахъ находимъ извѣстіе о товарахъ, которые требовали ближайшаго опредѣленія. Въ гр-ѣ Уроша I (С. N^о 22) сказано, что Дубровникскимъ купцамъ да не виматемъ (се) безволатъ месо кзпн: или браве. или скинини. или краѣво или уне годъ. ни мале ни вланкз кзпню; но если будетъ продаваться королевское мясо, то да се здруумъ (объявится) по ксмиъ тръгъ. да не продаю ни кзпню меса. доколъ се краѣво прода. Милутинъ позволяетъ имъ продавать въ Бресковѣ, на королевскомъ торгу, вино безъ воды и медъ по уставленной цѣнѣ (зъ зпчамъ, С. N^о 30); Душанъ подтверждаетъ, кажется, то же, говоря и крѣумъ да мосъ (С. N^о 42), т. е. могутъ шинкарствовать въ его владѣніяхъ; въ другой гр-ѣ онъ позволяетъ имъ покупать жито въ его владѣніяхъ; и тому, кто продаетъ имъ жито, нѣтъ притѣсенія (С. N^о 29). Балшичи также позволяютъ имъ покупать у себя, въ Зетѣ жито съ опредѣленною пошлиною (С. NN^о 67, 71). Деспотъ Юрій подтвердилъ прежіе законы относительно продажи и закупки серебра въ Сербіи и свободного его вывоза

¹ NN 113 и 168 даны Турецкими Султанами.

² Рейцъ, Политическое устройство и права прибрежныхъ острововъ и городовъ Далмацин. Историческій и статистическій сборникъ, изданный Д. А. Волуевымъ. Москва 1846. Стр. 89 и 90.

въ Дубровникъ; но исключилъ исподъ этого закона Смедерево (С. № 138). Король Боснійскій, Стефанъ Томашевичъ, позволилъ вывозить изъ Босны серебро що е воламо (не чистое, гламу?) и приказалъ отнимать запрещенное для вывоза сребро неволамо (чистое? С. № 150). Вообще Дубровничане пользовались полною свободою въ выборѣ предметовъ торговли; они могли покупать все и торговать всѣмъ. Въ Боснѣ и Сербіи не было запрещенныхъ для нихъ произведеній: кромѣ другихъ, хлѣбъ и соль были предоставлены на ихъ волю, разумѣется, съ нѣкоторыми ограниченіями. Между торговыми положеніями находимъ одно, которое прямо показываетъ, что Дубровницкіе купцы пользовались преимуществомъ предъ Сербскими. Впрочемъ, это положеніе встрѣчается только въ грамотахъ деспотовъ. Тамъ сказано: и гдѣ стали дубровничане на стану. ако коудѣ оше прько стали на ономзи стану. да ит волаше сребрине стонти безъ нивога хотанѣ долаше оше стон ошдззи (С. NN№ 73, 90, 91, 111, 137). Но не договорено: если Сербъ станетъ первый, тогда что? Подъ «станомъ» должно скорѣе всего разумѣть стояніе купцовъ съ товаромъ на рынкахъ. Кто пришелъ первый, тотъ и занимаетъ выгоднѣйшее мѣсто, станъ, а кто пришелъ послѣдній, тотъ не можетъ стать на томъ же стану, не получивъ позволенія отъ перваго.

Касательно перевоза товаровъ съ одного мѣста на другое, Стефанъ Косача подтвердилъ, что если Дубровничанинъ уговорился съ кѣмъ нибудь о перевозѣ товара, или чего либо другаго, то уже никто другой, ни Влахъ, ни Сербъ, не можетъ сбросить этого товара; но должно ждать, пока товаръ не будетъ доставленъ въ условленное мѣсто. Если какой Хлумскій носильщикъ (поносникъ), или слуга понесетъ товаръ, или представить его въ условленное мѣсто насильно, т. е., отстранить Дубровницкаго перевозчика, то таковой платитъ 50 червонцевъ пени (С. № 144).

Дубровницкіе купцы могли закупать товары у своихъ союзниковъ и нести ихъ въ чужія земли безопасно и невозбранно (С. NN№ 17, 43, 70, 144, 145). Душанъ, сообразно съ обстоятельствами, запретилъ вывозить оружіе въ Бугарію, Басарабъ, Угрію, Босну и Грецію (С. № 43). Боснійскіе короли, владѣтели Травунскіе, Хлумскіе, Зетскіе равнымъ образомъ дозволяли свободный провозъ товаровъ чрезъ свои земли.

Союзники обязывались защищать въ своихъ земляхъ Дубровницкихъ купцовъ, благоприятствовать имъ и подавать совѣтъ и помощь. Тѣло и имущество купцовъ безопасно отъ всякаго насилія. Честники, властели, кефали, земляны и прочіе владущіе, большіе и малые, войско, люди, кметы, отроки и другіе люди, равно какъ и султанскіе подданные не смѣютъ тревожить и притѣснять ихъ, или отнимать у нихъ что либо силою и бесплатно: ни скарлата, ни меду, ни муки, ни иной какой купли (С. NN№ 1, 14, 16, 17, 20, 21, 22, 28, 29, 42, 43, 44, 50, 53, 60, 64, 73, 82, 90, 91, 101, 102, 104, 111, 129, 137, 153, 168). Ни самъ владѣлецъ, ни его родичи не берутъ товаровъ безденежно, но платятъ, какъ и прочіе (С. NN№ 28, 43, 44, 45), развѣ сами купцы тѣмъ поклонятся (С. NN№ 1, 43), и тогда это принимается отъ нихъ какъ честь и даръ. Вѣроятно, объ этихъ дарахъ говоритъ Урошъ I: И да гредѣ съ нами трыгомъ на трыге кралевствами. емше ѡмъ изады дори доскнѣ. а що е мѣда изада да си ю продлю, по земан кралевствами. ходимъ сводомъ (С. № 21). Душанъ, а за нимъ и Урошъ V, въ грамотахъ своихъ (С. NN№ 43, 50) выговариваютъ себѣ дары отъ купцовъ: а мѣда црѣмни приходи з трыгъ. да ме поучитю и мѣдо. екомъ колѣ. како и нѣко цра поутати; но запрещаютъ всякій насильственный

даръ: а посланога дѣла и взѣтнѣ. да имъ шестъ. Дубровницкіе купцы всегда освобождались отъ насильственныхъ даровъ (С. NN^о 22, 28, 71, 91, 137, 145).

Сверхъ того, внутри государства, они избавлялись отъ всѣхъ земскихъ и городскихъ повинностей. Урошъ I пишетъ въ своей грамотѣ (С. N^о 22), что они не ходятъ на конскѣ, и кони ихъ не берутся подъ ризницу, ни подъ другую какую работу; они не строятъ крѣпостей (градъ да не работаю) и не защищаютъ ихъ; дома ихъ не печатаются ни королемъ, ни властелями. Въ грамотѣ Милутина (С. N^о 28) сказано, что съ нихъ не взимается ничего на пшеницу, т. е., на торгу, можетъ быть, за мѣсто. Душанъ въ своей грамотѣ (С. N^о 42) говоритъ, что вѣнгарь не властенъ надъ ними. Деспоты Сербскіе постановляли: и кон се съ доубровчанъ забавинили по нашѣмъ градомъ тѣмъ да зигню (строятъ) градове и да уюкамъ. тво ли соу гостини и изсоу се забавинили да имъ и на воли како имъ годъ (С. NN^о 73, 90, 91, 111, 137).

Ежели въ различныхъ недоразумѣніяхъ судъ окажется недостаточнымъ, а война неизбежною, то купцамъ Дубровницкимъ дается срокъ для свободнаго выхода со всѣмъ ихъ имуществомъ изъ непріятельскихъ земель (С. NN^о 17, 24, 31, 43, 50, 55, 72, 73, 91, 111, 137, 144, 145). При Милутиновѣ срокъ продолжался 3 мѣсяца; при Душанѣ, Урошѣ V и деспотахъ — 6 мѣсяцевъ; въ договорѣ со Стефаномъ Косачею Хлумскимъ срокъ назначенъ въ 3 мѣсяца; Яблановичи Требинскіе даютъ сроку 6 мѣсяцевъ; Балшичи Зетскіе одну недѣлю. Если послѣ опредѣленнаго срока кто изъ купцовъ оказывался въ королевской области, или въ чужой (?) землѣ, то, при Урошѣ I, у него отнимался товаръ (С. N^о 17): конечно, такъ дѣлалось и всегда. Не только о своей войнѣ съ Дубровникомъ владѣльцы увѣдомляли Дубровницкихъ купцовъ, но и о всякой другой опасности (С. NN^о 5, 20).

За то Дубровницкіе купцы обязаны были платить владѣльцамъ торговля деньги, пошлины или царину. На всѣхъ торгахъ вимались пошлинные деньги за право торговли. Онѣ назывались цариною; ихъ платили и Дубровницкіе купцы. Въ этомъ состоялъ главный доходъ тѣхъ земель, гдѣ производили торговлю; и владѣтели твердо стояли за это право. Какъ важна была царина, видно изъ тѣхъ частыхъ постановленій, которыя касаются ея. Но постановленія эти трудно привести въ одно цѣлое; они разсѣяны по грамотамъ и весьма разнообразны. Они безпрестанно измѣнялись, смотря по обстоятельствамъ; и такъ какъ царина составляла важное условіе для той и другой стороны, то каждая сторона хотѣла обратить въ свою пользу. Государственные событія имѣли сильное вліяніе на пошлину; Дубровничане искусно пользовались ими, чтобы уменьшить, или вовсе уничтожить пошлину, платимую за право ввоза, продажи и провоза товаровъ. Принявъ къ себѣ изгнанника Радослава, Дубровникъ испросилъ у него грамоту (С. N^о 2), въ которой, между прочимъ, его купцы были освобождены отъ всякой царины. Но при Владиславѣ царина была восстановлена. Въ грамотѣ своей Дубровничане обязывались платить ему все, что слѣдуетъ по закону, и только въ случаѣ оказанія ему военной помощи, царина не взимается уже въ томъ году съ купцовъ, проходящихъ по его владѣніямъ. Царинникъ королевскій пребываетъ въ Дубровникѣ (N^о 3). При Урошѣ I видимъ то же постановленіе: гдѣ, на какомъ торгу, Дубровницкіе купцы продаютъ товаръ, тамъ и платятъ царину. И изици про шесъ изпаю ако растокари зъ бръскова. да плати царини. ако ли мимо шесъ да гѣ продл. тѣ и царини да плати; тотъ же для нихъ законъ и въ Рудникѣ (С. N^о 22). Относительно купцовъ, проходящихъ въ чужія земли, Урошъ I по-

становилъ (С. № 17), что таковыя купцы должны прежде идти на Сербскіе торги и дать тутъ царину, докодемъ гдѣсьни, а потомъ могутъ и по Сербскимъ землямъ ходить и торговать; если не пожелаютъ стать на торгахъ, то могутъ остановиться гдѣ нибудь по близости, но во всякомъ случаѣ должны платить царину. Кажется, уже Милутинь подтвердилъ (С. № 23), что купцы, минувшіе Бресково, не задерживаются тутъ и не платятъ ничего. Дубровничане старались платить только старья царины, на прежнихъ торгахъ, и по тому жаловались владѣтелямъ, если въ ихъ земляхъ брали съ нихъ новую царину на новомъ торгу. Такъ, при Душанѣ они жаловались, что Дабыживъ поставилъ торгъ въ Требинѣ и беретъ динаръ съ товара (100 окъ) съ купцовъ, идущихъ въ Дубровникъ и изъ Дубровника, и что тази царина не взимала ѿ вѣка ѿможе сѣтъ стѣмъ, по чему Душанъ, вспомнивъ, что этой царины не было при его дѣдѣ, и праѣдѣ, и родителей, повелѣвалъ: да не (вѣтъ) ѿмогзди трѣга на трѣнни. како га и праѣ не было и да не взима дакижнѣ дѣврокъукомъ ни црѣни. да никогда дохѣла ни трѣгоцѣ дѣврокъукомъ ни вѣлахъ ни сръбнѣ да никомъ и кто грѣ в дѣвровникъ изъ (и) дѣвровиниѣ. и есѣци вѣлѣтели кон те стомти (будутъ поставлены) по дакижнѣ да не взима црѣни тежи до вѣка (С. № 40). Но въ другой грамотѣ (С. № 43), подтверждая свое постановленіе относительно Требиня, Душанъ повелѣвалъ: да пѣлимъ еслимъ црѣниъ по зѣкомъ како се дѣвали в родитѣмъ и праѣотѣмъ црѣни. То же повторилъ и сынъ его, Урошь V, въ 1357 г., 25 апр. (С. № 50). Въ 1361 г., 29 сент., Урошь писалъ, что Дубровничане не платятъ тѣхъ царинъ, которыхъ не было у дѣда, и родителя, и предковъ его (С. № 54). Такимъ преимуществомъ пользовались Дубровничане при Неманцахъ. Балшичи простили имъ царину на Дани (С. № 63)¹; но что въ Зетѣ были еще царины, показываетъ другая грамота Балшичей (С. № 64), въ которой прощаются только тѣ царины, которыхъ не было прежде при Балшичахъ и при царѣ Стефанѣ². Еще яснѣе говорятъ Балша Балшичъ и Юрій Стратимировичъ; первый: и трѣгоцѣ кон минѣю в сръбѣмъ на даню да не платѣ ниѣца ни да пѣлѣкѣмъ црѣниъ ни кродоѣмъ конъ вѣсѣ нимѣли зѣкомъ в црѣ Стефана и в торги (Балшича); второй: да нимъ не вѣ на даню црѣниъ ни вѣдѣ. ни ниѣде ниѣде в неѣни зѣмѣли тѣмѣ да е ѿилѣонъ како е было в црѣ в стѣпѣла (С. NN № 70, 71). Очевидно, что въ Зетѣ Дубровницкіе купцы платили только старья царины, т. е., на старыхъ торгахъ и избавлялись отъ новыхъ. За жито они обыкновенно платили пошлины по 2 динара съ мантии (С. № 71). Деспотъ Юрій Бранковичъ повторилъ общее положеніе о царинахъ: гдѣ не было ихъ при деспотѣ Стефанѣ, тамъ не будетъ ихъ и при немъ (С. № 138). Слѣдовательно, царины оставались въ Сербіи при деспотахъ такъ, какъ были искони при короляхъ и царяхъ. По этому деспоты писали въ своихъ грамотахъ: коудѣ соѣ вѣли трѣгоцѣ и сѣлѣнѣ оу прѣкѣ госпѣде и оу црѣ стѣфана тоѣзи да боѣи сѣди, а ниѣде да не боѣдоѣ ниѣде (С. NN № 73, 90, 91, 111, 137). Равномѣрно, отсутствіе постановленій о царинахъ въ Боснѣ при короляхъ и краткое постановленіе Стефана Томашевича: да се взима на нѣ по зѣкомъ прѣка црѣниъ како е было и за прѣкѣ госпѣде краљѣмъ вѣслѣсьнѣмъ (С. № 153) свидѣтельствуетъ, что

¹ Городъ Дани лежалъ гдѣ-то въ Дуклѣ. Объ немъ упоминаетъ Стефанъ Первоначальный въ житіи своего родителя, Немани. См. это житіе у Шафарика въ Памятникахъ (Pamiętniki dziejowego piśmiestwi Jihosłowanu), стр. 8.

² Отсюда видно, между прочимъ, что Балшичи завладѣли частью Сербскихъ земель, смежныхъ съ Зетою, во время междоусобствъ въ Сербіи (1373 г.).

и въ Боснѣ царина оставалась на прежнихъ договорахъ неизмѣнно. Хотя банъ Твртко, доискиваясь независимости и, въ слѣдствіе того, пуждаясь въ Дубровникѣ, учинилъ «милость» Дубровническимъ купцамъ (С. № 65): гдѣ се годѣ взима црнна з владани гѣа бана терѣка да се шигдѣр не взме ни идна црнна на дуброваучномъ ни на умьарѣ да не все скобою ѣдъ всаке црнинѣ и ѣ забавѣ (задержки) колико кон годѣ дуброкуаниши толико дуброваучни конѣ тодино трѣгъ цро не годѣ дуброваучко да с скобою з владани гѣа бана терѣка, однако въ послѣдствіи, сдѣлавшись королемъ, онъ, вѣроятно, постановилъ царину по прежнему. Въ той же грамотѣ (С. № 65), уничтоживъ царину для Дубровническихъ купцовъ, онъ наложилъ пошлину въ 2 динара на товары, привозимые въ Дубровникъ изъ Босны и въ Босну изъ Дубровника людьми бана, т. е., Бошняками. Стефанъ Косача, воевода Хлумскій (С. № 144), Радославъ Павловичъ и дѣти его, владѣльцы Требинскіе (С. NN № 129, 145), подтверждаютъ только старыя царины. Султаны Турецкіе, дозволяя въ своихъ завоеваніяхъ свободу торговли, требуютъ, чтобы платилась законная царина (С. NN № 113, 168). Изъ вышеприведенныхъ грамотъ Уроша I (С. № 17) и Балши (С. № 70) видно, что царина взималась и тогда, когда купцы только проходили съ товарами въ чужія земли: словомъ, она взималась, какъ съ ввозныхъ, такъ и съ перевозныхъ товаровъ. За то купецъ, заплатившій царину за право перевезенія товара въ чужія земли, могъ, если хотѣлъ, продавать этотъ товаръ и на туземныхъ рынкахъ.

Кромѣ торговой царины, въ Сербскихъ земляхъ существовали еще другія пошлины, на пр., десятины, сборы за дороги, броды, мосты, ворота, на перевозахъ, въ городахъ, на сходбищахъ и пр., что все называлось также цариню или данью. Отъ таковыхъ сборовъ Дубровничкіе купцы не были, кажется, освобождены: впрочемъ, молчаніе памятниковъ о предметахъ сбора и частыя выраженія: да ходѣ свободно, безъ забавѣ и пр. можно принимать въ доказательство противнаго. Душанъ, которому не за чѣмъ было прощать того, что было у его предшественниковъ, и который подтверждалъ всѣ старыя царины, въ той же грамотѣ (С. № 43) писалъ: да имсе не взима црнинѣ. на трѣбини. да ни на идномъ пзти, ни на бродѣ. тѣмко всаки да ходи свободно. безъ всаке забавѣ. Трудно рѣшить, въ какихъ отношеніяхъ стояли Дубровничане къ Михаилу Асѣну, когда заключали съ нимъ договоръ (С. № 16) противъ Уроша I; но, кажется, что въ равныхъ, какъ можно заключить изъ взаимнаго обязательства одними и тѣми же условіями. По договору, ихъ купцы были освобождены отъ всякихъ даней: да имъ се. не кзъметъ. нзмьрѣкъ. ни цикирѣ длньѣ ни. въ градѣ. ни на съборѣ. ни въ селѣхъ. ни на мостѣ. ни на рѣкахъ. ни на путѣхъ. Хотя то же условіе было и для Булгаръ въ Дубровникѣ, могшихъ продавать и покупать безъ. въсяко. даньѣ. п да имъ се. не кзъметъ. никорѣ. даньѣ. ни на. кратѣхъ. ни на мостѣ. ни на бродѣ. ни на пзти., однако, очевидно, выгода была на сторонѣ Дубровничанъ. Также точно и Стефанъ, банъ Боснійскій, въ договорѣ съ ними 1249 года (С. № 14), освободилъ ихъ отъ всякой десятины и иной какой либо дани. Но уже то одно, что таковыя пошлины упоминаются въ грамотахъ, хотя бы Дубровничане и освобождались отъ нихъ, указываетъ на возможность ихъ взиманія съ Дубровничанъ. Дѣйствительно, слѣды этого сбора находимъ въ грамотахъ. Балша Зетскій освобождаетъ Дубровническихъ купцовъ только отъ тѣхъ «царинѣ и бродовъ», которыхъ не было при царѣ Стефанѣ (Урошѣ V) и братѣ Балши, Юрин, (С. № 70), слѣдовательно, другія царины и броды су-

ществовали какъ въ Зетѣ, такъ и въ другихъ владѣніяхъ Сербскихъ царей. Султанъ Магомедъ II требуетъ, чтобы Дубровницкіе купцы платили прежнюю законную царину и «бродовщину», т. е., какія были при царяхъ и деспотахъ. Бродовщина, какъ плата за перевозъ и мосты, была однимъ изъ самыхъ важныхъ сборовъ, и по тому грамоты упоминаютъ о ней одной; но вообще обширность понятія, заключавашагося въ словѣ «царина», наводитъ темноту на всѣ изслѣдованія объ этомъ предметѣ. За недостаткомъ данныхъ, трудно рѣшить вопросъ, въ какомъ отношеніи стояли Дубровницкіе купцы къ пошлинамъ, бывшимъ въ Сербскихъ земляхъ? Можно, кажется, не ошибаясь, сказать, что въ обыкновенныхъ случаяхъ, тамъ, гдѣ изъ государственныхъ событій нельзя было извлечь особыхъ выгодъ, Дубровничане платили за право торговли, не только всѣмъ торговымъ царинамъ, но и дорожные сборы наравнѣ съ туземцами. По крайней мѣрѣ, чтобы избѣжать противорѣчій съ грамотою Душана (С. № 43), должно принять, что въ этой грамотѣ сборъ за дорогу и броды относился только къ Требињу, и единственно отъ Требинской царины и бродовщины были освобождены Дубровницкіе купцы, какъ отъ такой, которая не существовала въ прежнія времена. Отъ того, освобождая ихъ особою грамотою (С. № 40) отъ Требинской царины, Душанъ разумѣетъ здѣсь освобожденіе и отъ всѣхъ другихъ Требинскихъ сборовъ, установленныхъ, было, Дабыживомъ: вотъ по чему къ выраженію: да не взима ни црине, прибавлено еще: ни кога дохѣма. Такимъ образомъ мы видимъ, что касательно царины, въ обширномъ смыслѣ, Дубровничане старались, чтобы только прежнія положенія оставались въ силѣ, и настойчиво добивались, чтобы ни въ какихъ другихъ мѣстахъ не взималась съ нихъ купцовъ царина, кромѣ тѣхъ, гдѣ учреждена была искони, въ глубокой древности. Такъ, они заставили своего гражданина, князя Григорія Вукославича, уничтожить царину, поставленную имъ подъ Стономъ на Дубровницкой дорогѣ; и оцъ, узнавши, что въ грамотѣ Елены, супруги Дабыши, запрещено ставить царину предъ Стономъ, на пути въ Стонъ и изъ Стона, слялъ царину и извѣстился передъ Дубровникомъ (С. № 94).

Была еще царина соляная и корабельная. О первой скажу послѣ. О корабельной царинѣ говорится только въ одной грамотѣ, и то весьма неясно, именно въ договорѣ Влатковичей съ Дубровникомъ противъ Стефана Косачи (С. № 141). Влатковичи, получивъ отъ Дубровничанъ право гражданства и ставъ въ раду ихъ союзниковъ, должны были оказать городу какую нибудь услугу. Во первыхъ, они обязались вести войну съ Косачемъ; во вторыхъ, сдѣлали городу уступку относительно корабельной и соляной царины. Такъ какъ они еще прежде обѣщали, что если снимутъ на откупъ корабельную царину, то половину ея отдадутъ Дубровнику, если того пожелаютъ князь и влители, съ тѣмъ, чтобы корабли стояли на прежнихъ мѣстахъ (т. е., въ тѣхъ же пристаняхъ), на что и получили отъ Дубровничанъ грамоту; и такъ какъ теперь, во время войны, въ слѣдствіе различныхъ переворотовъ, сдѣлалось вѣроятнымъ, что Влатковичи, не откупая, получаютъ въ свои руки корабельную и соляную царину, т. е., что имъ достанутся, по праву войны, тѣ мѣста, гдѣ собиралась эта царина: а по тому, не желая измѣнить прежнему договору, Влатковичи обѣщаютъ, что если пріобрѣтутъ безъ откупа, какимъ бы то ни было образомъ корабельную и соляную царину, всю, или часть ея, то, исключивъ свою четвертую долю, половину остальной царины уступятъ Дубровничанамъ. Такая сдѣлка не совсѣмъ понятна; но для насъ важно то, что корабельная царина существовала въ Хлумѣ, и Дубровничане участвовали въ ея откупѣ.

Кромѣ того Дубровничане снимали еще у Сербскихъ владѣтелей соляной откупъ. Этотъ откупъ состоялъ въ томъ, что Дубровничане брались за извѣстную плату продавать соль отъ себя. Выговаривая у Михаила Асѣна (С. № 16) право впредь пользоваться откупомъ на прежнихъ условіяхъ, заключенныхъ съ Сербскими королями, Дубровничане объяснили, въ чемъ состояли эти условія и на какія земли распространялся откупъ. Вотъ ихъ слова: а вѣдомо. де ѿ насъ. соли. коя се. продае. нигде. людямъ. рашкинимъ. позоими ѿ дебитъ (прибыли). да нма. стоти. црско. а другъ. полокниъ. да нма. ѿшкниъ. дюброчкума. како. бшло. въ старъ. законъ... а вѣдомо. ѿ рѣк. дрншкскъ. до претрък. кумергъ (откупъ). сольски. да шесть. на шно мѣсто. раскъ. въ дюброчкинъ. Вѣроятно, на этомъ основаніи Урошъ I писалъ Дубровничанамъ, что они напрасно отказываются платить за часть откупа, снятую монахомъ Никономъ, отзываясь тѣмъ, что будто бы его соль находилась въ чужихъ рукахъ, у Клина Ньрка, т. е., въ означенныхъ предѣлахъ откупа: откупъ Никоновъ стоитъ въ Дубровникѣ, и по тому Дубровничане должны подать или соль, или деньги, (С. № 13). Въ другой грамотѣ (С. № 21) Урошъ I подтвердилъ, что откупъ (соляной) оцтастся на прежнемъ законѣ, какъ было у отца его; но далѣе прибавилъ: Трѣжници ваши да гредѣ на брсково. и дѣкши десетькъ ѿ соли. и потела да си гредѣ краљексталинъ крозѣ мою зѣмѣ. свободоно. а да ки се не узимае ништо, т. е., отъ соли; но царина взиималась сама собою. Это показываетъ, что Дубровничане торговали и солью въ Сербскихъ земляхъ, давши предварительно десятину въ Бресковѣ. Подъ другими условіями сняли Дубровничане соляной откупъ въ Которѣ у Воислава. Они обязались платить ему, въ продолженіи трехъ лѣтъ, ежегодно по 500 дукатовъ золотомъ съ тѣмъ, чтобы его влахи брали у нихъ ежегодно 10000 товаровъ соли; если же не возьмутъ этого количества, то и они не платятъ ему обѣщанной суммы (С. № 41). Годъ начинался съ 25 августа по старому закону (С. № 56). Главнымъ условіемъ откупа есть право одиторговли (монопольи): Дубровничане требуютъ, чтобы нигдѣ не было продажи соли, кромѣ опредѣленныхъ мѣстъ, называвшихся «сланицами». Король Тврѣтко I построилъ въ Драчевицкой жупѣ градъ св. Стефана и поставилъ въ немъ сланицу да вѣдетъ трѣгъ соли продаванѣм. Узнавши объ этомъ, Дубровничане послали къ нему властелина, князя Драгоя, а моле и просѣ да тѣзи в томъ мѣстѣ в градѣ и по ѿшамъ грѣмъ не постави сланице ни да се соль продаж... дѣброчкинъ нма законѣ старѣ съ вѣскимъ рашкинимъ господами да в приморю не вѣде нигдѣре поставленъ нови трѣгъ рѣкѣ на мѣсто гдѣ вѣсть бьмъ поставленъ в прѣвѣ ѿвнуми трѣгъ и мѣста. И Король уничтожилъ сланицу (С. № 68). Также точно Юрій Балшичъ подтвердилъ своею грамотою, да се не продажъ соль нигдѣ нигдѣ тѣмъ како в бшло в црѣ в стѣпана. По мѣстахъ куда се не продавала. (С. № 71). И Сербскіе деспоты утверждали торги и сланицы только на старыхъ мѣстахъ, какъ было при Душанѣ (С. NN 73, 90, 91. 111, 137). Владиславъ, сынъ Стефана Косачи, ставъ противъ отца на сторонѣ Дубровничанъ, позволилъ своимъ людямъ ходить въ Дубровникъ торговать солью и другими товарами, т. е., покупать соль и другіе товары, и обязался не учреждать новыхъ сланицъ: да мѣсамъ колаше—писалъ онъ—ни да могу вчинити гаселъ ѿ продае (продажи) соли нигдѣрѣ в вѣсемъ нашимъ котарѣ разма ѿ оми гди съ царѣдина господа старѣ прѣва босанска и српска а тон есть едно из дрнѣй (судахъ) а дрѣго в дѣброчкинъ третне в котарѣ (въ Которѣ) хетѣрто в зети (въ Зетѣ) в свѣтога сръѣа (Сергія) на воши (С. № 132). Отсюда видна цѣль

Дубровничанъ: увеличить продажу соли и держать ее, по возможности, въ однихъ своихъ рукахъ. Вообще соль составляла важный предметъ дохода, и Дубровничане имѣли отъ нея большія выгоды. Розничная и мелочная продажа требовала большой опытности и большихъ издержекъ на чиновниковъ: отъ того выгодѣе было отдавать ее на откупъ людямъ, свѣдущимъ въ этомъ дѣлѣ, а такими были Дубровничане. Но, кажется, условія, на которыхъ Воиславъ сдалъ имъ откупъ, были тяжелы для народа; ибо вскорѣ изъ грамоты Уроша V (С. № 55) видимъ, что Дубровникъ имѣлъ войну съ Которомъ и, примирясь, Воиславъ подтверждалъ, что дѣйствительно продалъ откупъ Дубровничанамъ за 900 перперовъ (С. № 56). Народъ приморскихъ городовъ обращалъ большое вниманіе на соль. Въ позднѣйшихъ статутахъ Брача видимъ, что извѣстное количество соли должно было продаваться народу съ значительною уступкою противъ обыкновенной цѣны. Также и въ Которѣ, еще во время ея независимости (до 1420 г.), изстари велось, что 608 модіевъ соли должны быть розданы народу (безденежно), а кто, имѣя право на продажу соли, поступалъ не по закону, тотъ платилъ 500 перперовъ пени¹.

Но, сверхъ торговли обыкновенными предметами потребности, Дубровничане занимались еще торговлею рабами. Важное свидѣтельство находимъ въ жалобѣ князя Черномира (С. № 18): *придохъ намъ (и) люди и сие моста ѹбѣна азкнша и докнша (имущество, скотъ) вземше и послахъ къ намъ вратити ми и не дасте вѣщаре въ палу га продасте и пакъ есте други люди три укнше тере жмш и пакъ послахъ къ нѣ (мъ) и не дасте мнхъ въ продасте едѣне хла море а други камо еи хтѣи и пакъ ми есте моста ѹбѣна рѣхотѣ и продасте га.* Въ Далматскихъ городахъ рабство было въ ходу: въ ихъ узаконеніяхъ несостоятельный должникъ объявлялся рабомъ. Хотя въ ихъ округахъ жила земледѣльцы, частію свободные, частію крѣпостные; однако они не считались рабами и входили только въ служебныя обязательства съ господами². Но для размножившихся дворянъ и знатныхъ недостаточно было своихъ подданныхъ, и по тому они должны были покупать рабовъ. Босна доставляла имъ рабовъ въ изобиліи, и даже, когда уже положены были разныя ограниченія этой торговлѣ, то все таки въ Корчулѣ князю предоставлено было полное право купить двухъ, или трехъ *servas pataginas de Вокна*³. Отсюда понятно, по чему въ Боснѣ торговля рабами такъ долго и сильно велась. Различіе религіи и ересь Патареновъ поддерживали ее. Войны и набѣги служили средствомъ къ добыванію рабовъ. Рейцъ приводитъ мѣсто изъ пѣсни о Радославѣ:

*Jer jim ne da robiti kotare,
Ni svlaćiti carkve ni oltare,
Ni prodavat sužnie u Latine.*

Въ нѣкоторыхъ приморскихъ городахъ позволялось покупать для себя рабовъ, но торговать ими запрещалось; въ иныхъ то и другое было дозволено. Особенно въ Которѣ было сильно рабство, какъ видно изъ множества постановленій о рабствѣ въ его узаконеніяхъ⁴.

Дубровникъ, какъ мы видѣли, пользовался общимъ довѣріемъ, которое основывалось какъ на его богатствѣ и независимости, такъ и на твердости его до-

¹ Рейцъ, въ Сборникѣ Валуева, стр. 43.

² Рейцъ, тамъ же, стр. 94, 131.

³ Рейцъ, тамъ же, стр. 32.

⁴ Рейцъ, тамъ же, стр. 123, 129.

говорить. Между тѣмъ Турки, разбивши и предавъ смерти на Косовомъ полѣ послѣдняго Сербскаго царя, Лазаря, подчинили Сербію своей власти, оставивъ ея деспотамъ только тѣмъ независимости; они грозили также недавно образовавшемуся королевству Босны. Страхась за свою будущую участь, деспоты и владѣльцы Боснійскіе спѣшили положить въ Дубровникъ на сохраненіе часть своего имущества, драгоценныя вещи и деньги. Мы имѣемъ множество грамотъ, относящихся къ подобнымъ вкладамъ. Деспоты и родичи ихъ, Вукъ Бранковичъ съ дѣтьми, деспотъ Юрій Бранковичъ, воеводы Хлумскіе, Сандалъ съ супругою, Еленою, и Стефанъ Косача, владѣльцы Требинскіе, Радославъ Павловичъ и сынъ его, Иванишъ, и бояринъ ихъ, Браилъ Тезаловичъ, оставляютъ въ Дубровникъ вклады для себя и своего потомства. Нѣкоторые вклады они сами взяли обратно, но большую часть вкладовъ уже получили ихъ наслѣдники. За то, по мѣрѣ увеличенія количества обратныхъ требованій на прежніе вклады, сокращалось число новыхъ вкладовъ; наконецъ мы видимъ, что наслѣдники только получаютъ завѣщанныя имъ и сохраненныя въ Дубровникъ сокровища, но уже сами не дѣлаютъ вкладовъ— печальное слѣдствіе Турецкаго ига. Обыкновенно или сами владѣльцы лично, или, по большей части, черезъ своихъ посланныхъ, приносили Дубровничанамъ вклады и принимали отъ нихъ расписку въ полученіи. На оборотъ, за полученіемъ вкладовъ владѣльцы могли являться или сами лично, своимъ иномъ, или присылать своихъ повѣренныхъ съ грамотами за своею печатью и подписью. Дубровничане получали расписку въ удостовѣреніе того, что требуемый вкладъ возвращенъ споина. Изъ грамотъ видно, что Дубровничане въ этомъ случаѣ поступали весьма честно и никогда не было на нихъ никакой жалобы за утайку вклада. Получая вкладъ, они клялись, что онъ ни въ какомъ случаѣ не погибнетъ, но будетъ отданъ кому слѣдуетъ. Такъ, когда умеръ Стефанъ Косача, а сыновья его не являлись къ нимъ за отцовскими вкладомъ, они писали: тогда ми Кнезь ѡбрани и Властеле дубровауци хотѣе по нашій пркитъхъ поутиѡ ѡбнулю свакомъ илше правъ показати ка прѣлашью рѣуѡга поклада зъ илше комъхъ примисѡ га зберисѡ и измѣрисѡ прѣдъ егѡ поутиѡи гѡѡ митрополитѡ гѡѡмъ даянѡ прѣдъ вѣшнимѡкамнимъ вѣтѣзѡмъ и коморникѡмъ кнезѡмъ приславѡ прѣдъ крстиниѡ твѣрдиславѡ прѣдъ крстиниѡ укрѣтѡ и прѣдъ поутиѡи кѡрникѡ кнезѡ радѡѡ крѣтунновѣѡмъ. И на тѡ ка сва кнеѡ рѣѡ и зписанѡ ми кнезь и властеле дубровауци рѡтисѡсе и закласѡ на свѣтѡ еклигелню бжѣе и на уаснѡ крстѣ да илми не ѣе ка мамѡ прѣтѣ спѡкѡѡ рѣѡга гѣа херѣга стѣпана ми илше комъ се цѡ зспристон по тестаментѣ кнеѡ писанѡ. И за вѣрѡвляѡѡ ѡкоган листа повѣлѡсе и поутиѡти илшеѡ поутиѡ вѣрѡвляѡѡ кнеѡѡѡ (С. N^о 157). Такова была обычная присяга вклада. Но съ другой стороны, при возвращеніи вклада, они наблюдали величайшую осторожность. Они требовали самыхъ вѣрныхъ доказательствъ, какъ въ подлинности грамоты, такъ и въ правѣ полученія вклада. Особенно осторожно дѣйствовали они въ случаѣ прекращенія прямой наслѣдственной линіи. Сандалъ со всею подробностію означилъ, кому и сколько слѣдуетъ получить изъ его вкладовъ въ случаѣ бездѣтной его смерти (С. NN^о 108, 112, 115). Когда умеръ Браилъ Тезаловичъ, иначе Михоевичъ, и племянникъ его, Юрій Богишичъ, просилъ о выдачѣ себѣ вклада, то Дубровничане приказали своимъ посланъ спросить свѣдущихъ людей о родствѣ Браила. Девять свидѣтелей поклялись, что служили и дворили вмѣстѣ съ Браиломъ и

его братією при дворѣ Радослава Павловича и знаютъ весь его родъ. По ихъ словамъ, всѣ братья, сыновья и дочери Браила померли; оставались три племянника отъ меньшаго брата, Богиши, по прозванью Хвала, но двое изъ нихъ умерли и одинъ, Юрій Богишичъ, иначе Хваловичъ, остался единственнымъ законнымъ наследникомъ родового вклада (С. № 156). Таково было удостовѣреніе въ законности предложеннаго требованія.

Разсматривая драгоценныя вещи, составлявшія вклады, мы удивляемся ихъ богатству и великолѣпію. Между ними находимъ разныя украшенія и утвари: вѣнцы, поясы, сосуды, чаши, блюда, лжицы, свѣчники и множество другихъ вещей, изъ коихъ одѣ были сдѣланы изъ чистаго золота, другія изъ серебра съ позолотою и украшеніями изъ жемчуга и дорогихъ разноцвѣтныхъ камней и пр. Не безъ причины можно думать, что если не всѣ, то большая часть этѣхъ вещей была куплена у Дубровничанъ. По свидѣтельству Аппендинга¹, еще задолго до бана Кулина Дубровникъ получалъ драгоценныя металлы изъ Сербіи и преимущественно изъ Босны. Боснійскіе и Сербскіе рудники изобиловали металлами; въ большомъ множествѣ доставляли они серебро, спѣшанное съ зернами золота и называвшееся «гламою». Около 1400 года въ Дубровникѣ до того размножились золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастера, что принуждены были селиться по деревнямъ. Особенно изобильны были для Дубровника Сербскіе рудники въ Новомъ Брьдѣ, Яновѣ и Кратовѣ, уступленіе ему деспотомъ Юріемъ за 200000 черв. ежегодной платы. Дубровницкіе золотопромышленники съ необыкновеннымъ искусствомъ умѣли извлекать изъ гламы крупинки чистаго золота, и современники, Bertrand de la Broquière, Felfus и Philippus de Diversis, изумляются богатству драгоценныхъ металловъ, находившемся въ Дубровникѣ². Въ нашихъ грамотахъ XV столѣтія, серебро, спѣшанное съ золотомъ, продолжаетъ называться «гласкимъ» въ противоположность «бѣлому» или простому, чистому серебру; впрочемъ, кромѣ двухъ позднихъ грамотъ Стефана Томашевича и деспота Юрія, мы не имѣемъ никакихъ другихъ указаній относительно права торговли драгоценными металлами. Первый позволялъ вывозить изъ Босны серебро боламо (нечистое?), и запрещалъ вывозъ серебра неодама (чистаго?): да ѡсада на прѣда про би годи нихъ трговецн или нихъ слѣга сребра носни измашга рвслга з дубровникъ или нивда кда нмъ драго що би се годи нашло з кога нихъ трговецъ или слѣга Сребра не болама да мз се не шоре (можетъ) нмо узети сребро него (какъ только) ѡ воанно само колнико се шиде сребра неодама а ѡномъ що в боламо да понесе на слободиз или мз з дубровникъ или нивда кда мз драго безинедиз забаве краицкьстамн или кластеѡ монхъ и ни власникъ ни царника шшихъ (С. № 150) Второй подтвердилъ за изпокчиѣ сребра и тргованѣ по згмни господствани, ѡсвяти смидерка, и износити слободно з дубровникъ (С. № 138).

Не только драгоценныя вещи, но и деньги, слитки золота и серебра, мѣшки жемчугу отдавались на сбереженіе въ Дубровникъ. Изъ грамотъ нельзя съ достовѣрностію узнать, всѣ ли деньги принимались городомъ подъ условіемъ возвращенія съ ростомъ. Такъ какъ при вкладѣ денегъ, въ одномъ случаѣ упоминается, въ другомъ не упоминается о ростѣ, то, кажется, пользуясь обстоятельствами, Дубровничане брали деньги подъ видомъ сбереженія просто безъ роста. Но въ грамотахъ есть и прямыя указанія, что въ нѣкоторыхъ

¹ Т. I., ч. II., кн. I, гл. X.

² Engel, Gesch. d. Freist. Ragusa, стр. 163.

случаяхъ Дубровничане брали деньги въ ростъ (на докѣтѣ). Такъ брали они у Сандама и Радослава Павловича (С. NN^о 107, 114, 127, 128, 139). Обычнымъ ростомъ было пять на сто (пять помантинара). Радославъ Павловичъ, уступивъ Дубровничанамъ свою часть въ Кенавль, получилъ позволеніе положить въ ихъ городъ 10000 червонцевъ по 5% съ тѣмъ, что если захочетъ взять эти деньги обратно, то долженъ дать знать о томъ впередъ за два мѣсяца. Видно, что такой вкладъ былъ выгоденъ для Дубровника, по тому, что Дубровничане, въ другомъ договорѣ съ Радославомъ, имѣя перевѣсъ на своей сторонѣ, обязали его не брать этихъ денегъ изъ ихъ общины ранѣе двухъ лѣтъ; или, быть можетъ, они хотѣли чрезъ то ослабить его враждебные замыслы. Тѣмъ не менѣе они позволили ему и впредь дѣлать подобныя денежные вклады.

Съ своей стороны Дубровникъ давалъ деньги займамъ Боснійскимъ (и другимъ) владѣльцамъ. Такъ, Остоя предоставляетъ 500 перп. дохода со Стона въ уплату долга, 2550 черв., сдѣланнаго Тврткомъ I (С. N^о 83). Стефанъ Томашевичъ уплачивалъ долгъ Твртка II, 209 литръ и 4 унціи серебра, изъ 2500 перп. обычнаго Сербскаго дохода (С. N^о 152). Долгъ своего отца, Томы, онъ обѣщалъ уплатить изъ своей казны (С. N^о 151). Владиславъ Стефановичъ (С. N^о 74) и сынъ его, Балша (С. N^о 171), воеводы св. Савы, брали деньги займа у Дубровника, первый подъ обезпеченіемъ вклада, сдѣланнаго Сандамомъ, второй—своего годичнаго содержанія.

Наконецъ, въ заключеніе, мы должны сказать еще нѣсколько словъ объ употребленіи денегъ. Къ сожалѣнію, грамоты доставляютъ весьма скудныя извѣстія. Мы только знаемъ, что всѣ свои торговые счета съ сосѣдними Сербскими землями Дубровничане вели на Дубровницкіе перперы, которые стоили то же, что и Венеціанскіе: по этому въ грамотахъ, писанныхъ въ то время, когда Дубровничане управлялись Венеціанскими графами, иногда встрѣчается счетъ на перперы Венеціанскіе. Что эти послѣдніе равнялись цѣнностію Дубровницкимъ, видно изъ того, что въ грамотахъ одна и таже сумма опредѣляется одинаково и Дубровницкими и Венеціанскими перперами. Такъ, на пр., Душанъ опредѣлилъ Ерусалимской церкви свв. Архангеловъ ежегоднаго дохода 500 перперовъ Венеціанскихъ (С. N^о 35), а Урошъ V этотъ самый доходъ опредѣляетъ въ 500 перперовъ Дубровницкихъ. Къ этимъ 500 перп. онъ прибавляетъ еще 500 перперовъ Дубровницкихъ, получаемыхъ за Стовъ (Г. А.), а Стефанъ Дечанскій продалъ Стовъ за 500 перперовъ Венеціанскихъ ежегодной дани (С. N^о 37). Слѣдовательно, 1000 перперовъ Венеціанскихъ равнялись 1000 перперамъ Дубровницкимъ. И царица Мара принимаетъ отъ Дубровника дань Ерусалимской церкви, перенесенную потомъ на Аѳонскіе монастыри, уже перперами Дубровницкими (С. N^о 165; Г. Б.). Въ другой грамотѣ (С. N^о 47), Урошъ V считаетъ доходу отъ Стона 500 перперовъ Венеціанскихъ; но тутъ же называетъ эти 500 перперовъ въ одно время и Дубровницкими и Венеціанскими; исть съ ѿна двубровникъ вметъуи ѿ стома, что служить лучшимъ доказательствомъ тому, что эти два названія, какъ равнозначія, часто смѣшивались одно съ другимъ по причинѣ равноцѣнности металла. Иногда перперы выражались червонцами, иногда динарами Дубровницкими. Вотъ какое отношеніе между ними можемъ мы вывести изъ показанія нашихъ грамотъ. Червонецъ или золотой дукатъ не всегда имѣлъ одну опредѣленную цѣнность; но, какъ крупная золотая монета, измѣнялся по ходу. Перперы и динары, какъ монеты серебряныя, и въ особенно-

сти послѣдніе, какъ небольшія, имѣли постоянную одинаковую цѣнность. Около 1362 года Воиславъ Которскій продалъ Дубровничанамъ соляной откупъ, по его словамъ, за 900 перперовъ (С. № 56), а по словамъ Дубровницкихъ пословъ, за 500 червонцевъ (С. № 41). Отсюда видимъ, что перперъ относился къ червонцу какъ 9 къ 5, т. е., 1 дукать равнялся 1 и $\frac{1}{5}$ перпера. Въ 1470 году царица Мара получила отъ Дубровничанъ Ерусалимской дани 500 перперовъ и въ распискѣ своей обратила ихъ также въ червонцы, что составило 147 червонныхъ, а «тогда—писала она—одинъ дукать стоилъ 41 динаръ». Отсюда видимъ, что, спустя столѣтіе, перперъ относился къ червонцу, какъ 5 къ $3\frac{1}{17}$, т. е., 1 дукать равнялся почти 1 и $\frac{1}{11}$ перпера, слѣдовательно, цѣнность золота нѣсколько понизилась. Отсюда узнаемъ также, что 1 перперъ заключалъ въ себѣ около $12\frac{1}{10}$ динара¹. Дубровницкія деньги ходили въ Сербіи и Босніи. Стефанъ Томашевичъ вздумалъ, было, запретить ихъ въ Босніи; но тотчасъ же, по просьбѣ пословъ, снова позволилъ употреблять ихъ, какъ было въ старину при первыхъ Боснійскихъ короляхъ (С. № 154). Въ XIII и большею частію въ XIV ст. Дубровничане, въ своѣхъ договорахъ съ сосѣдними землями, вели счетъ на перперы, употребляя только это одно слово и, конечно, понимая вполне его смыслъ. Нѣтъ сомнѣнія, что смыслъ этого слова былъ ясенъ; ибо оно означало не отвлеченное какое либо количество денегъ, но известную, опредѣленной величины монету. Но со второй половины XIV ст. и именно въ первый разъ въ грамотѣ Дабыши (С. № 81), перперъ показывается уже въ соединеніи съ словомъ «динаръ», или «динаръ Дубровницкій», какъ бы точнѣе опредѣляясь имъ; въ продолженіи всего XV-го ст. только уже весьма рѣдко, не болѣе двухъ, трехъ разъ, это слово употреблено одно безъ ближайшаго опредѣленія²; но и здѣсь должно подразумѣвать это опредѣленіе, какъ видно изъ гр-ы С. № 165, гдѣ одинъ разъ говорится просто о перперахъ Дубровницкихъ, а другой разъ тѣ же перперы поставлены въ соединеніи съ означеннымъ опредѣленіемъ. Динаръ, равнообразно, означалъ, какъ и теперь означаетъ³, известную монету опредѣленной величины, и не разъ употребленъ отдѣльно самъ по себѣ въ нашихъ грамотахъ⁴ съ прибавленіемъ иногда слова «Дубровницкій». Теперь остается рѣшить, какимъ образомъ двѣ известныя монеты могли употребляться при одномъ и томъ же счетѣ, для одного и того же количества денегъ? Нельзя никакъ думать, чтобы это дѣйствительно такъ было, и по тому слѣдуетъ признать за однимъ изъ двухъ словъ только нарицательное, опредѣлительное значеніе безъ указанія на какую либо известную, подлѣ нимъ разумѣваемую, монету опредѣленнаго вида, объема и положительной цѣны. Вотъ обыкновенное выраженіе грамотъ: столько-то «перперовъ динаровъ Дубровничкихъ». За выставленнымъ числомъ тотчасъ слѣдуетъ слово «перперъ», что показываетъ, что счетъ опредѣленною монетою шелъ на перперы; а за тѣмъ уже слѣдуетъ слово «динаръ», которое, безъ всякаго сомнѣнія, значитъ здѣсь то же, что вообще деньги, монета, и по тому въ тогдашнее время само нуждалось въ ближайшемъ опредѣленіи, именно чрезъ слово «Дубровницкій»⁵.

¹ О перперѣ (*ὑπερπυρον*) см. Ducange, Glossarium; его же De Imperatorum Constantinop. numismatibus, p. 123. У Венедина, по Ленкавию, въ Молдаво-Влахійскихъ грамотахъ, стр. 8.

² Ср., на пр., С. NN 152, 165, 169.

³ См. Словарь В. С. Караджича, 2-е изд.

⁴ Ср., на пр., С. NN 40, 71, 124, 125, 128, 136.

⁵ Ср., на пр., С. NN 81, 85, 95, 96, 98, 105, 107, 126, 127, 150, 165.

Какъ бы то ни было, расположеніе словъ заставляетъ насъ такъ понимать ихъ значеніе. Слѣдовательно, вышеприведенное выраженіе можно передать такимъ образомъ: столько-то «перперовъ монетою Дубровницкою». Въ справедливости этого объясненія убѣждаетъ насъ другое расположеніе словъ, встречаемое нѣсколько разъ въ нашихъ грамотахъ: динара дзбровлауцкихъ уетирн тисъке и двесте и шестестъ и шесть перпера (С. № 112); динара дзбровлауцкѣй уетирн тисъке и ѣ. љ. љ. перра (С. № 123); динари уетирн тисъке и двесте и шестъ десетъ и шесть перра; динара ѣ и љ. перра и љ. динара (С. № 124); динара. љ. тисъке и ѣ. стъ и љ и з. перпера; динари ѣ. и љ. перпера. љ. динари (С. № 125). Обыкновенно названіе монеты ставится послѣ выставленнаго числа: слѣдовательно, и сдѣсь также перперъ будетъ опредѣленною монетою, а динаръ, или вѣрнѣе, динары будутъ только означать, что эти перперы принимались въ счетъ «Дубровницкою монетою»; а по тому переводить должно: «монетою, или монетою Дубровницкою, столько-то перперовъ». Что сдѣсь «динаръ» употребленъ въ общемъ значеніи денегъ или монеты, то это видно еще изъ того, что въ гр-ѣ С. N 125, вслѣдъ за выставленнымъ количествомъ перперовъ, приводится еще количество динаровъ (љ), гдѣ динаръ означаетъ уже не отвлеченную, но опредѣленную монету: иначе не нужно бы было разбивать на два, и при томъ столь неравныя, какъ 4266 и 7, количества одной и той же монеты. Въ такомъ же отвлеченномъ значеніи, и притомъ монеты серебряной въ противоположность золотой, динаръ употребленъ въ гр-ѣ С. № 127, гдѣ, послѣ означенія вклада общимъ названіемъ дукате и динаре, эти самые «дукаты и динары» опредѣлены точнѣе, какъ составляющіе ѣ. тисъке и. ѣ. цлатъ дукатъ златъ и .ѣ. тисъкъ перпера динара. Наконецъ, въ томъ же убѣждаетъ насъ и употребленіе слова «динаръ» всегда во множественномъ числѣ динара, или динари (род. п.), въ какой-либо формѣ оно и понимъ означаетъ только вообще деньги безъ указанія на извѣстный родъ монеты. Только въ позднѣйшихъ грамотахъ конца XV-го в. показывается какая-то неопредѣленность въ употребленіи словъ «перперъ» и «динаръ». Въ одной пишутъ: примѣ перра љ сать и љ и з перра и дина (С. № 162), а въ другой: примѣ перра рљз и динара ѣ дзбровлауцкихъ (С. № 171). Очевидно, въ обѣихъ счетъ идетъ и на перперы и на динары, какъ въ двухъ предыдущихъ (С. NN 124, 125); а по тому въ первой должно читать такъ: 766 перперовъ и 1 динаръ. Въ гр-ѣ же С. № 170 дѣло, кажется, въ одной только перестановкѣ словъ: перпера шестъ сать динара дзбровлауцкихъ ии. шестъ сать перпера динара дзбровлауцкихъ; или, можетъ быть, сдѣсь слово «перперъ» отправляетъ нарицательное служеніе слова «динаръ», а это означаетъ уже опредѣленную монету. Во всякомъ случаѣ можемъ смѣло заключать, что до конца XV-го ст. перперы были еще въ ходу и на нихъ свободно производились счеты какъ въ Дубровникѣ, такъ и сосѣднихъ Сербскихъ областяхъ. Не менѣе того и прибрежные Далматскіе острова знали перперы и употребляли ихъ у себя, какъ видно изъ ихъ узаконеній. Представляя собою серебряную монету, динаръ въ грамотахъ нашихъ часто сопоставляется съ дукатомъ, который въ такомъ случаѣ, по большей части, дополняется словомъ «золотой», какъ бы въ противоположность серебряному динару. Иногда слово «дукатъ» употребляется и безъ этого дополненія по тому самому, что оно было для него лишнее, какъ для монеты всегда золотой. Лучшее тому доказательство находимъ въ грамотѣ наслѣдниковъ Сандаля (С. № 163), въ которой эти говорятъ о полученіи вклада дукатами, не на-

звѣя ихъ золотыми, между тѣмъ, какъ тѣ же самые лукаты во вкладной грамотѣ Сандаля (С. № 142) названы золотыми. Дубровничане, при полученіи вклада, вели счетъ и на «аспры». Сандаль Хлужскій даетъ имъ расписку въ полученіи отъ нихъ обратно всѣхъ положенныхъ у нихъ аспрь (С. № 105), гдѣ аспры означаютъ, какъ кажется, вообще деньги въ видѣ какой бы монеты онѣ ни были. Въ томъ же, вѣроятно, смыслѣ онѣ употреблены Лазаремъ и Стефаномъ Юрьевичами Бранковичами (С. NN № 146, 147). Но въ грамотѣ Дубровничкой на полученіе вклада отъ деспота Юрія Бранковича счетъ идетъ прямо на аспры, какъ извѣстную опредѣленную монету: и аспрь тридцати и два слагали а ѿ нихъ. ѿ слагъ з всакомъ по тридцати хилада аспри. ѿ слагъ з всакомъ по устриридцати хилада аспри... слага аспрама тисзика тисзика аспри (С. № 130). По всему видно, что аспры, какъ монета Византийская, употреблялись наиболѣе въ православной Сербіи¹.

Говоря о деньгахъ, кстатѣ упомянуть о драгоценныхъ металлахъ, по скольку извѣстія о нихъ встрѣчаются во взаимныхъ договорахъ Дубровничанъ съ сосѣдними землями. «Ковъ» (металлъ) золотой и серебряный, кромѣ чеканки въ монету, ходилъ еще въ видѣ слитковъ, или употреблялся въ видѣ различныхъ издѣлій, какъ-то: домашнихъ утварей и предметовъ украшенія. Слитки драгоценныхъ металловъ обыкновенно опредѣляются на вѣсъ, или приводятся въ деньги. Отъ деспота Юрія Бранковича Дубровничане получили золото въ видѣ цѣпей «веригъ», которыми было наполнено нѣсколько мѣшковъ. При этомъ и серебро доставлено было въ мѣшкахъ и принято на вѣсъ (С. № 130): Въ издѣліяхъ металлы принимались на вѣсъ. Качество золота не обозначено въ нашихъ памятникахъ; но качество серебра имѣло нѣсколько подраздѣленій. Серебро «фино», т. е., лучшее; серебро «бѣлое» или чистое безъ подмѣси золота, или другой какой руды; серебро «гламско» или серебро, смѣшанное съ частицами золота—руда, «глама»; серебро «плико», серебро «болано», серебро «неболано»:—вотъ всѣ опредѣленія качества серебра, изъ коихъ три послѣднія мнѣ не понятны. Думаю, что первое (плико) означаетъ серебро, обращенное въ слитки или пластинки, а два послѣднія выражаютъ то же, что нечистое (болано) и чистое (неболано).

Наибольшимъ опредѣленіемъ вѣса благородныхъ металловъ служили «литры»; за ними слѣдовали «унціи», а наименьшимъ опредѣленіемъ вѣса были «аксаги». Прежняго отношенія литры къ извѣстной намъ единицѣ вѣса, окъ, мы не знаемъ; но нынѣ въ одной окѣ заключается 4 литры; а такъ какъ одна ока равняется 3 Рус. фунтамъ съ 13, или 15 золотниками, то одна литра составитъ 75—76 Рус. золотниковъ. Унція равнялась $\frac{1}{4}$ литры; но, кажется, не всегда, по тому что въ статутѣ острова Млѣта находимъ оцѣнку одной литры то въ 13, то въ 18, то въ 12 унцій². Отношеніе аксаги къ унціи мнѣ также неизвѣстно; но въ грамотахъ при унціяхъ не встрѣчается болѣе 5 аксагъ, а при литрахъ, безъ унцій, находимъ однажды 19 аксагъ. (С. № 126). Опредѣленіемъ вѣса для прочихъ тѣлъ, какъ предметовъ торговли, въ Дубровничкихъ договорахъ встрѣчается «товаръ», который нынѣ равняется 100 окамъ. Для сыпучихъ тѣлъ находимъ однажды въ договорѣ Балшича Зетскаго съ Дубров-

¹ Объ аспрь см. у Венелна въ Молдаво-Влахійскихъ грамотахъ, стр. 96.

² Statut uli Zakoni od Univerziteti Otoka od Mljeta. Dubrovnik, za godinu MDCCCLL. Svez. III, 1852. См. гл. 63, 66, 68.

никомъ (С. № 71) мѣру, употреблявшуюся преимущественно въ собственной Сербіи и известную подъ названіемъ «мантин»: да извѣстю торговецъ дубровницъци по моеи земли и по мой рѣкѣ жито. и да га могу извести свободно. платише к динира ѿ мантин.

Пересмотрѣвъ грамоты относительно торговыхъ постановленій, мы должны сдѣлать общее заключеніе, что взаимныя торговыя сдѣлки между Дубровникомъ и Сербскими землями совершились окончательно при Сербскихъ короляхъ и царяхъ. При Боснійскихъ короляхъ не видимъ уже новыхъ торговыхъ условий, а деспоты Сербскіе только подтверждаютъ старыя. Такимъ образомъ Дубровничане вполнѣ достигали своей цѣли, оставаясь постоянно при старыхъ выгодныхъ постановленіяхъ. Но сдѣсь представляется вопросъ: въ какомъ отношеніи стояла торговля Дубровника къ туземной? Ни въ грамотахъ, ни въ Законникѣ Душановомъ нѣтъ особыхъ постановленій для торговаго сословія: можно заключить, что оно или вовсе не существовало въ настоящемъ смыслѣ слова, какъ отдѣльное замкнутое сословіе, или, если существовало, то весьма слабо и розно. Но памятники свидѣтельствуютъ, что въ Сербіи были и свои купцы; за то для нихъ нѣтъ никакихъ преимуществъ и льготныхъ правъ: весь перевѣсъ склоненъ на сторону чужихъ, Дубровницкихъ. Отсюда ясно, что Сербскіе купцы составляли незначительную и незамѣтную часть общества и своими оборотами не могли еще доставить государству способа къ промышленному развитію и обогащенію; это были единицы, и съ такой точки зрѣнія смотрѣло на нихъ правительство. Скудость торговли, съ одной стороны, и счастливыя войны, съ другой, не могли породить въ правительствѣ той мысли, что торговля и промышленность составляютъ одну изъ важнѣйшихъ вѣтвей государственной жизни народа, одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ народнаго обогащенія и развитія. Оно видѣло, что доселѣ только чрезъ войны Сербія росла и усиливалась; но проченъ ли былъ такой ростъ, надежны ли были такія силы? — этого вопроса оно не задавало себѣ. Дубровникъ ослѣплялъ его роскошью и великолѣпіемъ своихъ надѣлій; Дубровникъ былъ нуженъ ему, какъ миролюбивый сосѣдъ и союзникъ, платившій значительную дань за земли: и по тому всѣ договоры съ Дубровникомъ клонились въ пользу послѣдняго. Извлекая для себя всѣ выгоды торговли и промышленности, Дубровникъ подавлялъ туземныхъ купцовъ и ремесленниковъ. Сербіи оставалось только заниматься производствомъ первоначальныхъ, сырыхъ припасовъ; но и въ этомъ отношеніи мы не видимъ со стороны правительства никакихъ особыхъ поощреній. Только однажды писалъ Милутинъ въ свсей грамотѣ, что подданному его, продающему Дубровничанамъ жито, нѣтъ ни отъ кого никакого притѣсненія (С. № 29). Главными предметами отпуска были хлѣбъ, скоть и металлы. Правительство только разрѣшаетъ ихъ свободную продажу, и то по тому только, что хлопотали объ этомъ Дубровничане, которымъ нужно было право безпрепятственной покупки для доставленія работы своимъ ремесленникамъ. А между тѣмъ, при необходимости, какую ощущали Дубровничане въ этихъ главныхъ предметахъ вывоза, сколько пользы могло бы принести Сербское правительство своимъ подданнымъ инымъ направленіемъ торговыхъ договоровъ! До насъ дошли слова Санка (С. № 97), жалующагося, что Дубровничане не даютъ ему настоящей цѣны за товаръ, который онъ долженъ по тому послать для продажи въ другое мѣсто. «Люди мои—писалъ онъ — продадутъ Которское жито по 10, перперовъ за товаръ, а этого вы мнѣ не дали бы; и я отправилъ 200 овецъ, и они принесутъ мнѣ 200 дукатовъ, а этого вы бы мнѣ не дали». Эта жа-

лоба Сакка хорошо обозначаетъ торговля уловки Дубровничанъ, имѣвшихъ въ виду только свою пользу и, при удобномъ случаѣ, притѣснявшихъ сосѣднихъ продавцовъ. Въ отношеніи хлѣба, соли, скота и металловъ, завися вполне отъ сосѣдей, Дубровничане умѣли, при всемъ томъ, торговля выгоды склонить на свою сторону.

Судебный устрій между Сербами и Дубровничанами составляетъ важный отдѣлъ въ исторіи образованія Сербскаго народа. Нѣтъ сомнѣнія, что Законникъ царя Душана былъ плодомъ не одной современной ему мудрости, но итогомъ цѣлыхъ вѣковъ, въ продолженіи которыхъ развивался бытъ Сербскаго народа и рождались новыя государственныя потребности. Тѣмъ не менѣе, недостатокъ памятниковъ лишаетъ насъ возможности составить себѣ какое либо опредѣленное и цѣльное понятіе о законодательствѣ Сербіи до-Душановыхъ временъ независимо отъ Дубровника. Все, что ни имѣемъ мы въ нашихъ грамотахъ изъ этихъ временъ, относится столько же къ Сербіи, сколько и къ Дубровнику, и по тому въ судебныхъ укладахъ, какіе были между ними, нельзя опредѣлительно сказать, что принадлежитъ собственно Сербіи и что Дубровнику? Взаимныя отношенія предполагаютъ и взаимное вліяніе: ни тотъ, ни другая не могли подчинить другъ друга исключительно одному своему законодательству, но, естественно, должны были избрать средину, удобную для обоихъ. Они не уступали другъ другу въ развитости дѣловаго смысла, хотя развитіе его шло не одинаковымъ путемъ. Въ Сербіи преобладала государственная дѣятельность, въ Дубровникѣ торговая: оба въ кругѣ своей дѣятельности стояли на высокой ступени совершенства. Вотъ по чему ихъ взаимныя уклады должны носить признакъ самостоятельности и должны быть разсматриваемы, какъ нѣчто особое, отдѣльно отъ узаконеній чисто Дубровничскихъ и Законника Душанова. Статуты Дубровника написаны по древнѣйшимъ памятникамъ въ 1272 году и Книга Реформаций между 1315 и 1335 годами; сверхъ того сочинены были еще два законника въ 1358 и 1462 годахъ. Были также *Parti de' Pregati*, т. е., сенатскія опредѣленія, состоявшіяся по большинству голосовъ¹. Всѣ эти статуты сходны въ главномъ со статутами другихъ Далматскихъ общинъ и не относятся къ числу избранныхъ новою памятниковъ. По этому, предоставляя другимъ изслѣдованіе ихъ и оставляя за собою право обозрѣть ниже Законникъ Душановъ, я предложу теперь только то, что представляютъ изъ судебного разбирательства между Дубровникомъ и Сербіею наши грамоты.

Какъ торговый городъ, Дубровникъ болѣе другихъ боялся войны, сильно вредившей его торговлѣ. Отъ того въ договорахъ безпрестанно встрѣчаемъ условія, подобныя этимъ: да не здеди никогоръ. нь то да се исправляа сѣдомъ; или: и ако се котъ крамола зунни мегъ нами: да се сѣдомъ исправляа; или: и да котъ сѣ криниш зунни да се исправлиа правинномъ а миръ да се не рѣши; или: да се сѣдомъ исправлямо; или: да не здеди. з комъ годѣ дьмъ. динъ сѣдомъ. да се нишъ² и пр. Король Владиславъ даже обѣщалъ до тѣхъ поръ не вредить Дубровнику, пока не сотворить съ нимъ трехъ судовъ (С. № 7). Сдѣсь, можетъ быть, онъ разумѣетъ судъ по тремъ правительственнымъ ступенямъ независимой Дубровничской Общины. Судятся

¹ Appendini, т. I, ч. II, кн. I, гл. V.

² Ср. С. № 2, 3, 14, 15, 19, 20, 21, 24, 25, 111, 137.

было легче, чѣмъ вести войну. Судъ предполагался всегда справедливымъ; онъ называется «правымъ» и «божественнымъ»: инокъ да в прѣкѣ и вѣдѣ грѣшно (С. NN^о 2, 14). Банъ Стефанъ говоритъ: И си да имъ съѣхъ прѣки съдѣ. Инокъ ки и прѣкини не униш то те и прѣки (С. N^о 14), а Урошъ V: да имъ прѣки испрѣки по прѣдѣ и по законѣ (С. N^о 55). Отъ того всякое судебное разбирательство и справедливое удовлетвореніе называется «правною» или «правдою». Владиславъ отдаетъ коварный поступокъ Дубровничанъ на судъ Божій: в томъ бѣ да рѣсѣди (С. N^о 9).

Судебное разбирательство между двумя общинами происходило чрезъ очную ставку или «састанакъ» на извѣстномъ урочищѣ. Такого састанка требуетъ у Дубровника Поповская Община въ Затонѣ и назначаетъ Юрьевъ день: да не шисте рѣши да се станою наоно (на оной) стрѣиз рѣки: не имо ти (не хотѣвъ итти) къ камъ на онѣ стрѣиз дѣ ни въ законѣ: дѣ ки радосавѣ давшѣ рѣки тѣре га вѣздѣте: да кокъмо (хотѣвъ) прѣкомѣ станѣи (С. N^о 11). Сдѣсь видѣвъ остатокъ древнѣйшаго, первоначальнаго, самого простаго разбирательства, когда самъ народъ, не предоставляя дѣла судьямъ, сходился и устно рѣшалъ дѣла: это нынѣшняя мирская сходка. Жаль, что грамота не отиѣчена годомъ; но, конечно, такой обычай могъ сохраниться только въ малолюдной, удаленной отъ моря Поповской Общинѣ, тогда какъ приморскіе, торговые и болѣе образованные города, безъ сомнѣнія, разбирались уже другими образомъ. Судебное разбирательство между Дубровническими и Сербскими подданными совершалось или самими владѣтелями и лицами, облеченными верховною властію, или поротниками, т. е., присяжными, и судьями. Банъ Нинославъ, повторяя договоръ Кулина, счелъ нужнымъ прибавить: ано вѣрѣте: сръблѣишь влаха: да се при прѣдѣ нишѣишь: ано вѣрѣте влахъ сръблѣишь: да се при прѣдѣ баномъ (С. N^о 5), т. е., обиженный Сербъ жалуется на Влаха князю Дубровницкому, а Влахъ на Серба жалуется бану Боснійскому. Сдѣсь представляется вопросъ: кого должно разумѣть подъ Влахомъ и кого подъ Сербомъ? Изъ сравненія съ другими грамотами и по назначенію судей, должно заключить, что Влахъ означаетъ Дубровницкаго подданнаго и, вѣроятно, всякаго Дубровничанина: оно значить то же, что въ грамотѣ Душана Латынянинъ и въ грамотѣ Уроша I Дубровничанинъ. Сербъ же означаетъ православнаго и вообще всякаго подданнаго Босны. Это постановленіе Нинослава было повторено и баномъ Стефаномъ (С. N^о 14). Въ немъ видно уравниженіе правъ обѣихъ сторонъ. Въ важныхъ случаяхъ Дубровничанъ судилъ самъ король: а прѣдѣ крайѣи да идѣ. за не вѣрѣ. за крайѣ. за усаидина. за конѣ. в томъ да се съдѣ дубровчанѣи прѣдѣ крайѣи. И тутъ же далѣе сказано: и аке кто наоности кнѣвоградомъ дубровчанѣи. да га позоку прѣдѣ крайѣи (С. N^о 22). Слѣдовательно, Дубровничанинъ въ королевской землѣ подлежалъ суду короля. Напротивъ, Сербъ въ Дубровникѣ подлежалъ общему суду, въ которомъ участвовалъ и королевскій судья: и вѣсѣда ѡсига да не вѣишмо ниновгарѣ вѣсправѣи ѹишѣи земаи твоѣ. И вѣсѣдаѣ (безъ судѣи) крадѣишѣи да не съдѣи ѹишѣи земаи твоѣ (С. N^о 26). Душанъ, около 1346 года, довольно ясно постановилъ: и сѣ сръблѣишомъ в конѣи годѣ съдѣ ни гдѣ нишѣи да се не при. да гдѣ прѣдѣ прѣлѣишѣи (С. N^о 42); но, въ 1350 году, уже измѣнилъ по старому: трѣговецѣи дубровчанѣи. кон се ѡбрѣтаю. по трѣгобѣи прѣишѣи. цю имсе слѣзу. кон любо съдѣ. да се съдѣ прѣдѣ прѣишѣи. и вѣсѣишѣи. а или прѣдѣ кнѣишѣи кон будѣ града тогѣишѣи. закономъ родитѣишѣи. и прѣродитѣишѣи прѣишѣи. и за синѣи да гдѣ прѣдѣ прѣишѣи или съдѣ. за крѣишѣи. и за земаю. и за прѣводу.

и за умы. и за скоды. и за нво ни за шю (С. № 43). То же повторилъ и Урошъ V (С. № 50). Всякую сваду Дубровника съ властелиноу царскимъ рѣшаетъ самъ царь (С. № 55): сдѣсь Урошъ V разумѣетъ важную распрю, или войну, которая и была дѣйствительно между Дубровникомъ и Которомъ; впрядъ въ такой распрѣ онъ повѣлеываетъ: да не рлзю ни нрѣ съ злѣм котора. тѣмъ кнзю и кнзю и родителѣмъ чрѣками такоу да гредѣ скастѣямъ чрѣками прѣ чрѣкамъ и оти. Слѣдовательно, на судъ королевскій или царскій шли Дубровничане за важнѣйшія уголовныя преступленія. Въ Законникѣ своемъ Душанъ назначаетъ три рода преступленій, за которыя судить своихъ подданныхъ самъ царь: за три рлзю, за невзроу и за крвнъ и за рлзбонъ владнъскимъ да идоу прядъ чара (ст. 188). Сравнивъ эту статью съ вышеприведеннымъ мѣстомъ грамоты Уроша I (С. № 22), мы видимъ, какъ неизмѣнно старинное обычное право, спустя почти цѣлое столѣтіе, легло въ основаніе узаконеній Душановыхъ. Съ тѣмъ живѣе замѣчаемъ, что Душанъ и предшественники его не были слишкомъ уступчивы торговому народу и въ важнѣйшихъ преступленіяхъ сами судили его такъ же точно, какъ и своихъ подданныхъ. «Невѣра» есть то же, что измѣна и, кажется, немногимъ отличается отъ «провода» или впушенія непріятеля въ свою землю. Дубровничане, какъ странствующие торговцы, могли хорошо знать мѣстность Сербіи и, если бы захотѣли, содѣйствовать вторженію непріятелей. «Вражда» и «кръвь» суть одно и то же выраженіе для смертоубійства. «Челядинъ» и «человѣкъ» означаютъ похищеніе людей, бывшее въ обычѣ Далматинцевъ и Сербовъ. «Сводъ» есть то же, что и «конь», ибо за коня, когда онъ оказывался воровскимъ, назначался сводъ или очная ставка. «Земля» означаетъ сдѣсь присвоеніе чужой земельной собственности, такъ часто совершаемое Дубровничанами на очетъ Сербіи.

При Душанѣ, въ дѣлахъ меньшей важности, судили Дубровничанъ Сербскія должностныя лица, какъ видно изъ грамоты С. № 43, гдѣ сказано: шю нмъ слзюа. кон нвоу сдѣ. да се сдѣ прядъ чрѣнимѣ. и кнзюмъ. а намъ прядъ кнзюмѣ кон бздѣ гредѣ тогази, судили по стариннымъ правиламъ: закономъ родителѣ. и природителѣ чрѣкамъ. Сдѣсь, безъ сомнѣнія, разумѣются случаи гражданскаго спора или тяжбы. Въ дѣлахъ торговыхъ, какъ видно отсюда же, разбиралъ царинникъ. Какимъ образомъ рѣшалъ онъ споръ, показываетъ далѣе та же грамота: и кон трѣгоуа. кнзи кони на трѣгъ. и плати замъ чрѣмъ. да рѣ чрѣмъ дѣмѣ. сри и тепази кони кнзиамъ. и за нрѣ платѣамъ чрѣмъ. а зати не зна. да мѣ за тоуи скода шѣсть. амаи га такоуи не шпраки чрѣмъ. да да сводъ з кога и кнзиамъ. Судили ли Дубровничане должностными лицами до Душана? На это можно отвѣчать утвердительно, руководствуясь однимъ мѣстомъ грамоты Уроша I (С. № 17): и примеривъ нмъ (Дубровникимъ купцамъ) кастѣемъ мѣмъ властелинъмъ кон кони кнзи (будеть) на сдѣ. Впрочемъ, можно съ достовѣрностію сказать, что чѣмъ болѣе углубляемся въ старину, тѣмъ рѣже намъ встрѣчается судъ должностныхъ лицъ и тѣмъ чаще судъ присяжныхъ, который бѣше перваго подходилъ къ древнѣйшему виду суда, основанному на между собой сдѣлѣкѣ или састанкѣ. Въ Законникѣ Душана, хотя судъ по поротѣ еще сохраненъ, но есть уже множество исключеній въ пользу суда должностныхъ лицъ или царскихъ судей. Въ узаконеніяхъ приморскихъ Далматинскихъ городовъ и острововъ морота уже вовсе потеряла свою силу и употребляется только въ смыслѣ клятвы свидѣтелей, которые только могли дѣлать показанія, но никакъ не рѣшать спора: его рѣшаетъ самъ князь или

должностные судьи, или иногда и третейскій судъ. Такъ точно было и въ Дубровникъ, но съ небольшимъ исключеніемъ для не городскихъ жителей и странствующихъ купцовъ, которые, какъ сейчасъ увидимъ, судились и по поротѣ. Судиться по поротѣ значило предоставлять свое дѣло на рѣшеніе нѣсколькихъ избранныхъ нарочно для того лицъ, приносившихъ предварительно присягу въ томъ, что рѣшеніе ихъ будетъ безпристрастно. Поротники тѣмъ отличались отъ обыкновенныхъ должностныхъ судей, что избиралась одновременно по одному только дѣлу и для этого одного случая приносили присягу. Напротивъ, должностные судьи избирались на срокъ и однажды навсегда давали клятвенное обѣщаніе въ произнесеніи безпристрастныхъ приговоровъ. Сверхъ того, поротники избирались по одному, или по нѣскольку съ каждой стороны изъ того сословія, къ которому принадлежали тяжущіеся, и, съ рѣшеніемъ дѣла, переставали быть поротниками. Въ нашихъ памятникахъ порота является съ половины XIII-го ст.; но, нѣтъ сомнѣнія, что она существовала въ Сербіи искони, какъ древній обычай, и только письмо застало ее въ это время. Ссылка Уроша I на законъ отца и вообще выраженіе грамотъ, принятое въ основу всѣхъ постановленій, «по закону родителей и прародителей», равно какъ отсутствіе всякаго намека на новизну суда по поротѣ, достаточно подтверждаютъ, что порота, при Урошѣ I, уже была обычаемъ стародавнимъ. Душанъ, въ своецъ Законникѣ, въ ст. 130, ссылается по этому случаю на своего дѣда, «святаго краля», т. е., Милутина. Во времена Сербскихъ королей, сколько показываютъ намъ источники, мы видимъ только по одному поротнику съ той и другой стороны въ спорѣ Сербовъ съ Дубровничанами и Нѣвцами. Урошъ I постановляетъ: и аме се обрете кон дагы меѣ срьбляномъ съ дубровуанномъ. да да нмъ и сѣ прядъ судномъ срьбскимъ и прядъ идити дубровуанномъ. и шо судити този да и срьбско (С. № 22). Отсюда видимъ, что рѣшеніемъ обонхъ судей дѣло оканчивалось; а что судъ судьи суть именно поротники, то на это ясно указываетъ другая грамота того же короля, говоря: Сьдъце обое да се ильнѣ. ико да право сьдѣ (С. № 21). Въ этой послѣдней грамотѣ поротникамъ предоставлена отчасти и исполнительная власть, ибо сказано дагы: И ако се обрете уловѣ зумѣ краљевскими обьзгень нашиму улюбѣ. да ме моѣ сьдъце издаю добитѣ (отнимаютъ имущество). аколи ме добитѣка не стьуг. а они да подаю кривьца самога. до урока докоде сьдъце зрѣке. аколи га сьдъце не исьдаде. да га ми прьвѣда зкѣше зхѣти те дадыгъ. да га. зумѣ краљевскоими и да га постаки га га езде право постакити. Судъ поротники назначаютъ срокъ, берутъ вознагражденіе съ осужденнаго, или выдаютъ самого виновнаго. Только въ случаѣ ихъ несостоятельности, король принимаетъ на себя обязанность исполнительную. Милутинъ, равнымъ образомъ, повторилъ постановленіе отца своего: да нмъ итъ удакѣ. з комъ годѣ дагы. лише судомъ. да се нѣше. да и идѣ срьбляны. а дрзги дубровуанны. а-ме езде прѣ сѣ сьсѣномъ. да езде идѣ сьсѣны. а дрзги дубровуанны. прѣ тѣмъ да се распрѣкалю (С. № 25). Этою грамотою число поротниковъ удержано прежнее; но племенное различіе тяжущихся поддержано еще яснѣе въ поротникахъ. И прежде уже Урошъ I, во взаимныхъ спорахъ Дубровничанъ съ Сербами, назначалъ по поротнику съ той и другой стороны; теперь же это условіе перенесено было и въ споры Нѣвцевъ съ Сербами. Оно отбѣчаетъ постановленію Душанова Законника, опредѣляющему, во взаимныхъ спорахъ Сербовъ между собою, сословіе, изъ котораго должны избираться поротники. Тамъ, въ ст. 130, сказано: да соѣ влѣимъ властѣномъ влѣи властѣ поротѣци,

а средними людьми противокъ ихъ дружина, а противими ихъ дружина да соупоротчи, — и это основано на старинномъ правѣ, соблюдавшемся еще при Милутинѣ. А въ ст. 155 повторено то же, что и въ упомянутой грамотѣ Милутина: Иноузрачымъ и торгоуачымъ да соупоротчи половини сръбля, а половини инии дружина. Правда, во всѣхъ мѣстахъ, приведенныхъ изъ грамотъ, поротники называются судьями; но нигдѣ они не названы своимъ настоящимъ именемъ, равно какъ не употреблено и слово порота; но это не должно насъ смущать. Во первыхъ, поротники суть дѣйствительно судьи; во вторыхъ, судьи, которые клянутся въ правомъ приговорѣ, которые избираются, а не назначаются отъ верховной власти, и избираются поровну съ той и другой стороны, которыхъ рѣшеніе считается окончательнымъ, — не суть ли то же, что поротчи, и судъ ихъ не есть ли то же, что порота Законника Душанова? Нужно ли имъ это названіе изъ нашихъ грамотъ — вотъ оно изъ позднѣйшихъ, деспотскихъ. Но прежде замѣчу, что при Дечанскомъ, Душанѣ и Урошѣ V о поротѣ въ нашихъ грамотахъ не говорится, и при Душанѣ, какъ можно догадываться изъ вышеприведеннаго мѣста, судъ по поротѣ, кажется, ослабѣлъ и былъ чаще замѣняемъ судомъ должностныхъ лицъ: это происходило всего скорѣе отъ усовершенствованія, или, лучше, подчиненія гражданскаго быта болѣе строгимъ правиламъ и законности, къ чему стремился Душанъ. Послѣ него стремленіе это остыло среди плачевныхъ государственныхъ переворотовъ, и при деспотахъ грамоты снова являются отголоскомъ возстановленной старины. Въ нихъ читаемъ: ако се зуми кон прѣ илго доуброуачи и сръбля. да се постави половини соудѣи доуброуачахъ. а половини сръбля. и да се прѣ инии прѣ. и да исть порота доуброуачиноу илгоу дружина доуброуачи, кон се шидези, или кон се доуброуачи илгоу оу иницилжнимъ мѣстоу. аколи оушоте шкон свѣдоуоу, кон се прѣ, да постави половиноу доуброуачи. а половиноу сръбля. а ѿ шидези свѣдоу да иъ вольи ии идаиъ побжи. аколи оузимлю коу прѣ саси съ доуброуачи (въ др. доуброуачи саси). такогере да се соуде како и сръбля половини сасъ соудни, а половини доуброуачи. и да не познѣ сръбни доуброуачини на соудѣ никама. тѣко прѣ шидези соудѣ. Такогере и саси да се проу прѣ шидези соудѣи, а да се не могуе прѣ господкомн (въ др. иѣ) ии прѣ кефалию (въ др. илжигъ) (С. NN^о 73, 90, 91, 111, 137). Сдѣсь ясно отличаются поротники отъ свидѣтелей, когда первые назначаются непременно для тяжущихся, а послѣдніе предоставлены на волю ихъ; судьи и поротники суть одно и то же: ибо если бы тѣ и другіе были различныя лица, то и въ статьѣ о Нимцахъ и Сасахъ поротники были бы упомянуты, между тѣмъ какъ сдѣсь то, что говорится о поротѣ, есть только ближайшее опредѣленіе для судей; сдѣсь поротники рѣзко отдѣлены отъ должности ихъ судей, каковыми были кефалии, и далѣе сами деспоты: кефалии и деспоты сдѣсь то же, что царскіе судьи и самъ царь въ Законникѣ Душана, или властелинъ, имѣющій быть на судѣ, и самъ король въ грамотахъ королевскихъ; сдѣсь поротники избираются уже не по одному, а по нѣскольку, съ каждой стороны, и при томъ ближайшіе къ тяжущимся. И въ Законникѣ Душановомъ уже количество поротниковъ отъ двухъ увеличено до 24 для важнаго дѣла, до 12 для дѣла средней важности, и до 6 для малозначащаго; рѣшеніе поротниковъ основывалось на большинствѣ голосовъ (ст. 129). И такъ Дубровничане въ земляхъ Сербскихъ владѣтелей подчинялись, какъ и туземцы, суду присяжныхъ. Это явленіе весьма важно по тому, что суда присяжныхъ, какъ сказали мы

выше, не видно въ другихъ Далматскихъ общинахъ; оно свидѣтельствуеъ о вліяніи Славянскаго права на Дубровницкое, которое развивалось подъ преобладаніемъ городского населенія и на Римской почвѣ. Впрочемъ, такъ и должно было случиться, ибо Дубровникъ владѣлъ Славянскими землями, и въ народонаселеніи его, равно какъ обычаяхъ, Славянское начало занимало не послѣднее мѣсто. Въ половинѣ XV-го ст. Дубровничане внесли пороту даже въ свой законникъ, извѣстный подъ названіемъ «Зеленаго»; но не приняли ея для города, а только для областей, гдѣ, конечно, она существовала и прежде, какъ старинное обычное право; теперь же получила письменное выраженіе и законность предъ лицомъ городского правленія. Начало статьи, признающей судъ по поротѣ, *perché i conti nostri di Stagno, Canali e terre puove ed il capitano di Tersteniza per diversi modi amministrano la ragione* и т. д.¹, уже само собою показываетъ, что порота была утверждена единственно для вновь приобрѣтенныхъ ими областей; и въ этомъ нельзя не замѣтить желанія Дубровничанъ сохранить въ цѣлости Славянскій способъ разбирательства для ихъ Славянскихъ подданныхъ. Въ статьѣ опредѣлено количество поротниковъ сообразно съ величиною иска, быть можетъ, подъ вліяніемъ Душанова Законника; но о различіи сословій не говорится. Въ ней также упоминается, что порота существовала и прежде, съ тою только разницею, что поротники избирались изъ разныхъ мѣстъ и селеній, между тѣмъ, какъ теперь они должны были выбираться изъ того округа, къ которому принадлежалъ обвиненный.

Судъ за земли производился, кажется, въ извѣстное время года, именно, между Михайловымъ и Юрьевымъ днями (С. № 21). За одиѣ ли земли разбирались въ это урочное время, или еще за что либо, рѣшить трудно. Въ концѣ договора съ Радославомъ, 1234 г. (С. № 2), сказано то же самое и, по видимому, безъ отношенія къ землѣ; но это позднѣйшая приписка, и ей нельзя давать полного значенія. Во всякомъ случаѣ, Михайловъ и Юрьевъ день играютъ важную роль въ древнѣйшемъ обычномъ правѣ Славянъ, что весьма естественно; ибо одинъ изъ нихъ стоялъ въ концѣ земледѣльческаго года, а другой въ началѣ. Дѣла могли удобнѣе совершаться въ свободное зимнее время, но, конечно, дѣла такіа, которыя допускали отлагательство и относились преимущественно къ землевладѣнію. Въ Шибеникѣ суда не было по праздникамъ и въ пору жатвы²; въ Которѣ земледѣльцы отходили отъ собственниковъ въ Михайловъ день³. Въ Врѣбникѣ, на Кръкѣ, всякая потрава судилась до дня св. Люціи (13 декабря)⁴. На Млѣтѣ судьи избирались на одинъ годъ, и днемъ ихъ избранія былъ праздникъ св. Михаила, въ сентябрѣ мѣсяцѣ⁵.

Судъ производился въ ближайшемъ городѣ, какъ видно изъ гр-ы Душана (С. № 43): *да се судѣ предъ црннимѣ. и кнеземъ. а или предъ кеналиѣ кон вьде града тогази, и изъ гр-ъ деспотовъ: да истъ порота дубровуаниноу шугова дружина доубровуани, кон соу шьдези, или кон се доубровуани нагою оу пливлинимъ мѣстоу* (С. NN № 73, 90, 91, 111, 137). Но судъ за земли стоялъ, ка-

¹ Dubrovnik, 1851. См. статью М. Бана: *Zrcalo povestnice Dubrovačke*, стр. 81.

² Рейцъ, Сборникъ Валуева, стр. 176.

³ Рейцъ, тамъ же, стр. 102.

⁴ *Arhiv za povestnice Jugoslavensku*. Knj. II, razd. II, 1852. Statut otoka Krka, стр. 201.

⁵ Млѣтскій статутъ, гл. 20, 28.

жестя, въ определенномъ мѣстѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, должно понимать выраженіе гр-ы Уроша I (С. № 21): П судъ да стаг. гдѣ е и протѣ стомаъ з дѣи гѣми бѣд. Объясненіемъ служить гр-а Душана (С. № 43), въ которой судъ и расправа за землю назначаются тѣ же, какіе были у отца и дѣда, а судъ, по прежнему, стоитъ на Желѣзной Плочѣ. Мѣсто для суда избиралось, какъ связали мы, ближайшее и удобнѣйшее для тяжущихся. Иногда его назначали судьи. Такъ король Търтко II, принявъ владѣнія послѣ бѣжавшаго Остои въ 1405, для разбирательства между Дубровникомъ, съ одной стороны, и Сандамомъ и Павломъ Радиновичемъ, военачальниками Остои, и прочими Босняками, съ другой, назначалъ одно изъ трехъ мѣстъ, Конавле, Требине, или Попово, какое избереть одинъ изъ четырехъ судей, а именно, Вукацъ Храничъ, братъ Сандамовъ (С. № 69). Хотя састанакъ назначенъ былъ для всякого, кто только захватилъ что нибудь несправедливо у Дубровника; однако мѣсто састанку назначено было ближайшее какъ къ Дубровнику, такъ и къ владѣніямъ обоеихъ главныхъ воеводъ, изъ которыхъ одинъ владѣлъ Хлумомъ, а другой Требиномъ и Поповымъ: въ Конавлѣ сходились владѣнія обоеихъ.

Между доказательными средствами, прежде всего вниманіе наше должно быть обращено на свидѣтельство или показаніе свидѣтелей. Свидѣтели въ Славянскомъ правѣ занимаютъ почетное мѣсто, и при извѣстныхъ условіяхъ пользуются полною довѣренностію: отъ того въ статутахъ Далматскихъ городовъ и острововъ находятся подробныя постановленія о свидѣтеляхъ. На показаніи свидѣтелей основывался искъ и рѣшалось дѣло; свидѣтели подкрѣпляли каждое показаніе, и безъ нихъ оно считалось недѣйствительнымъ; ихъ клятва имѣла одинаковую силу съ клятвою самого истца. За то и право свидѣтельствовать было ограничено строгими положеніями. Въ гр-ѣ Стефана Дечанскаго (С. № 39) есть любопытное извѣстіе о томъ, какъ должно разбираться при переимкѣ людей. Если Король услышитъ, что въ Стонѣ и Рѣтѣ проживаютъ его подданные, кромѣ тѣхъ, которые поступили во власть Дубровника вмѣстѣ съ упомянутыми мѣстами, то Король посылаетъ своего человѣка, который, вмѣстѣ съ приставой Дубровникимъ, идетъ въ Стонѣ и Рѣтѣ и отыскиваетъ королевскихъ людей; если таковые не отыщутся, а Король не повѣритъ, то да нарѣ краѣи устриши или итши властеломъ дѣрочкуиимъ да ми се бѣжати з бѣгородичъ дѣрочкукъ прѣдъ улѣкомъ краѣи како из ми нѣмога улѣка краѣи (и)и з рѣтѣ ни з стонѣ. Слѣдовательно, клятвою свидѣтелей дѣло оканчивалось. Въ Душановомъ Законникѣ есть двѣ статьи (144 и 151), которыя пороту назначаютъ доказательнымъ средствомъ къ оправданію подозрѣваемаго; но такъ какъ сдѣсь дѣло нейдетъ о судебномъ рѣшеніи, то должно заключить, что сдѣсь законодатель разумѣетъ свидѣтелей, которые клятвенно оправдывали обвиняемаго. Какъ единственно свидѣтели, такого рода поротники ничѣмъ не отличаются отъ «душниковъ». То и другое слово означаетъ присяжныхъ; ибо въ Сербскихъ грамотахъ и Сербскомъ правѣ часто употребляются въ одномъ и томъ же смыслѣ «клятва» и «душа», или оба понятія, для взаимнаго усиленія, соединяются въ одно выраженіе «клясться на душѣ, или душою.» Вотъ нѣсколько примѣровъ: И крахъ (на). вѣса. ѡко. писаниѣ. марьтоль. гелерникъ. башъ.... вѣръхъ. дѣше. свое. и вѣса ѡшанине дѣрочкуиимъ. си ѡбѣтъ. потвердила дръжати. и илѣтъ се (С. № 16); да рѣ краѣи дѣшѣ (С. № 43); и ми се из той замѣсно нашани вѣрами и дѣшани да смо той правѣ свѣдоуили (С. № 156) и пр. По этому у древнихъ Сербовъ сказать на душѣ считалось равносильнымъ клятвѣ, и отъ того душники имѣли то же значеніе, какое и поротники, въ смыслѣ свидѣтелей, отли-

чаясь отъ простыхъ свидѣтелей тѣмъ, что показанія свои подтверждали клятвою. Это всего яснѣе видно изъ 163-й ст. Законника Душанова, гдѣ находимъ слѣдующее мѣсто: *аколи се слоуи что изгоубити да имь (торговцамъ и гостямъ) исть порота вѣровани улоктци. что рикоу доушомь своимь, ере соу изгоубили, съ ѡими поротци, то имь да плати шифаде и стражи. Сдѣсь, какъ видно, порота и поротци опредѣлены точнѣе выраженіемъ вѣровани улоктци что рикоу доушомь своимь, которые, въ свою очередь, могутъ быть замѣнены однимъ словомъ доушинцы или доушкинцы, какъ и дѣйствительно употребляется это слово въ другихъ статьяхъ. Объявить подъ клятвою количество утраты есть дѣло свидѣтеля, а не судьи: по этому душники суть присяжные свидѣтели, а не судьи. Такъ и въ другихъ статьяхъ Законника, въ которыхъ встречается слово душники, оно означаетъ свидѣтелей, а не судей¹; и приговоръ произносится не ими, а самимъ законодателемъ въ тѣхъ же самыхъ статьяхъ. Ихъ обязанность еще болѣе уяснится изъ сличенія гр-ы Душана (С. № 43), повторенной Урошемъ V (С. № 50), съ 193-ю ст. Законника. Въ первой сказано: *а(но) кон любо трьговць. довѣ конѣ квиньк иствгъ зьмль. а позидюсе. да се ильне. тьзи трьговць самъ дрегн ере (что) га ѣ квиньк з тьген зьмли. и не зиа тати. ни гьсара (разбойника). да не дамь скода за този. да ако си взуюси сизи. кон си га позмава. взети кони. да си га взме а ѡиомези трьговць. да подд цтвѣ. цо вьде подаль за нега. А во второй: И скода коньскимъ и инымъ добыткь, или кон годѣ, прьвѣд. что се гоуси (похищается) или оукрѣдѣ, томоу да даа скодинка, да плати вьсѣко само седьмо. ако ли рѣуе. коупникъ оу того (тоути, въ чужой) зьмльи, да ѡпрак доушвинци ѡтъ глобе (пени). ако ли га не ѡпрак доушвинци, да плати за (съ) глобомь. Сличимъ эти два мѣста еще съ 151-ю ст.: *Шо ко (кто) коупи ѡтъ плати истоужде зьмльи что боудѣ платинко во царькон зьмльи, да исть колми коупити ѡтъ тога плати колнко оу уюждеи. ако ли га кто потвори (задержать) и вѣли (скажетъ): то е моѣ, да га ѡпрак порота по зьконоу, ере исть коупилъ оу тоуждон зьмльи, а не (нѣтъ) моу ни тати ни продавць ни вѣстимикъ. тако има кько свое. Сравнивъ всѣ три мѣста, видимъ, что сдѣсь дѣло идетъ объ одномъ и томъ же: о покупкѣ коня, или другаго какого предмета, похищеннаго въ Сербіи и доставленнаго изъ чужой земли обратно въ Сербію для продажи. Купившій его, въ случаѣ, если отыщется прежній хозяинъ, представляетъ присяжныхъ свидѣтелей въ удостовѣреніе того, что купленому имъ предмету, оказавшемуся краденымъ, онъ не знаетъ ни вора, ни разбойника, ни продавца, сбывшаго его первоначально въ чужую землю изъ царской, ни соучастника; послѣ этого онъ избавляется отъ свода и владѣть купленнымъ предметомъ по праву собственника; но если прежній хозяинъ захочетъ взять себѣ назадъ свою собственность, то купившій не можетъ удержать ея и возвращаетъ съ полученіемъ обратно своей цѣны, т. е., того, что она ему стоила; пени за покупку краденаго предмета онъ не платитъ, ибо уже оправданъ душникомъ; но если не оправданъ, то возвращаетъ купленный предметъ «съ глобою», т. е., самъ седьмой. Можно присоединить сюда еще одно мѣсто изъ той же грамоты Душана: *и кон трьговць. квинь кони и трьгъ. и плати зьни цривѣ. да рѣ цривѣи душѣ ере ѣ тогази кони квиньк. и за нега платилъ цривѣ. а тати не зиа. да не за този скода исть. аколи га такоуи не ѡпрак царини. да да скода зь нога ѣ квиньк. Сдѣсь нѣтъ купли въ чужой****

¹ Ср. ст. 65, 190, 191, 193.

земль, но дѣло состоитъ въ одномъ и томъ же: царинникъ, хотя и должностное лицо, заступаетъ мѣсто душника и оправдываетъ купившаго. Такимъ образомъ всѣ приведенныя мѣста представляютъ одинаковое положеніе о покупке украденаго въ чужую землю предмета; только выраженія для присяжныхъ свидѣтелей употреблены различныя: въ грамотѣ сказано просто «да клянется самъ-другъ»; въ Законникѣ этотъ побочный свидѣтель, присягающій вмѣстѣ съ покупщикомъ, замѣненъ «душевниками» и «поротою», а для купли, не бывшей въ чужой землѣ, онъ могъ быть самъ царинникъ. Въ томъ же смыслѣ порота является еще въ двухъ статьяхъ Законника. Ст. 144-я: Дѣромъ калстальсѣи, ако оушши ногъ зло етъ индѣ, кто боудѣ проинкреникъ, да гл ошраке оушши дроушшия поротемъ. ако ли мсть свѣрь, да хвати оу коталь; ст. 163-я: ако ли се слоуѣи (гостямъ и торговцамъ) уѣо изгоуѣати да нмъ мсть порота впрокани улоуѣи. уѣо ркоу доушомъ своѣомъ, ере соу изгоуѣани съ ошми поротѣи, то нмъ да платѣ. Судъ по поротѣ не могъ обойтись безъ поротниковъ какъ съ той, такъ и съ другой стороны: въ этомъ и состояло существенное свойство этого замѣчательнаго суда. Сдѣсь же поротники, по самому смыслу дѣла, стоятъ только съ одной стороны, ибо другой не было. Хотя ошраке можетъ означать и судебное оправданіе; но сдѣсь оно означаетъ очищеніе отъ обвиненія черезъ клятву свидѣтелей, и только въ этомъ смыслѣ можетъ быть противопоставлено пыткѣ, назначаемой для себра. Вторая статья еще яснѣе подтверждаетъ смыслъ первой: въ ней поротники явно суть присяжные свидѣтели, вмѣстѣ съ которыми присягало и главное лицо. Клятвенное показаніе этого послѣдняго находило въ ихъ клятвѣ подтвержденіе себѣ. Сдѣсь нѣтъ и тѣни суда. Отсюда заключаемъ, что въ Законникѣ порота употребляется въ двоякомъ смыслѣ: какъ судъ по поротѣ и какъ клятвенное свидѣтельство: и этого различія не надобно забывать ни въ какомъ случаѣ. И такъ въ Сербскомъ судопроизводствѣ поротники, въ смыслѣ свидѣтелей, и душники служили присяжными свидѣтелями; и такъ какъ ихъ показаніе упраздняло всякое другое изслѣдованіе, на пр., сводъ, и считалось неопровержимымъ доказательствомъ, на которомъ уже основывался и самый приговоръ, предоставленный царскимъ судьямъ, или царю, или произнесенный ираѣе въ самомъ Законникѣ, то показанія ихъ нельзя назвать только очистительнымъ, а ихъ самихъ «очистниками», *osistnici*, или «помощниками», *rošposici*, каковы были у древнихъ Чеховъ въ смыслѣ оправдателей обвиняемаго, или «сакраментаріями», *sacramentarii*, въ томъ же смыслѣ у жителей Далматскихъ общинъ; но показаніе ихъ могло быть и обвинительнымъ, и сами они могли свидѣтельствовать за и противъ. Были ли они въ то же время и рѣшителями дѣла, т. е., имѣли ли право произносить приговоры? Этого мы не видимъ ни отъ куда. Душники не суть поротники въ смыслѣ судей. Если Законникъ 129-ю и 156-ю статьями своими и если списокъ его 1701 года, заключающій слово *porotici* словомъ *soūdi*, достаточно свидѣтельствуютъ, что поротники были присяжными судьями, рѣшителями дѣла, и если душники были присяжными свидѣтелями въ пользу, или противъ обвиняемаго и оправдывающагося, то мы можемъ думать, что Шафарикъ и Палацкій ошибаются, разумѣя волю душниками судей. Первый переводитъ ихъ чрезъ *judices*, *Richter*¹, а второй говоритъ: «что поротцы въ дѣлахъ важнѣйшихъ, то душники, душевники и свидѣтели въ дѣлахъ малыхъ», и доказываетъ свое мнѣніе 69-ю ст. Закон-

¹ Кухарскаго, Древнѣйшія памятники Словянскаго законодательства, стр. 218.

ника. При этомъ онъ замѣчаетъ также, что «душники отвѣчали за приговоръ своею душою, а по тому не присягали»¹. Во первыхъ, душники не были судьями, по тому, что ни одна статья Законника не говоритъ объ этомъ. Въ 69-й ст. сказано только: *А за миги сядскимъ... да коуду рѣкоуть сядоци, тино да ест*. Сдѣсь приговоръ провѣсенъ самою статьею, а показаніе свидѣтелей взято только въ основу, какъ доказательство, слѣдовательно, и не болѣе, какъ свидѣтельство. 65-я и 193-я ст. были бы приличнѣе, ибо въ первой изъ нихъ положено: *Аще кто понасятъ (потравить) жито или винограда или амкадоу грахомъ, тоудзи попламоу да плати, шѣ рѣкоуть доушники, кон цѣна; а во второй: да отправи доушники отъ глоса*. Но и сдѣсь, въ первомъ случаѣ, душники являются не болѣе какъ оцѣнщиками, а во второмъ простыми свидѣтелями, являющимися при совершеніи покупки; но приговоръ или рѣшеніе дѣла заключается въ самихъ статьяхъ и зависитъ отъ воли законодателя. Что душники присягали, то это достаточно доказано нами выше; а что они не разбирали и малыхъ дѣлъ, то за это ручается 129-я ст., которая именно говоритъ: *а за мало дало. з. поротыць. — перотниковъ, но не душниковъ*. Вообще порота обширностію своего значенія не должна смущать послѣдователей. Если душники клялись, и по тому самому были поротниками, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы они отправляли должность поротниковъ-судей. Послѣдніе составляли только одинъ видъ поротниковъ вообще или присяжныхъ. Но чтобы душниковъ не сдѣлать поротниками-судьями, то для этого нельзя утверждать, что они не клялись. Какъ же иначе, какъ не черезъ клятву, поручатся они своею душою въ справедливости показанія? «Порота» или «рота» у Славянъ означаетъ вообще клятву безъ отношенія къ суду, а по тому и «поротникъ» или «ротникъ» означаетъ вообще присяжнаго, будетъ ли это судья, или свидѣтель. Въ статутахъ Далматскихъ общинъ часто встрѣчается эти слова, но нигдѣ (крошъ упомянутой статьи Дубровницкой Зеленой Книги) они не указываютъ на судъ по поротѣ и на присяжныхъ судей: они всюду означаютъ не болѣе, какъ обыкновенную клятву и клянувшихся свидѣтелей². Даже выраженіе § 41-го Винодольскаго Закона: *ротники за осудити кристе* не должно быть понимаемо иначе, какъ въ смыслѣ свидѣтельства неблагоприятнаго, но не въ смыслѣ судебного обвиненія; ибо дальнѣйшій смыслъ статьи показываетъ, что сдѣсь ротники суть свидѣтели, которымъ, безъ извѣтнаго условія, можно и не вѣрять.

Независимо отъ присяжныхъ свидѣтелей, душниковъ и ротниковъ, въ Сербскомъ судопроизводствѣ допускались другаго рода свидѣтели, не присяжные, которыхъ показанія основывались на ихъ личной честности и безпристрастіи; которымъ вѣрили на слово. Въ статутахъ Далматскихъ общинъ ихъ называютъ не иначе, какъ «добрыми мужами» или «добрыми людъ-

¹ Сравненіе законовъ царя Стефана Душана Сербскаго съ древнѣйшими земскими постановленіями Чеховъ. Чтенія И. О. М. и Д. Р. 1846. N 2, стр. 24.

² Ср. Винодольскій Законъ, (Чтенія И. О. М. и Д. Р. 1848, N 4.) §§ 40, 41, 43, 41, 43, 45, 47, 72, 73.—Кръчскій статутъ (Statut otoka Krka. Arhiv za povestni, Jugoslav., knj. II, glava II. 1852. Стр. 277—307) 1388 года, гл. 14; 1476 г., гл. 2. Сдѣсь числа главъ выставлены по нашему счету: въ изданіи Загребскаго Архива главы не перечислены. — Рейцъ, въ Сборн. Валуева, стр. 151. Жаль, что Рейцъ, въ изслѣдованіи своемъ, не обратилъ должнаго вниманія на различіе, дѣлаемое въ узаконеніяхъ Далматскихъ общинъ между свидѣтелями присяжными и неприсяжными. Изслѣдованіе его въ этомъ случаѣ остается для насъ безъ пользы.

ивъ¹, «вѣрованныи», «подобныи», «добрыи»² свидѣтелями, «людьми добраго гласа»³, а свидѣтельство ихъ «вѣрованныи», или «отъ добраго гласа»⁴.

Остановимся прежде всего на такъ называемыхъ добрыхъ людяхъ. Самое названіе этихъ людей, или мужей, добрыми показывается, съ какой стороны смотрѣло на нихъ общество. Это были люди почтенные, уважаемые, честные, безпристрастные, заслуживавшіе общее и полное довѣріе. Они могли принадлежать не къ одному какому либо сословію, а къ разнымъ; ибо значеніе ихъ было не сословное, какъ, на пр., значеніе благородныхъ или властелей, но нравственное. Тѣмъ не менѣе справедливы и Рейцъ, относящій добрыхъ людей къ сословію небогродныхъ или горожанъ⁵. Онъ разумѣетъ здѣсь единственно такихъ добрыхъ людей, которые отправляли какія либо общественныя должности. Дѣйствительно, и теперь мы видимъ, что нѣкоторыя гражданскія обязанности лежатъ на людяхъ, которыхъ, по отправляемой ими должности, нельзя назвать чиновниками, но которые исполняютъ дѣла, требующія особенной добросовѣстности. Въ Дубровникѣ, какъ и въ другихъ Далматскихъ общинахъ, были должности, казавшіяся низкими для знатныхъ и богатыхъ властелей, но, по своей сущности, не могшія поступить въ завѣдываніе какого нибудь бѣднаго, неузнаннаго и никѣмъ не уважаемаго властеля; такія должности, каковы, на пр., опѣнна имущества, повѣрка отчетовъ, опредѣленіе границъ и т. п., нуждавшіяся въ безкорыстїи и добросовѣстности исполнителей, отдавались лучшимъ изъ горожанъ, людямъ, хотя и не благороднаго происхожденія, но пользовавшимся въ городѣ доброю славою и всеобщю довѣренностію. Имъ же поручались и нѣкоторыя одновременныя обязанности, нуждавшіяся равномѣрно въ надежныхъ исполнителяхъ. Вообще, граждане, не получавшіе жалованья, подобно чиновникамъ, и отправлявшіе нѣкоторыя постоянныя, или временныя должности, основанныя не столько на знаніи законовъ, сколько на добросовѣстности исполненія, избирались изъ добрыхъ людей. До сихъ поръ Рейцъ правъ; онъ правъ только для нѣкоторыхъ случаевъ, но не правъ для всѣхъ видовъ служенія добрыхъ людей; ибо, повторяю, основаніе, имъ взятое для опредѣленія ихъ значенія, не вѣрно: оно не есть сословное, а нравственное. Какъ, на пр., ограничить онъ какими либо сословіемъ происхожденіе тѣхъ добрыхъ людей, которые, по его словамъ, въ Истрии, рѣшали семейные споры по назначенію самого подесты⁶? Не ужели одно только сословіе горожанъ имѣло право судить и рѣшать домашнія распри, которыя могли возникнуть и въ властельскомъ и въ земледѣльческомъ сословіяхъ? Скорѣе всего сословіе добрыхъ людей отвѣчало сословію спорящихъ. Грамоты покажутъ намъ, что добрые люди были и изъ властельскаго сословія. Онѣ указываютъ на нѣкоторыя обязанности добрыхъ людей. Дубровничане просятъ Сербскихъ владѣтелей, чтобы за полученіемъ вкладовъ они посылали къ нимъ добрыхъ мужей, какъ людей благонадежныхъ (С. NN^o 87, 106, 112, 115, 157). Между тѣмъ изъ грамотъ видимъ, что за вложеніемъ и полученіемъ вкладовъ являются отъ Сербскихъ владѣтелей

¹ Ввод. Зак., § 27. — Кръчскій ст. 1388 г., гл. 19, 20, 26; 1170 г., гл. 3.

² Ввод. Зак., §§ 7, 23, 27, 28, 30, 42, 51. — Кръчскій ст. 1388 г., гл. 1. — Рейцъ, въ Сборн. Вал., стр. 184, 187, 192. — Млѣтскій ст., гл. 21, 29, 33, 41, 45, 52.

³ Ввод. Зак., § 66. — Кръчскій ст. 1388 г., гл. 14.

⁴ Ввод. Зак., § 59.

⁵ Сборникъ Валуева, стр. 74.

⁶ Тамъ же, стр. 151.

почти всегда лица знатнаго происхожденія, кнезы и властели, изъ коихъ нѣкоторые, какъ на пр., Бранль Тезаловичъ, были одними изъ знатнѣйшихъ бояръ. Другой вкладчикъ, витязь и кнезь Прибиславъ Похваличъ, названъ Дубровничанами племяннѣйшѣмъ, т. е., племяннѣйшѣмъ челоувѣкомъ (С. NN^о 106, 108, 109, 112, 115, 119, 123, 126, 127, 135, 139, 157, 158). Въ нѣкоторыхъ немногихъ грамотахъ вкладчики упоминаются не изъ властельскаго сословія, чего, впрочемъ, навѣрно утверждать нельзя. Таковы старецъ Димитрій, Радоня Прибичичъ и дьякъ Браянъ (С. N^о 87), христіанинъ (т. е., членъ ереси Патареновъ) Радашинъ (С. N^о 127), дьякъ Радивой Шяглица (С. N^о 134) и др. Совѣстныя дѣла, касавшіяся до личности, чести и имущества благородныхъ, требовали, чтобы и выборъ людей въ добрые мужи падалъ на благородныхъ. Добрые мужи являются посредниками въ распряхъ. Сандаля, въ ссорѣ съ своею матерью, упоминаетъ о добрыхъ людяхъ отъ Босны, Хорваціи, Венеціи и Дубровника, присудъ которыхъ онъ считаетъ для себя закономъ. Онъ даетъ обещаніе не покидать матери ни въ легкое, ни въ тяжелое время; развѣ съ ея стороны будетъ противъ него что нибудь такое, за что, по приговору означенныхъ добрыхъ мужей изъ четырехъ земель, можно бы было сыну покинуть мать (С. N^о 93). Нельзя никакъ думать, чтобы столь важное лицо, каковъ былъ Сандаля, могло щекотливое семейное дѣло поручить посредничеству не властелей, а горожанъ. Избранные имъ добрые мужи, безъ сомнѣнія, были знатнѣйшіе бояре четырехъ сосѣднихъ областей. Такъ точно Юрій, племянникъ Гервон, предоставляетъ Францисканскому викарію съ братією, себѣ и своимъ добрымъ людямъ право обсуживать тѣ проступки, за которые можно бы было племяннѣйшѣмъ, т. е., знатнѣйшѣмъ властелю отрубить голову, или отнять у нихъ наследственную собственность (С. N^о 118). Конечно, изъ мірянъ судить благородныхъ могли всего скорѣе благородные же. Невѣроятно, чтобы Юрій сталъ судить властелей съ одними горожанами. Радославъ Павловичъ, желая примириться съ Дубровничанами, послалъ къ нимъ добрыхъ мужей, которые и заключили съ Общиною договоръ отъ имени (С. N^о 114). Для этого нужны были люди опытные въ дѣлахъ государственныхъ: это были тѣ же послы. Придворные знатные властели скорѣе всего могли исполнить поручіе такого рода. Ихъ имена выставлены въ грамотѣ: христіанинъ и почтенный мужъ Радянъ, кнезь Санко Богавичъ, кнезь Иванишъ Гребеляновичъ и дьякъ Остой, домашній Радослава. Первый изъ нихъ упоминается еще въ гр-ѣ Стефана Косачи (С. N^о 142): мирясь съ женою и сыновьями, Косача общается не враждовать болѣе съ ними до тѣхъ поръ, пока причину вражды не найдутъ законною дѣдъ Боснійской Церкви, 12 строителей, и между ними гость Радинъ, и 12 главнѣйшихъ властелей. Въ другой гр-ѣ (С. N^о 143) тотъ же Косача приводитъ свидѣтелей: дѣда Боснійской Церкви и съ нимъ 12 главнѣйшихъ христіанъ, урядителей для строителей «нашей—какъ сказано въ грамотѣ—вѣры», и 12 знатнѣйшихъ властелей. «Дѣдъ», «строитель» и «христіанинъ» были почетными званіями въ Патаренской ереси: по этому и гость Радинъ, хотя и не былъ благороднѣйшѣмъ, однако справедливо названъ въ грамотѣ С. N^о 114 «почтеннѣйшѣмъ мужемъ». Дѣдъ, строители и христіане, т. е., избранные члены ереси, стоятъ въ грамотѣ выше властелей, какъ самыя почетныя лица, которымъ, вѣстѣ съ племяннѣйшими властелю, самъ воевода съ Савы отдаетъ свое дѣло на судъ. Второй и третій изъ вышеупомянутыхъ добрыхъ людей приводятся въ другихъ грамотахъ Радослава и сына его, Иваниша, въ числѣ свидѣтелей; а извѣстно, что свидѣтелями бывали всегда знатнѣйшіе бояре, именующіеся въ грамотахъ почетными вла-

стелами, родичами и братією самого владѣльца. Между такими свидѣтелями стоятъ имена Санка Богавчича (иначе Боровчича, Гаочича, Раочича) въ гр-хъ С. NN^о 104, 114, 133 и Иваниша Гребеляновича въ гр-хъ С. NN^о 114, 127. Отсюда ясно, что и властели и благородные могли быть добрыми людьми. Племянникъ Гервой, Юрій Воиславичъ, въ своей грамотѣ, приводя свидѣтелями кнезювъ, воеводу и родичей своихъ, называетъ ихъ всѣхъ добрыми людьми (С. № 118). И такъ, послѣ этого, не подлежитъ сомнѣнію, что добрымъ мужемъ могъ быть всякій, и простолюдинъ, и челоуѣкъ средняго состоянія, и властелинъ. Значеніе добрыхъ мужей или добрыхъ людей было не сословное, а нравственное. Нѣкоторыя гражданскія должности и важныя порученія исполняли, дѣйствительно, люди средняго сословія, а гдѣ дѣло касалось до личности, совѣсти, сословныхъ отношеній и т. п., тамъ добрые мужи избирались согласно съ происхожденіемъ главныхъ участниковъ дѣла. Такъ, на пр., для разбора семейной распри въ домѣ знатнаго боярина, для обсуждения проступка, сдѣланнаго властелемъ, для улаженія взаимныхъ отношеній между независимою Общиною и полунезависимымъ владѣтельнымъ бояриномъ, для свидѣтельства грамоты владѣтеля, или его вельможи и т. п. необходимо избирались добрые мужи изъ высшаго или властельскаго сословія; а для повѣрки, на пр., межи, или для точныхъ показаній о правѣ землевладѣнія и т. п. добрые мужи могли быть избираемы и изъ горожанъ. Такъ, Санковичи, говоря объ основаніи Дубровника, ссылаются на слова старожилувъ, добрыхъ людей, слышавшихъ отъ отцовъ и дѣдовъ о разрушеніи Епидавра, и на основаніи словъ этихъ добрыхъ людей они уступаютъ Дубровнику Коनावле и Виталину (С. № 78). Такъ точно для опредѣленія спорныхъ границъ, въ одной грамотѣ Душана (?) назначено было двѣнадцать старцевъ, добрыхъ людей, *да отешу куда межа* (Гр., стр. 54, № 38). Для оттесанія или проведенія межи не нужно было выбирать добрыхъ мужей изъ властельскаго сословія. Сдѣсь нужны были только люди добросовѣстные, на показанія которыхъ можно бы было положиться. Въ Далматскихъ общинахъ, также какъ и въ Сербіи, были добрые люди; но извѣстія о нихъ скуднѣе въ нашихъ источникахъ. Только въ одной грамотѣ находимъ ихъ, и именно въ гр-ѣ Уроша V (С. № 45), гдѣ царь повелѣваетъ Дубровнику послать своихъ добрыхъ людей для призванія виновнаго Жарка. Сдѣсь обязанность ихъ соприкасается съ обязанностію пристава, хотя различіе видно съ перваго взгляда. На пристава менѣе можно было положиться, чѣмъ на добрыхъ людей. Въ Кръчскомъ статутѣ видимъ, что проведиторъ Гуго, осматривая Врѣбникъ, имѣлъ при себѣ всѣхъ вѣчниковъ и прочихъ добрыхъ людей и съ ними дѣлалъ различныя постановленія (1477 г., февр. 3)¹. Сдѣсь разумѣются почтенные и благонадежные люди, приговору которыхъ община должна была подчиниться.

Къ этому общему значенію добрыхъ людей, избравшихся изъ разныхъ сословій для всего того, что нуждалось въ рѣшеніи, или исполненіи не должностнаго какого лица, а челоуѣка безукоризненной честности, съ вліяніемъ въ обществѣ, пользующагося извѣстностію и общимъ довѣріемъ, надлежитъ присоединить и частное значеніе добрыхъ людей, какъ свидѣтелей неприсяжныхъ. Всякое свидѣтельство, которому вѣрили, не нуждалось въ клятвѣ. Отъ того въ грамотахъ, Законникъ Душановомъ и уваженіяхъ Далматскихъ общинъ простые свидѣтели отличаются отъ присяжныхъ. Слѣдовательно, Серб-

¹ Arhiv za povestno. Jugoslav., 1852. II, II. Стр. 293.

ское право различало два вида свидѣтелей, душиниковъ или поротниковъ, въ смыслѣ свидѣтелей, и собственно такъ называемыхъ свидѣтелей или добрыхъ людей. Что простые свидѣтели были вѣстѣ и добрыми людьми, то это мы уже показали выше, приводя различныя названія, придававшіяся свидѣтельству. Теперь посмотримъ, есть ли слѣды упомянутого различія между свидѣтелями въ нашихъ грамотахъ, касающихся взаимныхъ отношеній Дубровника съ Сербіею. Известія о присяжныхъ свидѣтеляхъ мы уже рассмотрѣли. Обратимся къ простымъ свидѣтелямъ. И мѣди при латинскихъ срѣзкахъ. — сказано въ грамотѣ Душана (С. № 43) — да да латинскихъ срѣзкамъ половина латинъ. а половина срѣзкамъ свидѣломъ. такоу и срѣзкамъ мѣди при латинскихъ да мѣ да да свидѣломъ. половина срѣзкъ а половина латинъ. по закону нано съ имамъ. з родителъ и з прародителъ чрѣмъ. и з старо крали. Сдѣсь грамота имѣеть въ виду свидѣтелей, а не поротниковъ или судей, ибо непосредственно передъ этимъ говорить о судѣ и назначаетъ кому завѣдывать судомъ. За тѣмъ слѣдуетъ естественный переходъ къ свидѣтелямъ, клятвѣ, душиникамъ и т. д. Отсюда видимъ, что обычай представлять свидѣтелей велся въ Сербіи изстари, и что не оба тяжущіеся обязывались выставять свидѣтелей, а одинъ только истецъ долженъ былъ представить половину свидѣтелей изъ своихъ одноземцевъ, и половину изъ одноземцевъ своего соперника. Это послѣднее обстоятельство служить новымъ различіемъ между присяжными судьями и свидѣтелями: мы видѣли, что поротники непременно назначаются поровну съ той и другой стороны, отъ жалобника и отъ обжалованнаго, а не отъ одного истца. Но представленіе свидѣтелей съ одной только стороны не всегда наблюдалось. Справедливѣе было выслушать свидѣтелей съ обѣихъ сторонъ, и по тому въ 69-й ст. Законника, въ спорѣ за границы, Душанъ назначилъ свидѣтелей съ обѣихъ сторонъ по ровному числу. На показаніи ихъ утверждался приговоръ. Впрочемъ, сдѣсь сущность дѣла была отлична отъ предыдущей: тѣмъ не менѣе деспотскія грамоты и для торговыхъ дѣлъ опредѣляютъ поровну свидѣтелей съ обѣихъ сторонъ: аколи оуспоте оуекъ свидѣомъ, коп се прѣ, да нестане половинау дочрѣоуама. а половинау срѣзкъ. а ѿ оуахди свидѣомъ да изъ колъмъ им мѣдъ повѣки (С. NN № 73, 90, 91, 111, 137). Сдѣсь еще яснѣе, чѣмъ въ Душановой грамотѣ, отличены свидѣтели отъ поротниковъ, именуемыхъ судьями. По поводу суда поротниковъ назначаются и самые свидѣтели, и при томъ допущеніе ихъ предоставлено на волю тяжущихся. Свидѣтели представляются обѣимъ сторонамъ; изъ нихъ ни одинъ не можетъ бѣжать. Но при всемъ ясномъ различіи, какое мы видимъ между присяжными судьями и свидѣтелями, мы не знаемъ достоверно, клялись ли послѣдніе въ справедливости своего показанія, или нѣтъ: грамоты рѣшительно умалчиваютъ о клятвѣ этого рода свидѣтелей. Это одно уже служить отрицательнымъ доказательствомъ въ пользу того, что Сербское право допускало свидѣтелей не присяжныхъ. Но названіе добрыхъ мужей, придаваемое столь часто свидѣтелямъ въ статутахъ Далматскихъ общинъ, уже положительно доказываетъ это мнѣніе; ибо иначе этимъ свидѣтелямъ не за чѣмъ бы было называться добрыми мужами: справедливость ихъ показанія была бы подкрѣплена клятвою, а не добрымъ именемъ. Съ этимъ согласны и прочія названія, придаваемые свидѣтелямъ, какъ-то: почтенные, достоверные и т. д.; ибо если бы свидѣтели не были таковыми, то не были бы и свидѣтелями. По этому клятва, при ихъ добросовѣстности, была дѣломъ лишнимъ. Мы съ увѣренностію можемъ сказать, что этого рода свидѣтели дѣлали свои показанія голословно. Но Рейцъ приводитъ положеніе изъ Ко-

торскаго статута, по которому всѣ свидѣтели должны быть правдоими къ присягѣ¹. Въ Которѣ, можетъ статья, дѣйствительно такъ было; однако мы, имѣя подъ рукою подлинники Винодольскаго, Кръчскаго и Млѣтскаго статутовъ, не можемъ допустить словъ Рейца для прочихъ общинъ. Ни въ одномъ статутѣ мы не находимъ выраженія, которое, по смыслу своему, означало бы клятву свидѣтелей. Тамъ постоянно употребляются выраженія: «показати», «приказати», «сказати», «провати»², въ чемъ, конечно, никто не замѣтитъ клятвеннаго удостовѣренія, которое тамъ, гдѣ оно существуетъ, имѣетъ другое выраженіе, именно, «присети», «одприсети», «ротою, заклетвою подтвердити», «ротити» и т. п.³; а присяжные свидѣтели называются въ такомъ случаѣ уже не «свѣдоками», а «ротниками». Приведу замѣчательное мѣсто изъ Винодольскаго Закона, гдѣ «свѣдоки» отличены отъ «поротниковъ»: *И ѣште од убойства, ако ни су сведоци, осваени од нега (обвиненный въ немъ) има се очистити само. њ. десет, найдутъ (нашедши) евоих поротники, како пайболь ви и мере (знаеть и можетъ); ако ротники ни ма, присези он сам толико крат, воля за оних, ки му манькаю (недостають) (§ 68)*. Если нѣтъ свидѣтельства, то слѣдуетъ присяга. Вотъ нѣкоторыя статьи изъ Винодольскаго Закона: *Ако буде пред двором од сили пра, воля од татби... и парац ни ма свидоцтва сержу кривца, и пусти се на роту од рубань (§ 9); Ако сведоци онде ни су, има присети, ки таи, само. ѡ. (§ 11); Ако убо онде ни су сведоци добри, присези, ки таи (§ 27);... ако од речене сили ни ма сведоки, верована е, ниште мань има присети положивши руку зверху кни (§ 56);... ништар мань има с роту потврдити, ако ни су онде сведоци (§ 61)*. Изъ статута Кръчскаго 1388 года: *I ošće, ako nebi imela svedoki, da onda ima priseći samo 12. (гл. 1); Ošće po svedočeh ali po inom računě, ako gospodar nebude moći viděti svoju škodu, tere bi se sumnjel na nikoga tata, mozi ga rotiti samo 12. (гл. 14);... on ki bude se tužiti, tere provati jednim dobrim človikom... ako bi nemogal provati ki bi bijen, budi verovan samotret priseg (гл. 19);... on ki bi udren, ter bi se tužil i proval jedněm dobrēm človikom... ako bi nemogal provati, budi verovan priseg samotret (гл. 20);... a vazda provaјуći 2, ali jedněm dobrēm človikom, a nemogūći provati, imej se otriseći samošest (гл. 26)*. Такое же различіе заключается и въ выраженіи статута 1470 года, гл. 2: *imej priseći ali pokazati*. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ показаніе свидѣтелей бываетъ недостаточно, и тогда слѣдуетъ присяга. Если цѣнность вещи превышаетъ извѣстное количество денегъ, то присяга замѣняетъ свидѣтельство. Таковы положенія Винодольскаго Закона. *.. мимо ча би вридно било солдини. ѡ. невете толико ако би имел (ключар) сведоки верованих; и такое сержу. ѡ., сол. ча би вридно, има присети такнут у свето евангеле (§ 42); Ёште ниедан товернар ній' верован през сведоцтва од ниедне кърденче, ку би он учинил од свога вина навлаимога невете солдини. ѡ., а подружник, то е, ки туе вино продае, солдини. ѡ., и еште имаю серж тога присети (§ 43)*. Всѣ эти мѣста ясно показывают различіе между свидѣтелями простыми, «свѣдоками», и свидѣтелями присяжными, «ротниками». Первымъ вѣрили на слово, вторымъ въ силу приносимой ими клятвы.

¹ Обори. Вал., стр. 178.

² Ср. Винодольскій Зак., §§ 7, 23, 27, 28, 30, 51, 52, 58, 76. — Кръчскій стат. 1388 г., гл. 1, 14, 19, 20, 26, 28; 1470 г., гл. 3; 1476 г., гл. 1. — Млѣтскій стат., гл. 1, 52.

³ Ср. Винодольскій Зак., §§ 9, 10, 11, 27, 42, 43, 44, 45, 56, 61, 63, 69, 73, 76. — Кръчскій стат. 1388 г., гл. 1, 14, 19, 20, 26; 1470 г., гл. 2. — Млѣтскій стат., гл. 9, 30, 34, 39, 45

Вѣроятно, первыхъ, какъ людей добрыхъ, труднѣе было найти, чѣмъ вторыхъ, и по тому въ Кръчскомъ статутѣ 1388 г. требуется большее число ротниковъ, чѣмъ свидѣковъ. Для доказательства укажу на 1-ю главу, гдѣ, вмѣсто трехъ добрыхъ свидѣтелей, требуется двѣнадцать поротниковъ; на 19-ю и 20-ю гл., гдѣ одинъ добрый человѣкъ равняется тремъ присяжнымъ свидѣтелямъ; и на 26-ю гл., въ которой, вмѣсто двухъ, или одного добраго человѣка, назначается шесть присяжныхъ свидѣтелей. Такимъ образомъ узаконенія Далматскихъ общинъ положительно доказываютъ то, что наши грамоты доказываютъ только отрицательно: не остается никакого сомнѣнія, что Сербское право допускало двойныхъ свидѣтелей. Между добрыми людьми, избравшимися для свидѣтельства, были и добрыя жены. Онѣ назначались только въ такомъ случаѣ, когда дѣло касалось женщины, было ли то оскорбленіе личности, или ссора съ мужемъ, или насиліе: §§ 18, 27, 28 Винодолскаго Закона и гл. 1-я и 23-я Кръчскаго статута 1388 г. допускаютъ таковыхъ «добрыхъ и подобныхъ» женъ къ свидѣтельству. Даже женщина могла быть и присяжнымъ свидѣтелемъ въ дѣлѣ о насиліи, какъ видно изъ § 56 Винодолскаго Закона. Не касаюсь другихъ, дальнѣйшихъ постановленій о свидѣтеляхъ, какъ-то: условій ихъ избранія, числа ихъ, права свидѣльствованія и пр. Все это весьма точно и подробно опредѣлено въ различныхъ статутахъ Далматскихъ общинъ и показываетъ, что свидѣтели занимали важное мѣсто въ ихъ судоустройствѣ; но такъ какъ разсматриваемыя мною памятники не подають къ тому повода, то я и не останавливаюсь на дальнѣйшихъ постановленіяхъ о свидѣтеляхъ и перехожу къ другимъ доказательнымъ средствамъ, упоминаемымъ въ нашихъ грамотахъ.

Нѣтъ, кажется, надобности говорить, что самыя грамоты служили доказательствомъ въ различныхъ дѣлахъ и спорахъ, какъ свидѣтельство на обладаніе какимъ либо правомъ. Ссылки на договоры отцовъ и дѣдовъ, столь частыя въ грамотахъ, испрашиваемыхъ Дубровничанами у Сербскихъ владѣльцевъ; грамоты на принятіе вкладовъ; тѣ же самыя, съ которыми повѣренныя являлись и за обратнымъ ихъ полученіемъ, и т. п. суть такое же доказательное средство, какъ и живое свидѣтельство. Грамоты выдавались Дубровничанамъ въ удостовѣреніе взаимныхъ сдѣлокъ: земельныхъ, мировыхъ, договорныхъ, денежныхъ, торговыхъ и т. д. Дубровничане отвѣчали, когда было нужно, на эти сдѣлки своими грамотами. Внутри Сербскихъ земель грамоты выдавались преимущественно на право владѣнія земельною собственностію, и тотъ, кто имѣлъ подобную грамоту и представлялъ ее на видъ въ случаѣ тяжбы, выигрывалъ дѣло (З., ст. 68). Только въ спорахъ за церковную землю грамота не принималась въ уваженіе, и споръ рѣшался судомъ по закону церковному и царскому съ вѣдома самого царя (З., ст. 67). Основаніемъ землевладѣнія при Душанѣ служило положеніе, какъ кто чѣмъ владѣлъ при Милутинѣ; но изъ двухъ грамотъ, данныхъ на одно владѣніе, силу имѣла только послѣдняя, ближайшая ко времени изданія Законника (З., ст. 68, 141). Бѣглецамъ изъ чужой земли давалась царская охранныя грамота, съ которою они могли водворяться въ землѣ царской; иначе прогонялись обратно (З., ст. 101). Ни царь, ни царица, ни церковь, ни властелинъ, ни кто другой не могъ принимать и держать у себя чужаго человѣка безъ грамоты царской (З., ст. 120). Безъ грамоты, подписанной самимъ царемъ, начальство не имѣло права никого сажать въ тюрьму, подѣ страхомъ пени въ 500 черв. (З., ст. 178). Не только отдѣльныя лица получали грамоты на владѣніе баштинами, но и

цѣлме города, какъ Сербскіе, такъ и завоеванныя Гроческіе, хранили у себя жалованныя грамоты, которыя считались неопровержимымъ доказательствомъ ихъ правъ и не могли быть нарушены даже самою верховною властію (З., ст. 39, 117, 148). Всякая царская грамота, какого бы рода она ни была и кому бы ни была представлена, должна быть исполнена въ точности: ослушаться ее невозможно. Но если требованіе царской грамоты дѣйствительно не можетъ быть исполнено, то она представляется обратно царю, и тотъ, къ кому она относится, долженъ лично держать отвѣтъ передъ царемъ (З., стр. 116). Если въ грамотѣ окажется подлогъ, то таковая уничтожается, а владѣніе баштиною, на ней основанное, прекращается (З., ст. 118). Грамота, опровергнутая Законникомъ царскимъ и судомъ, представляется судьей на разсмотрѣніе царю (З., ст. 93). Душанъ, желая, чтобы судьи исполняли свой долгъ честно и право, старался сколь возможно болѣе придать грамотѣ, какъ доказательному средству, значеніе безпристрастія и правоты. По этому онъ самъ повѣлывалъ въ 184-й статьѣ своего Законника: *аще пише книгоу царь или по сръдѣоу намъ по дѣлѣмъ или по милости хъ некогда, а она книга раздорѣтъ законникъ, не по правду и не закономъ, како пише законъ, соудѣ тоу книгоу да не взроуѣютъ, тькѣмъ да соуде сърѣше по правдѣи. Сдѣсь отношеніе между царскою грамотою и закономъ поясняется тѣмъ, что Законникъ былъ изданъ не однимъ царемъ, но вмѣстѣ съ знатнѣйшими духовными и мірскими чинами Сербіи. При выдачѣ грамоты на владѣніе баштиною взималась подать по 30 перперовъ за каждое село логовету и 6 перп. дяку за письмо (З., ст. 114). Независимо отъ царскихъ грамотъ, судьи выдавали и отъ себя грамоты, въ которыхъ излагали свои приговоры и которыя служили для приставовъ и глобарей основаніемъ для приведенія въ исполненіе судебныхъ рѣшеній (З., ст. 165). Грамотами приглашались къ суду великіе пластели (З., ст. 51). Всякое судебное рѣшеніе записывалось судьей въ двухъ грамотахъ, изъ коихъ одну судья отдавалъ приставу для точнаго исполненія, а другую оставлялъ у себя для повѣрки дѣйствій пристава. О такихъ двойникахъ говорится въ 165-й и 166-й статьяхъ Законника. Судейскимъ грамотамъ всякій долженъ былъ повиноваться безпрекословно, и ослушники наказывались одинаково съ ослушниками царскими (З., ст. 128). Таково было государственное, гражданское и судебное значеніе грамотъ въ древней Сербіи. Важность грамоты и внѣшняя форма ея определялись важностію самого предмета. Различіе въ степени важности грамоты отражалось и въ названіяхъ. Въ древней Сербской письменности слово «грамота» не употребляется, но его постоянно замѣняетъ слово «книга», которое всегда у Сербовъ, какъ и у нѣкоторыхъ Славянъ, значитъ то же, что буква, письмо, бумага, грамота, книга и грамотность. Книга, самая важная по своему значенію и писанная съ соблюденіемъ полной формы, есть «хрисовулъ» или «златопечатное слово», носившее при себѣ золотую печать. Впрочемъ, это названіе встрѣчается только въ собственно-Сербскихъ грамотахъ не ранѣ Милутина. Можно думать, что только съ этого короля и только въ собственной Сербіи велся обычай важнѣйшія грамоты печатать золотою печатью. Сюда относились преимущественно грамоты, торжественно подтверждавшія Дубровничанамъ ихъ права и льготы, или утверждавшія за церквами и монастырями новыя надачи. Вообще всякая, данная государемъ, грамота называлась въ собственной Сербіи «словомъ», къ которому, кромѣ златопечатнаго, прибавлялись иногда еще другія названія, какъ-то: «обычное», «всенастоящее», «извѣстное», «печатное». Въ другихъ случаяхъ, смотря по содержанію своему, книга называлась «милостью», «повелею»,*

«записомъ» или «записаніемъ». Сдѣсь смыслъ содержимаго переносился на содержащее. Эти названія встрѣчаются какъ въ Сербскихъ, такъ и въ Боснійскихъ, Дубровницкихъ и другихъ грамотахъ. Милость означала дарственную грамоту, которою жаловались новыя, или подтверждались старыя права. Повеля (повелѣніе) содержала волю государя, требовавшую исполненія. Записями назывались большею частію расписки, которыя Дубровничане выдавали на принятіе вкладовъ и съ которыми повѣренные являлись къ нимъ за полученіемъ вкладовъ. Вообще запись и записаніе представляли незначительную грамоту, писанную наскоро безъ соблюденія полной формы. Во взаимныхъ сношеніяхъ Босны съ Дубровникомъ книга часто называется «листомъ», къ которому присовокупляются иногда названія: «върованный», «отворенный». Последнее означало открытую грамоту, которая, въ случаѣ спора, могла быть показана и прочитана всѣмъ и каждому. Другія менѣе точныя названія, встрѣчаемыя въ Боснійской и Дубровницкой грамотности, суть: «писаніе», «подписаніе» и «еспедиторія». Последнее употребляется рѣдко, исключительно для записокъ покладамъ. Мы упомянули о формѣ грамотъ. Хрисовуль и вообще всякая торжественная, важная грамота начиналась со вступленія, которое всегда было набожнаго содержанія и называлось «богословіемъ». Обыкновенно длинныя вступленія, богатые богословскими умозрѣніями и выписками изъ Св. Писанія, находятся въ собственно-Сербскихъ грамотахъ, начиная уже съ Немани, и усмиваясь преимущественно при Милутииѣ и Душанѣ. Они православнаго содержанія, и корень или истороженіе ихъ есть собственная или восточная, православная Сербія. Вступленія перешли потомъ и въ грамоты Боснійскихъ королей, желавшихъ чрезъ это поддѣлаться подъ ладъ грамотъ Сербскихъ царей и тѣмъ сблизиться съ ними въ понятіяхъ народныхъ. Извѣстно, что Боснійскіе короли предъявляли свои права на восточную Сербію, бывшую уже въ зависимости отъ Турокъ, и всячески старались укоренить эту мысль въ народѣ православной Сербіи: то величали себя прямыми потомками и родичами царей и королей Сербскихъ, то ссылались на преемство власти, то требовали себѣ Сербскаго дохода. И это-то заставляло ихъ писать вступленія, согласныя съ догматами Православія, тогда какъ сами они были или католики, или патарены. Но бесплодность почвы для вступленій оказывается съ перваго разу. Одни вступленія выписаны изъ собственно-Сербскихъ грамотъ¹; другія, сочиненныя однажды, переходятъ изъ грамоты одного короля въ грамоту другаго². Впрочемъ, переписываніе вступленій началось уже и въ собственной Сербіи съ упадкомъ ея могущества. И тамъ нѣкоторыя позднѣйшія грамоты имѣютъ вступленія, заимствованныя изъ древнѣйшихъ³. Какъ только Юрій Стратимировичъ Зетскій задумалъ сдѣлаться независимымъ и предъявлялъ права на преемство послѣ Сербскихъ царей, то въ подтвердительной грамотѣ Дубровничанамъ помѣстилъ вступленіе (С. № 71). Хлумскіе и Травунскіе владѣтельные бояре, не имѣвшіе повода ко вступленіямъ, избѣгаютъ ихъ; а Дубровничане, католики, вовсе не употребляютъ ихъ. Только однажды ихъ логовету Руску пришла мысль внести въ одну изъ писанныхъ имъ грамотъ вступленіе изъ королевскихъ Боснійскихъ грамотъ; но и тутъ, чрезъ рабское подраженіе

¹ Слѣд. С. N 57 съ С. NN 105, 156; С. N 71 съ С. NN 84, 97; С. NN 49, 50, 62, 90, 91, 111, 137 съ С. N 99.

² Сл. С. NN 81, 85, 95, 150, 3. А.; С. NN 114, 144.

³ Сл. С. NN 49, 50, 62, 90, 91, 111, 137; А. NN 18, 19.

онъ впаде въ грамматическія ошибки, забывъ согласованіе словъ¹. Большая часть грамотъ начинается, вмѣсто вступленія, обычнымъ выраженіемъ къ (ка, оу) или бѣца и сіа и стѣго дѣа. Но вообще начала грамоты, при всей краткости своей, чрезвычайно разнообразны; между ними болѣе обыкновенныя суть: пише крѣпкѣствомъ или царствомъ да и вѣдомо; или: да и вѣдомо створи милость крѣпкѣствомъ, или царствомъ: это начало употребляется въ собственно-Сербскихъ грамотахъ; милостию кожнѣю азъ (я)....; съ помощію кожнѣю я (азъ) и т. д. Иногда грамота начинается прямо съ имени дающаго ее. Вообще должно замѣтить, что чѣмъ ранѣе вѣкъ грамотъ, тѣмъ форма ихъ небрежнѣе, тѣмъ она торопливѣе и неопредѣленнѣе. Особенно грамоты королей Владислава, Уроша и Милутина отличаются краткостію и отсутствіемъ формы, можетъ быть, по тому, что короли не считали приличную форму обязательною для себя по своимъ отношеніямъ къ Дубровнику; или это происходило отъ неустановившихся еще вышнихъ условій грамотности. За началомъ слѣдовали имя и титулъ давшаго грамоту, если только они не начинали собою грамоты. Потомъ излагалось самое дѣло. Эта существенная часть отличается во всѣхъ, подлежащихъ нашему изслѣдованію, грамотахъ относительно большею чистотою и народностію языка. За нею слѣдуетъ клятва въ удостовѣреніе ненарушимости грамоты и зарокъ себѣ, или проклятіе другимъ, если бы грамота была нарушена. Иногда клятва предшествуетъ изложенію дѣла. За тѣмъ выставляются свидѣтели, если таковые были и присягали вмѣстѣ съ главнымъ лицомъ. Иногда имена свидѣтелей выставляются прежде зарока и послѣ клятвы. Въ собственно-Сербскихъ и Зетскихъ грамотахъ мѣсто свидѣтелей заступаютъ «милостники», имена коихъ выставляются въ самомъ концѣ грамоты послѣ имени дьяка. Годъ, число мѣсяца и имя дьяка оканчиваютъ грамоту. Иногда означаетъ день, особенно если это праздникъ, въ которой писана грамота, а въ православныхъ грамотахъ, сверхъ того, отмѣчается индиктъ, часто ошибочно, кругъ солнцу и лунѣ. Грамота закрѣпляется подписью и печатью главнаго лица, дающаго грамоту. Обыкновенно если грамота издается отъ двухъ, или трехъ лицъ, на пр., сузруга и супруги, отца, или матери съ сыновьями, то подписывается все же одно главное лицо; но есть и исключенія. Такъ, съ Дабышею подписалась сузруга его, Елена (С. № 81). Такъ, Ангелина подписалась вмѣстѣ съ двумя своими сыновьями, Григоріемъ и Иваномъ (С. № 178). Равныя, т. е., братья, подписываются вмѣстѣ (С. NN № 141, 163; А. № 19). Разумѣется, всѣ эти условія, относившіяся ко вышности грамоты, не всегда соблюдались. Въ большей части грамотъ не достаетъ того, или другаго; но есть, разумѣется, грамоты, въ которыхъ всѣ эти условія соблюдены: онѣ принадлежатъ къ числу хрисовуловъ, милостей и листовъ. Излагая эти условія, я имѣлъ въ виду представить полную форму грамоты. Обыкновенно грамоты изготовлялись писцами или дьяками; но, какъ видно изъ 3., ст. 114, онѣ поступали потомъ къ логовету царскому, который, вѣроятно, и представлялъ ихъ для подписанія. Сдѣсь логоветъ означаетъ особеннаго чиновника, завѣдывающаго письменною частію. Былъ и великій логоветъ. Впрочемъ, въ нашихъ грамотахъ дьяки или простые писцы именуется часто логоветами. Хотя въ Сербіи не было обычая своеручно писать грамоты, однако не обходилось и безъ исключеній. Не всякій изъ довѣренныхъ и посланныхъ людей могъ имѣть при себѣ дьяка, и по тому они изготовляли грамоты сами. Мы имѣемъ нѣсколько таковыхъ грамотъ, своеручно

¹ Сл. С. п. 100 съ С. NN 81, 85, 89, 95.

писанныхъ тѣмъ, кто ихъ выдавалъ (С. NN^о 155, 170). Но, сверхъ того, сохранились двѣ грамоты Владислава, сына Косачи, писанныя имъ самимъ въ то время, какъ онъ возсталъ противъ отца (С. NN^о 74, 132). Онъ тѣмъ замѣчательнѣе, что писаны лицомъ не маловажнымъ, которое могло бы имѣть своего дѣла. Также грамота Ангелины писана однимъ изъ сыновей ея, Георгиемъ, который и подписался вмѣстѣ съ матерью и братомъ, Иваномъ (С. № 178). Нѣкоторые договорныя грамоты изготовлялись въ двухъ спискахъ и хранились какъ тою, такъ и другою стороною. Гр-ы С. NN^о 62, 106, 108, 112, 128 писаны въ двухъ спискахъ. Первая изъ нихъ есть подтвердительная грамота Вукашина, данная Дубровничанамъ; а остальныя суть расписки Дубровничанъ въ полученіи вкладовъ. Въ хрисовулѣ Душана (С. № 43) упоминается о трехъ спискахъ этого хрисовула, изъ коихъ два должны были сохраняться въ Сербіи и Дубровникѣ, а третій отданъ былъ на сохраненіе Венеціанскому дожу. Грамота, опредѣляющая границы Черногоріи при Иванѣ Черноевичѣ, была изготовлена въ двухъ спискахъ, изъ коихъ одинъ внесенъ былъ въ писмовую (канцелярію) Цетинскую, а другой въ Которскую (Мл.). Добросовѣстность и неприкосновенность грамоты, всегда хранимыя обычнымъ правомъ и подтвержденныя Душаномъ въ Законникѣ, истекали изъ самого способа составленія грамоты. Клятва, свидѣтели, подпись лица, дающаго грамоту, и печать служили залогомъ ея силы и непреложности. Иногда клятва помѣщалась сначала передъ изложеніемъ дѣла; но обыкновенное ея мѣсто въ концѣ. За нею помѣщается страшный зарокъ или проклятіе за нарушеніе грамоты. Клятву давали не только тотъ, отъ чьего имени исходила грамота, но и всѣ свидѣтели. Для этого молагали руки на Евангеліе, Крестъ, и мощи Святыхъ¹ и торжественно призывали св. Троицу, Богоматерь, Евангеліе, Крестъ и Святыхъ въ удостовѣреніе подлинности и правоты своихъ словъ, обѣщали соблюдать все, писанное въ грамотѣ, вѣчно и неизмѣнно. Клятва совершалась въ церкви, если была на то возможность (С. № 66). Главное лицо ручалось и за своихъ потомковъ. Ослушники предавались гнѣву Божію на землѣ и за гробомъ, поражались силою Животворящаго Креста, причислялись къ Іудѣ и предавшимъ Христа и пр. Въ собственно-Сербскихъ и Зетскихъ грамотахъ нѣтъ прямого указанія на клятву; но, конечно, съ одной стороны, такой клятвы и не могло быть, когда смыслъ дѣла не требовалъ того; а съ другой стороны, есть нѣкоторые намеки и на клятву. Король Радославъ смотритъ на свою грамоту, какъ на утвержденную клятвою: *скъпе мнѣ клятвѣ похваляе (ибо) км оставио еѹ правльствѣа* (С. № 2); Урошъ I говоритъ Дубровничкимъ посланцѣмъ: *да стою мнѣмъ. ѹ томъ свѣстѣ. коимъ имъ се клядѣ прѣгнѣмѣ мнѣмъ.* (С. № 17); также выраженіе деспотскихъ грамотъ: *Сѣа кѣса вишенислива втроѹ и повѣстнѣи ѹтерѣжѣмѣ гѹосткомѣ* (С. NN^о 111, 137) можетъ относиться къ клятвѣ. Впрочемъ, вообще духъ всѣхъ собственно-Сербскихъ грамотъ отличается чувствомъ достоинства: Сербскіе короли и цари ставили себя выше Общины и по тому, можетъ быть, въ договорахъ съ нею считали клятву лишнею. Въ другихъ грамотахъ, гдѣ совершаются церковныя надачи, клятвы тоже нѣтъ, но есть зарокѣ. Клятва самимъ строгимъ образомъ соблюдалась въ Боснійскихъ грамотахъ. Уже въ грамотахъ Кулиана и Нинослава говорится о клятвѣ. Дубровникъ съ древнѣйшихъ временъ клятвенно утверждалъ свои грамоты. Онъ клялся въ лицѣ князя, влательей и всего своего правительства. Договоры, заключаемыя послами вѣи города, при дворѣ Сербскихъ

¹ Ср. С. NN 57, 85, 95, 103, 136, 150.

владѣтелей, Община подтверждала клятвою у себя въ городѣ (С. NN 3, 100). Въ двухъ Дубровницкихъ грамотахъ половины XIII вѣка есть указаніе на то, что не всѣ правительственныя лица Общины клялись, но за нихъ клялось одно лицо, именно, банъ. II вѣрхъ. вѣсн. око. писанъ. марътоль. гелереникъ. банъ. ѿ кнѣзѣ дубровъкогѣ. и ѿ вѣсн. ѿпльни. града. дубровъкогѣ. скотенъмъ. гѣд. кнѣзѣ. дубровъкогѣ. и вѣсехъ. властвѣ. дубровъкъ.... вѣрхъ. душн. свос. и вѣсн. ѿпльни дубровъкъ. си ѿбѣтъ. потвердидь дръжати. и клясъ (С. № 16). Эта клятва, по закону Общины, совершалась при колокольномъ звонѣ. Такъ точно, при составленіи другой грамоты, банъ Марьтоло Врسانковичъ клялся за всѣхъ властелей (С. № 19). Въ Хлумской грамотѣ, отвѣтной на эту послѣднюю, за всѣхъ Хлумскихъ властелей далъ клятву одинъ сотникъ Имотскій (С. № 20). Въ одной изъ позднѣйшихъ Травунскихъ грамотъ (С. № 133) видно, что за отсутствіемъ двухъ лицъ, которыя, впрочемъ, помѣщены между свидѣтелями, клятву даютъ два другія лица. Несовершеннолѣтніе не допускались къ клятвѣ. По этому Радославъ Травунскій общаетъ, въ одной изъ своихъ грамотъ (С. № 117), что, такъ какъ сынъ его, Иванишь, за молодостію, не клялся посланъ Дубровницкимъ, то онъ заставитъ его повторить клятву отцову и властелей, когда ему минетъ четырнадцать лѣтъ. Свидѣтелями были не только властели, но и ближайшіе родственники. Такъ, Елена, мать Милутина, особою грамотою (С. № 32) подтвердила грамоту своего сына. Такъ, другая Елена, мать Твртка I, и Дороея, супруга его, клятвенно ручались за грамоту Короля (С. № 66). Елена, жена Дабыши, подписывала свое имя вмѣстѣ съ именемъ мужа (С. № 81). Остоя клялся вмѣстѣ съ супругою, Кувою, и сыновъ, Стефаномъ (С. № 92). Куява, какъ мать, свидѣтельствовала въ грамотѣ сына, Стефана Остоича (С. № 95) и пр. Въ грамотахъ Хлумскихъ и Травунскихъ владѣтелей, между свидѣтелями, упоминаются многіе изъ ихъ родичей. Въ собственно-Сербскихъ и Зетскихъ грамотахъ мы не находимъ свидѣтелей; но въ самомъ концѣ грамоты выставляются имена нѣсколькихъ милостниковъ, рѣдко одного. Изъ Законника Душанова видно, что милостники не были добровольными свидѣтелями, а скорѣе должностными удостовѣрителями подлинности грамотъ (ст. 67). Хотя милостники существовали уже при Душанѣ, однако въ нашихъ грамотахъ они являются только при деспотахъ и Балшичахъ. При царяхъ въ Сербіи вовсе не было свидѣтелей, а еще ранѣе, при короляхъ, хотя и были свидѣтели; но они не клялись, а только присутствовали при выдачѣ грамоты. Такъ, въ концѣ гр-ы Уроша I сказано: зтврдѣно би си мов ѿбстани прѣдѣ архискизнѣ. и прѣдѣ кнѣзѣмъ гюргьмъ. и прѣдѣ жѣпльнѣмъ стафанъ (С. № 21); или въ грамотѣ Милутина: и тоу бини съ крлѣмъ властвѣ. архиниъ вѣрскии крлѣмъ. и кнѣзѣмъ мѣрославъ.... и кнѣпъ зѣтскимъ мѣхлѣмъ. и кнѣпъмъ вѣрскии мѣрославъ. жѣпльнѣмъ владиславъ. пѣпъ которскимъ доумѣмъ. и два свидѣла драго и вѣль (Мк.). Сдѣсь послѣдніе суть то же, что милостники¹. Въ Хлумѣ, Травуніи и Боснѣ свидѣтели имѣли совсѣмъ другое значеніе. Черезъ клятву, приносящую вмѣстѣ съ главнымъ лицомъ, они сами становились участниками грамоты и принимали на себя отвѣтственность за ея соблюденіе. Въ большей части Сербскихъ грамотъ свидѣтели не упоминаются: стало быть они были не нужны. Милостники удостовѣряли только въ подлинности грамоты; но они не могли ручаться за вѣрность слова, за соблюденіе грамоты; ибо, по смыслу упомянутой статьи Законника, въ нѣкоторыхъ случа-

¹ Ср. еще С. NN 32, 33, 36.

яхъ и оны и грамота теряли всю свою силу и не значили ничего. Ихъ значеніе не простиралось до того, чтобы своимъ словомъ удостовѣрять слово своего государя и ручаться за его сохраненіе. Такое значеніе они могли приобрести только въ Босніѣ при благоприятствующихъ тому обстоятельствахъ. Известно, что въ Босніѣ, послѣ Тврътка I, постоянно происходили усобицы между искателями Боснійскаго престола. За отсутствіемъ прямыхъ законныхъ наследниковъ, являлись по два и по три притязателя, которые искали пособія у осѣдлаго и сильнаго властельскаго сословія, а иногда и у Дубровничанъ, какъ на пр. Павелъ Радшичъ (С. № 88). Видя подобныя смуты и частыя смѣны владѣтелей, Дубровничане искали опоры въ свидѣтеляхъ изъ знатныхъ бояръ, которые, какъ осѣдлые и хорошо знакомые съ государственными дѣлами, могли ходатайствовать предъ королями о сохраненіи въ цѣлости Дубровническихъ договоровъ, какъ на пр. Радичъ Санковичъ (С. № 86), и исполнить ихъ даже во время усобицъ и междоусарствія. Вотъ по чему со вступленіемъ на престолъ каждаго новаго короля, Дубровникъ спѣшилъ возобновить съ нимъ старыя уклады и при каждомъ договорѣ получалъ множество подписей знатнѣйшихъ бояръ, ручавшихся клятвенно и готовыхъ быть отвѣтчиками и ходатаями за ненарушимость грамоты. Даже, награждая своихъ подданныхъ, Боснійскіе владѣльцы приводили свидѣтелей въ подтвержденіе своихъ словъ. Обычай представлять свидѣтелей перешелъ и къ знатымъ владѣтельнымъ боярскимъ домамъ. Санковичи, Храничи, Яблановичи и др. подтверждали свои грамоты ручательствомъ свидѣтелей. Отъ того въ Боснійскихъ грамотахъ свидѣтели называются иначе «ротниками», «ручниками», «пърдами» и «отговорниками», каковыя названія ясно говорятъ въ пользу важности ихъ значенія. Дубровничане не нуждались въ свидѣтеляхъ: у нихъ свидѣтели были всѣ граждане, управлявшіе городомъ. Ихъ грамоты издаются всегда отъ имени князя, властелей и всей общины. Свидѣтели никогда сами не подписывались. Ихъ имена прописывалъ дьякъ. Грамота заключалась подписью и печатью главнаго лица. То и другое служило удостовѣреніемъ подлинности грамоты. Подпись не всегда употреблялась; была ли она, или не была, это зависѣло преимущественно отъ важности грамоты. Впрочемъ, изъ напечатанныхъ грамотъ не трудно замѣтить, что Сербскіе короли, цари и деспоты, равно какъ короли Боснійскіе большею частію подписывались подъ своими грамотами; но другія владѣтельныя лица, каковы: Балшичи, Санковичи, Храничи, Яблановичи, также какъ султаны и визири ихъ почти никогда не подписывались. Дубровничане то же. Только разъ подписались они подъ грамотою, данною, въ отсутствіе князя, отъ имени двѣнадцати судей (С. № 19). Впрочемъ, сдѣсь подписей только десять. Но если считать эти подписи не собственноручными, что весьма вѣроятно, а выставленными дьякомъ, то найдется еще одна грамота (С. № 16), въ которой подписано множество лицъ, присутствовавшихъ при составленіи договора; сдѣсь приведенъ безъ малаго весь правительственный составъ Общины. Но выраженіе *А снз. сѣтъ. имѣна. ошѣхъ. ми се сѣ. квалл* не оставляетъ сомнѣнія, что имена были написаны дьякомъ. Причиной отсутствія при многихъ грамотахъ подписей суть печати, къ которымъ, какъ одному изъ доказательныхъ средствъ, мы и переходимъ.

Печати находятся въ связи съ грамотами. Онѣ, также, какъ и грамоты, служили доказательствомъ. По этому въ грамотѣ Дечанскаго (С. № 176) сказано: *послоуѣхъ (свидѣтельство:) роѣма (,) пѣгати (,) д. динари*. Быть можетъ, по тому именно, что грамотность не была въ ходу въ древней Сербіи, печати

получили большее употребленіе, чѣмъ подписи. Не всѣ знали грамотѣ и не всѣ могли подписываться: отъ того въ грамотахъ находимъ болѣе печатей, чѣмъ подписей. Въ одной Хлумской грамотѣ, вмѣсто подписи и печати, начертанъ крестъ и при немъ слова: *крѣсть князя андрѣя* (С. № 15). Это напоминаетъ грамоту Немани (А. № 1), на которой также въ концѣ стоитъ крестъ и по сторонамъ его написано: *крѣ симбѣль: и подьписани*. Не всегда писались грамоты: въ нѣкоторыхъ случаяхъ достаточно было представить одну печать. Такъ властеличичи и низшее сословіе призывались къ суду одною печатью (З., ст. 51). На большей части нашихъ грамотъ находимъ печати; подписи встрѣчаются гораздо рѣже. Кто и не подписывался, прикладывалъ свою печать. Печати различались по величинѣ, лицу, мѣсту, гдѣ находились, и составу, изъ котораго были сдѣланы: Въ первомъ отношеніи онѣ были великими, средними и малыми; во второмъ односторонними и двусторонними; въ третьемъ или висячими или приложенными къ самому веществу, на которомъ писана грамота; въ четвертомъ золотыми и обыкновенными, восковыми. Замѣчательно появленіе средней печати на грамотахъ Тврьтка II (С. № 116) и Стефана Томашевича (С. №№ 151, 152, 153, 154). Подтвердительная грамота перваго имѣетъ подпись и составлена съ соблюденіемъ обычной полной формы; но грамоты втораго не имѣютъ подписи и полной формы и рѣшаютъ одиночные и второстепенной важности вопросы. Между тѣмъ подтвердительная грамота того же короля, имѣющая титуль, свидѣтелей, годъ, число, мѣсто написанія, имя дьяка и собственноручную подпись короля, слѣдовательно, писанная по всей формѣ, запечатана великими двусторонними висячими печатями (С. № 150). Такимъ образомъ открывается, что величина печати согласовалась съ важностію грамоты. Дубровничане всегда печатали свои грамоты великою печатью. Договоръ ихъ съ Асѣномъ (С. № 16) запечатанъ былъ двумя печатями, одною общинною, другою князя Марсилія. Въ прочихъ грамотахъ величина печати не означена. Если упоминаются двустороннія печати, то были и одностороннія: само собою разумѣется, что тѣ, которыя накладывались на грамоту, были односторонними. Нельзя сказать, что было обыкновеннѣе, пришивать ли печать, или накладывать. Въ Боснійскихъ, Травунскихъ, Хлумскихъ и Дубровницкихъ грамотахъ обыкновенно означаетъ висячая печать; то же видимъ и въ грамотахъ двухъ сыновей Юрія Бранковича, Лазаря и Стефана (С. №№ 146, 147). Въ прочихъ умолчено. Аеонскія грамоты, какъ отрывается изъ описанія ихъ Авраамовичемъ, имѣли, одинъ висячія, другія наложенныя печати. Въ грамотѣ Елены, матери Милутина, встрѣчается выраженіе: *и поставлю мѣо: печатъ изъ сини князѣ* (С. № 27).

Ближайшее соотношеніе съ печатями имѣютъ другіе знаки, употреблявшіеся, какъ доказательное средство. Объ этихъ знакахъ находимъ въ нашихъ грамотахъ слѣдующія извѣстія. Въ гр-ѣ Дечанскаго четыре динара назначены служить условнымъ средствомъ для доказательства (С. № 176). Царица Мара установила, чтобы Аеонскіе старцы, для права полученія отъ Дубровничанъ Ерусалимской дани, представляли червонецъ, разсѣченный на трое (Г. Б.). Король Тврьтко Тврьтковичъ уговорился съ Дубровникомъ въ томъ, что посолъ его, показавшій королевскую запись съ условною печатью и королевскій перстень, имѣетъ право получить обратно его вкладъ (С. № 135). О перстнѣ, служившемъ печатью при грамотѣ, упоминаетъ также Юрій Кастріотичъ (С. № 148). Употребленіе этихъ и другихъ знаковь объясняется тѣми же причинами, какими и обширность употребленія печатей.

Изъ другихъ доказательныхъ средствъ, встрѣчающихся во взаимныхъ письменныхъ сношеніяхъ Дубровника съ Сербію, находимъ еще «сводъ» и «лице». Сводомъ называлось такое судебное дѣйствіе, посредствомъ коего заподозрѣнный предметъ до тѣхъ поръ восходилъ отъ одного владѣльца къ другому, пока не останавливался на томъ, кто не могъ уже указывать дальѣе. Послѣдній и признавался виновнымъ. По положенію Душана, за коня, купленнаго на торгу со взнесеніемъ установленной царины, не было свода; ибо царинникъ клятвенно оправдывалъ купившаго, что покупка совершена имъ по закону и воръ неизвѣстенъ (С. № 43). Во всякомъ случаѣ для заподозрѣннаго предмета назначался сводъ. Кто не оправдывался сводомъ, тотъ возвращалъ похищенный предметъ съ пенею, т. е., самъ седьмой (З., ст. 143, 193). Царинникъ и душники клятвеннымъ удостовѣреніемъ въ невинности покупателя оправдывали послѣдняго отъ пени (С. № 43; З., ст. 193); но самый предметъ возвращался прежнему хозяину, если только этотъ согласенъ былъ взять его себѣ обратно, а деньги, за сколько онъ былъ купленъ, возвратить купившему (С. NN № 73, 91, 111, 137). Сводъ могъ быть только тогда, когда похищенный предметъ былъ открытъ, находился на лицѣ и составлялъ явную улику. Перехвативъ свою собственность, владѣлецъ могъ съ ея помощью дознаться похитителя. Такая улика называлась въ Сербскомъ правѣ лицемъ. По этому выраженіе 79-й статьи Законника: *Лице кто познать лице подь удоканомъ* должно понимать такъ: кто признаетъ въ наличности у кого нибудь свою собственность; и статьи 143-й: *И лице ли кто ще оудати оудаканомъ или оукрадено лицемъ, или силомъ оудато коуде* — и кто отыщетъ въ наличности что либо убитое, или украденное, или силою взятое. Отсюда «личный конь» въ деспотскихъ грамотахъ (С. NN № 73, 91, 111, 137) есть конь, утраченный хозяиномъ и снова имъ найденный; а *татъ и хосларъ оудатумъ* (З., ст. 126) есть то же, что воръ и разбойникъ уличенный, которому нѣтъ оправданія. Впрочемъ, свѣдѣнія объ лицѣ столь скудны и темны, что ему можно дать иное толкованіе. Подъ лицемъ можно разумѣть скрытое, тайное воровство въ противоположность открытому насилію, или грабежу. Тогда, найти подь кѣмъ лице будетъ значить то же, что обвинить кого въ воровствѣ; и выраженіе *оудаканомъ или оукрадено лицемъ* противустанетъ выраженію *силомъ оудато*. Шафарикъ склоняется, по видимому, въ пользу этого послѣдняго толкованія, когда *лицемъ* переводитъ чрезъ heimlich; но *лице* у него переведено чрезъ *Wesenheit*¹, какъ будто на основаніи перваго толкованія. Русская Правда употребляетъ *лицо* несомнѣнно въ значеніи улики и предмета, нѣющагося въ наличности, а по тому и мы должны болѣе держаться нашего перваго объясненія.

Гдѣ не было законной улики, или вещественнаго ручательства, тамъ прибѣгали къ совѣсти. На совѣсти были основаны два доказательныя средства, которыя встрѣчаемъ въ нашихъ памятникахъ, «рука» и клятва. Подъ именемъ руки въ древней Сербіи разумѣлось то же, что нынѣ честное слово. Относительная старина грамотъ, въ которыхъ находимъ руку, равно какъ отсутствіе ея во всѣхъ древнѣйшихъ Сербскихъ узаконеніяхъ показываютъ, что только въ самыя древнія времена вѣрили въ руку. Въ самомъ дѣлѣ, подаваніе руки, столь простой и легкой способъ удостовѣренія, могло сохраняться только въ столь же простомъ и безхитростномъ обществѣ, гдѣ святость даннаго слова, пре-

¹ У Кухарскаго, въ Древнѣйшихъ памятникахъ Словянскаго законодательства, стр. 187, 198, 219.

красная черта Славянскаго народнаго свойства, еще замѣняла всѣ формальныя ручательства. Любопытно видѣть, какъ Поповская Община, чисто Славянская, удаленная отъ моря, мало торговая и по тому сохранившая въ большей чистотѣ свою нравственность, жалуется на Дубровничанъ за то, что они нарушили рукоподаніе и хватаютъ ея людей (С. № 11): не имо ти нъ камъ на онъ страни — говорятъ Поповцы — да ни нъ законъ: да ни радослакъ дакъше ризъ теръ га вѣздате. Дубровничане давно уже не вѣрили рукъ и замѣнили ее клятвою. Король Владиславъ горько упрекаетъ ихъ за нарушеніе въ одно время и клятвы и руки; онъ пишетъ (С. № 9): да вы како си се сте извунли: по клятекъ наша села: и наше болады выати: такози сте и мнѣ зунинли: дакъше свою ризъ и свою вѣръ теръ моъ села платили и болады или а дръге и стькли. Около того же времени приморскій князь Юрій, вѣроятно, также представитель стариннаго быта Славянъ, просилъ Дубровничанъ, чтобы князь ихъ далъ руку его жупанамъ въ томъ, что они могутъ сидѣть въ городѣ безобоязненно (С. № 10): да молитъ князѣ кашега како вымъ (ви мнѣ, т. е., жупанамъ Юрія) ризъ даъ и съ камъ да би садѣли не боимъсѣ. Причина этой просьбы та, что Дубровничане ходили на Юрія, какъ невольные союзники Венеціи; а жупаны Юрьевы ходили на Дубровникъ, какъ невольные союзники Уроша I: по этому Юрій и требуетъ, чтобы взаимныя оскорбленія, какъ совершенныя по принужденію, были между нимъ и Дубровникомъ прощены и забыты.

Наконецъ, клятва считалась самымъ сильнымъ доказательнымъ средствомъ изъ обыкновенныхъ человѣческихъ средствъ. За клятвою слѣдовалъ только уже одинъ судъ Божій, къ которому, впрочемъ, не всегда прибѣгало древнее Сербское право. Тяжебныя дѣла поканчивались клятвою. Мы видѣли, какъ совершалась клятва при изданіи грамоты. Присяжныхъ судей приводилъ къ присягѣ священникъ въ церкви и въ полномъ облаченіи (З., ст. 129). Въ Винодолѣ судебная клятва совершалась черезъ положеніе руки на Св. Писаніе: *положивши руку зверху книгъ тичуть; има присети такнут у свето евангле*¹. Важенъ вопросъ: кто клялся при судопроизводствѣ, жалобщикъ ли, или обжалованный? Изъ нашихъ источниковъ видимъ, что, смотря по ходу дѣла и большому приличію, клянется когда тотъ, когда другой; но нигдѣ не замѣчаемъ, чтобы въ одномъ и томъ же дѣлѣ клялись оба. Такъ, въ своей грамотѣ (С. № 43), Душанъ, основываясь на обычаяхъ отцовъ и прадедовъ, повелѣвалъ, что въ случаѣ, если Дубровничанинъ дастъ свое имущество какому либо торговцу (изъ Сербовъ?), за которымъ оно пропадетъ, то Дубровничанинъ долженъ подъ клятвою показать количество пропажи и ему повѣрять: *и где комуе дамъ дзевровъчанинъ свои добитъ. комуе годъ трьговецъ теръ изъ ѿ него зельъ здаритъ. да се ильке латининъ. за този. да вѣде вѣрованиъ. Слѣсъ, какъ видно, клянется обиженный, слѣдовательно, жалобщикъ. Съ этимъ мѣстомъ сходна 163-я ст. Душанова Законника, въ которой постановлено, что если у торговца, во время пути, будетъ что похищено, то самъ онъ и съ нимъ вѣрше люди подъ клятвою показываютъ цѣнность утраченнаго, и сообразно съ этимъ показаніемъ торговецъ получаетъ вознагражденіе. Такія же точно клятвенныя показанія находимъ въ Млѣтскомъ статутѣ, въ которомъ хозяинъ пропавшаго скота, или попорченной баштаны, или бѣжавшей челяди подъ клятвою показываетъ количество ущерба². Въ Кръчскомъ статутѣ старѣйшина*

¹ Винод. Зак., §§ 42, 56.

² Гл. 2, 34, 39.

стана показывалъ подъ присягою сколько у какого хозяина пропало овецъ.¹ Но далѣе читаемъ: а конъ люво тръгокъца. додъ конъ истецъ истецъ зуми. а познаюса. да се кажио. тѣзи тръгокъца самъдротн.... Сдѣсь, напротивъ, клянется обжалованный, а не жалобщикъ или тотъ, кто отыскалъ свою лошадь. Впрочемъ, если въ первомъ случаѣ Дубровничанинъ, лишившійся своего имущества, есть непосредственно обиженное лицо; и если во второмъ случаѣ утратившій свою лошадь и снова нашедшій ее былъ этою покражею обиженъ прежде, а на этотъ разъ обиженнымъ остается тотъ, кто купилъ ее изъ чужой земли, не подозрѣвая ея воровскою и долженъ теперь лишиться ея: то выходитъ, что клятву даетъ въ обоихъ случаяхъ лицо непосредственно обиженное, или жалобщикъ. Такъ точно въ деспотскихъ грамотахъ (С. NN^о 73, 90, 91, 114, 137) клянется одинъ тотъ, у кого отнимаютъ купленную или лошадь. За него же клянутся и паринникъ и душники (С. NN^о 43, 50; 3., ст. 144, 154, 193). Въ Душановомъ Законникѣ, не смотря на всю полноту его, о клятвѣ говорится только по случаю душевниковъ; но умалчивается о клятвѣ въ другихъ случаяхъ; да и вообще вся слѣдственная часть изложена въ немъ весьма скудно. Не менѣе того и Рейцъ, съ своей стороны, жалуется на бѣдность постановленій Далматскихъ общинъ относительно доказательныхъ средствъ по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ. Соединяя его изслѣдованія съ изученіемъ извѣстныхъ намъ статутовъ, мы все таки не можемъ вполне уяснить себѣ этого вопроса, какъ рѣшался онъ въ древней Сербіи. Конечно, обычное право хорошо знало его; и, конечно, не оно, а писмо, не передавшее его въ надлежащей полнотѣ, причиною нашего недоумѣнія. Мы видимъ только, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ клятва отвѣчала клятвѣ: на клятву обвиняющаго обвиняемый клялся съ душевниками, и если его клятва оказывалась достаточною, то онъ освобождался отъ законнаго преслѣдованія². Но въ большей части случаевъ говорится или о клятвѣ истца, или о клятвѣ обвиняемаго порознь. Тотъ и другой могли представлять за себя свидѣтелей одинъ въ подтвержденіе жалобы, другой въ оправданіе. Обвиненный могъ, за неимѣніемъ свидѣтелей, найти душниковъ и съ ними присягнуть въ своей невинности. Если не доставало ему душниковъ, то присягалъ онъ одинъ. Во всякомъ случаѣ, послѣ присяги онъ очищался отъ обвиненія. Истецъ могъ, вмѣсто одной своей клятвы, представить свидѣтелей, или душниковъ, и такого рода обвиненіе было самое обыкновенное. Разумѣется, явная улика отстраняла клятву уличеннаго, который за тѣмъ непосредственно подвергался наказанію. Недостаточность свидѣтелей со стороны истца оправдывала виновнаго³. Но главный вопросъ все остается нерѣшеннымъ: всегда ли обвиненный допускался къ очистительной клятвѣ, или только въ томъ случаѣ, когда обвиняющій, не смотря на свою и душниковъ своихъ клятву, не могъ представить никакихъ другихъ положительныхъ доказательствъ? Кажется, клятвѣ истца давно было слишкомъ обширное значеніе, такъ что она въ большей части случаевъ прямо влекла за собою преслѣдованіе обвиняемаго. По крайней мѣрѣ, такъ явствуетъ изъ нѣкоторыхъ статей Винодольскаго и Кръчскаго статутовъ, съ чѣмъ согласенъ и Рейцъ⁴. За то клятва была послѣднимъ доказательнымъ средствомъ, и гдѣ предстояла возможность, тамъ обвиненіе или оправданіе ограничивалось добрыми свидѣтелями, отъ которыхъ, какъ и отъ ротниковъ, требовались

¹ Статутъ 1388 г., гл. 14.

² Рейцъ, Сборн. Вал., стр. 151, 177, 192. — Винод. Зак., § 9.

³ Кръчскій стат. 1388 г., гл. 1. — Винод. Зак., § 55.

⁴ Тамъ же, стр. 177, 192.

лѣготорыя положительныя доказательства вѣрности ихъ словъ и которые весьма осторожно допускались къ свидѣтельству¹. Въ Кръчскомъ статутѣ есть постановленіе, что если женщина, претерпѣвшая насиліе, подтвердитъ свою жалобу тремя добрыми свидѣтелями, то обвиненный, если не признается, подвергается пыткѣ; съ воровствомъ поступается точно также. По клятвѣ хозяина, у коего пропали овцы, обвиняемый подвергается пыткѣ². Сдѣсь за обвиненіемъ слѣдуетъ непосредственно пытка, а очистительной клятвы обвиняемаго нѣтъ: значить, показанію обиженнаго, сдѣланному по закону, давалась полная вѣра. Въ томъ же смыслѣ должно понимать и другія постановленія того же статута, относящіяся къ уголовнымъ дѣламъ. Изъ всего сказаннаго можно вывести такое заключеніе, что при недостаточности уликъ Сербское право допускало клятву какъ для обвинителя, такъ и для обвиненнаго. Тотъ и другой могли кнѣть при себѣ свидѣтелей присяжныхъ, или неприсяжныхъ. Въ однихъ случаяхъ клятва противопологалась клятвѣ, и обвиняемый могъ чрезъ то очиститься; но въ другихъ случаяхъ клятва обвиняющаго была столь сильна, что обвиняемый подвергался непосредственно за тѣмъ или пыткѣ, или наказанію.³

Отвѣтственность неправаго въ искѣ, какую замѣчаемъ въ договорныхъ грамотахъ съ Дубровникомъ, была двоякаго рода: личная и общая. Въ первомъ случаѣ, отвѣтственности подлежало одно лицо, былъ ли то самъ виновный, или вмѣсто него кто другой; во второмъ случаѣ, помимо виновнаго, отвѣчала цѣлая околица, или цѣлый городъ. Сербское правительство выказывало въ своихъ сношеніяхъ съ Дубровникомъ большую готовность къ немедленному удовлетворенію Дубровничанъ; предупредительность его въ этомъ отношеніи доходила до такой степени, что даже общая порука, окончательный и вѣрившій способъ къ подаванію удовлетворенія, была оставляема, и обиженнаго удовлетворялъ самъ король, или царь. Странно видѣть, что въ продолженіи болѣе столѣтія Сербскіе владѣльцы для дѣлъ Дубровническихъ оставляютъ иногда въ сторонѣ обычный порядокъ удовлетворенія и какъ бы въ шибжаніе проволочки и затрудненій лично на себя принимаютъ отвѣтственность. Отсюда видна та важность, которую они придавали своимъ торговымъ сношеніямъ съ Дубровникомъ. Такъ Радославъ Хлумскій пишетъ, что ежели онъ, или люди его отнимутъ что у Дубровническихъ купцовъ, то все сполна возвращаетъ или онъ самъ, или челоувѣкъ его; когда же этотъ послѣдній не возвратитъ по чему либо, тогда отвѣтственность падаетъ на него же, Радослава (С. № 20). Урошъ I постановилъ, что если, въ спорѣ Дубровничанина съ Сербомъ, судьи не выдадутъ виновнаго головою, или не возьмутъ съ него воложенной пени къ извѣстному сроку, то король самъ возьметъ вознагражденіе, гдѣ укажетъ справедливость, и отдастъ обиженному (С. № 21). Елена, супруга Уроша I, обѣщаетъ сама заплатить за все то, что исхищено будетъ при ея дворѣ у Дубровничанъ властелиномъ ея, или кѣмъ другимъ черезъ ея посланіе, или на ея дружбу, разумѣя сдѣсь, конечно, злоупотребленіе своего имени (С. № 27). Дечанскій представляетъ вознагражденіе сначала черезъ общую поруку; но, въ случаѣ невозможности, удовлетворяетъ обиженнаго изъ своей казны (С. № 36). То же самое въ послѣдствіи постановляютъ и деспоты (С. NN № 73, 90, 91, 111, 137). Душанъ предварительно даетъ вознагра-

¹ Вижод. Зак., §§ 19, 41, 52. — Кръчскій стат. 1388 г., гл. 14.

² 1388 г., гл. 1, 14, 16.

³ Ср. Вижод. Зак., §§ 9, 10, 11, 27, 41, 56, 61, 68, 72, 76. — Кръчскій стат. 1388 г., гл. 1, 14, 16, 19, 20, 26.

гражденіе отъ себя и потомъ уже вѣдается съ виновнымъ. То же повторено и сыномъ его (С. NN^о 40; 50). Балшичи Зетскіе спѣшатъ вознаграждать Дубровницкихъ купцовъ изъ своей казны, если нельзя отыскать виновнаго и выдать имъ его головою (С. NN^о 64, 70). Не смотря на эту сверхъобыкновенную отвѣтственность самихъ владѣтельныхъ лицъ, въ судебномъ разбирательствѣ, установленномъ между Дубровникомъ и Сербіею, мы видимъ, какъ сказали выше, двойную отвѣтственность, личную и общую. Нѣтъ сомнѣнія, что лицо, прямо подлежащее отвѣтственности, есть самъ виновный. Здравый разумъ показываетъ, что за вину отвѣчаетъ только тотъ, кто совершилъ ее, или кто соучаствовалъ въ ней. На этомъ простомъ положеніи основывалась личная отвѣтственность. Душанъ пишетъ въ грамотѣ (С. N^о 43), повторенной потомъ Урошемъ V (С. N^о 50): *а тогдзи кривца. да нѣо цѣкми и да узме на комъ. кто вѣде узель. и зумиалъ зло ком.* Юрій Балшичъ Зетскій предполагаетъ отвѣтственнымъ самого виновнаго и только въ случаѣ его бѣгства принимаетъ отвѣтственность на себя (С. N^о 64). Постановленіе, сдѣланное Душаномъ въ томъ же самомъ году, въ которомъ изданъ былъ Законникъ, имѣетъ свое значеніе. Между тѣмъ, какъ въ послѣднемъ еще господствуетъ общая порука, сдѣсь отвѣтственность уже является личною. Виновнаго отыскиваетъ самъ царь; а если не найдетъ, то за него отвѣчаетъ онъ же, а не околица. Сдѣсь нельзя не видѣть вліянія Дубровницкаго права. Безъ сомнѣнія, невозможность скорого удовлетворенія и неправильность общей поруки побудили Царя измѣнить для Дубровничанъ стародавній обычай своей земли. Въ Далматскихъ общинныхъ узаконеніяхъ нѣтъ ничего подобнаго общей порукѣ: тамъ отвѣчаетъ одинъ лишь виновный. Возможность отклясться, возможность почти во всѣхъ родахъ преступленія откупиться деньгами, внеся положенную пеню, не мало облегчали личную отвѣтственность, и общая порука была не нужна. При томъ, и это главное, въ узаконеніяхъ Далматскихъ общинъ личность челоуѣка была гораздо болѣе обособлена, чѣмъ въ Законникѣ Сербіи. Родовой бытъ исчезнулъ на Римской почвѣ; а между тѣмъ онъ и былъ главною основою общей поруки въ Сербіи. У Славянъ былъ обычай считать родъ однимъ нераздѣльнымъ тѣломъ, главою косяго былъ старшій въ родѣ. Конечно, въ послѣдствіи, когда роды распались на семьи, а этѣ, въ свой чередъ, снова образовались въ роды, отвѣтственность не могла болѣе падать на весь прежній родъ, и по тому во времена Душана видимъ, что предѣлы ея ограничиваются однимъ домомъ, т. е., одною семьею, или нѣсколькими семьями, живущими подъ управленіемъ одного старшины. Домъ представлялся, какъ въ старину родъ, однимъ цѣлымъ тѣломъ, котораго члены, связанные во едино понятіями родоваго быта, должны были добывать, кормиться, пользоваться и отвѣчать всѣ вмѣстѣ, или въ лицѣ старшаго, который никакъ не отдѣлялся отъ своихъ родичей, представляя собою весь домъ. Вотъ естественное начало общей поруки; она вязалась изъ основы Славянскаго быта, и по тому ему только присуша и имъ только объяснима. Послѣ этого понятно, по чему въ старину въ Сербіи, которая и доселѣ отличается передъ прочими Славянскими землями сохраненіемъ въ живыхъ многихъ Старославянскихъ преданій, вѣрованій и обычаевъ, общая порука такъ живо и оильно выражалась въ представленіи права. Напротивъ, въ Далматскихъ общинахъ, гдѣ право имѣло свои особыя судьбы; гдѣ Римское начало легло въ основу народнаго быта, личность отдѣлялась отъ семьи и рода и стала особнякомъ. Тамъ мы всюду находимъ ее отдѣльною во всѣхъ видахъ общиннаго и семейнаго быта. По этому тамъ и

отвѣтственность падала на одно только лицо, виновное въ преступленіи, и только съ этимъ лицомъ имѣлъ дѣло законъ. Наконецъ, замѣчу еще и то, что личная отвѣтственность и общая порука, имѣя исходомъ наказаніе, придаютъ ему не одинаковую цѣль. Личная отвѣтственность, при извѣстномъ способѣ наказанія, служитъ не только къ вознагражденію за зло, но и къ предупрежденію зла; ибо виновный, отвѣчая лично, можетъ быть поставленъ въ невозможность совершать зло на будущее время. Напротивъ, общая порука имѣетъ въ виду только вознагражденіе за зло, а до виновнаго она не касается. Ей нѣтъ дѣла до того, отысканъ ли виновный, или нѣтъ; онъ ли самъ отвѣчаетъ за себя, или другіе отвѣчаютъ за него: ей нужно только удовлетворить по возможности обиженнаго и тѣмъ положить конецъ иску. Но такое различіе въ цѣляхъ той и другой отвѣтственности возможно только при извѣстномъ способѣ наказанія. Личная отвѣтственность тогда только предупреждаетъ зло на будущее время, когда она находитъ способъ удалить виновнаго отъ возможности совершить зло; для этого мало одной денежной пени, внесши которую, виновный оставался по прежнему свободнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Между тѣмъ и Далматскіе статуты почти всякую вину измѣряютъ количествомъ денегъ, и не много найдется въ нихъ такихъ родовъ преступленій, за которыя они опредѣляли бы тѣлесное наказаніе. Въ отношеніи цѣли наказанія они стояли отнюдь не выше Законника Душанова, и по тому ихъ понятія объ отвѣтственности основывались на иномъ началѣ, именно, на представленіи личности. Сдѣсь, какъ сказали мы, распоряженія Сербскихъ владѣтелей нѣсколько подчинились понятіямъ Дубровницкимъ, и личная отвѣтственность предпочтена общей порука. Вотъ какое постановленіе сдѣлалъ Дубровникъ относительно своихъ гражданъ, оказавшихся виновными въ спорѣ съ Сербами: *Иже кога грађанина осуди ѡбъимъ (общій) сѣдъ. да подамо згокъ добытъи: ако ли мѣ добытъи не стуге. а мы самога крикца да дамо спомѣкъ глѣкокъ. домокъ сѣдѣцѣ згокорѣ да се плати. не плати ли се до зрокѣ. да потома (потомъ) да в ѡстало на колы (на волѣ) краљевѣвати (С. № 26).* Прежде всего виновный, если имѣлъ возможность откупиться, откупался; если не имѣлъ, то выдавался головою, и за тѣмъ судьи назначали ему срокъ, къ которому онъ долженъ былъ заплатить пеню; наконецъ, если и на этотъ разъ онъ не имѣлъ чѣмъ откупиться, то отдавался на волю истца, представляемаго въ лицѣ самого короля. Сдѣсь видно обычное въ Далматскихъ общинахъ право, по которому виновный могъ откупиться, и только немущій выдавался головою¹. Урошъ I видѣлъ сдѣсь отсутствіе общей поруки, видѣлъ, можетъ быть, также и то, что иногда съ виновнаго нечего было взять, и обиженный могъ остаться не удовлетвореннымъ: не смотря на это, онъ распорядился по Сербскому обычаю и, за отсутствіемъ виновнаго, обратился къ общей порука, которая непремѣнно и во всякомъ случаѣ должна была представить удовлетвореніе. Онъ писалъ: *И ако се ѡвратѣ улокѣ зѣмле краљевѣтими ѡсѣгень вѣштѣмъ уѣкъ. да мѣ моѣ сѣдѣцѣ издаю добытъи. ако ли мѣ добытъи не стуге. а ѡни да подаю крикца самога. до зрока домокъ сѣдѣцѣ зрокѣ. До сихъ поръ отвѣтственность одинакова, какъ и у Дубровничанъ; но этимъ не довольствуется грамота и продолжаетъ: *ако ли га сѣдѣцѣ не исѣдаде. да где ми правѣ- да зилѣжѣ зѣсти те дѣльгѣ. да га зѣме краљевѣтими и да га постави где га беде вѣрко поставити (С. № 21).* Хотя сдѣсь и не упомянута общая порука; но*

¹ Рейцъ, Сборникъ Валуевъ, стр. 175.

намекъ на нее ясець. Съ кого же, какъ не съ околицы, по обычаю Славянскому, приходилось брать удовлетвореніе, когда виновный скрывался? Выгода очевидно была на сторонѣ Дубровничанъ. Этому распоряженію Уроша I отвѣчаетъ другая Сербская грамота, неизвѣстно кѣмъ и когда данная, но во всякомъ случаѣ королевская, слѣдующимъ распоряженіемъ: оу поми ли се жоупъ про испиности. тази жоупа коли да да крициъ коли да плати (С. № 38). А Стефанъ Дечанскій приказываетъ: лио ли нисе коли утета (убылъ) зупини оиъдъзи. да нисе сипати оиолопа сипа коли граъ нон езде (:) не сипати ли ѿ да нисе краъки плати шмомъ нзми (казны) (С. № 36). Изъ этихъ трехъ весьма важныхъ постановленій, сохранившихся отъ временъ до-Душановыхъ мы видимъ, что общая порука господствовала въ эти времена въ Сербіи и притѣнена была къ сношеніямъ Сербовъ съ Дубровничанами. Хотя въ грамотѣ Душана (С. № 43) мы не видимъ общей поруки; ибо тамъ просто сказано, безъ дальнѣйшихъ подробностей, что царь самъ вѣдается съ виновнымъ, однако въ его же Законникѣ общая порука находится еще въ полной силѣ. Обычай этотъ, при всемъ видимомъ желаніи законодателя ввести личную отвѣтственность, не могъ быть истребленъ; ибо, какъ сказали мы, онъ вытекъ изъ народнаго быта Славянъ, присущъ самой основѣ Славянской жизни. Его начало можно видѣть въ самомъ Законникѣ. Есть статьи, которыя, какъ вѣрный списокъ съ стариннаго народнаго права, возлагаютъ отвѣтственность на цѣлый домъ. Этѣ статьи замѣчательны въ высшей степени; если бы законодатель не придерживался обычнаго народнаго права, а уложилъ только свои, вновь придуманныя, правила, то Законникъ его не получилъ бы такого успѣха и не имѣлъ бы столько списковъ. Списки всего лучше свидѣтельствуютъ объ его успѣхахъ въ древней Сербіи; а это и доказываетъ, что онъ былъ только повтореніемъ того, что изстари велось въ народѣ, какъ итогъ его духовнаго самобытнаго развитія. Коренныя народныя представленія о правѣ нашли себѣ здѣсь письменное выраженіе. Мы видимъ, какъ понятіе объ отвѣтственности истекало изъ понятія о родовомъ бытѣ. Когда прежніе роды распались до того, что между ними потерялась всякая родственная связь, тогда основная мысль родоваго быта, мысль общности, требовала новаго гражданскаго опредѣленія границъ рода. Прежній родъ былъ оставленъ; но понятіе объ его цѣльности перенесено было на его вѣтви, которыя и ограничены были семейю или домоу. Подъ домоу могло разумѣться и нѣсколько семей, если только онѣ не раздѣлились и имѣли надъ собою одну главу. Цѣльность дома естественно влекла за собою и общую отвѣтственность. По этому мы и читаемъ въ нѣсколькихъ замѣчательныхъ статьяхъ Законника, что отвѣтъ держать отецъ за сына, братъ за брата, родъ за родъ, если только они живутъ въ одномъ домѣ, и что отвѣтъ преимущественно дается старшимъ въ домѣ; за всякое зло, причиненное однимъ изъ домашнихъ, платитъ старшина, или выдаетъ виновнаго (ст. 48, 55, 60). Всякій согласится, что этѣ статьи суть откликъ глубокой старины, сохранявшейся до временъ Душана, сохраняющейся отчасти и понынѣ въ нѣкоторыхъ углахъ Сербіи. Однако это еще не общая порука, какъ мы привыкли ее понимать: это еще только какъ бы домашняя общая порука; но изъ нея не замедлила развиться и гражданская общая порука или та, въ которой за виновнаго отвѣчала цѣлая околица, или цѣлый городъ. Основаніе ея видно съ перваго взгляда. Какъ домъ представлялся однимъ цѣльнымъ тѣломъ, такъ и околица, или городъ представлялись неделимымъ цѣлымъ, какъ бы однимъ сплошнымъ жилищемъ; мысль

общности отъ дома была перенесена и на нихъ. Конечно, это было уже нѣчто искусственное; но возможность этого условливалась памятью о древнихъ родахъ, которые жили отдѣльными общинами, слѣдовательно представляли собою сплошное населеніе, помѣщавшееся въ одной главной окружной межѣ. Разница только та, что внутренняя связь древнихъ родовъ была родственная; теперь же связь околицъ, или городовъ была гражданская или юридическая. Общая порука состояла въ томъ, что весь городъ, либо вся околица, т. е., одно, или нѣсколько селъ, или даже цѣлый округъ отвѣчали за преступленіе, совершенное на ихъ землѣ, или ихъ человѣкомъ; они должны были или выдать виновнаго головою, или, въ случаѣ его неявки, внести за него пеню. Общая порука касалась только уголовныхъ преступленій, какъ то: смертоубійства, поджигательства, грабежа, чародѣйства и т. п. Мысль, породившая общую поруку, предоставила разбирательство самой околицѣ, или городу. Правительство, требуя отъ нихъ выдачи виновнаго, не входило въ дальнѣйшія разысканія и оставляло на ихъ волю вѣдаться съ виновнымъ и отыскивать его. Если они дорожили виновнымъ по чему либо, или не могли отыскать его, то сами расплачивались за него. Сдѣсь, съ одной стороны, ярко отражается обычай домашней поруки, по которому или виновный выдавался головою, или за него платилъ весь домъ и, заплативши, самъ уже расправлялся съ нимъ; а съ другой просвѣчиваетъ мысль о вознагражденіи, которое, по тогдашнимъ понятіямъ, почти всегда измѣрялось количествомъ денегъ. Гдѣ откупъ замѣнялъ тѣлесное наказаніе, тамъ могла быть и общая порука. Такъ связывались между собою различныя судебныя представленія. Но если общая порука шла въ виду возможность удовлетворенія во всякомъ случаѣ, то она заключала въ себѣ и огромный недостатокъ. Черезъ нее виновный избавлялся отъ непосредственнаго преслѣдованія правительства, которое одно могло употребить всѣ возможныя средства къ его поимкѣ. Околица, или городъ, заплативши за него пеню, не имѣли ни времени, ни возможности отыскивать его при недостаткѣ средствъ земской охраны, малолюдности населенія и обиліи пустопорожней земли; а если и отыскивали, то все же не такъ, какъ само правительство, могли расправляться съ нимъ. При томъ, если преступленіе было такого рода, что не влекло за собою кровной мести, то оно почти всегда оставалось ненаказаннымъ. Проскитавшись нѣсколько времени по сторонамъ и зная, что пеня уже внесена, виновный спокойно возвращался домой и могъ по прежнему совершать злодѣянія. Такимъ образомъ общая порука избавляла правительство отъ обязанности разыскивать дѣло и находить виновнаго: но черезъ то земское устройство оставалось безъ усовершенствованія. Такъ одно зло влекло за собою другое. Правда, нѣкоторыя статьи Законавника требуютъ предварительно выдачи виновнаго, но не настаиваютъ на этомъ; а околицѣ, или городу легче было внести сообща извѣстную пеню, чѣмъ отыскивать виновнаго. За то другія статьи и того не требуютъ, а довольствуются одною пенею, оставляя виновнаго совершенно въ сторонѣ¹. Впрочемъ, общая порука не противорѣчитъ здравому смыслу, требующему, чтобы за вину отвѣчалъ самъ виновный. Первое дѣйствіе правосудія было обращено на виновнаго; чрезъ пеню ли, или чрезъ тѣлесное наказаніе оно поражало виновнаго, и когда онъ находился на лицѣ, тогда, можно сказать, не было общей поруки; при виновномъ на лицѣ она могла быть только въ томъ случаѣ, когда

¹ Объ общей поруцѣ см. 3, ст. 20, 52, 79, 87, 88, 97, 108, 181, 192, 194.

околица, или городъ сами оказывались соучастниками преступленія: тогда они отвѣчали собственно не за виновнаго, а за самихъ себя. Требуя выдачи виновнаго головою, правительство показывало, что съ нимъ лично имѣть дѣло. Но тамъ, гдѣ Далматское право останавливалось, встрѣтивъ въ бѣгствѣ виновнаго препятствіе къ удовлетворенію, или наказанію, тамъ Сербское право шло далѣе и не оставляло обиды безъ вознагражденія тѣмъ, или другимъ способомъ. Душанъ, устроивъ земское управленіе, ввѣривъ города и округи главарямъ (кефалиямъ), далъ первый шагъ движенію права отъ общей поруки къ личной отвѣтственности. Въ его Законникѣ находимъ личную отвѣтственность должностныхъ правителей тамъ, гдѣ прежде была общая порука. За ограбленіе странствующихъ торговцевъ уже не платила жупа, какъ постановилъ Дечанскій, а платили главари и стражи (З., ст. 159, 162, 163). Но это нововведеніе не обошлось пока безъ противорѣчій: по статьѣ 194-й убытки, причиненные вторженіемъ чужеземныхъ разбойниковъ выплачивались околицею, пропустившею ихъ въ царскую землю; а по ст. 137-й эти убытки вознаграждались краишниками, т. е., властелинами, управлявшими пограничными округами или краишами. Ясно, что право отвѣтственности начинало колебаться и отъ общинъ переходить къ лицу. Но это осталось только при должностныхъ лицахъ, облеченныхъ служебною обязанностию. При ослабленіи внутренняго порядка Сербіи, послѣ Душана, эта отвѣтственность неминуемо должна была отстраниться, а общая порука усилиться. По крайней мѣрѣ, въ грамотахъ деспотовъ не видимъ ни главарей, ни стражей, ни краишниковъ, а отвѣтственность падаетъ на околицу: где га (Дубровчанина) оубиъ гоуца или покрадоу га оу сялоу. да нмъ плати оюодина цю нмъ оузмъ гоуца или цю ки ѿ покради (С. NN^о 73, 90, 91, 111, 137). Такимъ образомъ общая порука сохранялась въ Сербіи до самого ея паденія. Выше мы сказали, что въ Далматскихъ общинныхъ узаконеніяхъ нѣтъ ничего подобнаго общей порукѣ. Дѣйствительно, есть цѣлые статуты, въ которыхъ нѣтъ и слѣда этого обычая; но тѣмъ не менѣе соприкосновеніе нѣкоторыхъ общинъ съ землями чисто Славянскаго населенія могло навести и ихъ на путь общей поруки. Вотъ тѣ слѣды, которые Рейцу удалось подмѣтить въ разныхъ Далматскихъ статутахъ. Въ Корчулѣ велся обычай платить всею деревнею за убитаго коня, или быка, когда виновный скрывался; но и въ этомъ случаѣ деревнѣ предоставлялось 15 дней срока, въ продолженіи которыхъ она могла отыскивать виновнаго. Въ Шибеникѣ все селеніе платило убытки и пеню, если не выбѣгало на крикъ помощи, или если на его землѣ совершено было убійство и виновный не былъ открытъ¹. Съ перваго взгляда можно замѣтить, что такое право, какъ старинный обычай, но въ то же время какъ исключеніе, велось только въ деревняхъ, гдѣ преобладало Славянское населеніе съ своимъ отличительнымъ бытомъ; но въ городахъ оно не существовало: тамъ только одинъ виновный лично имѣлъ дѣло съ закономъ, а другіе не отвѣчали за него. Въ Винодолѣ, за убіеніе наиѣстника, домашняго, или слуги княжескаго, и за убіеніе кмета, или кого нибудь изъ кметскаго рода, когда убійца скрывался, половина вражды взималась съ его племени; но только половина, ибо племя, или домъ считались въ этомъ случаѣ только за половину; другую половину представлялъ самъ убійца². Въ этомъ ограниченіи званія убитаго и сокращеніи до половины вражды съ племени убійцы весьма

¹ Рейцъ, въ Сборникѣ Валуевъ, стр. 110, 158.

² Винод. Зак., §§ 29, 31.

замѣтна слабость общей поруки, которая, можетъ стать, занесена была сюда Славянскимъ населеніемъ, почти исключительно господствовавшимъ въ Винодолѣ, чему доказательствомъ служитъ языкъ Закона. Въ самомъ Дубровникѣ, по мѣрѣ увеличенія его земель съ Славянскимъ населеніемъ и преобладанія Славянскаго начала, съ первой четверти XV-го вѣка, появляются законы, вводящіе общую поруку въ обычное употребленіе. Нѣтъ сомнѣнія, что сдѣсь Дубровничане примѣнялись къ свойствамъ Славянскаго быта. Въ силу этихъ постановленій окружнѣ давался для отысканія виновнаго срокъ, по прошествіи коего, она должна была сама внести пеню. Приведу отрывокъ одной любопытной статьи изъ Зеленой Книги: *Ma se pure non scoprendosi il geo, allora passato esso termine di quattro mesi, il rettore ed il minor consiglio abbia libertà di stimare tal incendio e per esso condannar la kaznacina secondo a loro parerà il danno.* Кажется, всѣ статьи относятся къ земскому праву и имѣютъ въ виду происшествія загородныя. Особую статью находимъ для Конавля, гдѣ «собтина» должна была черезъ два мѣсяца со дня преступленія или выдать виновнаго, или заплатить за него пеню⁴. Но все это въ Далматскихъ общинахъ является не болѣе, какъ исключеніемъ, и духъ ихъ узаконеній остается при отдѣльной личности. Духъ этотъ, вѣроятно, изстари дѣйствовалъ въ различныхъ сношеніяхъ Дубровника съ Сербією, когда еще въ половинѣ XIII-го ст. баны Боснійскіе Нинославъ и Стефанъ, по поводу суда между Сербами и Влахами, постановляли: *а нѣмѣмъ владѣхъ, и нѣмѣмъ сѣрбанихъ, да не бѣде нѣзма (ущерба) (С. NN^о 5, 14).* Эти же самыя слова отразились и въ распоряженіяхъ деспотовъ, которые писали: *ако и кон доубровуанинъ комоу дѣлѣмъ, или унѣмъ кривѣ, да се нѣше истѣць а да не нѣмѣмъ доубровуаниноу не волима питати. тѣмѣ тѣмѣ (кто) и дѣлѣмъ, или тѣмъ кривѣ, ошѣ да плати и нати (терпитъ), а за нѣдмога ил доуброгѣмъ да не вѣроузма (С. NN^о 73, 90, 91, 111, 137).* Если вспомнимъ, что въ тѣхъ же грамотахъ для удовлетворенія Дубровничанъ положена общая порука, то увидимъ, какъ сильно обѣ стихіи отражались во взаимныхъ договорахъ Сербіи и Дубровника. И въ Боснѣ, въ одно время съ послѣднимъ деспотомъ, король Томашевичъ подтверждалъ: *да ѿ сада напредѣ не бѣде ниладѣрѣ кѣѣе в мѣшѣ вѣсарѣ ни єдиноу дѣубровуанину ни сѣлѣмъ нѣхѣ ни єдиноу вѣвѣзма ни за єдиноу тѣѣ вѣрѣдѣмѣ него да се нѣмѣмъ по закону тѣмѣ бѣде дѣлѣмъ ошѣн истѣць да нѣмѣ платити а да се вѣрѣкомѣ не може вѣзѣти за кривѣго ни єдиноу нѣмѣмѣ вѣрѣгога (С. N^о 150).* Вѣроятно, Босняки, на основаніи понятій объ общей поруцѣ, требовали удовлетворенія съ однопоземцевъ виновнаго; но Дубровничане и въ этомъ случаѣ успѣли оградить себя льготою. Впрочемъ, все это дѣло набираетъ нѣкоторую тѣнь на поступки ихъ торговцевъ: можетъ быть, многіе изъ нихъ уходили изъ Босны, не расплатившись съ долгами и болѣе не возвращались туда. Юрій Воиславичъ, писавшій въ своей грамотѣ, 1434 года, между прочимъ, о томъ, за какое преступленіе властелинъ имъ награжденные, подвергались смертной казни, счелъ нужнымъ вставить оговорку: *галѣе ѿсѣнѣ ошѣмѣ кон в сѣлѣрѣнѣ а ѿстали да живѣтѣ и вѣвѣмаю (С. N^о 118).* Этою оговоркою онъ снималъ всякую отвѣтственность съ дому виновнаго, если только онъ не участвовалъ въ преступленіи. Послѣ этого можемъ сдѣлать общее заключеніе о правѣ отвѣтственности. Сербскіе владѣтели, за отсутствіемъ виновнаго, сами, или общею порукою, спѣшили вознаградить обиженнаго Дубровничанина. Въ томъ и другомъ случаѣ удовлетвореніе всегда

⁴ Dubrovnik, 1851. Sv. II. Zrcalo povestnice Dubrovačke, стр. 85, 86.

исполнялось. Но Дубровничане, съ своей стороны, удовлетворяли обиженного Серба только или чрезъ выдачу головою самого виновнаго, или отнятіемъ у него имущества; другой же отвѣтственности не допускали. Общей поруки у нихъ не было; всякій ихъ торговецъ отвѣчалъ только за самого себя, не смотря на то, могъ ли онъ одинъ вознаградить обиженного Серба. Очевидно, на чьей сторонѣ была выгода. Въ нашихъ памятникахъ мы находимъ еще одинъ видъ поруки, которую можно назвать господскою. Она, какъ и предыдущія, была обязательною. Господинъ отвѣчалъ за своего подданнаго, или раба, если не хотѣлъ выдать его головою. Конечно, прежде всего требовалась отъ него выдача виновнаго; но онъ могъ и не выдать его: тогда платилъ пеню. На эту поруку указываетъ одно мѣсто въ грамотѣ Уроша I (С. № 22): *И з нога се ѿврате лѣ (шаловливый) ѿтромъ (рабъ) тере цю кому испиакости. да з томъ господара не ише. ма да синишъ крицид. ако ли крькь (смертоубійство) зуми дѣтми (рабъ). да га пода господъ. ако ли га не пода да да плати господарь краѣш.* То же постановленіе существовало и въ нѣкоторыхъ Далматскихъ общинахъ¹.

Всякое судебное вознагражденіе называется въ нашихъ грамотахъ «правиною». Это названіе дано на такомъ же основаніи, на какомъ и самый судъ именовался «правымъ и божественнымъ». Въ договорахъ обѣ стороны выговариваютъ себѣ правину на томъ основаніи, что всякому должна быть оказана справедливость. Мы находимъ въ нашихъ памятникахъ нѣсколько постановленій о неприкосновенности имущества и о правѣ владѣнія. Заключая договоръ съ Михаиломъ Асѣномъ, Дубровничане вставили условіе, по которому, въ случаѣ смерти Дубровницкаго купца въ Булгаріи, или Булгарскаго въ Дубровникѣ, съ дружиною, или безъ дружины, съ языкомъ, или безъ языка, имущество покойнаго описывается и остается неприкосновеннымъ до выдачи его нарочитымъ людямъ, которые придутъ изъ земли умершаго съ письменнымъ на то дозволеніемъ отъ своего правительства (С. № 16). Деспоты Сербскіе хранили неприкосновеннымъ имущество умершаго Дубровницкаго купца, какъ Дубровницкую собственность, или отдавали его согласно съ завѣщаніемъ покойнаго (С. NN № 73, 90, 91, 111, 137). Мы уже видѣли, какъ Сербскіе владѣтели обезпечивали имущество проходившихъ по ихъ землямъ Дубровницкихъ купцовъ, и какъ, съ своей стороны, Дубровничане осторожно выдавали хранившіеся у нихъ вклады. На томъ же положеніи основано было и береговое право. По этому праву, корабль Дубровницкій, или Венеціанскій, разбившійся у Сербскихъ береговъ, и грузъ его оставались неприкосновенными. За всякую пропажу отвѣчала околица (С. NN № 36, 43, 50, 70, 71, 73, 90, 91, 111, 137). Сходныя положенія о береговомъ правѣ находимъ и въ Далматскихъ общинахъ, хотя сдѣсь поражаетъ насъ скудость письменныхъ извѣстій объ этомъ правѣ, столь важномъ для торговыхъ и приморскихъ общинъ. Главная основа всѣхъ этихъ положеній есть неприкосновенность чужой собственности². Относительно залоговъ, Дубровничане пользовались въ Сербіи защитою закона. Неприкосновенность залоговъ была обезпечена во всякое время. Въ различныхъ сдѣлкахъ Дубровника съ сосѣдними Сербскими землями не могло обойтись безъ долговыхъ обязательствъ, которыя обезпечивались залогомъ. Опираясь на разнопедданничество и на могущество своего царя Душана, Сербы могли иногда требовать своихъ залоговъ назадъ безъ выкупа, особенно въ земляхъ завоеванныхъ; но, пред-

¹ Рейцъ, Сборн. Вал., стр. 130.

² Рейцъ, тамъ же, стр., 161. — Млѣтскій стат., гл. 55, 56, 61.

видя весь вредъ отъ такого нарушенія взаимной довѣренности, Душанъ и въ грамотѣ своей (С. № 43), повтореной въ послѣдствіи сыномъ его (С. № 50), и въ Законникѣ (ст. 77) положилъ за непрѣѣнное правило, чтобы залоги, гдѣ бы они ни были, выкупались. Украденная лошадь, узнанная своимъ прежнимъ хозяиномъ, хотя бы она и была перекуплена другимъ за неворовскую и съ соблюденіемъ при покупкѣ законнаго порядка, возвращается прежнему хозяину (С. NN № 43, 50, 73, 90, 91, 111, 137). Въ судѣ за землю Дубровничане отказываются отъ той земли, которую судъ покажетъ королевскою, и если на ней есть виноградники, то съ нихъ король получаетъ вино тѣмъ же лѣтомъ (С. № 26). Перебѣжавшіе люди возвращаются ихъ владѣльцамъ (С. NN № 39, 78); но перебѣжавшіе во время войны не возвращаются (С. № 114); плѣнные, по окончаніи войны, отпускаются (С. NN № 55, 114); кто кому долженъ, тотъ тому и платитъ (С. № 144); земли и имущество, отнятыя во время войны, возвращаются (С. NN № 55, 89). Правина могла быть и безъ суда, или въ силу предварительныхъ обидныхъ условій, или въ силу новаго соглашенія. Въ грамотахъ мы часто встрѣчаемъ желаніе, выражаемое Дубровничанами, чтобы людямъ ихъ была оказываема правда. Также и отъ нихъ владѣльцы Сербскіе иногда требуютъ правды. Всего яснѣе высказано желаніе Дубровничанъ въ грамотѣ великаго князя Хлумскаго, Андрея, словами: да кы и ѿтвориша зыма моя зъ вѣсхъ нашихъ вѣтлахъ а правина да естъ (С. NN № 4, 15). Изъ этѣхъ же двухъ грамотъ узнаемъ, что въ Хлумѣ, а можетъ быть, и во всей Сербіи, былъ обычай, что виновный, прибывшій неволею въ землю, гдѣ требовалось съ него удовлетвореніе, тутъ и подвергался расправѣ и совершалъ правину; но добровольно приходившій, когда еще на немъ не искалась правина, могъ, въ случаѣ предьявленія на него правины, возвратиться домой и тамъ исполнить правину. Впрочемъ, не ручаясь вполнѣ за вѣрное пониманіе этого мѣста, привожу его въ подлинникѣ. Вотъ оно: а вѣшь улокѣмъ. кы приде зъ нашу зымаю исколовъ. комъ зъ искама правинѣ. и не испльмама мѣ бѣде. да стане. и да зыни правинѣ. ако ли приде такъ улокѣмъ. комъ изъ искама правина. да мѣ се не зыме ни тѣмъкъ вѣщѣ. до мѣ поиде зъ свое мѣсто. и тамо да зыни правинѣ по томъ. Дубровничане просили Михаила Асѣна, чтобы между ними и Булгарами была правина безъ суда и пошланы (С. № 16): и ако. людь. стѣготи. црства. или. штрѣки. високого. сьвасто. кратора. имѣть. искати. менюю. правинѣ. вѣхъ. кога. годѣ. улокѣма. ивѣжствѣ. дубровѣукога. да ми бѣдемъ. дрѣжани. ѿ менѣ. умнѣти. правинѣ. бѣзъ. сѣтъениѣ. и бѣзъ. даньѣ. по закону нашѣмъ. съвршенѣ. правѣдѣ. и такоде. правѣдѣ. да бѣде нашими. людьмъ. въ зымахъ стѣготи. црства. и петрохѣ. сьвасто. кратора.... бѣзъ. илѣирѣ. даньѣ. и бѣзъ. сѣтъениѣ. Дѣйствительно, въ Далматскихъ общинахъ правина могла быть учинена и безъ суда по одному соглашенію съ обидчикомъ; но если завязывалась тяжба, то виновный платилъ судебныя издержки¹. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ удовлетвореніе не ограничивалось только возвращеніемъ собственности, но еще къ тому присовокуплялся взыскъ съ обидчика. Этотъ взыскъ не должно смѣшивать съ вѣсью. Последняя всегда была денежная; первый состоялъ большею частію изъ тѣхъ же самыхъ предметовъ, изза которыхъ былъ споръ. Пеня имѣла значеніе и силу наказанія; взыскъ считался только удовлетвореніемъ. Обыкновенно спорный предметъ возвращался обиженному самъ другъ, или седмечерцею. Этѣ краты любитъ Законникъ Душановъ. За невзнесеніе къ сроку цар-

¹ Рейцъ, Сборн. Вал., стр. 179.

скаго дохода властелинъ наказывался двойнымъ взносомъ (ст. 200); за самовольное притѣсненіе монаха безъ суда и правды, издомство, проводъ челоуѣка въ чужую землю, пропускъ разбойниковъ, взиманіе приселицы (кормежа) и за воровскаго коня взыскивалось седмерицею (ст. 30, 80, 90, 122, 193, 203). Урошъ V повелѣлъ своему властелину Жарку заплатить Дубровничанамъ седмерицею за то, что онъ взялъ у нихъ товаръ безденежно (С. № 45). Въ Далматскихъ общинахъ взыски были разнообразіе. Въ Винодолѣ за покражу скота, жита и меду виновный, кромѣ денежной пени, платилъ убытки вдвойнѣ; за неправо удержаніе выморочнаго имѣнія и за недоставленіе князю дохода съ земель, въ которыхъ князь имѣлъ свою часть, виновный, кромѣ денежной пени, платилъ доходы седмерицею за каждый годъ; за покражу крупнаго скота князь бралъ съ виновнаго вдвойнѣ, и въ то же время дворъ князя бралъ еще седмерицею¹. На Кръкѣ за всякую покражу взималась денежная пеня, или налагалось тѣлесное наказаніе, и обиженный получалъ убытки вдвойнѣ². На Млѣтѣ покража рогатаго скота вознаграждалась возвращеніемъ украденнаго десятирицею, если то былъ мелкій скотъ, четверицею, если то была корова, и вдвойнѣ, если то былъ волъ. За другую покражу взимался ущербъ вчетверо³. Въ другихъ Далматскихъ общинахъ всякое насильственное, или тайное отнятіе собственности вознаграждалось вчетверо; за неуплату долга взыскивалось вдвое или втрое⁴.

Когда лицо, оказавшееся по суду неправымъ, отказывалось, по несостоятельности, или по чему либо другому, дать удовлетвореніе, тогда прибѣгали къ силѣ, состоявшей въ личномъ задержаніи, или выдачѣ виновнаго головою. Объ этомъ дѣйствиіи расправы мы находимъ нѣсколько извѣстій въ нашихъ памятникахъ. Самое ясное представляется въ грамотѣ Дубровничанъ, писанной для Уроша I (С. № 26): *И лже мога грагѣйнина ѡсѣди ѡбыни съдѣ. да по дѣлю стокъ добытъкы: лже ли мѣ добытка не стѣуе. а мы самога крѣнца да дѣлю скошеъ глѣковѣ. Слѣдовательно, выдача головою была въ правахъ Далматскихъ общинъ. Но ее не должно смѣшивать съ личнымъ задержаніемъ. Последнее было столь обыкновеннымъ дѣломъ, что объ немъ нечего говорить: виновный подвергался ему всегда, какъ скоро того требовала судебная расправа по дѣламъ гражданскимъ, или когда въ уголовномъ преступленіи оно могло служить уликою. Такъ, на пр., въ Далматскихъ общинахъ бѣжавшіе, подозрительные и несостоятельные должники заключались въ тюрьму⁵. Въ нѣкоторыхъ изъ этѣхъ общинъ за смертоубійство виновный непременно задерживался лично; въ прочихъ же случаяхъ личное задержаніе употреблялось только тогда, когда виновный не находилъ за себя поруки въ томъ, что къ извѣстному сроку онъ уплатитъ положенную пеню⁶, и пр. По Заковнику Душанову, личному задержанію подвергались властели, не заплатившіе царскаго дохода, или укрывшіе вора и разбойника (ст. 123, 124, 125, 200) и пр. Само собою разумѣется, что личное задержаніе составляло существенную часть уголовного и отчасти гражданского судопроизводства. Если допускалась порука, то значить, было и личное задержаніе. Но съ личнымъ задер-*

¹ Винод. Зак., §§ 8, 33, 51, 50.

² Кръск. стат. 1388 г., гл. 17, 18, 21.

³ Млѣтск. стат., гл. 8, 9, 10, 11.

⁴ Рейцъ, Сборы, Вал., стр. 164, 187, 188.

⁵ Рейцъ, тамъ же., стр. 173, 174, 175, 176. — Ср. С. NN 73, 90, 91, 111, 137.

⁶ Рейцъ, тамъ же, стр. 192.

жаниемъ, какъ дѣйствиемъ, по которому виновный поступалъ въ распоряженіе судебной власти и подвергался, по приговору, различнымъ наказаніямъ, пыткамъ и казни, не должно смѣшивать выдачи головою, дѣйствія, которое неправого передавало въ руки частнаго человѣка, того самого, чей искъ былъ на немъ. Мы уже видѣли постановленіе Дубровника относительно виновнаго, оказавшагося несостоятельнымъ. Это постановленіе сдѣлано въ половинѣ XIII-го ст. Не много ранѣе, въ первой четверти того же вѣка, былъ заключенъ, по свидѣтельству Лучича, между Трогиромъ, Клишемъ и Шибеникомъ договоръ, по которому несостоятельный должникъ выдавался вѣрителю головою. Но, приводя это свидѣтельство, Рейцъ тутъ же замѣчаетъ, что выдача должника ищцу головою, по древнему Славянскому праву, уже давно прекратилась. Только въ Трогирѣ существовало еще положеніе, въ силу котораго гражданинъ, задолжавшій иностранцу, если не имѣлъ чѣмъ заплатить, выдавался ему головою. По большей части, выдача головою замѣнена тюремнымъ заключеніемъ¹. Въ Шибеникѣ рабъ, причинившій кому нибудь вредъ, когда господинъ отказывался платить за него, выдавался головою; его сѣкли и клеймили². Впрочемъ, здѣсь выдача головою есть не что иное, какъ личное задержаніе. По Закону Винодольскому только въ двухъ случаяхъ виновный выдавался головою: это за измѣну князю и за неимѣніе, чѣмъ заплатить пеню: въ обоихъ случаяхъ князь имѣлъ полное право поступать съ нимъ и его имуществомъ, какъ хотѣлъ (§§ 70, 74). Такъ какъ всѣ эти постановленія принадлежатъ къ самымъ раннимъ, то очень легко могло быть, что въ послѣдствіи выдача головою мало по малу прекратилась въ Далматскихъ общинахъ. Въ Сербіи только разъ наши памятники ясно указываютъ на выдачу виновнаго головою: кто изъ Сербовъ оказывался виновнымъ въ чемъ либо передъ Дубровничаниномъ и не имѣлъ чѣмъ откупиться, долженствовалъ, по повелѣнію Уреша I, быть выданъ головою: *ако ли изъ добитка не стуге, а они (судце) да подю кривьца сјамога* (С. № 21). Хотя здѣсь не упомянуто о выдачѣ головою, однако, во первыхъ, по смыслу, ничего другаго и не могло быть; а во вторыхъ, здѣсь выдача головою согласуется съ таковымъ же постановленіемъ Дубровничанъ, отвѣтнымъ на это и приведеннымъ нами выше (С. № 26), и съ прочими Далматскими постановленіями о несостоятельныхъ должникахъ. О другихъ не столь ясныхъ намекахъ нашихъ памятниковъ на выдачу головою мы не упоминаемъ; ибо они могутъ относиться и къ личному задержанію. Такъ, выдача виновнаго, упоминаемая въ неизвѣстной королевской грамотѣ (С. № 38) и въ Законникѣ Душановомъ, какъ предварительное дѣйствіе общей поруки, есть не что иное, какъ выдача виновнаго для личнаго задержанія. Скучность и ранность извѣстій о выдачѣ головою какъ въ Далмаціи, такъ и въ Сербіи, заставляетъ думать, что этотъ обычай, хотя и старинный Славянскій, но мало отвѣчавшій постепенно развивавшемуся и устроивавшемуся судопроизводству, вышелъ со временемъ изъ употребленія какъ въ той, такъ и въ другой области. Дѣйствительно, онъ въ основаніи своемъ носилъ зародышъ самоуправства и происхожденіемъ своимъ обязанъ былъ тѣмъ младенческимъ временамъ, когда кровная месть и частная расправа замѣняли всякое судебное, правительствомъ установленное, преслѣдованіе виновнаго. Легко можно замѣтить, какъ мало согласовался онъ съ мыслию и направленіемъ Душанова законодательства, противорѣча личному задержанію и судеб-

¹ Рейцъ, Сборн. Вал., стр. 175.

² Рейцъ, тамъ же, стр. 130.

ной расправѣ. Вотъ по чему онъ и не вошелъ въ Законникъ и, какъ отживающій, остался только въ преданіи народномъ. Личное задержаніе называется въ Душановомъ Законникѣ «емство». Оно служило предварительнымъ дѣйствіемъ для того, чтобы виновный, или подозрѣваемый не бѣжалъ до окончанія суда и не уклонился отъ приговора. Властелинъ не подвергался самъ емству, но находилъ за себя емцевъ, которые служили заложниками въ удостовѣреніе того, что виновный подчинится рѣшенію суда; въ случаѣ его бѣгства, они несли на себѣ всю его вину (ст. 75, 83, 119). Но не всегда емство было такого рода. Случалось, что въ сношеніяхъ между Дубровничанами и Сербіями, обиженный, не дождавшись судебного окончанія, или вовсе не начинавша иска судебнымъ порядкомъ, прибѣгалъ къ насилію и захватывалъ обидчика. Тогда послѣдній видѣлъ себя уже не выданнымъ головою, а насильно увлеченнымъ въ руки истца. Дубровничане, какъ народъ мирный и торговый, боялись такого насильнаго емства и въ договорахъ постоянно выговаривали себѣ условіе, что безъ суда имъ нѣтъ никакого зла. Въ договорѣ съ Асѣномъ они говорили: *никорь. емство. да не. медъ. стомъ. чрствъ. и мьсь. домыде се. не суди. въ правды* (С. № 16). Но иногда сами они рѣшались на такое емство или плѣненіе чужихъ людей, особливо у слабѣйшихъ сосѣдей. Выше мы видѣли, какъ послѣдніе, а именно, Поповцы, князь Черномиръ и король Владиславъ¹, жаловались на нихъ за эти насильственные поступки. За то есть одна грамота (С. № 34), которая показываетъ, что и короли Сербскіе, въ свою очередь, не дождавшись удовлетворенія отъ Дубровника, поканчивали дѣло по своему усмотрѣнію, не взирая на насильственные средства, къ которымъ надлежало прибѣгнуть. Одинъ изъ нихъ писалъ жупану Тврѣтку, что такъ какъ Дубровничане отняли у Урсеты корабль и имущество и не даютъ отвѣта на многократныя о томъ отписи, то жупанъ можетъ какъ знаетъ взять удовлетвореніе съ ихъ людей: *злаши кляно е узето урсетски дръко и здобиткомъ да много ниса кралекствоми кизу дзвровкуомъ. и кьмъ дзвровуамъ.... кто ти излазе тьдззи. по рьботахъ по своимъси: како можъ овози узми на нихъ. и поди зрестекн:... и да киди кралекствоми кляно ми скръшити докши сици посль (дѣло) вь (ибо) се смо огръшани з смьзи увькьцъ да освети га. Замѣтимъ выраженіе да освети га. Осветити всегда значило у Сербовъ отмстить въ смыслѣ кровной, родовой мести и частной, своевольной расправы; откуда въ Черногоріи родилась пословица; *ко се не освети, он се не посвети*², или въ другихъ мѣстахъ Сербіи: *тко се не освети, Бог га не освети*. Таковъ смыслъ этого слова у Сербовъ; таково и понимъ значеніе «осветы» въ обычномъ народномъ правѣ. Но на этотъ разъ право письменное, возникшее уже при первыхъ короляхъ и такимъ блестящимъ образомъ выразившееся въ Законникѣ Душановомъ, употребило освету уже не въ первоначальномъ ея смыслѣ, а въ дальнѣйшемъ, болѣе приличномъ благоустроенному обществу. Гражданское право сдѣлало шагъ впередъ, предоставивъ самому правительству преслѣдованіе виновнаго и отстранивъ кровную месть. Сдѣсь света есть насильное емство, употребленное отъ лица правительственной власти.*

О способахъ наказанія, принятыхъ въ Далмаціи и Сербіи, мы упоминали выше мимоходомъ. Ни источники, ни мѣсто не позволяютъ намъ распространиться во всей подробности о наказаніяхъ — исходной части судебныхъ дѣй-

¹ С. NN 9, 11, 18.

² См. В. С. Караджича, Српске народне пословице. У Бечу. 1849. Стр. 154. Ср. еще стр. 8.

ствій. Тѣмъ не менѣе мы должны окинуть общимъ взглядомъ способы наказанія и основную мысль, которая въ нихъ проявлялась, какъ въ Сербіи, такъ и въ Далматскихъ общинахъ. Читая Рейца, изучая Далматскіе статуты, мы приходимъ къ заключенію, что кровной мести въ общинахъ не осталось и слѣда; въ этомъ отношеніи былъ сдѣланъ шагъ впередъ на пути гражданственности. Но за кровною местию, которая не имѣетъ никакого гражданскаго значенія, а есть только частная расправа, слѣдовала денежная пеня. На ней и основались Далматскія общины. Какъ исключительно торговля и занятія денежными выгодами, общины эти, вѣроятно, находили принятый ими способъ наказанія согласнымъ съ главнымъ направленіемъ ихъ дѣятельности. Онъ всякую вину измѣряли количествомъ денегъ и наказаніе обращали въ денежный взмыскъ, часть коего непремѣнно поступала въ общественную казну, другая раздавалась должностнымъ лицамъ и только третья, небольшая, отдавалась обиженному. Главный недостатокъ въ ихъ способѣ наказанія состоялъ въ томъ, что сдѣсь тягость наказанія никогда не была равна, а отвѣчала состоянію виновнаго и средствамъ, которыми онъ владѣлъ для уплаты пени. Такъ, на пр., въ Винодолѣ, по его Закону, не было ни одного преступленія, за которое нельзя бы было откупиться. Въ другихъ общинахъ, о которыхъ мы знаемъ, были ограниченія для нѣкоторыхъ преступленій. Смертная казнь назначена была безъ выкупа: на Кръкъ за безчестіе женщинъ, за третичное воровство, за покражу въ домъ выше 50 литровъ и отраву¹; въ Сени за насиліе женщинъ и покражу свыше 100 ливръ²; на Корчулѣ за смертоубійство и насиліе; въ Травѣ еретикамъ, измѣнникамъ, возвратившимся изъ побѣга, и смертоубійцамъ; въ Шибеникѣ, Которѣ, на Лезинѣ и Млѣтѣ смертоубійцамъ³. Во всѣхъ другихъ случаяхъ виновный могъ откупиться и только въ очень немногихъ, при пени, долженъ былъ подчиняться еще тюремному заключенію. И такъ, взнеся пеню, онъ былъ свободенъ. При томъ, чѣмъ богаче онъ былъ, тѣмъ нечувствительнѣе было для него наказаніе. Въ этомъ способѣ наказанія ярко высказывается господствующее населеніе этихъ общинъ — влательство. Оно, какъ богатое, обезпечило для себя легкость наказанія, не смотря на то, что пеня была для него увеличена; пеня, которая часто была для него ничего не значащею, для другихъ, бѣднѣйшихъ сословій, равнялась смертной казни; ибо за тѣ же преступленія, за которыя вносилась пеня, неминуемо подвергался смертному приговору. Кто не могъ за свою вину заплатить деньгами, платилъ жизнью. Еще разительнѣе выступает несообразность этого способа наказанія въ тѣхъ случаяхъ, когда пеня, по свойству преступленія, была слабѣе смертной казни. Сдѣсь невольно представлялся вопросъ: чему приравнять ее? Конечно, нѣкоторыя, болѣе предусмотрительныя, общины замѣнили ее во многихъ случаяхъ изгнаніемъ, или тюремнымъ заключеніемъ; но в сдѣсь, въ большей части случаевъ, Далматскія общины не измѣнили своей главной мысли и, отпичивая преступленія количествомъ денегъ, должны были и тѣлесное наказаніе уровнять съ пенею. Рѣшено было, что если большей пеню отвѣчала смертная казнь, то меньшей должно отвѣчать отнятіе у виновнаго какого либо члена. И сдѣсь за вину непосредственно слѣдовала пеня, а тѣлесное наказаніе стояло

¹ Кръчск. стат. 1388 г., гл. 1, 14, 24.

² Arhiv za pravostn. Jugoslav., 1852. II, II. Стр. 278.

³ Рейцъ, Сборн. Вал., стр. 183, 184, 186. — Млѣтск. стат., гл. 1.

уже сзади пени и не виною измѣрилось, но пенею. Отъ того-то въ представленіяхъ о наказаніи и возможно было увѣченіе. Часто пеня восходила до лишенія виновнаго всего его имущества; часто соединялась она съ личнымъ задержаніемъ и тѣлеснымъ наказаніемъ. Вообще мѣриломъ наказанія была денежная пеня; а съ другой стороны, какъ необходимое слѣдствіе перваго, мѣриломъ тягости наказанія было состояніе виновнаго. За одно и то же преступленіе одному не стоило ничего внести положенную пеню, другой платился всѣмъ своимъ имуществомъ, а третій терялъ жизнь, или лишался члена, необходимаго для работы, которая ему, какъ бѣдняку, доставляла пропитаніе. Какъ откупившійся злодѣй, такъ и увѣчный негодяй становились по прежнему вредными членами общества. Увѣченіе и чрезмѣрно обширное примѣненіе пени свидѣлствуютъ, что понятіе о способахъ наказанія еще далеко не созрѣло въ Далматскихъ общинахъ. Наказаніе оставалось безъ главнѣйшей своей цѣли — исправленія дурнаго человѣка и предупрежденія возможности зла на будущее время. Мы не знаемъ хорошо о соблюденіи различія между сословіями при наказаніи; ибо достаточныхъ подробностей объ этомъ не находимъ въ статутахъ. Различіе между сословіями могло соблюдаться двояко: относительно обидчика и относительно обиженнаго. Въ первомъ случаѣ, когда вниманіе обращалось на сословіе обидчика, мы, какъ общую черту, можемъ привести слова Рацци, который говоритъ про благородныхъ, что «они не щадили другъ друга въ дѣлахъ уголовныхъ»: это значитъ, что при наложеніи пени относительно большее богатство благородныхъ требовало и большей пени. Въ смертныхъ приговорахъ благородному отсѣкали голову, а неблагороднаго вѣшали¹. Вообще, при преобладаніи въ общинномъ правленіи властельскаго сословія, нельзя сомнѣваться, чтобы это сословіе не сумѣло отягчить себя отъ другихъ. Во второмъ случаѣ уголовное право общинъ не дѣлало, кажется, различія въ сословномъ происхожденіи обиженнаго, — и это была лучшая его черта; ибо на преступленіе оно смотрѣло единственно какъ на преступленіе, и въ обиженномъ видѣло человѣка, а не члена общества. Такъ на Корчулѣ благородный, причинившій насиліе женщинѣ, была ли то благородная, или крестьянка, одинаково подвергался смертной казни. Къ сожалѣнію, другихъ извѣстій объ этомъ не находимъ. Но безразличіе ограничивалось только тѣлеснымъ наказаніемъ: лишь только дѣло останавливалось на пени, или личномъ задержаніи, какъ сословное происхожденіе выступало наружу. Тамъ же, на Корчулѣ, за насиліе, сдѣланное дѣвицѣ благороднаго происхожденія, благородный платилъ 100 червонцевъ и заключался въ тюрьму на 6 мѣсяцевъ; за насиліе крестьянкѣ благородный платилъ только половину, 50 червонцевъ, и содержался только 3 мѣсяца². Въ Которѣ, если рабъ ударилъ свободнаго, то его сѣкли кнутомъ; если же онъ обидѣлъ благороднаго, то ему клеймили щеки, сѣкли его кнутомъ и водили по городу; за оскорбленіе другаго раба онъ платилъ 6 перперовъ³. Странно, что въ другихъ статутахъ и между прочимъ въ извѣстныхъ намъ Винодольскомъ, Кръчскомъ и Млѣтскомъ, нѣтъ никакихъ постановленій касательно различія сословій: тамъ, при всемъ множествѣ статей о наказаніяхъ, о званіи обиженнаго и обидчика не упоминается вовсе. Ковечно, нѣкоторыя преступленія, какъ-то: воровство, поджога, разбой, потрава и т. п.,

¹ Рейцъ, Сборн. Вал., стр. 72.

² Рейцъ, тамъ же, стр. 186.

³ Рейцъ, тамъ же., стр. 129.

чаще совершались людьми простаго сословія; но были и такія, которыя могли быть совершены равно благородными и неблагородными: во всякомъ случаѣ это молчаніе весьма удивительно и едва ли чѣмъ другимъ можетъ быть объяснено, какъ только тѣмъ, что письменныя узаконенія далеко не были полными хранилищами обычнаго права, которое велось въ общинахъ по преданію. Сравнивая съ постановленіями Далматскихъ общинъ Законникъ Душановъ, мы удивляемся разнообразію способовъ и лучшему направленію цѣли наказанія въ Сербіи. На этомъ пути Сербія шла врознь отъ общинъ, и въ законодательствѣ ея пробивается тотъ свѣтлый взглядъ, тотъ здравый гражданскій смыслъ, который не разъ высказывался въ дѣйствіяхъ Душана, настоящаго строителя своей земли. Денежная пеня ограничена самыми тѣсными предѣлами, и ей дано наиболѣе приличное мѣсто въ судебномъ правѣ. Въ степеняхъ ея видимъ такой порядокъ: 6, 50, 100, 300, 500, 1000 перперовъ. Она взималась: за вмѣшательство мірянъ въ церковныя дѣла (З., ст. 11), личное оскорбленіе (З., ст. 45, 46), потраву (З., ст. 66), волхвованіе (З., ст. 72), убійство (З., ст. 73, 81), оскорбленіе духовнаго лица (З., ст. 82), вырваніе бороды себромъ у себра (З., ст. 86), неправый судъ по поротѣ, при чемъ къ пени въ 1000 перп. присоединялось еще нравственное наказаніе—лишеніе довѣрія и запрещеніе поротникамъ быть посредниками при заключеніи браковъ: **ни да се што ѿтъ шихъ ни моужи ни жини**. Отсюда узнаемъ еще новую должность поротниковъ: какъ присяжные, они могли участвовать въ сватовствѣ; но оказавшись неблагонадежными и пристрастными въ судѣ, естественно и тутъ должны были утратить довѣріе къ себѣ (З., ст. 156). Далѣе: за заключеніе въ тюрьму безъ царской грамоты (З., ст. 178), обиду и притѣсненіе Дубровническимъ и вообще всякимъ торговцамъ (С. NN^о 23, 25, 36; З., ст. 103, 106), за помѣху свободнымъ торговымъ сдѣлкамъ и продажѣ жита (С. N^о 29), за нарушеніе договора, сдѣланнаго съ Дубровничанами относительно Стона и Рѣта (С. N^о 37), взиманіе неположенной царины (С. NN^о 40, 50), нарушеніе договорной грамоты съ Дубровникомъ (С. N^о 70) и наконецъ, когда Дубровничане, въ спорахъ съ Саксами, судились не такъ, какъ было указано королевскою грамотою, именно, не по поротѣ (С. N^о 25). Съ себра бралось негдѣ пени, чѣмъ съ властелина; но за то къ этой пени присоединялось тѣлесное наказаніе (З., ст. 72, 81): въ Далматскихъ общинахъ мы видѣли то же самое. Сдѣсь обращалось вниманіе на состояніе виновнаго: бѣдному себру не откуда было достать столько денегъ, чтобы внести одинаковую пеню съ богатымъ властелемъ. Иногда пеня взималась не деньгами, а волами: за неявку властелина къ суду бралось 6 воловъ (З., ст. 49) и столько же за умышленную потраву (З., ст. 65). Всѣ прочіе роды преступленія имѣли свое наказаніе, нравственное, или тѣлесное. За нарушеніе церковнаго права виновные подвергались болшею частію нравственному наказанію: духовные отлученію отъ сана, а за поставленіе по мыту отлученію отъ сана и проклятію (З., ст. 10, 20, 28, 196); міряне лишенію благословенія, разводу, отлученію отъ церкви и изгнанію (З., ст. 2, 3, 4, 30). Иногда наказаніе не опредѣлялось, и приговоръ произносился по закону св. Отецъ (З., ст. 5, 7, 89, 131). Строго наказаніе для чернаго духовенства, преступающаго монастырскій уставъ: монахъ, своевольно разстригшійся, подвергался заключенію (З., ст. 19); взявшій мыто, лишался монашескаго образа и подвергался тѣлесному наказанію (З., ст. 196). Но всего строже постановленія объ еретичествѣ. Известно, что Душанъ былъ ревнителемъ Православія, и старался водворять его въ завоеванныхъ земляхъ, когда находилъ въ нихъ другую вѣру. Такъ, на пр., въ Босіѣ онъ уничто-

жилъ многіе Римско-католическіе приходы и замѣнилъ ихъ православными. Этимиъ объясняется, съ одной стороны, причина, по чему въ Законникѣ упомянуто объ «еретикахъ», подъ которыми должно разумѣть Римскихъ католиковъ въ противоположность «христіанамъ» или православнымъ; а съ другой, тѣ строгія ограниченія, которыя назначались еретикамъ, входившимъ въ связи съ православными. Православный, перешедшій въ Латинскую вѣру, долженъ былъ снова обратиться къ Православію: иначе онъ наказывался по закону св. Отецъ (З., ст. 5); по этому же закону наказывался Римско-католическій священникъ, обратившій въ свою вѣру православнаго (З., ст. 7). Кто изъ Римскихъ католиковъ женился на православной, долженъ былъ самъ перейти въ Православіе: иначе лишался жены, дѣтей, имущества и изгонялся (З., ст. 8). Еретика, укрывавшагося у православныхъ, обжигали лицо и онъ изгонялся; жгли лицо и тому, кто укрывалъ его (З., ст. 9). За продажу православнаго иновѣрцу отсѣкали руки и вырѣзывали языкъ (З., ст. 21). Такая строгость была отчасти необходима; ибо въ Босніѣ, которая здѣсь преимущественно разумѣется, Католицизмъ дѣлалъ значительные успѣхи въ вѣрообращеніи, покровительствуемый судьбою этой страны. Ближайшая къ Приморской Далмаціи, гдѣ господствовала Латинская вѣра, находясь почти постоянно подъ верховною властью Римско-католической Угрии, Босна, съ своими банами, вдалась до такой степени въ связи съ Италіей и Угрією, что уже не могла отрѣшиться отъ вѣры, водворенной въ ней происками западнаго духовенства: угрозы папъ противъ бановъ, оправшіяся на многочисленныхъ послѣдователей Латинской вѣры, и вторженія Угорскихъ королей, благопріятствуемыхъ превосходствомъ силъ, до того стѣсняли бановъ въ ихъ дѣйствіяхъ, что они невольно должны были Латинскую вѣру ставить впереди Православія и Патаренской ереси, которымъ внутренне многіе изъ нихъ благопріятствовали. Душанъ воспользовался своею побѣдою для водворенія и укрѣпленія Православія въ Босніѣ: важнымъ условіемъ для успѣха была быстрота и строгость дѣйствій, и этииъ-то объясняются тѣ статьи Законника, на которыя мы указали. Въ гражданскихъ дѣлахъ наказаніе восходило отъ вознагражденія ущерба за допущеніе грабежа (З., ст. 137, 152, 159, 161, 162, 163) до совершеннаго раззоренія за издомство и принужденіе церковныхъ людей къ неропшинѣ или государственнымъ повинностямъ (З., ст. 24, 35, 196). За вредъ, нанесенный во время приселицы, за злоупотребленіе власти окружные правители лишались своей области или державы (З., ст. 139, 152). Неропхи, бѣжавшіе отъ своихъ господъ, подвергались клейменію, разпарыванію носа и тюремному заключенію (З., ст. 205). Для уголовныхъ преступленій, кромѣ пени, лишенія всего имущества за оскорбленіе судьи (З., ст. 27) и лишенія всего имущества вмѣстѣ съ личнымъ задержаніемъ за насиліе пристава (З., ст. 94), положены были различныя тѣлесныя наказанія, какъ-то: удары и заключеніе въ тюрьму за нанесеніе въ пьяномъ видѣ побоевъ безъ окрававленія (З., ст. 168), отсѣченіе руки за вырваніе бороды у властелина и добраго мужа (З., ст. 85); отсѣченіе рукъ за умышенное убійство (З., ст. 73); отсѣченіе рукъ и носа за насильный бракъ властелина и себра съ женщиною одного съ ними сословія и за блудъ (З., ст. 47, 189); отсѣченіе ушей, и клейменіе за сборъ себровъ (З., ст. 61); отсѣченіе рукъ и языка за неправильное исполненіе судебного приговора приставомъ (З., ст. 168); отсѣченіе руки и лишеніе глаза за кровавыя раны, нанесенныя въ пьяномъ видѣ (З., ст. 168); отсѣченіе языка и ушей за несправедливость со стороны пристава (З., ст. 190); ослѣпленіе вору

и повѣшеніе стремглавъ разбойнику и такое же наказаніе злодѣю и клеветянику и всякому, кто держитъ у себя, или приводитъ съ собою воровъ и разбойниковъ и потворствуетъ имъ (З., ст. 123, 124, 125, 126, 167, 171); висѣлица за насильственный бракъ себѣ съ женщиною властельскаго сословія и за убіеніе духовнаго лица (З., ст. 47, 83); и наконецъ сожженіе за поджигательство по мести и убіеніе родителей (З., ст. 84, 87). Село, давшее у себя убѣжище золотыхъ дѣлъ мастерамъ, которымъ, такъ какъ они были въ то же время и чеканщиками, вѣдно было жить въ извѣстныхъ крѣпостяхъ и городахъ, раззорилось и сожигалось, какъ притонъ дѣлателей ложныхъ денегъ (З., ст. 181). Вотъ всѣ виды наказаній, изложенные въ Законникѣ. Между ними не находимъ обезглавленія; но неужели оно не существовало на ряду съ другими родами казни? Въ Боснѣ оно было, и мы имѣемъ ясное указаніе на него въ грамотѣ Юрія Воеславича (С. № 118); вѣроятно, было оно и въ Сербіи. Должно еще прибавить, что сдѣсь мы представили очеркъ состава наказаній подъ условіемъ, что виновный былъ на лицѣ; когда же онъ скрывался, тогда, само собою разумѣется, за него отвѣчала общая порука, и при этомъ случаѣ, вмѣсто тѣлеснаго наказанія, дѣйствовала денежная пеня. Изъ представленнаго очерка отирается также разница, существовавшая между Далматскимъ и Сербскимъ возрѣніемъ. Надобно отдать справедливость Душану въ томъ, что онъ, дѣйствуя сдѣсь самостоятельно, ушелъ далѣе своихъ приморскихъ сосѣдей. Его постановленія о наказаніяхъ были правильнѣе и полезнѣе: въ нихъ заключались всѣ условія къ будущему успѣшнѣйшему достиженію цѣли наказанія — предотвращенію зла. Если въ опредѣленіи способовъ наказанія виды обезпеченія общественнаго спокойствія и безопасности должны быть по возможности примирены съ чувствомъ человѣчности, то денежная пеня наименѣе удовлетворяетъ тому и другому. Душанъ взглянулъ свѣтлѣе на это примиреніе; съ одной стороны, личное задержаніе, изгнаніе и казнь обезпечивали общество отъ повторенія злодѣянія, а съ другой нравственное наказаніе видѣло въ виновномъ человѣкѣ и дѣйствовало непосредственно на его совѣсть. Но надобно признаться, относительно чувства человѣчности, Душанъ, хотя и далъ мѣсто нравственному наказанію, будучи обязанъ имъ церковному праву, хранимому древними Сербами преимущественно въ Правильникѣ Властара; однако не могъ еще совершенно отдѣлаться отъ своего вѣка и стать выше современныхъ ему, довольно грубыхъ и жесткихъ, понятій. Ему еще не доставало той мысли, которая и у другихъ народовъ возникла гораздо позднѣе въ слѣдствіе успѣховъ человѣчества; въ своемъ Законникѣ, который является послѣднимъ итогомъ, хотя и не полнымъ, истекшимъ изъ всего того, что выработано было народами въ пользу права въ продолженіи его многовѣковой жизни, онъ еще не умѣлъ согласить важности преступленія съ кротостію наказанія. Конечно, увѣче и разные роды смертной казни говорятъ не въ его пользу; но, повторяю, въ этомъ не его вина, а виною тому духъ времени, постепенно смягчавшій нравы людей. Кромѣ того, увѣче было вредно, какъ мы видѣли, и для общества, и допущеніе его составляетъ одинъ изъ главнѣйшихъ недостатковъ Законника въ гражданскомъ отношеніи. Впрочемъ, оно искупается другаго рода достоинствами, къ которымъ вельзя не отнести того правильнаго взгляда на преступленіе, по которому главнымъ лицомъ былъ обиженный, а не обидчикъ: отъ того самое преступленіе, кѣмъ и надъ кѣмъ бы оно ни было сдѣлано, имѣло одинаковую силу вредъ закону, и только одно наказаніе измѣнялось, но не ослаблялось, смотря по тому, къ какому сословію

принадлежалъ преступникъ. Слѣдовательно, при совершеніи преступленія обращалось вниманіе на самый смыслъ вины, а при наложеніи наказанія уже различалось лицо, совершившее преступленіе. Въ доказательство приведу 45-ю и 46-ю статьи Законника, въ которыхъ за личное оскорбленіе постановлено: **Клѣстанинъ, кон ѿпсоуѣ и ѿсрамоти клѣстаничца, да плати .р. иернере. и клѣстаничирь, иже ѿпсоуѣтъ клѣстанина, да платити .р. иернере, и да се вѣста стани.** **Иже клѣстанинъ или клѣстаничирь ѿпсоуѣ себѣ, да плати .р. иернере. иже ли себѣ ѿпсоуѣ клѣстанина или клѣстаничца, да платити .р. иернере и да се ѿсшодити.** Сдѣсь, какъ видно, пеня за властелина, властеличича и себѣ одинакова; слѣдовательно, одинакова и мѣра преступленія. Только при опредѣленіи наказанія властелинъ избавляется отъ тѣлеснаго наказанія, какъ властеличичи, и клѣйменія, какъ себры. Черезъ это преступленіе нисколько не ослаблено въ своемъ значеніи и оцѣнено одинаково, надъ кѣмъ бы оно ни было совершено; а если властелимъ и дана льгота въ наказаніи, то это отнюдь не въ видахъ ослабленія силы преступленія, но единственно изъ уваженія къ ихъ сословію. Укажу еще на 81-ю статью: **Аже оуѣтъ властелинъ себѣ оу градѣу или оу жоуѣ или оу маточѣу, да плати тьсоуѣу иернере. иже ли себѣ клѣстанинъ оуѣтъ, да моу се ѿѣт роуѣѣ ѿтснѣуѣтъ, и да плати .л. иернере.** Сдѣсь пеня за властелина даже менѣе пени за себѣ; но мѣра вины уравнена тѣлеснымъ наказаніемъ въ замѣнъ денежнаго, которое себру было бы нѣ по силѣ. За то коль скоро преступленіе соприкасалось съ сословными правами, значеніе его условливалось уже сословіемъ, которому оно причиняло нравственный ущербъ, и мѣра наказанія опредѣлялась сообразно съ сословнымъ происхожденіемъ обиженнаго. Статья 47-я опредѣляетъ такое наказаніе за насилие: **Аже кон клѣстанинъ възметъ клѣдничѣу по силѣ, да моу се ѿѣт роуѣѣ ѿтснѣуѣтъ и носъ ѿтснѣтъ. иже ли себѣ възметъ клѣдничѣу по силѣ, да се ѿтснѣтъ. иже ли свою дроуѣу възметъ по силѣ, да моу се ѿѣт роуѣѣ ѿтснѣуѣтъ и носъ оуѣтснѣтъ.** За оскорбленіе себромъ властельскаго сословія наказаніе строже, чѣмъ за оскорбленіе властелемъ, или себромъ своего сословія: въ послѣднемъ случаѣ наказаніе равно и для властелина и для себѣ. Причина различія въ наказаніи очевидна; преступленіе было такого рода, что влекло за собою обиду цѣлому сословію и при томъ нужно было предохранить высшее сословіе отъ покушеній низшихъ и оградить его какими либо преимуществами. Впрочемъ, и сдѣсь вниманіе обращено на сословіе обидчика, и единственно на этомъ основаніи наказаніе увеличено, или уменьшено; но какъ скоро различія между обидчикомъ и обиженнымъ не было, не было и различія въ наказаніи: властелинъ наказывался одинаково съ себромъ. Слѣдовательно, преступленіе, какъ преступленіе, оставалось все тѣмъ же и всегда имѣло одинаковое значеніе предъ лицомъ закона. Равнымъ образомъ и статьи 85-я и 86-я основаны на правахъ сословныхъ. Онѣ опредѣляютъ наказаніе, состоявшее въ отсѣченіи руки за вырваніе бороды властелину, или доброму человѣку, и въ пени 6 перперовъ, когда вырывалъ бороду себѣ у себѣ же. Нельзя при этомъ не замѣтить тонкости взгляда, умѣнаго распознавать въ преступленіи ту сторону, которою оно наиболѣе оскорбляло общество; нельзя не отдать справедливости Душану въ томъ, что онъ умѣлъ согласить права человѣка съ правами сословія и зналъ, гдѣ именно, на какой точкѣ, оставить разграниченіе между наказаніемъ за человѣка и наказаніемъ за сословіе. Въ этомъ отношеніи его законодательство выходитъ складнѣе и разумнѣе уставовъ Далматскихъ об-

жизнь. Другое достоинство. взгляда Душанова на способъ наказанія состоитъ въ томъ, что во взглядъ этомъ просвѣчиваетъ мысль новая, совершенно противоположная денежной пени и общей порукѣ и болѣе вѣрная государственнѣмъ началамъ: это — предотвращеніе возможности зла на будущее время. Мысль эта высказалась скорѣе всего въ положеніи о разбояхъ и воровствѣ, какъ эль, наиболѣе въ то время распространенномъ, благодаря современному состоянію населенности и городской и земской охраны. Противъ разбоя и воровства, которыя являе и болѣе всего вызывали самыя строгія и безотлагательныя мѣры, Душанъ, въ пылу гнѣва, уничтожилъ всякую возможность откупа или повторенія зла. Онъ писалъ: но въсѣхъ хушакъ и но градокодъ и но жондахъ и но крапцехъ хоусара и тата да итѣть ни оу хѣмъ предалоу. и оѣмъ ошрадомъ да оумалитъ се татѣа и хоусарство. оу номъ се сѣа ошрапитъ татъ или хоусаръ, този сѣа да се рѣди, и хоусаръ да се ошрапитъ стрѣмоглава, а татъ да се ошрапитъ... (З., ст. 128). Замѣчательныя въ этой статьѣ выраженія да итѣть и да оумалитъ се, равно какъ строгость наказанія, послѣ котораго зло не могло уже быть болѣе повторено тѣмъ же самымъ лицомъ, обнаруживаютъ въ законодательѣ сильную и рѣшительную волю и новый взглядъ на способъ охраненія общественной безопасности. Съ перваго же разу можно замѣтить, куда стремились заботы правителя: онъ не думалъ только объ одномъ наказаніи зла, но и старался дѣйствительными мѣрами предотвратить его на будущее время. Вообще должно сказать, что Сербское право, относительно способовъ и цѣль наказанія, превосходило Далматское. Оба они развились на своей собственной почвѣ подъ влияніемъ мѣстныхъ условий и тѣхъ началъ, изъ которыхъ сложилась жизнь того и другаго народа. Община торговая составила свое воззрѣніе на способы и цѣль наказанія и, можетъ быть, оставалась довольною имъ, такъ какъ оно согласовалось со стремленіемъ къ прибыли, главнымъ отличительнымъ свойствомъ торговаго приморскаго государства. Напротивъ Сербія, управляемая самодержавіемъ и, во времена Душана, исполнявшая стремленія къ созданію прочнаго гражданскаго и государственнаго быта, получила отъ своего законодателя лучшее обезпеченіе гражданскихъ связей и общественнаго спокойствія и благосостоянія. Хотя не всѣ еще способы наказанія, на ту пору, отвѣчали требованіямъ новаго порядка вещей, покровительствуемые старинною: тѣмъ не менѣе сила власти уже ясно высказывалась въ строгомъ и правильномъ распредѣленіи наказаній и обязанностяхъ, возложенныхъ на служебныя лица. Словомъ, Сербія опередила Далмацию; и когда та оставалась, какъ видно изъ статутовъ, въ одномъ положеніи, она успѣла создать себѣ новое начало, въ которомъ лежалъ зародышъ всѣхъ будущихъ совершенствованій въ гражданскомъ и государственномъ отношеніяхъ.

Мы видѣли разные суды, установленные во взаимныхъ дѣлахъ Сербовъ съ Дубровничанами, видѣли судъ, совершавшійся непосредственно на сходкѣ; далѣе, судъ самой верховной власти, судъ должностныхъ судей и другихъ лицъ, мѣстныхъ на то право, и наконецъ судъ присяжныхъ. Потомъ мы просматривали дальнѣйшее производство судебной расправы, какъ оно положено было въ узаконеніяхъ Далмации и Сербіи и въ обоюдныхъ договорахъ той и другой. Объ иныхъ судахъ въ постановленіяхъ, состоявшихся по поводу этихъ договоровъ, не упоминается; но были, конечно, случаи, когда объ стороны, избѣгая должностнаго суда, выбирали для себя посред-

никовъ и приговору ихъ подчинялся. Третейскій судъ былъ въ употребленіи и въ Далмаціи, и въ Босніи; онъ былъ, безъ сомнѣнія, и въ другихъ областяхъ Сербіи. Въ Далматскихъ общинахъ, при назначеніи посредниковъ, участвовало иногда правительство; приговоръ третейскаго суда рѣшался большинствомъ голосовъ, если было нѣсколько посредниковъ, и считался окончательнымъ⁴. Въ Законникѣ Душановомъ этого суда нѣтъ, по тому самому, что онъ былъ какъ бы частнымъ судомъ, основаннымъ на добровольномъ согласіи обѣихъ сторонъ подчиниться приговору ими же избранныхъ одного, или нѣсколькихъ лицъ. Онъ стоялъ поодаль отъ всѣхъ должностныхъ судебныхъ дѣйствій и, естественно, не входилъ въ составъ Законника. Въ Босніи имъ виднѣе примѣненіе этого суда къ распрямъ домашнимъ, гражданскимъ и государственнымъ. Такъ какъ посредники необходимо должны были быть людьми уважаемыми и добросовѣтными, то и выходило, что они были тѣми же добрыми мужами; отъ того Рейцъ и называетъ посредниковъ въ третейскомъ судѣ добрыми мужами. Дѣйствія добрыхъ людей въ распрямъ Сандаля съ матерью (С. № 93), Косачи съ женою и сыновьями (С. № 142); въ произнесеніи мѣнія на счетъ важности проступка, совершеннаго властями противъ своего владѣльца (С. № 118; З. А.); въ разбирательствѣ между Тврткомъ II и Дубровникомъ (С. № 89) суть не что иное, какъ третейскій судъ. Приведу въ примѣръ третейскаго суда тотъ судъ, который учрежденъ былъ Тврткомъ II: онъ замѣчательнъ по тѣмъ подробностямъ, съ какими изложенъ въ грамотѣ. Послѣ бѣгства Остои, ведшаго войну съ Дубровникомъ, Твртко занялъ его земли и нашелъ, что воеводы Остои, Сандаля и Павель Радичевичъ, и нѣкоторые другіе Босняки захватили себѣ имущество Дубровничанъ: по этому онъ назначилъ судебный разборъ. Со стороны Босны двое судей: Вукацъ Храничъ, братъ Сандаля, и другой властелинъ, котораго имѣеть назначить Король; со стороны Дубровника также двое судей по назначенію Общины изъ туземныхъ властелей. Сходка или састанакъ, по выбору Вукаца, въ одномъ изъ трехъ указанныхъ Королевъ мѣстъ: Конавлѣ, Требинѣ, или Поповѣ. Въ избранное мѣсто должны явиться судьи черезъ шесть мѣсяцевъ со дня написанія грамоты; и если князь Вукацъ, или другой Боснійскій судья, или даже двое судей Дубровничкихъ не явятся къ этому сроку, то должны стараться явиться, какъ можно скорѣе, по прошествіи срока. Если всѣ четверо судей единогласно, или большинство ихъ скажутъ, что то и то отнято у Дубровника обманомъ и не по правдѣ, то все показанное слѣдуетъ возвратить и уплатить Дубровнику; и на чемъ рѣшатъ эти судьи, на томъ и стоять твердо, и того никто не можетъ нарушить, ни ослушаться. Вотъ образецъ третейскаго суда, допущеннаго въ дѣлахъ государственныхъ. Судьи, или посредники не назначаются верховною властію, подобно должностнымъ судьямъ, и, подобно этимъ и поротникамъ, не приносятъ присяги въ справедливости своихъ приговоровъ; но избираются добровольно обѣими спорящими сторонами, и приговоръ ихъ, основанный на добросовѣстности и довѣріи, считается столь же обязательнымъ, какъ и всякое рѣшеніе должностныхъ судей, или поротниковъ. Жалобъ на третейскій судъ нѣтъ.

До сихъ поръ мы рассматривали судебные уклады, бывшіе между Сербіею и Дубровникомъ; но въ заключеніе должны упомянуть еще о двухъ статьяхъ, касающихся до суда какъ между Дубровничанами и Нѣдцами, такъ и

⁴ Рейцъ, Сборн. Вал., стр. 151, 180, 181.

между одними Дубровничанами и одними Нѣмцами въ Сербіи. Случавшіяся распри иноземныхъ торговцевъ побудили Сербскихъ владѣтелей издать и для нихъ постановленія. При Урошѣ I, вѣроятно, еще мало было Нѣмцевъ въ Сербіи, по чему онъ въ своихъ грамотахъ и не упоминаетъ о нихъ; но Милутичъ, повторяя укладъ отца, счелъ уже за нужное прибавить, что Нѣмцы, въ спорѣ съ Дубровничанами, судятся непременно судомъ по поротѣ (С. № 25); деспоты подтвердили то же самое (С. NN № 73, 90, 91, 111, 137). Выраженіе Милутичиной грамоты: *прѣ тѣми да се расправлю*, прибавленное для усиленія смысла, равно какъ слова деспотскихъ грамотъ: *да се не моуге прѣ госпоствоми* (или *па*) или *прѣ нефалию машита* свидѣтельствуютъ, что для Нѣмцевъ, тагавшихся съ Дубровничанами, не было въ Сербіи другаго суда, кромѣ суда по поротѣ. Точно то же постановили деспоты и относительно однихъ Нѣмцевъ, которые, въ силу тѣхъ же грамотъ, должны были непременно судиться промежъ себя поротою. Деспоты же издали положеніе касательно судебныхныхъ разбирательствъ между одними Дубровничанами. Мы читаемъ въ ихъ грамотахъ: *И що се прѣ мѣгю сокомъ доцѣрокуание или се коудѣ оушинуло з срьблѣи, или оу доцѣровникоу да се прѣ прѣ коуисоуломъ* (въ др. *коуислам*) *доцѣровкунимъ* (въ др. *дѣвробкуимъ*). *и прѣ нихъ соудѣани. и що соудн коуисоуль и нигокс соудѣ на томъ да стон. ако ли ем не хотѣлъ доцѣрокуанимъ стоимъ на томъ соудѣ, да и волимъ коуисоуль и нигокс соудѣ оноголи свѣзати и дрѣжати докле плати шо и осоуимъ.* (С. NN № 73, 90, 91, 111, 137). Изъ этого постановленія узнаемъ, что Дубровничане судились совсѣмъ инымъ образомъ, чѣмъ Нѣмцы. Тогда какъ послѣдніе даже въ своихъ собственныхъ спорахъ подлежали суду присяжныхъ, они выговорили себѣ, для своихъ тяжбъ, свой особый судъ предъ своими консуломъ и судьями. Этотъ судъ былъ для нихъ обязательнымъ, и помѣшать ему не могли ни главари и другія начальства, ни даже сами деспоты и ихъ родичи. Отсюда узнаемъ также, что Дубровничане нѣмѣли въ Сербіи своего консула, о которомъ, впрочемъ, нѣтъ никакихъ другихъ извѣстій. Что же касается до судей, то они могли быть или присяжными, или должностными; ибо наши грамоты не дѣлаютъ различія въ ихъ названіяхъ. Выраженіе *з срьблѣи, или оу доцѣровникоу* показываетъ, что Дубровничане въ своихъ дѣлахъ судились въ Сербіи точно также, какъ бы это было въ ихъ общинномъ городѣ.

Между тѣмъ, какъ при первыхъ короляхъ Сербскихъ насильная расправа съ виновнымъ еще выказывалась кое-гдѣ, потворствуемая самими Дубровничанами, эти послѣдніе уже хлопотали о правѣ не иначе расправляться, какъ по суду и по правдѣ. Уже не вѣрили они въ рукоподаніе и нарушали его неоднократно; въ замѣнъ его имъ нужна была клятва, нужны были свидѣтели. Старинныя сходки были оставлены. Въ спорахъ съ Сербами судили или сами владѣльцы, или должностные судьи, или присяжные, или же посредники. Судебные уклады начались у Дубровника съ Сербіею еще въ первой половинѣ XIII ст. Почти въ одно время находимъ краткіе уклады съ баномъ Босны, Нинославомъ, который, въ свою очередь, ссылается на грамоту Кулина конца XII ст., съ княземъ Хлумскимъ, Андреемъ, и съ королемъ Сербскимъ, Урошемъ I. Но уговоры о томъ, чтобы судиться по правдѣ, безъ изложенія какихъ либо судебныхныхъ правилъ, встрѣчаемъ ранѣе Уроша, при королѣ Радославѣ, который пишетъ въ своей грамотѣ; *то да се испракла соудомъ правымъ бѣствьнымъ. шпоре да с право и безгряшно и правокствоимъ и камъ вѣрнимъ примѣлемъ.*

Большую полноту судебныя уклады получили при Душанѣ. Этотъ знаменитый государь какъ всюду, такъ и здѣсь опереждалъ свое время, давъ новый ходъ, новую жизнь своимъ сношеніямъ съ сосѣдними державами. Сравнивая его судебныя постановленія, въ договорахъ съ Дубровникомъ, съ предыдущими, мы удивляемся полнотѣ, съ какою они въ первый разъ являются предъ нами въ записи прежнихъ короткихъ и отрывочныхъ грамотъ. Сравнивая ихъ же съ его Законникомъ, замѣчаемъ между тѣми и другими нѣкоторыя сходныя черты и сходныя положенія, проведенныя тамъ и здѣсь; но въ то же время видимъ, что всѣ они не вошли въ его Законникъ и требовали особыхъ грамотъ: ясно, что важныя и обширныя сношенія Сербіи съ Дубровникомъ составляли отдѣльную область государственнаго вѣдомства, въ которой мудрый законодатель дѣйствовалъ столь же благообразно, какъ и во внутреннемъ устройствѣ своего государства. Если въ судебныхъ укладахъ его недостаетъ многосторонности и нѣкоторыхъ окончательныхъ поясненій, то это по тому, что тогда руководились большею частію стариннымъ обычнымъ правомъ, не требовавшимъ письма по своей общезвѣстности; писемъ же предавались только тѣ вопросы, по поводу которыхъ возникало недоразумѣніе. Но, повторяю, самая подробность, съ какою разрѣшаются нѣкоторые вопросы, уже обнаруживаетъ въ постановленіяхъ Душана большой дѣловой умъ и навыкъ, такъ что сыну его оставалось только повторить буквально слова отца¹. Также и деспоты съ родичами своими, списывая другъ у друга грамоты, не могли въ сущности сказать ничего новаго. Всѣ ихъ положенія развились изъ положеній Душана, облекшись только большею округлостію. Причиною тому были съ одной стороны достаточность постановленій Душановыхъ въ связи съ обычнымъ правомъ; съ другой судьбы государственныя, отвлекавшія вниманіе деспотовъ отъ дѣлъ внутреннихъ. Мы не разъ замѣчали, замѣтимъ и теперь, что при деспотахъ внутреннее устройство Сербіи остановилось въ своемъ развитіи, котораго оно достигло при Душанѣ, и даже во многомъ двинулось назадъ подѣ дѣйствіемъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ. Въ сношеніяхъ Дубровника съ Босною еще менѣе находимъ какихъ либо слѣдовъ судебныхъ укладовъ. Конечно, уклады эти были: иначе не могли бы существовать и самыя сношенія между обоими государствами. Но такъ какъ власть Сербскихъ царей перешла отчасти къ королямъ Боснійскимъ, которые выдавали себя какъ бы за продолженіе давно исчезнушаго дома Немани и представителей остатка Сербской независимости, то и всѣ постановленія, имѣвшія силу въ Сербіи, должны были соблюдаться и въ Босніи, разумѣется, согласно съ истинными условіями; а по тому Боснійскіе владѣльцы и не имѣли надобности повторять ихъ. Только этимъ можно сколько нибудь объяснить отсутствіе различныхъ торговыхъ, а и того менѣе судебныхъ распоряженій въ Боснійскихъ грамотахъ. Кромѣ нѣкоторыхъ общихъ мѣстъ и описанія третейскаго суда, установленнаго едино- временно Тврткомъ II, мы не встрѣчаемъ тамъ ничего такого, что бы было ново и сколько нибудь развито. Вѣроятно, Дубровничане не нуждались въ судебныхъ укладахъ, довольствуясь существовавшимъ обычнымъ правомъ, и только представляли новымъ королямъ старыя договоры (на подтвержденіе). Одна важная черта отличаетъ право Дубровническое отъ сосѣдняго Сербскаго: это развитіе личности или особыности, въ чемъ приморскія общины опередили Сербовъ. Но съ другой стороны, денежная пеня, пользовавшаяся столь обшир-

¹ Ср. С. N 45 съ С. N 50.

нить прииженіемъ въ общинахъ, далеко не удовлетворяла видамъ общественной безопасности и исправленію самого виновнаго, и относительно ея общины стояли ниже Сербіи, гдѣ было совсѣмъ иное представленіе о наказаніяхъ. У насъ предъ глазами два права: одно на половину Славянское и на половину Римское, обособившееся и принявшее отдѣльное направленіе въ слѣдствіе особыхъ условій общинной жизни; другое—чисто Славянское, Сербское, какъ право народа самостоятельнаго, носившее въ самомъ себѣ жизнь и развитіе. Подчинить оба эти права исключительно влиянію одного на другое—нельзя; но нельзя также отрицать и того, чтобы между ними не было взаимнаго воздѣйствія, которое наиболѣе обнаруживалось въ договорныхъ грамотахъ и имѣнѣе въ узаконеніяхъ Дубровника и Сербіи.

Внутренній составъ Дубровника, какъ и прочихъ прибрежныхъ Далматскихъ городовъ и острововъ, былъ общинный съ преобладаніемъ властельскаго сословія. Нѣкогда Далмаціей называлось, по свидѣтельству Константина Багрянороднаго¹, все пространство земли, лежащее между Драчемъ, или Баромъ, Истрією и Дунаемъ. Но уже Лучичъ² замѣтилъ, что Императоръ—историкъ разумѣеть здѣсь подъ Далмаціей весь Илирикъ, кромѣ Норика, и что подъ собственной Далмаціей должно разумѣть прибрежную полосу земли, идущую отъ рѣки Дрина до рѣки Арсія въ Истріи. Здѣсь въ старину владѣли Римляне, и населеніе прибрежныхъ городовъ и острововъ было Римское³. Авары, въ VI и VII ст., а за ними и Славяне, начали разрушеніе городовъ и истребленіе жителей: *κατέσφαξαν οὖν πάντας τοὺς τῆς πόλεως, καὶ ἔκτοτε κατεκράτησαν πᾶσαν τὴν χώραν Δελματίας καὶ κατεσκήνωσαν ἐν αὐτῇ. μόνα δὲ τὰ πρὸς θάλασσαν πολίχνια οὐ συνέδωκαν αὐτοῖς, ἀλλὰ κατείχοντο παρὰ τῶν Ῥωμαίων διὰ τὸ εἶναι τὸν πόρον τῆς ζωῆς αὐτῶν ἐκ τῆς θαλάσσης. ἰδόντες οὖν οἱ Ἀβάρις καλλίστην οὖσαν τὴν τοιαύτην γῆν κατεσκήνωσαν ἐν αὐτῇ⁴. . . . διελθόντες δὲ εὐθὺς τοὺς Ῥωμάνους οὗτοι ἐξήλασαν (οἱ Σκλάβοι) καὶ τὴν Σαλῶνα τὸ προειρημένον κάστρον ἐκράτησαν, καὶ κατοικήσαντες ἐκεῖσε ἔκτοτε κατὰ μικρὸν ἀρξάμενοι πραιδεύειν τοὺς Ῥωμάνους τοὺς εἰς τοὺς κάμπους καὶ εἰς τὰ ὑψηλότερα μέρη κατοικοῦντας ἠφάνισαν, καὶ τοὺς τόπους αὐτῶν κατεκράτησαν. οἱ δὲ λοιποὶ Ῥωμᾶνοι εἰς τὰ τῆς παραλίας κάστρα δεισιώθησαν, καὶ μέχρι τοῦ νῦν κρατοῦσιν αὐτό. ἄτινά εἰσι τὰδε κάστρα, τὸ Ῥαοῦσιν, τὸ Ἀσπάλαθον, τὸ Τετραγούριν, τὰ Διάδωρα, ἡ Ἀρβη, ἡ Βέκλα, καὶ τὰ Ὀψαρα. ἄντινᾶν καὶ οἰκήτορες μέχρι τοῦ νῦν οἱ Ῥωμᾶνοι καλοῦνται⁵.* Изъ этого свидѣтельства царственнаго лѣтописца видно, что со времени вторженія Аваровъ и пришествія Славянъ въ Илирикъ, изъ сплошной области Далмаціи выособи-

¹ Corp. Script. Hist. Byz., Const. Porphyrog., v. III. De Adm. Imp., c. 30, p. 141.

² De regno Dalm. et Croat., l. I, c. VI.—Bandurii Animadv. in l. de Adm. Imp., apud Stritterum, II, 18.

³ Romanorum colonias in Dalmatiam ante Diocletianum reipublicae Romanae tempore deductas patet cum ex scriptoribus tum ex inscriptionibus antiquis ac aliis monumentis, quae in Dalmatia adhuc superant. Vide Lucium de regno Dalm. et Croat., l. I. Bandurii Animadv. in l. de Adm. Imp., Corp. Script. Hist. Byz., Const. Porphyrog., v. III, p. 335.

⁴ Corp. Script. Hist. Byz., Const. Porphyrog., v. III. De Adm. Imp., c. 30, p. 143. — Stritter, II, 21.—Шафарикъ, Slov. Starozit., II, IV, 634. Слав. Древн., II, I, 393.

⁵ Corp. Script. Hist. Byz., Const. Porphyrog., v. III. De Adm. Imp., c. 29, p. 127. — Stritter, II, 17, 20.—Шафарикъ, Slov. Starozit., II, IV, 636. Слав. Древн., II, I, 396.

лись нѣкоторые приморскіе города, оставшіеся постоянно во власти Византійцевъ. Сѣверную часть Далмаціи заняли Хорваты, южную Сербы. Римскими городами остались: Дубровникъ, Сплитъ, Трогиръ, Ядра, Рабъ, Кръкъ и Озеро, жители коихъ продолжали называться Римлянами. Императоръ говоритъ еще о нѣсколькихъ другихъ мелкихъ и частію населенныхъ, частію оставленныхъ жителями островахъ и городахъ, которые вмѣстѣ съ вышеупомянутыми населенными городами и островами составляли такъ называемую Римскую Далмацію. Они, по его словамъ, будучи завоеваны Славянами, лишились своего населенія и остались пустыми: *τὰ δὲ λοιπὰ (νησὶα) εἰσὶν ἀοίκητα, ἔχοντα ἐρημόναβτρα... τὰ δὲ λοιπὰ κάβτρα τὰ ὄντα εἰς τὴν ἑρῶν τοῦ θέματος καὶ κρατηθέντα παρὰ τῶν εἰρημένον Σκλάβων ἀοίκητα καὶ ἔρημα ἴστανται μηδενὸς κατοικοῦντος ἐν αὐτοῖς*¹. Но, кажется, этихъ словъ не должно принимать въ слишкомъ строгомъ смыслѣ. Правда, Бандури замѣчаетъ о городахъ Дубровникѣ, Сплитѣ, Трогирѣ и Ядрѣ, что *incolae illarum urbium Romani appellati sunt, quod Roma illuc commigraverint, ut scribit Constantinus initio hujus (XXIX) capitis et quod Latinam linguam diu servaverint, ut tradit Wilh. Tygius, l. 2, c. 27*²; однако, судя по общему духу властельскаго соловія приморскихъ общинъ и одинаковому ихъ внутреннему устройству и законодательству, можно смѣло допустить, что Римское населеніе спаслось отъ Славянъ не только въ упомянутые Императоромъ города и острова, но и въ нѣкоторые другіе, или, по крайней мѣрѣ, въ послѣднихъ смѣшалось съ новоприбывшими Славянами. Правда и то, что императоръ Никифоръ, по ядру съ Карломъ Великимъ въ 810 г., выговорилъ себѣ именно тѣ самые города и острова: Ядру, Трогиръ, Сплитъ, Дубровникъ, Озеро, Рабъ и Кръкъ³, а Василій Македонянинъ приказалъ тѣмъ же самымъ городамъ и островамъ, кромѣ Дубровника, вносить ежегодную дань великому жупану Хорватскому⁴; однако это показываетъ только то, что Далмація постоянно клонилась къ Византіи; а причиною тому было сколько населеніе, столько же и значеніе городовъ Ядры, Сплита и Трогира. Дѣйствительно, вся позднѣйшая исторія Далмаціи, до 1420 года, показываетъ, что эти города всегда стояли въ главѣ другихъ городовъ, и ихъ судьба рѣшала судьбу остальныхъ. Венеціане добивались преимущественно этихъ городовъ. Въ Ядрѣ и Сплитѣ находились архіепископскія кафедръ; особенно Ядра, если законно только не считалась главнымъ городомъ Далмаціи, то на самомъ дѣлѣ была таковымъ: она оказывала сильное вліяніе на другіе города и служила ключемъ Венеціанамъ къ завоеванію остальной Далмаціи. Вотъ по чему Византійцы присвоивали себѣ эти города, какъ ключъ ко всей Далмаціи, какъ лучшую ея часть, хотя нѣтъ сомнѣнія, что и населеніе ихъ было чисто Римское. Но съ XII столѣтія эти города теряютъ государственную особность и вмѣстѣ съ прочими прибрежными городами, Шибеникомъ, Ниномъ, Скрадиномъ, Омышемъ, Клишемъ и др., равно какъ и островами, переходятъ во власть Угріи. Имя Далмаціи падаетъ на все безъ исключенія Поморье Византійское или Римское и Славянское. Сходство быта и судьбы сгладило различіе между тремя Римскими городами и прочими приморскими общинами: не за чѣмъ было различать Римскую Далмацію отъ Хорватской,

¹ Corp. Script. Hist. Byz., Const. Porphyrog., v. III. de Adm. Imp., c. 29, p. 140.

² Animadv. in l. Const. Porphyrog. de Adm. Imp., Corp. Script. Hist. Byz., Const. Porphyrog., v. III, p. 356. — Stritter, II, 25.

³ Шафарикъ, Slov. Starožit., II, V, 667. Слав. Древн., II, II, 11.

Corp. Script. Hist. Byz., Constant. Porphyrog., de Adm. Imp., v. III, c. 30, p. 147. — Stritter II, 359.

ибо обѣ жили одинаково и находились подъ одною властію Угорскою. Нѣтъ причины отвергать, чтобы и въ другихъ приморскихъ городахъ и на другихъ островахъ не оставалось Римлянъ во время прибытія Славянъ. Дубровникъ и острова ославянились въ X столѣтіи; Сплить, Трогиръ и Ядра позднѣ⁶. По Лукари, Дубровникъ уже въ XI ст. сталъ употреблять Славянскій языкъ⁷. Басня или преданіе о Павлимирѣ, обѣжавшемъ въ Дубровникъ по случаю смуты въ Сербіи, сообщенное Мелетіемъ и Дукаяцемъ⁸ и повторенное Туберомъ⁹, Аппендици¹⁰ и Бугелемъ¹¹, показываетъ только то, что Славянское начало весьма рано водворилось въ Дубровникъ, а въ послѣдствіи осмилло Римское. Статуты Кръка и Млѣта, относящіеся къ XIV столѣтію, писаны на Славянскомъ языкѣ. Тѣмъ не менѣе жители Далматскихъ городовъ помнили или, лучше, старались вспомнить свое Римское происхожденіе, какъ и дѣйствительно въ послѣдствіи видимъ, что они тѣснятъ Славянскій языкъ. Въ Трогирѣ до XV столѣтія употреблялся Славянскій языкъ; но съ этого времени восстановлено было, чтобы въ собраніяхъ Большаго Совѣта говорили или на Латинскомъ, или на Итальянскомъ языкѣ; въ Ядрѣ объявленія читались на Латинскомъ и Славянскомъ языкахъ¹². Въ Дубровникъ, въ 1472 г., запрещенъ былъ въ совѣщаніяхъ Сената Славянскій языкъ и вмѣсто него принятъ Латинско-Рагузинскій, т. е., испорченный Итальянскій¹³. Если вспомнимъ всѣ тѣ особенности, которыми отличались Далматскіе прибрежные города отъ прочихъ городовъ материка, эту любовь къ самостоятельности, эту живость и торговую дѣятельность, эту особенность внутренняго устройства и образа жизни, этотъ духъ vlastelstva и наконецъ сравнительно высшую образованность и развитость дѣлового смысла и личности, то сознаемся, что, хотя эти города и ославянились; однако Славянская стихія, въ свою очередь, подверглась вліянію иноземной стихіи, которой проводникомъ служила, съ одной стороны, долговременная неопредѣленная участь Далмаціи, колебавшейся то между Хорватіею, Венеціею и Византіею, то между Венеціею и Угріею, а съ другой ихъ торговля, новыя свѣдѣнія, новое движеніе. На сѣверѣ то же было съ Ганзейскими городами. Нельзя отвергать того, что Дубровникъ, Сплить, Трогиръ и Ядра были расадниками Римской образованности; но нельзя допустить, чтобы они одни съ относившимися къ нимъ островами вѣщали въ себѣ Римскую стихію. Многія обстоятельства, какъ мы видѣли, сглаживали различіе между ними и ихъ приморскими сосѣдями. Въ послѣднихъ, конечно, Славянская стихія была далеко преобладающею¹⁴.

Но одинаковое внутреннее устройство Далматскихъ общинъ (а не одной собственной или Византійской Далмаціи) приводитъ къ вопросу, въ какомъ отношеніи стояли обѣ стихіи: Римская и Славянская? Прежде всего замѣтимъ, что одинаковымъ быть и одинаковая судьба ихъ, кромѣ судьбы Дубровника, служили посредниками для примиренія и сглаживанія обѣихъ стихій. Сдѣсь важно свѣдѣтельство Константина Багрянороднаго, что Римское населеніе спаслось въ

⁶ Шафарикъ, *Slow. Starožit.*, II, V, § 34, 3. Слав. Древн., II, II, 41 — 43.

⁷ *Annales de Rausa*, стр. 15. — Рейцъ, *Сборн. Вал.*, стр. 3 и слѣд.

⁸ Schwandtn., *Script. rer. Hungar.*, t. III, c. XX, p. 487.

⁹ Schwandtn., *Script. rer. Hungar.*, t. II, p. 191.

¹⁰ T. I, ч. II, кн. II, стр. 238.

¹¹ *Gesch. d. Freist. Ragusa*, стр. 85.

¹² Рейцъ, *Сборн. Вал.*, стр. 5.

¹³ Appendini, т. I, стр. 205.

¹⁴ Рейцъ, *Сборн. Вал.*, стр. 4 — 8.

Дубровникъ, Сплитъ, Трогиръ и Ядръ, между тѣмъ, какъ прочіе города были пусты: слѣдовательно, если въ послѣднихъ водворилось новое, Славянское, общество съ новымъ образомъ жизни и новыми понятіями, то въ первыхъ старинный бытъ остался въ прежней смѣ, съ прежнимъ обществомъ. Бытъ этотъ велся искони, вѣроятно, со времени историческаго появленія городовъ; а мы знаемъ, что они уже были извѣстны въ первыя столѣтія по Р. Х.¹ Эпидавръ былъ основанъ Греками и долженъ былъ отразить въ себѣ то же общинное направленіе, которое существовало въ Греціи; подъ владычествомъ Римлянъ онъ оставался общиною. Хотя основаніе другихъ собственно-Далматскихъ городовъ неизвѣстно; однако надобно допустить, что они основаны были до Римской имперіи² и, слѣдовательно, были такими же общинами, какъ и самый Римъ. Къ нимъ должно присоединить и четыре населенныхъ собственно-Далматскихъ острова. Бытъ этихъ городовъ и острововъ былъ Римскій, и внутреннее устройство было общинное при преобладаніи властельскаго сословія. Прочіе Далматскіе города и острова, въ которыхъ преобладало, или исключительно господствовало Славянское начало, сходились съ ними во внутреннемъ устройствѣ и вообще во всемъ своемъ бытѣ. Отсюда должно заключить, что оба начала, Римское и Славянское, до пускали общинное устройство съ нѣкоторою только разницею въ образѣ правленія. Во всѣхъ этихъ общинахъ замѣчаемъ, что чѣмъ слабѣе въ нихъ Славянское начало, тѣмъ выше надъ народомъ стоитъ сословіе благородныхъ: это показываетъ, съ одной стороны, что Римское начало первенствующихъ или собственно-Далматскихъ городовъ имѣло вліяніе на прочіе Далмато-Славянскіе города, гдѣ могъ найтись остатокъ роднаго ему начала; а съ другой, что по мѣрѣ сближенія всѣхъ приморскихъ Далматскихъ общинъ съ Венеціею и вообще съ Италіею, гдѣ господствовало сословіе благородныхъ среди общиннаго быта, въ этихъ общинахъ постепенно слабѣло народное участіе и усиливалась власть благородныхъ. Когда особенность быта приморскихъ городовъ еще не установилась совершенно, тогда, подъ преобладающимъ вліяніемъ Славянщины, бытъ этотъ былъ народный, какъ доказалъ уже Лучичъ³ и какъ видно изъ нѣкоторыхъ туземныхъ памятниковъ⁴; но уже въ XII — XIII ст. благородные окончательно взяли верхъ. Примеръ знатныхъ Римскихъ патриціевъ, какъ величали себя благородные Дубровника, Ядры, Сплита, Трогира, былъ заразителенъ для всѣхъ прочихъ богатыхъ родовъ: и вотъ по всѣмъ Далматскимъ общинамъ богатые и сильные роды стали доискиваться своего Римскаго происхожденія и клеветать на Исторію. Такъ, на пр., жители Брача выдумали, что благородные города Салоны, бѣжавши на островъ Брачъ вмѣстѣ съ чернью, оставили за собою свои прежнія права, и что чернь, *plebs, populares*, должна стоять къ нимъ въ тѣхъ же отношеніяхъ, въ какихъ стояла въ Салонѣ⁵. Мало того, властели второстепенныхъ городовъ не хотѣли оставаться подъ вѣдѣніемъ главнаго города, въ которомъ было свое сословіе властелей: именовое Римское

¹ Шафарикъ, Ueber die Abkunft der Slaven. Offen, 1828. Стр. 158 — 180.

² Объ Ядрѣ упоминаетъ Гиртій, жившій въ I-мъ вѣкѣ до Р. Х. См. у Шафарика, тамъ же.

³ De regno Dalm. et Croat, I, II, с. 16; I, IV, с. 2.

⁴ См. грамоту 1184 года, писанную на островѣ Брачъ, у Чикарелли: Osservazioni sull' isola della Brazza. Стр. 106. — Рейцъ, Сборн. Вал., стр. 13.

⁵ Ciccarelli, Osservazioni sull' isola della Brazza. Стр. 38. — Рейцъ, тамъ же, стр. 62.

происхожденіе уравнивало властелей всякого города, и второстепенные города, по мѣрѣ развитія, совершали свое освобожденіе. Никакой городъ, гдѣ только были своя община и свое властельское сословіе, не могъ существовать рядомъ съ другимъ, не будучи ему равенъ.

И такъ мы видимъ, что внутреннее устройство Далматскихъ общинъ было одинаково; по этому какъ самый составъ народа, такъ и образъ правленія должны быть одинаковы въ нихъ. И дѣйствительно, въ этомъ отношеніи невозможно отдѣлять Дубровника отъ другихъ общинъ: что главнаго и существеннаго видимъ въ первомъ, то находимъ и во вторыхъ; и на оборотъ, что есть во вторыхъ, то есть и въ первомъ. Раздѣленіе отношеній сословій, быть и самый образъ правленія, законы и обычаи въ главныхъ своихъ основахъ одинаковы какъ въ Дубровникѣ, такъ и въ другихъ Далматскихъ общинахъ. Статуты Дубровника столь же могутъ быть полезны при обзорѣ законодательства другихъ общинъ, сколько статуты Ядры, Сплита, Трогира, Кръка, Млѣта, Шабеника, Нина, Корчулы, Брача, Лезини, Озера, Раба, Котора, Истрии и др. для объясненія статутовъ Дубровника. Выше изложены были судебныя уклады, существовавшіе между Дубровникомъ и Сербскими землями: теперь предстоитъ изложеніе внутренняго устройства Дубровницкой общины. Въ этомъ отношеніи Рацци и Лукари, писатели XVI вѣка, могутъ служить лучшимъ источникомъ. Аппендини въ I-мъ томѣ своихъ *Notizie* представилъ образъ правленія Дубровника по Лукари и Червѣ; но уклонился отъ законодательства, изложивъ только кратко исторію статутовъ Дубровницкихъ. Рейцъ обработалъ этотъ предметъ по подлиннымъ статутамъ большей части Далматскихъ городовъ и острововъ, не касаясь впрочемъ Дубровника. Въ своемъ сочиненіи объ устройствѣ и правахъ прибрежныхъ Далматскихъ общинъ онъ изобразилъ составъ народа, форму правленія, законодательство и судопроизводство этѣхъ общинъ; но не могъ воспользоваться статутами Дубровника и нѣкоторыхъ другихъ общинъ. Матвѣй Банъ, въ своей статьѣ: *Zrcalo rowestnice Dubrowacke*, представилъ внутреннее устройство и законодательство Дубровника, но въ довольно краткомъ обзорѣ и безъ указанія на источники, такъ что изъ его словъ трудно заимствовать какія либо положительныя данныя. Не менѣе того и наши грамоты доставляютъ намъ только скудныя извѣстія о внутреннемъ устройствѣ Общины, и для полнаго ихъ уразумѣнія мы должны прибѣгнуть къ пособію другихъ источниковъ.

Въ грамотахъ различаются три сословія: властели, горожане и люди. Кнезы, бояре или властели были первенствующимъ сословіемъ въ городѣ. Въ другихъ источникахъ они вообще называются благородными, *pobiles*, но въ грамотахъ это слово неупотребительно. Во второй половинѣ XV-го ст. Боснійскіе короли Тома Кристичъ и Стефанъ Томашевичъ называютъ нѣкоторыхъ Дубровницкихъ пословъ, очевидно изъ властельскаго сословія, «витязями» (С. NN^o 140, 150, 154). Безъ сомнѣнія, слово *витязь* означало званіе, какъ и *князь*, и при томъ высшее, чѣмъ послѣднее. Но въ Дубровникѣ оно едва ли было въ употребленіи. Хоти оно извѣстно всѣмъ Сербамъ; однако, какъ титулъ, употреблялось, кажется, исключительно въ одной Боснѣ, ибо только послы Боснійскихъ королей и бояръ, въ грамотахъ, носятъ прозвище витязей; въ Боснійскихъ же грамотахъ это слово придано и Дубровницкимъ посламъ, можетъ быть, только изъ учтивости по обычаю Боснійскому. По крайней мѣрѣ, сами Дубровничане и православные Сербы, въ своихъ грамотахъ, никогда своимъ посламъ не даютъ этого прозвища. Можно думать, что титулъ витязя, т. е., рыцаря,

Ritter, chevalier, употреблялся въ Угрии, откуда ближе всего долженъ былъ перейти въ Босну. Въ двухъ Боснійскихъ грамотахъ между Дубровническими по-слами упоминается Паское Растячъ, властелинъ Дубровницкій и въ то же время «витязъ короля Сигизмунда» (С. NN^е 97, 100). Но самое слово витязъ есть только Славянскій переводъ Нѣмецкаго рыцаря, Ritter, и означаетъ особое званіе или сословіе, существовавшее въ Нѣмецкихъ земляхъ и перешедшее въ Славянскія подъ Нѣмецкимъ владычествомъ. Въкъ Іоанна, Карла, Вацлава и Сигизмунда славился Чешскими рыцарями. Гордые своимъ мнимымъ Римскимъ происхожденіемъ, своею образованностію полу-Итальянскою, полу-Славянскою, своимъ богатствомъ, властели рѣзко отличались отъ прочаго городского населенія. Они сооружали великолѣпныя дачи, строили богатыя фабрики, посылали корабли въ разныя моря и земли, покровительствовали наукамъ и искусствамъ и несли всѣ важныя правительственныя должности. Разумѣется, они освобождены были отъ личныхъ повинностей и работъ, пользовались въ различныхъ случаяхъ знаками отличія въ одеждѣ, судебныхъ дѣлахъ и проч. Были между ними и такіе, которые не имѣли ничего, кромѣ одного званія благородныхъ и стояли наравнѣ съ народомъ; были и такіе, которые нѣкогда принадлежали къ народу и вышли изъ его среды, получивъ право благородства. Всмотрѣваясь въ имена Дубровницкихъ властелей, нельзя не замѣтить, что большая часть изъ нихъ носитъ Итальянскую форму, или отзывается Итальянскимъ происхожденіемъ, на пр.: Маньгеревичъ, Ломьпридичъ, Маринъ, Паскали, Маргаритъ, Барьби, Донатевичъ, Бенешичъ, Ламьпре, Якета, Бавжеличъ, Жунъ или Жани, Матео, Теодоръ, Никола и т. д. Всѣ эти имена, равно какъ множество другихъ подобныхъ, показываютъ, что въ высшихъ слояхъ Дубровницкаго общества постоянно существовало смѣшеніе Итальянской народности съ Славянскою: то же должно было имѣть мѣсто и въ языкѣ. Дѣйствительно, по свидѣтельству Рацци, Дубровницкое боярство любило Итальянскій языкъ и Итальянскую словесность. Самое сильное господство Итальянской стихіи въ Дубровникѣ проявилось въ XV-мъ и первой половинѣ XVI-го ст. Въ это время многіе Славянскіе роды переимѣнили свои имена на Итальянскія, или выкроили ихъ на Итальянскій ладъ. Съ половины XVI-го, въ XVII-мъ и слѣд. ст. опять возторжествовала Славянская народность. Развѣтля великолѣпная Дубровницкая повзйя, поборниками коей явились знатныя властельскіе дома. Теперь на оборотъ, Итальянскіе роды стали произносить свои имена по-Славянски, и Гондоло, Пальма, Бобали и мн. др. сдѣлались Гундуличами, Пальмотичами, Бобаличами.— Горожане или мѣщане, *populares*, *popolani*, *citadini*, пользовались, какъ и благородные, личною независимостію и равнымъ правомъ на производство торговли и ремеслъ. Многіе знатнѣйшіе изъ нихъ владѣли землею, производили торговлю и славились богатствомъ; другіе занимались ремеслами, или были торговыми приказчиками и т. п. Они собирались въ братства, цѣхи и народныя союзы. Последнія бывали только временныя, по поводу какого либо событія, и съ правительствомъ сносились черезъ особыхъ уполномоченныхъ людей, которые назывались *пърци градыци*, *procuratores universitatis*, *procuratori del popolo*. Горожане, наравнѣ съ благородными, носили оружіе и содержали городскую стражу; но повинности несли отдѣльно отъ благородныхъ: должны были исправлять различныя работы и платить подати. Впрочемъ и благородные землевладѣльцы выставляли отъ себя рабочихъ; то же могли дѣлать и горожане, если кто изъ нихъ владѣлъ землею и былъ въ состояніи выставить за себя рабочихъ. Это сословіе размножилось, съ одной стороны, чрезъ принятіе

въ себя обдѣлявшихъ родичей боковыхъ дворянскихъ линій, съ другой, чрезъ отпущенія на волю дворянскихъ крѣпостныхъ людей, землевладѣльцевъ и проч.— Третье сословіе составляли люди, поселяне, посадники или земледѣльцы, *villani, districtuales*. Они были отчасти свободными: въ послѣднемъ случаѣ земля доставалась имъ на разныхъ условіяхъ, и по этимъ условіямъ они назывались годищниками, половниками и т. д. Преобладающимъ отношеніемъ между землевладѣльцами и поселянами была произвольная отдача земли въ наемъ. Съемщики были лично свободные пахари, но во многомъ подчиненные землевладѣльцамъ, у коихъ дѣти ихъ находились часто въ услуженіи. Для крѣпостныхъ поселянъ существовала припись къ землѣ, *glebae adscriptio*. Свободные пахари могли въ извѣстный срокъ переходить отъ одного владѣльца къ другому. Земля, на которой сидѣли поселяне, была или господская, или общественная, городская. Вообще отъ крѣпостнаго состоянія должно отличать подданство. Въ послѣднемъ случаѣ всѣ поселяне считались подданными Дубровника, людьми его, по выраженію грамотъ. Эти люди составляли население стариннаго Дубровницкаго округа и тѣхъ земель, которыя доставались Дубровнику посредствомъ различныхъ сдѣлокъ отъ Сербскихъ и Боснійскихъ владѣтелей. Выше мы видѣли, что земли уступались не только со всѣми естественными произведеніями, но и съ людьми, жившими на этѣхъ земляхъ. Всѣ таковые люди становились подданными Дубровницкой общины, оставаясь на прежде занимаемой ими землѣ. Мы видѣли также, что, во время войны, люди перебѣгали отъ Дубровника къ сосѣдямъ и на оборотъ. Изъ этого можно заключить, что бытъ сельскихъ жителей въ Дубровникѣ не имѣлъ особыхъ преимуществъ сравнительно съ бытомъ ихъ въ сосѣднихъ земляхъ; и Санковичи, уступая Дубровнику Конавле и Виталину, явно высказали возможность неудовольствія со стороны Конавлянъ и Виталинянъ, когда обѣщали, въ случаѣ ихъ непослушанія, *всемоъ силомоъ ѡбратити ихъ и подѣвити подъ госпоцтво и ѡбласть дубровничку* (С. № 78). Видѣвъ съ сельскими жителями и уступленную землю, подъ власть Дубровника переходили и частные владѣльцы, становясь видѣвъ съ тѣмъ и членами общины.

Въ грамотахъ упоминаются иногда Влахи въ числѣ Дубровницкихъ подданныхъ. Рейцъ, на основаніи статутовъ, думаетъ, что Влахами называли Славянъ простолюдиновъ, и что подъ этимъ словомъ должно разумѣть Славянское населеніе городскихъ округовъ, т. е., земледѣльцевъ, пастуховъ и т. п.; но, сличая всѣ мѣста нашихъ грамотъ, гдѣ говорится о Влахахъ, мы видимъ, что у Сербовъ такъ называются вообще Итальянцы въ противоположность Славянамъ. Баны Боснійскіе, Нинславъ и Стефанъ, заключая торговый договоръ съ Дубровничанами, должны были, по видимому, и судебное разбирательство уложить между Дубровничанами, и Сербами; но, вопреки ожиданію, они устанавливаютъ его между Влахами и Сербами (С. NN^о 5, 14): ясно, что сдѣсь подъ Влахами разумѣются собственно Итальянцы и потомъ всѣ вообще Дубровничане. Точно также въ другихъ грамотахъ, вмѣсто Влаховъ, или Дубровничанъ, употреблено слово Латиняне (С. NN^о 43, 50). Душанъ запрещалъ взимать царину въ Трѣбнѣ со всякаго проходящаго: и купца Дубровницкаго, и Влаха, и Серба (С. № 40). Жупанъ Санко требовалъ себѣ большей цѣны, чѣмъ Влаху, или Поморцу, или Захлумцу (С. № 79). Григорій Вукославичъ бралъ царину со всякаго проходящаго въ Стонѣ, или изъ Стона, и съ Дубровничанина, и съ Влаха, и съ Серба (С. № 94). Юрій, племянникъ Гервои, дарилъ своимъ властелямъ земли в города со всѣми людьми, какіе въ то время тамъ находились, съ Сербами

и Влахами (С. № 118). Владиславъ, сынъ Стефана Косачи, позволяет своимъ людямъ, Влахамъ и Сербамъ, ходить въ Дубровникъ закупать соль и прочее (С. № 132). Стефанъ Косача постановляетъ, что товара, который Дубровничанинъ взялся везти, не можетъ сбросить ни Влахъ, ни Сербъ (С. № 144). Я счелъ за нужное привести всѣ мѣста, гдѣ встрѣчается слово Влахъ, чтобы показать, что оно имѣетъ народное значеніе, а не сословное. Влахъ противопоставляется Сербу, Дубровничанину, Захлумцу и Поморцу; для Влaha назначается особый судъ, на которомъ половина судей Влахи, а половина Сербы; Влахъ занимается торговлею, ходитъ съ товарами по чужимъ землямъ: неужели все это относится къ однимъ только пахарямъ, или пастухамъ? Вышеприведенныя мѣста говорятъ о Влахѣхъ какъ въ Дубровникѣ, такъ и въ Сербскихъ земляхъ: слѣдовательно, тамъ и тутъ Влахъ означалъ вообще инородца въ противоположность Сербу. Слово Влахъ есть старинное названіе для инородцевъ, сохраняющееся у Славянъ еще со времени нашествія Кельтовъ или Волоховъ въ IV вѣкѣ до Р. Х. Отъ той поры остались въ Сербіи два мѣстныхъ названія: «Старый Влахъ» для части южной Сербіи или края, лежащаго между Ибаромъ и Дриной¹, и «Влахи» для страны между Далмаціею, Хорватіею и Босною². Въ послѣдствіи съ Кельтовъ Славяне перевесли это названіе на другихъ инородцевъ, Даковъ, смѣсь туземцевъ съ Римлянами, и стали называть ихъ также Влахами или Валахами. Такъ уже Несторъ смѣшиваетъ тѣхъ и другихъ Влаховъ, т. е., Кельтовъ и Даковъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что и въ нашихъ грамотахъ Влахами называются инородцы и именнно Итальянцы, или Латинцы, жившіе въ Дубровникѣ и прилежащихъ къ нему Сербскихъ земляхъ. Но правъ и Рейцъ, видящій въ Влахѣ Славянина пастуха и земледѣльца; правы и всѣ другіе ученые, дающіе этому слову подобное значеніе. Уже Анна Комнина подъ 1081 годомъ сказала: *pastoritae durati vitae laboribus agrestes juvenes in certis sedibus vagi, quos communis dialectus vlahos vocare consuevit*³. Довольно присовокупить къ этому нѣсколько мѣстъ изъ нашихъ памятниковъ, чтобы убѣдиться, что въ Сербіи подъ Влахами разумѣли также пастуховъ. Въ грамотѣ Стефана Первовѣнчаннаго Влахи прямо противопоставляются хлѣбопашцамъ: а що доходи етъ поповъ или етъ влахъ или змльски люди (Ш. № VII); у Милутина въ грамотѣ (А. № 6) сказано еще яснѣе: како ѿ влахъ выше писаныхъ пастуръ; равно и у Дечанскаго (С. № 176): влахъ ѿто мовиле пасѣ. Правда, Валахи преимущественно занимались скотоводствомъ, какъ у себя, такъ и въ Сербіи; но нельзя думать, чтобы это коренное Славянское ремесло находилось единственно въ рукахъ иноземцевъ: скорѣе всего, послѣдніе составляли только самую незначительную долю пастуховъ, между тѣмъ, какъ все остальное пастушеское населеніе состояло изъ чистыхъ Сербовъ. Только одна старинная привычка давала Сербскимъ пастухамъ имя чужаго народа. Это всего замѣтнѣе въ одномъ выраженіи той же грамоты Дечанскаго: сръбинъ да се не жми оу влахъхъ. ако ли се ѿжми да ю веде оу мтроице и да ѿ ѿи (ей) мтроицки законъ. и оупоуню ѿи. Сдѣсь, съ

¹ Даница, 1827. Стр. 56. — В. С. Караджича, Српски Рјечник. У Бечу. 1852. (2-е изд.) — Шафарикъ, *Slow. Starožit.*, I, II, § 11, 199. Слав. Древн., I, I, 394. — Его же, *Ueber die Abkunft der Slaven.* Стр. 156.

² Шафарикъ, тамъ же.

³ Шафарикъ у Кухарскаго въ Древнѣйшихъ памятникахъ Славянскаго законодательства, стр. 214.

одной стороны Влахъ противопологается Сербину, а съ другой, какъ пастухъ, пастуху или неропху. Албанцамъ, наравнѣ съ Влахами, придаво было значеніе пастуховъ. Такъ въ 74-й статьѣ Душанова Законника читаемъ: Гдѣ престон влахъ или презанисни на селя, на томзи селя да не станеть друуги за нимъ граде, аще ли не селя станеть, да платити потноу и цю в иснаслъ. Сдѣсь дѣло касается до перехода пастуховъ съ одного мѣста на другое, и пастухи называются Влахами и Албанцами; но, повторю, подѣ ними нельзя разумѣть одно племя Влаховъ, или Албанцевъ: преимущественное занятіе этихъ племенъ заставило назвать именованъ ихъ все Сербское населеніе, имѣвшее одинаковое съ ними занятіе. У Дубровничанъ пастухами слыли преимущественно Морлаки¹; но подѣ Влахами, какъ и вообще подѣ Славянами и Албанцами, они разумѣли чуждое племя и при томъ загородное населеніе, т. е., сельское или пастушеское. Влаховъ они называли иногда горными, слѣдовательно, пастухами². Что же должны мы вывести изъ этого различнаго употребленія имени Влаха? Послѣ Кельтовъ и Даковъ, это имя означало у Славянъ всякого инородца, такъ что Дубровничане величали имъ Серба и всякого Славянина, а Сербъ Дубровничанина и всякого Латынца. Съ другой стороны, такъ какъ Славяне въ Дубровникѣ составляли низшій слой народонаселенія, то слово Влахъ стало означать всякого поселеннаго. Такъ точно и въ Сербіи, поелику Влахи занимались пастушествомъ, имя Влаха дано было преимущественно пастухамъ и считалось никакъ не выше неропховъ. Въ Сербіи ведется народная пословица: *Шокци убокци, Власи сиромаси*³, въ которой Влахи, какъ люди низшаго сословія, названы бѣдняками, ибо обыкновенно низшее сословіе бываетъ въ то же время и бѣднѣйшимъ. Въ Далмаціи Влахомъ называется всякій земледѣлецъ⁴. Теперь Сербъ и Боснякъ Римско-католическаго и Магомеданскаго вѣроисповѣданій, равно и Турки называютъ Влахами православныхъ Сербовъ. Очевидно, основаніе этому прозвищу кроется въ различіи народностей, а не сословія, или занятій. Какъ нѣкогда Кельты-Волохи перенесли свое имя на два Сербскіе края, такъ позднѣе Даки-Влахи передали свое имя низшему сословію Сербскаго народа, сходявшемуся съ ними въ занятіяхъ. На послѣдокъ, это прозвище съ низшаго сословія перешло и на весь народъ: причина все та же—различіе народности и вѣры. Другимъ занятіемъ Влаховъ, кромѣ обычнаго пастушескаго, было кошеніе соли. Такъ въ одной изъ грамотъ своихъ (С. № 41) Дубровничане уговариваются съ Вонславомъ Которскимъ въ томъ, чтобы его Влахи выносили отъ нихъ въ годъ не менѣе 10000 товаровъ соли. Такъ Стефанъ Дечанскій, въ грамотѣ сомненнаго ему монастыря, приказываетъ монастырскимъ Влахамъ приносить ежегодно въ монастырь законное количество соли (С. № 176). Въ этомъ же смыслѣ, вѣроятно, и Юрій Балшичъ Зетскій ручается за людей Боснійскаго бана въ томъ, что торговцы, носильщики и Влахи Дубровницкіе могутъ свободно ходить въ Дубровникъ и изъ Дубровника черезъ Слано, или другимъ какимъ путемъ (С. № 72).

Дубровничане имѣли еще у себя рабовъ, которыхъ или покупали, или захватывали въ плѣнъ. Какъ дѣйствовали они въ послѣднемъ случаѣ, мы видѣли выше: болѣе этого грамоты не говорятъ намъ ничего о рабахъ.

¹ Рейцъ, Сборн. Вал., стр. 112 и слѣд.

² Рейцъ, тамъ же, стр. 6, 56, 108, 125.

³ В. С. Караджича, Српске народне пословице, стр. 352.

⁴ В. С. Караджича, Српски Рјечник. 1852.

Внутреннее устройство Дубровницкой общины было, въ сущности, одинаково съ устройствомъ другихъ Далматскихъ общинъ. Въ этомъ отношеніи сочиненіе Червы, *Origine di Ragusa*¹, и IV-я книга Дубровницкихъ Лѣтописей Лукари служатъ главнѣйшимъ источникомъ. Положимъ, что Черва, рассказывая о Дубровникѣ, отъ его начала до завоеванія Босны Турками, пренебрегалъ и лѣтосчисленіемъ и многими важными событіями; положимъ также, что Лукари излагалъ весьма невѣрно государственную исторію Дубровника: но они не могли ошибиться относительно внутренняго устройства той общины, которая была имъ современна, въ которой послѣдній жилъ и самъ былъ властелемъ и гражданиномъ; не могли и умышленно исказить событій, ибо современники стали бы упрекать ихъ за то. По этимъ двумъ писателямъ Апендини, въ своихъ Историко-критическихъ замѣткахъ о Дубровникѣ (т. I, ч. II, кн. I, гл. VI), изложилъ образъ Дубровницкаго правленія. Для насъ достаточно главнѣйшихъ выводовъ Апендини и Рейца, чтобы объяснить и дополнить краткія указанія на форму общиннаго устройства въ Дубровникѣ, предлагаемая нашими грамотами.

Выше сказано было, что въ Далматскихъ общинахъ правленіе находилось въ рукахъ властельскаго сословія. Рейцъ, на основаніи свидѣтельства прежнихъ писателей, очень удачно подмѣчаетъ участіе народа въ управленіи нѣкоторыхъ общинъ². Оно такъ и долженствовало быть первоначально въ тѣхъ общинахъ, гдѣ внутреннее устройство развивалось постепенно и естественнымъ путемъ подъ влияніемъ Славянскаго общиннаго начала; но въ Дубровникѣ, который былъ непосредственнымъ продолженіемъ Епидавра и Салоны, не замѣтно слѣдовъ народнаго участія въ городскомъ управленіи: по крайней мѣрѣ, искать ихъ должно только въ первыхъ столѣтіяхъ существованія Дубровника. За тѣмъ, властели присвоили правительственную власть исключительно себѣ. Рейцъ мимоходомъ обронилъ весьма остроумное замѣчаніе, самъ не понимая его важности, почерпнутое имъ изъ Чикарелли, о различіи между городскою общиною, *commune*, и народною общиною, *universitas*. Первую онъ называетъ совѣтомъ благородныхъ, вторую народнымъ собраніемъ въ противоположность городской общинѣ. *Universitas* составлялась весьма рѣдко, только въ крайнихъ обстоятельствахъ и дѣйствовала всегда противъ *commune*, которая, въ свою очередь, отвергала всякое ея притязаніе: *quia non sunt nuntii communitatis, sed seminatores scandalorum*³. Тѣмъ менѣе народъ могъ дѣйствовать такъ въ Дубровникѣ. Во всѣхъ Дубровницкихъ грамотахъ видимъ одну только общину — городскую. Обыкновенно въ грамотахъ упоминаются: князь, властели и вся община города Дубровника. Въ нѣкоторыхъ грамотахъ князь называется «владущимъ» или «избраннымъ», а въ нѣкоторыхъ вовсе опускается. Къ слову «властели», которое иногда замѣняется словомъ «бояре», часто присовокупляется слово «всѣ» или выраженіе «отъ мала до велика»; иногда, вмѣсто властелей, или рядомъ съ властелями, упоминаются «судья» и «вѣчника». Но для насъ важнѣе значеніе слова «община». Въ грамотахъ

¹ Черва (Людвигъ) извѣстенъ также подъ именемъ Тубера. Важнѣйшее его сочиненіе въ 11 книгахъ о современныхъ ему событіяхъ (1490—1522) напечатано Швадтнеромъ во II-мъ томѣ его *Scriptores rerum Hungaricarum*. Первые 5 книгъ были еще изданы три раза, въ 1490, 1603 и 1784 годахъ подъ заглавіемъ: *Tubero Cervarius Ludovicus, Commentaria de rebus, quae temporibus ejus gestae sunt*. Изъ того же сочиненія составлено имъ другое упомянутое сочиненіе, О началѣ Дубровника, напечатанное Михаиломъ Сорго въ 1790 году.

² Въ Сборникѣ Валуева, гл. III, стр. 11 и слѣд.

³ Рейцъ, Сборн. Вал., стр. 78.

община называется «городскою» или «Дубровницкою» или «владущаго», «славнаго», «боголюбимаго града Дубровника»; иногда къ ней придаются выраженія «вся», или «отъ мала до велика». Еслибы дѣйствительно это была народная община, или вообще вся городская община, состоявшая изъ представителей всѣхъ сословій народа, а не изъ однихъ благородныхъ, то въ грамотахъ не было бы такой небрежности въ употребленіи словъ «властели» и «община», какую мы замѣчаемъ въ нихъ. Есть грамоты, гдѣ слово община вовсе опущено, а упоминаются только князь и властели¹, или одни властели² и при томъ владущіи³. На оборотъ, есть грамоты, гдѣ упоминаются князь и община; но опущены властели⁴. Такая неточность въ употребленіи двухъ, по видимому, совершенно различныхъ понятій можетъ быть объяснена не иначе, какъ тѣмъ, что въ Дубровникѣ подъ общиною разумѣлись все тѣ же властели или благородные, которые держали въ своихъ рукахъ правленіе. Сами же грамоты подтверждаютъ это мнѣніе: во многихъ изъ нихъ община опредѣляется словомъ «властели» въ выраженіи: «община властелей дубровницкихъ», или: «князю, властелямъ и всей общинѣ властелямъ Дубровницкимъ»⁵. Такое выраженіе ясно показываетъ, что подъ городскою общиною должно разумѣть не весь городъ или представителей всѣхъ городскихъ сословій, но только высшее сословіе, или однихъ благородныхъ, составлявшихъ правительство Дубровника. Еще яснѣе свидѣтельствуетъ грамота С. № 19; она начинается такъ:.... мы суди и ѡпкниа дубровьчана .и. властели ни съ хдѣ подынисани мльнимося... Слѣдовательно, судѣе подъ судьями и общиною должно разумѣть только 12 властелей. Отъ того въ грамотахъ нашихъ слова «община» и «городъ», относительно Дубровника, никогда не смѣшиваются. Если дающій грамоту хочетъ сказать обо всемъ городѣ Дубровникѣ, то онъ называетъ его не иначе, какъ «городомъ» и подписываетъ: «князю, властелямъ и всему граду Дубровнику»⁶, или просто «граду Дубровнику»⁷, по чему во многихъ грамотахъ, гдѣ говорится вообще о Дубровникѣ, этотъ называется «городомъ», часто «боголюбимымъ», «владущимъ», «славнымъ», но никогда «общиною». Въ гр-ѣ С. № 60 находимъ поясненіе слову «градъ Дубровникъ»: въ ней Черноевичи даютъ обѣщаніе славномъ: граду дубровникъ: князю и властелямъ дубровьчскимъ и людямъ града дубровникъ. Слѣдовательно, судѣе подъ «градомъ» разумѣются какъ князь и властели, такъ и всѣ люди, т. е., всѣ сословія Дубровника. И такъ несомнѣнно то, что въ Дубровникѣ правленіе находилось въ рукахъ властелей или благородныхъ, и такое правительство имѣло свое обычное выраженіе: «князь, властели и вся городская община».

Въ отношеніи внутренняго устройства Дубровника важна для насъ грамота С. № 16. Въ ней подъ договоромъ, заключеннымъ съ Булгарскимъ царемъ Михаиломъ Асѣномъ въ 1253 году, подписались всѣ правительственные лица Дубровника въ слѣдующемъ порядкѣ: князь, судьи, вѣчники Малаго Вѣча, умоленные отъ вѣча, вистіарин общественные, прыцы общинные, прыцы городскіе,

¹ С. NN 8, 12, 40, 113, 117, 129, 131, 132, 139, 140, 146, 147, 149, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 166, 167, 168, 170, 171.

² С. NN 40, 94, 122, 145, 172.

³ С. N 90.

⁴ С. NN 11, 13, 27.

⁵ С. NN 105, 123, 126, 126, 127, 130, 141, 144, 150, 151, 152, 155, 156.

⁶ С. NN 47, 55.

⁷ С. N 67.

хранители имущества пресвятой Богородицы и вѣчницы Большаго Вѣча. Изъ этихъ подписей мы можемъ отчасти видѣть составъ общиннаго правленія и число должностныхъ лицъ; но если въ первомъ случаѣ имъ не противорѣчатъ историки, то во второмъ находимъ между тѣми и другими нѣкоторое разногласіе. Главнымъ лицомъ въ общинѣ былъ князь. Мы видѣли выше, что въ продолженіи извѣстнаго времени князья избирались изъ Венеціанскихъ графовъ, которые клялись хранить ненарушимо устройство Общины. Аппендинъ назначаетъ для Венеціанскихъ графовъ время отъ 1204 до 1230 и съ 1232 по 1358 г. Вѣрно ли такое назначеніе, рѣшить по нашимъ грамотамъ нельзя; ибо онѣ, какъ мы видѣли, не противорѣчатъ ему. Замѣтимъ только, что Славянскія имена Болеславича и Крусича, упоминаемыя грамотою 1235 года (С. № 2), близко подходят къ промежутку 1230—1232 г., въ которомъ не было Венеціанскимъ князей или ректоровъ въ Дубровникѣ. Слѣдующее за тѣми имя Жани Дандолы, встрѣчаемое въ грамотахъ 1234 — 1238 г. (С. NN № 3, 4, 5), указываетъ на того самого Дандолу, который, по заключеніи договора между Дубровникомъ и Венеціею въ 1232 г., былъ сдѣланъ отъ имени послѣдней княземъ Дубровникскимъ. Небольшое разногласіе въ годахъ можно объяснить тѣмъ, что не вдругъ Венеціане послали князя въ Дубровникъ. По свидѣтельству Рацци, Дубровникъ, желая избавиться отъ Венеціанскаго наемнаго войска, отпустилъ учтиво Венеціанскаго ректора и ввѣрилъ верховную власть совѣту трехъ благородныхъ (1132 г.); потомъ чрезъ 40 лѣтъ сталъ избирать ректоровъ изъ своихъ гражданъ и наконецъ — прибавляютъ другіе — по причинѣ самовласти Демьяна Юды (di Giuda) призвалъ снова Венеціанскихъ ректоровъ, которые управляли имъ до 1370 года¹. Орбини назначаетъ Демьяну время отъ 1260 до 1262 года, послѣ чего Дубровникъ снова избралъ Венеціанскаго князя въ лицѣ Дандолы². Если справедливо это послѣднее свидѣтельство о Дандолѣ, то, съ помощію нашихъ грамотъ, мы можемъ приблизительно отнести правленія Демьяна къ 1230-мъ годамъ. Съ половины XV ст. начинается въ нашихъ грамотахъ встрѣчаться выраженіе князь *сербини*, какъ бы въ доказательство добровольнаго избранія и принятія князя. Правительство могло и въ отсутствіе князя вступать въ договоры съ сосѣдними владѣльцами. Такъ въ промежуткѣ между Георгіемъ Марцеломъ и Андреемъ Златомъ (Daucus), или между 1253 и 1254 гг., 12 владѣтелей Дубровникскихъ, называющихся «судьями и общиною», заключили, 22 мая, 1254 года, договоръ съ Радославомъ Хлумскимъ и получили отъ него отвѣтную грамоту (С. NN № 19; 20). Также одни владѣтели заключили, около 1387 г., договоръ съ Вукомъ Бранковичемъ (С. № 76). Вѣроятно, это временное правленіе могло заключать не одни договоры, а вело всѣ вообще государственныя дѣла. Власть князя ограничивалась постепенно по мѣрѣ стремленія князя къ расширенію ея предѣловъ, вѣдательства Венеціи во внутреннія дѣла Общины и опасенія владѣтелей и народа за свою независимость. Въ грамотахъ находимъ одно только указаніе на власть князя, именно: подъ 1253 годомъ не позволено было иноземцамъ вывозить жита изъ Дубровника безъ позволенія князя (С. № 16). Лузари говорятъ, что сначала

¹ Engel, Gesch. d. Freist. Ragusa, стр. 104. Подлинникъ см. у него же въ Прибавленіяхъ подъ I. Шафарикъ для грамотъ, писанныхъ на имя Дандолы, назначаетъ 1233 — 1235 г.; издатели Спомениковъ назначаютъ 1236 — 1238 г.; мы же принимаемъ началъмѣсяго годомъ 1234-й, ибо въ среднѣи этого года еще упоминаются другіе князья (С. N 2).

² Рейцъ, Сборн. Вал., стр. 26. — Ср. Engel, Gesch. d. Freist. Ragusa, стр. 78, 80.

³ Стр. 168 — 170.

власть князя была обширна и продолжалась одинъ годъ; но потомъ ея объемъ и срокъ сокращались. Князю предоставлено было храненіе городскихъ ключей, печати и грамотъ, право подавать одинъ голосъ въ Совѣтъ, рѣшать самыя незначительныя тяжбыя дѣла, созывать *consilio di precati* и Большое Вѣче и предлагать предметы для совѣщанія¹. Вероятно, первые Венеціанскіе ректоры правили въ Дубровникѣ гораздо долѣе года, что подозрѣваетъ и Енгель. По свидѣтельству Тубера, Дубровничане избирали князя изъ своихъ бояръ съ полугодичною властію; но послѣ пропавшаго на морѣ Демьяна, который, *turba satellitum munitus, maximo senatum nobilitatemque oppresserat terrore, et haud quamquam semestri contentus magistratu, irrita animo immodica dominandi cupidine, continuare statuit imperium*, они обратились къ Венеціи, прося себѣ графа². Демьянъ управлялъ два года. На управленіе его Аппендичи назначаетъ 1230 и 1231 года, съ чѣмъ согласенъ и нашъ выводъ; Енгель — 1199 г. и слѣд³. Съ 1232 г. Венеціанскіе ректоры правили по два года⁴, а съ 1258 г., когда Дубровникъ перешелъ подъ власть Угрии, избираемые изъ его гражданъ три князя правили, одинъ за другимъ по полугоду⁵. Безъ сомнѣнія, позднѣйшее время разумѣть Лукари, когда говоритъ, что срокъ власти князя былъ ограниченъ 20-ю днями и потомъ однимъ мѣсяцемъ⁶.—Судьи, подписавшіеся въ нашей грамотѣ въ числѣ пяти, раздѣлились въ послѣдствіи на судей по уголовнымъ дѣламъ и судей по гражданскимъ дѣламъ. Число тѣхъ и другихъ простиралось отъ четырехъ до шести. Жалобы на нихъ подавались Сенату. Этимъ судьямъ или консуламъ (*consoli*) предоставлено въ грамотахъ деспотовъ рѣшеніе споровъ между Дубровничанами, находящимися въ Сербскихъ земляхъ. Теперь мы знаемъ, въ какомъ отношеніи находились эти постоянныя должностныя судьи, набиравшіеся на одинъ годъ, къ тѣмъ судьямъ, которые, по свидѣтельству грамотъ, назначались въ равномъ числѣ съ Сербскими судьями, для рѣшенія споровъ между Дубровничанами и Сербами. Поэтому мнѣ кажутся несправедливыми слова М. Бана, говорящаго, что тяжущіеся могли не допускать въ свое дѣло, по личному своему недовѣрію, того, или другаго судью изъ тѣхъ судей, которые избирались погодно всѣми властелями. Сдѣсь онъ смѣшалъ должностныхъ, городскихъ, однажды на весь годъ приносившихъ клятву, судей съ поротниками или такими судьями, которые действительно, по волѣ тяжущихся, выбирались особо для каждаго дѣла и приносили клятву въ справедливомъ рѣшеніи только для этого одного дѣла. Въ городахъ и на островахъ Далматскихъ судьи избирались изъ людей довѣренныхъ и всѣми уважаемыхъ. Предъ вступленіемъ въ должность они приносили клятву въ томъ, что приговоры ихъ будутъ всегда справедливы.—Вѣчники Малаго Вѣча, подписавшіеся въ числѣ шести, составляли вмѣстѣ съ княземъ Малый Совѣтъ, *consiglio minore*. Они всѣ были изъ сенаторовъ. Во времена Лукари число ихъ возрасло до 11 (кромя князя). Власть Малаго Вѣча была чисто исполнительная. Оно приводило въ дѣйствіе законы, писало грамоты, прикладывало печати, вводило въ должности, принимало жалобы и пр; но могло также рѣшать незначительныя государственныя, гражданскія и уголовныя дѣла.—Умоленные отъ вѣча, выставленные въ грамотѣ въ числѣ шести, назывались се-

¹ Annali di Rausa, стр. 154.

² Schwandt. Scriptores rerum Hungaricarum, т. II, стр. 192.

³ Geschichte des Freist. Ragusa, стр. 83.

⁴ Engel, тамъ же, стр. 104.

⁵ Engel, тамъ же, стр. 154.

⁶ Anali de Rausa, стр. 157.

наторами, *senato de Padri* или *consiglio de Pregati, consilium rogatorum*. Ихъ число возрасло до 20, потомъ до 45, наконецъ, въ позднѣйшее время, до 60¹. Это было, послѣ Большаго Вѣча, главное правительственное мѣсто Общины. Сенатъ заключалъ въ своемъ составѣ князя и Малое Вѣче. Онъ завѣдывалъ всѣми важнѣйшими и чрезвычайными дѣлами, касавшимися гражданскаго, правственнаго и денежнаго состоянія Общины; опредѣлялъ новыя подати, велъ переговоры съ иностранными державами, принималъ важнѣйшія жалобы на рѣшеніе судей, назначалъ пословъ, объявлялъ войну, заключалъ миръ, исправлялъ злоупотребленія, наблюдалъ за безопасностію и благосостояніемъ городовъ и крѣпостей и пр. Онъ собирался четыре раза въ недѣлю: словомъ, это было постоянное орудіе Большаго Вѣча, и власть его была сколько законодательная, столько же исполнительная.—Потомъ въ грамотѣ слѣдуютъ отдѣльные должностныя лица: три общественныхъ казначей (*vistiaria*); во многихъ другихъ грамотахъ они называются «коморниками», а въ одной «разложниками коморы»². По словамъ Лукари, ихъ было сначала два, въ послѣдствіи пять; онъ называетъ ихъ *tesogieri di Santa Maria*³. Казначей избирались на пять лѣтъ и хранили всѣ государственныя сокровища. Они-то получали на сбереженіе всѣ тѣ богатые вклады, которые приносились въ Дубровникъ сосѣдними Сербскими владѣльцами. Въ дѣйствіяхъ своихъ они не подлежали никакой отвѣтственности; но Сенатъ имѣлъ право повѣрять ихъ приходныя и расходныя книги. Сверхъ того, повѣркою счетовъ завѣдывали особые чиновники, въ числѣ пяти, *retogazložnici*, избиравшіеся ежегодно⁴. Три общинныхъ прыца или ходатая, подѣ кошии должно разумѣть трехъ ходатаевъ за благородныхъ, въ противоположность двумъ, подписавшимся за ними, прыцамъ городскимъ или ходатаямъ за горожанъ и низшія сословія.— Два хранителя церковнаго имущества храма пресвятой Богородицы, ии дръжъ дѣнтинъ сѣвъ войѣ, *procuratori di santa Maria*: слѣдовательно, Лукари ошибается, утверждая, что эта должность была основана въ 1306 году. При немъ хранителей церковнаго имущества храма пресвятой Богородицы было три. Кромѣ этихъ были другіе подобныя блюстители имущества, на пр., свв. Петра, Лаврентія и Андрея, больницы монашескихъ орденовъ и пр.—Наконецъ въ грамотѣ помѣщены подписи 70-ти или 72-хъ вѣчниковъ Большаго Вѣча⁵. Сдѣсь число подписей опять не согласуется съ показаніемъ историковъ. По Лукари, вѣчники Большаго Вѣча собирались иногда въ числѣ 100 и 150, а иногда въ числѣ 250. Но это разногласіе легко объясняется тѣмъ, что въ Большомъ Вѣче поступали всѣ благородныя, достигшіе совершеннолѣтія; а извѣстно, что съ каждымъ годомъ число благородныхъ увеличивалось: слѣдовательно, увеличивалось и число вѣчниковъ. Сверхъ того, Вѣче могло собираться и не въ полномъ количествѣ. Съ другой стороны замѣтимъ, что между именами вѣчниковъ не замѣтно имѣетъ предыдущихъ чиновниковъ, между тѣмъ, какъ въ Большомъ Вѣчѣ имѣли право

¹ Рейцъ, Сборн., Вал., стр. 19. Примѣчаніе.

² С. N 157.

³ Есть преданіе, что какой-то князь Паланиръ построилъ замокъ *Diva Mariae*, который былъ зародышемъ Дубровника. Tubero, Schwandtn. Script., ger. Hungaric., т. II, стр. 194. Вотъ по чему сдѣсь выраженіе *Santa Maria* употреблено вмѣсто Общины; но собственно у храма св. Маріи было свое особое хранилище.

⁴ Ж. Банъ, *Zrcalo povestnice Dubrovačke*. Dubrovnik. Sv. II. 1851. Стр. 77.

⁵ Подѣ конецъ грамоты свѣдѣ имѣетъ и прозвищу нѣсколько затѣмненна, такъ что числа подписей опредѣлить съ достовѣрностію нельзя. Въ спискѣ Шафарика одною подписью больше.

участвовать всѣ вообще должностныя благородныя лица, начиная съ князя, который былъ и председателемъ этого Вѣча. Ежегодно, 15 декабря, созывалось Большое Вѣче для назначенія новыхъ чиновниковъ, и въ извѣстные сроки для избранія новаго князя. Оно составляло главное правительственное мѣсто Общины, облеченное высшею законодательною властію, издавало законы, назначало должности и чиновниковъ, смѣняло и утверждало сенаторовъ, завѣдывало дѣлами государственными, обсуживало миръ и войну, рѣшало дѣла по государственнымъ множествамъ, произносило приговоры о ссылкѣ и возвращеніи, уполномочивало власть чиновниковъ и вообще завѣдывало всѣми дѣлами, требующими определенія верховной власти. Лукари подробно описываетъ обряды, которые наблюдались при открытіи и дѣйствіяхъ Большаго Вѣча. — Грамота заключается этими словами: *И вѣрь. вѣсѣ. ово. писанымъ. марьтола гелатринимъ. бань. ѿ князѣ дубровкѣуиога. и ѿ вѣсѣ. ошкнини. града. дубровкѣуиога. смотнѣлымъ. гѣа. князѣ. дубровкѣуиога. и вѣсѣхъ. вѣстель. дубровѣ. съкономъ. звоинкѣши. на съворѣ зко. и по закону дубровкѣомъ. вѣрь. дѣши. свое. и вѣсѣ ошкнини дубровкѣуи. си ошь. потвердилъ. дражати. и клялся.* Отсюда видимъ, что, не смотря на клятву всѣхъ вышеподписанныхъ должностныхъ лицъ, банъ, по волѣ князя и всѣхъ властелей и при обычномъ звонѣ вѣчеваго колокола, въ присутствіи всего собранія, подтвердилъ договоръ отъ имени князя и всей Общины и клялся какъ на своей душѣ, такъ и на душахъ всѣхъ гражданъ, что все писанное и объясненное въ грамотѣ будетъ сохранено и исполнено въ точности. Что это за банъ, который своею клятвою подтверждаетъ клятву правительства и велитъ, по закону, ударять въ вѣчевой колоколъ при всемъ собраніи? И въ другой грамотѣ (С. № 19), данной въ отсутствіе князя общиною 12-ти властелей, банъ марьтола вѣсликовимъ клянется за всѣхъ властелей Дубровницкихъ. Сдѣсь банъ является какъ бы представителемъ или орудіемъ правительства и при томъ не мало-важнымъ, ибо и онъ самъ клянется на своей душѣ; въ немъ видѣнъ главный распорядитель торжества и отвѣтчикъ всей Общины. Источники не предлагаютъ намъ никакихъ данныхъ относительно этой должности и по тому мы остаемся при нашей мысли, что банъ былъ главнымъ представителемъ общиннаго правленія, т. е., князя, властелей и общины; онъ былъ выразителемъ воли ихъ и блюстителемъ обрядовой части. Въ другихъ Далматскихъ общинахъ при князѣ находился одинъ товарищъ, *socius*¹, а въ Дубровникѣ *vice-comes*²: не есть ли это тотъ же самый банъ, что упоминается въ нашихъ грамотахъ? Вообще значеніе бановъ въ Далмаціи, Славоніи, Хорваціи и Босніи, какъ напѣстиюковъ, представителей и воеводъ королевскихъ, служить отчасти подтвержденіемъ нашей мысли. — Кромѣ этихъ важнѣйшихъ должностей были въ Дубровникѣ и другія, не столь важныя, или учрежденныя поздне. Такъ, на пр., должность блюстителей общественного правосудія, *consiglio de' provveditori della republica*, вѣроятно, была основана поздне, ибо таковыхъ чиновниковъ не видно въ нашихъ грамотахъ, между тѣмъ, какъ обязанность ихъ была весьма значительна: это были то же, что нынѣшніе прокуроры. Въ числѣ отъ трехъ до пяти, они наблюдали за правильнымъ исполненіемъ законовъ, за справедливостію приговоровъ и могли остановить всякое исполненіе, если находили дѣло

¹ Рейцъ, Сборн. Вал., стр. 32.

² Engel, Gesch. d. Freist. Ragusa, стр. 103, 105. Въ послѣдствіи ихъ было двое. Engel, тамъ же, стр. 108.

противнымъ закону. Таковы, на пр., и другія должности: il consiglio dell' arte, della lana, doganieri, ufficiali della moneta, учрежденные во второй половинѣ XIV-го ст. по случаю распространения торговли съ Востокомъ, al contrabando и пр. Въ оныя учреждены были въ равное время по цѣрѣ необходимости, и собственное ихъ названіе означаетъ область ихъ дѣйствія. Между ними находимъ торговыя, денежныя, охранныя и др. учрежденія. Послѣ того, что сказано выше объ образѣ правленія, нѣтъ надобности повторять, что всѣ общественныя должности, кромѣ весьма немногихъ второстепенныхъ, отправлялись одними благородными. По Аннедвини, небогатые занимали только слѣдующія должности: segreteria, cancellaria, notaria, tesoreria, dogana, appona, appalto publico del sale. — Изъ грамотъ видимъ, что послами были почти всегда одни властелины; часто звались Посломъ, бмъ: однажды логошеть (С. № 92). Число посомъ было не равно: большинство оны отправлялось по двое, иногда по трое, иногда только по одному. Оны назначались исключительно для одного какаго либо дѣла; по совершеніи котораго, уже переставали быть послами: другими словами, каждое новое дѣло требовало и новаго посольства. Договоры, заключенные клятвенно послами, утверждались въ Дубровницѣ клятвенною клязою, властелей и всей общиной (С. NN № 3, 100). Грамоты писались въ вѣдницѣ или долачѣ, sala dei Consoli¹, о которой историки сообщаютъ, что она была огромна и великолѣпна. Непосредственнымъ исполнителемъ какаго либо опредѣленія властей бмъ приставъ, prestaldus, который имѣлъ одинаковое значеніе съ приетавомъ, присаживимъ, или посланникомъ, упоминаемымъ въ Законникѣ. Душазна, Далматскихъ общинныхъ узаконеніяхъ и древнемъ Русскомъ судопроизводствѣ. Объ немъ только разъ говорится въ нашихъ грамотахъ, именно, Стефанъ Дечавскій требуетъ, чтобы Дубровничане дали своего пристава его человѣку; съ которымъ приставъ пошелъ бы въ Стовъ и Рѣть для отысканія Сербскихъ бѣглецовъ, скрывшихся въ означенныхъ мѣстахъ (С. № 39). Тяжело было вообще внутреннее устройство Дубровника въ главномъ о время основанія и остаткѣ. Изъ всего сказаннаго можно видѣть, что не только число должностей и должностныхъ лицъ уменьшилось съ теченіемъ времени, но и самый объемъ власти, при стѣсненіи князя и раздробленіи должностей, значительно измѣнился. По этому обзоръ правительственнаго устройства Дубровничаной общины требуетъ историческаго изложенія, помощью коего разногласіе свидѣтельствъ уничтожится и каждое явленіе ставесть въ опредѣленномъ пространствѣ времени. При сравненіи устройства Дубровника съ устройствомъ прочихъ Далматскихъ общинъ, отирается много общаго между тѣми и другими, хотя въ каждой общинѣ это устройство имѣло свои отлички. Главное и общее сходство заключалось въ томъ, что всегда бмъ князь, его советъ или курія, или то же, что малое вѣче, и большое вѣче. Князь съ куріею имѣлъ исполнительную власть, а большое вѣче имѣло законодательную власть. Сдѣсь, въ заключеніе, постараимъ объяснить слова Радослава Павловича, идю видне не объявленныи. Радославъ, какъ Дубровницкій гражданинъ, требуетъ: ѿ мнѣ ви ми се по носомъ дѣшивъ згодило дѣшти ѿ дѣрошныи мнѣ посреди радослакъ ии ми сѣз иишѣ иилиши дѣишѣ ѿ мнѣ ѿ коноди радослакъ ѿ сѣз ии иишѣ иилиши властелинъ ѿ иишѣ и иилиши и сдѣшъ како ѿ номъ годъ властею дѣроуишѣкъ дѣроше на дѣсте (С. № 107). Кажется, Радославъ, по саву своему, считая себя, равно какъ и

¹ Ср. С. NN 100, 115, 119, 121, 123, 126, 130 и пр.

сына своего, не только гражданиномъ, но и почетнымъ властелиномъ Дубровникинъ, владѣя землями и дворцомъ въ Дубровникъ, хотѣлъ, чтобы ему предоставлено было право на полученіе званія князя, судьи и вѣчника Дубровническаго и при томъ не въ числѣ послѣднихъ притязателей, но въ ряду первыхъ 12-ти властелей. Хотя о 12-ти властеляхъ, какъ о первенствующихъ въ правленіи, ничего не говорятъ историки; однако договоръ, заключенный съ Радославомъ Хлумскимъ 12-ю властелями Дубровническими, называющими себя судьями и общиною, намекаетъ на то, что число судей и вѣчниковъ Малаго Вѣча равнялось двѣнадцати. Судьи, занимаясь своею непосредственною обязанностію, могли въ то же время присутствовать въ Маломъ Вѣчѣ или княжескомъ совѣтѣ и вмѣстѣ съ этими послѣдними заправлять, по обычному порядку, въ отсутствіе князя, всѣми государственными дѣлами. Въ грамотѣ С. № 16 подписались 5 судей и 6 вѣчниковъ; вспомнимъ, что это было при князѣ; но безъ князя между ними, какъ самыми почетными лицами Общины, могъ находиться и тотъ, кто добивался княжескаго достоинства или будущій князь: тогда ихъ станеть 12. По словамъ Лукари, Малое Вѣче состояло изъ 11-ти вѣчниковъ. Такъ наша грамота сошлась въ этомъ случаѣ съ показаніемъ лѣтописца. Вѣроятно, въ ряду этихъ-то 12-ти властелей хотѣлъ стать Радославъ: по тому онъ и говорить, что если онъ самъ, или сынъ его, случится въ Дубровникъ (здѣсь должно разумѣть переселеніе въ Дубровникъ въ случаѣ Турецкаго нашествія), то въ лицѣ его самого, или сына его, можетъ быть или князь, или судья, или вѣчникъ, или вообще одинъ изъ 12-ти первыхъ въ Общинѣ властелей. Будучи судьей, или вѣчикомъ Малаго Вѣча, Радославъ, или сынъ его, могъ легко быть избранъ княземъ города. Такъ сосѣдніе владѣтели, страшась Турокъ, упрочивали себѣ въ независимомъ Дубровникѣ мѣсто и званіе, могшее вознаградить ихъ въ будущемъ при возможности утраты настоящаго ихъ сана и владѣнія.

Какія же общія черты для Дубровника можемъ мы вывести изъ всего того, что представляютъ намъ памятники въ связи съ другими, необходимыми для ихъ объясненія, источниками? Вотъ этѣ черты.

Дубровникъ, возникшій изъ развалинъ древняго Эпидавра, основаннаго когда-то Греками и перешедшаго потомъ подъ власть Римлянъ, наследовалъ отъ основателей своихъ общинное начало. Первое населеніе его было Римское съ преобладающимъ сословіемъ благородныхъ. Потомъ Славяне въ сильной степени примѣшались къ этому населенію и внесли въ жизнь Дубровника много своего народнаго. Но благородные остались по прежнему преобладающимъ сословіемъ, державшимъ въ рукахъ своихъ городское правленіе. Главнѣйшія части правительственнаго состава общины были: князь, совѣтъ и вѣче.

Дубровникъ, хотя и пользовался полною самостоятельностью въ своихъ дѣйствіяхъ и сношеніяхъ съ другими государствами; однако не былъ чуждъ нѣкоторой степени зависимости первоначально отъ Византіи, потомъ отъ Венеціи, Угрии и наконецъ Турціи. Въ договорахъ съ Сербскими владѣтелями онъ соблюдалъ равенство отношеній и пользовался общимъ уваженіемъ и довѣреніемъ, которыя основывались какъ на его силѣ и богатствѣ, такъ и на его незыблемости. Знатные изгнанники находили въ немъ себѣ убѣжище. Владѣтели и бояре ихъ отдавали ему на сбереженіе свои сокровища. Онъ ссужалъ ихъ деньгами и самъ бралъ у нихъ деньги въ ростъ. Быть гражданиномъ Дубровника считалось немаловажнымъ достоинствомъ. Съ гражданствомъ Дуб-

ровникъ давалъ у себя земли, дворцы и право участія въ общественныхъ дѣлахъ; за то и требовалъ отъ своихъ гражданъ всегдашняго содѣйствія и защиты.

Какъ община по преимуществу торговая, Дубровникъ избѣгалъ войны. Основаніемъ его вѣдшихъ сношеній были миръ со всеми и невмѣшательство. Съ каждымъ новымъ владѣтельнымъ лицомъ спѣшилъ онъ заключить пожизненный договоръ, въ которомъ выхлопывалъ себѣ или новыя права и льготы, или подтвержденіе старыхъ. Вѣчный миръ и неизмѣнная дружба, взаимная помощь, свобода торговли, защита купцовъ, уменьшеніе по возможности пошлинъ, или, по крайней мѣрѣ, удержаніе однихъ только старыхъ, право солинаго откупа, безпристрастное судебное разбирательство:—таковы суть главнѣйшія статьи его договоровъ.

Дубровникъ вывозилъ изъ Сербіи сырые припасы и металлы, а ввозилъ готовые издѣлія, изъ которыхъ золотыя и серебряныя отличались изяществомъ и богатствомъ какъ выдѣлки, такъ и отдѣлки. Наибольшее число договорныхъ статей относится къ торговлѣ. Въ силу этихъ статей Дубровницкіе купцы могли свободно ходить и проходить по землямъ Сербскимъ; они стояли подъ охраною самихъ владѣтелей и за всякое причиненное имъ зло получали вознагражденіе. Передъ войною имъ давался срокъ къ безпрепятственному выходу. Но они обязаны были платить установленныя подати и сборы. Не водворившіеся въ Сербіи избавлены были отъ всякихъ земскихъ и городскихъ повинностей.

Войну Дубровникъ начиналъ только въ крайней нуждѣ и всегда старался окончить ее какъ можно скорѣе. Продолжительныхъ войнъ онъ никогда не велъ. У него всегда находились союзники, и войны оканчивались для него счастливо.

Будучи весьма ограниченъ въ своихъ поземельныхъ владѣніяхъ, Дубровникъ старался прибрѣтать себѣ земли отъ сосѣднихъ владѣльцевъ, постепенно и незамѣтно заселяя и обрабатывая, или открыто покупая ихъ. Въ слѣдствіе покупки онъ платилъ дань сначала королямъ и царямъ Сербскимъ, а потомъ королямъ Боснійскимъ.

Судебное разбирательство между Дубровничанами и Сербами установлено было въ особыхъ грамотахъ. Сдѣсь два права, Дубровницкое и Сербское, передали многое одно другому. Развитіе личности, отразившееся въ подчиненіи ответственности одного только виновнаго и представленіе о наказаніи, основанное на денежной пени, суть отличительныя черты Дубровницкаго права, условленная какъ вліяніемъ Римскаго начала, такъ и торговымъ бытомъ Дубровника. Но общая порука, введенная довольно поздно въ земли съ чисто-Славянскимъ населеніемъ и судъ съ Сербами по поротѣ показываютъ, что и Сербское право оказывало также вліяніе на Дубровницкое.

Турки, водворившись на Европейской почвѣ, захвативъ часть Сербіи, коснулись и Дубровницкихъ владѣній; но не покорили Дубровника, который сумѣлъ поладить и съ ними. Однако рука побѣдителей дала и имъ себя почувствовать. Турки потребовали отъ Дубровника несравненно большей дани противъ прежняго Сербскаго дохода, и хотя даровали его купцамъ право свободной торговли въ своимъ земляхъ; однако, незванные, стали вмѣшиваться во взаимные переговоры и счеты Общины съ послѣдними представителями Сербскихъ владѣтельныхъ домовъ и монастырями, куда переведена была часть Сербскаго дохода прежними православными государями. Они разрушали то, что Дубровничане строили безъ ихъ позволенія.

Г Л А В А II.

БОСНА.

Послѣ Дубровника *Босна* занимаетъ первое мѣсто по количеству относящихся къ ней памятниковъ.

Нѣкогда Босна составляла Сербскую *жупу* въ полной зависимости отъ собственной Сербіи. Она лежала между Савой, Дриной, Неретвой и Врѣбасомъ. Въ южныхъ ея предѣлахъ протекаетъ Рама, отъ которой и вся страна называлась иногда Рамою. Нѣкоторые историки рознятъ Раму отъ Босны. Дѣйствительно, въ иностранныхъ грамотахъ находимъ выраженіе *Rama et Bosnia* или *Rhama seu Bosnia*; но въ нашихъ Кириловскихъ памятникахъ этого нѣтъ: въ нихъ она всегда называется однимъ именемъ Босны. Уже изстари часть Сербіи, находившаяся на лѣвомъ берегу Дрины до Савы и называвшаяся Семберіей, вошла въ предѣлы Босны и раздѣляла съ нею постоянно одну участь.

Съ 1120 года Босна дѣлается *банатомъ*. Раскій жупанъ и князь Сербіи, Бела Урошъ, уступилъ ее, какъ приданое за дочь, зятю своему, Угорскому королю Белѣ II. Съ этого времени, до самого Немани, Босна оставалась за Угріею и, подобно Славоніи, служила удѣломъ для королевскихъ родичей, управлявшихъ ею подъ именемъ бановъ. Въ 1156 г., по словамъ Кишама, Борисъ¹, побочный сынъ Коломана, является, какъ *ὁ Βόσθνης χώρας ἐξάρχων Δαλματικῆς*, на помощь Угорскому королю въ войнѣ его съ императоромъ Мануиломъ, ибо *ἔστι δὲ ἡ Βόσθνα οὐ τῶν Σερβίων ἀρχιζουπάνω καὶ αὐτῇ εἰκουσα ἀλλ' ἑνός ἰδία παρὰ ταύτη καὶ Ζῶν καὶ ἀρχιμεγόν*². Бела II, а за нимъ Гейза II назывались *Dalmatiae, Croatiae et Ramae reges*³.

Около 1170 года баномъ сдѣлался знаменитый Кулинь⁴, признававшій верховную власть Немани, великаго жупана Сербіи. Въ 1189 году онъ заключилъ торговый договоръ съ Дубровникомъ (И.; С. № 1; Ш. № IV), изъ котораго видно, что внутри своихъ земель банъ былъ совершенно независимъ. При немъ въ Боснѣ усмирились Патарены или Богумилы; самъ онъ былъ ревностнымъ поборникомъ этой ереси⁵, хотя, для виду, имѣя опаснаго сосѣда въ Вуканѣ Хлумскомъ, и выдавалъ себя за Римско-католика. Въ 1197 г., поддавшись Угріи,

¹ Объ участіи Бориса, котораго Іоаннъ де Турочъ (de Thurocz) называетъ *adulterinus regis Colomani*, см. у него же въ *Schwaundneri Scriptorum rerum Hungaricarum*, т. I, стр. 196.

² Corp. Script. Hist. Byz., Іоан. Cinnamus, l. III, p. 131, 104. — Stritter, II, 426.

³ Lucius, De regno Dalm. et Croat., кн. III, гл. VIII.

⁴ *Βορίτζης* qui Orbino Barich appellatur, Bossenae banus seu princeps, sub a. 1154. *Boritium* excoepit *Calanus*, cuius non semel mentio occurrit apud Innoc. III pp. in *Epistolis*. Du Fresne, in *Historiam Cinnami Notae*. Corp. Script. Hist. Byz., p. 343.

⁵ Нѣкоторые лѣтописцы увѣряютъ, что онъ женатъ былъ на сестрѣ Немани (има ея неизвѣстно), державшейся Богумильской ереси. Эту догадку принимаетъ и авторъ книги *Zemljoris i poviestnica Bosne od Slavoljuba Bosnjaka* (Юничъ). Но какъ родство его съ Неманемъ, такъ особенно еретичество сестры Немани весьма сомнительны.

онъ могъ дѣйствовать свободнѣе въ пользу ереси и за то былъ обвиненъ Ву каномъ передъ папою. Распоряженія папы, Угорскаго короля и собора, состоявшагося по этому случаю въ 1203 г., были сначала успѣшны; но примиреніе Вукана съ братомъ Стефаномъ и усобицы въ Угрии дали ходъ ереси, которая особенно сильно развилась при преемникѣ Кулина, Нинославѣ. Счастливыя времена Кулина перешли въ народную пословицу.

За Кулиномъ, умершимъ въ 1204 г., слѣдовалъ банъ Нинославъ. Большая часть ученыхъ, какъ-то: Фарлати, Дюфренъ, Гебгардъ, Шивекъ, Юкичъ и др. хотятъ послѣ Кулина видѣть баномъ Сибислава до самыхъ 1240-хъ годовъ; вѣрнѣе Енгель называетъ Сибислава только Боснійскимъ бояриномъ, *pobilis*, какъ названъ онъ въ папской грамотѣ отъ 1236 г. Но съ другой стороны Енгель, одному и тому же лицу даетъ два имени, однажды Никослава, въ другой разъ Нинослава, и послѣдняго слишкомъ поздно дѣлаетъ баномъ. Но очевидно, имя Никослава есть олатиненное вѣсто Нинослава, какъ значится оно въ грамотѣ Ш. № VI, С. № 5. Босна не имѣла причины оставаться безъ бана. Хотя въ 1235 г. Коломанъ и могъ получить въ управленіе Босну, какъ воевода, оставаясь въ то же время и воеводою Славоніи; однако и банъ могъ стоять подъ нимъ по прежнему. Юкичъ помѣщаетъ между Кулиномъ и Сибиславомъ еще двухъ бановъ, безымяннаго Кулиновича и Николая; но источники, на которыхъ онъ основывается, Баовій, Пеячевичъ и Фарлати, вовсе того не доказываютъ. При томъ, *Colloquia* Пеячевича, написанныя по Западнымъ источникамъ, не всегда могутъ служить надежнымъ основаніемъ. Повторяю, историки смѣшиваютъ бояръ, богатыхъ землевладѣльцевъ въ Боснѣ, съ банами и чрезъ то производятъ большую путаницу въ древнѣйшей исторіи Босны. Шафарикъ опредѣляетъ время Нинослава 1216—1231 годами. Издатели Спомениковъ выставили подъ его грамотою 1236 годъ. Отъ Нинослава мы имѣемъ договоръ съ Дубровничанами. *Матт. а единомъ* (по прозвищу) *нинославъ*: *банъ боснѣски влани* повторяетъ договоръ Кулина, котораго впрочемъ не называетъ своимъ отцомъ; но уже повтореніе договора доказываетъ отчасти, что онъ былъ преемникомъ Кулина. Папа, поручая Коломану защищать Нинослава, называетъ этого послѣдняго *dux de Bosnia* и выставляетъ, какъ его право, *comitatus et villas suae terrae concedendi et auferendi quibuscuque prout ei propriae voluntatis arbitrium suggererit*¹. Такое право могло принадлежать только независимому бану, каковыми дѣйствительно и были баны Боснійскіе, которыхъ верховная власть Угрии нисколько не стѣснала во всѣхъ ихъ внутреннихъ распоряженіяхъ. Патаренизмъ господствовалъ при Нинославѣ, который, по приѣзду своего предшественника, наблюдалъ уклончивую политику относительно Римо-католицизма и, при необходимости, выдавалъ себя за ревностнаго католика. Только уже въ 1245 году Бела IV, разсердившись на Нинослава за его еретичество и за то, что онъ помогалъ Сплитянамъ въ войнѣ ихъ съ Трогирицами, послалъ противъ него войско съ Котроманомъ, который побѣдилъ его и сдѣлался правителемъ Босны.

Мы имѣемъ отъ 1249 года грамоту (С. № 14), данную великимъ баномъ Матвѣемъ Стефаномъ. Это договоръ съ Дубровничанами. Но имя Стефана написано по почтенному другою рукою, и по тому рождается вопросъ: кому принадлежитъ грамота? Двухъ крестныхъ именъ не могло носить одно и то же лицо; общія мѣста въ грамотахъ С. № 14 и С. № 5 показываютъ, что писецъ

¹ Engel, Gesch. v. Serv. u. Bosn., стр. 224.

имѣлъ подѣ рукою договоръ Нинослава 1216 — 1236 г., и по ошибкѣ могъ написать имя прежняго бана Матвѣя Нинослава. Слѣдующая за тѣмъ почитка уже указываетъ на ошибку писца. Замѣчательно также, что писецъ, начиная грамоту по своему и въ началѣ вовсе не списывая ея съ Нинославова, при имени Матвѣя, поставилъ тотъ же рѣдкій и неупотребляемый имъ знакъ препинанія (:), который находится въ грамотѣ Нинослава (С. № 5): это подтверждаетъ мою мысль, что имя Матвѣя вкралось въ грамоту по ошибкѣ, и за нимъ слѣдовало имя Нинослава, но кѣмъ-то другимъ было замѣнено подлиннымъ Стефана. Издателя Спомениковъ съ умысломъ, или безъ умысла, выставили подѣ грамотою 1239 годъ, желая тѣмъ отнести грамоту къ Нинославу; но въ грамотѣ ясно обозначенъ с. м. љ. (1249) годъ; а индиктъ љ, показанный въ грамотѣ, отвѣчаетъ именно этому году. Слѣдовательно, имя Стефана должно принять за подлинное и разумѣть подѣ нимъ Котромана, низвергнувшаго Нинослава. Юкичъ, подобно Дюфрену, не признаетъ Котромана баномъ и даже не допускаетъ самого его имени, объясняя его смѣшеніемъ съ именемъ Коломана. Но противъ него говорятъ Орбини и имъ же самимъ приводимые источники: грамоты Стефана Котромановича 1268 г.¹ и Ивана Котромана 1010 (?) г.² Хотя года выставлены сдѣсь невѣрно, однако важно сходство именъ со свидѣтельствомъ Орбини. Замѣчу, что Угорскіе короли и королевичи могли, при банахъ, быть воеводами Босны; ибо, кромя Босны, они завѣдывали иногда и другими областями. Котроманъ былъ Угръ. Онъ клянется вмѣстѣ съ братіею и вельможани: и дѣйствительно, между свидѣтелями на первомъ мѣстѣ видимъ князя Угриня. Въ этой грамотѣ Стефанъ является столь же независимымъ, какъ и его предшественникъ; онъ именуется себя: по мѣсти бѣмъ влани бѣмъ босньскимъ и обѣщаетъ не давать въ обиду Дубровничанъ и ихъ имущества въ случаѣ ихъ войны съ Сербскимиъ королевемъ. Онъ клянется за себя, за своихъ дѣтей и внучать и испрашиваетъ себѣ впредь безопасное пребываніе въ Дубровникѣ. Конечно, онъ имѣлъ въ виду возможность несчастія и бѣгства.

Около 1254 года баномъ Босны и Мачвы³ сдѣлался Ростиславъ Михайловичъ, князь Галицкій и воевода Славонин, зять Бѣлы IV⁴. Онъ оставилъ по себѣ въ 1262 г. двухъ сыновей, Михаила и Бѣлу, изъ коихъ первый получилъ Босну, а второй Мачву. Михаилъ еще былъ живъ въ 1268 году, но потомъ онъ исчезаетъ въ Исторіи. Въ 1271 г. Бѣла, братъ Стефана, Угорскаго короля, называется *dux Machoviae et Bosnae*. За нимъ слѣдовали братъ его, Стефанъ, и потомъ Ладиславъ III. Мать Ладислава III, Елизавета, *maior regina Hungariae*, именовалась *ducissa de Machou et de Bosna*. Послѣ ея смерти Милутина получилъ Босну въ приданое за женою своею, Елизаветою, дочерью Стефана V, въ 1286 г. Хитрый образъ дѣйствій Милутина и ложныя его обѣщанія обратились со всею Сербіею въ Римско-католическую вѣру, равно какъ изгнать Патарековъ изъ Босны, навлекали на него не разъ грозу съ Запада, а по тому Бос-

¹ Въ сочиненіи Лор. Минялти: *Le glorie cadute*. Ven. 1663.

² Въ сочиненіи Пруденція Наретинца: *De regno Bosniae*. Ven. 1781.

³ Мачва составляла прежде часть собственной Сербин: она лежала въ углу между Савой и правымъ берегомъ Дрины. Неизвѣстно, когда она была завоевана Угріею; но мы знаемъ, что въ 1235 г. она уже называлась въ Угорскихъ грамотахъ *banatus Machoviensis* (Шафар. *Slav. Staroit.*, II, IV, 663. Слав. Древн., II, I, 357). Енгель (*Gesch. v. Serv. u. Bosn.*, стр. 227) думаетъ, что Угорскіе короли отняли ее непосредственно у Грековъ.

⁴ См. статью Палацкаго объ этомъ князѣ, помѣщенную, въ Русскомъ переводѣ, въ Чтеніяхъ И. О. И. и Д. Р. 1815 — 1816. N 3.

ну мы видимъ на короткое время въ рукахъ Павла Шубича Бребирскаго, около 1292 г., и потомъ снова, въ 1305 г., въ рукахъ Милутина, владѣнія котораго простираются на этотъ разъ до самого Дуна. Тѣмъ не менѣе, Павелъ не переставалъ писаться Боснійскимъ баномъ, 1307 — 1312 г., и сынъ его, Младенъ, еще при жизни отца, носилъ титулъ *secundus Bosnensis banus*. Въ 1318 г. Младенъ отнялъ Босну у Милутина¹. Во всѣхъ этихъ переворотахъ нельзя принимать Босны за одно цѣльное, государственное тѣло. По нѣкоторымъ указаніямъ лѣтописцевъ, въ Боснію должны были находиться постоянныя владѣнія Павла Бребирскаго, купленныя имъ у Ладислава III: не могъ же онъ купить всей Босны; но, купивъ часть ея, именно ту, которая принадлежала Угріи, могъ объявлять притязанія и на остальную, бывшую во власти Милутина. Тутъ же были постоянныя владѣнія Котромановичей, которые ссорились съ Шубичами. Только этимъ можно объяснить, по чему Карлъ Робертъ, низведши Младена, въ 1322 году, за его жестокость, отдалъ Боснійское банство Стефану Котромановичу. Кромѣ того, часть Босны находилась въ рукахъ Милутина. Такимъ образомъ взаимная вражда нарушала часто границы владѣній.

Что касается до Хлума, то послѣ Немани онъ, кажется, переходилъ изъ рукъ въ руки. Хлумскій бояринъ Петръ прогналъ Андрея, сына Мирослава и племянника Немани; за тѣмъ, съ помощію Сербскаго короля, Стефана Первовѣнчаннаго, Андрей былъ снова возстановленъ; но при этомъ большая часть его земель перешла баву Боснійскому². Не тутъ ли сидѣлъ Вуканъ, братъ Стефана Первовѣнчаннаго? Извѣстно, что въ спорѣ съ братомъ Вуканъ является подъ защитою Угріи, чего не могло быть безъ посредства Боснійскаго бана. Потомъ Вуканъ дѣлается одинъ великимъ княземъ Зеты и Хлума. У него сынъ—жупанъ Дмитрій. Получилъ ли послѣдній отцовское наслѣдіе—не знаемъ, но только видимъ его потомъ въ монашествѣ³. Молчаніе лѣтописцевъ о томъ, чтобы Дмитрій, или родъ его, владѣлъ Хлумомъ, равно какъ самое званіе жупана, заставляютъ думать, что послѣ Вукана Хлумъ прямо перешелъ къ Угріи, такъ какъ Угорскіе короли имѣли на Вукана сильное вліяніе. Изъ грамоты Андрея II, сына Бѣлы III⁴, видно, что онъ именовался *Dalmatiae, Croatiae, Ramae, Culmeque dux*. Впрочемъ дѣйствительно ли принадлежалъ ему Хлумъ — рѣшить нельзя. Хотя Лучичъ выраженіе *Culmeque* относитъ къ Хлуму, но самъ же онъ потомъ сомнѣвается, говоря: *ita an regio quoque Chlebna, nunc Hliuno, quae sola ultra Cetinam in Croatia erat, in Chulmia inclusa fuerit,—percipi nequit*⁵. Судя по формѣ *Culmeque*, можно догадываться, что Андрей владѣлъ не всѣмъ Хлумомъ, а только сѣвѣрною его частію или Крайною съ Хорватскою жупою Ливномъ. Великій князь Хлумскій Андрей далъ двѣ грамоты Дубровнику въ 1233—1236 и 1248 годахъ (Ш. № VIII; С. №№ 4, 15), какъ независимый владѣтель, присягая съ своими сыновьями, Богданомъ и Радославомъ, и властелини. Тотъ же Андрей, опять какъ независимый князь Хлума, заключилъ договоръ съ Сплитянами въ 1241 году. Если

¹ Lucius, De regno Dalm. et Croat., кн. IV, гл. XIII; кн. V, гл. III. По словамъ Лучича, Шубичи купили Босну у Ладислава.

² Орбини, стр. 221, 223. — Lucari, Annali di Rama, стр. 30. — Dufresne, Familiae Dalmaticae et Slavonicae, гл. III, § LI.

³ Лѣтописи у Шафарика въ Памятникахъ, стр. 60, 72.—Доментіанъ, Житіе св. Самеона и Савы (рукопись).

⁴ Lucius, De regno Dalm. et Croat., кн. III, гл. XIII.

⁵ Lucius, тамъ же, кн. IV, гл. IV.

не въ первыхъ грамотахъ, то, по крайней мѣрѣ, въ этой онъ упомянулъ бы о своей зависимости отъ Угрии. Но то одно, что Сплитяне, завистливые отъ Угрии, заключали съ нимъ договоръ въ слѣдствіе войны, доказываетъ, что Андрей былъ независимымъ княземъ¹. Но въ 1254 г. сынъ его, жупанъ Радославъ, заключая союзъ съ Дубровничанами (С. № 20), уже говорилъ: *семъ вѣрньма илѣтъшнннхъ гѣъ краля угарьскому*, и обязывался воевать вмѣстѣ съ Дубровничанами противъ короля Рашскаго. Слѣдовательно, Хлумъ, независимо отъ Босны, принялъ сторону Угрии. Въ послѣдствіи онъ соединился съ Босною. Екатерина, дочь Стефана Котромановича, была за внукомъ Андрея Хлумскаго; Павелъ и Младенъ владѣли вмѣстѣ и Хлумомъ и Босною².

Преемникъ Младена, Стефанъ Котромановичъ, писался въ 1326 г.: *liber princeps et dominus Bosnae, Ussorae, Salae et plurium aliorum locorum, atque Chelmi comes* (позднѣе, *Chulmiae dux*)³. При немъ владѣнія его обозначались явнѣе: они заключали въ себѣ всю Босну и Хлумъ. Онъ положилъ первое основаніе будущему Боснійскому королевству. Зная, что вся сила государства заключалась въ вѣрѣ и народности и что Римо-католики всегда клонились къ Угрии и Западу, Стефанъ держалъ сторону Патареновъ, которые, вмѣстѣ съ православными, составляли основу Боснійской народности. Только происки паны и усердіе Карла Угорскаго заставили Стефана признать себя Римо-католикомъ и равнодушно смотрѣть на вѣрообращеніе своихъ подданныхъ. Стефанъ помогалъ Людовику I въ его Далматскихъ войнахъ; но уже въ дѣйствіяхъ его проглядывало желаніе независимости. Къ несчастію, возраставшее могущество его потрясено было царемъ Душаномъ, который просилъ у него дочь его, Елизавету, въ супруги своему сыну, Урошу, и въ приданое за нею Хлумъ; но, получивъ отказъ, завоевалъ весь Хлумъ и большую часть Босны. Православное Сербское духовенство начало сдѣсь своимъ успѣшнымъ дѣйствіемъ для ослабленія Римо-католицизма и продолжало ихъ до самой кончины Душана. Стефанъ умеръ въ 1353 г., отправляясь на бракосочетаніе своей дочери, Елизаветы, съ Людвигомъ Угорскимъ. Орбиня⁴, Дюфренъ⁵, Шимекъ⁶, на основаніи Дюфрена; а Енгель⁷ и Юкачъ⁸, по словамъ Шимка, относятъ къ 1357 году вступленіе племянника его, Твртка Владиславича, въ достоинство бана. Но въ Споменикахъ есть грамота № 57, отиѣченная 1367-мъ годомъ, который Твртко называетъ 14-мъ годомъ своего господствованія: по этому смерть Стефана и преемство Твртка должны быть отнесены къ 1353 году. Тѣмъ удивительнѣе, что издатели Спомениковъ тутъ же, подъ грамотою, выставили 1357 годъ, какъ годъ Стефановой смерти, не объяснивши этого противорѣчія съ словами грамоты. Гораздо удачнѣе и согласнѣе съ нашею грамотою годъ сватъбы Людовика I и смерти Стефана Котромановича опредѣляетъ Феслеръ, не указывая впрочемъ источника. По его словамъ, эти два событія случились въ половинѣ 1353 года⁹.

¹ Ома Архидіаколы въ *Schwaudtneri Script. rer. Hungar.*, т. III, стр. 598.

² *Schimek's Politische Geschichte des Königreichs Bosnien und Rama.* Стр. 64, прилѣч., и стр. 65.

³ *Lucius, De regno Dalm. et Croat.*, кн. V, гл. III.—*Dufresne, Famil. Dalm. et Slavon.*, гл. IX, § XVII.

⁴ Стр. 275.

⁵ *Familiae Dalm. et Slavon.*, гл. IX, § XVII.

⁶ *Politische Geschichte des K. Bosnien u. Rama*, стр. 80.

⁷ Енгель самъ противорѣчитъ себѣ въ этомъ случаѣ. На стр. 286 онъ относитъ бракъ Людовика къ 1353 году, а на стр. 312 говорить, что Стефанъ умеръ въ 1357 году, отправляясь на бракосочетаніе своей дочери, Елизаветы, съ Людвигомъ. См. его *Gesch. v. Servien. u. Bosnien.*

⁸ *Zemphopis i poviestnica Bosne*, стр. 102.

⁹ *Die Geschichte der Ungen und ihrer Landsassen*, т. III, стр. 330.

Сербскіе лѣтописцы производятъ родъ Твѣртка отъ Драгутина. Дочь послѣд-
няго, Елизавета, была, по ихъ словамъ, матерью Стефана, Боснійскаго бана,
Инослава и Владислава; Владиславъ же имѣлъ Твѣртка бана и Вучича¹.

Что же касается до *Травунии*, то объ ней источники не доставляютъ никакихъ
свѣдѣній; неизвестно, оставалась ли она за Сербією, или, въ одно время съ
Хлумомъ, отошла къ Босніи? Извѣстно только, что Душанъ владѣлъ Требишемъ.
Послѣ него она, вмѣстѣ съ Хлумомъ, принадлежала къ Босніи. Изъ нашихъ гра-
мотъ видно, что въ 1234 году Хлумъ еще числился за Сербією (С. № 2):
слѣдовательно, переходъ его, вмѣстѣ съ Травунією, отъ Сербіи къ Босніи и
Угрии состоялся при королѣ Владиславѣ.

Внутренняя жизнь Босны совершалась безъ важныхъ переворотовъ: она не под-
вергалась никогда преобразованію, въ слѣдствіе котораго въ основу ея вложена
бы была мысль новая, государственная. Отъ того въ Босніи еще жило въ прежней
силѣ древнее боярство, могущественное и кичливое. Съ нимъ долго боролись Ко-
тромановичи и отъ него принуждены были бѣжать въ Дубровникъ. Такъ и теперь
Боснійскіе бояре почитали за стыдъ повиноваться молодому бану, вышедшему изъ
ихъ среды: при ихъ содѣйствіи возставали на него бояре Санко, Клусичъ и Да-
быша, и даже родной его братъ, Вукъ; Твѣртко съ помощію своей находчивости и
храбрости умѣлъ отдѣлаться отъ всѣхъ своихъ враговъ. Онъ значительно распро-
странилъ свои владѣнія, пользуясь безвластіемъ Уроша V; захватилъ Травунію,
Конавле, Драчевицу и Зету и отнялъ у Сербскаго боярина, Николая Алтомано-
вича, сидѣвшаго въ Ужицѣ, завоеванія, сдѣланныя имъ по смерти Вукашина на
счетъ Босны. За то еще прежде долженъ былъ уступить Хлумъ Угорской короле-
вѣ Елизаветѣ, какъ наслѣдство послѣ ея покойнаго отца². Въ своихъ владѣніяхъ,
онъ поддерживалъ православную вѣру и Патаренскую ересь; но, не желая явно
нарушать своихъ хорошихъ отношеній къ Римо-католицизму и Западу, онъ под-
держивалъ ихъ большею частію тайно; а между тѣмъ явно выказывалъ полную го-
товность служить пользамъ Римо-католицизма. По этому архидіаконъ Галла
имѣлъ полное право писать: Ita videlicet quod idem Banus omnes paterenos et
hereticos de terra sua eicere teneatur³. Этому образудѣйствію слѣдовала и болъ-
шая часть его преемниковъ. Впрочемъ истина не могла не обнаруживаться по
временамъ, за что не разъ приносились на него жалобы папѣ, и сосѣдніе Римо-
католическіе владыки посылали въ Босну проповѣдниковъ и отлучали непокор-
ныхъ. Враги и недовольные находили въ Римо-католицизмѣ вѣрную себѣ опору.
Такъ еще прежде Вукъ, оставъ на брата, объявилъ себя Римо-католикомъ и
вразвалъ Людовиково войско на сретниковъ—по его словамъ, т. е., православ-
ныхъ и Патареновъ; потомъ Балшичи Зетскіе, желая освободиться изподъ
власти Твѣртка, притворились католиками, но не успѣли въ своемъ намѣреніи.

Мы виѣдемъ граноты Твѣртка бана отъ 1375 года и Твѣртка короля отъ 1378
года. Въ этотъ промежутокъ времени Босна возведена была на степень *королевства*,
благодаря Твѣртку, объявившему себя королемъ. Годомъ вѣнчанія Твѣртка Шимекъ⁴,
а за нимъ Бнгель⁵ и Юкичъ принимаютъ 1376 годъ, который, какъ видимъ, не
противорѣчитъ нашимъ источникамъ. Твѣртко былъ достоинъ королевскаго

¹ Лѣтописи у Шафарика въ Памятникахъ, стр. 62.

² См. Посланіе Галла, архидіакона Бежскаго, къ епископу Загребскому, въ Загребскомъ
Архивѣ, кн. II, отд. I, стр. 35. — Ср. Dufresne, Famil. Dalm. et Slavon., гл. IX, § XVIII.

³ Тамъ же.

⁴ Polit. Gesch. d. K. Bosnien u. Rama, стр. 85. У него же см. мнѣнія другихъ ученыхъ о
времени этого событія. Дюфрену неправильно приписанъ 1366 годъ вмѣсто 1368 (Famil.
Dalm. et Slavon., гл. IX, § XVIII).

⁵ Gesch. v. Serv. u. Bosnien, стр. 357.

званія, ибо всё его дѣйствія обличали въ немъ уже не боярина, стоявшаго нѣсколько выше своихъ собратьевъ, но человека государственнаго съ новыми понятіями какъ о своемъ званіи, такъ и объ искусствѣ правленія. Мысль государственной дѣятельности онъ наследовалъ у своего дяди и кромѣ того сумѣлъ совершенно отдѣлиться отъ боярскаго сословія и стать выше его иерархіею, какъ глава государства. Вѣнчаніе было лучшимъ къ тому средствомъ. Людовикъ I, чрезъ мѣру занятый другими важнѣйшими дѣлами, не противился его вѣнчанію, довольный, вѣроятно, вторичнымъ призваніемъ верховной власти Угріи. Но вслѣдъ за его смертію, въ 1382 г., Твртко выступаетъ исключительно съ выгодами своего королевства: вѣдъ выгоды заставили его принять сторону бана Хорвата и всѣхъ сторонниковъ Карла Драчскаго, недовольныхъ королевами Марією и Елизаветою; Твртко возвратилъ при этомъ Хлумъ, гдѣ воеводою поставилъ боярина Вука Храну, и завоевалъ большую часть Далмаціи. Въ 1387 г., апрѣля 9, онъ заключилъ договоръ съ Дубровничанами (С. № 77), въ которомъ обязывался защищать Дубровникъ съ его землями и испрашивалъ себѣ безопасное пребываніе въ Дубровникѣ. Но такъ какъ въ это время Дубровничане признавали верховную власть Маріи, что видно изъ самой грамоты, то, въ случаѣ ея освобожденія изъ плѣна и войны съ Тврткомъ, они не взялись укрывать его въ своемъ городѣ, а только обѣщали дать ему срокъ для безопаснаго выхода изъ ихъ города; если же онъ случится въ Дубровника, то они вовсе отказались принять его къ себѣ. Тѣмъ не менѣе они обѣщали ему вѣчную дружбу. Еще прежде, въ 1378 г., апр. 10, (С. № 66), Твртко, заключая договоръ съ Дубровникомъ и требуя отъ него Сербской дани за Травунію, Конавле и Драчевицу; имъ пріобрѣтенныя, выразилъ сомнѣніе относительно прочности этихъ владѣній; но опасенія его не сбылись: земли вѣдъ, вмѣстѣ съ Хлумомъ, остались при Боснѣ. Хлумскій воевода Влатко мужественно отразилъ Турокъ, вторгнувшихся, было, въ Босну послѣ Косовской битвы. За то Балшичи Зетскіе передались царю Лазарю¹ и по смерти его положили начало независимости Черногоріи. Въ 1391 г. Сигизмундъ Угорскій вторгнулся въ Босну, желая отмстить Твртку за союзъ съ бунтовщиками, овладѣлъ Усорою и замкомъ Доброю. Это происшествіе ускорило смерть Твртка. Онъ умеръ въ томъ же году. Въ дошедшихъ до насъ грамотахъ онъ подписывался: **Стефанъ Твртко въ Х Бгѣ (или: Мѣтню Божию) Краль Сръблемъ и Боснѣ и Приморью.** Владѣя частью Сербскихъ земель по Дриятъ, Травунією и Зетою, онъ имѣлъ право называться королемъ Сербскимъ. Мѣстопробываніе его находилось въ разныхъ городахъ, какъ видно изъ грамотъ. Подошедши въ 1378 г., 10 апрѣля къ Дубровнику и остановившись въ Жерновницѣ, король Твртко подтвердилъ Дубровничанамъ прежнія грамоты Сербскихъ и Боснійскихъ владѣтелей, выговоривъ себѣ Сербскій доходъ, 2000 перперовъ, и грамоту свою послалъ для утвержденія матери и супругѣ въ «королевскій дворъ Трѣстивницу» (С. № 66). Но въ грамотахъ, данныхъ въ 1385 и 1390 годахъ, онъ называетъ Сутинску *aula nostra regalis*². Провозгласивъ себя королемъ, Твртко первый помыслилъ мысль, которой такъ твердо держались его преемники, мысль подкрѣ-

¹ Милутиновича, *Исторія Црне-Горе*, стр. 2.

² *Arhiv za povestnost Jugoslavensku*, кн. II, отд. I, стр. 36. — Schimek's *Polit. Gesch. d. K. Bosniens u. Rama*, стр. 88. Примѣчаніе. — Engel, *Gesch. v. Serbien u. Bosnien*, стр. 359. По свѣдѣтельству Юмича (*Zemljor. i poviestn. Bosne*, стр. 107), вымышленна Сутинска есть то же, что Трѣстивница.

пить свои права на королевский престолъ и на Сербскія владѣнія чрезъ связь съ Сербскими царями: по этому онъ назвался Стефаномъ и въ вышнихъ вступленіяхъ, которыми начиналъ свои королевскія грамоты, по призыву христовуловъ Сербскихъ королей и царей, обращался къ первомученику Стефану, издавалъ грамоты, какъ и Душанъ, сообщая съ матерью, госпою Кира Славномъ, и супругою, госпою кралицою Кира дородомъ, подтверждавъ грамоты Сербскихъ царей; наконецъ, вотъ какъ, въ 1378 году, выразился онъ о своемъ правѣ на Боснійскій и Сербскій престолы въ то время, когда Лазарь уже вѣнчался на царство: Такжеже и мене своимъ рабъ да матъ своего брата даровъ процисти ми Брасанъ бгослдиъ къ роду моему и сибли ме свѣтимиъ княземъ яко оубо владнустени исправати ми прѣтъи ѿ испрѣва въ бгодароканниши илии земли босит. потомже господъ мойи богъ сиблишии ме насладовати престолъ мой пррднтель госпе срьбьскии земли бо ти бѣхъ мой пррднтелии въ земльшии чрѣтъ чрѣтвоваше и на небное чрѣство прселанисе. мене же видѣшъ землю пррднтель мой по нихъ оставльшии и ме имѣшъ своего пастира. И идохъ къ срьбьскию землю жаламъ и хоте зирѣити престолъ родителъ мойи: тамо (въ Милишево) шѣшъ ми княземъ бѣхъ бгомъ ддроканнии ми княземъ на кралицтво пррднтель мойи. яко бити ми ѿ хъ исхсе блгоктромомъ и богомъ поставленномъ Стефанъ Кралю Срьбьскимъ и босиъ и поморию и западнимъ странамъ (С. № 66). Во всемъ этомъ видѣнъ человекъ новый, желающій отрѣшиться отъ прошедшаго и упрочить за собою то, что приобрѣтено имъ въ настоящемъ. Главною цѣлью Твртка было внушить, что онъ уже не прежній банъ, стоящій въ уровеньъ съ боярами и зависящій отъ Угорскихъ королей, но независимый вѣнчанный король, потомокъ царствующаго дома. Такого дома онъ не нашелъ въ прошедшемъ Босны и по тому привязалъ себя къ прошедшему Сербіи. Жаль, что ни отъ той, ни отъ другой супруги не имѣлъ онъ дѣтей; у него остался только незаконный сынъ, Твртко.

Больше права на престолъ Босны имѣлъ Дабыша, сынъ Мирослава, третьяго брата Стефана Котромановича, и двоюродный братъ умершаго короля Твртка Владиславича. Въ своихъ грамотахъ Дабыша называетъ этого послѣдняго своимъ братомъ (С. NN № 81, 179)¹. Возстаніе сильнаго боярина Вука Храны лишило Дабышу возможности продолжать дѣло независимости, начатое его предшественникомъ: онъ долженъ былъ искать опоры въ признаніи верховной власти Угріи и при этомъ утратить Далматскія завоеванія Твртка. Но въ 1394 году въ грамотѣ его, сохраненной Керчеличемъ², уже видимъ подпись воеводы Сандаля, сына Вука Храны: слѣдовательно, Сандаля стоялъ на его сторонѣ. Можно заключить, что въ этомъ году уже не былъ въ живыхъ противникъ короля; но за то въ этомъ же году къ границамъ Босны подходилъ другой, сильнѣйшій врагъ, Баязидъ I. Дабыша тѣснѣе соединился съ Угрією, видѣлъ поражение Сигизмунда при Никополѣ и думалъ только объ укрѣпленіи своихъ восточныхъ границъ. Онъ умеръ въ 1396 году. Онъ подписывался

¹ Енгель, писавшій свою Исторію большею частію по готовымъ руководствамъ, не разъ противорѣчитъ самъ себѣ: такъ Котромана смѣшиваетъ съ сыномъ его, Стефаномъ; такъ Мирослава называетъ братомъ Котромана (Gesch. v. Serv. u. Bosn., стр. 313), а въ другомъ мѣстѣ (тамъ же, стр. 349) правильно признаетъ Дабышу двоюроднымъ братомъ Твртка и пр. Надобно замѣтить, что Орбини признаетъ Дабышу одноутробнымъ братомъ Твртка. См. стр. 176, 278.

² Schimek's Polit. Gesch. d. K. Bosn. u. Rama. Str. 92. Примѣчаніе.

вѣстѣ съ супругою: Стефанъ дѣлши Милостно Гѣ Бѣ Крѣль Сръемльи воеми и приморно НГОСНОЕ Краљица Крѣ Елена. Въ грамотѣ, подтверждающей за жупаномъ Вукширомъ съ братьями село Коло, подписались свидѣтели и ручники отъ слѣдующихъ земель: Босны, Хлума, Дольнихъ Краевъ и Усоры (С. № 179). Другую грамоту (С. № 81) Дабыша далъ въ 1392 году Дубровнику, гдѣ подтверждалъ всѣ прежнія записи Сербскихъ и Боснійскихъ владѣтелей и требовалъ себѣ Сербской дани, 2000 перв.; въ ней онъ держитъ совѣтъ и присягаетъ вѣстѣ съ королевою Еленою (внуче Цвѣтою). Грамота имѣетъ вступленіе; Трестевница названа «славными королевскимъ дворомъ». Но грамота, находящаяся у Жерчелича, дана въ Сутискѣ. Въ ней Гойко Маривичъ за услуги, оказанныя въ войнѣ съ Турками, награждается Войницею и полемъ Годисло. Отсюда узнаемъ также, что и Боснѣ досталось отъ Баязида: *quando venit Rajait et depopulatus est Bosnam valde et stetit in Naglasincis et detruxit Bosnam*¹. При Дабышѣ Римско-католицизмъ дѣлалъ успѣхи въ Боснѣ. Уже Тврѣтко Владиславичъ за годъ до своей кончины позволилъ архіепископу Сплитскому брать десятину съ мирялъ и духовенства; и онъ поступилъ такъ изъ уваженія къ Римско-католической вѣрѣ, *cujus plantulam me tescolo*—говорилъ онъ. При Дабышѣ тѣсная связь съ Угріею, паденіе Сербіи и Турецкая гроза, заставлявшая ждать помощи только отъ Запада, много способствовали успѣхамъ Римско-католицизма.

По смерти Дабыши не осталось законнаго наследника. Тврѣтко Тврѣтковичъ объявлялъ свои притязанія на Боснійскій престолъ и для большей прочности вступилъ въ сношенія съ Турками. Бояре не хотѣли повиноваться ему, какъ незаконному сыну прежняго короля, и избрали Остою Крестича. Остоя былъ сынъ Павла Крестича изъ рода Яблановичей. Этотъ родъ имѣлъ большія владѣнія въ Травуни, а сторонникъ его, Сандалъ Вуковичъ, въ Хлумѣ. Отсюда понятно, почему сторона Остои была преимущественно боярская и опиралась на южную приморскую Босну, тогда какъ Тврѣтко держался въ сѣверной, внутренней. Остоя, чтобы еще болѣе усилиться, принялъ сторону Владислава Неаполитанскаго, соперника Сигизмунду Угорскому. Но оба притязателя забыли о Сигизмундѣ Угорскомъ, который, въ 1394 г., въ договорѣ съ Дабышею, признанъ былъ не только верховнымъ повелителемъ Босны, но и законнымъ наследникомъ послѣдняго: *post mortem praedicti Domini Stephani Dabisciae in vestrum verum dominium naturalem assumeretis, haberetis et teneretis (Sigismundum)*². Они забыли, что Сигизмундъ, не смотря на свои неудачи, долги, крамолы, жестокость и великую любовь подданныхъ, бывалъ иногда счастливъ въ своихъ предпріятіяхъ. Такъ и теперь, оразивъ Баязида I, подошедшаго къ Боснѣ въ 1398 г., онъ завоевалъ сѣверную часть Босны и надъ новыми банатами поставилъ воеводою Гервою, туземнаго боярина. Гервоя былъ родомъ Хорватъ, но отуземился въ Боснѣ и при Дабышѣ; въ грамотѣ этого послѣдняго отъ 1392 г. (С. № 81); уже упоминается воеводою во главѣ свидѣтелей; въ грамотѣ того же отъ 1395 г. онъ, какъ воевода, свидѣтельствуетъ отъ Дольнихъ Краевъ (С. № 179). Это былъ самый лживый человекъ, любилъ крамолы, игралъ вѣрностію, мѣнилъ власти и былъ измѣнникомъ отечеству; причиною всему было его чрезвычайное честолюбіе. Трудно опредѣлить настоящую цѣль его стремленій; не видно, чтобы онъ добивался королевскаго вѣнца и независимости; онъ хотѣлъ, кажется, владѣть своими повелителями и ворочать всѣмъ подъ ихъ име-

¹ Schimek's Polit. Gesch. d. K. Bosn. u. Rama. стр. 91.

² Lucina, De regno Dalm. et-Croat., кн. V, гл. III.

неств. По крайней мере, это иными томяно: се. всѣмъ важнѣйшими переворотами, потрясавшими Босну въ продолженіи четверти столѣтія. Дѣламъ Гервою воеводой надъ Угорскою Босною, Сигизмундъ хотѣлъ чрезъ это ослабить обонку не признавшихъ его, соперниковъ; но Гервою, слѣдуя своимъ видамъ, принялъ сторону сильнѣйшаго, Остою, и былъ названъ *supremus vauvoda regni Bosniae et vicarius regni Wladislai et Ostoyae*. И Тврътко и Остою писались королями; но что послѣдній былъ сильнѣе, это знали Дубровничане и съ нимъ заключали договоры. Мы имѣемъ таковыя грамоты до августа 1399 года. Въ первой, отъ 1398 г., 20 ноября (С. № 83), Остою величается королемъ Сербіи, Босны, Приморья, Хлуна, Западныхъ странъ, Долиныхъ Краевъ, Уоары, Соли и Подранья; но въ другихъ двухъ, отъ 1399 г., 15 янв. и 5 февр., (С. NN№ 84, 85), послѣднія четыре области съ титулъ его не упоминаются, что можно объяснить или завоеваніями Сигизмунда, или случайностію, но имѣющею значеніа; ибо во первыхъ, король не могъ отказаться отъ своего титула, хотя бы часть этихъ земель ему и не принадлежала; во вторыхъ, въ грамотѣ 1400 года мы снова встрѣчаемъ полный титулъ¹. Въ этихъ грамотахъ Остою подтверждаетъ дружбу и права, дарованныя Дубровнику прежними Боснійскими и Сербскими владѣтелями, которыхъ называетъ своими прародителями и родителями (С. № 85); принимаетъ на себя долгъ «брата» своего Тврътка Владиславича (С. № 83); даритъ Дубровнику все Приморье отъ Курила до Стона (С. № 84) и беретъ Сербскую дань 2000 перп. (С. № 85). Свидѣтели подписаны: воевода Гервою, князь Павелъ Радивичъ, воевода Сандаалъ и др. Въ 1400 году, Остою награждалъ Гервою и сына его, Балшу, градомъ Ливномъ съ жупою; но замѣчательно, что въ грамотѣ своей онъ вставлялъ условіе: *егда Господь Богъ наречитъ мѣ наследника и господина ва земляхъ родителей и прародителей моихъ*, какъ будто бы въ это время онъ не имѣлъ дѣйствительнаго владѣнія, а былъ только по названію королемъ. Какъ же согласить съ этимъ сейчасъ описаннымъ распоряженіемъ его и то, что сказали ему Ливенскіе старожилы съ капитулою, которымъ было поручено отъ него разобрать поземельныя владѣнія въ Ливіи: *господине, одъ корена немчере ино (никого другаго) ни е хлчико и градъ бистръчки, него твоега прьвога било и сада (теперь) твое, воланъ е дрѣжати, воланъ е оддати?* Между свидѣтелями встрѣчаемъ также и Павла Радивича и Сандаала и др.² Не относится ли это условіе къ нѣкоторой части Боснійскихъ владѣній, находившихся въ рукахъ Тврътка, или кого другаго? До 1404 года обстоятельства благоприятствовали Остою, и это время было для него самымъ цвѣтущимъ: самъ Тврътко признавалъ его королемъ, когда въ грамотѣ, данной Дубровничанамъ въ 1405 году, 24 іюня (С. № 89), называлъ его «бывшимъ королемъ Босны». Владиславъ Неаполитанскій овладѣлъ всею Далмаціею и въ 1403 г., подъ покровительствомъ папы, былъ провозглашенъ Угорскимъ королемъ. Гервою одѣланъ Сплитскимъ воеводою и названъ: *regnum Dalmatiae, Croatiae vice-rex ac regni Bosniae summus vauvoda nec non partium inferiorum comes, dux Spalati etc.* Тврътко, захватившій сокровища прежнихъ королей, былъ силенъ и могъ поддерживать свое войско; но Остою, не имѣвшій таковыхъ средствъ, еще въ 1401 году принужденъ былъ откати у Дубровничанъ уступленное имъ Приморье. Юнкъ прицалу войнъ видати въ негодо-

¹ Arkiv za povéstnicu Jugoslavensku, II, I, стр. 36.

² Тамъ же.

дали Остою на то, что Дубровничане безъ его согласія купили у Сандаля Коцавля съ нѣсколькими селами въ Приморья¹; но это цѣвѣрно, ибо Сандаля уступилъ Дубровнику свою часть Коцавля только уже въ 1419 г., какъ свидѣтельствуеъ его грамота (С. № 96). Открылась война. Дубровничане отразили его воеводу и захватили часть Хлума. Это послѣднее обстоятельство и, быть можетъ, промѣя Дубровничанъ были причиною того, что Яблановичи, и съ ними Гервоя, отложились отъ Остою. Въ 1404 году, 15 января, мы находимъ грамоту (С. № 88), въ которой Гервоя и Дубровничане взаимно обязываются быть противъ короля Остою; Гервоя обѣщаетъ послать войско въ Хлумъ и провозгласить сдѣсь королемъ Павла Радивича (Радивовича), а Дубровничанъ всю силою поддержать доваго короля. Остою хотя и примирился съ Дубровничанами, но уже было поздно: онъ обжалъ къ Туркамъ; а въ 1405 году, въ грамотѣ отъ 24 июня (С. № 89), данной Тврткомъ, на сторонѣ этого стояли свидѣтелями и Павелъ Радивовичъ, и Гервоя, и Сандаля съ братомъ. Твртко утвердилъ за Дубровничанами все Приморье до Стома и всѣ прежнія права и договоры и учредилъ судъ для разбирательства споровъ, вознившихъ въ послѣднюю рать Общины съ Остою. Сдѣсь онъ ведичается королемъ Сербовъ, Босны, Приморья, Хлума, Дольнихъ Краевъ, Усоры, Соли, Подринья и Западныхъ странъ. Остою названъ бывшимъ королемъ Босны. Можно думать, что въ это время его уже не было въ Боснѣ. Однако Твртко, по его примѣру и по убѣжденію Гервоя, поддакъ подѣ покровительство Владислава. Сигизмундъ вошелъ съ войскомъ въ Босну и палилъ Твртка; Гервоя и Сандаля покорились ему. Но Сигизмунду нельзя было показатъ надѣ побѣжденнымъ всей своей жестокости: онъ долженъ былъ беречь ихъ противъ Остою, грозившаго изъ Турціи. Ограничившись казнію болѣе ста второседецныхъ бояръ, онъ удержалъ при себѣ Твртка и Гервою, изъ коихъ послѣдняго даже подтвердилъ въ достоинствѣ Сплитскаго воеводы; Сандаля оставилъ въ Боснѣ. Баномъ надѣ Босною сдѣлавъ былъ Германъ, графъ Цильскій, тесть Сигизмундовъ. Между тѣмъ Остою явился съ Турецкимъ войскомъ; Сандаля соединился съ нимъ, и Остою снова успѣлъ овладѣть южною Босною. Дубровничане заключили съ нимъ договоръ, въ 1409 г., 4 декабря (С. № 92), и получили подтвержденіе всѣхъ прежнихъ правъ. Остою именуется и подписывается просто Краль Босня и Ктомъ; вѣроятно, онъ владелъ многими землями. Между свидѣтелями мы не видимъ уже прежнихъ воеводъ, ни князя Павла Радивовича, ни Сандаля; подписываются почти одни только его родичи и между ними супруга его, Куява, и сынъ Стефанъ. Замѣтитъ, что сдѣсь грамота, относительно имени королевы, противорѣчитъ съ повозашіями Лукари и Орбини, по коимъ первая жена Остою называлась Грубою, съ которою онъ развелся въ 1415 г., и потомъ женился на Елицѣ, дочкѣ Гервоя. Шимекъ, а за нимъ Енгель и Юничъ рассказываютъ, что Остою, бывши къ судтану, оставилъ у него заложникомъ сына своего, Радивоя. Шимекъ взялъ его извѣстие у Лукари²; не извѣстно, какъ осторожно должно пользоваться этимъ, въ высшей степени цѣвѣрнымъ дѣлописцемъ. Грамота свидѣтельствуеъ, что у Остою былъ сынъ Стефанъ, который находился при немъ. Дюренъ какъ бы догадывается о существованіи этого Стефана, называлъ его то Остончемъ, то Остою и довольно сходно съ грамотами назвалъ годомъ его воцаренія 1415 годъ; но Радивой онъ ошибочно признаеъ его

¹ Zemljopis i poviestnica Bosne, стр. 111.

² Annali di Raissa, стр. 80.

сыномъ¹. Скажутъ, что у него могъ быть другой сынъ; но объ этомъ ни одна лѣтописецъ не даётъ никакого извѣстія: самъ Лукари повѣствуетъ о Радивоѣ, какъ объ единственномъ законномъ сынѣ, по чему и Шимекъ называетъ его ein ehelicher Sohn: ясно, что тутъ разумѣть должно какого нибудь боярина, или незаконнаго сына Остои, брата Томи Остоича. У Лукари Радивой играетъ весьма незначительную роль, даже онъ не наследуетъ отцу и не принимаетъ участія въ дѣлахъ по престолонаслѣдію: Стефанъ, сынъ Остои, сдѣлавшись королемъ около 1419 г. и даруя грамоты Дубровнику (С. NN^o 95, 97), приводитъ свидѣтелии мать и влестелей, но не упоминаетъ ни о какомъ братѣ, чего не дремнула бы сдѣлать по общему обычаю того времени. Все это заставляетъ думать, что Лукари и его послѣдователи ошиблись, и незаконнаго сына сочли законнымъ. Въ слѣдствіе новой измѣны Гервой, Остою долго, до самой своей смерти, оставался королемъ. Сигизмундъ долженъ былъ бороться съ Турками, которые по приглашенію Гервой рады были стать твердою ногою въ Боснію. Не стерпѣвъ одной частной обиды въ Угріи, Гервой сталъ ссылаться съ султаномъ Магомедомъ; Сигизмундъ лишилъ его за то Сплитскаго воеводства, но Гервой сталъ во главѣ Турецкаго войска и ввелъ его въ Босну. Турки обривали цѣлый санджакъ изъ завоеванныхъ областей; но обманули Гервою въ честолюбивыхъ его замыслахъ, и Гервой съ досады, не надѣясь уже болѣе ни на кого, обманувши всѣхъ и подъ конецъ самъ обманутый, удалился въ свои наследственные владѣнія въ Которъ, гдѣ, не много спустя, и умеръ. Сигизмундъ возвратилъ Твртка въ Босну и съ помощію его разбилъ и выгналъ изъ Босны Турокъ въ 1418 г. Твртко былъ возстановленъ въ королевскомъ достоинствѣ съ призваніемъ верховной власти Угріи. Около этого времени, въ южной Босніи умеръ Остою и ему наследовалъ сынъ его Стефанъ. Лукари, а за нимъ Шимекъ, Енгель и Юкичъ разказываютъ по этому случаю цѣлую исторію; что будто бы Остою, обидявъ, сталъ тѣснить народъ, за что народъ взбунтовался и провозгласилъ королемъ Стефана Остоича. Лукари не говоритъ, кто былъ этотъ послѣдній; Шимекъ уже прибавляетъ, что это былъ знатный и любимый бояринъ²: Енгель, слѣдуя Филипу ab Ochievia, называетъ его Стефаномъ Яблановичемъ³. Филиппъ ab Ochievia и Орбини могли взять это извѣстіе изъ Лукари; ибо Остоичи и Яблановичи были одного рода. Это извѣстіе не далеко отъ истины: стоило бы только Стефана Остоича или Яблановича назвать сыномъ Остои. Ихъ послѣдователи, Шимекъ и Енгель, уклонились отъ истины, смущенные призракомъ Радивоя. Енгель даже прямо отвергаетъ прозвище Остоича, приданное ему у Лукари. Юкичъ, поправляя ошибку Енгеля и называетъ Стефана Остоичемъ, сыномъ Остои. Остою бѣжалъ къ Султану; получилъ отъ него войско и сына Радивоя, добылъ часть земель и всѣ трое, Твртко, Стефанъ Остоичъ и Остою, раздѣлили между собою Босну. Стефанъ исчезаетъ съ 1423 года; а Остою королевствуетъ до своей смерти, или до 1435 года. Послѣ него Радивой ищетъ престола; но, побѣжденный Тврткомъ, бѣжитъ въ Дубровникъ. Подобный разсказъ находимъ и у Орбини и Дюрена⁴. Орбини повѣствуетъ, что Радивой, бѣжавши въ Дубровникъ, во-

¹ Famil. Dalmat. et Slavon., гл. IX, § XXIII.

² Polit. Gesch. d. K. Bosn. u. Rama, стр. 106.

³ Gesch. v. Serv. u. Bosn., стр. 336.

⁴ Стр. 283.

⁵ Famil. Dalmat. et Slavon., гл. IX, § XXII.

лучилъ отъ Тврътки во владѣніе мѣстечко, называемое *Kisela Voda* и что вскорѣ потомъ умеръ отъ пьянства. Между тѣмъ мы встрѣчаемъ его въ послѣдствіи убійцею Оомы Кристича и баномъ Яйца. Юкичъ также замѣчаетъ это противорѣчіе и спрашиваетъ: не было ли у Остои двухъ сыновей, которые оба назывались Радивоичи? Вообще дѣло о Радивоѣ остается пока неразрѣшеннымъ. Вѣроятно, лѣтописцы смѣшиваютъ какого нибудь боярина Радивою съ незаконнымъ сыномъ Остои того же имени. Но во всей этой повѣсти нѣтъ истины. Тѣмъ Остонъ исчезаетъ при первомъ соприкосновеніи съ грамотами его сына: въ нихъ Стефанъ Остоичъ прямо называетъ своего отца, Остою, «святѣйшимъ»; а объ его грамоты даны были еще въ 1419 году. Остою подписывался: Стефанъ Остонъ король Сръблемъ Босни и приморью. Сутишка и Высокое (Подвысокое) названы въ его грамотахъ королевскими дворами. Въ 1419 году, 5 марта, Стефанъ Остоичъ далъ Дубровничанамъ грамоту (С. № 95), въ которой подтверждалъ всѣ прежнія грамоты и договоры и требовалъ себѣ 2500 перперовъ Сербской дани. Грамота дана въ Звечанѣ, а королевскимъ дворомъ названъ Бобовець. Въ томъ же году, 4 декабря, другою грамотою (С. № 97), подтвердилъ онъ за Дубровникомъ жупу Коनावле, подаренную городу Сандаломъ и Петроу Павловичемъ Яблановичемъ. Здѣсь Сутишка названа стольнымъ мѣстомъ королевства. Между свидѣтелями не видимъ ни Сандала, ни Павла Радивовича; только является сынъ послѣдняго, воевода Петръ Павловичъ: впрочемъ всѣ они стояли на его сторонѣ, ибо иначе онъ не могъ бы подтверждать ихъ записей, данныхъ Дубровнику. Въ это время Павелъ Радивовичъ уже не былъ въ живыхъ. Дюфрени считаетъ 1435 годъ годомъ смерти Стефана Остоича; Ассемани¹ назначаетъ для того 1422 годъ, Шимекъ 1423, Юкичъ 1424 годъ; но опираясь на то, что въ грамотѣ 1421 года, 18 августа (С. № 103), Тврътко беретъ Сербскую дань 2500 перп., ту самую, которую бралъ прежде Стефанъ Остоичъ (С. № 95), и подтверждаетъ всѣ прежнія записи королей Сербскихъ и Боснійскихъ, а въ томъ числѣ записъ Остои относительно Приморья, данную въ 1399 г. (С. № 84); опираясь на то, что имя Сандала, какъ великаго воеводы Босны, уже стоитъ въ началѣ именъ другихъ свидѣтелей, а также и на то, что его записъ о Коनावлѣ подтверждена Твръткомъ еще въ 1420 году, 16 авг. (С. № 99), можно съ достовѣрностію заключить, что Остоичъ умеръ ранѣе августа 1420 года, и по его кончинѣ Сандалъ перешелъ къ Тврътку. Въ первой грамотѣ Остоича (С. № 95) приводятся свидѣтели отъ Босны, Хлума и Дольнихъ Краевъ. Оставшись одинъ королемъ Босны, Тврътко мирно управлялъ народомъ и заслужилъ названіе справедливаго. Еще 22 іюня 1443 г. онъ просилъ у Дубровничанъ возвращенія вклада, положеннаго имъ въ ихъ городъ (С. № 135), но, по достовѣрнымъ изысканіямъ Шимка, умеръ въ этомъ самомъ году². Онъ умѣлъ сберечь свое государство, хотя въ восточныхъ его предѣлахъ водворились Турки, кони платилъ онъ ежегодную дань, 2000 червонцевъ (въ послѣдствіи увеличенную), Православные и Патарены пользовались его постояннымъ покровительствомъ; онъ ссорился за то съ папою и Сигизмундомъ, былъ въ плѣну и умѣлъ всегда оправдаться. Въ 1433 году папа назначилъ въ Босну своего викарія, Якова Пидена, назвавшагося *inquisitor haereticae pravitatis*. Яковъ обвинилъ въ ереси самого Тврътка, Сандала, Ра-

¹ Тамъ же.

² *Kalend. Eccles. univers. Romae 1783.* Т. V, гл. 3, стр. 76.

³ *Polit. Gesch. d. K. Bosnien u. Rama*, стр. 115. Притѣченіе.

дослава Павловичи и другихъ знатныхъ бояръ, но Тврътко отдѣлился отъ него, поддерживая его, осору съ Миноритами, и посылалъ въ Римъ зарочнаго, чтобы оправдать свое королевство отъ обвиненія въ Манхейвиѣ. Въ 1426 году онъ титуловался: *Stephanus Tvartho Tvarthovitiua, rex Serbliae, Bosnae, maritimarum Chulmenaium terrarum, Dalmatiae, Croatiae partis inferioris, occidentaliump partium, Usogiae, Soliae, Podgriae, etc.*¹, — почти такъ же какъ и въ 1405 году (С. № 89), что показываетъ, что онъ уже одинъ былъ король всей Босны. Подпись его такова: *Штефанъ Тврътко Тврътковиць король Сръблякъ Босни приморья и ижеи*. Въ грамотахъ 1420 года Высокое называется королевскимъ дворомъ, а въ грамотѣ 1433 года Сутишка названа столеннымъ мѣстомъ. Нѣтъ надобности говорить, что какъ Тврътко, такъ и Остон и сыны его, не имѣвшие полнаго права на престолъ, одниъ какъ незаконнорожденный, другіе, какъ люди боярскаго происхожденія, чтобы освятить права свои, прибѣгали къ общему обыкновенному средству: присягали вѣгью «благатаго корня родителей и праотцетей своихъ, царей Боснійскихъ и Сербскихъ, племеней и истинными наследниками въ земляхъ своихъ предковъ, Боснѣ и Сербіи».

Еще въ 1427 году, 2 сентября, Тврътко II заключилъ съ Германомъ, графомъ Цильскимъ, рожденнымъ отъ Катерины, дочери Тврътка I, договоръ, по которому уступилъ Герману, въ случаѣ своей бездѣтной смерти, королевство Боснійское. Теперь Германъ объявилъ свои притязанія; но врагъ его, Иванъ Гунядъ, помогъ боярамъ и народу возвести на Боснійскій престолъ побочнаго сына Остон, Ѳому Остонча Кристича Ѳома, по всему вѣроятію, былъ незаконнымъ сыномъ Остон и роднымъ братомъ Радивоя. Въ нашихъ грамотахъ, въ одной (С. № 136) онъ называетъ Остою своихъ отцомъ, а въ другой прямо величаетъ себя Остончемъ (З. А.). Орбини, Дюренъ и другіе называютъ его сыномъ боярина Кристича или Яблановича; Юкичъ считаетъ его законнымъ сыномъ Остон. При Ѳомѣ папа сильно дѣйствовалъ въ дѣлѣ вѣрообращенія; но сначала Ѳома не склонялся подъ влияніе папы, хотя ему и обѣщано было вѣнчаніе: онъ боялся раздражить православныхъ, Манхейцевъ и Турокъ. За то Стефанъ Косача, стремившійся къ независимости, объявилъ себя ревностнымъ Римо-католикомъ и испробовалъ себя въ 1444 г. у императора Фридриха герцогное званіе на всѣхъ правахъ герцоговъ Римской имперіи, по чему и Хлумъ назвался герцогствомъ или воеводствомъ св. Савы². Боясь столь сильнаго соперника, Ѳома долженъ былъ обаяться съ папою и Угрією: ему нужно было, во что бы то ни стало, укрѣпиться на престолѣ. Посредникомъ былъ хитрый и ревностный легатъ Томазини. Прежде всего Ѳома крестился отъ руки этого легата, потомъ повторилъ свои права на королевскій престолъ, назвавшись Стефаномъ, испробовалъ, въ 1444 г., чрезъ Гуняда подтвержденіе отъ Угорскаго короля, женился на Катеринѣ, дочери Стефана Косачи, наконецъ получилъ отъ папы грамоту, въ которой былъ признанъ законнымъ сыномъ и наследникомъ Остон, въ 1446 г. Повстанія бывшаго по этому случаю собора клонились къ ограниченію Патрарховъ и герцоговъ св. Савы. Дубровникъ получалъ отъ него, въ 1444 г., подтвердительную грамоту и обязался платить Сербскую дань, 2500 перп. (С. № 136). Прозорливый Косача обра-

¹ Шимекъ, тамъ же, стр. 107.

² Мощи св. Савы почитали въ Герцеговинѣ, въ Миледевскомъ монастырѣ, основанномъ королемъ Владиславомъ.

тился теперь въ другую сторону: сблизился съ Патаревами¹ и Иванишемъ Радославичемъ, который тоже изъ Римо-католика сдѣлался Патареномъ. Томашини убѣдилъ папу объявить крестовый походъ противъ еретиковъ; но походъ не состоялся, ибо боялись, чтобы еретики не призвали Турокъ. Ома, въ угожденіе папѣ, гналъ еретиковъ, обложилъ ихъ податью для Францисканцевъ и вошелъ въ союзъ съ Дубровникомъ противъ Стефана Косачи, 1451 г., 18 дек., общая объявить войну Стефану и не заключать съ нимъ мира безъ вѣдома и согласія Дубровничанъ (С. № 140); но и на этотъ разъ Турки остановили предпріятіе Короля. Ихъ постоянное усиленіе на границахъ Босны страшило Ому. Не разъ просилъ онъ помощи у папы и императора; но всегда одному только Гуняду приходилось отбивать страшнаго врага. Между тѣмъ Константинополь былъ взятъ (1453), Гунядь умеръ (1456), Угрія волновалась крамолами графовъ Цильскихъ, а внутри Босны все не-Римско-католическое населеніе было вооружено противъ Короля и Римо-католиковъ. Въ 1459 году, при осадѣ Хорватскаго замка Бѣлая, Ома былъ убитъ своимъ незаконнымъ сыномъ Стефаномъ и роднымъ братомъ Радивоємъ. Этого Радивоя Ома называетъ, въ своей грамотѣ 1446 года², роднымъ братомъ и баномъ Яйца. Вотъ по чему можно допустить, какъ сказано мною выше, что онъ былъ второй незаконный сынъ Остои, находившійся долгое время заложникомъ въ Портѣ. При Омѣ въ Босніи было уже Турецкое краище (украина), образовавшееся изъ Сербскихъ земель и управляемое нашею: объ этомъ краищѣ упоминаетъ Косача, говоря: *дѣмоу на землѣ гюѣръ великомъ и гюѣ везирѣ и краишнику гюѣрѣкъ кон гюѣ вѣде на бѣлико краище* (С. № 143). Ома называлъ себя «истиннымъ сыномъ и наслѣдникомъ отъ святаго корня родителей и прародителей, королей Боснійскихъ» и подписывался: *Шефанъ Томашъ Краль Божиомъ Милостію Срьблемъ Босни Приморью Хомьщї земли Далмьци Херьвѣтомъ Донїемъ врьемъ Западинъ Странамъ и втомъ* (С. № 136). Въ другихъ грамотахъ (С. № 140; З. А.) онъ титулуется королемъ Сербовъ, Босны, Приморья, Хлумской земли, Долнихъ Краевъ, Усоры, Соли, Подринья, Западныхъ странъ и пр. и пр. Городъ Крешево названъ въ его грамотѣ (С. № 136) «славнымъ» въ смыслѣ стольнаго города. Только въ одной грамотѣ, которою онъ дарилъ грады Ключъ и Глазъ съ варошами, жупами и селами сыновьямъ покойнаго воеводы Иваниша Драгишича, встрѣчаемъ зарокъ, въ которомъ допущена возможность того, что на престолъ Боснійскій можетъ взойти иноплеменникъ, чего нѣтъ въ другихъ его грамотахъ. Сдѣсь Король налагаетъ прокляте за нарушеніе грамоты не только на себя и своихъ потомковъ, но и на иноплеменника: этимъ, безъ сомнѣнія, высказывалась мысль будущаго паденія Босны и подчиненія ея непосредственной власти или Угріи, или Турціи (З. А.).

Радивой остался по прежнему баномъ Яйца, а племянникъ его, Стефанъ Омичъ или, какъ звали его, Томашевичъ, сынъ Кристича, взошелъ на престолъ. Стефанъ искалъ себѣ опоры въ папѣ и тотчасъ объявилъ себя ревностнымъ католикомъ, прося королевскаго вѣнца. Матвѣй Корвинъ предупредилъ папу, сказавъ, что это право принадлежитъ Угорскимъ королямъ, и папа, какъ ни соперничалъ съ Матвѣемъ, долженъ былъ отказать Стефану. Между тѣмъ Стефанъ

¹ Подъ именемъ Патареновъ или Манихейцевъ часто должно разумѣть все православное населеніе Босны.

² См. у Шляма, Polit. Gesch. d. K. Bosn. u. Rama, стр. 120. — Орбини, стр. 285. — Palm, et Slaven., гл. IX, § XXII.

называлъ себя истиннымъ и законнымъ наследникомъ Боснійскихъ и Сербскихъ государей и сносился въ такомъ смыслѣ съ Дубровникомъ, подписываясь **Цифа Степанъ Божномъ Милостю Крале Босаньски** и тому и титулуясь: **Милостю вожномъ Цифа Степанъ Томашевиъ Крале сръблемъ босни приморью** дехисни земли дамацни хрватомъ доини краемъ зъ падниимъ страмаки. всоръ соли подринью и итени. Отъ него дошла до насъ грамота, данная въ 1458 г. какому-то логовету Степану (Ш. № 16). Въ ней онъ даритъ Степану, котораго называетъ «почетивимъ властелиномъ и вѣрнымъ слугою», села и людей въ потомственное владѣніе. Замѣчательны два условія; первое: Степанъ съ дѣтьми и домоиъ освобождается отъ военной службы, исключая тѣхъ случаевъ, когда или самъ Король идетъ на войну, или устанавливаетъ чрезвычайное, заурядное, ополченіе; тогда и его люди должны выступать въ поле. Второе: если Королю не удастся освободить Сербскія земли (отъ Турокъ?), и Степанъ съ дѣтьми, или съ деспотицею Еленою и ея дѣтьми прибѣжитъ въ его владѣнія, то Король обязывается кормить, кормить и содержать его приличнымъ образомъ противъ его службы и даже пожаловать ему еще людей сверхъ прежнихъ ста домовъ. Грамота напечатана въ отрывкѣ и по тому не позволяетъ достоверно узнать, кто такой логоветъ Степанъ и кто такая деспотица Елена. Стефанъ подтвердилъ Дубровнику всѣ прежнія права и записи и вытребовалъ Сербскую дань перп. Грамота дана 1461 года, 23 ноября, въ стольномъ городѣ Ягда (Ш. № 150). 25 ноября того же года онъ далъ Дубровнику еще четыре грамоты, обязуясь платить долгъ своего отца Томи (С. NN № 151, 152), дарить Дубровницкимъ купцамъ свободу торговли въ своихъ земляхъ (С. № 153), позволяя деньгамъ Дубровницкимъ ходить по прежнему въ Боснѣ (С. № 154). Не разъ пытался онъ освободиться отъ Турецкаго ига. Въ 1459 году, 3 июня, онъ издалъ грамоту, въ которой объявлялъ всѣмъ своимъ вѣрнымъ вооруженіе противъ Турціи. Изъ этой грамоты можно отчасти познать о сѣ сѣ предѣлахъ Босны; сдѣсь, кромѣ другихъ лицъ, поименованы: Савва Косача, воевода св. Савы, Радивой Ябляновичъ, дядя Короля, банъ Стефанъ Станичъ, воевода Приморья, Момчило Томановичъ, банъ Усори, Ковчичъ, воевода Пунга, Вукъ Гребляновичъ, князь Ливна и воевода Прусы, Кучичъ, воевода Зворника и Мачвы, Вучичъ, воевода и правитель Расы, Алтомановичъ, правитель Сербіи, Веселичъ, воевода Новаго Града близъ Дубровника и правитель Приморья, и Маркомаръ Бранковичъ, воевода Цетинья. Сборъ былъ назначенъ на Косовомъ полѣ. Сошлись уже многіе воеводы, Стефанъ не далъ битвы Туркамъ и увеличилъ имъ дань; потомъ ушелъ на Стефана Косачу, отказавшагося выставить войско. Последній же обратился къ Султану; но Султанъ, желая ослабить Косачу, рѣшилъ дѣло въ пользу Короля. Много было недовольныхъ: главнѣйшимъ изъ нихъ былъ Стефанъ Косача со всѣмъ не-Ринско-католическимъ населеніемъ. Паша Исакъ, недовольный, вторгнулся въ Босну съ юга и дошелъ до самого Дубровника, который тщетно осаждалъ. Наконецъ Магомедъ II рѣшился, во что бы то ни стало, покорить Босну. Стефанъ просилъ помощи у папы, просилъ вѣнца и латинскихъ епископовъ. Папа исполнилъ только два послѣдствія, успѣвши привириться и помирить Стефана съ Матвеемъ, оскорбленнымъ гнѣвъ, что вѣнчаніе совершено было вопиемо него и вопреки праву.

¹ Источники см. у Шички, *Politi. Gesch. d. K. Bosn. u. Rama* стр. 135, 131.

относительно же помощи, онъ только обѣщалъ хлопотать о содѣйствіи Венеціи и Угріи. И надѣясь на такое уклончивое обѣщаніе, Стефанъ отказалъ Султану въ дани, 25000 черв., и приготовился къ оборонѣ. Но тутъ-то и оказались всѣ дурныя послѣдствія вѣрноповѣднаго раздвоенія; Стефанъ не нашелъ ожидаемаго усердія въ своихъ подданныхъ, и 150000 Турецкаго войска вторглись въ Нижнюю Босну; Король былъ взятъ въ плѣнъ и, когда сдались всѣ его города, казненъ подъ Белаяемъ въ 1463 году. Такъ пало королевство Боснійское.

Теперь любопытно будетъ прослѣдить, на основаніи грамотъ, судьбу тѣхъ болгарскихъ родовъ, которые наиболѣе прославились въ Босніи при короляхъ.

Въ правленіе Дабыши, или, можетъ быть, еще Тврѣтка, 1391 года, 15 апрѣля, жупанъ Бѣлякъ и воевода Радичъ Санковичи уступили Дубровнику жупы Комавле съ городомъ Соколомъ и Виталину съ островомъ Молунтомъ (С. № 78). Изъ ихъ грамотъ видно, что они владѣли въ Травуни, Драчевицѣ (С. № 78) и Которѣ (С. № 79). Такая уступка показываетъ, что родъ Санковичей былъ однимъ изъ сильнѣйшихъ родовъ Босны, когда могъ произвольно дарить Дубровнику значительное количество земли и нѣмѣлъ подъ собою многихъ влестелей, засвидѣтельствовавшихъ вѣрность грамоты. Шимекъ, не показывая источника, но, вѣроятно, по Дюфрену¹, называетъ² Санка сыномъ Младена и говоритъ, что, по ходатайству Дубровчанъ, Тврѣтко далъ ему изъ прежней родовой его области, Хлума, небольшое «приморское» владѣніе Невесино. На сколько извѣстіе его вѣрно, можемъ судить изъ того, что Невесино упоминается въ грамотѣ племянника Сандалова, Стефана (С. № 120), какъ находящееся подъ городомъ Вѣначемъ; а по словамъ самого Шимка³, одни помѣщали Вѣначецъ на Врбасѣ⁴ около Банялуки, а другіе, вѣрнѣе, на рѣкѣ Ласвѣ выше Сараева. Во всякомъ случаѣ Вѣначецъ и Невесино лежали въ средоземьи Босны, а не при морѣ. Потому родъ Санковичей мало по малу исчезаетъ. Воевода Радичъ Санковичъ, по смерти брата своего, жупана Бѣляка, который въ 1399 году уже не находился въ живыхъ (С. № 86), былъ послѣднимъ значительнымъ представителемъ своего рода. Въ 1399 году онъ отправился къ королю Остоѣ и убѣдилъ его подарить Дубровнику Приморье отъ городской межи до села Длжи (Долгое?) и самъ уступилъ городу свое село Лисецъ, лежащее въ этомъ Приморьи.

Съ теченіемъ времени въ земляхъ, гдѣ владѣлъ родъ Санковичей, являются владѣльцами два другіе рода: Яблановичи и Храничи, кажется, родственные между собою. Родъ Яблановичей происходилъ изъ Зеты, гдѣ была земля Яблано, подаренная въ послѣдствіи Иваномъ Черноовичемъ церкви Николаи Вранинскаго⁵. Изъ грамотъ извѣстенъ первый Радичъ Яблановичъ (С. № 82), у котораго былъ сынъ, Павелъ Радичовичъ, упоминаемый, какъ воевода, въ грамотѣ Дабыши 1395 года (С. № 179). Будучи родичемъ короля Остои, Павелъ до конца жизни дѣржалъ его сторону и только во время отсутствія его, въ

¹ *Федипум, Senconis istius parentem, cum esse arbitror Mladinum Bosinensem banum, quis mox memoratus, Dufresne, Famil. Dalm. et Slavon., т. IX, § XVIII.*

² *Poht. Gesch. d. K. Bosn. u. Rama, стр. 83.*

³ Тамъ же, стр. 20.

⁴ На Землевицѣ Шафарика находимъ сдѣсь Winbas. По новѣйшимъ картамъ Невесино лежитъ въ дугѣ, образуемой Неретвою, на востокъ отъ Мостара.

⁵ Явлинковича, *Исторія Церне-Горе, стр. 12.*

1405—1409 г., стоялъ при Тьрткѣ. Въ 1404 г. Тервоя и Дубровничане хотѣли даже сдѣлать его королежъ вмѣсто Остон; но по собственному ли его отказу, или по его неспособности, или по чему либо другому, дѣло не состоялось. Онъ умеръ ранѣе 5 марта 1419 года, ибо въ грамотѣ Стефана Остонча отъ этого числа (С. № 95) свидѣтелемъ приводится его старшій сынъ, воевода Петръ Павловичъ. Въ томъ же году, 4 декабря, Остончъ подтвердилъ записъ Петра Павловича, уступившаго Дубровнику свою половину Конавльской жупы и лежавшаго въ ней города Сокола. По свидѣтельству Аппендини¹, владѣнія Сандаля простирались отъ Виталины до замка Сокола, владѣнія же Петра отъ Сокола по морскому берегу до Обода. Въ 1420 году, 30 мая, Сандаль объявилъ (С. № 98), что Петръ убить Турецкимъ пашею Исакомъ, начальникомъ новаго Турецкаго санджака, основаннаго на Боснійскихъ предѣлахъ, за измѣну султану. Половина Сокола и Конавля съ Ободомъ и Цавтатомъ и все, чѣмъ владѣли Павелъ и Петръ Павловичи въ Дольной Горѣ и Виталинѣ², перешло, по волѣ султана Магомеда, въ руки Сандаля и уступлено было Дубровнику. Въ томъ же году, 16 августа, Тьртко подтвердилъ эту уступку (С. № 99). Но у Петра былъ младшій (С. NN № 101, 102) братъ, Радославъ, который вступился за родовую собственность и отнялъ ее у Сандаля. Уже въ слѣдующемъ, 1421 году, 18 февраля, Дубровничане узнали, что Радославъ утвержденъ въ прежнихъ владѣніяхъ своего рода, и спѣшили заключить съ нимъ дружественный договоръ (С. № 100); черезъ три мѣсяца Радославъ Павловичъ подтвердилъ за Дубровникомъ свою половину Конавльской жупы, подаренную Общинѣ Сандаломъ. Но, вѣроятно, дѣло Радослава не обошлось безъ распри съ Дубровникомъ, который, въ его войнѣ съ Сандаломъ, держалъ, можетъ быть, сторону послѣдняго; ибо тутъ же Радославъ предавалъ забвенію всѣ взаимныя оскорбленія, возникшія со времени смерти Петра до перваго праздника Рождества Христова (С. NN № 101, 102). Петръ былъ убитъ въ 1420 году, и въ этотъ же году былъ первый праздникъ Рождества Христова, въ который они помирились; а 18 февраля, 1421 г., Дубровничане уже успѣли прислать грамоту Радославу. Въ 1423 году, 7 апр., Радославъ, возобновляя дружбу съ Дубровникомъ, повторилъ свое согласіе, вѣнословъ, на уступку своей части Сокола и Конавля, сдѣланную Общинѣ Сандаломъ (С. № 104): отсюда узнаемъ также, что Радославъ владѣлъ Травушіею и за нимъ еще оставалась часть Конавля. Наконецъ въ 1427 году, 31 декабря, не задолго до смерти Сандаля, онъ писался уже великимъ воеводою Босны, давалъ грамоту вмѣстѣ съ сыномъ, Иваншею, и начало грамоты списывалъ съ грамоты великаго воеводы Сандаля. Этою грамотою онъ окончательно уступилъ Дубровнику всю свою часть Конавля съ Ободомъ, Цавтатомъ, Дольной Горю и Виталиной, за что получилъ отъ Дубровника ежегодно 600 перп. и богатый дворецъ въ самомъ городѣ. По Аппендини³, онъ продалъ ее за 24000 цекиновъ. Кромѣ того, онъ выговорилъ себѣ $\frac{2}{3}$ земли въ Конавлѣ и право положить въ Дубровникъ 10000 червонцевъ по 5% (С. № 107). Около 1432 года Радославъ имѣлъ войну съ Дубровникомъ «по наговору злыхъ людей», а по словамъ Аппендини, за то, что хотѣлъ вторично взять деньги за свой удѣлъ въ Конавлѣ, однаж-

¹ Т. I, стр. 501.

² Всѣ эти мѣста лежали въ Конавльскомъ округѣ.

³ Т. I, стр. 502.

ды уступленный Дубровнику⁴; но при посредствѣ короля Тьръткѣ (С. № 116)¹ и султана Мурада заключилъ съ нимъ миръ въ 1432 г., 25 окт. (С. № 114), условия котораго заставляютъ подозрѣвать, что успѣхъ былъ на сторонѣ Дубровника. Радославъ обязывается извѣстить Порту о мирѣ съ Дубровничанами, что имѣютъ подтвердить и Дубровницкіе послы, находящіеся при Портѣ; онъ не можетъ прежде двухъ лѣтъ взять изъ Дубровника деньги, положенныя подъ условіемъ 5%, и отказывается отъ Дубровницкаго дохода, приходящагося на время войны, и отъ своихъ людей, которые въ эту войну перебѣжали въ Дубровникъ. Сынъ его, Иванишъ, не могъ въ это время присягать по своему малолѣтству, и по тому Радославъ далъ въ 1433 г., 25 марта; запись (С. № 117) въ томъ, что сынъ его, пришедши въ совершеннолѣтіе, подтвердить клятвенно всѣ условія договора. Около 1439 года Радославъ, стоявшій на сторонѣ Дубровника въ войнѣ этого послѣдняго съ Стефаномъ Косачею, подвергся нападенію, и городъ его Требине былъ взятъ непріателемъ. Это видно изъ грамоты его 1439 г., 19 авг. (С. № 127), которою онъ удостоверялъ, что всѣ деньги его, положенныя въ Дубровникѣ въ 1433 и 1437 годахъ, количествомъ 2800 червонцевъ и 300 перперовъ, получены имъ сполна съ ростомъ по 5%, и объявлялъ недействительными всѣ записи, данныя Дубровникомъ въ полученіи этѣхъ денегъ и захваченныя въ Требинѣ Стефаномъ Косачею. Въ 1441 году, 10 апрѣля, Радославъ еще подтверждалъ Дубровницкимъ купцамъ право свободной и безопасной торговли въ его владѣніяхъ (С. № 129); но въ 1442 году, 29 сент., сынъ его, воевода Иванишъ, уже извѣщалъ о смерти своего родителя, укрѣпляя за Дубровникомъ всѣ записи своего дѣда, отца и дяди и право владѣнія Коनावлемъ, Соколомъ, Виталиною, Цавтатомъ, Оболомъ и всѣмъ, что относится къ Коनावльской жупѣ (С. № 133). По этому несправедливо пишетъ Юкичъ, что будто бы Магомедъ II, завоевавши Босну и убивши Томашевича, погубилъ вслѣдъ за тѣмъ и Радослава Павловича, владѣвшаго Требинемъ, Поповымъ и смежными съ Дубровникомъ землями. Онъ могъ это сдѣлать съ наследниками Радослава, а самъ Радославъ давно уже не былъ въ живыхъ. Въ слѣдующихъ годахъ, 1443 и 1444, Иванишъ, какъ старшій въ родѣ, заступившій мѣсто отца, подписывается свидѣтелемъ въ двухъ грамотахъ Остоп (С. № 136; З. А.). Кромѣ Иваниша, Радославъ имѣлъ отъ супруги своей Теодоры (С. № 127) еще двухъ малолѣтнихъ сыновей, князей Петра и Николая, за которыхъ, въ 1442 году, Иванишъ обѣщалъ (С. № 133), что когда они достигнутъ 14 лѣтъ, тогда присягнуть на его запись. Имя этого Иваниша Радославъ, по обычаю своего времени, выставлялъ въ грамотахъ виѣстѣ съ своимъ именемъ, какъ бы желая тѣмъ показать своего законнаго наследника. Главнымъ городомъ Радослава былъ Борчъ. Кромѣ вышеупомянутой грамоты, мы не имѣемъ болѣе никакихъ извѣстій объ Иванишѣ. Въ слѣдующее царствованіе, именно, при Оумѣ Кристичѣ, родъ Яблановичей является въ послѣдній разъ въ 1454 году съ грамотою Петра и Николая Радославичей (С. № 145). Сдѣсь оба брата, находясь «въ полмой державѣ» своихъ родителей, подтверждаютъ Дубровнику всѣ прежнія записи дѣда, отца и брата и повторяютъ торговыя права, какими пользовались вѣстари Дубровницкіе купцы. Изъ грамоты можно, кажется, съ достовѣрностію заключить, что Иванишъ уже умеръ. Родъ Яблановичей си-

¹ Т. I. стр. 303.

⁴ Еще доказательство, что въ это время Тьрътко одинъ былъ королемъ всей Босны.

дѣлъ въ Травуни, и самое его положеніе условливалъ его государственную дѣятельность. Мы видѣли, что онъ постоянно держалъ сторону Остон и Остоича; безъ нихъ переходилъ къ Тврѣтку и, кромѣ того, находился въ частыхъ сношеніяхъ съ Дубровникомъ. Одна свѣтлая черта, засвидѣтельствованная самимъ Сандаломъ (С. № 98), отличаетъ дѣятельность этого рода: онъ не искалъ милости въ Портѣ у Турецкихъ султановъ, не опирался на ихъ фирманы, и даже одинъ изъ членовъ его, Петръ Павловичъ, заплатилъ жизнью за невѣрность султану.

Этой свѣтлой черты мы не видимъ въ дѣятельности другаго важнѣйшаго рода, Храничей. Родъ этотъ былъ сосѣднимъ съ Яблановичами; владѣнія его находились въ Хлумѣ и Конавлѣ. Родоначальникъ Храничей, Вукъ Храна, былъ Хлумскимъ бояриномъ и при Тврѣткѣ I сдѣлался Хлумскимъ воеводою. Въ 1422 году, 15 февр., сыновья его, Вукъ и Вукъ, получая право Венеціанскихъ гражданъ, назывались *figliuoli del Magnifico Chragno (Hranja) olim gran Contestabile del Re della Bossina*¹. Извѣстіе сынъ его Сандакъ, который уже въ грамотѣ Дабыши 1394 года стоитъ во главѣ свидѣтелей выше Гервол, со званіемъ воеводы²; какъ воевода Босны, приводится онъ между свидѣтелями въ грамотѣ Дабыши 1395 года (С. № 179); но въ обѣихъ грамотахъ отъ Хлумской земли свидѣтельствуешь его родичъ, Юрій Радивоевичъ, что заставляетъ догадываться, что Сандакъ считался воеводою всей Босны, оставаясь въ то же время туземнымъ бояриномъ Хлума. Послѣ Дабыши онъ сталъ на сторонѣ Остон, по тому, что владѣнія его находились въ южной Боснѣ, гдѣ усилился Остой. Въ 1405—1409 г. онъ перешелъ къ Тврѣтку; но, при появленіи Остон съ Турецкимъ войскомъ, снова принялъ сторону послѣдняго. Нуждаясь въ деньгахъ, онъ продалъ Венеціанамъ замокъ Островицу въ 1409 г., собралъ войско, но былъ разбитъ Сигизмундомъ въ Мачвѣ. Остой, видѣвшій въ немъ главную опору, награждалъ его многими землями. Въ 1410 году видимъ его въ спорѣ съ своею матерью, баницею Анной. Изъ грамоты нельзя узнать, родная ли ему мать была Анна, или только мачиха. Двусмысленно выраженіе: *даю примамъ за матеръ маме (какъ мѣ, какъ бы меня) естъ родила*; но условія повинновенія слишкомъ стѣснительны, чтобы можно было считать ее мачихой. Также неизвѣстно, чья была она дочь и по комъ называется баницею, по отцу ли, или по мужу: въ послѣднемъ случаѣ, надобно признать, что слово банъ могло употребляться вмѣсто слова воевода. При посредствѣ добрыхъ людей изъ Босны, Хорваціи, Венеціи и Дубровника, Сандакъ обѣщалъ повинноваться своей матери, почитать ее, какъ прилично сыну, и ни въ какихъ обстоятельствахъ не повидать ея, если только съ ея стороны не окажется чего нибудь такого, за что, по приговору упомянутыхъ добрыхъ людей, прилично бы было сыну оставить свою мать; также, если умереть у него жена, Катерина, то другой онъ не можетъ привести въ домъ свой при жизни матери (С. № 93). Въ 1419 году, 24 іюня, Сандакъ и братья его, Вукъ съ сыномъ Стефаномъ и Вукъ, уступили Дубровнику свою часть жупы Конавля съ Виталиною, Дольною Горою и со всѣмъ, что относилось къ котару Конавльскому. По Аппендини,

¹ Arhiv za povēstnicu Jugoslavensku, I. 1851. (стр. 81.

² Шимекъ (Polit. Gesch. d. K. Bosn. u. Rama, стр. 92. Приж.) и Енгель (Gesch. v. Serv. u. Bosn., стр. 354.) называютъ его сдѣсь палатиномъ. Герволъ названъ у нихъ также палатиномъ; но извѣстно, что въ это время Герволъ еще не былъ великимъ воеводою. Ср. С. № 81.

весь этот участок был продан за 18000 червонцев¹. За это Дубровничане обязались платить им ежегодно 500 перперовъ. Сверхъ того, подавали другой дворецъ въ своемъ городѣ, отдѣленный на городской счетъ, и позволили имѣть баштины въ Дубровницкой жупѣ цѣною въ 3000 перп. (С. № 96). Въ томъ же году, 4 дек., Стефанъ Остончъ подтвердилъ эту запись Сандаля. Аппендини говоритъ, что Боснійскій король не былъ доволенъ этою уступкою. Какимъ образомъ онъ такъ скоро подтвердилъ ее? Справедливѣе то, что Конавляне не хотѣли подчиниться Дубровнику. Дѣйствительно, еще въ грамотѣ Санковичей (С. № 78), между условіями уступки, читаемъ, что если Конавляне и Виталияне не захотятъ повиноваться Дубровнику, то Санковичи употребятъ всѣ усилія, чтобы принудить ихъ къ тому. Въ слѣдующемъ году, 30 мая, Сандаля съ братьями и племянникомъ уступилъ Дубровнику и другую половину Конавльскаго котара, которую они получили, по волю султана Магомеда, послѣ убитаго нашею Исакомъ Петра Павловича, т. е., половину города Сокола, половину Конавльской жупы съ Ободомъ и Иватономъ и Петровъ участокъ въ Дольной Горѣ и Виталинѣ. За это Дубровничане обещали платить ему еще 500 перперовъ дани, подавали, великолѣпно отдѣлавъ, еще другой дворецъ, бывший прежде влестелей Вукасовичей, родственниковъ Храничаевъ, а потомъ монахинь св. Маріи отъ Ангеловъ, и дали право купить въ Дубровницкой жупѣ другую баштину цѣною въ 3000 перп. (С. № 98). 16 августа того же года запись Сандаля была утверждена королемъ Тврткомъ (С. № 99). Въ обѣихъ своихъ записяхъ Сандаля уже называется великимъ воеводою Босны, возведенный въ это званіе, быть можетъ, Стефаномъ Остончемъ, или еще отцомъ его, и подтвержденный Тврткомъ. Еще въ 1410 году, 5 генваря, записываясь гражданиномъ въ Венеціи, онъ назывался: *Gran Vojvoda del Regno di Bossina e delle terre marittime*². Въ это время Герсонъ уже умеръ. По смерти Остонча, Сандаля проводилъ спокойно свои дни, пользуясь званіемъ великаго воеводы и огромными владѣніями. Объ его доходахъ можно судить по вкладамъ, которые онъ дѣлалъ въ Дубровникѣ на пользу своихъ родичей. Съ 1429 по 1431 годъ имъ вложено 23620 червонцевъ, 4266 перперовъ Дубровницкими динарами и 154 литры, 4 унціи серебра, съ тѣмъ условіемъ, что получить этотъ вкладъ могутъ его сыновья, если таковыя будутъ, или, за неимѣніемъ сыновей, дочери; если же не будутъ и дочерей, то половина всего вклада идетъ его брату, Вукцу, съ сыномъ, Стефаномъ, и ихъ потомкамъ по мужскому колѣну, а другая половина раздѣляется между четырьмя родственными ему домами; а именно, ее получаютъ: 1) князя Радивой, Радославъ и Радичъ Степковичи съ потомками по мужскому колѣну, 2) князя Иванцъ Остончъ и Влатко Обрадовичъ съ таковымъ же потомствомъ, 3) князя Иванъ и Сладой Вуквичи съ таковымъ же потомствомъ, и 4) князь Драгища Гонславичъ съ таковымъ же потомствомъ. Если князя Стефана не будетъ потомства по мужскому колѣну, то ихъ половина идетъ на упомянутымъ домамъ: отсюда догадываемся, что другой братъ Сандаля, Вукъ, уже умеръ; въ 1422 году онъ былъ еще живъ, ибо въ этомъ году онъ былъ живъ Венеціанскаго гражданина. Если изъ четырехъ домовъ который изъ нихъ прекратится по мужскому колѣну, то доля его раздѣляется между тремя оставшимися (С. NN№ 108, 112, 124, 125). Сверхъ того, въ 1426 году, Сандаля

¹ Т. I, стр. 302.

² Archiv za povijestnicu Jugoslavensku, I. 1851, стр. 63.

положилъ 6000 черв. по 5% на имя своей супруги (второй) Елены, дочери царя Лазаря (С. NN^о 109, 121) и вдовы Николая де Гара, бана Мачванскаго, и столько же въ 1431 году (С. N^о 128). Наконецъ въ 1433 г. онъ положилъ еще деньгами 8731 червонецъ и сосудами 26 литръ, 8 унцій и 3 асаги золота и 217 литръ, 7 унцій серебра съ такимъ же порядкомъ назначенія, какъ и въ прежнихъ вкладныхъ записяхъ; но только количество полученія измѣнено: по этой послѣдней записи Стефанъ съ своимъ мужескимъ потомствомъ получаетъ весь вкладъ, и только въ случаѣ прекращенія его мужскаго колѣна весь этотъ вкладъ долженъ достаться четыремъ родственнымъ домамъ (С. N^о 115). Очевидно, Сандаля, надясь на продолженіе потомства своего племянника, Стефана, прочилъ ему всѣ свои сокровища. Отъ того въ послѣдствіи мы видимъ, что одинъ изъ четырехъ родовъ, сыновья Драгиши, Стефанъ и Радославъ, получая свою часть въ 1437—1438 г., ссылаются только на записи 1429 и 1431 годовъ (С. NN^о 124, 125) и ничего не получаютъ по вкладной записи 1433 года. Съ своей стороны и супруга его, Елена, дѣлала вклады на свое имя въ 1429, 1000 черв., и въ 1436 г.; первый полученъ ею обратно въ 1436 г. (С. NN^о 109, 110, 121). Сандаля умеръ между 1434 и 1435 г., какъ видно изъ грамотъ (С. NN^о 119, 120). Дюфрениъ назначаетъ для того 1435 г.¹ Непрочность настоящего и печальное будущее заставляли не одного Сандала относить сокровища въ Дубровникъ, самый безопасный городъ, котораго богатство и независимость обезпечивали вкладъ какъ со стороны самыхъ жителей, такъ и со стороны Турокъ. Званіе Боснійскаго великаго воеводы, владѣнія и богатства Сандала наследовалъ его племянникъ, Стефанъ Вукчичъ Косача², съ малолѣтними дѣтьми, Владиславомъ и Влаткомъ. Уже въ 1435 г., 10 окт., онъ пишется великимъ воеводою и подтверждаетъ Дубровнику всѣ записи, данныя ему Сандаломъ, Вукцомъ и Вукомъ, и право владѣнія жупою Конавлемъ съ Соколомъ, Виталиною, Павтатомъ и Ободомъ и со всѣми прочими межами (С. N^о 120). Въ 1438 году, почти въ одно время съ Драгишичами, онъ получилъ большую часть вкладовъ Сандаловыхъ; оставалась только часть его дѣтей, 11051 черв., 1266 перп. Дубровническими динарами, и еще нѣсколько серебра. Достигнувъ 14-ти лѣтняго возраста, каждый изъ нихъ получаетъ свою долю; въ случаѣ смерти одного, получаетъ другой обѣ доли; если оба умрутъ, то получаетъ ихъ отецъ; по смерти отца, часть ихъ достается братьямъ, если таковые будутъ; или, если у Стефана не будетъ болѣе сыновей, то его супругѣ, а ихъ матери, Еленѣ, и дочерямъ; послѣ всѣхъ эта часть раздѣляется между вышеназванными четырьмя родами (С. N^о 126). Вскорѣ, въ 1440 г., и эта часть была взята Стефаномъ и сыновьями его: остались только 12000 черв., положенныя Сандаломъ по 5% въ пользу супруги своей, Елены, тогда уже умершей (С. N^о 128). Большая часть дѣятельности Стефана Косачи принадлежитъ ко временамъ послѣднихъ королей, но и при Тврткѣ II уже сталъ обнаруживаться его самостоятельный и рѣшительный образъ дѣйствій. Въ 1439 году Радославъ Павловичъ упоминаетъ о записяхъ, утраченныхъ во время взятія Требнѣя воеводою Стефаномъ Вукчичемъ; такъ какъ ровно черезъ два года видимъ уже Владислава въ договорѣ съ Дубровникомъ противъ отца, то можно думать, что то и другое событіе имѣютъ между собою нѣкоторую связь. Въ 1441 году, 15

¹ Famil. Dalmat. et Slavon., гл. XI, § IV.

² Гр-а С. N 125 показываетъ, что сѣмьей этотъ Стефанъ назывался Косачей, а не Кичичемъ или Косаричемъ, какъ думаютъ иные.

августа, Владиславъ Стефановичъ, старшій сынъ Косачи, заключая союзъ съ Дубровникомъ (С. № 132), говорилъ слѣдующее: Стефанъ, отецъ его, презрѣлъ и нарушилъ прежнія клятвы и записи, учинилъ рать Дубровнику, разорилъ городскіе виноградники, жжетъ дома, пльвнитъ имущество, дѣлаетъ разныя другія оскорбленія и отнялъ жупу Конавле противъ Богу и правдѣ: по этому онъ, Владиславъ, попомнивъ старинную дружбу Дубровника, обѣщаетъ стараться всѣми силами возвратить городу Конавальскую жупу и прибавить къ ней еще окрайну, если достигнетъ господства; не заключать мира съ отцемъ, сохранять съ городомъ вѣчную дружбу и пр. Но у насъ есть грамота отъ 1443 года, 1 апрѣля, (С. № 134), въ которой Стефанъ, Елена и Владиславъ (Влатко былъ еще малолѣтенъ) свидѣлствуютъ, что получили отъ Дубровника сполна весь вкладъ, завѣщанный имъ покойною Еленою, супругой Саидала. Слѣдовательно, примиреніе Стефана, какъ семейное съ сыномъ, такъ и политическое съ Дубровникомъ, настало еще при жизни Тврѣтка II. Въ царствованіе Ѳомы Остоича Кристича, Стефанъ Вукчичъ, до объявленія себя герцогомъ или воеводою св. Савы, подписался, какъ воевода, свидѣлемъ подъ одною изъ королевскихъ грамотъ, — и это было въ 1443 году (З. А.), а въ слѣдующемъ его уже нѣтъ между свидѣтелями въ другой королевской грамотѣ (С. № 136): значить, что въ этомъ году онъ уже отстрашился отъ Босны съ своею Хлумскою областію, которую стремился возвести на степень независимаго воеводства. Когда большая часть Босны была завоевана Турками и послѣдній король Томашевичъ былъ убитъ, тогда непокоренно оставалась только верхняя Босна или воеводство св. Савы, съ владѣльцемъ своимъ, Косачею. Она долѣе отстаивала свою независимость отъ покушеній Турецкихъ султановъ.

Мы видѣли, что въ концѣ царствованія Тврѣтка II Стефанъ примирился съ сыномъ и Дубровникомъ. Расписки, данныя имъ Дубровнику въ полученіи различныхъ вкладовъ, 3 февраля 1445 и 5 іюля 1450 годовъ (С. № 139 и стр. 252), показываютъ, что онъ не нарушалъ этого мира. Дѣйствительно, онъ употреблялъ все время на усиленіе себя внутри Босны и, какъ мы уже видѣли, испросилъ себя у императора званіе герцога и привлекъ на свою сторону Манхейцевъ и православныхъ. Но въ 1451 году, 18 декабря, видимъ, что Дубровничане жалуются Ѳомѣ Остоичу на несправедливости Косачи, опустошившаго и захватившаго ихъ земли. Король принимаетъ ихъ подъ свою защиту и даетъ обѣщаніе объявить войну Стефану и не заключать съ нимъ мира, не известивъ напередъ Дубровничанъ (С. № 140). Въ 1452 г., 25 марта, поднялся на Стефана боярскій родъ покойнаго Влатка, именно: Иванишъ Влатковичъ, воевода Хлумскій, съ братьями Маркомъ, Жаркомъ, Радвоемъ, Андреемъ, Баргуломъ и Ѳадеемъ Влатковичами, и племянниками, дѣтьми умершихъ Влатковичей, Ѳомою Николевичемъ и Павломъ Петровичемъ¹. Заключая союзъ съ Дубровникомъ на Вратарѣ (С. № 141), Иванишъ и родичи его обязались защищать Дубровникъ и помогать ему противъ герцога Стефана Вукчича, равно какъ не заключать мира съ послѣднимъ безъ его вѣдома и согласія. Противъ Стефана были также его жена, Елена, и старшій сынъ, Владиславъ (С. № 142). Вотъ причина вражды послѣднихъ, по словамъ Халкоковидла. Во

¹ Объ нихъ знаетъ Лукари. *Annali di Raissa*, стр. 98.

владѣнія Стефана, смежныя съ Дубровницкими, прибыла одна Флорентинка, дочь купца. Пльнявшись ея красотою, Стефанъ взялъ ее къ себѣ и тѣмъ оскорбилъ свою жену (лѣтописецъ не упоминаетъ ея имени, ни рода), которая съ сыномъ своимъ бѣжала въ Дубровникъ. Стефанъ послалъ къ ней пословъ, прося возвратиться, но тщетно: онъ не имѣлъ силы согласиться на условіе, которое было ему предложено, — отпустить Флорентинку. Сынъ его между тѣмъ, начальствуя Дубровницкимъ войскомъ, вторгся въ его владѣнія, разбилъ его и обратилъ въ бѣгство въ отищеніе за опустошенія, нанесенныя имъ Дубровницкимъ владѣніямъ¹. А вотъ какъ рассказываетъ Шимекъ² объ этой враждѣ. Стефанъ Вукчичъ съ своими Патаренами, видя, что Король не можетъ ничего сдѣлать ему изъ боязни Турокъ, предался безпечности, пьянству и разврату; оскорбленные тѣмъ, жена его, Анна Кантакузина, и сынъ бѣжали въ Дубровникъ. Стефанъ требовалъ у Дубровничанъ ихъ возвращенія, но, получивъ отказъ, опустошилъ городскія земли, завладѣлъ Комавлемъ и возвысилъ пошлину на соль. Дубровничане объявили ему войну и назначили цѣну за голову, какъ гражданина-измѣнника. Владиславъ съ Дубровницкимъ войскомъ завладѣлъ многими отцовскими городами; папа грозилъ Стефану крестовымъ походомъ, а султанъ рѣшилъ дѣло въ пользу Дубровника: все это заставило Стефана смириться. Ни Шимекъ, ни Енгель не знаютъ о прежней враждѣ Стефана съ сыномъ и Дубровникомъ, о которой мы упомянули. Оба они, какъ и Дюфренъ, называютъ его жену Анною Кантакузиною. Енгель даже противорѣчитъ самому себѣ, называя ее въ другомъ мѣстѣ³ Елевою, дочерью Момччла, внука короля Вукашина отъ сына его Аларашка (на основаніи извѣстій, сообщаемыхъ Дубровницкими и западными писателями⁴). Между тѣмъ въ нашихъ грамотахъ она именуется Елевою, дочерью Балши, который въ 1443 году уже не былъ въ живыхъ (ср. С. № 134). Не Зетскій ли это Балша Балшичъ? Откуда Шимекъ и Енгель заимствовали свое извѣстіе, они не говорятъ; но догадаться не трудно: Дюфренъ указалъ на источники⁵. Неосмотрительность ввела Шимика въ заблужденіе; Енгель же, не справившись съ источниками, повѣрилъ ему на слово и сдѣлалъ такой же промахъ. Вотъ что говоритъ о томъ же Лукари. Stefano intanto rinovando l'esempio di Giovanni Paleologo Imperadore di Constantinopoli, usato alla figliuola dell' Imperadore di Trabisonda moglie di Emanuelo suo figliuolo, essendo menata per moglie a Vuladialau la figliuola di Marino Martiano Principe di Ruano, perciocche era bella, vincendo la lussuria ogni vergogna, la tolse per forza⁶. Лукари совершенно справедливъ, сравнивая Стефана съ Іоанномъ (I) Пале-

¹ Но у Халкокондила Стефанъ Косача постоянно носитъ имя Сандала, и самое происшествіе рассказано слишкомъ поздно, подъ 1463 годомъ, между тѣмъ, какъ оно случилось 10-ю годами ранѣе. *Corpus Script. Hist. Byz. Laonicus Chalcocondylas*, I, X, p. 540. — Stritter, II, 436. Туберъ (*Schwandn. Script. rer. Hungar.*, II, 199) и Лукари (*Annali di Rausa*, стр. 99) рассказываютъ это событіе такъ, какъ оно передано по нимъ Шимкомъ и Енгелемъ.

² *Polit. Gesch. d. K. Bosnien u. Ramo*, Сrp. 125.

³ *Gesch. v. Serv. u. Bosn.* Стр. 323.

⁴ Орблинъ, стр. 240.

Familiae Dalmat. et Slavon., гл. XI, § V.

⁵ *Annali di Rausa*, стр. 97.

ологовъ, о развратной жизни котораго упоминають Лука и Халкокондилъ¹. Но Дюфрентъ, а за нимъ и Шимекъ, по неосмотрительности, приняли Иоанна за Стефана и жену перваго, Елену Кантакузину, назвали женою послѣдняго, сдѣлавъ еще, сверхъ того, ошибку въ ея имени: у нихъ она названа Анною. У Кантакузина было три дочери и судьба ихъ извѣстна; но у него не было все дочери Анны; также ни одна изъ дочерей его не была за Стефаномъ Косачею. Что касается до Мануила, сына Иоанна I, то онъ дѣйствительно былъ женатъ на дочери Трапезонтскаго царя Алексѣя Комнина². По Шимку, и Енгель Анну, собственно Елену Кантакузину, бывшую оупругою Иоанна Палеолога, выдалъ за супругу Стефана Косачи³. Впрочемъ, Дюфрентъ, желая согласить оба имени, дѣлаетъ Анну Кантакузину первую супругою Косачи, а Елену, или по другимъ Варвару, дочь Момчила, вторую, Цецилію же третью. Въ грамотѣ своей отъ 19 іюля 1453 года (С. № 142) Стефанъ просилъ жену, сына и всѣхъ, поднявшихъ на него Хлумцевъ. Ни онъ самъ, ни Елена, ни сыновья ихъ, Владиславъ и Влатко, не должны слушать, ни скрывать другъ отъ друга никакого злаго человѣка и наговорщика, дабы не было новой семейной вражды. Если явится снова какое недоразумѣніе, то онъ не можетъ враждовать съ женою и дѣтьми прежде, чѣмъ не развѣдаетъ всей истины чрезъ «дѣда» Боснійской церкви и 12-ть «стройниковъ», между которыми будетъ находиться гость Радинъ до своей смерти, и 12-ть главнѣйшихъ (поглавитыхъ) Боснійскихъ влестелей; всѣ Хлумскіе влестели и люди стоять по прежнему въ своихъ правахъ и записяхъ, какъ и невредимы. Въ одно время съ этою грамотою была изготовлена другая (С. № 143), относящаяся къ султану, визириямъ и краишникамъ, имѣющимъ быть на Боснійскомъ краищѣ (Турецкомъ пограничномъ владѣніи), и возвѣщавшая, что «по милости царя емиръ-султана-Махметъ-бега», Стефанъ, герцогъ св. Савы, господарь Хлумскій и Приморскій, великій воевода русага Боснійскаго, князь Дринскій и пр. и пр., съ сыномъ Влаткомъ, принимаетъ смирившася сына своего, Владислава, обѣщавшаго возвратитъ ему всѣхъ влестелей, и иныхъ людей, города и доходы, съ которыми отошелъ; за что онъ, Стефанъ, забываетъ всю прежнюю неприязнь и завѣщаетъ своимъ дѣтямъ все свое имущество, дабы они владѣли имъ сообща, или раздѣлили пополамъ, и служили вѣрно султану. Небольшую часть имѣнія Стефанъ можетъ завѣщать своей женѣ, а ихъ матери, и родственнымъ домамъ. Если

¹ Первый выражается такъ: *ἦν γὰρ ὡς ἐπιπολὺ κούφος καὶ μὴ πολυκραιμονῶν ἐν ἄλλοις τὰ πράγματα πλὴν ἐν γυναιξὶν ἀραταῖς καὶ καλαῖς τῷ εἶδει, καὶ τίνος καὶ πῶς καυδεύσῃ αὐτήν*. Смерть же его приписываетъ подягрѣ: *ἦν γὰρ κατὰ κοιτοῦ καὶ ἀλγῶν τοῦς πόδας, ἡμιθανής ὡς εἰπεῖν ὑπὸ πολλῆς ἀδδηφαιγίας καὶ πολυκοβίας καὶ τῶν ἡδουκασιῶν*. Второй прямо указываетъ на поступокъ его съ женою его сына, Мануила, дочьрью Трапезонтскаго императора, вдовою, бывшею первоначально за камиль-то Турецкимъ папою: *ταύτην γὰρ ὡς ἠγύγετο (Ἐπιμανουήλος) ἀπὸ Κολχίδος ἐς Βυζάντιον, θεασάμενος ὁ πατήρ αὐτοῦ τότε βασιλεύων, ὡς ἰδοῦκε αὐτῷ κάλλει τε γυναικῶν πολλῶν εἶναι καλλίστη καὶ τοῖς ἄλλοις ἢ ἐλέγετο ὑπερφέρουσα, ταυτῆ τε ταύτην ἠγάγετο, ἀφελόμενος τοῦ παιδός. ἦν δὲ καὶ ἐν νόβῳ τῇ ποβαλίῳ διαφθαρμένος ὥσπερ μὴδ' ὀρθούμενον στήναι οἶοντ' εἶναι*. Corp. Script. Hist. Byz. Ducas, a. XII, p. 44; c. XIII, p. 48. Cf. Bulliadi Notae, ib., p. 556. — Laon. Chalcocondylas, ib., l. II, p. 81.

² Cp. Lebeau. Histoire du Bas Empire, Paris, 1836. T. XX, стр. 480.

³ Goth. v. Serv. u. Bom. Стр. 402.

одинъ изъ нихъ, или тотъ и другой, провинятся противъ отца, то у виновнаго отецъ беретъ назадъ весь его участокъ и воленъ отдать кому хочетъ. Если же, во смерти отца, одинъ братъ посягнетъ на удѣлъ другого, то султанъ воленъ отнять у него удѣлъ и отдать обиженному. Договоръ ~~срѣдываетъ~~ твердымъ и цѣлымъ, пока смяовья стоятъ въ послушаніи отцу и въ вѣрѣ и службѣ султану. Лукари прочелъ въ книгѣ Прегатовъ подъ 5-мъ апрѣля 1452 года, что отъ Порты былъ присланъ къ Стефану гонецъ съ повелѣніемъ положить оружіе, возвратитъ Конавле, уплатитъ военныя издержки и брать обывновенную пошлину съ продажи соли¹. Отсюда можно заключить, что султанъ стоялъ на сторонѣ Дубровника и Владислава. По чему Султанъ принималъ сдѣловъ такое участіе, это объясняется тѣмъ, что Владиславъ былъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Портою въ ущербъ независимости Боснии. *Nam filius Stephani—говоритъ Туберъ—ita inimico animo regiones ad patris imperium spectantes, Turcica manu sibi adiuncta, devastando pervagatus est, ut hoc in primis certamen Turcis aditum in Dalmatiam aperuit et Cosaciam familiam extinxerit Ragusamque civitatem non modo tributariam fecerit, sed etiam in Turcicam servitutem paene redegerit*². Однако въ своей грамотѣ (С. № 143) Косача называетъ смиришагося Владислава виновнымъ не только противъ отца, но и противъ султана. Это не противорѣчитъ впрочемъ словамъ Тубера и Лукари; ибо въ то время, при значительномъ преобладаніи Порты, оба соперника старались на перерывъ одинъ передъ другимъ приобрести благоволеніе султана и право на его сторонничество, по чему оба и называли другъ друга виновными предъ султаномъ. Ранномѣрно Халкокондилъ, повѣствуя о ссорѣ его съ женою и еяномъ, упоминаетъ о томъ, что онъ въ это время часто сносился съ Турками³. Таково было всегдашнее послѣдствіе вѣншательства Турокъ, къ посредничеству которыхъ такъ охотно прибѣгали Сербскіе владѣтели. Въ слѣдующемъ 1454 году, 10 апр., Дубровникіе послы испросили и для своего города мировую грамоту (С. № 144). Сознавая, что война вредитъ обѣимъ сторонамъ, Стефанъ съ Владиславомъ и Влаткомъ, подтвердилъ Дубровнику всѣ прежнія записи и предалъ забвенію всѣ взаимныя оскорбленія и убійства, бывшія во время войны. Торговныя и судебныя права были возстановлены. Въ случаѣ войны Стефанъ давалъ знать городу за три мѣсяца впередъ. Стефанъ Косача, по вѣрному дяди, всегда опирался на Турецкое вліяніе. Сандаль въ грамотахъ своихъ писался воеводою и владѣтелемъ по милости царей Угорскихъ, Боснійскихъ и Турецкихъ (С. NN № 96, 98): такъ и Стефанъ Косача выражалъ не разъ свою вѣрность султану. Стремясь къ независимости и находясь между двухъ огней, Стефанъ естественно долженъ былъ искать опоры у себя дома въ кругу православныхъ, извнѣ—у Турокъ. Въ 1459 году онъ отказался выставить войско для Стефана Томашевича противъ Турокъ. Хотя Султанъ, желая ослабить его, рѣшилъ дѣло въ пользу Короля, однако въ 1463 году Стефанъ сумѣлъ отдѣлаться данью и оружіемъ отъ полчищъ Магомеда II и сохранилъ на нѣсколько времени тѣмъ независимости. *Ἐντεῦθεν βασιλεὺς (султанъ) συμβουλάμενος ἐσβέβαλλεν ἐς τὴν Σανδάλεω χώραν καὶ ἐδήου... ἐπελάσας μὲν οὖν αὐτὸς ἐπολιόρκει πολίχνην τὴν Σανδάλεω ἐπὶ ἡμέρας*

¹ Annali di Rausa, стр. 98.

² Comment. de tempor suis, Schwandtn, Script. rer. Hungar., t. II, p. 199.

³ Corp. Script. Hyst. Byz. L. Chalcocond., l. X, p. 540. — Stritter, II, 436.

*τινάς. καὶ ὅς οὐ προεχάρει αὐτῷ ἢ τῆς πόλεως αἴρεσις, ἀπήλαυνε...*¹
 Мы видели, что и дѣтямъ своимъ онъ завѣщаль хранить вѣрность султану. Между 1464—1466 гг. онъ взялъ обратно изъ Дубровника, по четыремъ распискамъ, еще 1200 черв. (С., стр. 252). Послѣ его смерти, въ 1466 г., остался въ Дубровникѣ, въ пользу трехъ его сыновей, богатый вкладъ, кромѣ драгоценныхъ вещей, чистаго золота 70000 червонцевъ, 33 литры и 11 унцій и серебра 1570 литръ и 4 унціи (С. № 157). У Стефана остались три сына, Владиславъ, наслѣдовавшій ему званіе великаго воеводы Босны, Влатко и Стефанъ, и вторая жена Цецилія. Всѣ три сына назывались герцогами св. Савы. Мы имѣемъ расписки Влатка и Стефана въ полученіи разныхъ отповскихъ вкладовъ, находившихся въ Дубровникѣ: онѣ идутъ отъ 1466 до 1470 года (С. №№ 158, 163). Въ 1467 году Цецилія дала подобную расписку съ вдова и согласія своихъ сыновей, Влатка и Стефана (С. № 159). Сдѣсь записки, что оба меньшіе брата въ грамотахъ своихъ не приводятъ старшаго своего брата, Владислава; также и Цецилія дѣйствуетъ съ согласія только двухъ меньшихъ братьевъ: это заставляетъ подозрѣвать семейныя несогласія, объясняющіяся прежнею враждою, въ которой Влатко оставался на сторонѣ отца. Нельзя думать, чтобы одно оскорбленіе могло причинить раздоръ сына съ отцомъ; скорѣе должно заключать, что сынъ стремился въ независимости и самовластію. Въ 1469 году Владиславъ отъ одного своего имени далъ Дубровничанамъ расписку (С. № 161) въ полученіи отъ нихъ своей части отповскаго вклада. Онъ получалъ отъ Дубровника какой-то доходъ, о чемъ свидѣтельствуетъ его расписка 1487 года (С. № 162) въ полученіи 766 перперовъ — вѣроятно, годичнаго содержанія (въ юдлинникѣ провинномъ). Такое содержаніе получали и другіе члены Стефанова семейства и даже бояре, какъ видно изъ расписки сына Влаткова, воеводы Августина Влатковича, 1488 года (С. № 169), и Жарка Хлумскаго, 1496 года (С. № 170). У Владислава былъ сынъ Балша, отъ котораго дошла одна только записка 10 окт. 1497 года, (С. № 171), гдѣ онъ поручается вѣсть своимъ содержаніемъ, слѣдующимъ отъ Дубровника за будущій 1498 годъ, въ займѣ 166 перперовъ и 50 динаровъ, сдѣланномъ имъ у Дубровничанъ. Запись дава въ Дубровникѣ. Долго ли Владиславъ и Влатко господствовали въ земляхъ своихъ по смерти отца—мы не знаемъ навѣрное изъ нашихъ грамотъ. Извѣстно, что Косача, умирая въ Драчевицѣ, поручилъ Дубровнику исполненіе своего завѣщанія, по которому Владиславъ получалъ верхнюю Герцеговину, а Влатко нижнюю. Вскорѣ послѣ его смерти, въ 1466 г., Турецкое войско вторглось въ Герцеговину; но братья отдѣлились отъ него обмѣномъ платить дань султану. Тѣмъ не менѣе около 1470 года изъ Турецкихъ грамотъ (С. № 164) видимъ, что санджакъ-бегомъ въ Боснѣ былъ Лазбегъ, а въ Герцеговинѣ Гамзабегъ: слѣдовательно, братья стояли ниже этого воеводы. Влатко съ братомъ Стефаномъ велъ тѣсныя сношенія съ Портою, и мы видимъ, что султанъ Магомедъ повелѣваетъ чрезъ своихъ воеводъ возвратити ему отповскіе города и весь владѣ, находившійся въ Дубровникѣ² (С. № 164, 1). Около того же времени султанъ приказалъ воеводѣ

¹ Corp. Script. Hist. Byz. L. Chalcocond., I. X, p. 543. — Stritter, II, 438.

² Около 1470 года. Въ грамотѣ означенъ Магомедовскій годъ, 875-й, но весьма неправильно.

Ганзабегу разрушить деревянный городокъ, построенный въ Неретвѣ Дубровничанами, и вытребовать у нихъ распяски въ возвращеніи герцогу Влатку всего отцовскаго вклада, 19000 черв., каковыя Дубровничане и представили въ 1472 г. (С. № 164, II, IV). Еще въ 1475 году Владиславъ готовился къ утратѣ своихъ владѣній, но только уже въ 1482 году Герцеговина была окончательно завоевана Турками. Владиславъ бѣжалъ въ Угрію и продолжалъ титуловаться: *Duca Primorski, Signor di Hum e Guardiano del beato Sava*. Влатко бѣжалъ въ Дубровникъ и умеръ на островѣ Рабѣ. Стефанъ же отуречился. Такъ исчезъ послѣдній обломокъ Боснійскаго королевства, существовавшій еще 20 лѣтъ послѣ бури 1463 года. Это было послѣднее крушеніе, отъ котораго не осталось и слѣда Славянской независимости на югъ отъ Савы и Дуная. Все, что доселѣ носило сколько нибудь признаковъ самостоятельности, погибло въ волнахъ Турецкаго наводненія. Тщѣтными остались всѣ великіе подвиги Матвѣя Корвина и его храбрыхъ сподвижниковъ, изъ которыхъ одинъ, Николай Улякъ, именовался даже Боснійскимъ королемъ; напрасенъ былъ также миръ 1503 года, заключенный послѣ блестящихъ успѣховъ Ивана Корвина; напрасны были славныя дѣла бана Берислава: будучи постоянно поприщемъ кровопролитной войны, Босна въ 1526 году, послѣ несчастной Мугачской битвы, навсегда осталась за Турцію. Вотъ что писалъ къ Дубровничанамъ, въ 1566 году, 18 іюня, Александръ, Молдавскій воевода: а сада (теперь) да зна каже вѣсте (вѣче) поуточамо, како нимае кон себе неке сироте и сироте три братице нимае георгии и павла и стефана и две сестре нимае нимае катарине и марію, она сѣ ругине сироте правизи херцуга стефана кон е кне и крине митро господар хумле херцогине а каш бг града дубровника суседъ и приителъ, а сада е око крине она ругине сироте хранисе кодъ господсткани, ѿ когодамагомн нимае утеръ (и) ми кажате да неки обнуан кажега госпоцтеа како сте нимае сироте ругиних сироте неки милос и сироте старих них да ми сте джале милостиних по камон добром коди тога ради посламо ругине сироте георгии и павла и стефана и сестре них катарине и марію посламо уоениа нимае лахара сескишанин... просе да нмъ едастеле дуброклуке пошамо какоку милостинию (С. № 160).

Четвертый родъ, являющійся въ нашихъ грамотахъ, есть родъ Гервои. Уже прежде познакомились мы съ самимъ Гервоемъ, начальникомъ и главнѣйшимъ представителемъ своего рода: теперь мы видимъ грамоту его племянника, Юрія Воиславича, о которомъ мы знаемъ изъ его же грамоты, 1434 года, 12 авг. (С. № 118), что онъ былъ воеводою Дольнихъ Краевъ. Въ своей грамотѣ, Юрій, вѣсть съ сѣловьями своими, князьями Петромъ и Юрьемъ, дарить «своей братіи», воеводѣ Павлу и князьямъ Николаю и Влатку Юрьевичамъ и князю Вуку Вукачевичу съ потомствомъ, всѣ города, села и земли, въ которыхъ онъ ихъ засталъ, и именпо, города Вратаръ, Новый и Крушевацъ, а также ихъ родовую собственность, отнятую у нихъ Садаломъ, людей и нѣсколько селъ, — все съ настоящими межами и котарами. Самихъ же новыхъ владѣльцевъ поручаетъ защитѣ Францискайскаго викарія съ братією. Свидѣтели приводятся отъ Хлума, Земельника, Сѣни и Пливы. Грамота писана подъ Крешевомъ.

Кромѣ этихъ родовъ, конечно, были въ Босніи другіе знаменитые роды, занимающіе почетныя мѣста въ Боснійскихъ грамотахъ; но объ нихъ мы умалчиваемъ

по тому, что не имѣемъ въ грамотахъ никакихъ достаточныхъ извѣстій. Съ другой стороны, географическое и историческое значеніе Боснійскихъ областей, Травунія и Хлума, и господствовавшихъ въ нихъ Яблановичей и Храничей, родственныя и близкія связи съ королями, также и то, что имена ихъ представителей, вмѣстѣ съ именемъ Гервои, стоятъ всегда во главѣ приводимыхъ свидѣтелей, и только съ ними Дубровничане ведутъ свои долгіе переговоры,— все это заставляетъ думать, что дѣйствительно роды Санковичей, Яблановичей и Храничей были самыми знаменитыми въ Боснѣ. Значеніе ихъ сходилось съ значеніемъ тѣхъ областей, въ которыхъ они сидѣли. Въ противоположность этимъ стариннымъ, туземнымъ, кореннымъ родамъ является Гервоя, пришлецъ и временщикъ, искусный крамольникъ, поднявшійся измѣною и черезъ измѣну погубившій свое величіе, собою начавшій и собою окончившій погустество своего рода.

Припоминая себѣ государственную жизнь Босны, эту жизнь, исполненную бурь и переворотовъ, мы удивляемся быстротѣ переходовъ ея изъ одного состоянія въ другое, отъ зависимости къ независимости и потомъ къ паденію; насъ поражаетъ блѣдность этой жизни, отсутствіе твердыхъ началъ и самостоятельности. Вспомнимъ Босну первоначально, какъ жупу или одну изъ областей Сербіи, ничѣмъ существенно не отличавшуюся отъ послѣдней, населенную однимъ и тѣмъ же племенемъ, образовавшуюся въ одно и то же время пришествія Сербовъ въ Задунайскія страны, имѣвшую одни нравы, обычаи, преданія, словомъ—Босну, какъ неотъемлемую часть собственной Сербіи, тѣснѣе соединенную съ нею, чѣмъ Хлумъ, Травунія, Неретва, Дукля, такъ что Константинъ Багрянородный, исчисляя области Сербіи, не упомянулъ о ней, подразумѣвая ее въ общемъ названіи Сербіи, подобно Мачвѣ и Семберіи¹. Вспомнимъ ее за тѣмъ нѣсколько разъ во власти Угріи, то переходящую къ ней, какъ приданое, то съ своими банами добровольно подчиняющуюся ей, то насильственно покоряемую, и потомъ обратно нѣсколько разъ отходящую къ Сербіи; дайте вспомнимъ ее, какъ независимое, но мало устроенное, королевство, и наконецъ, какъ Турецкую добычу, легко достающуюся завоевателямъ. И все это дѣлается такъ легко, такъ произвольно, что невольно спрашиваешь себя, на какомъ же основаніи баны подчинились Угріи; по чему Угрія не вступалась, когда Босна переходила отъ нея къ Сербіи, и на оборотъ отъ чего Сербія не твердо удерживала ее за собою? Какъ Угорскіе короли допустили, чтобы рядомъ съ ними явились новые короля; чтобы возлѣ Угріи возникло другое королевство съ явнымъ стремленіемъ къ независимости? Отъ чего Босна, не успѣвши поддаться при Твръткѣ I и Твръткѣ II, которымъ нельзя не отдать справедливости въ умѣнны дѣйствовать, быстро склонилась къ упадку и такъ слабо воспротивилась нашествію Турокъ, когда даже самая мѣстность могла много помочь ей въ оборонѣ? Оставивъ въ сторонѣ нѣкоторыя побочныя причины, отчасти объясняющія это странное явленіе, каковы, на пр., собственныя дѣла Угріи и Сербіи, отчужденіе другихъ Сербскихъ областей, Хлума и Неретвы, изводъ власти Сербіи и т. п., имѣвшія немаловажное вліяніе на государственную судьбу Босны, укажемъ на одну главнѣйшую причину, кроющуюся въ самой жизни Босны: это — несчастное стеченіе въ ней противорѣчащихъ на-

¹ Corp. Script. Hist. Byz., Const. P., v. III. De Adm. Imp., cc. 29 — 36.

чалъ. Въ важѣйшихъ основахъ народной жизни встрѣчаемъ два, даже три, начала, которыя постоянно сталкиваются, ослабляютъ, сдерживаютъ одно другое и наводятъ тѣнь, какую-то блѣдность на все, что ни совершается въ судьбахъ Босны. Отсюда это разслабленіе, эта безжизненность, безцвѣтность, эта скороспѣлость, которыя съ перваго раза бросаются въ глаза изслѣдователю. Что ни вынесла Босна изъ различныхъ переворотовъ; что ни добывала она въ перемѣнахъ счастья, все это вмѣгъ исчезало и забывалось всегдашней пустотою. Гдѣ ея законникъ? гдѣ слѣды ея внутренняго, самобытнаго устройства? Ихъ нѣтъ. Она жила одинаковою, ровною, неизмѣнною жизнью, не обновляя ея, не совершенствуясь въ своемъ государственномъ и гражданскомъ бытѣ, не создавая себѣ новой мысли. Старая жизнь dospѣла при ея косности и наконецъ, изживши все доброе, могла снабжать только однимъ худымъ. Къ этому внутреннему разладу присоединился еще внѣшній заразительный примѣръ Греціи, достигшей въ это время до самыхъ крайнихъ итоговъ государственной порчи. Вліанію Греціи можно приписать силу внутреннихъ крамоль, потрясавшихъ Босну, и чрезвычайное ослабленіе правъ престолонаслѣдія чрезъ неоднократное восхожденіе на престолъ незаконныхъ сыновей, или бояръ, за неизмѣненъ законныхъ наслѣдниковъ. Въ Боснѣ не было короля, который бы походилъ въ своихъ дѣйствіяхъ, по внутреннему управленію страню, на царя Сербскаго Душана. Правда, были баны и короли, умѣвшіе искусно пользоваться обстоятельствами и ловко ведущіе Босну по пути государственной самостоятельности; но они мало обращали вниманія на внутреннюю жизнь народа, не врасадись ея преобразовательною рукою, и по тому Босна, при всѣхъ своихъ видимыхъ успѣхахъ въ государственномъ отношеніи, представляла только одну хорошую внѣшнюю сторону, которую она одолжена была постороннимъ благопріятнымъ обстоятельствамъ; въ самой же себѣ она хранила зародышъ внутренняго безсмія, происходившій отъ разногласія между верховною властью и прочимъ населеніемъ. Положимъ, что въ ея бытѣ сохранилось болѣе старожитнаго, такъ какъ она жила издревле одинаковою, никогда не подвергавшеюся преобразованіямъ, жизнью; но эта старина, достигши крайности, вредна самой государственной жизни; ибо, нѣшая благодѣтельными перемѣнамъ, расходилась съ нею все болѣе и болѣе. Какъ Сербію привела къ паденію крайность новизны, что увидимъ ниже, такъ Босна погибла отъ крайности старины.

Отличительною чертою правленія Босны есть частая перемѣна правителей. Босною управляли и туземные, и Угорскіе, и Хорватскіе баны. Ея жупаны, въ то время, какъ она была жупою, происходили изъ туземныхъ бояръ; но баны и короли ея были или туземные бояре, или потомки Угрина Кетромана, или владѣтели собственной Сербіи. Этотъ перемежающійся переходъ отъ одной народности къ другой, это совершенное отсутствіе родоваго преемства, вели къ ослабленію власти и усиленію сословія боярскаго. Самое сильное смѣшеніе властей и неопредѣленность правъ владѣнія, бывшія при Милутичѣ, равно какъ война Душана съ Угрією, когда Босна переходила изъ рукъ въ руки, много содѣйствовали къ уничтоженію опредѣленности отношеній между правительствомъ и народомъ.

То же самое замѣчаемъ и во внѣшнихъ, государственныхъ отношеніяхъ Босны къ прочимъ державамъ. Какъ жупа, Босна соединена была съ Сербією; какъ банство, она то совершенно принадлежала Угрімъ, то отдалялась отъ нея

почти до состоянія полной независимости, то подчинялась Сербіи; какъ королевство, она достигла самостоятельности, но тѣмъ не менѣе не переставала признавать надъ собою верховную власть Угрии. Наконецъ изъ нея самой выдѣлилась новая независимая область—Хлумъ, который, назвавшись воеводствомъ св. Савы, отпалъ отъ нея точно такъ же, какъ сама она отпала отъ Угрии, поднявшись на степень королевства. Поразительна въ Босніи эта разнородность властей, эта неопредѣленность состоянія независимаго королевства выстъ съ подчиненіемъ другой державѣ. Въ этомъ случаѣ Босна представляетъ, можетъ быть, единственное явленіе въ Исторіи. И все это должно было вредно дѣйствовать на ея внутренній составъ и приносить ему одну лишь слабость. Кажется, при такой легкости, съ какою Босна сдѣлалась королевствомъ и стала въ государственномъ отношеніи на одну степень съ Угрію, хотя принадлежала ей, какъ область; при такой безпрепятственности со стороны Угорскихъ королей, можно бы думать, что въ ней было много внутренней силы и единства; но одинъ уже то, что, сдѣлавшись королевствомъ съ явнымъ стремленіемъ къ независимости, она постоянно оставалась подъ верховною властію Угрии, служить лучшимъ доказательствомъ, что не силы ея и не крѣпость внутренняго состава содѣйствовали къ тому, а только обстоятельства самой Угрии, да личныя способности Твъртка I. Повторяю, безцѣльность ея государственной жизни и слабость, какую она постоянно выказывала во всѣхъ вышнихъ дѣлахъ, свидѣлствуютъ, что разнородность началъ, ложившихся въ основаніе ея правленія, имѣла гибельное вліяніе на ея судьбу.

Съ другой стороны, недостатокъ государственной самостоятельности побуждалъ Боснійскихъ правителей къ уклончивымъ дѣйствіямъ въ дѣлѣ вѣры. И здѣсь встрѣтились три разнорѣчающія начала, раздѣлившія народъ на три стороны и лишившія такимъ образомъ Босну одной изъ самыхъ сильныхъ духовныхъ связей, недостатокъ которой откликался и въ гражданскомъ единствѣ. Старѣйшимъ, преобладающимъ вѣроисповѣданіемъ было Православное; за нимъ, по многочисленности послѣдователей, стояла Патаренская ересь; потомъ Римо-католицизмъ. Православіе и Патаренская ересь представляли собою народную сторону и были постоянно покровительствуемы владѣтелями. Послѣдніе видѣли въ нихъ опору самостоятельности и были ревностными послѣдователями того, или другой. Первые туземные баны, Кулинъ и Нинславъ, держались преимущественно ереси; но Сербскіе владѣтели доставляли полное господство Православію. За то позднѣйшіе короли явно оказывали предпочтеніе Римо-католицизму. Бояре же, или, вѣрнѣе, ббльшая ихъ часть, постоянно держались ереси, за что не разъ подвергались обвиненіямъ Латинскаго духовенства. Продолжительность верховной власти Угрии, относительная слабость самой Босны, соседство Римско-католическаго населенія Далмаціи и Хорваціи и, въ послѣдствіи, гроза Турецкая дѣлали связи Босны съ Римомъ неизбежными, и Римъ, черезъ посредство Угрии, выказывалъ много повелительнаго въ своихъ сношеніяхъ съ Босною. Отъ того владѣтели Боснійскіе, начиная уже съ Кулина, должны были носить на себѣ постоянно личину преданныхъ и ревностныхъ слугъ Римо-католицизма и даже иногда дѣйствительными ибрами помогать его успѣхамъ. Но прилужденность и неохотливость, съ каковыми дѣлались всѣ распоряженія въ пользу Римо-католицизма, не могли слишкомъ сильно стѣснять народъ, и по тому въ Босніи Римо-католицизмъ развивался гораздо слабѣе, чѣмъ какъ можно было этого ожидать, судя по важности папскихъ повелѣній и горячности ихъ исполнителей, легатовъ; онъ

распространялся даже много медленнѣе Патаренской ереси. При всемъ томъ разность вѣроисповѣданій, которыя, можно сказать, были въ Боснѣ равносильны, ибо каждое находило себѣ значительную поддержку и пользовалось покровительствомъ или добровольнымъ, но тайнымъ, или явнымъ, но принужденнымъ, много приносила вреда единству Босны, какъ государственной области, и поддерживала въ народѣ противодѣйствующія и взаимно ослабляющія стороны.

Но наиболѣе разногласія видны въ внутреннемъ бытѣ Босны. Сдѣсь недостатокъ опредѣлительности въ представленіи власти выказывался самымъ явнымъ образомъ. Пока Босна была бановствомъ и пока она подчинялася верховной власти той, или другой державы, до тѣхъ поръ собственная ея власть поддержана и защищена была верховною властію посторонней, господствующей державы; но когда ея банъ Твртко провозгласилъ себя королемъ и въ своихъ грамотахъ явно выказалъ желаніе итти по пути независимости, съ этой самой минуты Босна увидѣла себя лицомъ къ лицу съ своими собственными правителями и въ дѣйствіяхъ ихъ должна была ожидать задатка новой и самостоятельной государственной жизни. Ея правители уже не были для нея лицами подчиненными, поставляемыми и смѣняемыми по произволу чуждою властію, до вѣчныхъ и независимыхъ главъ государства. Съ принятія баномъ королевскаго сана и вѣчанія, взглядъ народа на своихъ правителей долженъ былъ измѣниться: новый король возвысился въ глазахъ народа сравнительно съ прежнимъ баномъ; равно и сословіе бояръ стало гораздо далѣе отъ него, чѣмъ какъ стояло прежде. Такимъ образомъ верховная власть, чрезъ возвышеніе званія своего представителя отстранила отъ себя на первый разъ всякое препятствіе и сдѣлалась свободною въ своихъ дѣйствіяхъ. Но такой порядокъ, обѣщавшій Боснѣ лучшую будущность, продолжался лишь самое короткое время. Отсутствие законныхъ наследниковъ сдѣлало Босну позорищемъ страшныхъ внутреннихъ усобицъ. Сдѣсь боярство, какъ сильное, коренное сословіе, снова возвысилось въ своемъ значеніи и явилось не малою помѣхою началу власти. Посторонніе сыновья, или бояре, восходя на престолъ и видя на сторонѣ своей только одну часть народа и бояръ, между тѣмъ, какъ другая выставляла имъ соперниковъ, по неволѣ должны были ограничиваться полумѣрами и во вѣдѣніяхъ своихъ сношеніяхъ наблюдать по прежнему подчиненность Угріи и робость съ Дубровникомъ: ибо независимость Босны не была еще признана никакою изъ иностранныхъ державъ, что ясно доказалъ императоръ Сигизмундъ, а съ другой стороны ловкіе и богатые Дубровничане тотчасъ могли отыскать имъ противника между боярами, примѣръ чему видны на Остоѣ, противъ котораго Дубровничане выставили Павла Радиновича. Все это связывало имъ руки въ ихъ вѣдѣніяхъ и еще болѣе внутри государства, гдѣ они, зная слабость своихъ правъ, не могли предпринять ничего важнаго. Отъ того, видны мы, дѣятельность лучшаго и способнѣйшаго короля остается бесплодною для внутренняго быта страны. Ища опоры, Боснійскіе владѣтели должны были угождать всѣмъ и каждому внѣ и внутри своего государства. Это несчастное положеніе ихъ происходило отъ недостаточности правъ на престолонаслѣдіе. Незаконнорожденный сынъ наследовалъ таковому же отцу, и третье, четвертое колѣно незаконныхъ восходило на престолъ. Въ этомъ отношеніи Босна представляетъ собою плачевный и чуть ли не единственный примѣръ въ Исторіи. Правда, въ сосѣдней Греціи и Сербіи были

подобные примѣры; но тамъ они повторялись рѣже и не съ такою послѣдовательностью. Тамъ не менѣе вліянію этихъ двухъ странъ и преимущественно первой, у которой позанялась и вторая, должно приписать этотъ нравственный развратъ Босны.

Видною, но мало дѣйствительною, опорю для себя Боснійскіе владѣтели считали свое мнимое родство съ угасшимъ домою Немани. Зная, какъ Сербы уважали родъ Неманичей, почитая его утвердителемъ своей земли, и признавая, вѣсть съ народомъ, многихъ изъ его членовъ святыми, короли Боснійскіе спѣшили въ грамотахъ своихъ провозгласить себя прямыми потоками Немани и законными наследниками его достоянія, Сербской земли. Первый къ этой мысли прибѣгнувъ Твртко Владиславичъ и вѣстоиъ вѣнчанія своего избралъ Милешево, гдѣ поклонилъ мощи св. Савы, перваго архіепископа Сербіи, вѣнчавшаго на царство и перваго короля Сербскаго, Стефана, своего брата. Это мнимое родство съ Неманичами нужно было для Твртка и его преемниковъ и въ государственномъ отношеніи; ибо послѣ паденія Сербіи отъ меча Турокъ, Босна одна осталась представительницею Сербской независимости и вѣсть обладательницею подпавшихъ подъ Турецкую власть Сербскихъ областей. Наконецъ предъявленіе выгодно было и по тому еще, что православному населенію Сербіи и Босны представляло владѣтелей тоже какъ православныхъ и вообще придавало видъ законности ихъ притязаніямъ на Сербію, не смотря на то, что ею давно уже владѣли Турки. По этому—то и не удивительно, что личное вѣроисповѣданіе Боснійскихъ королей остается не рѣдко загадкою для историковъ и разгадать его вовсе нельзя изъ того, кому они открыто покровительствовали. Частыя обвиненія въ ереси, возводимыя на нихъ папскими легатами, а съ другой стороны замѣчательное спокойствіе Боснійскаго народа въ дѣлѣ вѣроисповѣданія и вдругъ сильное движеніе его и разединеніе при послѣднемъ королѣ, когда тотъ слишкомъ явно, а можетъ быть, и чистосердечно выказалъ свою преданность Латинской вѣрѣ, показываютъ, что короли поддерживали у себя вѣротерпимость и сами тщательно скрывали свое личное исповѣданіе, чтобы равно привлекать къ себѣ всѣ три вѣроисповѣданія.

Важнѣйшимъ сословіемъ въ Боснѣ является боярство. Оно росло искони на сѣвнѣйшей почвѣ, не подвергаясь никакимъ разрушительнымъ переворотамъ, почерпая для себя новыя силы въ быстрыхъ сдѣлахъ владѣтелей и скрѣпляя все тѣснѣе и тѣснѣе свои сословныя узы. Оно принимало главнѣйшее участіе во всѣхъ государственныхъ событіяхъ, и среди нихъ, какъ крѣпкое, осѣдлое сословіе, успѣло обособить свои сословныя выгоды и стремленія. Оно помогало искателямъ престола; оно же и выставило имъ соперниковъ; въ средѣ его укрывались соперники. Отъ времени, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, оно до того укоренилось и отуземилось, что изъ него вышло нѣсколько родовъ, представлявшихъ собою полунезависимыхъ и богатѣйшихъ землевладѣльцевъ, вся сила коихъ заключалась въ области, гдѣ они жили. Коренная, отличительная черта Славянскаго быта—осѣдность или туземность, основанная на поземельности владѣнія, произвела такіе сильные роды, каковыми были, на примѣръ, Санковичи, Яблановичи, Храничи, владѣвшіе цѣлыми областями и распоряжавшіеся ими по своему желанію, такъ что королямъ оставалось только подтверждать и укрѣплять свою верховную властію ихъ произвольныя сдѣлки. Нѣкотораго рода отдаленность старинныхъ областей, Хлума и Травуни, отъ ядра государства, Босны, много способствовала усилению нѣкоторыхъ област-

ныхъ родовъ. Въ самой Боснѣ мы не видимъ ни одного сильнѣйшаго боярскаго рода, который бы значительно возвышался надъ другими; но въ Травуни и Хлумѣ находимъ по одному такому владѣтельному роду, подъ которыми стоятъ другіе княжескіе и извѣстные боярскіе роды. Въ первой является сначала Санко съ своими сыновьями, послѣ которыхъ родъ этотъ быстро исчезаетъ и первенство переходитъ къ Яблановичамъ. Павелъ Радиновичъ Яблановичъ былъ нѣкогда соперникомъ Остон. Радославъ Павловичъ и Иванишъ Радославичъ поддерживали славу и первенство своего рода. Подъ ихъ грамотами подписывались свидѣтелями сподручные имъ бояре, и около нихъ толпились власти ихъ племени и прочіе боярскіе роды. Еще сильнѣе развилось боярство въ Хлумѣ, который никогда не былъ совершенно соединенъ ни съ какимъ государствомъ, и хотя постоянно занималъ второстепенное мѣсто, однако сохранилъ въ себѣ искру самостоятельности. Въ немъ сидѣлъ знаменитый родъ Храничей со многими родственными домами и сподручными властями. Главнѣйшимъ представителемъ его былъ Стефанъ Косача. Этотъ бояринъ выразилъ яснѣе всѣхъ мысль своей области, и, подобно тому, какъ Босна отрѣшилась отъ Угрии, такъ онъ съ своею областію отсталъ отъ Босны. Въ какихъ отношеніяхъ стояла Босна къ Угрии послѣ вѣнчанія Тврѣтка I на королевство, въ такія точно отношенія сталъ къ Боснѣ Хлумъ, когда Косача доставилъ своей области названіе воеводства св. Савы, а себѣ санъ Нѣмецкаго воеводы или герцога, блюстителя гроба св. Савы. Не смотря на то, что Хлумъ долѣ Босны держался противъ напора Турокъ, надобно сознаться, что усиленіе боярства, повлекшее за собою раздѣленіе областей, ослабило государственную силу Босны и было одною изъ главнѣйшихъ причинъ того, что Босна сдѣлалась такою легкою добычею разрушителей Греческой имперіи. Вообще, хотя цѣлости и силъ боярскаго сословія Босна обязана сохраненіемъ въ ббльшей бережности своего стариннаго быта, однако, при ослабленіи королевской власти въ слѣдствіе отсутствія законныхъ наследниковъ, усиленіе боярства, пособствуемое стариннымъ поземельнымъ бытомъ, нарушило правильныя и благотѣльныя отношенія между подданными и верховною властію и произвело ту путаницу, которая разрушительно дѣйствовала во внутреннихъ дѣлахъ и вѣншихъ сношеніяхъ и отозвалась напоследокъ конечною гибелью Босны.

Г Л А В А III.

С Е Р Б И Я.

За Босною слѣдуетъ *Сербія* или, вѣрнѣе, собственная Сербія. Къ ней менѣе всего относятся наши грамоты, а по тому и изслѣдованія мои будутъ касаться только важнѣйшихъ историческихъ явленій, нужныхъ для связи изложенія, да тѣхъ событій, которыя изрѣдка, какъ даръ памятниковъ, выпадаютъ на долю Сербіи.

Во второй четверти VII вѣка (636—638), въ слѣдъ за Хорватами, пришли на Брачійскій полуостровъ Сербы и поселились, по прежнему, рядомъ съ Хорватами. О расселеніи ихъ первый разсказалъ намъ Константинъ Багрянородный; Шафарикъ, въ своихъ Древностяхъ и на своемъ Землевидѣ, представлялъ его въ живомъ, наглядномъ образѣ по послѣднимъ итогамъ науки. Мы видимъ, что Сербы заняли страну, лежавшую между рѣками Моравою, Дунаемъ, Савою, Врѣбасомъ и Цетиною, Синимъ моремъ, Скадарскимъ озеромъ и рѣками Дринцемъ, Ибаромъ и Сербскою Моравою. Главный хребетъ горъ раздѣлялъ всю Сербію на двѣ половины: въ западной лежали области Неретва, Хлумъ, Травунія и Зета; въ восточной Босна и собственная Сербія.

Сдѣсь представляется вопросъ, въ какомъ взаимномъ отношеніи находились этѣ области до Стефана Немани? Скучныя и отрывочныя извѣстія лѣтописцевъ, такъ искусно собранныя, очищенныя и связанныя Шафарикомъ, не рѣшаютъ вполне этого вопроса; но, по нашему мнѣнію, этѣ области до Немани, котораго смелыя и позднѣйшіе лѣтописцы не даромъ называютъ «собрателемъ Сербской земли», находились въ состояніи разъединенія. Не взирая на то, что великіе жупаны собственной Сербіи, сначала изъ Дестницы, потомъ изъ Дукли и наконецъ изъ Расы, часто предъявляли свои права на всю Сербскую землю и называли себя королями (гех) всего Сербскаго народа (Михаилъ 1050—1080, Вуканъ 1089—1105); не взирая на то, что лѣтописцы имъ преимущественно посвящаютъ свой разсказъ: мы не имѣемъ причины думать, чтобы всѣ Сербскія области охотно повиновались ихъ власти. Нѣкоторыя отрывочныя извѣстія Византійскихъ и Западныхъ лѣтописцевъ проливаютъ мѣстами свѣтъ на этѣ области, вообще покрытыя мракомъ неизвѣстности. Неречане, отличавшіеся преимущественно передъ другими любовью къ независимости и буйной, морской жизни, постоянно оставались совершенно свободными въ своемъ управленіи, торговлѣ, вѣроисповѣданіи. Только на короткое время видимъ ихъ во власти великаго жупана Петра изъ Дестницы и потомъ они снова начинаютъ вести вольную и отважную жизнь, занимаясь морскими разбоями и защищаясь отъ нападенія Венеціанъ. Въ Травуніи жупанъ или князь Крайна, женатый на дочери Властимира, великаго жупана (836 — 843), получилъ

право независимости, которое перешло и на сыновей его¹. Въ Захлумѣ сидѣли независимые князья, изъ коихъ извѣстнѣе прочихъ Михаилъ Вышевитъ. Родъ его, по свидѣтельству Багрянороднаго, былъ изстари владѣтельнымъ въ Хлумѣ и велъ свое начало отъ азычскихъ Сербовъ². Сербскіе лѣтописцы сохранили преданіе о бѣгствѣ дѣда Немани, Бела Уроша, въ Захлумье, которое, слѣдовательно, было независимо отъ собственной Сербіи³. Константинъ Бодинъ (во второй половинѣ XI в.) велъ войну съ Боснійскимъ и Раскимъ жупанами, которыхъ и побѣдилъ⁴. Въ Зетѣ при Немани оставались независимые князья, два брата, Радославъ и Иванъ, которые наконецъ бѣжали отъ Немани въ Дубровникъ⁵. Владимиръ, третій ихъ братъ, владѣлъ Расою; но также былъ прогнанъ Неманею въ Дубровникъ⁶. Хотя Исторія указываетъ на таковыхъ князей промежутокми, въ разное время и въ разныхъ областяхъ; однако не вѣроятно, чтобы они добровольно отказывались отъ своей власти въ пользу Сербскихъ великихъ жупановъ, но вѣроятнѣе, что они передавали ее своимъ преемникамъ, если только кто силою не покорялъ ихъ⁷. Если присоединить къ нимъ Дестиницкихъ, Дукайскихъ и Раскихъ жупановъ, то увидимъ, что каждая область Сербскаго племени имѣла своихъ болѣе, или менѣе независимыхъ князей.

Около 1120 года на великожупанскій престолъ возшелъ Раскій жупанъ, Бела Урошъ, котораго туземные лѣтописцы считаютъ родоначальникомъ Неманевскаго дома и дѣдомъ Немани. Историкъ, едва успѣвавшему до сихъ поръ слѣдить за бѣглыми извѣстіями Сербскихъ и иноземныхъ лѣтописцевъ, озадаченному быстрымъ ходомъ прерывающихся событій, неяснымъ выраженіемъ народной мысли, частою смѣною власти и переходомъ ея отъ одного рода къ другому, пріятно достигнуть предѣла, за которымъ уже постоянно мерцаетъ свѣтъ Исторіи и событія становятся яснѣе, жизнь народная развивается полнѣе и мысль, выработанная народомъ и его властителями, проявляется нагляднѣе. Съ Бела Уроша мы замѣчаемъ начало преемственности въ одномъ родѣ по общему Славянскому закону старшинства. Ему наследуетъ сначала старшій сынъ, Чедомиръ, потомъ младшій, Тѣхмиръ, который быстро свергаетъ съ престола двухъ незаконныхъ притязателей, зятя своего, Белуша, и брата его Прибислава, отважившихся, было, наследовать Чедомиру. Стяженіе областей началось съ Бела Уроша, который, уже по праву собственности, распорядился Босною, отдавъ ее, въ приданое за дочерью, Угорскому королевичу. Хлумъ былъ при немъ независимымъ, ибо онъ бѣгалъ туда отъ какихъ-то внутреннѣхъ смутъ. Пользуясь не установившеюся еще властію и происходящею отъ того слабостію народа, Мануилъ Комнинъ выказалъ, но уже въ послѣдній разъ для Гре-

¹ *Ποιῦσας αὐτὸν αὐτεξούσιον*. Const. Porphyrog. de Adm. Imp. Corp. Script. Hist. Byz., v. III, с. 34, р. 161.—Stritter, II, 408. Впрочемъ Багрянородный тамъ же свидѣтельствуесть, что Трагуния постоянно повиновалась Сербскому князю.

² Багрянородный называетъ его проконсуломъ и патрициемъ, а его владѣнія *ἡ ἀρχοντία*. Захлумцы, по его словамъ, вмѣстѣ съ другими Славянами, когда Римское владычество ослабѣло, *γεγονάσθιν ἰδιόρρυθμοι καὶ αὐτοκράτορες, τσι μὴ ὑποκείμενοι*. Ib. с. 29, р. 128; с. 35, р. 160.—Stritter, II, 406, 414.

³ См. Лѣтописца, у Шафарика въ Наматникахъ, стр. 57 и 68.

⁴ Шафар. Slow. Starož., II, IV, § 31, 2, 3, 4. Слав. Древн., II, I, 413—425.

⁵ Luccari, Annali di Rausa, стр. 21, 25.—Орбини, стр. 219, 220.—Dufresne, Famil. Dalm. et Slavon., гл. III, § XLVIII.—Engel, Gesch. v. Serv. u. Bosn., стр. 201, 202.

⁶ Орбини, стр. 220. Источники см. у Дюфрена, Famil. Dalm. et Slavon., гл. III, § XLVIII.

⁷ Ср. Шафар., Slow. Starož. II, IV, § 31, 2, 3, 4. Слав. Древн., II, I, 413—425.

ци, свое преобладающее влияние во внутренних делах Сербии. Последнее действие Византийского преобладания состояло в возведении на великожупанский престол младшего сына Тьхомила, Немани. С этой поры внимание историка сосредоточивается постоянно на господствующем родѣ Немани, и другія Сербскія области уступаютъ государственному началу, внесенному домоу Немани. Византийскіе летописцы падение Тьхомила и возведение Немани приписываютъ Мануилу Комнину, который такимъ образомъ нарушилъ, по праву сильного, обычный родовой порядокъ, по которому у Сербовъ, какъ и у прочихъ Славянъ, старшій братъ имѣлъ преимущество передъ младшими. Но сильный духомъ Неманя, воспользовавшись содѣйствіемъ Греческаго императора, остался на престолѣ и тѣмъ нанесъ первый ударъ стариннымъ родовымъ счетамъ. Впрочемъ, честь окончательнаго удара этимъ счетамъ принадлежитъ не ему, но одному изъ его преемниковъ, какъ увидимъ послѣ. Онъ же, какъ настоящею своею заслугою, можетъ гордиться тѣмъ, что власть верховную сосредоточилъ въ своемъ родѣ (такъ что въ послѣдствіи даже незаконные сыновья, прикрываясь своею мнимою принадлежностію къ дому Неманевскому, восходили на престолъ), совокупилъ, сколько возможно было, Сербскія области, и внесъ въ ея внѣшнюю жизнь государственное начало. Въ этомъ его великая заслуга.

Сынъ Немани, Стефанъ Первовѣнчанный, написалъ жизнь своего отца. Въ ней, между прочимъ, упоминаетъ онъ о великомъ мятежѣ, бывшемъ въ Сербіи, Дуклѣ, Далмаціи и Трауніи, въ слѣдствіе котораго родитель Немани былъ изгнанъ братьями и удалился въ свою родину, Дуклю, гдѣ у него и родился сынъ Неманя. Св. Сава, другой сынъ и жизнеписатель Немани, точнѣе опредѣляетъ мѣсто рожденіе отца, говоря, что онъ родился въ Зетѣ на Рыбницѣ. Изъ предыдущаго извѣстія узнаемъ, что, по смерти Бѣлы Уроша, между сыновьями его происходили распри, заставившія младшаго брата, Тьхомила, бѣжать въ Дуклю. Если справедливо, что въ 1151 г. Чедомиръ еще былъ живъ и сидѣлъ на престолѣ, нѣтъ непріязненныхъ сношеній съ Мануиломъ Комнинымъ, и если вѣрно показаніе другаго сына Немани, св. Савы, что Неманя родился въ 1144 г., то бѣгство Тьхомила и рожденіе младшаго его сына случались еще во время властвованія Чедомира. Между областями Стефанъ не упоминаетъ о Неретвѣ, Захлумьи и Боснѣ — и справедливо, ибо двѣ первыя пользовались въ это время независимостію, а послѣдняя принадлежала Угріи. Надъ остальными землями, спустя нѣсколько времени послѣ своего бѣгства, воцарился Тьхомиръ, возвратясь, по выраженію Стефана, на стольное мѣсто. Послѣ него сыновья его раздѣлили между собою Сербскую землю: на это намекаетъ Стефанъ, говоря объ удѣлѣ Немани, какъ младшаго брата: *въдрастъшоу же имоу до ѡтроутымъ и примитоу усть (часть) ѡтуустиени сконго рикомоу топлиноу, нерь же и глаголимимъ рикъ*. Слѣдовательно, Неманя получилъ югозападный уголъ собственной Сербіи, гдѣ протекалъ Ибаръ и гдѣ лежали Топлица, близъ устья р. Косльницы, Ибаръ, на р. Студеницѣ, и Раса, на рѣкѣ Рашкѣ или Расинѣ. Изъ извѣстій о мѣстѣ построенія церкви старшими его братьями, сообщенныхъ позднѣйшими летописцами, видимъ, что Завидъ держался на р. Лимѣ¹, Срацимиръ на Моравѣ, Первославъ въ Будимлѣ. Слѣдовательно, удѣлы старшихъ братьевъ окружали удѣлъ младшаго. Что братья имѣли свои удѣлы, то это

¹ Летописецъ ошибается, прибавляя сюда выраженіе *къ босни*: въ другомъ летописцѣ этой прибавки нѣтъ.

доказывается еще выраженіемъ жизнеписателя, который, по поводу построения Неманею храма св. Николая близъ храма Богородицы, именуемаго на устьи Банской рѣки, говоритъ о совѣщаніи Неманиныхъ братьевъ со старшимъ своимъ братомъ, «владѣвшимъ тогда *сею* странною Сербіи.» Впрочемъ, болѣе ясныхъ указаній на удѣлы нѣтъ. Но по чему именно Немани досталась Раса, считавшаяся главнѣйшимъ городомъ, если не всей собственной Сербіи, то, по крайней мѣрѣ, того угла, который замѣтно преобладалъ надъ прочими, и въ которомъ столкнулись владѣнія всѣхъ четырехъ братьевъ? На это положительно отвѣчать нельзя, за неимѣніемъ ясныхъ указаній; но можно догадываться, что здѣсь участвовало вліяніе Византіи. Сербскіе лѣтописцы молчатъ объ этомъ событіи, ибо въ ихъ глазахъ внутренніе расчеты все же были сильнѣе внѣшнихъ причинъ. Надобно, однако, сознаться, что Неманя не одинъ, но съ чужою помощью нарушилъ родовыя права, а по тому новость эта, какъ не условленная еще внутренними потребностями самой народной жизни, какъ преждевременная, не нашла себѣ надлежащей опоры, и родовые счеты продолжали еще долгое время дѣйствовать въ родѣ Немани. Родовые счеты занимали ближайшаго къ тому времени вѣчнаго лѣтописца: мало обращая вниманія на содѣйствіе успѣхамъ Немани со стороны Греческаго императора, онъ преимущественно занимается взаимными отношеніями между братьями. Изъ его словъ видимъ, что старшіе братья, лишенные всѣ великожупанскаго достоинства, соединенными силами подыскиваютъ подъ своимъ меньшимъ братомъ. Но на первый разъ заступничество Мануила Комнина, подарившаго Немани Глубочицу, спасло его отъ братьевъ. Во второй разъ, когда Неманя началъ строить храмъ св. Николая, близъ храма Богородицы, именуемаго на устьи Банской рѣки, старшіе братья ревностно злою и гнѣвомъ иречь одержимы, приступили къ нему съ такими словами: пошто ткорниши символы не скривае ѿ силъ сами, имъ ти не подобае ткорити? Въ этихъ словахъ явно выражался упрекъ въ томъ, что младшій братъ не слушался старшихъ и дѣйствовалъ безъ общаго совѣта, требуемаго родовымъ правомъ. Потомъ братья, свѣрившись съ старшимъ ѿ брати мго, владѣющею тогда сею змяною сръпскою, схватили его и заключили въ пещеру, изъ которой онъ, однако, освободился чудеснымъ образомъ¹. Братья, какъ видно, согласовались съ родовымъ обычаемъ и не прежде приступили къ дѣйствию, какъ по совѣщанію со старшимъ братомъ. Выраженіе жизнеписца, что тогда *сею* землею Сербскою владѣлъ старшій братъ, и совокупность дѣйствій всѣхъ трехъ старшихъ братьевъ могутъ на время поколебать наше предположеніе объ удѣлахъ: говоритъ, на время, ибо существованіе удѣловъ при Немани и послѣ Немани, хотя и въ ограниченномъ объемѣ, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Самъ Неманя, по смерти своихъ братьевъ, отдалъ ихъ сыновьямъ въ удѣлъ Захлумію, какъ свидѣтельствуемъ одинъ изъ Сербскихъ лѣтописцевъ². Потомъ позднѣйшіе Неманичи, Вуканъ, Драгутинъ и др., служатъ тому вѣрнымъ доказательствомъ. Естественное всего допустить, что братья, оставаясь каждый при своемъ удѣлѣ и признавая надъ собою старшаго, продолжали считать Сербію общиною владѣніемъ своего рода, для чего признавали надъ собою власть старшаго брата и совѣщались между собою въ дѣлахъ. Выраженіе *сею* землею Сербскою можно понимать безъ ука-

¹ См. Гласникъ, ч. V, стр. 26.

² Гласникъ, ч. V, стр. 30.

занія на отдѣльный удѣлъ, а въ общемъ смыслѣ всей Сербской земли. Подобное тому общее указаніе находимъ въ грамотѣ Немани (А. № 1): дарока нашимъ предкомъ и нашимъ дядомъ. овладати сиюю зымою сръбскою. Въ послѣднемъ случаѣ наше предположеніе объ общности владѣнія между тремя старшими братьями еще болѣе подтвердится. Можно даже предполагать, что сею замѣняетъ сдѣсь всю или зсю. Неманя поступилъ на этотъ разъ, какъ государственный мужъ: онъ нарушилъ общность владѣнія всего рода, захватилъ себѣ часть «своего отечества» вопреки старшимъ братьямъ, отставившимъ права родовой собственности; онъ же явился и самовластителемъ, построивъ храмъ во владѣніяхъ старшаго брата, который выставилъ себя главою Сербской земли. Не мудрено, что братья, не освоившіеся со столь внезапною переменою родовыхъ отношеній, вознегодовали на виновника этой перемены. Въ третій разъ поднялись они на младшаго брата, соединясь съ Греческими наемниками, Фругами, Турками и другими народами. Жизнеписатель называетъ ихъ сдѣсь просто врагами, разогнанными Неманею по иноплеменнымъ землямъ; но ясно, что онъ разуметь сдѣсь внутреннихъ враговъ, а дальнѣйшія слова его прямо указываютъ на братьевъ. Близъ Звечана произошла битва, и Неманя разбилъ враговъ на голову и разсѣялъ ихъ; при этомъ одинъ изъ братьевъ утонулъ въ рѣкѣ. Послѣ этого братья утихли и внутреннія усобицы прекратились. Не одна сила Греческаго императора поддерживала Неманю; но въ немъ самомъ было довольно мужества и твердости духа для поддержанія своего достоинства. Еще при жизни Мануила Неманя слылъ у Грековъ, какъ *ὁ τῶν Σέρβων βασιλεὺς ὑπὲρ ὃ δεῖ θρασύτερος γέγονε, καὶ κακόβηλος ὢν τις ἠγῆται σοφὸν το περιεργον καὶ τὴν ἐπισυμίαν τρέφων ἀνόριστον καὶ πρὸς τὰ ἐκεῖ πάντα διαπλωθῆναι φιλονεικῶν τοῖς ἐκ τοῦ αὐτοῦ φύλου βαρῦς ἐπίπτει καὶ ξίφει τὸ γένος μέτεσι, μήτε μὴν τὰ οἰκεία εἰδὼς μέτρα Χорβατίαν ὑποποιεῖται, καὶ πρὸς ἑαυτὸν ἐπισπᾶται τῶν καττάρων τὴν κυριότητα*. Но въ чемъ состояла его отвага и дерзость, это видно изъ дальнѣйшихъ словъ летописца: *τῷ δὲ τοπάρχῃ Νεμᾶν οὕτως ἀναρβίου μετὴν φρονήματος ὡς εὐθὺς ἔξευκεῖν ἀκήρυκτον πόλεμον καὶ Ῥωμαίοις ἐπεισπεσεῖν*¹. Тѣмъ не менѣе онъ еще признавалъ надъ собою верховную власть Греціи. Когда же умеръ Мануилъ, тогда и самые слѣды этой зависимости сгладились, и Неманя сдѣлался независимымъ владыкою Сербской земли. Теперь онъ видѣлъ удобный случай къ расширенію извѣстъ предѣловъ своего владѣчества. Въ соединеніи съ Угорскимъ королемъ, онъ разрушилъ у Грековъ Средецъ (Софію); потомъ одинъ захватилъ города: Перьникъ (Петръникъ), Стобъ, Землянъ, Вельбуждъ, Житомирскъ, Скопле, Лѣшскъ, Градецъ, Призръвѣ, Нишъ, Сврльгъ, Равьный и Козелъ. Хотя жизнеписатель и говоритъ, что всѣ эти города были имъ разрушены до основанія, не оста бо камень на камени иже не смроушмисе. иже и повъздангошесе и до сего дьне; однако мы увѣрены, что не всѣ города потерпѣли эту плачевную участь, ибо многіе изъ нихъ вскорѣ снова являются мѣстомъ событій. Слѣдствіемъ этой войны было присоединеніе къ Сербіи областей Нишевской и Призръвской. Сверхъ того, присоединены были: Липляна, Моравя, Враньный и оба Пилота. Въ Скоплѣ и Нишѣ были построены храмы. Наконецъ, видя Дукалю и Далмацію, отъустко и рождинимъ словъ истокоту дядиноу свою, въ рукахъ Грековъ, успѣвшихъ поселиться въ

¹ Corp. Script. Hist. Byz. Nicetas Choniata, de Man. Comn., l. V, p. 206. — Stritter, II, 190.

ней и построить города, онъ обратилъ на нее свое оружіе, прогналъ Грековъ и разрушилъ выстроенные ими города, концы имена суть слѣдующія: Даяъ, Сардоники, Дривость, Росафъ или Скодръ (Скадаръ), Свачь, Лицпачъ, Баръ. Сдѣсь опять жизнеписатель увлекся: но всѣ города были въ это именно время выстроены Греками и не всѣ были разрушены Неманею. Въ Барѣ онъ создалъ храмъ св. Николая. Въ Которѣ, равномѣрно завоеванномъ, онъ воздвигъ для себя дворець. Сербы, жившіе въ Зетѣ, при этомъ случаѣ были оставлены въ покоѣ. Позднѣйшій лѣтописецъ упоминаетъ о тѣхъ же, но только не о всѣхъ, городахъ, присвоенныхъ Неманею; но другой, современный Стефану, жизнеписатель Немани, братъ предыдущаго, св. Сава, нѣсколько иначе именуетъ пріобрѣтенія Немани. По его словамъ, Неманя пріобрѣлъ отъ Поморской земли Зету, отъ Рабна (Арбанасъ, Албаніи) оба Пилота, отъ Греческой земли Патково (принадлежавшее прежде Булгарамъ), Хвостно, Подрилье (около Призрѣна), Костръць, Дръжковину, Ситницу, Лабъ, Липляну, Глубочицу, Рѣку, Ушку, Поморавіе (земли по восточному рукаву Моравы), Загрьлату, Лѣвче и Бѣлицу. Впрочемъ, если припомнимъ положеніе извѣстныхъ намъ городовъ, то увидимъ, что края, пріобрѣтенные Неманею, были тѣ же самыя, о которыхъ говорятъ и Стефанъ. Вообще они прилежали къ Сербіи съ югозапада, юга и юговостока. Самъ же Неманя, въ своей жалованной грамотѣ (А. № 1), съ которой, судя по сходству выраженій, списывалъ св. Сава начало жизнеписанія своего отца, хотя и сходится съ св. Савою въ описаніи своихъ пріобрѣтеній; однако нѣкоторыхъ городовъ у него не достаеетъ и прибавленъ одинъ городъ, Лепентца. Такимъ образомъ владѣнія Немани доходили на западъ до моря и обнимали всю Зету за Скодръ и Баръ до Подрилья и до Пилотовъ въ Албаніи, на югъ до Призрѣна, Скопя, Враны и береговъ Булгарской Моравы, на юговостокъ за Лешковедъ и Нишъ¹. Наконецъ, послѣ мира его съ Исаакомъ Ангеломъ въ 1192 г. Греческая царица, Евдокія, дочь Алексѣя Комнина, отдала руку сыну его, Стефану. Дружественныя сношенія съ императоромъ Фридрихомъ I, проходившимъ черезъ Сербскія земли въ Палестину, ок. 1188 г., показываютъ, что Неманя хотѣлъ и со стороны Запада, быть можетъ, въ противодѣйствіе Угріи, обезпечить свои владѣнія. Неманя былъ первый государственный мужъ Сербіи. По своимъ дѣйствіямъ, внутреннимъ и внѣшнимъ, онъ стоялъ гораздо выше своихъ предшественниковъ. Счастливо отдѣлавшись отъ усобиць, онъ умѣлъ сдержатъ въ повиновеніи своихъ родичей и положилъ основаніе самодержавію въ Сербіи, явившись первымъ собирателемъ земли Сербской. При немъ отношенія областей къ великожупанскому престолу измѣнились. Онъ роздалъ области или своимъ родичамъ, или слугамъ. Зета, Хлумъ и Травунія повиновались ему. Нижняя Зета утратила, кажется, послѣднихъ независимыхъ владѣльцевъ своихъ въ лицѣ братьевъ Радивою и Ивана. Верхняя Зета, равно какъ Травунія и Хлумъ оставались за домою Немани, и именно, если не ошибаемся, за его братьями, которыхъ принадлежала и нижняя Зета, какъ намекаетъ на то преданіе, сохраненное иностранными историками объ участіи Неманиныхъ братьевъ въ поко-

¹ Впрочемъ, многія изъ завоеваній были возвращены Греціи (не при бракѣ ли Стефана съ Евдокіею?), ибо въ позднѣйшей грамотѣ Немани намекается на то, что Призрѣнъ принадлежалъ снова Греческому царю. Ниспросихъ парини (приходы, церковныя владѣнія) оу цѣри оу призрѣнѣ — пишетъ Неманя (А. № 1): иначе не надобно бы было спрашивать.

реніи ея независимых князей. Въ завоеванной имъ въ 1169 г. Босня¹ правилъ покорный ему банъ, самъ ли Кулинъ, или еще предшественникъ его — неизвѣстно. Спустя нѣсколько лѣтъ, сдѣсь является могучій банъ Кулинъ, родичъ Немани² и вѣрный его сподручникъ, сберегшій свою независимость для того, чтобы тотчасъ послѣ Немани вручить ее Угріи. Даже Неретва, которая давно уже отпала отъ Сербіи и несла одинаковую участь съ Приморскою или Хорватскою Далмаціею, принадлежала нѣкоторое время Немани³. Одинъ сынъ называетъ Неманию «погибшихъ обновителемъ», «иужемъ, собравшимъ свою погибшую землю»; другой сынъ пишетъ о немъ, что онъ «обновилъ отчинную дѣдину и больше утвердилъ», что онъ былъ «самодержавнымъ господиномъ надъ всею Сербскою землею», къ истинной во снѣ дикымъ и страшнѣе вѣсть вѣстьмъ жикоуцимъ оирьеть сьвѣ. Доментіанъ, въ Житіи св. Савы, называетъ его самодержавнымъ владыкою Сербскихъ земель, ѣ глѹтсѣ. дѣмѣтѣ. дѣлматѣ. тѣквѣтѣ. мѣстоуѣ оуѣо. мѣлѣрѣи приближающѣ дѣлматѣ жѣ. рѣмѣтѣи мѣлѣтѣи прилѣжѣтѣ. Безыменный лѣтописецъ называетъ его «великимъ жупаномъ и самодержавнымъ господиномъ всѣхъ Сербскихъ земель, Поморія къ западу и Діоклитія и Далматія и Захлумія и Травунія къ Истру». Такъ и другой безыменный лѣтописецъ. Отсюда видно, какія области принадлежали къ Сербской державѣ. Что должно разумѣть подъ Далмаціею, которую, какъ мы видѣли, лѣтописцы всегда соединяютъ съ Дуклею (Діоклитіею)? Мы уже знаемъ, что разумѣли Греки подъ Далмаціею въ обширномъ и тѣсномъ смыслѣ. Бандури, стараясь объяснить различныя представленія, соединяемая со словомъ Далмація, приводитъ слова Лучича: *ita quando a Slavis occupata fuit, sublati his distinctionibus, ab oriente, Dyrrachio sive Drino flumine; ab occidente Istria sive Arsia flumine; a septentrione, Albio, Bebio et Ardio montibus, a meridie, mare Adriatico sive Dalmatico terminabatur.* Андрей Дандоло въ рукописи, упоминаемой у того же Бандури, полагаетъ

¹ Такъ Шафарикъ (*Slow. Starožit.* II, IV, 649. Слав. Древн. II, I, 424); но еще ранѣе Босния стала подыматься противъ Угріи. Есть извѣстіе, что при Стефанѣ III какой-то *miles, Gotfridus nominatus, de Mezensi regione, поселился въ Угріи и, по повелѣнію Короля, ходилъ adveniens duces de Voyna, quo devicto ad regem revertens.* Это объясняется само собою, если только вспомнимъ, что Борисъ велъ весьма двусмысленную политику относительно Угріи. Отстраняя Боснию отъ Угріи во время войны Мануила съ Геѣзою II и Стефаномъ III, онъ облегчилъ для Немани ея завоеваніе. (*Simon de Keza, De nobilibus advenis. Regum Hungaricarum. Monumenta Agradjana, ed. S. L. Endlicher, 1848. P. 14 p. 127*).

² Лѣтописцы и историки перепутываютъ родственными отношеніями между ними: изъ ихъ показаній одно только можно вывести заключеніе, что банъ Боснійскій и Немани были между собою въ какомъ-то родствѣ.

³ Engel, *Gesch. v. Serb. u. Bosn.*, стр. 201. Передъ этимъ въ послѣдній разъ видимъ ее подъ властію Сербіи при великомъ жупанѣ Петрѣ въ 917 г. (*Corp. Script. Hist. Byz. Const. Porphyrog., de Adm. Imp., c. 32. — Stritter, II, 415*). Любовь къ независимости и морскимъ разбоємъ поставили ее въ непріятное положеніе относительно сосѣдей. Венеція въ XI ст. сокрушила могущество Неречанъ, которые, однако, послѣ того еще долгое время славились на морѣ своими грабежами, навлекая на себя глѣвъ не только Венеціи и Угріи, но и самимъ Далматскимъ городамъ. Южная часть древней Неретвы принадлежала Хлауи и вмѣстѣ съ нимъ составляла владѣніе Боснии.

⁴ Рукопись подъ заглавіемъ: *Житіе и подемѣи къ вѣстии съ бѣгомъ и ѣсоуѣ хоуѣтѣи и бѣуѣсти уюдѣсѣ снѣоуѣдѣиѣ. ѣже къ стѣмъ бѣдѣ нашѣ сѣмѣ. прѣблѣго архѣпѣиѣи и оуѣнтѣлѣ сѣрѣвѣснаго. снѣсѣсно прѣжнѣи доментіанѣо іѣрѣмонахѣо. монастырѣа хлѣмѣдѣрѣа нариѣдѣмаго.*

⁵ *Stritter, II, 19.*

границами Далмаціи на сѣверѣ Истрію, на югѣ Драчъ (Диррахій). Это означеніе южной оконечности Далмаціи для насъ важно по тому, что оно объясняетъ понятіе, которое Сербскіе лѣтописцы соединяли съ Далмаціею. Изъ ихъ словъ нельзя не замѣтить, что подъ Далмаціею они разумѣли часть Зеты или, иначе, верхнюю Зету, носящую нынѣ имя Турецкой Албаніи. Къ Далмаціи, по ихъ понятію, принадлежали, безъ сомнѣнія, Скодръ и Албанскіе города: Баръ, Олгунъ, Лешъ и Драчъ, бывшіе сначала во владѣніи Грековъ, послѣ Сербовъ. Неманя владѣлъ ими. Это заключеніе, истекающее изъ простаго пониманія словъ Сербскихъ лѣтописцевъ, имѣетъ на своей сторонѣ одно весьма замѣчательное указаніе, сдѣланное жизнеписателемъ Немани, Стефаномъ, и обращающее его изъ догадки въ достовѣрную истину, основанную уже на положительномъ извѣстіи. Жизнеписецъ, повѣствуя о возстаніи Миханла, говоритъ, что онъ владѣлъ въ странѣ драгусци и въ поморіи острова того великаго иже прилежитъ близъ диоклитіи и даламатскими странами и отъустыями сѣвераго сѣмюма. Прямой смыслъ мѣста показывается, что родиною Немани считалась Дукля съ Далмаціею, что, по другому жизнеписцу, есть то же, что Зета. Слѣдовательно, Дукля и Далмація заключались въ Зетѣ, принимаемой, разумѣется, въ обширномъ смыслѣ. Островъ, прилежащій въ одно и то же время Дуклѣ и Далмаціи и относящійся къ Драчу, подтверждаетъ близость Далмаціи къ Дуклѣ и Драчу, что будетъ понятнымъ, если предположимъ Далмацію между первою и вторымъ. Наконецъ, дальнѣйшія слова жизнеписца окончательно разрѣшаютъ вопросъ и уже не оставляютъ болѣе сомнѣнія о мѣстонахожденіи Сербской Далмаціи. Стефанъ продолжаетъ: и прини мдинъ отъ градь мохъ смидръ гааголмии въ истиньсти даламатни соуць. Миханлу Драчскому естествониѣ и прайѣ всего было обратити на Скодръ, какъ ближайшій къ Драчу значительный городъ; Скодръ же находился въ настоящей, коренной Далмаціи, по мнѣнію тогдашнихъ Сербовъ. И такъ вотъ гдѣ надобно искать Далмацію. Мы не ошиблись, если назвали ее частию сѣверной Албаніи. Но такъ какъ, судя по извѣстіямъ о положеніи южныхъ границъ Дукли, сообщеннымъ Константиномъ Багрянороднымъ, Скодръ находился въ Дуклѣ или Зетѣ, въ обширномъ смыслѣ, то мы можемъ съ достовѣрностію заключить, что два края, всегда вѣстѣ, одинъ съ другимъ, упоминаемые Сербскими грамотами и лѣтописцами, Диоклитія и Далмація, были не что иное, какъ древняя Зета, обнявшая собою и нынѣшнюю Черногорію и часть нынѣшней сѣверной Албаніи. Только этимъ объясняется странное явленіе, замѣчаемое въ титулахъ нѣкоторыхъ Сербскихъ государей: Немани, Стефана Первовѣнчаннаго и Душана, именно, отсутствіе Зеты, которая, безъ всякаго сомнѣнія, замѣнялась Дуклею и Далмаціею.¹

Коснувшись *Зеты*, мы должны сдѣсь показать ея отличительное значеніе въ ряду Сербскихъ областей. Теперь сдѣлать это всего удобнѣе по тому, что въ памятникахъ, относящихся, по содержанію своему, къ Немани, значеніе Зеты выражено ясно названіемъ «дѣдини», которое ей придается отличительно передъ прочими областями Сербіи. Въ позднѣйшія времена Зета постоянно отправляла служеніе частнаго удѣла Сербскихъ королей и царей, съ особымъ назначеніемъ, что согласовалось съ ея званіемъ, какъ дѣдины рода Немани; но это видно только изъ событій, а самого письменнаго выраженія такового ея значе-

¹ Лѣтописк. у Шафарика въ Памятникахъ, стр. 69 и 68. — Грѣготы III. к VII; С. № 7, 51.—Принисъ на пергаменномъ евангеліи у Григоровича въ Путешествіи, стр. 19.

нія мы въ позднѣйшихъ, по содержанию, памятникахъ уже не находимъ. Зета, до самыхъ временъ Душана, положившаго конецъ всякимъ родовымъ счетамъ и удѣламъ, водворившаго окончательно въ жизни Сербіи государственное начало и основавшаго въ образѣ правленія самовластіе и единодержавіе, оставалась частною собственностію Сербскихъ государей, которую они уступали при своей жизни своимъ родичамъ, сыновьямъ, вдовамъ и т. д. Это показываетъ, что они на Зету смотрѣли, какъ на свой удѣлъ, которымъ могли распоряжаться по своему произволу; въ которомъ подготавливались ихъ будущіе наследники; гдѣ жили на покой вдовы и сыновья, находившіеся подъ опалю, или лишенные права на престолонаслѣдіе. Такое-то историческое значеніе Зеты, начавшееся съ Немани, и выражено было имъ самимъ, равно какъ обоими его сыновьями—жизнеписцами, чрезъ слово «дѣдина». Тѣхонилъ, отецъ Немани, прибѣжалъ, по свидѣтельству Стефана, въ мѣсто рожденіе свое, называемое Диоклитіею». Сдѣсь родился у него Неманя. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же жизнеписецъ называетъ Диоклитію и Далмацію отечествомъ св. Симеона Немани. Другой сынъ—жизнеписецъ, св. Сава, также свидѣтельствуемъ, что Неманя родился въ Зетѣ, что значитъ то же, что Дукачъ и Далмаціи. Вотъ по чему Стефанъ, говоря о Дукачъ и Далмаціи, такъ выражается: диоклитію же и далмацію отъчество и рождении своемъ, истокою дядиною своимъ. Употребленное сдѣсь слово «чистовая» или истинная много способствуетъ правильному пониманію значенія дѣдины. Напротивъ, говоря о всей Сербской землѣ, которую правили великіе жупаны и гдѣ столицей была Раса, жизнеписецъ или просто называетъ ее «землею», или именуетъ «отчествомъ» въ противоположность дѣдинѣ. Онъ такъ говоритъ объ отцѣ своемъ: роди и сего святаго отрока, хотѣшаго быти съкокоупителю погыбшимъ страданъ отъчестви его... Възрастъшоу же имоу до отроушныи и примшоу чистъ отъчествии своимо (дальше исчислены мѣста, не принадлежавшія къ Зетѣ). И о себѣ: иможе отъчестви къ отъчестви своимъ владѣтьствовати въсю землю сръбскую. Одинъ летописецъ выражается точно такъ же о Сербской землѣ: въ пихже мѣстѣ святимъ симеономъ немани, вострѣнень ереси своимо отъчестви сръбскимъ землям. А у другаго читаемъ: оттоудоу възденгасъ стѣфанъ немани прѣидъ къ отъчествио рашко. Въ этомъ тонкомъ отличіи словъ дѣдина и отчество заключается глубокий смыслъ. Дѣдина есть старинное родовое владѣніе; такъ сказать, гнѣздо, мѣсто происхождения рода; отчина же есть наслѣдіе, оставшееся послѣ отца, которое могло быть благопріобрѣтеннымъ, и по тому могло достаться и не достаться наследнику: недавность есть отличительная его черта. По этому отчествомъ называются всѣ вообще владѣнія, въ одномъ смыслѣ съ Сербскою землею. Не ссырю, что въ жалованной Хиландарской грамотѣ самого Немани и списанномъ съ нея началѣ повѣствованія св. Савы о жизни отца слово дѣдина употреблено въ довольно неясномъ значеніи, какъ бы вмѣсто всей Сербской земли, или, по крайней мѣрѣ, вмѣсто отцовскаго наслѣдія: и востани ми (вѣ) келига жоушана. и ѡбнокихъ свою дядиноу. и колыше оутердихъ. и възденгохъ погыбшюю свою дядинъ. и прюбретохъ ѡ морьскии земли зетоу и съ градовы... (А. № 1). И у св. Савы: и ѡбнокившоу отъчествиоу дядиноу и колыше оутердихшоу... и възденжи погыбшоую свою дядиноу и прюбрете отъ поморьскимъ землям зетоу и съ градовы, а отъ рашии пилота ѡба, а отъ гръбьскимъ землям патькоко... тда въся моудростію и троудомъ своимъ сіа въся прюбрете, погыбшоую некогда отъ наслѣа своимъ имоу дядини, достопинад имоу сръбскимъ землям Сдѣсь слово

дѣдина, по видимому, является съ двусмысленнымъ значеніемъ: подъ нимъ разумѣется вся страна, которую наследовалъ Неманя отъ отца, въ званіи великаго жупана, по чему св. Сава и называется ее отчиною дѣдиною. Но въ то же время выраженія «обновить», «утвердить», «возстановить погибшую дѣдину» показываютъ, что самое слово дѣдина нисколько не утратило своего первоначальнаго значенія, но только имъ названа вся Сербская земля со отащцею Расою, бывшая во власти великихъ жупановъ, — названа въ томъ смыслѣ, въ какомъ справедливо называлась дѣдиною Зета. Сдѣсь Сербія удостоена Зетъ: слово же дѣдина остается при своемъ настоящемъ значеніи, выражая собою родовую собственность, удѣлъ рода, доставшійся отъ предковъ, въ противоположность благопріобрѣтеннымъ владѣніямъ. Отъ того въ гранотѣ Немани и у св. Савы дѣдина отличена отъ завоеванныхъ земель; отъ того позднѣйшій лѣтописецъ такъ выражается о Немани: властію ошолсоуцъсе приредити на свои прѣотъство земли рашские и въ сихъ наследники быти прѣдѣднихъ. Онъ не называетъ дѣдиною великожупанскую Сербию съ Расою; но зная, что она досталась Немани отъ дѣда, употребляетъ слова «праотчество» и «прѣдѣдныя». Доцентіанъ же повторитъ слова Стефана: «и приложи къ земли отъчества своего земли многіе отъ области царства Гръчскаго.... Диоклитію же и Далмацию отъчество и роженіе свое истову дѣдину, насловану бывшу отъ рода Гръчскаго»¹. Во всякомъ случаѣ, очевидно, сдѣсь слово «отчество» не употреблено въ настоящемъ смыслѣ и означаетъ вообще наследіе; между тѣмъ, какъ слово «истороженіе» или «роженіе», присовокупляемое къ дѣдинѣ, когда говорится о Зетѣ, ясно свидѣтельствуетъ, что Неманя, по самому праву роженія, уже считалъ Зету неотъемлемою и родовою собственностію, истинною дѣдиною, исконнымъ удѣломъ, которымъ онъ могъ распоряжаться независимо отъ отческаго наследія или земли великихъ жупановъ. Слѣдовательно, Зета стояла, по представленію собственности, особнякомъ отъ прочихъ владѣній и считалась какъ бы неприкосновеннымъ, частнымъ удѣломъ рода. При Стефанѣ Первовѣчанномъ къ ней присоединено было Захлумье, или только часть его, и надъ обѣими областями посаженъ былъ братъ великаго жупана (въ послѣдствіи короля), Вуканъ. Можетъ быть, и прежде Зета, въ смыслѣ родового удѣла, захватывала часть Захлумья, если лѣтописецъ повѣствуетъ о бѣгствѣ Белы Уроша въ Захлумье. Но догадка остается догадкой; а истина истинною. Къ послѣдней я отношу то, что Зета составляла частный, родовой удѣлъ Неманичей, независимо отъ всѣхъ прочихъ наследственныхъ и благопріобрѣтенныхъ Сербскихъ и не Сербскихъ земель, въ отличіе отъ коихъ именовалась дѣдиною, что подтверждается не только самымъ этимъ прозвищемъ ея, но и историческими данными. Всѣ же прочія земли, поступившія подъ власть Сербскихъ государей, назывались отчиною, а чаще просто землею. И только древняя небольшая Раская земля, еще не увеличенная завоеваніями, доставшаяся Немани послѣ дѣда и отца, названа въ томъ же смыслѣ, въ какомъ и Зета, дѣдиною. Иными словами, Неманя, наследовавъ одинаковымъ образомъ Расу и Зету, соединилъ на время ихъ значеніе для себя и какъ ту, такъ и другую назвалъ дѣдиною. Но имъ не должны забывать, что и онъ изъ Зеты, гдѣ выросъ, наследовалъ Расу, и что онъ же отличилъ Зету отъ Расы или остальной Сербіи, давъ ее Вукану, между тѣмъ, какъ надъ послѣднею поставилъ великимъ жупаномъ другого своего сына (старшаго), Стефана.

¹ Шафар. Slov. Staroj, II, IV, 616. Слав. Древн., II, I, 419, Прислѣ.

И такъ Неманя далъ новую, самобытную, государственную жизнь Сербіи, не могшей возстать и оправиться подъ разрушительнымъ вліяніемъ международныхъ усобицъ и вѣшателства сильнѣйшихъ сосѣдей, Грековъ и Булгарь. Неманя доставилъ собственной Сербіи окончательное господство надъ всѣми Сербскими землями и стянулъ къ одному средоточію всѣ Сербскія области. Съ этой поры независимые областныя жупаны и князья сходять съ попрѣща самостоятельной дѣятельности и становятся въ ряду туземныхъ бояръ. Надъ всѣми возвышается великожупанскій родъ Немани. Если и находилъ въ послѣдствіи одного, или двухъ, по видимому, независимыхъ князей въ Хлумѣ, то они являются тамъ только на время, и область ихъ, какъ до нихъ, такъ и послѣ нихъ, признаетъ надъ собою верховную власть Сербіи. Босна также колеблется между Угрією и Сербією; но все же это не болѣе, какъ области, подвластныя той, или другой, и нѣтъ ни одного посторонняго рода, который осмѣлился бы отнимать верховную власть у Неманичей. Собравши такимъ образомъ Сербскую землю и ставъ надъ нею единымъ повелителемъ, Неманя позаботился объ ея государственной самостоятельности. Дружескія сношенія съ Нѣмецкимъ императоромъ и родственныя связи съ Греческими царями придали совсѣмъ иной видъ Сербіи. Теперь она стала въ ряду независимыхъ государствъ. Высеніе государственнаго значенія во вѣдѣнію жизнь Сербіи принадлежатъ Немани; но при немъ государственныя отношенія еще не осмѣлили родовыхъ счетовъ по престолонаслѣдію, копецъ которымъ суждено было положить Душану. Въ грамотѣ своей, данной Хиландару, онъ прекрасно сознаетъ основную мысль государства: тамъже брати бѣгъ правдоустыи. оутарди грѣи ѡбрыти. а оутре ирѣлини. и когѣде взина рѣдѣлинь. и злионъ дѣкъ. и ирѣли оустыи(и) и владѣиыи надъ иими по ирѣкоу и по дѣконоу. рѣстакъ своєю правдоустыио. Законъ и власть — вотъ начало всякаго государственнаго порядка, который, вѣдѣтъ съ языкомъ и правами, даетъ самостоятельный видъ всякому народу. И Неманя не случайно захватилъ власть; но онъ есть истинный государь своей земли по волѣ Божіей и по праву наслѣдія. Вотъ какъ выражаетъ онъ эту мысль: тамъже (бѣгъ) по мѣлози его и ииризмѣрѣи иилюсти и улозѣколюбно. дѣрѣа иишнѣи рѣдѣдомъ. и иишнѣи дѣдомъ. ѡбладати своєю дѣиловъ сръкъскова. и иишнѣко бѣгъ строиѣи оуишнѣи улозѣкомъ ии хоте улозѣкуи гнѣиѣи. и постави ии великога жоупани. ирѣуишнѣо къ сѣитѣи ирѣишнѣи стѣфана иишнѣоу. и ѡишнѣи своєю дѣдиноу и болѣише оутардиѣи. бѣилюкъ иишнѣиоу и своєю ишнѣоустыиоу дѣилокъ ии ѡ бѣгъ и вѣдѣигохъ погѣкъшнѣоу своєю дѣдишнѣи.

Неманя въ младенствѣ своемъ былъ крещенъ по Латинскому обряду, а *Latinis haereticis*, по выраженію лѣтописца¹; ибо въ землѣ, гдѣ онъ родился, были Латинскіе священники. Тридцати лѣтъ онъ перекрестился въ православную вѣру², и съ тѣхъ поръ постоянно отличался набожностію и благочестивыми дѣлами. Построеніемъ храмовъ онъ увѣковѣчилъ свое имя въ лѣтописяхъ церковныхъ. Щедроты его достигали Ерусалима и Рима. Изъ его владѣній были изгнаны Патарены, ересь, усилившаяся преимущественно въ Боснѣ, лежавшей между Римско-католическою Далмацією и православною Сербією. Лѣтописцы называютъ его потребителемъ ересей и утвердителемъ православія: съѣѣ стѣи сѣишнѣи ѡтѣрѣди ирѣвославѣи въ зѣмѣи дѣишнѣи дѣишнѣи гѣишнѣи сръкъ

¹ Архив за povjestn. Jugoslav., III, 1854. Стр. 7, 8.

² Лѣтоп. у Шафар. въ Паматнишнѣхъ, стр. 58.—Архив за povjestn. Jugoslav., III, 1854. Стр. 7.

(старца) и ереси побѣдилъ¹. Въ нижше мѣнше святимъ Симеономъ помини, поемъи мѣроточивъ, оутвердивъ православнѣ, побѣдивъ ереси своего отчужства сръбскимъ умомъ², а Дометіанъ виѣсть съ тѣмъ намекаетъ и на истребленіе остатковъ идолопоклонства: и влѣмъ ереси прогналъ. и храмы вѣсовьскія оброчекѣхъ. цѣрки гдѣ къзвиглъ ісѣи³. Послѣ тридцатисемилѣтняго царствованія Неманя, побуждаемый увѣщательнымъ письмомъ младшаго⁴ своего сына, Растька, бѣжавшаго на Аеоны и постригшагося въ монахи подъ именемъ Савы, оставилъ власть старшему своему сыну, Стефану, вѣичавъ его и назвавъ великимъ жупаномъ⁵, а самъ удаллся въ Студеницкій монастырь, гдѣ и постригся подъ именемъ Симеона, 25 марта 1195 г. Черезъ два года, 8 октября 1197 г., онъ вышелъ изъ Студеницы на Аеоны и прибылъ въ Ватопедскую обитель, 2 Ноября 1197 г.⁶ Отсюда странствуя по Святой Горѣ виѣсть съ сыномъ, возобновляя и украшая монастыри, онъ нашелъ развалины Хиландара, преждебывшаго монастыря, разрушеннаго морскими разбойниками. Съ помощію золота и работниковъ, присланныхъ изъ Сербіи Стефаномъ, монастырь былъ возобновленъ, и вскорѣ тамъ, гдѣ между грудями камней видѣлись только уцѣлѣвшія стѣны храма, воздвиглись трапеза, келья и ограда. Храмъ освященъ былъ въ память введенія во храмъ пресвятыя Богородицы. Хиландаръ назвался Сербскою лаврою. Сава два раза ходилъ въ Царьградъ: въ первый разъ онъ испросилъ у свята Немани, Греческаго царя Алексѣя, грамоту на обладаніе мѣстомъ, гдѣ находились Хиландарскія развалины; во второй разъ онъ извѣстилъ Царя, что монастырь ототроенъ, и получилъ отъ царя множество сокровищъ для украшенія его. По повелѣнію Алексѣя, Хиландаръ, хотя и присоединенный къ Ватопеду, освобожденъ былъ отъ всякой зависимости и, виѣсть съ названіемъ «царской лавры», получилъ особаго настоятеля, назначеннаго самимъ царемъ. Ни власти Ватопеда, ни Карейскій протъ не имѣли права виѣшиваться въ его дѣла. Царь подтвердилъ прежнюю свою грамоту, которою подарилъ Сербскимъ государямъ Хиландаръ съ прилежащими селами и еще присоединилъ къ нему запустѣвшій монастырь Измигъ: за таковыя дары онъ причтенъ былъ къ основателямъ лавры. Въ грамотѣ своей Симеонъ упоминаетъ о другихъ надачахъ монастырю, испрошенныхъ имъ у Царя, каковы: села, влахи, торгъ, виноградники, планина и извѣстное количество соли. Въ Хиландарѣ, по возобновленіи его, Не-

¹ «Повѣсть о Сербскихъ Господахъ», въ рукописи Кухарскаго. Сообщ. профес. Воданскимъ.

² Лѣтоп. у Шафар. въ Памятникахъ, стр. 58.

³ Житіе св. Симеона и Савы. Рукоп.

⁴ Многіе доселѣ спорили о возрастѣ Стефана и Савы; но Житіа окончательно рѣшаютъ вопросъ въ пользу старшинства Стефана. Самъ Сава свидѣтельствуеъ о себѣ, говоря: сынъ влѣжны господниъ плъкъ Симеономъ нмѣиъ. г. сыны. єдина же мѣньши, не могуѣ его нарици сымъ, нъ ровъ... сѣ во мѣко и мѣниє брати скози и мѣньши... Дометіанъ, въ Житіи св. Симеона и Савы, прямо отдаетъ старшинство Стефану: уюдитъ же старшии братъ. сладѣсти мѣзума и силъ словѣсъ. и влѣти кѣиъ нѣсходяща нѣхъ оустъ мѣишлго. Слѣдовательно, Вукачъ былъ среднимъ сыномъ Немани. Въ этомъ же порядкѣ приводятъ сыновей Немани безыменныя лѣтописцы. и Растька илѣ св. Саву называютъ третьимъ сыномъ (Шафар. Памят., стр. 51, 59, 69;—Гласникъ, ч. V, стр. 30, 31).

⁵ См. гр-у Немани у Авр. N 1 и Житіе Немани, писанное Савою, у Шафар. въ Памят., стр. 4. — Arkiv za povjestn. Jugoslav., III, 1854. Стр. 9.

⁶ Лѣтоисчисленіе предложено св. Савою въ Житіи Немани (Шафар. Памят., стр. 6—14) и въ Типикѣ у Авр. въ О. Д. С. у С. Г., стр. 8 и 9. Оно же извѣстно было Бражковичеву лѣтописцу (Arkiv za povjestn. Jugoslav., III, 1854. Стр: 8—10.)

маня пребылъ съ сыномъ, Савою, 8 мѣсяцевъ и преселился сдѣсь въ вѣчную жизнь, 13 февраля 1200 г. Шафарикъ ¹ говорить, что Неманя скончался въ Ватопедѣ; но мы это понимаемъ не иначе, какъ въ смыслѣ словъ: и монастырь хиландарь приложиста ватопедѣ ²; собственно же Неманя скончался въ Хиландарѣ, какъ свидѣтельствуемъ вышеупомянутый Хиландарскій типикъ, слово II: и въ мѣсто сии (Хиландарь) касалѣтсѣ. и ижеколий мало прѣзывъ съ мною. великимъ же и извѣстѣсткимъ подягъ прѣшдѣ .и. мѣцъ. прѣзывъ. къ ижекому прѣложисе вѣлѣжиствою. И слово III: Въ лѣ. 75. 7. и . мѣцъ фѣрва. въ .Гі. днѣ. къ ижекому прѣложисе вѣлѣжиствою ѡиъ иишь симѣомъ. закѣтомъ ѡставень мамастырь си на мѣцъ. вѣлню тоугоу и болзнь приехъ. едне ѡ поустошьства. а дроуго и ѡ болзнь безежъныхъ разбонниихъ. ѡставень мамастырь мѣцъ въ маломъ и смерномъ ѡбразѣ въ немъ же ми ѡтиде и прѣбога игоумна прѣловна моужа. мѣѡдна мѣиха и т. д. ³ Все это можно было сказать только о недавно возобновленномъ Хиландарѣ. И Доментіанъ, въ Житіи свв. Симеона и Савы, говорить подобнымъ образомъ: по сѣ мало пожикъ. прѣвемъ ѡиъ нашъ сѣшѡмъ имомастыри своѣ хиландари глѣомъ. имѣрж съвершенѣа достигъ. иже всѣ бѣга любѣшѣимъ жѣлѣно ⁴. Впрочемъ, это мнѣніе высказано Шафарикомъ слишкомъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Позднѣйшія открытія привели его къ другимъ выводамъ, такъ что недавно, въ предисловіи къ изданіюму имъ въ Памятникахъ Житію Немани, писанному Стефаномъ Первовѣчаннимъ, онъ уже высказываетъ новое мнѣніе, совершенно согласное съ нашимъ. Монашество Немани на Аѡонѣ продолжалось три года, а пребываніе на Святой Горѣ годъ и пять мѣсяцевъ: всего же монашества его, считая и время, проведенное въ Студеницѣ, было безъ одного мѣсяца пять лѣтъ. Замѣтимъ однако, что св. Сава считаетъ началомъ его монашества время прибытія его на Аѡонъ ⁵:

Мы сказали, что, при всѣхъ своихъ великихъ заслугахъ, Неманя подчинился своему вѣку и обще-Славянскому обычаю — далъ сыновьямъ удѣлы. Онъ сдѣлалъ Сербію государствомъ, но внутри ея не могъ дать государственнымъ отношеніямъ перевѣса надъ родовыми. Старшему своему сыну онъ вручилъ Сербію съ Расою, столицею всей Сербской земли; вмѣстѣ съ тѣмъ вѣнчалъ его и назвалъ великимъ жупаномъ. Слѣдовательно, вѣнчаніе и великожупанское достоинство соединены были со старшинствомъ и столынымъ мѣстомъ всей Сербіи. Самъ Стефанъ назвалъ Расу «столынымъ мѣстомъ посреди Сербской земли» ⁶. Младшему, Вукану, Неманя далъ Зету и Хлумъ ⁷ со званіемъ великаго князя. Этому онъ не вѣнчалъ, а только благословилъ, по выраженію св. Савы ⁸. Вотъ начало удѣловъ и вмѣстѣ подчиненія младшихъ, хотя и удѣльныхъ, сыновей старшему, великому жупану и верховному владыкѣ всѣхъ Сербскихъ земель. Во владѣніяхъ послѣдняго заключались и удѣлы пер-

¹ Slov. Starožitn., II, IV, 51, § 616. Слав. Древн. II, I, стр. 419.

² Доментіана, Житіе свв. Симеона и Савы, Рукопись, листъ 8.

³ Авраамовича О. Д. С. у С. Г., стр. 8 и 9.

⁴ Рукопись, листъ 9.

⁵ Сдѣсь, за всѣ предыдущіе разы, скажу, что Житіями Немани, писанными двумя его сыновьями, равно какъ лѣтописями, по разнымъ спискамъ, я пользовался въ изданіи Шафарика: *Práhky děvniho písemství Jihoslavanův*, и за краткостію объема ихъ не приводилъ страницъ. Сочиненіе Доментіана извѣстно мнѣ въ рукописи Болгарскаго извода. Оно представляетъ любопытныя подробности о подвигахъ и чудесахъ свв. Симеона и Савы.

⁶ Житіе Немани у Шафар. въ Памятникахъ. Стр. 2.

⁷ Лѣтописи, у Шафар. тамъ же, стр. 51.

⁸ Житіе Немани, у Шафар. тамъ же, стр. 4.

выхъ: вотъ зародышъ государственнаго начала и зависимости всѣхъ удѣльныхъ князей отъ одного властителя и самодержца, внесенный Неманею во внутреннее управленіе Сербіи. Въ такія точно отношенія поставилъ онъ и себя, какъ мы видѣли, къ братьямъ своимъ и ихъ потомству. Если самъ Неманя боролся съ правомъ общаго владѣнія всѣмъ родомъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что, отстранивъ на послѣдокъ родъ свой или братьевъ и ихъ потомство отъ общаго владѣнія Сербскою землею, онъ дѣтямъ своимъ завѣщаль борьбу съ удѣльнымъ правомъ, по которому уже члены одного дома или одни Неманичи домогались старшаго удѣла, чтобы чрезъ то получить старшинство и верховную власть. Замѣчательно, что ни одинъ лѣтописецъ не упоминаетъ о какихъ либо отношеніяхъ Вукана къ старшему брату, опредѣленныхъ отцомъ. Былъ ли Вуканъ совершенно независимымъ, или долженъ былъ подчиниться волѣ старшаго брата?—мы ничего этого не знаемъ. Но замѣчательно, что Неманя смотрѣлъ на родовыя отношенія не съ государственной, но еще съ общежительной, Славянскою точки зрѣнія. При всемъ своемъ умѣ, при всѣхъ успѣхахъ на поприщѣ государственной дѣятельности, онъ не понималъ возможности для меньшаго брата стать сподручникомъ у старшаго, быть помощникомъ и слугою старшему и не имѣть своего особеннаго удѣла. По старинному обычаю, всѣ родичи, тѣмъ болѣе сыновья, имѣли право на владѣніе отцовскою собственностію. Старшинство одного не отнимало этого права у другихъ; а потому Неманя считалъ обязанностію наградить удѣломъ и втораго своего сына. Онъ могъ распоряжаться Зетою, какъ частною своею собственностію. Зета, по значенію своему, по тому самому, что была дѣдиною его, отличалась отъ прочихъ земель, съ которыми могла уже быть связана мысль о единствѣ власти и нераздѣленности. По этому Зету и часть Хлума¹ онъ отдалъ Вукану со званіемъ великаго князя², въ томъ намѣреніи, чтобы Вуканъ властвовалъ въ домашней, родовой странѣ Неманичей и не виѣшивался въ дѣла тѣхъ земель, которыя имѣли у себя и столицу и вѣнчаннаго государя единодержавнаго и самовластнаго. Впрочемъ, изъ титула Стефана и изъ поступковъ Вукана видно, что области Вукановы не были совершенно независимы, но состояли подъ верховною властію Стефана. Это и не нравилось Вукану, который рѣшился, во что бы то ни стало, завладѣть стольнымъ мѣстомъ всей Сербіи и сдѣлаться главою народа. Для этого онъ прежде всего съ помощію Андрея, воеводы Хорватскаго и Далматскаго, брата Угорскаго короля Мирка (Емерика), заставилъ брата признать себя независимымъ воеводою Зеты и Хлума, и для большей прочности вступилъ въ тѣсныя сношенія съ папою. Стефанъ, для противодѣйствія брату, долженъ былъ прибѣгнуть къ тому же образу дѣйствій: въ письмѣ своемъ къ папѣ онъ называлъ этого послѣдняго своимъ духовнымъ отцомъ, выражалъ свою преданность Римской Церкви и просилъ королевскаго вѣнца. Узнавъ объ этой просьбѣ, Мирко захватилъ Сербію и посадилъ Вукана на великожупанскій престолъ, присоединивъ къ титулу Угорскихъ королей слова *rex Serviae* въ знакъ верховнаго владычества надъ Сербіею. Папа, въ надеждѣ обратить Сербію къ Римско-католической вѣрѣ, уже повелѣвалъ, было, Колоцкому епископу вѣнчать Вукана; но нападеніе Венеціянъ на Ядру и ссора Мирка съ Андреемъ отвлекли вниманіе Угрии отъ Вукана и

¹ Лѣтописи у Шафар. въ Памятникахъ, стр. 51.—Гласникъ, ч. V, стр. 30, 48.—Повѣсть о Сербскихъ Господахъ.

² Лѣтописи у Шафар. тамъ же, стр. 59, 72.—Житіе Немани, писанное св. Савою, у Шафар. тамъ же, стр. 45.—Рукописное Житіе свв. Симеона и Савы, составленное Доменианомъ.

дали время Стефану вызвать брата, Саву, съ мощами отца для посредничества въ ссорѣ его съ Вуканомъ. Стефанъ, не упоминая имени брата, выставляетъ, въ Житіи своего отца, такую причину призванія Савы изъ Аеола: «оскверни бо се зѣмля наша беззаконии нашими и оубишиа бысть кровями и вшадохомъ къ нѣмъ иноплеменныицима¹. Сдѣсь подѣ «беззаконіями» должно разумѣть обращеніе Стефана къ папѣ и притворную склонность къ принятію Римско-католической вѣры. Остальное понятно и показываетъ, что вмешательство Угрии и домогательство Вукана не обошлись безъ кровопролитія. Св. Сава повѣствуетъ, что оба брата призвали его въ Сербію и оба встрѣтили его въ Хвостѣ съ боярами и всѣми церковными служителями. Стало быть, примиреніе наступило еще до прихода Савы, который присутствіемъ своимъ только подтвердилъ союзъ братьевъ². Это случилось въ 1208 году. Мощи Симеона положены были въ созданномъ имъ самимъ храмѣ Студеницкомъ. Въ слѣдствіе примиренія, Вуканъ ограниченъ прежними областями. Сава былъ поставленъ въ архимандрита Студеницкой лавры рукоположеніемъ митрополита Солунскаго. Къ этому времени относятся войны Стефана съ Булгарскимъ царемъ, Бориломъ, бывшимъ въ союзѣ съ Генрихомъ Филандромъ, Греческимъ императоромъ, сыномъ Болдуина Фландрскаго, со Стрѣзомъ, братомъ Кало-Іоанна Булгарскаго, съ Михаиломъ Драчскимъ и Андреемъ Угорскимъ, бывшимъ также въ союзѣ съ императоромъ Генрихомъ³. Участіе въ прекращеніи этѣхъ войнъ принималъ іероплахъ Сава: слѣдовательно, онъ не былъ еще тогда архіепископомъ. Вѣроятно, опасенія со стороны Угрии заставили Стефана вступить въ бракъ съ вдовою Венеціанскаго дожа, Дондолы, и снова склониться на сторону западнаго духовенства. Въ 1217 г. папа велѣлъ вѣнчать его, и Стефанъ названъ вѣнчаннымъ королемъ Сербіи, Діокліи, Травуниц, Далмаціи и Хлума. Къ этому времени относится его грамота Бенедиктинскому Богородичному монастырю на островѣ Млѣтѣ (С. № 51). Въ ней онъ даруетъ означенному монастырю метохіи: весь островъ Млѣтъ и Бабино Поле⁴, на Корчулѣ церковь св. Вида, Яяну⁵ съ Поповою Лукою и церкви свв. Стефана и Георгія, а въ Стонѣ церковь св. Николая, также церкви въ Рѣкѣ и Жерновницѣ. Все это, вмѣстѣ съ принадлежащими сюда виноградниками, подарено монастырю. Употребленное сдѣсь выраженіе ѿ братьи моии вѣща ми кленкъ указываетъ на окончен-

¹ Шафарикъ, Памятники, стр. 19.

² Тамъ же, стр. 13.

³ Объ этѣхъ войнахъ упоминаетъ самъ Стефанъ въ Житіи Немани, на стр. 21 — 29, по каданію Шафарика. Отсюда узнаемъ, что Нишъ былъ пограничнымъ городомъ Сербіи со стороны Булгарии.

⁴ Мѣстечко на Млѣтѣ, находившуюся въ этомъ мѣстечкѣ церковь св. Панкратія Боснійскій баяръ Борисъ подарилъ, въ 1155 г., Лакромскимъ Бенедиктинцамъ (Farlati, II. S. VI, 79). Впрочемъ, годъ и самая грамота подозрительны. Основаніе Бенедиктинскаго монастыря на Лакромѣ совпадаетъ съ сооруженіемъ Дубровницкаго храма Ричардомъ — латинскимъ сердцемъ; а послѣднее случилось въ 1192 г.: слѣдовательно, заимѣчаетъ Енгель (Gesch. d. Freist. Ragusa, стр. 88), Лакромскіе Бенедиктинцы явились не ранѣе 1192 г., а всѣ древнѣйшія ихъ грамоты и надачи ложны (Farlati, II. S., VI, 58, 59). Къ этѣмъ послѣднимъ должно отнести, кажется, и уступку Млѣтскихъ провинціи томашинимъ Бенедиктинцамъ, а самого Млѣта Дубровнику, сдѣланную Тѣшою, отцомъ Немани (Орбачи, стр. 218. — Appendini, I, II, II, стр. 262. — Engel, Gesch. d. Freist. Ragusa, стр. 80). Не менѣе невѣрно извѣстіе Дукалица о существованіи Бенедиктинскаго монастыря на островѣ, лежащемъ на супротивѣ Дубровника (если только этотъ островъ есть Млѣтъ) еще во времена Бодяна (ок. 1073—1089 г.), женатаго на Якинтѣ (Presbyteri Diocleatis, Regnum Slavorum. Schvandtneri Script. rer. Hungaric, t. III, p. 501. c. XXIV).

⁵ Вѣроятно, вымышленное мѣстечко Guiliava на полуостровѣ Иегъшицѣ или Sabbioncello. Близь него находится и Иопова Лука.

ную котору съ братомъ. Въ этой грамотѣ Стефанъ титулуется: *крани краѣ. пачетливый гдѣ всѣ сръбскы земли. и диоклин. и дальмитин. и травоуини. и хальскы земли*, и подписывается: *Стефанъ по Милости Божей вѣнчанныи Краля и самодръжца вси Сръбскы Земли и поморьскы. Сава*, недовольный склонностію брата къ западному духовенству, удалился въ Авоцъ. Но когда Стефанъ достигнулъ своей цѣли, а жена его умерла, тогда онъ снова отказался отъ Римо-католицизма и возобновилъ сношенія съ Востокомъ; тогда снова пришелъ въ Сербію Сава, поставленный въ Никеи патриархомъ Германомъ въ архіепископа Сербской земли, и вѣнчалъ брата на королевство, въ 1222 г., назвавъ его первовѣнчаннымъ, какъ бы въ забвеніе Римско-католическаго вѣнчанія. Но Угорскій король Андрей, не хотѣвшій, чтобы Стефанъ носилъ равное ему званіе короля, поднялся, было, на Стефана; однако Сава успѣлъ помирить ихъ. Другимъ важнѣйшимъ дѣломъ новаго Сербскаго архіепископа было учрежденіе духовнаго чиновачалія, тѣмъ епископы и священники и діакони и поддіакони и въ сложьшии унш, и раздѣленіе Сербіи на епископства. Основано было двѣнадцать епископствъ: въ Стоиѣ (Хлумъ), Зетѣ (Диоклитіянскомъ поморьи), Дьбрѣ, Будимлѣ, Расѣ, Хвостинѣ (Студеница), Призрѣнѣ, Грачаницѣ, Топлицѣ, Браничевѣ, Бѣлградѣ и Моравицѣ. Таковой списокъ епископствамъ находимъ у двухъ изъ лѣтописцевъ. ¹ Третій въ сущности согласенъ съ ними, хотя и смѣшиваетъ Хлумъ съ Диоклитіянскимъ поморьемъ. Шестое епископство названо у него Студеницкимъ: ² значить, для Хвостна оно помѣщалось въ Студеницѣ. У обоихъ число епископствъ равняется двѣнадцати. То же число и тѣ же самыя названія епископствамъ находимъ у Ранча ³ и Енгеля ⁴. Первый пользовался только третьимъ лѣтописцемъ и по тому у него тоже Стоиѣ является въ Диоклитіянскомъ поморьи. Причина ошибки понятна. Первый лѣтописецъ пишетъ: *поставилъ прѣваго епископа оу хальской земли оу столицѣ. втораго оу зетѣ диоклитіянскомъ поморюу*. Третій, списывая съ него, переставилъ порядокъ словъ и написалъ: *поставилъ. а. епископа въ хальской земли (у другихъ лѣтописцевъ удержано на этомъ мѣстѣ оу столицѣ) .в. епископа оу столицѣ въ диоклитіянскомъ поморюу*. За Ранчемъ тотъ же списокъ и съ тою же ошибкою повторилъ и Енгель, сравнивъ его со спискомъ у Фарлати и источниками, у Ассемани. Шафарикъ приводитъ списокъ епископствамъ, взятый изъ хрисовула обоихъ братьевъ, Стефана и Савы. ⁵ Сдѣсь опять нѣтъ Студеницкаго епископства и вѣсто него поставлено Хвостенское. Но первые лѣтописцы уже указали на ихъ тожество. Важнѣе отсутствіе четырехъ другихъ епископствъ: Призрѣнскаго, Грачаницкаго, Браничевскаго и Бѣлградскаго. Мы не знаемъ года этого хрисовула и по тому можемъ предполагать, что онъ писанъ ранѣе окончательнаго учрежденія епископствъ. Наконецъ, еще четвертый лѣтописецъ предлагаетъ списокъ двѣнадцати епископствамъ, учрежденнымъ Савою. Вотъ мѣста ихъ: Захлумія въ храмѣ Богородицы подъ горою Заломъ въ Невесинскомъ округѣ, Стоиѣ въ Диоклитіянскомъ приморьи, Дьбрѣ въ Вышеградскихъ предѣлахъ для Герцеговины, Бѣлградъ для Срема, Границава въ Пожаревацкой нахи, Ахилія въ Ужичкой нахи, Косово въ Липлянѣ, Топлица въ Прокупской нахи, Студеница въ Пекской нахи, Призрѣнъ, Вранина въ Зетѣ, Будимлѣ въ Гусинской

¹ Лѣтописц. у Шафар. въ Памятникахъ, стр. 59. — *Arkiv za povjestn. Jugoslav.*, III. 1854. Стр. 10.

² Тамъ же, стр. 69.

³ Ч. II, стр. 422.

⁴ *Gesch. v. Serv. u. Bosn.*, стр. 219.

⁵ Памятники. Лѣтописц., стр. 54.

нахн. ⁴ Самое уже названіе предѣловъ епископствъ показываетъ, что этотъ лѣтописецъ жилъ довольно поздно и распредѣлялъ ихъ по современному дѣленію Сербіи. Сверхъ того мѣстонахожденіе и самыя прозвіща епископствъ чрезвычайно разнятся отъ предыдущихъ и показываютъ, что лѣтописецъ пользовался весьма мутнымъ источникомъ. Такъ вмѣсто Стоца Хлумское епископство помѣщено имъ въ Невесинѣ; Хлумъ смѣшанъ съ Діоклитіянскимъ приморьемъ, и такъ какъ для послѣдняго онъ назначилъ Стонъ, то для Зеты придумалъ епископство въ Вранинѣ; Дѣбрь вовсе не находился въ Вышеградскихъ предѣлахъ: онъ лежалъ на пограничной чертѣ между Хлумомъ и Травушіею на югъ отъ Любниа; подъ Граничавою, вѣроятно, разумѣлось Браничево; Ахилія не было, но была церковь св. Ахилія въ монастырѣ Моравцахъ на рѣкѣ Моравицѣ въ нынѣшнемъ Рудницкомъ краѣ: еще въ XVIII ст. Ужичкій епископъ писался Ахильскимъ ⁵; слѣдовательно, это то же, что Моравицкое епископство въ предыдущихъ спискахъ. Косовское или Липляское основано позднее, ибо его нѣтъ въ другихъ спискахъ, а появляется оно только уже при Милутинѣ. Вообще списокъ этотъ, какъ по всему видно, составленъ въ позднѣйшее время по невѣрнымъ источникамъ. Самъ же Стефанъ основалъ Жичанскую обитель въ 1222—1224 г., которая съ этого времени сдѣлалась столицей Сербскихъ архіепископовъ. Мы имѣемъ отъ него дарственную грамоту Жичанскому храму (Ш. № VIII). Изъ нея узнаемъ, что новосозданной обители подарены были многія близъ лежащія села, а также села въ Ельцахъ, Хвостнѣ, Затонѣ, Зетѣ и Горской жупѣ съ заселками, планинами и пашнями; подарены были также влахи и нѣсколько жупъ: Крушильница, Морава, Борчъ, лѣвъ Лепеници, Бѣлица, Лѣвочъ, Лугомира, Расяна и Ольшаница со всеми при нихъ находящимися влахами; наконецъ множество священныхъ предметовъ и церковныхъ утварей. Церковныя владѣнія были освобождены изподъ власти придворнаго протопопа, и людямъ церковнымъ даны нѣкоторыя льготы: они названы «архіепископовыми людьми». Самая обитель назначена мѣстопребываніемъ архіепископа, которому и была подчинена. Въ храмѣ должны были вѣнчаться всѣ будущіе короли и поставляться архіепископы, епископы и игумены. Въ грамотѣ Стефанъ пишетъ: *Стефанъ по божіи милости вѣнчавши први краль вса сръпскимъ земли. диоклитинъ и травоцини и дальмици и захълми. Выше мы привели общее мнѣніе Сербскихъ лѣтописцевъ, повторенное и Ранчемъ, о словѣ «первовѣнчанный». Предлежащая грамота наводитъ насъ на другое объясненіе. Не для истребленія памяти перваго, Римско-католическаго, вѣнчанія, Стефанъ, при второмъ, во Греко-восточному обряду совершенномъ Савою, вѣнчаніи, назвался первовѣнчаннымъ; а для того, что онъ былъ первымъ вѣнчаннымъ королемъ Сербіи. Если смотрѣть только на обрядъ вѣнчанія и вѣрить словамъ св. Савы, то Стефанъ былъ не два, а три раза вѣнчанъ, и первое вѣнчаніе его совершенно самимъ отцомъ его, Неманею. Сдѣсь важно не то, сколько разъ и по какому обряду былъ онъ вѣнчанъ, а то, что онъ первый вѣнчался на государство и первый принялъ званіе короля. Прежде назывался онъ великимъ жупаномъ и послѣ отца вторымъ ⁶, а потомъ назвался королемъ: слѣдовательно, онъ былъ первовѣнчанный король или, какъ сказано въ грамотѣ, вѣнчавши први краль. Конечно, латинское вѣнчаніе имѣло мало значенія у православнаго народа и даже самого Стефана: оно важно было только въ глазахъ Запада. Тѣмъ менѣе*

⁴ Гласникъ, ч. V, стр. 37.

⁵ Шафар. Slov. Starožitn., II, IV, 633. Слав. Древн., II, I, 357. Пригнѣв.

⁶ Лѣтописи у Шафар. въ Памятникахъ, стр. 69.

Сава могъ считать его дѣйствительнымъ, и по тому правъ лѣтописецъ, говоря, что Сава съязомъ всахъ вѣнчавать врата своего великого жупана. Последнія слова показываютъ, какъ смотрѣлъ на Стефана народъ до послѣдняго его вѣнчанія. Замѣчательно упоминаніе о сынѣ, сдѣланное Стефаномъ еще при своей жизни. Грамоту онъ даетъ отъ своего имени и отъ имени сына, Радослава, котораго называетъ «первенцемъ божіею милостію наместникомъ своимъ». Уже Неманя употребилъ выраженіе «божіею милостію», показывающее, что онъ смотрѣлъ на себя, какъ на законнаго государя, котораго власть освящена свыше, который ни отъ кого не зависитъ. То же выраженіе употреблено Стефаномъ для себя и для старшаго сына; его употребляли потомъ и всѣ преемники ихъ. Въ это время у него было уже четыре сына; но объ тѣхъ онъ молчитъ вовсе, и только одного старшаго дѣлаетъ своимъ наместникомъ по волѣ Божіей. Сдѣсь чисто-государственныя отношенія, которыя превосходно отвѣчаютъ вѣнчанію. Дѣйствительно, мы ни откуда не видимъ, чтобы всѣ прочіе сыновья Стефана получили себѣ удѣлы. Но удѣлы не были истреблены: они снова возникли въ послѣдствіи. Въ 1224 г. Стефанъ умеръ. Онъ продолжалъ дѣйствовать по мысли отца. Если отецъ его усилилъ свою власть умирненіемъ враговъ своихъ, то онъ стремился къ усиленію своей власти въ нравственномъ отношеніи, и для этого лучшимъ средствомъ нашелъ вѣнчаніе и принятіе королевскаго званія: черезъ то онъ становился наравнѣ съ сосѣдними государями и возвышался въ глазахъ своихъ подданныхъ. Вѣнчаніемъ и принятіемъ королевскаго званія узаконилось право Неманичей на Сербскій престолъ и отстранялись навсегда всѣ покушенія стороннихъ родовъ. Сильнымъ помощникомъ ему является духовенство въ лицѣ брата, который, подъ конецъ его царствованія, упрочиваетъ Сербское духовное чиновначаліе, учреждаетъ епископства и испрашиваетъ Сербіи архіепископа съ правомъ поставляться отъ Сербскихъ епископовъ. Столицею утверждена была Раса.

Стефанъ оставилъ по себѣ четырехъ сыновей: Радослава, Владислава, Уроша и Предислава, принявшаго иноческій санъ и бывшаго въ послѣдствіи архіепископомъ подъ именемъ Савы II. Сначала на престолъ возшелъ старшій, Радославъ, вѣнчанный Савою въ Жичѣ. Онъ несчастливъ былъ женою: приложивъ же се радославоу краљу, говоритъ лѣтописецъ, жена дала ома или рши новы гдзель и елиа пострѣда на овалу не сындѣна бысть сѣдною¹. Поддавшись женѣ, ѿ неа краљинѣ ѿмъ оумомъ², по чему бояре, видя его неспособность, предпочли ему слѣдовавшаго за нимъ способнѣйшаго, Владислава. Открылась убоица; Радославъ былъ изгнанъ, dejectus, по выраженію Бранковичева лѣтописца³, ок. 1234 г., и бѣжалъ въ Драчь, отсюда въ Дубровникъ, пока наконецъ Сава убѣдилъ его постричься въ монахи и вѣнчалъ Владислава. Изъ Радославовой грамоты (С. № 2), данной имъ уже въ Дубровникѣ, въ 1234 г., февраля 4, видно, что Радославъ не очень добровольно, какъ думаютъ историки, уступилъ престолъ брату и бѣжалъ въ Дубровникъ ради своего правокрѣпа и великого правастѣнства своего брата, не теряя надежды снова когда нибудь сдѣлаться королемъ. Онъ титуруется: Стефанъ въ хлѣбѣ вѣтрымъ краљъ всахъ рашинихъ зѣмъ и тревѣнинскихихъ оуочумъ стѣго симѣона и-

¹ Лѣтописи у Шафар. въ Памятникахъ, стр. 60.

² Шафар, Памятники, стр. 31.—Гласникъ, ч. V, стр. 45.

³ Доментианъ, Житіе свв. Симеона и Савы. Рукопись.

⁴ Arkiv za povjestnicu Jugoslavensku, III, 1854, стр. 11.

мане. в сѣмъ прѣвокукътамъиго краля блажнипоукииыгга стѣфана мовлаха рѣслава. Въ этой же грамотѣ Хлумъ и Зета называются Сербскими областями.

Въ 1234 году Владиславъ заключилъ договоръ съ Дубровникомъ (С. № 3), обнаруживая беспокойство относительно прочности своего престола. Онъ требовалъ отъ Дубровничанъ помощи и выговаривалъ себѣ безопасный пріютъ въ ихъ городѣ, въ случаѣ бѣгства изъ Сербіи; это условіе объясняется словами Радослава: ако ми ъ да и боудеу господрѣ како самъ бымъ (С. № 2). При немъ какой-то Владимиръ опустошилъ Сербскія земли, и по тому Дубровничане обѣщали, что ни Владимиру, ни кому либо другому не стануть давать совѣтовъ, враждебныхъ для Сербіи (С. № 8). Кто былъ Владимиръ—можно объяснить изъ Аппендинни, который, подъ 1239 годомъ, пишетъ, что у Дубровничанъ съ Омышанами былъ састанокъ, stanke, гдѣ, со стороны Омышанъ, присутствовали епископъ Иларіонъ и графъ Владимиръ; тутъ же находился и повѣренный отъ короля Владислава. ¹ Въ такомъ случаѣ значитъ, что Омышане, въ слѣдствіе стародавней привычки заниматься морскими грабежами, опустошали и земли Сербіи, прилежащія къ морю. Отъ нихъ, какъ мы знаемъ, много терпѣли Далматскія общины. Грамота Поморскаго князя Юрія (С. № 10) свидѣтельствуетъ, что супругою этого князя Юрія была дочь Владислава. Вотъ подлинныя слова Юрія: да съда (теперь) съ ходниаи мон жуплани мѣ (коихъ) ꙗ даль краля владислава мѣмъ и мои жупа д свои кѣмери прѣдъ вѣшь градъ по зановѣди краля вѣрша. До сихъ поръ ни въ какомъ другомъ источникѣ не было извѣстія, о дочери Владислава. Дѣло, какъ видно, происходило уже при преемникѣ послѣдняго, королѣ Урошѣ I. Трудно рѣшить, что это за князь Юрій? Изъ словъ его видно, что онъ владѣлъ какимъ-то приморскимъ городомъ, быть можетъ, Омышемъ; это предположеніе подтверждается тѣмъ, что, по словамъ Юрія, Венеціанцы съ Дубровничанами, ходили на его городъ; а этому, мы знаемъ, обыкновенно подвергался Омышъ: вы вѣстѣ властѣла вѣда на вы подѣ дръва заморьска и вѣнѣтѣуьска на нашъ градъ: тѣда ваша (Дубровничанъ) дръва вѣльга (подѣлъ) ихъ гредѣ на вы—писалъ князь Юрій; а имя его посла, князя Озора, задержаннаго на пути, еще яснѣе указываетъ на Омышъ. Владиславъ владѣлъ, между прочимъ, Хлумомъ и Травувию, какъ видно изъ его титула: в (я) стѣфанъ владиславъ. спомокию вѣйшовъ краь всѣхъ. рѣшѣй зѣмъ. и дѣноканти. и дѣлмаци. и трокзини. и захлани (С. № 7). Онъ подписывался: Стѣфанъ Влѣславъ Спомокию вѣйшовъ Краь всѣхъ рѣшѣй зѣмъ и приморскій. Около 1237 г. преставился архіепископъ Сава I и погребенъ былъ въ построенномъ при Владиславѣ монастырѣ Милешевѣ. Вскорѣ потомъ окончилось и царствованіе Владислава.

На престолъ возшелъ третій братъ, Урошъ I. Доселѣ историки утверждали, что Владиславъ кончилъ свое царствованіе вмѣстѣ съ своею жизнію, и колебались между 1237 и 1240 годами его смерти; но изъ грамотъ объясняется это колебаніе тѣмъ, что Владиславъ былъ еще живъ, когда Урошъ принялъ власть въ свои руки. Въ 1244 году Дубровничане обѣщали Урошу, что не стануть принимать участія въ враждебныхъ ему дѣйствіяхъ Владиславовой супруги, проживающей въ ихъ городѣ: мюря. ни сѣ нашѣмъ стѣомъ. ни сѣ нашѣмъ вѣдениемъ. кралица владислава. пѣсѣ нашѣмъ града. ни по морѣ. ни по сѣстѣ. ни зѣ вѣсѣмъ. дѣ не пошат ни книга. ни сѣт (пословъ). на твоѣмъ зло (С. № 12). Еслибъ супруга Владислава была уже вдовою, то она не имѣла бы никакого повода, ни права дѣйствовать противъ Уроша; она могла такъ поступать только въ

¹ Т. I, стр. 280.

правахъ своего мужа, находившагося еще въ живыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, другая грамота, писанная чрезъ 9 лѣтъ послѣ первой, въ 1253 году, свидѣтельствуеъ, что Владиславъ былъ еще живъ (С. № 16). Въ ней Дубровничане общаются Михаилу Асѣну не принимать къ себѣ ни Уроша, ни брата его, Владислава, ни родичей и бояръ ихъ, если они будутъ выгнаны Булгарами изъ Сербіи, и аще богъ поможетъ, стѣмъти, ѿрѣстез, нсвъздити, врага, ткога, и машегъ, гроша, нсь срѣньскы, зыма, и брата, его, Владислава, и родъ ихъ, ннн, друзи, властеля, и прибгънъ, градъ, дуброкиннъ, ни да ихъ, не приммо, ни, рзун, ихъ. Урошъ не даромъ получилъ названіе Великаго: отъ всѣхъ враговъ своихъ, даже отъ брата умѣлъ онъ избавиться счастливо, и при немъ Сербія не была ни ослаблена, ни унижена; Греки и внутреннія усобицы не тревожили ея. Хотя отъ Угорскаго короля онъ и принялъ, по выраженію лѣтописца, многа оузлоомнѣнїа и сирѣн¹, однако умѣлъ отдѣлаться отъ него. Только Татары въ 1241 году, при своемъ нашествіи на Угрію, захватили мимоходомъ часть Сербіи. Еще подвѣлись, было, Дубровничане, но дѣло кончилось безъ войны. Причину неудовольствій съ Дубровникомъ историки находятъ въ корыстолюбіи Уроша и стѣсненіи правъ Дубровницкой торговли. По этому Дубровничане обратились къ Венеціи, прося, чтобы она была посредницею между ними и Королемъ; они желали отправить своего князя, Георгія (Марцела?), ко двору Короля, надѣясь, что Урошъ приметъ въ уваженіе просьбу князя Георгія, какъ родственника Венеціанскому дожу. Но сенатъ Венеціанскій не хотѣлъ, чтобы Дубровникъ оставался въ мирѣ съ Сербіею и далъ тайное повелѣніе дожу не ходить ко двору Уроша. Тогда Дубровничане заключили договоръ съ Михаиломъ Асѣномъ; но дѣла въ Булгаріи отвлекли вниманіе этого послѣдняго, и войны съ Сербіею не было. Дубровничане обязались платить Урошу 2000 перп. за право торговли и владѣнія землею. Такъ повѣствуетъ Аппендани² Изъ нашихъ грамотъ не видно, чтобы Урошъ стѣснялъ права Дубровницкой торговли: напротивъ, мы имѣемъ грамоты его, писанныя прежде и послѣ того времени, когда война готова была вспыхнуть (С. NN № 12, 13, 17, 21, 22), и въ нихъ не видно никакого стѣсненія торговыхъ правъ, хотя нѣтъ и уступокъ. Но что чувство взаимной вражды таилось издавна, это свидѣлствуютъ грамоты: еще около 1240 года Приморскій князь Юрій писалъ Дубровничанамъ, что его жупаны ходили на ихъ городъ по повелѣнію короля Уроша (С. № 10). Съ своей стороны Дубровничане, въ 1249 году, вступили въ союзъ съ Боснійскимъ баномъ Стефаномъ, который обѣщалъ на всякій случай: ако се разьратити, съ крадемъ рашьки, да насъ не дамъ, ни кашъ добитъ, нату да ни зхранимо (С. № 14). Война еще только предполагалась. Даже при Георгіи Марцелѣ, около 1253 г., Дубровничане не обваруживали никакихъ враждебныхъ замысловъ и испросили грамоту у Уроша на право торговли въ его земляхъ съ условіемъ платить законныя царинны (С. № 17). Но при томъ же князѣ, 15 іюня 1253 года, они заключили союзъ съ Булгарскимъ царемъ, Михаиломъ Асѣномъ, и уже ясно высказали возможность близкой войны съ Урошемъ. Въ договорѣ (С. № 16) согласились уже о взаимныхъ отношеніяхъ, которыя долженствовали наступить по завоеваніи Сербіи Булгарами и изгнаніи Уроша съ Владиславомъ. Уклончивость Георгія Марцела, слѣдовавшаго тайными предписаніями Венеціанскаго сената, вѣроятно, послужила поводомъ къ его

¹ Шафар. Памятники, стр. 62.

² Т. I, стр. 281.

увольненію; ибо въ 1254 году, 22 мая, Дубровницкіе властели одни вступили въ подобный союзъ съ Радославомъ Андреевичемъ Хлумскимъ, который объявлялся: ѿ днѣшнн днѣ напредѣ: протнѣх моиѣх снаѣ: и смоннн лѣдѣмн: да бѣдѣ дрѣжнѣ (обязанъ) уннннн: ратѣ краалѣ зрошѣ: и зговѣмѣ лѣдѣмѣ: доколат влѣшѣ градѣ дубровнннѣ з ратѣ стон (съ) краалѣмѣ зрошѣмѣ: и съ зговѣмн лѣдѣмн: (С. № 20). Но войны настоящей не было; непріязненные дѣйствія ограничились взятіемъ въ плѣнъ съ обѣихъ сторонъ по нѣскольку челядинцевъ. Въ томъ же, 1254 году, 23 августа, при князѣ Андреѣ Златѣ, состоялся миръ между Урошемъ и Дубровникомъ. Король далъ грамоту (С. № 21), которою освобождалъ его купцовъ отъ всѣхъ земскихъ повинностей въ Сербіи и отъ всѣхъ притѣсненій и позволялъ свободно производить торговлю по всему королевству съ платою условленной царины. Дубровничане съ своей стороны обязались: оказывать ему должную почесть, какую оказывали его дѣду и отцу; отдать всѣ тѣ земли, которыя по суду окажутся королевскими; въ случаѣ пришествія въ ихъ городъ, принять его, какъ слѣдуетъ, и не вспоминать никакихъ прежнихъ неудовольствій, ни возвышать для него цѣны на съѣстные припасы; судить его подданныхъ не иначе, какъ при Сербскомъ судѣ; оказывать всякое должное удовлетвореніе; немедленно возратить всю плѣнную челядь и удерживать всякія враждебныя покушенія проживающихъ въ ихъ городѣ враговъ Сербіи (С. № 26). Отсюда видно, что дѣла кончились къ выгодѣ Уроша, и изъ намека о землѣ можно догадываться, что война возникла не за торговлю и не отъ корыстолюбія Уроша, а за несправедливое со стороны Дубровника завладѣніе землями Сербскаго королевства. Слѣдовательно, не корыстолюбіе, но долгъ правителя заставлялъ Уроша требовать возмездія отъ Дубровника, и очень вѣроятно, что послѣ того Дубровничане стали платить Сербскимъ королямъ ежегодную дань, 2000 перп., хотя въ нашихъ грамотахъ, не идущихъ, впрочемъ, далѣе 1254 года, нѣтъ объ этомъ никакого извѣстія. При Урошѣ I Хлужъ уже не принадлежалъ Сербіи, какъ видно изъ договора съ Дубровникомъ Хлумскаго жупана Радослава, который называетъ себя клятвенникомъ Угорскаго короля и обѣщаетъ дѣйствовать противъ Уроша (С. № 20). Урошъ, женатый на Еленѣ, изъ Нѣмецкаго рода¹, имѣлъ двухъ сыновей, Драгутину и Милутину. Первому, женатому на Екатериинѣ, дочери Стефана V Угорскаго, онъ обѣщалъ при своей жизни уступить престолъ, и уже Драгутинъ начиналъ настойчиво напоминать о данномъ завѣщаніи, когда Урошъ вдругъ рѣшился отдать престолъ способнѣйшему, Милутинѣ, и просилъ для него въ супруги дочь императора Михаила Палеолога. Но сватовство разстроилось, а между тѣмъ Драгутинъ, съ помощію Угорскаго войска, разбилъ отца и принудилъ его бѣжать въ Драчь, гдѣ Урошъ и умеръ въ 1272 г., заплативъ жизнь за то, что хотѣлъ осуществить мысль новую, волю самодержца, и пренебречь старымъ порядкомъ наслѣдія. Подпись Уроша I такова: Стефанъ зрошѣ спомоннѣ бѣжѣмѣ краалѣ вѣснѣ рѣшѣмѣ зѣмнѣ и поморьскѣ.

На Драгутинѣ, царствовавшемъ отъ 1272 до 1275 г., видимъ сильное вліяніе духовенства и хитрыхъ дѣйствій Милутина. Мать и архіепископъ, Сава II,

¹ Однѣя лѣтописецъ (Шафар., Памятники, стр. 60) называетъ ее дочерью Угорскаго короля. Другой, Браковичевъ (Arhiv za povjestn. Jugoslav., III, стр. 11), именуетъ ее regis Francosum filiam, т. е., дочерью какого-то Нѣмецкаго короля. Наконецъ третій (Гласникъ, ч. V, стр. 42, 49) уже прямо указываетъ на ея происхожденіе, говоря, что она была дочерью Болдуина II, императора Константинопольскаго.

дѣйствовавшіе, быть можетъ, въ согласіи съ Милутиномъ, до такой степени пробудили въ Драгутинѣ раскаяніе о поступкѣ съ отцомъ, что Драгутинъ рѣшился наконецъ отказаться отъ престола въ пользу брата, съ тѣмъ, чтобы Милутинъ передалъ послѣ себя престолъ сыну его, Владиславу. Вскорѣ онъ пытался снова сѣсть на престолъ; но духовенство, увлеченное способностями и дарами Милутина, вторично не допустило его до царствованія. Остальное время, до самой своей кончины, въ 1417 г., Драгутинъ жилъ въ Сремѣ, который, вмѣстѣ съ Мачвою, достался ему отъ тестя въ приданое за женою.

Послѣ Уроша I оставалась въ живыхъ его супруга, Елена. Приверженная къ Западной Церкви, она держалась въ Скадрѣ вблизи Дубровника. Данилъ называетъ Брънатками ея дворъ, гдѣ она жила и скончалась монахиней¹. Въ Брънаткахъ она дала грамоту Дубровнику съ обѣщаніемъ извѣщать гражданъ о всѣхъ враждебныхъ городу намѣреніяхъ Сербскаго короля: и даю имъ хтати (захочетъ) ирля послати воиски на дзевонини: или гвсз (разбойника): или про годъ плиостити дзевонини: да е ѿ мене вадити з градъ колико нанекс (наиболѣе) могъ вразо (С. № 27). Здѣсь должно разумѣть Милутина, который дѣйствительно, по свидѣтельству Аппендизи², былъ, въ 1288 году, въ дурныхъ отношеніяхъ съ Дубровникомъ, защищая Которцевъ. Елена, съ своей стороны, была недовольна имъ, по тому, что онъ около этого времени вступилъ въ противозаконный бракъ съ Елисаветою, сестрою Драгутиновой супруги, Екатерины. Грамота писана въ правленіе князя Ивана Сторлата³ и архіепископа Алиарда. Въ 1289 году Елена выдала еще другую грамоту (С. № 32), въ которой подтверждала записку, данную Милутиномъ Дубровнику на обладаніе всѣми тѣми землями, которыми эта община владѣла при Урошѣ I (С. № 33).

Урошъ II Милутинъ, царствовавшій съ 1275 по 1321 г., представляетъ собою замѣчательное историческое лице: онъ является искуснымъ политикомъ и храбрымъ воиномъ. Онъ стоитъ въ уровень съ своими вѣкомъ, не щадя ни оружія, ни хитрости для достиженія своихъ цѣлей. Правда, его политика часто противорѣчила началамъ нравственности, но за то своею многосторонностію, своимъ искусствомъ никогда не ослабѣвала и всюду, во всѣхъ сношеніяхъ умѣла одержать верхъ. Нѣкоторые лѣтописцы и историки несправедливо смотрятъ на него только съ нравственной точки, и между тѣмъ, какъ эти не щадятъ для него упрековъ, другіе заботливо скрываютъ и оправдываютъ его недостатки. Но тѣ и другіе слишкомъ разъединяютъ свой взглядъ: въ государственномъ человѣкѣ мало видѣть одного человѣка; надобно смотрѣть на него, какъ на правителя, въ рукахъ коего хранится судьба всего народа. Въ государственномъ человѣкѣ трудно разгадать, что дѣлаетъ онъ по собственному влеченію и что по необходимости, по требованію обстоятельствъ. Окруженный тремя сильными и враждебными сосѣдями, стѣсняемый притязаніями Западной Церкви, Милутинъ, точно, не былъ разборчивъ на средства, но цѣлью его было доставить Сербіи спокойствіе и могущество. Въ этомъ случаѣ онъ жертвовалъ своею личностію пользѣ государственной. Мы должны удивляться его храбрости, гибкому и оборотливому уму и вмѣстѣ необыкновенному счастью; мы не должны также забывать, что непосредственнымъ

¹ Ранчъ, ч. II, стр. 501.

² Т. I, стр. 282.

³ Издатели Спомениковъ, при имени князя Сторлата, выставили 1288 годъ; но въ этомъ году еще былъ живъ Урошъ I, и Елена никакъ не могла бы дать грамоты съ такимъ содержаніемъ и притомъ въ Брънаткахъ.

его сосѣдомъ, съ которымъ наиболѣе имѣлъ онъ дѣла, была Восточная Имперія, не щадившая хитрости и денегъ въ сношеніяхъ своихъ съ иноземными народами; съ такимъ сосѣдомъ, стоявшимъ уже на крайней степени внутренней порчи и государственнаго разврата, приходилось часто дѣйствовать равнымъ оружіемъ и хитрость противопоставлять хитрости. Самый престолъ Милутинь добылъ посредствомъ хитрости. Черезъ духовенство, любовь котораго онъ снискалъ благочестіемъ, дарами и строеніемъ монастырей, онъ умѣлъ внушить брату ту глубокую набожность, то чистое раскаяніе, которыя отстраняли его отъ всякаго виѣшательства въ дѣла государственныя. Даже умирая, Драгутинь не позаботился подкрѣпить сына достаточными средствами къ принятію престола послѣ дяди; а между тѣмъ Владиславъ имѣлъ полное право на престолъ, въ чемъ соглашался и самъ Милутинь. Не менѣе удачны были и виѣшнія его дѣйствія. Онъ первоначально былъ женатъ на дочери Іоанна Ангела, севастократора Фессалии и Локриды¹, и, прикрываясь этимъ родствомъ, дѣлалъ постоянныя вторженія въ Греческія владѣнія, когда одинъ, когда съ братомъ, Драгутиномъ. Михаилъ Палеологъ, поднялся, было, на него, но умеръ дорогою, въ 1283 г. Ни Греческіе вельможи, ни помощь Татаръ, Турокъ и Фруговъ (Франковъ) не могли ничего сдѣлать. Милутинь, въ вѣскольکو походовъ, завоевалъ оба Полога, Скопле, Овчеполе, Златову, Піанецъ, Струмицу, Серъ, Дьбрьскъ, Кичаву, Поръчье, опустошилъ Влахіотскую землю и доходилъ до Солуна и Авона. (Гр., стр. 42, № 4). Состояніе Греціи позволяло ему свободно захватывать у нея города и земли. Безопасный съ этой стороны, онъ обратилъ свое вниманіе на Босну и, чтобы получить ее, оставилъ свою первую жену подъ предлогомъ бесплодія и женился на Елисаветѣ, сестрѣ Ладислава, Угорскаго короля, и Екатерины, супруги Драгутиновой. Дѣйствительно, въ приданое за Елисаветою, ему досталась Босна, въ 1286 г. А чтобы задобрить папу, Милутинь, при посредствѣ матери своей, Елены, общалъ вести къ Сербію Римско-католическую вѣру и изгнать Патареновъ. Но безпорядки въ Булгаріи отвлекли его вниманіе отъ обѣщаннаго вѣрообращенія. Татаринъ Ногай, свергнувъ Тертера, возвелъ на Булгарскій престолъ Смилцу и затронулъ Сербскія области. Споръ конченъ былъ бракомъ: Страшимиръ, правитель Видина, главный и ближайшій къ Сербіи военачальникъ Смилцы, женилъ своего сына, Михаила, на Недѣ, дочери Милутина. Когда же сынъ Ногай, Цаха, посадилъ на Булгарскій престолъ Святослава, сына Тертерова, тогда, для предотвращенія непріязненныхъ столкновеній, самъ Милутинь, отвергнувъ Елисавету, женился на дочери Тертера, сводной сестрѣ Святослава, въ 1296 г. Ему уже нечего было бояться Угрии; ибо тамъ, по убіеніи Ладислава, Андрей III былъ слишкомъ занятъ дѣлами. Между тѣмъ на югъ опустошенія Греческихъ земель продолжались при помощи Греческаго измѣнника Котаницы. Наконецъ царь Андроникъ Старшій не нашелъ лучшаго средства къ укрощенію опаснаго врага, какъ то, къ которому всегда прибѣгала Византійская политика въ крайнихъ обстоятельствахъ и которое допускалъ, какъ видимъ, и Милутинь. Онъ предложилъ Милутину жениться на его дочери: два послѣдніе брака Милутина, какъ заключенные отъ живой жены, сочтены были недействительными, а смерть первой его супруги вполнѣ отстраняла всякое къ тому препятствіе, — и восьмилѣтняя Симонида вступила въ бракъ съ сороколѣтнимъ Милутиномъ. Въ силу брачнаго договора, дочь Тертера и Котаница были выданы Грекамъ;

¹ Corp. Script. Hist. Byz. Nicephorus Gregoras, v. I, p. 203. — Stritter, II, 205.

Милутинь обязался не тревожить Греческихъ земель и помогать тестю противъ Персовъ. У того и другаго были свои виды: Адроникъ освободился отъ Сербовъ, которые, по словамъ лѣтописцевъ, *et ipsi infestissimi hostes erant, et Romano imperio magnas quotidie clades inferebant*, и даже получалъ отъ нихъ вспоможеніе противъ Турокъ. Виды Милутина были обширнѣе. Хотя онъ и не тревожилъ болѣе Греческой имперіи, но за то уже смотрѣлъ на нее, какъ на свою собственность. Неудовольствія Святослава и Драгутина, возникшія по случаю брака, взялся уладить самъ Императоръ. Милутинь былъ совершенно спокоенъ. Далекіе виды на Грецію требовали отъ него дѣлъ благочестія; онъ строилъ и обогащалъ церкви въ Сербіи и самой Греціи, какъ-то: въ Солунѣ, Царьградѣ и на Аѳонѣ; даже посылалъ дары на Синай, и въ Ерусалимѣ построилъ новую церковь свв. архангеловъ Михаила и Гавріила¹. Къ ѣтому же времени относятся его грамоты, данныя Хиландару. Первою своею грамотою (А. № 6) онъ подтвердилъ и переписалъ прежніе хрисовулы отца и дѣда, заключавшіе ихъ надачи Хиландару; тутъ же вписалъ и свои пожертвованія, состоявшія въ нѣсколькихъ селахъ съ заселками, пашнями и влахами, церквахъ, пасѣбахъ, виноградникахъ и пр. Изъ того, что онъ подарилъ Хиландару церковь архистратига Михаила въ Штипѣ и села съ людьми въ Струмицкой области, мы видимъ, какъ далеко простирался его владѣніи на югъ. Вообще плодородная и прекрасная равнина Македоніи, орошаемая рѣками Вардаромъ и Струмою и населенная, по большей части, Славянами, составляла главную цѣль, куда устремляли свое оружіе Сербскіе короли. Самое ея положеніе, относительно Сербіи, служило тому причиною. Сербія всею своею южною частію, заключенною въ дугѣ горъ, окружающихъ съ юга притоки восточной Моравы отъ Расы до Ниша, упиралась въ эту равнину: стоило только перейти горы и естественнымъ продолженіемъ Сербіи являлась эта равнина, открывающая свободный путь къ морю и Аѳону. Уже Неманя сдѣлалъ первый шагъ за горы, овладѣвъ Призрѣномъ, Скопьемъ и Средцемъ: Милутинь же дошелъ до Сера (Сереса), и это былъ самый южный предѣлъ его владѣній. Изъ той же грамоты узнаемъ, что въ это время, ок. 1302—1306 г., архіепископомъ Сербскимъ былъ Евстафій II, а епископства были слѣдующія: Зетское, Рашское, Звечанское, Хвостенское, Хлумское, Призрѣвское, Топлицкое, Будимльское, Лимлянское (Липлянское), Скопльское, Дьбрьское и Моравское. Сравнивъ этотъ списокъ съ тѣмъ, который приводится у Еягеля², видимъ, что въ послѣднемъ пропущено Звечанское и показаны еще четыре епископства: Браничевское, Мачевское, Градецкое и Кончульское. Между тѣмъ въ грамотѣ упомянуты *всѣ* епископства: это противорѣчіе можетъ быть объяснено тѣмъ, что грамота писана задолго до конца царствованія Милутина и по тому Звечанское могло быть уничтожено, а два вторыя епископства могли быть основаны послѣ, при Никодимѣ, которому приписываютъ устроеніе церковнаго чинованія; что же касается до двухъ первыхъ, то они не упомянуты по тому, что находились во владѣніяхъ Драгутина. У Рачча³ пропущены два: Звечанское и Топлицкое. Изъ хрисовула Милутинова, писаннаго уже при Никодимѣ, и сообщеннаго Шафарикомъ, находимъ слѣдующій списокъ епископамъ: Зетскій,

¹ Неманя избралъ въ покровители своей земли архистратига Михаила: отъ того церковь, построенная Милутиномъ, называется иногда церковью одного архистратига Михаила. Ср. гр-ы Уроша V, Г., ч. II, и Душана, С. N 35.

² Gesch. v. Serv. u. Bosn., стр. 255.

³ Ч. II, стр. 625.

Рашскій, Хлумскій, Хвостенскій, Топлицкій, Будимльскій, Дьбрьскій, Моравицкій, Скопльскій, Призрьскій, Иплянскій, Браничевскій, Мачевскій, Градацкій и Кончульскій¹. Этотъ списокъ во всемъ согласенъ съ Ангелевымъ. Въ спискѣ Григоровича, заимствованномъ изъ грамоты, писанной тоже при Никодимѣ, опять встрѣчаемъ пропускъ; нѣтъ епископовъ: Моравицкаго, Скопльскаго, Призрьскаго, Градецкаго и Кончульскаго, хотя прочіе епископы составляли въсь съ вѣомъ събранныи ликъ въсь сръбскимъ земли (Гр., стр. 47, № 12). Во второй и третьей грамотахъ (А. NN № 2, 3) Милутинъ говоритъ о сооруженіи пирга или башни съ храмомъ Спасителя для защиты Хиландара отъ морскихъ разбойниковъ и придаетъ пиргу испрошенное имъ у Греческаго царя въ Струмской области село Куцово со всѣми принадлежностями и доходами близъ сель монастырскихъ. Мѣсто, гдѣ былъ построенъ пиргъ, называется Хрусіею; пиргъ великъ и твердъ и окруженъ градомъ; внутри церковь въ честь вознесенія Господня и кельи, изъ которыхъ одна назначена для самого Милутина. Старецъ, управляющій пиргомъ, поставляется только изъ Хиландарскаго монастыря и избирается общими совѣтомъ братіи, способнѣйшій на то послѣ игумена и башты; безъ достаточной вины старецъ не отставляется отъ управления пиргомъ. Пиргъ не отдѣляется отъ монастыря, но единствуется съ нимъ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ далъ еще четвертую грамоту (А. № 4), въ которой подтвердилъ всѣ прежнія надачи Хиландару и пиргу, положилъ отпускать изъ монастыря пищу для братіи, живущей въ пиргѣ, запретилъ монастырскимъ властямъ касаться всего того, что принадлежитъ пиргу, движимаго и недвижимаго, живаго и мертваго имущества, даннаго на украшеніе и поддержаніе пирга; опредѣлилъ снова взаимное единство пирга и Хиландара; наконецъ приписалъ къ послѣднему еще два села въ Скопльской области со всѣми ихъ людьми и доходами. Обѣ послѣднія грамоты засвидѣтельствованы архіепископомъ Савою III, по согласію со всѣми епископами, и утверждены его подписью: *слава по мати кѣнии архимѣи въсь сръбскій ѿ номорскихъ земль*. Въ припискѣ архіепископа исчислены всѣ его предшественники; вотъ они: Сава (I), Арсеній, Сава (II), Иоанникій, Евстафій, Іаковъ, Евстафій (II). Таковы были благочестивыя дѣйствія Милутина. Какъ бы то ни было, онъ умѣлъ приобрѣсти благоволеніе супруги Андроника, царицы Ирины, которая готовила ему Византійскій престолъ, посылала множество денегъ и даже отправила въ Сербію двухъ сыновей своихъ. Цѣлью ея и Милутина было соединеніе обѣихъ государствъ. Но однимъ изъ важнѣйшихъ препятствій былъ незаконный² сынъ Милутина, Стефанъ Урошь, жившій доселѣ въ Зетѣ. Вскорѣ и это препятствіе было устранено. Самъ Стефанъ подалъ къ тому поводъ. Между тѣмъ, какъ Греческая сторона, предводительствуемая Симонидою и Ириною, старалась очернить его въ глазахъ отца³, бояре другой, Сербской, стороны, боясь владычества Грековъ, пришли къ Стефану въ Зету и убѣдили его возстать противъ отца⁴, но рать отцова была сильнѣе, и Стефанъ смирился. Вслѣдъ

¹ Лѣтописи у Шафар. въ Памятникахъ, стр. 54.

² Объ этомъ прямо говорятъ Орбини (стр. 226, 227) и Дюфрентъ (Famil. Dalm. et. Slavon., гл. III, § LVIII); да и самыя обстоятельства подтверждаютъ то же.

³ Дроставникъ (у Ранча, ч. II, стр. 838), Житіе Стефана Дечанскаго, писанное Дечанскимъ игуменомъ Григоріемъ, (Рукопись. См. Введеніе, стр. 23. Примѣч. 3) и Лѣтописи (Шафар., Памят., стр. 81, 70.—Гласникъ, ч. V, стр. 61) подтверждаютъ извѣстіе Мадія о томъ, что Стефанъ былъ оклеветанъ Симонидою. Ср. Engel, Gesch. v. Serb. u. Voyn., стр. 245.

⁴ Далматъ у Ранча, ч. II, стр. 612.

за тѣмъ онъ былъ ослѣпленъ въ Скоплѣ и отвезенъ въ Царьградъ, въ 1307 г., подъ надзоръ Грековъ. Бракъ Милутина съ царевною привелъ въ трепетъ старую Елену, которая, какъ иностранка, не любила сношеній съ Востокомъ. Милутинъ спѣшилъ увѣрить папу въ своей преданности къ Римокатолицизму и подтвердить запись своего дѣда, Стефана Первоувѣчаннаго, Бенедиктинскому монастырю на Млѣтѣ. Въ то же время Боснійскія земли, заваяты Павломъ Бребирскимъ, были снова завоеваны, и владычество Сербіи простерлось до самого Думна. Въ 1305—1307 г. Милутинъ подтвердилъ запись своей матери, Елены, монастырю пресвятой Дѣвы Маріи, сооруженному ею въ Рѣтцѣ близъ Бара (Мк.). Этими, конечно, хотѣлъ онъ продолжить, по смерти матери, хорошія отношенія къ Риму, которая поддерживала Елену. Явился другой притязатель Византійскаго престола, Карлъ Валуа. Милутину нужно было сойтись и съ нимъ. Заключенъ былъ взаимный союзъ: Милутинъ обѣщалъ Карлу вспомогательное войско, а сынъ Карла, герцогъ Алансонскій, долженъ былъ жениться на Зарицѣ, сестрѣ Неды; въ добавокъ Милутинъ писалъ къ папѣ, изъявляя свою покорность Римской Церкви. Уже папа прислалъ ему исповѣданіе вѣры и священное знамя; какъ вдругъ ссора съ Венеціанами разстроила всѣ замыслы Карла. Милутинъ, видя его безсиліе, прекратилъ съ нимъ сношенія, а папу извѣстилъ, что не можетъ ввести у себя Римско-католическаго вѣроисповѣданія, ибо боится гнѣва тещи и брата. Сношенія съ Святославомъ Булгарскимъ и Андроникомъ сдѣлались тѣснѣе. Владиславъ, сынъ Драгутина, былъ тотчасъ, по смерти отца, схваченъ и посаженъ въ заключеніе. За то Сербское духовенство и бояре, воспользовавшись несогласіемъ Милутина съ Симонидою, успѣли склонить его къ возвращенію сына, Стефана, изъ Греціи. Стефану данъ былъ для жительства городъ Будимль. Но гроза собиралась надъ Милутиномъ. Еще въ 1314 г. папа, за вторженіе его въ Угрію, проповѣдывалъ противъ него крестовый походъ. Въ 1318 г. Карлъ Робертъ Угорскій, желая возвратить Драгутиновы земли, соединился съ Карломъ II Сицилійскимъ, правителями Албаніи, графами Бребирскими и ии. др.; Мачва и Босна были завоеваны. Но судьба и на этотъ разъ спасла Милутина. Карлъ Робертъ былъ отвлеченъ волненіями въ Угріи. Папа хотѣлъ, было, въ 1320 г., поднять на Милутина всю западную Европу, но и этотъ крестовый походъ не состоялся. Такимъ образомъ Милутинъ счастливо избѣгнулъ грозы Запада. Въ 1321 г. онъ умеръ, готовясь помогать Андронику Младшему противъ Старшаго. Онъ подписывался: *Стефанъ Урошъ въ хѣ кѣ благоутробныи краль (или по мѣти шипшии краль) и съ кѣмъ самодръжць всѣхъ срьбскихъ земель и номорскихъ; или: Стефанъ Урошъ въ Христа Бога благопрный и христолюбивый краль и самодержецъ сербскихъ земель.*

Тотчасъ по смерти Милутина народъ Сербскій призвалъ на престолъ Стефана Уроша III. Ковстантинъ, другой незаконный сынъ Милутина, и Владиславъ Драгутиновичъ были обойдены. Послѣдній имѣлъ болѣе всѣхъ права на престолъ, какъ законный сынъ старшаго Неманича; но порядокъ наследства былъ уже нарушенъ столь частыми забвеніемъ старшинства; Милутинъ же окончательно разрушилъ его, оскорбивъ и уничтоживъ въ лицѣ Владислава послѣднее его основаніе — право законности. При томъ отдѣльность Сремской области и долгое пребываніе Владислава въ заключеніи заставили народъ отвыкнуть отъ него и не довѣрять ему своей судьбы. Програвъ битву въ 1324 г., Владиславъ вскорѣ потомъ умеръ. Доселѣ власть находилась въ рукахъ рода Неманичей, и повторялось въ этомъ родѣ то же самое, что было до Немани

при Немани въ родѣ Бѣлы Уроша: братья наследовали братьямъ. Радославъ, Владиславъ и Урошъ I преемствовали одинъ другому; Милутинъ вступилъ на престолъ за Драгутинюмъ. Но въ лицѣ Владислава родъ вторично проигралъ передъ семейю, и на немъ отразилось торжество государственныхъ началъ. Владиславъ одинъ оставался законнымъ наследникомъ послѣ Милутина, какъ сынъ старшаго брата и единственный Неманичъ. Напротивъ, рожденіе Стефана (Дечанскаго) и Константина намъ неизвѣстно. Мы имѣемъ полное право предполагать ихъ незаконными сыновьями Милутина, которымъ отецъ не думалъ отдавать въ наследство престолъ, но которымъ далъ для жительства частную собственность Неманичей, Зету и окрестности Скадра. Всего вѣроятнѣе, Милутинъ имѣлъ въ виду соединеніе Сербіи съ Греціею, доказательствомъ чему служатъ сношенія съ нимъ императрицы Ирины и повѣдка ея сыновей въ Сербію. Отъ того-то Милутинъ и не заботился выставить себя наследника изъ Неманичей. Но Сербскіе бояре, коренное сословіе Сербской земли, твердо хранившіе народную самостоятельность, не хотѣли имѣть у себя чужеземныхъ королей, могшихъ внести съ собою и чужеземное вліяніе, обратились къ Неманичамъ. Забвеніе родоваго права и отвычка отъ Владислава доставили торжество Стефану. Ему помогли Зетскіе бояре, которые, какъ старожилы той земли, откуда вышли Неманичи, гдѣ было ихъ гнѣздо, не разъ выказывали свои права на преобладающее вѣшательство въ дѣлахъ всей Сербіи. Лѣтописцы искусно закрываютъ рожденіе Стефана и Константина: однако кто же была ихъ мать? И были ли законные сыновья у Милутина? Енгель прямо называетъ Стефана *ein natürlicher Sohn*¹; Давыдовичъ допускаетъ это только, какъ мнѣніе нѣкоторыхъ². Зетскіе бояре, удаленные отъ Владислава и, можетъ быть, забывшіе объ немъ, были рады старшему, хотя и незаконному, сыну Милутина и постарались объ его возведеніи. Но послѣ этого по чему жъ бы и Константину не сѣсть было на Сербскій престолъ? Онъ, также какъ и Стефанъ, владѣлъ отцовскою собственностію (гдѣ-то около Скадра). Но если уже не успѣлъ законный Владиславъ, которому предпочтенъ былъ сынъ того, кто такъ возвысилъ Сербію, чья память была такъ еще свѣжа въ народѣ, то тѣмъ менѣе могъ успѣть младшій и такой же, какъ Стефанъ, незаконный Константинъ. Однако онъ послалъ сказать Стефану, чтобы тотъ, какъ слѣпой и неспособный къ управленію, уступилъ ему престолъ; но Стефанъ не былъ совершенно слѣпъ и правился народу своимъ благочестіемъ и еще тѣмъ, что поддержалъ народную сторону, предупредивъ соединеніе Сербіи съ Греціею. Стефанъ отвѣчалъ, какъ истинный государь: «пусть Константинъ, второй сынъ отца, возьметъ себя и второе мѣсто въ королевствѣ и будетъ мнѣ сподручникомъ»; но Константинъ, держась стараго порядка и недовольный отвѣтомъ, въ которомъ проявлялась новая, государственная мысль, мысль самодержавія, далъ сраженіе и былъ убитъ³. Лѣтописецъ явно обличаетъ участіе бояръ въ этой борьбѣ, называя ихъ «дворянами»⁴. Угрожаемый

¹ Gesch. v. Serv. u. Vozn., стр. 240 и др.

² Дѣянія къ исторіи Сербскаго народа. Забавникъ. 1821. Стр. 72.

³ Отъ Константина сохранилась одна монета, на которой вычеканено: S. Stefanus Scutari (Г., III, стр. 219). Но Занетти ошибается, называя его сыномъ Маріи, дочери цара Андроника: Симониды (а не Маріи) была бесплодна. Безименный лѣтописецъ (Гласникъ, ч. V, стр. 59) равносѣрно ошибается, считая его законнымъ сыномъ Милутина отъ Симониды. Дю-Фреяъ же (Fam. Dalm. et Slavon., гл. III, § LVI) думаетъ, что онъ былъ сынъ Драгутина.

⁴ Гласникъ, ч. V, стр. 62.

сильнымъ сосѣдомъ, Робертомъ Угорскимъ, Стефанъ сталъ, по примѣру отца, хлопотать о своемъ бракѣ съ дочерью Карлова родственника, Филиппа Тарентинскаго, и изъявилъ преданность Римскому престолу: отецъ его не разъ обманывалъ папу, обманулъ и онъ. Уже онъ читалъ публично Римско-католическое исповѣданіе вѣры, какъ вдругъ дѣла перемѣнились. Карлу Роберту стало не до Сербіи, и Стефанъ позабылъ о папѣ, Римско-католицизмѣ и бракѣ. Въ это самое время въ Восточной Имперіи происходила война между двумя Андрониками; на сторонѣ внука стоялъ Михаилъ Страшимировичъ Булгарскій, прогнавшій отъ себя жену свою, Неду. Стефанъ, помня прошедшее, принялъ сторону дѣда. Въ 1330 г. Михаилъ былъ побѣжденъ Стефаномъ. Объ этой побѣдѣ такъ рассказываетъ Душанъ въ своей грамотѣ, составляющей послѣсловіе къ его Законнику: Въ лѣтѣ 7838 мѣсяцѣ Іуліа 15. днѣ. рѣшихъ и црѣ гръцкаго михаила и брата его блгвѣрца и александра црѣа болгаромъ. и блсараку великаго таста александра црѣа. сумегъ живущи урныи татарь и гндство ѡмико и проутихъ съ шини гнда.... Снми всьми пришшнми къ земли нашѣ рекомое место кѣстѣ ѡико до п тисѣрѣ и многа зла сътворишми краинѣ томъ.... и съграбшми намъ кое земли. ѡустьѣа нашегъ нже на брѣнѣ уготована мною ѡико до еї тисѣрѣ... мѣсяцѣ Іуліа 15 днѣ въ субботу въ 15: и тако нашшнми на нѣ. и мѣтѣю бжтѣю поразихомъ всѣ побѣдоу великою въ удивленіѣ всьми ѡкрѣстнми црѣми и гндромъ и михаилъ црѣа болгарскомъ мьгемъ галекъ его ѡиохъ: емъ же и до ѡиѣа гробъ его въ земли нашѣи и многа имѣнѣа гндра тѣхъ. землю нашѣ испильномъ¹. Война съ Булгарією и Грецією обогатила Стефана. На отнятую у непріятеля добычу воздвигнуть былъ знаменитый храмъ въ Дечанахъ, въ 1327—1335 г., по чему и самъ Стефанъ прозвался Дечанскимъ. До насъ дошли двѣ весьма замѣчательныя въ историческомъ отношеніи грамоты Стефана о построеніи и надачѣ Дечанскаго монастыря (С. № 176). Въ первой Стефанъ говоритъ о своемъ ослѣпленіи и сооруженіи монастыря; во второй исчисляеть села, подаренныя монастырю, и людей монастырскихъ и въ заключеніе упоминаеть о побѣдѣ надъ царемъ Булгарскимъ, Михаиломъ. Вотъ какъ описываетъ Стефанъ свое ослѣпленіе: тѣже (дьяволъ) и зѣ въселансе въ зломракии и зломьслънми улѣкѣми. нже въсниташе стѣи родителни крайтѣми и само крайтѣми слюбокню срѣца. ѡико братню и уеда. нже ѡставельше бѣ и великою любокю нашу збывише. нлуеше по малюу съмѣти злымъ пѣзвель. шежоу мною и родителемъ крайтѣствами. нлмы разлнѣно краѣи съ лѣстнѣю мѣлѣюшесе. горѣи и ѡкаинѣи нектрѣмъ мѣншесе. нже порекѣокалѣше момѣоу добромѣоу житнѣю. свѣщанинми злымъ и непѣбнми нлвѣдоше нго на тѣкое дѣло страшное и непѣбное. ѡко не оудѣо слышати ни въ оумѣ улѣкомъ въмѣити створише ѡ мнѣ нже створише. и послѣошлѣхъ нхъ въснорѣ скѣта ѡію момѣоу аннѣи ме не потрѣпѣхъ ни испытѣхъ истинѣи и ни расѣуднѣи испытѣо соудѣа ѡко соудѣа бжѣи ѡ. и нше нсеомѣу и въ зѣлоуемнѣи вѣдастѣ ме и съ уеда момнѣи. прѣдати ме дрѣжати въ константинѣ градѣ црѣоу андрѣонѣоу. рѣшише ѡко по семь не вѣнтнсе имѣнн момѣоу ни уедомъ момѣи ни вѣдати земли ѡустьѣки момѣо. Ясно, что здѣсь Стефанъ говоритъ о боярахъ, придворныхъ и державшихъ Греческую сторону: кого же, какъ не бояръ, воспитали короли съ любовію, какъ свою братію и чады? Но о мачихѣ онъ не упоминаеть, равно какъ совершенно отстраняеть отъ себя всякую виновность. Впрочемъ, весьма правдоподобны и слова Давиила, который ему именно при-

¹ Лѣтопись 1328 г., ч. IV.

писывает покушение свергнуть отца. Молодость, незаконность рожденья и тѣсная дружба Милутина съ Ириною, обличавшая Греческое вліяніе, вредное для Сербской народности, могли отвратить его на этотъ поступокъ. Если же въ послѣдствіи онъ является весьма благочестивымъ, то послѣдствіе не говоритъ за предыдущее: полуослѣпленный, изгнанный, въ рукахъ враговъ, Стефанъ могъ созвать свою ошибку и винить сколько отца, столько же и себя. Даниэль не смѣлъ бы клеветать на него, во первыхъ, какъ современникъ, во вторыхъ, какъ обязаный ему столько же, сколько и его отцу. Замѣчу также, что въ грамотѣ, писанной по случаю благочестиваго дѣла, странно бы было искать сознанія каковаго либо проступка отъ того, кто ждалъ себя похвалы, какъ создатель великолѣпной обители, и притомъ въ тѣ времена, когда всякое зло приписывалось не своей доброй волѣ, а внушенію дьявола и наговору злыхъ людей. Уже не передъ кѣмъ было оправдываться: Милутинъ давно уже не существовалъ; и Стефану ничего не стоило представить себя совершенно правымъ. Всю вину своего ослабленія онъ возлагаетъ на отца и совѣтъ боярскій: такъ точно свидѣтельствуетъ и Даниэль. Мадій приписываетъ ее одной только Симонидѣ, которая будто бы велѣла ослабить Стефана безъ вѣдома мужа. Всего лучше высказанъ въ грамотѣ характеръ бояръ, вѣроятно, не всѣхъ, но только сторонниковъ Симониды, научившихся у Грековъ хитрости, лести и жестокости. Тѣмъ (бъ) продолжаетъ та же грамота — свидѣлыя любви и пріятноу срѣца многу къ матиной родителямъ. или ѡ мнѣ великомъ мѣрдѣ своемъ съзъти оубо мною възвратити проскяти. и... восяди ме на престола стѣхъ родителъ и прародителъ крѣвцами..... И сѣмъ дароу еликимъ княземъ прѣдѣта сръйскаго князюаъ ехъ на крѣвце въ оуби днѣ съ своимъ монимъ. въ лѣ, з. ѡ. нѣ. мѣд. гена. ѣ. днѣ иудити. ѣ. въ празднѣхъ вѣдомканихъ. вѣднимъ и роукою прѣосвѣщеннаго архимунди иноудима. и исхъ мѣнѣ и ѣсего собора сръйскаго. амо хъатисе стефанъ амъ помюомъ и сѣмъ проскященимъ крѣтѣ оубоше третия. За сѣмъ вспоминаетъ преподобнаго Саву, устроившаго отечественное архіепископство и чиновначаліе, создавашаго нѣсколько храмовъ и перваго, обрѣтшаго въ Дечанѣхъ, въ Затрънавской жупѣ, мѣсто крѣсно и вѣсно на сѣдани домоу кѣни наудимованъ и проуемъ кѣни стѣма роуками еконима. и мѣтѣ мѣстоу скътануцѣноу. На этомъ-то мѣстѣ Стефанъ, въ исполненіе желанія св. Савы, создалъ храмъ во имя Спаса, украсилъ его всѣми красотами внутренними и вѣшними, утварями, одеждами, и надѣлалъ селами и катунами Влахскими и Албанскими; при храмѣ основанъ монастырь; и все строеніе благословлено и освящено архіепископомъ Даниломъ, всѣми епископами и всѣмъ соборомъ Сербскаго духовенства. Далѣе поменованы села и люди, подаренныя монастырю. Села, числомъ около 30, всѣ лежатъ по близости Дечанъ, и границы каждаго показаны весьма точно; при многихъ селахъ есть заселки. Люди, сидящіе въ селахъ, означены по именамъ и занятіямъ, и опредѣлены отношенія ихъ къ монастырю. Одно изъ селъ подарено монастырю въ благодарность за избавленіе отъ нашествія царя Булгарскаго. Надача совершена и утверждена въ присутствіи всего собора Сербской земли, духовныхъ и мірскихъ чиновъ и съ благословеніемъ архіепископа Данила, всѣхъ епископовъ и игуменовъ и всего духовенства. Грамота оканчивается извѣстіемъ о побѣдѣ надъ Булгарами: и кто несповѣсть иже ѡ мнѣ мѣрдѣ кѣни монаха уюдо дивити и славити всхъ уюдесъ. хрѣстоу сеноу живѣмоу и снимоу хрѣосоуоудоу хъисеклимому къ домоу крѣвтами оу породнѣи (Неродимѣ). князюаъ повѣдисе крѣ вьлгарскимъ мнхамъ мншаманѣхъ съ кѣтми силнѣи д. мн крѣи. и съ нѣомленнѣи мхъими. и мнѣтѣми погѣни

и братья братьями братьи хоте сръбскоу землю. азъ же противкоу имоу изидѣ. и съ възлюблѣнными своѣми братьями младими братьи Стефаномъ. и съ ѣстими властелии братьями.... црѣ Михаилъ оубихъ и бѣихъ попомении мѣдѣ. и шши црѣ поведихъ и разбѣихъ и възехъ достояннѣ ихъ. на мѣстѣ рекомомъ Вельклоуѣ. въ лѣтѣ 756 лѣт. мѣдѣ мюла. въ кѣ днѣ. Сравнивъ эти слова съ вышеприведенными словами Душановой грамоты, мы находимъ между ними согласіе въ главныхъ событіяхъ: только грамота Душана описываетъ подробности побѣды надъ Михаиломъ. По ея словамъ, побѣда совершена 27 июля, а по свидѣтельству грамоты Стефана Дечанскаго, она произошла 28 того же мѣсяца: — противрѣчіе незначительное¹. Также выраженіе въ послѣдней грамотѣ: црѣ Михаилъ оубихъ не отнимаетъ у Душана славы быть непосредственнымъ побѣдителемъ Буларовъ: всѣ лѣтописцы называютъ Душана главнымъ виновникомъ побѣды и плѣненія Михаила. По словамъ грамоты, Душанъ самъ отсѣкъ голову Михаилу; но по свидѣтельству Византійскихъ лѣтописцевъ, Михаилъ, покрытый жестокими ранами, былъ взятъ въ плѣнъ и жилъ послѣ того четыре дня². Григорій, игумень Дечанскій, повѣствуетъ, что Стефанъ—отецъ, въ продолженіи битвы, молился въ особенной сѣни, а Стефанъ—сынъ сражался съ врагами. Битва происходила на мѣстѣ велькоуѣ снѣмъ мрѣцѣмъ мисрдѣмъ мѣ мрѣжжши. Очень вѣроятно, что слабость зрѣнія препятствовала Стефану принимать участіе въ этой битвѣ³. Наконецъ Михаилъ, ѿ коимъ сръбскѣмъ лѣтъ выхъ. приидитса ѣсѣмъ црѣмъ Стефаномъ. мѣога тогда брѣти храброуаѣмъ сдѣлаѣмъ ѣ та жикѣта мнѣмъ оумилѣмо⁴. Даниилъ въ числѣ союзниковъ Михаила помѣщаетъ и Карла Роберта Угорскаго⁵; Византійцы же упоминаютъ только о 300 Скненскихъ наемникахъ⁶. Но, конечно, главнымъ союзникомъ ему былъ императоръ Греческій, въ отищеніе коему Стефанъ завладѣлъ нѣсколькими Греческими городами, лежащими въ равнинѣ по Вардару и Струмѣ. Извѣстны еще двѣ грамоты Стефана Дечанскаго (А. NN^o 7, 8): первая относится къ возобновленію и надачѣ селами церкви св. Николая въ Добруштѣ. Люди этихъ селъ подлежатъ общему закону людей церковныхъ: ими завѣдываетъ только монахъ, котораго поставляетъ игумень Хиландарскій, ибо церковь приписана къ монастырю. Сверхъ того церкви подаренъ торгъ Призрѣвскій, бывающій на Николинъ день, и 150 перп. ежегоднаго дохода. Въ послѣдствіи Урошъ V писалъ (С. N° 45), что торгъ Призрѣвскій, подаренъ имъ црѣмъ гѣмъ црѣ (Душана) арѣмъ. Вторая, отмѣченная 1327 годомъ, относится къ Хиландарю: въ ней Стефанъ распорядился селомъ Добродолянми, которыхъ доселѣ одна половина принадлежала Студеницѣ, другая Хиландарю. По просьбѣ Хиландарскаго игумена Гервасія, Стефанъ приписалъ Хиландарю все село Добродоляне и подтвердилъ за нимъ прежнія села въ общей окружной межѣ. Въ вознагражденіе за половину Добродолянъ, къ Студеницѣ приписано другое село, Яриве на Ибарѣ. Въ Хиландарѣ хранится еще нѣсколько грамотъ Дечанскаго, изъ коихъ узнаемъ другія надачи, сдѣланныя этому монастырю. (Гр.

¹ У Енгеля (Gesch. v. Serv. u. Boan., стр. 263) выставлено 16 июля.

² Corp. Script. Hist. Byz. Niceph. Gregoras, v. I, p. 456.—L. Chalcocondylas, ib., p. 22.—Cantacuzenus, ib., v. I, p. 430.—Stritter, II, 233; III, 840.

³ То же замѣчаетъ Ранча на слова Данила, свидѣтельствующаго, что Стефанъ управлялъ однимъ крыломъ войска. Ч. II, стр. 681.

⁴ Рукопись. См. Введеніе, стр. 23. Прилѣч. 3.

⁵ У Ранча. Ч. II, стр. 675.

⁶ Corp. Script. Hist. Byz. Niceph. Gregoras, v. I, p. 455.—Stritter, III, 838.

стр. 48, NN^o 14, 16). Еще при вѣнчаніи своемъ на королевство, Стефанъ вѣнчалъ и сына своего, Душана, назвавъ его младшимъ королемъ. Душанъ получилъ въ управленіе Зету. Но онъ видѣлъ, что отецъ не прочитъ ему королевства; ибо, не женивши его, самъ вторично женился на Гречанкѣ. Предпочтеніе, оказываемое Грекамъ, и миръ съ Греціею внушили Сербскимъ боярамъ опасеніе, чтобы престолъ ихъ отечества не достался дѣтямъ втораго брака, которые могли окружить себя Греческими сторонниками. Сдѣсь дѣйствовало чувство народности въ связи съ сословными выгодами боярства. Та же причина, которая заставила бояръ подняться съ Стефаномъ на Милутина, побудила теперь бояръ съ Душаномъ возстать на Стефана. Уже Король прогналъ отъ себя многихъ бояръ; всѣ недовольные обратились къ Душану. Выгоды были общія, и сынъ сталъ противъ отца за то же, за что прежде отецъ стоялъ противъ дѣда. Дѣлакъ шѣ разѣнѣ думала словеса своя вѣсокса посрѣ люди бѣтѣна нашг.— говорить Душанъ въ послѣсловіи къ своему Законнику—Сѣрѣмъ сътвориши ѿ мнѣ родитѣла моего. и тако напустиши ѿ намъ (мѣ). ꙗко вѣсма да не бѣдетъ имени моего ни жикота¹. Такъ настроенъ былъ сынъ противъ отца. Этими настроителями и совѣтчиками были бояре—то самое сословіе, которое возстановило Дечанскаго противъ Милутина. Сдѣсь дѣйствовала вся народная сторона, находившаяся не только въ Зетѣ, но и при королевскомъ дворѣ. Къ Душану стекались недовольные, которыхъ лѣтописцы называютъ знатными людьми. Объ нихъ такъ пишетъ Никифоръ Грегорасъ: *ἐπεὶ δ' αὐτὸς μὲν τῇ τῶν Καίσαρος θυγατρὶ συναξούρη, πεντηκοντούτης ἀνὴρ κόρη δωδέκατον ἀγούση τὸν χρόνον, καὶ πρὶν τῷ παιδί γυναικίνα ἀγαγέσθαι, παιδοποιεῖν ἤρξατο μετὰ τῆς τῶν Καίσαρος θυγατρὸς, ἐς ὑποφίας καὶ φόβους ὁ παῖς ἐξενήνεκται, ὁποίους ὑποσπείρειν εἰκὸς τοὺς ἡλικιάτας ἐς τὴν σφριγῶσαν τοῦτου ψυχὴν· καὶ ἀποβασίαν λοιπὸν ἐμελέτα καὶ ἐπανάστασιν κατὰ τοῦ πατρὸς. Ἐν οὕτως ἔχοντα βλέποντες οἱ ἐκεῖ μεγιστᾶνες καὶ στρατηγοὶ καὶ ταξίарχοι, καὶ ὅσοι κύρον εἰληφεβαντῆς ἀρχῆς τοῦ πατρὸς διὰ τὸν χρόνον, λάθρα τούτῳ προσέβαν ἴκαστοι καὶ τοὺς τῆς ἀποβασίας ἐξεπύρρευον αὐτῷ λογισμούς. καὶ μετ' οἱ πολλὰς τὰς ἡμέρας ἀπολαβίντες αὐτὸν ἐξπολέμωσάν τε κατὰ τοῦ πατρὸς καὶ Κράλην Σερβίας αὐτοκράτορα ἀνηγόρευσαν.* Ясно, что сдѣсь дѣйствовало боярское сословіе: оно—то привело къ Душану и все лучшее войско: *ἐπεὶ δὲ συχνᾶν ἡμερῶν κατ' ὀλίγους ἅπαντες αὐτῷ προεβήρῃσαν τοῦ στρατοῦ τὸ ἀπόλεκτον, προσελάσαντες δέσμων ἀπονητὶ καὶ τὸν πατέρα προσήνεγκαν τῷ υἱῷ¹.* Но на первый разъ опустошенія, произведенныя Стефаномъ во владѣніяхъ сына, заставили этого послѣдняго смириться: тѣмъ не менѣе вражда не прекратилась, и бояре положили непремѣнно возвести на престолъ Душана. Еще разъ жаловался сынъ на несправедливость отца, но отецъ прогналъ его отъ себя. Душанъ хотѣлъ, было, бѣжать, но бояре не согласились: осѣдлыми, старинными боярамъ было стыдно назваться бѣглецами, или странниками; они стали грозить сыну, что войдутъ въ переговоры съ отцомъ и отъѣдутъ къ нему обратно; что если онъ бѣжитъ, то скоро братъ его отъ второй матери препояшется на королевство. «Уне есть намъ, аще и ключитса

¹ Лѣтопись 1828 г., ч. IV.

² Corp. Script. Hist. Byz. Nicéph. Gregoras, v. I, p. 456.—Stritter, II, 254.—Dufresne, Famil. Dalm. et Slavon., гл. III, § LIX.

смерть въ землѣ отечества нашего, нежели яко пльнницы или страннии обрѣтешя на земли чуждей. Аще ли не послушаешя насъ, мы убо, увѣщавшеся у родителя твоего, воставше, идемъ къ нему, тебе же въ величїи печали и поношенїи оставимъ¹.» Тогда положено было собирать войско. Спокойно сѣдѣлъ Стефанъ въ своемъ стольномъ дворѣ въ Неродимлѣ, ожидая предвозвѣщенной себѣ кончины. Другая сторона бояръ уговаривала его предупредить замыслы сына; но онъ не вѣрилъ ей. А между тѣмъ войско Душанова окружило Неродимаю. Едва Король успѣлъ спастись въ Петричь, какъ Душанъ вступилъ въ королевскїй дворецъ, соединившася съ прочими недовольными и поспѣшилъ за отцомъ. Отецъ отдался ему, какъ пльнникъ. Готово было наступить примиреніе отца съ сыномъ; но бояре, страшась дурныхъ для себя послѣдствїй, насильно увезли отца въ Дечавы и тамъ задушили въ 1336 г. Стефанъ Дечанскїй подписывался: *Стефанъ Оуромъ ѿ. по шлти кнженъ крѣ всѣ Сръскїи и поморскїи змиа, или: Сѣфанъ къ кѣ владетари крѣ и съ богомъ самодержавъ всахъ сръскїихъ и поморскїихъ змиа*. Въ одной грамотѣ, по всему вѣроятїю, принадлежащей этому Стефану², онъ титулуется: *Стефанъ Уроуиъ оу Христа благовѣрный и самодержавный краль Сербской земли и Поморской и Овчепольской и Вельбуждской* (Гр., стр. 47, № 11).

Взошедши на престолъ, Душанъ женился на Еленѣ, сестрѣ Булгарскаго царя, Александра, и тѣмъ надолго обезопасилъ себя со стороны Бугарїи. Проникнувъ въ Истрію до Савы, онъ усмирилъ и Карла Роберта Угорскаго. Потомъ обратился на Грецію и въ два похода, между 1337 и 1340 гг., прошелъ весь Фракіейскїй полуостровъ отъ Янины до Евбеи и почти до самой Визавтїи. Осажденный въ Солунѣ, Андроникъ просилъ мира и уступилъ Сербїи Охридъ, Прилѣтъ, Янину, Трикалу, Костуръ, Струмицу, Серъ, Чермень и ин. др. Въ 1342 г. Душанъ вступилъ въ союзъ съ Кантакузинимъ противъ Анны и помогалъ ему въ войнѣ съ послѣднею. Когда же Кантакузинъ отсталъ отъ него и сблизился съ Турками, тогда онъ ваялъ сторону Анны. Несмотря на неудачу подъ Стеванцею въ 1344 г., онъ, въ 1346 г., овладѣлъ всею Македонїею и принялъ титулъ царя Сербскаго, Греческаго и Булгарскаго. Въ 1348 г. приходилъ въ Аеоу съ супругою своею; Еленою (А. NN^o 10, 11; Гол. № 1); но чтобы онъ пробылъ тамъ отъ 12 декабря до 26 апрѣля, какъ думаетъ Рачичъ³, или отъ 28 апрѣля до 12 декабря, какъ думаетъ Бягель⁴, на основанїи грамотъ, то это невѣроятно: у него не было такъ много времени, чтобы цѣлме пять, или семь мѣсяцевъ могъ онъ оставаться въ бездѣйствїи на Аеоу. Вѣроятнѣе то, что, находясь по близости въ Македонїи, онъ нѣсколько разъ посѣщалъ Святую Гору. Грамоты могли быть даны и подписаны въ другихъ мѣстахъ. Дѣйствительно, одна грамота, отъ 12 декабря 1348 года, подписана на Превлакѣ, т. е., Аеономъ перешейкѣ (А. № 11); но въ другой, отъ 26 апрѣля, мѣсто подписанїя не означено. Война съ Кантакузинимъ продолжалась до самой смерти Душана. Нѣсколько разъ вторгались Турки въ Европу; города въ Македонїи и Фракіи переходили изъ рукъ въ руки. Образовался союзъ между Душа-

¹ Даниилъ у Рачча. Ч. II, стр. 717.

² Хотя Григоровичъ и говоритъ, что эта грамота списана съ другой, Булгарской, 1346 года; однако замѣтилъ, что, во первыхъ, у него не вездѣ правильно выставлены годы; а во вторыхъ, могло случиться и на оборотъ.

³ Ч. II, стр. 763.

⁴ Gesch. v. Serv. u. Bosn. Стр. 236.

номъ, Александромъ Булгарскимъ и Палеологомъ; но Турки, снова призванные Кантакузинимъ, обратили въ бѣгство Булгаръ и разбили Сербовъ и Грековъ, въ 1351 г. На время война прекратилась. Около 1356 г. Душанъ, предвидя гибельныя послѣдствія частаго перехода Турокъ изъ Азіи въ Европу, рѣшился однимъ ударомъ престѣчь это зло; онъ собралъ 80000 войска съ намѣреніемъ завоевать Романію, Фракію и самую Византію: этимъ онъ хотѣлъ и удовлетворить своему честолюбію и навсегда заградить Туркамъ входъ въ Европу. Но смерть не дала ему осуществить своихъ замысловъ. При немъ Сербія достигла вершины своего могущества и славы. Ея предѣлы обнимали, кромѣ собственныхъ областей, Албавію, Эпиръ, Етолію, Фессалію и всю Македонію. Всѣ эти земли Душанъ приобрѣлъ отъ Греческой имперіи. Всѣхъ его походовъ въ Грецію насчитываютъ до тринадцати. Булгарскій царь давно признавалъ надъ собою его верховную власть. Но и Запада не оставлялъ онъ безъ вниманія: и тамъ дѣйствовалъ онъ равно оружіемъ и переговорами. До 1349 г. онъ былъ спокоенъ со стороны Запада. Боснійскій банъ, Стефанъ Котромановичъ, изъ страха, держалъ его сторону. Появленіе Людовика въ Далмачіи заставило Душана прибѣгнуть къ прежней политикѣ Сербскихъ королей: онъ выразилъ покорность папѣ и желаніе принять Римско-католическую вѣру; но когда Людовикъ удалился въ Италію, тогда и онъ забылъ свое обѣщаніе. Въ 1349 г., чтобы напомнить ему обѣщаніе, Людовикъ приказалъ Боснійскому бану пройти съ оружіемъ чрезъ Травунію до самого Котора и завоевать Хлумъ. За то въ слѣдующемъ году, когда Людовикъ былъ въ Неаполѣ, Душанъ опустошилъ всю Босну до Дуна и Цетины, прошелъ чрезъ все Захлумье и постилъ Дубровникъ и Которъ. Онъ требовалъ въ супруги своему сыну дочь Стефана Боснійскаго, Елисавету, и въ приданое за нею весь Хлумъ; но война съ Греціею отвлекла его отъ переговоровъ. Въ 1353 г. Людовикъ, женившись на этой самой Елисаветѣ, вторгнулся въ Сербію; однако Душанъ успѣлъ выставить войско, и Людовикъ отступилъ безъ успѣха. При этомъ Душанъ овладѣлъ Мачвою и Сремомъ. По совѣту Венеціанъ, онъ снова, въ 1354 г., просилъ папу о принятіи его въ лоно Римской Церкви и о присылкѣ нужныхъ для того людей. Папа сдѣлалъ уже большія распоряженія, но Душанъ нашелъ предлогъ поссориться съ присланными епископами и строго запретилъ подданнымъ принимать новую вѣру. Людовикъ не могъ отомстить ему за это, ибо началъ войну съ Венеціею. Такъ кончились отношенія Сербіи къ Западу.

Не смотря на переговоры съ папою, Душанъ оставался ревностнымъ приверженцемъ православія. При немъ восточное духовенство сильно дѣйствовало въ пользу православія среди Римско-католическаго населенія завоеванныхъ земель. Самъ онъ строилъ церкви и награждалъ монастыри. Будучи еще королемъ, онъ, по просьбѣ духовнаго наставника и учителя покойнаго отца своего, башты Хиландарскаго монастыря, іеромонаха Антонія, начальствовавашаго пиргомъ, приписалъ пиргу церковь Богоматери въ Липляхъ съ торгомъ, село Словине и еще нѣсколько земли; люди и земли должны были подлежать одному только старцу, правящему пиргомъ (А. № 5). Въ 1340 г. онъ подарилъ Хиландару еще два села (Гр., стр. 49, № 19). Въ 1342 г. дана Душаномъ грамота, которою Король подарилъ Афонскому старцу, Іоанну, эконому Хотченской обители, церковь св. Николая Мрачскаго со всѣми селами, принадлежащими къ церкви, ради его послуженія и поработанія дому пресвятой Богородицы Хиландарской: отъ этой церкви старецъ питается до конца своей жизни; церковные люди повинны-

ются ему во всѣхъ работахъ и стоятъ подъ властію Хиландара (А. № 9). Въ 1344 г. Душанъ отдалъ въ собственность Хиландара церковь Богородицы Одигитрии село Боруево и влестелина Струмицкаго, Рудла, по его собственной просьбѣ (Гр., стр. 50, № 24). Къ этому же времени относится его грамота, въ которой онъ, по прошенію протосеваста Хрели¹, даритъ Хиландару села: оба Бреста, Сухогрьло, Лѣсковану, Видче, Калугерища (Гр., стр. 49, № 17)². Это не болѣе, какъ подтверждающая грамота, ибо тѣ же самыя села уже подарены были однажды Хиландару Милутиномъ (Ср. А. № 6). Нѣсколько грамотъ относятся къ тому времени, когда Душанъ былъ уже царемъ. Въ одной изъ таковыхъ (С. № 35) Душанъ приписалъ къ церкви свв. архангеловъ Михаила и Гавріила, основанной Милутиномъ, церковь св. Николая Вранинскаго³ съ селами, людьми, оброками, планинами, пашнями и пр., 100 перперовъ Святосергіевской царини и 500 перп. Дубровицкой даи. Власть надъ землями и людьми передана въ руки игумена Ерусалимской церкви, и только отъ этого игумена поставляется старшина надъ Враниною. Въ 1346 г. онъ подарилъ Хиландару село Попчелнѣ (Гр., стр. 49, № 20). Грамотою отъ 12 дек. 1347 г. онъ извѣщалъ, что по просьбѣ приходившаго къ нему игумена Хиландарской лавры, Гервасія, онъ купилъ для этой лавры, на Аѳонскомъ перешейкѣ, мѣсто Ливаду съ храмомъ св. Николая, именуемымъ Палиокометаца, смежное съ мѣстомъ Скорпіею, купленнымъ въ пользу Хиландара св. Савою у прота Святоторскаго, и съ монастыремъ Зигомъ (Изынгъ), подареннымъ св. Савѣ Греческимъ царемъ Алексіемъ. Ливада, составлявшая доселѣ общее владѣніе Аѳонскихъ монастырей, обойдена была Царемъ виѣстъ съ соборомъ Святоторскаго духовенства и введена въ одну окружную межу съ Зигомъ и Скорпіею (А. № 11). Слѣдствіемъ посѣщенія Святой Горы были двѣ грамоты: въ одной, 1348 года, онъ дарилъ Карейской келии св. Савы село Косоричи съ заселками, нежами и всѣми доходами, какъ-то: виноградниками, мельницами, огородами, дугами, пашнями, и пр. и ежегоднаго жалованья изъ царской казны деньгами 100 Венеціанскихъ перперовъ, и извѣстное количество съѣстныхъ привасовъ и одежды: і. гоуѣ (мантіи). ѡ. і. нежоухъ. ѡ. і. влалышь (суконъ). ѡ. і. мхлѣ сирѣтѣ (творогу). ѡ. і. сирѣкъ. ѡ да са зъима всано лято, на влоуи. ѡ. сноудѣ сои. ѡи сѣло мсорни, цо вхѣт соиъ (сало) давали цѣтвочѣи този да даѣиши сѣте сами (А. № 10). Въ другой, отъ 26 авг. 1348 г., царь Душанъ, по просьбѣ прота Святой Горы, Германа, Хиландарскаго игумена, Гервасія, и всей братіи, обоял всю окружную межу Хиландарской лавры со всѣмъ Святоторскимъ оборономъ, описалъ ее со всѣми признаками (Гол., № 1). Въ этой и предыдущей (А. № 11) грамотахъ упомянуты монастыри, приславшіе своихъ игуменовъ для опредѣленія границъ Хиландарскихъ владѣній; они суть слѣдующіе: царская лавра или Хиландаръ, Ватопель, Иверъ, Ксиропотамъ, Свигмень, Каракалъ, Русмъ, Дохиаръ, Паптократора, Ксенофъ, Филовей, Кастамонитъ, Алуиъ, Зографъ и обители: Святонавловская, Симеонпетровская, Харитоньевская и Діонисіевская. Такъ какъ въ той и другой грамотѣ изчислены не всѣ упомянутыя сейчасъ монастыри, то, можетъ быть, многихъ тутъ и недостаетъ изъ

¹ Протосевасть Хрели упоминается еще въ грамотѣ Милутина, А. № 6. Объ немъ подробнѣе см. у Никифора Грегораса и Кантакузина.

² 1332-й годъ выставленъ негѣрно. Грамота, безъ всякаго сомнѣнія, относится къ Душану, который въ ней называется Стефаномъ четвертымъ.

³ Ср. Милутиновича, Исторія Церкве-Горе, стр. 10.

бывших тогда на Леоні монастырей. Въ 1349 году находимъ грамоту (А. № 12), въ которой Душанъ, по просьбѣ севастократора Деяна, создавшего церковь Введенія Богоматери въ своей башниѣ, землѣ Жегликовской, въ мѣстѣ Архилевца, и съ согласія царицы, сына, патриарха Савы, духовныхъ и мірскихъ чиновъ, приписываетъ къ этой церкви въ метохію тѣ села, которыя подарены были имъ Деяну, со всѣми ихъ доходами, селшцами и межами. Тутъ же узнаемъ, что Душанъ дѣлаетъ это въ благодарность Богоматери, воздвигшей его отъ болѣзненного одра. Означена также общая окружная межа всѣхъ этихъ селъ. Грамота дана въ Скопѣ. Въ монастырѣ Русикѣ хранится нѣсколько Душановыхъ грамотъ, изъ коихъ въ одной Душанъ прилагаетъ монастырю «ради его нищеты» церковь и нѣсколько селъ, а въ другой упоминаетъ объ его нищетѣ и «отъ Руси всеконечнемъ оставленіи». Обѣ даны въ 1349 году. Въ третьей даетъ Сербскому митрополиту, Якову, въ пожизненное владѣніе церковь св. Николая на Пшинѣ, а послѣ него храму Архистратиговъ въ Призрѣнѣ (Гр., стр. 79, 80, NN № 17, 18, 22). Не означеннаго годомъ грамоты царя Душана заключаютъ описаніе нивъ и межъ и освобожденіе отъ всѣхъ государственныхъ работъ и властей церкви Богородицы и безплотныхъ смѣ Гавриила и Михаила, что выше Габрова на Бѣласицѣ; и надачи церкви св. Николая, что въ Добруштѣ¹, и Хиландару (Гр., стр. 80, № 23; стр. 49, № 18; стр. 50, № 23). Наконецъ грамотою отъ 1355 года Душанъ приложилъ Хиландару мѣсто Карбинчій Комъ (Гр., стр. 49, № 24). Въ дѣйствіяхъ своихъ по внутреннему управленію Душанъ первый выразилъ мысль государства въ такой полнотѣ, въ какой доселѣ еще никто изъ его предшественниковъ не выражалъ ея. Мы видѣли, что Неманя отстранилъ отъ великожупанскаго престола другихъ независимыхъ жупановъ и власть надъ всею Сербіею сосредоточилъ въ одномъ своемъ родѣ. Но борьба за престолъ не кончилась этимъ; она перешла въ родъ Неманичей и въ нею продолжалась до самого Душана. Сначала братья у братьевъ оспаривали королевскій престолъ, потомъ сыновья у отцовъ. Другимъ важнымъ дѣятелемъ въ государственной жизни является боярство. Оно твердо соблюдаетъ свои сословныя выгоды и участвуетъ во всѣхъ важнѣйшихъ государственныхъ переворотахъ. Предупредить зло, могущее произойти отъ усобицъ между Неманичами и отъ сильнаго развитія боярскаго сословія, суждено было Душану. Въ этомъ дѣлѣ онъ поступилъ, какъ истинный государь, вполне понимавшій и свой санъ и свои обязанности. Лучшимъ средствомъ къ отвращенію въ одно время обонхъ золъ Душанъ нашелъ вѣнчаніе. Черезъ это онъ достигалъ и другой цѣли своей—возвышенія въ глазахъ сосѣднихъ государей. Такимъ образомъ вѣнчаніе сосредоточило въ себѣ различныя стремленія его многосторонней дѣятельности. И постыки ми гѣдѣна и сѣдржѣтѣла въсон зѣмѣи ѿѣстѣка моего. и цѣствова лѣт зѣ. и потомъ волѣноу ѣтѣю ѿ книжнаго въсѣдржѣтѣла десницю ѣкрѣпѣмъ ѣи... и мѣне прѣложѣ ѿ крадѣкѣтел на прѣко цѣтѣо славною и въсѣ дѣстѣ ми въ рѣцѣ ѣнонѣ и великому константинѣ цѣтѣ зѣмѣи и въсѣ страни и номерѣи и великии градѣки цѣтѣка грѣпѣного, ѣжеж и прѣтѣ ракомѣ. и когомѣ дароконимѣ княземѣ цѣрѣнимѣ княтанѣ ѣи на цѣтѣо. Въ лѣтѣ гѣ ѣиѣдѣ мѣдѣ апрѣи дѣ дѣѣ, въ великии и много сѣктѣи и радостѣмъ прѣдѣшѣмъ въсѣрѣтѣи хѣдѣ. Вѣнчанѣмъ рѣчною прѣсѣсѣрѣнѣнаго патрѣарха ѣоаннѣиѣтѣа, и въсемѣи архѣерѣи сѣбора сѣрѣскаго. тогожѣ великимѣ и рѣчною прѣсѣсѣрѣнѣнаго патрѣарха

¹ При этой грамотѣ годъ выставленъ неясно.

българскій ивъ сѣмѣона и всѣми архіерей сѣбора българскяг. и шѣткани на и вѣдѣнѣмъ вѣсубѣнаг дѣна стѣи горѣ дѣона прѣтомы и всѣми иѣмѣни. и всѣми старци сѣбора стѣгорскяг. науи и ѣ архіерей престола грѣкѣи и вѣсго сѣбора. иже изволише ѣ миѣ прѣговати снѣже всѣмъ вѣнѣшимъ на моимъ изволенѣмъ ии ииою слаюю на по кѣю изволенѣю ' Такъ описываетъ Душанъ свое вѣичаніе. Странно встрѣтитъ въ грамотѣ извѣстіе , что онъ вѣичался послѣ шестнадцатилѣтняго королевствованія; еще страннѣе то , что и показанія Византійцевъ относительно смерти Дечанскаго и возшествія на престолъ Душана сходятся съ этимъ извѣстіемъ¹. Но Дечанская надпись и Цароставникъ², противорѣчатъ такому показанію и смерть Стефана Дечанскаго относятъ къ 1336 году. Византійцы легко могли смѣшать одинаковыя имена Сербскихъ королей и отъ того смѣшаться въ годахъ, а поздній переписчикъ Душанова Законника, по какому нибудь ложному свѣдѣнію, могъ измѣнить числовую букву подлинника, или, быть можетъ, онъ разумѣлъ въ томъ счетѣ шестилѣтнее владѣніе Душана Зетою при жизни отца. Какъ бы то ни было, по этимъ двумъ шаткымъ показаніямъ нельзя отвергать общепринятаго мнѣнія, по которому Душанъ вѣичался на царство спустя 10 лѣтъ по возшествіи на престолъ. Черезъ вѣичаніе Душанъ какъ нельзя лучше удовлетворилъ видамъ своей вѣнѣшей политики. Уже прежде онъ выражалъ ту самую мысль, которую оправдалъ вѣичаніемъ, мысль совершеннаго отдѣленія отъ Греціи и въ тоже время возможности обладанія ею. Доселѣ Сербское духовенство зависѣло отъ Греческаго; архіепископа Сербскаго рукополагалъ патріархъ Византійскій. Такая зависимость мѣшала осуществленію замысловъ Душана: въ 1346 году, передъ своимъ вѣичаніемъ, онъ возвелъ архіепископа Іоанникія (II) въ санъ патріарха Сербскаго, и такимъ образомъ, если Неманя уничтожилъ государственную зависимость Сербіи отъ Византіи, то Душанъ уничтожилъ и духовную. Въ 1352 году Іоанникій былъ окончательно объявленъ независимымъ отъ Византійскаго патріарха во всѣхъ церковныхъ дѣлахъ. Теперь Душанъ получилъ полную свободу дѣйствій относительно Греціи, зная что глава церкви находится въ Сербіи и въ его рукахъ. Византійскаго патріарха и его угрозъ онъ не хотѣлъ болѣе знать. При вѣичавіи онъ назвался царемъ и самодержцемъ Сербіи, Албаніи, Болгаріи, Греціи, Поморья и Западныхъ странъ. Въ этомъ титулѣ оградилъ его виды на Угорскія владѣнія, Болгарію и Грецію. Относительно послѣдней онъ ясно высказалъ свою мысль въ грамотѣ, уподобляя себя Константину Великому, царю всѣхъ Греческихъ земель. Для предотвращенія безпорядковъ при престолонаслѣдіи, внутри своего государства, Душанъ, по примѣру Греческихъ царей и своего отца, вѣичалъ вмѣстѣ съ собою сына своего, Уроша, и назвалъ его королемъ; но не обѣщалъ ему напрасно половины владѣній, какъ сдѣлалъ съ нимъ его отецъ³, а далъ въ управленіе ему всю собственную Сербію. Надъ прочими завоеванными областями онъ поставилъ севастократора Деяна, нѣсколькихъ цесарей и деспотовъ; самъ же остался вер-

¹ Дюгонидъ, 1928 г., ч. IV.

² У Диниѣ. Грегораса показана смерть Дечанскаго подлѣ 1330 годовъ (Согр. Script. Hist. Bulg. v. I, p. 457). У Стриттера (II, 234) тоже. Но уже Дю-Френъ, сомнѣваясь въ вѣрности лѣтосчисленія, выставилъ 1333-й годъ (Famll. Dalm. et Slavon., тл. III, § LIX).

³ Рачъ, ч. II, стр. 708 и 724.

⁴ Данилъ, у Рача. Ч. II, стр. 712.

ховнымъ главою всего царства. Удѣлы сѣнились намѣстничествами, и Урошъ уже не получалъ Зеты. Этимъ Душанъ окончательно уничтожилъ всякую удѣльность и соединенное съ нимъ раздѣленіе выгодъ, сторонничество и т. п. Отдавъ въ вѣдѣніе Урошу всю Сербію вмѣстѣ съ Зетою, онъ всю Сербію сдѣлалъ однимъ государствомъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Въ государствѣ, какъ онъ его понималъ, уже не могло быть удѣловъ; въ правленіи не могло быть родовыхъ счетовъ, ни патриархальности: съ одной стороны законъ и самодержавная воля, съ другой цѣльность страны, какъ государства, и единство власти. Отсюда прямо истекала необходимость самому самодержцу своею единою волею назначать себѣ преемника. Душанъ нанесъ ударъ и боярскому сословію. Окружая себя блескомъ и чиновностію, какъ свойственно царствующей особѣ, вставляя въ грамотахъ имена царицы, августы Елены, и короля, Уроша, онъ хотѣлъ рѣзко отдѣлить царственные особы отъ прочихъ приближенныхъ и бояръ, на которыхъ смотрѣлъ наравнѣ съ прочими подданными. Боярство, постоянно окружавшее королей и королевичей въ видѣ ихъ совѣтниковъ и руководителей, имѣвшее столь сильное вліяніе на престолонаслѣдіе, утратило свое сословное значеніе и вліяніе. Наслѣдникъ престола былъ уже объявленъ; явилось новое боярство не въ видѣ сословія и не по праву рожденія, а избранное по личнымъ заслугамъ. Къ Душану стеклись служилые люди изъ разныхъ Сербскихъ областей и сословій, и онъ награждалъ ихъ сапожъ и должностями. Замѣчательно, что съ Душанова времени не выступаетъ уже боярское сословіе сплошною своею массою съ неразрозненными сословными выгодами; но выдаются отдѣльныя личности, каждая съ своими собственными выгодами; устрояется дворъ по Греческому образцу; является цѣлый рядъ должностей, и орденъ св. Стефана учреждается для награды личныхъ заслугъ. Все это противодѣйствовало сословному быту. Законникъ завершаетъ рядъ дѣйствій Душана, клонившихся къ внутреннему гражданскому порядку: сословныя отношенія и судоустройство принимаютъ опредѣленный видъ, и бояре подчиняются общему приговору закона. Душанъ скончался въ 1355 году, въ декабрѣ мѣсяцѣ. Цароставникъ кончину его относитъ къ 1357 году¹, Орбини къ 1354², Бранковичъ³, Дюфренъ⁴, Рачъ⁵, Вигель⁶, Давыдовичъ⁷ и др. относятъ ее къ 1356 году. Последнее было бы справедливо, еслибы древніе лѣтописцы начинали годъ съ генваря; но такъ какъ они начинали его съ сентября, то годомъ кончины Душановой должно будетъ признать 1355 годъ. Душанъ умеръ въ декабрѣ, по однимъ 18-го, по другимъ 24-го, по третьимъ 20-го числа; и у всѣхъ Сербскихъ лѣтописцевъ годомъ смерти его означенъ „звѣздъ (6864) годъ“. Декабръ этого года, по сентябрьскому лѣтосчисленію, остается еще за 1355 годомъ. Чтобы еще болѣе убѣдиться въ справедливости этого показанія, я приведу доказательство изъ грамотъ. Въ одной грамотѣ, помѣченной 10-мъ числомъ генваря 1356 года, читается: *Пиши и покаяна чрѣми... али усхоми (если захочетъ) чо узети ити чрѣми гѣги чрѣца чо ѓ иѣ*

¹ Рачъ, ч. II, стр. 781.

² Стр. 233.

³ Рачъ, тамъ же.

⁴ Famil. Dalm. et Slavon., гл. III, § LX.

⁵ Тамъ же.

⁶ Gesch. v. Serv. u. Boen., стр. 292.

⁷ Забавникъ. 1821. Стр. 88.

⁸ Шафаръ, Помети, стр. 54, 71.

трѣхъ а или трѣхъ ницо да нма се не зуме ездъ нмаа (С. № 44). Только у вернаго Уроша V, сына Душанова, мать была паричею; у Душана мать была еще королева. Участіе матери Уроша V въ дѣлахъ государственныхъ уже послѣ воцаренія ея сына, извѣстно; да и вообще, по лѣтописцамъ, она играла видную роль въ первые годы правленія Уроша V: слѣдовательно, эту грамоту писалъ не кто иной, какъ Урошъ V; а такъ какъ онъ называетъ себя уже царемъ, то очевидно, что 10 января 1356 года онъ уже былъ воцарившимся: ибо при отцѣ онъ довольствовался только званіемъ короля, да и грамоты не могъ бы дать помимо отца. И такъ въ это время Душана уже не было въ живыхъ. Какимъ же образомъ могло бы это случиться, еслибы, по словамъ историковъ, онъ жилъ до декабря 1356 года—почти еще цѣлый годъ? Нѣтъ сомнѣнія, что онъ умеръ въ декабрѣ, предшествовавшемъ январю згоѣд года, и этотъ декабрь, по сентябрьскому численію, приходится еще на 1355 годъ. До 1346 г. Душанъ подписывался и титуловался: Стефанъ король, или: Стефанъ король и съ емъ самодръжць Срълски, или: *Стефанъ въ Христа Бога благовѣрный самодержавный король*, или: *Стефанъ въ Христа благовѣрный самодержавный король Стефанъ четвертый король*. Послѣ 1346 г. Стефанъ къ Хса Бга благовѣрны Царь Срълски и Гркоумъ, или: *Сѣфанъ къ хса бѣ благовѣрны царь и самодръжць срълски и гркомъ померто и западнои странѣ*, или: *Стефанъ къ хд вѣд вѣговѣрны црѣ и самодръжць срълски и гркомъ. и балгаромъ*.

Душанъ безспорно принадлежитъ къ знаменитѣйшимъ мужамъ своего времени. Онъ былъ великій государь, не только постигшій, но и осуществившій мысль истиннаго правителя и самодержца. Блестящая его личность далеко выдается изъ ряда его предшественниковъ и еще дальше изъ ряда преемниковъ. Спокойный и глубокий умъ, сильная воля, личная храбрость, благоразуміе и искусство военачальника, отсутствіе преобладающихъ страстей, живое сознаніе народности, свѣтлый взглядъ на современность и ея отношенія и творческая дѣятельность, опережавшая настоящее: вотъ черты которыя наиболѣе выказываются въ этомъ государственному мужѣ. Уже при Урошѣ I Сербія начала обнаруживать свою самостоятельность; Милутинъ упрочилъ ее и далъ Сербіи сильный вѣсъ во вѣнскихъ сношеніяхъ, показавъ ее самостоятельнымъ и немаловажнымъ государствомъ въ глазахъ сосѣдей; Стефанъ Дечанскій поддерживалъ и укрѣплялъ эти отношенія; а Душанъ не только сдѣлалъ Сербію первенствующимъ государствомъ на Балканскомъ полуостровѣ и усилилъ ея вѣнское значеніе; но и преобразовалъ ее внутри, вложивъ въ нее начала государственнаго быта. Доселѣ ея гражданскій бытъ находился подъ условіями стариннаго родового устройства; но Душанъ пересоздалъ его такъ, чтобы во всемъ его составѣ отражалось начало самодержавной власти, которой исходникъ и средоточіемъ служило одно лицо, лицо государя. Во вѣнскихъ дѣлахъ Душанъ является счастливымъ продолжателемъ дѣла, начатаго его прадедомъ, и достойнымъ послѣдователемъ дѣла своего, Милутина. При немъ Сербія высоко поднялась извнѣ. Булгарія, даже Угрія не могли съ нею спорить; Греція видѣла его войска подъ стѣнами Царегграда и поплатилась множествомъ земель и городовъ. Мало того, Душанъ, какъ и Милутинъ, имѣлъ виды на соединеніе обомъ государствъ и величалъ себя царемъ Сербовъ и Гркоумъ. Что составляетъ особенно важную черту его отношеній къ Греціи—это чувство народной самостоятельности: образованная, наружно блестящая, богатая Греція не манила его къ себѣ, и онъ не тянулся къ ней съ своимъ народомъ,

но напротивъ къ себѣ притягивалъ ее. Греціи, если бы дѣла шли въ послѣдствіи такъ же хорошо, какъ при Душанѣ, суждено было сдѣлаться Сербскою областію: возведеніе Сербіи на степень царства, учрежденіе въ ней патриаршества и царскаго двора, обращеніе Греческихъ завоеваній въ Сербскія области служатъ тому ручательствомъ. Тогда и Туркамъ не господствовать бы въ Европѣ. Внутри Сербіи послѣдніе остатки родового быта, видѣвшіеся въ боярскомъ сословіи, были уничтожены. Бояре, поминившіе старину, участвовавшіе главнѣйшимъ образомъ въ раздорахъ, бывшихъ между Неманичами, занимавшіе почетное мѣсто королевскихъ совѣтниковъ и приближенныхъ, умѣли этимъ блестящимъ положеніемъ засловить свои подданическія отношенія, и въ то же время, какъ сословіе, они были сильны и согласны. Душанъ, съ своимъ высокимъ понятіемъ о власти, видѣлъ, что прежнее званіе короля было слишкомъ неудовлетворительно для его видовъ и не могло вмѣстѣ въ себѣ полного представленія власти; онъ назвался царемъ въ равномъ смыслѣ съ царями Греческими. Черезъ это бояре утратили свое льготное значеніе, сдѣлались такими же подданными, какъ и всѣ прочіе. Особныя выгоды ихъ исчезли, а съ тѣмъ вмѣстѣ рушилась и старинная сословная связь. При царскомъ дворѣ, устроенномъ со всѣмъ великолѣпіемъ и чиновностію по образцу Греческому, открылось поприще для личныхъ заслугъ; личность замѣнила сословность; частныя выгоды заступили мѣсто общихъ, и за тѣмъ явились временщики, областные правители, бояре, высоко стоявшіе въ государствѣ, но уже безъ древнихъ преданій своего сословія, не привязанные къ своему роду, особяки съ отдѣльными и противоположными выгодами. Уже не земля, не страна, не народность приковывали ихъ къ себѣ, а престолъ, верховная власть, какъ источникъ ихъ могущества. Не умолчу, что это было очень опасно для Сербіи, какъ въ послѣдствіи и обнаружилось; но Душанъ не даромъ носилъ названіе Сильнаго и умѣлъ сдержать новое стремленіе, данное боярскимъ личностями. Въ то же время онъ понималъ, что введенный имъ новый порядокъ былъ необходимъ для того, чтобы основать на болѣе твердыхъ началахъ внутренній бытъ Сербіи и установить правильное отношеніе между верховною властію и народомъ. Преобразователь Сербіи хотѣлъ, чтобы государство его получило вѣрный залогъ дальнѣйшаго преусиженія и могло всегда называться благоустроеннымъ гражданскимъ обществомъ. Навелъ его на истинный путь водвореніемъ въ его внутреннемъ общественномъ бытѣ государственныхъ отношеній, онъ былъ въ правѣ ожидать отъ него дальнѣйшихъ успѣховъ черезъ упроченіе наследственной самодержавной власти, составлявшей въ то время необходимую потребность для Сербіи, правильное отношеніе подданныхъ къ царю и счастливое положеніе внѣшнихъ дѣлъ: и если, послѣ его смерти, ожиданія его не суждено было исполниться, и невизна его въ короткое время достигла вредной и разрушительной крайности, то въ этомъ не его вина, а вина другихъ обстоятельствъ, которыхъ онъ не могъ и не долженъ былъ брать въ расчетъ. Сравнивъ всѣ сословія передъ лицомъ верховной власти черезъ равныя подданическія отношенія, Душанъ опредѣлялъ различныя гражданскія обязанности и права. Общественный порядокъ держался доселѣ обычнымъ правомъ; Душанъ, не нарушая этого права, вытекавшаго изъ самой жизни народной и обуславливаемого особенностію Сербскаго народа, постарался только укрѣпить его черезъ письменное выраженіе тѣхъ частей его, которыя наиболѣе къ томъ нуждались. А новый порядокъ, лучшее гражданское устройство и новыя потребности общественнаго благосостоянія и безопасности и въ то

же время неизбежная постепенная порча нравовъ требовала и новыхъ постановлений, преимущественно касавшихся земской охраны и вообще защиты личности и состоянія. Плодомъ всего этого былъ Законникъ, который, вмѣстѣ въ себя много такого, что прижито было самимъ народомъ, представилъ и волю правителя, пекущагося о благѣ страны. Великая добродѣтель государя, умѣнье соединить въ себя всестороннюю дѣятельность, направленную ко внутреннему и внѣшнему благосостоянію государства, ярко блестя въ Душанѣ, и самая трудная задача правителя, упроченіе внутренняго благосостоянія страны, имѣеть своимъ рѣшеніемъ его Законникъ. Чтобы ближе познакомиться съ тогдашнимъ положеніемъ Сербіи, мы рассмотримъ Душановъ Законникъ въ связи съ нѣкоторыми, прикасающимися къ нему нѣстами грамотъ.

Законникъ Душановъ составляетъ главнѣйшій источникъ для узнанія общественаго состоянія Сербіи въ самую цвѣтущую ея пору. Такъ какъ онъ не изобрѣтенъ и не уложенъ мгновенно однимъ, или нѣсколькими лицами, а явился, какъ необходимая потребность времени, какъ итогъ, къ которому пришелъ народъ постепенно въ продолженіе своей многовѣковой жизни, то тѣмъ важнѣе становится для насъ его значеніе, какъ памятника, показывающаго степень совершенства, до которой достигъ гражданскій бытъ Сербіи. Душану принадлежитъ дѣло окончательнаго устройства народнаго общегитія и мысль собрать въ памяти, обобщить въ смыслѣ закона и предать письму бблшую часть обычаевъ, правъ и случаевъ разбирательства, освященныхъ временемъ. Самая неполюта Законника показываетъ, что въ народѣ еще много оставалось общегительныхъ положеній, безъ которыхъ общество не могло существовать и притомъ столь извѣстныхъ, что для нихъ не нужно было письма. Нѣкоторые немногіе, но тѣмъ драгоцѣннѣйшіе слѣды общественныхъ, или государственныхъ постановленій, встрѣчаемыя въ грамотахъ за столѣтіе и болѣе до Душина и сходныя съ положеніями Законника, равно какъ ссылки, встрѣчаемыя въ Душановыхъ грамотахъ и Законникѣ, на учрежденія предшествовавшихъ временъ и преимущественно времени Милутина, показываютъ, какъ бережно велось въ народѣ обычное право и съ какою точностію перешло потомъ въ письменный законъ. Душановъ Законникъ не менѣе важенъ и для послѣдующаго времени, ибо, по показанію туземныхъ памятниковъ, общественный бытъ Сербіи послѣ Душана нисколько не усовершенствовался и даже въ нѣкоторыхъ частяхъ опять возвратился къ старинѣ, по причинѣ внутреннихъ и внѣшнихъ потрясеній, лишившихъ Сербію государственной самостоятельности и приведшихъ ее на послѣдокъ къ совершенному паденію. По этому мы должны остановиться на Законникѣ и рассмотретьъ этотъ замѣчательный памятникъ, показывающій намъ, до какой степени совершенства доведена была гражданская жизнь Сербіи тогда, когда Сербія стояла на высшей точкѣ своего могущества. Надобно замѣтить, что Законникъ далеко не полно излагаетъ свои статьи; но не полноты изложенія, или какой нибудь строгой систематичности должны мы искать въ немъ: для насъ важнѣе тѣ многочисленныя намеки на многоразличныя отрасли гражданскаго быта, по которымъ мы можемъ судить о цѣломъ составѣ внутренняго гражданскаго устройства Сербіи, какъ по отдѣльнымъ частямъ можно опредѣлять разбѣры и красоту цѣлаго зданія. Не то еще было время, чтобы Законникъ могъ явиться полнымъ и совершеннѣйшимъ зеркаломъ тогдашняго гражданскаго общегитія: довольно для XIV-го столѣтія, если онъ, предоставивъ большее обычному праву, самъ передалъ хотя и отрывочныя, однако многостороннія статьи, которые тѣмъ

не менѣе служатъ яснымъ доказательствомъ, что въ то время внутреннее гражданское устройство Сербіи отвѣчало внѣшнему ея могуществу и что вѣкъ Душана справедливо можетъ назваться цвѣтущею порою Сербіи. Постараемся же на основаніи указаній Законника представить въ краткомъ очеркѣ гражданскій бытъ Сербіи и тѣмъ заключить вѣкъ преуспѣянія Сербскаго царства, представителемъ котораго, блестящимъ и послѣднимъ, былъ Душанъ. Послѣдующія времена представляютъ совсѣмъ иную картину, картину постепеннаго упадка и разрушенія.

При ревности, какую народъ и властители Сербскіе оказывали къ православію, духовенство съ своей стороны отвѣчало тѣмъ же. Постоянно, въ продолженіе всей жизни Сербскаго народа, мы видимъ доброе согласіе духовенства съ правительствомъ и благотворное его вліяніе на внутреннія и внѣшнія дѣла. Архіепископы и патриархи Сербскіе явились достойными подражателями первому Сербскому архіепископу Савѣ. Въ самомъ Законникѣ отразилось участіе духовенства въ устроеніи внутренняго порядка страны. За то и Сербскіе государи были щедры на дѣла духовной благотворительности. Съ перваго Немани и до послѣдняго деспота видимъ рядъ дарственныхъ грамотъ монастырямъ и духовенству, изъ конхъ многія заключаютъ подробное опредѣленіе отношеній между новыми подданными и новыми владѣльцами, главнымъ основаніемъ конхъ были полное право владѣнія, освобожденіе изподъ всякой другой власти, отправленіе всѣхъ повинностей въ пользу и по распоряженію новыхъ владѣльцевъ. Даже въ чужихъ странахъ государи Сербскіе старались поддерживать православіе. Извѣстны дары Милутина различнымъ Греческимъ и Палестинскимъ церквамъ. Душанъ слѣдовалъ въ этомъ случаѣ примѣру дѣда. Стефанъ Дечанскій, уступивъ Стомъ Дубровнику, выговорилъ, чтобы православный священникъ могъ безпрепятственно продолжать тамъ свое богослуженіе. Вукъ Бранковичъ вытребовалъ отъ Дубровничанъ обѣщаніе, что въ случаѣ прішествія его къ нимъ, онъ можетъ основать въ ихъ городѣ православную церковь. Аeonъ постоянно, со времени Немани, пользовался щедротами Сербскихъ королей, царей и деспотовъ. При такомъ сочувствіи къ православію и его служителямъ въ Сербіи не могло быть никакихъ особенныхъ недоумѣній касательно догматовъ вѣры и церковныхъ уставовъ: и дѣйствительно, въ Сербіи мы не видимъ ни ересей, ни споровъ, ни вражды. По этому и въ Законникѣ нѣтъ ничего такого, что бы относилось къ подобнаго рода установленіямъ; но сдѣсь есть нѣсколько правилъ, предупреждающихъ различныя мелкія злоупотребленія въ исполненіи церковныхъ уставовъ. Такъ подтверждено, чтобы назначеніе и смѣненіе духовныхъ властей и лицъ основано было на справедливости и безмездіи; опредѣлено иѣстожителство монашествующимъ и наказаніе за нарушеніе устава монастырскаго общежитія; ирѣяне въ духовныхъ дѣлахъ подчинены духовному суду и надзору; и на оборотъ, въ гражданскихъ дѣлахъ духовенство подчинено общимъ государственнымъ законамъ; положены различныя наказанія за чародѣйство, святотатство и за оскорбленіе, насиліе, или притѣсненіе, сдѣланныя духовному лицу. Какъ ревностный поборникъ православія, Душанъ сильными иѣрами изгонялъ изъ своей земли, и преимущественно изъ завоеванной Босны, католицизмъ. Православному духовенству было вѣннено въ обязанность стараться обращать всѣхъ латинцевъ въ православіе; а латинское духовенство подвержено наказанію за попытку привлечь православнаго въ свою вѣру. Всѣмъ православнымъ, перешедшимъ въ латинство, повелѣно было снова обратиться къ православію, подѣ страхомъ наказанія за ослу-

шаніе. Латинцы не иначе могли жениться и жить у православныхъ, какъ сами становясь православными. За укрытіе латинца и продажу православнаго иновѣрцу положено строгое наказаніе. Изъ Законника узнаемъ, что монастыри получали содержаніе отъ приходовъ, и при монастыряхъ кормились нищіе; что попы имѣли свои баштины, или сидѣли на церковной и властельской землѣ: въ послѣднемъ случаѣ они работали церковнѣ и не могли отойти отъ властеля, развѣ только тогда, когда этому не чѣмъ было кормить ихъ; на своихъ же баштинахъ они были лично независимы. Такою же независимостію пользовались поны, сидѣвшіе на царской, т. е., государственной землѣ, или не имѣвшіе вовсе никакой земли (сироты). Отсюда узнаемъ также, что въ Сербіи были великіе монастыри, или лавры, которымъ подчинялись другіе монастыри и церкви; право подчиненія имѣло свои ограниченія. Монастыри и церкви были освобождены отъ всѣхъ государственныхъ повинностей. Вообще всѣ мелчайшія подробности, относящіяся къ церковному праву и разнымъ дѣламъ монастырскимъ, изложенныя въ Законникѣ, равно какъ въ предыдущихъ и послѣдующихъ грамотахъ, показываютъ, до какой степени въ Сербіи уже развито было духовное право. Можно съ достовѣрностію сказать, что оно было развитѣе всѣхъ другихъ правъ,—и этому нечего удивляться, по тому, что Греція, предложившая свою вѣру Сербіи, была передъ глазами со всѣмъ сокровищемъ духовной письменности. Правильникъ Властара вошелъ многими своими мѣстами въ Законникъ Душановъ.

Въ древней Сербіи хотя не было положительнаго разграниченія между частною земельною собственностію царствующаго дома и государственною землею, однако на дѣлѣ мы видимъ, что помимо всей земли, которая въ общемъ смыслѣ называется королевскою или царскою, Сербскіе государи имѣли свои частныя владѣнія и баштины. Въ Законникѣ упоминаются села, планины, баштины и неропхи царскіе, принадлежащіе не только царю, но и царицѣ. Выраженіе грамотъ Боснійскихъ королей о скинті указываетъ на частную королевскую собственность. Общественною земельною собственностію почитались преимущественно пастбища, лѣса, горы и дороги: пользованіе ими предоставлялось всякому приходящему, а храненіе близъ лежащихъ селамъ. Около городовъ лежала общественная городская земля. Вся Сербская земля раздѣлялась на жупы, въ которыхъ лежали грады и вароши, т. е., укрѣпленные и неукрѣпленные города. Пограничныя жупы назывались краищами. Главнѣйшіи разрядъ земельной собственности составляли баштины или наслѣдственные родовыя земли. Баштину могъ имѣть всякій, начиная отъ царя до неропха, мирянина и духовный; баштины были и у монастырей. Баштина составляла полное и неотъемлемое владѣніе, которымъ владѣлецъ могъ распоряжаться по произволу. Она была изъята отъ всѣхъ государственныхъ повинностей. Изъ грамотъ видно, что баштины отдавались въ вѣчное потомственное обладаніе со всѣмъ, что имъ ни принадлежало; монастыри, черкви и поны часто бывали баштинными не только лаврскими, но и властельскими. Жаль только, что ни въ Законникѣ, ни въ грамотахъ мы не находимъ никакихъ ограниченій права владѣнія населенными баштинами; но, безъ сомнѣнія, они существовали и были ясно опредѣлены. Еще былъ одинъ видъ земельной собственности: это—«пронія», которая впрочемъ не совсѣмъ намъ извѣстна. Изъ того, что она противопоставляется баштинѣ, можно догадываться, что Законникъ разумѣетъ подъ нею землю, отданную кому нибудь въ пользованіе на извѣстныхъ условіяхъ, какъ то: не дарить и не передавать ея, пользоваться работою неропховъ только

известное число дней въ недѣль, получать съ нихъ только известный оброкъ, кести государственныя повинности и т. п. Поелмку Сербы, какъ народъ Славянской, занимались преимущественно земледѣліемъ и скотоводствомъ, то у нихъ земское право, послѣ духовнаго, должно было быть самымъ развитымъ. Въ Законникѣ находимъ лучшее тому доказательство. Но одѣсь, какъ и всюду, нѣтъ полнаго земскаго права; за то есть множество мелкихъ постановленій, вытребованныхъ современностію и свидѣтельствующихъ о развитости этого права въ обычай древней Сербіи. Законникъ показываетъ, какъ постепенно кругъ права расширялся и какъ новыя недоразумѣнія, требуя разрѣшенія, увеличивали число постановленій. Опрѣдѣленіе границъ въ древней Сербіи совершалось самымъ простымъ, нагляднымъ образомъ. Дечанская и Аѳонскія грамоты представляютъ много любопытныхъ примѣровъ этого опрѣдѣленія, гдѣ во всей еще силѣ высказывается первобытное чувство природы, живо сохранившееся у народа охѣдлага, земледѣльческаго. Живыя урочища, глазомѣръ и показанія старожиловъ служили основаніями при положеніи границъ. Въ какую сторону скатывался камень съ горы, туда шла и межа; куда не ходили ни плугъ, ни коса, ни лопата, то была планина. Селамъ, спорившимъ за свои межи, Законникъ предоставлялъ судиться судомъ короля Милутина: слѣдовательно, еще при Милутинѣ земельное право получило полное развитіе. Сверхъ того въ савонѣ Законникъ находимъ много любопытныхъ постановленій. Споръ рѣшался или на показаніи свидѣтелей, или на основаніи государевой грамоты. Изъ двухъ жалованныхъ грамотъ послѣдняя имѣла перевѣсъ. Только для монастырскихъ земель свидѣтели и грамоты не имѣли силы, и дѣло рѣшалось по суду съ вѣдома царя. Скотоводство равно обратило на себя вниманіе законодателя. Частыя потравы какъ отъ сосѣдей, такъ и отъ кочующихъ пастуховъ, называемыхъ въ Законникѣ Влахами и Албанцами, вызвали нѣсколько мелкихъ статей, въ которыхъ запрещалось одной жупѣ пасти стада на лугахъ другой, а снѣжнымъ селамъ повелѣвалось имѣть общіе выгоны съ тѣмъ, чтобы уже не травить ни жита, ни луговъ, ни виноградниковъ. За потраву положена различная пеня или «потка». Хотя странствующимъ пастухамъ и позволено было проходить съ своими стадами по пустопорожнимъ землямъ, однако права собственности были ограждены пеней, а на случай зимовки ихъ на властельской землѣ положена узаконенная плата. Охраненіе земель, селеній и дорогъ отъ неприятели, разбойниковъ, наѣздовъ, поджогъ и воровства составляло не малую заботу Сербскаго правительства. Охрана возложена была или на окольные села, или на мѣстныя власти подъ строгою отвѣтственностію. Иногда сами властели позволяли себѣ самоуправство, поджигая села, пустоша поля: за это они навсегда лишались своего управленія или державы. Земли умершихъ равномерно охранялись околицею. Кто изъ торговцевъ, или монаховъ, или вообще проходящихъ бывалъ ограбленъ дорогою, тотъ получалъ удовлетвореніе или отъ царя, или отъ мѣстныхъ властей и стражей. По этому селамъ вѣнялось въ обязанность доставлять ночлегъ торговцамъ: иначе они отвѣчали за все, что ни случалось съ торговцами во продолженіе ночи.

Городовое право получило въ Сербіи сравнительно меньшее развитіе, что отразилось и въ Законникѣ. Среднее или городское, мѣщанское сословіе еще не успѣло сложиться по причинѣ недостаточнаго развитія ремесла и торговли; а властели жили или при царскомъ дворѣ, или по жупамъ. Города имѣли только правительственное значеніе, какъ средоточіе жупъ. Въ нихъ пребывали главари или кеѳалии, т. е., жупные вѣдѣтники; здѣсь была казна, судъ и кое-

гдѣ чеканища. Города, какъ Сербскіе, такъ и завоеваные Греческіе, имѣли свои жалованныя грамоты и оставались на древнихъ правахъ. Поддержаніе города возложено было какъ на горожанъ, такъ и на жупу. Кефалія, сидѣвшій въ городѣ, бралъ съ него извѣстный доходъ; съѣстные припасы уступались ему за полицыи. Города не подлежали приселищъ или кормежной повинности. Кто приходилъ въ нихъ, тотъ останавливался въ гостиницѣ, содержатель которой отвѣчалъ за цѣлость его имущества. Золотыхъ дѣлъ мастеровъ, которые были въ то же время и чеканщиками, дозволялось жить только въ городахъ. Городскимъ судомъ завѣдывалъ кефалія, либо церковный клиръ; и суду этому подлежали горожане во взаимныхъ между собою и съ жупными жителями спорахъ. Города имѣли свою стражу. Рѣдко встрѣчается въ Законникѣ, а въ другихъ памятникахъ вовсе не встрѣчается слово «варошь» или собственно нашъ городъ; но большею частію употребляется слово «градъ», показывающее, что тогдашніе города почти всѣ были укрѣплены.

Населеніе Сербіи состояло изъ нѣсколькихъ сословій, во главѣ коихъ стояло боярское или властельское сословіе, дѣлившееся на большихъ и малыхъ властелей. Первые часто назывались просто властелями въ противоположность властеличичамъ или малымъ властелямъ. Изъ властелей многіе носили званіе князя, которое въ древней Сербіи имѣло почетное значеніе, хотя могло принадлежать лицамъ разныхъ сословій, даже простому сельскому старшинѣ. Сильные и полунезависимые землевладѣльцы, каковы Яблановичи, Храничи, всѣ съ малолѣтства уже носили княжеское званіе; но князя находимъ и между влахами, подаренными монастырямъ, т. е., между пастухами. Такъ точно нынѣ въ Сербіи видимъ князей, стоящихъ во главѣ правительства и князей сельскихъ. Хотя происхожденіе званія князя имѣетъ одинъ источникъ — старшинство, однако, распавшись между сословіями, оно получило нѣкоторые оттънки. Въ боярскомъ сословіи это званіе есть родовое и идетъ отъ отца къ сыну, не смотря на малолѣтство и отсутствіе всякой обязанности, соединенной со старшинствомъ; но въ другихъ сословіяхъ оно есть одновременное или только пожизненное и соединено съ извѣстною должностію, вмѣстѣ съ которою переходитъ отъ одного лица къ другому. Сельскіе старшины, окружные начальники, теряя свою должность, перестаютъ съ тѣмъ вмѣстѣ быть и князьями или по Сербски «кнезами». Властели, какъ старинное Славянское сословіе, были осѣдлыми землевладѣльцами, и тамъ, гдѣ особые обстоятельства имъ благоприятствовали, выставили изъ себя сильные роды, владѣвшіе цѣлыми областями, въ которыхъ подъ ними сидѣли другіе имъ сподручные властельскіе роды. Многіе властели имѣли свои стяги и назывались «стегоношами». Законникъ и грамоты указываютъ на нѣкоторыя ихъ должности и права. Такъ, на пр., они были главарями или кефаліями въ жупахъ, или совѣтниками при дворѣ, ѣздили въ посольства, ходили съ своими людьми на войну, свидѣтельствовали при выдачѣ грамотъ: словомъ, отправляли всѣ высшія государственныя должности. Права ихъ не ясно обозначены въ нашихъ памятникахъ. Тогда какъ властелинъ за безчестіе властеличичу платилъ лишь пеню, властеличичъ за безчестіе властелю, сверхъ такой же пени, подвергался еще батожнымъ ударамъ. Вообще властели не были изъяты изподъ тѣлеснаго наказанія, личнаго задержанія и смертной казни. Впрочемъ въ уголовныхъ дѣлахъ они рѣже подвергались тѣлесному наказанію, чѣмъ прочія сословія, и за безчестіе ихъ сословію наказаніе было строже, чѣмъ за таковое же безчестіе другихъ сословіямъ. Исторія оставила намъ нѣсколько краснорѣчивыхъ,

но въ то же время грустныхъ памятниковъ участія бояръ , какъ сословія , въ дѣлахъ государственныхъ. Надобно замѣтить , что до самой кончины Душана бояре постоянно имѣли въ виду выгоды какъ страны, такъ и своего сословія. Они низвели Радослава, которому лѣтописцы приписываютъ припадки безумія, и посадили способнѣйшаго Владислава; они отстранили Владислава Драгутиновича , пребывавшаго не въ ихъ землѣ. Охраняя Сербскую народность отъ Греческаго вліянія, они содѣйствовали Дечанскому противъ Милутина, Душану противъ Дечанскаго и т. д. Опорою имъ была Зета. Но съ Душана, какъ видно, ихъ сословіе рушится; являются отдѣльныя личности съ правами на боярство; рождаются крамолы , измѣны, и эта новизна губитъ Сербію. Средняго сословія , въ смыслѣ цѣльнаго и замкнутаго съ отдѣльными выгодами , не было въ древней Сербіи. Тамъ были только отдѣльныя лица , составлявшія вѣчто среднее между поселянами и властелями, каковы, на пр., «градскіе люди», между которыми упоминаются «станяне» или , по позднѣйшему списку, «гостальники», т. е. , содержатели городскихъ постоялыхъ дворовъ , туземные торговцы и разные ремесленники , между которыми грамоты называютъ: золотыхъ дѣлъ мастеровъ, кузнецовъ, сѣдельщиковъ, портныхъ, поваровъ и др. Почти всѣ ремесленники жили по селамъ. Кромѣ торговаго права, другихъ правъ для лицъ средняго сословія мы не замѣчаемъ, да ихъ и не могло быть, если не было самого сословія въ настоящемъ смыслѣ слова. Назшее сословіе имѣло свои подраздѣленія. Одна часть сидѣла на государственной землѣ и была лично независима, считаясь только , наравнѣ съ другими сословіями, подданными государя и государства; другая часть сидѣла на баштинахъ и вѣстѣ съ первымъ подданствомъ соединяла подданство частному лицу или мѣсту. Крѣпостнаго состоянія для земледѣльцевъ и пастуховъ въ Сербіи мы не видимъ: вѣсто него существовала припись къ землѣ. Изъ грамоты Немани и Законника видимъ, что частнымъ подданнымъ запрещалось уходить съ своей земли; и господарямъ дана была власть жестоко наказывать бѣглецовъ. На личную независимость указываютъ еще слѣдующія распоряженія Законника; во первыхъ, дозволеніе земледѣльцамъ судиться съ своими господарями, во вторыхъ опредѣленіе количества работы и повинностей, которыя земледѣлецъ долженъ былъ выставлять для своего господара. Слѣдовательно, приписавъ частныхъ подданныхъ къ землѣ и позволивъ господарямъ владѣть ими, дарить и продавать ихъ вѣстѣ съ землею, Законникъ обезпечилъ за ними нѣкоторыя личные права. «Неропхами» назывались преимущественно земледѣльцы; «Влахами» или «Албанцами» пастухи. Между послѣдними видимъ многихъ кочующихъ съ своими стадами, слѣдовательно, не приврѣженныхъ къ землѣ. О странствіи Влаховъ и Албанцевъ упоминаетъ Законникъ. Не были ли это дѣйствительно иноземцы, подлинныя Волохы и Албанцы въ противоположность осѣдымъ и въ частномъ подданствѣ находившимся Сербамъ, которые, по занятію своему, тоже назывались, какъ мы знаемъ, Волохами или Влахами? Кромѣ этихъ были еще соколыничьи, псары, свинопасы, пчеловоды и пр. Но всѣ они находились въ подданныческомъ состояніи и иногда назывались вообще «людьми». Слово «себрь», употребляемое Законникомъ, означаетъ, какъ кажется, всякаго человѣка не властельскаго происхожденія; а такъ какъ среднее сословіе не принимается здѣсь въ расчетъ, то подъ себромъ должно разумѣть преимущественно человѣка низшаго сословія. Послѣднюю степень этого сословія составляли «отроки» и «дѣтичи», означавшіе людей лично несвободныхъ или рабовъ. Отроки, подобно неропхамъ, сидѣли на зем-

лъ; но если неропки только через землю были привязаны къ господарю, то эти, на оборотъ, самымъ тѣломъ своимъ принадлежали ему, какъ вещественная собственность. Монастырскіе неропки судились передъ монастырскимиъ судомъ; властельскіе передъ судьями; а отроки у своихъ господарей.

Древнѣйшее указаніе на военныхъ сановниковъ находится въ Житіи Немани, гдѣ упоминаются воеводы, тысячники и сотники. И при Душанѣ воевода продолжалъ оставаться высшимъ военачальникомъ, замѣняя, въ отсутствіе царя, его особу со всѣми ея правами. Въ Босніѣ воеводство сдѣлалось наследственнымъ въ древнихъ знаменитѣйшихъ боярскихъ родахъ и переходило, какъ званіе, а уже не какъ военная должность, отъ отца къ сыну. Храничи возвели его на высшую степень, соединивъ съ нимъ значеніе самостоятельныхъ, независимыхъ правителей, герцоговъ Нѣмецкой имперіи и блюстителей гроба св. Савы. При Душанѣ находимъ еще краишниковъ, правившихъ пограничными областями и отправлявшихъ военную должность; ибо имъ поручено было отражать непріятельскія войска и шайки разбойниковъ. Важнѣйшими правительственными лицами въ древней Сербіи были великіе жупаны и великіе князья. Первое званіе носили Немани и его предшественники: оно соединяло съ собою понятіе самостоятельнаго правителя, подъ которымъ могли стоять жупаны. Когда великіе жупаны сдѣлались королями; тогда жупаны остались, по прежнему, высшими послѣ нихъ правителями, какъ бы областными намістниками. Въ Сербіи званіе жупана уже не существовало при Душанѣ; но въ Босніѣ оно продолжалось до конца XV-го столѣтія. Великіе князья Хлумскіе, Вуканъ и Андрей, были почти независимыми, и ихъ званіе означало высшее правительственное лицо въ области. Оба они жили въ первой половинѣ XIII-го ст., и послѣ Андрея сынъ его, Радославъ, назывался уже жупаномъ. Въ Босніѣ главнымъ правительственнымъ лицомъ были баны, изъ коихъ одинъ въ грамотахъ нашихъ именуется великимъ. Важнѣйшими гражданскими сановниками, послѣ упомянутыхъ правительственныхъ лицъ, были князья или кнезы, о которыхъ упоминается въ Житіи Немани: *кнезу земли или надъ властью*. Безъ сомнѣнія, сдѣсь разумѣются высшіе бояре, по чему и называются они *кнезу земли*; а что они были должностными лицами, то это видно изъ выраженія *или надъ властью*. Но, какъ сказали мы выше, одновременно съ высшими кнезами, облеченными властію, были въ древней Сербіи и кнезы сельскіе, принадлежавшіе къ подданнымъ, о которыхъ упоминаетъ уже Жичанская грамота, данная тѣмъ же самымъ Стефаномъ Первовѣчаннымъ, который писалъ и Житіе Немани. При Душанѣ находимъ тѣхъ же сельскихъ кнезовъ, которые разбираютъ споры Дубровницкихъ ходобшиковъ съ Сербами и принимаютъ жалобы отъ торговцевъ, ограбленныхъ дорогою. Вообще, что касается до званія кнеза, какъ равно и воеводы, то должно замѣтить, что Славяне, развивавшіе у себя родовой бытъ, любили старшинство соединять съ должностію, преимущественно судебною; у нихъ старшій въ родѣ былъ вѣстѣ и судьей. Эта самая черта перенесена была въ послѣдствіи и въ гражданскій бытъ. Кнезы изъ родовыхъ старшинъ сдѣлались боярами и своимъ званіемъ пользовались потомственно, но уже безъ всякаго правительственнаго или должностнаго значенія, которое перешло къ жупанамъ, великимъ жупанамъ, великимъ князьямъ, банамъ, королямъ, царямъ и т. д.; за то въ низшихъ сословіяхъ, на оборотъ, званіе кнеза, не будучи потомственнымъ, получило чисто должностное значеніе, какъ начальника села или околицы, творившаго судъ и расправу, хотя и въ немъ народъ обыкъ уважать древнѣйшее родовое представленіе — стар-

шинство. Сельскіе кнезѣ завѣдывали непосредственно земскою частію и всѣми мелкими дѣлами, возникавшими въ сельскомъ населеніи. Въ томъ же Житіи Немани упоминаются еще пристакини дѣломъ, а въ грамотѣ Кулина устьини, т. е., то же, что сановники. За тѣмъ при Душанѣ видны «кефалій», которые сидѣли по жупамъ въ городахъ, завѣдывая городскимъ судомъ, земскою охраною, путями сообщения и вообще всѣмъ жупнымъ правленіемъ. Душанъ, преобразовавъ дворъ и управление по образцу Греческому, учредилъ особыхъ правителей и сановниковъ съ званіемъ деспотовъ, севастовъ или севастократоровъ и цесарей. Впрочемъ, родъ и объемъ вѣхъ должностей въ Сербіи намъ неизвѣстны. Былъ и «великій логоуетъ», вѣроятно, то же, что въ грамотѣ Дечанскаго архидьякъ, завѣдывавшій преимущественно посольскими и вообще писцовыми дѣлами; были «логоуеты» или «граматики», иначе дьяки, писцы, главною обязанностию которыхъ было писать грамоты. «Дворскіе приставы» или просто «дворскіе» завѣдывали государевымъ дворомъ. При особѣ владѣльца находился «протовистиарій», или «вистиарій», казначей, по чему онъ называется иногда «коморникомъ» или «разложникомъ коморы» (казны). Однажды въ грамотѣ Твртка II упоминается «королевскій прокураторъ», а въ грамотѣ деспота Юрія—«разничій». Торговыми дѣлами и непосредственнымъ сборомъ пошлинь завѣдывалъ цариникъ; онъ же и разбиралъ нѣкоторыя торговыя тяжбы. Въ Сербіи находились три рода судей: одни судьи сельскіе или областныя, другіе городскіе или сами кефалии и третьи дворскіе, судившіе тѣхъ, кои находились постоянно, или случались временно при царскомъ дворѣ. Всѣ они были должностными чиновниками и по тому назывались царскими и были равны между собою, ибо не было допущено жалобъ однимъ на другіе; но каждыя имѣли свой кругъ вѣдѣнія. Законникъ содержитъ нѣкоторыя постановленія, относящіяся къ судьямъ. Они должны были судить по закону справедливо и безкорыстно; рѣшеніе свое записывали въ особую грамоту, на основаніи которой оно приводилось въ исполненіе. Каждый судья имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи область, которую и обязанъ былъ обходить для осмотра и исправленія убогихъ и нищихъ; при этомъ ему запрещалось брать какіе либо насильственные подарки съ обывателей. Вѣдомство судей было разграничено, и никто не могъ судиться у чужаго судьи помимо своего. При судѣ состояли «приставы» или «посланники», главное орудіе судьи, «глобаря», взимавшіе пѣни, и сводчяки, производившіе сводъ краденныхъ предметовъ. Приставъ призывалъ къ суду подсудимыхъ и приводилъ въ исполненіе рѣшеніе судьи. Основаніемъ служила ему судейская грамота, которой онъ, подъ страхомъ наказанія, не могъ ни ослушаться, ни исказить. Всякая несправедливость строго воспрещалась. Какъ и судья, онъ былъ лицомъ неприкосновеннымъ. Впрочемъ, онъ могъ самъ открывать злоупотребленія и доносить объ нихъ, равно какъ быть ходатаемъ подсудимаго. Въмѣсто жалованья онъ получалъ плату съ извѣстныхъ земскихъ статей, называвшуюся «издавою». Церковными подданными завѣдывали особые лица, называемые въ нашихъ намятникахъ общимъ именемъ «церковныхъ владѣльцевъ». Наши памятки предлагаютъ намъ еще нѣсколько должностей, которыя остаются пока для насъ темными; таковы: пехарьникъ, вѣроятно, то же, что кравчій, челникъ и великій челникъ, ставилецъ, тепчій, пребѣгаръ, примиперій, престайникъ или стайникъ, прахторъ.

Государственные доходы состояли преимущественно изъ прямой подати, называвшейся бирью или данью, данкомъ, поданкомъ, различныхъ пошлинь или царинъ и глобъ или денежныхъ пень. Земскія повинности, упоминаемыя

нашими источниками, были: войско или хожденіе на войну, приселица или постоянная и коренная повинность, замѣненная въ послѣдствіи денежными сборами, ризница или доставка государственныхъ сокровищъ, посольство или перевозъ пословъ, проводъ или провожаніе царя и его властелей отъ одной жупы до другой, конь или пасеніе царскихъ лошадей, носъ или понось, т. е., ношеніе разныхъ казенныхъ предметовъ. Земскія работы были: путь, сѣнокоша, виноградъ, копаніе, ораніе, жатва, вершитба или врышеніе, т. е., молотьба, травнина, преслица и др. Кромѣ денежныхъ, были подати естественными произведеніями; таковы: жировница или подать желудями для кормленія свиней, позобъ или корнѣ для лошадей, сокъ, какъ кажется, подать овощами, саломъ и молочными произведеніями, и чьбрина или подать посудю. Неизвѣстно, какія повинности или подати должно разумѣть подъ словами: геракаръ, котель, престоль, плетва, унче лѣто и унчій сокъ. Обыкновенно подати взились десятиною, на что указываетъ одна грамота Душана, упоминающая о десяткѣ житномъ, овчемъ, пчельномъ и свиномъ. Доходъ по тому, откуда шель, назывался городскимъ, или жупнымъ. Кефалии имѣли свой доходъ, присвоенный ихъ должности. Какъ государство, такъ и частныя владѣтельныя лица и мѣста подчиняли своихъ подданныхъ если не всѣмъ, то нѣкоторымъ изъ вѣтхъ повинностей, работъ и податей. Въ послѣдствіи многія подати, взымавшіяся естественными произведеніями, замѣнены были для большаго удобства податями денежными. Раздѣленія работъ на великія и малыя, какъ думаютъ нѣкоторые, не было въ Сербіи.

Торговое право было не менѣе слабо развито, какъ и самое торговое сословіе. Слова «гость», «латынянинъ», мелькающія въ Законникѣ, невольно напоминаютъ, что торговля Сербская находилась въ рукахъ иноземцевъ. Мы уже видѣли, какой самостоятельный и опредѣленный видъ получили торговыя сношенія Сербіи съ Дубровникомъ. Для самихъ Сербовъ мы не находимъ ни одной льготы, ни одной статьи. Сербскіе торговцы не были обезпечены никакими правами: ихъ подавили богатые и искусные Дубровичане. Отсутствіе постоянныхъ мѣстъ сбыта и временныя ярмарки показываютъ, что туземная торговля Сербіи находилась еще въ зародышѣ. Требованіе на сырыя произведенія и преимущественно на хлѣбъ и металлы нѣсколько поддерживало ее; но ввозною торговлею и продажею готовыхъ издѣлій занимались исключительно Дубровницкіе ходебщики. Тѣмъ не менѣе Законникъ содержитъ нѣкоторыя обезпеченія для торговцевъ, какъ во время ихъ прохожденія по Сербской землѣ, такъ и во время самой продажи. Торговые люди имѣли полное право безпрепятственно ходить по всѣмъ дорогамъ, селамъ, городамъ и ярмаркамъ, продавать и покупать; никто не смѣлъ задерживать ихъ, или отнимать у нихъ товаръ даромъ или за бездѣнокъ. Всякій ущербъ, нанесенный имъ во время странствія, вознаграждался. Залоги выкупались. Но всѣ эти постановленія даны въ общемъ смыслѣ и относились не столько къ туземнымъ, сколько къ иноземнымъ торговцамъ.

Военное право, при всемъ множествѣ войнъ, которыя постоянно вела Сербія съ сосѣдями, не получило себѣ полнаго выраженія въ Законникѣ, не по тому, конечно, чтобы оно не имѣло его, но отъ того, что не нуждалось въ письмѣ, оставаясь обычнымъ правомъ народа. Народъ зналъ кому, когда и на какихъ правлахъ итти на войну. Душану оставалось только письменно предупредить нѣкоторыя злоупотребленія, случавшіяся на войнѣ и въ походѣ. Такъ запретилъ онъ при поединкахъ всякое участіе третьяго лица; во время привала одного отряда въ селѣ, другой отрядъ не могъ останавливаться тамъ

же; воевода завѣдывалъ войсковымъ судомъ и представлялъ собою лицо са-
мого царя; ему же доставлялась и военная добыча. Подъ смертною казнію
запрещено было въ походѣ разорять монастыри и храмы.

Родовое право въ томъ видѣ, какъ застаютъ его наши источники и какъ
еще яснѣе выражаетъ его Законникъ, является уже нѣсколько измѣненнымъ
противъ прежняго первобытнаго права, по которому весь родъ составлялъ
единое нераздѣльное цѣлое. Въмѣсто рода на первомъ мѣстѣ уже являются
семьи или дома, выособившіеся изъ родовъ. Семья стоитъ выше рода, по
тому, что только съ нею одною имѣетъ дѣло законъ: только по прекра-
щеніи семьи право переходитъ къ роду. Въ Законникѣ въ основаніе общно-
сти отвѣта и поруки принять домъ, подъ которымъ разумѣется одна семья
или совокупность родичей, безъ опредѣленнаго ограниченія степеней родства,
живущихъ подъ начальствомъ одного старшины. Даже если родичи были раз-
дѣлены между собою хлѣбомъ и имуществомъ, но продолжали жить на одномъ
огнищѣ, то и въ этомъ случаѣ Законникъ считаетъ ихъ за одну семью или
одинъ домъ; и за таковой домъ, въ гражданскомъ и уголовномъ правѣ, отвѣ-
чалъ только старшій въ семьѣ или господарь дому; либо можно было отвѣ-
чать брату за брата, отцу за сына, роду за родъ, т. е., однимъ родичамъ за
другихъ: во всякомъ случаѣ сдѣсь видна общность семьи, не только живущей
на одномъ хлѣбѣ и владѣющей общимъ имѣніемъ, но даже такой, которая на
одномъ огнищѣ заключаетъ нѣсколькихъ выдѣлившихся въ хлѣбѣ и имѣніи
родичей. Но отдѣлившіеся огнищами или домами уже не отвѣчаютъ другъ за
друга. Ясно, что древній родъ замѣненъ былъ уже семьею или домою. По
этому при клятвахъ, встрѣчаемыхъ нами въ грамотахъ, приводятся свидѣтели
«съ братією», что показываетъ, съ одной стороны, что домъ считался нераз-
дѣльнымъ цѣлымъ и нужно было согласіе всѣхъ его членовъ, а съ другой, что
по этой самой причинѣ достаточно было свидѣтельства одного главы дома,
ручавшагося и за всю братію свою. Но далѣе одного дома, или семьи, или
огнища общность не простиралась. Замѣчательно, что наши грамоты совер-
шенно сходятся съ Законникомъ въ понятіяхъ о родовомъ правѣ. Не говоря
уже о томъ, что Санковичи, Радиневичи, Храничи, Влатковичи дѣйствуютъ
только какъ дома, куты; но даже и тогда, когда дѣло идетъ о цѣломъ родѣ,
этотъ родъ опредѣляется не иначе, какъ совокупностію домовъ. Такъ Сан-
далъ, за неизмѣнимъ прямыхъ наслѣдниковъ въ своей семьѣ, въ которую вхо-
дили и его братья съ своими дѣтьми, завѣщаетъ свои вклады четыремъ до-
мамъ, кутямъ своего «племени», называя каждую кутю именемъ ея старѣйши-
ны, а не говоритъ прямо о своемъ племени или родѣ нераздѣльно.

На родовомъ правѣ основывалось и право владѣнія. Вся семья или кута
имѣла право на общее владѣніе, и вотъ по чему всѣ записи, данныя коро-
лями, царями, деспотами и боярами, даны не отъ одного лица, а отъ ста-
рѣйшаго въ домѣ вмѣстѣ съ прочими ближайшими родственниками, какъ-то:
братьями, сыновьями, даже женами. Сама исторія Сербіи представляетъ ча-
стые примѣры соперничества за земли между братьями, или между дядями
и племянниками.

Наслѣдственное право изложено въ Законникѣ весьма неполно. Мы видимъ
только, что послѣ бездѣтнаго властелина его баштина переходитъ въ его
родъ къ ближайшимъ наслѣдникамъ «до третьяго братучеда», т. е., до пра-
внука по братнину колѣну; а далѣе къ кому? — не сказано. Вѣроятно, въ
случаѣ несуществованія такого родича, баштина дробилась между родомъ.

Но одно уже условіе бездѣтности показываеъ, что семейное право преобладало надъ родовымъ. Дослѣхи властелина, послѣ его смерти, шли — половина царю, а половина сыну, или дочери. Грамоты доставляютъ намъ нѣсколько примѣровъ примѣвннхъ наследственнаго права. Всякая собственность шла первоначально къ дѣтямъ, а потомъ къ братьямъ и племянникамъ. Имѣли ли дочери право наследія недвижимою собственностію? На это, по нашимъ источникамъ, нельзя отвѣчать рѣшительно; кажется, онѣ исключены были изъ наследства, хотя съ другой стороны видимъ, что у женщины не отнято право владѣнія баштиною и отроками. Законникъ темно выражается о бездѣтности властелина, употребляя выраженіе «дѣтца», дѣти, вмѣсто сына или дочери; но за то грамоты наши отрицательнымъ образомъ доказываютъ отстраненіе дочерей отъ наследства недвижимымъ имуществомъ или вѣрнѣе земли. Сандалъ и Радославъ Павловичъ общають только за себя и за свое мужеское потомство охранять уступленную Дубровнику Конавальскую жупу; а охраненіе могли принять на себя только тѣ, кои наследовали оставшееся послѣ нихъ земельное владѣніе. Точно также Сандалъ приобрѣтенную въ Дубровницкой области баштину передавалъ своему роду по мужской линіи. По крайней мѣрѣ, мы нигдѣ не видимъ, чтобы владѣльцы отказывали свои земли сыновьямъ вмѣстѣ съ дочерьми, или однимъ дочерямъ. Опроверженіемъ не можетъ служить одно мѣсто грамоты Стефана Косачи, который, раздѣляя все свое имущество между двумя сыновьями, выговариваетъ себѣ право, если вздумаетъ, отдѣлать небольшую часть изъ него другимъ родственнымъ домамъ и женѣ своей: да ѿ нима (Владиславу и Вятку) гноцтво . . . разѣ ако би ми се цюю видѣло бѣзвѣсти измѣнѣ нню зирехъ кѣбамъ влнннмъ з матерѣ нѣ. Сдѣсь могло разумѣться имущество движимое, какъ и дѣйствительно въ послѣдствіи видимъ Цецилію, извѣщающую Дубровничанъ о доставшемся ей вкладѣ мужа ея, Косачи. Но въ наследствѣ движимымъ имуществомъ и домами участвовали, послѣ сыновей, и дочери. Дворецъ въ Дубровникѣ Радославъ Павловичъ получалъ съ тѣмъ, что послѣ его смерти, ему наследуетъ не только прямое мужеское колѣно, но, по прекращеніи мужескаго, и женское. Въ завѣщаніи Сандала, относительно его вкладовъ, видимъ то же самое: движимая собственность, въ прямомъ потомствѣ, шла прежде всего къ сыновьямъ, а потомъ уже, за неимѣніемъ ихъ, къ дочерямъ; въ боковомъ же потомствѣ она шла только въ мужескую линію, къ племянникамъ, и отъ одной мужской линіи переходила къ другой, согласно со степенями родства; но ни въ какомъ случаѣ не переходила въ женскую линію. Такъ точно и Стефанъ Косача завѣщаетъ свой вкладъ сыновьямъ, а если ихъ не будетъ, то женѣ и дочерямъ. Изъ розыска Дубровничанъ о родѣ Браила Тезаловича равно мѣрно оказывается, что въ наследованіи движимою собственностію дочери, будутъ ли онѣ замужнія, или нѣтъ, шли въ расчетъ послѣ братьевъ. Собственникъ могъ по произволу распоряжаться своею собственностію и отдавать ее кому хотѣлъ помимо прямыхъ наследниковъ. Законникъ предоставляетъ баштиннику полное право распоряженія своею баштиною. Косача грозитъ, въ случаѣ неповиновенія сыновей, отдать свое имущество другому, кому захочетъ. Такимъ образомъ, касательно правъ наследованія, мы приходимъ къ слѣдующимъ итогамъ: собственникъ имѣлъ право завѣщать свое имущество кому хотѣлъ; но обыкновенно по его смерти ему наследовали ближайшіе родичи, такъ что его домъ наследовалъ прежде боковыхъ домовъ или рода. По прекращеніи дома, наследство переходило къ прочимъ родственнымъ до-

кавъ. Сыновья имѣли преимущество передъ братьями; братья передъ племянниками. Недвижимое имущество шло только въ мужское колѣно, а движимое, за неизвѣстнѣмъ или послѣ сыновей, шло и къ дочерямъ въ женское колѣно, но только по прямой линіи; по боковой же участвовала одна только мужская линія. Наслѣдство получала вся семья или всѣ сыновья и дочери одного отца. Мать участвовала въ наслѣдствѣ только въ слѣдствіе особаго распоряженія.

Малолѣтство не нашло себѣ въ Законникѣ никакого опредѣленія, но что оно существовало въ обычномъ правѣ, на это указываютъ наши грамоты. Изъ нихъ мы узнаемъ, что малолѣтныя не присягали и не писались въ грамотахъ; но по достиженіи совершеннолѣтія повторяли клятву старшихъ. Малолѣтныя не могли прежде четырнадцати лѣтъ возраста получить отцовскій вкладъ.

Бракъ признавался только тогда, когда совершенъ былъ съ разрѣшенія духовной власти и освященъ таинствомъ вѣнчанія. Черезъ бракъ жена входила въ права мужа. Дечанскій постановилъ, что Сербъ—неропкъ, взявшій себѣ жену у Влаха, ведетъ ее въ неропки, и она съ потомствомъ своимъ подчиняется неропшскому закону.

Вообще гражданское право руководствовалось болѣе обычаемъ, чѣмъ письменными постановленіями. Относясь къ порядку или норуѣ общественной жизни, оно выросло вмѣстѣ съ народомъ на его родной почвѣ и содержало въ себѣ итогъ всего того, что, какъ основа гражданскаго быта, выработано было народомъ въ его вѣковой самостоятельной жизни; а по тому оно не нуждалось ни въ новыхъ постановленіяхъ, ни въ письменномъ выраженіи, кромѣ тѣхъ злоупотребленій въ отдѣльныхъ частяхъ права, которыя требовали въ нихъ либо точнѣйшаго опредѣленія, либо отмены, либо измѣненій. Освященное старинною и присутствіемъ народности, оно не допускало произвольныхъ уложеній; ибо всякая попытка къ его пересозданію повлекла бы за собою ложку всего общественнаго порядка, разорвала бы всѣ гражданскія связи, уничтожила бы всѣ основы, на которыхъ держались взаимныя отношенія сословій и лицъ. По этому мудрый законодатель оставилъ его безъ перемѣны, а слѣдовательно, безъ написанія, какъ обычное право, созданное самимъ народомъ и всѣмъ извѣстное.

Уголовное право, напротивъ того, требовало многихъ новыхъ постановленій, число и строгость которыхъ отвѣчали стремленію законодателя къ обезпеченію общества и упроченію гражданскаго быта чрезъ уясненіе его основъ въ сознаніи правъ и законности. Имѣя дѣло съ нарушеніями общественнаго порядка, народнаго права и спокойствія, словомъ, вѣдаясь съ исключеніями или анармію гражданскаго быта, оно измѣнялось по мѣрѣ того, какъ верховная власть смотрѣла на эти исключенія и какую придавала имъ важность. Законодатель считалъ себя обязаннымъ предохранить общественный бытъ отъ искаженія и разрушенія, защитить общество отъ его изверженцевъ, стремящихся къ разрушенію всего существующаго, всего прочнаго. Все, что дурнаго представляетъ въ себѣ народная жизнь, является уже исключеніемъ и подлежитъ свободному дѣйствию законодателя, который слѣдъ, въ кругу уголовного права, можетъ приводить въ движеніе всѣ пружины, клонящіяся къ главнѣйшей его цѣли—исправленію, искорененію и предотвращенію зла. Словомъ, Душанъ, котораго вся дѣятельность стремилась къ усиленію Сербіи не только извнѣ, но и внутри ея самой, считалъ себя въ правѣ уложить все то, что

нужно было для защиты гражданственности отъ порчи. Вотъ по чему въ его Законникѣ такъ мало говорится о гражданскомъ правѣ и такъ сравнительно много объ уголовномъ. Преступленія, которымъ наиболѣе подвергался общественный бытъ, требовали равно простыхъ и строгихъ постановленій. Убийство, насиліе, безчестіе, обида, блудъ, пьянство, воровство и разбой, поджигательство, дѣланіе ложныхъ денегъ, открытое присвоеніе чужой собственности и бѣгство:—вотъ преступленія, которыя обратили на себя вниманіе законодателя. Между ними мы не видимъ еще никакихъ утонченныхъ преступленій, которыхъ разнообразіе возникаетъ по мѣрѣ старѣнія и порчи общества, и это показываетъ степень, на которой стоялъ гражданскій бытъ Сербіи при Душанѣ. По роду этихъ преступленій можно судить о возрастѣ тогдашняго общества: оно, конечно, было еще юно, еще крѣпчало и совершенствовалось, и далеко было отъ той точки, гдѣ начинается его искаженіе и распаденіе. Свойство преступленій свидѣтельствуетъ о первоначальной грубости отставшихъ его членовъ, совершенно противоположной развращенію упадающаго общества, поражающему инаго рода преступленія. Съ другой стороны, мы видимъ въ изложеніи этого права вѣрный признакъ современности и народности Законника, котораго издатель имѣлъ въ виду не отвлеченную сторону воображаемаго быта, но живыя потребности дѣйствительно существующаго и современнаго ему общества. Изъ постановленія объ убійствѣ видимъ, что преступленіе это совершалось часто открыто и съ наглою смѣлостію. Властели убивали себровъ, себры властелей. Лица духовнаго званія, родители и родственники становились иногда жертвами преступленія. Воровство и разбой были, какъ видно, не рѣдки въ древней Сербіи. Душанъ часто говоритъ объ нихъ въ Законникѣ. Это показываетъ, что земское устройство еще далеко не созрѣло тогда въ Сербіи, и вообще во всеобщемъ общественномъ бытѣ заключалось не одно условіе, благопріятствовавшее этому роду преступленій. Нѣкоторыя статьи намекаютъ, что и властели не чужды были иногда покровительства разбойникамъ. За то строго было и наказаніе за воровство и разбой: виновные и потворствующіе имъ наказывались одинаково: воры ослѣпленіемъ, разбойники висѣлицею. Слѣдствіемъ частыхъ разбоевъ и воровства, равно какъ войнъ, было то, что въ Сербіи появлялось много предметовъ, которыхъ законные владѣльцы были неизвѣстны. Приобрѣтеніе такихъ предметовъ покупкою было дозволено только на законномъ основаніи; во всякомъ другомъ случаѣ присвоившій себѣ чужую собственность подвергался одинаковому наказанію съ воромъ и разбойникомъ. Всякая добыча въ чужой землѣ должна быть представлена царю, или воеводѣ. Поджоги, или чеканка ложныхъ денегъ наказывались сожженіемъ. Бѣгство, выпроваживаніе бѣглецовъ въ чужую землю, или принятіе ихъ были строго запрещены. Принять чьего либо человѣка, или иноземца можно было только тогда, когда при немъ была охранная грамота.

Судоустройство и судопроизводство составляютъ важный отдѣлъ во внутренней исторіи Сербіи. Въ нихъ мы находимъ много остатковъ глубокой старины, пережѣванныхъ съ позднѣйшими нововведеніями, много такого, что велось издревле въ народѣ, и такого, что установлено было въ послѣдствіи королями и самимъ Душаномъ. Но при всемъ томъ мы не можемъ не удивляться простотѣ судебного порядка, которая, въ сравненіи съ развитостію гражданского быта времени Душановыхъ, много говоритъ въ пользу нравовъ тогдашняго общества. Простота судебного разбирательства есть признакъ древности

и вѣсть простоты и неспорченности нравовъ. Къ тому же надобно замѣтить, что Законникъ мало даетъ отвѣтовъ на спорные вопросы; его статьи посвящены наиболѣе устройству и порядку суда: слѣдовательно, судьи произносили свои приговоры единственно на основаніи здраваго смысла и совѣсти, и народъ былъ доволенъ ими, такъ что законодателю не надобно было впередъ въ своемъ Законникѣ предписывать имъ рѣшенія. Дѣла ограничивались однимъ судомъ: мы ни отъ куда не видимъ, чтобы допущены были жалобы одному суду на другой; словомъ, степеней судебныхъ не существовало. Мелкія спорныя дѣла сельскаго населенія поканчивали кнезы; другія рѣшались судьями, или кефаліями, либо же самимъ царемъ. Тяжущіеся могли также, по доброй волѣ, подчиниться суду присяжныхъ. Въ походѣ и на войнѣ войско подлежало суду царя, или, за отсутствіемъ его, воеводы. Крѣпостные люди судились своими господами. Монастырскіе подданные судились особыми должностными лицами, опредѣляемыми на то отъ монастыря. Въ нѣкоторыхъ торговыхъ случаяхъ споры рѣшались царинникомъ. Когда еще не вполне выяснены были общественныя обязанности, и сословіе властелей занимало весьма высокое мѣсто по своему могуществу, тогда приглашеніе къ суду было дѣломъ весьма затруднительнымъ. Нужно было наблюдать особую осмотрительность какъ въ отношеніи сословнаго происхожденія подсудимаго, такъ и срока приглашенія. Въ Законникѣ замѣтна особенная заботливость и точность въ постановленіяхъ о приглашеніи къ суду, что заставляетъ думать, что позванные находили еще много средствъ къ неявкѣ на судъ. Властели призывались къ суду особою грамотою и не иначе, какъ до обѣда; для прочихъ сословій достаточно было одной печати. Возвратившимся съ войны давался трехдѣльный срокъ. Жена, за отсутствіемъ мужа, не призывалась къ суду. Члены одной семьи являлись къ суду по волѣ, кто хотѣлъ. Если отвѣтчикомъ за подсудимаго былъ приставъ, то получалъ отсрочки полдня. Подсудимые могли представлять за себя ходатаевъ. Судъ производился устно. Соперники являлись предъ судьей и излагали на словахъ сущность дѣла. Наговоры, брань, посторопнія обвиненія, мзда строго запрещались. Силу имѣло только первое показаніе. Доказательными средствами были: грамоты, печати и другіе условные знаки, свидѣтели, сводъ, лицо, рука, клятва; за ними въ нѣкоторыхъ случаяхъ слѣдовалъ судъ Божій. Въ поединкѣ, водѣ и желѣзѣ, гдѣ дѣйствовала уже высшая обличающая сила видѣли окончательное доказательство правоты, или виновности. Такое соединеніе доказательныхъ средствъ указываетъ на ту пору развитія Сербскаго народа, когда образованность и гражданственность начинали уже вытѣснять грубое невѣжество и простоту древняго народнаго быта; когда Сербія находилась на полпути своего внутренняго развитія, дѣлая быстрые шаги впередъ и не разставаясь еще совершенно съ завѣтною старинною. Обиліе допущенныхъ средствъ для доказательства свидѣтельствуетъ о чувствѣ правды, руководившемъ народъ и законодателя. И даже тамъ, гдѣ всѣ человѣческія средства прекращались, Сербы, не желая оставить истинны втугѣ, прибѣгали къ чрезвычайнымъ, и въ судѣ Божіемъ искали оправданія, или обвиненія. Конечно, много естественныхъ причинъ входило въ дѣйствіе ордалій и отнимало у нихъ то высокое значеніе правды, которое народъ привыкъ приписывать имъ: тѣмъ не менѣе ордаліи оправдываются, во первыхъ, главною цѣлью ихъ введенія, цѣлью узнать настоящаго виновнаго, чтобы чрезъ то самое избавить безвиннаго даже и отъ подозрѣнія; во вторыхъ, несовершеннымъ еще возрастомъ гражданственности,

когда обыкновенныя доказательства по своей недостаточности не могли получить полной обличительной силы; въ третьихъ, тѣмъ, что къ суду Божию прибѣгали только уже по истощеніи всѣхъ прочихъ доказательныхъ средствъ, и то не всегда, а именно, къ поединкамъ допускались только ратные люди въ военное время, къ водѣ, или котлу только себры, впрочемъ, за всякое злодѣяніе, къ раскаленному желѣзу только при обвиненіи въ воровствѣ, или разбоѣ. пытокъ мы не находимъ въ Законникѣ. Личному задержанію подвергались лица всѣхъ сословіи, и это называлось «емствомъ». Властели могли выставлять вмѣсто себя заложниковъ или емцевъ.

Мы уже выше видѣли составъ наказаній, существовавшій въ древней Сербіи. Сдѣсь повторимъ вкратцѣ прежніе итоги. При опредѣленіи наказанія не допускалось различія въ сословномъ происхожденіи виновнаго. Преступленіе всегда имѣло одинаковое значеніе, кто бы его ни совершилъ. Различіе сословіи выступаетъ только тогда, когда одинаковому наказанію трудно или даже невозможно подчинить всѣ сословія и необходимо видоизмѣнить способъ наказанія, сохраняя его равномерность, или когда въ лицѣ обиженаго терпится все сословіе. Когда виновный находился на лицѣ, онъ и подвергался наказанію; въ отсутствіе его отвѣчала за него, по старому обычаю, околица, что называлось общею порукою. Способъ наказанія былъ двойной, денежный и тѣлесный. Первому подчинялись общая порука и преимущественно сословіе властельское, какъ богатое; второму лицо виновнаго и преимущественно себры, какъ сословіе бѣднѣйшее. Къ чести законодателя должно отнести то, что онъ огра ничилъ денежную пеню, какъ самое безцѣльное наказаніе, по возможности тѣснѣйшими предѣлами, оставивъ больше мѣста другимъ, дѣйствительнѣйшимъ мѣрамъ. Но, съ другой стороны, удержаніе древняго обычая увѣчать виновнаго ослабляетъ достоинство вѣтхъ мѣръ. Хотя Законникъ главною цѣлью имѣеть, еще по прежнему, вознагражденіе ущерба и наказаніе за зло, предоставляя закону дѣйствовать только по совершеніи преступленія, однако мѣстами въ немъ проглядываетъ уже мысль новая, болѣе плодотворная и просвѣщенная, стремящаяся къ предотвращенію зла:—замѣчательный успѣхъ для того времени. Составъ наказаній показываетъ намъ, на какой степени стояла древняя Сербія въ понятіи о гражданскомъ благоустройствѣ и человѣчности. Въ первомъ отношеніи Сербское законодательство уже перешагнуло первую и начальную ступень развитія, уничтоживъ самоуправство, запретивъ всякое насиліе и отстранивъ право кровной мести; оно готово было перешагнуть и вторую ступень, чтобы отъ денежной пени и общей поруки перейти сколько къ прямой расправѣ съ преступникомъ, столько же къ предотвращенію зла. Но во второмъ отношеніи ему недоставало той мягкости, которая рождается въ народныхъ нравахъ только съ вѣками: оно допускало еще увѣче и различные виды смертной казни. Но и въ этомъ отношеніи древняя Сербія не чужда свѣтлой стороны: въ ней мы видимъ убѣжища, показывающія, что и тогда Сербы прекрасно умѣли соединить мысль прощенія съ мыслию о главѣ народа и главѣ духовенства. Царь и патріархъ, какъ высшія лица въ народѣ, могли измѣнить приговоры, которые судебная власть должна была произносить съ неумытною строгостію: изъ уваженія къ самому мѣстопребыванію этихъ двухъ лицъ, дарованы были прощеніе и свобода узникамъ, бѣжавшимъ въ дворъ царевъ, или патріаршій.

Вотъ до какихъ итоговъ дошла Сербія въ развитіи своего гражданского быта. Дѣло говорить само за себя. Какъ кто ни смотри на событія, но вся-

ий долженъ сознаться, что древней Сербіи нельзя отказать въ началахъ прекраснаго самобытнаго развитія, которыя положены были родомъ Неманичей и уже такъ ярко обозначились въ царствованіе Душана. Конечно, начала эти еще не созрѣли; но въ самошъ развитіи ихъ уже замѣтно столько вѣрнаго, хорошаго и человѣческаго, что съ ними древняя Сербія является устроеннымъ гражданскимъ обществомъ, быстро идущимъ прямою дорогою къ достиженію совершеннѣйшихъ образовъ общественнаго и государственнаго быта. Время не позволило ей выполнить съ одинаковымъ успѣхомъ всѣхъ условій, безъ которыхъ никакое государство не можетъ процвѣсти; эти условія въ ней были, но современныя потребности, какъ и всюду, дали имъ не равномерное движеніе. Жизненная дѣятельность ея народа въ связи съ добрыми распоряженіями королей наполнили ее задатками всего лучшаго, такъ что Душану оставалось дать имъ ходъ и упрочить ихъ силою закона. Согласно присутствіе древнихъ началъ вѣстѣ съ новыми и естественное выособленіе послѣдующихъ изъ предыдущихъ показываютъ, что счастливый умъ ея правителей велъ ее самобытнымъ и непринужденнымъ путемъ развитія. Наконецъ, если вспомнимъ, что въ дошедшихъ до насъ памятникахъ изложена только самая малая часть ея правъ и законовъ и что несравненно большая осталась, какъ ненаписанный обычай, и если по этому немногому заключимъ обо всемъ остальномъ, то увѣримся, что какъ бы кто строго ни отбѣивалъ явленія, онъ не дойдетъ до того пристрастнаго и ошибочнаго приговора о жизни древнихъ Сербовъ, который произнесъ ученый Нѣмецъ Гебгарди на основаніи чужихъ свидѣтельствъ, а болѣе своихъ собственныхъ умозрѣній и догадокъ, и который повторенъ былъ дословно другимъ ученымъ, Енгелемъ, вполнѣ сочувствовавшимъ взгляду своего соотечественника и не могшимъ сказать ничего лучшаго.

Велики были преобразованія Душана, но нужна была и сильная его рука, чтобы сдержать новый порядокъ вещей. Ударъ, нанесенный имъ родовому быту Неманичей, обнаружился тотчасъ по его кончинѣ. Симеонъ или Синиша, правитель Этоліи и Акаріаніи, предъявилъ, было, свои права на Сербскій престолъ; но дѣло его было уже опоздано: воля и завѣщаніе покойнаго царя стояли выше всѣхъ другихъ правъ. Къ тому же онъ и не былъ произвольнымъ, ибо относился къ законному и единственному сыну Душанову, Урошу. Никто не хотѣлъ слушать Симеона, и этотъ, дошедши до Зеты, воротился назадъ въ свой удѣлъ. Енгель думаетъ, что Симеонъ былъ не кто иной, какъ Вратко, правнукъ Вукана Неманича и отецъ Милицы, жены Лазаря; онъ же могъ называться царевичемъ и Югомъ, какъ правитель самыхъ южныхъ владѣній Сербіи. Енгель объясняетъ форму *Σάρκος* Халкокондила ¹ словомъ царевичъ и дѣлаетъ ее прозвищемъ Симеона, который есть то же, что, по другимъ, Деканъ, севастократоръ и правитель Привардарской Македоніи, *κατὰ τὴν Μακεδονίαν περὶ Ἀξιὸν ποταμὸν*, — ближайшее лицо къ царю. Такимъ образомъ, по мнѣнію Енгеля, Синиша, *Σάρκος*, Югъ, Деканъ, Вратко суть одно и то же лицо ². Станнымъ кажется такое стеченіе именъ и прозвищъ для одного человѣка. Разсмотримъ его ближе. Во первыхъ, Вратко не могъ уже предъявлять своихъ правъ на Сербскій престолъ по тому, что родство его было слишкомъ отдаленно, и предки его молчали о своихъ правахъ, когда да-

¹ Corp. Script. Hist. Byz. L. Chalcocond., p. 28.—Stritter, II, 335.

² Gesch. v. Serv. u. Bosn., стр. 311.

же незаконные сыновья восходили на Сербскій престолъ. Симеона или, по-Славянски, Сийишу Кантакузинъ называетъ братомъ Душана¹. По свидѣтельству лѣтописцевъ Сербскихъ, у Дечанскаго было два сына, Душанъ и Симеонъ: послѣдній владѣлъ въ Греческомъ городѣ Трикалъ². Слѣдовательно, это тотъ самый братъ его, рожденный отъ наихи Маріи Палеологовны, на котораго, по свидѣтельству Бранковича, указали Душану Сербскіе бояре, сказавъ: «аще ты не хошеши кралевствомъ отца твоего препоясаться, братъ твой, отъ инныя матери родивыйся, не ситъ, но вскорѣ узриши его препоясаннымъ кралевствомъ отца твоего»³. Во вторыхъ, *Zármos*, *Zarcus*, произносится не Царко, откуда Бигель хочетъ сдѣлать царевича, а Жарко, и есть имя собственное, Славянское, встрѣчающееся нѣсколько разъ въ нашихъ грамотахъ⁴. Въ третьихъ, Жарко, а по другимъ, Деканъ (объ немъ сейчасъ скажу) управлялъ Привардарскою Македоніею, а Сийиша, по свидѣтельству Кантакузина, сидѣлъ въ Акарнанин. Бигель говоритъ, что Македонія часто совпадаетъ съ понятіемъ Акарнанин: *Zarcus über Macedonien, qua finitima est Axio flumini, welches beyläufig mit dem Begriff von Acarnanien zusammenstimmt*; но во всякомъ случаѣ одно и то же лицо не могло управлять этими двумя областями, ибо между ними лежали области другихъ намѣстниковъ, именно: Николай Жупанъ управлялъ Трикалою и Касторіею, Прилуцъ Этоліею, Плавидъ Охридою и Прилепомъ⁵. Въ четвертыхъ, Жарка не должно смѣшивать съ Деканомъ, правильнѣе Деяномъ. Что Деянъ дѣйствительно былъ севастократоромъ при Душанѣ, то объ этомъ свидѣлствуютъ грамота у Авраамовича № 12 и папское breve, писанное въ 1354 г. къ Сербскимъ властямъ, между которыми упоминаютъ *Desapuz*, *sebastocrator Serviae*⁶. Село Архилевница въ Жегликковской землѣ⁷ было подарено Душаномъ въ баштину Деяну и его потомству. Въ 1379 г. «царица» Евдокія съ сыномъ Константиномъ, въ грамотѣ своей (А. № 14), называетъ это село уже своею баштиною и ссылается на грамоту Душана, которою онъ подтвердилъ Деянову села за Архилевницкой церковью (А. № 12); Сербскій лѣтописецъ называетъ этого Константина Жегликковскимъ⁸: слѣдовательно, Евдокія и Константинъ были родичами Деяна. Кто же они были? Изъ грамоты видно, что у Константина былъ еще братъ, Драгаша⁹: тоже подтверждаетъ и Халкокондилъ¹⁰. Драгаша именуется деспотомъ. Мать ихъ, Евдокія, носитъ званіе царицы; но ясно, что это цесарица или жена одного изъ Душановыхъ цесарей. Такъ какъ она съ сыновьями владѣла баштиною Деяна и такъ какъ Халкокондилъ называетъ Константина и Драгашу сыновьями Жар-

¹ *Σίμων τε γὰρ ὁ Κράλη ἀδελφός, Ἀκαρνάνιας τότε ἄρχων*. Corp. Script. Hist. Byz. Casanovensis, v. III, p. 314. — Stritter, II, 340. — Орбини, стр. 229. Но въ другомъ мѣстѣ тотъ же историкъ ошибочно называетъ его братомъ Уроша V, (стр. 234). — Dufresne, Famil. Dalm. et Slavon., гл. III, § LIX.

² Шафар., Памяти., стр. 53, 71. — Arkiv za povjestn. Jugoslav., III, 1854. Стр. 45.

³ Рачъ, ч. II, стр. 718.

⁴ На пр. С. NN 45, 141, 172.

⁵ Corp. Script. Hist. Byz. L. Chalcocond., p. 28. — Stritter, II, 355.

⁶ Engel, Gesch. v. Serv. u. Bosn., стр. 289.

⁷ Бранковичевъ лѣтописецъ (Arkiv za povjestn. Jugoslav., III, стр. 14) помѣщаетъ Жегликово подъ Черной Горой (въ Македоніи).

⁸ Arkiv za povjestn. Jugoslav., III, 1854. Стр. 16. — Ср. Рачъ, ч. III, стр. 88.

⁹ См. Успенскаго, Описание монастырей Аеонскихъ въ Ж. М. Н. II, 1848, LVIII, стр. 176. — Аврамовича, О. Д. С. у С. Г., стр. 78, 79. — Мюллера, Каталогъ Аеонскимъ грамотамъ, въ Славянской Библиотекѣ Миклошича, 1851, стр. 193.

¹⁰ *Κωνσταντίνος ὁ Ζάρκου, Δραγάσω δὲ ἀδελφός*, Corp. Script. Hist. Byz. L. Chalcocond. p. 81. — Stritter, II, 354.

на¹, то не остается никакого сомнѣнія въ томъ, что Жарко былъ сынъ Деяна. Орбини и Дюфрэнъ называютъ Жарка Деяновичемъ²; Енгель и Раичъ не знаютъ ихъ родства; но послѣдній близко подходитъ къ истинѣ и только различіе именъ Деяна и Деяна смущаетъ его. Онъ рознитъ ихъ, а между тѣмъ, на основаніи Орбини, правильно называетъ Константина и Драгашу сыновьями Жарка Деяновича³. Слова Халкокондыла о Жаркѣ: *vir apud ipsum (Scalem) dignitate primarius*, которыя Енгель объясняетъ родствомъ Жарка съ Враткомъ, объясняются тѣмъ, что сынъ наследовалъ послѣ отца не только область, но и расположеніе царя. Душанъ называетъ Деяна своимъ «братомъ». Въ пятыхъ, нѣтъ сомнѣнія, что Югъ есть совсѣмъ иное лицо, чѣмъ Жарко, или Сяниша: его звали Богданомъ, а не Симеономъ. Скорѣе можно догадываться, что Богданъ Югъ былъ тотъ самый Богданъ, который правилъ восточною Македоніею между Серомъ и Вардаромъ⁴. По этому не остается никакого сомнѣнія, что имена, которыя Енгель обременилъ одно лицо, расходятся врозь и отыскиваютъ каждое своего хозяина. Вратко останется, по прежнему, потомкомъ Вукана, чуждымъ соискательству о престолѣ, о которомъ, быть можетъ, онъ вовсе и не помышлялъ; Богданъ Югъ будетъ править восточною Македоніею; Жарко, сынъ Деяна, съ своими сыновьями, составитъ особый домъ, правившій въ южной Македоніи; а Сяниша или Симеонъ явится однимъ дядею и соперникомъ Урошу, какъ братъ Душана отъ второй матери. Слѣдовательно, права Сяниши были правами дяди противъ племянника; но права эти уже потеряли свою силу, между тѣмъ, какъ прежде мы видѣли, что братъ наследовалъ брату. Теперь значеніе государя, въ полномъ смыслѣ этого слова, поставило Душана выше значенія родича и придало его волѣ и завѣщанію исключительное право быть основою престолонаслѣдія. Такимъ образомъ старый порядокъ рушился: Симеонъ ничего не могъ сдѣлать, основываясь на родовомъ преданіи. Сильнѣе былъ новый порядокъ, по которому сынъ наследовалъ отцу. Но этого порядка не могъ сдержать Урошь, принявшій изъ рукъ отца государство преобразованное. Крайность новаго порядка вскорѣ обнаружилась въ лицѣ нѣкоторыхъ бояръ. Душанъ, конечно, уничтожилъ семейныя которы Неманичей, случившіяся по поводу престолонаслѣдія, и съ ними ослабилъ вліяніе боярскаго сословія; но прежде бояре были только сторонниками того, или другаго князя и дѣйствовали только для князя, наблюдая выгоду своего сословія въ томъ, чтобы на престолѣ сидѣлъ князь ихъ стороны. Они не отваживались дѣйствовать однимъ своимъ именемъ и не позволили бы кому вибудь изъ своей среды стать выше другихъ; не позволили бы также иноземному государю сѣсть на Сербскій престолъ; но разрозненные Душаномъ, безъ сословнаго значенія, отдѣленные совершенно отъ царскаго дома, ставши въ почтительной дали, они считали теперь царскую власть единственнымъ источникомъ своего могущества, какъ прежде опирались на землю и область, въ которой жили, и потомъ на всю страну Сербскую. Несвязанные общностию сословія и единствомъ выгодъ, они возвысили свою личность и стали подыскивать одинъ подъ другимъ; они за-

¹ *Δραγαβιν τῶν Ζάρκου παῖδα; Κωνσταντίνου τοῦ Ζάρκου πατρός.* Corp. Script. Hist. Byz. L. Chalcocond., p. 49, 80.—Stritter, II, 349, 353, 354.—Орбини, стр. 239.—Dufresne, Famil. Dalm. et Slavon., гл. IV, § V; гл. XIV, § I.

² Орбини, стр. 239, 244. — Dufresne, Famil. Dalm. et Slavon., гл. XIV, § I.

³ Ч. II, стр. 840.

⁴ Corp. Script. Hist. Byz. L. Chalcocond., p. 28. — Stritter II, 335.

были и свою осѣдлость: всякій старался укрѣпиться и возвыситься тамъ, гдѣ поставила его судьба. Не далеко отсюда было и до мысли овладѣть самымъ источникомъ могущества, престоломъ, захватить въ свои руки верховную власть, какъ вѣрное средство стать выше другихъ. Болѣе возможности и средствъ къ тому имѣли областные намѣстники. А между тѣмъ передъ глазами всѣхъ въ Восточной Имперіи совершались соблазнительные примѣры нравственно-политическаго разврата. Пока былъ живъ Душанъ, сильная рука его сдерживала бояръ въ повиновеніи; но когда онъ умеръ, тогда, при слабости и близорукомъ Урошѣ, областные намѣстники отпали отъ общаго средоточія верховной власти, и каждый устремился къ самостоятельности. Не даромъ, по словамъ Бранковича, нѣкоторые «благовѣрнѣйшіе бояре совѣтовали Урошу отнять власть у Вукашина и другихъ подозрительныхъ намѣстниковъ и вручить ее убогимъ боярамъ ниже любимъ бяше¹». Не даромъ и лѣтописцы упрекаютъ его въ томъ, что онъ «византихъ мцѣстникъ и протѣкъ мѣиса старушскимъ съвети отивше младихъ же съвети примамъ и любу²». Старые бояре съ неудовольствіемъ видѣли возвышеніе Мырнявичей и вообще новыхъ временщиковъ, изъ коихъ многіе были высшими сановниками въ государствѣ. Слѣдствія самовластныхъ стремленій намѣстниковъ и бояръ скоро обнаружались. Самые Византийцы, скупыя на извѣстія о внутреннемъ бытѣ Сербіи, замѣчаютъ и передаютъ это явленіе: *ἐπεὶ δὲ ἐτελεύτησε βασιλεύς, ἕκαστος ἦν κατεῖχε χώραν ἐπιτετραμμένος ἤρχόν τε, καὶ ἀλλήλοις εἰρήνην συνθέμενοι σφῶν μὲν αὐτῶν τοὶ ἀπέιχοντο* — говоритъ Халкокондилъ³ и то же повторяетъ Кантакузинъ: *οἱ τε δυνατώτατοι τῶν παρ' αὐτοῖς ἐπιφανῶν τοῦς ὑποδεεστέρους ἀπελάσαντες ἐκ τῶν ἀρχῶν, καὶ τὰς ὁμόρους ἕκαστος πόλεις ὑφ' ἑαυτῷ πεποιημένος οἱ μὲν τῷ κράτῃ συνεμάχουν, οὐκ αὐτοὶ παρόντες, οὐδ' ὡς δεσπότη πειθαρχοῦντες, ἀλλὰ πέμποντες ἐπιμαχίαν, οἷα δὴ σύμμαχοι καὶ φίλοι, οἱ δὲ Ζίμωνι τῷ Σεῖφ' ἐνιοὶ δὲ αὐτῶν προσεῖχον οὐδετέρῳ ἀλλὰ τὴν οὐσαν δύναμιν συνέχοντες, τὸ μέλλον ἀπεσκόπουν, ὡς ἐκείνῳ προσθησόμενοι, ὅς ἂν τὸ πλεόν ἔχη καὶ εἰς μυρία τμήματα διαιρεθῆντες ἐστασίαζον*⁴. Тѣ же боярскія крамолы замѣчаетъ и Орбини⁵. Даже сама мать Уроша, Елена, выказывала хладнокровіе къ сыну: *Ἐλένη τε*—говоритъ тотъ же Кантакузинъ—*ἢ τούτου μήτηρ ὁμοίως ἀπεστύσα τῷ τε υἱῷ καὶ Σίμωνι τῷ τοῦ ἀνδρὸς ἀδελφῷ πόλεις πολλὰς ὑποκοιησαμένη* (въ томъ числѣ былъ городъ Серъ), *καὶ δύναμιν ἑαυτῇ οὐκ εὐ καταφρόνητον περιστήσαδα καὶ ἑαυτὴν εἶχε τὴν ἀρχὴν μηδετέρῳ πολεμουσα, μήτε μὴν συναιρομένη πρὸς τὸν πόλεμον*⁶. Но въ началѣ царствованія Урошъ обнаруживалъ нѣкоторую дѣятельность, какъ видно по грамотамъ. Онъ далъ нѣсколько грамотъ Дубровнику, касающихся торговли, земель и судоустройства (С., NN^o 45, 48, 49, 50, 53, 54). Въ 1357 году, 10 апрѣля, онъ подарилъ островъ Млѣтъ въ баштану двумъ своимъ «достовернымъ, угоднымъ и любимымъ» властелямъ, Басетѣ Баринчену Быволичичу и Трипетѣ Миховичу Бучичу съ потомствомъ, за ихъ «правовѣр-

¹ У Ранча, ч. II, стр. 792.

² Шафар., Памяти., стр. 54. — Arkiv za povjestn. Jugoslav., III, 1854. Стр. 14.

³ Corp. Script. Hist. Byz. L. Chalcocond., p., 29. — Stritter, II, 335.

⁴ Corp. Script. Hist. Byz. Cantacuz., v. III, p. 314. — Stritter, II, 340.

⁵ Стр. 253.

⁶ Cantacuzenus, ib. — Stritter, ib.

ное порябтаніе и послуженіе» (С. № 46; С.-Д. М. 1851). Того же года, 24 апрѣля, онъ подтвердилъ записъ своего отца, повелѣвшаго Дубровничанамъ отпускать ежегодно на Пасху 500 перп. Стонскаго дохода въ церковь Богородицы Синайской: преступающаго эту записъ онъ подвергаетъ наказанію «по законнику» (С. № 47). Въ 1358 году, 2 іюня, онъ подтвердилъ другую, подобную записъ своего отца: въ данной по этому случаю грамотѣ онъ назначалъ, въ силу отцовской записи, 1000 перп. Ерусалимской церкви архангеловъ Михаила и Гавріила, съ тѣмъ, чтобы деньги вносились Дубровникомъ два раза въ годъ по 500 перп. на Пасху и въ Дмитровъ день. Дубровничане вносятъ это количество до тѣхъ поръ, пока владѣютъ Стономъ; еслиже церковь Ерусалимская запустѣетъ, то доходъ ея переводится въ Святогорскіе Сербскіе монастыри, находящіеся подъ вѣдѣніемъ Хиандара. Грамота дана въ Призрѣвѣ (Г. А.). Отъ 1361 года есть въ Хиандарѣ его грамота, въ которой говорится о селѣ въ Струмѣ близъ Сереса, и отъ 1365 г., гдѣ говорится о селѣ Тръстеникѣ (Гр., стр. 51, NN № 25, 26). Въ томъ же году, 11 мая, Урошъ приписалъ Хиандару, по просьбѣ Святогорскаго старца Гомана Бранковича, церковь св. Архангела съ тремя селами, которыя онъ подарилъ въ баштину севастократору Бранку и которыя теперь сынъ послѣдняго, монахъ Романъ, съ согласія братьевъ своихъ, Григорія и Вука, уступалъ Хиандарской лаврѣ въ помятъ по своей душѣ (А. № 13). Изъ этой грамоты мы узнаемъ также, что севастократоръ Бранко бѣжалъ въ Булгарію и что послѣ него осталась три сына, монахъ Романъ, Григорій и Вукъ. При Урошѣ двое изъ братьевъ, Юрій и Вукъ «сыновья великаго севастократора Бранка, господина граду Охриду», по просьбѣ старшаго своего брата, монаха, грамотою своею, приложили къ Хиандарскому монастырю церковь св. Архангела съ нѣсколькими селами. Грамота начинается такъ: *по милости божіей и превысокаго царя Стефана Уроша Гюръ и братъ ею Влькъ* (Гр., стр. 52, № 33). Вукъ былъ зятень Лазаря, управлявшаго при Душанѣ Подунайскими землями, Сремомъ и Мачвою. Енгель и Ранчъ не поняли хорошо выраженія Халкокондила: *Βούλκω τῷ Ἐλεαζάρῳ τοῦ Πράυκω*¹ и сочли два лица за одно. По моему мнѣнію, лѣтописецъ хотѣлъ сказать, что Душанъ далъ Подунайскую землю Вуку, сыну Бранка, и Лазарю: тесть съ зятень могли сидѣть въ одномъ намѣстничествѣ. Самъ же Бранко, по свидѣтельству Халкокондила, былъ сынъ Планды². Еще писалъ Урошъ: *исслиримисе съ възлюблєннѣиши властѣи и властєднѣиши чѣлами и исстѣ испрєстѣио уиѣи дѣрєи дѣрєи ихъ* (А. № 13), а между тѣмъ своеволие водворялось. Безъ его согласія, Воиславъ, владѣвшій Которомъ, вступилъ въ войну съ Дубровничанамъ за соляной откупъ. Царь долженъ былъ помиритъ ихъ. Въ 1362 г., 22 авг., онъ далъ грамоту, въ которой говорилъ: *помяте дєтєрокнѣиши елѣхъ помлашнѣи ѿ чѣлами и складнѣише зєратѣ чѣлами стѣлѣтѣ конслѣиѣ и згѣдѣи чѣлами скоторѣ... и стѣрихъ ѿ... Впрєдѣ запрєщѣлѣ въ свѣдѣ съ царскѣиши властєднѣиномъ рѣтовѣти или искѣти зломъ Которѣ, но итѣи на судѣ къ царю; предавалѣ забвенію всѣ обидѣи и кровопролитїѣ, бывшіѣ въ войнѣ съ Воиславомъ; плѣннѣи люди и землѣи возвращѣются съ обѣлѣхъ сторонѣи и пр.* (С. № 55). Воиславъ далъ отъ себя грамоту въ засвидѣтельствованіе своей дружбы къ Дубровнику и ненарушимости усло-

¹ Corp. Script. Hist. Byz. Chalcocond., p. 28.—Stritter, II, 335.

² Βούλκω τὸν τοῦ Βράγγου τοῦ Πλαδίκω υἱόν. Corp. Script. Hist. Byz. L. Chalcocond., p. 53.—Stritter, II, 350.

вій солянаго откупа (С. № 56). Гибельнѣе были внутренніе раздоры въ самой Сербіи между ея намѣстниками. Сдѣсь кстати замѣчу, что распределение намѣстниковъ по Сербскимъ областямъ, сдѣланное Душаномъ, не было вполне таково, какииъ передалъ его намъ Халкокондилъ. Нѣтъ причины сомнѣваться въ самихъ областяхъ; но относительно нѣкоторыхъ намѣстниковъ можно думать, что лѣтописецъ принялъ для своего разсказа нѣсколько позднѣйшее время. Такъ мы уже видѣли, что сначала не Жарко, но отецъ его, севастократоръ Деянъ, былъ правителемъ Привардарской Македоніи; такъ Вукъ—Елеазаръ, сынъ Бранка, заключаетъ въ себѣ два лица, Вука Бранковича и Лазаря; такъ Вукашинъ не былъ еще при Душанѣ королемъ, ибо всѣ историки пишутъ, что только уже при Урошѣ Вукашинъ назвался королемъ: и это покажется весьма естественнымъ, если вспомнимъ, что Вукашинъ пользовался особеннымъ расположеніемъ Душана. Очень вѣроятно, что Урошъ, сдѣлавшись царемъ, вручилъ ему свое прежнее званіе, переименовавъ изъ деспотовъ въ короли. У Византійцевъ Вукашинъ является подъ названіемъ цесаря Войхны. Какъ король, онъ владѣлъ не только своею областію, полученною отъ Душана, quae a Rhettis excurrit ad Istrum, т. е., восточную частію Македоніи и западную Фракію, но и всюю собственною Сербіею. Братъ его, Углеша, какъ деспотъ, оставался намѣстникомъ въ его удѣлѣ. Урошу осталось одно только пустое титуло царя. Вукашинъ дѣйствовалъ съ неограниченною властію. Всѣ видѣли, куда стремились его честолюбивые замыслы: не замѣчалъ того одинъ только Урошъ. Бояре поднялись на Вукашина, и въ томъ числѣ Лазарь. Урошъ не могъ помирить ихъ, какъ прежде помирилъ Воислава съ Дубровникомъ; ибо не имѣлъ уже никакого значенія. Лазарь пригласилъ къ себѣ на помощь Людовика Угорскаго и прогналъ Вукашина. Людовикъ кстати опустошилъ часть Сербіи и, кажется, при этомъ случаѣ захватилъ Мачву; ибо въ 1368 году баномъ Мачвы является Николай де Гара, зять Лазаря ¹. Въ отношеніи Греціи, Вукашинъ дѣйствовалъ тайно въ союзѣ съ Матвѣемъ Кантакузиннымъ, котораго впрочемъ не замедлилъ выдать врагу его, Іоанну Палеологу: оба они были причиною вторичнаго вторженія Турокъ въ Европу. Освободившись отъ Матвѣя, Вукашинъ вскорѣ освободился и отъ Уроша. Этому послѣднему, не имѣвшему своей собственной области, наскучило жить попеременно у своихъ намѣстниковъ и кормиться ихъ хлѣбомъ: онъ задумалъ, было, бѣжать въ Дубровникъ; но прежде, чѣмъ успѣлъ, былъ убитъ на охотѣ Вукашиномъ, въ 1367 г. Онъ подписывался: *Стефанъ црѣнь царь Сръблякъ и Гръкомя*, или: *По мѣсти кѣи Стефанъ црѣнь кѣ хѣ кѣ владетарини црѣ Сръблякъ и Гръкомя*.

Король Вукашинъ представляетъ собою замѣчательную личность; онъ выражалъ вредную крайность новаго порядка вещей. Его дѣятельность составляетъ явленіе, встарину небывалое. Какъ пришлецъ при Сербскомъ дворѣ, онъ не носилъ въ себѣ ни искренности, ни преданности; не зналъ ни выгодъ страны, ни выгодъ сословныхъ, ни выгодъ ослѣдности, съ которыми дѣйствовалъ, на пр., бояре Зетскіе, возводя на престолъ королевичей, проживавшихъ въ ихъ землѣ, или бояре Сербскіе, предупреждая Греческое вліяніе въ своемъ отечествѣ; онъ не питалъ благодарности и къ тѣмъ, которые любили и возвысили его. Вукашинъ дѣйствовалъ единственно для своей личной пользы во вредъ странѣ, которая пріютила его. Хитрость, коварство, жестокость служили ему

¹ Engel, Gesch. v. Serv. u. Bosn. Str. 113.

пособіемъ при осуществленіи себялюбивыхъ замысловъ. Прежніе бояре ограничивались тѣмъ, что способствовали низведенію однихъ и возведенію другихъ: выйти изъ своего сословія, сѣсть на престолъ — на это они не отваживались; но Вукашинъ не позаботился о преемникѣ Урошу; всю власть онъ оставилъ въ своихъ рукахъ. Онъ первый посягнулъ на вѣнчанную особу изъ своихъ собственныхъ видовъ; за нимъ и Лазарю легко было взойти на престолъ и вѣнчаться вѣнцомъ Немани. Если въ послѣдствіи мы видимъ Вукашина въ войнѣ съ Турками, то единственно по тому, что его владѣнія первыя подлежали Турецкому нашествію. Онъ управлялъ первоначально Дакією и Македонією; братъ его, Гойко, Булгарією, а другой братъ, Углеша, Янниною и областями, завоеванными у Греціи: такъ распорядился Душанъ. Разумѣется, Вукашинъ не довольствовался этимъ званіемъ и уже при Урошѣ завѣдываеъ всѣми дѣлами царства въ званіи короля и соправителя царскаго. Теперь, сдѣлавшись обладателемъ престола, онъ владѣнія свои отдалъ братьямъ и Углешу сдѣлалъ деспотомъ всѣхъ Сербскихъ земель. Есть одна грамота Углеши о надареніи Хиландара церковью св. Николая въ селѣ Вранѣ и церковью въ Лучанахъ съ селами Вранемъ и Трьновцами, въ которой Углеша титулуется: *Въ Христа Бога благовѣрный кесарь Углеша, господарь Серблемъ и Подунавію и всѣхъ западныхъ странъ* (Гр., стр. 52, № 31). Сличимъ съ этимъ слова летописца: и възлагаетъ (вѣнчаетъ) на сѣ князь кралевства сръбского, братоу же своему оуглаши вѣнчуетъ ермии земли грьбскыи съ самоу деспотскимъ усти¹. Значитъ, Углеша правилъ при немъ прежними удѣлами въ отнятыхъ у Греціи областяхъ. Не надобно забывать, что не смотря на воцареніе Вукашина, другіе вѣнчаники оставались въ своихъ областяхъ. Въ 1368 г. Вукашинъ заключилъ союзъ съ Иоанномъ Палеологомъ, а въ слѣдующемъ Мурадъ явился во Фракіи. Сначала Вукашинъ одержалъ надъ нимъ побѣду, но въ 1371 г. былъ разбитъ при Тенарѣ. Братья его, Углеша и Гойко, погибли въ сраженіи; самъ же онъ былъ убитъ слугою во время бѣгства. Мы имѣемъ грамоту Вукашина, въ которой онъ подтверждаетъ, въ 1370 г., апр. 5, Дубровничанамъ всѣ договоры и записи, данныя прежними Сербскими государями (С. № 62). Въ грамотѣ онъ говоритъ о себѣ: *пѣстакъ ми (хъ) гдѣи земли сръбской. и грьбѣ и западныи странами, и по примѣру прежнихъ царей упоминаетъ о своей супругѣ и сыновьяхъ: и по всѣ дни кесалирѣмисѣ къ земли кралѣвскими съ призолюбивниномъ кралѣвскими Кралюномъ Кралуномъ (Крѣа Еленомъ). и съ призолюбивниномъ Сѣоки кралѣвскими маркомъ и андрѣишскимъ. Изъ грамоты видно, что Вукашинъ считалъ себя уже не правителемъ, но истиннымъ государемъ и королемъ Сербіи. Его подпись такова: *Въ Хѣ Бѣа Благократи и Хѣлюбѣи Вѣлѣшнѣи Кралѣ. Изъ сыновей его замѣчательнѣе другихъ королевичъ Марко, котораго народъ обезсмертилъ въ своихъ пѣсняхъ. Отъ Углеши остались три сына: Иоанъ, Твердиславъ и Стефанъ². Изъ рукописнаго Житія деспота Стефана³ открывается, что мать ихъ, жена Углеши, была дочь какого-то цесаря и родственница Милицы, супруги Лазаря. Отъ Твердислава Углешича мы имѣемъ коротенькую грамоту, не помѣченную годомъ, съ печатью, изображающею воловью голову: въ ней Твердиславъ заключаетъ дружбу и единство съ Дубровникомъ; о торговлѣ же не упоминаетъ (С. № 58). Истребленіе царскаго дома и воцареніе боярскаго раз-**

¹ Шафар. Памятн., стр. 54.

² Гласникъ, ч. V, стр. 300.

³ См. Введеніе, стр. 23, примѣч. 5.

взяло руки и прочим боярамъ. Теперь они выступили на первое мѣсто, и нѣтъ уже передъ собою затѣняющей и связывающей ихъ власти. Они не считали себя обязанными повиноваться такому же, какъ они, боярину, и каждый сталъ промышлять о себѣ. По смерти Уроша, Вукашина не могъ собрать и сдержать Сербской земли: она распалась на отдѣльныя части. Это событіе занесено лѣтописцемъ ¹: ему должно приписать и неудачныя дѣйствія Вукашина противъ Турокъ. Частью земель Вукашина, Нишемъ, Новобрьдомъ и Приштиною завладѣлъ Лазарь; область Плакида досталась внуку послѣдняго, Вуку Бранковичу, зятю Лазаря. Въ Македоніи являються прежніе намѣстники, Жарко и Богданъ. Относительно перваго я замѣчу, что едва ли онъ былъ живъ въ это время, хотя историки и почитаютъ его живымъ, основываясь на одномъ мѣстѣ у Халкокондила, что Драгаша названъ вождемъ Жарка ². Правда, Драгаша могъ быть вождемъ отцовскаго войска, однако мѣсто это въ достовѣрности уступаетъ другимъ мѣстамъ того же лѣтописца, гдѣ Драгаша и Константинъ называются сыновьями Жарка. Съ другой стороны то, что лѣтописецъ выводитъ дѣйствующими лицами не отца, но сыновей, а также грамота 1379 года, въ которой Евдокія съ сыномъ Константиномъ распоряжается родовымъ имѣніемъ, не упоминая о мужѣ, равно какъ грамота деспота Драгаша отъ 1377 года ³, довольно ясно показываютъ, что Жарко умеръ еще при Урошѣ. Драгаша принялъ послѣ отца правленіе и титулъ деспота, а Константинъ назвался господаремъ. На двухъ грамотахъ 1377 года, упоминаемыхъ Григоровичемъ, подписаны оба вѣстѣ, Драгаша и Константинъ, но въ третьей, 1385 года, Константинъ отъ одного своего имени говоритъ о церкви, созданной его братомъ, Дмитріемъ. Имя Дмитрія, безъ сомнѣнія, принадлежитъ Драгашѣ и есть инокское (Гр., стр. 82, NN^o 31, 32). Оба намѣстника, и Драгаша и Богданъ, покорились Мураду. Изъ дарственной Хиландару грамоты Евдокии и Константина 1379 года (А. N° 14) видно, что покорившіеся намѣстники оставались въ прежнихъ своихъ владѣніяхъ. Но грамота эта не утверждена Лазаремъ: это свидѣтельствуетъ, что земля между Вардаромъ и Струмою уже принадлежала Туркамъ. Въ концѣ грамоты выражена надежда на избавленіе отъ врага: зовемъ же аки шина краги и снесатъ шина, издохшии и помершии. Константинъ, а по другимъ, и Драгаша погибли вѣстѣ съ Маркомъ Кралевичемъ въ битвѣ при Ровинахъ, гдѣ Мирча, воевода Угровлахійскій, разбилъ Баязида, въ 1394 году ⁴. На западѣ, между Босною и Сербією, сталъ, было, усиливаться бояринъ Николай Алтомановичъ, захватившій часть Сербскихъ земель, ок. 1374—1374 г.; Тврьтко и Лазарь отняли у него пріобрѣтенія и ограничили однимъ родовымъ владѣніемъ, Ужицею. Въ Зетѣ сидѣли Балшичи, которые ясно обнаруживали свою цѣль—достиженіе независимости. Въ сѣверной Албаніи утвердился Юрій Кастріотъ, даникъ Турціи.

Таково было положеніе дѣлъ, когда Лазарь принялъ на себя управленіе Сербією. По примѣру Вукашина, онъ считалъ это дѣло возможнымъ и законнымъ. Къ тому же изъ Неманьчей не было уже никого. Большая часть лѣтописцевъ и историковъ считаютъ его сыномъ какого то боярина, по нѣкоторымъ Прибаца, выросшимъ при царскомъ дворѣ; но вѣроятнѣе то, что Лазарь былъ незаконнымъ сыномъ Ду-

¹ Гласникъ, ч. V, стр. 71, 72.

² *Drăgăbun tōn Zărkov ŋucōva*. Corp. Script. Hist. Byz. L. Chalcocond., p. 38. — Stritter, II, 349.

³ Аврамовичъ, О. Д. С. у С. Г. Стр. 78.

⁴ Лѣтописи у Шафаръ въ Памят., стр. 72. — Arkiv za povjestn. Jugoslav., III, стр. 16.

шана. Въ этомъ свидѣтельствуютъ Дука ¹ и сочинитель Цароставника ². Первый говоритъ: *ὁ τότε τὴν Σερβίαν κρατεύων Λάζαρος υἱὸς Στεφάνου τοῦ κράλη Σερβίας*. Чтобы породить его съ Неманичами, лѣтописцы Сербскіе придумали родословную жены его, Милицы, происходившей будто бы отъ Вукана, брата Стефана Первовѣчаннаго³; одинъ же изъ нихъ называетъ мать Лазаря дочерью Милутина отъ дочери Греческаго императора Андроника ⁴. Въ 1376 году Лазарь выхлопоталъ у Византійскаго патріарха разрѣшеніе клятвы, наложенной на Сербію при Душанѣ за учрежденіе Сербскаго патріаршества, и въ томъ же году вѣнчался на царство. Въ 1380 г. былъ на Авоиѣ и далъ грамоту, которою подарилъ Халандарской больницѣ село Елчаницу со всѣми межами, правинами и заселками. Подпись: *Въ Христа Бога благовѣрный самодержавный господинъ Серблемъ и Подунавію Стефанъ князь Лазарь* ⁵. Въ томъ же году Лазарь пожаловалъ вновь выстроенной имъ церкви Введенія въ монастырѣ Ждрелѣ Браничевскомъ или Горнякѣ нѣсколько сель, лежащихъ по рѣкамъ Млаваѣ и Дунаю. Сдѣсь онъ титулуется *княземъ самодержцемъ всей Сербской земли*. Церковь отана въ управленіе старцу Григорію Синаиту съ братією, участвовавшимъ въ ея построении. Въ 1385 г. патріархъ Спиридонъ, своею грамотою, подтвердилъ игуменство за Григоріемъ и его преемниками изъ того же монастыря ⁶. Въ слѣдующемъ, 1384, году Лазарь, по просьбѣ и въ память «брата» своего, челника Мамы, подарилъ церкви св. Пантелеймона въ Русикѣ село Длабе или Горній Закутъ съ зеселками. Титулъ: *Въ Христа Бога благовѣрный Стефанъ князь Лазарь Серблемъ и Подунавію* (Гр., стр. 81, № 29). По смерти Людовика, Лазарь завоевалъ снова Мачву съ Бѣлградомъ. Въ 1386 году Турки взяли Нишъ, и Лазарь заключилъ съ ними миръ, обязавшись платить ежегодную дань. Въ 1388 г. Лазарь и Тврьтко задумали общій союзъ противъ Турокъ, а Юрій Кастриотъ уже успѣлъ уничтожить отрядъ Турецкаго войска; но въ слѣдующемъ, 1389, году Мурадъ предупредилъ союзниковъ и съ огромнымъ войскомъ вторгнулся въ Сербію. Лазарь встрѣтилъ его съ одними Сербами на Косовомъ полѣ. Сдѣсь дана была битва. Мурадъ и Лазарь пали. Въ Сербскомъ народѣ сохранилось преданіе, что Косовское дѣло проиграно черезъ измѣну Вука Бранковича, который съ своимъ войскомъ ушелъ съ поля битвы. Исторія записала это преданіе на своихъ страницахъ. Мы не имѣемъ причины отвергать свидѣтельства того и другой. Какъ Вукашинъ измѣнилъ Урошу, такъ и Вукъ могъ измѣнить Лазарю. Теперь не было уже старины. Неманичи перевелись; престолъ Сербіи сдѣлался предметомъ сомскательства. Нѣсколько боярскихъ личностей возвысились на развалинахъ боярскаго сословія, и каждая изъ нихъ считала возможнымъ взойти на престолъ. Нравственный развратъ, развивавшійся подъ вліяніемъ сосѣдней имперіи, дѣлалъ ихъ неразборчивыми на средства къ достиженію задуманной цѣли. Если Вукашинъ овладѣлъ престоломъ черезъ убійство, то Вукъ хотѣлъ пріобрѣсти престолъ черезъ измѣну. Мы имѣемъ отъ него грамоту, данную Дубровничанамъ въ Приштинѣ, 20 генв., 1387 года (С.

¹ Сопр. Свирт. Ист. Вук. Двѣм, с. Ц, р. 15.—Stritter, II, 360.

² У Ранча, Ч. III, стр. 6.

³ Лѣтописи у Шафар. въ Памят., стр. 62, 72. — Arkiv za povjestn. Jugoslav, III, стр. 14.

⁴ Гласникъ, ч. V, стр. 78.

⁵ Эту грамоту приводитъ Ранчъ въ своей Исторіи (ч. III, стр. 25) Не събъ этой ли грамотѣ упоминаетъ Григоровичъ подъ 1371 г.? (Шутель, стр. 51, № 20.)

Вукъ, Путешествіе по Сербіи, стр. 71 и 72.

№ 73). Эта грамота не есть какой либо особый договоръ, но только подтвержденіе прежнихъ грамотъ: и доиссѣше кнѣзь (князю Лазарю) зуписавше великого гѣа прѣа Стефана и гѣа нмь кнѣзь не потвори не мѣу и потверди такоге (также) и къ мѣ догоси нмѣ рѣши властѣ дубровлужи и и вѣльмь вѣдѣхъ писавше великого гѣа прѣа Стефана и гѣаши кнѣза (Лазаря) такоге не поткорѣи не мѣу и потверди. Другою грамотою (С. № 69) онъ подтвердилъ первую свою грамоту. Еще просилъ онъ у Дубровничанъ позволенія положить къ нимъ вкладъ и прийти въ ихъ городъ, и Дубровничане отвѣчали грамотою (С. № 76): Вукъ Бранковичъ, супруга его, Мара, и сыновья ихъ, Григорій, Юрій и Лазарь, могутъ, когда хотятъ, положить и обратно взять свой вкладъ; если же Угры, или Турки отнимутъ у нихъ державу, то Дубровникъ принимаетъ ихъ къ себѣ и защищаетъ отъ непріятелей. Изъ этихъ грамотъ не видно, чтобы Вукъ подыскивалъ престолъ подъ Лазаремъ. Съ нимъ, какъ правителемъ особаго участка, Дубровничане могли вести переговоры, подобно тому, какъ вели ихъ съ боярами Травунскими и Хлумскими.

Косовская битва составляетъ самое важное событіе въ судьбахъ Сербіи. Съ этой поры Сербія утратила свою независимость, и хотя Турки не касались ея внутренней жизни, ни ея народности, однако она не могла уже приобрести себѣ государственной самостоятельности. Только небольшая область *Зета* еще оставалась свободною. Мы видѣли, что изъ всѣхъ Сербскихъ областей одна только Зета постоянно принадлежала Сербіи, составляя удѣлъ королевскихъ родичей. Сдѣсь, во время Уроша V, являются владѣтелями Страшимиръ, Юрій и Балша, дѣти Балши, который, вѣроятно, былъ поставленъ сдѣсь Душаномъ, какъ намѣстникъ. Енгель ¹ говоритъ, что Балшичей поставилъ жупанами надъ Зетою Тврьтко и, чтобы держать ихъ въ повиновеніи, построилъ Бастарникъ при устьи Неретвы и Новый (Castelnuovo) въ Драчевицѣ, ок. 1373 г. Это извѣстіе Енгель взялъ у Шмюка; однако послѣдній не говоритъ ничего о постановленіи Балшичей жупанами, а только о покореніи ихъ Тврьткомъ ². Нѣтъ причины думать, чтобы Тврьтко не могъ подчинять себѣ на нѣкоторое время Балшичей; но приводимыя историками доказательства не доказываютъ ничего. Положеніе Бастарника не имѣетъ отношенія къ Зетѣ; также и Драчевица не принадлежала къ Зетѣ. Она еще при Константинѣ Багрянородномъ составляла одну изъ жупъ Травуни ³ и оставалась таковою до позднѣйшихъ временъ. На этомъ основаніи Стефанъ Томашевичъ уступилъ ее, въ 1451 году, Дубровнику (С. № 140); а такъ какъ Босна находилась подъ верховною властію Угринъ, то и Угорія считала себя въ правѣ распоряжаться нѣкоторыми туземными дѣлами. Это ясно показываетъ грамота Маріи Угорской, гдѣ и Которъ и Драчевица считаются собственностію Угринъ ⁴. Также и то, что Балшичи обращались къ папѣ, не доказываетъ ничего: это была общая политическая уловка тогдашнихъ Сербскихъ владѣтелей, поставленныхъ между двумя огнями, Греціею и Угріею. При грозѣ со стороны Запада они всегда обращались къ папѣ съ обѣщаніемъ вступить въ лоно Римской Церкви, и папа бралъ ихъ подъ защиту апостольскаго престола. Напротивъ, грамота Уроша V 1360 г., 29 сентября. (С. № 54), гдѣ Царь позволяетъ Дубровническимъ торговцамъ дѣ гредѣ на хутѣ на вѣлннннн, ясно показываетъ, что Зета зависѣла отъ Сербіи, а

¹ Gesch. v. Serv., ч. Vasa, стр. 324.

² Politische Gesch. d. K. Bosn. u. Rama, стр. 84.

³ Шафаръ, Slov. Starožit., II, IV, 659. Слав. Древн., II, I, 447.

⁴ Schwandt., Scriptor. rer. Hungaric., III, 138.

не отъ Босны. Впрочемъ, какъ сказано выше, можно допустить, что по смерти Уроша, когда, во время безначалія, разъединились Сербскіе намѣстники, Твртко успѣлъ захватить Зету. Въ грамотѣ всѣхъ трехъ Балшичей, Страшимира, Юрія и Балши, отъ 1368 года, 17 генваря (С. № 63), упомянуто весьма глухо одно замѣчательное обстоятельство; вотъ оно: и сие записмо ниже широкаго брода з лѣше нди се дже срѣциширѣ и гюргъ и ваде вѣматн (?) нди ндѣхъ изъ карал. Сдѣсь разумѣется или сосѣдъ ихъ, Карлъ Драцкій, родичъ Людовика и соперникъ Маріи Угорской, или, что вѣроятнѣе, зять Юрія Балшича, Карлъ Товій, о которомъ Орбини, безъ всякихъ подробностей, говоритъ, что онъ захватилъ въ плѣвъ Юрія Балшича и не иначе освободилъ, какъ по ходатайству Дубровничавъ; миръ между обоими состоялся въ 1376 году ¹. Отъ того-то въ грамотѣ и упомянуты только два брата. Но у Орбини годъ выставленъ невѣрно, ибо на слѣдующей же страницѣ читаемъ, что Юрій Балшичъ умеръ въ 1374, а по лѣтописямъ ² въ 1373 году, т. е., двумя, или тремя годами ранѣе примиренія, что нелѣпо. Въ 1372 г., 30 ноября, за годъ до своей кончины, Юрій Балшичъ далъ Дубровничанамъ другую грамоту отъ себя и отъ своего брата, Балши, и племянника, Юрія Страшимировича (С. № 64), въ которой ссылается, относительно царины, на уставъ царя Стефана: — опять указаніе на связь Зеты съ Сербією. Справедливѣе то, что Юрій Балшичъ завоевалъ часть Боснійскихъ земель ³. Очень можетъ быть, что онъ, пользуясь обстоятельствами, подобно Николаю Алтомановичу и одновременно съ нимъ, старался распространить свои владѣнія на счетъ сосѣдей. На сѣверъ отъ Зеты лежала Травунія, на югъ Албанія. Грамоты наши свидѣтельствуютъ, что Балшичи обращали вниманіе на ту и на другую. Страшимиръ уже умеръ, и хотя у него остался сынъ, Юрій, однако Зетою началъ управлять, по старинному Славянскому обычаю, старшій по немъ братъ, Юрій Балшичъ. Въ упомянутой грамотѣ этого послѣдняго отъ 1372 года мы видимъ, что дѣйствительно Юрій Балшичъ, во время междупарствія въ Сербіи, захватилъ часть приморья около Дубровника и требовалъ себѣ Сербскаго дохода; но онъ готовъ былъ уступить этѣ земли новому и законному царю Сербіи, а не Вукашину: и ако тво вѣде — писалъ онъ — црѣ гдѣ срѣлѣ и кѣтѣлѣ и зѣмли срѣскои да вѣсѣ дръжѣни кѣтѣлѣ дѣзрѣвѣни дати мѣѣ доходѣни ишишисамога. Такъ какъ Сербскіе государи получали доходъ за Травунскія и Хлумскія земли, уступленныя Дубровнику, и такъ какъ Хлумъ давно уже отошелъ къ Босніи, а Травунія досталась ей послѣ Душана или, вѣрнѣе, Уроша V, то, естественно, Юрій Балшичъ долженъ былъ стать въ непріязненное положеніе къ Боснійскимъ владѣтелямъ. Онъ дѣйствовалъ именно въ то время, когда Травунія и Сербскій доходъ колебались между Сербією и Босною. Въ этомъ отношеніи онъ былъ послѣднимъ представителемъ Сербіи. Вслѣдъ за тѣмъ, въ 1378 году, видимъ Сербскій доходъ въ рукахъ Твртка, а владѣтелей Травуніи, Санковичей, въ подданствѣ Босны. Въ своей грамотѣ, данной въ этомъ самомъ году, 10 апрѣля, Твртко требуетъ себѣ Сербскаго дохода и въ числѣ свидѣтелей приводитъ жупана Бѣляка Санковича (С. № 66). Вѣроятно, Новый, построенный Тврткомъ, былъ однимъ изъ пограничныхъ мѣстъ съ владѣніями Балшичей по тому, что и доселѣ нѣсколько южнѣе его лежитъ городокъ Балшичъ. Въ

¹ Стр. 244. — Engel, Gesch. v. Serv. u. Bosn., стр. 338.

² Шафар., Памятн., стр. 72.

³ Engel, Gesch. v. Serv. u. Bosn., стр. 338.

1379 году уже не было въ живыхъ Юрія Балшича; грамоту даетъ меньшей братъ, Балша Балшичъ (С. № 67), который, въ 1385 году, именуется воеводою Драцкимъ (С. № 70). Изъ первой его грамоты видно, что еще при Юриѣ Дубровникъ платилъ какия-то деньги за Дань и Криву-Рѣку; во второй своей грамотѣ онъ, между прочимъ, освобождаетъ Дубровничанъ отъ царины, которой не было при царѣ Стефанѣ и Юриѣ Балшичѣ. Первая писана въ Рѣтцѣ, вторая въ Тузахъ близъ Плучи. Смыслъ обѣихъ грамотъ и отсутствіе въ нихъ имени племянника Балши, Юрія Страшимировича, показываютъ, что Балша наследовалъ, по смерти братьевъ, ихъ владѣнія, по старому обычаю, какъ общую родовую собственность. Медаковичъ утверждаетъ, что будто бы Балша Балшичъ владѣлъ Драчемъ, а Юриѣ Страшимировичъ Зетою и Приморьемъ¹. Но о такомъ раздѣлѣ мы ничего не знаемъ. Напротивъ ссылка на братьевъ и царя Стефана показываетъ, что Балша вступилъ въ права всѣхъ своихъ предшественниковъ. Дань, Крива-Рѣка, Рѣтцъ и Тузы близъ Плучи, упоминаемые въ его грамотахъ, вовсе не относятся къ Драчу, и хотя въ одной грамотѣ онъ именуется себя дѣмъ драхини, но прибавляетъ и ошъ. Очень можетъ быть, что Драчъ былъ имъ недавно пріобрѣтенъ, какъ пишетъ Орбини²; а за нимъ другіе, и по тому онъ преимущественно упомянулъ его въ своемъ титулѣ. Важнѣе то, что въ грамотѣ не упомянутъ Юриѣ Страшимировичъ. При общности владѣнія можно, разумѣется, допустить, что у Юрія былъ свой удѣлъ; но во всякомъ случаѣ дѣлать обонхъ равными и независимыми владѣтелями невозможно. Грамоты Балши, преданіе, ему одному приписывающее то войну съ Лазаремъ, то шествіе на помощь къ Лазарю передъ Косовскою битвою, словомъ, вся дѣятельность Балши свидѣльствуютъ, что онъ главнѣйшимъ образомъ завѣдывалъ всею Зетою и первенствовалъ въ правленіи. И это преимущество въ правахъ дяди передъ племянникомъ, основанное на древнихъ Славянскихъ родовыхъ счетахъ, очень понятно и естественно въ такой странѣ, какова Зета, гдѣ не было совершенно преобразования въ этомъ отношеніи и которая до сихъ поръ свято хранитъ у себя стародавніе обычаи. Съ этой же точки зрѣнія смотритъ и Орбини на порядокъ преемства въ родѣ Балши. Въ 1385—1386 г. Балша Балшичъ палъ въ сраженіи съ Турками на поляхъ Бѣлогородскихъ, а по Орбини, на полѣ Косовомъ при рѣкѣ Воюшѣ³. Послѣдній годъ, въ которомъ находимъ его грамоту, отъ 24 апрѣля, есть 1385-й; а въ слѣдующемъ, 27 генваря, племянникъ его, Юриѣ Страшимировичъ, уже отъ одного своего имени даетъ грамоту Дубровничанамъ; слѣдовательно, въ этотъ промежутокъ времени долженъ былъ умереть Балша. И такъ несправедливо Битголъ и Орбини относятъ его смерть къ 1383 году, какъ замѣчаетъ и Андричъ; несправедливо также и то, что Балша ходилъ на помощь къ Лазарю въ 1389 году. Балша Балшичъ былъ, какъ говорятъ, женатъ на одной изъ дочерей Лазаря; но на какой именно — этого ни преданіе не помнитъ, ни историки не могутъ рѣшить. Лѣтописцы сообщаютъ только, что онъ былъ женатъ на дочери Лазаря⁴, но не выставляютъ ея имени. Впрочемъ позднѣйшій лѣтописецъ указываетъ на ея имя, говоря, что сынъ Балши былъ сначала обрученъ съ Милевою, но когда эта вышла за Баязида, то женился

¹ Повѣстница Црлегоре. У Земуну. 1850. Стр. 24.

² Стр. 245.

³ Орбини, [стр. 245. — Engel, Gesch. v. Serb. u. Bosn., стр. 339. — Андричъ, Geschichte des Fürstenthums Montenegro. Wien. 1853. Стр. 5.

⁴ Шафаръ, Памяти, стр. 73. — Arkiv za povjestn. Jugoslav., III. 1854. Стр. 16.

на другой сестрѣ, вдовѣ Милоша Обилича ¹, т. е., Вукосавѣ. Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ находятъ имена и Мары и Елены и Милевы ². Милаковичъ ³, слѣдую Орбини, называетъ ее Деспиною; напротивъ Милутиновичъ отдастъ преимущество народному преданію, называющему жену Балши Еленою ⁴. Видя такое несогласіе и противорѣчіе въ именахъ одной и той же дочери Лазаря, прочіе Черногорскіе историки воздерживаются отъ упоминанія ея имени, говоря, что по возшествіи на престолъ Лазаря Зета, отпавшая при Букашинѣ, снова присоединилась къ Сербіи, и князь ея, Балша, женился на дочери Лазаря; или утверждая, согласно съ народнымъ преданіемъ, что Балша три раза удачно воевалъ съ Лазаремъ, не желая покориться ему, и только, женившись на его дочери, присоединился къ Сербіи. Замѣчательно свидѣтельство Орбини, который, надобно сознаться, весьма вѣрно и согласно съ грамотами представляетъ семейство Балши. Орбини женилъ не Балшу Балшича, а Юрія Страшимировича на Деспинѣ, вдовѣ Шишмана Булгарскаго ⁵. За нимъ повторяютъ Дюфренъ ⁶ Ранчъ ⁷, и Ангель. Послѣдній, вѣроятно, соображая время жизни Шишмана Булгарскаго со смертью Балши, котораго хоронить въ 1383 г., назначаетъ бракъ Деспины съ Юріемъ Страшимировичемъ позже 1390 года ⁸. Самъ же Балша Балшичъ, по свидѣтельству Орбини, былъ сначала женатъ на дочери деспота Бѣлградскаго (въ Албаніи), а потомъ на Еленѣ Клапенѣ, ушедшей отъ мужа своего, Марка Кралевича, и передавшей ему Касторію ⁹. Также и Петръ Петровичъ Нѣгушъ называетъ Юріемъ Балшича, жематаго на дочери Лазаря, не говоря именно на какой ¹⁰. Напротивъ Андричъ, видя такую путаницу, вовсе не допускаетъ того, чтобы Балша, или кто либо другой, былъ женатъ на дочери Лазаря ¹¹. Можно только допустить, какъ предположеніе, что за Балшу была просватана одна изъ дочерей Лазаря, но обстоятельства помѣшали браку; память народная часто смутно передаетъ событіе, и сватовство превратилось въ женитьбу. Тогда какъ одни лѣтописцы прямо различаютъ дочерей Лазаря, бывшихъ за Шишманомъ и Балшичемъ ¹², другой слабо сохраняетъ древнѣйшее и, какъ кажется, болѣе достовѣрное преданіе о сватовствѣ Балшича за Милеву, но въ то же время, не устоявъ противъ общаго повѣрія, женилъ Балшича на вдовѣ Милоша. Но кто былъ этотъ Балшичъ? Лѣтописецъ называетъ его сыномъ Балши; но у Балши Балшича, мы знаемъ, не было сыновей: очевидно, онъ разумѣетъ сдѣсь самого Балшу Балшича или сына перваго Балши. За то далѣе онъ опять впадаетъ въ смутныя

¹ Гласникъ, ч. V, стр. 79, 93.

² Милаковичъ, Кратка исторія Црне-Горе (Гранца. 1835. У Црној Гори.) Стр. 56. Примѣч.

³ Тамъ же.

⁴ Исторія Црне-Горе. Стр. 2.

⁵ Стр. 246.

⁶ Famil. Dalm. et Slavon., гл. V, § III; гл. XII, § VI.

⁷ Ч. III, стр. 10, 11. Кажется, Милутиновичъ ошибается, говоря, что Ранчъ жену Балши именуетъ Марою. (Исторія Црне-Горе, стр. 2. Примѣч.)

⁸ Gesch. v. Serb. u. Bosn., стр. 332. Впрочемъ, годъ смерти Шишмана положительно не извѣстенъ.

⁹ Стр. 244.

¹⁰ Montenegro und die Montenegriner, Stuttgart und Tübingen. 1837. Стр. 10 (Reisen und Länderbeschreibungen der älteren und neuesten Zeit. Herausgegeben von Dr. E. Widenmann und Dr. H. Hautt. Fünfte Lieferung. Stuttgart und Tübingen. 1837).

¹¹ Geschichte des Fürstenthums Montenegro. Стр. 8.

¹² Шафаръ, Памяти; стр. 73.—Arhiv za povjestn. Jugoslav., III. 1854. Стр. 16.

народныя преданія и этому Балшичу, женатому, по его словамъ, на Вукосавъ, ошибочно приписываетъ дочь Ангелину, супругу деспота Стефана Юрьевича, которая, какъ извѣстно, была дочерью Стефана Арванита. Равнообразно, только въ видѣ догадки, можемъ предположить, что не Балша, а Юрій Страшимировичъ былъ женатъ на Деспинѣ; на это нѣтъ ни доказательствъ положительныхъ, ни опроверженій; но во всякомъ случаѣ женитьба эта состоялась послѣ смерти Лазаря. Годъ смерти Балши Балшича не всѣмъ извѣстенъ. Большая часть историковъ, какъ то: Давыдовичъ¹ Милаковичъ, Милутиновичъ, Медаковичъ, Ковалевскій² и Поповъ³ посылаютъ Балшу, а П. П. Нѣгушъ Юрія Балшича на помощь къ князю Лазарю на Косово поле; но они забываютъ, что въ это время Зетою уже правилъ Юрій Страшимировичъ, который, по свидѣтельству Орбини и Дюфрена, заимствованному, вѣроятно, изъ народнаго преданія и повторенному послѣ нѣкоторыми другими писателями, убилъ Вука Бранковича, прибѣжавшаго къ нему изъ Турецкаго плѣна. Едва ли можно допустить, чтобы кто либо изъ Балшичей ходилъ на помощь Лазарю, ибо объ этомъ молчатъ и Ранчъ и Енгель; а если ужъ дѣйствительно шелъ, то, конечно, не Балша Балшичъ, а Юрій Страшимировичъ. Впрочемъ, надобно еще замѣтить и то, что большая часть историковъ, кромѣ Милаковича и Медаковича, которые дѣйствительно говорятъ о Балшѣ Балшичѣ, не уясняютъ себѣ имени Балши; а оно было не болѣе, какъ родовымъ именемъ Балшичей, начавшимся отъ Балши I. За Балшею слѣдовалъ племянникъ его, сынъ старшаго его брата, Юрій Страшимировичъ. Вотъ какъ начинается онъ свою грамоту отъ 1386 года: «*всѣмъ мощица сило прѣстаго дѣа тѣбѣ слава и къ тронци. къ бѣчи же рѣки и сини и къ стѣмъ дѣа тронца прѣста слава тѣбѣ. къ тѣбѣ вѣрнѣкс и тобою приимъ вѣстельнѣю бѣгодѣ процистниць (процистни) бѣраси бѣосадни къ родѣ мощи. мѣткани и мѣнниць стѣ мой прѣродитѣль синиона ишлини. прѣаго мирототѣца срѣнскаго и стѣа слава..... къ стѣи своѣи бѣи зѣаки творни уѣдѣса. тѣмѣж и азъ къ дѣа бѣи бѣгокарни и слаодержавни гѣи гюргъ вѣсон зѣтскои и поморскои земли (С. № 71). Мы видимъ, къ чему клонится такая рѣчь. Начало грамоты сходно съ началомъ нѣкоторыхъ грамотъ Боснійскихъ королей и отличаетъ приемы уже независимаго и самовластнаго государя. Родъ свой Юрій ведетъ отъ Немани. Касательно его происхожденія замѣчу, что хотя Сербскіе и Боснійскіе владѣтели, всѣ вообще, предъявляли свое родство съ домомъ Немани, будучи вовсе чужды ему, тѣмъ не менѣе лѣтописцы и историки упоминаютъ о какомъ-то родствѣ Юрія съ Неманичами по женскому колѣну. Пользуясь этимъ, хотя и отдаленнымъ, родствомъ съ Неманею и своимъ положеніемъ относительно остальной Сербіи, Юрій, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, устремился къ полной независимости и еще при Лазарѣ сталъ выше своихъ предшественниковъ. Въ его грамотахъ явилась вступительная часть, составляющая болѣею частію принадлежность королевскихъ и царскихъ хрисовуловъ; уже онъ величалъ себя отраслью дома Немани и санъ свой вручалъ всемогущему Богу, что равнялось выраженію «Божіею милостію.» Принятый имъ титулъ «благовѣрнаго и самодержавнаго господина всей Зетскои и поморскои земли,» употребленный и въ другой его грамотѣ, упоминаемой Медаковичемъ, показываетъ, что онъ смотрѣлъ на себя, какъ на независимаго владѣльца, а*

¹ Забавникъ. 1821. Стр. 95.

² Четыре мѣсяца въ Черногоріи. С. Петербургъ. 1841. Стр. 46.

³ Путешествіе въ Черногорію. С. Петербургъ, 1847. Стр. 70.

на свою землю, какъ на самостоятельное государство. Конечно, въ это время уже не было въ живыхъ Балши: Юрій оставался одинъ повелителемъ Зеты. По этому онъ вступалъ теперь въ права отца и обоихъ дядей, умершихъ, вѣроятно, бездѣтными. За дядю, естественно, долженъ былъ слѣдовать племянникъ. Есть еще записъ Юрія Страшимировича (С. № 72), въ которой онъ ручается за людей бана Боснійскаго, Твртка, въ томъ, что они не тронуть Дубровницкихъ купцовъ, идущихъ изъ Дубровника на Слано и обратно, и обѣщаетъ, въ случаѣ своей ссоры съ Боснійскимъ баномъ, извѣстить объ этомъ Общину за недѣлю впередъ. Обѣ эти грамоты хорошо обозначаютъ его отношенія къ Боснѣ и собственности Сербіи. Хотя нѣкоторые историки и пишутъ, что Зета, съ воше- ствіемъ на престолъ Лазаря, подчинилась ему добровольно, а другіе подчи- неніе это приписываютъ браку Юрія, или Балши съ дочерью Лазаря, однако все это не болѣе, какъ темныя преданія, смѣшивающія время событій. Зета при Балшичахъ явно стремилась къ независимости, чему способствовала неурядица въ самой Сербіи. Все, что можно допустить въ этомъ отношеніи, такъ это то, что Зета продолжала считать себя одною изъ Сербскихъ областей и на столь- ко уважала права Сербскихъ владѣтелей, на сколько это не превышало ея понятія объ общемъ составѣ Сербіи. Болѣе этого допустить нельзя, ибо иначе нельзя будетъ достаточно объяснить тѣхъ приемовъ, которые мы замѣтили въ грамотахъ Юрія Страшимировича при совершенномъ отсутствіи какого либо намека на зависимость отъ Сербіи. Съ другой стороны, коснувшись Боснии, онъ, въ своей грамотѣ, не могъ своихъ подданныхъ назвать людьми бана Боснійскаго, ибо его подданные не жили на пути между Дубровникомъ и Сланомъ, и слѣдовательно, здѣсь онъ является порукою за другихъ и имен- но за подданныхъ Босны, а въ такомъ случаѣ онъ долженъ быть независимымъ отъ Босны: иначе онъ не могъ бы и ручаться. Кромѣ этихъ и двухъ дру- гихъ, писанныхъ на Итальянскомъ языкѣ, грамотъ, о которыхъ упоминаютъ Медаковичъ и Андричъ, мы иныхъ памятниковъ отъ Юрія не имѣемъ. Ког- да онъ умеръ — тоже не знаемъ. Отсутствие дальнѣйшихъ памятниковъ причиняетъ въ исторіи Черногоріи послѣ Юрія Страшимировича важный про- бѣлъ, который историки стараются заполнить всякій по своему съ разны- ми ошибками, чтобы не сказать нелѣпостями. Большая часть слѣдуетъ Ми- лаковичу, смѣшивающему Балшичей между собою и, вѣроятно, еще съ Чер- ноевичами, или какими нибудь Албанскими князьями. Милаковичъ, Милути- ковичъ, П. П. Нѣгушъ, Ковалевскій и Поповъ соединяютъ въ лицѣ Бал- ши и Балшу Балшича и Юрія Страшимировича и приписываютъ ему, отъ бра- ка съ дочерью Лазаря, сына Страшмира, а этому послѣднему двухъ сы- новей, Стефана и Божидача, уже съ прозвищемъ Черноевичей, рассказывая по этому случаю басню о смуглости ихъ отца. Здѣсь, очевидно, дана пол- ная вѣра народнымъ преданіямъ. Медаковичъ счелъ за лучшее обратиться къ Лукари и заимствовать у него не менѣе предумышлаго запутанный и невѣрный рассказъ о родствѣ Черноевичей съ извѣстными уже намъ Гервоею. Именно, Лукари говорятъ, что у Гервон было два сына, Балша и Стефанъ, которые одинъ за другимъ владѣли Зетою, и послѣдній былъ родоначальникомъ Черное- вичей¹. Ясно, что здѣсь ошибка произошла отъ того, что у Гервон дѣйстви- тельно былъ сынъ Балша², который и принятъ за Балшу Зетскаго. Но упо-

¹ Annali di Rausa, стр. 82.—Медаковичъ, Повѣстанца Црнегоре, стр. 27.

² Dufresne, Famil. Dalm. et Slavon., гл. X, § III.

мянутые историки мало обратили вниманія на свидѣтельство Орбини, который, по нашему мнѣнію, болѣе всѣхъ заслуживаетъ довѣрія, ибо вся предыдущая родословная Балшичей, изложенная у него, вполне согласна съ показаніями грамотъ. Орбини рассказываетъ, что у Юрія былъ сынъ, Балша, который, наскучивъ продолжительною войною съ Венеціанцами, отъѣхалъ въ Сербію къ своему дядѣ, деспоту Стефану Лазаревичу, а Зетою поручилъ управлять Стефану Апулійскому, своему родственнику изъ рода Черноевичей. Послѣ его смерти, Стефанъ Черноевичъ отъѣхалъ въ Апулію, а Зетою овладѣлъ деспотъ Стефанъ и вручилъ ее въ управленіе племяннику своему, Юрію Балшичу, — вѣроятно, Орбини хотѣлъ сказать, Юрію Вуковичу, — по отъѣздѣ котораго въ Сербію, Венеціанцы овладѣли Зетою и истребили домъ Балшичей¹. Съ Орбини согласенъ въ главнѣйшемъ Андричъ, виѣстѣ съ кониъ и мы допускаемъ у Юрія сына Балшу. Можетъ быть, на дочери этого Балши, Еленѣ, былъ женатъ Стефанъ Косача. Грамота 1443 году, упоминающая объ этомъ, не говоритъ, правда, кто таковъ былъ Балша, котораго она называетъ уже умершимъ (С. № 134); но можно догадываться, что это былъ тотъ самый Балша Юрьевичъ, о которомъ говорятъ Орбини. Сербскіе лѣтописцы равнообразно знаютъ о Балшѣ, Зетскомъ господарѣ, относя его кончину къ 1422 году². Преемникомъ Балши должно признать Стефана Черноевича, связаннаго родствомъ съ Балшичами. Вѣроятно, у Балши не было дѣтей мужескаго пола, по чему онъ и передалъ Зету родственному дому. Годъ смерти его, по Дюфрену, есть 1421-й³. Такъ точно одинъ изъ Сербскихъ лѣтописцевъ указываетъ на дальнее родство между Балшичами и Черноевичами, говоря: а ѿ нихъ (Балшичей) по ташней кровѣ (крови) изидаша Черноевичи⁴. Но Черноевичи не произошли отъ Балшичей, а были современны имъ. Нѣтъ никакой надобности предполагать такую молодость ихъ происхожденія. Во всѣхъ Славянскихъ земляхъ встрѣчается множество всякаго рода именъ, происходящихъ отъ слова *черный*, которыхъ начало относится къ древнѣйшимъ временамъ. Въ Зетѣ есть нѣсколько таковыхъ именъ. Притомъ прозвище Черноевичей указываетъ на первоначальное личное имя *Черное*, а не на прилагательное *черный*, какъ обыкновенно думаютъ, передавая выше упомянутую сказку о черномъ Страшимирѣ. Но мы знаемъ, что Юрій Страшимировичъ писалъ грамоту къ Венеціанскому дожу, Антонию Фаниери, въ которой извѣщалъ о своей побѣдѣ надъ Черноемъ Падичемъ, опустошавшимъ родину Балшичей и убитомъ въ сраженіи⁵: не былъ ли этотъ Черное основателемъ рода Черноевичей? Если онъ велъ войну съ Балшичемъ, то значить, былъ сильнѣе другихъ: такъ точно и Черноевичи должны были быть сильнѣйшимъ родомъ въ Зетѣ и по родству своему съ Балшичами и по преемству имъ. Съ этимъ свидѣтельствомъ грамоты сходится и Орбини, упоминающая о враждѣ Черноевичей съ Юріемъ Страшимировичемъ⁶: слѣдовательно, Черное Падичъ, какъ значитса онъ въ грамотѣ, есть одно и то же, что Черноевичи у Орбини: опять, подтвержденіе достовѣрности словъ послѣдняго. Но то, что говоритъ Орбини объ Итальянскомъ происхожденіи Стефана, называя его Марамонтомъ изъ Апуліи, кажется намъ невѣрнымъ, ибо противорѣчитъ, во первыхъ,

¹ Стр. 247.

² Шафаръ, Памятн., стр. 76. — Arkiv za povjestn. Jugoslav., III. 1854. Стр. 18.

³ Famil. Dalm. et Slavon., гл. XVI, § 1.

⁴ Гласникъ, ч. V, стр. 48.

⁵ Андричъ, Geschichte des Fürstenthums Montenegro. Стр. 6.

⁶ Стр. 246. За нимъ то же повторяютъ Ранчъ и Енгель.

самоу Орбини, признающему его родство съ Черноевичами, и во вторыхъ, Флавию Команну, свидѣтельствующему, что Стефанъ былъ туземцемъ Далмацин, т. е., Зеты¹. Стефанъ Марамонтъ Апулійскій былъ другое лице, о которомъ не разъ упоминаетъ Сципионъ Амвратъ². Что Черноевичи бѣжали отъ невзгоды въ Италію, то этимъ еще ничего не доказывается: и сынъ и внукъ Стефана тоже бѣжали въ Италію. Туземность Стефана подтверждается еще грамотою его сына, въ которой Иванъ называетъ Зету или собственно верхнюю Зету, т. е., Черногорію, своимъ отечествомъ, а окрестности Цетини частнымъ удѣломъ своего рода или баштиною; межи этого удѣла онъ распознаетъ по старѣхъ славнѣхъ ѿ по владѣтѣхъ кой соѹ поставлени (Мл.). Если удѣлъ былъ такъ старъ, что нужно было припоминать, для опредѣленія его границъ, древнія сказанія и урочища, то вѣстѣ съ тѣмъ и Черноевичи, Стефанъ и сынъ его, Иванъ, и отецъ ихъ, были стариннымъ туземнымъ родомъ верхней Зеты. По этому справедливо пишетъ Орбини, что противъ Юрія Страшимировича враждовали Черноевичи и верхняя Зета. Последняя, какъ отечество сильнѣйшаго рода Черноевичей, естественно должна была держать ихъ сторону. Должно обратить еще вниманіе на слѣдующее соотношеніе между грамотами Черноевичей. Въ Споменникахъ есть грамота Радича и Стефана Черноевичей, укрѣпляющихъ эту грамотою дружбу и союзъ съ Дубровникомъ и позволяющихъ его купцамъ ходить безпрепятственно по ихъ владѣніямъ (№ 60). Жаль, что не обозначены мѣсто и время написанія грамоты. Видно только, что Черноевичи имѣли свои земли по близости Дубровника, конечно, въ Зетѣ. Но кто были эти два брата? Въ вышеупомянутой грамотѣ Ивана Черноевича (Мл.) находимъ, между прочимъ, что Иванъ даритъ Цетиньскому храму то, чѣмъ доселѣ владѣли Осточи, Ратко съ братомъ и племянниками, —землю, виноградники лѣса, воды и вообще все, что е было поѹимъ землѣ (домашней, частной, родовой земли) ѿстѣннѣ, вознаградивъ ихъ за то, на обитѣнѣ, другими землями. Легко можно предположить, что эти два брата, изъ коихъ одинъ назывался Раткомъ или Радичемъ, по отечеству, Осточичи, принадлежали къ роду Черноевичей и по тому допустили Ивана, какъ главнаго представителя рода, такъ свободно распорядиться ихъ владѣніями; другимъ, постороннимъ родамъ не для чего было участвовать въ дарственныхъ записяхъ Черноевичей. Слѣдовательно, очень вѣроятно, что грамота С. № 60 принадлежатъ этимъ самымъ [двумъ] братьямъ Черноевичамъ, по отцу Осточичамъ, участвовавшимъ въ надачѣ Цетиньскаго храма. Въ такомъ случаѣ откроется новое доказательство тому, что родъ Черноевичей, призванный послѣ Балши править Зетою, былъ туземнымъ Зетскимъ и имѣлъ сдѣсь свои старинныя баштины. Стефанъ Черноевичъ, смѣнившій Балшу Юрьевича, удалился, по смерти его, въ 1422 г., въ Италію, предоставивъ Венеціанамъ и деспоту Юрію Бранковичу спорить за обладаніе Зетою. Недовольные деспотомъ, Зетяне снова призвали его къ себѣ и помогли ему завоевать прежнія владѣнія. Стефанъ, въ союзъ съ Юріемъ Кастріотомъ Скандербегомъ, на дочери коего былъ женатъ, отличался въ войнахъ съ Турками за независимость. При немъ основанъ былъ Жаблякъ и по близости его, на островѣ Комѣ, образуемомъ устьемъ Морачи, монастырь, гдѣ онъ и былъ похороненъ. Стефанъ умеръ въ половинѣ XV-го ст. Ему наследовалъ старшій его сынъ, Иванъ. Долго велъ Иванъ войны съ Турками и наконецъ отправился

¹ Dufresne, Famil. Dalm. et Slavon., гл. XVI, § 1.

² Dufresne, тамъ же.

въ Италію за помощію, поручивъ управленіе Зетою своему воеводѣ, Ђомѣ¹, но помощи не получивъ ни отъ кого и воротился на родину. Пришлось оставить Жаблякъ и низменныя окрестности Скадарскаго озера, Морачи и Зеты и удалиться въ горы, въ верхнюю Зету; при этомъ во власть Туркамъ отошли Служъ и часть Бѣлопавличей и Пиперовъ. Которъ и Будва еще прежде того отошли къ Венеціи. Вѣроятно, какіе нибудь споры за землю послужили поводомъ къ точнѣйшему опредѣленію границъ Черногоріи со стороны этѣхъ двухъ общинъ. Въ грамотѣ своей, подтверждающей прежнія надачи Сербскѣхъ царей Вранинскому храму св. Николая и присоединяющей новыя земли Пиперовичей, Иванъ коснулся и западныхъ границъ своей области и вмѣстѣ съ своими боярами, равно какъ властелями Которскими и Будванскими, обошелъ и описалъ ихъ. Изъ этого описанія мы видимъ, что западная часть границъ Черногоріи пролегла тогда почти тамъ же, гдѣ и теперь, т. е., шла отъ Сутормана пойма Бръчели и Троицы на Свѣжаницу; но отсюда она болѣе нынѣшняго распространялась на западъ, соприкасаясь съ моремъ въ нѣсколькихъ точкахъ. Этимъ подтверждаются слова Милаковича, что Ивану принадлежали общины Бранчи, Майне, Поборы и долина Гръбаль, гдѣ лежали оляныя копи, упоминаемыя въ грамотѣ². Черезъ Лешевичи граница пролегла позади Котора до Ораховца. Кромѣ того на сѣверозападѣ границы Черногоріи подходили опять къ морю. Мы имѣемъ извѣстіе, что Иванъ заложилъ Конявле Венеціанамъ³ и во время войны съ королемъ Боснійскимъ, своимъ тестемъ, владѣлъ нѣкоторое время Рисномъ, Драчевцею, Требинемъ и Поповымъ⁴. Въ той же грамотѣ упоминается объ удѣлахъ сыновей Ивана, Юрія и Стефана, которыми они владѣли уже при жизни отца⁵. Грамота дана въ 1482 году. Возвратясь изъ Италиі, около 1485 г., Иванъ соорудилъ храмъ Рождества Богородицы и при немъ общежительный монастырь, назвавъ его Зетскою митрополіею. Въ писанной по этому случаю грамотѣ опредѣлены разныя надачи, сдѣланныя монастырю, и повинности монастырскихъ подданныхъ. Сдѣсь назначено мѣстопребываніе митрополиту Черногорскому, Виссаріону. Къ надачамъ присоединены были владѣнія Комскаго и Горницкаго (Подгорницкаго?) монастырей, основанныхъ родителями Ивана и запустѣвшихъ подъ Турецкимъ владичествомъ; два, или три монаха изъ Кома переведены для пропитанія въ Цетинь; тотъ и другой монастырь подчинены митрополіи, и если когда нибудь будутъ возстановлены, то должны получить свои прежнія владѣнія. Кромѣ митрополита, въ Черногоріи былъ епископъ (Мл.). Основаніе Цетиньской митрополіи и удаленіе Зетянъ въ верхнюю Зету или Черногорію составляетъ важнѣйшее событіе въ судьбахъ той части Сербскаго народа, которой суждено было постоянно, въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ, хранить Сербскую независимость и быть единственною ея представительницею. Съ этого событія начинается новая пора для жизни Черногорцевъ. Природа, вѣра и неизмѣнный духъ народа согласнымъ дѣйствіемъ произвели то, что горсть людей явилась неодолимою передъ цѣлыми полчищами знаменитыхъ

¹ Милутиновичъ, Исторія Церне-Горе, стр. 4. См. грамоту Ивана, тамъ же, стр. 10.

² Граница. 1835. Стр. 62. — П. П. Нѣгушъ, Montenegro und Montenegriner, стр. 12.

³ Милаковичъ, Граница, 1835. Стр. 62. — П. П. Нѣгушъ, Montenegro und Montenegriner, стр. 12. — Медаковичъ, Повѣстница Црнегоре, стр. 32. — Андричъ, Gesch. d. F. Montenegro, стр. 13.

⁴ Dufresne, Famik, Dalm. et Slaven., т. I, XVII, § IV. — Медаковичъ, Повѣстница Црнегоре, стр. 30. — Андричъ, Gesch. d. F. Montenegro, стр. 11.

⁵ Милутиновичъ, Исторія Церне-Горе, стр. 10 и слѣд.

завоевателей Азии и Европы в самое блестящее время их славы и могущества. Пустынная, сплошная горная возвышенность, покрытая скалами и мрачными лѣсами, наполненная пещерами и рывинами, съ опасными тропинками вѣсто дорогъ, вдругъ получила населеніе, около ста тысячъ душъ, бѣжавшее отъ убійствъ и опустошеній, производимыхъ Турками въ пригорныхъ низменностяхъ. Надобно было имѣть много свѣжихъ нравственныхъ силъ, чтобы обречь себя на лишеніе всѣхъ удобствъ жизни, поселиться на голыхъ скалахъ и вѣрить свое существованіе скуднымъ клочкамъ удобной земли, нахоженной горстью на каменную почву. Только Исторія и близкое знакомство съ природными свойствами жителей могутъ объяснить это странное явленіе. Зета, съ самаго начала своего, оставалась болѣе, или менѣе самостоятельной, ибо постоянно была частнымъ удѣломъ Неманичей, гдѣ жило отдѣльное сильное боярство, гдѣ пребывали вдали отъ власти, какъ бы въ отчужденіи, родичи царствующаго дома. Это придавало ей свойство сосредоточенности, которое не только не удаляло ее отъ общихъ дѣлъ Сербіи, но напротивъ доставляло ей болѣе вліяніе при Сербскомъ дворѣ. Чувствуя свою силу, Зета въ то же время, по чувству единства вѣры и народности, считала себя нераздѣльнымъ членомъ Сербіи. Все это вело къ розной участи. Тогда какъ Сербія гибла подъ ударами Турецкаго меча, Зета, по своей самоотдѣльности, чуждая общей порчи, сохраняла во всѣхъ своихъ сословіяхъ свѣжесть и бодрость силъ и въ годины бѣдствій еще болѣе познала и оцѣнила сокровище православной вѣры и народной самостоятельности. Для этихъ высшихъ благъ народу ее ничего не стоило промѣнять выгодное въ вещественномъ отношеніи, но опасное мѣстожителство на невыгодное, но безопасное. Переходя подъ защиту природы, Черногорцы надѣялись выдержать борьбу за вѣру и независимость. Но Сербія пала; патриаршая столица, вмѣстѣ съ паствою, подчинилась вліянію Турціи и не могла такъ свободно дѣйствовать, какъ бы надлежало для народа, еще ни мало не поработеннаго. По этому Иванъ долженъ былъ сдѣлать для своей Черногоріи то же самое, что сдѣлалъ Душанъ для Сербіи,—дать ей собственное вѣроисповѣдное средоточіе и источникъ духовной власти. Однѣ и тѣ же причины побуждали его и Душана, и это вовсе не было отщепенствомъ или возстаніемъ противъ высшей духовной власти и единства вѣры, какъ хотѣлъ перетолковать Константинопольскій патриархъ на счетъ Душана; но, на оборотъ, желаніемъ спасти неприкосновенность вѣры и доставить духовной власти свободный образъ дѣйствія, а народу внутреннее средоточіе, предохранивъ ихъ отъ гибельныхъ послѣдствій паденія, предвѣщаемыхъ государственною предусмотрительностію. Время успѣшило оправдать поступокъ Ивана. Между тѣмъ, какъ Сербы безпрепятственно отурчивались, и число отурчившихся умножалось, родной сынъ Ивана, Стефанъ, послѣ отурченія, снова перешелъ къ православію и постригся въ монахи; а нѣсколько отурчившихся съ нимъ вмѣстѣ Черногорцевъ, возвратясь на родину, не нашли того, чего ожидали: ихъ примѣръ не дѣйствовалъ почти ни на кого, и при владыкахъ, въ слѣдствіе кроткихъ духовныхъ наставленій, число отурченниковъ уменьшилось значительно. Иванъ умеръ въ 1490 году. Его подпись такова: *въ хѣ вѣа вѣговарни ѿ бѣгомъ храниши гюдаръ хѣсимъ Неа, црѣйскимъ* (Мл.).

У Ивана былъ братъ, Юрій, а по другимъ Аврамъ или Андрей, по прозванію Арванитъ или Албанецъ, погибшій еще въ 1450 г. въ сраженіи съ Турками. Дочь этого Арванита, Ангелина, была за Стефаномъ Юрьевичемъ, сыномъ деспота Юрія Бранковича, и имѣла отъ него двухъ сыновей, Юрія и

Ивана. Относительно происхожденія Ангелины мѣнѣе ученыхъ распадаются на два рода. Западные историки, какъ то: Лукари, Орбини, Дюфренъ, Енгель и др. называютъ ее дочерью Арианиты Комнина и придаютъ ей иногда имя Θεодоры; напротивъ, туземные историки всѣ единогласно почитаютъ ее дочерью Арванита Черноевича. Бранковичъ просто называетъ ее отца княземъ Арванитожимъ. Рачъ слѣдуетъ мѣнѣе Дюфрена, согласному, по его словамъ, съ Бранковичевымъ ¹. Но мѣнѣе это или мѣнѣе западныхъ ученыхъ, подкрѣпленное глубокою ученостію Дюфрена, уступаетъ, кажется, мѣнѣе туземному. Орбини пишетъ, что Стефанъ Юрьевичъ женился на Θεодорѣ, дочери Арианиты, тестя Скандербегова ²; слѣдовательно, Скандербергъ и Стефанъ были женаты на родныхъ сестрахъ. Дѣйствительно, по Дюфрену, Юрій Скандербергъ былъ женатъ на Андроникѣ, дочери Арианиты Комнина ³. Дюфренъ замѣчаетъ разницу въ именѣхъ супруги Стефана Юрьевича: по его словамъ, Орбини зоветъ ее Ангелиною, а Лукари Θεодорою; онъ принимаетъ послѣднее имя ⁴. Но, какъ мы сейчасъ видѣли, Орбини не называетъ ея Ангелиною, а Θεодорою. Точно также и Рачъ находитъ у него имя Θεодоры; но самъ Рачъ ошибается, приписывая Дюфрену принятіе имени Ангелины согласно съ Бранковичемъ, когда Дюфренъ предпочитаетъ имя Θεодоры. Такое противорѣчіе въ именахъ и заставляетъ насъ принять мѣнѣе Черногорскихъ писателей, слѣдующихъ Сербскимъ лѣтописямъ и народному преданію. Одинъ лѣтописецъ такъ выражается: *Stephanus Coesus Despota, post patris mortem, abiit in Dalmatiam, ibique accepit in uxorem filiam Saverstiam (?) ex Aranitarum familia, dominam Angelinam* ⁵. Сдѣсь родъ Аранитовъ есть то же, что Арванитовъ, и вовсе не Арианитовъ. Албанія звучала иначе, какъ Арванія, откуда произошла и латинская форма *Arania*; Арианиту же не было надобности измѣнять въ Араниту. Имя Ангелины употреблялось у Сербовъ: такъ, на пр., Синиша, братъ Душана, имѣлъ дочь Ангелину; сами Черноевичи принимали въ послѣдствіи имя Ангеловъ ⁶. Другой лѣтописецъ выдаетъ Ангелину за дочь Балшича, женатаго на вдовѣ Милоша Обилича. Если первый указываетъ на прозвище отца Ангелины, то второй указываетъ на его родъ; но, конечно, не съ точностію; ибо народная память, помня главнѣйшія обстоятельства, смѣшиваетъ часто имена и годы. Подъ Балшичемъ должно разумѣть Черноевича и именно Арванита, т. е., Юрія Арванита, брата Иванова. Вслѣдъ за этими лѣтописцами всѣ историки Черногорскіе, какъ то: Милаковичъ, Милутиновичъ, П. П. Нѣгушъ, Медковичъ, Андричъ и другіе почитаютъ Юрія (Аврама, Андрея) отцемъ Ангелины. Имя Арванита было не такъ знакомо западнымъ писателямъ, какъ имя извѣстнаго имъ Арианиты Комнина, и по тому они смѣшали оба лица въ одно.

Подъ управленіемъ Черноевичей, а послѣ владыкъ своихъ, Черногорцы мужественно отбивались отъ Турокъ и никогда не утрачивали своей независимости. Правда, Турки не разъ проходили Черногорію вдоль и поперекъ съ

¹ Ч. III, стр. 260.

² Стр. 266.

³ *Famil. Dalm. et Slavon.*, гл. XVIII, § V.

⁴ Тамъ же, гл. V, §§ X, XI. Вотъ подлинныя его слова: *Post parentis mortem... (Stephanus Bukovitzius vel Brankovitzius) in Albaniam sese recepit. Ubi filiam Arianitae Comneni, Dyrachii, Aulonis, aliorumque in Dalmatia oppidorum, domini, in uxorem recepit. Hanc, Angelinam Orbinus; Petrus vero Luccarius, Theodoram vocant. Liberi Stepani Bukovitzii, ex Theodora uxore...*

⁵ *Arhiv za povjestn. Jugoslav.*, III. 1854, стр. 22.

⁶ *Dufresne, Famil. Dalm., et Slavon.*, гл. XV, § IV; XVI, § V.

мечемъ и огнемъ, но удержаться въ ней не могли, и Черногорцы снова возвращались къ своимъ очагамъ и снова заводили съ ними вѣковую пограничную войну. Преданные своей вѣрѣ и всему родному, они всегда были достойными представителями своихъ праотцовъ. Въ ихъ природѣ, образѣ жизни и правленіи сохранилось весьма много первичныхъ свойствъ Славянъ, и имъ-то, равно какъ непоколебимой преданности вѣрѣ и неприступному мѣстоположенію обязаны они своею независимостію. Безъ счастливаго соединенія всѣхъ этихъ [условіи Черногорцы не были бы Черногорцами, а по тому всякое преобразование въ одной изъ основъ ихъ жизни едва ли принесетъ какую либо пользу, если только, не обратится во вредъ имъ. Крайняя виѣшняя необходимость, дѣйствуя въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій, привела ихъ именно въ это положеніе, изъ котораго они не иначе могутъ выйти съ выгодой для себя или, по крайней мѣрѣ, безъ вреда, какъ только съ измѣненіемъ своей виѣшной обстановки. Для исторіи Славянской они представляютъ прекрасный образецъ того, какъ стотысячный народъ, благопріятствуемый природою, можетъ сохранить свою самостоятельность и покрыться славою безчисленныхъ подвиговъ блестящей храбрости, если только онъ бережно сохраняетъ себя отъ нравственно-гражданской порчи и остается вѣрнѣ основнымъ началомъ народнаго существа. Для Славянскаго древневѣдца онъ доставляетъ обильный запасъ свѣдѣній о древнѣйшихъ Славянскихъ обычаяхъ, образѣ жизни и представленіи общежитія, почерпнутыхъ не изъ отжившихъ памятниковъ, а изъ живаго, современнаго источника. Черногорія, имѣющая свой рѣзко отличительный обликъ, ждетъ еще воздѣльвателей, которые труды свои основали бы на ея собственной почвѣ, а не на чужихъ словахъ; грамоты, народныя преданія и пѣсни служатъ главнѣйшимъ тому пособіемъ; а Милутиновичу первому принадлежитъ честь попытки къ осуществленію этого труда.

Между тѣмъ, какъ Черногорія со славою спасала свою самостоятельность, деспоты губили независимость Сербіи. Вукашинъ первый подалъ примѣръ себялюбиваго образа дѣйствій; ему слѣдовали Стефанъ Лазаревичъ и Юрій Вуковичъ Бранковичъ. Но Лазарь и сынъ его, Стефанъ, оставили по себѣ добрую память въ народѣ. Оба они отличались благородствомъ и прямою дѣйствій; оба были благочестивы, и обоихъ народъ называлъ святыми. Не столько собственная ошибка Лазаря, сколько постороннія обстоятельства нанесли Сербіи ударъ на Косовомъ полѣ: собственный ложный образъ дѣйствій Стефана Лазаревича привелъ Сербію къ такому немощному и равнодушному состоянію, въ которомъ жаръ народной независимости остылъ понемногу и перешелъ въ безчувственное состояніе поддапства. Стефанъ, поставленный, по волѣ Баязида, господаремъ Сербской земли, свято хранилъ данную ему клятву вѣрности и, спасая свою личную честь, губилъ отечество. Милица правила за него Сербіею, а онъ терялъ цвѣтъ Сербскаго народа, сражаясь съ Христіанами и невѣрными въ рядахъ Турецкаго войска и въ пользу Турціи. Вукъ Бранковичъ, обманутый въ своихъ надеждахъ и напрасно сносясь съ Турками, хотѣлъ, было, добыть независимость, но, по жалобѣ Лазаревичей, былъ схваченъ Турками и отравленъ; владѣнія его Султанъ отдалъ его семейству. Послѣ него осталась грамота, данная Хиландару въ 1392 году (А. № 15), въ которой онъ называетъ себя сыномъ севастократора Бранка и внукомъ воєводы Младена. Изъ нея мы узнаемъ, что около этого времени онъ, заключивъ миръ съ Баязидомъ, расписалъ всю свою землю, сколько ея было въ его области, и сколько ему слѣдовало платить Султану. Тогда пришелъ къ нему

Хиландарскій старецъ Гервасій и представлялъ, сколько метохій вѣдетъ Лавра въ его земляхъ и сколько Турецкой дани приходится на ихъ долю: уплату этой дани, 200 унцій, Вукъ принялъ на себя. Милостниками этой грамоты назначены три Вуковыхъ сына: Григоріи, Юріи и Лазарь. Стефанъ Лазаревичъ вѣдѣтъ съ братомъ своимъ Вукомъ, участвовалъ въ покореніи Булгаріи (1390—1392), въ войнѣ съ Босною (1392), въ битвахъ съ Мирчею, воеводою Валахскимъ, при Ровнинахъ, гдѣ погибли Марко Кралевичъ, Константинъ и Драгаша¹ (1394), съ Сигизмундомъ Угорскимъ при Никополѣ (1396) и съ Тамерланомъ при Ангорѣ (1402). Сдѣсь Стефанъ оказалъ чудеса храбрости, пробившись съ Сербіи черезъ рлды Татаръ и спасши жизнь Баязидову сыну, Сулейману. Прибывши въ Европу, онъ женился на дочери царя Манула, и оба съ тестемъ провозгласили султаномъ Сулеймана. Доселѣ Бранковичи сражались вѣдѣтъ съ Лазаревичами за Баязида; теперь они отдѣляются отъ Лазаревичей и становятся на сторонѣ Мусы, брата и соперника Сулейманова. Но пораженіе, нанесенное Мусѣ, привлекло ихъ снова къ Сулейману; Юріи Вуковичъ даже получилъ главное начальство надъ Сербскимъ войскомъ. Оскорбленный этимъ, Стефанъ подчинилъ Сербію Сигизмунду и съ Угорскимъ войскомъ разбилъ Турокъ подъ Триполемъ, въ 1403 г. Примирившись съ Бранковичами, Стефанъ употребилъ мирное время, 1405—1408 г., на исцѣленіе ранъ своего отечества, присоединилъ нѣкоторыя земли, отнятыя Турками, получилъ отъ Угрии, посредствомъ сдѣлки, Бѣлградъ, объѣхалъ Сербію, всюду возстановилъ порядокъ и для рѣшенія государственныхъ дѣлъ учредилъ три «храмины» или палаты². Около 1395 г. Милица постриглась въ монахини. Есть грамота Стефана Лазаревича, данная имъ еще до постриженія матери (А. № 18). Въ этой грамотѣ сказано, что такъ какъ властелинъ Обрадъ Драгославичъ записалъ Хиландару свою баштину, церковь Введенія Богородицы въ Ибрѣ, но, не успѣвши сдать ее во владѣніе Лавры, измѣнилъ Стефану Лазаревичу и за то лишился этой баштины, которая была отдана другому властелину, Упронию, то, по просьбѣ духовенства и съ совѣта матери, Милицы, и брата, Вука, Стефанъ возобновляетъ его запись и даритъ Хиландару упомянутую церковь, присоединяя къ ней еще нѣкоторыя села и заселки со всѣми ихъ людьми, межами и доходами. Будучи уже монахинею, Милица дала, вѣдѣтъ съ обоими сыновьями, грамоту Хиландарскому пиргу св. Василя (тому самому, который построилъ Милутичъ съ церковью Вознесенія Господня). Она приписала ему село Ливочу на Бичъ-Моравѣ и повелѣла означить межи по указанію старожилловъ. Подъ грамотою подписались только ея сыновья, «благовѣрный господинъ князь Стефанъ» и «господинъ Влькъ» (А. № 19). Въ этой грамотѣ, равно какъ и въ другой, упоминаемой Авраамовичемъ³, Милица носитъ иноческое имя Евгени; но въ грамотахъ Стефана Лазаревича и Юріи Вуковича, данныхъ Дубровнику (С. NN № 90, 111), она названа Евфросиніею. Бягель и Рачъ именуютъ ее, согласно съ Аеонскими грамотами и лѣтописями⁴, монахинею Евгениею. Не есть ли имя Евфросинія такое же свѣтское, какъ и Милицы? Есть

¹ Лѣтоп. у Шафар. въ Памяти, стр. 74.—Черногорскій списокъ (рпк., см. Введеніе, стр. 52) и Бранковичевъ (Arkiv za povjstn. Jugoslav., стр. 16) не упоминаютъ о Драгашѣ.

² Рачъ, ч. III, стр. 115.

³ О. д. С. у С. Г., стр. 79.

⁴ Шафар., Памяти, стр. 62, 75. — Черногорскій списокъ (рпк.).—Arkiv za povjstn. Jugoslav., III, стр. 17.

примѣры, что Сербы, оставаясь при своихъ народныхъ именахъ, носили еще другія имена, которыя брали изъ святцевъ и называли крестными (Ср. С. № 78). Еще сохранилась отъ Милицы (?) надпись, вышитая золотыми буквами на шелковомъ покровѣ гѣла князя Лазаря. Сдѣсь она называется себя Евфимією. Шафарикъ, напечатавшій эту надпись¹, замѣчаетъ, что имя Евфиміи было крестное, Милицы — домашнее, Евгении — иночское. Но какое же будетъ имя Евфросиніи? Смыслъ не могъ не знать имени матери. Не забудемъ, что достоинство неизвѣстно, кому принадлежитъ надпись и, по словамъ Шафарика, только преданіе приписываетъ ее Милицѣ. Вотъ какое сомнѣніе вызвали вновь открытые памятники. Какъ совмѣстить всѣ четыре имени въ одномъ лицѣ? Дѣйствительно ли принадлежитъ надпись Милицѣ, женѣ Лазаря? На этихъ вопросахъ, не рѣшивши ихъ, должна была остановиться Исторія. Но вдругъ новый свѣтъ, приведшій къ окончательному рѣшенію этихъ вопросовъ, пролить былъ открытіемъ надписи на церковной завѣсѣ храма Хиландарскаго, вышитой золотомъ, серебромъ и шелками по атласу монахинією Евфимією въ 1399 году. Въ надписи Евфимія называетъ себя дѣщи гѣлами иисаря конике мѣшицаго хда, инокѣмъ деспотница². По изслѣдованію Я. и П. Шафариковъ, открывается, что покровъ на гробницѣ Лазаря въ Раваницѣ (Врѣдникѣ, въ Сремѣ) принадлежитъ одной и той же Евфиміи, дочери Войхны, бывшей въ замужствѣ за Угleshею, сначала цесаремъ, а потомъ деспотомъ, наслѣдовавшимъ послѣ тестя его земли: Дрину, Съръ и окрестности ихъ въ Македоніи до Солуна. По смерти мужа, она призвана была Лазаремъ: по этому она, изъ благодарности, и вышила покровъ на его раку и въ вышитой тутъ же надписи говоритъ: *тѣлско бо страшною мнѣ въ страннѣхъ окрышала иси изобило*. Къ тому же времени относится грамота Стефана Лазаревича, данная имъ Дубровнику въ подтвержденіе прежнихъ торговыхъ и судебныхъ укладовъ. Она отиѣчена 2-мъ декабря 1405 года (С. № 90). Въ ней мать Стефана называется уже святопочившею кира-Евфросинією. Она скончалась 2 ноября того же года³. Въ 1408 году Вукъ Лазаревичъ поднялся на Стефана, требуя себѣ половины отцовскаго наслѣдія, и въ то же время съ Турками, которымъ обѣщалъ покорность, и Юриемъ Вуковичемъ въ два похода опустошилъ Сербію. При посредничествѣ Сигизмунда братья помирились, раздѣливъ Сербію пополамъ. Въ 1410 г. Муса, державшійся въ Валахіи, явился въ Малую Азію противъ Сулеймана. За него стояли Лазаревичи и Бранковичи; но наканунѣ сраженія всѣ они, за исключеніемъ Стефана, перешли къ Сулейману, за котораго былъ и Мануилъ. Муса проигралъ битву и бѣжалъ въ Европу. Сдѣсь въ Адриано-полѣ попались ему въ руки Лазаревичи и Бранковичи, отпущенные домой Сулейманомъ. Всѣ они, кромѣ Юрія Вуковича, были преданы смерти. Погибли: Юрій, сынъ уже умершаго Григорія Вуковича, Лазарь Вуковичъ, Вукъ и Лазарь Лазаревичи. Сербскіе лѣтописцы единогласно отиѣчаютъ это печальное событіе 1410-мъ годомъ⁴. Но съ общими показаніями лѣтописцевъ и историковъ несогласна грамота всѣхъ трехъ Вуковичей и матери ихъ, Мары, дан

¹ Памятники, N XX.

² Гласникъ, ч. V. Завѣса, находившаяся при царскихъ вратахъ въ Сербской Хиландарской лаврѣ привезена въ Бѣлградъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими грамотами, архимандритомъ той лавры, Онуфриемъ Поповичемъ.

³ Шафар., Памяти., стр. 75. — *Arhiv za povjestn. Jugoslav.*, III, стр. 17.

⁴ Шафар., Памяти., стр. 75. — Черногорскій списокъ (руц.) — *Arhiv za povjestn. Jugoslav.*, III, стр. 17. — Гласникъ, ч. V, стр. 98.

ная въ 1413 году, 3 октября (С. № 175). Въ этой грамотѣ Григорій, Юрій и Лазарь, съ своею матерью, даютъ Святопавловскому Аѳонскому монастырю нѣсколько селъ и 20 литръ серебра ежегоднаго жалованья. По свидѣтельству этой грамоты, все семейство Вука было еще живо въ 1413 году¹. Но скорѣе надобно думать, что годъ въ грамотѣ выставленъ невѣрно (вѣроятно, ошибся переписчикъ). Тѣ же Вуковичи съ матерью своею, Марою, дали 29 декабря 1405 года, Дубровничанамъ грамоту, которою подтверждала записъ царя Стефана, князя Лазаря и родителя своего, Вука (С. № 91). Въ слѣдующемъ 1407 году опять находимъ грамоту Мары съ сыновьями, Григоріемъ, Юріемъ и Лазаремъ, объ отдачѣ въ пользу Хиландарской больницы Хотченскаго торго, съ правомъ свободнаго хожденія на этотъ торгъ для всякого, кто только захочетъ, для Сербина, Латынина, Турка (Гр., стр. 52, № 30). Муса по тому оставилъ въ живыхъ Юрія, что видѣлъ въ немъ закятаго врага Стефану. И дѣйствительно, въ 1411 г., по убіеніи Сулеймана, Муса съ Юріемъ Вуковичемъ вторгся въ Сербію, требуя для Юрія участка Вука Лазаревича; но съ помощію Сигизмунда и Сандаала онъ былъ изгнанъ. Поссорившись съ Мусою въ 1412 г., Юрій помирился съ Стефаномъ. За то Муса вступилъ въ Сербію, разбилъ Стефана и опустошилъ страну; потомъ обратился на Византію. Тогда Мануилъ, боясь его могущества, выставилъ ему соперника — четвертаго Баязидива сына, Магомеда. При рѣкѣ Искрѣ, въ Булгаріи, Муса былъ разбитъ и задушенъ, въ 1413 г. Въ благодарность, Магомедъ утвердилъ Стефана деспотомъ надъ Сербією и не тревожилъ его земель, довольствуясь одною данью. Въ 1422 году умеръ Магомедъ. Стефанъ могъ бы теперь ударить на Турокъ въ Европѣ; но онъ остался вѣренъ клятвѣ, данной Магомеду и его дѣтямъ. Съ его помощію воцарился Мурадъ. Передъ своею смертію, Стефанъ завѣщалъ Сербію Юрію Вуковичу Бранковичу и заключилъ договоръ съ Сигизмундомъ, по которому Сербія признавала верховную власть Угріи. Въ этомъ же договорѣ мы впервые видимъ мысль Сербскихъ владѣтелей — упрочить себѣ мѣстопребываніе въ Угріи чрезъ промѣну Сербскихъ городовъ на Угорскіе². Стефанъ скончался 1427 года, 19 июля, въ субботу, въ 3-й часу дня, какъ свидѣтельствуеть его Житіе³. Въ годъ его смерти между историками есть разногласіе. Съ Житіемъ сходятся Царстваникъ и лѣтописи⁴. Въ 1411 году имъ дана была другая грамота Хиландару (А. № 17) по случаю надачи этой лавры селами, лежащими около Новобърда. Наконецъ, въ благодарность Богу за наступившія мирныя времена, онъ далъ еще грамоту Хиландару, возобновивъ ея Новобърдскій доходъ, 100 литръ серебра, въ пользу лавры (А. № 16). Къ этому же времени деспотства его относится грамота, въ которой онъ даритъ Милешевскому монастырю пять селъ въ Моравицахъ (С.-Д. М. 1844). Стефанъ подписывался: *Мѣтѣмъ кѣмю гмъ всамъ сръднимъ и поморию и подувианскимъ страиамъ деспотъ Стефанъ*. Утомленный народъ былъ доволенъ временнымъ спокойствіемъ и благословлялъ Стефана, а Стефанъ былъ доволенъ тѣмъ, что не нарушилъ клятвы султанамъ. Странный былъ образъ дѣй-

¹ У Григоровича, по ошибкѣ, выставленъ 1424 г. (Путеш., стр. 25, N 4).

² Въ этомъ отношеніи важна договорная грамота, приводимая Енгелемъ въ Gesch. v. Serv. u. Bosn., на стр. 370.

³ Рукопись. См. Введеніе, стр. 51.

⁴ Шафаръ, Памят., стр. 73, 76. — Черногорскій списокъ (рпк.). — Гласникъ, ч. V., стр. 99. — Arhiv za povjestn. Jugoslav., III, стр. 18.

ствій Стефана. Судьба въ высшей степени благоприятствовала Сербіи; но Стефанъ не умѣлъ, или не хотѣлъ пользоваться обстоятельствами. Ни при отцѣ его, Лазарѣ, ни при преемникѣ его, Юріи, не было у Турокъ такихъ усобицъ, какъ при немъ. Косовская битва еще была свѣжа въ памяти народной; Сербы еще не успѣли привыкнуть къ мысли о подданствѣ иноплеменникамъ: все вело къ тому, чтобы поправить неудачу Лазаря. Но Стефанъ дорожилъ благоволеніемъ султановъ, не замѣчая того, къ чему вело это благоволеніе. Въ немъ проявилась мысль, не могшая прийти истинному потомственному государю, мысль чуждаго покровительства. Мы видѣли, что и въ Босняхъ, въ родѣ бояръ Храничей, стала обнаруживаться эта мысль, затруднявшая дѣйствія верховной власти и, можетъ быть, служившая одною изъ главнѣйшихъ причинъ покоренія этой страны Турками. Такъ и теперь сынъ бывшаго боярина, видя противъ себя Бранковичей, не рѣшается одинъ дѣйствовать противъ нихъ, но прибѣгаетъ къ дружбѣ Турокъ, охотно выдаетъ себя за ихъ клятвенника и употребляетъ противъ врага средство, отстраняющее всякую самостоятельность,—жалобу. Турки рады были рѣшить дѣло въ пользу того, кто имъ жаловался и такимъ образомъ добровольно признавалъ ихъ рѣшителями судьбы народа и верховными властителями Сербіи. Въ этомъ поступкѣ видѣнъ тотъ самый бояринъ, какихъ встрѣчаемъ мы послѣ преобразования Душанова, — бояринъ личный, честолюбивый, крамольный, не могшій подняться до высшихъ взглядовъ истиннаго государя, жертвовавшій себялюбивымъ видамъ независимостию народною. Таковы были и другіе Лазаревичи; таковы были Бранковичи и самъ Вукъ Бранковичъ. По смерти послѣдняго, Стефанъ былъ обезпеченъ въ своемъ господствованіи; но и тутъ не рѣшился онъ возвратити Сербіи прежнюю ея независимость. Попытокъ къ этому съ его стороны мы не видимъ. Онъ спокойно оставался подручникомъ и данникомъ Турціи. Что связывало его?—мы не знаемъ. Родственные споры не могли удерживать его, ибо противники были слабѣе его и притомъ чаще были въ союзѣ и мирѣ съ нимъ, чѣмъ во враждѣ. И въ этѣ благоприятныя минуты судьба Европейскихъ Турокъ не разъ находилась въ его рукахъ; но онъ, какъ вѣрнопопавшій, самъ возводилъ султановъ и самъ же кланялся имъ; когда Турки бились съ христіанами, тогда и онъ бился за Турокъ. Однажды только оставилъ онъ невѣрныхъ, но не болѣе, какъ за личное оскорбленіе. Побѣда подъ Триполемъ, кажется, должна бы была вразумить его. И какъ много могъ бы онъ сдѣлать для Сербіи во время Турецкихъ смутъ; но онъ ограничился тѣмъ, что отъ одного султана переходилъ къ другому, между тѣмъ, какъ легко могъ бы, вѣстѣ съ Мануиломъ и Сигизмундомъ, совершенно изгнать Турокъ изъ Европы. Наконецъ обмѣнъ Сербскихъ городовъ Угорскими ясно показываетъ, что Стефанъ думалъ о себѣ одномъ, а не о народѣ, берегъ себя, а не Сербію. Но не смотря на то, онъ умѣлъ на время прикинуть личныя правила съ выгодами народа. Черезъ свое постоянство и преданность онъ снискалъ довѣріе султановъ и доставилъ временное спокойствіе отечеству. Конечно, этотъ плодъ, въ жертву которому онъ принесъ однажды навсегда независимость Сербіи, не могъ быть прочнымъ; онъ имѣлъ значеніе только временное до тѣхъ поръ, пока у Турокъ продолжались усобицы: стоило имъ успокоиться, и Турки показали, что настоящимъ плодомъ дѣйствій Стефана воспользовались они же сами, а не Сербы. Но Стефанъ не дожилъ до этого времени и тѣмъ спасъ въ народъ свою добрую славу. Неудачную политику, которой послѣдствія еще не успѣли обнаружиться при немъ, онъ замѣнялъ своимъ благочестіемъ,

добрыми дѣлами и улучшеніемъ народнаго благосостоянія. Народъ, довольный настоящимъ, оплакивалъ его, какъ отца и благодѣтеля, и величалъ святымъ.

То же себялюбіе, то же отчужденіе отъ народа, ту же неадаптивность видны въ дѣйствіяхъ Юрія Бранковича. Къ этимъ качествамъ должно еще присоединить и пережъчивость, столько вредившую и самому Юрію и его народу. Но Юрія не должно обвинять болѣе, чѣмъ Стефана. Ему трудно уже было поправить дѣло, испорченное предшественникомъ; и если онъ не успѣлъ въ этомъ, то, по крайней мѣрѣ, въ немъ надобно признать стремленіе, противоположное стремленію Стефана: онъ всегда имѣлъ въ виду отпаденіе отъ Турціи. Не добрая воля, а обстоятельства заставляли его дѣйствовать такъ, а не иначе. Не столько онъ служитъ виною тому, что случилось при немъ, сколько его предшественникъ: рано, или поздно Турки непременно покорили бы Сербію, если уже начало, сдѣланное Стефаномъ, было столь благопріятно для нихъ. Мурадъ, возвратившійся въ Европу и недовольный обѣщаніемъ дани, предъявилъ свои права на Сербію, какъ сынъ Баязида, женатаго на одной изъ дочерей Лазаря, и, въ два похода опустошивъ Сербію, принудилъ Юрія выдать за себя дочь, Мару, въ 1431—1432 г. Уже тогда Юрій видѣлъ, что дѣло Сербіи проиграно безвозвратно, и спѣшилъ промѣной Бѣлграда на нѣсколько Угорскихъ городовъ приготовить себѣ безопасное убѣжище въ Угріи. Это произвело тяжелое впечатлѣніе на народъ. Чтобы разсѣять его, Юрій объявилъ себя деспотомъ въ 1435 г. и вѣнчался короною, приславною отъ Іоанна Палеолога. Доселѣ онъ называлъ себя просто господиномъ Сербіи и писался: гнѣ сръмаѣ и поморѣ и подзымаио. Деспота Стефана онъ величалъ своимъ родителемъ (Ср. С. NN^о 111, 137). Въ отмщеніе, Султанъ осадилъ Смедерево, столицу Юрія. Пока Юрій ходилъ въ Угрію просить помощи у Алберта, Смедерево было взято; другіе города сдавались Туркамъ; два сына его находились въ рукахъ Мурада. Въ отчаяніи, Юрій скитался по приморскимъ городамъ. Въ 1441 г. былъ въ Дубровникѣ и оставилъ себѣ на сохраненіе богатѣйшій вкладъ: золота 118 литръ, 9 унцій, 10 аксагъ; серебра гламы 340 литръ, 11 унцій, 1 аксагу; серебра бѣлаго 1997 литръ, 6 унцій, 3 аксаги; 1000000 аспръ, въ коихъ было 10533 литры, 2 унціи, 3 аксаги серебра, и множество золотыхъ и серебряныхъ утварей. Въ случаѣ смерти, онъ завѣщалъ его супругѣ, Иринѣ, и тремъ сыновьямъ (С. N^о 139). Потомъ, какъ бы очнувшись, онъ перебрался снова въ Угрію и себѣ заключилъ союзъ съ королемъ Владиславомъ. Всѣ трое, Владиславъ, Юрій и Гунядь, воевода Врдельскій, вступили съ войскомъ въ Сербію и въ шести битвахъ поразили Турецкое войско, въ 1443 г. Мурадъ принужденъ былъ просить мира; онъ обѣщалъ не переходить за Дунай, отдалъ назадъ всѣ Сербскіе города и за собой оставилъ одну Булгарію. Въстѣ съ тѣмъ Юрію были возвращены оба его сына, но уже лишенные зрѣнія. Съ этой поры Юрій вдругъ пережънилъ свой образъ дѣйствій. Кажется, удача противъ Турокъ должна бы была привязать его еще болѣе къ Угріи, а между тѣмъ онъ сталъ дѣйствовать на оборотъ. Онъ не принялъ участія въ несчастномъ Варнскомъ дѣлѣ (1444 г.) и не пустилъ черезъ свои земли Скандербегу, за что послѣдній жестоко отплатилъ ему; когда Гунядь шелъ на Мурада, чтобы отмстить за смерть Владислава, Юрій уведомилъ объ этомъ Султана и не помогъ Гуняду; онъ даже схватилъ Гуняда, бѣжавшаго послѣ пораженія на Косовомъ полѣ, въ 1448 г. Этотъ поступокъ съ Гунядомъ навлекъ на него гибельныя послѣдствія, поставивъ его между двухъ огней. Султанъ мстилъ за освобожденіе Гуняда опустошеніемъ пограничной Сербіи, а Гунядь

истилъ за свой пльнъ присвоеніемъ всѣхъ Юрьевыхъ владѣній въ Угріи. Въ 1451 г. умеръ Мурадъ. Ему наследовалъ сынъ его, Магомедъ, который также посѣдѣшилъ объявить свои права на Сербію, ибо отецъ его былъ жевать на Марѣ. На первый разъ походъ въ Азію заставилъ его благосклонно принять поздравленіе Юрія. Но послѣ взятія Царьграда, въ 1453 г., Магомедъ рѣшился оружіемъ доказать свои права на Сербію. Когда онъ вступилъ въ Сербію, Юрій былъ въ Угріи и искалъ себѣ помощи. Узнавъ о приближеніи союзниковъ, Магомедъ воротился въ Адриянополь, оставивъ одного Ферисбега при Крушевцѣ. Сдѣсь нашли Ферисбега союзники и разбили на голову. Магомедъ снова собрался на Сербію, и Юрій снова просилъ помощи: ему предлагали ее подъ условіемъ переѣзны вѣры; но онъ отказался. Въ 1456 году Юрій умеръ, будучи раненъ въ схваткѣ съ Силагіемъ, который истилъ ему за коварное убіеніе брата. Изъ краткаго очерка дѣятельности Юрія мы можемъ замѣтить, что Юрій дѣйствовалъ весьма двусмысленно; но онъ поступалъ такъ, какъ поступаютъ всѣ, находясь въ подобномъ положеніи. Поставленный между двухъ сильныхъ враговъ, онъ держался срединной политики, угождалъ и вредилъ тому и другому. Зачѣмъ, спрашиваютъ, не сталъ онъ твердо при богатыряхъ Кастриотъ и Гунядѣ? Но первый могъ одолевать Турокъ только у себя дома, въ горахъ, а второй не всегда оставался побѣдителемъ, и, главное, дѣйствовалъ отъ лица Угріи и за Угрію. Албанія была слишкомъ мала, чтобы притянуть къ себѣ всю Сербію, а Угрія имѣла на Сербію виды не менѣе враждебныя, чѣмъ виды Порты. Притомъ счастье колебалось между тою и другою стороною, и Сербія, лежавшая въ срединѣ, являлась первою жертвою мести побѣдителей. Но если основаніе образа дѣйствій Юрія оправдывается обстоятельствами, то самый способъ примѣненія его заслуживаетъ порицанія. Юрій дѣлалъ все не во время, неудачно, не умѣлъ пользоваться обстоятельствами; увертываясь, онъ всегда попадалъ въ просакъ. По крайней мѣрѣ, онъ не служилъ въ Турецкомъ войскѣ, не бился за Турокъ, не подчинилъ Сербію Угріи и умѣлъ спасти ее на время отъ совершеннаго порабоженія. Но если онъ, какъ правитель и государственный мужъ, не заслуживаетъ порицанія болѣе, чѣмъ Стефанъ, то, какъ человекъ, онъ стоитъ гораздо ниже Стефана. Родъ Лазаря отличался споконствіемъ и прямою дѣйствіемъ; родъ Бранковичей, начиная съ самого Бранка, бѣжавшаго по какой-то крамолѣ въ Булгарію, отличается безпокойствомъ, лживостію и крамольностію; Лазарь и Стефанъ, по крайней мѣрѣ, по указаніямъ Исторіи, не первые поднимались, не первые начинали происки, хотя средства, ими употребляемая, не отличались отъ средствъ другихъ бояръ. Если Стефанъ чрезъ жалобу Портѣ на Вука и погубилъ этого послѣдняго, однако въ дѣйствіяхъ своихъ онъ все же таки былъ открытѣе, благороднѣе и простодушнѣе; Вукъ и Юрій, напротивъ того, являются настоящими боярами крамольниками, подыскивающими подъ другими, сильнѣйшими ихъ боярами, Лазаремъ и его родомъ, и не обращающими вниманія на гибельныя послѣдствія ихъ подысковъ. Юрій выдается, какъ послѣдній представитель того новаго боярства, которое, порознивъ свои выгоды съ выгодами страны и сословія, распалось на личности, стремившіяся къ удовлетворенію своихъ собственныхъ выгодъ. Онъ былъ чуждъ правдивости и не любилъ отечества. Вся его дѣятельность при Стефанѣ, до ихъ примиренія, основывалась на личной его неприязни къ Лазаревичамъ и явно клонилась ко вреду Сербіи. Какъ отецъ его былъ причиною паденія Сербской самостоятельности послѣ Косов-

своей битвы, такъ онъ своими крамолами мѣшалъ ея возстановленію. Можетъ быть, онъ связывалъ руки Стефану для рѣшительныхъ дѣйствій противъ Турокъ; онъ скорѣе всего заставлялъ Стефана твердо держаться султановъ, какъ единственнаго источника силы. Но это не ослабляетъ сказаннаго нами выше о Стефанѣ. Не слишкомъ ли Стефанъ боялся своихъ внутреннихъ непріятелей; не увлекался ли чрезъ мѣру манною самостоятельностью; не уважалъ ли болѣе, чѣмъ сколько слѣдовало, своихъ подданныхескихъ обязанностей относительно порабитителей своего отечества, и не цѣнилъ ли чрезчуръ временное спокойствіе, о которомъ самъ онъ говоритъ, какъ о вожделенномъ? — на все это приходится намъ отвѣчать утвердительно. И такъ виноваты оба: и Стефанъ и Юрій. Равномѣрно поступокъ Юрія съ Гунядомъ должно приписать личнымъ отношеніямъ Юрія къ Гуняду. Дочь Юрія была за Ульрихомъ Цильскимъ, заклятымъ врагомъ Гуняда; по этому очень возможно, что Юрій поступилъ такъ по наущенію графовъ Цильскихъ. Дѣйствительно, въ договорѣ съ Гунядомъ мы видимъ условіе, которое лишало послѣдняго возможности истить графовъ Цильскихъ: въ силу этого условія сынъ Гуняда долженъ былъ жениться на дочери Ульриха. Въ послѣдствіи, по наущенію тѣхъ же графовъ Цильскихъ, Юрій покушался на жизнь Силагіевъ, шурьевъ Явка Гуняда, — и этотъ новый поступокъ окончательно объясняетъ его прежній поступокъ съ самимъ Гунядомъ. Смерть одного изъ Силагіевъ ознаменовала послѣдніе дни девятистолѣтняго Юрія. Въ этомъ старцѣ—деспотѣ видѣлся тотъ же крамольный бояринъ, какимъ былъ его отецъ и онъ самъ въ своей молодости. Отъ Юрія хранится на Аеои нѣсколько грамотъ. Въ одной, 1429 г., онъ подтвердилъ хрисовулъ «своего отца, деспота Стефана» на право владѣнія 70-ю селами въ Браничевѣ, Кучевѣ и Мачвѣ, данное великому челянику Радичу; а въ другой, 1430 г., подтвердилъ, съ супругою Ириною, грамоту деспота Стефана, данную Радичу на обладаніе церковью на р. Грабованицѣ и 5-ю селами. Тотъ же Радичъ написалъ отъ себя, въ 1433 г., грамоту на возобновленіе монастыря Костамонита, гдѣ между прочимъ говоритъ, что игуменъ долженъ имѣть при себѣ совѣтъ изъ 6 старцевъ (Гр., стр. 74, NN^o 1, 2, 3). Дубровничане два раза получили отъ него подтвержденіе своихъ торговыхъ правъ, въ первый разъ въ 1428 г., 13 дек., во второй въ 1445 г., 17 сент. (С. NN^o 111, 137). Сверхъ того онъ позволилъ имъ свободно по всей Сербіи, кромѣ Смедерева, торговать серебромъ, покупать и отвозить его въ Дубровникъ (С. N° 137). Авраамовичъ подробно описываетъ современное изображеніе Юрія съ супругою Ириною, сыномъ Григоріемъ и дочерью Марою, сдѣланное на одной грамотѣ, которою Деспотъ, по возвращеніи своемъ изъ Святой Горы, въ 1430 г., записалъ монастырю Свигиену 50 латрѣ серебра годичнаго жалованья¹. Юрій подписывался: *Мѣтѣю кѣтѣю Гѣъ Сербскѣю Деспотѣ Гюргѣ*.

Тотчасъ по смерти отца, Лазарь Юрьевичъ, прогнавши двухъ старшихъ слѣпыхъ братьевъ и отравивши мать, объявилъ себя деспотомъ; но вскорѣ умеръ въ 1458 г. въ то время, когда Магомедъ вступилъ въ Сербію. Григорій умеръ въ монашествѣ; его сынъ, Вукъ Змѣевичъ, прославилъ себя богатырскими подвигами и былъ въ послѣдствіи деспотомъ надъ Австрійскими Сербіями. Стефанъ тщетно пытался объявить себя деспотомъ въ Сербіи и Сремѣ. Большую часть своей жизни онъ провелъ въ скитальчествѣ. Онъ былъ женатъ на Ангелинѣ, дочери Арванита, владѣтеля Зетскаго и брата Ивана Черноевича.

¹ О. Д. С. у С. Г. 1847. Стр. 67.

Отъ нея имѣлъ двухъ сыновей, Юрія и Ивана. Отъ Лазаря и Стефана мы имѣемъ по одной грамотѣ (С. NN^о 146, 147). Первый въ 1457 г., 12 авг., второй въ томъ же году, 14 дек., свидѣтельствуютъ, что вполнѣ получили отъ Дубровничанъ каждый свою часть, состоящую изъ 200 латръ золота, оставшагося отъ вклада, положеннаго ихъ родителями и обратно имъ взятаго. Оба они именуется деспотами. Также отъ Ангелины осталась одна грамота, 1495 г., 3 ноября, въ которой сказано, что по примѣру дѣда, деспота Юрія, обновившаго Святопавловскій Авонскій монастырь съ храмомъ св. Георгія, она съ сыновьями своими, деспотами Юриемъ и Иваномъ, пожертвовала упомянутому монастырю 500 златыхъ ежегоднаго вклада (С. N^о 178). Подпись: Въ хрѣта вѣга бѣгоутиви и хрѣтомоуви Гѣога Дѣпотца Ангелина и Деспотъ Георгие і Деспотъ Иванъ. Грамота писана въ Кудинникъ. Черезъ четыре года уже одинъ Иванъ съ матерью давалъ грамоту монастырю Свигмену изъ того же города. Хотя онъ сдѣсь именуется себя деспотомъ, какъ и всѣ прочіе родичи бывшихъ деспотовъ, однако онъ выражаетъ только надежду сдѣлаться, при помощи Божіей, господиномъ надъ Сербіями, и въ этой надеждѣ беретъ подъ свое покровительство Свигмень, обѣщая впредь ежегодно поддерживать и награждать его согласно съ грамотою дѣда своего, Юрія. Подпись: милостію воуімоу госнога деспотца Ангелина: и силъ нашихъ милостію воуімоу деспотъ Іоанъ: (Г. V). Братъ его, Юрій, былъ уже въ это время постриженъ въ иноческій санъ подъ именемъ Максима. Послѣ этого постриглась и Ангелина. Иоанъ принялъ деспотство въ 1500 г., а умеръ въ 1502 г., декабря 10.

Между тѣмъ въ Сербіи оставалась деспотица Елена, вдова Лазаря Юрьевича, дочь Феодора Палеолога и сестра Русской царицы Софій¹. Она всячески пыталась удержаться въ Сербіи; но ни родство съ Стефаномъ Томашевичемъ, за которымъ была ея дочь, ни союзъ съ Матвѣемъ Корвинимъ, ни подчиненіе Сербіи папѣ, ни коварное убіеніе Абоговича, не спасли Сербію отъ Турецкаго ига. Въ 1459 году Магомедъ совершенно покорилъ Сербію Турецкой власти. Елена скиталась по Далмаціи и Италиі и умерла монахиней въ 1474 году, 7 ноября². Мы имѣемъ грамоту деспотицы Елены (А. N^о 20), отпечатанную 11-мъ іюня 1502 года. Какъ видно, годъ написанъ въ подлинникѣ довольно неясно; но уже первая буква, если только она написана вѣрно, приводитъ къ 1492 году. Во всякомъ случаѣ между Исторіею и грамотою есть противорѣчіе. Въ этой грамотѣ Елена обѣщаетъ жертвовать ежегодно Хиландарю 100 червонцевъ. Подписывается: въ хрѣта вѣга бѣгоутиви гѣга Елена матіноу воуімоу деспотца сръблени.

Разсѣявъ Бранковичей, Магомедъ выгналъ изъ своего двора Мару, супругу Мурада, давши ей для жительства Ежево близъ Святой Горы. Отсюда Мара писала Дубровнику известныя уже намъ грамоты (С. NN^о 165, 166, 167); отсюда также дала она, въ 1479 году, 15 апр., грамоту, въ которой доходъ Святоархангельской Ерусалимской церкви, 1000 перп., перевела въ Святогорскіе Сербскіе монастыри, Хиландарь и св. Павла (Г. Б). Такъ какъ это распоряженіе она сдѣлала на основаніи грамоты царя Стефана (Уроша V), то Енгель, не могши узнать изъ ея грамоты, о какомъ именно Стефанѣ говоритъ она, назвалъ этого Стефана Душаномъ; но напечатанная рядомъ съ этою грамотою грамота Степа-

¹ По свидѣтельству Бранковича, у Ранча, ч. III, стр. 250. — Dufresne, Famil. Dalm. et Slavon., т. V, § XII. — Ср. Карамзина, Исторія Государства Россійскаго, т. VI, гл. II.

² Dufresne, Famil. Dalm. et Slavon., гл. V, § XII. За нимъ Ранчъ и Енгель.

на Уроша V показываетъ, что Мара разумѣть сдѣсь сына Душанова, Уроша V. Она подписывается: **СОУЛАМА ЦРЪ АМХРАТА ЦРЪА МАРА ДЪЦИ ГЮРНИА ДЕСПОТА**. Въ 1501 году посланные отъ обонхъ Святогорскихъ монастырей жаловались Портѣ, «что нѣкая злая жена волшебствомъ» прекратила Дубровничскій доходъ, назначенный имъ царицею Марою. Визирь совѣтовалъ Дубровничанамъ платить, по прежнему, установленный доходъ; иначе грозилъ довести это дѣло до свѣдѣнія султана (С. № 173). Доходъ былъ восстановленъ. Это видно изъ того, что въ 1544 г. два іеромонаха, довѣренные отъ обонхъ монастырей, дали расписку Дубровничанамъ въ полученіи сполна всѣхъ денегъ, слѣдовавшихъ за два, еще не очищенные, года, 1542-й и 1543-й (С. № 174).

Когда Юрій Бранковичъ просилъ помощи у Запада, ему обѣщали ее подъ условіемъ перемѣны вѣры. Юрій не принялъ такого условія. Когда деспотница Елена подчинила Сербію папской власти, народъ возсталъ и избралъ деспотомъ сторонника Порты, Абоговича. Такъ сильно сказывались въ Сербіи народное чувство и привязанность къ основѣ народности—вѣрѣ. И Сербія безъ сопротивленія подчинилась Турціи. Невозможно было долѣе отстаивать государственную независимость даже въ той слабой степени, въ какой она доселѣ проявлялась: пришлось выбирать того, или другаго повелителя. Одинъ обѣщалъ защиту отъ невѣрныхъ и льстилъ вещественнымъ благосостояніемъ, но тайнѣ готовился наложить руку на всѣ коренныя основы народной жизни: другой грозилъ опустошеніемъ, утверждалъ всюду свою произвольную власть, но не обращалъ вниманія на народный бытъ, не касался ни вѣры, ни языка, ни обычаевъ. Сербы выбрали послѣдняго, и Турки поставили надъ ними свою власть со всѣми ихъ мельчайшими подраздѣленіями. Чего не достигало Западное духовенство различными притѣсненіями, того достигла Турецкая власть безъ всякаго усилія. Много народу приняло ислаимъ и отуречилось. Первые начали бояре, желавшіе черезъ отступничество отъ вѣры сохранить свое вліяніе на народъ, приобрѣсти съ помощію Турецкой народности богатство и значеніе. За ними послѣдовали и прочія сословія. Болѣе всѣхъ отуречилась Босна, гдѣ не было противодѣйствія магомеданству; гдѣ постоянная вражда православныхъ, патареновъ и католиковъ рознила нравственныя силы народа, ослабляла духовенство и иѣшала основанію монастырей. За нею слѣдовала Герцеговина, которая сильнѣе Босны стояла за православіе и съ юга поддерживалась Черногорцами. Наконецъ всѣхъ менѣе отуречилась собственная Сербія. Въ нее не проникалъ католицизмъ и не ослаблялъ въ ней дѣйствія православія; средоточіе Турецкой стихіи, Бѣлградъ, не былъ для нея средоточіемъ; у нея оставалось сильное вліяніемъ и многочисленное духовенство и патріархъ; она наполнена была монастырями, и средоточіемъ ея народности была гористая страна, древяя Дарданія, гдѣ находилась столица патріаршества и куда не проникла чуждая стихія¹. Не касаясь народности, Порта незамѣтно достигла того, что цвѣтъ Турецкаго войска, янычаре, были почти всѣ Славяне, ревностные поборники славы Турецкаго оружія и иступленные поклонники Корана. Но между тѣмъ, какъ часть Сербовъ перерождалась, другая, болѣшая, таила въ себѣ искру народной жизни, народнаго чувства. Она помнила, что Сербы поддались Турціи по тому только, что бояре или главари, захватившіе подъ конецъ верховную власть, не успѣли сберечь

¹ См. статью Спаситя: «Нешто о нашой цркви подъ Турскимъ владѣніемъ». Гласникъ, ч. I. 1847.

и защитить этой власти и, ослабивъ страну крамолами, выдали ее пришлымъ завоевателямъ; она исподоволь крѣпла въ вѣрѣ и народности. Какъ павшая имперія служила прежде образцомъ государственной порчи, такъ теперь Черногорія служила примѣромъ доблестной защиты отечества и всего роднаго. И изъ этой части Сербскаго народа выходили порою богатыри, поддерживавшіе воинственный духъ своихъ земляковъ и питавшіе въ нихъ непримиримую вражду къ своимъ Азіатскимъ поработителямъ. На нихъ любила отдыхать народная мысль, и на нихъ останавливалась народная поэзія. Сербія имъ обязана своими юнацкими пѣснями. Отважные храбрыцы бились не за всю Сербію и не противъ всей Турціи, ибо это было еще рано; а бились они одинъ на одинъ для того только, чтобы не заглохла въ нихъ ненависть къ Туркамъ, а съ нею и чувство независимости. И Сербы, слагая пѣсни про своихъ витязей, дождались наконецъ пѣсней про Георгія Чернаго и Милоша Обреновича, когда дѣло шло уже объ освобожденіи всей Сербіи и торжествѣ православія. Въ дѣлѣ обновленія не могло быть мѣста ничему старому, испорченному. Превжній владѣтельный родъ Неманичей давно уже исчезъ; старинные боярскіе роды, своими крамолами стужившіе отечество, выдавшіе народъ и не сумѣвшіе усидѣть на престолѣ, сходятъ съ поприща общественной дѣятельности, бѣгутъ въ чужія земли, или отуречиваются. На ихъ мѣстѣ вождями народа являются новыя лица, вышедшія изъ самого низкаго сословія, но личными подвигами стяжавшіе себѣ славу и общее уваженіе: то—жители горъ, пастухи, айдуки. Таково новое Сербское боярство, если можно такъ назвать его. Вѣсть съ нимъ увѣчалось славомъ духовенство, которое, въ дѣлѣ народности и освобожденія, дѣйствовало столько же словомъ, сколько и оружіемъ, и по совершеніи начатаго дѣла, послѣ брани, смиренно возвратилось къ своимъ мирнымъ пастырскимъ занятіямъ¹.

Была еще третья часть Сербовъ, которая захотѣла лучше покинуть родину, чѣмъ подпасть подъ иго невѣрныхъ. Совершенно было нѣсколько переселеній за Дунай. Одни перешли въ Сремъ, другіе въ Бачку и Банатъ, третьи подъ самый Пештъ. Угорское, а потомъ Австрійское правительства обѣщали имъ сохраненіе вѣры, языка и народности и дали имъ разныя льготы, какъ-то, освобожденіе отъ десятины и пр. За то Сербы не жалѣли своей жизни въ общемъ дѣлѣ Нѣмцевъ и Угровъ. Они прославились болѣе тѣхъ, за кого сражались. Имена Вука Змиѣвича, Дмитрія Якшича, князя Павла Бранковича, Павла Бачича и многихъ другихъ покрылись въ Турецкихъ войнахъ неуводаемою славомъ вѣсть съ имелами Хорватскихъ защитниковъ, Шубичей, Берислова, Зрнїи, Алапича и другихъ. Но Сербы не нашли того, что думали найти, переселяясь за Дунай. Главныя усилія ихъ западныхъ противниковъ были устремлены на вѣру и языкъ. Извѣстнѣе прочихъ страшныя нападенія Седмиградскихъ Кальвинистовъ при митрополитѣ Савѣ (1656—1686), который не избѣжалъ даже тѣлеснаго насилія, поруганія и тюремнаго заточенія². Въ послѣдствіи, по утверженіи въ Австріи вѣротерпимости, предметомъ непріязненныхъ дѣйствій сталъ Сербскій языкъ: хотѣли, чтобы въ школахъ Сербы не учились Церковнославянскому языку, который названъ былъ «мертвымъ и без-

¹ См. В. С. Караджича о войнѣ Сербовъ съ Даями, въ «Даницѣ» 1828 года и «Илирскихъ Новинахъ» 1841 года. Нѣсколько другихъ источниковъ напечатано въ тѣхъ же наданіяхъ, а также въ Голубицѣ, Гласникъ и пр.

² Дѣйствія и судьба Савы подробно описаны его братомъ, Юріемъ Бранковичемъ. Сокращеніе сдѣлано Рашчемъ въ его Исторіи (ч. IV, стр. 64 и слѣд.)

полезнымъ¹, но чтобы образованіе ихъ совершалось на языкѣ Иллирскомъ, сѣсь въсѣхъ нарѣчій Иллирскаго говора, и чтобы во всѣхъ прочихъ книгахъ, кроми церковныхъ, употреблялась азбука латинская. Въ этомъ постановленіи таились дальнѣйшіе виды на православную вѣру и Сербскій языкъ. Но усилія митрополита Моисея Путника и директора Янковича, достигли того, что употребленіе Кириловскихъ писемъ было допущено «на неопредѣленное время». Еще разрушительнѣе дѣйствовали враги на самостоятельность Сербскихъ поселеній за Дунаемъ. Сдѣсь Сербы оставались при своихъ деспотахъ, которые избирались ими сначала изъ рода Бранковичей, потомъ изъ другихъ родовъ. Последнимъ ихъ деспотомъ былъ Юрій Бранковичъ, первый Сербскій историкъ², коего имя связано съ именами Петра Великаго и Сербскихъ патріарховъ Максима и его преемника, Арсенія Черноевича, мужественно отстаивавшихъ вѣру и народность Сербовъ, поддерживавшихъ въ нихъ чувство единства, неутомно и съ самоотверженіемъ трудившихся въ тяжелыя времена о благѣ своей паствы. При Юріи, въ дѣлѣ Сербовъ, Россійскій дворъ показалъ себя, какъ всюду и всегда, защитникомъ угнетенныхъ собратій—единовѣрцевъ. Сербы, переселившіеся въ Австрійскія владѣнія, не смотря на данныя имъ права и свободу вѣроисповѣданія, постоянно терпѣли притѣсненія отъ католиковъ и особенно Седмиградскіе отъ Кальвинистовъ. Бѣдственное положеніе православныхъ Сербовъ побудило Седмиградскаго митрополита Саву и брата его, Юрія, Бранковичей отправиться, въ 1668 г., въ Россію, гдѣ царь Алексѣй Михайловичъ въ присутствіи патріарховъ Александрійскаго и Антиохійскаго, принялъ ихъ милостиво, надѣлилъ грамотою, позволилъ собирать подаянія и для митрополита Савы поручилъ полковнику Артамону Сергѣевичу Матвѣеву приготовить митру. Юрій Бранковичъ былъ уже въ это время тайно помазанъ на деспотство въ Адрианоуполь отъ руки возвращавшагося изъ Ерусалима Сербскаго патріарха Максима и при содѣйствіи Австрійскаго посланника при Портѣ и многихъ бояръ. Главною мыслію Деспота было поднятіе всѣхъ южныхъ Славянъ противъ Турокъ; къ ней присталъ и Валашскій господарь, Шербанъ; ее же одобрялъ и самъ императоръ Леопольдъ. Преемникъ Максима, патріархъ Арсеній Черноевичъ, а потомъ и Императоръ, 10 сентября 1688 года, подтвердили его въ деспотскомъ званіи. Другою мыслію Деспота и патріарха Арсенія было изведеніе Сербовъ изъ Турецкихъ владѣній въ Австрійскія. Оба задуманныя дѣла были полезны для Австріи, которой собственныя войска замѣтно уступали Турецкимъ силамъ и если еще не совсѣмъ уступили, то этимъ обязаны были неоднократной помощи Хорватовъ, Поляковъ, особенно Собѣскаго, и Сербовъ—переселенцевъ. Получить приращеніе къ своему народонаселенію, не столько важное по своему количеству, сколько по безвѣрной

¹ Слова императорской грамоты: Quae ex incidenti eo, quod a vernacula diversa sit, ac non nisi in luthurgis adhiberi consueverit, pro inutili, ac mortua reputari debet. A. D. MDCCLXXXIII, XXVI d. Iulii, N 17631. Гласникъ, I. 1847. Стр. 136.

² См. статью Мушницкаго: «Судбине Кирилски писмена у Аустрійской државы». Гласникъ, I. 1847.

³ Его Исторія Сербіи доселѣ остается въ рукописи. Ранѣе и нѣкоторые позднѣйшіе Сербскіе историки пользовались ею. Автописецъ, издаанный въ Загребскомъ Архивѣ (Кл. III, 1854) и названный нами Бранковичевымъ, служилъ ему, вмѣстѣ съ другими, источникомъ. Славянскій подлинникъ его пропалъ; надано только сокращеніе, сдѣланное Шелчевичемъ на Латинскомъ языкѣ. Такъ какъ Загребскій Архивъ получивъ былъ нами послѣ напечатанія Введенія, то объ немъ и не упомянуто на стр. 51. Онъ составляетъ, следовательно, 13-й списокъ Сербскихъ автописей, но не подлинный, а передѣланный, Латинскій.

храбрости и отъявленной враждѣ къ Туркамъ , получить въ то время , когда Турки грозили существованію Австріи и когда пограничныя земли уже опустѣли отъ ихъ вторженій : это было въ высшей степени выгодно для Австріи ; она тотчасъ размѣщала переселенцевъ по пустымъ пограничнымъ землямъ , привязывала ихъ къ себѣ блестящими общаніями и приобрѣтала такимъ образомъ преданныхъ и храбрыхъ бойцевъ , хранившихъ ея существованіе отъ покушеній Турокъ и Мадьяръ . Но между различными правами , состоявшими въ свободѣ вѣроисповѣданія , подчиненіи въ духовныхъ и мірскихъ дѣлахъ власти митрополита , избавленіи отъ государственныхъ податей и католическихъ десятинъ и пр. , не было общано , что Сербы будутъ имѣть постоянно своего деспота : правда , имъ позволено было выбирать своихъ воеводъ ; но тутъ же сказано , что воевать они стануть подъ главнымъ начальствомъ Нѣмецкихъ полководцевъ . Напротивъ , Сербы иначе понимали данныя имъ льготы ; вѣроятно , имъ внушено было , что они не только сохранять всѣ свои права , но даже со временемъ возстановлена будетъ ихъ государственная самостоятельность . Такъ думали они , по свидѣтельству ихъ подлинныхъ писаній . Вотъ почему въ послѣдствіи просились они у Австрійцевъ возвратиться на свою родину ; вотъ по чему также , не почитая себя Австрійскими подданными , заботились они о своемъ деспотѣ . Но для Австріи , съ первой же минуты ихъ прихода , смотрѣвшей на нихъ , какъ на подданныхъ своихъ , нельзя было допустить у нихъ такого устройства , представлявшаго всѣ невыгоды *status in statu* ; и въ слѣдствіе этого , предоставляя имъ оставаться при ихъ убѣжденіи , она , на дѣлѣ , дѣйствовала иначе . Довольно было для нихъ одной особой духовной власти ; высшая же мірская власть должна была сосредоточиваться не въ деспотѣ , а въ рукахъ правительства . Но Сербы хорошо сознавали значеніе деспотской власти , какъ видно изъ ихъ челобитной и письма Арсенія Черноевича къ Петру Великому : «яко да той же деспотъ нашъ яко первоначальная глава наша , его же мановенію народъ Сербскій , его нравамъ , расположенію и управленію привыкнувый , или стоитъ , или падаеть» — сказано въ челобитной ; Арсеній же къ судьбѣ деспота примѣняетъ Евангельское изрѣченіе : *верзице истира и разидутся ѡнце стада* . Это-то сознаніе своей самостоятельности подъ управленіемъ деспота и не могло быть допущено ; ибо въ такомъ случаѣ Сербы осуществили бы свое желаніе остаться самостоятельными . И когда , склонясь на лестныя предложенія Австріи , и Деспотъ и Патріархъ до того уже довели дѣло , что отказаться отъ него было невозможно , не подвергшись истребленію отъ Турокъ , тогда Австрія увидѣла , что Сербы могутъ уже обойтись и безъ деспота . Въ октябрѣ 1688 года , подъ Кладовымъ , при самомъ Траяновомъ Мосту , Юрій перешелъ съ дружиною своею въ Нѣмецкій станъ ; но начальствовавшій Нѣмецкими войсками , принцъ Баденскій , тотчасъ же приказалъ задержать его и подъ стражею отправилъ въ Ржаву , а отсюда въ Сибинъ . Австрійское правительство ни разу не высказало причинъ его задержанія ; Кальвинисты же Седмиградскіе распустили слухъ , что Юрій взятъ подъ стражу за излишнюю преданность Россіи , и старались согласно съ этимъ перетолковать и посольство Аеоискаго архимандрита Исая , отправленнаго Шербаномъ въ Москву . Они выдумали , что будто бы Юрій и Шербанъ тайно пересылаются съ Москвою и хотять вѣстѣ съ Московскими , Польскими , Татарскими и Турецкими силами дѣйствовать противъ Австріи . По этому Исая , по возвращеніи своемъ въ Седмиградію , былъ также задержанъ и отправленъ въ Сибинъ , а отсюда , вѣстѣ съ Деспотомъ , въ Вѣну . У него отобрали были

грамоты Московскаго царя, и онъ, равно какъ Деспотъ, подверженъ пыткѣ. Но въ силу новой грамоты изъ Москвы, Исаія дарована была свобода. Въ 1690 г. Сербы съ своимъ патриархомъ Арсеніемъ, въ слѣдствіе прежняго соглашенія съ Юріемъ, перешли черезъ Дунай въ Австрію, и столица патриаршая изъ Пети (Пека) перенесена была въ Сентъ-Андре близъ Пешта. Въ это время они еще не знали хорошо о судьбѣ своего деспота. Между тѣмъ Юрій, принужденный содержать себя въ Вѣнѣ на свой счетъ, переносилъ многія обиды отъ домохозяина и лишения. Въ челобитной Императору Сербы говорили, что Деспотъ содержится въ «превращной и сирадной темницѣ, яко и здравія уже лишается,» и что онъ, «всѣхъ своихъ добръ, движимыхъ и недвижимыхъ, обваженъ, еще и брени неплаты за квартиру или мѣсто стреженія его ему возложено имѣется, или не пропитаніемъ, ниже одѣланіемъ довольно снабденъ есть». Тщетною осталась просьба самого Деспота, который со всею откровенностію, своими дѣлами, доказывалъ свою преданность Австріи и требовалъ суда и выслушанія, говоря: *peque diabolus incauditus jure condemnari possit*. Потомъ три раза Сербы подавали челобитныя Императору объ освобожденіи Деспота; Арсеній утреблялъ къ тому всѣ усилія, но напрасно. Правительство объявляло, что ему все еще нѣкогда заняться дѣломъ Деспота, и самъ Императоръ сказалъ посланцѣ: «о заарестованіи Георгія Бранковича, нынѣ еще не распознанный арреста его причинѣ, отпустить не можемъ.» А распознаніе это и не думало производиться. Между тѣмъ Сербы и Патриархъ, къ которому правительство, въ замѣвъ Деспота, было весьма благосклонно, безвозвратно болѣе и болѣе втягивались въ общее дѣло Австріи, получивъ отъ нея себѣ поддеспота. Называя себя «заточниками», они мужественно сражались въ рядахъ Нѣмецкихъ войскъ за Австрійскія земли и продолжали льстить себя надеждою, что по усмиреніи злобнаго сосѣда они спокойно возвратятся къ самостоятельной государственной жизни. Но пока оставались они въ Австрійскихъ владѣніяхъ, права ихъ, торжественно дарованныя и подтвержденныя императорскими грамотами, мало по малу стѣснялись и отнимались. Католическое духовенство настояло на взиманіи съ нихъ, хотя и православныхъ, десятинъ; дѣйствія патриаршей власти были ограничены; насильно разселила Сербовъ по Нѣмецкимъ землямъ; отнимала у нихъ добычу, которую они брали на Туркахъ и которая по правамъ принадлежала имъ. Въ челобитныхъ своихъ Сербы опирались не на что болѣе, какъ на свои права, и, соединяя свои выгоды съ выгодами Австріи, для лучшаго успѣха, просили освобожденія Деспота, который, по ихъ словамъ, былъ имъ головою и урядителемъ и наилучшимъ образомъ могъ вести дѣла. Но то, на что они такъ откровенно ссылались для пользы самой Австріи, эта Славянская черта—любовь къ вождю и безграничная преданность и повиновеніе ему, какъ главѣ общей семьи, угаренность въ немъ при мысли, что ему одному вручена свыше судьба народа и что онъ одинъ можетъ и долженъ управлять ею,—это-то и не могло сойтись съ выгодами Австріи, боявшейся водворенія у себя отдѣльной, могущественной власти. Къ этой причинѣ присоединилась и другая, вѣроисповѣданная, истекавшая, впрочемъ, изъ того же начала и не скрываемаго Угорскимъ архіепископомъ, который, въ отвѣтъ на просьбу Деспота, прямо сказалъ: «отъ единыхъ странъ его (деспотово) избавленіе за нынѣ велии продолжаетъ архіепископъ ихъ (Сербовъ), его же вы называете патриархомъ, съ нимъ же и господишь Бранковичъ единогласіе имѣеть, яко таковыя вещи имѣти хочетъ патриархъ, еже бы могли быти како противъ власти моеи архіепископской, тако и всему замону

Римокаатолическому въ пагубу клоняться... Тѣмъ и государь Бранковичъ, еще бы освободился, толь паче возвысилъ бысте роги въ снмъ подобныхъ, же мы никаковымъ образомъ въ королевствѣ Унгарскомъ допустить не можемъ.» Но безъ своего вождя, который бы совѣтовалъ и предводилъ въ трудное военное время, Сербы обойтись не могли, и по тому имъ данъ былъ поддесноть съ весьма ограничевною властію. Впрочемъ, Московскій дворъ лучше понималъ и уважалъ ту Славянскую черту, которой не признавалъ дворъ Нѣмецкій. При свиданіи, въ 1696 году, съ Московскимъ посланникомъ, Козмою Никитачемъ, патриархъ Арсеній сказывалъ ему «о задержаніи Деспота, о насилваніи духовнаго и мірскаго чина къ осадненію съ Римокаатолическимъ закономъ, равнѣ же и о расселеніи народа Сербскаго въ предѣлы Нѣмецкіе, еже не точію Сербскимъ правамъ, торжественно увѣреннымъ, противно есть, но тѣмъ и разумѣти дается, яко намѣреніе есть, народъ той безъ вѣсти въ кѣкоемъ порабощеніи содержати.» По сему посланникъ Московскій представилъ Австрійскому правительству два требованія: позволять ему видѣться съ Деспотомъ и оказывать защиту православнымъ Сербамъ отъ притѣвленій латинскаго духовенства. Послѣ свиданія съ Деспотомъ, онъ первое требованіе измѣнилъ въ предложеніе объ освобожденіи Юрія, какъ невиннаго. На это ему отвѣчали: nihil male fecit, sed ratio status sic requirit. Номѣвѣство, прежде ли, послѣ ли этикъ дѣйствій Московскаго посланника, но только въ томъ же году, 6 іюня, Арсеній написалъ въ Москву къ царю Петру посланіе, въ которомъ, изложивъ обстоятельно все дѣло Деспота, просилъ его заступничества въ освобожденіи Деспота и въ прочихъ дѣлахъ, касающихся православнаго народа Славянскаго, живущаго въ Австрійскихъ земляхъ, какъ равно гнетимаго игою Турецкимъ. Къ этому главному прошенію присоединены были два другія: чтобы вмѣсто митры, заказанной покойнымъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, изготовлены были деспотская шапка и прочая утварь, надлежащая къ деспотскому сану; и чтобы Петръ благоволилъ оказывать ежегодныя вспомошествованія Деспоту, его сродникамъ и православнымъ Седмиградскимъ церквамъ, обдѣявшимся отъ притѣвленій Кальвинистовъ, какъ то дѣлалъ блаженной памяти родитель его. Припомнимъ тѣсныя сношенія Петра Великаго съ Черногорією, ны увидимъ, что Русь уже съ первыхъ временъ своего вступленія въ обще-Европейскій составъ государствъ, принимала живое участіе въ своихъ одноплеменникахъ и одновѣрцахъ, признавая чрезъ то и родство свое съ ними и необходимость общихъ выгодъ. Какъ горячо Петръ принималъ дѣло Деспота, видно изъ того, что въ бытность свою въ Вѣнѣ отъ успѣлъ видѣться и переговорить съ Юріемъ и, уѣзжая, поручилъ его дѣло своему уполномоченному, Возницыну, который и представилъ Вѣнскому двору слѣдующія требованія: вынудить Деспота, не отстранять Сербовъ отъ пользованія тѣми правами, которыя утверждены императорскими грамотами, не стѣснять ихъ вѣроисповѣданія и дозволить имъ, вмѣстѣ съ патриархомъ, свободно и безопасно оставаться въ Сремской землѣ, ибо подъ таковыми условіями привлечены были Сербы изъ Турецкихъ владѣній: «иначе бо—заключилъ посланникъ—достойно имъ въ прежнее Туркомъ повиновеніе обратно возвратиться.» Эти слова показываютъ, съ какой точки зрѣнія смотрѣлъ Московскій дворъ на пребываніе Сербовъ въ Австрійскихъ владѣніяхъ: ясно, что онъ признавалъ ихъ только временными переселенцами и хотѣлъ, чтобы всѣ права и льготы ихъ были сохранены и уважены. Но Вѣнской дворъ смотрѣлъ на это иначе, хотя не переставалъ увѣрять Сербовъ въ независимости ихъ положенія и

неприкосновенности правъ. Безплодными остались и представленія Вознишца и четвертая челобитная Сербовъ, написанная въ сильныхъ выраженіяхъ. Тогда, оказавъ многочисленныя приношенія самоотверженія въ войнѣ Нѣмцевъ съ Турками, не разъ вырвавъ побѣду изъ рукъ послѣднихъ и неоднократно спасая Нѣмецкую рать отъ гибели, Сербы стали просить возвращенія за Дунай на родину; но и обратный путь былъ имъ воспрещенъ. Такимъ образомъ они навсегда остались въ Австріи и мало по малу вошли въ составъ Австрійскихъ подданныхъ, будучи причислены къ народонаселенію Угорскаго королевства. Не задолго до кончины своей, Юрій переведенъ былъ въ Чешскій городъ Хебъ (Егеръ), гдѣ и умеръ 19 сентября 1711 года, пробывъ въ заключеніи 22 года и не дождавшись разпознанія своей вины. Сербы остались съ однимъ своимъ патриархомъ, столица котораго перенесена была сначала въ Бѣлградъ, а потомъ, по завоеваніи этого города Турками, въ Карловацъ Сремскій¹.

Такъ одинъ и тотъ же Сербскій народъ, пришедшій изподъ Карпатовъ на Фракіскій полуостровъ и разсѣвшійся по областямъ, испыталъ съ вѣками различную судьбу и достигъ къ концу XVIII ст. крайней степени различія. Одна часть его, прибрежная, смѣшавшись съ туземцами, основала торговля общинамъ съ полуитальянскою народностію, съ полуитальянскимъ образованіемъ и съ Римско-католическимъ вѣроисповѣданіемъ. Другая, сѣвшая на востокъ отъ нея, подверженная сильному вліянію Римско-католицизма и колебавшаяся между православіемъ и патаренскою ересью, а въ государственномъ отношеніи испытывавшая дѣйствіе то Греціи, то Угрии, то восточной Сербіи, не имѣла въ себѣ необходимаго средоточія, и силы ея постоянно слабѣли во внутренней разладицѣ, такъ что она навсегда осталась добычею исламизма и Турокъ. Третья часть, постоянно привязанная къ восточной православной Сербіи и давшая ей правителей, сильная вѣроисповѣдною сосредоточенностію, свѣжестію народныхъ силъ и самостоятельностью направленія, отпавши отъ своего тѣла, когда это произошло порчею и приблизилось къ разрушенію, успѣла, въ неприступной горѣ, не смотря на свою малочисленность и страшные погромы, спасти независимость и сберечь народную старину. Наконецъ четвертая, зорко Сербіи, разросшееся въ короткое время величественнымъ деревомъ на почвѣ православія и народной самостоятельности, вдругъ чрезъ нововведеніе, отзывавшееся чужеземнымъ духомъ, получила извѣтъ зародышъ порчи, которая быстро охватила ея болѣе доступныя и выдающіяся части и вѣсть съ ними повергла все цѣлое подъ мечъ Турецкій. Настало новое распаденіе. Между тѣмъ, какъ одни изъ православныхъ Сербовъ туречились, другіе, сохраняя вѣру и народность, оставались подъ Турецкимъ владычествомъ, дѣйствовавшимъ на нихъ поверхностно, не трогавшимъ сущности коренныхъ началъ народной жизни,—и когда, среди искушеній, они достаточно очистились и сплотились, когда силы ихъ оживились и помолодели, и новыя сословія вышли на встрѣчу судьбѣ, они начали борьбу за независимость и кончили ее успѣшно. Третьи же, погнавшись за призракомъ народной самостоятельности и вступая за Дунаемъ на чуждую почву, среди блестящихъ подвиговъ чудесной храбрости, проливая кровь за общее дѣло Мадыаръ и Нѣмцевъ, терли силы, а съ ними и права своя; вѣра и народность ихъ, не смотря на заступничество Россіи, стѣснялись, и когда братья ихъ свергали съ себя иго Турецкое, они все болѣе и болѣе вступали въ составъ чужеземныхъ подданныхъ.

¹ Источники: *Исторія Рачца*, 2-е изд. 1823 г. Ч. IV и *Прибавл. II.—Лѣтопись 1830 г.*, ч. IV.

Представленный очеркъ государственной и гражданской жизни Сербіи показываетъ, что Сербія въ своемъ развитіи проявляла общую Славянскую мысль, которой способствовала ея государственная самостоятельность. Въ основѣ ея жизни лежало начало Славянское. Конечно, начало это, сложившееся изъ народнаго и человѣческаго, обильно было силами добрыми и свѣтлыми, если Сербія такъ быстро, менѣе, чѣмъ въ два вѣка, достигла блестящихъ итоговъ своего внутренняго и вѣшняго развитія. На этомъ пути, направляя свои силы къ достиженію прямой цѣли совершенствованія, она ни на шагъ не отстала отъ одноплеменныхъ съ нею державъ, явившихся въ семьѣ Славянской ровесницею другимъ, важнѣйшимъ Славянскимъ государствамъ. Польша, Чехи, Русь и Сербія принадлежать, по началу своего европейскаго значенія, къ одному времени, когда Славяне, предшествуемые Великоморавскими и Булгарскими собратіями, быстро выступали одни за другими на поприще самостоятельной государственной дѣятельности и скоро сравнились съ соплеменными имъ Нѣмецкими и Романскими племенами. То было особое время Славянской жизни, молодой, блестящей, счастливо выражавшейся въ государственной самостоятельности главнѣйшихъ Славянскихъ племенъ. И Сербія не отстала отъ прочихъ. Мы застаемъ ее при Немани начинающею свое независимое государственное бытіе и входящею въ рядъ Европейскихъ державъ равно вѣкомъ позднеѣ Польши при Болеславѣ Великому и почти одновременно съ Чехами при Пресмыслѣ Отакарѣ I, и Русью при Ярославѣ. Съ той поры она быстро выдвигается впередъ въ виду сосѣднихъ державъ, сперва обращая на себя ихъ вниманіе, потомъ сама подчиняя ихъ своему вліянію. Уже при Милутичѣ границы ея расширились значительно; Греція и Булгарія уступали ей въ силѣ оружія, и воля Сербскаго короля значила много для нихъ; при Душанѣ, ровно въ половинѣ XIV-го столѣтія, вмѣстѣ съ обширными завоеваніями, сдѣланными на счетъ Восточной Имперіи, вліяніе Сербіи на Грецію и Булгарію увеличилось; а вмѣстѣ съ тѣмъ и Угрія увидѣла себя на одной ступени съ Сербіею и должна была отказаться отъ тѣхъ преобладающихъ пріемовъ, которые доселѣ проявлялись въ ея сношеніяхъ съ этою послѣднею. Въ Боснѣ выгоды обѣихъ державъ столкнулись; онѣ почти уравновѣшивались при Милутичѣ, но при Душанѣ, чрезъ покореніе Босны, Сербія взяла перевѣсъ. Равноцѣрно, уклончивость въ отношеніи Запада, представляемаго въ лицѣ папы, и сохраненіе неприкосновеннымъ православнаго вѣроисповѣданія, показываетъ, что вообще Западъ не былъ страшенъ для Сербіи, какъ не страшилась она и Востока. Душанъ поднялъ ее высоко въ глазахъ Европы, такъ что вѣсъ ея оказался необходимымъ въ общемъ составѣ государствъ, образуемыхъ Италіею, Угріею, Булгаріею и Греціею. Мало того, Сербіи предназначалось докончить задачу, выпадавшую на долю отживавшей Греціи, — отразить Азіятскія орды отъ предѣловъ Европы. Душанъ первый замыслилъ это великое дѣло, котораго хорошія послѣдствія были бы неисчислимы, какъ послѣ неисчислимыми оказались дурныя послѣдствія противнаго. Если ни Греція, ни Булгарія, ни самая Угрія не спасли восточной Европы отъ Турокъ, то тѣмъ ярче выказывается великость значенія, приобретеннаго Сербіею въ юговосточной Европѣ при Душанѣ. Преждевременная смерть Душана навсегда оставила неразгаданною загадку: Турки ли бы одолѣли Сербовъ, или Сербы Турокъ. По крайней мѣрѣ, вѣроятностей, можно сказать, поровну на той и другой сторонѣ. Припомнимъ, что въ это самое время также въ половинѣ этого самого столѣтія Чехія, въ лицѣ Карла IV, зани-

мала почетное мѣсто въ Европѣ и стояла выше прочихъ Нѣмецкихъ земель, по праву принимая на себя главнѣйшимъ образомъ тотъ блескъ, которымъ окруженъ былъ императоръ Германскій; Польша съ Казимиромъ Великимъ, по прекращеніи внутреннихъ усобицъ, вступала въ тѣсныя сношенія и родственными связями съ Европейскими державами и уже оказывала довольно сильное вліяніе на сосѣднія земли, а внутри у себя водворяла просвѣщеніе и улучшала законодательство. Только Россія, по случаю продолжительныхъ княжескихъ усобицъ и владычества Татаръ, отстала отъ нихъ слишкомъ на цѣлое столѣтіе, получивъ съ Иваномъ III новую государственную жизнь, позволившую ей начать должныя сношенія съ Европою. Какъ только помянутыя Славянскія государства вступали въ эту пору своего вѣшняго могущества, такъ сейчасъ же въ нихъ пробуждалась мысль упроченія своего внутренняго бытія въ смыслъ гражданскаго общества. Наружная сила безъ внутренней поддержки не могла долго поддерживать могущество государственное, — и властители Славянскіе, вѣсть съ водвореніемъ единодержавія, обращаютъ главное свое вниманіе на преобразование общества, подготовленнаго къ этому переизмѣненію въ представленіи власти и усиленіемъ государственныхъ началъ. Общество, доселѣ основанное на стародавнихъ родовыхъ началахъ, принимало видъ и свойства благоустроеннаго гражданскаго союза, которому основою служилъ законъ, опредѣляющій правильныя отношенія подданныхъ къ верховной власти и между собою. Такимъ образомъ возвышеніе извнѣ Славянскихъ государствъ, Сербіи при Душанѣ, Чеховъ при Карлѣ IV, Польши при Казимирѣ и Руси при Иванѣ III, ознаменовалось и утвержденіемъ внутренняго порядка чрезъ письменное изданіе законовъ, было ли то повтореніе прежнихъ, или уложеніе новыхъ. Законникъ Душановъ, *Majestas Carolina*, Статутъ Казимировъ, Судобникъ Ивана III, были ли они приняты и введены въ употребленіе, или не были, — все же обличаютъ намѣреніе правителей упрочить гражданскій порядокъ. Равношрдно, въ развитіи верховной власти, Сербія шла одинаковымъ путемъ съ прочими Славянскими государствами. Въ одно и то же время въ ней, Польшѣ и Руси начинаются усобицы между родичами, потомками Немани, Болеслава Кривоустаго и Ярослава. Чехи также не избѣжали этой ступени обще-Славянскаго развитія, но у нихъ она имѣла мѣсто ранѣе цѣлымъ столѣтіемъ и по времени отвѣчала мало извѣстнымъ распрямъ Сербскихъ жупановъ, окончившихся смутами въ родѣ Белы Уроша. Какъ въ Сербіи въ это время преобладающее участіе въ усобицахъ принимали Греческіе императоры и Булгарскіе цари, такъ въ Чехахъ усобицы Премысловцевъ нерѣдко зависѣли отъ Нѣмецкихъ императоровъ и королей Польскихъ. Брячиславъ и Отакаръ I положили имъ конецъ своими постановленіями о правѣ престолонаслѣдія. Скудость потомства, которое вскорѣ вовсе прекратилось, помогла имъ въ этомъ. Спустя столѣтіе послѣ Чеховъ, усобицы окончательно прекратились въ Сербіи и Польшѣ, и еще спустя столѣтіе, въ Россіи, и именно при тѣхъ самыхъ государяхъ, которые, внося съ собою новую мысль, именами своимъ открывали новую, свѣтлую пору народной жизни, каковыми были: въ Сербіи Душанъ Сильный, въ Польшѣ Казимиръ Великій, въ Россіи Иванъ III. Если Сербія пала ранѣе другихъ Славянскихъ независимыхъ державъ, съ которыми она имѣла такъ много сходства въ общихъ чертахъ развитія, то виною тому какъ вѣшнія, такъ и внутреннія неблагоприятныя обстоятельства, составляющія ея отличительную обстановку. При томъ же Сербія была уже не первою жертвою подобныхъ обстоятельствъ. Давно уже пала княжества Прибалтій-

скихъ Славянъ, разносимыя на части усобицами и тѣснимыя Нѣмецкимъ племенемъ; пала точно такъ же и Великоморавская держава. Тамъ и тутъ водворилось господство Запада или Нѣмцевъ. Чередъ дошелъ и до разрушительнаго вліянія Восточной Имперіи на сосѣднихъ Славянъ; и вотъ, раздражаемая внутренними смутами, потрясаемая столкновениемъ Византійскаго вліянія съ Сербскимъ, Булгарія быстро приходитъ въ состояніе полного разрушенія и спокойно отдается въ руки Азіятскихъ завоевателей. Подобно ей, нося сѣмя государственной порчи, заимствованной отъ средлевѣковой Грціи, слабѣетъ и Сербія; ея собственыя силы обращаются во вредъ ей, и она, споткнувшись разъ на Косовомъ полѣ, постепенно теряетъ свою государственную самостоятельность и достается тѣмъ же Азіятскимъ пришельцамъ. Исторія запасала тѣ средства, которыя Нѣмцы употребляли для ослабленія Славянъ, въ слѣдствіе чего и покоряли ихъ; но Греки, подобно Нѣмцамъ, разрушительно дѣйствуя на Булгаръ и Сербовъ призракомъ своей нравственной, гражданской и государственной порчи, имѣли цѣлью не Нѣмецкое пресобладаніе, а самосохраненіе, — и не спасли ни себя, ни Славянъ. Подъ ихъ вліяніемъ разившійся въ нѣдрахъ самихъ Славянъ зародышъ зла лишилъ послѣднихъ возможности стать оплотомъ противъ громадной силы, высланной на Европу Азією, и всѣ трое, Греки, Сербы и Булгары, почти одновременно пали подъ неудержимымъ напоромъ Азіи.

До Немани Сербія находилась въ разрозненномъ состояніи. Не смотря на власть великихъ жупановъ, въ разное время и въ разныхъ областяхъ находились независимые князья и жупаны, и не было такого рода, который бы могъ назваться представителемъ верховной власти надъ всею Сербією. Великіе жупаны, до самого Бѣлы Уроша, получали власть не по преемству, а подъ вліяніемъ благоприятныхъ обстоятельствъ, или съ содѣйствія Грековъ. Не смотря на то, названіе Дестницкихъ, Дуклянскихъ и происхождение Раскихъ жупановъ, равно какъ бѣгство Бѣлы Уроша въ Захлужье и Тѣхомила въ Дуклю свидѣтельствуютъ, что главнымъ средоточіемъ и мѣстомъ власти была Зета или югозападный уголъ Сербскаго населенія, обнимавшій Дуклю, Дестницу и Расу. Далмація и Дукля входили въ составъ Зеты, и въ памятникахъ часто замѣняютъ ее собою. Съ Бѣлы Уроша власть великожупанская удерживается за однимъ родомъ, происходившимъ, по свидѣтельству летописцевъ, изъ Дукли, и вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживается яснѣе ея значеніе. Смуты въ родѣ Бѣлы Уроша кончались торжествомъ младшаго его внука, Немани. Съ этого времени боковое потомство исчезаетъ; вмѣстѣ съ тѣмъ слабѣютъ и пропадаютъ отдѣльные независимые владѣтели: Неманя собираетъ подъ свою верховную власть Сербскую землю, возводитъ ее на степень самостоятельнаго государства и передаетъ правленіе своему роду въ лицѣ старшаго своего сына и великаго жупана, Стефана. Но, по обще-Славянскому обычаю, Неманя не лишилъ владѣнія и другаго своего сына, Вукана, которому, со званіемъ великаго князя, отдалъ родовую дѣдину, Зету. Необходимо допустить, что званіе великаго князя было ниже званія великаго жупана и что Вуканъ стоялъ подъ рукою Стефана, также какъ Зета не отчуждена была совершенно отъ Сербіи. Тѣмъ не менѣе, это былъ удѣлъ, доставлявшій его владѣльцу нѣкотораго рода самостоятельность и позволявшій ему помогать всего остальнаго отцовскаго наслѣдія во вредъ верховной главѣ Сербіи. Эта борьба повторалась въ послѣдствіи нѣсколько разъ. Стефанъ упрочилъ еще болѣе власть, наслѣдованную отъ отца, вѣнчавшись на королевство. Черезъ это онъ

во внутренних сношениях поднялъ на ступень выше Сербію, получившую уже от Немани значеніе независимаго государства, равнаго сосѣднимъ державамъ; а родственная связь съ Византійскимъ дворомъ, игравшимъ тогда первостепенную роль въ Европѣ, поддержала это возвышеніе. Внутри онъ сталъ въ болѣе правильное отношеніе къ своимъ подданнымъ, какъ вѣнчанный государь, какъ ихъ повелитель и король. Послѣ него престолонаслѣдіе совершалось преимущественно отъ старшаго брата къ среднему и меньшому. За отсутствіемъ сыновей и племянниковъ, мы не можемъ рѣшить окончательно — необходимость ли требовала такого представленія преемства, или оно было слѣдствіемъ стародавняго Славянскаго обычая первородства. Знаемъ также, что это представленіе не исключало собою и права способнѣйшаго, примѣръ чему видимъ на Владиславѣ. Но, кажется, второе предположеніе справедливѣе, ибо послѣ Уроша I видимъ, что за старшимъ его сыномъ, Драгутиномъ, восходитъ на престолъ второй сынъ, Милутинь, помимо племянника своего, Владислава. Съ Милутина представленіе это теряетъ силу, теряетъ ее до такой степени, что даже побочный сынъ Милутина вступаетъ на престолъ въ ущербъ правамъ старшаго племянника, сына старшаго брата, Драгутина, и единственнаго законнаго наслѣдника и Неманича. Бояре способствуютъ этой перемѣнѣ; но защищаютъ старшаго сына, хотя и незаконнорожденнаго, отъ притязаній такового же младшаго, Константина. Въ отвѣтъ Дечанскаго этому послѣднему уже сказался истинный государь, понимавшій свои отношенія къ родичамъ, какъ прежде понимали и осуществляли его предшественники свои отношенія къ подданнымъ. Теперь отъ подданныхъ чередъ дошелъ и до родичей: итъ, въ лицѣ Константина, Дечанскій указывалъ мѣсто не равныхъ королямъ удѣльныхъ владѣльцевъ, но сподручниковъ, долженствовавшихъ занять второе мѣсто въ государствѣ. И такъ на престолѣ родъ Неманичей окончился собственно съ Милутиномъ; бояре, отвыкшіе отъ законнаго наслѣдника, Владислава, страшась Греческаго вліянія и водворенія Греческаго дома на Сербскомъ престолѣ въ слѣдствіе тѣсныхъ сношеній Милутина съ Ирнію, храня и защищая свою народность, вручили правленіе побочному сыну Милутина, Стефану, и такъ умѣли сокрыть его происхожденіе и самую жизнь его украсить чудесами, что не только туземные, но даже Греческіе современные и позднѣйшіе летописцы молчатъ объ этомъ обстоятельствѣ. Дечанскій, желившись вторично на Гречанкѣ, внушилъ боярамъ тѣ же самыя опасенія, какія побуждали ихъ прежде возвести самого его на престолъ; теперь они обратили взоры на его сына, возбудивъ его противъ отца. Ихъ стремленіе къ сохраненію народной самостоятельности ясно обнаружилось въ словахъ, сказанныхъ ими Душану. Новое представленіе о престолонаслѣдіи согласовалось съ ихъ выборомъ, и старшій сынъ вступилъ на отцовскій престолъ. Но участіе бояръ становилось уже весьма замѣтнымъ. Чтобы съ одной стороны отдалить ихъ отъ себя и своего рода, а съ другой утвердить при себѣ въ правахъ престолонаслѣдія своего сына, помимо бояръ, Душанъ вѣнчался на царство и съ тѣмъ вѣстѣ наименовалъ Уроша королею, подчинивъ ему всю Сербію. Зета, въ которой жили Дечанскій и самъ Душанъ до воцаренія своего, уже перестала быть особымъ удѣломъ и вошла въ составъ прочихъ Сербскихъ областей. Такимъ образомъ преемство было опредѣлено окончательно, и гнѣздо Неманича рода, откуда являлись первыя требованія престолонаслѣдниковъ и гдѣ жило сильное боярство, оказывавшее господствующее вліяніе на государственныя дѣла, уничтожено. Сверхъ того завоеваніе многихъ Греческихъ земель, виды на

присоединеніе всей Греціи и Булгаріи къ Сербіи, возвышеніе отношеній Сербіи къ прочимъ державамъ требовали переимъ званія королевскаго на царское. Душанъ назвался царемъ Сербовъ, Грековъ и Булгаръ. Онъ явился достойнымъ продолжателемъ Стефана Первовѣчаннаго и Милутина. Расширивъ и усиливъ Сербію извнѣ, Душанъ и внутри ея самой ввелъ окончательно порядокъ и благоустройство, учредивъ правильныя отношенія какъ между верховною властію и подданными, такъ и между отдѣльными сословіями. Послѣ него, въ исполненіе его воли, какъ воли самодержавнаго государя, вѣнчался на царство сынъ его, Урошъ. Не обошлось и теперь безъ соперника. Дядя новаго царя, Симеонъ, предъявлялъ, было, свои права на Сербскій престолъ; но, какъ приверженецъ стариннаго Славянскаго обычая, давно уже устраниннаго самодержавною волею государя, онъ не нашелъ себѣ опоры въ новомъ порядкѣ вещей и остался въ сторонѣ незамѣченнымъ. Урошъ испыталъ на себѣ крайность нововведеній Душановыхъ и, не имѣя силы сдержать ихъ въ должныхъ границахъ, палъ подъ ихъ бременемъ, какъ послѣдній потомокъ побочной линіи Неманина дома. За нимъ наступило господство бояръ. Таково было повременное преемство власти въ Сербіи.

Жизнь Сербскаго боярства распадается на двѣ половины, совершенно противоположныя по своимъ существеннымъ свойствамъ. На границѣ той и другой стоятъ 1346 годъ — годъ вѣнчанія Душана на царство. Въ первой половинѣ боярство является замкнутымъ, цѣльнымъ сословіемъ съ общими сословными выгодами и стремленіями. Благодаря постоянно усиливавшейся власти королей, изъ него не выскалось такихъ сильныхъ родовъ, каковыми были нѣкоторые Боснійскіе областные роды; но за то оно сильно было своею совокупностію. Эта-то совокупность мѣшала, можетъ быть, появленію отдѣльных сильныхъ родовъ и отторженію областей, какъ то случилось въ послѣдствіи. Дѣятельность Сербскихъ бояръ, какъ сословія, отличается стремленіемъ къ волеѣ народной. Оно было главною причиною удаленія Радослава отъ дѣла правленія; оно стояло стражемъ надъ цѣлостію народной самостоятельности, когда способствовало Дечанскому и Душану взойти на Сербскій престолъ; оно представляло собою народную сторону въ противоположность другой, Греческой, сторонѣ, водворившейся при Сербскомъ дворѣ въ слѣдствіе тѣсныхъ сношеній королей съ императорами Греческими. Это народное направленіе боярства было слѣдствіемъ его сословности и осѣлости. Выросши издавна на Сербской почвѣ, сильное своею туземностію, привыкнувъ видѣть въ той области, гдѣ оно жило, свое отечество и свою опору, оно свои собственные выгоды связывало съ общими выгодами страны и необходимо считало для себя весьма важнымъ имѣть хорошихъ правителей съ народнымъ настроеніемъ; ибо сохранность народной самостоятельности влекла за собою и сохранность его сословныхъ выгодъ; ибо цѣлость Сербіи обезпечивала и его собственное существованіе. Но Душанъ, желая всю силу государственную сосредоточить только въ рукахъ верховной власти, съ вѣнчаніемъ своимъ на царство, далъ новый видъ боярству. Это было неизбѣжнымъ условіемъ для достиженія того, что онъ себѣ предположилъ. Участіе боярскаго сословія при побочной линіи Неманичей стало весьма ощутительнымъ. Душанъ нашелъ его несовѣстнымъ съ предположенною цѣлью возвышенія власти Сербскихъ государей не только въ виду иноземцевъ, но и въ глазахъ своихъ подданныхъ. Притомъ достоинство и назначеніе истиннаго государя и самодержца, какъ представлялъ его себѣ Душанъ, не допускали въ государствѣ такого сжикнутаго и сильнаго со-

словія , которое распоряжалось бы престолонаслѣдіемъ; то , что дѣлало оно , должно было заключаться въ самодержавной волѣ самого государя. Принятіе званія царя , сдѣлавшееся необходимымъ по многообразнымъ обстоятельствамъ , какъ слѣдствіе многосторонней блестящей дѣятельности Душана , положило конецъ боярству , какъ сословію. Устроеніе царскаго двора съ его степенями , величіе вѣчанной особы , поставленной вмѣстѣ со всѣмъ царственнымъ домоу въ приличномъ разстояніи отъ подданныхъ , введеніе чиновъ и наградъ за личныя заслуги , царскій блескъ , заимствованный отъ Греціи , все это показало боярству , что сила его сословія , основанная на осѣлости и заключенная въ страхи , гдѣ оно жило , уже изсякла ; открылся другой и единственный источникъ силы—верховная власть , которая по новой мысли , созданной Душаномъ , возвышалась и поддерживалась не сословія , но личности. Дѣйствительно , мысль истиннаго самодержавнаго государя допускала только этотъ единственный источникъ могущества для всѣхъ и каждого. Всякій былъ по столько силенъ , по скольку его собственныя заслуги находили отпечатокъ въ дѣйствіяхъ верховной власти. Слѣдствіемъ этого было распаденіе боярскаго сословія на отдѣльныя личности , уничтоженіе сословныхъ выгодъ , появленіе новаго , личнаго боярства , образовавшагося изъ пришлыхъ служилыхъ людей и временщиковъ. Явилась другая рода крайность. Не истинныя выгоды отечества занимали новыхъ бояръ , но личные виды , чуждые общаго блага ; не чувство народности руководило ихъ поступками , но чувство себялюбія и самосохраненія ; высокая цѣль совокупныхъ усилій для пользы отечества смѣнилась проискаемъ , крамолами , соперничествомъ , даже открытою усобною войною ; прежде въ поддержаніи дома Немани боярство видѣло залогъ своей собственной цѣлости ; теперь отдѣльные искатели счастья , зная , гдѣ кроется источникъ власти , не удовольствовались тѣмъ , что близко стали къ нему , но многіе простерли свою дерзость даже до того , что покусились на завладѣніе самимъ источникомъ или на присвоеніе себѣ верховной власти. Нужно было только , чтобы по смерти Душана Сильнаго воцарился его слабый сынъ , Урошъ , и зародышъ зла , лежавшій въ нововведеніи , быстро развился до ужасающихъ размѣровъ при содѣйствующемъ тому вліяніи Греціи. Вскорѣ онъ помотилъ и истребилъ всѣ добрыя начала , которыми держалась самостоятельность Сербіи , и низвелъ величественную державу Душана на степень данницы и потомъ рабыни Турецкой орды. За Урошемъ началось господство бояръ , усилившихся по областямъ , куда они назначены были царемъ Душаномъ. Особность и величина этѣхъ областей , изъ коихъ большая часть была завоевана у Греціи и , слѣдовательно , имѣла мало общаго съ собственной Сербіею , степень власти , дарованной областными правителями , и примѣръ Греціи развили въ нихъ чувство властолюбія и независимости. Представителемъ несчастной крайности явился Вукашинъ , который вкрался въ довѣренность и любовь царя , былъ возведенъ въ званіе короля и , явившись первымъ лицомъ въ государствѣ , велъ борьбу съ другими областными правителями ; потомъ , недовольный своими успѣхами , рѣшился захватить въ свои руки и самую верховную власть. Урошъ былъ убитъ. Вукашинъ достигъ , чего желалъ. Но онъ не вѣнчался на царство , продолжая оставаться королемъ , также какъ и всѣ за нимъ слѣдовавшіе правители Сербіи ограничивались скромными титулами. Лазаръ , хотя и вѣнчанный , именовался княземъ ; его преемники носили званіе деспотовъ. Дѣятельность четырехъ боярскихъ личностей , какъ ни разнородна сама по себѣ , однако отъ предыдущихъ царствованій отличается тѣмъ , что при ней Сербія ослабла , подчинились Туркамъ и пала. Блестящія побѣды Милутина , Де-

чанскаго и Душана смѣнились пораженіями при Тенарѣ и на Косовомъ полѣ. Сербія, не смотря на многочисленныя завоеванія, крѣпкая своею преобладающею народностію и желѣзною волею мудраго и сильнаго Душана, теперь пришла въ состояніе распадѣнія; области утратили взаимную связь; правители искали независимости и враждовали. Вукашину и Лазарю предстояло скрѣпить снова Сербію и защитить ее отъ постоянно усиливающихся нападѣній Турокъ; но ни тотъ, ни другой не успѣли въ этомъ и поплатились жизнью. Правленіе двухъ деспотовъ носитъ на себѣ печать боярскаго личнаго, отзывается болѣе мелкимъ себялюбіемъ, чѣмъ возвышенностію государственной мысли. Въ томъ и другомъ ясно видѣнъ бояринъ, не забывшій ни своихъ крамолъ, ни личныхъ видовъ; въ нихъ нѣтъ ни всеобъемлющаго государственнаго взгляда, ни общенароднаго чувства; тѣсный кругозоръ ихъ открываетъ имъ только то, что касается до ихъ личной безопасности, или отвѣчаетъ ихъ личнымъ убѣжденіямъ; бесплодность дѣйствій обличаетъ въ нихъ неумѣнье править народомъ. Сверхъ того при Лазарѣ и его сынѣ продолжалось то, что началось при Урошѣ V. Не было уже царственнаго дома, такъ высоко поставленнаго Душаномъ надъ уровнемъ народа: на престолѣ, прежде недоступномъ, сидѣлъ теперь бояринъ, который своимъ примѣромъ внушалъ и прочимъ боярамъ мысль о возможности присвоенія верховной власти. Какъ прежде бояре спорили за первое мѣсто у царскаго престола, такъ теперь заспорили они за самый престолъ. Вукъ Бранковичъ подыскивалъ подъ Лазаремъ и былъ, по словамъ народной молвы, причиною пораженія на Косовомъ полѣ; онъ же и сыновья его подыскивали подъ сыномъ Лазаря, деспотомъ Стефаномъ. Надобно было защищаться отъ нихъ и сторожить Турокъ. Стефану можно бы было отдѣлаться отъ тѣхъ и другихъ; но онъ успѣлъ только смирить первыхъ; въ отношеніи же Турокъ остался вѣрнымъ ихъ данникомъ и подручникомъ. Много разъ Сербы проливали при немъ свою кровь въ пользу своихъ же будущихъ властителей. Но если Стефанъ могъ, да не хотѣлъ избавиться отъ Турокъ, дорожа своею вѣрностію и утѣшаясь временнымъ благосостояніемъ народа, то преемникъ его, Юрій, хотѣлъ, да уже не могъ извлечь Сербію изъ состоянія данничества, грозившаго ежеминутно обратиться въ полное рабство. Криводушіе, крамольство, уклончивость, нерѣшительность, обличавшія въ немъ современнаго боярина, не привели его ни къ чему; много трудился онъ, но напрасно; всѣ его попытки, при его слабодушіи, никогда ему не удавались, и онъ неумѣстнымъ хитреніемъ наводилъ на себя гнѣвъ и мщеніе обоихъ сосѣдей, Угровъ и Турокъ. То же замѣтно и въ его частной дѣятельности. Такимъ образомъ онъ является совершенно противоположнымъ своему предшественнику. Одинъ доводилъ до крайности свою простодушную преданность врагу христіанства, независимостію страны жертвовалъ въ пользу личнаго торжества надъ соперникомъ и ложнаго или, лучше, себялюбиваго пониманія обязанностей подданства; другой хитрилъ постоянно со всѣми и не имѣлъ подъ рукою опоры для совокупныхъ дѣйствій противъ общаго врага. Себялюбіе, недостатокъ прозорливости, обширности государственнаго взгляда и твердости воли отмѣчаютъ собою правительственную дѣятельность бояръ, сѣвшихъ на престолъ и не умѣвшихъ показать себя достойными своего новаго положенія; ихъ смущали отсутствіе прошедшаго, которое говорило бы въ пользу ихъ права, неимѣніе за собою преданія, которое возвышало бы ихъ въ глазахъ подданныхъ, недостатокъ величія истиннаго потомственнаго государя и печальная будущасть: словомъ, новизна достигла крайности, за которою оставалось одно только паденіе государ-

ственной самостоятельности. И себялюбивое, крайнее боярство пало первое под ударами Туречины, охватывавшей тогда весь Фракийскій полуостровъ: ему, въ нѣдрахъ своихъ, носившему порчу, нельзя было спасти государства, которое съ остальнымъ народомъ рушилось вслѣдъ за своими представителями.

Но въ Сербіи постоянно жила другая сила—великая, нестарѣющая и несокрушимая, — сила вѣры. Православіе было исключительнымъ вѣроисповѣданіемъ собственной Сербіи. Народъ былъ преданъ ему и дорожилъ имъ болѣе, чѣмъ своею независимостію. Ни время, ни насиліе, ни примѣръ отуречивавшихся бояръ не могли поколебать его въ вѣрѣ праотцевъ. Вѣра спасла наконецъ Сербію. Духовенство Сербское носило въ себѣ всѣ свойства послѣдователей Восточной Церкви. Кротость, безкорыстіе, совершеннѣйшая преданность дѣлу вѣры, правильное пониманіе своихъ правъ и обязанностей, постоянное согласіе съ верховною властію и народомъ отличаютъ Сербское духовенство. Во все продолженіе независимаго существованія Сербіи оно не переставало оказывать непротворное и полезное вліяніе на народъ, содѣйствуя верховной власти въ ея добрыхъ распоряженіяхъ. Пастыри Сербіи устраивали туземное священноначаліе, не разъ мирили враждебныя стороны, предупреждали кровопролитіе, подкрѣпляли своимъ вліяніемъ достойнѣйшихъ правителей, помогали имъ въ законодательствѣ, просвѣщали народъ истинами вѣры, водворяли православіе въ завоеванныхъ странахъ и постоянно питали въ народѣ ту сильную привязанность къ вѣрѣ, которая, объ руку съ чувствомъ народности, поддерживала въ Сербіи духъ самостоятельности, нравственную чистоту и наконецъ главнѣйшимъ образомъ содѣйствовала возстановленію Сербіи въ послѣднее время. При Душанѣ духовенство, въ лицѣ просвѣщеннаго Іоаннікія, разумно содѣйствовало къ учрежденію Сербскаго патріаршества, въ чемъ нельзя не признать дальновидности съ той и другой стороны. Греческое духовенство, замѣшанное въ государственныхъ смутахъ послѣднихъ вѣремъ Византійской Имперіи, при всеобщемъ искаженіи нравовъ, не могло поддержать и спасти имперію отъ угрожавшей гибели; съ Византіею должно было пасть и значеніе Цареградскаго патріарха, а вмѣстѣ и то вліяніе, которое онъ оказывалъ на весь православный Востокъ Европы. Во дворившись въ большомъ числѣ въ Сербію, духовенство Греческое оставалось чуждымъ туземнымъ выгодамъ и поддерживало въ государствѣ разединеніе, дѣйствуя въ пользу своей народности и во вредъ народности Сербской. По этимъ двумъ причинамъ Душанъ рѣшился учредить Сербское патріаршество, независимое отъ Цареградскаго. Въ этомъ нельзя не видѣть его глубокой проныцательности и здраваго государственнаго смысла: учрежденіемъ патріаршества онъ съ одной стороны предупреждалъ несогласіе между Греческимъ и Сербскимъ духовенствомъ, ибо у перваго отнималъ опору, которую оно имѣло въ Цареградѣ въ преимуществѣ патріаршей власти; а съ другой предназначалъ для Сербіи въ дѣлѣ православія то великое значеніе средоточія, которымъ пользовалась Греція. Онъ предвидѣлъ, что Восточная Имперія неминуемо должна пасть не только отъ Турецкаго меча, но и отъ руки внутреннихъ враговъ кордака и спокойствія; съ нею вмѣстѣ должна была пасть и духовная ея сила. Патріарху Сербскому онъ предназначалъ замѣнить патріарха Цареградскаго, быть главою православной Европы и поддержать православіе, угрожаемое Латинцами и Турками. Власть Сербскаго патріарха естественно клонилась къ поддержанію и туземнаго духовенства; Греческое было удалено; народность поддержана; связь народа съ духовенствомъ укрѣплена;—и съ той поры Сербское духовенство осталось

по прежнему самую живую часть народнаго оущества. Поддерживаемая имъ православная вѣра продолжала оказывать самое благодѣтельное дѣйствіе на умы и нравы народа, а въ минуту тяжелыхъ испытаній она явилась единственною нравственною опорою какъ у выселившихся за Дунай Сербовъ, такъ и у подвластныхъ Турціи. Не смотря на крушеніе государственной независимости и отуреченіе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ, Сербы, благодаря своей непоколебимой преданности православію, остались все тѣми же Сербами, какими и были, съ своимъ завѣтнымъ вѣроисповѣданіемъ, съ своими отличительными народными свойствами и съ неугасшимъ чувствомъ самостоятельности. Въ началѣ текущаго столѣтія ихъ нравственныя силы, сбереженныя ими въ продолженіи трехъ съ половиною вѣковъ рабства, поднялись снова, возбужденныя Турецкими жестокостями, и доставили имъ нѣкоторую степень государственной самобытности. Уже не прежнее потрясенное порчею боярство было теперь представителемъ чистыхъ и здоровыхъ силъ народа; но духовенство и та часть народа, которая постоянно оставалась свѣжею и по преимуществу народною, явились теперь вожатаями Сербіи въ борьбѣ ея за независимость. Вѣра, народность и содѣйствіе единовѣрной и всегда сочувствующей Славянамъ Россіи доставили Сербамъ возможность основанія того государственнаго быта, которымъ они теперь пользуются.

Вникая въ проявленія внутренней жизни Сербіи, переданныя намъ туземными памятниками и преимущественно Законникомъ Душановымъ, мы видимъ, что всѣ стороны этой жизни были проникнуты движеніемъ, согласнымъ съ требованіями народности и направленнымъ къ совершеннѣйшему выраженію началъ благоустроеннаго гражданскаго общества. Съ воцареніемъ рода Немани Сербія шла путемъ самобытнаго развитія, и Душанъ не могъ бы сдѣлать всего того, что сдѣлано имъ, если бы до него Сербія не была къ тому предварительно подготовлена. Она шла быстро. Въ подтора вѣка она успѣла во многомъ сравняться съ современными ей Нѣмецкими и Романскими державами. Правда, въ промышленности и понятіяхъ объ удобствахъ жизни она отставала отъ нихъ, но за то едва ли не лучше развита была въ ея законодательствѣ мысль челоуѣчества. Дѣленіе и права сословныя, преимущественно права низшаго сословія, столь утѣшеннаго въ Германіи феодализмомъ, мѣры земской охраны, судоустройство и представленіе о способѣ и цѣли наказанія искупаютъ ея отсталость въ вещественномъ благосостояніи на столько, на сколько духовная дѣятельность выше тѣлесной. Особенно сильно поражаетъ насъ развитость церковнаго и земскаго права. Похвальный образъ дѣйствій Сербскаго духовенства и благочестіе властителей, слѣдствіемъ коего были многочисленныя наядчи церквей и монастырей, привели къ необходимости уяснить отношенія между начальствующими и подчиненными церквами и монастырями, равно между церковными властями и приписанными къ церквамъ людьми. Главнѣйшія подробности касаются до поставленія властей въ приходскихъ церквахъ и опредѣленіи повинностей церковныхъ людей. Земское право, не менѣе развитое, занимается преимущественно поземельною собственностію и установленіемъ пограничнаго права, государственными работами и повинностями, управленіемъ жупъ и городовъ, опредѣленіемъ количества труда и отношенія между сельскими сословіемъ и частными землевладѣльцами, защитою областей отъ вторженія бездомныхъ скитальцевъ, враговъ и нарушителей общественнаго спокойствія и безопасности. Въ государственныхъ и частныхъ подданныхъ, кромѣ отроковъ и дѣтичей, которыхъ вообще было не много, мы видимъ развитіе до

нѣкоторой степени личной независимости подъ покровительствомъ закона. Вообще уваженіе правъ человѣка во всѣхъ сословіяхъ и во всѣхъ гражданскихъ отношеніяхъ составляетъ самую свѣтлую сторону средневѣковаго государства. Хотя въ Сербіи мало развитія получила торговля и хотя торговаго права для Сербовъ почти не существовало, однако сношенія съ Дубровникомъ показываютъ, что Сербы занимались промыслами, относившимися до сырыхъ произведеній; а торговыя грамоты свидѣтельствуютъ, что и они имѣли понятіе о торговомъ правѣ и уважали торговый духъ въ другихъ. Если главныя условія народнаго богатства состоятъ въ выгоднѣйшемъ употребленіи труда, то Сербовъ нельзя упрекать въ пренебреженіи торговлею и обработываніемъ сырыхъ припасовъ; при другихъ условіяхъ они, конечно, занялись бы и этимъ, подобно Дубровничанамъ, но государственныя обстоятельства, внутренній бытъ, и, главное, предложенія самой страны побуждали ихъ къ тому роду промышленности, которому они и до сихъ поръ преимущественно посвящаютъ свой досугъ,—добыванію и отпуску за границу сырыхъ произведеній, въ особенности металловъ и сала. Тѣмъ не менѣе памятники наши указываютъ на нѣкоторые слѣды существованія въ Сербіи туземныхъ купцовъ и ремесленниковъ, хотя и не въ видѣ особаго сословнаго разряда.

Зета, называемая въ болѣе тѣсномъ смыслѣ Далмаціею и Дукліею, составляла задолго до Неманичей ядро Сербіи. Бѣгство Бѣлы Уроша въ Захлушь, пограничное съ Зетою, а можетъ быть, и входившее въ нее нѣкоторою своею частью, бѣгство Тѣхомила въ Дуклю, рожденіе Немани въ Зетѣ, наконецъ положеніе Дестницы и Расы по близости, или даже въ восточныхъ предѣлахъ Зеты, и храненіе великожупанскаго достоинства Дестницкими, Дуклянскими и Рашскими старшпнами: все это доказываетъ, что Зета была постоянно для Сербіи средоточіемъ власти и вмѣстѣ съ тѣмъ главнѣйшею ея частію, оказывавшею первенствующее вліяніе на общественныя дѣла. Такое значеніе ея условливалось двумя обстоятельствами. Первое: Зета была гвѣздомъ рода Немани и мѣстомъ воспитанія большей части Неманичей, которые отличали ее почетнымъ названіемъ дѣдины. Она до самого Душана оставалась частною собственностію или родовымъ удѣломъ Неманичей, что придавало ей особность и самостоятельность. Отличаясь всегда своею цѣльностію, согласіемъ выгодъ народа, бояръ своихъ и жившихъ въ ней королевскихъ родичей и въ то же время неразрывно связанная съ прочими Сербскими землями единствомъ вѣры и власти, она необходимо была преобладающимъ угломъ восточной Сербіи. Чисто народное направленіе, враждебное Греческому вліянію, придавало ей еще болѣе вѣса. Второе: Зета составляла самый высокій нагорный уголокъ южной Сербіи. Извѣстно, что въ горахъ народъ долѣе сберегаетъ свою самостоятельность и свои отличительныя свойства, чѣмъ на равнинахъ. Весь южный уголокъ Сербіи, наполненный горами, отсюда берутъ начало обѣ Моравы, Ибаръ, Ситница, Лимъ, Морача, Дримъ, Черна, Вардаръ и Пшина, всегда господствовалъ надъ плоскостію, орошаемою Дривною и Моравою и переходящею въ Посавскую низменность. Близайшія отношенія къ Греціи и частыя взаимныя брани заставляли всѣ силы Сербіи приливать къ этому углу, который равномѣрно господствовалъ и надъ южною равниною, простирающеюся по Вардару и Струмѣ до Аѳонскихъ мысовъ. Вотъ по чему искони, владѣя этимъ угломъ или древнею Дарданіею, Сербія со временемъ распространялась и на югъ въ Македонію. Сдѣсь же, среди горъ, лежалъ рядъ королевскихъ и архіепископскихъ столицъ древней независимой Сербіи. Западную, еще болѣе высокую

часть этого гористаго угла составляла верхняя Зета, которая, вмѣстѣ съ нижнею, спускавшеюся въ приморскую и Скадарскую равнины, представляла всѣ условія самостоятельной и сильно развитой жизни. Между тѣмъ, какъ Босна, сама по себѣ гористая на югѣ и отдѣленная горами съ запада, юга и востока отъ прочихъ Сербскихъ областей, переходя въ Посавскую низменность, естественно продолжалась и за Саву и подчинялась преобладанію Угріи; между тѣмъ, какъ приморскія общины, лежавшія въ узкой береговой полосѣ, должны были испытывать вліяніе моря и противоположнаго берега, Зета, хотя и приморская область, владѣвшая Которскимъ заливомъ, одною изъ лучшихъ гаваней въ мірѣ, представлялась однако странюю съ средоземными свойствами, ибо въ ней надъ равнинами, питавшими ея жителей и избавлявшими ихъ отъ необходимости морской торговли, преобладала сплошная горная масса, привязывавшая ее къ остальной Сербіи. Земледѣльческое и торговое значеніе уступали въ ней первенство значнію государственному, которое она имѣла для Сербіи. Отъ того-то, когда прочія области отпали отъ Сербіи, она постоянно находилась съ нею въ неразрывной связи. Въ ея восточныхъ предѣлахъ находилось то средоточіе, къ которому влеклась вся остальная Сербія, для котораго и она должна была отказаться отъ дѣятельности приморской торговой общины. Отсюда ея важное значеніе для Сербіи, тѣмъ важнѣйшее, что тогдашняя Сербія была образована не столько граждански и промышленно, сколько воински; а гористыя страны, какъ извѣстно, поддерживаютъ воинственный духъ народа. Но Зета могла только оказывать вліяніе на собственную Сербію; отъ Македоніи же она отдѣлена была Эпиромъ и горою Шаромъ: по этому когда Душанъ, черезъ обширныя свои завоеванія, распространилъ свою власть до того, что собственная Сербія явилась только частицею его огромной державы, и столица перенесена была въ Средецъ, тогда и Зета навсегда утратила свое преобладаніе надъ прочею Сербіею; а потомъ, когда въ Сербской державѣ показалась государственная порча, и Сербія, теряя самостоятельность, обремененная завоеваніями, угнетаемая разъединяющею силою личныхъ боярскихъ стремленій до различныхъ областей, вступила, по примѣру и не безъ нравственнаго участія Греціи, на путь разрушенія и гибели, тогда Зета совсѣмъ отстала отъ Сербіи и положила себѣ задачею блюсти вѣру, независимость и народность. Бояре Зетскіе дорожили выгодами всей Сербіи, считая ихъ своими областными выгодами; они смотрѣли на вопросъ преемства власти, какъ на вопросъ жизни и благосостоянія собственнаго, и по тому всегда старались возводить на престолъ тѣхъ королевскихъ родичей, которые жили у нихъ, были имъ извѣстнѣе и могли представить болѣе за себя ручательствъ: они предпочли незаконнаго Стефана, прозваннаго Дечанскимъ, законному Владиславу. Привязанные всѣми выгодами къ землѣ, на которой сидѣли, постоянно храня къ себѣ старинное сословное единство и дѣйствуя въ духъ цѣлаго сословія, Зетскіе бояре не могли допустить въ Сербіи враждебнаго имъ вліянія и всегда стояли за народную сторону: ихъ стараніями Дечанскій и Душанъ предугредали сліяніе Сербіи съ Греціею и водвореніе Греческаго племени на престолѣ Неманичей. Зета отличалась своею привязанностію къ старинѣ. Въ ней долѣе хранились преданія родоваго быта, и тогда какъ въ остальной Сербіи давно уже господствовали государственныя отношенія и дѣйствовала воля самодержца, въ ней находили себѣ поддержку тѣ изъ Неманичей, для которыхъ родовое начало казалось выгоднѣе государственнаго: отсюда Вуканъ домогался общаго владѣнія всею родовою собственностію; отсюда же Константинъ и

Симеонъ еще стремились осуществить старинныя представленія о родовой собственности, — одинъ, ища общаго владѣнія отцовскимъ наслѣдіемъ; другой, предъявляя преимущества дяди передъ племянникомъ. Можетъ быть, въ этомъ была уже безвременная крайность; но за то она и не получила осуществления, ибо ббльшая часть Зетскаго народа уже признавала необходимость новыхъ началъ; за то общій духъ привязанности къ старинѣ и въ особенности къ родовымъ началамъ сберегъ для Зеты единовластіе и поддерживалъ въ народѣ чувство уваженія къ законнымъ властителямъ. Тогда какъ Сербія, увлеченная крайностями несдержанной новизны, по примѣру Греціи, допустивъ бояръ истребить домъ Дечанскаго, непосредственно преемствовавшій дому Неманичей, и сѣсть соперниками на престолъ, похищенномъ у законной власти, поплатилась за то своею независимостію, Зета спокойно пользовалась тѣмъ итогомъ, до котораго дошли всѣ Славянскія племена, отправившіяся отъ общинной жизни, итогомъ наслѣдственнаго самодержавія. Въ ней Балша основываетъ цѣлый потомственный рядъ законныхъ правителей, послѣ которыхъ власть преемственно переходитъ къ родственному дому Черноевичей. Въ послѣдствіи даже самое званіе владыки пребывало въ одномъ родѣ Нѣгушей, къ которому принадлежитъ и нынѣшній князь, Даніялъ. При Иванѣ Черноевичѣ нижняя Зета и ббльшая часть приморья были утрачены; верхняя Зета или Черногорія еще болѣе сосредоточилась въ себѣ самой и постоянно оставалась представительницею Сербской независимости. Замѣчательно, что эта доля досталась той самой области, которая нѣкогда служила ядромъ для развитія Сербскаго государства и потомъ долгое время снабжала его правителями, составляя главнѣйшее его звѣно. Гористое мѣстоположеніе, особность и вѣдшія неприязненные обстоятельства довели храбрость ея народа до баснословныхъ размѣровъ. Заключая вражда къ Туркамъ, преданность православнои вѣрѣ и чувство независимости возвысили въ ней духъ народный до высшей степени. Черногорія, благодаря своему направленію, остается неизмѣнною во внутренней своей жизни: доселѣ правленіе ея носитъ слѣды родоваго старшинства; въ народѣ ея хранятся живые слѣды древнѣйшаго Славянскаго быта, и пѣсни ея суть пѣсни цѣлаго народа. На востокъ отъ Черногоріи, въ суточномъ разстояніи отъ неприступныхъ жилищъ Черногорскаго племени Васоевичей, уже начинаются горы нынѣшняго независимаго княжества Сербія. По тропинкамъ этого узкаго раздѣла, принадлежащаго Турціи, Сербы всегда сносились съ Черногорцами; одинъ духъ вѣялъ въ горахъ тѣхъ и другихъ;—и здѣсь, въ томъ же южномъ нагорномъ углу Сербіи, впервые зачалась и потомъ постоянно находила себѣ опору страшная борьба Сербовъ за независимость, охватившая всю Сербію и окончившаяся исторженіемъ изъ рукъ Турокъ значительной части угнетенныхъ ими Славянъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ПАМЯТНИКИ.

До сихъ поръ я разсматривалъ народныя памятники Сербовъ съ исторической точки зрѣнія, по сколько они проявляютъ въ себѣ жизненной дѣятельности народа и по сколько это намъ нужно будетъ для уразумѣнія различныхъ видоизмѣненій Сербскаго языка, который, при посредствѣ письменности, служа выраженіемъ мысли народа въ разныя поры его бытія, неразлучно съ народомъ двигался по пути его историческаго шествія и живо воспринималъ въ себя отпечатки, налагаемые на него повременною жизнію народа. Теперь мнѣ предстоитъ главнѣйшая задача — разсмотрѣть эти памятники съ филологической стороны, въ тѣхъ мѣрѣ, въ какой они представляютъ собою постепенное движеніе письменнаго языка Сербовъ въ связи съ различными наръчіями, искони жившими въ народномъ говорѣ и условливаемыми мѣстными развѣтвленіемъ Сербскаго народа по областямъ. Но прежде, чѣмъ приступлю къ изложенію самой исторіи Сербскаго языка по народнымъ историческимъ памятникамъ, писаннымъ Кириллицею, считаю нужнымъ еще разъ предварительно взглянуть на эти *памятники*, какъ на почву, на которой должны основываться всѣ мои язычныя изысканія и выводы.

Нѣтъ сомнѣнія, что языкъ, такъ, какъ онъ звучитъ въ устахъ народа, имъ говорящаго, сохраняется гораздо чѣльнѣе и невредимѣе, чѣмъ языкъ, перешедшій въ письменность, хотя бы того же самого народа. Первый живетъ во всей совокупности народа и совершаетъ свое движеніе вмѣстѣ съ народною жизнію, между тѣмъ, какъ второй зависитъ часто отъ дѣятельности немногихъ лицъ. Будучи, такъ сказать, условнымъ способомъ выраженія мыслей, письменный языкъ находится въ рукахъ людей болѣе, или менѣе образованныхъ, а таковые не составляютъ еще всего народа. Уже по тому одному, что люди эти образованы, вліяніе на него чужой стихіи дѣлается возможнымъ, какъ оно дѣйствительно и бываетъ почти всюду и всегда. Мы разумѣемъ здѣсь языки средневѣковой Европы. То, что мы называемъ чистотою или пуризмомъ письменнаго языка, не есть еще знакъ того, чтобы языкъ приближался къ народности: какъ чистота, такъ и вообще совершенствованіе письменнаго языка, сопутствующее процвѣтанію народа, суть условныя качества, показывающія только, что искусство писателей умѣло сгладить въ языкѣ ту шереховатость, которая непріятно звучала въ средневѣковой его письменности. Положимъ даже, что по мѣрѣ процвѣтанія народной жизни писатели знакомятся болѣе и болѣе съ своимъ народомъ, и вліяніе этого знакомства на письменный языкъ бываетъ благотвѣльно; но, тѣмъ не менѣе, взглядывшись въ языкъ, которымъ они пишутъ, мы находимъ въ немъ еще много такого, что облаичаетъ

присутствіе чужой стихіи:—словомъ, исключая языка первобытныя, едва ли есть такой письменный языкъ, который бы, въ отношеніи вещества своего и строенія, былъ столь же безукоризненно чистъ и самостоятеленъ, сколько онъ чистъ и вѣренъ самому себѣ въ говорѣ народномъ. Тѣмъ менѣе можно ожидать народности отъ средневѣковой письменности всякого языка, когда грамотѣи, желая выказать свою образованность знаніемъ того, или другаго иноплеменнаго языка, смѣло вводили въ свое писаніе чужія формы и слова подъ рядъ съ народными. Такимъ образомъ письменный языкъ, завися всегда и всюду отъ произвола пишущаго сословія, дѣлаясь достояніемъ образованнаго общества, отличается отъ устнаго, народнаго, не только своимъ условнымъ совершенствомъ, какъ-то, чистотою, правильностію, положительностію формъ, благозвучіемъ и т. п., но еще и присутствіемъ чужой стихіи въ большемъ, или меньшемъ объемѣ. Отъ того въ немъ, какъ зависящемъ отъ извѣстнаго количества людей, возможно развитіе и совершенствованіе, если можно такъ назвать всякое движеніе впередъ, будетъ ли оно къ лучшему, или худшему концу. Всякій письменный языкъ имѣетъ свою исторію, въ которой ясно замѣтить можно преемство формъ по вѣкамъ и тѣ степени совершенствованія, которыя проходилъ языкъ изъ глубины минувшей жизни на свѣтъ новѣйшихъ временъ. Одинъ письменный языкъ дѣлаетъ на этомъ пути ббльшіе шаги, другой меньшіе; однако всѣ движутся и совершенствуются. Это суть языки болѣе, или менѣе искусственные. Но подъ письменнымъ языкомъ, какъ верхнимъ слоемъ, всегда находится осадокъ, превосходящій его своимъ объемомъ: это народный, устный языкъ, тотъ, которымъ говоритъ весь народъ, исключая образованное общество, нарѣчіе котораго всегда приближается къ письменному языку. Чистый, истинно народный языкъ живетъ въ совокупности всего народа, имъ говорящаго, и не зависитъ ни отъ какого сословія, ни отъ какого личнаго произвола. Отъ того онъ чуждъ движенія въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно существуетъ въ письменномъ языкѣ; онъ растетъ по мѣрѣ роста самого народа, по мѣрѣ того, какъ народъ расширяетъ кругъ своего знакомства съ видимымъ міромъ и развиваетъ свои духовныя силы; но онъ всегда остается однимъ и тѣмъ же съ своими свойствами самобытными и неизмѣнными. Его исторія не есть исторія письменнаго языка; преемство формъ въ немъ совершается медленно и въ въ иномъ смыслѣ; за то въ немъ есть преемство мысли. Разсматривать, какъ народъ мыслію своею восходилъ отъ внѣшняго міра къ міру духовному и какъ въ одномъ словѣ сосредоточивалъ постепенно различныя понятія, видоизмѣняя и перенося ихъ,—вотъ предметъ его исторіи. И сдѣсь, на этомъ поприщѣ, языкъ является вѣрнымъ спутникомъ своего народа, яснымъ отраженіемъ его нравственныхъ силъ, художественнаго чувства и умственно-созерцательной способности. Его путь таковъ же, каковъ и жизненный путь самого народа.

Сербы, при самомъ водвореніи у нихъ грамотности, являются съ двойнымъ языкомъ, устнымъ и письменнымъ, которые рѣзко отличаются одинъ отъ другаго. Между тѣмъ, какъ первый былъ чистымъ Сербскимъ нарѣчіемъ съ тѣми признаками, которые онъ и доселѣ имѣетъ, второй подчинился больше, или меньше вліянію Церковнославянскаго и сдѣлался смѣшаннымъ Сербобулгарскимъ нарѣчіемъ. На этомъ языкѣ совершалась вся древняя письменность Сербовъ; всѣ доселѣ сохранившіеся памятники ея носятъ на себѣ въ большей, или меньшей мѣрѣ слѣды вліянія Ц.-Славянскаго языка, который у древнихъ Сербовъ стоялъ на первомъ мѣстѣ въ ряду предметовъ, необходимыхъ для человѣческаго образованія. По мѣрѣ этого вліянія мы раздѣляли всѣ Ста-

росербскіе памятники на два разряда, Славянобулгарскіе, въ которыхъ преобладаетъ древнее Булгарское нарѣчіе, и народныя, въ которыхъ преобладаетъ народный или собственно Сербскій языкъ. Первые разсмотрѣны Шафарикомъ въ его *Serbische Leseköner*, гдѣ ученый славяновѣдѣцъ доказалъ, что народный языкъ Сербовъ все таки пробивался сквозь Славянобулгарскую стихію и чрезъ то самое приурочивалъ ихъ къ Сербской письменности. На эти памятники Сербы имѣютъ такое же право, какъ и на свои народныя. Не смотря на все желаніе древнихъ Сербскихъ грамотѣевъ писать чистымъ Булгарскимъ языкомъ, живое нарѣчіе живаго народа не могло заглухнуть совершенно подъ покровомъ пришлаго языка и, невольно выставляясь наружу, придавало особый отличительный видъ ихъ письменности, который ясно показывалъ, что она принадлежала именно Сербамъ, а не кому другому. Изъ упомянутаго сочиненія Шафарика, равно какъ изъ его Славянскихъ Древностей, мы убѣждаемся также, что устный, коренной языкъ Сербовъ въ доисторическое время звучалъ точно такъ же, какъ звучитъ и понынѣ, если слѣды его уже обнаруживаются въ первыхъ памятникахъ Сербской письменности: слѣдовательно, уже тогда онъ имѣлъ въ себѣ тѣ же самыя звуки и тѣ же самыя формы, какіе имѣетъ и теперь, а по тому не онъ отклонился отъ письменнаго языка, а на оборотъ, этотъ послѣдній уклонился отъ него пріятіемъ въ себя чужой, Славянобулгарской, стихіи. Прослѣдить исторически воздѣйствіе народнаго языка на Древнебулгарскій было задачею Шафарика; нашею задачею, какъ сказали мы въ Введеніи, будетъ разсмотрѣніе по вѣкамъ воздѣйствія Древнебулгарскаго языка на народный въ тѣхъ памятникахъ, которыхъ только слегка и отчасти коснулся Шафарикъ и въ которыхъ народная стихія преобладаетъ. Такимъ образомъ почва, которая предлежитъ намъ для обработки, есть по преимуществу народная; но въ то же время она принадлежитъ области письменнаго языка Сербовъ, а слѣдовательно, не чужда звуковъ и формъ Д.-Булгарскихъ, посѣянныхъ на ней писцами. Дѣйствительно, проходя по этой почвѣ, мы не разъ встрѣтимся съ такими звуками и такими формами, которые въ устномъ языкѣ Сербовъ или вовсе не существуютъ, или, если и существуютъ, то въ иномъ видѣ, и тутъ же замѣтимъ, что народный языкъ старается замѣнить ихъ по своему. Мѣстами эти звуки и этѣ формы живутъ въ полной силѣ, мѣстами они слабѣютъ, будучи вытѣсняемы народными, а иная вовсе исчезаютъ. Всего болѣе держатся они во вступленіяхъ и отчасти въ концѣ грамотъ, преимущественно тѣхъ, гдѣ православное духовенство принимало наибольшее участіе; всего менѣе находятъ они въ срединѣ грамотъ, гдѣ излагается сущность дѣла, и притомъ, чѣмъ мелочяѣе и ближе къ дѣлу содержаніе, тѣмъ чище народный языкъ. Съ другой стороны, если обратимъ вниманіе на мѣстонаписаніе грамотъ или, что то же, семь, на которыя онѣ распадаются, то увидимъ, что Ц.-Славянскій языкъ господствуетъ въ собственно-Сербскихъ грамотахъ, преимущественно Аѳонскихъ, слабѣетъ въ Зетскихъ, Турецкихъ, Боснійскихъ и почти совершенно исчезаетъ въ Дубровницкихъ, Хлумскихъ и Травунскихъ. Причина очевидна: въ Сербіи господствовало православіе, ознаменованное благодареніями королей, царей и деспотовъ къ Церкви и духовенству. Самый языкъ своею возвышенностію отвѣчалъ величію Сербскихъ государей; въ мелкихъ же грамотахъ, данныхъ Дубровнику большею частію по торговымъ дѣламъ, онъ замѣтно уступаетъ мѣсто народному. Напротивъ, Дубровничане, исповѣдывавшіе католическую вѣру, народъ торговый, дѣловой, не имѣя слабости прибѣгать къ Ц.-Славянскому языку и писали почти чистымъ народ-

нымъ языкомъ: такимъ же отвѣчали имъ и бояре Хлумскіе и Травунскіе. Средину между этими двумя крайностями занимаютъ Боснійскія грамоты, въ которыхъ преобладаніе того, или другаго языка уравновѣшивалось какъ государственными, такъ и вѣроисповѣданными причинами. Съ одной стороны, виды Боснійскихъ королей на Сербію и покровительство, оказываемое ими православнымъ и Патаренамъ, на которыхъ опиралась народная самостоятельность; съ другой, различіе вѣроисповѣданій, наружное господство католицизма и близкія сношенія съ западными сосѣдями: — все это опредѣлило для Боснійскихъ грамотъ серединное мѣсто, которое онѣ занимаютъ между предыдущими семьями. Какъ бы то ни было, мы не должны забывать, что приступаемъ къ исторіи письменнаго, а не устнаго языка Сербовъ, и что на каждомъ шагѣ можемъ встрѣтить звуки и формы Ц.-Славянскіе рядомъ съ народными.

Независимо отъ истинныхъ признаковъ того и другаго языка, часто въ грамотахъ попадаются такіе признаки, которые, по видимому, или вовсе не могутъ существовать, или придаютъ иной оттѣнокъ обоимъ языкомъ. Но изслѣдователь не долженъ увлекаться ими. Знакомый лично съ памятниками и читавшій ихъ непосредственно въ томъ видѣ, въ какомъ они выходили изподъ пера дьяковъ, увидитъ, что тутъ лишь дѣло вѣдноти, правописанія. Представимъ себѣ цѣлыя толпы писцовъ, которые въ продолженіи столѣтій пишутъ независимо одинъ отъ другаго безъ всякихъ правилъ, безъ всякаго взаимнаго соглашенія. Единства между ними нѣтъ, ибо нѣтъ положительныхъ правилъ для писанія. Только наука можетъ возбудить единство между людьми разныхъ вѣковъ; но такъ какъ правописанія въ смыслѣ науки не было, то всякій писецъ выражалъ по своему тѣ звуки, которые казались ему затруднительными. Одинъ и тѣ же буквы служили для каждого писца различными условными знаками; а истинной природы буквъ писцы не понимали. И на оборотъ, одинъ и тотъ же звукъ они выражали различными буквами. Это показываетъ, что начертанія Кириллицы, изобрѣтенной не въ ихъ странѣ, уже потеряли для нихъ свое внутреннее значеніе: кто какъ хотѣлъ, такъ и писалъ. Еще лучше бы было, если бы дьяки писали такъ, какъ произносили; нѣтъ, они мудрили Кириллицею: одинъ хотѣлъ написать слово такъ, какъ оно звучало въ устномъ его языкѣ; другой хотѣлъ этому слову придать Ц.-Славянскій видъ, пренебрегая настоящимъ его произношеніемъ, и придавалъ часто не вповодъ; третій, замѣчая, на пр., въ Д.-Булгарской письменности разумное удвоеніе нѣкоторыхъ гласныхъ въ извѣстныхъ формахъ, удваивалъ безразлично гласныя тамъ, гдѣ вовсе не слѣдовало ни по правиламъ грамматики, ни по законамъ благозвучія, и т. д., — словомъ, въ этомъ смѣшеніи вѣдноти знаковъ написанія изслѣдователь никакъ не долженъ видѣть что либо существенное, принадлежащее къ свойствамъ языка; но онъ обязанъ найти истинный звукъ въ случайныхъ его образахъ, зависѣвшихъ отъ произвола писцовъ. Достоверность языка можетъ быть узнава изъ сличенія словъ въ различныхъ грамотахъ. Чѣмъ отдаленнѣе по мѣстности и независимѣе одна отъ другой грамоты, тѣмъ достовернѣе встрѣчающіяся въ нихъ одинаковыя формы. При этомъ нужно обращать вниманіе и на то, одинъ ли и тотъ же дьякъ писалъ ихъ, или разные дьяки, при одномъ ли и томъ же дворѣ, или при разныхъ дворахъ, въ одномъ ли и томъ же мѣстѣ, въ одно ли и то же время, или въ разныхъ мѣстахъ и въ разныя времена онѣ писаны. Изъ совокупности всѣхъ случаевъ употребленія можно вывести положительные законы для языка, и по тому всегда нужно обращать вниманіе на численное количество встрѣчающихся формъ. Ошибка не можетъ повто-

раться сподрядъ нѣсколько разъ, и чѣмъ значительнѣе число случаевъ, въ которыхъ встрѣчается известная форма, тѣмъ достовѣрнѣе она. Изъ счисленія количества случаевъ можно видѣть, какая форма преобладала, а отсюда можно заключать и о преобладаніи въ письменности одного языка надъ другимъ. Не менѣе нужно обращать вниманіе и на то, съ кѣмъ, въ какихъ сношеніяхъ и гдѣ писана известная грамота. Одно и то же лицо могло дать нѣсколько грамотъ, различныхъ между собою въ признакахъ языка и правописанія. Это зависѣло отъ того, подъ чѣмъ вліяніемъ писались грамоты: въ договорахъ очень часто случается, что лицо, которое даетъ грамоту, даетъ ее уже на основаніи готоваго содержанія, доставленнаго ему противною стороною; и по тому писецъ легко можетъ удержать въ грамотѣ нѣкоторые признаки того нарѣчія, которымъ пишетъ противная сторона: такъ между собственно-Сербскими грамотами находимъ величайшую разность, смотря по тому, дана ли была грамота Дубровнику, или Аѳону. Такъ грамота, заключающая договоръ Дубровничанъ съ Булгарскимъ царемъ Асѣномъ, отличается отъ другихъ современныхъ Дубровничанскихъ грамотъ ближайшимъ къ Ц.-Славянскому употребленіемъ буквы ѡ, образованіемъ полнаго окончанія глаголовъ въ 3-мъ лицѣ обоихъ чиселъ и многими другими булгаризмами.

Отъ писца зависѣло также уясненіе, или скрытіе того мѣстнаго нарѣчія, которымъ онъ говорилъ и къ которому принадлежалъ. То, что сказали мы о свойствахъ письменнаго языка Сербовъ, равно какъ правописаніи грамотъ, можетъ дать понятіе о смѣшеніи звуковъ и формъ, не только по внутреннимъ ихъ свойствамъ, но и по внѣшнему виду. Славянобулгарскіе звуки и формы, стоящіе на ряду съ Сербскими, и произвольное выраженіе звуковъ на письмѣ не мало затемняютъ тѣ подрѣчія и разнорѣчія, на которыя распадается Сербскій языкъ. Раздѣленіе грамотъ на семь имѣетъ здѣсь свое значеніе; но провести между ними строгое различіе по языку невозможно, ибо, какъ сейчасъ мы сказали, всѣ онѣ находятся подъ болѣе или менѣе вліяніемъ Славянобулгарской стихіи и личнаго произвола писцовъ. Съ внутренней стороны чужая стихія, съ внѣшней неопредѣленность правописанія сглаживаютъ особенности въ свойствахъ и употребленіи звуковъ и формъ и придаютъ грамотамъ не однозначность, но непонятную на первый разъ нестрогу, среди которой трудно отыскать настоящіе признаки той, или другой мѣстности. При ближайшемъ знакомствѣ съ языкомъ грамотъ мы увидимъ нѣкоторыя особенности мѣстнаго произношенія; теперь же пока я приведу нѣсколько примѣровъ въ подтвержденіе того, что доселѣ было сказано мною о правописаніи. Такъ въ одной и той же Боснѣ и именно при королевскомъ дворѣ, на разстояніи 7-ми лѣтъ, писали: въ гр-ѣ Дабыши 1392 г. (С. № 81):...ка изъвъшнне ѡ сѣа. и самътнѣ сѣтаго дѣа. иже ка маетакъ небеса дикнѣ утверждениѣ зтрьди и вѣслению скою волю ѡснока за милосръдѣже милости сиуде сибесѣ... и падъши уловнѣ съфастко вѣстѣленимъ собою ѡбожнѣ на небеса каздеде. ѡмѣ же вса ѡ неспити ка бити састални бѣше... ѡмѣ же и иѣфтра цѣрсьци по всаи вѣслению зтрьдѣютсѣ...; а въ гр-ѣ Остон 1399 г. (С. № 85):... ка испѣвнне силъ и сѣтаго дѣа иже ка маетакъ небеса дикнѣ утвержденимъ зтрьди и вѣслению скою ѡснока за милосръдѣже милости сиуде сибесѣ... и падъши уловнѣ съфастко вѣстѣленимъ собою ѡбожнѣ на небеса каздеде тѣмъже: кѣа ѡ неспити ка бити састални бѣше... тѣмъже и иѣфтра цѣрсьци по всаи вѣслению зтрьдѣютсѣ... Черезъ 6 лѣтъ въ гр-ѣ Тьрътка 1405 г. (С. № 89) это написано

такъ:... въ испльннѣ сѣна и свѣтлѣ дѣхѣ иже ка млуткѣ небесѣ дннннѣмъ зтврѣднѣмъ зтврѣднѣмъ и васселенюю ѡснова земахъ. мллосрднѣ же мллостн снѣде снѣбесе... и падѣннѣмъ улѡбѣу сѣрѣство прстѣплнннѣмъ собою ѡбожннѣмъ..тнмъ же всѣ ѡ нектнѣ въ бнтѣ састлаена бнше .. тнмъ же и скннѣтрѣ царѣскнѣ по всон васселеню зтврѣднѣмъ... Еще далѣе, въ 1419 году, въ гр-ѣ Стефана Остонча (С. № 95) писали... въ испльнннѣ сннѣ и свѣтога дѣхѣ иже ка млуткѣ небеса дннннѣмъ зтврѣднннѣмъ зтврѣднѣмъ и васселенюю своєю ѡснова земахъ срѣже масти сннѣде снѣбесе... и млдѣше улѡбѣу сѣрѣво прстѣплнннѣмъ собою ѡбожннѣмъ на небеса възведе тнмъ же васа ѡ нектнѣ въ бнтѣ састлаена бнше .. тнмъ же и скннѣтрѣ царѣскнѣ по всон васселеню зтврѣднѣмъ... Въ 1443 г. въ гр-ѣ Томы Остонча (З. А):... иже ка млуткѣ небеса дннннѣмъ зтврѣднѣмъ и васселенюю своєю волею ѡснова зтврѣднѣмъ мллосрднѣ же мллостн. прнѣде снѣбесе... и падѣше улѡбѣу сѣрѣво прстѣплнннѣмъ собою ѡбожннѣмъ на небеса възведе... тнмъ же и скннѣтрн, царѣскн. по всон васселеню. зтврѣднѣмъ...Наконецъ уже въ 1461 г. въ гр-ѣ Томашевича (С. № 150) то же самое написано такъ:... иже ка млуткѣ небесѣ дннннѣмъ зтврѣднннѣмъ зтврѣднѣмъ и васселнѣ своєю волею ѡснова зтврѣднѣмъ мллосрднѣ же мллостн прнѣде снѣбесе... и падѣше улѡбѣу сѣрѣво прстѣплнннѣмъ собою ѡбожннѣмъ на небеса възведе... тнмъ же и скннѣтрн царѣскн по всон васселеню зтврѣднѣмъ...Очевидно, дѣяки списывали грамоты другъ у друга, но въ то же время всякій передѣлывалъ правописание по своему; даже, передѣлывая его по своему, не соблюдалъ однообразія и безпрестанно измѣнялъ самому себѣ. Такъ въ приведенномъ примѣрѣ, измѣнивъ сннѣ въ снѣде, онъ оставилъ безъ перемѣны тнмъ же; написавъ улѡбѣу, писать въ то же время прстѣплнннѣ и т. д. Одинъ употребляетъ Церковно-славянскую, хотя и неправильную, форму: въ испльннѣ; другой народную: ка испльнннѣ; а между тѣмъ первый пишетъ ѡ нектнѣ, а второй ѡ нектнѣ и т. д. Вообще подобныхъ примѣровъ неточности въ правописаннѣ можно найти безчисленное множество¹. Иногда въ грамотахъ мелькаетъ простая разсѣянность писцовъ; такъ ничѣмъ болѣе нельзя объяснить подобное сочетание словъ: воже слакннѣ ка тронцѣ ка ѡцн же рѣкѣ и сннѣ и свѣтннѣмъ дѣхѡмъ (С. № 144). Въ гр-ѣ С. № 16 поражаетъ насъ странное употребленнѣ двойственнаго числа вмѣсто множественнаго: и въ влѣжннѣю. устнрн. сваньганствѣ.. и въ сѣтѣю. мзуемннѣ гнѣ влѣснѣ. лѡврѣннѣтѣ. нѣтрѣ. и амьдрѣю. мамѣхѣ свѣтнѣтѣлѣ. Во многихъ грамотахъ повторяется подобное выраженнѣ: пѣуатннѣ ѡбннѣномъ влѣннѣномъ впрѡвѣномъ подѣ внснѣз пѣуатѣ верѡвѣнѣз (С. NN № 127, 130, 141); или вотъ еще примѣръ безсмыслицы: що е влѣлѣ злѣмѣ прн ѣрѣз стѣфанѣ, и прн гнѣз ѡ роднѣтѣлннѣмъ влѣкѣ. и прн стѡпоуишнѣмъ ннѣзлѣ лѣзлѣрѣ, ѡ прн стѡпоуишнѣмъ гнѣ и роднѣтѣлннѣмъ дѣспѡта стѣфанѣ (С. № 137), которая объясняется тѣмъ, что въ предыдущихъ грамотахъ, съ коихъ списывалась гр-а № 137, вмѣсто предлога прн стоялъ ѣ. Или: ази прѣдѣ свѣтлѣаго гнѡдннѣмъ влѣлѣмъ згарсннѣмъ ази прѣдѣ тѣрскннѣмъ гнѡдарѣмъ а или прѣдѣ влѣлѣмъ вѡсаннѣаго и т. д. Кромѣ разсѣянности, причиняющей безсмыслицу, укажемъ на умствованнѣ писцовъ при переписываннѣ грамотъ. Часто позднѣйшнѣ писецъ даетъ совсѣмъ другой смыслъ выраженнѣю и мысли своего предшественника. Для примѣра укажу на начала вышеприведенныхъ Босннѣйскихъ грамотъ. Въ древнѣйшей гр-ѣ сказано: ка възвѣдннѣ сннѣ. и самѣтннѣ сѣтѣаго дѣхѣ, а въ списаннѣ: ѡ неѣ: ка испльнннѣ сннѣ и

¹ Ср. также С. NN 49, 50, 62, 90, 91, 99, 111, 124; А. N 13. — С. NN 71, 84, 97, 100, 117, 144. — С. NN 101, 102, 104. — С. NN 57, 103, 136. — А. NN 18, 19.

стаго дѣла и то же повторено въ слѣдующихъ, списанныхъ со второй. Въ первой выражена мысль: *ка начети на небеса зтвѣди*, что повторено еще въ двухъ другихъ; но въ остальныхъ трехъ мысль эта переименована: *ка начети на небеса зтвѣди*, гдѣ, придавъ другой смыслъ отношенію первыхъ двухъ словъ, писецъ забылъ про глаголъ *зтвѣди* и оставилъ его уже безъ всякаго управленія. Первые писцы высказывали мысль, что Богъ *падше* *уловиле* *существо* *окожиле* на небеса *вазведе*, а позднѣйшіе два поняли иначе, что Богъ *падше* *уловиле* *существо* *окожиле* на небеса *узде*; первые писали: *симпстръ цѣрски зтвѣдиюте* и *красеете* *славте* *вѣа*, а позднѣйшіе двое пишутъ: *симпстри царски зтвѣдиюте* и *красеете* *славте* *бога*. Однѣй писецъ, по разсѣянности, написалъ *престпаше* *ви*. *престпаше* *и* другой, за нимъ слѣдовавшій, повторилъ то же; но первый, не разобравши хорошо той грамоты, съ которой списывалъ, сдѣлалъ еще важнѣйшій промахъ, написавъ совершенную бессмыслицу: *згма* *срѣ* *ви*. *за млосради*. отъ которой, впрочемъ, оба позднѣйшіе воздержались. Предшественникъ же его, хотя тоже не разобралъ этого мѣста въ подлинникѣ, однако, для избѣжанія бессмыслицы, придавъ ему такой смыслъ: *наслашту* *ѡбока* *згма*. *млосради* *же* *млосра* *сиде* *свѣсе*. Такъ первый писецъ писалъ: *ѡ* *келе* *мошна* *сило* *прѣстаго* *дѣа* *тѣе* *славни* *и* *въ* *трони* (С. № 71), а заимствовавшій у него далъ другой отбѣнокъ его мысли: *ѡ* *келе* *мошна* *сидо* *прѣстаго* *дѣа* *ѣтѣ* *славни* *въ* *трони* (С. № 84) и всѣ позднѣйшіе повторили то же самое (С. NN № 97, 100, 104, 114, 144) и т. д. Эти сравненія показываютъ намъ, какъ мало дорожили писцы вѣрностію снимковъ своихъ и не только позволяли себѣ переименовывать смыслъ, но даже допускали и бессмыслицу. Часто въ одной и той же области употребляются признаки разныхъ нарѣчій: и и ѡ или ни; ш и ѡ; и, г, и ѣ и пр. Это указываетъ отчасти на мѣсторожденіе писцовъ, говорю отчасти, ибо иногда у одного и того же писца, въ одной и той же грамотѣ признаки нарѣчій смѣшиваются. Такъ, на пр., въ гр-ѣ Томашевича (С. № 150) замѣтно непостоянство въ употребленіи ш и ѡ, и и ѡ; сдѣсь находимъ: *посамиди* и *критци*, *зентѣ* и *вапреда*, *кика* и *връме*, *козъ*, *янце*, *дзакъ* и *записаним*. *примтелѣ*. *шл*. Въ гр-ѣ Радослава Павловича (С. № 107) смѣшиваются к, г и ѣ: *вадимирѣше* и *вадимирѣше*, *даше* и *здеуюки*, *послѣше* и *послѣше*, *потраше* и *потраше*: въ гр-ѣ того же (С. № 122): *видише* и *рзуъ*; (С. № 127): *спомнѣтъ*, *гюш* и ѡ, *гюш*. Въ гр-ѣ Твѣрка (С. № 103) читаемъ: *природителѣ* и *природителѣ*. Въ гр-ѣ Остон (С. № 83) перемежаются и и ѡ: *дзевитѣ*, *дзетовѣ*, *вздикише*, *приморю*, *дзакъ* и *свѣтъ*, *видикише*, *крпико* и т. д. Не говорю уже объ отдѣльныхъ грамотахъ, принадлежащихъ однимъ и тѣмъ же писцамъ: примѣры ихъ сравненія были бы излишними; но замѣчу только, что, сравнивая двѣ, три, или нѣсколько грамотъ одного и того же писца, не находимъ ни одной пары грамотъ, въ которыхъ бы правописаніе было одинаково. Всякій разъ видимъ какое нибудь различіе, иидѣ весьма чувствительное¹. Особенно часто смѣшиваются буквы *с*, *ш*, *и*, *е*, *ѡ*, *ш*, *ни*, *ни*; *ѡ*, *ѡ*, *ѡ*, *ш*; простыя *ѡ*, *ѡ* и удвоенныя *ѡѡ*, и пр. Нужно очень хорошо знать природу Славянскихъ звуковъ и законы словоизмѣненія, чтобы найти путеводную нить въ этомъ смѣщеніи буквъ и звуковъ и отличить вѣрное отъ невѣр-

¹ Ср., на пр., С. NN 95 и 103; 87, 100, 108 и 109; 83 и 84; 104, 107 и 114; 112, 115, 119, 121, 123, 126 и 130; 122, 127 и 128; 125 и 128; 136 и 140; 150, 151, 152, 153 и 154; 156, 159 и 163.

наго. Не зная ихъ, можно часто ошибаться въ ученіи о переходѣ звуковъ и сравнивать двѣ неудобосравнимыя формы. Такъ, на пр., не зная, что и часто переходитъ въ *ѣ*, невозможно сравнивать прямо *и* и *ѣ* или *ю*, но должно употребить посредствующее *ѣ*, которое, по ошибкѣ, сбивается иногда б-ю *ѣ*, *и*. Такъ нельзя прямо сносить *а* съ *ѣ*; но, зная, что *ѣ* часто переходитъ въ *ѣ*, посредникомъ между ними должно принять *и* и пр. и пр. Приведу еще одинъ замѣчательный случай. Двѣ гр-ы С. NN^о 101 и 102 суть очевидно одна и та же грамота въ двухъ спискахъ. Нужно рѣшить, которая изъ нихъ подлинная? Судя по вѣрности написанія, N^о 102 должна быть подлинникомъ, а N^о 101 спискомъ съ нея, ибо въ этой послѣдней опущеніемъ и неточностію въ некоторыхъ буквъ смыслъ мѣстами затемненъ, а также ошибочно выставлено 22 апрѣля 1421 года, четвертокъ по Юрьевъ днѣ, ибо въ 1421 году этотъ день приходился 24 апрѣля, что и означено правильно въ N^о 102-мъ. Казалось бы, въ обѣихъ грамотахъ правописаніе должно быть одинаково; но, сличая ихъ, видимъ большую разницу: въ одной *и*, въ другой *иѣ*, въ одной *ѣ*, въ другой *ѣ*, тамъ *ѣ*, *ѣ*, сдѣсь *ѣ*, *ю* и т. д. Имя дьяка Мароша выставлено въ обѣихъ: значить, съ его грамоты N^о 102 кто нибудь сдѣлалъ списокъ, переименовавъ по своему его правописаніе. Такимъ образомъ надобно всегда обращать вниманіе на то, съ подлинникомъ ли имѣемъ дѣло, или съ копіею. Подобныя копіи были всегда, да и въ наше время онѣ снимаются часто съ не меньшимъ искаженіемъ подлинника. Укажу еще на копію, сдѣланную при Хамзабегѣ, около 1470 года, съ грамоты Стефана Дечанскаго (С. N^о 37). Хотя въ концѣ ея приписано: *исписанъ искингъ краля стѣпана написанъ како съ ѣ записъ говори*, однако, по нѣкоторымъ признакамъ языка, точность этой копіи кажется подозрительною и языкъ ея долженъ быть отнесенъ ко времени Турецкаго владѣчества. Копія съ грамоты Стефана Первовѣчаннаго (С. N^о 51) сдѣлана въ царствованіе Милутина, когда этотъ король подтверждалъ запись своего предка: и въ этому времени она должна быть отнесена, ибо написана на одномъ пергаминномъ листѣ и одною рукою съ подтвердительною грамотою Милутина; притомъ надстрочныя значки и употребленіе буквъ *оѣ*, *и* и *ѣ* сходное въ обѣихъ грамотахъ, обличаютъ ея невѣрность съ подлинникомъ, хотя въ ней и сохранились нѣкоторые слѣды древности, какъ на пр., въ употребленіи б-ы *ѣ* и въ полныхъ окончаніяхъ *ми*, *ни*, *ми*; однако въ нее вторглись и новѣйшіе признаки, каковы: значекъ *ь*, стяженіе полного *ию* въ *ю* и озвукотвореніе б-ы *ѣ* чрезъ *ѣ*. Также гр-а Душана (С. N^о 35), хотя и не названа копіею, однако, по нѣкоторымъ позднѣйшимъ признакамъ, заставляетъ думать, что она есть копія XV-го в., впрочемъ весьма вѣрная подлиннику. Вообще относительно копій должно замѣтить, что если онѣ сколько нибудь кажутся подозрительными, то лучше относить ихъ не ко времени подлинника, а ко времени ихъ составленія, или даже вовсе опускать, ибо языкъ ихъ бываетъ по большей части смѣсью древнѣйшаго съ позднѣйшимъ. Таковымъ переменамъ подвергается иногда книжный языкъ и преимущественно въ среднее или переходное время своего существованія. Много ступеней развитія долженъ онъ пройти, пока не установится окончательно въ своихъ формахъ; много разъ измѣнится и правописаніе, пока не достигнетъ до правильнаго и разумнаго выраженія звуковъ; а между тѣмъ народный, устный языкъ все живетъ неизмѣнно, соблюдая въ цѣлости свою особенность, дѣлающую его именно этимъ, а не другимъ языкомъ. Отъ того въ филологическомъ трудѣ всегда нужно уяснить себѣ и въ точности опредѣлить тотъ языкъ или то нарѣчіе, обработанію котораго трудъ посвящается.

Если въ исторіи книжнаго языка Сербовъ необходимо обращать вниманіе на нѣсто написанія или, что то же, на семья грамотъ, по причинѣ существованія областныхъ варѣчій и различной государственной и вѣроисповѣдной судьбы Сербскихъ областей, то въ то же время нужно обращать вниманіе на количество и возрастъ дошедшихъ до насъ грамотъ различныхъ семействъ. Конечно, самымъ вѣрнымъ и безпристрастнымъ руководителемъ исторіи языка будетъ тотъ взглядъ, который въ одно время и для всѣхъ случаевъ обнимаетъ грамоты различныхъ семействъ, не давая такимъ образомъ перевѣсу и права исключительнаго господства признакамъ одной какой либо области и отъ нихъ не дѣлая послышки ко всему объему языка. Но не всегда можно составить себѣ такой всесторонній взглядъ на повремениныя явленія языка по причинѣ отсутствія памятниковъ: въ такомъ случаѣ надобно наблюдать величайшую осторожность, чтобы признакъ одной какой либо области не навязать всему пространству народнаго говора. Такъ изъ XII-го вѣка мы имѣемъ двѣ грамоты совершенно противоположныя между собою: Боснійскую Кулина и Авонскую Немаян. Это обстоятельство весьма благопріятно, ибо при немъ мы разсматриваемъ языкъ съ двухъ различныхъ сторонъ и въ двухъ противоположныхъ областяхъ, а не вдаемся въ одну какую либо крайность. Первая половина XIII-го вѣка не менѣе благопріятна; она доставляетъ намъ грамоты Сербскихъ королей, бановъ Боснійскихъ, князей Хлумскихъ, нѣсколько Поморскихъ и Дубровницкихъ; но вторая его половина и XIV-й вѣкъ до самой Косовской битвы предлагаютъ почти исключительно однѣ собственно-Сербскія грамоты; и на оборотъ, XV-й вѣкъ обилуетъ грамотами Боснійскими, Травунскими, Хлумскими и Дубровничкими. Это явленіе объясняется государственною судьбою собственной Сербіи и Боснии; но его никакъ не должно забывать въ исторіи языка. При обиліи грамотъ одной семьи, двѣ, три грамоты другой должны быть тѣмъ драгоценнѣе для насъ, чѣмъ менѣе имѣемъ мы ихъ.

Сербская письменность разсматриваемыхъ нами вѣковъ, какъ можно уже было замѣтить изъ историческаго обзора, совершалась у народа самостоятельнаго; а по тому она, и преимущественно та часть ея, которой посвящены наши изслѣдованія, должна носить на себѣ отпечатокъ самостоятельности. И дѣйствительно, ни въ грамотахъ, ни въ Законникѣ, какъ и ни въ чемъ другомъ, мы не видимъ слѣдовъ упадка, или немощи, или насильственно навязаннаго чужаго вліянія, словомъ, ничего такого, что бываетъ въ письменности того народа, который стоитъ подъ властью другаго въ государственномъ и духовномъ развитіи. Напротивъ, въ грамотахъ и уставахъ выражается мысль и воля народа, независимо думающаго и дѣйствующаго. Сюда не относится прежняя вѣроисповѣдная зависимость Сербовъ отъ Булгаръ; но и въ этомъ отношеніи Сербы, какъ и Русь, принявъ отъ Булгаръ ученіе и книги священныя, обратили ихъ въ свое народное достояніе и наложили на языкъ Древнебулгарскій печать своего народнаго, говорящую болѣе въ пользу ихъ преобладанія, чѣмъ на оборотъ. По этому и самое развитіе языка должно было идти путемъ независимости. Ни современный ему Булгарскій языкъ, ни Греческій, ни Угорскій, ни Итальянскій, ни Турецкій не вторгались въ него, не ломали его строя и не навязывали ему своихъ словъ въ замѣнъ его собственныхъ. Ученіе Древнебулгарскаго въ образованіи письменнаго языка объясняется собою иными причинами и вовсе не имѣетъ значенія насильственнаго. Между двумя однородными языками, въ тѣхъ отношеніяхъ говорящихъ ими племенъ, въ какихъ стояли между собою Сербы и Булгары, не могло быть насилія. Съ

добровольнымъ принятіемъ ученія вѣры соединено было и добровольное принятіе письменнаго языка, необходимаго на первыхъ порахъ для быстро возникающей духовно-созерцательной дѣятельности. Разъ принявши Д.-Булгарскій письменный языкъ, Сербы, какъ и Русь, тотчасъ же, независимо отъ Булгаръ, распорядились имъ по своему произволу, какъ настоящіе владѣльцы его, — и отсюда, съ первыхъ же временъ, начало возникновенія Сербокириловской письменности и вліянія Сербскаго языка на Д.-Булгарскій, вліянія, шедшаго своимъ путемъ и постоянно усиливавшагося. Прослѣдить это незамѣтное шествіе народныхъ признаковъ объ руку съ Д.-Булгарскими, ихъ постепенное усиленіе по времени и по разнымъ областямъ: — вотъ задача исторіи древняго книжнаго языка Сербовъ. Кромѣ этой родственной стихіи, мы присутствія какой либо другой въ древнемъ книжномъ языкѣ Сербовъ не видимъ. Попадается, правда, нѣсколько словъ Итальянскихъ и Турецкихъ, но это одно лишь внѣшнее заимствованіе, не посягающее на внутренній составъ языка и неизбѣжное при взаимномъ общеніи Сербовъ съ Итальянцами и Турками. Обиліе формъ Д.-Булгарскихъ было полезно и для Сербскаго книжнаго языка; оно придадо большую жизнь тѣмъ формамъ, которыя въ устномъ языкѣ мало употребляются и почти забываются. Для Сербовъ это было тѣмъ естественнѣе, чѣмъ ближе языкъ ихъ подходилъ къ Д.-Булгарскому. Я разумію преимущественно формы глагольныя. Что же касается до формъ употребительнѣйшихъ, въ особенности надежныхъ, и звуковъ, то, занявъ ихъ на первый разъ отъ Булгаръ цѣликомъ, Сербы постарались мало по малу замѣнить ихъ своими народными, т. е., хотя въ сущности такими же, ибо однакъ общій Славянскій духъ отражается во всѣхъ родственныхъ нарѣчіяхъ, однако носящими отличительный оттѣнокъ Сербской природы. Скажутъ, Дубровникъ находился подъ верховною властію Венеціи и потомъ Угріи, Юсна подъ верховною властію Угріи, а на послѣдокъ и сама восточная Сербія съ 1389 года подчинилась верховному владычеству Турціи: могли ли при этомъ оставаться самобытными письменность и языкъ этѣхъ областей? Отвѣчаютъ, могли; ибо верховная власть всѣхъ трехъ государствъ была такого рода, что не вдавалась во внутреннюю жизнь народа, даже мало касалась его государственной дѣятельности, существуя по большей части только на словахъ. Дубровникъ не отъ Венеціанъ и не въ это позднѣйшее время принялъ въ себя Итальянскую стихію; онъ получалъ ее вѣстѣ съ своимъ населеніемъ въ древнѣйшее время, и напротивъ, въ разсматриваемыя нами столѣтія, Славянское начало брало въ немъ постепенный перевѣсъ. Когда же, въ сношеніяхъ съ Сербскими областями, онъ отклонялся отъ Итальянскаго языка, тогда письменный его языкъ становился чисто Славянскимъ, такъ что въ немъ даже нѣсколько болѣе замѣтно Ц.-Славянскихъ звуковъ, чѣмъ въ грамотахъ Хлумскихъ и Травунскихъ. Итальянскій языкъ ни малѣйшимъ образомъ не налагалъ на его Славянскую письменность какихъ либо стѣснительныхъ условій, и доказательствомъ тому можетъ служить прекрасный языкъ Дубровницкихъ поэтовъ XVI и XVII столѣтій. Угорскій и Турецкій языки тѣмъ менѣе могли оказать какое либо вліяніе на Сербскій. Если по сѣ пору Славяне, лишенные всякой самостоятельности и остающіеся въ Угорскомъ королевствѣ рядомъ съ Мадьярами, а прежде въ нѣкоторой даже зависимости отъ нихъ, или въ Турціи подъ владычествомъ Турокъ, не утратили ни мало природныхъ свойствъ своего языка, не смотря даже на совершающееся вокругъ нихъ омадыреніе и отуреченіе; то какъ же могъ языкъ древнихъ Сербовъ хотя сколько нибудь

пострадать отъ языковъ менѣе его развитыхъ и образованныхъ, когда народъ, имъ говорившій, пользовался большею, или меньшею самостоятельностью подъ верховною властію Угріи и Турціи и полною свободою во внутренней своей жизни? Исторія намъ показала, какъ слабо было дѣйствіе чуждой верховной власти на Босну и Сербію до конца XV столѣтія. Грамоты, памятники письменности, ближайшій къ вѣшной жизни народа, обнаруживаютъ полную свободу государственныхъ дѣйствій въ правителяхъ Босны и Сербіи. Многіе изъ Босняковъ и Сербовъ отуречивались; но до неотурчившихся властители ихъ не касались своимъ нравственнымъ вліяніемъ. Нравы и обычаи могли нѣсколько измѣниться, но языкъ не измѣнился и не упалъ: онъ есть самая живучая часть народнаго существа. Конечно, объемъ письменности зависѣлъ отъ процвѣтанія, или упадка государственной жизни народа; но языкъ этой письменности оставался всегда самостоятельнымъ съ своимъ произвольнымъ развитіемъ. Такъ должны мы глядѣть на Сербскій книжный языкъ въ рассматриваемое нами пространство времени и предполагать въ немъ какое либо постороннее насильственное вліяніе мы не можемъ.

Итакъ намъ предстоитъ имѣть дѣло съ плодомъ письменной дѣятельности самостоятельнаго народа — памятниками, относящимися преимущественно къ государственной жизни Сербовъ, слѣдовательно, наиболѣе историческими. По содержанію и языку своему, они отличаются тою же самостоятельностью, какою пользовались Сербы по областямъ своимъ въ рассматриваемое нами время. Нашему изслѣдованію подлежатъ тѣ изъ нихъ, которые писаны Кириллицею, употребленіе которой связано съ вѣроисповѣдною и государственною жизнью Сербскаго народа. По мѣрѣ удаленія Сербовъ отъ православія и восточнаго государственнаго ихъ средоточія, употребленіе Кириллицы ослабѣваетъ; но тѣмъ не менѣе самыя отдаленныя отъ востока, какъ по самому мѣсту жительства, такъ и по вѣроисповѣданію и образу жизни, и наиболѣе подверженныя вліянію иноземной стихіи, Дубровничане, въ сношеніяхъ своихъ съ прочими Сербами, употребляютъ Кириллицу и общій Сербскій книжный языкъ, свидѣтельствуя тѣмъ, что языкъ составлялъ для Сербовъ тѣсную духовную связь во всякое время, не смотря на ихъ разъединеніе. Памятники взаимныхъ сношеній Сербовъ отличаются, по языку своему, отъ прочихъ тѣмъ, что въ нихъ преобладаетъ народная стихія надъ Ц.-Славянскою; вѣсть съ пѣснями, они принадлежатъ къ собственно народнымъ памятникамъ. Языкъ ихъ, хотя и книжный, далеко чище, чѣмъ языкъ тѣхъ, кои запечатлѣны произволомъ личности писателя и выражаютъ или умственную, или вѣроисповѣдную дѣятельность народа. Тогда какъ въ послѣднихъ языкъ носитъ несомнѣнные признаки преобладанія Ц.-Славянской стихіи, въ первыхъ, взятыхъ во всей ихъ совокупности, бываетъ на оборотъ; а въ пѣсняхъ, если бы только онѣ были записаны въ древнее время, представился бы намъ народный языкъ во всей его чистотѣ. Въ послѣднихъ, какъ то: книгахъ духовнаго, лѣтописнаго, умозрительнаго, или врачебнаго содержанія, однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ, на которые писатели обращали вниманіе, были языкъ и слогъ, какъ часто сами они свидѣлствуютъ въ послѣсловіяхъ, приписывая свои ошибки челоувѣческимъ немощамъ и прося читателей не проклинать писавшаго, но читать, исправляя его. Слѣдовательно, здѣсь писатель смотритъ на свою книгу, какъ на дѣло личности, и свое письмо беретъ подъ свою отвѣтственность; здѣсь главное — трудъ лица, хотя бы оно и не было извѣстно. Напротивъ, дьяки, писавшіе грамоты и Законникъ, вовсе не смотрѣли на свой

трудъ, какъ на произведеніе словесности, или памятникъ письменности, но увлекались единственно содержаніемъ, и если выставляли кое-гдѣ свое мнѣ, то вовсе не для отвѣтственности писательской, а для большей достовѣрности грамоты, какъ доказательнаго средства. Свой языкъ и слогъ они вовсе не думали выставлять на видъ читающему и не отвѣчали за нихъ. По сему, если тѣ, какъ писатели въ полномъ смыслѣ, какъ грамотѣи, прибѣгали къ общепотребительному между ними книжному языку, взятому цѣликомъ изъ Д.-Булгарскихъ книгъ, считая его единственнымъ достойнымъ проводникомъ мысли, то эти спускались ступенью ниже ихъ и, какъ люди дѣловые, употребляли для своего изложенія языкъ народный, перемѣшивъ его отчасти съ Ц.-Славянскимъ, и только во вступленіяхъ позволяя себѣ блеснуть и начитанностію церковныхъ книгъ и знаніемъ Ц.-Славянскаго языка. Между тѣмъ они сами, не зная того, становились выше первыхъ, какъ двигатели отечественнаго книжнаго языка. Но какъ тѣ, такъ и другіе проявляли въ себѣ, можетъ быть, даже безсознательно, дѣателей самостоятельнаго народа съ живымъ, свободно развивающимся языкомъ, ибо у тѣхъ и другихъ, въ большей, или меньшей мѣрѣ, присутствуетъ народность. Книжный языкъ Сербовъ, хотя и составленный изъ неравномѣрнаго соединенія двухъ родственныхъ стихій, чуждъ всякаго посторонняго насильственнаго вліянія. До самого исхода XV-го столѣтія онъ развивается совершенно независимымъ и естественнымъ путемъ. Д.-Булгарскій языкъ, принятый добровольно Сербіями для своей письменности еще въ то время, когда они не имѣли своего книжнаго языка, былъ для нихъ чрезвычайно полезенъ, какъ языкъ ихъ соплеменниковъ, получившій уже прежде письменное выраженіе своихъ звуковъ и формъ, и какъ готовое средство къ словесной дѣятельности. Съ тѣхъ поръ онъ самъ послужилъ проводникомъ ихъ народному языку въ область письменности и постепенно помогалъ его собственному развитію, согласному съ природою и духомъ Славянскихъ языковъ. Тутъ не было ничего противуславянскаго, насильственнаго и вреднаго. Также никакой чужой языкъ не имѣлъ вліянія на древній книжный языкъ Сербовъ по тому самому, что и народъ не подчинялся ничему вліянію. На языкъ нашихъ памятниковъ мы должны смотрѣть, какъ на языкъ, свободно развивающійся изъ естественнаго соединенія двухъ родственныхъ стихій безъ вторженія чуждаго начала, безъ всякихъ несвоевременныхъ переходовъ, или насильно навязанныхъ звуковъ, формъ и оборотовъ рѣчи. Государственная судьба различныхъ областей опредѣлила степень участія Ц.-Славянской стихіи въ языкъ нашихъ памятниковъ, и въ этомъ нельзя не видѣть одного изъ сильнѣйшихъ доказательствъ тому, что языкъ народа имѣетъ тѣсную связь съ его цѣлою многостороннею жизнію. Если же вспомнимъ при этомъ и другія доказательства того же, проявляющіяся какъ въ количествѣ, такъ и въ содержаніи памятниковъ, то убѣдимся, что разсматривать судьбы языка невозможно безъ предварительнаго обзора судебъ народа. Въ этой непреложной истинѣ, на которой основаны всѣ лучшіе новѣйшіе труды по части языкоислѣдованія, убѣдимся мы еще болѣе, когда въ послѣдствіи, намъ предстанутъ новыя, подробнѣйшія тому доказательства. Что же касается до взаимнаго отношенія двухъ стихій, то, при ближайшемъ знакомствѣ съ языкомъ нашихъ памятниковъ, мы увидимъ, что Ц.-Славянская стихія постепенно уступаетъ свое мѣсто признакамъ народной, и что эта послѣдняя беретъ мало по малу надъ нею верхъ, такъ что подъ конецъ XV-го вѣка торжество народныхъ признаковъ становится рѣшительнымъ. Такова главная черта историческаго движенія книжнаго языка древней Сербіи въ народныхъ ея памятникахъ до конца XV-го вѣка.

Напоследокъ считаю нужнымъ снова коснуться изданій. Языковѣдствованіе наиболѣе нуждается въ хорошихъ критическихъ изданіяхъ. Если даже исторія, имѣющая дѣло съ событіями, останавливается иногда на буквѣ, затѣвая ошей какое либо имя собственное, или сжѣшивающей два понятія чрезъ созвучіе словъ, то языковѣдствіе, постоянно вращающееся въ кругу звуковъ и ихъ сочетаній, всегда должно обращать вниманіе на степень достовѣрности этихъ звуковъ и не принимать безусловно всего того, что предлагаютъ ей письменные памятники. Ошибки могутъ быть двоякого рода. Однѣ заключаются въ самомъ подлинникѣ; другія вкрадываются въ изданіе. Невозможно думать, чтобы всѣ списатели подлинниковъ были свободны отъ ошибокъ. Небрежность, разсѣянность, невѣжество и т. д. вводили въ погрѣшности старинныхъ писцовъ, особенно въ средневѣковой письменности. Мы видѣли явскольکو пригвѣрствъ тому. Языковѣдствователь долженъ непремѣнно повѣрять подобныя промахи либо общими звуковыми законами, либо тщательнѣе на дѣлѣ изученіемъ самого подлинника и другихъ ближайшихъ къ нему по мѣсту и времени памятниковъ. Ошибки изданія зависятъ наиболѣе отъ того, кто переписываетъ памятникъ, и если издатель не можетъ самъ свѣрить списка съ подлинникомъ, то ему остается только положиться на добросовѣстность переписчика и его умѣнье разбирать древнее письмо. Но всегда ли переписчики правильно читаютъ старинныя рукописи? всегда ли вѣрно переписываютъ ихъ и не прибавляютъ ли своего къ языку подлинника? Къ несчастію, это случается нерѣдко, и мы видѣли, какъ различны бывають списки съ одного и того же подлинника. Что же остается изслѣдователю? Смушенный подобными мыслями, онъ по неволѣ задумывается надъ всякою сколько нибудь необыкновенною формою и находится въ нерѣшимости принять ли ее, какъ дѣйствительно существовавшую и имѣющую свое историческое значеніе, либо отбросить, какъ ошибку первоначальнаго писца, или какъ выдумку позднѣйшаго переписчика, или же какъ простой недосмотръ свравщика? Имя издателя и сличеніе изданій много способствуютъ къ разсѣянію его сомнѣній, но все же ему предстоитъ одно изъ двухъ: или критически рассмотреть и исправить изданіе, или однажды навсегда положиться на добросовѣстность издателя. Но первому не всегда можно вполнѣ удовлетворить однимъ изученіемъ памятниковъ безъ подлинника: конечно, сличеніе и наведеніе между ближайшими памятниками много уясняютъ нѣкоторыя странныя формы, а видѣ служатъ основаніемъ для исправленія, однако и сдѣсь временное преимущество звуковъ и формъ и нерѣдкая одиночность памятниковъ не мало затрудняютъ исправителя, наводя на мысль о возможности формы, объясняемой историческимъ движеніемъ языка. Легче положиться на издателя, рѣшившись не заподозрѣвать ничего такого, что хотя и бросается въ глаза съ перваго раза, но не имѣетъ достаточной улики для того, чтобы быть признаннымъ простою ошибкою, или опечаткою. На этомъ основаніи я считаю нужнымъ повторить сдѣсь сказанное мною выше о степени достовѣрности тѣхъ изданій, которыя находились у меня въ рукахъ, и о возможности пользованія ими въ исторіи языка. Не всѣ изъ изданій, какъ видѣли мы, имѣють одинаковую степень достовѣрности. Отсутствие значковъ, умышленное измѣненіе буквъ, искаженіе языка и другія тому подобныя ошибки ставятъ въ язычномъ отношеніи изданіе ниже подлинника; между тѣмъ, какъ языковѣдствіе, по самому свойству своей дѣятельности, должно требовать отъ изданія безукоризненной точности — такой, которая дѣлала бы изданіе совершенно равносильнымъ подлиннику. Наши изданія болѣе могутъ удовлетворить дѣписанію, чѣмъ языковѣдствованію. По этому, въ исторіи языка,

скольни нибудь заподозрѣнными изданіями мы будемъ пользоваться осторожно и не во всемъ доврѣять имъ. Авраамовича Описание древностей на Аеоиѣ, Споменникъ, Миклошича изданіе Милутиновой грамоты, Гласникъ, Загребскій Архивъ со снимкомъ грамоты Ѡмы Осточа, небольшой снимокъ Душановой грамоты въ Шафариковыхъ *Serbische Leseköner*, Милутиновича изданіе грамоты Черноевича и Срезневскаго изданіе Кулиновой грамоты мы ставимъ на первомъ мѣстѣ по ихъ достовѣрности, не подозрѣвая въ нихъ никакого умышеннаго искаженія подлинника, но напротивъ замѣчая тщательность изданія. Прочія изданія: Шафарика, Сербо-Далматинскій Магазинъ, отрывокъ грамоты у Караджича въ его Словарѣ и его же списокъ, напечатанный въ Описаніи Румянцевскаго Музея, мы ставимъ на второмъ мѣстѣ, не ручаясь вполне за ихъ достовѣрность: нѣкоторыя, какъ Шафариково, отзываются послѣдовательнымъ измѣненіемъ подлинника чрезъ опущеніе значковъ, титлъ, вставку полугласныхъ и т. п.; другія, какъ Сербо-Далматинскій Магазинъ, Караджичевъ списокъ у Востокова, имѣютъ въ себѣ много такого, что противорѣчитъ общимъ законамъ Сербской письменности и заставляетъ подозрѣвать небрежность переписчика. Сличеніе изданія Сербо-Далматинскаго Магазина съ изданіемъ Споменниковъ, равно какъ частая встрѣча съ тѣмъ же въ списокъ Караджича оправдываютъ это подозрѣніе. Третья, какъ списки Караджича, напечатаны гражданскими буквами съ примѣсю Ц.-Славянскихъ и чрезъ то теряютъ весь современный имъ оттѣнокъ древняго письма. По этому на упомянутыя изданія мы не можемъ всюду полагаться и должны оставлять ихъ втунѣ тамъ, гдѣ есть какое либо подозрѣніе въ ихъ достовѣрности; но въ прочихъ случаяхъ, по причинѣ важности ихъ разнословій съ другими изданіями тѣхъ же самыхъ памятниковъ, равно какъ тамъ, гдѣ не должно быть ошибки, или гдѣ формы являются слишкомъ замѣчательными и возможными по законамъ языка, мы будемъ пользоваться и ими, почерпая изъ нихъ примѣры для подтвержденія, или опроверженія выводовъ, сдѣланныхъ на основаніи другихъ изданій. Голубицею, Лѣтописомъ, изданіями Юлинца, Вучича и Григоровича мы вовсе не можемъ пользоваться, ибо почти всѣ памятники, заключающіеся въ этихъ изданіяхъ, кромѣ послѣдняго, напечатаны вторично и гораздо лучше: слѣдовательно, списки, положенные въ основаніе ихъ, были невѣрны; а изданіе Григоровича сдѣлано, безъ сомнѣнія, для иной, а не филологической цѣли, и, въ видахъ исторіи языка, имъ пользоваться совершенно невозможно, хотя и жаль, что множество грамотъ, которыя неизвѣстно когда еще попадутся кому другому въ руки, остались безъ пользы для языка. Впрочемъ, съ другой стороны, сохраненіе мѣстами титлъ, первичнаго способа написанія, вставка Ц.-Славянскихъ буквъ между гражданскими и т. п. намекаютъ отчасти, что издатель имѣлъ въ виду нѣкоторымъ образомъ и языкъ грамотъ; но, повторяю, отрывками его, въ исторіи древняго Сербскаго языка, мы пользоваться не можемъ. Вотъ что хотѣлъ я сказать предварительно о памятникахъ, какъ почвѣ, которой коснуться предположилъ я себѣ задачею. Я обозначилъ общія свойства этой почвы, указалъ точку, съ которой должно смотрѣть на нее, и способъ, которымъ должно воздѣлывать ее. Главная мысль историческаго движенія книжнаго языка въ народныхъ памятникахъ уже высказана мною выше. Для оправданія ея перехожу къ непосредственному ея проявленію въ дѣйствительности, въ повременномъ и преемственномъ измѣненіи звуковъ и формъ. Прежде всего начну со значковъ.

Г Л А В А I.

ЗНАЧКИ.

Не думаю, чтобы кому либо показалось удивительнымъ, что свои изслѣдованія въ области Древнесербскаго языка я начинаю со *значковъ*. Знаю, что нѣкоторые ученые не признаютъ за значками, даже иногда и за титлами, тѣхъ правъ, которыми они справедливо пользуются въ древней Кириловской письменности. Но такое ложное мнѣніе само собою рушится, когда мы ближе, сколько позволяютъ объемъ и цѣль настоящаго труда, познакоимся съ употребленіемъ значковъ въ нашихъ памятникахъ. Надобно напередъ замѣтить, что расадникомъ значковъ есть Д.-Булгарская письменность, преимущественно средневѣковая, откуда они перешли и въ письменность Д.-Сербскую. По этому если и въ послѣдней они отправляютъ немаловажное служеніе, при томъ не совсѣмъ неразумное, то въ первой еще яснѣе и выразительнѣе должно оказываться ихъ служеніе, и было бы весьма желательно, если бы кто нибудь разъяснилъ ихъ происхожденіе, цѣль, законы служенія и наконецъ причину смѣшенія и безсознательнаго размноженія. Никакъ нельзя предполагать, чтобы значки возникли безъ всякаго отношенія къ азбукѣ, произвольно и неразумно, безъ всякихъ правилъ и безъ всякой послѣдовательности. Конечно, въ послѣдствіи мы видимъ, что писцы сыплутъ ими безъ малѣйшаго разбора щедрою рукою, но это лишь слѣдствіе злоупотребленія свободы писарской и непониманія законовъ ихъ служенія. Смѣшенію и беспорядочному размноженію значковъ наиболѣе помогало отсутствіе всякихъ общезвѣстныхъ, положительныхъ условій употребленія того, или другаго значка и заразительность примѣра, такъ что писецъ, особенно позднѣйшій, не понимая истиннаго назначенія значковъ и судя только по наружному сходству случаевъ, ставилъ безъ толку и произвольно тотъ значекъ, который наиболѣе нравился ему. Но, повторяю, въ первую пору своего появленія, значки не могли родиться такъ, просто, безъ всякаго основанія. Причина ихъ происхожденія кроется въ недовольствѣ со стороны писцовъ существующею азбукою. При всей полнотѣ своей, при всемъ обиліи знаками, служащими для выраженія главнѣйшихъ оттѣнковъ и особенностей звука человѣческаго голоса, Кирилица не могла вмѣстить въ себя сверхъ того еще нѣсколько лишнихъ буквъ для выраженія незначительныхъ измѣненій голоса, замѣчаемыхъ въ устной рѣчи. Многое должно быть предоставлено свободѣ говорящаго, и если бы пришлось всѣ звукоизмѣненія человѣческаго голоса означать буквенными знаками, то въ такомъ случаѣ азбука, по крайней мѣрѣ, удесятирилась бы въ своемъ объемѣ. Составитель Кирилицы хорошо различалъ существенное отъ несущественнаго, главныя видоизмѣненія голоса, на которыхъ основана его членораздѣльность, отъ побочныхъ, дающихъ только иной оттѣнокъ произношенію, и, увеличивъ свою азбуку,

противъ другихъ, нѣсколькими новыми знаками, которые считалъ необходимыми, на пр., для мягкихъ гласныхъ и полугласныхъ, все же не хотѣлъ выходить изъ общепринятыхъ границъ алфавита и распространять ихъ излишними мелочами. Можно съ достовѣрностію утверждать, что въ его время значковъ не было. Но писцамъ, забывшимъ тѣ правила, которыми руководствовался составитель азбуки, забывшимъ значеніе буквенныхъ начертаній и ихъ отношеніе къ существеннымъ измѣненіямъ членораздѣльныхъ звуковъ, писцамъ, увлекшимся мелочами, спустя вѣкъ, или два послѣ св. Кирила, азбука, имъ изобрѣтенная, показала уже недостаточною, и они рѣшились дополнить ее. Они хотѣли выразить на бумагѣ самое количество голоса, большій, или меньшій подъемъ его, большую, или меньшую ясность и силу, иногда мягкость; они хотѣли означать мѣстоудареніе въ словѣ, соображаясь не только съ естественными законами роднаго языка, но иногда и съ правилами Греческаго произношенія; они дошли даже до того, что захотѣли означать самозвучность гласныхъ въ родѣ того, чѣмъ у Грековъ былъ *spiritus*. За образцами не далеко было итти. Греческое письмо съ своими сокращеніями и значками послужило для нихъ обильнымъ источникомъ. Мало того, замѣтивъ, что полугласныя отправляютъ мѣстами въ Кириловской письменности служеніе безгласныхъ въ слѣдствіе утраты и отбѣжнія прадавней гласности, писцы рѣшились выбрасывать и ихъ, отбѣжая это отсутствіе значками. Такимъ образомъ недовольство азбукою послужило поводомъ къ введенію значковъ. Разумѣется, мы говоримъ о томъ времени, когда значки уже расплодился въ Кириллицѣ; но, конечно, въ началѣ они являлись постепенно, мало по малу умножаясь числомъ и расширяя кругъ своего служенія.

Начало значковъ въ Кириловской письменности уходитъ далеко въ древность. Остромирово Евангеліе, памятникъ XI-го вѣка, уже имѣетъ нѣсколько значковъ, кое-гдѣ разбросанныхъ и отправляющихъ различное служеніе. Сдѣсь, въ одно время со смѣшеніемъ полугласныхъ и выбрасываніемъ ихъ, показываются значки [⸘], служащіе замѣною этимъ выбрасываемымъ полугласнымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они предупреждаютъ встрѣчу двухъ согласныхъ тамъ, гдѣ между ними не должно быть никакого законнаго полугласнаго звука для отбоя голоса; но такъ какъ то же назначеніе исполняютъ иногда и полугласныя, то и въ этомъ случаѣ они замѣняютъ ихъ. Примеры: ѵтица (л. 108), съблѣжнѣса (л. 159), в'са (л. 2); раѣва (л. 80), лѣва (л. 178), ѵсалъиз (л. 44), поѵтъскоуоумоу (л. 196), аггелѣи (л. 55). Въ слогахъ рѣ, рѣ и лѣ, лѣ, когда въ нихъ допускалась перестановка буквъ, и полугласная предшествовала согласнымъ, тогда, для избѣжанія столкновенія согласныхъ р и л съ послѣдующими согласными же, между тѣми и другими поставляются тѣ же значки, представляющіе сдѣсь вторичную полугласную, какъ бы ѣрѣ, ѣрѣ, ѣлѣ, ѣлѣ, на пр.: вѣръѣлѣ (л. 176), пѣръѣлѣ (л. 204), тѣръѣлѣлѣ (л. 225), сѣръѣлѣ (л. 145), вѣлѣлѣ (л. 214), мѣлѣлѣлѣ (л. 217). Этими, между прочимъ, доказывается, что древніе ни въ какомъ случаѣ не смотрѣли на р и л, какъ на гласныя. Если не осмѣливались писать одинъ слогъ съ двумя полугласными, изъ коихъ одна была бы лишняя, то осмѣливались одну полугласную изображать въ видѣ значка, который можно было смѣлѣе поставить, чѣмъ строчную букву. Все это показываетъ, что полугласныя буквы сдѣлались въ произношеніи нѣкоторыхъ слоговъ лишними, беззвучными, и служили только видимыми знаками разъединенія согласныхъ: отсюда возможность ихъ опущенія съ замѣною надстрочными значками. Есть еще другой случай, когда писецъ Остромирова Евангелія прибѣгалъ къ значкамъ: это смягченіе гласныхъ и дѣйствіе, производимое мягкостію гласныхъ на согласныя. Какъ тамъ значки оказываются лишними, какъ ненужная

замѣна полугласныхъ, такъ и сдѣсь они вполне могутъ быть замѣнены особыми начертаніями, придуманными составителемъ азбуки для мягкихъ гласныхъ звуковъ Славянскаго языка. Сдѣсь, какъ и тамъ, не виноваты составители азбуки: онъ хорошо слышалъ и различалъ въ голосѣ Славянъ твердость и мягкость и изобрѣлъ для того и другаго свойства особые знаки; виноваты писцы, которые, подчиняясь иногда своему областному нарѣчію, не въ состояніи были безошибочно распознавать твердость и мягкость въ Д.-Булгарскомъ нарѣчіи и по тому смѣшивали буквенныя начертанія для той и другой. Въ Остромировомъ Евангеліи находимъ подобное смѣшеніе между ѣ и ѡ, і, е и и, а и ѡ, ж и ѡ. Писецъ, употребляя твердыя буквы вмѣсто мягкихъ и какъ бы забывая мѣстами о существованіи въ азбукѣ особыхъ начертаній для послѣднихъ, старался посредствомъ значковъ ' ' ' ' придать твердымъ мягкій выговоръ; на пр.: ѡзера (л. 89), ѣште (л. 206) ѡзы (л. 98), вѣихъ (л. 291), архіеріи (л. 199), златиинѣ (л. 293), ѣдши (л. 5), смѣ (л. 4), вѣшеу (л. 7, 11, 13, 18), гѣсть (л. 12). Иногда при сочетаніи предыдущей согласной съ послѣдующею мягкою гласною и надъ одною мягкою гласною онъ ставилъ одинъ изъ тѣхъ же значковъ, на пр.: нѣго (л. 12, 15), ѣлиньскими (л. 191), нѣко (л. 149), смѣтъ (л. 15). Въ такомъ случаѣ значекъ представляетъ собою опять мягкое начало ѡ, а уже не і, что, впрочемъ, ведетъ къ одному и тому же итогу и есть только другой видъ смягченія—эраваніе. По закону языка, при сочетаніи мягкой гласной съ твердою согласною, всю мягкость звука притягиваетъ на себя согласная и, смягчаясь, требуетъ возлѣ себя уже твердой гласной: слѣдовательно, і изъ сложныхъ и, ѡ, ѡ, ѡ, ѡ переходитъ въ согласную и становится для нея смягчающимъ ѡ, а мягкая гласная уже обращается въ твердую ѡ, ѡ, ѡ, ѡ. Формы нѣмь (л. 3, 7, 15), бол'ѣ (л. 15), т. е., нѣмь, боли, можно выразить иначе: нѣмьѣ, бол'ѣѣ или, какъ пишутъ ихъ нѣкоторые Сербы, нѣмьѣ, ѡеть, и тогда ѡ будетъ въ нихъ твердымъ. Какъ тѣ, такъ и другія суть въ сущности одинъ и тѣ же: разница только въ наглядности способа выраженія смягченія, ибо согласная съ гласною сливаются въ одинъ цѣльный нераздѣльный звукъ. Если же мы замѣчаемъ иногда, что смягченная согласная сочетается опять съ мягкою гласною, то это означаетъ двойное, и только видимо двойное, смягченіе. Сдѣсь мягкое начертаніе гласной есть условіе или видимый знакъ, который указываетъ на внутреннее мягкое свойство гласной, перешедшее уже однажды въ согласную. По этому и значки, если они въ Остромировомъ Евангеліи стоятъ кое-когда и надъ мягкою гласною, имѣютъ, очевидно, ту цѣль, чтобы еще сильнѣе укрѣпить за гласною ея мягкое свойство и видимымъ образомъ показать мягкость ея начертанія. Избравши Остромирово Евангеліе, какъ древнѣйшій, отнѣченный годомъ, памятникъ Д.-Булгарской письменности, я удовольствовался однимъ его уставнымъ письмомъ. Мнѣ нуженъ былъ только примѣръ, взятый изъ самой родины значковъ, примѣръ, быть можетъ, древнѣйшій, на который съ достовѣрностію можетъ опереться историческое изслѣдованіе о значкахъ. Сдѣсь виднѣнь зародышъ значковъ и въ то же время ихъ разумное, но не скажу, необходимое, употребленіе. Начало ихъ лежитъ въ ослабленіи значенія нѣкоторыхъ буквенныхъ начертаній Кириллицы, слѣдовательно, какъ бы въ недовольствѣ писцовъ существующею азбукою. Нѣтъ ни одного примѣра употребленія значковъ въ Остромировомъ Евангеліи, который бы не относился къ тому, или другому изъ представленныхъ мною случаевъ; а всѣ эти случаи приводятся или къ замѣнѣ полугласныхъ, или къ замѣнѣ смягчающихъ і и ѡ. Сдѣсь значки являются въ первой порѣ своего развитія и отличаются послѣ-

довательностію и разумностію употребленія. Писецъ зналъ, гдѣ ихъ ставить. Странно только то, что вѣсколько различныхъ по виду значковъ, къ которымъ должно прибавить еще два: ' , " , встрѣчающіеся только по одному разу, исполняютъ одно и то же назначеніе. Была ли когда нибудь до этого пора, въ которую они не смѣшивались, и каждый имѣлъ свое служеніе, или, что вѣроятнѣе, она наступила позднѣе, отвѣчать на этотъ разъ не рѣшаюсь. Скажу только, что значки слѣсъ не сѣются, какъ въ послѣдствіи, съ избыткомъ, зря и всюду, гдѣ ни попало. Назначеніе ихъ совсѣмъ иное: они замѣняютъ собою цѣлыя буквы, и какъ разумно употреблялись сначала буквы, такъ разумно должно было начаться употребленіе значковъ. Но самая уже возможность этого употребленія и самое происхожденіе значковъ указываютъ на начинавшееся со стороны писцовъ невниманіе къ буквамъ Кириллицы, вполне устранявшимъ собою необходимость значковъ. Писцы не считали преступленіемъ выбрасывать цѣлыя буквы изъ строки, замѣняя ихъ значками, или писать не тѣ буквы, какія бы слѣдовало, и дополнять ихъ значками. Значки свидѣлствуютъ о желаніи писцовъ привести письмо къ сокращенію и большей ясности и обнаруживаютъ относительную молодость памятника. Но время, дѣйствуя разрушительно на строчныя буквы, дѣйствовало такъ же точно и на значки. Въ послѣдствіи писцы, забывъ ихъ истинное назначеніе и, въ добавокъ, подражая Греческому правописанію, обильно употребляли ихъ безъ всякой нужды почти надъ каждою гласною, изобрѣтая новыя и удваивая старыя для выраженія разныхъ мелочныхъ отгѣнковъ голоса, о которыхъ азбука не должна заботиться и которые должны быть предоставлены живой устной рѣчи. Тѣмъ не менѣе, если въ образовавшемся чрезъ то хаосѣ значковъ рѣшительно нельзя найти никакой основной мысли, ни даже порядка, ученые, не признающіе значковъ, не должны забывать ихъ первоначальнаго сознательнаго, хотя и не необходимаго, происхожденія: все презрѣніе, какое можемъ мы оказать къ значкамъ, не должно простираться далѣе того, чтобы не заниматься ихъ изслѣдованіемъ тамъ, гдѣ они уже теряютъ всю свою сознательность; но все таки мы должны всюду слѣдить за ними и сохранять ихъ. Ученые, при изданіи памятниковъ опускающіе значки, наносятъ тѣмъ самымъ вредъ подлинной достовѣрности памятника. Чрезъ опущеніе значковъ, во первыхъ, нарушается способъ стариннаго правописанія и измѣняются законы благозвучія и словообразованія: вса у Остромира не есть то же, что всл; иначе оно должно писаться и произноситься, какъ всл. Во вторыхъ, памятникъ теряетъ свой наружный видъ, и скрадывается возможность точнѣйшаго опредѣленія его возраста. Въ третьихъ, когда значки переводятся въ буквы, возрастъ памятника возвышается, или, лучше сказать, въ немъ происходитъ смѣшеніе младшихъ признаковъ съ древнѣйшими: вса хотя въ сущности есть то же, что всл, однако оно позднѣе этого и указываетъ на извѣстную историческую пору письменности. На оборотъ, безслѣдное опущеніе значковъ молодитъ памятникъ: формы со значками указываютъ на сохранившуюся еще память о тѣхъ звукахъ, которые первоначально выражались строчными буквами; между тѣмъ, какъ беззначіе вовсе уничтожаетъ всякій слѣдъ этихъ звуковъ. Словомъ, значки, по своему важному служенію, которое они несли въ извѣстную пору Кириловской письменности, стали въ уровень съ буквами и сдѣлались необходимыми спутниками повременнаго шествія языка въ письменныхъ его проявленіяхъ. Искаженіе подлиннаго вида памятника, разстройство того согласія, съ которымъ старинные писцы сочетавали буквы и значки, нарушеніе отношенія, существовавшего

между строчными буквами съ одной стороны и переходящими въ значки съ другой, измѣненіе стариннаго правописанія, — суть слѣдствія покушенія на неприкосновенность значковъ, покушенія, заслуживающаго не одобренія, но порицанія. Таковы мысли, внушенныя ложными мнѣніями нѣкоторыхъ ученыхъ относительно значковъ Кирилловскаго письма. То же самое ставлю я въ объясненіе тому, по чему я начинаю свои изслѣдованіе со значковъ. Я изслѣдую значки по тому, что они важны въ древней Сербской письменности, ибо дополняютъ собою приемы правописанія и указываютъ отчасти на возрастъ памятника; а начинаю я съ нихъ отъ того, что они принадлежатъ къ области буквъ, слѣдовательно, къ первымъ началамъ слова, служившимъ для его выраженія. Не опредѣливъ предварительно ихъ значенія и употребленія, нельзя опредѣлить достоверно и самого начертанія слова, а безъ правильнаго начертанія нельзя узнать и свойства буквъ, какъ выраженія звуковъ, и законовъ звукоизмѣненія.

Но остановимся на начертаніи слова и постараемся чрезъ это опредѣленіе пояснить то ограниченіе, которое мы хотимъ предложить себѣ при изслѣдованіи о значкахъ Древнесербской Кирилловской письменности. Цѣль всего предстоящаго филологическаго изслѣдованія заключается въ изученіи *звуковъ* и *формъ* Д.-Сербскаго книжнаго языка. Значки относятся къ области звуковъ, выражаемыхъ буквами, которыми служатъ дополненіемъ. Звуки, выражаемые буквами Кириллицы, — вотъ первый отдѣлъ нашего изслѣдованія; второй будетъ посвященъ формамъ грамматическимъ. Но членораздѣльные звуки человеческого голоса, кромѣ буквеннаго опредѣленія, имѣютъ еще опредѣленіе голосовое, которое не выражается на письмѣ, но предоставляется, большею частью, живой устной рѣчи. Сюда относятся слѣдующія ихъ свойства: качество заключающагося въ нихъ голоса или степень его самозвучія, гласность, и другой видъ его: твердость и мягкость;—количество заключающагося въ нихъ голоса или степень его протяженія, куда относится еще другой видъ того же свойства: открытіе, сила, поднятіе и, въ слѣдствіе того, ясность и полнота голоса, равно какъ сжатіе, слабость, паденіе и, въ слѣдствіе того, прираженіе и половинность голоса;—наконецъ, третье: способность выносить большее, или меньшее, острое, или тупое удареніе въ словѣ. Для всѣхъ этихъ свойствъ въ древней Сербской письменности существовали значки съ тою только замѣчательною особенностію, что они не ставились непременно и послѣдовательно во всѣхъ случаяхъ. Нѣтъ, писцы ставили ихъ, смотря по собственному расположенію къ нимъ и по вліянію сосѣдней письменности, гдѣ болѣе, гдѣ менѣе. Есть грамоты, наполненныя значками, и есть грамоты вовсе безъ значковъ. Афонскія грамоты, наиболѣе подверженныя вліянію Д.-Булгарской письменности, наиболѣе обилуютъ всякаго рода значками; напротивъ, Дубровницкія и Боснійскія рѣдко употребляютъ ихъ. Такъ точно и по времени: въ XII и XIII вв. мы почти не находимъ значковъ въ извѣстныхъ намъ памятникахъ, даже и въ Афонской грамотѣ Немани; но въ XIV и XV вв. они распложатся до крайности. Стало быть, значки не были необходимы для писцовъ: дѣйствительно, писцы могли обойтись и безъ нихъ, нисколько не вредя этимъ ясности правописанія, или языка. Вотъ отвѣтъ, который даетъ намъ ближайшее разсмотрѣніе памятниковъ. Теорія скажетъ то же самое. Были ли нужны значки въ древней Сербской письменности? Отвѣчаемъ, нѣтъ. Внутреннія свойства звуковъ, которыми значки служатъ выраженіемъ, или сами по себѣ довольно хорошо выражены въ буквенныхъ начертаніяхъ, или не нуждаются во внѣшнемъ выраженіи. Самозвучность голоса отразилась вполне въ тѣхъ начерта-

нiяхъ, которыя мы привыкли называть гласными буквами, которыя и безъ знака всякiй отличить отъ согласныхъ. Такъ точно и полугласныя, какъ остатокъ прадавней гласности, получили въ Кириллицѣ особое начертанiе, которое не нужно отмѣчать еще какими либо значкомъ. Мягкость гласныхъ нашла себѣ прекрасное выраженiе въ тѣхъ буквенныхъ начертанiяхъ, которыми по справедливости можетъ гордиться Кириллица передъ другими азбуками. Соединенiе твердыхъ согласныхъ съ мягкими гласными и переходъ ихъ въ соответствующiя имъ мягкiя согласныя вполнѣ устраняютъ въ этомъ отношенiи необходимость значковъ. Протяженiе и сокращенiе, поднятiе и паденiе, ясность и глухота голоса не болѣе того нуждаются въ значкахъ: слѣсь сила не въ значкахъ, а въ образованiи и совершенствѣ произносящаго органа и въ плавности рѣчи. Древнiе наблюдали метръ не только въ стихахъ, но и въ прозѣ, и были знатоками этого дѣла, а между тѣмъ они не выражали его наружно. Ударенiе еще нуждалось бы въ значкахъ для тѣхъ, кои не сроднились съ языкомъ и не постигли на дѣлѣ духа и законовъ его ударенiя. Но въ такомъ случаѣ для изученiя ударенiй есть особая наука; а тамъ, гдѣ пишутъ не для новичковъ въ языкованiи, а совсѣмъ для иныхъ цѣлей, тамъ видимаго обозначенiя ударенiя быть не должно. Смотра съ исторической точки зрѣнiя, мы видимъ, что древнѣйшiе письменные памятники Сербской Кириллицы не имѣли значковъ, а показались они въ ней позднѣе: слѣдовательно, и съ этой стороны открывается, что они не были необходимы для письма. Нѣтъ сомнѣнiя, что въ Д.-Булгарской письменности значки возникли подъ влiянiемъ Греческаго правописанiя и языка. На Сербскую влiяли и Булгарская и Греческая письменность, и какъ Булгарская, такъ и Сербская указываютъ на первоначальное влiанiе Греческой, что доказывается наибольшимъ присутствiемъ значковъ именно въ той семьѣ грамотъ, которая относится къ дѣламъ православнаго духовенства, тѣсно связаннаго съ Грецiею. Какъ бы то ни было, писцы стремились помощью значковъ выразить внутреннее свойство звуковъ, чего въ буквенныхъ начертанiяхъ не было. Но Сербская, какъ и всякая другая Славянская, письменность не могла въ такой степени уравнивать содержанiе или мысль съ внѣшностiю или выраженiемъ мысли, чтобы письмо и буква вполнѣ отвѣчали живому слову въ той полнотѣ всѣхъ его оттѣнковъ, въ каковой оно истекаетъ изъ устъ говорящаго. Примѣръ Булгарской письменности не можетъ служить въ этомъ случаѣ опроверженiемъ: древнѣйшая Булгарская письменность не имѣла значковъ и начала только съ замѣнительныхъ, которые не выражали никакого внутренняго свойства буквы, а только наружно замѣняли ее. Влiанiе Греческаго письма водворило въ ней и другiе значки; но они столько же нужны для нея, сколько и для Сербской письменности; даже для послѣдней были бы нужнѣе, такъ какъ Кириллица была изобрѣтена собственно для Булгарскаго, а не Сербскаго языка. Конечно, ни Сербскiй, ни какой другой Славянскiй языкъ не уступитъ Греческому въ гибкости звуковъ и переиначивости голоса для сознательнаго и яснаго выраженiя мысли; а въ подвижности ударенiя даже превзойдетъ его: но все это совершается лишь внутри языка, невидимо, подъ непосредственнымъ влiянiемъ мысли на живое, прозрачное слово, которое, проявляя въ себѣ безконечно измѣнчивую мысль, само, въ слѣдъ за нею, безконечно разнообразитъ себя, отнимая почти всякую возможность опредѣлить научно его разнообразiе. По этому и самое письмо, употребляемое Славянами, не вполнѣ удовлетворяетъ всѣмъ требованiямъ слова: но, уловляя и отмѣчая положительныя, основныя его звуки, оно прочiя мелчайшiя видоизмѣненiя

его предоставляет дѣйствию устной рѣчи. Введеніе различныхъ значковъ показываетъ, что писцы старались дополнить этотъ недостатокъ; но, съ тѣмъ вмѣстѣ, обличаетъ ихъ несостоятельность. Отъ чего это? Виновы ли писцы? Нѣтъ. Греческій языкъ, какъ классическій, постигшій тайну согласнаго сочетанія мысли и образа и прожившій цѣлые вѣка съ этой тайной, могъ довести до точности ученіе о значкахъ; но и то многого не выразилъ онъ. Сербскій же языкъ, какъ одинъ изъ языковъ Славянскихъ, развивающихся подъ преобладающимъ влияніемъ мысли, не могъ вполне сроднить выраженія съ мыслию и предоставилъ устному слову дополнить то, чего не доставало въ письменномъ. Различная игра голоса, гибкость и разнообразіе звуковъ и подвижность ударенія дополняютъ въ произношеніи то, чего недостаетъ на бумагѣ. Старинные писцы старались исправить этотъ недостатокъ письма и выразить значками утонченныя свойства голоса, но, естественно, не могли въ этомъ успѣть; ибо безконечная мысль неуловима въ своихъ видоизмѣненіяхъ. Ихъ ошибки всего лучше показываютъ невозможность отвердить и приковать къ письму въ точности, безошибочно и со всѣмъ ея разнообразіемъ летучую мысль, проявляющуюся въ словѣ. Вмѣсто того, чтобы совершенствоваться, упрощаться и уясняться до безысключительности, употребленіе значковъ приходило въ Сербской письменности все въ большее и большее замѣшательство; значки путались, пропадали и снова появлялись. По этому новѣйшее Сербское правописаніе окончательно порѣшило со значками тѣмъ, что выбросило ихъ, какъ неточныя и лишніе.

То же доказываетъ и самая исторія значковъ. Они, какъ сказалъ я, обязаны своимъ происхожденіемъ недовольству писцовъ существующею азбукою. Помощію значковъ писцы хотѣли частію дополнить и пояснить значеніе нѣкоторыхъ буквъ въ произношеніи, частію исключить ихъ изъ слова и строки, замѣняя надстрочными значками. Последнее гораздо легче перваго и по тому употребленіе замѣнительныхъ значковъ гораздо правильнѣе и безысключительнѣе, чѣмъ употребленіе прочихъ, исполненное сбивчивости, смѣшенія, неопредѣленности, такъ что надобно много труда, чтобы извлечь на свѣтъ истину, кроющуюся въ разнообразномъ множествѣ того, или другаго значка. Дополнять значками смыслъ буквъ или звуковъ—дѣло важное, допускающее различныя воззрѣнія. Нужно было выразить то слитіе и стяженіе звуковъ вмѣстѣ съ долготою, то ясный подъемъ голоса и глухое паденіе его, то мягкость звука, то острое, какъ бы быстрое, и тяжелое, какъ бы медленное, удареніе голоса. На основаніи различныхъ воззрѣній писцы ставили тотъ, или другой значекъ, и по тому часто бываетъ, что въ одномъ и томъ же случаѣ становятся два, три различныхъ значка, и каждый изъ нихъ оправдывается тѣмъ воззрѣніемъ, подъ которымъ родился. Впрочемъ, двухъ разнородныхъ значковъ писцы никогда не сопоставляли надъ одною гласною; всегда ставили одинъ какой либо значекъ. Тѣмъ не менѣе и двойные значки употреблялись ими, но не въ разъединенномъ смыслѣ и не съ двойнымъ дѣйствіемъ, а какъ одинъ цѣльный, нераздѣльный значекъ. Обыкновенно двойные или сложныя значки не выражаютъ ничего новаго; они имѣютъ то же самое значеніе и ту же самую цѣль, какъ и простые значки. Одна и та же гласная, въ одномъ и томъ же случаѣ, выноситъ на себѣ различныя значки, тотъ, или другой, смотря по тому, съ какой стороны писецъ смотрѣлъ на звукъ, ею выражаемый.—со стороны ли ея самозвучности, смягченія, поднятія и пониженія голоса, или ударенія. Но нужно ли было видимо выразить эти различныя воззрѣнія?—это другой вопросъ, на который, смотря по послѣдствіямъ, должно отвѣчать отрицательно. Въ самомъ дѣлѣ, цѣль значковъ была желоч-

ная; значеніе ихъ было весьма тонкое, и при томъ въ чтеніи они оказывались вовсе не нужными: живой голосъ и безъ нихъ сохранялъ всѣ выражаемые ими оттѣнки. Слѣдовательно, ихъ назначеніе ограничивалось лишь правописаніемъ, и въ этомъ отношеніи они составляли дополненіе гласныхъ въ извѣстную историческую пору письменности; сдѣсь они столь же важны, какъ и самыя буквы. Но, повторяю, независимо отъ этого важнаго служенія, доставленнаго имъ писцами, цѣль ихъ была столь мелочная, а оттѣнки голоса, ими выражаемые, столь незамѣтны, что писцы неминуемо должны были ошибаться въ ихъ употребленіи. Скажу другими словами: писцы, если бы умѣли хорошо пользоваться всѣми буквами Кириллицы и оставили бы ложное и мелочное желаніе пособить правописаніемъ движенію и выразительности устной рѣчи, то были бы избавлены отъ обязанности прибѣгать къ значкамъ; но, позволивъ себѣ однажды замѣнить значками нѣкоторыя необходимыя буквы, упразднивъ въ строкѣ мѣсто однѣхъ и измѣнивъ другія сообразно съ свойствомъ значка, они непремѣнно уже должны были держаться значковъ, усиливать ихъ и чаще обращаться къ нимъ по мѣрѣ того, какъ ослабѣвало значеніе буквенныхъ начертаній Кириллицы;—и значки, срастааясь съ азбукою, становились неизбѣжными ея членами. Ошибки учащались. Не всякій писецъ понималъ мысль, породившую тотъ, или другой значекъ; а гдѣ не было сознательности, тамъ неизбѣжны были и ошибки. Часто употребленіе значковъ основывалось на одномъ подражаніи, или на прихоти писца. Мы имѣемъ грамоты, которыя показываютъ, что одинъ писецъ, списывая у другаго, ставилъ значки только на тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ они стояли у его предшественника; другой, не понимая сущности дѣла, подражалъ неудачно, и часто служеніе значковъ основывалъ на одномъ виѣшнемъ только схоствѣ случаевъ. Иные писцы, по какому-то странному расположенію, любили отдавать преимущество извѣстнымъ значкамъ и ставили ихъ безъ разбора гдѣ ни случилось, гдѣ бы и не слѣдовало имъ стоять. Подобный произволъ, который можно иначе назвать пристрастіемъ, тотчасъ бросается въ глаза при чтеніи нѣкоторыхъ грамотъ. Въ разныхъ грамотахъ преобладаютъ разные значки. Даже есть и такія грамоты, въ которыхъ вдругъ какойнибудь значекъ появляется въ изобиліи въ началѣ; а потомъ, подъ конецъ, пропадаетъ совершенно, или уступаетъ другому свое служеніе. Излишнимъ было бы приводить примѣры колебанія значковъ: сдѣсь довольно сказать, что однородные значки, возникшіе подъ однимъ воззрѣніемъ, часто вторгаются одинъ въ область другаго, или разнородные оспариваютъ другъ у друга такое мѣсто, которое допускаетъ только одно какое либо воззрѣніе. Отсюда происходитъ новое затрудненіе при ихъ изслѣдованіи. Всего затруднительнѣе встрѣтиться съ однородными значками, стоящими одинъ на мѣстѣ другаго: объяснить такую встрѣчу можно не иначе, какъ тѣмъ, что писцы имѣли въ виду двоякое назначеніе значковъ. Трудно рѣшить вопросъ, что именно хотѣли они въ нѣкоторыхъ случаяхъ выразить значкомъ: дополнить ли имъ то, чего, по ихъ мнѣнію, недоставало въ буквѣ, или только виднымъ знакомъ, какъ бы нагляднѣе, подтвердить и повторить то, что уже заключалось въ самой буквѣ? Въ первомъ случаѣ значекъ измѣнялъ внутреннее свойство буквы или ея произношеніе; во второмъ онъ только обнаруживалъ то, что въ ней самой скрывалось, какъ бы давалъ знать читающему, какъ должно произносить эту букву. Отъ того мы замѣчаемъ иногда, что значекъ стоитъ совершенно не на своемъ мѣстѣ, что онъ долженъ бы быть замѣненъ противоположнымъ ему и съ нимъ однороднымъ значкомъ, или что онъ является какъ бы лишнимъ, тамъ, гдѣ самыя

буквы уже упраздняютъ его служеніе. Приведу примѣры. Такъ, значекъ [˘], стоящій преимущественно надъ начальною гласною слова и выражающій ея открытость или ясный, чистый подъемъ голоса, и значекъ [˙], поставляемый предпочтительно надъ конечною гласною, или надъ второю изъ стекшихся двухъ гласныхъ и выражающій ея закрытость, глухоту, или опущеніе голоса и прираженность его, пронстекающую отъ смягченія его или отъ участія въ немъ приражающаго небнаго начала, — значки эти часто смѣшиваются между собою, смотря по тому, что хотѣлъ писецъ выразить ими: вознаградить ли недостающее въ буквѣ количество голоса, или только означить, что такая-то буква звучитъ слабо, а такая-то сильно, т. е., еще болѣе содѣйствовать количеству голоса, принадлежащаго буквѣ. Ставя въ извѣстныхъ грамотахъ надъ начальными гласными а, е, о, оу почти всегда открытый значекъ [˘], писцы, въ тѣхъ же самыхъ грамотахъ, надъ и ставили закрытый [˙]: въ первомъ случаѣ они хотѣли показать, что гласныя а, е, о, оу звучатъ открыто и ясно, а во второмъ, что и, какъ мягкій прираженный звукъ, произносится узко и закрыто. Но если въ вѣкоторыхъ случаяхъ и надъ и ставился открытый значекъ [˘], то этимъ самымъ писецъ хотѣлъ помочь въ началѣ слова узкой ея природѣ и поднять въ ней голосъ. Такъ точно и надъ губнымъ глухимъ оу ставилъ онъ преимущественно открытый значекъ для того, чтобы сколько нибудь пособить его ясности въ началѣ слова. Укажу на другой значекъ, двойной ^{˘˙} или ^{˙˘}, который ставится большею частію надъ мягкими гласными и въ особенности надъ самымъ смягчающимъ началомъ, буквою и. Этотъ значекъ служитъ, между прочимъ, къ означенію стяженія двухъ звуковъ въ одномъ, что нерѣдко случается въ Сербскомъ языкѣ. Гдѣ въ Ц.-Славянскомъ два звука, какъ на пр., соуѣи, елинии, братни, всьси, тамъ въ Д.-Сербскомъ одинъ стянутый звукъ и со значкомъ ^{˘˙}: соуѣѣи, елиниѣи, братѣи, всѣи. Слѣдовательно, если встрѣчаются иногда нестянутыя формы, оставшіяся таковыми подъ влияніемъ Ц.-Славянскаго языка, и надъ ними все же стоитъ значекъ ^{˘˙} или ^{˙˘}, на пр., сзѣи и соуѣи, то сдѣсь присутствіе этого значка должно объяснять тѣмъ, что писецъ, будучи недоволенъ одними буквами и находя ихъ разложеніе недостаточнымъ для того, чтобы выразить все дѣйствіе голоса, производимое стеченіемъ двухъ гласныхъ, старался, чрезъ значекъ, повторить и какъ бы усилить то, что уже выказывали самыя буквы. Въ первомъ случаѣ значекъ ^{˘˙} является противоположнымъ буквѣ, ибо онъ совершенно преобразуетъ ее, дѣлая изъ краткой и простой долгою и стянутою; а во второмъ онъ лишній и служитъ только виднымъ поясненіемъ того, что выражается уже самими буквами. Конечно, и въ первомъ случаѣ гласная, хотя бы и не было надъ нею значка, остается все такою же долгою и составною; но, чтобы понять необходимость значка и отношеніе его къ таковой гласной, нужно стать на мѣсто тѣхъ писцовъ, которые считали значки существенною принадлежностію письма и забывали, какъ сказалъ я, природу и значеніе буквѣ. Конечныя стянутыя гласныя они отвлекали отъ формы слова, смотрѣли на нихъ, какъ на отдѣльные звуки, и лишь только соприкасались съ формою и замѣчали, что сдѣсь есть долгота и стяженіе, то тотчасъ ставили для означенія ихъ еще значекъ ^{˘˙}; одной буквы было для нихъ мало. Вотъ чѣмъ можно объяснить многія, по видимому, необъяснимыя явленія, встрѣчающіяся въ употребленіи значковъ. Исслѣдователь не долженъ смущаться мыслию о случайности и произвольности этого употребленія. Оставляя въ сторонѣ всѣ крайности и принявъ въ расчетъ то, что была же какая нибудь причина введенія въ письменность и видоизмѣненія значковъ, исслѣдователь рѣшается про-

никнуть во внутренней смыслъ значковъ, найти ихъ настоящее значеніе и цѣль, и на этомъ прочномъ основаніи утвердить свои выводы, отметая, какъ исключеніе, все то, что не сообразно съ основною мыслию. Истинный свѣтъ можетъ истекать только изъ большинства случаевъ. Къ счастью, значки въ древней Сербской письменности, при всѣмъ разнообразіи и всей мелочности ихъ служенія, не представляютъ еще непреодолимыхъ затрудненій и вопіющей неразумности употребленія, чтобы нельзя было отличить въ ихъ множествѣ большинства однородныхъ случаевъ отъ меньшинства разнородныхъ: соотношеніе между большинствомъ случаевъ ихъ употребленія убѣждаетъ въ предположеніи, что значки ставились не произвольно, но каждый имѣлъ свою мысль, свое основаніе и свое особое назначеніе. А если вспомнимъ, что на родинѣ ихъ есть древнѣйшіе памятники, въ которыхъ порядокъ значковъ соблюдень съ удивительною непогрѣшимостію, то еще болѣе убѣдимся въ разумномъ происхожденіи значковъ.

Вышеозначенныя свойства звуковъ, требовавшія, по убѣжденію писцовъ, дополненія, или объясненія, или замѣны въ буквенныхъ начертаніяхъ, всѣ, какъ видно, относились къ гласнымъ и полугласнымъ; а по тому и самыя значки, употреблявшіеся для этой цѣли, всѣ вращались въ области гласныхъ и полугласныхъ. Тѣ значки, которые служатъ дополненіемъ и объясненіемъ звуковъ, выражаютъ или качество, или количество, или паденіе голоса: это суть прибавочныя или *внутренніе* значки, выражающіе свойства самого звука,—его самозвучность, его силу и ясность, глухоту и слабость, его долготу, или стяженіе, равно какъ мягкость, или же наконецъ его паденіе, иначе удареніе. Но самый звукъ выражается не въ нихъ: онъ остается выраженнымъ въ строчной буквѣ; онъ только видоизмѣняется или дополняется значкомъ, смотря по мѣсту, которое занимаетъ въ ряду другихъ звуковъ, образующихъ слово. Иначе ихъ можно бы было назвать благозвучными значками въ обширномъ смыслѣ этого слова. Напротивъ, другіе значки, служащіе замѣною нѣкоторымъ звукамъ, выражаемымъ буквами, должны быть названы замѣнительными или *внѣшними*, ибо они упраздняютъ собою строчную букву, становясь на ея мѣсто въ строки. Они не придаютъ никакого оттѣнка самому звуку, не выражаютъ никакого свойства его; а служатъ только замѣною ему, будучи одолжены происхожденіемъ своимъ желанію писцовъ сократить, по возможности, способъ писанія. Иначе ихъ можно назвать правописными значками. Безъ нихъ нельзя опредѣлить настоящій видъ слова; они необходимы для исторіи нѣкоторыхъ буквъ. При внутреннихъ значкахъ слово сохраняетъ свой полный образъ въ строчныхъ буквахъ; при внѣшнихъ значкахъ слово имѣетъ сокращенное начертаніе: въ немъ недостаетъ нѣкоторыхъ буквъ, выкинутыхъ изъ строки и замѣненныхъ значками. Опустить внутренніе значки всегда можно: и безъ нихъ слово будетъ звучать такъ, какъ оно звучало бы и съ ними; но опустить внѣшніе значки нельзя: слово явится въ недостаточномъ и неправильномъ видѣ. Хотя внутренніе значки сами по себѣ представляютъ историческое явленіе въ древней Сербской письменности, однако они не имѣютъ вліянія на исторію звуковъ; напротивъ, внѣшніе значки тѣсно связаны съ исторіею самихъ звуковъ, выражаемыхъ буквами; ибо ихъ всегда можно перевести въ строку и замѣнить буквами, отъ которыхъ слово получаетъ новый, полнѣйшій видъ. Цѣль и объемъ нашего сочиненія, посвященнаго изслѣдованію природы и исторіи звуковъ, выражаемыхъ буквами, и разсмотрѣнію грамматическихъ формъ, а не благозвучія словъ въ связанной и послѣдовательной рѣчи, избавляетъ насъ отъ обязанности изучать всѣ безъ исключенія значки, встрѣ-

чаемые нами въ памятникахъ: нашъ долгъ въ отношеніи значковъ—возстановить истинный начертательный или правописный образъ слова, безъ котораго невозможно правильное историческое изслѣдованіе о буквахъ; а таковыми значками, которые, можно сказать, срослись съ начертаніемъ слова и безъ которыхъ слово будетъ написано кеполою, суть значки внѣшніе, служащіе замѣною нѣкоторымъ буквамъ. Если видимъ ихъ при словѣ, то должны непременно принимать ихъ въ соображеніе при чтеніи этого слова: они дополняютъ собою историческій его образъ. Напротивъ, внутренніе значки ничего не прибавляютъ къ начертанію слова: съ ними и безъ нихъ оно звучитъ такъ, какъ изображено буквами; они только выражаютъ видимо то, что невидимо заключается въ самомъ буквенномъ начертаніи слова при произношеніи его въ связанной рѣчи. По этому я остановлюся здѣсь только на внѣшнихъ или замѣнительномъ служеніи значковъ, предоставляя себѣ право послѣ, когда нибудь, поговорить и о прочихъ значкахъ Сербской письменности. Прибавлю еще другую причину, заставляющую меня ограничить, по возможности, объемъ изслѣдованія о значкахъ. Я руководствуюсь печатными изданіями памятниковъ. Не скрою чувства недоувѣренности и сомнѣнія, рождающееся при мысли, не ошиблись ли издатели, или переписчики при передачѣ нѣкоторыхъ значковъ рукописнаго подлинника? Зная, какъ писцы неопредѣленно ставили значки, какъ неявно писали ихъ и какъ произвольно распоряжались ими, невольно задумаешся надъ печатнымъ изданіемъ: сейчасъ представится глазамъ изслѣдователя шаткость его системы. Мы должны сознаться, что въ рукописныхъ подлинникахъ гораздо болѣе значковъ, чѣмъ сколько ихъ есть въ печатныхъ изданіяхъ: тамъ есть и точки, и двоеточія, и черты совершенно продольныя, и черты отвѣсныя, такъ что не знаешь, въ какую сторону склонить ихъ, и т. д. Что дѣлали съ подобными значками переписчики, когда въ изданіяхъ этихъ значковъ нѣтъ? Конечно, нѣкоторые пропускали, другимъ придавали любое склоненіе и тѣмъ подводили подъ разрядъ болѣе извѣстныхъ значковъ. Мы увѣрены, что не разъ переписчику доводилось смѣшивать значки ° и °. А что бы пришлось сказать, если бы, сверхъ явныя, переписчики, не будучи въ состояніи различать эти два значка, сами изобрѣли для нихъ порядокъ, которому и оставили бы слѣдовать при переписываніи рукописи? Прибавимъ сюда еще и то, что старинные писцы весьма часто не означали въ точности той буквы, надъ которою хотѣли поставить значекъ: отъ самого способа, равно какъ отъ скорости писанія значки часто упали между буквами. Что же оставалось дѣлать новѣйшимъ переписчикамъ, или издателямъ? Надъ какою буквою, надъ предыдущею ли, или надъ послѣдующею, поставить значекъ, когда онъ не приходился ни надъ тою, ни надъ другою? Очевидно, сомнѣніе не всегда находило себѣ вѣрный исходъ, и часто мы видимъ въ печатныхъ изданіяхъ значки, стоящіе надъ согласными безъ всякаго смысла, между тѣмъ, какъ ихъ мѣсто надъ ближайшею гласною, или полугласною. Но оставимъ вѣроятное. Положительность данныхъ, которую мы ищемъ и на которой стараемся основать нашъ трудъ, не позволяетъ намъ вдаваться со всею подробностію въ область, наполненную столь сомнительными явленіями, сомнительными не по тому, чтобы самыя подлинники возбуждали это сомнѣніе, а по тому, что въ печатномъ видѣ они являются не таковыми, какъ въ рукописяхъ. Не желая на этотъ разъ слишкомъ далеко заходить въ предѣлы предположеній и догадокъ, туда, куда еще не видно слѣдовъ предшествовавшихъ изслѣдователей, гдѣ все невизна, мы остановимся пока на необходимыхъ для насъ значкахъ,

которые въ то же время являются и болѣе положительными. Я разумѣю *виѣшніе* или *замѣнительные* значки.

Самый простой и виѣшній самый правильный по употребленію есть значекъ ¹, встрѣчаемый нами въ концѣ XIV-го ст. и почти исключительно въ Боснійскихъ, Травунскихъ, Хлумскихъ и отчасти Дубровницкихъ грамотахъ. Изъ собственно-Сербскихъ находимъ его только въ двухъ, а именно, однажды въ гр-ѣ Дечанскаго (С. № 176) и въ гр-ѣ Ангелыны (С. № 178). Служеніе этого значка есть чисто виѣшнее, замѣнительное: онъ становится виѣсто отсутствующаго я, которое, въ свою очередь, по свойству языка нѣкоторыхъ грамотъ, замѣняетъ собою и, ѿ, иногда д. На пр.: прѣсидилисе, прѣстолю, прѣродителъ (чит. прѣродитель), прѣднюю (С. № 66), прѣставанню (С. № 179), прѣстаго, прѣме (С. № 100), смрѣю, прѣд (С. № 104), прѣме, прѣдъжме (С. № 107), прѣнств (С. № 127), трѣ, трѣдесги, четирѣ (чит. тра и пр., С. № 130), прѣма (С. № 176), испрѣсно, прѣжѣ, крѣбѣ, зирѣнѣ прѣтѣ (С. № 178) и пр. Въ гр-хъ С. NN № 84, 99, 179, въ которыхъ, на оборотъ, и замѣняетъ я, этотъ значекъ поставленъ виѣсто и, которое впрочемъ звучитъ здѣсь, какъ я; на пр.: прѣмору, прѣдоше, прѣнуме, мѣдрѣ, сѣткорѣ, хрѣтова, поклицаре, прѣсгохъ; подрѣнню, прѣзрѣнѣмъ, прѣмкѣшѣ, прѣсог, прѣмѣнѣ; прѣстѣ; прѣзрѣнню. Въ этихъ примѣрахъ, какъ видно, значекъ ¹ замѣняетъ не я, но и, какъ и въ формѣ прѣ (С. № 107), которая, по свойству грамоты, должна бы была написаться прѣе или прѣа (прежде). Въ словахъ прѣстѣплѣнѣмъ, прѣнсекомѣ, апрѣаи, прѣдѣни (С. № 81) онъ поставленъ собственно виѣсто я, но, по свойству грамоты, и здѣсь я должно быть произносимо, какъ и. Въ той же грамотѣ онъ стоитъ по избытку въ словахъ: прѣмѣше, прѣмѣнѣмъ, гдѣ писецъ забылъ опустить изъ строки букву и, какъ и въ гр-ѣ С. № 178, въ словѣ кѣнѣшѣ. Дважды онъ поставленъ въ замѣнъ опущеннаго ѿ, очевидно, будучи смѣшенъ съ другимъ значкомъ: прѣмѣнѣмъ (С. № 81), прѣко (С. № 130). Вообще служеніе его столь правильно и постоянно, что, кромѣ означенныхъ случаевъ, исключеній нѣтъ. Впрочемъ, это самый малоупотребительный значекъ. Ср. еще С. NN № 84, 99, 100, 104, 107, 127. Замѣтимъ, что въ Д.-Булгарскихъ рукописяхъ, при окончаніи строки, за недостаткомъ мѣста, я, поставляемое сверху строки, имѣетъ иногда видъ этого самого значка.

Другой виѣшній значекъ, который гораздо употребительнѣе перваго, есть ², замѣняющій собою ѿ. Это его настоящее назначеніе. Не смотря на то, что онъ чисто виѣшній знакъ, введенный лишь для замѣны буквы, въ назначеніи его примѣтно воззрѣніе, породившее внутренніе значки, и именно воззрѣніе на звукъ со стороны его самогласія или того свойства самобытности, цѣльности и полноты, которому выраженіемъ служатъ такъ называемыя гласныя, противопологающіяся нѣмымъ или согласнымъ. Это воззрѣніе вполнѣ отразилось во внутреннемъ значкѣ ³; но такъ какъ полугласіе, выражаемое въ древней Сербской письменности почти исключительно однимъ ѿ, есть остатокъ прадавней гласности, то значекъ ³ сроднился и съ полугласнымъ ѿ. Отсюда не далеко оставалось ему и до значка ⁴, замѣняющаго эту полугласную. Оба сошлись на одной и той же буквѣ: одинъ выражалъ внутреннее ея свойство, полугласіе, переходившее индѣ въ полную гласную, индѣ въ полное безгласіе; другой служилъ указателемъ отсутствующей полугласной. Послѣ этого не мудрено, если значекъ ⁴ принялъ на себя отгѣнокъ значка ³, сойдясь съ нимъ на одной и той же буквѣ. И дѣйствительно, мы замѣчаемъ, что кругъ служенія его распространяется по волѣ писцовъ и входитъ въ предѣлы служенія значка ³: не только полугласныя, но и гласныя носятъ его на себѣ и не выпускаются

изъ строки. Въ этомъ случаѣ употребленіе его явно совпадаетъ съ употребленіемъ внутренняго значка *'*, поставляемаго, подобно Греческому дыханію, надъ гласными, не только начальными, но и средними и конечными. Тѣмъ не менѣе значекъ этотъ есть одинъ изъ самыхъ положительныхъ, и главное назначеніе его рѣзко выставляется наружу между различными уклоненіями, которыя, по своей малочисленности, не могутъ лишить его достоинства быть правиломъ, а сами остаются исключеніями. Это главное назначеніе его, какъ сказали мы выше, состоитъ въ замѣнѣ опущенной полугласной *ь* (*ъ*). Съ нимъ значекъ этотъ является въ грамотахъ различныхъ семействъ, начиная, по времени, съ Милутиновыхъ. Мы ограничимся весьма немногими примѣрами: служеніе его столь просто и понятно, что даже и не требуетъ ихъ. *тъжъ*, *оустънами*, *рѣшныи* *ѣсхъ*, *истыйнаго*, *рътъускон*, *створи* (Мк.), *остаѣ*, *ѡцѣими*, *срѣсныи*, *сплѣтши*, *сѣ*, *сѣ*, *подъ* (А. № 6), *виралъ* (А. № 3), *сѣсмы*, *мластвръскѡмъ* (А. № 4), *разоумъ*, *мѡно* и пр. (С. NN 51, 52), *ѣси*, *вѣтъ*, *докольнъ*, *кто изъ*, *ѣнеземь*, *врѣ* и пр. (С. № 176), *миродръжцъ*, *тѣню* (А. № 7), *въпѣрнѣ*, *поморскиѣ* (А. № 8), *тѣнѣи* (С. № 36), *рѣтъ*, *ѡвѣдзи* (С. № 39), *взмилуѣнаго*, *мидно* (А. № 5), *ѣса*, *старѣнъ*, *вѣзми*, *вѣрнѣи* (А. № 9), *вѣцѣнъ*, *вѣзмилуѣно*, *вѣзрайно*, *вѣрѣни*, *ѣ хвоѣтъ* (А. № 10), *ѡггѡдѣнныи*, *поуѣстѣи*, *пѣрпирь*, *мѡщно* (А. № 11), *хрсѡвоуѣ* (С. № 50), *доходѣи* и пр. (Г. А), *хальмоу*, *оуѣ*, *коуѣдойскоу* (Ш. № 15), *итр* (С. № 81), *тер* (С. № 104), *саѣтѣи*, *кондирѣи* (С. № 130), *млюкомѣи*, *ѣса* (С. № 175), *ѣсѣдъ*, *сѣслѣмъсѣ*, *ѣдоны*, *дѣитѣ* (С. № 178), *ѣжѣ*, *ѡмл* (А. № 16), *итѣ*, *имъ* (С.-Д. М. 1844), *опростѣдъ*, *ословодѣдъ*, *пислѣи*, *дрѣи* и пр. (С. № 164), *врѣимос*, *пѣрпирь*, *ѡлшѣ* и пр. (Г. Б), *творѣдъ*, *крѣкъ*, *коѣсѣ*, *коуѣи*, *пѣнѣр*, *дѣи* и пр. (М. л.), *ѣстѣи*, *имъ*, *сѣвѣословѣи* (А. № 20) и пр. и пр. Изъ всѣхъ этихъ примѣровъ открывается, что значекъ *'* заступаетъ мѣсто отсутствующей полугласной; ибо можно было бы представить изъ нашихъ памятниковъ тѣ же самыя формы съ полугласнымъ *ь*. И это главное и прямое его назначеніе. Оно обнаруживается изъ огромнаго большинства случаевъ. Изъ тѣхъ же примѣровъ можно также замѣтить, что не всѣ семьи грамотъ употребляютъ его, а тѣ, которыя и употребляютъ, пользуются имъ не въ равной степени. Наибольшее служеніе его совершается въ семьѣ собственно-Сербскихъ и преимущественно Аѡнскихъ грамотъ, въ которыхъ Ц.-Славянское правописаніе, при содѣйствіи духовенства, преобладаетъ замѣтнымъ образомъ сравнительно съ другими семьями грамотъ. Не мѣшаетъ при этомъ припомнить, что и Д.-Булгарская письменность знала и употребляла значекъ *'*. За Аѡнскими слѣдуютъ прочія собственно-Сербскія грамоты, съ которыми, по количеству употребленія, сходится одна Черногорская (М. л.) и одна Турецкая (С. № 164). Зетскія, принадлежащія Балшичамъ, не употребляютъ его, кромѣ одного случая (С. № 64), о коемъ скажу ниже. Изъ Дубровницкихъ, собственно-Боснійскихъ и Травунскихъ, встрѣчаемъ только по одной грамотѣ, употребляющей этотъ значекъ и то въ весьма ограниченномъ количествѣ. Мы говоримъ о грамотахъ, намъ извѣстныхъ. Положимъ, что число примѣровъ, равно какъ число грамотъ той, или другой семьи, употребляющихъ значекъ *'*, зависитъ отъ случая; но не случай распоряжается отношеніемъ между грамотами по количеству употребленія. Если въ однихъ изъ нихъ насъ поражаетъ многочисленность употребленія, а въ другихъ, напротивъ, скудость; если одни доводятъ это употребленіе до крайности и распространяютъ незаконно его предѣлы, а другія ставятъ его весьма правильно и при томъ наблюдаютъ большую умѣренность: то сдѣлать изъ этихъ игры случая, но есть правильное, естественное отношеніе грамотъ,

оправдываемое не только употребленіемъ всѣхъ прочихъ значковъ, но и дѣлать историческимъ развитіемъ народа и его языка. Грамоты, наиболее относящіяся къ дѣламъ церковнымъ и нашедшія изъ среды православія, отличаются наибольшею любовью къ значкамъ всякаго рода и признакамъ Ц.-Славянской рѣчи; напротивъ, грамоты, посвященные дѣламъ гражданскимъ и писанныя въ земляхъ, отдѣленныхъ отъ православной Сербіи, каковы Дубровницкія, Хлумскія, Травунскія, Боснійскія, не любятъ значковъ и идутъ впереди другихъ въ отношеніи развитія народныхъ признаковъ чистой Сербской рѣчи. Турецкія, изготовлявшіяся, большею частію, дьяками изъ православной Сербіи, — ибо до конца XV-го ст. Турки успѣли освоиться только съ православною или восточною частію Сербіи, — носятъ отпечатокъ преобладающаго вліянія семьи собственно-Сербскихъ грамотъ. Вотъ истинныя причины, отстраняющія всякое участіе случая въ замѣченномъ нами соотношеніи грамотъ различныхъ семействъ. Выше мы сказали, что значекъ ` принимаетъ на себя иногда отбѣсокъ значка ` , служа съ вѣншей стороны для б-мъ и тѣмъ же, чѣмъ ` служитъ для нея съ внутренней. Въ слѣдствіе этого онъ входитъ въ служеніе значка ` и заступаетъ его мѣсто надъ полугласною. Распространяя далѣе кругъ своего служенія, онъ сопутствуетъ иногда и гласнымъ, а иногда даже и согласнымъ, что уже выходитъ изъ границъ разумнаго употребленія и не имѣетъ объясненія. Какъ полугласное и становится иногда не по законной надобности, не въ память первичнаго словообразованія, а единственно для отбоя голоса при стеченіи нѣсколькихъ согласныхъ, такъ и значекъ ` поставляется мѣстами при такомъ стеченіи согласныхъ, при коемъ нельзя бы было ожидать законнаго присутствія полугласной. Вотъ тѣ случаи, которые распространяютъ употребленіе значка ` . Они принадлежатъ почти исключительно тѣмъ только грамотамъ, которыя оказываютъ пристрастіе къ этому значку и, слѣдовательно, вмѣстѣ съ огромнымъ количествомъ правильнаго его употребленія соединяютъ и неправильное. Но изъ этихъ грамотъ только весьма немногія злоупотребляютъ служеніемъ значка ` , а большая часть остается вѣрна его первоначальному назначенію. Проидемъ вскользь слѣдующіе случаи: ѡ (30), вмѣсто ѡ, (С. № 64), хрѣста, вмѣсто хрѣста, (С. № 179), мртѣвина (С. № 127), самѣти (С. № 130). Они принадлежатъ тѣмъ семьямъ грамотъ, которыя, можно сказать, только знаютъ, но не употребляютъ значекъ ` : если приложимъ ихъ къ немногимъ вышеприведеннымъ случаямъ, то получимъ все количество употребленія значка ` въ Зетскихъ (1 разъ), Боснійскихъ (2 р.), Травунскихъ (2 р.) и Дубровницкихъ (2 р.) грамотахъ. Сдѣсь повторю, что это количество, конечно, зависитъ отъ случайности и можетъ всегда измѣниться: но все же таки отношеніе между семьями грамотъ остане неизмѣннымъ, основываясь на существенныхъ ихъ свойствахъ. Даже тѣ грамоты, которыя любятъ этотъ значекъ, соблюдаютъ большую осторожность въ его употребленіи и рѣдко рѣшаются распространить его. Найдется не болѣе пяти грамотъ, допускающихъ въ равной степени и законное и незаконное служеніе; во всѣхъ же прочихъ послѣднее является только какъ исключеніе. Обозначивъ общими чертами различныя виды незаконнаго или распространенаго служенія, отправляемаго значкомъ ` , представимъ примѣры изъ грамотъ: ддроклинимъ, стефѣискиѡ, дльгоч, мраморъ, сръйскаго и пр. (С. № 176), їкоѡ, скоромоѡ, приложити, кратѣ, мрдѣхо. мѣстѣ, їдидитиѡна (А. № 9), ддрѣклиѡ бѣ, мьсудѣиноѡ, вѣгодроклинѡмъ (А. № 10), сръвръшимѡ, їврърѡкомъ, гѣрѣкѣла, ѡсѣйити, скорѣта, гѣрѣмѣмъ, рѣуѣиноѡ, кѣрѣлаѡмъ, їдидитиѡ, вѣлѣѡсѣрѣ (А. № 11), вѣгѣи, рѣкѣ (А. № 12), ддрѣкѣгѣ, трѣ-

двойными (Г. А), сѣмьма (С.-Д. М. 1844). Сдѣсь замѣчаютъ, во первыхъ, что значекъ ` служить для произведенія отбоя голоса при двухъ, или трехъ согласныхъ, тамъ, гдѣ даже никто изъ писцовъ не рѣшился бы поставить полугласную букву, какъ, на пр., въ словахъ ѣмомъ, мѣсть и т. п. При помощи этого значка писцы дунали произносить согласныя нѣсколько раздѣльнѣе, а мѣстами, можетъ быть, и мягче; но не всегда мягко, ибо, на пр., приложити не подчиняется этому условію. Во вторыхъ, значекъ ` любить преимущественно стоять на б-ѣ р: очевидно въсѣхъ рѣдѣ. Это объясняется его столкновеніемъ со значкомъ ` , который, по служенію своему, есть не что иное, какъ Греческое дыханіе (spiritus lenis), которое надъ буквою ρ переходитъ въ придыханіе (spiritus asper). Сербскіе писцы не обращали вниманія на различіе между обоими Греческими дыханіями и выражали ихъ однимъ значкомъ ` , который, въ свою очередь, замѣщался значкомъ ` . Въ третьихъ, полугласное ѣ, часто употребляющееся для раздѣленія и смягченія нѣсколькихъ стекшихся согласныхъ, тамъ, гдѣ того не требуетъ словообразованіе, какъ, на пр., въ словахъ иностранныхъ, или въ причастіяхъ страдательнаго залога съ удвоеннымъ и, замѣняется въ этихъ случаяхъ значкомъ ` . О причастіяхъ я послѣ буду имѣть случай говорить подробнѣе, а теперь замѣчу мимоходомъ, что не всѣ причастія съ удвоеннымъ и образованы законно; напротивъ, въ большей части изъ нихъ второе и нѣсколько не требуется природою слова или основною формою причастія и не есть такое же самостоятельное и независимое, какъ и первое; но оно возникаетъ единственно подъ условіемъ благозвучія и есть не болѣе, какъ повтореніе предыдущаго и. По этому и полугласное ѣ, поставляемое между ними, не можетъ быть названо чѣмъ либо существеннымъ, необходимымъ для формы-ными причастія: оно, также какъ и второе и, есть только благозвучное, отбывающее голосъ при стеченіи двухъ согласныхъ и мягкостію своею разобщающее ихъ; ибо чрезъ мягкость свою оно приражаетъ одно и и тѣмъ нѣсколько видоизмѣняетъ его произношеніе сравнительно съ другимъ и, на которое уже не дѣйствуетъ. Лучшимъ подтвержденіемъ моихъ словъ служить то, что, рядомъ съ удвоенною формою причастія, мы находимъ и не удвоенную на-нимъ; да и самые памятники Д.-Булгарской письменности, особливо древнѣйшіе, не терпятъ этого удвоенія. Слѣдовательно, оно сдѣсь не существенное или, иными словами, органическое, но благозвучное, вставочное, хотя и совершенно необходимое по законамъ благозвучія. И вмѣсто такового ѣ нѣстами поставляется значекъ ` . То же самое должно сказать и о словахъ иностранныхъ: въ нихъ ѣ, раздѣляющее двѣ согласныя и замѣняющееся иногда значкомъ ` , не лежитъ въ природѣ слова, но ставится для болѣе благозвучнаго произношенія, смотря по нарѣчію, къ которому принадлежитъ произносящій, или пишущій. Въ четвертыхъ, значекъ ` заступаетъ мѣсто титлы въ словѣ вѣгымъ, какъ и выше надъ числовою б-ю ѣ. Наконецъ, въ пятыхъ, онъ поставленъ надъ б-ю у вмѣсто неподвижнаго и общаго значка ` или ` . Впрочемъ, примѣры этихъ двухъ видовъ служенія его столь малочисленны или, вѣрнѣе, одиноки, что имъ никакъ не слѣдуетъ приписывать какое либо значеніе, но лучше назвать ихъ игрою случая, прихотью писца, или скорѣе всего опискою. Но сдѣсь еще не конецъ примѣрамъ. Остаются еще нѣкоторыя грамоты, въ которыхъ, кромѣ рассмотренныхъ случаевъ, встрѣчаются еще новыя, каковы: вѣни, страйнама, оу, три ѣрдѣ, ѣ, вѣдѣма, коуни, колсиду, ѣкорки, тоди, колѣи, мѣи, всѣ, дѣ, ѣ, ѣка, жрѣтѣи, вѣи, сѣ, доуѣ, ирмѣрѣ, прѣхѣ, оустѣ, товолоу, сѣло, лѣхѣ, ниѣхѣ, прѣхѣ, срдѣно-

ниѣ, оуѣкаше, краѣтвомъ и пр. (С. № 176), ѣзкоак, ѣ, теѣрць, теѣри, оуѣисли, теѣ-моу, кытѣ, ѣдмь, ѣжжж, дѣры, ѣсть, рѣднтель, ѣдою, ѣ, сѣуномь, ѣзѣмь, рѣсти, дѣкоуць и пр. (Г. А), ѣѣспокядымъ, ѣ, оуѣо (Г. Б). Присоединю сюда подобныя случаи изъ другихъ грамотъ: краѣтномь (А. № 5), ѣрѣоукрашѣдъ, ѣѣгоуаримъ (В. № 1), краѣтвомъ (С. № 60), доѣтѣкъ, ѣтѣимъ (Мл.). Эти примѣры показываютъ, въ какой степени древніе Сербскіе писцы употребляли во зло служеніе значка ` . Поставленіе его надъ гласными и полугласными ѣ еще имѣетъ свое объясненіе въ соответственномъ ему значкѣ, но поставленіе надъ согласными ничѣмъ не объяснимо. Можно только предполагать, что во многихъ онъ стоялъ бы собственно не надъ согласною, а надъ гласною, или полугласною; но по небрежности писца, или позднѣйшаго переписчика очутился на ближайшей къ мѣсту значенія его согласной. Что же касается до двухъ примѣровъ замѣны этимъ значкомъ гласныхъ, въ одноѣмъ, въ другой и, то это такая крайность, которая должна быть отнесена къ роду тѣхъ случаевъ, которые мы назвали прихотью писца. Впрочемъ, сравнивши число грамотъ, излишне распространяющихъ служеніе значка ` , съ числомъ тѣхъ, которыя правильно его употребляютъ, а съ другой стороны, сравнивши число случаевъ законнаго служенія съ числомъ случаевъ противоположныхъ первымъ, мы тотчасъ же убѣдимся, что послѣдніе представляютъ собою не болѣе, какъ исключеніе. Излишнее служеніе этого значка находитъ преимущественно въ гр-хъ С. № 176, А. NN № 9, 10, 11, Мл., Г. А, Б; но и въ этѣхъ, исключая первую и двѣ послѣднія, гдѣ писцы выказали все свое пристрастіе къ этому значку и всю свободу въ его употребленіи, отношеніе распространенаго служенія къ обычному менѣе, чѣмъ 1: 2. Присовокупивъ сюда всѣ прочія грамоты со всѣмъ количествомъ правильнаго употребленія значка ` , мы придемъ наконецъ къ тому заключенію, что этотъ значекъ есть одинъ изъ самыхъ систематичныхъ , и большинствомъ своего употребленія несомнѣнно доказываетъ то, что онъ есть внѣшній и назначенъ служить замѣною опускаемому изъ строки полугласному ѣ во всѣхъ видахъ его служенія.

Такъ какъ на этотъ разъ наши изслѣдованія вовсе не касаются благозвучія рѣчи въ обширномъ смыслѣ, разумѣя подъ этимъ количество голоса, удареніе и т. д., то мы и оставляемъ въ сторонѣ внутренніе значки, покончивъ съ внѣшними; но не можемъ не упомянуть о тѣхъ случаяхъ, когда служеніе внутреннихъ значковъ переходитъ во внѣшнее или замѣнительное для звуковъ, выражаемыхъ буквенными знаками. Имѣя въ виду правильный образъ начертанія словъ и сохраненіе въ немъ всѣхъ звуковъ, какіе возможны при историческомъ движеніи языка, мы необходимо должны разсмотрѣть всѣ тѣ внутренніе значки, которымъ старинными писцами дано было участіе въ начертательномъ образованіи словъ.

Мы уже выше коснулись внутренняго значка °, который, какъ сказали мы, возникъ подъ влияніемъ воззрѣнія, стремившагося опредѣлить качество голоса въ извѣстныхъ звукахъ или, иными словами, отдѣлить самозвучность голоса отъ его беззвучности. Но такъ какъ самозвучіе есть отличительная черта гласныхъ, то этотъ значекъ долженъ былъ обращаться единственно въ области гласныхъ. Гласныя представляютъ собою основаніе членораздѣльности голоса при сочетаніи съ согласными. Сливаясь вмѣстѣ съ послѣдними въ одинъ цѣльный звукъ, онѣ доставляютъ человѣческому голосу возможность отдѣлять этотъ звукъ отъ другаго и болѣе, или менѣе останавливаться на томъ, или другомъ. Не только гласныя, но и полугласныя, какъ потомки прадавней гласности, имѣютъ способность производить членораздѣльность или отбой голоса

при стеченіи согласныхъ: иначе нельзя бы было произнести сочетанія, каковы на пр., *сръдцѣмъ*, *отъустѣмъ* и т. п. Этотъ отбой голоса при стеченіи согласныхъ писцы считали весьма важнымъ дѣломъ въ произношеніи и правописаніи, а по тому не только удерживали законное, требуемое словообразованіемъ, полугласное ѣ тамъ, гдѣ позднѣйшее произношеніе, при благоприятномъ стеченіи согласныхъ, могло обойтись и безъ него, на пр., въ словахъ *мнѣмъ*, *мнѣя*, *нѣто*, но даже употребляли и незаконное, вставочное ѣ, распуская имъ стеченіе согласныхъ тамъ, гдѣ словообразованіе вовсе не требовало его, чему не мало способствовало смягчающее свойство Сербскаго языка, такъ что ѣ, вставленное между согласными, выражало не болѣе, какъ мягкость звука: *всмнати*, *пшмннцѣ*, *тѣмѣта*, *сѣномѣмъ*. Въ послѣдствіи это двоякое, существенное и несущественное, ѣ стали обращать въ полную гласную, откуда произошли формы: *старѣна* (страна), *пѣсѣтанѣнѣ*, *пѣсѣланѣнѣмъ* (отъ *пѣсѣмъ*), *вгѣдѣнѣнѣмъ* и пр.; слѣдовательно, не только полугласное ѣ, каковымъ оно дѣйствительно было тамъ, гдѣ стеченіе согласныхъ не могло обойтись безъ гласнаго отзвука, въ немъ заключающагося, но и совершенно безгласное ѣ играло важную роль въ древней Сербской письменности, служа, вмѣстѣ съ гласными, членораздѣлительнымъ началомъ въ произношеніи словъ: надѣ звучало оно дѣйствительно какъ полужукъ, нѣдѣ было вовсе безгласнымъ; но въ обоихъ случаяхъ производило отбой голоса то оттѣнкомъ полугласія, то мягкимъ приращеніемъ, и какъ бы раздѣляло толпу согласныхъ на нѣсколько частей, доставляя чрезъ отбой голоса каждой части равную силу. Отсюда понятно, что писцы, употребляя значекъ ° для выраженія самогласія звуковъ, ставили его не только надъ гласными, но и надъ полугласными или, вѣрнѣе, однимъ полугласнымъ ѣ, какъ представителей обоихъ Кирилловскихъ знаковъ ѣ и ѣ. Значекъ этотъ не могъ выражать ничего другаго: ни мягкаго качества голоса, ибо онъ поставлялся и надъ твердыми и надъ мягкими гласными безъ различія; ни количества голоса при его подъемѣ и опущеніи, ибо на то были готовы два другіе значка °; ни ударенія, имѣвшаго свои особыя значки °; ни степенія, выражаемаго преимущественно значкомъ ° и т. п. Остается приписать ему выраженіе самогласнаго начала или той силы, которая производитъ въ голосѣ членораздѣльность. Это служеніе подтверждается сходствомъ его вида съ Греческимъ дыханіемъ (*spiritus lenis*); но разница та, что Сербскій значекъ, поставлялся надъ гласными въ началѣ, среднѣ и концѣ словъ и замѣнялъ иногда Греческое придыханіе (*spiritus asper*), имѣетъ гораздо обширнѣйшее служеніе, чѣмъ Греческій. Онъ есть одинъ изъ самыхъ употребительныхъ въ древней Сербской письменности. Многочисленные случаи его служенія разсѣяны по всѣмъ грамотамъ, куда только допущены значки. Само собою разумѣется, что для него нѣтъ особыхъ грамотъ; но тамъ, гдѣ больше другихъ значковъ, тамъ и онъ употребляется чаще. Онъ открываетъ собою рядъ грамотъ XIV вѣка (А. № 2, 1302 г.) и заканчиваетъ грамотою начала XVI вѣка (А. № 20, 1502 г.). Самыми любимыми у древнихъ писцовъ видами служенія этого значка были слѣдующіе: сопутствіе гласнымъ, поставленіе надъ полугласнымъ ѣ, рѣдко въ среднѣ и часто въ концѣ словъ, и указаніе отсутствующаго ѣ. Такъ какъ имъ не намѣренъ входить въ подробное разсмотрѣніе служенія внутреннихъ значковъ, то относительно значка ° ограничимся только послѣднимъ видомъ его служенія, когда онъ вступаетъ въ область вѣшняго значка ° и служитъ указателемъ отсутствующаго полугласнаго ѣ. Это служеніе его имѣетъ тѣ же самыя два вида, какъ и служеніе значка °, т. е., онъ замѣняетъ собою и

существенное и несущественное ѡ. Сдѣсь онѣ дѣйствуютъ одинаково со значкомъ ѣ. Тѣмъ не менѣ это служеніе его, при всей своей обширности, уступаетъ, однако, главнѣйшему его служенію—сопутствовать самогласію. Изъ числа грамотъ, допускающихъ это послѣднее, не всѣ допускаютъ первое. Такъ въ гр-хъ С. NN^о 91, 137, 176, А. N^о 18, В. NN^о 1, 2 и Мл. значекъ ѣ, сопутствуя гласнымъ, ни разу не встрѣчается, какъ признакъ пропущенной полугласной буквы. Впрочемъ, во всѣхъ этѣхъ грамотахъ онѣ вообще очень рѣдкы. Въ остальныхъ грамотахъ, употребляющихъ его, находимъ и замѣнительное или вышнее его служеніе въ большей, или меньшей степени. Таковы: С. N^о 175, А. NN^о 2—17, 19, 20. Всего чаще значекъ ѣ замѣняетъ отсутствующее ѡ въ срединѣ словъ, на пр.: тѣиже, тѣию, ѣдовицоу (ср. Санскр. *vidhavā*, Лат. *vidua*), птица (ср. Санскр. *pataga* и Греч. *πέτοαι*), книгамъ, пиригъ и т. д. (А. N^о 2), приаго, приииса, что (А. N^о 3), и пр. и пр. Считаю лишнимъ приводить дальнѣйшіе примѣры, идущіе, какъ сказано выше, чрезъ все пространство послѣднихъ двухъ изъ разсматриваемыхъ нами вѣковъ. Употребленіе въ нихъ значка ѣ весьма просто: дѣло попятно и безъ нихъ. Никто противорѣчить не станетъ, что ѣдовицоу, птица, книгамъ суть то же, что ѡдовицоу, птица, книгамъ; а подобныя формы, всякій согласится, весьма важны для историческаго значенія полугласныхъ. Онѣ показываютъ, какъ еще чутко, хотя и не всегда, древніе писцы распознавали присутствіе полугласныхъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда полугласныя переходили въ полное безгласіе. Но съ другой стороны, значекъ ѣ, какъ и прочіе, подобные ему въ этомъ отношеніи, имѣетъ свою историческую пору и составляютъ переходъ отъ яснаго и твердаго распознаванія полугласныхъ, которое заставляло сохранять ихъ въ видѣ строчныхъ буквенныхъ знаковъ, къ совершенному ихъ забвенію тамъ, гдѣ при стягиваніи согласныхъ произношеніе могло обходиться безъ нихъ, въ слѣдствіе чего ихъ мѣсто, уже потерявшее свое значеніе, было упразднено въ строкѣ, а отмѣчать его надстрочными значками уже не считали нужнымъ. Слѣдовательно, замѣнительныя для полугласнаго ѡ значки суть указатели неяснаго и полузабытаго его присутствія въ словѣ; это послѣдніе слѣды его перехода отъ сознанія самогласія къ полному безгласію. Отсюда видна вся важность замѣнительныхъ значковъ въ историческихъ разысканіяхъ о полугласныхъ. Когда въ нѣкоторыхъ словахъ писцамъ казалось уже страннымъ и дикимъ вставить полугласную, тогда они, не рѣшаясь еще совершенно изгнать полугласную изъ слова, отмѣчали ее надстрочнымъ значкомъ, менѣе рѣзкимъ и бросающимся въ глаза, чѣмъ строчная буква. Если бы не значки, слѣдъ полугласныхъ тамъ, гдѣ онѣ доходили до безгласія, давно бы исчезъ; значки особымъ образомъ продолжали его существованіе. Яснѣе совершалась записка полугласныхъ значкомъ ѣ въ концѣ словъ. Известно, что въ Кириловской письменности слова никогда не оканчивались на согласную, но всегда исходили гласною, либо полугласною. Если и встрѣчаются иногда оканчанія, исходящія на согласную, то это чрезвычайно рѣдко и при томъ бываетъ, большею частію, въ концѣ строки за недостаткомъ мѣста. Но если слово оканчивается согласною и при томъ имѣетъ замѣнительный значекъ, то это не рѣдкость. Мы находимъ: подѣ (А. N^о 6), кирѣ, сѣ, рикшииѣ, пошедиѣ (А. N^о 4), ошратѣ (А. N^о 10), повелѣиѣ (А. N^о 12), иѣ (А. N^о 17) и пр. и пр. Точно то же, и въ большей мѣрѣ, видѣли мы въ употребленіи значка ѣ. Еще чаще значекъ ѣ замѣняетъ отсутствующее ѡ, когда, въ слѣдъ за этимъ послѣднимъ, непосредственно слѣдуетъ одно изъ тѣхъ словъ, которыя, по обычаю стариннаго правописанія, большею частію,

присоединяются къ предшествующему слову, на пр.: *вратѣмоу, стрѣцѣмоу, зѣтѣмоу* (А. № 6), *слишхоуѣсѣ, зѣратомъ, прѣзѣшѣмоу* (А. № 5) *потѣцѣтѣсѣ* (А. № 12), *вѣдѣтѣи, ѡвѣдѣи, ѡвѣдѣи* (А. № 17) и пр. Значекъ ° не разбираетъ, какъ сказали мы, ни кореннаго, ни вставочнаго ѣ, равно замѣняя то и другое. Отправляя въ этомъ случаѣ служеніе чисто вѣшняго значка, онъ не имѣетъ дѣла до мѣстонахожденія полугласной и всюду готовъ замѣнить ее. Мы находимъ его и на такихъ мѣстахъ, гдѣ присутствіе его можетъ быть объяснено лишь любовью древнихъ Сербовъ къ смягчающему и вставочному ѣ, иногда вовсе лишнему, на пр., въ словахъ: *ѣрѣтѣици, ѣрѣтѣици, ѣрѣтѣици* (А. № 6), *ѣрѣтѣици* (А. № 4), *ѣрѣтѣици, ѣрѣтѣици, ѣрѣтѣици* (А. № 5), *ѣрѣтѣици, ѣрѣтѣици, ѣрѣтѣици* (А. № 9), *ѣрѣтѣици, ѣрѣтѣици, ѣрѣтѣици* (А. № 10), *ѣрѣтѣици* (А. № 14), *ѣрѣтѣици, ѣрѣтѣици, ѣрѣтѣици* (А. № 16), *ѣрѣтѣици, ѣрѣтѣици, ѣрѣтѣици* (А. № 17). Сдѣсь иноземность слова, какъ и самое правописаніе съ ѣ дѣлаютъ значекъ ° ненужнымъ. Но эти случаи рѣдки: сдѣсь приведены почти всѣ встрѣчающіеся въ нашихъ памятникахъ. Еще находимъ значекъ ° замѣняющимъ полныя гласныя въ словахъ: *ѡѣкѣици, ѡѣкѣици* (А. NN № 6, 7), *ѡѣкѣици* (А. № 6). Въ словѣ *ѡѣкѣици* (А. № 4) на значекъ ° можно смотрѣть, какъ на признакъ отсутствующаго и, или не усиленнаго (не гувированнаго) ѣ, либо какъ на титлу.

Есть еще два значка °, рѣдко встрѣчающіеся въ нашихъ изданіяхъ и, по употребленію своему, во всемъ сходные съ значкомъ °. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ они, какъ и этотъ послѣдній, замѣняютъ полугласную. Таковы: *ѡѣкѣици, ѡѣкѣици* (С. № 176), *ѡѣкѣици* (С. № 81).

Возникнувъ подъ совершенно внутреннимъ возрѣніемъ на движеніе человѣческаго голоса, значки ° и ° наименѣе могутъ исполнять назначеніе вѣшнихъ или замѣнительныхъ. Ясное и открытое поднятіе голоса, глухое и слабое опущеніе его и нѣкоторая степень прираженности, производящая мягкость, суть тѣ свойства, для которыхъ назначены два упомянутые значка. Будучи мягкимъ, ѣ, какъ срединное, такъ и преимущественно конечное, способно выносить на себѣ одинъ изъ этихъ значковъ и всего скорѣе значекъ °, который, выражая поднятіе голоса въ безгласной буквѣ, еще болѣе и яснѣе свидѣтельствуетъ объ ея безгласіи и предупреждаетъ въ ней всякую возможность гласности. Во всѣхъ нашихъ памятникахъ мнѣ удалось замѣтить только слѣдующіе приѣмы: *ѡѣкѣици* (А. № 2), *ѡѣкѣици* (А. № 4), *ѡѣкѣици* (А. № 9). Гораздо чаще открытый значекъ ° ставится надъ вторымъ изъ двухъ рядомъ стоящихъ полугласныхъ ѣ. Въ Д.-Сербской письменности мы находимъ удвоеніе ѣ-и въ концѣ словъ, преимущественно въ родит. п. мн. ч. Въ такомъ случаѣ второе ѣ часто выноситъ на себѣ значекъ °; на пр.: *ѡѣкѣици, ѡѣкѣици* (А. № 2), *ѡѣкѣици* (А. № 3), и т. д. до конца XV-го ст. Причина этого употребленія лежитъ въ самомъ свойствѣ открытаго значка °. Поднятіе голоса въ безгласномъ на концѣ словъ ѣ есть то же безгласіе, а по тому писцы и отиѣтили второе ѣ открытымъ значкомъ °, чтобы предупредить въ немъ всякую возможность гласности при удвоеніи; они хотѣли этимъ показать, что ѣѣ есть то же, что одно ѣ. Поставить закрытый значекъ ° было бы ошибкою, ибо прираженіе, опущеніе и какъ бы тяжесть голоса въ концѣ слова, могли бы повести къ гласности безгласнаго ѣ. Это ѣ не мѣшаетъ сравнить съ рѣдкимъ въ Кирилловской письменности ѣ, которое сдѣсь есть такой же полувзвукъ, какъ и въ новомъ Русскомъ правописаніи. Иногда значекъ ° ставится надъ первымъ ѣ, что весьма рѣдко. Укажу только на слѣдующіе случаи: *ѡѣкѣици* (А. № 5),

родитель, соуродный (А. № 9). До какой степени писцы наблюдали сдѣсь различіе между открытымъ и закрытымъ значкомъ, видно изъ того, что двойное ѡ ни разу не попадаетъ съ послѣднимъ при всемъ смѣшеніи значковъ; очевидно, сдѣсь различіе между обоими выказывалось яснѣе. Впрочемъ, употребленіе значка ѡ надъ полугласною весьма рѣдко, и его можно считать исключеніемъ изъ общаго правила ставить значки надъ одними гласными. Но такъ какъ при первомъ же появленіи этихъ значковъ въ разсматриваемыхъ нами памятникахъ, въ началѣ XIV-го ст., между ними начиналось уже смѣшеніе, кончившееся въ XV-мъ ст. преобладаніемъ закрытаго ѡ, то и надъ полугласнымъ ѡ нельзя было установить правильнаго употребленія значка ѡ, въ слѣдствіе чего, по подражанію ли, или по чему либо иному, надъ этою буквою появился и закрытый ѡ, но еще рѣже, чѣмъ открытый ѡ, такъ что его справедливо можно назвать исключеніемъ изъ исключенія. А съ другой стороны, при малочисленности случаевъ поставленія того, или другаго значка надъ полугласнымъ ѡ, невольнѣ приходитъ на мысль, не есть ли все это не болѣе, какъ слѣдствіе смѣшенія этихъ значковъ съ другимъ, очень похожимъ на нихъ, особенно въ рукописяхъ, именно, значкомъ ѡ, хотя, какъ мы сейчасъ видѣли, и значекъ ѡ допускаетъ для себя объясненіе. Но если ѡ, коренное и вставочное, выносило на себѣ значки ѡ ѡ, то уже легко было и надъ упраздненнымъ его мѣстомъ поставлять эти значки и все также почти одинъ только открытый ѡ. Таковы: сѣкряныи (А. № 6), прѣныи, дрѣкнирѣи, сѣскыи (А. № 3), лѣдронни, вѣцѣлѣо, зговорнѣсе, гѣуиѣго (А. № 4), зѣмдѣ (А. № 9), самодрѣжѣно, сѣйскыи (А. № 5), ѡбратѣютея (А. № 10), пѣиѣте, вѣловодѣиѣи, ср. вѣлобдѣиѣи, стальѣуѣго, вѣйсѣи (А. № 12), сѣкряиѣи (А. № 14), ѡпрѣдѣиѣи (А. № 17), ѣѡѣиѣи (А. № 16), дрѣгоѣи, прѣки лоѣи (С. № 176), прѣкомъ (М.л.). Въ формѣ дѣиѣ, дѣиѣ (А. № 4) видимъ столкновение тѣмъ со значкомъ: какъ тотъ, такъ и другая выражаютъ опущеніе б-ы ѡ: дѣиѣ, дѣиѣ, гдѣ ѡ остается не усиленнымъ.

Сдѣсь мы остановимся. Мы разсмотрѣли служеніе замѣнительныхъ значковъ, какъ вѣшнихъ, такъ и тѣхъ изъ внутреннихъ, которые переходятъ въ замѣнительные при посредствѣ б-ы ѡ. Болѣе о внутреннихъ значкахъ мы говорить не станемъ. Это повело бы насъ слишкомъ далеко по дорогѣ, не совершенно надежной и уклоняющейся отъ прямой цѣли нашего изслѣдованія. Мы не можемъ вполнѣ положиться на печатныя изданія, замѣняющія для насъ подлинникъ, и никакъ не повѣримъ, чтобы въ нихъ всѣ значки были непремѣнно такими, какими хотѣлъ изобразить ихъ древній писецъ. Неясность начертанія, поспѣшность писанія, многочисленность значковъ и другія подобныя причины затрудняли мѣстами передачу значковъ въ ихъ подлинномъ видѣ. Къ тому же есть изданія, въ которыхъ значки вовсе опущены, тогда какъ, судя по достоинству этихъ изданій, желательнѣе бы было видѣть и изслѣдовать ихъ сдѣсь, и тѣмъ подкрѣпить, пополнить, или же низпровергнуть зданіе, построенное на основаніи иныхъ изданій и иныхъ памятниковъ. Съ другой стороны, ученіе о всѣхъ вообще значкахъ заставило бы меня значительно удалиться отъ предполагаемой мною задачи сочиненія — разсмотрѣть природу звуковъ и формы древняго книжнаго языка Сербовъ въ повременномъ ихъ движеніи. Намъ нужно прослѣдить самыя звуки или основныя начала языка, а не благозвучіе словъ и рѣчи; намъ нужно знать правильное написаніе словъ, безъ котораго нельзя узнать вполнѣ повременнаго движенія звуковъ: и по тому въ этомъ дѣлѣ замѣнительныя значки занимаютъ столь же важное мѣсто, какъ и самыя буквы;

обойдя ихъ, нельзя приступить къ буквамъ. Но древніе Сербскіе писцы, сколько щедры были на замѣну полугласной различными значками, столько же дорожили другими буквенными начертаніями. Мы видѣли, что изъ всѣхъ гласныхъ буквъ, только одна б-а я была замѣняема изрѣдка значкомъ ' ; изъ согласныхъ же ни одна. За то полугласное ъ, представляемое подѣ различными воззрѣніями, принимало и различныя значки, которые, оставаясь на его упраздненіи, получали назначеніе замѣнительныхъ значковъ. Чисто замѣнительный значекъ для ъ есть ' ; изъ внутреннихъ значковъ, являющихся замѣнительными для ъ, суть ' и видоизмѣненія перваго ' . Прочіе внутренніе значки, какъ-то: простыя ' и сложныя ' , не участвуютъ въ замѣнѣ полугласнаго ъ, и по тому мы вовсе не упоминали объ нихъ. Не отнимая важности служенія у внутреннихъ значковъ, которые своимъ количествомъ и употребленіемъ могутъ много содѣйствовать къ опредѣленію возраста памятника, мы, съ своей стороны, замѣтимъ, что внѣшніе значки, а вмѣстѣ съ ними и внутренніе, по сколько исполняютъ назначеніе внѣшнихъ, кажутся намъ важнѣе тѣхъ, которые отправляютъ чисто внутреннее служеніе. Безъ послѣднихъ изслѣдователь природы звуковъ и ихъ видоизмѣненій еще можетъ обойтись; но безъ первыхъ онъ не обойдется: они нужны ему для дополненія правописнаго образа слова, необходимаго для точнаго опредѣленія звуковъ, какъ составныхъ частей слова. Разумѣется, мы имѣемъ здѣсь въ виду природу звуковъ и на основаніи ея происходящія въ нихъ видоизмѣненія, какъ коренныя или постоянныя, такъ и повременныя или одношѣстныя; но для другаго, кто пожелалъ бы изучать, на пр., благозвучіе языка по историческимъ памятникамъ, важнѣе будутъ внутренніе значки, а именно: значки ' для изученія законовъ ударенія, значки ' для опредѣленія степени благозвучія въ текущей, плавной рѣчи и т. д. Все это хорошо и важно само по себѣ, но такъ какъ оно до насъ не касается, то мы и остаемся при однихъ внѣшнихъ значкахъ. Ихъ участіе въ опредѣленіи возраста памятника, вмѣстѣ со всѣми прочими значками, столь важно, что по нимъ однимъ можно уже приблизительно назначить время памятнику. Такъ обратимся къ нашимъ Д.-Сербскимъ памятникамъ. Изъ XII вѣка мы имѣемъ двѣ грамоты двухъ совершенно различныхъ семействъ: одну Кулинову и одну Неманину. Последняя принадлежитъ къ разряду Аеонскихъ грамотъ, но, не смотря на то, не имѣетъ ни одного значка: это положительно свидѣтельствуетъ, что въ концѣ XII вѣка Сербскіе писцы еще не употребляли значковъ. Изъ XIII вѣка странное явленіе представляетъ одна Дубровницкая грамота, писанная около 1254 года (С. № 26): въ ней, одной изъ всѣхъ грамотъ означеннаго столѣтія, находимъ два значка " , отправляющіе, по видному, совершенно одинаковое служеніе и показывающіе мягкое свойство гласныхъ, предпочтительно б-ы и. Въ этой грамотѣ значки повторяютъ то самое, что выражаютъ буквенныя начертанія: слѣдовательно, для писцовъ эти послѣдніе казались недостаточными, и они искали подкрѣпленія имъ въ значкахъ. И здѣсь уже проявлялась ложная мысль о недостаточности Кирилицы. Случай ли, или дѣйствительная причина занесли эти значки въ средину XIII столѣтія и сдѣлали ихъ древнѣйшими въ извѣстной намъ народной Сербской письменности, сказать утвердительно нельзя; но, кажется, это явленіе должно приписать случаю, ибо есть важное побужденіе думать, что значки уже существовали въ XIII вѣкѣ, а именно полное сходство между назначеніемъ упомянутыхъ значковъ въ XIII и слѣдующихъ вѣкахъ. Значки " являются въ началѣ XIV столѣтія въ Аеонскихъ грамотахъ и здѣсь совершенно одинаково

употребляются, какъ и въ XIII-мъ в. въ грамотѣ Дубровницкой. Если бы между одними и тѣми же значками двухъ столѣтій былъ какой либо промежутокъ и если бы они были чужды одинъ другому, то легко могли бы не сойтись между собою въ цѣли служенія. При томъ сходное употребленіе ихъ въ различныхъ по мѣстонаписанію грамотахъ доказываетъ, что они уже извѣстны были во всей Сербской письменности. Если же мы не находимъ этихъ, или иныхъ значковъ въ другихъ грамотахъ XIII вѣка, то это должно приписать случаю, не доставившему намъ изъ XIII-го в. тѣхъ грамотъ, которыя предпочтительно любятъ употреблять значки, т. е., Аеонскихъ. Даже думаю, что явленіе значковъ въ Дубровницкой грамотѣ можно не иначе объяснять, какъ вліяніемъ на ея составленіе придворныхъ королевскихъ писцовъ, которые, какъ православные, были хорошо знакомы съ Греческою и Булгарскою письменностями. Единственная отличительная черта между значками XIII-го вѣка и значками XIV-го состоитъ въ извѣстной степени правильности употребленія. Мы уже имѣли поводъ замѣтить, что чѣмъ древнѣе памятникъ, тѣмъ служеніе значковъ послѣдовательнѣе: такъ и теперь мы замѣчаемъ, что въ упомянутой Дубровницкой грамотѣ XIII вѣка все количество выставленныхъ значковъ провикнуто одною мыслию, и нѣтъ ни одного случая, который бы уклонялся отъ даннаго ему назначенія. Напротивъ, переступая въ XIV вѣкъ, мы видимъ, что употребленіе значковъ теряетъ свою послѣдовательность и безысключительность: значки перемѣшиваются, предѣлы ихъ служенія расширяются чрезъ мѣру, нѣкоторые случаи лишаются даже всякой возможности объясненія; остается дѣлать выводы лишь на основаніи большинства. Изъ всѣхъ значковъ XIV вѣка, значки [˘] представляють наиболѣе повременнаго движенія. Въ грамотахъ начала XIV вѣка или въ Милутиновыхъ мы усматриваемъ въ началѣ словъ совершенное преобладаніе открытаго [˘], а въ концѣ словъ закрытаго; въ грамотахъ Дечанскаго являются въ началѣ оба значка въ равной степени; а въ грамотахъ Душана и Уроша [˘] преобладаетъ въ началѣ словъ уже закрытый. Съ этого же времени, или со второй половины XIV-го ст., они начинаютъ быстро исчезать въ среднѣ и концѣ словъ, и только еще въ началѣ словъ остается закрытый значекъ [˘], хотя и онъ замѣтно слабѣетъ. Вообще, рассматривая значки съ исторической стороны, въ какой мѣрѣ они являются въ нашихъ памятникахъ, мы видимъ, что въ грамотахъ начала XIV столѣтія они еще не были такъ распространены, какъ въ послѣдствіи въ грамотахъ половины того же столѣтія, особенно при Душанѣ. Это всего замѣтнѣе въ Аеонскихъ грамотахъ. Съ половины XIV-го ст. обнаруживается особенный произволъ въ ихъ употребленіи, котораго не замѣчаемъ въ гр-хъ Милутина. Писецъ, полюбивъ одинъ какой либо значекъ, безразлично ставитъ его гдѣ и какъ ни попало, жертвуя для него другими значками. Въ примѣръ укажу на гр-ы Дечанскаго (С. № 176) и Уроша V (Г. А), въ которыхъ господствуетъ значекъ [˘], и на гр-у Стефана Лазаревича (А. № 18), гдѣ господствуетъ значекъ [˘]. Такимъ образомъ, приглядѣвшись къ свойству и количеству употребленія значковъ, можно для подтвержденія вывода о возрастѣ памятника, сдѣланнаго на другихъ основаніяхъ, прибѣгать и къ значкамъ, если они существуютъ въ памятникѣ. Но всего важнѣе употребленіе вѣшнихъ значковъ въ опредѣленія возраста памятника: сдѣсь участіе принимаетъ и полугласное ѡ. Чѣмъ древнѣе памятникъ, тѣмъ чаще въ немъ присутствіе строчной полугласной и тѣмъ рѣже употребленіе замѣнительныхъ значковъ. Въ древнѣйшей Аеонской грамотѣ Немани хотя и нѣтъ значковъ, но за то ѡ сохраняется столь вѣрно и повсемѣстно, что большая часть

случаевъ его безгласія еще не лишилась его присутствія. По мѣрѣ приближенія грамотъ къ XIV вѣку и въ продолженіи всего XIII вѣка, ъ мало по малу слабѣетъ въ среднѣхъ словъ; а въ XIV-мъ в. на помощь ему являются значки. Когда во многихъ формахъ оно уже готово было исчезнуть; когда писцамъ, отвыкшимъ отъ безгласнаго ъ въ среднѣхъ словъ, оно уже начинало казаться страннымъ, тогда значки, представлявшіеся относительно меньшей важности, чѣмъ буквенныя начертанія и, слѣдовательно, требовавшіе меньшей осмотрительности, явились на замѣну этому срединному безгласному ъ и на цѣлый вѣкъ, или даже болѣе, поддержали слѣдъ его существованія. Особенно въ начальныхъ памятникахъ XIV-го ст. служеніе замѣнительныхъ для ъ значковъ представляетъ высшую занимательность. Часто въ одной и той же грамотѣ, въ одной и той же строкѣ находимъ слово, написанное однажды съ ъ, а въ другой разъ съ замѣнительнымъ значкомъ: здѣсь невольно убѣждаешься въ дѣйствительности назначенія этихъ значковъ. Въ позднѣйшихъ грамотахъ того же вѣка ъ постоянно все болѣе и болѣе теряется; остаются на его мѣстѣ значки. По взаимному отношенію между нимъ и значками можно назначить вѣкъ возрасту памятника: опытный глазъ уже по одному наружному виду памятника, представляемому значками и полугласнымъ ъ, довольно приблизительно откроетъ его временное мѣстонахожденіе. Вообще, повторяю, значки какъ количество, такъ и степенью правильности своего употребленія не мало способствуютъ къ распознаванію возраста памятника не только по столѣтіямъ, но даже и по меньшимъ разстояніямъ времени. Желательно бы было имѣть подъ рукою все, или наибольшее количество памятниковъ, имѣющихъ значки, чтобы не оставалось сомнѣній въ вѣрности итоговъ. Я разумю здѣсь преимущественно такіе памятники, въ которыхъ видно достаточное присутствіе значковъ; ибо по нимъ легче дѣлать заключенія. Напротивъ, гдѣ значки показываются украдкой, въ весьма маломъ числѣ и какъ бы невзначай, тамъ не можетъ быть ничего положительнаго; такіе памятники могутъ служить только для сравненія и дополненія, но отнюдь не для основы выводовъ. Но и по тѣмъ памятникамъ, которые были у меня подъ рукою, разумѣя здѣсь главнѣйше Аеонскія грамоты, я осмѣливаюсь представить общій выводъ, ожидая подтвержденія, или отрицанія ему отъ будущихъ открытій и изданій. Прежде всего мы замѣчаемъ различіе между памятниками въ количествѣ употребленія значковъ. Грамоты однихъ и тѣхъ же лицъ имѣютъ и не имѣютъ значковъ: это зависитъ отъ того, по какому поводу дана грамота, и отчасти отъ того, кѣмъ, когда и гдѣ писана. Такъ всѣ не-православныя грамоты не имѣютъ значковъ вовсе, или, если имѣютъ ихъ, то кое-гдѣ въ чрезвычайно маломъ количествѣ. Изъ православныхъ грамотъ, однѣ или вовсе не имѣютъ ихъ, или имѣютъ немного; другія напротивъ обилуютъ ими. Первыя, по содержанію своему, относятся къ дѣламъ мірскимъ, къ сношеніямъ съ Дубровникомъ, и писаны, можетъ быть, при участіи и содѣйствіи Дубровничихъ пословъ, а нѣкоторыя даже въ Сербіи; вторыя относятся къ дѣламъ церковнымъ, къ надачамъ Аеонскихъ и другихъ монастырей, и писаны, можетъ быть, не только придворными писцами, но и самими монахами, а нѣкоторыя даже въ стѣнахъ монастырскихъ, или по близости Аеона. Послѣ этого причина отсутствія значковъ въ однихъ и присутствія въ другихъ становится очевидною. И здѣсь также нѣтъ слѣснаго произвола, но есть свое основаніе. Тамъ, гдѣ сохранились они наиболѣе, мы видимъ опять разницу въ ихъ употребленіи. При Милутинѣ они становятся весьма сознательно, каждый на своемъ мѣстѣ, хотя границы употребленія расширены до возможности. Это показываетъ, что знач-

ковъ должно искать еще въ XIII вѣкѣ, и хотя Леонскія грамоты не дошли къ намъ изъ этого вѣка, однако, слѣды значковъ въ одной Дубровницкой грамотѣ половины этого же вѣка свидѣтельствуютъ уже объ ихъ существованіи. При Дечанскомъ показываются первые слѣды произвольнаго употребленія значковъ вопреки ихъ назначенію; но общее количество значковъ еще не увеличивается. При Душанѣ и количество и произвольность значковъ достигаютъ высшей степени; при Урошѣ то и другое слабѣетъ и до конца XV-го вѣка продолжаетъ мало по малу ослабѣвать. При Стефанѣ Лазаревичѣ опять, какъ и при Дечанскомъ, показывается преобладаніе одного какого либо значка и разительный недостатокъ другихъ. Уже не много значковъ встрѣчаемъ въ грамотахъ конца XV-го вѣка; но за то значки, хотя и не въ большомъ количествѣ, показываются въ деспотскихъ грамотахъ, данныхъ Дубровнику, чего не было даже и при Душанѣ.

И такъ, съ какой бы стороны мы ни разсматривали значки, всюду они являются намъ съ особымъ значеніемъ. Они тѣсно связаны съ наружнымъ видомъ, правописаніемъ, возрастомъ и содержаніемъ памятника. Все это говорить въ пользу ихъ сохраненія въ изданіяхъ, какого бы рода эти изданія ни были, не говорю уже объ ученыхъ. Уничтоженіе ихъ, кромѣ того, что выкалываетъ небрежность и непониманіе важности ихъ со стороны издателя, ведетъ еще къ затемнѣнію того, съ чѣмъ они связаны въ памятникѣ. И вотъ, видѣтъ съ тѣмъ, оправданіе, по чему я, въ самомъ началѣ изслѣдованія о древнемъ языкѣ Сербовъ по письменнымъ его памятникамъ, коснулся тѣхъ изъ значковъ, которые, принявъ служеніе нѣкоторыхъ буквъ, сдѣлались необходимыми для опредѣленія внѣшняго вида или написанія слова и истекающаго отсюда понятія о звукахъ и формахъ.

Г Л А В А П.

ПОЛУГЛАСНЫЯ.

Хотя всѣ буквы суть не что иное, какъ условные знаки для выраженія извѣстныхъ звуковъ языка, однако ближе всѣхъ къ значкамъ по своей подвижности, въ слѣдствіе свойствъ выражаемаго звука, подходят ѣ и ѡ, именуемая *полугласными*. Они такъ называются по свойству того звука, для котораго изобрѣтены. Но названіе это неполно: дополнить его надобно названіемъ *припряжныхъ*. Звукъ этотъ мѣстами сохраняетъ въ себѣ нѣкоторую самогласность, не равняющуюся въ силѣ полнымъ гласнымъ, но имѣющую значеніе полужвука: по этому ѣ и ѡ суть полугласныя. Будучи полужвукомъ и не имѣя столь твердаго самостоятельнаго значенія, какъ полныя гласныя, звукъ, для котораго изобрѣтены ѣ и ѡ, иногда вовсе теряетъ свою самогласность, переводя всю свою силу на предшествующія согласныя въ видѣ одной лишь ихъ твердости, или мягкости: по этому ѣ и ѡ суть припряжныя или безгласныя. Этою слабостію и постепеннымъ исчезновеніемъ звука, выражаемаго буквами ѣ и ѡ, объясняются всѣ тѣ безконечныя измѣненія, которыми эти буквы подвергаются въ Славянскихъ нарѣчіяхъ: ихъ сжѣщеніе, опущеніе и перегласовка. Такъ какъ много было писано и говорено подъ разными воззрѣніями объ ихъ природѣ и значеніи въ Ц.-Славянскомъ языкѣ, то я скажу объ нихъ, по возможности, кратко, сколько позволяетъ цѣль моего труда и сколько это нужно для уразумѣнія природы и свойствъ полугласныхъ въ Сербскомъ языкѣ и его древней письменности.

Происхожденіе полугласныхъ составляетъ историческое явленіе въ языкахъ Индоевропейскихъ. Древнѣйшіе изъ этихъ языковъ, языкъ Вѣдъ и Санскритъ, показываютъ, что первоначально каждая согласная имѣла при себѣ гласную, т. е., нѣмые звуки не стекались, но были растворены самогласными звуками. Въ такомъ видѣ существовали языки въ древнѣйшую пору своего бытія. Поэтому, мало по малу, гласныя стали исчезать и какъ бы улечиваться изъ ряда нѣмыхъ звуковъ, и въ слѣдствіе этого въ словахъ появилось стеченіе въ нѣкоторой степени однихъ согласныхъ, возможное для произношенія: это вторая ступень развитія Индоевропейскихъ языковъ, на которой застаемъ мы языки Европейскіе и въ числѣ ихъ Славянскіе. Но изъ всѣхъ Славянскихъ языковъ ни одинъ не довелъ до такихъ обширныхъ разбѣровъ начало гласнаго сокращенія, какъ Д.-Булгарскій. Это, безъ сомнѣнія, можно назвать распадникомъ и главнымъ хранилищемъ полугласныхъ. Прочіе Славянскіе языки, не выдержавъ соперничества съ нимъ, устремились снова къ полногласію, дополнивъ, въ большей, или меньшей мѣрѣ, нѣмые звуки самогласными; во главѣ ихъ стоитъ нарѣчіе Великорусское, — и это третья ступень ихъ развитія. Но обратимся къ Д.-Булгарскому, такъ тѣсно связанному съ Д.-Сербскимъ

книжными. Если ни одинъ языкъ такъ много не сократилъ гласныхъ звуковъ, какъ Д.-Булгарскій, то и ни одинъ такъ твердо не запомнилъ ихъ, какъ этотъ послѣдній. Лишивъ цѣлыя слова полныхъ гласныхъ звуковъ и превративъ послѣдніе либо въ полувзвукъ, либо въ совершенное беззвучіе, онъ не опустилъ ихъ безслѣдно, но мѣста ихъ отиѣтилъ особыми буквенными знаками, приносящими честь ихъ изобрѣтателю. Ни одна Европейская азбука не имѣетъ подобныхъ знаковъ. Составитель Кириллицы, выразивъ полугласіе и безгласіе, остатокъ прадавняго полногласія, показалъ сдѣсь всю глубину своихъ познаній въ языкахъ и тонкую наблюдательность въ дѣлѣ того языка, для котораго онъ трудился. Понимая духъ языка, онъ не смущался видимою слабостію полувзвукъ, или даже полнымъ беззвучіемъ; но, угадывая, что это долженъ быть остатокъ такихъ же полныхъ звуковъ, какъ и прочіе гласныя, онъ далъ имъ особое начертаніе и мѣсто въ словѣ наравнѣ съ другими звуками. Таково начало полугласныхъ и ихъ Кириловскихъ начертаній. Они обязаны своимъ происхожденіемъ стяженію полногласія, возникшему на второй ступени развитія Индоевропейскихъ языковъ; а своимъ начертаніемъ — прозорливости составителя Кириллицы. Посмотримъ примѣры, и прежде всего въ словообразованіи, потомъ въ словодвиженіи. Санскр. *pūrṇa*, Гот. *fulls*, Латин. *plenus*, Греч. *πλέος*, Лит. *pilnas*, Рус. *полный*, Серб. *пун*, Луж. *połny*, Поль. *pełny*, Ц.-Сл. *ицльнъ*, Чеш. *plný*.—Санскр. *hrd* (*hard*), Гот. *hairtó*, Лат. *cor*, Греч. *καρδία*, Лит. *szirdis*, Рус. *сердце*, Поль. *serce*, Ц.-Сл. *сръдце*, Серб. *срдце*, Чеш. *srdce*.—Санскр. *gīrna* (*gārnā*), Гот. *kaurn*, Лат. *granum*, Лит. *žirnis*, Рус. *зерно*, Поль. *ziarno*, Луж. *zerno*, *zorno*. Ц.-Сл. *зръно*. Серб. *зрно*, Чеш. *zrno*.—Санскр. *dīrgha* (*darha*), Греч. *δολιχός*, Лат. *longus*, Лит. *dilgas*, Гот. *laggs*, Рус. *долгий*, Поль. *długi*, В.-Луж. *dołhi*, Чеш. *dlauiy*, Серб. *дуг*, Ц.-Слав. *длѣгъ*.—Санскр. *avi*, Лат. *ovis*, Греч. *ὄϊς*, Гот. *avi*, Ц.-Сл. *оыца*, Рус. *овца*, Поль. *owca*, Серб. *овца*, Чеш. *owce* и пр.—Санскр. *svapna*, Лат. *somnus*, Греч. *ὑπνος*, Лит. *sarpnas*, Рус. *сонъ*, Поль. *sen*, Чеш. *sen*, Серб. *сан*, В.-Луж. *son*, Ц.-Сл. *сънъ*.—Санскр. *dīna*, Лат. *dies*, Лит. *dėna*, Рус. *день*, Поль. *dzień*, Луж. *dźeń*, *zєn*, Серб. *дан*, Чеш. *den*, Ц.-Сл. *днь*.—Санскр. корень *viç*, Лат. *vīcus*, Греч. кор. *ῥιχ* (*οἶκος*), Гот. *veihis*, Лит. *vėsz*, Рус. *весь*, Чеш. и В.-Луж. *ves*, Поль. *wioska*, Ц.-Сл. *вьсь*.—Санскр. *laghu*, Лат. *levis*, Греч. *ἐλαχύς*, Рус. *легкій*, Чеш. *lehký*, Поль. *lekki*, Серб. *лаган*, В.-Луж. *lohki*, Ц.-Сл. *льгкъ*.—Санскр. *kas*, Лит. *kas*, Лат. *quis*, Гот. *hvas*, Греч. *κο-τερος*, *κῶς*, *κο-τερος*, *κᾶς*, Рус. *кто*, Поль. *кто*, Чеш. *kdo*, *кто*, Н.-Луж. *chto*, Серб. *тко*, Ц.-Сл. *къто*, *ноторъи*.—Санскр. *dahitar*, Гот. *dauhtar*, Греч. *θυγάτηρ*, Рус. *дочь*, Ц.-Сл. *дъшти*, Поль. *córa*, Чеш. *dceřa*, *ceřa*, Серб. *къи*. Изъ этихъ и множества другихъ подобныхъ примѣровъ мы видимъ, что въ словообразованіи Славянскія нарѣчія отчасти сохранили, а отчасти утратили праязычное полногласіе; но болѣе всѣхъ утратило его Д.-Булгарское нарѣчье, передавшее это свойство и Н.-Булгарскому; за нимъ Хорутанское, Сербское и Чешское. Самое большое полногласіе существуетъ въ Санскритѣ, хотя и сдѣсь иногда недостаетъ праязычнаго полногласія, обнаруживающагося въ другихъ нарѣчійхъ. Такъ, Санскр. *dva*, *tri* не удержали гласной, которая проявляется въ формѣ именит. жен. *tisras* и Зенд. *tisarō*, равно какъ въ Лат. *ter*, *tertius*, Греч. *δ τρίτερος* и въ Ц.-Сл. *дъва*. Такъ въ Санскритѣ слогъ *ar* является съ бѣглымъ и слабымъ *a*, которое близко подходит къ полувзвукъ. Надобно замѣтить, что самое даже строгое Кириловское правописаніе не всегда выражаетъ полугласными праязычную гласность, но иногда опускаетъ ее безъ отиѣтки по причинѣ возможности обо-

тись и безъ нея въ произношеніи. Укажу на нѣсколько случаевъ въ Остромировомъ Евангеліи: трии, Санскр. *iri*, какъ и въ Славянскихъ, Лит. *trys*, Греч. *τρεις*, Гот. *thri*, Лат. *tres*, но и *ter*, Полаб. *taroi*; плавъ, ср. Санскр. *palita*, Лит. *palidus*, Греч. *πολιός*, Лит. *palvas*, Чеш. *plavch*, Поль. *plawic*, Серб. *плав*; младъ, какъ и Санскр. *mrdu* (кор. *mard*), а въ Латинскомъ *mollis*, Рус. *молодой*; огонь, какъ и Санскр. *agni*, Лат. *ignis*, Лит. *ignis*, но въ Русскомъ *огонь*, Чеш. *ohní*, Поль. *ogień*, Серб. *огань*, Луж. *woheni*, *wogeni*, и пр. и пр. Особенно замѣтно стяженіе гласности въ окончаніяхъ, служащихъ для образованія словъ. Укажу на нѣкоторыя: окончаніе -сть въ Санскритѣ исходитъ на -*ti*, въ Лит. на -*ste*, въ Греч. на -*σι*, -*τι* (-*σις*, -*τις*); окончаніе существительныхъ -ѣтъ въ Санскр. -*aka*; окончаніе прилагательныхъ -ьтъ въ Санскр. -*in*, -*ina*, Лат. -*inus*, Греч. -*ivos*, Лит. -*inis*; -ьскъ, Санскр. -*ika*, Лат. -*icus*, Греч. -*ikos*, Гот. -*isk*, Лит. -*izskas*; окончаніе существительныхъ -ѣць, Санскр. -*ikja*, Лат. -*icius*. Но какъ въ срединѣ словъ, такъ и въ окончаніяхъ Ц.-Славянскій языкъ удержалъ нѣкоторые остатки полногласія, употребляя, большею частію, растворенныя формы въ одно время съ сжатыми. Такъ у него есть *каторыи*, *котеръи* вм. *кѣторыи*; такъ *нарровѣ* съ *вѣгда*, *тѣгда*, *виѣгда*, Санскр. *kadā*, *tadā*, *anjadā*, Лат. *quando*, *tunc*, онъ имѣеть *негда*, *тогда*, *иногда*. Замѣчательны также формы *матѣ*, *дѣшѣтѣ*, *кѣмѣ*, *пѣмѣ*, *виѣсто* которыхъ по общему правилу слѣдовало бы ожидать *мѣтъ*, *дѣшѣтъ*, *кѣмѣ*, *пѣмѣ*; но въ нихъ осталась праязычная гласность, хотя онѣ и суть уже сокращенныя формы: ср. Санскр. *mātar* (*матеря*), *dūhitar* (*дѣштеря*), *akṣan* (*кѣмѣ*), и т. д. Не менѣе замѣчательна форма на -*нь* (иногда со вставочнымъ с: *ицьнь* *вѣсьнь*), которая въ Санскритѣ исходитъ на -*ni* и въ Ц.-Славянскомъ языкѣ удержалась въ первоначальномъ видѣ въ словахъ: *милостыни*, *ракъни* и н. др. Тѣ же свойства нарѣчій проявляются и въ словодвиженіи. Такъ въ спряженіи окончаніе 3-го л. ед. и мн. ч. -*тъ* въ Санскритѣ является съ гласною: -*ti*, Греч. -*σι* (-*τις*), Лит. -*ti*; окончаніе 1-го л. мн. ч. -*мъ* въ Санскритѣ -*mas* и желат. -*ma*, Лат. -*mus*, Греч. -*μεν* (-*μες*), Лит. -*me*, Гот. -*m* и -*ma*; 1-го л. ед. ч. наст. -*мъ* (*кѣмѣ*) въ Санскр. -*mī* (*vēdmī*), Греч. -*μι*, Лит. -*mi*; 1-го л. ед. ч. аориста -*хъ* въ Санскр. -*sat*, Греч. -*σα* ($\chi = \sigma$); окончаніе причастія страд. -*мъ*, въ Лит. -*mas*, Греч. -*μενος*, и окончаніе -*тъ* въ Санскр. -*tas*, Лат. -*tus*, Греч. -*τος*, но въ Гот. -*ths*; окончаніе причастія прош. дѣйств. -*хъ* и -*хъ* въ Санскр. -*vant*, -*ant*, Греч. -*Fort* (*ως*, -*οτος*), Лит. -*ves*, -*es* (-*vans*, -*ans*); окончаніе 1-го л. ед. ч. аор. II -*хъ*, въ Санскр. -*am*, Греч. -*ον*; окончаніе супина -*тъ* въ Санскр. и Лат. -*ant* (собственно винит. пад.); причастіе прош. дѣйств. на -*лхъ* въ Санскр. на -*las*, -*ras*, -*la*, -*ra* для образованія именныхъ формъ: ср. Греч. на -*λος*. Въ склоненіи именъ муж. и ср. р. окончаніе твор. п. ед. ч., исходящее на -*мъ* отыскиваетъ свою гласность въ Лит. -*mi*; въ мѣстн. п. мн. ч. окончаніе -*хъ* въ Санскр. -*su*, Греч. -*σι*, Лит. -*se*, -*sa* (-*sva*); окончаніе род. п. мн. ч. -*хъ* въ Санскр. -*ām*, Лат. -*um*, Греч. -*ων*, Гот. -*ē*, -*ō* (-*d*, -*dm*), Лит. -*Ń*; окончаніе дат. п. мн. ч. -*мъ* въ Санскр. -*bhjas*, Лат. -*bus* и пр. и пр. Въ глагольныхъ окончаніяхъ, именно, въ 1-мъ л. мн. ч. наст. вр., Ц.-Славянскій языкъ отчасти удержалъ гласность, употребляя формы: *кѣмѣ*, *ицьмѣ*, *дѣмѣ*. При сличеніи Ц.-Славянскаго нарѣчія съ прочими Славянскими, относительно конечныхъ формъ словообразованія и словодвиженія, мы замѣчаемъ, что Славянскія нарѣчія въ одномъ случаѣ сошлись съ Ц.-Славянскимъ, въ другомъ, и при томъ не всѣ, разошлись; то же самое замѣтили мы и выше, когда сличали въ нихъ цѣлыя слова. Такъ окончанія -*сть*, -*(ъ)иъ*, -*(ъ)иць*, -*ьскъ*, -*(ъ)иъ* всюду остались таковыми: они ни въ одномъ Славянскомъ нарѣчьи не принимаютъ конечной гласной, хотя предпо-

слѣдную полугласную по произволу обращаютъ въ гласную, на пр., Рус. *песо́къ*, Чеш. *písek*, Поль. *piasek*, Серб. *piesak*, но Лужицкія любятъ въ этомъ случаѣ стяженіе: *pjesk*, *swědk*, *prědk*, *synk*, *dědk*, *žědk*, *ptačk*, подобно Ц.-Слав. *пѣсъкъ*, хотя у нихъ есть и формы, растворенныя гласною, на пр., *posak*, Серб. *пасяк*, Поль. *piasek*, Ц.-Слав. *пѣсьмъ*. Такъ точно при переходѣ, совершаемомъ прилагательными, оканчивающимися въ Ц.-Славянскомъ на *-ътъ* и *-ьмъ*, изъ склоняемой формы въ спрягаемую, по большей части, въ прочихъ Славянскихъ нарѣчійхъ происходитъ вставка гласной, разумеется, тамъ, гдѣ нужно, между *тъмъ*, какъ въ Ц.-Славянскомъ остается одна полугласная. Но Ц.-Слав. окончаніе *-ьскъ*, *-ьскимъ* остается во всѣхъ Славянскихъ нарѣчійхъ безъ озвукотворенія полугласной: въ нихъ предшествующая согласная, непосредственно соединяется съ этимъ окончаніемъ. Окончаніе существительныхъ *-ьцъ* въ прочихъ Славянскихъ нарѣчійхъ принимаетъ, большею частію, гласную вѣсто перваго *ь*, на пр., Рус. *отецъ*, *телецъ*, Поль. *ojciec*, *cielec*, Чеш. *otec*, *telec*, Серб. *отац*, *телеац*, но Луж. *wótc*, *widowc*, *zawc*, какъ и въ Ц.-Слав. *отѣцъ*, *тѣлѣцъ*, *вѣдохѣцъ*, *коньцъ* и пр. Такъ точно и въ словодвиженіи нѣкоторыя формы съ полугласною Ц.-Славянскаго нарѣчія въ другихъ нарѣчійхъ принимаютъ полную гласную. Не буду сравнивать всѣхъ, но укажу только на тѣ, которыя именно допускаютъ въ себѣ гласную. Такъ 1 л. мн. ч. на *-мъ* въ Серб. оканчивается на *-мо*, въ Поль. и Луж. на *-му*, въ Чеш. на *-те* (*ту*); причастіе прошедш. муж. р. на *-аъ* въ древнихъ Русскихъ грамотахъ переходитъ иногда въ *-ло*; твор. п. ед. муж. и ср. р. на *-ьмъ*, *-ьмъ* во всѣхъ нарѣчійхъ предпоследнюю полугласную измѣняетъ въ гласную; род. п. мн. ч. въ Сербскомъ прѣтворяетъ *ъ* и *ь* въ гласную. Равнообразно то же дѣлаетъ съ *ъ*, хотя и не всегда, и дат. п. мн. ч., который сходенъ съ твор. и мѣстн. пп. того же числа. Въ послѣднихъ двухъ падежахъ Ц.-Слав. окончаніе *-ьми*, *-ьми* и *-ькъ*, *-ькъ* въ прочихъ нарѣчійхъ, какъ и въ Сербскомъ, первую полугласную обращаетъ въ полную гласную.

Такимъ образомъ мы видимъ, что самое большое стяженіе гласныхъ звуковъ, какъ въ словообразованіи, такъ и въ словодвиженіи, происходитъ въ Ц.-Славянскомъ языкѣ. Стяженіе это состоитъ или въ обращеніи полной гласной въ полугласную, или въ совершенномъ ея опущеніи, при чемъ полугласіе переходитъ въ безгласіе. Другія Славянскія нарѣчія мѣстами сходятся съ Д.-Булгарскими въ стяженіи полногласія, мѣстами расходятся съ нимъ, предпочтая, въ слѣдствіе дальнѣйшаго своего развитія, полную гласную полугласной, или безгласной. По этому—то я и сказалъ, что главное мѣстопребываніе и даже начало полугласія должно отыскивать въ Д.-Булгарскомъ нарѣчій, для котораго именно и изобрѣтены были знаки *ъ* и *ь*, выражающіе полузвукъ и безгласіе: что сдѣсь имѣли они свой голосъ и что при томъ *ъ* выражало твердость, а *ь* мягкость,—это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Если бы они были простымъ безгласіемъ, или придыханіемъ, или простою твердостью и мягкостью согласныхъ звуковъ, то, вѣроятно, или вовсе не были бы изобрѣтены и изображены въ письмѣ, или не стояли бы въ строкѣ наровнѣ съ прочими самостоятельными гласными и писались бы наверху въ видѣ значковъ. Но, стало быть, св. Кирилъ хорошо сознавалъ, что хотя бы они и выражали простое безгласіе, то все таки безгласіе это восходило къ праязычной гласности, а эта послѣдняя требовала для себя такихъ же видимыхъ буквенныхъ знаковъ, какъ и та гласность, которая изъ праязыка перешла неизмѣнно въ Д.-Булгарское и другія Славянскія нарѣчія и выразилась въ гласныхъ буквахъ. Простое безгласіе при

возможномъ степені согласныхъ, которыя и въ праязыкѣ не растворялись гласными, также простая твердость и мягкость нѣмыхъ или согласныхъ звуковъ не выражаются ничѣмъ: слѣдовательно, выражаемая б-ми *ъ* и *ь* полугласіе и безгласіе суть не что иное, какъ праязычная гласность, дошедшая путемъ повременнаго движенія до ослабленія и исчезновенія. По этому *ъ* и *ь* принадлежать исторіи; но вѣсть съ тѣмъ начало голоса, ими выражаемое, восходитъ до глубочайшей древности, такъ что въ Индоевропейскихъ языкахъ оно является уже неопредѣленнымъ полузвукомъ, который въ свою очередь сокращается въ полное безгласіе, или въ одинъ лишь отзвукъ твердости и мягкости, лишенный всякаго самостоятельнаго значенія и всю силу свою передающій нѣмому звуку, ему предшествующему. Въ одномъ случаѣ нельзя при произношеніи обойтись безъ помощи выражаемаго б-ми *ъ* и *ь* полузвука, на пр., дѣмь, вѣрѣтъ, тѣпѣтъ, мѣлѣши; въ другомъ можно вовсе не произносить ихъ, на пр., кѣнги, кѣлѣ, тѣто, вѣсмѣ. Но если, по теоріи и исторіи языка, безгласію должно было непремѣнно предшествовать полугласіе, и если праязычная гласность должна была постепенно утрачивать ясность своего звука и сознание своей силы, то послѣдняя, т. е., исторія языка, не открыла намъ того времени, когда еще не было совершеннаго безгласія, даже въ окончаніяхъ словъ, и по тому въ историческомъ отношеніи безгласіе можно назвать ровесникомъ полугласію. Доказательство тому я вижу въ упорномъ употребленіи нѣкоторыхъ формъ безъ *ъ* или *ь*, тогда какъ природа языка требовала бы и тутъ полугласныхъ; на пр., три, огнь; лажѣ, исмѣ; ибо хотя въ Санскритѣ оно звучитъ *asmi*, въ Лит. *esmi*, а въ Греч. *εἰμι*, однако окончаніе -мь, -mi есть остатокъ носоваго звука, который долженъ былъ имѣть свое гласное выраженіе и сохранился въ цѣлости въ Лат. *sum* (съ опущеннымъ въ началѣ *e*) и въ большей части Славянскихъ нарѣчій: Чеш. *jsem*, Серб. *esam*, *sam*, Поль. *jestem*, -em, Луж. *sum*, *som*, Хорв. и Хорут. *sem*. Но время это было не далеко отъ Кирила, ибо систематическое, постоянное употребленіе б-ъ *ъ* и *ь* на мѣстѣ историческаго безгласія, въ срединѣ и концѣ словъ доказываетъ, что Кирилъ, по какому бы то ни было поводу, или по теоретическому сознанію, или по требованію народнаго говора, еще могъ отличать историческое безгласіе, выродившееся изъ праязычной гласности, отъ простаго безгласія, случающагося при возможномъ степені двухъ, много трехъ, нѣмыхъ звуковъ, на пр., въ тѣом, дѣоугъ, глаголати, мѣсто, и въ нѣкоторыхъ окончаніяхъ, на пр. -ство, -скимъ и пр. За то, если забудемъ нѣкоторыя исключенія, встрѣчающіяся въ правописаніи Ц.-Славянскихъ памятниковъ, даже самыхъ древнѣйшихъ, исключенія, которыя были, по видимому, уже во времена самого Кирила и обуславливались подвижностію и неопредѣленностію начала, отразившагося въ *ъ* и *ь*; если забудемъ подобныя исключенія и вспомнимъ единственно о систематической вѣрности, постоянствѣ и изумительной правильности употребленія б-ъ *ъ* и *ь* въ древнѣйшихъ Кириловскихъ памятникахъ, то мы признаемъ, что хотя Ц.-Славянскій языкъ всего болѣе удался отъ праязычнаго полногласія, но за то его правописаніе лучше и яснѣе всѣхъ доселѣ извѣстныхъ Индоевропейскихъ азбукъ указываетъ б-ми *ъ* и *ь* на оставшіеся слѣды праязычнаго полногласія. Посмотримъ же теперь, какъ выражаютъ полугласныя и безгласныя *ъ* и *ь* прочія Славянскія нарѣчія.

Есть въ Славянскихъ нарѣчіяхъ, конечно, не во всѣхъ, особые звуки, которые правописаніе тщетно старается выразить существующими гласными, иногда отлѣчая отъ послѣднихъ особыми условными значками. Эти неопредѣленные, срединыя и бѣглыя звуки отвѣчаютъ, большею частію, Ц.-Славянскимъ *ъ* и *ь*. Въ Н.-

Булгарскомъ нарѣчїи неустановившееся еще правописаніе вслѣдствіи старается передать эти звуки, выражая ихъ то чрезъ *a*, *e*, *o*, то снова чрезъ *ъ* и *ь*, даже чрезъ *ж*, *л*. Полузвукъ, уже по самой природѣ своей, не можетъ имѣть въ себѣ положительно-вѣрнаго голоса, и по тому представляетъ собою отгѣнокъ гласности, срединный между ясными и положительными звуками *a*, *e*, *и*, *o*, *у*. По этому, если бы пришлось достоверно выразить этотъ полузвукъ, то ни *a*, ни *e*, ни *o* не достигли бы этой цѣли, даже отиѣченныя какими нибудь значками; лучше удовлетворили бы этой цѣли *ъ* и *ь*, подкрѣпленныя хорошимъ знаніемъ устной рѣчи новыхъ Булгаръ. Такъ въ Хорутанскомъ нарѣчїи есть полузвукъ, срединный между *e* и *i*, отвѣчающій Ц.-Славянскимъ *ъ* и *ь*, который одни хотятъ выражать чрезъ *a*, другіе чрезъ *e*, третьи вовсе ничѣмъ. Русское, Польское и Лужицкое нарѣчїа замѣнили полугласіе Ц.-Славянскихъ *ъ* и *ь* полными и опредѣленными гласными. Чешское и Сербское тоже замѣнили ихъ индѣ опредѣленными гласными, а индѣ, именно, при плавной *r*, хотя тоже не всегда, оставили полузвукъ, не выражая ихъ ничѣмъ въ письмѣ. Чеш. *trh*, но *krew*, *križ*, Серб. *крст*, *крв*, но въ поднарѣчїи *тарг*, и пр. При другой плавной *л*, Чешское нарѣчїе оставило полузвукъ, который тоже ничѣмъ не выражаетъ, на пр., *plny*, *plžky*, а Сербское обращаетъ и самое *л* въ гласную. Произнести эти сочетанія нѣмыхъ безъ нѣкотораго отгѣнка гласности, равно какъ опустить самыя гласныя, возникшія на мѣстѣ Ц.-Славянскихъ *ъ* и *ь*, такъ же невозможно, какъ опустить самыя *ъ* и *ь* въ Ц.-Славянскомъ правописаніи. Правда, тягучая природа плавныхъ обманываетъ ухо произносящаго, старающагося открыть въ нихъ самогласность, т. е., собственную гласность; но это одинъ лишь обманъ, доведшій нѣкоторыхъ ученыхъ до возможности признанія б-ъ *r* и *л* гласными; на самомъ же дѣлѣ всякій знаетъ, что и этихъ буквъ нельзя произнести безъ помощи гласнаго отзвука, который хотя и скрытъ въ правописаніи, но существуетъ въ произношеніи. Лучшимъ тому доказательствомъ служатъ тѣ нарѣчїа, которыя одинаково претворяютъ полугласныя въ полныя гласныя какъ при плавныхъ, такъ и при другихъ нѣмыхъ буквахъ. Даже въ Санскритскомъ языкѣ буква *г*, считавшаяся гласною, признана теперь лучшими учеными за сочетание бѣлаго *a* съ нѣмымъ плавнымъ *г*, или за слогъ *ag*, который, правда, въ правописаніи выражается одною буквою *г*. Но съ другой стороны, надобно согласиться, что въ Д.-Булгарской области праязычная гласность потерпѣла величайшее пораженіе отъ свойства туземнаго нарѣчїа, которое цѣлыя слова лишило полныхъ гласныхъ звуковъ и растворило одними лишь полузвукъ сряду нѣскольکو нѣмыхъ сочетаній. Ударъ простерся слишкомъ далеко: въ избыткѣ своего обширнаго употребленія, твердый и мягкій отзвукъ стали смѣшиваться между собою и въ древнѣйшихъ памятникахъ приводили писцовъ въ нерѣшимость при выборѣ того, или другаго изъ нихъ. Такъ находимъ двойкія формы: *дѣва* и *дѣва*, *иждѣ* и *иждѣ*, *шдѣ* и *шдѣ*, *жрѣта* и *жрѣта* и пр. Объяснять такую взаимную смѣну б-ъ *ъ* и *ь* должно не столько колебаніемъ ихъ, сколько ошибкою или простымъ смѣшеніемъ, происшедшимъ отъ избытка употребленія. Колебанія не могло быть тогда, когда писцы весьма хорошо понимали значеніе той и другой буквы и когда со всею строгостію умѣли различать ихъ; но поспѣшная страсть претворять гласность въ полугласіе лишала ихъ иногда возможности обозначить хорошо свойство полной гласной и изъ двухъ знаковъ, *ъ*, или *ь*, выбрать для нея приличнѣйшій. При томъ неопредѣленности, всегда господствующая во всякомъ полузвукѣ, затемняла значеніе полугласнаго начала, и надобно было Славянскому уху владѣть

особенною чуткостію, чтобы не ошибиться въ выборѣ между тою и другою буквою.

Когда же, по мѣрѣ развитія языковъ, нѣкоторыя формы стянулись до того, что произношеніе могло вовсе обходиться безъ помощи гласнаго начала, на пр., въ нѣмыхъ окончаніяхъ словъ, тамъ хотя ѣ и ѡ остались въ Ц.-Славянскомъ правописаніи на своихъ мѣстахъ, однако они утратили совершенно свою самогласность и обратились въ безгласныя, служа единственно отзвукомъ твердости и мягкости предшествующихъ согласныхъ. Отзвукъ этотъ уже не шлѣлъ въ себѣ ничего самостоятельнаго, но всю силу свою переводилъ на предшествующую нѣмую: твердость и мягкость его вполне переходили на другія буквы, показывая, какая была на его мѣстѣ первичная гласная: твердая, или мягкая. Писцы, замѣтивъ ихъ безсиліе, стали въ послѣдствіи выводить ихъ изъ строчнаго ряда буквъ и писать выше строки надъ тою буквою, къ которой они припрягались: отсюда начало значковъ и паерковъ. Изъ того же безгласнаго свойства б-ъ ѣ и ѡ нѣкоторые ученые вывели возможность ерованья или смягченія согласныхъ б-ю ѡ въ противень іотациі или смягченію гласныхъ б-ю і. Но въ іотациі звукъ дѣйствующаго і еще слышится довольно ясно, между тѣмъ, какъ въ ерованіи самостоятельность б-ы ѡ совершенно исчезаетъ въ согласной, къ которой она припряжена. Сверхъ того, замѣтить должно, ерованье совершается только тамъ, гдѣ нѣтъ мягкой гласной, переводящей смягченіе на согласную; но и въ этомъ случаѣ оно есть только историческое явленіе, восходящее лишь до предѣловъ праязычной гласности, ибо въ праязыкѣ былъ только одинъ видъ смягченія—іотациа. Сдѣсь і отправляло то же служеніе, какое въ послѣдствіи стало отправлять ѡ; ср., на пр., окончаніе 1-го л. ед. ч. наст. -мь съ -mi, или окончаніе -ть съ -ti и пр. Какъ въ полугласнѣ, такъ и въ безгласнѣ виднѣтъ то же явленіе относительно нѣкоторой неправоильности въ употребленіи б-ъ ѣ и ѡ: какъ тамъ онѣ смѣшиваются, такъ тутъ онѣ иногда выбрасываются, отъ чего въ древнѣйшихъ памятникахъ находимъ слова, лишенная хотя беззвучныхъ, но тѣмъ не менѣе существенныхъ ѣ и ѡ, на пр. книги, страхъ ви. иънигы, сътрахъ и пр. Другія Славянскія нарѣчія, допускающія возможное сочетаніе нѣмыхъ тамъ, гдѣ онѣ въ Ц.-Славянскомъ правописаніи растворены безгласными ѣ и ѡ, и не имѣющія у себя вѣтъхъ буквъ, вовсе не изображаютъ ихъ на письмѣ, также какъ и не произносятъ въ устной рѣчи, на пр., Серб. *кнез*, *искон*. Таково правописаніе В. Караджича: ѡ удержано имъ только въ слитномъ видѣ съ б-ми *м* и *л* для выраженія ихъ мягкости: ѡь, ѡь. Противъ этого замѣчу, что при послѣдующей гласной можно бы было гораздо удобнѣе и вѣрнѣе оставлять *л* и *м* въ ихъ обыкновенномъ видѣ, а гласную писать мягкою. Но нѣкоторые Сербскіе писатели допускаютъ ѡ и ѡ въ концѣ словъ при конечныхъ нѣмыхъ и большею частію означаютъ мягкія *л* и *м* въ срединѣ и концѣ словъ помощію ѡ. Только одно Русское правописаніе удержало, по примѣру Ц.-Славянскаго, ѡ и ѡ на концѣ словъ, а въ срединѣ отбросило его, допустивъ непосредственно сочетаніе нѣмыхъ; въ срединѣ же словъ имъ удержаны полугласныя только въ слѣдующихъ случаяхъ: въ сложеніи нѣкоторыхъ словъ въ концѣ первой части слова, и еще ѡ для выраженія мягкости нѣкоторыхъ согласныхъ буквъ и для замѣны б-ы *и*. Н.-Булгарское, какъ и Русское, удержало ѡ и ѡ на концѣ словъ. Всѣ прочія Славянскія нарѣчія, употребляющія Латинскую азбуку, не нуждаются въ ѡ и ѡ, оставляя безгласіе нѣмымъ, а мягкость согласныхъ она означаютъ, большею частію, особыми значками.

Такимъ образомъ, по сравненіи съ Славянскими и прочими Индоевропейскими нарѣчіями, оказывается, что въ Ц.-Славянскомъ языкѣ ѣ и ѡ замѣнили нѣкогда собою праязычную гласность. Оба случая употребленія б-ъ ѣ и ѡ возводятъ къ праязычной гласности ихъ, и въ историческую пору языка объясняются стяженіемъ полныхъ гласныхъ въ полузвукъ и наконецъ, мѣстами, совершеннымъ онѣмѣніемъ послѣднихъ. Слѣдовательно, оба случая суть не что иное, какъ видоизмѣненіе коренной стародавней гласности, перешедшей мало по малу чрезъ полугласіе въ безгласность, при чемъ второй случай является дальнѣйшимъ видоизмѣненіемъ перваго. Тѣмъ не менѣе, утративъ полную свою праязычную гласность, начало б-ъ ѣ и ѡ въ одно и то же время стало отпирать двойное служеніе, какъ полузвукъ и какъ безгласіе, хотя все такъ, повторяю, безгласіе его не могло возникнуть иначе, какъ пройдя сначала чрезъ полугласіе. Такъ, по моему мнѣнію, должно объяснять значеніе б-ъ ѣ и ѡ въ Д.-Булгарскомъ языкѣ.

Переходимъ къ языку Сербскому и обозримъ бѣгло, какъ поступилъ онъ у себя съ полугласными. Но напередъ мы должны замѣтить, что существенное свойство полугласныхъ, съ которыми они являются въ Д.-Булгарскомъ нарѣчій, твердость и мягкость, онъ нарушилъ, передѣлавъ ее по своему, примѣнительно къ своей природѣ. Такъ, царь, князь, пшть обратилось у него въ цар(ѣ), княж(ѣ), пштъ и пр. Отъ того и б-ы ѣ и ѡ утратили для Сербовъ свое истинное значеніе и пережѣшались. Сейчасъ мы увидимъ, что Сербы однимъ звукомъ замѣняютъ и твердую и мягкую полугласную. Но между тѣмъ, какъ въ устномъ Сербскомъ языкѣ замѣтно сильное стремленіе отвердить конечное мягкое ѣ, въ древней письменности Сербовъ происходитъ совсѣмъ иное: тамъ писцы исключительно употребляютъ только ѣ, даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ устный языкъ непремѣнно требуетъ твердаго отзвука. Все это по тому, что ѣ и ѡ не суть туземныя Сербскія. И такъ, во первыхъ, Д.-Булгарскія ѣ и ѡ Сербскій языкъ отменяетъ, какъ безгласныя, въ среднихъ словъ, а у нѣкоторыхъ и на концѣ, гдѣ произношеніе не требуетъ ихъ содѣйствія; на пр., *клез, избѣр, свидок, мншти, начнем* (кльязъ, избѣоръ, свѣдѣтель, мншти, нчъмъ). Во вторыхъ, при буквѣ р, образующей слогъ, хотя и опускаются въ правописаніи ѣ и ѡ, однако въ произношеніи они слышатся сдѣсь, какъ полугласныя, что-то въ родѣ e-i (а-ы), на пр., *трѣ, крѣ, крѣст* (трѣръ, крѣзь, крѣстъ). Въ третьихъ, обращаетъ ихъ въ полную гласную и преимущественно въ а, на пр., *дан, ташт* (дънь, тѣштъ); въ 1-мъ л. мн. ч. въ о: *идемо* (идѣмъ); въ тв. ед. ч. въ о и е: *домош* (домѣшь), *лицем* (лицѣшь); въ тв. и мѣстн. мн. ч. въ и: *людима* (людѣмъ, людѣхъ); въ род. мн. ч. въ а и и: *бисера* (кисѣръ), *кѣри* (дѣштѣръ); въ дат. мн. ч. въ а: *жѣнама* (жѣнамѣ); въ мѣст. ед. ч. прилагательныхъ въ е и у: *доброму, жутому* (докрѣмѣ) и пр. Изъ вѣхъ перемѣнъ, которыми подвергаются ѣ и ѡ въ Сербскомъ языкѣ, легко усмотрѣть, что они уже утратили въ немъ то различіе, которое имѣли въ Д.-Булгарскомъ, и смѣшались между собою; ибо твердость и мягкость звуковъ Сербскаго языка не сошлись вполне съ твердостью и мягкостью тѣхъ же самыхъ звуковъ Д.-Булгарскаго языка: обѣ полугласныя Сербы замѣнили одною гласною, какъ на пр., а, равно и сочетанія дѣ и лѣ она измѣнили въ одинъ и тотъ же звукъ у, или о: *сунце, суза* (слѣньце, слѣза), *учинио, мисао* (оучиниъ, мѣсль). Это для насъ важно по тому, что этия объясняются смѣшеніе въ древней Сербской письменности полугласныхъ ѣ и ѡ и право гражданства, данное послѣднему.

Теперь посмотримъ, какъ въ книжномъ языкѣ писцы постепенно переходили отъ свойствъ Д.-Булгарскаго языка къ свойствамъ Сербскаго, относительно по-

дугласныхъ, и какъ этѣ послѣднія принимали на себя видъ и служеніе, согласныя съ духомъ народнаго говора. Мы сейчасъ замѣтили, что Сербскіе писцы постоянно употребляютъ одно ѣ тамъ, гдѣ въ Д.-Булгарскомъ употребляются обѣ полугласныя. Шафарикъ даже вовсе отвергаетъ возможность употребленія ѣ, объясняя эту букву, встрѣчающуюся кое-гдѣ въ памятникахъ, другимъ, нѣсколько измѣненнымъ, начертаніемъ б-ы ѣ¹. Дѣйствительно, при такомъ исключительномъ преобладаніи б-ы ѣ, нельзя ожидать отъ б-ы ѣ какого либо разумнаго, послѣдовательнаго употребленія, но и нельзя вовсе отвергать того, чтобы она не встрѣчалась въ памятникахъ. Если въ другихъ отношеніяхъ Ц.-Славянскій языкъ такъ сильно дѣйствовалъ на Сербскую письменность, то по чему же не допустить, что и ѣ могло перейти туда вмѣстѣ съ другими, рѣдко встрѣчающимися, буквами, тѣмъ болѣе, что въ устномъ языкѣ Сербовъ этотъ звукъ постоянно существуетъ. По этому хотя нѣкоторые одиночные случаи употребленія этой буквы и нельзя принять за признакъ постояннаго ея существованія въ Д.-Сербской письменности, однако нельзя и вполне отвергать ихъ, ибо они показываютъ, что обычное произношеніе невольно прорывалось въ область условнаго способа написанія. Невозможно думать, чтобы Сербы произносили всегда такъ, какъ писали: б-а ѣ хотя мѣстами и удовлетворяла народному говору, но мѣстами и противорѣчила ему. Всего лучше доказывается это противорѣчіе склоненіемъ нѣкоторыхъ именъ, которыя въ им. п. ед. ч. оканчиваются на ѣ, а въ другихъ падежахъ принимаютъ твердую гласную, на пр., царь, царя, царь, князь, князя, князь и пр., что и подтверждается нынѣшними формами царь, князь, которыя произносятся, какъ царь, князь. Отъ того въ гр-ѣ Уроша V (Г. А) два раза написано црѣ—очевидно, въ Сербской формѣ, и по тому правильно. Другіе случаи употребленія б-ы ѣ не противорѣчатъ Ц.-Славянскому правописанію и могутъ быть объясняемы влияніемъ этого послѣдняго, на пр., въ подписи вышеупомянутой гр-ы и А. № 11: гркомъ, или въ подписи гр-ы Мары: дѣщи (Г. Б); но одиночность ихъ все еще ничего не доказываетъ. Формы, какovy на пр.: тѣдръ, кресникъ, къ, вратоуудъ (С. № 2), въ (А. NN № 3, 20), малихъ (Мк.), съ, соудъ (С. № 176), съ (А. № 9), дѣвровукишиъ (С. № 39), дѣдъ (В. № 1), оуѣошъ, сръблѣи, сръзателъ, на-вляѣишиъ (Г. А), наследникъ (А № 17), киникъ, опорцъ, десугаръ, плевницъ, помъ, десгакъ (А. № 19), сръблѣиъ (С. № 140), лазаръ (мон., Г. III, стр. 236), стефанъ (печ., Г. I, стр. 156), въ, всамъ, срелимъ, деснотъ, стефанъ (печ., С.-Д. М. 1844, стр. 127), дѣпотъ (печ., Р. II, стр. 333; Г. III, № 88) и др., какъ одинокія, не могутъ говорить въ пользу употребленія б-ы ѣ: ихъ столько же можно назвать описками, сколько и объяснять небреженіемъ писцовъ, или инымъ начертаніемъ б-ы ѣ, близко подходящимъ съ виду къ б-ѣ ѣ. Сюда же отнесу Турецкую гр-у (С. № 168), въ которой находимъ: въскломъ, дѣжикъ, Шѣко, вѣсѣ, тисвикъ, склакъ, послъ, сѣкорѣ, миктъ, трѣговци, дѣъ, заповѣтъ, и гр-у въ С.-Д. М. № 1, гдѣ читаемъ, на пр., згѣомъ и ѣѣимъ кѣ саломъ, згос-пожомъ ѣѣговарномъ црицомъ кѣ ѣаномъ, тѣломъ и т. д. Какъ въ этѣхъ, такъ равно и въ предыдущихъ грамотахъ есть много формъ, въ которыхъ ѣ стоитъ противъ законовъ и Ц.-Славянскаго и Сербскаго правописанія, что еще больше подтверждаетъ случайность ея поставленія. Обратимъ вниманіе еще на гр-у Кулина; въ ней издатель Спомениковъ читаетъ: жикъ: ѣси, Шафарикъ: жикъ: (т. е., I) ѣси, Срезневскій: жикъ: ѣси. Но есть грамоты, гдѣ ѣ является

¹ Serbische Lesekörner, стр. 22.

столь часто, что его нельзя уже объяснять случайностию, тѣмъ болѣе, что грамоты этѣ принадлежать собственной Сербіи: въ употребленіи его обнаруживается другая, болѣе основательная причина, а именно, желаніе писцовъ поддаваться подѣ Ц.-Славянское правописаніе, какъ поддавались они подѣ Ц.-Славянскія формы склоненія и спряженія. Сюда принадлежать гр-ы: В. № 2; С. NN № 137, 138, 166, 167, 178; С.-Д. М. 1844; Мл.; Г. V. Въ послѣдней ѣ составляетъ даже рѣдкость. Въ гр-ѣ Уроша V, по изданію С. № 46, нѣтъ ѣ, но по изданію С.-Д. М. № 1 почти всюду ѣ. Но тутъ же обнаруживается несвоевѣстность такового употребленія, показывающая, что писцы уже забыли истинную природу полугласныхъ. Они часто ставятъ ѣ тамъ, гдѣ и въ Ц.-Славянскомъ языкѣ надлежало бы поставить ѡ: слѣдовательно, этѣ буквы служили для нихъ отвлеченными знаками и смѣшивались ими по той же самой причинѣ, по которой ѡ получило себѣ исключительное право гражданства. Правописаніе отдѣлилось отъ народнаго языка: писали такъ, читали иначе. Таковы неправильныя формы: къса, оуспѣди, късаъ (В. № 2), къса, прѣкъ, срѣкниъ, смъртъи, брѣдъ, потерѣдихъ (С. № 137), срѣкниѣ, късамъ (С. № 138), укъсти, дрѣжи, къзда (С. NN № 166, 167), мохътъ, мѣтъ, кътъкъмю (С. № 178), съдрѣжати, късѣ, укърѣто, смъртъію (С.-Д. М. 1844), днѣъ, кътъкъмъ, оурадоуъ, трѣдоуъ, митронолитоуъ. късѣга, кърѣкниуъ, късамъ, къдѣкъ (Мл.), къмътъ, къса, къста, днѣкъкъ срѣкникъ и пр. (Г. V) и ин. др. Всѣ этѣ грамоты относятся ко второй половинѣ XV-го ст., и въ нихъ б-я употребляется совершенно согласно съ общепринятымъ правописаніемъ, т. е., даже и тамъ, гдѣ въ Ц.-Славянскомъ слѣдовало бы ожидать б-ы ѣ. Это обстоятельство, равно какъ позднее время появленія б-ы ѣ въ Сербскихъ народныхъ памятникахъ намекаютъ отчасти на иную причину этого появленія, именно, измѣненіе правописанія. Въ древнѣйшее время въ Сербской письменности ѣ изображалось съ лѣвою отвѣсною боковою чертою, нѣсколько расширяющеюся на верху въ право: ѣ, или вовсе переходящею въ верхнюю поперечную черту: ѣ, какъ видно на монетахъ Радослава и Владислава, въ словахъ: ракъ, владислакъ (Г. III, NN № 6, 7, 8, 9, 12). Въ то же время, какъ и позднѣе, оно писалось обыкновеннымъ образомъ безъ разширенія сверху: ѣ, хотя показывается кое-гдѣ и въ позднѣйшее время старинное его изображеніе съ верхнимъ разширеніемъ въ право, какъ замѣчаемъ на монетахъ и печатяхъ Милутина въ словѣ кракъ (Г. III, № 29; А. № 5), на монетахъ Дечанскаго въ словахъ стефанъ, оурошъ (Г. III, NN № 39, 40, 41), Вукашина въ словахъ къ, къкнишн... (Г. III, NN № 67, 68, 69), на печатяхъ Дечанскаго въ словѣ срѣски... (А. № 8), Душана въ словахъ прѣкомбушникъ, кракъ (А. № 9), Лазаря въ словахъ къкъ (Р. III, стр. 1), стефанъ, лазаръ, (А. № 11), деспота Стефана въ словахъ стефанъ, гдѣкъ, срѣкни. къ, срѣски (А. тт. X, XI) и на монетѣ деспота Юрія въ словѣ гюрѣкъ (Г. V, № 6). На одной изъ монетъ деспота Стефана оно получило даже позднѣйшій видъ буквы ѣ съ загнутою къ низу правою верхнею чертою: ѣ: днѣ (Г. III. № 74); ибо древнѣйшее ѣ, судя по монетамъ Радослава и Владислава, имѣло верхнюю правую черту не загнутою къ низу и, слѣдовательно, сходилось съ указаннымъ сейчасъ видомъ бы ѣ, т. е., ѣ: ракъ, ракъ (Г. III, NN № 6, 7, 8, 9, 12). Другой видъ б-ы ѣ, былъ съ лѣвою боковою чертою, расширяющеюся въ лѣво. Ранѣе его, посредникомъ между нимъ и древнѣйшимъ видомъ, является начертаніе съ разширеніемъ къ верху въ обѣ стороны ѣ, переходящимъ иногда въ явную поперечную черту ѣ, какъ видимъ на монетахъ и печатяхъ Милутина: кракъ, (Г. III, № 30)... тѣ-

илль,... омьчунь, арькидитионь (А. № 5), стэфля (А. № 7), на печати Дочанскаго: стэфля (А. № 8), на монетахъ и печати Душана: стфль, вь, прѣ (Г. III, NN № 55, 56), прѣ (Г. V, № 1), стфля, крля, сраскхъ, змль, стпагитъ, прькомьчунинь, арькидитионь (А. № 9), на печати Лазаря: вь, инехъ прькомьчунинь. хь (А. N 11), деспота Стефана: вь (А., т. XI). Другой, позднѣйшій способъ того же начертанія есть съ раздвоенною къ верху боковою чертою, какъ на монетахъ деспота Юрія въ словахъ гик, деспота, рьдинь, гюръгъ (Г. III, NN № 77, 78, 86, 87). Стоило только удержать разширеніе въ лѣво, переходящее въ ясную поперечную черту, и получался иной видъ для б-ы ь, совершенно противоположный первоначальному,—ъ. На монетѣ Душана находимъ еще только одно разширеніе въ лѣво въ словѣ сфъ (Г. III, № 58), какъ и на печати Лазаря въ словѣ прькомьчунинь (А. № 11); но на другой печати того же Шафарикъ уже видитъ болѣе ясную поперечную черту, идущую въ лѣво¹, которую и мы замѣчаемъ на печати деспота Юрія въ словахъ: георъгъ, деспотъ (Р. III., стр. 168). Надобно думать, что и печать деспота Стефана, упоминаемая въ Сербо-Далматинскомъ Магазиנѣ 1844 года, на стр. 127, и приведенная нами выше въ примѣръ употребленія б-ы ь имѣетъ собственно не ь, но ь съ верхнею чертою въ лѣво, отъ чего переписчикъ и принялъ его за ь. Впрочемъ, времени и начала того и другаго начертанія нельзя опредѣлить съ достовѣрностію. Все зависѣло отъ почерка и пера. Иногда одинъ и тотъ же писецъ употреблялъ нѣсколько начертаній. Такъ въ грамотѣ Душана находимъ почти всѣ виды б-ы ь: сръльскѣй, сь, ихъ, тръгъ, сь и пр. (III. № 11). Въ другихъ буквахъ происходитъ то же самое. Тутъ нѣтъ ничего особеннаго, предвѣтреннаго. Хотя въ нашихъ памятникахъ послѣдній видъ б-ы ь является гораздо позднѣе перваго, однако Шафарикъ свидѣтельствуетъ, что будто бы уже въ гр-ѣ Кулина ь писалось съ чертою, обращенною въ лѣво. Какъ бы то ни было, изображеніе это, очень близко подходящее къ ь, могло привести въ недоумѣніе переписчика и заставить смѣшать оба знака. По этому-то Шафарикъ и не признаетъ вовсе б-ы ь въ Д.-Сербской письменности и въ той же грамотѣ С. № 2, гдѣ мы находимъ ь, пишетъ всюду ь: нь, тоудръ, проусинь, вратоудъ (III. № IX). Но на это отвѣчаемъ ему прежнимъ замѣчаніемъ: если Ц.-Славянская стихія всюду, болѣе, или менѣе, проявлялась въ Д.-Сербской письменности, то по чему же не допустить ея проявленія и въ б-ѣ ь, тѣмъ болѣе, что Сербы имѣютъ у себя этотъ звукъ? но во всякомъ случаѣ нельзя не согласиться, что б-а ь очень рѣдка въ Д.-Сербской письменности; а если мѣстами и встрѣчается, иногда даже и съ учащеннымъ употребленіемъ, то тому причиною или подражаніе Ц.-Славянскому правописанію, въ слѣдствіе чего она замѣнила обычную б-у ь, или ошибка переписчика, принявшаго за нее иной только видъ б-ы ь. На будущее время, говоря о полугласныхъ, я стану приводить въ примѣрахъ ь подъ одно съ б-ю ь.

Перехожу къ б-ѣ ь, какъ господствующей. Она въ Д.-Сербской письменности замѣняетъ собою оба полугласные знака Ц.-Славянскаго языка. Когда произошло въ Сербской письменности смѣшеніе обоихъ знаковъ и потомъ преобладаніе ь, неизвѣстно; но уже въ древнѣйшей грамотѣ, принадлежащей бану Кулину, 1189 года (А. И.), ь господствуетъ исключительно. Также и въ гр-ѣ Немани (А. № 1), однихъ почти лѣтъ съ первою, нѣтъ ни одного ь, но всюду только ь. И такъ прежде всего объ употребленіи этой буквы въ Сербской

¹ Serbische Lesekörner, стр. 22.

письменности въ различные вѣка. При чтеніи грамотъ нельзя не замѣтить съ перваго разу, что употребленіе б-ы ѣ было весьма сильно въ началѣ письменности и потомъ мало по малу ослабѣвало. Въ этомъ должно признать вліяніе Ц.-Славянскаго языка, которое дѣйствовало тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ближе восходило къ началу письменности, а доказательствомъ тому служить болѣе обширное и долгое употребленіе б-ы ѣ въ собственно-Сербскихъ, и преимущественно Аеонскихъ грамотахъ, сравнительно съ грамотами прочихъ семействъ. Но съ другой стороны нельзя употребленіе б-ы ѣ оставить во всей цѣлости и неприкосновенности за Ц.-Славянскимъ языкомъ: оно, сверхъ того, подчинилось воздѣйствію народнаго языка, которое обнаружилось, какъ въ смѣшеніи обонихъ знаковъ и дарованіи права гражданства одному изъ нихъ съ присвоеніемъ ему новаго служенія, такъ въ опущеніи б-ы ѣ, или замѣнѣ ея полными гласными. О послѣднихъ двухъ дѣйствіяхъ, принадлежащихъ исключительно народному языку, мы скажемъ послѣ; а теперь прослѣдимъ по вѣкамъ, какъ онъ, замѣнивъ оба Ц.-Славянскіе знака однимъ, употреблялъ ѣ въ своей письменности. Природа Сербскаго языка, склонная къ смягченію звуковъ, много помогла господству б-ы ѣ и преобладанію ея даже тамъ, гдѣ она не требовалась по законамъ словообразованія. Разсмотримъ же употребленіе б-ы ѣ сначала законное и своемѣстное, а потомъ излишнее и преобладающее: при этомъ мы увидимъ и новое служеніе, которое она получила подъ вліяніемъ народной стихіи.

Въ XII-мъ вѣкѣ двѣ грамоты, совершенно противоположныя и по мѣсту и по содержанію своему, свидѣтельствуютъ о близкомъ и повсемѣстномъ родствѣ Сербской письменности съ Ц.-Славянскою. Одна изъ нихъ принадлежитъ Кулину; другая—Немани. Въ обѣихъ сохранилось весьма обильное и тонкое употребленіе б-ы ѣ, показывающее, что ухо писцовъ еще сильно было приучено къ звукамъ чистаго, не искаженнаго Ц.-Славянскаго языка, сохранявшаго въ себѣ во всей полнотѣ присутствіе полугласнаго начала. Сдѣсь еще разъ, однажды навсегда, повторю, что это начало, по свойству своему, являющееся въ двухъ видахъ, какъ твердое ѣ и мягкое ѣ, въ Сербской письменности проявилось только въ одномъ видѣ, какъ мягкое ѣ, которому, въ свою очередь, суждено было выразить и твердость и мягкость народнаго языка Сербовъ. По этому, если впереди будетъ рѣчь о полугласномъ началѣ Ц.-Славянскаго языка, то при этомъ должно помнить, что въ Сербскомъ письменномъ языкѣ ему отвѣчаетъ собственно одно ѣ. Въ упомянутыхъ двухъ грамотахъ, представляющихъ собою послѣднюю четверть XII-го вѣка и открывающихъ рядъ Сербскихъ народныхъ памятниковъ, находимъ употребленіе б-ы ѣ, согласное съ требованіемъ полугласнаго начала Ц.-Славянскаго языка. Такъ, въ первой изъ нихъ читаемъ: *восьньски, вьсьмь, сьмь, вься, вьсгга, зьлогг, срьдцьемь, сьвязь, дьмь, дрьжати, дьзевьбули, трьгьюне, рожьстел, сьтѣ, уьстьиниковь* и пр. (А. И.); а во второй: *хьлг, мьногьн, мьнз, грьтське, ѣвцьинька, мризьрнз, кьтѣ, вься, уьтѣ, лько, прьзрьз, мризькати, дьмь, сьдшь, вьсприьншьоу* и пр. (А. № 1). Сверхъ того въ словахъ: *вьплавьмь, милосьрю ѣ замьняеть и*. Не привожу болѣе примѣровъ изъ второй грамоты, ибо она, какъ Аеонская, предпочтительно держится Ц.-Славянскаго правописанія. Ухо Сербскихъ писцовъ еще хорошо чувствовало различіе, которое было бы, на пр., между формами *вься* и *всь*, *вьнз* и *мнз*, *вьтѣ* и *итѣ*. Будучи ближайшими по времени къ процвѣтанію Ц.-Славянской письменности, древнѣйшіе Сербскіе писцы тщательно соблюдали въ своемъ языкѣ то служеніе полугласнаго начала, которое отправляло оно

въ Ц.-Славянскомъ. Но видя, что твердость и мягкость не вездѣ совпадали въ обоихъ языкахъ, они оба полугласные знака замѣнили однимъ мягкимъ ѣ, такъ что этотъ послѣдній долженъ былъ отправлять въ ихъ языкъ служеніе за оба, и, какъ видно изъ упомянутыхъ грамотъ, служенію его были назначены столь же обширные предѣлы, въ какихъ совершалось служеніе обоихъ полугласныхъ звуковъ въ Ц.-Славянской письменности.

Почти равносильное употребленіе полугласныхъ встрѣчаемъ въ первой половинѣ XIII-го вѣка. Это время тѣмъ замѣчательнѣе для насъ, что оно совокупляетъ въ себѣ по нѣскольку грамотъ изъ разныхъ семействъ. Если въ томъ числѣ нѣтъ Аеоныхъ грамотъ, то это еще не такъ важно для насъ; важнѣе существованіе грамотъ изъ западныхъ странъ Сербіи, особенно приморскихъ, которыя далѣе Аеоныхъ отстояли отъ вліянія Ц.-Славянской письменности. Тѣмъ не менѣе и въ нихъ мы замѣчаемъ сильное присутствіе полугласнаго начала, что намекаетъ на короткое и всеобщее, по цѣлой Сербіи распространенное, знакомство съ Ц.-Славянскимъ языкомъ. Къ тому же, быть можетъ, присоединилось и старинное, отъ времени утраченное, свойство народнаго языка, требовавшее полугласнаго звука для разьединенія нѣсколькихъ стекшихся вмѣстѣ согласныхъ, а также и для смягченія этѣхъ послѣднихъ. Какъ бы то ни было, хотя въ устномъ языкѣ народа трудно допустить какія либо существенныя перемены, касающіяся до устройства самого языка; однако должно полагать, что ежели устный языкъ народа не измѣнился отъ времени въ существенныхъ своихъ свойствахъ, то могъ быть тѣмъ снисходительнѣе для книжнаго, чѣмъ крѣпче и яснѣе писцы сознавали свойства Ц.-Славянскаго, перешедшаго въ Сербію вмѣстѣ съ вѣрою и азбукою. Нельзя думать, чтобы Сербы говорили сначала, на пр., *весь, слынце, царь*, потомъ *васъ*, и наконецъ *савъ, сунце царь*; скорѣе въ преемствѣ формъ должно видѣть различныя степени вліянія народнаго языка на книжный, сначала слабое и вовсе незамѣтное, какъ въ первыхъ чисто Ц.-Славянскихъ формахъ, потомъ постепенно усиливающееся и наконецъ преобладающее въ послѣднихъ чисто народныхъ формахъ. Доставивъ Сербамъ богослуженіе, готовую письменность и азбуку, Ц.-Славянской языкъ сдѣлался для нихъ книжнымъ языкомъ и былъ тѣмъ чяе и вѣрнѣе самому себѣ, чѣмъ лучше знали его писцы и чѣмъ слабѣе было въ писцахъ сознаніе своего народнаго языка. Такъ точно и относительно полугласнаго ѣ должно думать, что причиною его всеобщаго и мѣстами весьма утонченнаго употребленія въ грамотахъ всѣхъ семействъ, было вліяніе Ц.-Славянскаго языка, составляющаго хранилище полугласнаго начала, хотя, съ другой стороны, въ такомъ дѣлѣ, каково смягченіе звуковъ, можно легко допустить, что народный языкъ еще ни сколько не измѣнялъ своимъ существеннымъ свойствамъ, если въ старину допускалъ въ большей степени присутствіе смягчающаго начала, чѣмъ въ какой допускаетъ нынѣ. Взаимное сходство всѣхъ Славянскихъ нарѣчій, болѣе близкое во времена древнѣйшія, подтверждаетъ, что и Сербскій языкъ въ старину, ближе подходилъ къ Д.-Булгарскому, а по тому легко могъ принять въ свою письменность служеніе полугласныхъ въ такой же почти мѣрѣ, въ какой оно совершалось въ этомъ послѣднемъ. Правильное и существенное употребленіе полугласнаго ѣ въ означенномъ вѣкѣ Сербской письменности замѣчается въ основѣ словъ, въ соединеніи этой основы съ окончаніемъ, въ окончаніи словъ и въ сложеніи словъ.

Присутствіе полугласнаго начала въ основѣ слова придаетъ особый и главнѣйшій оттѣнокъ языку; а по тому опущеніе его сдѣлается весьма возможно для

того языка, который не былъ въ семьѣ Славянской разсадникомъ полугласныхъ. Но если при всемъ томъ языкъ этотъ удержалъ полугласное начало въ некоторыхъ словахъ, то, значитъ, онъ былъ еще слишкомъ близокъ къ Ц.-Славянскому. Приведу примѣры: *вѣсь* (весь, деревня), *уѣто*, *вручѣхъ* (Ш. № VII), *вѣсь*, *вѣсья*, *вѣсьл*, *вѣсон*, *вѣси*, *вѣсьамъ* и т. д. (Ш. № VII; С. NN № 10, 13, 14, 16, 18, 20, 21), *вѣсли*, -о-, -ога-, -ои-, -ѣ и т. д. (С. NN № 7, 14, 16), *вѣу-*, *вѣо-* (Ш. № VII; С. NN № 2, 3, 16), *вѣвѣзѣ* (Ш. № VII; С. № 14), *вѣ* (Ш. № VII; С. NN № 2, 3, 13, 26), *тѣльнѣ*, *тѣльнѣ* (Ш. № VII; С. № 15), *сѣмь-ѣ* (С. NN № 2, 8, 14, 20), *потѣсть*, *потѣтънѣ* (С. NN № 2, 3, 9, 26), *зѣмь*, *зѣмь* (С. NN № 2, 7), *ошѣкнѣ*, *ошѣкнѣ*, -ѣ, -ѣ, -ѣ, -ѣ (С. NN № 4, 6, 8, 10, 13, 16, 17, 19), *лѣтъ*, *лѣга*, *сѣга* (С. № 3), *сѣльнѣ*, *сѣльнѣ*, (С. NN № 3, 7, 12, 14, 20), *сѣтъ* (С. NN № 8, 25), *польгѣ*, *зѣлѣдѣнѣ*, *нѣ* (кон), *нѣда*, *тѣда* (С. № 10), *нѣнѣ*, *нѣкнѣ* (С. № 10; Ш. № II), *нѣнѣ* (С. NN № 10, 18), *нѣнѣти* (С. NN № 14, 16), *нѣнѣти* (С. № 14), *нѣто* (С. NN № 14, 16, 17), *донѣдѣ*, *нѣнѣнѣнѣ*, *нѣда* (С. № 16; Ш. № XVI), *дѣдѣ*, -ѣ (С. NN № 16, 19, 20), *дѣнѣ* (С. № 11), *сѣдѣ* (С. № 18), *зѣнѣ*, -нѣнѣ-, -нѣмо (С. NN № 19, 20), *сѣнѣнѣ* (С. № 20), *нѣтъто* (С. NN № 20, 21), *нѣдѣ* (С. NN 21, 22). Не привожу примѣровъ для слоговъ *рѣ* и *лѣ*, ибо они, по самому свойству заключающагося въ нихъ полугласнаго начала, должны были крѣпче другихъ удерживать его. Дѣйствительно, слогъ *лѣ* во все время своего существованія, до замѣны его полною гласною, и слогъ *рѣ* во все разсматриваемое нами время Сербской письменности, до конца XV-го вѣка, удерживаютъ при себѣ полугласную; а ежели когда и опускаютъ ее, или претворяютъ въ гласную, то это не болѣе, какъ исключенія, о которыхъ будетъ сказано на своемъ мѣстѣ. Напротивъ, формы, каковы: *нѣнѣ*, *вѣсь*, *ошѣкнѣ*, *нѣнѣ* и т. п., вмѣсто *нѣнѣ*, *вѣсь*, *ошѣкнѣ*, *нѣнѣ*, не представляются уже исключеніями какъ по большинству случаевъ употребленія, такъ и по тому, что въ нихъ основывается часть повременнаго движенія, какое совершаетъ полугласное начало въ Сербской письменности. Отъ основы переходимъ къ окончанію слова.

При соединеніи основы слова съ окончаніемъ обыкновенно вставляется б-а ѣ, служащая какъ бы исходомъ для основы и въ то же время раздѣломъ между нею и слѣдующею частію, придающею ей видъ полного слова, а этому извѣстное значеніе, съ которымъ оно является въ языкѣ. Основа всякаго слова должна непремѣнно принять на себя какой нибудь извѣстный образъ для того, чтобы сдѣлаться опредѣленнымъ членомъ рѣчи, яснымъ понятіемъ, живымъ словомъ. Образъ этотъ пріобрѣтаетъ она чрезъ принятіе извѣстнаго окончанія, состоящаго то изъ одной полугласной, то изъ одной, или нѣсколькихъ гласныхъ, то наконецъ изъ одной, или нѣсколькихъ согласныхъ, исходящихъ въ Ц.-Славянскомъ, какъ и въ Д.-Сербскомъ, правописаніи непремѣнно на полугласную. Составившееся такимъ образомъ слово, независимо отъ этого дѣйствія, можетъ переходить изъ одной части рѣчи въ другую, изъ одного числа въ другое, изъ падежа въ падежъ, изъ одного наклоненія, времени и лица въ другія: при этомъ слово измѣняетъ свое окончаніе и часто случается, что при такой переиhrъ окончанія между старымъ и новымъ исходомъ слова появляется въ Сербской письменности полугласное ѣ. Изъ сказаннаго обнаруживается, что основа слова, въ извѣстномъ своемъ состояніи, можетъ имѣть не только одно, но два и три окончанія, изъ коихъ первое даетъ ей жизнь и опредѣленный самостоятельный образъ, съ которымъ она является живымъ словомъ живаго языка, а вторыя даютъ ей движеніе и гибкость, съ

положеніи которыхъ она, въ опредѣленномъ уже образѣ, измѣняется согласно съ движеніемъ мысли и законамъ языка. Такъ, основа *бес* получаетъ опредѣленный образъ чрезъ окончаніе *-на* и становится словомъ, уже употребительнымъ въ языкѣ, — *босна*; но древніе Сербы, какъ и Булгары, не соединяли окончаніе *-на* прямо съ основою: они ввели посредствующиѣ членомъ *б-у ъ*, которая въ то же время служитъ исходомъ для основы, и написали *босъна*, по чему и читаемъ: *босъна* (С. № 12). Желая перевести это слово въ другую часть рѣчи и именно сдѣлать прилагательнымъ, они присоединили къ нему окончаніе *-си*, уже второе для основы, и для этого, опустивъ, по законамъ языка, исходную букву перваго окончанія, *а*, ввели посредникомъ *б-у ъ* и написали *босънаси*, какъ звучитъ въ гр-ѣ Кулина (А. И.) Такъ, изъ основы *мол*, чрезъ приставку окончанія *-ка* и при посредствѣ *б-м ъ*, произошло слово *молька*, откуда, чрезъ придачу втораго окончанія *-ны* и также при посредствѣ *б-м ъ*, произведено прилагательное *молькову*, какъ оно написано въ гр-ѣ Стефана Первовѣчнаго (Ш. № VII). По той же причинѣ писали: *дворовъны*, *-омъ*, *-ны*, *-д*, *-омъ*, *-ны* (С. NN № 4, 7, 8, 11, 12, 14, 17, 19, 20), *дворовънога* (С. № 16; Ш. № XVI), гдѣ *ъ* есть первое окончаніе, приданное съ помощію *ъ* къ основѣ *дворок*, а за нимъ слѣдуетъ второе окончаніе *ни* тоже при помощи *ъ*. *вълъуани* (Ш. № VII), *вълковъуани* (С. № 2), гдѣ первое *ъ* есть основное; второе соединяетъ окончаніе *-ць* съ основою *въл*, а третье предупреждаетъ стеченіе двухъ одинаковыхъ согласныхъ, подобно тому, какъ оно раздѣляетъ тѣ же буквы въ словѣ *истина*, встрѣчающемся кое-гдѣ въ Сербскихъ и Ц.-Славянскихъ памятникахъ. *вълътъства* (С. № 2), гдѣ первое *ъ* есть образовательное для прямаго соединенія основы съ окончаніемъ *-ка*, а второе *ъ* служитъ соединительнымъ между этимъ и новымъ окончаніемъ *-ство*. *вълътъсти* (Ш. № VII), *вълътъстны* (С. № 2), гдѣ основа *въл*, *вѣ*, чрезъ *ъ* образовалась въ *вѣъ*, которое, смягчивъ *г* въ *ж* и соединясь съ окончаніемъ *-ство*, обратилось въ *вѣство*, а это, въ свою очередь, для перехода въ прилагательное, приняло окончаніе *-ны* при посредствѣ *б-м ъ*. Такъ точно основа *вълтъ*, *вълтъ* приняла, съ помощію *ъ*, окончаніе *-ни*: *вълтъни*, откуда, чрезъ опущеніе *и* и вставку соединительнаго *ъ*, могло образоваться прилагательное *вълтъны*, какъ и дѣйствительно находимъ *вълтънога* (С. № XVI; у Ш. № XVI: *вълтънога*), или съ соблюденіемъ правилъ перезвука *вълтътъсна* (С. № 10), *вълтътъномъ* (С. № 19); *вълъно*, *вълтъны* (С. № 2), *вълтъля*, *-ъ*, *-а* (С. NN № 7, 9, 16), *вълтъмо* (С. № 13), состоящее изъ основы *тъ* и двухъ окончаній: *-нь* и *-мо*; *вълъдд*, *-ъ*, *-ъ*, *-ни* (С. NN № 7, 14, 16, 17, 21). Замѣчательно слово *вълтъни* (таковой, С. № 17), въ которомъ усиленная изъ *тъ* основа *тъ* получила образовательное окончаніе *-нь*, которое еще удвоилось въ *-ны*: здѣсь *ъ* служитъ переходомъ отъ перваго окончанія ко второму и *вѣвътъ* предупреждаетъ стеченіе двухъ одинаковыхъ согласныхъ. *вълтъвътътътъ* (С. № 16) или *вълтъвътътътъ* (Ш. № XVI), гдѣ *съ* есть предлогъ, а *вѣвътъ* удвоенная основа *вѣвъсто* *тътъ*; одно *ъ* соединяетъ основу съ окончаніемъ *-тъ*, другое *ъ* служитъ исходомъ для образовательнаго окончанія 3-го л. мн. ч. *вълтътъ*, *-м*, *-ъ*, *-ѣ* (С. NN № 16, 17, 20). Вообще въ Д.-Сербской письменности упомянутого вѣка довольно строго наблюдалось употребленіе полугласныхъ при различныхъ окончаніяхъ, каковы, на пр., *-ство*, *-ства*, *-тъ*, *-ць*, *-ъ*, *-ь*, *-д*, *-ка*, *-на*, *-ца*, *-дд*, *-уд*, *-мръ* въ существительныхъ; *-ни*, *-ни*, *-си*, *-нь* въ прилагательныхъ; *-ни* въ тв. п. мн. ч.; *-дъ*, *-ли* и *-ни* въ причастіяхъ; *-тъ*, *-дд*, *-мо*, *-до*, *-во* въ нарѣчіяхъ; *-шти* въ глаголахъ и пр. пр.:

ривльниця, сивльщи, корьль, корьль, корьль, урьль, врьль, долль, градль, дворьски, морьми, обьрьшии (Ш. № VII), врьльство (С. NN № 2, 17, 21), лювьль, -ь, -и, -я (С. NN № 2, 14, 16), врьльшии, -ио, потвьльста (С. № 2; Ш. № IX), востьски (С. № 5), коньць, -иь (С. NN № 4, 6, 7, 14, 15), градьски, -ои (С. NN № 4, 8; 11, 13, 15, 17), воувьшии (С. № 3), пропадьста (С. NN № 7, 14), своводьно (С. NN № 9, 14, 17, 21), рькьли (С. NN № 9, 18), врьмо (С. № 8), сьдьць, -иь (С. NN № 10, 21, 26), владьскьли (С. № 12), льбоньомъ (С. NN № 13, 17), мьульниь, -я (С. NN № 14, 19), вьульи, уьстьи (С. NN № 14, 19, 20), тьрьдо, рьшьи, -омь, -ь, -иь (С. NN № 14, 16), добьтьль, -а, -омь, добьтьль, -ь (С. NN № 14, 16, 18—21, 26), вьзьць, вьдальци (С. № 14), тьльь, сьшьми (С. № 15), дохотьль, подьльшь (С. № 17), вьшьство (С. NN № 16, 19), вькьиньци, врьшьць, сьвьшннн, врьшьль, дьцьца, сьлььки, зьлььки, вьшьшннн, градьци, вьоньшьи, рьсьць, вьдально, врьшько, врьшьль, вьоньшьи и пр. (С. № 16), сьшьль, -оу (С. № 11; Ш. № I), поповьски, вьдальськи (С. № 11), дьшьль (С. NN № 11, 21), вьдьць (С. № 18), вьць (С. NN № 19, 20, 21), сьшьль, льдьми (С. № 20), вьдальшь (С. NN № 20, 21), вьшьль (С. NN № 21, 26), дьсьтьль, тьшьиньци, врьшьомъ, врьшьшь (С. № 21) и я. др. Укажу еще на формы вьдальськи (С. № 17) и вьшьль (С. № 21). Всь эти примьры довольно ясно показьвають, что именнo разуньль я подь употребленьемъ б-ь я при соединеннн основы съ окончаньемъ и окончаннн оь окончаньемъ. Сдьсь, очевидно, шла рьчь оь ь, являющемь вьнутри слова.

Третий случай относится къ конечному ь, составляющему исходъ всякой основы и всякого окончаннн, котораго посльдняя буква есть согласная. Того же правила держится Ц.-Славянскнй языкъ, и по тому примьры были бы излишнн. Въ этомъ отношеннн надобно отдать полную справедливостъ упомянутому языку, который, чрезъ удержаннн у себя конечной полугласной, придалъ своему правописаннн глубокое значеннн. Сдьсь конечная полугласная не есть какая нибудь позднйшая приставка для вьшннго завершеннн слова, какъ думаютъ ть, кои, употребляя Славянскую азбуку, оканчнваютъ слова на согласныя; но она есть признакъ или сльдь оьвьшьей прадавней гласности, которая въ Индоевропейскомъ прязькн служила исходомъ всякому слову. Конечное, хотя и безгласное, ь употребляется постоянно во все протяженнн разсматрнваемого нами пространства времени, и по тому говорить оь немъ мы больше не станемъ. Замьтимъ только, что подобныя формы, какъ вьдальомъ (С. № 18), вьстрьчаются кое-гдь въ грамотахъ всьхъ вьковъ и семействъ и суть не что иное, какъ описка, или сльдствнн недостатка мьста для окончаннн строки. Особеннн на монетахъ и печатахъ таковыя препуски очень часты во весьма понятной причинь—недостатку мьста. Иногда цьльме слоги пропускаются или по той же причинь, или по недосмотру писца. Но во всякомъ случаь подобныя причины, равно какъ и сльдствнн ихъ, не могутъ быть принимаемы нами въ расчетъ, и вьпредь мы должны проходить ихъ молчаньемъ, ибо они ничего не доказьвають. Такъ равно и въ словотнлахъ выноснма на верхъ строки согласная буква терьлетъ обыкновенно свою полугласную, по общему закону сокращеннн, хотя вьстрьчаемъ иногда и полныя выноски: вьшьль (С. № 17) вьль, вьшьль (С. № 21). Но древнне Сербы любнли оставьлять конечную полугласную въ строкь, вынося на верхъ строки одну лишь согласную: таковы весьма обыкновенныя формы вьль, вьль, вьдальль, вьшьль, вьць, вьць, вьль, вьль, вьль, вьль, вьшьль.

Четвертый случай употребленнн б-ь, равновьрно весьма простъ и обыкновененъ. Онъ состоитъ въ томъ, что въ сложныхъ словахъ первая

часть слова удерживаетъ при себѣ конечное ъ и въ такомъ видѣ соединяется со второю, на пр., сьсоудѣ, прѣдѣтѣхъ (Ш. № VII), вьзвѣрѣшию, ськрѣшѣти, ньспракаѣ (С. № 2), сьхрами, нинкомьрѣ (С. № 3), сьмьнѣ (С. NN № 3, 7, 20), нинимьрѣ (С. NN № 7, 14, 17), бѣрѣдицѣ (С. № 12), когьдѣнѣ (Ш. NN № II, VII; С. № 16), вьгоднѣнѣ, вькьмо, вьлѣзѣ, ѡмьзѣ, ньспрѣдѣ, годитѣсѣ, вьзѣмѣтѣ (С. № 16), казѣсѣ (С. № 20), ньспрѣдѣнѣ (С. № 21) и пр. и пр.

Второе употребленіе б-ы ъ, которое мы назвали преобладающимъ, можетъ быть также названо несущественнымъ, ибо не зависитъ отъ положительныхъ законовъ словообразованія, но лежитъ въ духѣ языка древнихъ Сербовъ: непрѣмѣннаго основанія въ устройствѣ самого слова для него нѣтъ; но возникаетъ оно подъ вліяніемъ особенной любви къ нему древнихъ Сербовъ, которые этою буквою любили замѣнять другія гласныя, или смягчать согласныя. Въ служеніи своемъ, въ которомъ замѣняетъ собою другія гласныя, она является: вмѣсто ѡ въ словахъ: вьнѣтѣуьска (С. № 10), нѣ (не, С. № 17), тьмьнѣ (Феклы), людьмѣ (С. № 16), вьлоудьрицѣ (Ш. № II), вьпальшьнѣ (С. № 19), сьмьнѣнѣ (С. № 20); вмѣсто и: вьдѣнѣ, вьдѣнѣ (С. NN № 2, 18), прѣтѣнѣ, -нѣ, прѣтѣнѣ, прѣтѣнѣнѣ (С. № 3), грьгьрѣ, вьспьрѣнѣ (вистіаріи), лѣдѣнѣ (С. № 16), грьгьоуьрѣнѣ, дьмьтѣрѣ (Ш. № II); особенно часто въ надежныхъ окончаніяхъ на и съ послѣдующею гласною: вьнѣтѣуь (С. № 5), вьнѣ, вьрѣтѣуь, вьдѣнѣнѣ, вьдѣнѣнѣ, дѡбнѣтѣнѣ, дѡнѣнѣ, вьнѣнѣтѣнѣ, вьнѣнѣнѣ, вьнѣнѣнѣ, вьнѣнѣнѣ, вьнѣнѣнѣ, вьнѣнѣнѣ (С. № 16), вьдѣнѣнѣ (С. № 20); въ собирательныхъ на ии: сьдѣнѣ, людьмѣ (С. № 16), лѣдѣнѣ (С. № 20) и во 2-мъ л. ед. ч. наст. вр.¹; вмѣсто о: тьмьнѣ (Ш. № VII), хьтѣнѣнѣ, -нѣ, хьтѣнѣнѣ, -нѣ (Ш. № VII; С. № 16), вьнѣнѣтѣ (С. № 10); вмѣсто ѣ: вьспѣнѣнѣ отъ вьспѣнѣ (С. № 3); вмѣсто ѡ: вьнѣнѣнѣ, вьнѣнѣнѣ, вьнѣнѣнѣ (С. № 16), гдѣ, можетъ быть, ѡ невѣрно принято за ѡ, ибо у Ш. № XVI всюду ѡ; вьрѣнѣ, вьрѣнѣ (С. № 18): подобныя ошибки, происходящія отъ дурнаго чтенія подлинника, встрѣчаемъ и въ другихъ случаяхъ, гдѣ нѣтъ была бы такая замѣна;—вмѣсто ѡ, замѣняющаго собою Ц.—Славянское ѡ въ словѣ самодрѣжѣнѣнѣ (С. № 16), и наконецъ вмѣсто ѡ, что происходитъ весьма рѣдко, именно, въ словѣ цѣтѣтѣ (Цвѣтѣтѣ, С. № 18). Сверхъ того ѡ употребляется вмѣсто смягчающаго начала і для гласныхъ въ словѣ вьнѣнѣнѣ (С. № 16) и вмѣсто благозвучнаго ѡ въ словѣ вьнѣнѣнѣ (внѣнѣнѣнѣ отъ вьнѣнѣнѣ, С. № 16). Въ формѣ вьнѣнѣнѣ (Ш. № VIII) оно стоитъ по избытку; въ формѣ вьнѣнѣнѣ, вьнѣнѣнѣ (С. № 14) произошло слитіе ѡи, поглощенныхъ полугласною ѡ. Во второмъ служеніи своемъ ѡ является орудіемъ для растворенія сошедшихся согласныхъ. Если древніе Сербы употребляли его при словообразованіи всюду, гдѣ только требовали законность и природа слова, то любовь эту къ растворенію согласныхъ они простерли и на тѣ случаи, гдѣ ѡ не оправдывалось никакою законностію, но служило лишь произвольною вставкою для предупрежденія стеченія согласныхъ. Все это указываетъ на благозвучность языка, который въ своей письменности не только избѣгалъ въ послѣдствіи стеченія согласныхъ чрезъ претвореніе полугласнаго начала и даже согласной ѡ въ полную гласную, (но и до этой позднѣйшей мѣры старался раздѣлять согласныя мягкою полугласною, которая хотя и была безгласною, но имѣла въ себѣ довольно смягчающей силы, чтобы приразить согласную и произвести болѣе отбой въ голосѣ. Дѣйствительно, въ соединеніи съ полугласною согласныя кажутся болѣе самостоятельными, а мягкое при-

¹ Примѣры, относящіяся къ словеніямъ и спряженіямъ см. ниже на своемъ мѣстѣ.

раженіе голоса оправдываетъ эту самостоятельность и въ произношеніи. Такъ слово *ншше* (С. № 14) звучитъ совершенно иначе, чѣмъ какъ звучало бы оно въ формѣ *нше*: причина та же, которая и въ Ц.-Славянскомъ заставила писать истиншма, а не истинна вмѣсто истинна. Повторенія одной и той же буквы Сербскій языкъ, по примѣру всѣхъ Славянскихъ языковъ, не любитъ еще болѣе, чѣмъ стеченія согласныхъ. Мягкое прираженіе голоса въ согласныхъ производитъ болшую членораздѣльность между ними, а это и есть главное достоинство человѣческаго голоса; при томъ мягкость есть одно изъ первыхъ условій благозвучія языка. Въ какомъ бы видѣ ни являлось дѣйствіе Сербскаго языка, но отказать ему въ любви къ смягченію невозможно. Не только въ своихъ родныхъ словахъ, какъ на пр., *гшнна*, *хкосьтш* (Ш. № VII), *шштта* (С. № 10), *шдрлен* (Ш. № I), *ншкати* (С. NN № 14, 16), *шкшномъ*, *шкшшма* (С. № 16), *шсшт(р)д* (Ш. № II), вставляеть онъ полугласную *ь*, но то же дѣлаетъ и въ иностранныхъ, хотя эти послѣднія, по природѣ своей, не требуютъ *ь*, на пр., *дшшшдоу*, *-доу*, *-а* (С. NN № 3, 4, 5), *шршрш* (С. № 3), *шшдрш*, *-ш*, *-ш* (С. NN № 14, 15, 16, 17, 21), *шлшш*, *шкшратъ* (Ш. № II), *шшгшста* (С. № 17), *шшшшш*, *шшшшш*, *шшшшш*, *шшшшш* (С. № 16) и пр.

До сихъ поръ мы разсматривали употребленіе *б-ы ь* въ первой половинѣ XIII-го вѣка, куда относятся грамоты другихъ семействъ, а именно, Боснійскія, Хлумскія, Дубровницкія и другія приморскія изъ земель сосѣднихъ съ Дубровникомъ. Такое столкновеніе различныхъ грамотъ весьма важно, какъ сказали мы, для изученія *б-ы ь*: оно показываетъ, что въ это время *б-а ь* еще равношрно употреблялась въ письменномъ языкѣ всей древней Сербіи безъ различія мѣста написанія. Это равновѣсіе въ употребленіи составляетъ отличительное свойство конца XII-го и первой половины XIII-го вѣка. Болѣе оно уже не повторяется въ исторіи Сербскаго языка. Неизвѣстно, продолжалось ли бы оно во второй половинѣ XIII-го и въ XIV-мъ вѣкѣ; но въ концѣ XIV-го и въ XV-мъ в. оно уже болѣе не существуетъ. Неизвѣстность эта происходитъ отъ того, что съ 1254 по 1367 годъ мы не имѣемъ, кромѣ собственно-Сербскихъ, ни одной другой грамоты, и по тому судить объ языкѣ послѣднихъ не можемъ. Грамота Уроша V заканчиваетъ этотъ отдѣлъ собственно-Сербскихъ грамотъ: и это не дѣйствіе случая, а необходимое слѣдствіе временныхъ судебъ Сербіи. Припомнимъ себѣ, что происходило въ это время въ Сербіи. Съ Милутина Сербское королевство начало быстро возвышаться. Всѣ прочія Сербскія области или зависѣли отъ него, или утратили силу своего значенія, какъ на пр., Босна, Хлумъ. Самый Дубровникъ уже не пользовался при Сербскомъ дворѣ тѣмъ господствующимъ вліяніемъ, которое онъ имѣлъ прежде. Это видно изъ духа грамотъ, дарованныхъ ему Сербскими государями. Такимъ образомъ была одна господствующая область—собственная Сербія, и ей-то принадлежать всѣ сохранившіяся доселѣ грамоты, какъ слѣдствіе ея государственной дѣятельности и преобладанія. Смерть Уроша V предсказала и Косовскую битву: одна государственная смута повела за собою другія, и конецъ вышелъ плачевнѣе начала. До самого 1389 года Сербія оставалась независимою, но уже со смерти Уроша V въ ней постоянно жили разладица и измѣна, доведшія ее до гибели. Количество грамотъ значительно уменьшается, но, не смотря на то, мы будемъ разсматривать въ этомъ пространствѣ времени всѣ собственно-Сербскія грамоты, доходящія до года Косовской битвы. Выше мы опредѣлили свойства ихъ. Отъ

этѣхъ грамотъ нельзя ожидать большаго движенія впередъ въ пользу народнаго языка, ибо онѣ писались при дворѣ православныхъ Сербскихъ государей, тамъ, гдѣ в Аеонскія, ближайшія къ Ц.-Славянской стихіи. Сдѣсь мы разсмотримъ всѣ собственно-Сербскія, въ томъ числѣ Аеонскія, грамоты, и обзоръ XIII-го вѣка заключимъ Зетскими грамотами Балшичей, которыя служатъ переходомъ къ Дубровницкимъ и Боснійскимъ съ Хлаумскими и Травунскими, предпочтительно передъ прочими открывшимъ народному языку доступъ въ древнюю Сербскую письменность. Сюда присоединимъ и Законникъ по списку 1390 года, составленный подъ сильнымъ вліяніемъ православнаго духовенства и по тому со значительнымъ привнесеніемъ Ц.-Славянской стихіи.

Употребленіе б-ы ѣ въ этомъ пространствѣ времени мы находимъ въ тѣхъ же самыхъ видахъ, какіе замѣтили и въ предыдущемъ. Повторять о значеніи того, или другаго вида было бы излишнимъ. Намъ остается только ограничиться примѣрами и вывести изъ нихъ заключеніе о количествѣ и времени этого употребленія. Такъ мы читаемъ: уѣстыи (С. № 27), вѣсь,-ѣ,-сь,-д,-ви,-и,-ѣхъ (С. NN№ 27, 46, 50, 51, 55, 73; А. NN№ 11, 12; Г. А; 3.), сѣмь (С. NN№ 27, 28; А. № 4), дѣбровѣуци,-ки,-ѣ,-ѣ,-уѣци,-коми,-ни,-он,-ѣ,-скии (С. NN№ 24, 27, 31, 32, 33, 38, 39, 42, 53, 54, 58, 73), оѣпции,-тѣи (С. NN№ 24, 32, 58), коѣуци (С. № 24), краљевство, краљьство, краљевство (С. NN№ 23, 24, 32, 42; А. № 5; Мк.), вѣмь, вѣзмь, вѣзмь (С. NN№ 23, 43, 44; Г. А; 3.), трѣи (С. № 31), трѣговѣцъ,-сь (С. NN№ 25, 43), сѣдѣ,-и (С. NN№ 32, 45, 56, 73), тѣдѣ,-ѣ,-ли, тѣдѣ (С. NN№ 32, 35; А. NN№ 5, 15), посѣль,-ство (С. № 32; А. № 14), казнѣцъ (С. № 32; Мк.), вѣз,-вѣс (А. NN№ 2—14, 18, 19; С. NN№ 35, 46, 47, 176; Г. А; В. NN№ 1, 2; Ш. № 15; В. К.), любѣнѣи, любѣзи, любѣзѣи (А. NN№ 2, 4, 14), иѣ (А. NN№ 2, 9; С. № 176; 3.), лоѣмѣаго (А. № 2), шѣстѣи, рождѣшомоу, трѣи, свободѣи, оѣльнии, оѣльарѣ и занарѣ и пр. (А. № 6), шѣстѣи,-ца (А. NN№ 6, 15; С. NN№ 35, 47), оѣции, сѣсоудѣ, сѣбѣрии, шѣстии, вѣшоуноу, трѣлатѣ (А. № 3), иѣвѣи, вѣвѣи (А. № 4), грѣшѣи,-и,-аго (А. № 4; С. NN№ 51, 52), тѣко (Мк.; С. № 33), вѣдѣ,-а (Мк.; С. NN№ 33, 39, 43, 53; А. № 15), соѣпѣица (Мк.; С. № 52), лѣстѣе, вѣтѣски, рождѣаго (Мк.), вѣнѣцъ (Мк.; С. № 176), сѣтѣ (С. NN№ 23, 25, 29, 36; Г. А), тѣртѣкѣ (С. № 34), вѣслѣ,-оу,-омоу и т. д. (С. № 51; А. № 11; Г. А; 3.), приѣмѣцъ, шѣститѣ, дрѣзѣитѣ, вѣмѣа, истѣишѣи, иѣсокоудѣи и пр. (С. № 51), до-вољѣи (С. NN№ 46, 51, 73), рождѣство, вѣставѣи, вѣштѣ (А. № 8), потѣци,-лѣ,-лии (А. NN№ 5, 8; С. № 35), шѣтѣ, вѣхѣи,-и, вѣостѣискога, вѣкѣи, гоѣвѣвѣу, шѣжѣство, стрѣвѣкѣ, творѣцъ, дрѣстѣишѣи, казнѣце, тѣумѣ, тѣшѣи и пр. (С. № 176), тѣвѣ,-зи (С. NN№ 43, 47, 176), дољѣцъ, вѣселѣкѣ,-селѣ,-лѣ (С. № 176; Ш. № 11; А. № 18), вѣтѣ,-а (С. NN№ 39, 176), вѣтѣи,-сѣосѣ (С. NN№ 39, 43), иѣ-правѣдѣ (С. NN№ 38, 42), иѣоѣишѣи, вѣркѣи, самодрѣжѣцъ, вѣвѣстѣишѣи,-вѣшѣомоу (А. NN№ 7, 14), тѣкѣи, тѣкѣи (А. № 9; С. NN№ 35, 43, 48, 49, 54, 62), иѣдостѣтѣи (А. № 9), иѣвѣдѣ, вѣрѣишѣи (С. № 42), стоѣдѣнѣцъ, сѣшѣдѣи (А. № 5), вѣслѣ-шѣи,-иѣи,-иѣишѣи, вѣишѣи (А. NN№ 10, 13; С. NN№ 50, 62; В. № 1), вѣторѣи (А. № 11), иѣлѣишѣи, уѣсти, вѣвѣство, подѣишѣи (А. № 12), вѣспѣлѣишѣи, сѣишѣи, вѣрѣслѣ, сѣзѣишѣаго, вѣсѣ (С. № 35), вѣвѣи, вѣвѣ, поѣусти (С. № 46), дрѣшѣоѣцъ, вѣишѣствѣи, приѣшѣствѣи и пр. (Г. А), старѣцъ (А. № 13), сѣвѣ-ствѣи, вѣишѣтѣкѣ, вѣрѣишѣи (С. № 62), дрѣишѣцъ (Ш. № 14), вѣдѣи,-о (С. № 58), вѣишѣи (А. № 14), дѣвѣи, иѣвѣишѣи (Ш. № 15), вѣса (В. К.; В. № 2), соѣпѣ-ство, вѣишѣствѣи, иѣишѣишѣи, тѣишѣи (В. № 2), дѣишѣи (А. № 15), иѣишѣи,

нѣжѣ (А. № 18), пострѣгли, тѣмниці, соужьства, соудьсно, нѣмьнѣшаго (З.), керъши (печ., А. № 5), номорскѣ (печ., А. № 10) и пр. и пр. Сверхъ того замѣтимъ нѣкоторыя особенности въ употребленіи ѣ, каковы: смягченіе и вѣдѣтъ разьединеніе буквѣ въ словахъ иностранныхъ, которыя чрезъ то получаютъ народное произношеніе: ескльнѣглии (С. № 27), нѣрнѣрѣ (С. NN № 24, 25), жорьги, жьрѣжи (С. NN № 32, 33), зьрѣстѣи (С. № 34), аьгьгьста (С. № 56), нѣдрѣжнѣшѣ (С. № 62), агрьндичнѣшѣ (печ., А. № 9); замѣна буквѣ:—з: зѣмь, нѣзѣмь (см. в.), прѣмьлѣ, — нѣлѣ (С. № 52), гдѣ собственно замѣненъ носовой звукъ л, переходящій у Сербовъ въ ѣ, или, иными словами, въ обѣихъ случаяхъ ѣ не усилено въ з; сьрѣгь, — ш (Сергій, С. NN № 35, 45); — и: сѣмъ вѣ. сѣи, гдѣ ѣ тоже не усилено въ и; трѣи (С. № 176), ѣрѣмь (А. № 14), здрѣжѣтѣ (неоконч. н., С. № 73), нѣслѣнѣ (А. № 19);—о: ѣстрѣнѣнѣ, аьнѣствоуѣмь (Мк.), ѣнѣнѣнѣ, гдѣ ѣ, замѣняющее о, выражено значкомъ ° (А. № 6);—з: нѣкьрѣ (С. № 40), сьвѣтѣи (С. № 35), гѣдѣ (С. № 43), прѣтѣи (С. № 47), прѣнѣтѣ, — ѣ (А. № 10; В. № 1), прѣнѣжнѣи (Г. А.); смягченіе вѣдѣсто небнаго і: вѣздѣ (С. № 25), зѣмьнѣ стрѣнѣ (С. № 35), вѣтѣмь, нѣнѣнѣ, нѣмь (В. № 2). Не привожу примѣровъ для сложныхъ словъ, которыхъ весьма много разсѣяно по всѣмъ грамотамъ. Въ это время писцы еще любили присоединять предлоги къ началу словъ и возвратное мѣстоименіе къ концу глаголовъ чрезъ посредство б-ы ѣ. Вообще, приведенные примѣры далеко еще не исчерпываютъ всего служенія полугласной; но привести всѣ примѣры невозможно. Впрочемъ, это не помѣшаетъ намъ прійти къ общимъ выводамъ относительно означеннаго времени и означенныхъ памятниковъ. Вникая въ содержаніе разсмотрѣнныхъ грамотъ, мы видимъ, что бѣльшая часть ихъ относится къ церковнымъ надачамъ; что по мѣрѣ удаленія ихъ отъ дѣлъ мірскихъ и усиленія вліянія духовенства на ихъ составленіе, употребленіе б-ы ѣ увеличивается и наибольшихъ размѣровъ достигаетъ въ Аѳонскихъ грамотахъ. Такъ точно и Законникъ, языкъ коего есть по преимуществу Ц.-Славянскій, изобилуетъ б-ю ѣ. Особенная тонкость въ употребленіи этой буквы, отличающая глубокое знаніе Ц.-Славянскаго языка, отличаетъ Аѳонскія грамоты отъ другихъ. Видно, что писцы хорошо понимали духъ этого языка и изучили его въ совершенствѣ. Припомнимъ, въ добавокъ, что значки °, замѣняющіе ѣ, во множествѣ встрѣчаются въ Аѳонскихъ грамотахъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, каковы: С. NN № 39, 51, 52, 54; Г. А. Хотя они и много затемняютъ наглядность служенія б-ы ѣ, однако съ другой стороны обнаруживаютъ весь обширный объемъ, до котораго оно достигло въ Аѳонскихъ грамотахъ. Дѣйствительно, если упомянутые значки замѣнимъ б-ю ѣ, что весьма позволительно, ибо чрезъ это только позднѣйшее написаніе измѣнится въ древнѣйшее, не нарушая значенія полугласнаго начала въ словѣ, то убѣдимся, что близость Ц.-Славянскій стихій еще въ сильной мѣрѣ поддерживала въ Сербскихъ писцахъ то тонкое чутье, которое умѣло разпознать присутствіе бѣглаго, едва замѣтнаго полугласія, а мѣстами и совершеннаго безгласія, отъ законнаго отсутствія всякой гласности, чутье, которое могло быть воспитано и поддержано только при тѣсномъ знакомствѣ съ Ц.-Славянскою письменностію. Значекъ ° встрѣчается надъ такими словами, которыя въ другихъ грамотахъ уже давно утратили полугласную букву, на пр., ѣто, ѣто, нѣя, нѣа и т. п. Чрезъ это увеличится еще болѣе объемъ служенія полугласной. Тѣмъ не менѣе, время беретъ свое: не смотря на примѣры еще довольно обильнаго и мѣстами тонкаго служенія б-ы ѣ въ собственно-

Сербскихъ грамотахъ XIV-го вѣка, служеніе это значительно сокращается къ концу XIV-го в., а именно, въ Аеоискихъ съ Уроша V, въ прочихъ съ Дечанскаго. Въ первыхъ значки начинаютъ замѣтно рѣдѣть; а въ тѣхъ и другихъ исчезаетъ мало по малу и самая б-а ѡ. Примѣры, приведенные изъ памятниконъ, начиная съ грамотъ Милутина, исчерпываютъ большую часть случаевъ употребленія б-ы ѡ. Хотя случаевъ эти еще многочисленны, однако здѣсь должно принять въ расчетъ количество и самую величину объема грамотъ: тогда откроется, что сравнительно съ предыдущимъ временемъ употребленіе б-ы ѡ къ концу разсматриваемаго времени уменьшилось. Такимъ образомъ, по мѣрѣ удаленія содержанія грамотъ отъ предметовъ, касающихся монастырей и духовенства, и приближенія къ XV-му вѣку, служеніе б-ы ѡ сокращается: ясно, что дѣло не обходилось безъ участія, съ одной стороны, Ц.-Славянской стихіи, а съ другой, народной.

Заключая обзоръ употребленія б-ы ѡ въ XIV-мъ вѣкѣ, мы должны разсмотрѣть еще грамоты Зетскія, относящіяся къ концу того же вѣка. Онѣ, какъ сказали мы, составляютъ переходъ отъ собственно-Сербскихъ грамотъ къ грамотамъ другихъ семействъ; а по тому онѣ покажутъ намъ, какъ б-а ѡ, начавъ рѣдѣть въ вѣдрахъ собственной Сербіи, продолжала это дѣйствіе въ Зетѣ, чтобы оттуда съ болѣе ограниченнымъ употребленіемъ перейти въ Дубровникъ и Босну. Конечно, отдѣльными явленія могутъ и противорѣчить общему движенію языка; но все количество случаевъ, взвѣшенное само по себѣ и сравненное съ предыдущимъ, подтвердитъ наши слова. Въ Зетскихъ грамотахъ читаемъ: ѡди, ѡвѣ (С. № 63) сѡмъ, доходямъ, (С. № 64), дажьмъ, ѡкѡрѡмъ (С. № 70), ѡѡстѡвѡмъ, ѡрѡтоуѡца, ѡюкѡмъ, доѡитѡмъ ѡвѡдѡ, дѡвѡрокѡуѡчи (С. № 71), ѡѡстѡмъ (С. № 72). Тутъ же находимъ, что ѡ замѣняетъ собою ѡ въ словѣ ѡѡгодѡтъ;—ѡ въ словѣ ѡѡдрѡмъ (С. № 71) и ѡ въ ѡѡтѡтъсѡ (С. № 72). Сюда же всего скорѣе должно отнести Албанскую грамоту Александра, воеводы Канино-Авлонскаго, (С. № 61), въ которой читаемъ: ѡѡмѡѡѡдрѡ, ѡѡмѡмѡмѡ, ѡѡѡѡѡѡмѡ, ѡѡѡѡѡѡ.

Съ 1367-го года начинаются грамоты Боснійскія; за ними идутъ Дубровницкія и Травунскія. Мы разсмотримъ тѣ только, которыя относятся къ XIV-му вѣку. Боснійскія закончимъ грамотами Дабыши. Давно уже не встрѣчались мы съ ними. Прошелъ цѣлый вѣкъ послѣ того, какъ мы оставили ихъ, и вотъ онѣ снова являются передъ нами. По видимому, онѣ и теперь ничѣмъ не отличаются отъ современныхъ имъ собственно-Сербскихъ грамотъ, ибо и въ нихъ довольно часто встрѣчаемъ б-у ѡ; но это такъ кажется только съ перваго взгляда. Конечно, во всякомъ саомытномъ развитіи нѣтъ быстрыхъ скачковъ и переходовъ; одна форма незамѣтно сѣняетъ другую и въ свою очередь незамѣтно уступаетъ мѣсто иной. Въ языкѣ болѣе, чѣмъ гдѣ либо, должна быть постепенность движенія безъ рѣзкихъ граней. По этому, если грамоты собственно-Сербскія и Зетскія или, иначе, Восточныя — такъ назовемъ мы ихъ — не утрачиваютъ совершенно б-ы ѡ, но употребляютъ ее постоянно, хотя и не такъ часто, какъ прежде, то и Западныя или Дубровницкія, Боснійскія, Хлумскія и Травунскія, стоявшія прежде въ равновѣсіи съ ними, не должны были въ продолженіи столѣтій совершенно забыть этой буквы. Хотя и теперь съ перваго взгляда, сказали мы, покажется, что Западныя грамоты стоятъ въ равновѣсіи съ Восточными, но, всмотрѣвшись пристальнѣе, замѣтимъ между тѣми и другими нѣкоторую разность. Количество случаевъ употребленія,

конечно, можетъ быть равно въ тѣхъ и другихъ, ибо оно много зависитъ отъ объема и числа самихъ грамотъ; но виды употребленія становятся въ обратномъ другъ къ другу отношеніи. Въ Западныхъ грамотахъ съ половины XIV-го в. начинаетъ показываться въ большемъ количествѣ несущественное служеніе б-н ь; а случаи существеннаго служенія мало по малу рѣдѣютъ: виды этого послѣдняго равномерно являются въ обратномъ одинъ къ другому отношеніи. Рѣдко встрѣчаемъ б-у ь въ основѣ словъ и гораздо чаще при окончаніяхъ. Такъ на пр.: *вѣсе,-ста,-ъ,-ши* (С. NN^о 57, 78), *единство*, *благочыиши*, *прятельши*, *дверокыиномъ* (С. N^о 57), *седми* (С. N^о 59), *шѣшъ*, *устиши*, *сымыниѣ*, *кожастыаго*, *мстысти*, *сръасни*, *трыгоуыки*, *доходъ* (С. N^о 66), *кравыство*, *кравыства*, *кравыство* (С. NN^о 66, 68, 85, 179), *колышъ*, *разумыиши*, *кышца* (С. N^о 68), *кышъ*, *сѣда*, *усти*, *тыдан*, *моуышъ*, *кюдми*, *квалыиши*, *оустиныишъ* и *сърлатыишъ* (С. N^о 77), *служышъ,-ъ* (С. NN^о 78, 179), *кыриши*, *кыриши*, *-ъ,-о* (С. NN^о 78, 83, 179), *сымъ,-о* (С. NN^о 78, 79), *мылиши*, *кырдъно*, *кылиши*, *послѣдми*, *зымышъ* (С. N^о 78), *ныды*, *оуышъ*, *дверокыиномъ*, *кочорыско* (С. N^о 79), *пдышъ*, *свѣство*, *погыишъ*, *оуышъ*, *кравышъ*, *уыиши*, *свободыиши* (С. N^о 81), *ныкыиши*, *кыриши*, *послыиши* (С. N^о 76), *кыриши*, *кыриши*, *кыриши*, *кыриши*, *кыриши*, *кыриши* и пр. (С. N^о 179), *кыриши*, *кыриши*, *кыриши*, *кыриши*, *кыриши*, *кыриши* (С. N^о 83), *кыриши*, *кыриши*, *кыриши*, *кыриши*, *кыриши*, *кыриши* (С. N^о 84), *кыриши*, *кыриши*, *кыриши* (С. N^о 85), *кыриши*, *кыриши*, *кыриши*, *кыриши*, *кыриши*, *кыриши*, *кыриши*, *кыриши*, *кыриши*, *кыриши* (С. N^о 86) и пр. Кое-гдѣ въ сложныхъ словахъ: *кыриши* (С. NN^о 66, 76), *кыриши* (С. N^о 78), *кыриши*, *кыриши* (С. N^о 81). Но гораздо обширнѣе противъ прежняго открывается кругъ несущественнаго служенія б-н ь, такого, гдѣ она замѣняетъ собою другія буквы, или является не требуемою внутреннимъ слоуостройствомъ, вставкою для смягченія и разединенія согласныхъ. Такъ мы находимъ ее вмѣсто и: *кыриши* (дат. ед., С. N^о 59), *кыриши* (С. N^о 66), *кыриши*, *кыриши*, *кыриши*, *кыриши*, *кыриши*, *кыриши* (С. N^о 78), *кыриши* (С. N^о 79), ср. *кыриши* (С. N^о 94), *кыриши*, *кыриши*, *кыриши*, *кыриши* (С. N^о 81), ср. *кыриши* (А. N^о 8), *кыриши*, *кыриши* (С. N^о 179), *кыриши*, *кыриши* (С. NN^о 83, 84), *кыриши* (С. N^о 85); вмѣсто е: *кыриши* (С. N^о 78), *кыриши* (С. N^о 83); вмѣсто о: *кыриши* (С. N^о 68); вмѣсто а: *кыриши* (С. N^о 80); вмѣсто я: *кыриши* (С. N^о 66). Смягчающее ь встрѣчаемъ въ словахъ: *кыриши* (С. N^о 66), *кыриши*, *кыриши* (С. N^о 68), *кыриши* (С. N^о 78), *кыриши* (С. N^о 81). Въ словѣ *кыриши* (С. N^о 78) ь является излишнимъ, ибо я, по мѣстному свойству нарѣчія, стоитъ здѣсь вмѣсто ш, и по тому одного і въ ш достаточно для смягченія предшествующей согласной а. Такъ точно и въ словѣ *кыриши* (С. N^о 81) ь производитъ то же, что уже произведено б-ю ш. Въ словѣ *кыриши* (С. N^о 82) ь замѣняетъ і для образованія ш, а это стоитъ вмѣсто я. Еще встрѣчаемъ весьма странное сочетаніе ьш вш. и въ словахъ: *кыриши*, *кыриши*, въ *кыриши* образъ, *кыриши* (С. N^о 66). Такимъ образомъ въ нашемъ виду, передъ глазами исторіи, въ присутствіи самихъ памятниковъ, совершается движеніе б-н ь. Въ XIV-мъ вѣкѣ употребленіе ея слабѣетъ въ самой Восточной семьѣ грамотъ и еще болѣе въ Западной. Въ послѣдней уже не рѣдко является оно несущественнымъ.

Въ XV-мъ вѣкѣ различіе между Восточною и Западною семьями еще болѣе увеличивается, благодаря стойкости первыхъ и движенію послѣднихъ. Между тѣмъ, какъ первыя остаются при одномъ и томъ же употребленіи б-н ь, хотя нѣсколько болѣе ограниченномъ, послѣднія все болѣе и болѣе вдаются въ

до обращено въ яную сторону—для стяженія гласности, откуда возникло замѣнительное или несущественное служеніе б-ы ѡ. Если теперъ, въ самой Западной семьѣ грамотъ, обратимъ вниманіе на различіе, которое находится между ними относительно существеннаго ѡ, то замѣтимъ, что Дубровницкія и Боснійскія грамоты ближе подходятъ къ собственно-Сербскимъ, чѣмъ Хлумскія и Травунскія, которыя представляютъ собою уже крайность Западной семьи, противоположную Аеонскимъ, другой крайности Восточной семьи. На долю Хлумскихъ и Травунскихъ грамотъ не много приходится случаевъ законнаго служенія б-ы ѡ, хотя онѣ въ Западной семьѣ XV-го в. составляютъ большую половину. Что же касается до несущественнаго служенія б-ы ѡ, то онѣ не уступаютъ въ немъ другимъ односемейнымъ съ ними грамотамъ. Самое обширное несущественное употребленіе б-ы ѡ видимъ мы въ замѣнѣ этою буквою полной гласной и въ косвенныхъ падежахъ существительныхъ жен. р. на -ѡ и во всѣхъ падежахъ существительныхъ того же рода на -имъ, въ прямыхъ падежахъ существительныхъ собирают. на -имъ, во всѣхъ падежахъ сущ. ср. р. на -имъ и прилагательныхъ на -имъ, -имъ, -имъ,—замѣнѣ, которая съ первой половины XV-го в. усиливается весьма значительно, такъ что безспорно, можно сказать, ей принадлежитъ первенство во всей разнообразной области служенія б-ы ѡ въ XV-мъ вѣкѣ. На всякомъ шагѣ встрѣчаемъ подобныя формы: поминѣтимъ, -ѡ (С. NN^о 87, 102, 120), ѡ повѣнѣти или бытѣти (С. N^о 89), сѣдѣти, -ѡ (С. NN^о 89, 107), приморью (С. NN^о 89, 116, 150 — 154), приштѣтѣмъ, -ѡ, приштѣтѣ (С. NN^о 89, 104, 114, 135), родитѣльѣ, -ѡ (С. NN^о 89, 97, 132, 144), неугатью (С. NN^о 92, 114, 116, 117, 120, 123, 127, 129, 130, 134, 135, 140, 143, 151, 152, 153, 157, 162), помилсареѣ, -имъ, -ѡ (С. NN^о 95, 97, 100, 104, 114, 117, 123, 126, 144), матерью (С. NN^о 95, 118), бѣжью, бѣжѣ, -ѡ; божѣ, -ѡга и т. д. (С. NN^о 97, 102, 107, 117, 120, 128, 129, 133, 141), лѣдѣ, лѣдѣмъ, лѣдѣ, людѣмъ (С. NN^о 101, 118, 142, 163), ую (С. NN^о 104, 107, 114, 127, 133), хитростью, лѣномостью (С. NN^о 104, 107, 114, 120, 127, 133, 142), знанѣмъ, -имъ (С. NN^о 106, 127, 143, 157), милостью, мѣтѣю (С. NN^о 107, 116, 117, 118, 120, 122, 127, 129, 133, 134, 141), споминѣтимъ; -ѡ, -имъ (С. NN^о 122, 127, 128, 133, 134, 141, 142, 144), вѣтровѣмъ, пристѣилѣмъ (З. А.), мѣтитѣмъ (С. N^о 136), пристѣмъ (С. N^о 140) и пр. и пр. Сверхъ того ѡ замѣняетъ и въ слѣдующихъ словахъ: сѣю, -имъ, сѣганъ, сѣмъ (С. NN^о 89, 91, 107, 114), зѣмѣмъ (С. N^о 89), хрѣстоѡ (С. N^о 103), дѣмѣ, -ѡ, дѣмѣ (С. NN^о 104, 107, 114, 122, 127, 129, 133), зѣмѣмъ, -ѣмъ (С. NN^о 107, 114, 127, 133), трѣ, прѣти, прѣмѣ (С. N^о 115), прѣмѣмъ, -ѣ (С. NN^о 115, 119), прѣмѣмо, -ѣмъ (С. NN^о 115, 123, 130), прѣмѣмѣ (С. NN^о 115, 126), прѣдѣ, -ѡмъ, прѣдѣ (С. N^о 121), прѣдѣмъ, прѣмѣ (Ирина, С. N^о 130), трѣмѣмѣмъ, гдѣ ѡ замѣняетъ имъ (С. N^о 145); во 2-мъ л. ед. ч. наст. вр. и въ неокончательномъ наклоненіи. Оно лишнее въ формахъ: сѣмъ (С. N^о 107), мѣмѣмъ (С. N^о 119), грѣмѣмѣ, прѣмѣмъ (С. N^о 121), прѣмѣдъ, прѣмѣмѣмѣ, прѣмѣмѣмо, прѣмѣти, (С. N^о 126), брѣмѣмѣмъ, -ѡмъ (С. NN^о 136, 140), божѣмѣмъ, божѣмѣмъ (С. N^о 141), ибо смягчающее дѣйствіе уже безъ него производится послѣдующимъ и; въ словѣ прѣдѣ (С. N^о 123) оно не нужно по тому, что ѡ есть уже мягкое, то же, что и, и сдѣсь стоитъ вм. ѡ, какъ и въ вышеприведенныхъ прѣмѣдъ и прѣмѣ, гдѣ имъ есть то же, что ѡ; также точно не нужно оно и въ словахъ вѣмѣмѣмъ (С. N^о 107), вѣмѣмъ (С. N^о 126). Оно стоитъ вмѣсто смягчающаго і въ словахъ вѣмѣмъ (С. N^о 84), вѣмѣмѣмъ (С. N^о 103), мѣмѣмъ, -ѣмъ (С. N^о 123). Наконецъ замѣтимъ сочетаніе ѡ въ Боснійской гр-ѣ С. N^о 136: прѣмѣ, вѣрѣмѣмѣмъ, стѣорѣмѣмъ, потѣрѣдѣмѣмъ, брѣмѣмѣмъ,

гдѣ ъ, ѣ есть и, въ нѣкоторыхъ стянутое изъ ѡи. Б-а ѡ замѣняетъ б-у а въ слѣдующихъ словахъ: *искутъю* (С. NN^о 87, 108), *скотогъ*, *босилскогъ*, *нашигъ*, *принисокогъ*, *какъ* и *нынѣ*, *гъ*, *опайишъ* (С. N^о 88), *залеути* (С. N^о 101), *згоръ* (С. NN^о 112, 115, 127, 128, 132), *матржишъ* (С. N^о 115), *иванишъ* (Иванишъ, С. N^о 117), *дальмици* (Далмаціи, С. N^о 136), *е- свѣтълиствъ* (С. NN^о 142, 143) *дасишъ*, *ви. ѡсышъ* или *ѡсышъ* (С. N^о 143), *ср. носимъ* (С. N^о 40), *виузати* (С. N^о 157); б-у ѡ: *свѣдѣлю* (С. N^о 89), *вельможъ*, *-жани* (С. NN^о 89, 92, 136), *оуръ*, *оуръ* (С. NN^о 92, 94, 96, 104, 106, 112, 114, 115, 119, 121, 122, 125, 127), *сръѣ* (Сергія, С. N^о 132), *племьнита* (С. N^о 172); б-у ѡ: *ѡбътоканьѡ* (-шьѡ, С. N^о 107), *годъ* (*годъ*, С. N^о 114), *крьшъ*, *-шъ* (С. NN^о 115, 126), *потръкокло*, *пръстошъ* (С. N^о 115), *пръписъ*, *-шъ* (С. NN^о 115, 123), *пръдъ*, *пръстакъ*, (С. N^о 121), *пръписъ* (С. N^о 126). Попадается еще сочетаніе ѡи *ви. а* въ выраженіи *сръѣ* *зписъ* (С. N^о 141). Другой видъ несущественнаго служенія б-ы ѡ есть тотъ , въ которомъ она является произвольно вставленною для смягченія и разединенія согласныхъ тамъ , гдѣ природа слова и законы сравнительнаго словообразованія того не требуютъ. Она является при стеченіи одинакихъ согласныхъ , на пр., *рѣшънцъ*, *-омъ* (С. NN^о 89, 93, 107), *писльѡ*, *-ѡ* (С. NN^о 92, 107, 114), *рѣшъни*, *-ѡ*, *-ѡ*, *-нѣшъ*, *-нѣшъ* (С. NN^о 107, 114, 117), *божствельѡшъ*, *исповѣнънцъ*, *именовельни* (С. N^о 114), *законьѡ*, *-ѡшъ* (С. NN^о 117, 118), *закписльнѣшъ*, *виоплѣмьѣнникоѡ* (С. N^о 118); при стеченіи разнородныхъ согласныхъ : *зъѡздицѡ* (С. N^о 130) и въ иностранныхъ словахъ: *дальмици*, *дхальмици*, (З. А.; С. N^о 136), *гемьвара* (С. N^о 84), *петръ* (С. N^о 98), *ивъгелъ* (С. N^о 107), *шръѣ*, *шръѡ*, (С. NN^о 116, 170), *херънцъ*, *-ѣ* (С. NN^о 118, 140, 161, 163), *скльѣѣни*, *-льѡ*, *-лишъ* (С. NN^о 118, 141, 150), *нрънѣръ*, *-ѣ* (С. NN^о 119, 152), *фръѣлра* (С. NN^о 127, 163), *ивъгъста* (С. N^о 139), *дхемьвара* (С. N^о 140), *амьдрѣ* (С. N^о 141) и пр.

Легко можно было замѣтить, что, разсматривая употребленіе б-ы ѡ по вѣкамъ, я не приводилъ примѣровъ для слоговъ рѣ и лѣ: это по тому, что относительно нихъ должно принять за правило, что слогъ лѣ, въ продолженіе своего существованія, и слогъ рѣ, въ продолженіе всей разсматриваемой нами письменности, соединяются крѣпче другихъ буквъ съ полугласнымъ ѡ, и при томъ такъ, что ѡ всегда стоитъ сзади плавной. Крѣпость такого соединенія истекаетъ изъ самой природы этихъ слоговъ. Б-ы рѣ и лѣ вѣдѣтъ съ полугласною составляютъ слогъ: слѣдовательно, сдѣсь полугласная занимаетъ мѣсто полной гласной, а таковая никогда не опускается изъ слога. Только мягкая, тягучая природа плавныхъ довела полную гласную до возможности обратиться въ полузвукъ; но никогда б-ы рѣ и лѣ сами по себѣ не составляли слога. Другое дѣйствіе ихъ плавности оказалось въ томъ , что полугласная была поставлена сзади ихъ, а не спереди, какъ надлежало бы по подобію полныхъ гласныхъ, образующихъ слогъ. Въ послѣдствіи мы увидимъ, что какъ скоро полугласіе слоговъ рѣ и лѣ переходитъ въ полногласіе, то гласная, замѣняющая ѡ, уже становится впереди плавныхъ. Сдѣсь пока укажу только на исключенія, и не болѣе, какъ исключенія, въ пользу предшества полугласной. Но таковыя чрезвычайно рѣдки; вотъ они: *връѣ*, *сръѣрѣнѣ* (С. N^о 16), *вльѡта* (С. N^о 57), *сръѣлѣшъ* (Г. V), *сръѣсѣ* (печ., А. т. XI), *чръѡвельни* (печ., Мл.) Не менѣе рѣдко повтореніе б-ы ѡ спереди и сзади плавной: *жръѡнъѡнцъ*, *сръѣрѣтъ*, *шръѣ* (С. N^о 16), *зръѣскошъ*, *-ога* (С. NN^о 20, 98), *тръѣ* (С. N^о 132). Вообще Сербы любятъ слогъ рѣ и даже иногда позволяютъ себѣ законныя соединенія *ср*, *рѣ* и *рѣ* обращать въ несущественное *рѣ*. Сюда отнесу вышеприведенныя примѣры:

срълѣ, срълѣ (Sergia), потръбокѣ, крьме, прѣдѣ, хръстокѣ, трѣ ит. п., а также дрѣмѣ (С. № 84), дрѣмѣм (С. № 86), дрѣмѣ (С. № 137) и пр. Слогъ ѣ является однажды таковымъ въ словѣ дѣлѣмѣ (С. № 15), ср. дѣлѣмѣ (С. № 14).

Наконецъ еще объ одномъ употребленіи б-ы ѣ остается мнѣ сказать—объ удвоеніи. Обыкновенно думаютъ, что удвоеніе б-ы ѣ есть признакъ родительнаго падежа, при томъ признакъ вѣшній, плодъ досужей выдумки писцовъ, желавшихъ чѣмъ нибудь отличить родительный п. мн. ч. существительныхъ муж. р. отъ именительнаго ед. ч. Сверхъ того, Шафарикъ замѣчаетъ, что ѣ или ѣ съ удвоеннымъ значкомъ ` или ` показываетъ, что сдѣсь его должно произносить, какъ долгое а¹. Примѣры приведены имъ, большею частію, изъ памятниковъ, принадлежащихъ Сербобулгарской письменности, гдѣ Ц.-Славянская стихія преобладала; а изъ народныхъ упомянута только грамота Душана 1348 года. Примѣры Шафарика справедливо заставляютъ догадываться, что ѣ есть изобрѣтеніе православныхъ писцовъ и преимущественно духовныхъ: дѣйствительно, наши грамоты подтверждаютъ эту догадку тѣмъ, что изъ нихъ только Аѳонскія и немногія собственно-Сербскія имѣютъ въ себѣ ѣ, первыя болѣе, вторыя менѣе. Исключеніе составляетъ только одно слово зумнѣмѣ, встрѣчающееся въ Травунской гр-ѣ (С. № 78); но оно не можетъ быть принято въ расчетъ по своей одинокости, и по тому еще, что не есть родительный п. мн. ч.; скорѣе его должно считать за погрѣшность писца. Справедливо можно сказать, что ѣ не выходило изъ круга грамотъ, писанныхъ при православномъ дворѣ, и тѣмъ чаще встрѣчается, чѣмъ грамота ближе къ дѣламъ, а слѣдовательно, и вліянію православнаго духовенства. Что же касается до мнѣнія Шафарика, будто бы ѣ должно произноситься, какъ ā, то это не можетъ быть доказано письменными памятниками. Положимъ, что народъ въ своемъ говорѣ издавна озвукотворялъ въ родит. п. мн. ч. б-у ѣ черезъ а и при томъ произносилъ сдѣсь эту послѣднюю, какъ долгую; но такого озвукотворенія въ письменныхъ памятникахъ, и именно современныхъ и одноименныхъ удвоенному ѣ, не видимъ еще и слѣдовъ. Озвукотвореніе началось поздѣе и при томъ на почвѣ, совершенно противоположной Аѳонскимъ грамотамъ, на почвѣ Западной семьи. Двойное ѣ не можетъ также быть однимъ вѣшнимъ, ничего не значащимъ признакомъ родительнаго п. мн. ч. Если, по Шафарика, окончаніе этого падежа звучало на ā, то вовсе не нужно бы было отмѣчать его двойнымъ ѣ, ибо и безъ того была разница между нимъ и окончаніемъ именительнаго п. ед. ч. Если же въ произношеніи не было между ними никакого различія, какъ въ Ц.-Славянскомъ языкѣ, а это всего вѣроятнѣе, ибо подтверждается участіемъ православнаго духовенства въ образованіи ѣ, то опять не нужно бы было различать ихъ, какъ не различаются они въ Ц.-Славянской письменности. Дѣло въ томъ, что ѣ, будучи признакомъ родительнаго падежа, имѣетъ и свое внутреннее значеніе, на которое указываетъ тождественное съ нимъ ѣ, ѣ. Значекъ ` , какъ замѣтили мы прежде, исполняетъ два главныхъ назначенія—выражаетъ мягкость и служитъ признакомъ стяженія голоса. Двѣ деспотскія грамоты (С. NN№ 73, 91) весьма важны для насъ въ томъ отношеніи, что чрезвычайно осторожно употребляютъ значекъ ` : гдѣ пишутъ одно ѣ въ род. п. мн. ч., тамъ ставятъ надъ нимъ этотъ значекъ, а гдѣ пишутъ ѣ, тамъ значка надъ нимъ нѣтъ. Это обстоятельство и доказываетъ тождественность ѣ и ѣ, на пр., дочерокѣмѣ, сьдѣмѣ, срълѣмѣ и дочерокѣмѣ, срълѣмѣ. Такъ равно въ другихъ

¹ Serbische Lesekörner, стр. 30

грамматахъ находимъ или ѡ, или одно ѡ со значкомъ " , на пр., ѡцѣ (А. NN^о 8, 11), ѡпѣль, соколарѣ, испрѣ, свродимѣ (А. N^о 5), родителѣ, моужѣ, ѡцѣ, ѡпѣ (А. N^о 10), старцѣ (А. N^о 18), монастырь (Г. А) и пр. Но встрѣчаемъ нѣкоторыя исключенія: значекъ " и подобный ему " , или даже одинакій ' , исполняющій сдѣсь, вѣроятно, то же самое назначеніе, стоятъ надъ двойнымъ ѡ: прѣ-родителѣ, сподѣ, моужѣ, ѡцѣ (А. N^о 10), родителѣ (В. N^о 1), соуд-никѣ (А. N^о 4). Что касается до значка °, два раза поставленнаго надъ ѡ: прародителѣ (А. N^о 4), йгоумилѣ (А. N^о 3), то онъ, имѣя совершенно иной родъ служенія, стоитъ надъ этою буквою въ томъ же самомъ смыслѣ, въ какомъ поставляется и надъ однимъ ѡ. О значкахъ " и " надъ ѡ мы уже говорили. И такъ, сообразивъ большинство случаевъ, мы должны согласиться, что дѣйствительно ѡ было назначено писцами для родительнаго п. мн. ч. въ отличіе отъ именительнаго п. ед. ч.; но въ то же время необходимо прибавить, что въ этомъ случаѣ писцы употребляли второе ѡ не какъ одинъ видѣнный при-знакъ этого падежа, а видѣли въ немъ внутреннее достоинство, само за себя говорящее, именно, его мягкость и долготу. Если бы оно само по себѣ ничего не означало, то они, въ отсутствіи его, не ставили бы съ такою вѣр-ностію значковъ " и " , ибо для ничего не выражающей буквы не нуженъ былъ бы и значекъ. Чтобы лучше объяснить дѣло, мы должны вспомнить, что въ Индоевропейскомъ прѣязыкѣ родительный п. мн. ч. исходилъ на долгую гласную, какъ видно изъ Савскрита, который для этого падежа имѣетъ окончаніе *ām*, изъ Готскаго, гдѣ первичное *ā* уже обратилось въ *ē*, и Литовскаго, гдѣ оно есть уже *ai*; ср. Греч. *ων*. Ц.-Славянскій языкъ, въ своемъ стремленіи къ стяженію гласности въ полугласіе, стянулъ исходную гласную, не смотря на то, что она была долгою, въ полувзвукъ, выраженный имъ чрезъ ѡ, или ѡ. Прочія же Славянскія нарѣчія, обратившись снова къ полногласію, выразили конечную гласную различнымъ образомъ, но всюду въ видѣ долготы, или цѣльной, или разложенной на двоегласіе, хотя, впрочемъ, во всѣхъ, кромѣ Сербскаго, остался значительный отдѣлъ словъ, въ которыхъ сокращеніе долгой гласной въ безгласіе или, что то же, исходъ падежа на согласную, оставленъ не тронутымъ. Сербскій языкъ, одинъ изъ всѣхъ Славянскихъ языковъ, всюду имѣетъ долгое гласное окончаніе, цѣльное *a*, *u*, или разложенное *ova*. Ближе всѣхъ подхо-дятъ къ нему Лужицкія нарѣчія, которыя тоже почти всюду имѣютъ гласное окончаніе *ow*, и иногда въ В.-Лужицкомъ *i*, съ тѣмъ однако отличіемъ, что въ нѣкоторыхъ немногихъ случаяхъ допускаютъ при полномъ окончаніи и со-кращенное на полугласную. Такое постоянство Сербскаго нарѣчія должно было обратить на себя вниманіе древнихъ писцовъ, когда они, пиша слово по-церков-нославянски произносили его въ то же время по-сербски. Но точно ли считали она необходимыми, поставивши Ц.-Славянскую форму, произносить ее по-серб-ски? Рѣшивши этотъ вопросъ, мы можемъ задать себѣ и другой вопросъ: отъ какого именно падежа хотѣли писцы отличить родительный п. мн. ч., отъ име-нительнаго ли п. ед. ч. по Ц.-Славянскому произношенію, или же отъ родитель-наго того же числа по Сербскому произношенію? Очевидно, первый вопросъ зависѣлъ отъ произвола писцовъ: всякій имѣлъ право произносить форму, какъ хотѣлъ, такъ, или сякъ. Тѣмъ не менѣе все заставляетъ думать, что если въ правописаніи грамотъ, гдѣ есть ѡ, писцы твердо держались Ц.-Славянскаго языка, то произносить написанное должны были, преимущественно придержи-ваясь Ц.-Славянскаго чтенія: слѣдовательно, родителѣ звучало, какъ родитѣль, а не какъ родитѣлѣ. Тѣ же имена, которыя исходили на твердую полугласную,

звучали твердо, на пр., доґеробуґань звучало, какъ доґеробуґань. Мы видимъ надъ другими буквами, что Сербь не стѣснялись Ц.-Славянскимъ правописаніемъ, даже въ ближайшихъ къ нему грамотахъ, и если какая нибудь буква противорѣчила ихъ выговору, то они измѣняли ее: такъ, не имѣя носовыхъ звуковъ, они выбросили ихъ и на ихъ мѣсто поставили оу и я — тѣ самые звуки, въ которые обратились у нихъ носовые, — и это совершилось въ равной степени въ грамотахъ обомъ семействамъ. По этому и ъ произносили они за ъ, а не за а, ибо когда стали произносить его за а, тогда прямо стали такъ и писать его. Допустивши это, мы уже смѣло можемъ рѣшить и другой вопросъ и сказать, что, удивляя ъ въ родит. п. мн. ч., они имѣли въ виду отличие его отъ именительнаго п. ед. ч., но отнюдь не родительнаго, ибо, во первыхъ, окончаніе родит. п. ед. ч. не имѣетъ долгаго а, а по тому не для чего было отличать его; и во вторыхъ ъ употребляется почти исключительно для именъ мужескаго рода, тогда какъ если бы ъ служило для отличія родительнаго п. мн. ч. отъ такого же ед. ч., то ъ имѣло бы равносильное употребленіе и въ среднемъ родѣ, ибо его родительный п. ед. ч., какъ и въ мужескомъ родѣ, звучитъ на а. Все это приводитъ къ тому, что писцы смотрѣли на ъ (ъ) родительнаго п. мн. ч., съ одной стороны, какъ на чисто виѣшній знакъ, и съ этой точки зрѣнія не находили между нимъ и ъ (ъ) именительнаго п. ед. ч. никакого различія; а съ другой стороны, не находя между ними никакого виѣшняго различія, что очень естественно, ибо это былъ одинъ и тотъ же знакъ, поглотившій въ себя и твердость и мягкость и сдѣлавшій ихъ безразличными, они видѣли между тѣмъ и другимъ ъ большую разницу, какъ скоро къ Ц.-Славянской формѣ приняла Сербское произношеніе: и по тому, не желая явно нарушать своего правила писать и читать въ извѣстномъ разрядѣ грамотъ по-церковнославянски, они только тонкимъ намекомъ давали знать, что въ ихъ народномъ говорѣ ъ родительнаго п. мн. ч. звучитъ отлично отъ именительнаго п. ед. ч. Такимъ образомъ они мирили народную стихію съ Ц.-Славянской. Чѣмъ же могли они всего лучше наметнуть на это различіе? Чтобы остаться вѣрными Ц.-Славянскому полугласію, они оставили его неприкосновеннымъ въ видѣ ъ, но чтобы въ то же время наметнуть и на народную гласную долготу, имъ не оставалось больше ничего, какъ только повторить ъ въ видѣ ѡ, что и получило свое внутреннее значеніе, какъ выраженіе долготы. Положимъ, что это былъ условный, наружный знакъ, но все таки онъ имѣлъ и внутреннее значеніе, указывая на долгую гласную, присутствующую въ родит. п. мн. ч. по народному способу произношенія: такъ ѡ соединило въ себѣ оба воззрѣнія, и виѣшнее и внутреннее. Первое ѡ было, по произношенію, то мягкое, то твердое; второе мягкое; но прираженіе голоса, замѣчаемое въ мягкости, всегда придаетъ звуку самостоятельность, собственный отбой голоса, большую продолжительность: по этому долготу б-ы а въ родит. п. мн. ч. справедливо можно бы было приписать б-ѡ ѡ. Тамъ, гдѣ они писали одно ѡ, они ставили надъ нимъ значекъ ˘, чтобы показать, что ѡ сдѣсь стягиваетъ въ себѣ двойную мягкость и должно быть разложено на ѡ. Но все таки ѡ было однимъ лишь письменнымъ знакомъ; въ произношеніи же его слышался тотъ самый полугласный звукъ, твердый, или мягкій, какой имѣло слово въ именительномъ п. ед. ч. народнаго говора. По этому, чтобы не навести произношеніе на что нибудь особенное, на какую нибудь двойственность звуковъ, писцы ставили надъ однимъ изъ ѡ открытый значекъ ˘, какъ мы видѣли выше, — и это служить новымъ доказательствомъ тому, что писцы въ этомъ случаѣ руковод-

сыволялись произношеніемъ, ближайшимъ къ Ц.-Славянскому, т. е., принимали ъ за безгласное ѡ, и только предшествующей согласной придавали твердый, или мягкій отзвукъ, смотря по свойству народнаго языка. Но такъ какъ въ Сербскомъ языкѣ долгое а служило исходомъ для родительнаго п. мн. ч. именъ всѣхъ родовъ, то, признавши за ѡ и внутреннее значеніе, какъ долготы, мы поймемъ, по чему это внутреннее свойство позволило окончанію ѡ перейти сначала на родительный п. мн. ч. именъ женскаго и средняго рода, хотя и сдѣсь собственно мягкое окончаніе этого падежа было лишь условнымъ, ибо силы, слава могли звучать, какъ *сѣль*, *сѣль*, а потомъ, какъ дальнѣйшее дѣйствіе той же озвукотворяющей и удлинняющей силы, и на именительный п. ед. ч. муж. р. однихъ, по видимому, только указательныхъ мѣстоименій; на пр.: *силь* (А. № 2), *хиль*, *бранишнѣль*, *лѣтнѣль* (А. № 8), *хиль*, *мѣсть* (А. № 9), *бръдѣль*, *рѣкотѣль* (А. № 5), *сѣль*, *гоуѣль*, *рѣкотѣль* (А. № 10), *мѣсть* (А. № 11), *сѣль* (А. № 18), *поуѣль*, *рѣкотѣль* (А. № 17), *сѣль* (Г. Б; А. № 20), *госидѣль* (С. № 175); *сѣль* (А. № 2), *сѣль* (А. № 20), *тѣль* (А. № 4), ср. *тѣль* (А. № 17) и вышнія *сѣль*, *тѣль*.

Этимъ я заключаю первую часть изслѣдованія о б-ѣ ѡ. Припоминая всѣ разсмотрѣнные нами по вѣкамъ случаи употребленія б-ы ѡ, мы приходимъ къ такому итогу. Въ древнѣйшее время грамоты всѣхъ семействъ сходились и ничѣмъ не рознились между собою въ употребленіи б-ы ѡ: употребленіе это было, большею частію, существенное, т. е., такое, которое требовалось закономъ словообразованія, прадавнею гласностію, и оправдывалось родствомъ Сербскаго языка съ Индоевропейскими. Такъ какъ Ц.-Славянскій языкъ былъ настоящимъ расадникомъ полугласныхъ, то существенное употребленіе б-ы ѡ въ Д.-Сербской письменности сходилось съ таковымъ же употребленіемъ б-ѣ ѡ и ѡ въ Ц.-Славянской. Но съ теченіемъ времени и самая Восточная семья грамотъ, ближайшая къ Ц.-Славянской стихіи, лишалась болѣе и болѣе толкости чутья относительно полугласнаго начала, не могла держаться въ ней во всемъ обширномъ объемѣ, въ какомъ оно развилось въ Ц.-Славянскомъ языкѣ: тѣмъ не менѣе до самого конца XV-го ст. она отдавала преимущество существенному ѡ передъ несущественнымъ, хотя случаи его служенія значительно уменьшились своимъ количествомъ. Западная семья, подъ конецъ XIV-го и во все продолженіе XV-го ст. еще болѣе, чѣмъ Восточная, стѣснила и утратила это служеніе, отдавъ преимущество несущественному или такому, гдѣ б-а ѡ является замѣнительною, или произвольно вставленною. Несущественное служеніе б-ы ѡ возникло еще въ древнѣйшей письменности, въ сравнительно меньшемъ объемѣ противъ существеннаго, и съ тѣхъ поръ продолжалось непрерывно до самого конца XV-го ст., но безъ успѣховъ въ Восточной семьѣ и напротивъ съ огромнымъ успѣхомъ въ Западной, начиная съ XV-го вѣка. Вообще ослабленіе и паденіе б-ы ѡ есть признакъ его движенія по разнымъ семьямъ Сербскихъ грамотъ и по различнымъ возрастамъ Сербской письменности.

Перехожу ко второй части изслѣдованія о б-ѣ ѡ — къ ея опущенію. Эта часть займетъ у насъ не много времени, ибо уже одно главное положеніе, что опущеніе б-ы ѡ находится въ обратномъ отношеніи къ ея употребленію, само по себѣ достаточно объясняетъ дѣло. Не разъ замѣчали мы, что главнымъ мѣсто-пробываніемъ полугласныхъ должно почитать Ц.-Славянскій языкъ, ибо въ немъ въ наибольшей мѣрѣ проявилось полугласное начало: мы видѣли также, что другія Славянскія нарѣчія стараются уполногласить ѡ и ѡ; а тамъ, гдѣ огрубѣвшее произношеніе уже болѣе не помнило Ц.-Славянскаго полугласія и

гдѣ могло обойтись безъ него съ однимъ безгласіемъ, они выкидываютъ ихъ. Потомъ мы показали на примѣрахъ, какъ Сербскій языкъ старается уполногласить Ц.-Славянское полугласіе, или, обходясь безъ гласности, совершенно отбрасываетъ и самый признакъ полугласія б-ъ ѣ и ѡ. Строго говоря, полугласіе, въ собственномъ смыслѣ слова, сохранилось въ немъ единственно въ слогѣ рь; а въ древней его письменности на нѣкоторое время присоединился къ этому еще слогъ ѡ, пока, въ свою очередь, не обратился въ гласную. Такимъ образомъ все многообразное употребленіе полугласнаго ѡ, замѣченное нами въ предыдущей части изслѣдованія, является не болѣе, какъ подражаніемъ Ц.-Славянской письменности и слѣдствіемъ вліянія послѣдней на древнюю Сербскую. То, что мы назвали существеннымъ употребленіемъ б-ы ѡ (кромѣ слога рь), есть не что иное, какъ разумно сознанный писцами Ц.-Славянское служеніе б-ъ ѣ и ѡ, внесенное ими въ видѣ б-ы ѡ на Сербскую почву. Напротивъ, несущественное служеніе б-ы ѡ, и именно самая объемистая его часть, въ которой ѡ является стягивающимъ звукъ и при послѣдующей гласной, есть уже слѣдствіе народнаго вліянія языка, которое въ послѣдствіи приняло совершенно народный видъ, опустивъ вовсе ѡ или, лучше сказать, заставивъ послѣдующую гласную поглотить въ себя предшествующее и, сокращенное предварительно въ ѡ. Отъ того-то въ Западной семьѣ грамотъ, наиболѣе народной, это несущественное служеніе б-ы ѡ такъ сильно развилось и укрѣпилось въ XV-иѣ въѣкъ. И такъ полугласное ѡ, перенесенное въ Сербскую письменность, очутилось не на своей почвѣ; Сербскій языкъ не могъ придать ему истинно Сербской природы; не могъ сдѣлать его самостоятельную частію народнаго слова. Твердость и мягкость звуковъ существовали въ Сербскомъ языкѣ столь же самобытно, какъ и въ Ц.-Славянскомъ: оба языка сознали ихъ, каждый по своему. Выѣшавшись въ Сербскую письменность и не имѣя такого удѣльнаго вѣса, какъ полныя гласныя, ѣ и ѡ утратили здѣсь свое истинное разумное значеніе, первымъ слѣдствіемъ чего было ихъ взаимное смѣшеніе, изгнаніе перваго, господство и упадокъ послѣдняго. Будучи лишь видимымъ знакомъ твердости и мягкости и не имѣя въ себѣ для Сербовъ никакого самобытнаго звука, ѡ должно было скоро лишиться своего служенія. Оно могло держаться только на своей родной почвѣ, гдѣ рядомъ съ нимъ стоялъ другой знакъ, ѣ, и гдѣ такимъ образомъ оба знака поддерживали другъ друга въ равновѣсіи, составляя живую часть языка: если былъ неумѣстенъ одинъ, то необходимъ былъ другой, чтобы соблюсти въ словѣ настоящую его природу и его благозвучіе, истекающее отъ правильнаго различенія твердости и мягкости. Отъ того въ наше время нѣкоторые Сербскіе писатели, желавшіе видимыми знаками отличить твердость и мягкость согласныхъ звуковъ и, естественно, приведенные къ Ц.-Славянскимъ полугласнымъ, приняли оба знака, ѣ и ѡ. Такъ и должно быть. Но въ древнемъ Сербскомъ правописаніи, съ изъятіемъ изъ употребленія одного знака, а другой долженъ былъ поколебаться: и дѣйствительно, писцы начали его по немногу выпускать, когда онъ являлся безгласнымъ, или только смягчающимъ. Нынѣшнее же большинство Сербовъ, слѣдуя В. Караджичу, порѣшило тѣмъ, что вовсе изгнало изъ своего правописанія какъ ѡ, такъ и ѣ, даже изъ слога рь, удержавъ ѡ только въ слитномъ видѣ для смягченія плавныхъ л и м:—лъ, нь.

Но между тѣмъ, какъ въ большей части собственно-Сербскихъ грамотъ и во всѣхъ грамотахъ Западной семьи писцы прямо выбрасывали ѡ, въ Аѳонскихъ и немногихъ собственно-Сербскихъ грамотахъ они не отваживались непосредственно на это дѣйствіе, но чаще ограничивались тѣмъ, что выводили ѡ изъ строки и по-

ставляли вмѣсто него сверху строки условный значекъ. Впрочемъ, это была не древнѣйшая выдумка писцовъ: въ XII-мъ вѣкѣ значки еще не существовали въ Сербской письменности, и писцы принуждены были въ гр-ѣ Немани отбрасывать ъ безъ вознагражденія его какимъ либо значкомъ. Самая твердая сторова служенія б-ы ъ есть та, въ которой эта буква является истинно полугласною съ своимъ самобытнымъ, хотя и неопредѣленнымъ отзвукомъ. По тому самому, что отзвукъ этотъ не имѣлъ въ себѣ ничего яснаго и положительнаго, писцамъ, употреблявшимъ Ц.-Славянскую азбуку, всего легче было выразить его полугласнымъ ъ: такъ и писали они слоги рѣ и лѣ; и въ этихъ слогахъ ъ сохранялось гораздо тверже, чѣмъ въ другихъ, такъ какъ здѣсь оно имѣло свою собственную частицу гласности. При томъ слогъ рѣ былъ чисто народнымъ, ибо и доселѣ звучитъ одинаково, какъ звучалъ въ старину, т. е., съ полугласнымъ отзвукомъ: и теперь пишутъ *крѣт* или, по другимъ, *крѣтъ*, и не нуждаются въ полномъ озвукотвореніи этого полугласнаго сочетанія. Отъ того весьма естественнымъ слѣдствіемъ было постоянное употребленіе этого слога съ б-ю ъ, какъ и другое, ближайшее къ народному, стяженіе и передъ гласною въ ъ. Эти два случая употребленія б-ы ъ, присоединивъ къ нимъ и слогъ лѣ, въ слѣдствіе ихъ относительной близости къ народной рѣчи, были прочтѣ другихъ, и по тому весьма неудивительнымъ покажется, что рѣ и лѣ безъ ъ являются не болѣе, какъ исключениями, между тѣмъ, какъ другіе случаи опущенія б-ы ъ суть такіе же законныя, какъ и самыя подобныя имъ случаи употребленія б-ы ъ: тѣ и другіе имѣютъ свое историческое значеніе. Присутствіе б-ы ъ указываетъ на вліяніе Ц.-Славянской стихіи, отсутствіе ея указываетъ на вліяніе народной стихіи: изъ этихъ двухъ стихій сложилась вся Д.-Сербская Кирилловская письменность. Если писцы опускали ъ тамъ, гдѣ видѣли въ немъ одно лишь безгласіе, или одну лишь смягчающую силу, то они не дѣлали ошибки противъ роднаго слова, для котораго не по силамъ, да и не за чѣмъ было сохранять ъ во всемъ его обширномъ объемѣ, съ какимъ оно перенесено было первоначально съ Ц.-Славянской почвы на Сербскую: достаточно было и того, что ъ приложилось къ народной рѣчи въ двухъ вышеупомянутыхъ случаяхъ: рѣ и лѣ, гдѣ оно получило все таки какое нибудь самостоятельное значеніе.

Послѣ всего сказаннаго не мудренымъ покажется, если и въ самыхъ первыхъ грамотахъ мы найдемъ столько же случаевъ для опущенія б-ы ъ, сколько нашли ихъ для употребленія ея. Такъ, въ гр-ѣ Кулина находимъ: *иниѣ*, *дяди*, *кто*, *миѣ*, *иниѣ* и пр. (А. И.) и въ гр-ѣ Немани: *всамога*, *многочу*, *разкалѣи*, *вса*, *внѣзу* и пр. (А. № 1). Въ XIII-мъ в. опущеніе б-ы ъ становится чаще; оно совершается во всѣхъ тѣхъ видахъ, въ коихъ совершалось и употребленіе этой буквы. Примеры столь многочисленны, что достаточно ограничиться въ которыхъ нибудь изъ древнѣйшихъ грамотъ. Такъ находимъ: *створи*, *вса*, *врядани*, *вряданица*, *дворски*, *уто*, *герском*, *врядески*, *врядету*, *поновска* и ин. др. (Ш. № VII), *всаи*, *вса*, *всаѣ* (С. NN № 2—7, 9, 15), *кто* (С. № 2), *миѣ* (С. NN № 2, 9, 17), *клетка* (С. NN № 2, 3), *доцѣрковномуу* (С. № 5), *доцѣтѣ* (С. NN № 5, 16), *ошнѣиѣ* (С. NN № 5, 9), *внѣзу* (С. NN № 4, 7, 10, 11, 13, 14, 15, 17), *сво* (С. NN № 3, 11, 16), *всаиѣ-ога-ниѣ*, *уто* (С. № 3), *рѣшиѣ* (С. № 7), *уто*, *врядѣ* (С. № 6), *дѣшѣ* (С. № 9), *вѣзи* (NN № 15, 17), *дѣо*, *лювиѣ*, (С. № 16) и пр. и пр. Особенно въ сложныхъ формахъ опущеніе б-ы ъ замѣтно усиливалось, на пр., *створиѣ*, *вѣдложи*, *къ смѣиѣ*, *всирѣка* (Ш. № VII), *вѣдздохъ* (С. № 2), *скрѣпѣиѣ* (С. № 3), *всаиѣиѣ* (С. NN № 4, 15), *створиѣ* (С. № 4), *богѣи* (богъ ии, С.

№ 11; Ш. № I.), *взми* (С. № 17), *издаю* (С. № 21), *исхави* (С. № 27), *створиш* (С. № 32) и пр. и пр. Въ XIV-мъ и XV-мъ вв. опущеніе еще чаще. Не привожу примѣровъ изъ этихъ вѣковъ. Приведенные изъ предыдущаго уже достаточно показываютъ, что и въ этихъ вѣкахъ опущеніе б-ы ѣ должно было итти въ обратномъ отношеніи къ употребленію ея, т. е., что по мѣрѣ ослабленія этого послѣдняго, оно, съ своей стороны, усиливалось.

Что же касается до конечнаго ѣ, то мы уже выше сказали, что оно никогда, не отбрасывается, и формы, каковы на пр., *мод* (А. № 1), *бръзти* (Ш. № VII) *дрин*, *сѣл* (А. № 6), *цѣков* (А. № 13), *перьпер* (З.), *хрисовоуаих* (Г. А.), *дрочгних*, *сѣхрамит* (Г. Б), *моравицахъ*, *моихъ*, *иноплемѣнныхъ* и пр. (С.-Д. М. 1844) и т. п. суть не что иное, какъ описки, небрежность, или слѣдствіе недостатка мѣста. И на оборотъ, по словамъ Шафарика, ѣ иногда удваивалось для того только, чтобы пополнить остающееся для строки пустое мѣсто ¹.

Гораздо важнѣе для насъ прослѣдить опущеніе б-ы ѣ при слогахъ рѣ и лѣ, такъ какъ, сказали мы, эти слоги представляютъ самое постоянное мѣсто-пробываніе б-ы ѣ. Опущеніе это хотя возникло въ самыхъ давнихъ временахъ, однако, по малочисленности случаевъ и по значенію своему, можетъ быть названо не болѣе, какъ исключеніемъ. Вотъ всѣ случаи въ XIII-мъ в.: *држалъ* (С. № 7), *срѣски*, -ѣ. -ихъ (С. NN№ 6, 13, 25, 31), *врхъ*, *држалъ*, *држали*, *црквѣ*, -лъ, *срѣски* (С. № 16). Замѣтимъ, что у Ш. № XVI всѣ эти примѣры, кромѣ перваго, имѣютъ ѣ. И въ Споменникахъ три послѣдніе примѣра можно объяснить случайнымъ отсутствіемъ титлы, которая въ другихъ мѣстахъ постоянно находится надъ этими словами. Въ XIV-мъ в.: *всѣдржителѣ* (А. № 4), *срѣскаго*, -ѣ (А. № 4; С. № 176), *срѣски*, -он (С. NN№ 23, 64), *држи*, *срѣдомъ*, *сиртны* (С. № 176), *црквѣхъ*, -ѣ, *црквѣхъ* (С. NN№ 39, 50, 76), *црквѣхъ* (А. № 7), *држали* (С. № 41), *потврди* (С. № 43), *грѣшомъ*, -омъ (С. NN№ 43, 48, 49, 50, 53, 55; Г. А.), *срѣлемъ*, -емъ, -ѣ (С. NN№ 48, 49, 50, 53, 55, 64), *тврдо* (С. № 55), *скрши*, -тъ, -мо (С. NN№ 61, 78), *потврдишѣ*, *крста*, *срца*, *држалъ* (С. № 78), *срѣски*, -сихъ (печ., А. № 9; Р. III, стр. 1), *грѣхъ* (печ., А. № 10). Въ XV-мъ в. отбрасываніе совершается въ равной мѣрѣ, хотя случаевъ и больше, ибо объемъ грамотъ увеличивается. Такъ мы находимъ: *срѣскошъ*, *срѣгуанство* (С. № 92), *вдржалиъ*, *сиртъ*, *тврѣхъ*, *истрипти*, *прки*, *хрватъ* (С. № 93), *тврдо* (С. № 95), *држали*, *сруаство*, *принъ*, *цркъ*, *грѣшомъ*, *срѣхъ*, *крсти*, *срдушо* (С. № 96), *прко*, *тврѣхъ*, *држати*, *крсти* (С. № 99), *трокце* (С. № 101), *сиртъ* (С. № 109), *прстени*, *зриа* (С. № 130), *сруаизъ*, *држѣ*, *вршилн*, *крстѣ*, *зирли* (С. № 141), *крстѣ*, *држали*, *вржѣ*, *сиртъ*, *пркиахъ*, *црквѣ*; *зриа* (С. № 157), *вроздранинъ* (Г. Б), *дрка* (Мл.), *срѣлемъ* (печ., С.-Д. М. 1844). И слѣсъ также Восточныя грамоты далеко отстаютъ отъ Западныхъ, такъ что, за исключеніемъ двухъ, трехъ случаевъ, всѣ остальные случаи опущенія б-ы ѣ приходятся на долю послѣднихъ. Что касается до слога лѣ, то онъ на столько устойчивъ, что въ немъ ѣ всегда присутствуетъ, и, какъ исключеніе, я могу изъ всѣхъ грамотъ привести только слѣдующіе случаи: *хлѣскога* (Ш. № XVIII), *влато* (В. № 1), *вль*, -ѣ, -оки, -ѣ, -омъ (С. NN№ 73, 76; А. № 19), *вль* *држали* (С. № 96), *влюкишиа* (С. № 112), *влюкиши...* (мон., Г. III, NN№ 67, 68).

И такъ уже съ самыхъ древнихъ временъ въ Сербской письменности б-а ѣ не пользовалась тѣмъ правильнымъ, всеобщимъ служеніемъ, которое писцы

¹ Serbische Lesekörner, стр. 30.

думали придать ей, какъ представительницѣ обохъ полугласныхъ знаковъ Ц.-Славянскаго языка. Въ одной и той же грамотѣ, въ одномъ и томъ же словѣ она находила себѣ то пріютъ, то изгнаніе: въ первомъ случаѣ ее принимали во имя Ц.-Славянскои стихіи; во второмъ ее изгоняли во имя народности. Чуждая стихія не могла снискатъ себѣ первенства, стоя рядомъ съ туземною, народною стихіею, которая стремилась къ достиженію своихъ законныхъ правъ въ кругу своей письменности. Несостоятельность Ц.-Славянскои стихіи проявилась и въ ея отдѣльныхъ служебныхъ силахъ, которыя должны были отъ времени уступать все болѣе и болѣе силамъ новымъ, народнымъ. Пока у Сербовъ еще свѣжа была память объ языкѣ и письменности, на которыхъ они совершили свое первое нравственное развитіе, до тѣхъ поръ они въ свои народные памятники вносили свойства того языка и признаки той письменности, къ которымъ питали высокое уваженіе, какъ къ путямъ, приведшимъ къ нимъ православану вѣру; но по мѣрѣ развитія народной мысли и народнаго слова, вѣра и духовенство съ своею письменностію стали отдѣляться отъ области, въ которой совершались дѣла мірскія, въ которой звучало и дѣйствовало слово народное. Такимъ образомъ это отдѣленіе условило распаденіе Д.-Сербскои письменности на два отдѣла и господство той, или другой стихіи въ языкѣ памятниковъ. Оставивъ въ сторонѣ Сербобулгарскую письменность, мы въ другомъ отдѣлѣ, въ отдѣлѣ народныхъ памятниковъ, видѣли проявленіе Ц.-Славянскои стихіи въ служеніи б-ы ъ, которое, по своей обширности и утонченности, показываетъ близкое знакомство старинныхъ писцовъ съ языкомъ вѣры, а своею продолжительностію свидѣлствуетъ о силѣ и глубинѣ корней, пущенныхъ ею въ почву Сербскои письменности. Но чуждое осталось чуждымъ, не смотря на всю близость свою къ народному: эта близость и родственность дали ему право на обширность и продолжительность; но народное, всгупая въ свои права, лишило служеніе чуждой стихіи его полноты и всецѣльности. Уже въ XII-мъ вѣкѣ ъ не могло удержать за собою всѣхъ мѣстъ, законно ему принадлежащихъ; народность показала, что оно въ ея области не было столь необходимымъ, какъ у себя на родной почвѣ:—и первымъ слѣдствіемъ этого несогласія было изгнаніе б-ы ъ изъ многихъ формъ, которыя оно занимало по праву своего служенія. Уже въ XIV вѣкѣ попадаютъ грамоты, въ которыхъ глазъ не встрѣчаетъ другаго ъ, кромѣ конечнаго. Гоненіе усиливалось; серединное ъ рѣдѣло; формы, лишенныя своей связи въ видѣ полугласныхъ, упрощивались, грубѣли. Мало того: народность воспользовалась самою б-ю ъ и, взявъ ее въ свое распоряженіе, употребила по своему на стяженіе полногласныхъ звуковъ. Но полное изгнаніе б-ы ъ могло совершиться безъ всякихъ послѣдствій только тамъ, гдѣ стеченіе согласныхъ было столь легко и звучно, что вполне допускалось произношеніемъ: только тамъ, гдѣ не было никакого затрудненія въ выговорѣ слова, ъ могло исчезать безслѣдно. Такихъ случаевъ было немного. Подобныя формы, какъ *кнѣзь, кѣто, ѹто, кнѣнга, вса* и т. п. было легко произносить и при отсутствіи б-ы ъ: *кнезь, кѣ, тѣ, ѹто (ѹо, ѹто), кнѣнга, вса, сва*. Но другія, безъ полугласнаго отзвука, не легко поддавались языку; какъ на пр., *днь, всь, сню, лювь* и т. п. Притомъ, опуская ъ безъ вознагражденія, народность Сербская страшилась упасть въ другую крайность, обнажиться отъ той одежды, которая была для нея, какъ и для прочихъ Славянскихъ нарѣчій, родная, ибо основывалась не только на взаимномъ родствѣ всѣхъ Славянскихъ нарѣчій, но и оправдывалась сравненіемъ ихъ съ прочими Индоевропейскими

языками. Эта одежда видѣлась на словахъ, въ которыхъ согласныя были закономерно растворены гласными. Хотя Ц.-Славянское нарѣчіе и обратило по большей части эту гласность въ полугласіе, а другія Славянскія нарѣчія или удержали ее въ полнотѣ, или мѣстами, гдѣ позволялъ выговоръ, обратили тоже въ полугласіе, а мѣстами вовсе выкинули изъ произношенія и письма, особенно Латинскаго, тѣмъ не менѣе праязычная гласность, не смотря на исключенія, должна была присутствовать въ большей части словъ и доставлять языку ту настоящую его звучность, которая зависитъ отъ правильного сочетанія гласности и безгласности, твердости и мягкости. Озвукотвореніе б-ы ъ явилось вознагражденіемъ за ея изгнаніе, противодѣйствіемъ обнаженію формъ, но въ то же время оно было вторымъ шагомъ народности,—такимъ, которымъ она достигала окончательнаго господства въ письменности. Она могла совершить его только уже послѣ приобрѣтенія достаточной силы для того, чтобы превозмочь б-у ъ и усилить отрѣшить ее отъ ея служенія, т. е., послѣ перваго шага, который обнаружился въ возможности выбрасыванія б-ы ъ изъ словъ, гдѣ она отправляла Ц.-Славянское служеніе. По этому озвукотворенію б-ы ъ должно было возникнуть не рано, уже послѣ совершенія перваго шага. И дѣйствительно, мы находимъ его въ полной силѣ только уже въ XV-мъ вѣкѣ. Но такъ какъ народный языкъ, сказали мы, тверже и постояннѣе, чѣмъ письменный, то онъ, вѣроятно, уже издавна озвукотворялъ Ц.-Славянское ъ или что то же, издавна сохранялъ въ этомъ отношеніи то отличительное свойство, по которому его должно было назвать именно Сербскимъ, а не другимъ какимъ языкомъ. А всякое самобытное присутствіе народности не могло обойтись безъ болѣе, или менѣе значительныхъ слѣдовъ и въ письменности: по этому уже въ древнѣйшихъ памятникахъ находимъ ясныя признаки озвукотвореннаго ъ, хотя они суть не болѣе, какъ еще весьма отрывочное, робкое проявленіе народной стихіи; чрезъ нихъ народность давала знать о своемъ присутствіи въ области болѣе живой и самостоятельной, въ области народнаго слова. По мѣрѣ ослабленія той искусственности письменнаго языка, которая происходила отъ преобладанія въ немъ чужой, древнѣйшей и болѣе образованной стихіи, признаки народнаго слова проявлялись все яснѣе и яснѣе, пока въ XV-мъ столѣтіи не вошли въ полныя права гражданства. Такимъ образомъ повременный ходъ озвукотворенія б-ы ъ будетъ новою точкою для разсматриванія служенія б-ы ъ и вѣсть третью частію нашего изслѣдованія объ этой буквѣ.

Начнемъ съ древнѣйшаго проявленія озвукотворяющей народности. Древнѣйшій и всеобщій, во всѣхъ семьяхъ грамотъ являющийся, звукъ, служащій для претворенія б-ы ъ въ полную гласную, есть *ѣ*. Правда, звукъ этотъ не часто показывается въ грамотахъ, и примѣры его служенія не столь многочисленны, какъ звука *ѣ*; но повсемѣстность его и старина даютъ ему право на первенство, тѣмъ болѣе, что истинно полугласный звукъ, присутствующій въ слогѣ *ръ*, прибѣгаетъ къ нему же для своего уполюгласненія. Въ XI-мъ в. Шафарикъ приводитъ изъ Латинскихъ памятниковъ слова: *setnico* и *Debriz'*. Въ XIII-мъ в. встрѣчаемъ *ѣ*, замѣняющее ъ, въ словахъ: *штусаѣ* (С. № 2), *всепоналнѣ* (С. № 3), *гостѣмъ* (С. № 7), *ѣсѣлѣ-лѣ* (С. № 8), *сѣмьлѣ* (С. NN № 12, 14), *сѣдѣ* (С. № 14), *уѣстѣмъ* (С. № 12; III. № XVIII), *доѣмьтѣмъ* (С. NN № 14, 16), *лѣмьтѣмъ* (С. № 10), *доѣмьтѣмъ* (С. № 17), *досѣлѣ*, *ѣсѣлѣ*, *вѣсѣлѣ*, *поуѣстѣ*, *лѣмьтѣмъ*, *лѣмьтѣмъ*, *сѣ* (т. е., *сѣ*) и род. п. мн. ч.: *рълѣ*, *лѣмьлѣ*, *дрѣмьлѣ(ѣ)* (С.

¹ Serbische Lesekörner, стр. 23.

№ 16), мѣстѣнникѣ-къ (С. NN№ 16, 20), клятьвенникъ, оугерскомоу, сѣмь, двѣнашии, докитѣмъ (С. № 20; Ш. № XVIII). Въ XIV-мъ в.: ѿгоумѣнь, ѿгоумѣилъ, -ѡу, ѿгоумѣилъ, ѿгоумѣнь и т. д. (А. NN№ 3, 4, 9, 10, 11, 12, 18; Г. А), ср. ѿгоумѣнь (А. NN№ 7, 14, 18), рождѣшии (А. № 6), рѣтѣускымъ (Мк.), гѡерегитъ, самодрѣжѣцъ, молитѣлшицоу, мѣсѣмъ (С. № 51), мѣсѣмъ (С. № 52) рѣ, (т. е., рѣть, С. № 39), самодрѣжѣцъ (С. № 42), взѣмъ (С. № 43), божественнымъ, црквиени (С. № 35), темези (С.-Д. М. № 1), пѣмъ (С. № 47), напредѣ (С. № 48), всѣмъ (дат. мн.), трѣмъ, сѣмъ) трѣстѣнникомъ (А. № 13), бѣжественное, стѣнаецѣ, (С. № 61), мѣмъ (А. № 14), въ змѣльме царьствѣ (С. № 84), божественною (С. NN№ 84, 97), всѣмъ, существо (С. № 85). Въ XV-мъ в. избранион (С. NN№ 87, 108), безправьденно, неправьденъ (С. № 89), ѿгѣмѣ, мѣсѣльнѣи (А. № 19), мѣведиѡ (А. № 17), родитѣлемъ (С. № 95), срдучено (С. № 96), мѣмъ, -ѣ, -ш, -нѣ, -нѣ, мѣмъ, -н (С. NN№ 74, 96, 97, 98, 107, 114, 127, 128, 140, 143, 147, 155, 159, 161, 163), избранион (С. NN№ 100, 106, 109), разѣбрасмо, избѣри, рождѣства (С. № 100), по ѡвѣмъ (С. № 101), всѣмъ, мѣмъ (С. № 103), божественно (С. № 104), людемъ (С. № 107), неиривженъ (С. NN№ 108), вѣзда (С. № 109), мѣмѣмъ, -дѣ (С. NN№ 113, 164), иерлакъ, ѣ ѡвѡмѣи, ѣ ѡвѡмъ, къ ѡвѣмѣи (С. № 114), приѣмѣмъ (С. № 122), ѡвѣмѣмъ (С. № 128), на томѣи (С. № 135), уловнѣмѣмъ (С. № 136), пѣмъ (С. NN№ 136, 171), на ѡвѡмѣи, (С. № 137), мѣмѣмѣ (С. № 141), ѡвѣмѣмъ (род. мн., С. № 142), иерлакъ, (С. № 144), по сѣмѣмъ лѣстѣмъ, ѣ ѡвѣмѣмъ (С. № 145), сѣмѣ (С. № 168), темѣмъ, гдѣ видно колебаніе въ удвоеніи окончанія одного съ ѣ, другаго съ ѣ (Мл.), вѣгоуѣстѣмѣи (С. № 178). Замѣтить должно еще форму -дѣстѣ, -дѣстѣ, -дѣстѣ, -дѣтѣ (С. NN№ 92, 93, 99, 128, 130, 147, 154), въ сложныхъ числительныхъ именахъ. Въ Ц.-Славянскихъ рукописяхъ она также имѣетъ гласное окончаніе, которое собственно есть приставка къ носовому конечному звуку. Б-а ѣ смѣняется съ ѣ въ словахъ: згорѣ, -ѣ (С. NN№ 110, 145) и згорѣ, згорѣ (С. NN№ 157, 163), ирѣ, ерѣ, ерѣ, ирѣ, сѣрѣ и ирѣ, ерѣ, ирѣ, ерѣ (мн. р.), терѣ, терѣ и терѣ, терѣ, (мн. р.), срѣбро, -ѣ съ производными: срѣбрьши, -ѣ, -нѣмъ, -нѣмъ, -нѣмъ, срѣбрьшии (Ш. № VII; А. NN№ 3, 11; С. NN№ 115, 126, 128, 135, 138, 146, 147) и срѣбро, -ѣ, срѣбрьши, -нѣ (С. NN№ 115, 126, 130, 147). Относительно этой формы должно примонить то, что сказалъ я выше о замѣнѣ слога рѣ несущественнымъ рѣ: сдѣсь видна любовь древнихъ Сербовъ къ претворенію полногласныхъ слоговъ съ б-ю р въ полугласные съ тою же буквою, такъ какъ это есть единственная буква, которая всегда и постоянно въ Сербскомъ языкѣ пользовалась правомъ образовывать слогъ съ полугласнымъ ѣ. Сверхъ того б-а ѣ съ самыхъ первыхъ временъ письменности приобрѣла себѣ постоянное и неизмѣнное право замѣнять первое ѣ въ окончанія тв. п. ед. ч. именъ муж. и ср. р. (Ц.-Сл.-ымъ). Наконецъ въ именахъ собственныхъ, исходящихъ на ѣ, встрѣчаемъ часто замѣну б-ю ѣ, на пр., рамѣ (С. № 61), вѣдѣ (С. № 66), тоудѣ, доѣ, бѣмъ (А. № 6) и пр.

На оборотъ, существенный слогъ рѣ, хотя и до сихъ поръ звучитъ одинаково, какъ звучалъ въ старину, и хотя, какъ мы сейчасъ видѣли, Сербы любили замѣнять нѣмъ полногласные слоги съ б-ю р, однако и въ немъ проявлялась по временамъ озвучивающая сила народной рѣчи. И сдѣсь право первенства принадлежитъ б-ѣ ѣ, такъ что другія буквы являются какъ бы исключеніями изъ общаго правила. Твердый и терпкій звукъ р, противоположный, хотя и однородный, мягкому и плавучему звуку л, долженъ былъ въ области народнаго языка испытать совершенно иную судьбу, чѣмъ л. Если

послѣдній вѣстоѣ съ полугласнымъ ъ въ устахъ народа обратился, какъ увидимъ ниже, въ одну гласную, то р осталось по прежнему согласною, и народъ, по свойству его природы, далъ ему исключительное право, одному изъ всѣхъ согласныхъ звуковъ, сочетаться не съ полною гласною, а съ полугласною. Такъ велось изстари; такъ ведется и нынѣ. Правда, большая часть нынѣшнихъ писателей, не признающая полугласныхъ, пишетъ слогъ рь съ однимъ р безъ ъ, но тѣмъ не менѣе въ произношеніи не обходится безъ гласнаго отвѣта, заключающагося въ опущенномъ, или удержанномъ ъ: и несправедливо мнѣніе тѣхъ, кои самой б-ѣ р предназначаютъ какую-то самогласность. Лучшимъ тому опроверженіемъ послужитъ озвукотвореніе самого полугласнаго слога рь. Указанныя выше формы, имѣющія ъ предшествующимъ б-ѣ р, уже обнаруживаютъ отчасти желаніе писцовъ оправдать эту перестановкою присутствіе полугласія въ б-ѣ ъ, ибо какъ только это ъ въ другихъ варіантахъ переходитъ въ полную гласную, то тотчасъ уже звучитъ прежде б-ы р; да и въ самомъ Сербскомъ языкѣ гласный полугласный звукъ, находящійся въ слогѣ рь, предшествуетъ въ произношеніи собственному звуку р и тѣмъ доказываетъ, что въ этомъ слогѣ, помимо звука р, есть еще другой, едва прихвѣтный, но тѣмъ не менѣе присутствующій: а это и есть именно тотъ, который выражается Ц.-Славянскими ѡ, или ѡ. Но эти не удовольствовались писцы, и нѣкоторые изъ нихъ прямо обратили ѡ въ гласную, избравъ для этого преимущественно ѡ. Впрочемъ, это озвукотвореніе слога рь было тѣмъ отличное отъ подобнаго дѣйствія относительно другихъ слоговъ съ б-ю ѡ, что не совпадало съ истинными законами народнаго языка, допускавшаго полугласіе въ этомъ слогѣ, и было лишь крайностію его озвукотворяющей силы. По этому на озвукотворенный слогъ рь должно смотрѣть единственно, какъ на попытку, не приведшую ни къ чему. Начавшись рано и безъ видимыхъ успѣховъ, озвукотвореніе это и кончилось рано и также безъ успѣха. Оно показало только, что въ слогѣ рь гласность сосредоточивало въ себѣ не р, а ѡ. Шафарикъ приводитъ примѣры изъ иностранныхъ памятниковъ X-го и XI-го вв.; вотъ они: *Σέρβλοι, Σερβλα, Τζερβαβουσκην, Cernecha, Berda*¹. Къ нимъ прибавлю *Βερούλλα* у Багрянороднаго², нынѣ *Врула*. Непосредственное озвукотвореніе б-ы ѡ находимъ въ формахъ, гдѣ гласная стоитъ послѣ р на прежнемъ мѣстѣ б-ы ѡ; таковы: *утвергени* (С. № 17), *вѣренихъ* (С. № 96). Сюда же отнесу и *урьковени* (С. № 60), гдѣ ѡ обнаруживаетъ колебаніе писца между полугласіемъ и полногласіемъ слога рь. Но эти формы являются слишкомъ буквальными и противорѣчатъ настоящему произношенію, поставляющему полугласный звукъ прежде согласнаго р: по этому чаще встрѣчаемъ формы съ предшествующею гласною, при чемъ послѣ р иногда удерживается ѡ уже въ значеніи вставочнаго и смягчающаго; на пр.: *потвердимо* (С. № 8), *тврдь*, *-о* (С. NN № 14, 16), *серьдиль*, *сервалинь*, *-д*, *-в* (С. № 14), *держали*, *-ти*, *потвердиль*, *силь*, *мерьиль*, *церькинь* (С. № 16), *вьрько*, *держиль* (С. № 20; III. № XVIII), *сръскыхъ* (А. № 8), *срътаныхъ* (С. № 101), *срълемъ* (С. № 138), *тврнь* (С. № 141), *твриль*, *срълемъ* (С. № 116), *хрълатомъ* (С. № 136), *цръкинь* (С. № 166). Въ словѣ: *взсмрътнѡе* (Мл.) озвукотворены оба ѡ. Какъ исключеніе, можно привести еще форму *кръсть* (С. № 12), гдѣ ѡ поставлено ошибочно вѣсто ѡ. Такимъ образомъ озвукотвореніе слога рь не усиливается отъ времени, а на-

¹ Serbische Lesekörner, стр. 26.

² Шафар., Slow. Starožitn., Слав. Древн. II, I, 410.

противъ слабѣтъ: ясный признакъ противодѣйствія народности, никогда не нуждавшейся въ полной гласной для слога *ръ*. Слѣдовало бы сказать теперь о другомъ побратимѣ, о слоgѣ *ль*; но мы скажемъ о немъ тогда, когда будемъ разсматривать главнѣйшія буквы, участвующія въ его озвукотвореніи. А теперь пока перейдемъ къ другой букви, которой, какъ и *б-ѣ ѡ*, принадлежитъ честь обширнаго и повсемѣстнаго служенія для замѣны полугласнаго *ь*.

Хотя *б-а я* пользуется въ древней Сербской письменности весьма огромнымъ служеніемъ, въ чемъ далеко превышаетъ *б-у ѡ*, однако появленіе ея въ памятникахъ, отмѣченныхъ годами, не восходитъ далѣе половины XIV-го в. и по тому она цѣлымъ столѣтіемъ моложе *б-ы ѡ*. Впрочемъ, изъ этого не слѣдуетъ, чтобы народъ въ своемъ устномъ языкѣ началъ столь поздно употреблять ее. Явленіе книжнаго языка еще не условливаетъ явленія народнаго языка, тѣмъ менѣе тамъ, гдѣ дѣйствуетъ сильное вліяніе еще посторонней стихіи. Относительное старшинство *б-ы ѡ* поясняется вліяніемъ Ц.-Славянской стихіи, въ которой, какъ извѣстно, полугласнъ *ь* переходитъ обыкновенно въ *ѡ*. Слѣдовательно, появленіе *я* есть дальнѣйшее движеніе книжнаго языка въ пользу народности. У Шафарика приведены слова, въ которыхъ *ь* претворено въ *ѡ* и *а*, слова, заимствованныя изъ Латинскихъ и Греческихъ источниковъ и относящіяся къ IX, X и XI вѣкамъ¹. Они могутъ показать, какъ рано началось дѣйствіе озвукотворенія полугласнаго начала; но изъ всѣхъ этихъ словъ только одно *Zadarensis civitas* (870 г.) не относится къ слогу *ръ*; всѣ же прочія представляютъ озвукотвореніе полугласнаго сочетанія *ръ*. Можетъ быть, и въ словѣ *Галовмаѣнѣ*, *Глумѣнѣ*, *Глумѣнѣ*² *я* замѣнило *ь*, какъ бы *гломѣнѣнѣ*. Какъ бы то ни было, несомнѣннымъ остается то, что въ устномъ языкѣ Сербовъ давно уже пребывали тѣ начала, которыя много позднѣе стали обнаруживаться и въ книжномъ ихъ языкѣ. Одна, не означенная годомъ, но весьма древняя грамота, принадлежащая Поповской общинѣ, имѣетъ уже *я* вмѣсто *ь* въ словѣ *саставѣмо* (С. № 11), хотя у Шафарика (№ I) въ этомъ мѣстѣ находимъ *ставѣмо*; но за то у него въ другой гр-ѣ (№ XVII) читаемъ: *стрѣки вѣса*, вмѣсто чего въ С. № 19: *стрѣки вѣсъ*. Потомъ *я* не показывается до самыхъ временъ Душана. Въ грамотахъ повлѣдьяго находимъ: *мпрѣда* (С. № 43), *съса вѣсъмъ*, гдѣ видно еще колебаніе, *вожастѣа*, *землаваго*, *ѡвдѣстанъ*, *улоѣтѣасномъ* (С. № 35); и въ гр-хъ Уроша V: *мадъ* (Г. А), *маѣъ* (С.-Д. М. № 1), хотя въ той же гр-ѣ, С. № 46, стоятъ *мѣтъ*; *доходѣмъ* (С. № 47), *носѣма сѣго* (С. № 49). Съ Уроша V озвукотвореніе продолжается въ Восточныхъ грамотахъ до самого конца XV-го в., но безъ замѣтнаго усиленія, такъ что *б-а я* является голько кое-гдѣ, и время, кажется, не умножаетъ ея. Въ современной Урошу V гр-ѣ читаемъ: *дашѣ* (С. № 56) и далѣе въ слѣдующихъ: *срѣтаногъ-съмъ* (С. NN № 63, 67), *дѣврокаучо*, *-уѣцъ*, *-уѣнѣ*, *-уѣнѣмъ*, *дѣлѣмъ* (С. NN № 70, 72, 91, 111), *воѣнѣ* (С. NN № 73, 91), *воѣлауы* (Ш. № 15), *кѣлѣстѣа* (род. мн., С. NN № 131, 146), *вѣсъ*, *ѡстѣтанѣ*, *зѣаѣтъ* (С. № 146), *ѡсѣмѣдѣтъ* (С. № 147), *вѣмѣлѣтъ* (Г. V). Вотъ всѣ случаи изъ Восточной семьи грамотъ на разстояніи полутора столѣтій. Турецкія, какъ и прежде, занимаютъ средину между Восточными и Западными. Хотя въ нихъ озвукотвореніе принимаетъ гораздо большій размѣръ,

¹ *erbische Lesekörner*, стр. 24, 26.

² Шафар., *Slow. Starožitn.*, Слав. Древн. II, 1, 436.

чѣмъ въ Восточныхъ, однако уступаетъ въ немъ Западнымъ. Такъ мы находимъ въ нихъ: потаннѣти, уасни, дѣврокауни, а (С. № 113), сада, садани (С. NN № 164, 173), мада (С. NN № 164, 173; С.-Д. М. № 2), бослнски, ѡдъ, гдѣ видно еще колебаніе, таи (тъи), самъ (смы), властвѣд, джкѣтад, тнзска (род. мн.), вѣсколннь (С. № 164), ѡван (С. № 168), улѡшвуасни, нздѣрѣни, зѣмалннь, вѣсѣлном, влнзкъ, уастъ, лювавъ, сруанъ, вѣтъ (вѣтъ', вѣзѣнцѣ, вѣтъ сѣтъ и пр. (С. № 37), нздѣрѣногъ, доходякъ, доходяуцѣ, слѣтъ, годннл (род. мн.), ѡван, самнрнтнса (С. № 173). Но самое обширное употребленіе б-ы и вмѣсто ѣ находимъ въ Западной семьѣ. Сдѣсъ ѣ, и съ нимъ народность, торжествуютъ. Въ этомъ кругу грамотъ, наиболѣе удаленномъ отъ Ц.-Славянской стихіи, свойство устнаго языка сказалось весьма сильно. Сербы, любящіе благозвучіе, не могли терпѣть въ произношеніи неравновѣсія звуковъ. Согласныя, пользуясь полнымъ звукомъ въ сочетаніи съ полугласными, казались отъ того еще тяжеловѣснѣе, а этѣ легче: стяженіе голоса не есть благозвучное свойство языка; тѣмъ менѣе могло оно сохраниться тамъ, куда зашло извѣтъ. Содержаніе грамотъ Западной семьи было далеко отъ дѣлъ церковныхъ и еще менѣе зависѣло отъ вліянія Восточнаго духовенства и связанной съ нимъ Ц.-Славянской стихіи; оно отирыло входъ народности въ языкъ книжный. Это воздѣйствіе устнаго языка на книжный совершалось почти въ глазахъ исторіи. Мы оставили Западную семью на половинѣ XIII-го ст., и въ это время еще не видѣли въ ней ничего, сколько нибудь похожаго на претвореніе б-ы въ ѣ. Въ Восточной семьѣ претвореніе началось съ половины XIV-го ст. Но такъ какъ Западная семья идетъ всегда впереди Восточной въ дѣлѣ народности, то безошибочно можно положить, что въ ней, если только кроются гдѣ нибудь ея памятники отъ этого времени, замѣтна полугласнаго начала полногласнымъ возникла съ первыхъ годовъ XIV-го ст. Когда же открываеца рядъ грамотъ этой семьи, то зародышъ замѣны оказывается уже возникшимъ, но еще столь юнымъ, столь робкимъ, что конецъ XIV-го в. весьма замѣтно отличается отъ начала XV-го. Колебаніе между ѣ и ѣ еще продолжается весьма сильно. Кажется, оба звука находятся сначала въ равновѣсіи, даже первый перетягиваетъ второй; но съ половины XV-го в. побѣда остается окончательно на сторонѣ втораго. Не смотря на то, что ѣ еще продолжаетъ существовать кое-гдѣ, въ собственномъ его служеніи происходитъ переворотъ, въ которомъ также участвуетъ народность. Еще сильнѣе дѣйствуетъ она тамъ, гдѣ можетъ совершенно изгнать его изъ употребленія и замѣнить другимъ звукомъ. Такимъ образомъ она совершаетъ въ одно и то же время два дѣла: распоряжается по своему б-ю ѣ, употребляя ее для стяженія голоса при сочетаніи двухъ гласныхъ, и на оборотъ, изгоняетъ ее изъ сочетанія согласныхъ, замѣняя сдѣсъ ея полугласіе полногласнымъ самогласнымъ звукомъ ѣ. Претвореніе ѣ въ ѣ совершается во всѣхъ видахъ существеннаго служенія б-ы ѣ и при томъ въ объемѣ, нѣсколько превосходящемъ права нынѣшняго языка: его находимъ даже тамъ, гдѣ нынѣ оно не существуетъ. Въ гр-хъ Твртка 1367 и 1378 гг. (С. NN № 57, 66) нѣтъ ни одного случая замѣны ѣ б-ю ѣ; но что она уже тогда существовала, то это доказываютъ другія его грамоты, въ которыхъ читаемъ: бослнскогѣ, дѣврокауногѣ, доходякъ, вѣтъ сѣтъ, самъ, сруаннмъ (С. № 59), вѣ, мада, ѡдъ, помнслѣ, скогодамъ (С. № 65), ншрѣда, сруаногѣ (С. № 77) — и только, между тѣмъ; какъ примѣровъ служенія б-ы ѣ можно бы было, разумѣется, привести гораздо больше. Потомъ озвукотвореніе замѣтно усиливается при Дабыши, Остон и т. д. Особенно сильно проявляется оно въ

тѣхъ грамотахъ, которыя менѣе всѣхъ сносились съ Восточною Сербією, т. е., Травунскихъ и Хлумскихъ. Въ одной Травунской грамотѣ конца XIV-го в. читаемъ: ва, са, даь, даьса, сада, када, но тьда, ѡа, ѡашаь, колаь, моунаь, ѡаць, подаць, конкальски, шярьда, норкиаь, уаьнаго и пр. (С. № 78). Но верхъ полногласія представляетъ грамота Гервон, наиболее независимая отъ условій книжнаго языка древней Сербіи: въ ней озвукотвореніе переходитъ всякіе предѣлы законной возможности и объясняется лишь страстью народнаго языка растворять стеченіе согласныхъ гласными звуками, подобно тому, какъ пѣюгда въ книжномъ языкѣ обнаруживалась такая же страсть къ б-ѣ ь. Причина, очевидно, была та же; черезъ б-у ь дѣль достигалась только на половину; черезъ а она достигалась вполнѣ. Въ этой гр-ѣ находимъ оаьду-ющія формы: шяанцики, шраькастака, дзєроканиь, едама старина (страна), ваьса, ваьси, зьаьдино, ваьа (вонѣ), ва ваьсиа (въ ваьсиа), з хьмаьски, зьаьмаь, гєсаьводниь, лєдаьми, пєсаьтаьвиь; на ваьаьгаьнию, зьаьдиьнаьшиь, ѡаьаьць (ѡаьа, ѡаьаьць), пєсаьлаьниьниь (отъ пєсьаь) (С. № 88). Но оставимъ въ сторонѣ количество служенія; всѣхъ случаевъ привести невозможно: сказаннаго достаточно будетъ для того, чтобы увѣриться, что съ теченіемъ времени служеніе б-ш а вш. ь увеличивается и преимущественно въ тѣхъ грамотахъ, гдѣ влияние Ц.-Славянской стихіи наименѣе имѣетъ мѣста. Посмотримъ теперь значеніе этого служенія; въ какихъ именно случаяхъ является оно. Нѣсколько выше мы замѣтили, что а заиь-яеть ь во всѣхъ видахъ его существеннаго служенія. Такъ дѣйствительно встрѣчаемъ въ основѣ словъ; на пр.: сать (соть, С. NN№ 59, 83, 115, 124, 157, 170), самаь, есамаь (С. NN№ 59, 82, 98, 107, 114, 117, 124, 132, 143, 144, 158, 159), вада, -и, -а (С. NN№ 65, 78, 82, 87, 92, 96, 107, 115, 119, 121, 130, 133, 141, 143, 144; Ш. № 16; З. А.), даьиь, -а, даьиь (С. NN№ 78, 82, 92, 94, 95, 99, 103, 114, 116, 169), откуда даьсаь (С. NN№ 78, 89, 103, 136, 140), даьшаьнаго, -шиьга (С. NN№ 92, 107, 128, 140), уаьсть -ми, уаьсти (С. NN№ 81, 85, 95, 103), откуда уаьси -омь, -омь, -ѡ, -ѡомь, уаьтнаго, -омь (С. NN№ 78, 88, 89, 95, 96, 99, 103, 104, 133, 136, 157), ваьз-, ваьз- (С. NN№ 81, 85, 89, 92, 101—104, 115, 116, 150), таи (С. NN№ 83, 104, 116, 135, 142, 144, 154, 157, 161), откуда тада (С. NN№ 94, 107, 115, 119, 121, 126, 133, 143; Ш. № 16), тагда, тагда (С. NN№ 81, 179), ваьсаь, -д, -и, -а, -ѡмь, -ѡмь, -аь, -иь (С. NN№ 84, 88, 97, 107, 108, 112, 115, 119, 124, 125, 126, 134, 146, 159), откуда ваьзда, -а, ваьзда (С. NN№ 78, 83, 89, 96, 98, 101, 106, 107, 114, 119, 133, 141), ва ваьсиа (С. № 88), маьаь, -а (маьаь, С. NN№ 93, 132), садаь (С. NN№ 93, 112, 115, 124, 130, 157), дошадаь (С. NN№ 94, 126, 169), на маьаь, -и, -ѡ (меньшее, С. NN№ 96, 106, 112; З. А.), откуда маьиьшиа (С. NN№ 114, 144), ѡсаьмаь (С. NN№ 112, 115, 124, 130, 147, 151, 163), шаьрѡи (С. № 118), саи, саи (С. NN№ 121—128, 130, 140, 145), откуда сада (С. NN№ 78, 96, 104, 114, 117, 150, 171), садниьми (З. А.), садниьши (С. № 163), садниьшиь (С. NN№ 78, 82), дажниьць (С. № 130), ѡаьи (С. NN№ 142, 150), пєса (пєсьаь, С. № 162), откуда пєсаьлаьниьмаь (С. № 88), пєсаьлаьниьць (С. № 129) и пр. и пр. Еще чаще употребляется а вмѣсто ь при соединеніи сновы съ окончаніемъ и при окончаніяхъ. Такъ мы находимъ слѣдующія окончанія съ озвукотворенною полугласною: -ць, на пр.: ѡаць, ѡтаць (С. NN№ 78, 96, 101, 120, 127, 144), стараць (С. NN№ 87, 123), ваьнаць (С. NN№ 107, 114) и въ обоихъ окончаніяхъ: ваьнауаць (С. NN№ 121), ваьнаваць (С. № 142), пєнаваць, ливоваць, рѡковаць и др. (З. А.); -ь: доходаь (С.

NN[№] 59, 81, 83, 85, 95, 107, 114, 152), **патуцкы**, **патуцкы** (С. NN[№] 85, 95, 150; 3. А.), **патуцкы** (С. NN[№] 104), **осташкы** (С. NN[№] 107, 108); -**ць**: **молыць** (С. NN[№] 78); -**ць**, откуда -**цкы**: **лесаць** (С. NN[№] 84), **бораць** (С. NN[№] 127), **дзворацкы** (С. NN[№] 65, 86, 125, 127, 129, 157 и пр.), **моцкы** (Ш. NN[№] 15); -**цкы** или **цкы**: **тумацкы** (С. NN[№] 83, 84); -**цкы**: **дзворацкы** (С. NN[№] 88); -**ца**: **васца** (С. NN[№] 89), откуда: **васцасца**, -**оца**, -**оць**, **васцасца** (С. NN[№] 59, 65, 84, 89, 92, 96, 107, и пр.; 3. А.); -**цкы**: **прыццкы**, **прыццкы** (С. NN[№] 78, 101, 107, 112, 114); -**цкы**: **любца** (С. NN[№] 84, 92, 96, 101, 114, 117, 144, 157); -**цкы**: **штрацкы** (С. NN[№] 140), откуда: **вшацкы** (С. NN[№] 143); -**цкы**: **зумацкы** (С. NN[№] 88), **зумацкы**, -**цкы** (С. NN[№] 96, 103, 104); -**цкы**: **срѣцкы** (С. NN[№] 81), **рожцкы** (С. NN[№] 84, 85, 90, 96, 99, 101, 104, 116, 150; 3. А.), **кожцкы**, -**оць** (С. NN[№] 85, 101), откуда: **кожцкы** (С. NN[№] 97), при второмъ окончаніи: **кожцкы** (С. NN[№] 114); -**цкы**: **зумацкы**, **васцасца** (С. NN[№] 88), **улоуцкы**, (С. NN[№] 103), **патоуцкы** (С. NN[№] 118); -**цкы**, -**цкы**: **свободацкы** (С. NN[№] 65), **колацкы**, **колыцкы** (С. NN[№] 78, 91, 101, 102, 106, 107, 108, 112, 114, 115, 119, 126, 130, 132, 142, 143, 144), **сѣдмца**, **шродца**, **штрацкы** и пр. (С. NN[№] 143), **зумацкы**, **мамуцкы** (С. NN[№] 157), **свободацкы** (Ш. NN[№] 16), **срѣцкы**, **срѣцкы**, **срѣцкы** (С. NN[№] 59, 77, 86, 94), **свободацкы** (С. NN[№] 126, 128), **протѣцкы** (С. NN[№] 132), откуда нарѣчіе: **каздрѣцкы** (С. NN[№] 115); -**цкы**: **добарцкы**, **дварцкы** (С. NN[№] 104, 156); -**цкы** и -**цкы** въ причастіяхъ: **поисца** (С. NN[№] 65), **порѣцкы** (С. NN[№] 78, 81, 85), **могца** (С. NN[№] 87, 96, 106), **остацкы**, **снодобацкы** (С. NN[№] 84); -**цкы**: **шродцацкы** (С. NN[№] 88) и пр. Б-а а замѣняетъ собою еще конечно ѣ въ предлогахъ, на пр.: **ѣ** (С. NN[№] 65, 78, 84, 104, 136, 140, 142 и т. д.), **ѣцкы** (С. NN[№] 78), **ѣ** - **ѣцкы**, **ѣцкы**, **ѣцкы**, **ѣцкы** (С. NN[№] 77, 78, 102, 104, 132, 143, 150), **ѣ** (С. NN[№] 78, 81, 82, 103, 136 и т. д. мн. р.; 3. А.), **свѣцкы**, **свѣцкы** (С. NN[№] 81), **свѣцкы**, **свѣцкы** (С. NN[№] 82), **свѣцкы** (С. NN[№] 92, 102), **свѣцкы** (С. NN[№] 118), **свѣцкы** (С. NN[№] 126), **свѣцкы** (С. NN[№] 133), **ѣ**, гдѣ еще видно колебаніе (С. NN[№] 114), **ѣцкы** (С. NN[№] 82, 129, 140), **ѣ** (С. NN[№] 65, 78, 80, 81, 83, 84, 89, 92—96, 101—104, 107, 112, 116, 128 и т. д. мн. р.; 3. А.), **ѣцкы**, **ѣцкы**, -**цкы**, **ѣцкы**, **ѣцкы** (С. NN[№] 84, 93, 107, 114, 136), **ѣцкы**, гдѣ а поглотило ѣ (Ш. NN[№] 16), **ѣцкы** (С. NN[№] 88, 118, 132, 141), **ѣ** (С. NN[№] 89, 94 и т. д.; 3. А.), **ѣцкы**, **ѣцкы** (С. NN[№] 163), **ѣ** **ѣ** **ѣцкы** (С. NN[№] 114, 144). Б-а а смѣняется съ б-ю ѣ еще въ предлогѣ **ѣ** (С. NN[№] 83, 93, 96, 107, 108, 112, 115, 118, 126, 127, 133, 141, 144, 145, 150; 3. А.) и **ѣ**, **ѣ** (С. NN[№] 157, 163). Наконецъ а, какъ увидимъ послѣ, озвукотворяетъ собою конечно ѣ въ родительномъ п. мн. ч. именъ существительныхъ и въ дательномъ п. мн. ч. въ словѣ **ѣцкы**, **ѣцкы** (С. NN[№] 98, 99, 107, 114, 120, 128, 140, 142, 144, 145, 163). Въ род. п. мн. ч. именъ существительныхъ женскаго рода, при стеченіи на концѣ двухъ согласныхъ, зтѣ послѣднія растворяются б-ю ѣ, озвукотворенною въ а, какъ и въ вышнемъ язкѣ Сербовъ: **ѣцкы** (С. NN[№] 84), **ѣцкы**, -**ѣ**, **ѣцкы** (С. NN[№] 108, 115, 118, 125, 146, 151) и **ѣцкы** (С. NN[№] 119), **ѣцкы**, **ѣцкы** (С. NN[№] 115, 126, 151), **ѣцкы** (С. NN[№] 115, 126), **ѣцкы** (С. NN[№] 130). Такое же озвукотвореніе находимъ одиначдѣ и въ дат. п. мн. ч. въ словѣ **ѣцкы** (С. NN[№] 88), гдѣ нынче обыкновенно употребляется **ѣ**. Несущественное ѣ, по самому уже свойству своему, рѣже замѣняется б-ю а, ибо если уже прибѣгли къ нему, то всякая другая бук-

ва была бы лишнею: иначе прямо прибѣгли бы къ этой послѣдней. При томъ ъ, въ служеніи несущественномъ, было причинѣе полной гласной; сдѣсь его мѣсто иногда таково, что только полужвукъ, или совершенное безгласіе могутъ мириться съ ухомъ, привыкшимъ къ извѣстной Ц.-Славянской формѣ слова; но гласная была бы сдѣсь слишкомъ поразительна. Впрочемъ, не всегда такъ бываетъ. Нынѣшній Сербскій языкъ, какъ и въ старину, распускаетъ гласною нѣмые звуки въ нѣкоторыхъ словахъ иностранныхъ; какъ теперь, такъ и въ старинныхъ его памятникахъ находимъ: павлаъ (С. NN^o 84, 89, 179), дмитаръ (С. N° 87), истаръ, петаръ (С. NN^o 95, 133, 145; З. А.), гюрагъ (С. N° 130) и н. др.; еще: екамарглю (С. N° 88), тѣстамилъ (С. NN^o 157, 161). Въ словѣ: едашь, едашь (С. NN^o 79, 96, 103, 112, 119, 126, 136, 142), зядлаю (С. N° 88) и пр. а замѣняетъ ъ, а это, въ свою очередь, смѣняется б-ю и; въ словѣ же елурад (С. N° 103) а стоитъ вмѣсто ъ, смѣняющаго б-ю ѡ. Окончаніе -ство обыкновенно не разъединяется; но мы замѣтили выше форму: прѣжъстьѣнорю (С. N° 178); такъ и теперь укажу на формы: краљевстава (С. N° 88), едѣстѣнорь (С. N° 144). Сверхъ того, въ словахъ: старѣа, едѣстѣнорь, едѣстѣнорь, едѣстѣнорь, едѣстѣнорь (С. N° 88) хотя а и указываетъ на озвукотворенное имъ несущественное ъ, однако послѣдняго въ этомъ случаѣ не находимъ. Вообще замѣтимъ, что въ грамотѣ Юрія, племянника Гервоя, воеводы Силитскаго, С. N° 88, озвукотвореніе доведено до крайности. Оно разбиваетъ такіа сочетанія согласныхъ, которыя ни въ какомъ случаѣ не разъединяются даже б-ю ѡ.

Что касается до слога рѣ, то хотя главное его озвукотвореніе совершается чрезъ ѡ, однако, по любви Сербовъ къ б-ѣ а, находимъ и въ немъ нѣсколько случаевъ замѣны б-ы ѡ б-ю а. Таковы въ древнѣйшихъ иностранныхъ памятникахъ: *Tarnova, Barda, Tarstenich*¹; таковы въ нашихъ грамотахъ: четвѣрто, хрѣвоѣ (С. N° 88), вѣгѣрскога, вѣгѣрскимъ, вѣгѣрсьцехъ (С. NN^o 96, 130, 145), сѣрѣца, сѣрѣцѣа, дѣрѣжѣа, потѣхрѣдѣа, -ли, потѣхрѣдѣа, едѣстѣнорь, четвѣртѣа, паркога едѣстѣа (С. N° 102), царѣвѣа, царѣвѣа (С. N° 157). Въ словѣ хрѣвоѣ б-а а поставлена послѣ р по правописанію, ср. хрѣвоѣ, -ѣа (С. NN^o 85, 89, 118), а въ прочихъ она стоитъ передъ р по произношенію.

Сравнимъ теперь древніе предѣлы озвукотворенія съ нынѣшними. Мы сказали выше, что, быть можетъ, старые Сербы уже слишкомъ увеличали объемъ служенія б-ы а; теперь наши слова мы можемъ доказать самими приѣрами. Во первыхъ, всякое полное озвукотвореніе слога рѣ чрезъ какую бы то ни было гласную есть уже противрѣчіе нынѣшнему выговору. Во вторыхъ, претвореніе ѡ въ а въ другихъ случаяхъ также переходитъ иногда предѣлы нынѣшняго произношенія Сербовъ, на пр., едѣстѣнорь нынѣ звучитъ *оѣѣина*, сѣвѣтъ — *сѣвет* и *сѣвет*, сѣмѣрътъ — *сѣмѣрт*, едѣа — *ван*, едѣа — *босна*, едѣа — *напрѣд* — *напрѣд*, прѣтѣа — *прѣтѣа* и т. д.

Такимъ образомъ б-а а въ озвукотвореніи полугласнаго ѡ превосходитъ количествомъ употребленія б-ю ѡ: она же является въ этомъ дѣлѣ и болѣе народною. Но прежде мы должны разсмотрѣть еще дѣйствіе другихъ буквъ въ озвукотвореніи б-ы ѡ: общее сравненіе покажетъ, которая изъ всѣхъ буквъ преобладаетъ. Сдѣсь пока припомнимъ только, что б-а а пользуется относительно болѣе, даже можно сказать, огромнымъ служеніемъ въ грамотахъ Западной семьи; возрастъ же ея, въ смыслѣ цѣльности употребленія и господства, восходитъ по письменнымъ памятникамъ до половины XIV-го сто-

¹ Serbische Lesekörner, стр. 24.

дѣія. Около этого времени, незадолго до появленія грамотъ Западной семьи, долженъ былъ совершиться переворотъ въ ея пользу, ибо въ первыхъ Западныхъ грамотахъ этого вѣка еще замѣтно колебаніе между нимъ и ѣ.

Буква и стоитъ въ озвукотвореніи б-ы ѣ далеко ниже, чѣмъ я и даже ѡ. На долю ѡ достался законно слогъ рь; на долю я досталось ѣ во всѣхъ видахъ его служенія, кромѣ слоговъ рь и лъ; на долю о и ѡ достанутся, какъ увидимъ, окончаніе ѣ и полугласный слогъ ѣ; на долю же и не досталось ничего законнымъ образомъ, т. е., въ смыслѣ правильнаго и согласнаго съ требованіями народности озвукотворенія. По этому все то, гдѣ только и является на мѣстѣ ѣ, не носитъ на себѣ признака послѣдовательности и непреодожности: это лишь мгновенное явленіе; а гдѣ случаи, гдѣ и постоянно замѣяется ѣ въ нынѣшнемъ языкѣ Сербовъ, еще не развились до системы и показываются въ древней письменности не иначе, какъ урывкомъ и невзначай. Изъ иностранныхъ источниковъ Шафарикъ приводитъ для б-ы и слѣдующіе примѣры: Debriz, Dircišlavus, Dirzislavus, Vilcodrug, viso (вись), Drizislavus, Suinimig, Zupinimig: всѣ они относятся въ X-му, XI-му и XII-му вв.¹ Къ нимъ прибавлю: *Доврибѣи* и *Мокрибѣи*.² Въ нашихъ памятникахъ мы находимъ б-у и вмѣсто ѣ въ слѣдующихъ случаяхъ. Въ XIII-мъ в.: колдрини (С. NN^о 12, 14); сдѣсь первое и напоминаетъ нынѣшнюю форму того же творительнаго п. мн. ч.; но, кажется, нельзя столь рано видѣть въ этомъ дѣйствиіе народности, ибо кромѣ еще одного случая изъ послѣдней четверти XV-го ст. синоекцима (Мл.), если только это не двойственное число, другихъ примѣровъ нѣтъ. Между тѣмъ эта форма, если бы она установилась въ древней Сербской письменности, доставила бы для б-ы и законное служеніе, согласное съ народностію въ той мѣрѣ, въ какой она проявляется въ нынѣшнемъ языкѣ въ формахъ дательнаго, творительнаго и мѣстнаго п. мн. ч. существительныхъ муж. и ср. р. Далѣе въ томъ же вѣкѣ находимъ: привидроужики (С. N^о 15), гдѣ и озвукотворяетъ полугласный слогъ рь; ѣри—род. п. мн. ч., подобный нынѣшнему въ сущ. жен. р. на р, на пр., *ствари*; инда (С. N^о 16). Въ XIV-мъ в.: предложиницихъ (С. N^о 52), предимирь (А. N^о 6), хиландари (им. ед., ближе къ Греческому, А. N^о 8), вистинцихъ (А. N^о 10), лицъ ли съ тко покъшамти (А. N^о 13), махнѣсе (макъ ѣсе, С. N^о 64), дубравнукоу (Ш. N^о 15), динлари (род. мн., С. N^о 85), тихи (тѣхъ, С. N^о 84). Въ XV-мъ в.: привики (прѣвѣхъ, С. N^о 95), господини, госпоини (господини, С. NN^о 96, 99, 101), сьда (сьда, С. N^о 97), устими (тв. мн., устьими, С. N^о 103), властѣи (род. мн., С. N^о 113), на-пономи (С. NN^о 127, 128), сьдѣли, аспри (род. мн., С. N^о 130), ти (тѣ, С. N^о 133), тиници (тѣми, С. N^о 135), тѣхи, тѣхи (род. мн., С. NN^о 142, 145), сьдѣиници (С. N^о 142), ѡдѣтихи (ѡдѣ ѡдѣхъ, С. N^о 74), скришило (С. N^о 155), сьдѣиници (С. N^о 60), уѣсти (тѣтити, С. N^о 178), романикици (С. N^о 173). Относительно приведенныхъ формъ родительнаго п. мн. ч. на и, замѣтить должно, что въ нѣкоторыхъ окончаніи -и не столько озвукотворяетъ ѣ, сколько усиливаетъ значеніе слова; оно, вѣроятно, возникло изъ стяженія ѣи: слѣдовательно, сдѣсь и не есть замѣнительная буква для ѣ, но придаточная усиливающая, о которой будемъ говорить послѣ. Что же касается до слитія, то оно не рѣдко попадаетъ въ грамотахъ, на пр.: ѣмѣи, т. е., ѣмѣ ихъ (С. N^о 55), ѡбѣтованицими и дацими, т. е., ѡбѣтѣва ихъ ѣмѣ

¹ Serbische Lesekörner, стр. 26, 27.

² Шафаръ, Slov. Starožitn. Слав. Древн., II, I, 435, 437.

и да ихъ имъ (С. № 159). Въ формѣ -десети, -дести, -десети (С. NN№ 108, 115, 119, 121, 123, 124, 130, 158, 175) въ сложныхъ числительныхъ именахъ и замѣняетъ ѣ, которое присутствуетъ въ другихъ таковыхъ именахъ (ср. С. NN№ 124, 130). Такъ равноѣрно и сѣбянется съ ѣ въ словахъ: видѣшь и видѣи, какъ на пр., видѣшь, -и (А. № 1; С. № 18), единитѣи (С. № 3) и видѣи, -и (С. NN№ 2, 137), едѣи, -ега (С. NN№ 43, 64), видѣи, -о (С. № 58), едѣиъ (Мл.), видѣи (С. NN№ 39, 61; Ш. № 14) и видѣи (С. № 61), едино и едио (С. № 89), единитѣи (С. № 142), единымъ (С. № 175), едѣиъ, единою (А. № 11). Въ приведенныхъ примѣрахъ встрѣчаемъ какъ и, такъ равно и ѣ, сохраненное, или опущенное, или замѣненное б-ю я. Въ Ц.-Славянскомъ языкѣ тоже встрѣчаются обѣ формы, видѣиъ и видѣи. Б-а и сѣбянется съ ѣ въ формахъ сѣ и си, ѣ и ии, откуда понятны формы сѣди и сидѣи, ѣди и идѣи. Какъ сѣ, такъ и си съ своими измѣненіями пользуются равнымъ правомъ гражданства въ древней Сербской письменности. Такъ мы находимъ: сѣи (А. № 2), сѣи (С. № 178), сѣи (А. № 20), сѣи (3.), которое присутствуетъ въ нарѣчій: сѣди, -ла, сѣди, сѣга, сѣги (С. NN№ 3, 10, 18, 32, 54, 56, 73, 77; 90, 91, 111, 137, 138, 164; Мл.), дѣсѣди (А. № 17; С. № 168). Другая форма для мужскаго 'р. есть неопредѣленная же си, которую не должно смѣшивать съ подобною ей опредѣленною и которая участвуетъ въ образованіи нарѣчій и прилагательныхъ: сѣио (Ш. № 11), сигози (С. NN№ 39, 43, 76), сѣице, сѣици (А. № 17), сигози (С. № 42), сицикамъ (С. № 46), сѣице (3.), сѣди (С. № 97) и т. д. Подобнымъ образомъ перемѣна б-ъ ѣ и ии происходитъ въ другой основѣ: ѣи и ии. Первая встрѣчается въ мѣстоименіяхъ ѣи (вн. мн. муж., С. № 10) и ѣио (С. NN№ 14, 16, 17) и въ нарѣчійхъ: ѣиъ, -и, ѣди, -и (С. NN№ 3, 10, 21, 22, 33, 37, 43, 53, 63, 86, 100, 109, 165, 166, 167; Мл.; А. NN№ 6, 15; Мл.), доѣди, иѣди (С. № 16), иѣди (С. № 76); вторая въ нарѣчій иди (С. № 16) и мѣстоименіи ии въ неопредѣленной формѣ, впрочемъ, ни чѣмъ не отличающейся отъ опредѣленной стянутой ии, в. ии, которую любятъ Сербы. Въ заключеніе сказаннаго о б-ъ и замѣчу, что формы ѣи и ѣи въ древней Сербской письменности, въ продолженіе всего рассматриваемаго нами времени, являются совершенно тождественными по своему значенію, такъ что достаточно привести по одному примѣру, чтобы убѣдиться въ этомъ: придоше ѣи(и) люди и еше могла ѣица... и послѣди ѣи ѣи... и ѣи еше дрѣге люди... и ѣи послѣди ѣи ѣи(мъ)... и ѣи ми еше могла ѣица (С. № 18; ср. С. NN№ 47, 86, 168), и прослави ихъ ѣице всихъ царѣ на земли землинихъ и ѣи не шевесиѣ ѣици сѣтлами зирасиѣ ихъ (С. № 103; ср. С. NN№ 173, 176, 178, 179). Отсюда должно заключить, что въ этихъ формахъ ѣ и и взаимно сѣбяняются, также какъ въ формѣ ѣи (см. в.) ѣ переходитъ въ е. Въ словѣ же зрѣи (Ш. № 15) и, т. е., и замѣняетъ ѣ, находящееся въ другой формѣ зрѣи, зрѣи (С. NN№ 2, 43, 76, 88 154, 176).

Мы видѣли что б-а и не приобрѣла себѣ ни одной формы, въ которой она могла бы постоянно и законно замѣнять и сѣбянить б-у ѣ. Все ея служеніе ограничивается или случайными и странными, или отрывочными и неустановившимися, хотя и правильными, формами; въ этомъ отношеніи она бѣдѣе всѣхъ прочихъ буквъ. Даже е и з богаче ея служеніемъ. Б-а е уже съ самыхъ раннихъ временъ усвоила себѣ нѣкоторыя формы, гдѣ она замѣняетъ б-у ѣ. Таковы творительный п. ед. ч. муж. и ср. р. на-омъ (Ц.-Сл. -ѣиъ) и 1-е л. мн. ч. на -мо. Уже въ гр-ѣ Немани не находимъ творительнаго на -ѣиъ, но всюду на -омъ, на пр., дадемъ, глаголомъ (А. № 1). Въ XIII, XIV и XV вѣкахъ

всюду одна и та же форма. Такъ точно и 1-е л. мн. ч. почти всюду имѣеть -мо съ немногими исключеніями. При этомъ не мѣшаетъ упомянуть о вѣдомо и шадомо (С. № 127), доказывающихъ, что и трудныя формы, прямо заимствованныя изъ Ц.-Славянскаго языка, могутъ подчиниться вліянію народности. Изъ этихъ двухъ видовъ служенія б-ы о можно замѣтить, какъ мѣстами рано и твердо высказывалась народность Сербовъ въ ихъ письменномъ языкѣ. Впрочемъ, таковыхъ проявленій немного. Укажу на другіе случаи служенія б-ы о въ замѣтъ б-ы. Въ XII-мъ в.: докола (А. И.), которос, никотори (А. № 1). Въ XIII-мъ в.: котора (Ш. № VII), никотари (С. № 3), любозьному (С. NN № 13, 17), докола (С. NN № 16, 17), коси, любозь (С. № 16; Ш. № XVI). Въ XIV-мъ в.: покороу, посоль (А. № 6), црѣноу, -ноу, црѣо (А. NN 3, 4, 11, 12, 13, 18), црѣови, -ога, црѣови, црѣови (А. NN № 5, 6, 7; С. № 176); тогда, создани (А. № 4), сирозни сирозиню (С. № 176), ѡмо (С. № 40), тогда (А. № 11), любозию, любозю, любозь, -ю, -ню, -ю (А. NN № 10, 11, 14; С. NN № 35, 61, 66, 67, 81, 176), постотомъ (А. № 13), докола, -а (С. NN № 57, 68), во (С. NN № 62, 66), халандро, садланъ (А. № 14), ѡо (С. № 85). Въ XV-мъ в.: сомисанъ (С. № 94), тогда, тогда (С. NN № 95, 103, 120, 133, 136, 145, 150, 175), любозь, -оу (С. NN № 37, 96, 97, 100, 113, 132), докола, мекотъ (С. № 98), воде, во (С. № 107), любозю (С. № 114), црѣовини (С. № 118), доколъ, сохранию (С. № 126), ѡмо (С. № 127), нио (ниъ, З. А.), со (С. № 142), нѣ сѣ (С. № 168), нио (С. № 171), во, црѣомъ (Мл.). Въ предлогѣ право, право (А. № 11; Ш. № 15; С. NN № 86, 94, 144, 176 и пр.), если сравнимъ его съ право, то увидимъ, что ѣ перешло въ о. Впрочемъ, было бы излишнимъ замѣчать, что ббольшая часть примѣровъ носить на себѣ Ц.-Славянскій отпечатокъ и вошла въ народный языкъ, какъ временное явленіе, въ слѣдствіе подчиненія его вліянію Ц.-Славянскаго языка: отъ того примѣры эти не имѣютъ постоянного общаго значенія. Еще замѣтить должно о народномъ свойствѣ устнаго языка, перешедшемъ и въ книжный, обращеніи окончанія собственныхъ именъ -ль и -шь въ -ло и -но, свойствѣ, которое замѣчается и не у однихъ Сербовъ. Слѣды его сохранились въ древнѣйшихъ иностранныхъ памятникахъ, на пр., *Liutamiro, Nedamusto, Cresamustlo, Techamifa*¹. Въ XIII-мъ в. находимъ: конло, гостило, врило, моужило, кратило и пр. (Ш. № VII), меконло, шило (С. № 16). Въ XIV-мъ и XV-мъ вв. весьма часто, особенно въ исчисленіи жителей различныхъ мѣтохій, даруемыхъ монастырямъ. Какъ имена эти жили въ народѣ, такъ и перенесены были на бумагу. Вообще относительно собственныхъ именъ должно замѣтить, что въ нихъ книжный языкъ наиболѣе подчинялся народнымъ свойствамъ. Такъ въ Аѳонскихъ грамотахъ находимъ: хранило, моужило, ставило, манило, лно, братило, ср. добрилъ, братилъ (А. № 6), врило (С. № 61), хранило (С. № 82), врило (С. № 117), меконло (С. № 176) и пр.

Обращаюсь къ сочетанію ль, говорю сочетанію, а не слогу, ибо слогъ предполагаетъ въ себѣ всегда собственную самогласность, а сочетаніе можетъ и не имѣть ея, будучи принадлежностію предшествующаго слога. По этому сдѣсь я не говорю о слогѣ ль, имѣвшемъ въ Ц.-Славянскомъ и Сербскомъ книжномъ языкѣ самостоятельность или самобытную гласность: объ немъ будетъ рѣчь впереди; но сдѣсь обращаюсь единственно къ сочетанію ль, составляющему слоговое окончаніе внутри, или на концѣ слова. Нынѣшніе Сербы съ неизмѣнною точ-

¹ Шафаръ, *Serbische Lesekörter*, стр. 14.

126, 130, 131, 140, 141, 143), *дошлѣ* (Ш. № 16), *могдѣ*, -о (С. NN № 112, 120, 121, 126, 133, 163), *длѣ* (С. NN № 112, 114, 115, 144), *стономь*, -ѣ, -ѣ (стольномь, С. NN № 116, 140, 154), *поставнѣ*, -о (С. NN № 123, 126, 128, 135, 139, 163), *мошѣ*, *поснаѣ* (С. № 127), *послѣбнѣ* (С. № 129), *властѣни*, *поплавѣскѣ*, *котнѣ* (С. № 132), *послѣ*, *послѣ*, *младѣ* (С. № 135), *послѣномь* (С. № 140), *сома* (т. е., *сольма*, С. № 141), *мошѣ*, *ходнѣ* (С. № 154), *хвалѣ*, *звалѣ* (С. № 156), *лигюнѣ*, *сомаѣ*, *ѣстаѣ* (С. № 157). Сочетаніе *ль* является въ той же мѣрѣ слабѣющимъ. Съ первой четверти XV-го ст. оно постоянно исчезаетъ и примѣры его весьма рѣдки: *полъжнѣ* (С. № 107), *длѣ*, *длѣ* (С. № 108), *могдѣ* (С. NN № 108, 109), *властѣ* (С. NN № 117, 140, 155), *долнѣ* (С. № 118), *сономь* (С. № 133), *мошѣ* (С. № 162) и только. Разумѣется, ихъ относительно больше въ грамотахъ посредствующихъ семействъ, на пр., Албанскихъ, Черногорскихъ, а еще болѣе въ Восточныхъ. Въ Турецкой: *посѣ* (С. № 168), въ снѣжкѣ съ гр-ы Дечанскаго, сдѣланомъ въ Турціи: *властѣ* (род. п.) и тутъ же *павнѣ* (С. № 37), въ Албанскихъ: *посѣ*, *вилѣ* (С. № 148), *властѣ* С. NN № 148, 149) и въ Черногорскихъ: *хотѣ* (С. № 60), *пасады*, *кратѣ*, хотя сдѣсь чаще *ѣ* (Мл.).

Буква *з*, также какъ и *о*, въ зашѣвѣ *б-ы* ѣ имѣетъ два рода служенія. Въ однихъ случаяхъ она является внезапно, случайно и пропадаетъ такъ же быстро, какъ и появляется; хотя отказать ей сдѣсь въ справедливости служенія нельзя, однако двойственность формъ показываетъ, что и безъ нея можно было обойтись. Въ другихъ же случаяхъ она показывается съ особою силою, дѣйствуетъ постоянно и послѣдовательно, во имя народности, и по тому чѣмъ долѣе живетъ, тѣмъ болѣе кругъ ея служенія расширяется. Я разумѣю сдѣсь зашѣву полугласнаго слога *ль*. Но прежде укажу на примѣры первато рода служенія. Въ XII-мъ в.: *поѣ* (А. № 1). Въ XIII-мъ в.: *протѣ*, -оѣ (Ш. № VII; С. № 3), *врѣ* (С. № 16), ср. *прокъ* и *врѣ* (С. № 16), также *протѣ*; *ѣнѣ* (род. мн., С. № 17). Въ XIV-мъ в.: *поѣ* (А. № 9), *нѣ* (С. NN № 62, 67, 73), *внѣ* (С. № 70), *врѣ* (С. № 84):—опять предлѣти, какъ и въ предѣдущемъ вѣкѣ. Въ нихъ *б-у* *з* объяснять должно не произволомъ, а инымъ отгѣнкомъ мысли, въ нихъ заключенной. Языкъ не забылъ ихъ происхожденія и порою видитъ въ нихъ существительныя имена, которыя и употребляетъ въ дательномъ падежѣ. Напротивъ форму *нѣ* должно объяснять, по видимому, однимъ лишь желаніемъ избѣгать полугласнаго выговора для цѣлаго слова: *поѣ* мы находимъ и въ Ц.-Славянскихъ памятникахъ. Въ словѣ *ѣноудѣ* (А. № 6) *б-а* *з* смѣняется съ *ь*, ср. *ѣноудоѣ* (А. № 10). Въ XV-мъ в.: *сврѣ* и тутъ же *сврѣ* (С. № 98), *внѣ* (С. № 96), *сврѣ*, *сврѣ*, гдѣ форма противорѣчить даже силѣ предлога *с-*: сдѣсь эта сила забыта, и духъ языка, придавая этому слову видъ дательнаго падежа, смотрѣлъ на него, какъ на цѣльное и несложное (С. NN № 96, 104), *нѣ*, *поѣ* (С. NN № 111, 112, 126, 175), *врѣ* (С. № 132), *сврѣ* (С. № 141). Еще должно зашѣтитъ о предлогѣ *съ*, что онъ, какъ и союзъ *мь*, обращается и въ *со*, *мо* и въ *соѣ*, *моѣ*. Обѣ формы того и другаго предлога съ своимъ первообразомъ, имѣющимъ полугласный звукъ, существуютъ въ Ц.-Славянскомъ языкѣ, и по тому важность ихъ для Сербскаго языка нѣсколько уменьшается. Въ нашихъ памятникахъ нѣрѣдко находимъ *соѣ*, но только въ сложныхъ съ нимъ словахъ, а не отдѣльно, на пр., *соѣтѣрѣнѣ*, *сврѣтѣ*, -нѣ (А. NN № 1, 18, 19), *соѣроднѣ*, *соѣроднѣ*, *соѣроднѣ*, *сврѣднѣ*, *сврѣднѣ*, -нѣ (А. NN № 4, 5, 7, 9; С. NN № 45, 68), *соѣмѣ* (А. № 3), *соѣтѣрѣнѣ* (Мк.; С. № 52), *соѣпротивнѣ* (С. № 176), *сврѣотивнѣ*, *сврѣстатѣ* (С. № 35), *сврѣдѣстѣ* (С. № 49), *сврѣстѣнѣ* (А.

№ 13), *спиротина*, -*ти*, -*ноу*, *спироти* (С. NN № 88, 93, 141, 142, 143), *соушр-ини* (С. № 175), *сифрини* (С.-Д. М. 1844), *сиснод* и тутъ же *схснудий* (С. № 113), на *своици* (С. № 142), *соушротинитис*, *сбушрини* (Мл.).

Всѣ эти формы одинаковы съ Ц.-Славянскими. Самостоятельное же воздѣйствіе народности открывается въ другомъ служебнѣ б-ы ж, гдѣ эта буква является исключительно подъ влияніемъ народной рѣчи, и по тому въ ея движеніи замѣтенъ постепенный усилывающійся ходъ, свидѣтельствующій о томъ живомъ народномъ свойствѣ языка, которое управляетъ этимъ ходомъ. Замѣна полугласнаго слога *ль* гласною *э* есть призвукъ чисто народной стили. Б-а *л*, противоположная б-ѣ *р*, хотя и одnorodная съ нею, не могла, по причинѣ своей мягкости и слабости, устоять противъ озвукотворяющей силы языка. Твердая и жесткая природа б-ы *р* вынесла на самой себѣ всю силу звука; напротивъ, слабая и въ высшей степени тягучая природа б-ы *л* была сама по себѣ столь легка для звуковыхъ гласныхъ органовъ языка, что незаметно, безъ труда и безъ всякаго скачка, перешла въ самогласность. Нѣкоторые думаютъ, что въ озвукотворенномъ слогѣ *ль* выкинуто *а*, а *э* обращено въ *у*; другіе, на оборотъ, полагаютъ, что выкинуто *э*, а *л* обращено въ гласную; но какъ *тѣ*, такъ и другіе уклоняются отъ истины, раздѣляя слишкомъ строго оба звука: претвореніе цѣлаго слога въ одинъ гласный звукъ могло произойти не иначе, какъ при нераздѣльномъ слитіи обоихъ звуковъ въ одну цѣльную гласную. По чему слоговое *ль* обратилось въ *о*, а самостоятельное полугласное *ль* въ *у*, на этотъ вопросъ отвѣчать весьма трудно; всего вѣрнѣе и скорѣе сослаться на духъ языка, требовавшій именно *э*тѣхъ, а не другихъ гласныхъ. Впрочемъ, къ объясненію вопроса должно прибавить слѣдующія замѣчанія. Родство между *л* и *в* не подвержено никакому сомнѣнію; во многихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ находимъ ясныя тому доказательства. Оно обнаруживается довольно часто чрезъ замѣну одной буквы другою, или чрезъ опущеніе одной буквы передъ другою. Духъ Славянскаго языка вообще не терпитъ степенія двухъ однородныхъ согласныхъ и по тому при тайномъ родствѣ б-ѣ *л* и *в* онъ, въ случаѣ ихъ степенія, одну изъ нихъ отбрасываетъ. Такъ бываетъ въ Хорватскомъ нарѣчій: *лас* (волосъ) и пр.; то же замѣчаемъ и въ книжномъ Сербскомъ, на пр., *састалина*, *исрадала*, *одралаше* (С. № 85) и пр. Сильна б-ѣ *л* и *в* весьма замѣтна въ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Въ Русскомъ существуютъ *слобода* и *свобода*; въ книжномъ Сербскомъ то же *словодно* и *свободно*; въ Малороссійскомъ обыкновенно *в* замѣняетъ б-у *л*, какъ въ концѣ слоговъ, такъ и въ полугласномъ слогѣ, на пр., *воакъ*, *бувъ* и пр.; въ Угрословенскомъ конечное *ль* переходитъ въ *в* и *у*, на пр., *войшоу*, *став* и пр.; въ Хорутанскомъ, съ его поднарѣчіями, происходятъ весьма разнообразныя и замѣчательныя явленія: слоговое *л* обращается въ *в*, на пр., *дав*, *весев*, *длѣва*, *права*, *млѣ*, *тив*, *плѣа* (плѣла), *шѣв* (шѣлъ), *тованина*, *дрѣава* (дѣвала), *зѣава*, при чемъ *в* съ предыдущею, или послѣдующею гласною сливается въ одинъ двогласный звукъ. Въ полугласномъ твердомъ слогѣ *л* обращается тоже въ *в*, на пр., *довг*, *совнице*; но слѣсъ *в* произносится твердо и ясно. Такимъ образомъ отсюда открывается родство между *л* и *в*. Далѣе должно помнить, что *в* и *у*, будучи обѣ губными и слѣдовательно одноорганными, легко замѣняютъ одна другую:—дѣло известное и не требующее дальнѣйшихъ доказательствъ. Наконецъ не надобно забывать и того, что при сравненіи Славянскихъ нарѣчій оказывается близкое родство между *о* и *у*, такъ что часто одна буква замѣняетъ другую, и вообще на лѣстницѣ гласныхъ звуковъ между ними нѣтъ

преградъ. Припомнимъ, что и другія Славянскія нарѣчія, каковы: Н.-Булгарское, Лужицкое и Бѣлорусское, не рѣдко замѣняютъ *л* въ *е*, и по тому, сообразивъ всѣ эти явленія, найдемъ, что сочетаніе *ль*, было ли оно слоговое, или самостоятельное, собственно не могло строго различаться; но если уже языкъ различилъ его, то поддержать разницу въ его озвукотвореніи было легко при помощи родства *б-ъ л, е, о, у*. Разсмотримъ же теперь самый ходъ этой замѣны. Въ полугласномъ самостоятельномъ слогѣ *ль*, какъ сказали мы, нельзя отдѣлять полугласнаго начала, выраженаго въ *ь* (Ц.-Сл. *ъ* и *ь*) отъ согласнаго *л*. Сербскій языкъ не хотѣлъ въ этомъ слогѣ претворять одно *ь* въ гласную, какъ дѣлаютъ другія Славянскія нарѣчія: между тѣмъ, какъ эти произносятся *волкъ, смикъ, воекъ* и т. д., Сербскій языкъ нашелъ одинъ гласный исходъ для цѣлаго слога. Если бы онъ дѣйствительно огласовалъ только одно *ь*, то вышло бы у него *ивамимьса, вьамьса*, каковыя формы, какъ переходныя, дѣйствительно встрѣчаются въ его древнихъ памятникахъ, но не иначе, какъ въ видѣ исключеній: такая огласовка была не по немъ. Напротивъ, онъ попытался обратить сначала *л* въ *е*, что подтверждается ближайшимъ къ нему Хорутанскимъ нарѣчіемъ; но не желая, однако, подобно послѣднему, озвукотворять одно *ь* (*воекъ*) и замѣчая въ то же время, что *е* съ *ь* не можетъ составить самостоятельнаго полугласнаго слога *еь*, ибо трудно было бы произнести *еькъ*, онъ обратилъ *е* въ *у*, сливши такимъ образомъ согласное и полугласное начало въ одну гласность: *вукъ*. Вотъ въ какомъ смыслѣ я сказалъ, что при озвукотвореніи полугласнаго слога *ль* нельзя отдѣлить *л* отъ *ь*. Но въ слоговомъ *ль* дѣло, кажется, было иначе: сдѣсь *ь*, какъ утратившее всякую самогласность, безгласное, было отброшено, а *л* чрезъ *е* и *у* перешло въ *о*. Посредниками при такомъ переходѣ могутъ быть Малороссійское, Бѣлорусское, Н.-Булгарское, Лужицкое, Хорутанское и Угрословенское нарѣчія: въ первыхъ *л* обращается въ *е*, а въ двухъ послѣднихъ сочетанія *ав, ев, ов, ив* звучатъ, какъ доегласныя, т. е., *е* переходятъ въ *у*. Наконецъ тутъ же, въ Хорутанскомъ, по разпорѣчіямъ его, встрѣчаемъ двойныя формы, какъ на пр., *пепев* и *петіо* (пепель), гдѣ, очевидно, переища *е* въ *о* могла не иначе произойти, какъ черезъ посредство *у*.

Но пока книжный языкъ Сербовъ дошелъ до полного сознанія слога *ль* и сталъ постоянно и послѣдовательно замѣнять его *б-ю у*, онъ долженъ былъ пройти предварительно другія степени озвукотворенія. Первое проявленіе гласности въ полугласномъ слогѣ началось подъ вліяніемъ чужой стихіи, той самой, которая и въ Ц.-Славянской письменности замѣнила исконныя слога *лѣ* и *лѣ* позднѣйшими *ед* и *ид*. Въ древнѣйшихъ памятникахъ Сербскаго языка X-го и XI-го вв. замѣтно большое колебаніе, такъ что сначала не отваживались претворять въ гласную цѣлый слогъ, а только ограничивались однимъ огласованіемъ *б-м ь*, на пр., *Velcano, Vilcodrug. стѣлпон, Вілкаинос, Вѣлкос, Вултѣзѣнѣс, вουλкѣдлак, Хлоуи, Захлоуѣа*¹. Въ нашихъ памятникахъ Кириловскаго письма XII-го в. этой огласовки не находимъ. Въ XIII-мъ в. показываются только немногія ея признаки въ Западной семьѣ и при томъ съ различными видоизмѣненіями, коковы: *ивельцѣина, ивалѣцѣосъ* (С. № 14), *ивельцѣа* (С. № 16), *двельцѣина* (С. № 18), *ивельцѣина, ивалѣцѣина, ивалѣцѣо, дельцѣ* (дальцѣ), *хельцѣско*, -си, *воульцѣарскѣ вѣгаринѣ* (С. № 20; Ш. № XVIII). Въ XIV-мъ в. въ Восточной семьѣ признаки равномерно рѣдки: указать можно только на слѣдующіе: *ивельцѣ*, *воуцѣи* (С. № 176), *ивельцѣ* (С. № 43; А. № 13), *ивельцѣ*

¹ Шафаръ, Serbische Lesekörner, стр. 26. — 29.

(А. № 12), *поути доль, вепугеодскоу* (Ш. № 15)—и только. Сдѣсь, впрочемъ, важно то, что со времени Душана буква *ѣ* не существуетъ, и озвукотвореніе совершается чрезъ *б-у* и только однажды чрезъ *о*. Въ Западной семьѣ до грамоты Остон озвукотвореніе почти не замѣтно. Только разъ встрѣчается *хумьси* и тутъ же *хумьсиом* (С. № 78). Со времени же Остон и именно съ 1397 г. начинается озвукотвореніе, постепенно усиливающееся въ первой четверти XV-го в. и потомъ достигающее огромныхъ размѣровъ. Въ гр-хъ Западной семьи XIV-го в. находимъ: *взкма*, *взкосль* (С. № 82), *хумьси*, *дужль*, *дужь*, *взмашнь*, *ва думьт* (С. № 83); въ словѣ *дужьлю*, *ви. дупо* или *дужьлю*, замѣтно еще колебаніе (С. № 84), *испизинь*, *взмашиньомь*, *взкомь* (С. № 85). Въ таковыхъ же гр-хъ XV-го в.: *хумьски*, *хумьчи*, *хумьски*, *-си* (С. NN № 88, 89, 139, 141; 3. А.), *взкь*, *взкьр*, *-ца*, *взкьцъ*, *взкьуньѣ*, *взкьнѣ*, *взмашинь*, *-омь*, *взкьсомь*, *взкьхьки* и пр. (С. NN № 89, 95, 97, 104, 107, 115, 118, 120, 127, 128, 132, 133, 139, 141, 142, 145; 3. А.), *взмьси* (С. № 93), *испизинь* (С. № 95), *придужь*, *прѣдужь* (С. NN № 96, 107), *дужль*, *дужин* (С. NN № 98, 144, 145, 150), *ва взки* (С. № 102), *взтию*, *-лю* (С. NN № 103, 136), *взкь* (С. NN № 110, 114, 124, 142, 159, 171), *да сѣ хумьси* (С. № 117), *напизно*, *-омь* (С. NN № 128, 134, 161, 171) и пр. и пр. Въ Турецкихъ: *подужьно*, *вапизно* (С. NN № 37, 164), *взкьхьстоуѣ*, *дужно* (С. № 173). При этомъ укажу на исключенія въ пользу *б-ъ* и *о* въ XV-мъ в.: *придужь*, *вкьцъ*, *-а* (С. № 112), *хумьси* (С. № 116), *взкьма* (С. № 120), *взмашнь* (С. № 121), *взмашнь*, *вококиѣ* (С. № 126), *взотью* (С. № 133), *взотю* (С. № 145). Но это только въ Западной семьѣ; въ Восточной напротивъ *дѣ* постоянно существуетъ и только изрѣдка является озвукотвореннымъ: *да сѣ вѣзми* (С. № 111), *напизно*, *-о* (С. № 131, 146, 147), *стоуѣ*, *-омь* (Мл.). Озвукотвореніе въ Западной семьѣ шло такъ быстро, что въ XV-мъ в. почти не оставалось болѣе случаевъ для слога *дѣ*. Приведу только слѣдующіе немногіе: *вапизъ*, *-сь*, *вапизъ*, *-ъ* (С. NN № 89, 104, 108, 120), *дужль* (С. № 89), *ва напизъ*, *-и* (С. NN № 100, 120), *вакокинымъ*, *вакокинымъ*, *прѣдужь*, *придужь* (С. NN № 108, 112), *вазмашинь* (С. № 117), *вапизью* (С. № 120). Число ихъ ничтожно въ сравненіи съ предыдущими: это послѣдній остатокъ, не подчинившійся еще народности. Полугласный слогъ *дѣ* идетъ совершенно въ уровень съ слоговымъ *дѣ*, какъ во времени, такъ и по степени озвукотворенія.

Б-а и собственно не принимаетъ никакого участія въ замѣнѣ *ѣ*. Какъ на ошибки, можно указать на *вама* (С. № 100), *дужь* (С. № 149), если только въ первомъ случаѣ *ѣ* не есть *и*, претворенное въ *ѣ*, ибо въ той же гр-ѣ находимъ: *връхъ*, *стѣхъ* и пр., а во второмъ оно есть *ѣ*. Предлоги *връхъ* (С. № 17) и *спрѣхъ* (С. NN № 21, 63) объясняются инымъ отгѣнкомъ мысли, придавшей имъ форму истиннаго падежа. Въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ находимъ двойную форму *дрѣво* и *дрѣжево*, *дрѣво* *дрѣво*. Такъ точно и въ древнемъ книжномъ это слово сдѣлаетъ *ѣ* и *ѣ*, *ѣ*, или *и*, на пр. *дрѣво*, *-а*, *дрѣво* (А. № 6; С. NN № 10, 34, 70, 71, 91, 111, 176), *дрѣкомъ*, *дрѣкьси* (С. № 118), *ва дрѣнѣ* (С. № 138), *дрѣкьѣ*, *дрѣкьѣ* (С. № 141) и *дрѣки* (С. № 84), *дрѣки* (С. № 86), *дрѣки* (С. № 98), *дрѣки* (С. № 99), *дрѣво* (С. № 137). Въ этой двойственности формъ замѣтна любовь Сербовъ къ полугласному слогу *рѣ*, какъ, на оборотъ, не любятъ они полугласнаго слога *дѣ*.

Покончивъ третью и послѣднюю часть изслѣдованія о *б-ѣ* ѣ, бросимъ бѣглый взглядъ на все пройденное нами пространство, въ которомъ совершаетъ свое движеніе полугласное начало. Въ книжномъ Сербскомъ языкѣ оба Ц.-

Славянскіе знака *ъ* и *ь* вылились въ одинъ *ь*, который внесеть былъ въ него въ такомъ же обширномъ объемѣ, въ какомъ оба знака совершали свое служеніе въ Ц.-Славянскомъ языкѣ. Съ другой стороны *ь* отвѣчало также двумъ полугласнымъ отзвукамъ народнаго или устнаго Сербскаго языка, твердому и мягкому, которые хотя и не сходились по нѣсту своему съ Д.-Булгарскимъ языкомъ, но тѣмъ не менѣе существовали, выражаясь въ древней письменности лишь однимъ знакомъ — *ь*. Присутствіе твердаго отзвука въ Сербскомъ языкѣ послужило къ введенію въ нѣкоторыхъ памятникахъ Ц.-Славянскаго *ъ*, которое, впрочемъ, нигдѣ не приобрѣло себѣ права гражданства и явилось лишь въ видѣ исключенія. Появленіе его нельзя объяснить единственно снѣженіемъ начертаній, но и внутренней потребностію Сербскаго языка, который, подобно Ц.-Славянскому, нѣтъ твердый отзвукъ, порывался осилить условное правописаніе и выразить открыто и ясно свои свойства. Близость и важность для Сербовъ Ц.-Славянской письменности въ вѣроисповѣдномъ отношеніи, постоянное вліяніе православнаго духовенства при дворѣ Сербскихъ государей, предварительное отсутствіе собственно-Сербской письменности и книжнаго языка: все это сильно поддерживало полугласное начало и открывало для него различные способы служеній, въ которыхъ ясно видѣлось разумное пониманіе и тонкое чутье писцовъ, вынесенное ими изъ тѣснаго союза съ Ц.-Славянскимъ языкомъ. Отъ того *ь*, какъ представитель цѣлаго полугласнаго начала того языка, который преобладалъ въ Древнесербской письменности, долго существовало сдѣсь, обнаруживая по временамъ въ своемъ служеніи всю утонченность слуха и опытность руки, имъ распоряжавшихся. Преимущественно господствовало оно въ грамотахъ Аеоискыхъ и вообще на востокъ Сербіи между православнымъ ея населеніемъ. Одна главная и общая черта отличаетъ служеніе полугласнаго начала въ Древнесербской Кириловской письменности, та же, которая проявляется и въ движеніи прочихъ звуковъ: это—дѣло съ живымъ языкомъ живаго народа. Самостоятельность и независимость государственной и умственной жизни Сербовъ должны были отразиться и въ ихъ книжномъ языкѣ, который, съ самого начала своего, не смотря на то, что вѣщалъ въ себѣ двѣ родственныя и близкія между собою стихіи, свободно устремился къ совершеннѣйшему, по возможности, выраженію народной стихіи въ ущербъ Ц.-Славянской. Это привело то, что онъ долженъ былъ совершить три замѣтные перехода, предѣлы которыхъ хотя и вступаютъ одинъ въ другой, однако довольно ясно очерчиваются различнымъ движеніемъ полугласнаго начала, такъ что сообразно съ ними и наше изслѣдованіе должно было распасться на три части. Въ первой мы рассмотрѣли употребленіе б-ы *ь* и нашли, что она въ вѣкахъ, ближайшихъ къ началу письменности, сохраняла весьма обширное и тонкое служеніе, возможность котораго объясняется не иначе, какъ близкимъ и свѣжимъ знакомствомъ древнихъ Сербовъ съ Ц.-Славянскою письменностію, перешедшемъ къ нимъ вѣстѣ съ ученіемъ вѣры и первыми начатками книжнаго образованія. Сверхъ того, однообразіе этого служенія замѣтно въ грамотахъ всѣхъ семействъ до половины XIII столѣтія, что указываетъ, въ свою очередь, на общность знакомства съ Ц.-Славянскою письменностію, развитую по всѣмъ нѣстамъ древней Сербіи, и въ восточныхъ ея предѣлахъ, и въ западныхъ, Дубровникъ, Боснѣ. Служеніе б-ы *ь*, принятой въ книжный Сербскій языкъ въ замітъ обѣихъ полугласныхъ знаковъ Ц.-Славянскаго языка, *ъ* и *ь*, и отвѣчающей равнодѣрно двумъ полугласнымъ отзвукамъ народнаго или устнаго Сербскаго, твердому и мягкому, совершается во всѣхъ видахъ и въ тѣхъ же самыхъ

предѣлахъ , въ которыхъ оно совершается и въ Ц.-Славянскомъ языкѣ: ѣ является въ основѣ словъ, въ соединеніи основы съ окончаніемъ и въ окончаніяхъ.

Но одновременно съ употребленіемъ б-ы ѣ оказывается и опущеніе ея въ весьма сильной степени даже въ самыхъ первыхъ памятникахъ обѣихъ семей, Восточной и Западной. Это доказываетъ, что полугласное начало, въ томъ объемѣ, въ какомъ оно внесено было въ древнюю Сербскую письменность, было несродно Сербскому языку, который въ своемъ народномъ говорѣ слѣдовалъ примѣру другихъ родственныхъ ему языковъ и выражалъ уже третью ступень ихъ развитія; который любилъ благозвучіе и соединенное съ нимъ полногласіе. Вся разумность его служенія обуславливалась лишь влияніемъ Ц.-Славянскаго языка, и на столько было разумности въ его служеніи, на сколько оно заключало въ себѣ жизненныхъ силъ того языка, изъ котораго было заимствовано. На Сербской почвѣ оно все таки явилось пришлымъ, чѣмъ-то безжизненнымъ, чѣмъ-то такимъ, что казалось однимъ вѣншимъ знакомъ безъ внутренняго содержанія. По этому уже въ древнѣйшихъ произведеніяхъ письменности оно стало на сторонѣ чуждой стихіи, въ противоположность народной: и эта послѣдняя, не могла обойтись безъ того, чтобы не наложить на него своей руки. Первое ея дѣйствіе обнаружилось въ опущеніи ѣ, на которое она смотрѣла, какъ на букву, утратившую на ея почвѣ всю свою силу и для нея бесполезную. Въ самомъ дѣлѣ, безгласное ѣ казалось уже не нужнымъ; представляя въ себѣ вѣстѣ и твердый и мягкій звуки, оно тѣмъ менѣе могло устоять, чѣмъ болѣе Сербскій языкъ развился въ этомъ отношеніи отъ Ц.-Славянскаго. Настоящее же полугласное ѣ, носившее въ себѣ нѣкоторый отбѣнокъ собственнаго звука, не устояло нигдѣ, кромѣ слога рѣ, противъ стремленія озвукотворяющей народности; а по тому и съ этой стороны потеряло свое мѣсто, оставшись единственно въ слогѣ рѣ, гдѣ остается и понынѣ. Сдѣсь оно удовлетворило народному говору, допускающему у себя полугласное стяженіе въ этомъ слогѣ. Во всѣхъ прочихъ случаяхъ, когда ѣ становилось безгласнымъ по народному говору, оно опускалось, или загибалось полными гласными. Единственнымъ убѣжищемъ ему оставались лишь исходы окончаній, гдѣ оно удержалось по примѣру Ц.-Славянскаго правописанія; гдѣ и теперь держится вмѣстѣ съ ѣ по правописанію нѣкоторыхъ. Въ памятникахъ западныхъ странъ Сербіи, гдѣ Ц.-Славянская стихія наименѣе имѣла мѣсто, какъ по господствующей вѣрѣ, такъ и по свойству образованія и междуусобныхъ отношеній, порожденіе ея — полугласное начало наименѣе могло держаться и должно было уступить первенство народной стихіи, которая сдѣсь брала рѣшительный перевѣсъ надъ первою. Въ памятникахъ Западной семьи XIV и XV столѣтій опущеніе б-ы ѣ совершается въ обширныхъ размѣрахъ, не смотря на то, что память писцовъ иногда подсказывала имъ такое употребленіе полугласной, которое напоминало собою отдаленную древность. Такимъ образомъ народная стихія, съ перваго выступленія своего на поприще письменности, уже проявлялась то въ безслѣдномъ опущеніи б-ы ѣ, то въ озвукотвореніи ея. Одержавши верхъ надъ представителемъ чуждой стихіи, она сверхъ того распорядилась имъ по своему, давъ ему новое, народное служеніе преимущественно для стяженія доегласія, происходящаго отъ соединенія б-ы и съ другою гласною. Разумѣется, опущеніе б-ы ѣ, равно какъ и новое ея служеніе развились предпочтительно въ тѣхъ семьяхъ гранотъ, которыя были наиболѣе отдалены отъ влияния Ц.-Славянскаго стихіи. Опущенію б-ы ѣ посвящена вторая часть нашего изслѣдованія. Главное положеніе, которое

было тогда высказано нами, заключается въ томъ, что опущеніе ея стоитъ въ обратномъ отношеніи къ ея употребленію.

Третья часть нашего изслѣдованія имѣетъ предметомъ озвукотвореніе б-ы ѣ или окончательное господство народности. Виѣсть съ расширеніемъ предѣловъ новаго, скажу, народнаго служенія б-ы ѣ, расширялись и предѣлы ея озвукотворенія. Между тѣмъ, какъ опущеніе б-ы ѣ шло своимъ чередомъ, Сербскій языкъ, боясь слишкомъ обнажить слова лишеніемъ того, что составляло ихъ душу, — гласнаго начала, и не терпя въ то же время полугласія, долженъ былъ замѣнить ѣ полными гласными, и сдѣлать это тамъ, гдѣ нельзя было вовсе опустить ѣ, какъ безгласное, не причинивъ ущерба природѣ слова и его благозвучію. Сначала для огласованія ѣ книжный Сербскій языкъ прибѣгнулъ къ я, какъ звуку, ближайшему къ ѣ по способу перегласовки, употребляемому въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ и отчасти въ самомъ Ц.-Славянскомъ; вотомъ онъ употреблялъ самостоятельный и чисто Сербскій способъ перегласовки, воспользовавшись б-ю а, но я и о остались по прежнему служить при движеніи словъ. Такимъ образомъ служебными гласными явились: я въ твор. п. вмѣсто мягкаго ѣ, даалѣе въ видимомъ, хотя и не нужномъ, выраженіи полугласія, присутствующаго въ слогѣ я, потомъ въ другихъ кое-какихъ случаяхъ; а во всѣхъ видахъ законнаго служенія б-ы ѣ, кромя сочетанія ѣ, и еще кое-гдѣ безъ постоянного и справедливаго служенія; о въ твор. п. вмѣсто твердаго ѣ (ъ) и въ замѣнѣ слоговаго конечнаго ѣ; ѣ, кромя нѣкоторыхъ другихъ случаевъ, преимущественно въ озвукотвореніи предлога съ и союза ѣ и въ замѣнѣ самостоятельнаго полугласнаго слога ѣ; я не нашло себѣ законнаго служенія. Предѣлы озвукотворенія, конечно, не всегда совпадали съ нынѣшними, и не всегда полные звуки отвѣчали нынѣшнимъ: такая неточность объясняется молодостію явленія, возникшаго мало по малу передъ глазами изслѣдователя; но довольно уже одного дѣйствія озвукотворенія, чтобы признать сдѣсь присутствіе господствующей народности. Сдѣсь, какъ и всюду, Западная семья отличилась отъ Восточной: между тѣмъ, какъ послѣдняя очень осторожно и безъ видимыхъ успѣховъ поставляетъ полныя гласныя, и предпочтительно я, на мѣстѣ полугласной, первая съ конца XIV-го в. быстро вводитъ у себя огласованіе, расширяя его размѣры даалѣе нынѣшнихъ и употребляя для этого преимущественно а.

Черезъ озвукотвореніе полугласной, или, вѣрнѣе, полугласныхъ, твердой и мягкой, Сербскій языкъ, какъ и другіе Славянскіе языки, выразилъ третью ступень движенія гласнаго начала въ Славянской семьѣ. Въ праязыкѣ какъ Славянъ, такъ и другихъ Индоевропейскихъ племенъ, преобладало полнозвучіе, т. е., полныя согласныя или нѣмыя требовали и полныхъ гласныхъ для своего отбитія и раздѣленія: черезъ это наиболѣе поддерживалось равновѣсіе звуковъ. Въ историческую пору прадавняя гласность наиболѣе сохранилась въ старшемъ изъ всѣхъ Индоевропейскихъ языковъ — Санскритѣ. Въ другихъ она уже ослабла и мѣстами исчезла, оставивъ возможное стеченіе согласныхъ безъ своего участія, и это—вторая ступень ея, обнаруживающаяся изъ всѣхъ Славянскихъ нарѣчій наиболѣе въ Древнебулгарскомъ, съ тою только разницею, что въ этомъ одномъ языкѣ она не пропала безслѣдно, но выразилась, хотя и нѣдѣ только для вида, въ особыхъ начертаніяхъ ѣ и ѣ, которыхъ нѣтъ ни въ одной другой Индоевропейской азбукѣ. За то Д.-Булгарскій языкъ довелъ эту степень безгласія до огромныхъ размѣровъ, такъ что сокращалъ гласность даже тамъ, гдѣ одно стеченіе согласо-

ныхъ было невозможно для проназненія: отъ того сдѣсь гласность не исчезла совершенно, но сохранилась въ неопредѣленномъ отзвукѣ, для котораго послужили ѣ и ѡ. Такимъ образомъ эти начертанія выражали собою какъ неполное, такъ и полное отсутствіе прадавней гласности, означая собою ея прежнее мѣстопребываніе. Прочіе Славянскіе языки пошли далѣе: они создали третью степень гласности, возобновивъ ея мѣстами, хотя и не въ прежнемъ видѣ, но всякій по своему въ удобнѣйшемъ для него гласнонъ звукѣ, а мѣстами оставили ее отсутствовать по прежнему и именно тамъ, гдѣ въ Д.-Булгарскомъ ѣ и ѡ выражали совершенное безгласіе, т. е., при возможномъ стеченіи согласныхъ. Сербскій языкъ послѣдовалъ за прочими; но далѣе всѣхъ ушелъ Русскій, который одну гласную разложилъ на двѣ и чрезъ то сформировалъ стеченіе согласныхъ на возможно-членораздѣлнѣйшіе звуки. Это своего рода полногласіе, приближающееся къ празмычному. Всѣ Славянскія нарѣчія, въ связи взятая, непремѣнно требуютъ для своего объясненія этихъ трехъ ступеней гласности; но первая ступень уже не существуетъ въ ихъ исторической жизни: на нее только намекаютъ ѣ и ѡ; вторая существуетъ въ Д.-Булгарскомъ, которое допускаетъ третью только отчасти въ видѣ тѣхъ немногихъ исключеній, гдѣ полугласныя замѣнены гласными. Прочія же нарѣчія съ первой ступени прямо перешли на третью, условивъ чрезъ то и вторую. Я нисколько не думаю, чтобы всѣ они нѣкогда выходили на Д.-Булгарское и допускали у себя безгласіе и полугласіе въ той мѣрѣ, въ какой допускало это послѣднѣе, а потомъ уже снова озвукотворили полугласіе: нѣтъ, они въ одно и то же время мѣстами опустили прадавнюю гласность—вторая ступень, мѣстами удержали ее, видѣ только перезвуковавши по своему,—третья ступень.

Что же, спросимъ мы, представляютъ намъ конецъ XII-го, XIII-го, XIV-го и XV-го вѣка въ историческомъ движеніи полугласнаго начала? Къ какому итогу приводитъ насъ послѣдній изъ разсматриваемыхъ вѣковъ? Полугласное начало было самою крѣпкою стороною, которою чуждая стихія вошла въ древне-книжный языкъ Сербовъ. Долго народность Сербская, представлявшая собою живое, движущееся начало, должна была употреблять различныя усилія, то опущеніе, то перегласовку, для того, чтобы претворить различныя Ц.-Славянскія, или переходныя формы въ чисто Сербскія, такія, какія звучали въ устномъ языкѣ народа. Постепенно, безъ скачка совершалось это претвореніе, и напослѣдокъ, въ исходѣ XV-го вѣка, уже легко можно было замѣтить, что въ области полугласныхъ древнекнижный языкъ доставилъ торжество народной стихіи и, не сходя съ пути прямого самостоятельнаго движенія впередъ, установилъ въ себѣ народныя признаки и достигъ довольно значительной степени совершенства, отъ которой не далеко было къ тому состоянію, въ которомъ онъ находится въ наше время. Въ этомъ движеніи народность одолжена своими усиліями преимущественно тѣмъ грамотамъ, которыя имѣли наименьшее отношеніе къ Ц.-Славянской письменности, заключаая въ себѣ дѣла мирскія и принадлежа къ западнымъ областямъ Сербіи.

Г Л А В А III.

Г Л А С Н Ы Я.

За полугласными слѣдуютъ *гласныя*. Такъ какъ въ голось человеческомъ членораздѣльность есть главнѣйшее свойство, придающее ему значеніе слова, то гласныя, производящія отбой голоса при стеченіи нѣмыхъ звуковъ и придающія послѣднимъ опредѣленный отзвукъ, должны въ голось человеческомъ составлять важнѣйшую часть, видоизмѣненія которой влекутъ за собою и видоизмѣненія прочихъ звуковъ. Во всѣхъ Индоевропейскихъ языкахъ вещество голоса или звука, отдѣльно взятыя, почти одинаковы всюду; но различное употребленіе и сочетаніе ихъ придаетъ различіе языкамъ и ихъ нарѣчіямъ, поднарѣчіямъ и т. д. Гласныя, управляющія движеніями согласныхъ, ведущія за собою толпу нѣмыхъ звуковъ, находятся во главѣ звукодвиженія и, слѣдовательно, являются первыми, на которыхъ языки основали свои отличительныя свойства. Ихъ гибкость, подвижность, удобоизмѣняемость способствуютъ имъ въ отправленіи этого служенія, такъ что повременное движеніе всѣхъ языковъ наиболѣе основано на движеніи гласныхъ. Переходя къ Сербскому языку и его отношеніямъ къ Д.-Булгарскому въ письменныхъ памятникахъ, мы напередъ можемъ сказать, что въ гласныхъ откроемъ самую обширную область звукодвиженія, наиболѣе обильную поврежденіями явленіями, переходными видами, въ которыхъ совершалось взаимное дѣйствіе двухъ родственныхъ стихій, встрѣтившихся на полѣ древней Сербской письменности. Гласными, какъ самою чувствительною стороною своею, народный языкъ старался порозниться съ принами, и отъ того сдѣла рѣче и обильнѣе всѣхъ зачалось то движеніе книжнаго языка, которое привело со временемъ къ торжеству Сербской стихіи надъ Ц.-Славянской подъ вліяніемъ самостоятельной жизни народа.

Частый, открытый и вѣсть твердый звукъ *a* весьма любимъ Сербани: истекая прямо изъ гортани и будучи самъ по себѣ полнозвучнымъ, онъ наиболѣе способенъ къ выдержанію силы согласныхъ и доставленію слову той ровности въ произношеніи, которая составляетъ немаловажное условіе благозвучія. Сверхъ того, примѣръ другихъ нарѣчій подсказываетъ, что *a* есть самая благозвучная изъ гласныхъ, и по тому Сербскій языкъ, какъ благозвучный по преимуществу, долженъ былъ доставить ей у себя огромное служеніе. Мы видѣли уже, что *b-a* и зашла собою полугласное *ь* въ большей части его служебной дѣятельности. Она образуется изъ *ь* чрезъ усиленіе въ предгательной *васъ* (см. в.) и въ мѣстоименіяхъ *тамъ*, *самъ*, *омамъ*, *омамъ* (см. в.), въ которыхъ и не есть придаточное усилительное, но определенное мѣстоименное окончаніе, и въ нарѣчіяхъ: *вагда*, *тагда*, *нагда*, *сагда* (см. в.). Встрѣчаются и переходныя формы безъ усиленія, единственно съ усилительными

и, какъ на пр., тѣи (А. NN² 7, 19; Г. Б), тѣи (М.л.), съи (С. N² 176), съю (С. N² 89), сьми (С. N² 91), сыгги (С. N² 107), сьнѣ, сьнѣи (А. N² 11; Г. Б).

Б-а я заиѣняетъ и полныя гласныя *е*, *и*, *о*, *я*, *у*, при чемъ или просто смѣняется съ ними, или усмливаетъ ихъ черезъ перезвукъ.

Вмѣсто б-ы я находимъ я въ слѣдующихъ случаяхъ: слѣмо вѣ. сѣмо, что, впрочемъ, согласно съ свойствомъ Сербскаго языка, ибо корень есть съ (А. N² 6), мадамъ и тутъ же жьмамъ, надшамса, гдѣ съ есть сѣ, заиѣняющее Ц.-Славянское са (С. N² 66), кавура, гдѣ я хотя я заиѣняетъ ь, но это стоитъ вмѣсто е (С. N² 103), поклитшарь, теншарь, отъ *centum*, (С. NN² 106, 107, 114, 128), тѣстмантъ (С. N² 159), ср. тѣстамовать (С. NN² 157, 161).

Б-а я смѣняется съ б-ю и въ слѣдующихъ словахъ: ѿрица (нѣ. ед., С. N² 16; А. N² 8; 3.; М.л.), ср. ѿрики, ѿрики (С. N² 35; А. NN² 5, 6, 12; 3.), ѿпатиѣ (отъ питати, С. N² 118), наматромъ (С. N² 156), ср. намѣншарь, лѣромъ (С. NN² 149, 158), сѣшнѣи и тутъ же сѣшнѣи (С. N² 130), раданина (С. N² 127), бамзати (С. N² 173), сьдѣ-и, га-и, сьдѣ-и, откуда сьднѣиамъ, сьднѣиаму, ср. сьдани, сьданиаму (см. в.), нѣдѣ-и, нѣга-и, нѣдѣ-и, нѣнѣдѣи (см. в.). Б-а я усмливается въ я въ словахъ юрии (С. NN² 118, 120, 133, 136, 144, 145, 156): пошравати и пошувати (А. N² 1).

Обильнѣйшими являются заиѣна и усмление б-ъ я и е. Шафарикъ приводитъ многіе примѣры изъ древнѣйшихъ иноземныхъ памятниковъ IX, X и XI вѣковъ, для смѣны б-ъ я и е, каковы: *Liutaro*, *Nedamusto*, *Cresamusto*, *Tečamila*, *Dabrana*, *Dabro*, *Babinapalla*, *Novasella*, *Dragavitus*, *καυανοί*, *Κάτερα*, *Δεμάτερη* и т. д.¹ Сюда прибавлю еще слѣдующіе: *Влахъ*², *Σαληνές* или *Sallis*, *Salde* (ишиѣ Солина или Тузла), *Στανών* или *Stantania*, *Dubrava*, *Ραστότζα*, *Papava*³, *Dubrave*, *Blatta*, *Barda*, *Berda*, *Baleni*, *Rasochatiza*, *Rauina*, *Vlassici*⁴. Мы находимъ я заиѣняющую е въ словахъ: мѣнштарь, -ю, -ѣмѣ, -тѣра, -ски, -омѣ, мѣнштары (Ш. N² VII; А. NN² 1, 9; С. NN² 51, 98, 173; М.л.), намштары (Ш. N² VII), ламтъ (С. N² 3), домсамъ (С. N² 14), гьдѣ (А. N² 8), сованици (С. N² 176), гьдѣдоу (А. N² 11), гьдѣнѣомъ (Ш. N² 11), зьро (С. N² 35), Нѣросѣимъ, -эхъ и Нѣросѣимъ (Г. А), хатаръ (Ш. N² 15), вѣраснѣи (С. N² 81), лѣвоамъ (тѣ. ед., С. N² 104), хьдѣмъ (А. N² 16), хьтои (хьтамъ, С. N² 178), вѣросѣимъ (С. N² 173). Б-а е усмливается въ я въ словахъ: нѣмага, -ан, -атѣ, -асти, -амъ, -ати, сьнѣмагатѣ (А. Н.; С. NN² 3, 16, 48, 64, 66, 178), шед- шѣ- при- нѣж- нѣж- по- под- лагю, -лю, -дѣ, -асти, -ага, -ан, -анѣ, -аюти, -люти (Ш. N² VII; С. NN² 35, 51, 176; А. N² 9; В. N² 2; 3.), рѣдатуи (Ш. N² VII), шре- по- тѣрлю, -ни, -ати (Ш. N² VII; С. NN² 2, 62; 3.), ѣсволаги (С. N² 2), шрилю, -ласти (С. NN² 2, 3), расти (С. N² 16; Ш. N² XVI), стѣрамъ, сьтѣралѣтъ (С. N² 32; М.л.), стѣраъ, стѣларъ (С. NN² 96, 107, 120, 127, 133 и пр.), ср. стѣоръ, стѣора (С. NN² 100, 101), ѣговарѣмъ, ѣдѣговарѣте (А. N² 6; С. N² 164), шѣкалѣнѣимѣ, -ю, -ѣомъ (А. N² 9; С.-Д. М. 1844; Г. А, Б), нѣкалѣнѣоути, оути (А. N² 11), вѣтрѣнѣомъ, -юти (С. NN² 35, 46), шришамъ (А. N² 14), нѣкалѣнѣиамъ (В. N² 2), шгошнѣомъ (3.), нѣдѣраюти, (А. N² 17), нѣтавѣиамъ (С. N² 144), нѣкалѣнѣиамъ

¹ Serbische Lesekörner, стр. 14.

² Даница 1821 г., стр. 58. — Ораски Рѣчници, В. С. Караджича. — Шафарика, Ueber die Abkunft der Slaven, стр. 158. — Ето же Slav. Starožitn., I, II, 190. Слав. Древн. I, I, 394.

³ Шафар., Slav. Starožitn., II, IV, 651—656. Слав. Древн., II, I, 430 — 430.

⁴ Тамъ же, II, V, 678, 679. II, II, 34 — 36.

(С. № 166). Сверхъ того б-а и сѣняется съ б-ю о въ род. п. ед. ч. прилагательныхъ и иѣстоименій на -ога, -ога, -га и -до, -го, -го.

Б-а и сѣняется съ б-ю я въ слѣдующихъ словахъ: бѣсла, бѣсла (С. NN№ 8, 16) и бѣслаз, етсла (А. И.; С. NN№ 8, 19), бѣока (С. № 16) и бѣоколт (С. № 100), докола, докла (С. NN№ 114, 142, 143, 144) и доколя, докля (А. И.; С. NN№ 6, 17, 20, 22, 24, 26, 106, 111), дотала, -ла (С. NN№ 108, 112, 115, 126) и дотолъ (С. № 106), оидла (С. № 135) и оидлзи (С. № 40), нзда (С. NN№ 113, 150) и нздаи, коудъ (А. NN№ 6, 12, 19; С. NN№ 101, 137), свзда (С. NN№ 137, 141) и всоудъ (С. № 91), ннзда (С. NN№ 141, 150) и ннздъ, ннздъ (С. NN№ 71, 79), бѣноудъ (А. № 10). Черезъ посредство я, переходящаго въ е, я сѣняется съ е во многихъ изъ приведенныхъ парѣчій, ибо находимъ еще формы: докола, -е, -е, докла, -е (А. И.; С. NN№ 20, 58, 66, 68, 69, 73, 83, 84, 91, 98, 112, 115, 137; А. NN№ 15; Г. Б; М.), бѣоудъ (А. № 4), коудъ, нзда (А. № 19; С. NN№ 67, 73, 91, 111, 137, 150, 168), бѣноудъ (А. № 4), ннзда (С. № 150), оидлзи, оидлзи (С. NN№ 36, 73, 91, 111), бѣола, бѣола, бѣола (С. NN№ 40, 101, 127; А. NN№ 11), дотлаи (С. № 56), бѣслаи (С. № 77), дотлаи (С. № 115). Черезъ я, претворяющееся въ и, б-а и сѣняется съ и въ формахъ: бѣсла (С. № 43), нзда (С. NN№ 82, 102), докола (С. NN№ 83, 89, 93, 99, 107) оидъ (С. № 94), всзди (С. № 102). Б-а и сѣняется съ б-ми е и я въ союзѣ да, дъ, дѣ (С. NN№ 8—11, 13, 14, 16, 18). Б-а и стоитъ вм. я въ словѣ двѣста (С. № 152). Въ нее уславняется я въ слѣдующихъ словахъ: владани, -нѣ, -нѣ, -нѣ, -нѣ, -нѣ, -нѣ (А. И.; С. NN№ 14, 61, 65, 79, 80, 85, 104, 144), владлацъ, -лци (С. NN№ 14, 29), нматн, -латн (С. NN№ 19, 76, 152), нмалъ, -л, -л, -мо, -вѣше, нмалмо (С. NN№ 46, 57, 64, 70, 71, 78, 79, 81, 85, 89, 92, 97, 101, 127, 129, 159), нманин, -л, -л, -нѣ, -нѣ, -нѣ, -нѣ, -нѣ, -нѣ (С. NN№ 35, 43, 50, 77, 91, 102, 111, 132, 137, 146, 147, 150), или съ я вм. я: ср. нмалъ, -н (С. № 16), орашъцъ, -шлцъ (С. NN№ 16, 84), орашѣ, орашѣ, -л (С. NN№ 157, 176), орашѣнн (А. № 18).

Б-а и стягиваетъ въ себѣ ан въ словѣ нани (нани, С. № 113).

Б-а и сѣняется б-у з въ предлогѣ протива (С. NN№ 89, 118, 132, 141) и противъ (С. № 3).

Б-а и является мѣстами въ удвоенномъ видѣ. Это особѣй видъ ея служенія, разившійся преимущественно въ XV-мъ в. въ Западной семьѣ грамотъ. Восточныя равномѣрно знали его, но употребляли осторожнѣе. Что означаетъ удвоенное я, рѣшить трудно; но замѣчательно, что удваивается лишь я коренное и усвоенное, между тѣмъ, какъ я, служащее для озвукотворенія б-ы ъ, остается безъ удвоенія, или, если иногда и удваивается, то весьма рѣдко, какъ бы въ видѣ исключенія. Такъ какъ послѣднее есть по преимуществу бѣглое и слабое, то можно догадываться, что удвоеніе означаетъ видъ протяженіе голоса въ б-ѣ я и какъ бы ея долготу, а видѣ паденіе надъ нею голоса или удареніе. Въ XIII-мъ в. находимъ только: нѣре ти для здравнѣ (С. № 5; у Ш. № VI-дан); зля моръ (С. № 17); въ XIV-мъ в. кое-гдѣ въ Аеоныхъ, на пр., да се нѣзирѣй, вѣзъ великѣй оузромѣ (А. № 3), да бѣладѣй, ирайлѣ, да се нѣзирѣй (А. № 4), илако (А. № 8), ѣслѣ (А. № 9), нѣднѣславнѣ, вслѣ, тѣло, порѣновѣлсибѣ, запрѣцѣй (С. № 10), нѣокал (А. № 19), слннлѣ (А. № 18); въ Дечанской: слышѣй, дадѣ, вѣрошѣй, полѣкнѣй (С. № 176); въ Раваницкой: глѣи (Ш. № 15) и въ Законникѣ: кто ли се по-оудѣлѣ, правдѣ; даже формы оу нила слѣл, градѣслѣ земаи приличнѣ объяснять этихъ удвоеніемъ. Въ Западной семьѣ грамотъ только въ одной Босній-

халь (С. NN^о 137, 138, 176), шапоглавити (С. N^о 157). Сюда же можно отнести и тѣ глагольныя формы, которыя, по видимому, обходятся безъ соединяющей гласной; таковы окончания 2-го и 3-го л. ед. ч. и 1-го и 2-го л. мн. ч. наст. вр. глаголовъ на -ати: -ати, -а, -амо, -ати.

Въ началѣ словъ и предъ гласною б-а я большею частію соединяется съ смягчающимъ небнымъ началомъ і и вмѣстѣ съ нимъ образуетъ мягкую б-у ш. Такъ какъ носовой звукъ я въ Сербскомъ языкѣ съ самыхъ древнѣйшихъ временъ обратился въ е, то начертаніе я сдѣлалось собственно излишнимъ для Сербской азбуки: и дѣйствительно, мы не находимъ его ни въ однихъ грамотахъ, кромѣ Аѳонскихъ. Этѣ послѣднія, наиболѣе близкія къ Ц.-Славянской письменности, не могли разстаться съ б-ю я; но при всемъ томъ поступили весьма осмотрительно. Писцы не увлеклись носовымъ произношеніемъ этой буквы и никогда, кромѣ двухъ случаевъ: ядръ (А. N^о 5) и князь (мон., Рейх. XX, N^о 31), не ставили ея на мѣстѣ носоваго звука, но замѣняли ею б-у ш. Быть можетъ, они заимствовали ее изъ такого источника, въ которомъ она уже утратила свой носовой звукъ: какъ бы то ни было, въ концѣ XII-го в. въ гр-ѣ Немани (А. N^о 1) находимъ слово оу миледъ (у Ш. N^о V—м), гдѣ я написано вмѣсто ш: слѣдовательно, уже въ этомъ вѣкѣ оно звучало, какъ ш. Впрочемъ, это только единственный случай для этой б-ы изъ XII-го в. Въ Аѳонскихъ грамотахъ XIV-го и XV-го вв. начертаніе я вмѣсто ш преобладаетъ исключительно, такъ что послѣдняго вовсе не находимъ въ грамотахъ, изданныхъ Авраамовичемъ и въ Гласникѣ. Въ послѣднемъ находимъ даже ш: шю, тисоуши, шалакши (Г. А), шю, шемши (Г. Б), шима (Г. V), какъ и на одной изъ печатей Уроша V: архидишюш (Г. II, стр. 203). Напротивъ, въ таковыхъ же грамотахъ, напечатанныхъ въ Споменикахъ и у Шафарика, всюду встрѣчается одно только ш. Что же до прочихъ не-Аѳонскихъ грамотъ, то въ нихъ употребляется одно обычное начертаніе ш; а я попадаетъ не болѣе двухъ, трехъ разъ разсѣянно и какъ бы невзначай въ видѣ описки, именно: ярамы (С. N^о 3; у Ш. N^о X—а), поставлати (С. N^о 35), всадръжителъ (С. N^о 94), яраушюкати (С. N^о 107) — и только; но въ С.-Д. М. NN^о 1, 2, на оборотъ, нѣтъ нигдѣ ш, а всюду я, или ш. Въ томъ же изданіи 1844 г. встрѣчаются ш, я и я. Весьма замѣчательна такая рѣзкая противоположность между грамотами: одиѣ исключаютъ совершенно одно начертаніе для мягкаго я, а другія другое: чрезъ это подтверждается отчасти тожество обоихъ начертаній. Имѣютъ ли сдѣсь какое либо значеніе условныя приемы переписчиковъ, и употребленіе того, или другаго начертанія не ограничивается ли распоряженіями самихъ издателей—этого я не берусь объяснить. Относительно чтенія Сербамъ б-ы я замѣчательна однажды встрѣчающаяся форма ярадоша вл.-а (С. N^о 85), въ которой писецъ читалъ я, какъ а, и точно такимъ же образомъ написалъ ее. Ясно, что я звучало у Сербовъ, какъ а, или чаще я, что, впрочемъ, отнюдь не значитъ, чтобы носовой звукъ, выражаемый Ц.-Славянской б-ю я, произносился у нихъ, какъ а: нѣтъ, онъ звучалъ всюду, какъ е; сдѣсь же дѣло одного начертанія, или условное употребленіе извѣстнаго буквеннаго изображенія.

Вообще всѣ Славянскіе языки не любятъ твердыхъ или открытыхъ гласныхъ въ началѣ словъ, равно какъ стеченія таковыхъ въ срединѣ и концѣ словъ. Въ обоихъ случаяхъ, какъ въ начальной гласной, такъ и во второй изъ двухъ рядомъ стоящихъ гласныхъ подъемъ голоса бываетъ полный, ибо по причинѣ членораздѣльности звуковъ каждое слово и каждая гласная заканчиваютъ собою извѣстное количество голоса, такъ что послѣдующее слово, начинающееся глас-

ною, или послѣдующая гласная требуетъ новаго количества голоса, производить новый, полный подъемъ въ произношеніи. При такомъ полномъ и новомъ подъемѣ Славянскіе языки не терпятъ открытаго, широкаго, яснаго звука, но стараются всячески избѣжать его то чрезъ стяженіе гласныхъ, то чрезъ приставку благозвучныхъ буквъ, или чрезъ придыханіе, или же наконецъ чрезъ приращеніе гласнаго звука къ небу, т. е., чрезъ смягченіе его помощію небнаго начала *i*. Отсюда рожденіе мягкихъ гласныхъ. Два сряду открытых подъема голоса не удобны и производятъ однообразіе; смягченіе напротивъ, спуская и сѣвнвая подъемъ, производитъ разнообразіе въ голосоу: это своего рода членораздѣльность и благозвучіе—два главнѣйшія свойства человѣческаго голоса. Но смягчающее начало Славянскихъ языковъ хотя и является преобладающимъ, однако на письмѣ, рѣже въ произношеніи, оказывается иногда ненужнымъ и оставляетъ слова съ яснымъ и открытымъ поднятіемъ голоса. Такъ и въ Древнесербской Кириловской письменности не всегда а въ началѣ словъ и предъ гласною переходило въ м. Любопытно сравнить въ этомъ отношеніи нѣкоторыя двойственные формы. Такъ мы встрѣчаемъ: азъ (мн. р.) и азъ, азъ (А. NN^о 7, 12), ѡ (А. NN^о 4, 14), м (мн. р.), ако, аю и аюо (Ц.-Сл. лшѣ): ѡ аюо. . погнне злѣннѣи да го тѣи змарѣ ѡ сѣе поставлѣи, ср. тутъ же: ѡ ѡре сѣ... слоуи погннеоути зламъ, ѡни да ѡ поставѣ ѡ сѣе (А. N^о 6); и аюо (т. е., аю) ки м не уннѣ (С. N^о 14), и аюо (аюо) шо сѣрѣше (С. N^о 24); и на оборотъ ако (т. е., аюо): и аюо же и прѣкозливнн ѡдамъ (Г. А), ср. и аюо же прѣкозливнн ѡдамъ; и тои мѣ видѣши... аюо зноуѣтѣ хрѣмъ (Г. Б). Замѣчательно еще смягченіе начальной б-ы а въ словѣ мѣгѣла, мѣгѣла (С. NN^о 107, 114). Такъ равно а передъ гласною не всегда обращается въ мягкое м. Грамоты, ближайшія къ Ц.-Славянской стихіи, чаще оставляютъ его безъ перемѣны, чѣмъ грамоты, ближайшія къ народной стихіи. Монастырскія въ особенности отличаются терпимостію чистаго а при предшествующей гласной; примѣровъ такъ много, что довольно привести только нѣкоторые. Въ грамотѣ Немани еще не находимъ ихъ, но въ прочихъ они уже изобилуютъ: ѡмогѣа (А. N^о 2), великаѣ, гѣлѣнѣа, вѣуѣаѣ вѣгѣа, вошѣа (А. N^о 3), ѡмаѣ ѡмогѣа (А. N^о 4), вѣлѣнѣнѣа, послѣдѣнѣа, ѡмаѣнѣнѣа, ѡзрѣдѣнѣа (А. N^о 6), великаѣ (А. N^о 5), хрѣнѣнѣаѣ (А. N^о 8), ср. хрѣнѣнѣаѣ (А. N^о 4), хрѣнѣнѣомѣ (А. N^о 6), чрѣнѣа, ѡмаѣа (А. N^о 10), достоѣнѣа (А. N^о 11), дѣаѣ (А. N^о 12), ср. дѣаѣ (А. N^о 13), жѣаѣнѣа, сѣа, рѣомаѣ (А. N^о 14), ѡноѣ (А. N^о 18), ср. ѡноѣ (А. N^о 3), ѡпоѣаѣа, саѣнѣсѣаѣ (А. N^о 20), ѡвѣнѣнѣа, хрѣнѣнѣа, ѡмаѣнѣа (С. N^о 35), вѣнѣнѣаѣ повѣнѣнѣа (С. N^о 175), ѡуѣнѣнѣа, трѣнѣа, сѣа, жѣнѣа (Мл.) и пр. и пр. Во многихъ изъ этихъ грамотъ несмягченіе вполнѣ господствуетъ; а въ изданіяхъ Гласника, С.-Д. Магазина 1844 г., Востокова и С. N^о 178 а остается постоянно неизмѣняемымъ передъ гласною. Исключеній только два: прѣдѣстоѣнѣа (Г. А) и прѣнѣа (С.-Д. М. 1844). Гораздо менѣе случаевъ несмягченія б-ы а находимъ во всѣхъ остальныхъ грамотахъ; можно съ увѣренностію сказать, что случая эти весьма рѣдки. Таковы: ѡнѣдрѣа (С. NN^о 15, 16), ѡвѣнѣнѣа (С. N^о 21), ѡрѣнѣнѣа (С. N^о 32), ѡтрѣнѣнѣа (С. N^о 46), сѣѣдѣаѣнѣа, сѣѣдѣаѣнѣа, хотѣнѣа (С. NN^о 73, 91, 111, 137), ѡвѣнѣнѣа (С. N^о 78), ѡмаѣа, сѣа, зѣнѣнѣа, дѣнѣнѣа (С. N^о 90), дѣнѣнѣа, ѡфѣаѣа, зѣнѣнѣа (С. N^о 91), ѡстоа (С. N^о 92), ѡлѣнѣа (С. N^о 103), сѣнѣнѣа (С. N^о 110), ѡмаѣа, сѣа, ѡфѣаѣа, ѡмаѣа, зѣнѣа, стоаѣнѣа, ѡсѣнѣнѣа (С. NN^о 111, 137), прѣнѣнѣа, -тѣ, -лѣ (С. NN^о 111, 137, 146, 147), дѣнѣнѣнѣа (С. N^о 118), ѡмаѣа (С. N^о 146), дѣнѣнѣа (С. N^о 157). Въ Законникѣ а передъ гласною всегда остается безъ перемѣны. Если въ сейчасъ приведенныхъ

примѣрахъ замѣтить, какую часть между ними занимаютъ примѣры изъ собственно-Сербскихъ памятниковъ, и если къ нимъ присовокупимъ всѣ тѣ, которые были приведены выше, то убѣдимся, что неомягченное а держалось почти исключительно въ Восточной семьѣ и преимущественно въ грамотахъ, относившихся къ церковнымъ надачамъ, а это и показываетъ намъ, что на немъ отразилось вліяніе Ц.-Славянской стихіи, что подтверждается и Законникомъ. Напротивъ, смягченіе б-ы а въ началѣ словъ и передъ гласною было дѣломъ Сербской народности и совершалось въ грамотахъ, относившихся къ дѣламъ мірскимъ и предпочтительно принадлежащихъ къ семьѣ Западной. Въ самомъ дѣлѣ, въ Д.-Булгарской средневѣковой письменности, ровесницею которой можно назвать и Сербскую, рядомъ съ главнымъ правиломъ смягчать гласную передъ гласною, находимъ неменѣе главное правило, господствующее въ многочисленныхъ ея памятникахъ, по которому а и оу при предшествующей гласной не смягчаются. Впрочемъ, начало этого явленія должно искать, кажется, въ Булгаріи; оно занесено было туда поздне и, всего вѣроятнѣе, съ Карпатовъ. По разсѣяніи учениковъ свв. Кирила и Меодія, Прикарпатскіе жители, конечно, были одними изъ первыхъ, къ которымъ донесся голосъ православныхъ проповѣдниковъ, или, по крайней мѣрѣ, дошли церковныя книги. Въ Карпатахъ не любятъ смягченія, и это мѣстное свойство наложило свою печать и на Булгарскія рукописи, воротившіяся потомъ въ Булгарію, или достигшія Сербіи и Россіи. Западнорусскія рукописи обилуютъ несмягченными гласными. Но ихъ ли собственно вліянію должно приписать водвореніе того же свойства въ средневѣковой Булгарской письменности, или то было дѣйствіе собственно Булгарского мѣстнаго разнорѣчія, объ этомъ нельзя сказать ничего положительнаго; только наши данныя показываютъ, что въ подлежащей Сербской письменности несмягченіе было дѣйствіемъ Булгарскаго вліянія.

Б-а ш, л, ш замѣняютъ собою иногда б-у з; подобные случаи хотя и не часты, однако встрѣчаются, на пр., въ *иништы* *бѣтъ* (С. № 51), *насадинна*, *встакша*, *нишша*, *талюшкы*, *тамъж*, *никанскы* (А. № 7), *ниш* (З.), *иѣ* (А. № 10), *донна* (А. № 14), *иѣ* (С.-Д. М. № 1; А. № 16), *ниш* (Г. V), *воваши* (С. № 113). Еще замѣтимъ форму: *ѡиш листъ*, *ѡиш запись* *ѡишкы* (С. № 130), гдѣ ш замѣняетъ ѡ, если только оно не принято по ошибкѣ *ви*. и.

Б-а ш усиливается изъ и въ словахъ: *зашъ* (С. № 74), *пришши* (С. № 133), *пришъ* (С. № 136) отъ *ишты*; *ташты* (С. № 142) *ви*. *ташты*, откуда существ. *таш*, *ташъ* (С. № 3);—изъ з въ словѣ *ишша*, -*иш*, ср. тутъ же *ишшъ*, гдѣ ш стоитъ *ви*. з. (З.).

Б-а ш, л, удваивается, но такъ, что вторично является уже твердое л: *шл*, а не *шш*; послѣднее удвоеніе не существуетъ. Вотъ примѣры: *шл*, *шл* (*шл*, С. NN № 69, 74, 102, 104, 132, 133, 142, 143, 150, 156, 157, 158, 162, 164, 173; А. № 15; Мл.), *потерьшкышл*, *комл* (С. № 102), *приматшл*, -*шл* (С. NN № 157, 173), *шоглашл* (С. № 173).

Мы видѣли, что дѣйствіе народной стихіи обнаружилось въ стяженіи окончанія *шл* въ *шл*: разъ одержавши верхъ, народная стихія пошла далѣе и стянула *шл* въ ш, дѣлая это не только въ концѣ словъ, но и въ срединѣ ихъ; при этомъ ш перешло въ предыдущую согласную. Впрочемъ, надобно сознаться, что малочисленность примѣровъ и сравнительно большее количество случаевъ для *шл* показываетъ, что форма *ш ви*. *шл* еще не установилась окончательно, и срединная форма *шл*, напомнившая и древнѣйшую *шл* и новѣйшую ш, составляетъ отличный и вѣстѣ переходный признакъ, преобладающій

еще и въ XV-мъ ст. Изъ предыдущихъ вѣковъ можно привести только слѣдующіе немногіе примѣры: брата (А. № 7), проца (А. № 14), кладыи (С. № 61); но въ XV-мъ ихъ довольно: поминати, ошмелени, поткаргевани (С. № 101), довити (С. № 106), потакнати (С. № 113), vzdъжани (С. 121), споминати, рогиши (С. № 126), минаи (С. № 132), пованиши (С. № 136), прстанинѣ (С. № 157) и н. д. И на оборотъ, находимъ формы съ избыточествующимъ и: квидни (С. № 17), балмики, -омъ (С. NN№ 86, 156), змиахъ (С. № 132), редмики (С. № 155). Въ формѣ дво (А. № 6) стянуты три гласныя; но Сербы не любятъ этого стяженія и, сливая *іо* въ одинъ звукъ, отдѣляютъ его отъ *а* вставочнымъ и: *нозана*, -омъ (С. NN№ 1, 16; Ш. № VII), *ивани* (Ш. № VII), *ивавозки* (С. № 20), *ивани*, *иваниши* и т. д. (ин. р.).

Въ иностранныхъ словахъ господствуетъ колебаніе; пасцы не знаютъ, что поставить: *ик*, *иа*, *иоа*, или *и*, или даже просто *а*. Такъ, на пр., она пишутъ: *ивиниш* (А. № 2), *йѣковѣ*, *йѣкова* (А. NN№ 3, 4), *іѣиномъ* и *дио* (А. № 6), *диѣкоискиѣ* (А. № 9), *іѣдиѣмъ*, *йѣдиниѣ*, *диѣколиѣ* (А. № 10), *іѣиши*, (А. № 16), *іѣ^а* (печ., Р. III, 333), *иолиѣ* (С. № 178), *іѣлиѣ* (Г. V), *иолисиара* (С. № 63), и *иолисиарѣ*, -ѣ и т. д. (ин. р.), *иокоа* (С. № 73), *дикиѣ*, (С. NN№ 80, 87, 98, 101, 102, 124, 142, 143, 144, 152, 154), *дикиѣ* (С. NN№ 104, 107, 114, 122, 129), по *дикиѣ* (С., стр. 252), *дикиѣ* (С. № 164), *протикистирѣ*, -иѣ (С. NN№ 71, 111) и *прѣвирѣ*, *протоиѣ* (С. NN№ 70, 136), *иѣиѣ*, *иѣѣ*, *иѣѣ* (С. NN№ 167, 179; 3.) и *иѣѣ* (С. NN№ 72, 98, 168), *іѣѣѣ* (А. № 8), *іѣѣѣ* (Г. V), *іѣѣѣ* (Г. А; А. № 20), *иѣѣѣ* (С. NN№ 130, 164), *иѣѣѣ*, *иѣѣѣ* (С. NN№ 123, 148, 156, 157), *иѣѣѣ*, -ѣ (С. NN№ 66, 89, 124, 135), *иѣѣѣ* (С. № 81), *иѣѣѣ* (С. № 96). Укажу еще на форму *иа* (*лѣѣ*, С. № 89), въ которой участіе смягчающаго небнаго начала, по своей отдѣльности, обнаруживается яснѣе, чѣмъ въ *и*.

Другой чистый и первоначальный гласный звукъ есть *и*. Мѣсто его въ отношеніи гласнаго органа находится при *небѣ*. Если *а* представляетъ ближайшій къ гортани и по тому наиболее открытый, широкій звукъ, и если третій первоначальный звукъ *у* составляетъ съ нимъ противоположность, являясь губнымъ глухимъ звукомъ, то *и* занимаетъ между *ѣѣѣ* двумя крайностями срединное мѣсто: оно не такъ открыто и широко, какъ *а*, и не такъ глухо, какъ *у*; представляя собою звукъ, приражаемый небнымъ органомъ голоса, оно узко и не столь твердо, какъ *а*; но все таки оно твердо и имѣетъ своимъ противнемъ мягкій звукъ, который ясно отличается отъ него своимъ вторичнымъ, какъ бы ббльшимъ прираженіемъ къ *небу*, хотя на письмѣ и не выражается особымъ знакомъ. Эта полумягкость кореннаго и чистаго звука *и*, носящая названіе твердости, была причиною многихъ историческихъ явленій и многихъ споровъ, возникшихъ по поводу сѣшенія твердаго и смягченнаго *и*. Такъ находятъ какой-то срединный звукъ между *и* и *ѣѣѣ*, но это несправедливо по тому, что въ голосѣ человѣческомъ есть столько видоизмѣненій гласности, твердости, и мягкости, что никакая азбука не можетъ удовлетворить всѣмъ его звукоизмѣненіямъ: мы не должны забывать, что имѣемъ дѣло только съ главнѣйшими и основными звуками человѣческаго голоса, для которыхъ только и находятся въ азбукѣ представители, а по тому главныхъ, самостоятельныхъ и самоотдѣльныхъ степеней голоса никакъ не должно ровнять съ побочными, сѣшанными и посредствующими видоизмѣненіями его. Иное дѣло ученіе объ основныхъ гласныхъ звукахъ и иное дѣло ученіе о побочныхъ, срединныхъ звукахъ. Последнее, кажется, еще не на-

шло себя въздѣлвателя, ибо тутъ необходимо непосредственное и самое короткое знакомство со всѣми Славянскими языками, наиболѣ ими обилующими, въ ихъ устной рѣчи, въ томъ видѣ, какъ звучать они въ народѣ. Обработать эти сокровенные и мелкіе оттѣнки языка при отсутствіи азбучныхъ знаковъ и подѣ важнѣйшимъ условіемъ близкаго знакомства со всѣми Славянскими нарѣчіями и ихъ подрѣчіями и разнорѣчіями, не только въ устной и современномъ состояніи, но и въ поврежденной жизни, смотря по тому, какъ письменность ихъ, чрезъ существующіе въ азбукѣ знаки, какъ чрезъ представителей основныхъ звуковъ, старалась выразить срединные звуки, для которыхъ особенныхъ знаковъ въ азбукѣ не существовало и не существуетъ, — обработать, говорю, все это гораздо труднѣе, чѣмъ изложить ученіе объ основныхъ звукахъ какъ Славянскихъ, такъ и другихъ языковъ, для которыхъ всѣ азбуки представляютъ болѣе, или менѣе удовлетворительные знаки. Но между тѣмъ потребность упомянутого ученія о срединныхъ звукахъ, какъ такой части Славянскихъ языковъ, которая вмѣстѣ съ коренными гласными составляетъ душу каждого Славянскаго слова и только вдвоемъ съ ними представляетъ всю самозвучность голоса и производитъ въ немъ извѣстную степень напряженности и разнообразія, весьма чувствительна; ибо только она можетъ выказать все богатство звуковыхъ измѣненій въ Славянскихъ языкахъ, разграничить, какъ должно, основные и самостоятельные гласные звуки отъ посредствующихъ, срединныхъ и въ особенности уяснить ученіе о полугласныхъ въ ихъ видоизмѣненіяхъ по всѣмъ Славянскимъ нарѣчіямъ. Только оба ученія въ своей совокупности могутъ представить полный составъ гласныхъ звуковъ въ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Составитель Славянской азбуки, св. Кирилъ, хорошо понималъ основные и второстепенные звуки и поступилъ гораздо благоразумнѣе тѣхъ, кои для Славянскихъ языковъ приняли Латинскую азбуку: онъ далъ знаки не только для всѣхъ основныхъ гласныхъ звуковъ Д.-Булгарскаго языка, но и изъ второстепенныхъ изобразилъ анаками самые рѣзкіе и выдающіеся—полугласные. Напротивъ, Латинская азбука не имѣетъ даже и самыхъ ѣ и ѡ, которыя для нея въ Славянскихъ нарѣчіяхъ столько же необходимы, сколько для Кириллицы не нужна б-а j. За то св. Кирилъ, по видимому, принималъ и за мягкое и далъ ему видъ Греческой буквы и (ι), которая въ его время, безъ сомнѣнія, звучала какъ и. Греческая же б-а ι служила ему не буквою, но только пособіемъ при составленіи другихъ мягкихъ буквъ. Мягкость его б-ы и догазывается еще тѣмъ, что для собственно мягкаго звука и онъ не придумалъ никакого начертанія, подобнаго другимъ мягкимъ. За твердый небный звукъ онъ, вѣроятно, принималъ одно ѡ. Если для одного небнаго звука ему потребовался ѡ, то значить, что небный звукъ самъ по себѣ считалъ онъ мягкимъ; слѣдовательно, ѡ стоитъ у него на одной доскѣ съ а, е, о, оу, ѡ, ѡ, а и отвѣчаетъ мягкимъ и, и, ю, ѡ, ѡ: иначе составился бы новый рядъ буквъ, въ которомъ явились бы твердыя ѡа, ѡе, ѡоу и т. п., а а, е, о были бы тогда уже срединными, какъ и, и, ю мягкими; но это уже противорѣчило бы двойственности въ начертаніяхъ, принятой въ основу при составленіи азбуки, той двойственности, которая объясняется двумя только главными свойствами звуковъ, твердостью и мягкостью. Но собственно смягчающее небное начало, участвующее въ образованіи мягкихъ гласныхъ, не должно быть смѣшиваемо съ твердымъ и: оно есть непремѣнно мягкое. Въ сложеніи съ прочими гласными Кирилъ далъ ему начертаніе Греческаго ι: и, а въ сложеніи съ звукомъ и опустилъ вовсе. Никакая Славянская азбука не выражаетъ этого мягкаго зву

на и; только Сербское правописание намекает на него въ тѣхъ случаяхъ, когда къ начальному мягкому звуку и присоединяется благозвучное м: тогда это послѣднее принимаетъ на себя смягчающее свойство и, выражаемое б-ю ъ, на пр., *им, ѡма*. Вообще б-ы ѡ и обнаруживаютъ правописнымъ образомъ мягкое свойство встрѣчающагося съ ними и. Да еще Малорусы въ старину означали, а нѣкоторые изъ нихъ и понынѣ еще означаютъ, мягкое и, преимущественно конечное, знакомъ ̣. Такъ же точно, но только обратно, поступилъ Кирилъ съ звукомъ ѡ: замѣтивъ въ Славянскомъ языкѣ звукъ, ближайшій къ гортанному а и въ отношеніи органовъ голоса занимающій мѣсто между а и и, какъ бы гортанно-небный безъ прираженія, и по тому, хотя сродный съ и, но болѣе открытый и твердый, онъ положилъ ему въ основаніе это и, и, отвердивъ его чрезъ твердое ь:—ѡи или нѣсколько позднѣйшее ѡ-и. Б-а же ѡ, ѡ, образовалась изъ сокращенія б-ы ѡи, хотя современное Кирилу и позднѣйшее одинаковое произношеніе Греческихъ б-ъ η и ι, также безразличное употребленіе и и І могло навести на мысль образованія ѡ изъ ѡ и і, по чему въ Остромировомъ Евангеліи и находимъ начертаніе ѡІ. Отъ того оба начертанія являются въ глубочайшей древности и напоминаютъ собою то время, когда въ азбучныхъ знакахъ еще не забыта была разумность ихъ составленія. По той же самой причинѣ, когда въ образованіи словъ и должно было присоединиться къ твердому полугласному ѡ и слиться съ нимъ въ одинъ общій твердый звукъ ѡ, тогда для этого послѣдняго употреблялось начертаніе ѡи, на пр., *къѡи-играти — къѡиграти, добръ-и — добръи* или, чрезъ вторичную прибавку опредѣлительнаго мѣстоименнаго окончанія, — *добръи*. Но конечный звукъ ѡи, ѡи, образовавшійся собственно изъ двухъ звуковъ, конечнаго ѡ, выражавшаго прадавнюю гласность, и мѣстоименія и, былъ столь слитенъ, что для опредѣленнаго окончанія онъ казался уже неяснымъ, и по тому еще въ древнѣйшую пору къ нему прибавили другое, такое же, какъ и первое, и: формы на -ѡи преобладаютъ уже у Остромира: ихъ всегда можно разложить на ѡии, гдѣ второе и будетъ излишнимъ. Нѣкоторые принимаютъ ѡи за доегласную; но это столько же возможно, какъ и то, что Санскритское долгое и, часто въ Ц.-Славянскомъ языкѣ переходящее въ ѡи, есть доегласіе, почти всегда обнаруживающеся въ какомъ нибудь изъ Индоевропейскихъ языковъ. Тѣмъ не менѣе, оно звучитъ, какъ чистый долгій звукъ: таковъ въ этомъ случаѣ долженъ быть и звукъ ѡи. Замѣная носовые звуки, какъ бы цѣлые слоги, онъ тоже есть доегласіе. Но кромѣ того, ѡи возникаетъ изъ стяженія гласности въ области самого Ц.-Славянскаго языка при встрѣчѣ б-ъ ѡ и и: сдѣсь доегласное образованіе его открывается съ перваго взгляда. Но хотя по природѣ своей ѡи должно быть доегласнымъ, однако никогда въ немъ не слышится двойнаго звука, а всегда одинъ простой гортанно-небный звукъ, который, въ слѣдствіе этого свойства своего, и получилъ нѣкоторыя видоизмѣненія въ Славянскихъ языкахъ, смотря по степенямъ твердости, или мягкости голоса, въ немъ присутствующаго: по этому начертаніе его не было одинаково какъ въ Кирилицѣ, такъ и въ Латинской азбукѣ; одни изображали его то б-ми ѡ (*и*), *у*, то б-ми и (*и*) і. Это зависѣло отъ того, какое начертаніе, твердое, или мягкое, находили болѣе приличнымъ для этого звука, смотря по степени, его твердости. Такимъ образомъ, говоря о б-ѣ и, какъ знакъ основнаго и самобытнаго звука, не должно вѣшивать туда же другихъ видоизмѣненій небнаго звука, которыя хотя и существуютъ, но не столько, по скольку существуетъ основной и главной звукъ, такъ сказать, ихъ первообразъ, выражаемый въ чистомъ и твердомъ и. Звукъ и, сродный

однимъ Славянскимъ языкамъ и то не всѣмъ въ равной степени и образовавшійся въ нихъ или чрезъ перезвукъ долгаго у, восходящаго къ долгому о, которое приводитъ къ первоначальному созвучію *ав*, или чрезъ усиленіе носовыхъ звуковъ, или же наконецъ чрезъ непосредственное слитіе доегласія при встрѣчѣ *б-ъ в* и *ы*, есть по природѣ своей доегласное, но столь плотное и цѣльное, что въ немъ слышится одинъ лишь твердый гортанно-небный звукъ, какъ бы болѣе твердое *м*, по чему оно и смѣшивается иногда съ этимъ послѣднимъ.

Сербскій языкъ не имѣетъ широкаго, дебелаго *ы*, но онъ вмѣсто него употребляетъ срединное, полумягкое *ы*, которое и выражаетъ одинаково съ мягкимъ *и*: другими словами, въ Сербской азбукѣ не существуетъ *ы*, но есть одно *и*: которое индѣ звучитъ совершенно мягко, индѣ нѣсколько грубѣе. Таково мнѣніе большинства пишущихъ; но нѣкоторые и доселѣ пишутъ: *высоки жыде, мы, было самъ* и т. п., точно такъ же, какъ, вопреки большинству, пишутъ слова съ конечными *ѣ* и *ь*. Дѣло въ томъ, что Кирилица не вполне удовлетворяетъ звукамъ Сербскаго языка и по тому производитъ колебаніе въ употребленіи буквенныхъ знаковъ. Но тѣ и другіе правы: одни по тому, что Ц.-Славянское *ш* не вполне удовлетворяетъ Сербскому дебелому *и*; а другіе по тому, что Сербское дебелое *и* отвѣчаетъ Ц.-Славянскому такому же, но только сдѣсь еще болѣе дебелому, *ы* и легко можетъ замѣниться имъ. Вообще, по моему мнѣнію, если уже писать Кириллицею, то писать по возможности всѣми ея знаками, ибо всякое сокращеніе азбуки ведетъ къ неопредѣленности видныхъ отѣнковъ языка и видимаго начертанія словъ, а эта, въ свою очередь, можетъ произвести немаловажныя затрудненія въ изученіи внутреннихъ свойствъ языка. Если достоинство и цѣль всякой внѣшности состоитъ въ возможно лучшемъ проявленіи мысли или содержанія, то и всякая азбука по стольку хороша, по скольку выясняетъ видимыми знаками летучіе и понятныя только для слуха звуки языка. Сокращеніе азбуки можетъ упростить одно только правописаніе, но, обобщая знаки, оно тѣмъ самымъ затрудняетъ изученіе языка для тѣхъ, кто не знакомъ предварительно съ этимъ самымъ языкомъ въ устномъ его состояніи, какъ живетъ онъ въ народѣ. Такое сжатое правописаніе отнимаетъ у языка его наглядность и тѣ отличительныя звукоизмѣненія, съ которыми онъ является въ устной рѣчи; особенно невыгодно оно для чтенія, заставляя зрѣніе бороться съ видимымъ однообразіемъ звуковъ.

Въ Древнесербской письменности *б-а* и получила такое же назначеніе, какое и *б-а ъ*,—служитъ выраженіемъ двоякаго звука, и совершенно мягкаго, и нѣсколько дебелаго. Но, при огромномъ различіи въ возрастахъ и мѣстностяхъ грамотъ, *б-а* и не могла пользоваться исключительнымъ господствомъ: удивительно еще, какъ *ь* такъ легко и повсемѣстно водворилось; но и далеко отстало отъ него въ этомъ отношеніи. Та и другая буква служили лишь условнымъ и видимымъ знакомъ для голоса въ двоякомъ его видѣ, твердомъ и мягкомъ: писцы какъ бы условились между собою писать Ц.-Славянскія *ѣ* и *ь* въ видѣ одного *ь*, хотя въ произношеніи не вездѣ соблюдали мягкость говора, но, безъ сомнѣнія, вмѣстѣ съ народомъ, говорили *царь, кнезь, съкъ* и пр. Такъ равно и *б-а* и не вездѣ означала мягкій небный звукъ, но часто напоминала собою и гортанно-небное *ш*. Причина та, что Сербскій языкъ не сошелся съ Ц.-Славянскимъ въ твердости и мягкости звуковъ въ однихъ и тѣхъ же словахъ, и по тому Кирилловскія буквы, внесенныя въ Сербскую письменность, потеряли въ этомъ отношеніи свое значеніе и сдѣлались не болѣе, какъ видимыми, условными знаками, которыми писцы могли дать по

своей волѣ большій, или меньшій объемъ. Знаки полугласія и безгласія подчинились большему произволу писцовъ; знаки полныхъ звуковъ, при близости Ц.-Славянской стихіи, остались нѣсколько сохраннѣе. Такимъ образомъ, гдѣ вовсе не находимъ б-ы ѣ, тамъ еще находимъ б-у м. Сдѣсь опять замѣтимъ, что древніе Сербы, принявъ законнымъ начертаніемъ одно ѣ и вида, можетъ быть, нѣкоторую разницу между своимъ твердымъ и Ц.-Славянскимъ ѣ, заключавшуюся въ томъ, что Сербское твердое ѣ звучало нѣсколько мягче, чѣмъ Ц.-Славянское ѣ, употребили для его начертанія не ѣ, ими не принятое, но ѣ:—м. Въ отношеніи употребленія этой буквы, вліяніе Ц.-Славянской стихіи опять оказываетъ свое дѣйствіе въ различной мѣрѣ на различныя семьи грамотъ ближайшія въ нему употребляютъ чаще б-у м, отдаленнѣйшія — рѣже. При томъ, въ послѣднихъ съ теченіемъ времени, по мѣрѣ отдаленія отъ Ц.-Славянскаго вліянія, не по пространству, а по времени, б-а м рѣдѣетъ и вовсе исчезаетъ. Наибольшее служеніе для б-ы м открыто въ значительной части Аѳонскихъ грамотъ, за коими слѣдуютъ другія грамоты, относящіяся къ церковнымъ надачамъ, потомъ прочія собственно-Сербскія грамоты и наконецъ грамоты другихъ семействъ. Такъ Аѳонскія грамоты, напечатанныя у Аврамовича (NN^о 1—12, 16, 17, 19, 20), у Востокова (N^о 1), у Шафарика (N^о 11), въ Гласникѣ (А, Б, V) и Споменикахъ (NN^о 175, 178), всѣ безъ исключенія имѣютъ м. Изъ грамотъ, относящихся къ другимъ монастырямъ, его имѣютъ: Жичанская Стефана Первовѣчаннаго (Ш. N^о VII), двѣ Бенедиктинскія, того же и Милутина, (С. NN^о 51, 52), Рьтская Милутина (Мк.), Дечанская Стефана Дечанскаго (С. N^о 176), Раваницкая Лазаря (В. N^о 2; Ш. N^о 15; В. К.), Милешевская Стефана Лазаревича (С.-Д. М. 1844), неизвѣстно куда относящаяся гр-а Вука Бранковича (Ш. N^о 14) и Цетинская Ивана Черноевича (Мл.); но его не имѣютъ Ерусалимская и Синайская грамоты Душана и Уроша V (С. NN^о 35, 47). Изъ остальныхъ собственно-Сербскихъ грамотъ мы находимъ б-у м только въ слѣдующихъ: С. NN^о 2, 27, 31, 73, 90, 91, 137, 138. Въ Зетскихъ ея нѣтъ. Въ Западной семьѣ она чаще встрѣчается въ XII-мъ и XIII-мъ вв. (С. NN^о 1, 3, 4, 10, 14, 15, 16, 19, 20, 26) и рѣже въ XIV-мъ и XV-мъ (С. NN^о 66, 68, 77, 79, 95, 97, 108), такъ что, кромѣ трехъ послѣднихъ NN^о, въ XV-мъ в. болѣе не находимъ ея. Впрочемъ, не только во всѣхъ упомянутыхъ Западныхъ грамотахъ, но и во многихъ собственно-Сербскихъ она является нечаянно, отрывочно, въ видѣ описки, гдѣ разъ, гдѣ два, гдѣ три, и вообще должно замѣтить, что какъ б-а ѣ нигдѣ не получила послѣдовательнаго и правильнаго служенія, такъ и б-а м, хотя и употребляющаяся чаще, чѣмъ ѣ, тоже нигдѣ не приобрѣла себѣ законнаго и повсюднаго служенія. Даже и въ тѣхъ грамотахъ, гдѣ наиболѣе она встрѣчается, употребленіе ея весьма ограничено, и часто уступаетъ она свое мѣсто преобладающему ѣ. Въ Законникѣ хотя часто употребляется м, но непослѣдовательно. Изъ монетъ и печатей ее находимъ на монетахъ Вукашина (Г. III, NN^о 68, 69) и на печатяхъ Дечанскаго (А. N^о 8), Лазаря (Р. III, стр. 1) и Стефана Лазаревича (С.-Д. М. 1844 г., стр. 127). Невольное проявленіе б-ы м, не смотря на господство ѣ, показываетъ, что народный языкъ Сербовъ не вездѣ безразлично произносилъ мягкое м, но что въ немъ были и есть слова, которыя требуютъ болѣе дебелаго звука, хотя и не столь широкаго и твердаго, какъ Ц.-Славянскій звукъ ѣ, но тѣмъ не менѣе ближе подходящаго къ нему, чѣмъ ѣ къ звуку м: отъ того въ этихъ случаяхъ м считалось умѣстнѣе, чѣмъ ѣ. Но съ другой стороны, такъ какъ м и явились въ Сербской письменности од-

ними внѣшними знаками, утративъ въ себѣ ту разумность, которая вложена была въ нихъ составителемъ Кирилицы и жила съ ними на ихъ родной почвѣ, то и не могли сохраниться безошибочно, ибо не было уже въ нихъ той первоначальной мысли, которая управляла ихъ служеніемъ. По этому въ Сербскихъ грамотахъ, даже въ наиболѣе близкихъ къ Ц.-Славянскому языку и обильныхъ б-ю м, мы часто видимъ эту букву не на своемъ мѣстѣ, на пр., въ Аѳонскихъ: *мыты* (А. № 1), *помощи́моу*, *испѣльнѣтъ*, *да поразы* (А. № 9), *взыаюмыти*, *взыаы*, *взыаѣ*, *взыаѣ*, *сѣи* (сѣ), *взыаѣнѣю*, *выногра* (А. № 5), *исволинѣю* (А. № 10), *взыаѣти*, *взыаѣго* (А. № 11), *сѣи*, *уѣи* (чести, А. № 12), *крьвию*, *на мѣры* (А. № 19), *сподобыши* (С. № 175), *въ прѣхъ*, *твары*, *ѣ прѣсты*, *дрозы* (Г. А) и въ другихъ: *взыаѣ*, *истыню*, *оуснаѣмѣ* (С. № 51), *мѣды* (С. № 176), *мѣ* (С. № 66), *позыающѣхъ* (С. № 68), *при прѣ استفаны* и *при родитѣлы* (С. № 90), *оуѣмы*, *-зы* (С. № 91), *сконмы*, *съ ксымъ* (С. № 97), *мы* (мѣ), *хотѣлы*, *ѣ солы*, *да храмы* (М.). Въ Законникѣ: *оубоы*, *да проходы*, *искѣрныкы*, *-зы* и пр. Въ началѣ слова только два раза встрѣчается б-а м: *мыте* (С. № 10) и *мзѣасты* (С. № 77). Въ древнѣйшихъ Латинскихъ грамотахъ б-а м передана чрезъ Латинское *u*: *Zatimustlo*, *Nedanustlo*, *Nemustlo*, *Cresanustlo*, *Ltudemuslus*¹. Это еще не показываетъ, чтобы она такъ звучала въ устахъ народа; дѣло въ томъ, что иностранцы не могли произнести настоящимъ образомъ слово *мысль*, гдѣ по-сербски слышится дебелое *и*, что-то среднее между *и* и *ы*, а по тому въ ихъ произношеніи губное *м* притягивало къ своему органу соединенный съ нимъ гласный звукъ и обращало его въ губное *и*. Если бы у Сербовъ слово *мысао*, по древнему *мысль*, звучало дѣйствительно, какъ *мысао*, а не *мысао*, (нѣсколько слабѣе, чѣмъ Ц.-Славянское *мы*), то иностранцы такъ и написали бы, ибо у нихъ вполне существуетъ мягкій звукъ *i*; но такъ какъ въ словѣ *мысль* они писали не *mislo*, а *muslo*, то это именно и доказываетъ, что между тѣмъ и другимъ *и* была какая нибудь разница въ произношеніи, по чему дебелое *и* обратилось въ твердое Лат. *u*; ср. *ѣдоумышль* (С. № 15). Что же касается до Греческой формы *Βοισέσδλαβος*, то она доказываетъ то же, хотя мы и не знаемъ навѣрно, какъ въ Греческомъ языкѣ звучало сочетаніе *οι*, быть можетъ, одинаково съ Сербскимъ дебелымъ *и*, *ы*. Въ Сербскихъ народныхъ памятникахъ всюду пишется *м*, а не *и*, что объясняется служеніемъ б-ы *ы*. Укажу еще на одинъ случай начертанія, представляемый формою *мысты* (С. № 51), напоминою способъ составленіе начертанія *м*. Что же касается до начертанія *Г*, то оно совершенно тождественно съ *и*. Причина его появленія понятна: оно взято прямо изъ Греческой азбуки и вошло въ употребленіе по тому только, что вполне заѣмляло собою *и*, служа какъ бы его сокращеніемъ. Гдѣ мѣсто не дозволяло написать полное *и*, тамъ писали сокращенное *Г*: слѣдовательно, послѣднее, хотя и взято было цѣликомъ отъ Грековъ, однако въ Славянской азбукѣ получило уже второстепенное мѣсто, ибо Кириловское начертаніе и лучше приурочивалось къ мягкому Славянскому звуку, чѣмъ выражаемому. Относительно мѣста употребленія, б-а *Г* вполне сходится съ б-ю *м*: какъ та, такъ и другая употребляются почти исключительно въ Восточныхъ грамотахъ и преимущественно Аѳонскихъ. Но между тѣмъ, какъ въ большей части собственно-Сербскихъ грамотъ она встрѣчается довольно часто и навѣрно, въ Западныхъ грамотахъ, исключая весьма немногихъ, ея вовсе не видно: это обстоятельство опять ука-

¹ Шафаръ, *Berlische Lesekörner*, стр. 20.

зывается на влияние Ц.-Славянской стихии. Изъ Западныхъ грамотъ б-а І по-
 ищена не болѣе, какъ по одному, много по два раза, въ нѣкоторыхъ Бос-
 нійскихъ: *прѣдоше* (С. № 66), *прѣдшима* (С. № 68), *ми* (С. № 81), *свѣдоѣ* (С. №
 83), *ми*, *крѣки* (С. № 179), Травунской: *прѣши* (С. № 127) и Дубровницкихъ:
шѣ (С. № 123), *сакѣли* (С. № 130), да еще для довольно страннаго сочетанія
 еи: *высотаеи*, *згодикшеи* (С. № 84), *квѣатреи* (С. № 85), гдѣ еи едва ли не
 есть дурно разобранный начертаніе и. Напротивъ, въ Восточной семьѣ гра-
 мотъ она находится въ большей части Аѳонскихъ (А. NN № 2, 3, 5—12, 15—
 20; Г. А, Б, V; Ш. № 11; С. NN № 175, 178; В. № 1) и прочихъ собствен-
 но-Сербскихъ (Ш. NN № VII, 14, 15; С. NN № 53, 62, 69, 73, 90, 91, 111, 137,
 138, 146, 147, 165, 167, 176; В. № 2; С.-Д. М. 1844), въ одной Зетской
 (С. № 71), Черногорской (М.) и въ Законникѣ. Сюда же отнесу и печати Ла-
 заря и Ангелины (Р. III, стр. 1; Г. III, № 88). Впрочемъ, и изъ этихъ грамотъ
 во многихъ она встрѣчается только по одному, или по два раза, такъ что
 сколько нибудь постоянное употребленіе ея ограничивается немногими гра-
 мотами и Законникомъ. Поелику въ грамотѣ Немани она еще не существуетъ,
 то можно думать, что введеніе ея въ Сербскую письменность произошло при
 Милутиѣ. Но не смотря на то, что поводомъ къ ея введенію послужила, вѣ-
 роятно, одна внѣшняя причина, недостатокъ мѣста для полного и, однако,
 гдѣ она ни появляется, нельзя не замѣтить ея преобладающаго служенія
 при гласной. Для отдѣльнаго слова, именно, для союза и, она встрѣчается
 не болѣе четырехъ разъ; *живѣ(ъ) і кси* (А. И.; Ш. № IV), *съ ратиновѣ і съ*
законитовѣ (Ш. № VII), *і игоумиѣ* (А. № 7), *і сше* (С. № 176); въ началѣ
 словъ предъ согласною и въ концѣ она не употребляется, кромѣ *ѣс ѣс* (м.
 р.), вм. полной формы *ѣѣ ѣс*, и *ѣи* (Ш. № VII; В. № 2), *имиѣ* (А. № 5),
ѣткѣи, *ѣиѣ* (А. № 10); въ срединѣ же безъ послѣдующей гласной вѣс-
 ма рѣдко. Но главное ея служеніе, замѣчаемое уже изъ грамотъ Милутина,
 состоитъ въ сокращеніи полного и передъ другою гласною, на пр., *сѣи*, *людиѣ*
 (А. № 6) и пр. и пр. Даже при простомъ удвоеніи б-ы и, когда второе и вовсе
 не произносится, первое пишется чрезъ І, на пр., *сѣириѣ* (А. № 10), *сѣиѣ*
 (В. № 1) и т. д. Это обстоятельство, какъ равно и то, что не вездѣ передъ
 гласною полное и обращается въ сокращенное І, но въ большемъ количествѣ
 случаевъ памятники удерживаютъ древнѣйшее написаніе ии, ми, но и т. д., пока-
 зываютъ тожество І съ и. Есть еще одно начертаніе для звука и, употребляемое
 только въ словахъ, заимствованныхъ изъ Греческаго языка: это — ѣ. Съ нимъ
 пишутся только немногія иностранныя, преимущественно Греческія, слова, какъ
 бы освященныя употребленіемъ, каковы: *иѣро*, *иѣръ*, -ѣ, *ѣиѣи*, *ѣѣс ѣс*, *ѣиѣи*,
ѣѣсовоуѣ, *сѣиѣи*, *иѣриѣ* и т. п. Разумѣется, здѣсь порядокъ грамотъ такой
 же, какъ и для І: наиболѣе подверженныя Ц.-Славянскому влиянію наиболѣе
 употребляютъ эту букву. Изъ Западной семьи находимъ только два случая:
сѣѣѣтра (С. № 68) и *иѣѣтра* (С. № 81). Эта буква произносилась, какъ и,
 что доказывается двойными формами: *иѣръ* (С. NN № 84, 85) и *ѣѣсовоуѣ*, *ѣѣсо-*
воуѣ (м. р.), а также Сербскою формою *горѣи* и однажды только встрѣчающимся
 съ этою буквою Сербскимъ словомъ *иѣѣи* (иѣѣи, С. № 62), ср. *ѣѣпостасиѣѣ*
 (А. № 5). Только рядомъ съ формою *сѣѣѣтра* (А. № 10) *сѣѣѣтра* (В. № 1),
сѣѣѣтра (С. № 89) находимъ и *квѣатреи* (С. № 85), *сѣѣѣтра* (С. № 95),
сѣѣѣтра (С. № 150), *сѣѣѣтра* (З. А.) и однажды *ѣѣсовоуѣ* (С. № 176):
 это напекаетъ на то, что въ подлинникѣ, вѣроятно, вм. ѣ стояло ѣ, которое
 позднѣйшіе писцы перемѣнили, одинъ въ ѣ, другой въ оѣ; но ѣ не есть ни то

нашихъ памятникахъ оно замѣняетъ б-у о въ формахъ ескимъ (С. № 60) и ѡмъ (1- ел. мн., ч., А. № 18), ср. смо (мн. р.) и сѣняется съ нею въ мѣстн. п. ед. ч. прилагательныхъ муж. и ср. р.

Б-а и сѣняется б-у ѡ въ словѣ ливо (А. № 6), ср. ливо (мн. р.), ливо, ливо (С. NN № 78, 82, 89 и пр.), и въ мѣстн. п. ед. ч. существительныхъ и прилагательныхъ.

Но главное служеніе, отправляемою б-ю и, состоитъ въ замѣнѣ б-ы ѡ. Причина этому лежитъ въ природѣ б-ы ѡ, о чемъ будемъ говорить послѣ: сдѣсь же рассмотримъ самыя явленія. Въ Латинскихъ грамотахъ XI-го в. встрѣчаются: *Billa* (Бѣла), *Stiniza*, *Tribis* (Стѣница, Требиште), *sidoz*, (сѣдѣкъ), *Osic* (Осѣкъ)¹; и на оборотъ, у Константина Багрянороднаго: *Хлѣβтара* (нынѣ Ливно) и *Πλέβρα* (нынѣ Плива)². При обзорѣ нашихъ грамотъ мы должны обращать вниманіе на возрастъ ихъ и семья, къ которымъ онѣ принадлежатъ. Въ древнѣйшую пору Сербской письменности, именно, въ XIII-мъ в. и первой половинѣ XIV-го, мы весьма рѣдко встрѣчаемъ и ви. ѡ въ грамотахъ всѣхъ семействъ: *инсте* (инсте, С. № 11), *приломи* (С. № 14), *андрино*, *придела* и тутъ же *придела* (С. № 16), *оѣ хрисокоѡѣи* и тутъ же *хрисокоѡѣи* (А. № 4), *потоли*, *ѡсѣи* (С. № 43), *приѡсѣиѣи* (С.-Д. М. № 1; въ С. № 46 — ѡ), *прилиш*, — *ѡи* (С. NN № 48, 49), *цимиръи* (С. № 56); да на печати Дечанскаго (А. № 8): *архиѣиои*, что хотя и можно объяснять эту замѣноу при сравненіи съ печатью Уроша V (А. № 10), гдѣ читаемъ *архиѣиоѡи*, однако, во первыхъ, на послѣдней печати ѡ не есть существенное, но замѣняющее и, а таковое не превращается въ и; во вторыхъ, эту форму легче объяснить чрезъ пропущеніе ѡ или и: *архиѣиоѡи* или *архиѣиоѡи*. Таковы явленія означеннаго пространства времени. Но со второй половины XIV-го в. вдругъ въ огромномъ множествѣ появляется и. служащее замѣною б-ѣ ѡ. Причиною тому появленіе Дубровницкихъ, Боснійскихъ, Хлумскихъ и Травунскихъ грамотъ, которыя своимъ количествомъ совершенно затѣняютъ грамоты Восточной семьи и отстраняютъ всякое ихъ воздѣйствіе въ пользу б-ы ѡ. Такъ какъ въ позднѣйшее время собственно-Сербскія грамоты почти никогда, или весьма рѣдко, замѣняютъ ѡ б-ю и, то можно заключить, что и въ древнѣйшее время этой замѣны не было; дѣйствительно, во всѣхъ дошедшихъ до насъ грамотахъ, кромѣ вышеприведенныхъ случаевъ, всюду пишется ѡ, а не и. Напротивъ, относительно древнѣйшихъ грамотъ Западной семьи, ниъ самниъ такого свойства приписать нельзя, ибо съ теченіемъ времени онѣ почти совершенно исключили изъ себя б-у ѡ, замѣнивъ ее б-ю и. Такъ какъ въ этой замѣнѣ нельзя видѣть ничего инаго, какъ дѣйствіе народности, и такъ какъ народность въ устномъ языкѣ гораздо старше народности въ книжномъ, то постоянное пребываніе б-ы ѡ въ древнѣйшихъ грамотахъ Западной семьи XII-го и XIII-го вв. должно приписать другой, посторонней причинѣ, а не свойству того нарѣчія, на которомъ онѣ писаны. Если въ этѣхъ грамотахъ мы постоянно находимъ ѡ (кромѣ вышеприведенныхъ случаевъ), то другаго рѣшенія вопросу мы не можемъ представить, какъ сказавши, что въ древнѣйшую пору Сербской письменности книжный языкъ менѣе подчинялся вліянію народности, а по тому былъ общиѣе для всѣхъ Сербскихъ областей и ближе къ Ц.-Славянской стихіи. Тогда въ Дубровникѣ, Хлумѣ, Боснѣ, Приморьи, какъ и въ собственной Сербіи, книж-

¹ Шафар., *Serbische Lesekörner*, стр. 39.—Его же *Slow. Starožitn.*, II, V, 678, 679. *Слав. Древн.*, II, II, 34 — 36.

² Шафар., *Slow. Starožitn.*, II, V, 678. *Слав. Древн.*, II, II, 30.

ный языкъ былъ однообразіе по тому самому, что былъ дальше отъ народности и сосредоточеніе въ самомъ себѣ подѣ преобладающимъ вліяніемъ Ц.-Славянскаго. А по мѣрѣ усиленія въ немъ народныхъ свойствъ, онъ болѣе и болѣе склонялся къ устному языку и измѣнялъ свой древній видъ. Выше мы замѣтили, что Восточная семья грамотъ строже держалась Ц.-Славянской стихіи, чѣмъ Западная; то же обнаруживается и теперь въ послѣдующихъ вѣкахъ, т. е., во второй половинѣ XIV-го и въ XV-мъ в. Она не чаще прежняго мѣняетъ я на и: *априм* (С. № 62), при *ѣри* *стефаны(и)* и при *редитом(и)* при *книзи* *лазаря* (С. № 90), *домил* (С.-Д. М. 1844), *не* *свидѣ* (А. № 17), *самотриць* (А. № 16), *дмо* (С. NN № 131, 146), въ *хрисовоуи* (Г V)—и только. Изъ этихъ случаевъ первый объясняется иностранною формою съ *і*, а *дмо* общимъ правиломъ, по которому, если за и, замѣняющимъ я, слѣдуетъ гласная, то и обращается въ и, т. е., собственно *дмо*; буква же *е* или при *д* мягкое и часто замѣняетъ въ Восточной семьѣ *б-у* я. Дѣйствовала ли тутъ одна Ц.-Славянская стихія въ ущербъ народной, или обѣ онѣ сошлись въ своихъ звукахъ—рѣшить трудно, ибо мы не имѣемъ подробныхъ изслѣдованій о звукахъ современнаго намъ языка Сербовъ на всемъ пространствѣ Сербскаго населенія. Хотя на буквѣ я основано раздѣленіе Сербскаго нарѣчія на три подрѣчія и хотя это дѣленіе съ своимъ основаніемъ повторено многими учеными, однако все такъ оно отъ этого нисколько не подвинулось впередъ и не приобрѣло себѣ необходимыхъ подробностей; даже границы его не обозначены, какъ слѣдуетъ, а только опредѣлены общимъ именемъ областей. Во вторыхъ, мы не знаемъ, гдѣ писана большая часть грамотъ и изъ какой области происходилъ тотъ, или другой дьякъ: все это было бы необходимо нужно для рѣшенія нашего вопроса. Наконецъ, въ третьихъ, не знаемъ, какъ звучала *б-а* я: можетъ быть, писцы употребляли ее только для однообразія, слѣдуя Ц.-Славянскому письму, а произносили иначе, всякій по своему, какъ *е*, *и*, *им*, *и*. Вліяніе Ц.-Славянской стихіи сказалося и въ Зетскихъ грамотахъ, которыя, относительно *б-ы* я, безъ сомнѣнія, принадлежать къ одному разряду съ Дубровницкими, Травунскими и Хлумскими. Въ нихъ мы находимъ только слѣдующіе случаи замѣны *б-ы* я *б-ю* и: *априм* (С. № 70), *видимъ*, *процста* (С. № 71). Даже въ позднѣйшей Черногорской грамотѣ, въ которой, впрочемъ, замѣтно сильное вліяніе Ц.-Славянскаго языка, съ трудомъ пробивается народность въ лицѣ *б-ы* и: *завокидети*, *хотѣ*, *дѣ* (Мл.). Слѣдовательно, въ употребленіи *б-ы* я нельзя не признать вліянія Ц.-Славянской стихіи. Напротивъ, Западная семья грамотъ, освобожденная болѣе, или менѣе отъ этого вліянія, съ появленіемъ своимъ во второй половинѣ XIV-го в., смѣло внесла въ свои нѣдра народную стихію и быстро замѣнила я *б-ю* и, такъ что явленіе первой буквы стало въ ней уже на половину рѣже противъ прежняго, хотя и ни въ одной грамотѣ не исчезло совершенно. Тѣмъ не менѣе, при всей быстротѣ перемены, время Тврътка I отличается, какъ мы не разъ замѣчали и прежде, переходностію звуковъ: еще болѣе замѣтно это на *б-ѣ* я. Тврътко, стремясь къ соединенію Босны съ Сербіею и желая оправдать свои права на послѣднюю, перенялъ въ своихъ грамотахъ тѣ же приемы, какіе употребляли Сербскіе государи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣроятно, держалъ и Сербскихъ дьяковъ. Какъ бы то ни было, но въ исторіи *б-ы* я нельзя не видѣть той общей силы, которая управляетъ повременнымъ движеніемъ звуковъ и условливаетъ ихъ преемство. Эта сила возможна только въ книжномъ языкѣ. Это личный произволь, но не безграничный, а связанный чрезъ прищѣръ и подра-

жаніе съ прошедшимъ. Отсюда постепенность движенія звуковъ въ книжномъ языкѣ. Съ одной стороны, Ц.-Славянское прошедшее, съ другой, народное настоящее управляли произволомъ писцовъ, которымъ оставалось только держаться середины между обѣими крайностями, но немногу подаваясь впередъ по мѣрѣ ослабленія первой и усиленія второй. Первая слабѣла по тому, что, будучи чуждою, старѣла, забывалась и искажалась; вторая усиливалась по тому, что была присуща народу и все болѣе и болѣе приходила къ самосознанію. Тамъ, гдѣ первая, въ слѣдствіе государственныхъ и вѣроисповѣдныхъ причинъ, сильнѣе держалась, тамъ и поступательное движеніе писцовъ было слабѣе. И такъ въ грамотахъ Тьретька I еще господствуетъ я; но въ современныхъ грамотахъ Саяковичей уже замѣтно сильное колебаніе. Въ нихъ мы находимъ: авто, мѣсѣцѣ, кѣмь, колѣцѣ, хотѣсмо, кѣрѣши, послѣдѣши, дѣца и пр., в апрѣла, видѣши, дѣца (С. № 78), цѣла, мѣсте, хотѣше, кѣдомо, кѣрѣ и дѣста, всими, гдѣ, годѣ, авто и пр. (С. NN№ 79, 80). Но съ грамотъ Дибыши начинается, какъ сказали мы, быстрое движеніе въ пользу б-ы и вѣсто я. Съ этого времени въ Дубровницкихъ, Боснійскихъ, Травунскихъ, Хлумскихъ и Турецкихъ грамотахъ находимъ большую часть словъ съ б-ю и вѣсто я. Можно буквально сказать, что ни одна грамота изъ этой семьи не обошлась безъ переимѣны я въ и. Примѣровъ такъ много, что достаточно привести нѣкоторые: вѣрѣ, вѣрѣшимъ, послѣдимъ, вѣнѣ, -омѣ, сѣдоци и пр. в тутъ же лѣти, вѣрѣ (С. № 179), улокнуу, -ѣ, -уєские, -уєские, уѣнуѣ (С. NN№ 81, 89, 103, 136, 150), финѣши, тѣмѣши, -же тѣмѣши, тѣжѣ (С. NN№ 81, 85, 89, 95, 103, 146; 3. А.), вѣрѣ, -и, -омѣ (С. NN№ 81, 89, 93, 95, 141, 153) многоциниши, -циниши (С. NN№ 81, 85, 95), вѣнѣ, -ѣ, -ѣ, -ихъ (С. NN№ 81, 89, 95, 103, 135, 136, 150), рѣзѣшикъ, -ѣши, -ѣши, -ѣ (С. NN№ 81, 85, 97, 133, 150), вѣнѣ, -ѣ, -ѣ, -ѣ, -и, -омѣ, -омѣ (С. NN№ 81, 88, 89, 92—97, 102, 103, 118, 135, 136, 140, 141, 150; 3. А.), всими, -мѣ, -хъ (С. NN№ 81, 82, 83, 89, 93, 95, 96, 102, 103, 104, 107, 118, 136, 145, 150; 3. А.), дѣв (С. NN№ 81, 85, 103, 130, 150), вѣрѣши, вѣрѣши, -омѣ, -ниѣ, -ѣши, -и (С. NN№ 82, 84, 89, 97, 99, 102, 116; 3. А.), авто, -ѣ, -ѣ (С. NN№ 82, 88, 92, 93, 94, 103, 116, 118, 135, 140, 141, 150, 151, 152, 154; 3. А.), мѣсѣца, -ѣ, мѣца (С. NN№ 82, 88, 92, 94, 95, 103, 115, 116, 118, 135, 140, 141, 145, 150, 151, 154, 161, 170), сѣнѣ, -ѣ (С. NN№ 83, 89, 92, 93, 97, 99, 150), вѣрѣши, -ѣ, -ѣ. вѣрѣши, вѣрѣши (С. NN№ 83, 89, 95, 99, 103, 132, 136), вѣлодѣнѣ (С. NN№ 84, 97, 99). вѣлодѣнѣ, -ѣнѣ (С. NN№ 84, 97, 102, 136, 145), вѣнѣнѣ, -ѣ, -ѣ, вѣнѣнѣ, вѣнѣнѣ, -ѣнѣ (С. NN№ 84, 88, 96, 102, 132, 140, 141, 151, 152), хотѣши, -ѣ, -ѣнѣ, вѣнѣнѣ (С. NN№ 84, 89, 93, 140), дѣнѣца, -ѣца, дѣнѣца (С. NN№ 84, 96, 99), вѣнѣнѣнѣ (С. № 85), вѣнѣнѣнѣ (С. № 86), сѣнѣнѣнѣ, -ѣнѣ, -ѣнѣ, сѣнѣнѣнѣ, -ѣнѣ, сѣнѣнѣнѣ, сѣнѣнѣнѣнѣ, -ѣнѣнѣнѣ, сѣнѣнѣнѣнѣнѣ (С. NN№ 87, 89, 92, 94, 108, 109, 163, 169, 170, 171). вѣнѣ, -ѣ, вѣнѣ (С. NN№ 89, 92, 99, 103, 133, 150), вѣнѣ, -ѣнѣ (С. NN№ 74, 89, 93, 136), годѣ (С. NN№ 87, 89, 94, 96, 104, 107, 116, 121, 132, 140, 141, 150), хотѣши, хотѣхъ, -ѣнѣ, хотѣхъ, -ѣнѣ (С. NN№ 89, 94, 96, 102, 132, 140, 157). вѣнѣнѣ, вѣнѣнѣ, вѣнѣ, вѣнѣнѣ (С. NN№ 89, 93, 95, 132, 140, 141, 161), вѣнѣнѣнѣ, -ѣнѣ, -ѣнѣ, -ѣнѣнѣ (С. NN№ 89, 92, 96, 103, 118, 136, 140, 141, 145; 3. А.), вѣнѣнѣнѣ, -ѣнѣ, -ѣнѣ (С. NN№ 92, 95, 103; 3. А.), вѣнѣнѣнѣнѣ (С. NN№ 92, 136), вѣнѣнѣ, вѣнѣнѣ, вѣнѣ, сѣнѣнѣнѣнѣ (С. № 93), вѣнѣнѣнѣ, -ѣ, -ѣ, вѣнѣнѣнѣ (С. NN№ 93, 132, 140, 141, 145), вѣнѣ, -ѣ (С. NN№ 93, 94, 133), вѣнѣнѣ, -ѣ (С. NN№ 94, 96, 104, 116,

118, 141), колѣны (С. NN№ 96, 104), прино (С. NN№ 94, 132), лино (С. NN№ 96, 135), голыномъ (С. № 102), почесанцѣмъ, -инемъ, -ини, -ини (С. NN№ 103, 136, 145, 150), днѣ, -о (С. NN№ 104, 107, 112, 114, 115, 125, 130, 131, 140, 141, 143, 146), виднѣ (С. № 107), видити (С. NN№ 116, 118, 136, 140), зянокдисмо (С. NN№ 116, 153), срднѣмъ (С. № 116), скдоци (С. NN№ 116, 136, 150; З. А.), зяновдѣ, -и, -ию, -ью (С. NN№ 116, 135, 136, 139, 140, 141, 150—154, 159), слагришиѣ, дрнѣмъ, в тихъ (С. № 118), днѣмъ (дѣвою, С. № 118; З. А.), вниць, -щѣи (С. NN№ 132, 136, 141), плинѣюѣ (С. № 132), вилѣгъ, тинѣ (тѣми), потрѣвѣ, вилѣгомъ (С. № 135), ѣвѣстрѣмѣ, тинѣ, згрѣхъ, дндъ, -омъ (З. А.), тнхъ, корнѣ (С. № 136), днѣ, ннѣюѣ, ннѣгомъ (С. № 140), дрнѣскѣ, вѣнѣнѣ, в гнѣкѣ, калдѣхъ (С. № 141), умѣ (С. NN№ 142, 144), вснѣмъ, призѣмѣ (С. № 144), сѣнтѣнѣи, вѣднѣхъ (С. № 145), приимѣвѣше, -нѣтѣю (С. № 157), блѣговѣщѣнѣю, днѣсти (С. № 169) и пр. и пр. Сверхъ того, въ тѣхъ же грамотахъ въ падежныхъ окончаніяхъ нѣрѣдко б-а и замѣняютъ собою б-у ѣ, а именно: въ мѣстн. п. обѣихъ чиселъ именъ сущ. муж. и средн. р.; въ мѣстн. п. ед. ч. именъ прилаг. всѣхъ родовъ; въ дат. и мѣстн. пп. ед. ч. именъ сущ. жен. р. на а и въ тѣхъ же падежахъ мѣстоименій личныхъ 1-го и 2-го л. ед. ч. и возвратнаго. Въ окончаніи нарѣчій: вѣди (С. NN№ 82, 102), вѣсди (С. № 102), доколѣ (С. NN№ 83, 89, 93, 99, 107), ѣвѣди (С. № 94), гдѣ (С. NN№ 89, 132), ннѣри (С. № 89), ннѣдрѣ (С. NN№ 94, 132), поколѣ (С. № 113), гдѣю (С. № 141), рѣзи (С. № 157). На оборотъ, можно буквально сказать, что если ни одна грамота не обходится безъ замѣны ѣ б-ю и, то и ни одна грамота не доводитъ этой замѣны до совершеннаго исключенія изъ себя б-ы ѣ: во всякой грамотѣ находятъ большее, или меньшее количество случаевъ, гдѣ удержано ѣ, разумѣю, существенное и своеиѣстное, а не замѣнительное. Наибольшее количество таковыхъ случаевъ принадлежитъ Турецкимъ, которыя хотя и отнесены мною къ Западной семьѣ, по тому, что въ нихъ преобладаютъ сношенія съ западнымъ берегомъ полуострова, однако, стоя на рубежѣ обѣихъ семей, удержали въ себѣ много свойствъ Восточной семьи, ибо относительно ближайшее положеніе собственной Сербіи къ Турціи могло чрезъ Турецкихъ дьяковъ—Сербовъ внести въ нихъ восточный образъ правописанія и даже выговора. Какъ въ Турецкихъ, такъ и въ ближайшихъ къ нимъ со стороны Восточной семьи Зетскихъ и Черногорскихъ грамотахъ должно представить себѣ взаимное вѣдѣйствіе двухъ стихій, изъ коихъ одна принадлежитъ собственной Сербіи, другая Западнымъ областямъ, долѣе сохранявшимъ свою независимость. Въ Зетѣ связь съ собственною Сербіею, основанная на вѣрѣ и единствѣ власти, искони поддерживала Восточную стихію, а природное положеніе въ близи Дубровника и Герцеговины отнесло ее по нарѣчію къ Западной береговой стихіи. Такъ точно въ Турціи Славянскою грамотностію, вѣроятнѣе всего, завѣдывали православные дьяки изъ собственной Сербіи, а между тѣмъ сношенія съ Дубровникомъ и Босною приводили въ Порту пословъ изъ западныхъ областей съ готовымъ уже, можетъ быть, письменнымъ изложеніемъ содержанія договора и цѣли посольства, по которому изготовлялись въ Портѣ и самыя грамоты. Какъ послы, такъ и ихъ бумаги, проникнутыя Западною стихіею, много дѣйствовали на Турецко-Сербскихъ писцовъ и производили въ нихъ грамотахъ смѣшеніе обѣихъ стихій. Отъ того какъ въ Зетскихъ, такъ и въ Турецкихъ грамотахъ мы находимъ признаки той и другой семьи, которыя, взятыя всѣ вмѣстѣ, достаточно уравниваютъ другъ друга и доставляютъ этѣмъ грамотамъ срединное и посредствующее положеніе. Но здѣсь относительно

б-ы и замѣчу, что Турецкія грамоты почти не употребляютъ ея для замѣны *ѣ* и въ этомъ случаѣ становятся на сторонѣ Восточной семьи. Въ другихъ же Западныхъ грамотахъ, какъ сказалъ я, сталкиваются въ одно время и *ѣ*, и замѣняющее его *и*. Достаточно указать на нѣсколько примѣровъ изъ того же времени, т. е., начиная съ грамоты Дабыши: *зѣтъ*, -ѣ, -ом (С. NN^о 81, 107, 109, 115, 157), *сѣтъ*, *сѣтъ*, -ѣ (С. NN^о 81, 84, 85, 86, 120), *сѣтъльстѣ* (С. NN^о 86), *сѣдоци*, -ѣ, -увѣ, *сѣдотно*, -ли, -смо -но (С. NN^о 83, 105, 114, 117, 127, 156, 163), *сидѣныи*, -еѣ (С. NN^о 87, 108), *сѣтъ*, -и, -ѣ, *сѣтъ* (С. NN^о 87, 98, 107, 109, 114, 132, 163), *вѣрении*, -вѣныи, -омъ, -ѣ, -нии (С. NN^о 87, 108, 109, 134, 157, 162, 169), *вѣри*, -иенѣ, -ѣ (С. NN^о 87, 98, 107, 109, 117, 124, 125, 128, 139), *лѣто*, -омъ, -ѣ, -ѣ (С. NN^о 87, 89, 97, 98, 105—109, 114, 115, 120—129, 133, 134, 136, 139, 142—145, 157, 158, 159, 163, 169), *рѣтъ*, -и, -лю, -уни* (С. NN^о 89, 97, 108, 114, 124, 152, 153), *мѣсть*, -ѣ, -омъ (С. NN^о 89, 97, 107), *мѣсѣд*, *мѣсѣд*, -ѣ, *мѣдѣ* (С. NN^о 97, 115, 125, 128, 134, 144, 169), *вѣрѣсти*, -ѣ, -омъ (С. NN^о 97, 98, 114, 133), *вѣрѣстномъ*, -огѣ, -сѣтъныи (С. NN^о 97, 120, 144), *дѣтъ*, *дѣтъ* (С. NN^о 97, 107), *вѣрѣи*, -ѣ, -ѣ, -ѣ (С. NN^о 97, 120, 133, 144, 145), *мѣтъ*, -ѣ, -и, -ѣ, -омѣ (С. NN^о 97, 98, 100, 104, 107, 120, 127, 128, 144, 145), *мѣлѣи* (С. NN^о 98, 107, 108), *вѣслѣи*, -ѣ, -ниѣ, -гѣи (С. NN^о 98, 107, 120, 132), *вѣрѣ*, -ѣ, -ѣ (С. NN^о 98, 104, 120, 127), *вѣрѣдѣ* (С. NN^о 98, 105, 120, 122, 124, 125, 133, 139, 145, 156, 163), *хѣтъсмо* (С. NN^о 98, 107), *апрѣлѣ* (С. NN^о 102, 169), *вѣтъ*, -ѣ, -омъ, -ниомъ, -товѣлѣи, -вѣсмо (С. NN^о 104, 106, 107, 109, 114, 127, 132, 144), *дѣтъ*, -омъ, -и, -омѣ (С. NN^о 104, 107, 108, 145, 157), *годѣ* (С. NN^о 107, 114, 127, 142, 143), *уловѣи*, -ѣ (С. NN^о 114, 124, 132, 157), *вѣрѣныи* (С. NN^о 120), *зѣмокадѣ*, -дѣ, -дѣю (С. NN^о 120, 127, 142, 143), *сѣдѣи*, -ѣ (С. NN^о 153, 154) и пр. и пр., и еще въ тѣхъ же случаяхъ при словодвиженіи. Не привожу примѣровъ для *ѣ*, выраженнаго, какъ *и*. Что же касается до окончанія собственныхъ именъ на -ириѣ, то, кромѣ этой формы, мы другой на -ириѣ въ нашихъ памятникахъ не находимъ¹. Такимъ образомъ изъ сравненія грамотъ открывается, что хотя однѣ и тѣ же грамоты употребляютъ и ту и другую букву, и *ѣ* и *и*, однако однѣ предпочитаютъ одну, другія другую, но такъ, что какого либо областного признака между ними замѣтить нельзя: грамоты изъ одной и той же области, даже одного и того же времени то любятъ, то не любятъ *и*. Кажется, все зависѣло отъ дѣяка, къ которой изъ двухъ буквъ былъ онъ пристрастенъ наиболѣе. Впрочемъ, для насъ здѣсь важно какъ количество случаевъ употребленія б-ы и, такъ и самая возможность этого употребленія. Если въ той и въ другой семь грамотъ встрѣчается и вѣсто *ѣ*, то это свидѣтельствуетъ, что такая замѣна была возможна на всемъ пространствѣ Сербской письменности; но если *и* несравненно чаще является въ Западной семь грамотъ, то изъ этого должно заключить, что нарѣчіе Западныхъ областей въ особенности любило такую замѣну звуковъ. Здѣсь можетъ представиться другой вопросъ: въ Восточныхъ грамотахъ не заглушало ли эту замѣну, какъ выраженіе народности, преобладающее вліяніе Ц.-Славянской стихіи, подобно тому, какъ сдерживало оно озвукотвореніе полугласнаго *ѣ*? Отвѣчать на это я подожду, пока очередь дойдетъ до б-ы *ѣ*: здѣсь замѣчу мимоходомъ, что въ наше время на Герцеговинское, на Ресавское подрѣчія не превращаютъ б-и *ѣ* въ *и*, а поступаютъ съ нею совсѣмъ иначе; но между тѣмъ въ области

¹ Подробнѣе см. у Шафар. въ *Serbische Lesekörner*, стр. 41.

этихъ двухъ подрѣчи должно искать мѣстонаписанія почти всѣхъ нашихъ грамотъ.

Б-а и часто представляетъ въ себѣ стяженіе двухъ звуковъ: ни, ню. Такъ въ словеніи словъ: **внмь**, т. е., **ви нмь** (С. № 10), **норининомъ**, т. е., **норини номъ** (С. № 13), да **снмъмо**, т. е., **си нмамо** (С. № 16), **примамь**, **-сти**, **-сть**, **-мамь**, **-млю**, **-мго**, **-михъ**, **-мише**, **-миан**, **-микъ**, да **приме**, **примала** и т. д. (С. NN № 16, 26, 36, 46, 61, 76, 81, 82, 86, 89, 96, 98, 116, 129, 147, 169; А. № 20 и пр.), **прѣдъ**, **-гмо**, **-омь**, **-оше**, **прѣдѣть**, **прѣдѣтми** и т. д. (С. NN № 16, 20, 27, 31, 39, 50, 62, 87, 95, 120; А. NN № 10, 17 и пр.), **исидатиимь**, т. е., **ли нмь** (С. № 36), **итолимь**, **аналимь**, т. е., **ли нмь** (С. № 54), **по мѣсти кѣи** (С. № 55), **бѣъ**, т. е., **ви нхъ** (С. № 108), **илнмь**, т. е., **или нмь** (С. № 130), **прослакихъ**, т. е., **прослаки нхъ** (С. № 136), **ср. принти** (С. № 51), **прѣиде**, **ъ** (А. NN № 8, 11, 15, 19), **прѣидѣть**, **прѣимѣть**, **вспрѣимѣ** (А. № 19), **прѣидомѣ**, **-е** (С. NN № 66, 114, 137; Г. А.), **прѣимочѣть**, **прѣидѣть** (З.), **прѣими**, **прѣимѣ**, **-мамь** (С. NN № 165, 167, 178). Въ срединѣ словъ: **гаврила** (С. № 35), **даннла**, **-омь** (С. № 176; А. № 6), **данѣлѣ** (А. № 18). Въ окончаніи имен. п. ед. ч.: **класи** (С. № 14), **норсини** (С. № 16), **нрѣки** (С. № 62), **дат. и мѣст. пп. ед. ч. и род. п. мн. ч. существительныхъ** и въ имен. п. ед. ч. прилагательныхъ муж. р. Это стяженіе особенно любитъ Сербскій языкъ, какъ и другія Славянскія нарѣчія, кромѣ Ц.-Славянскаго и Русскаго. Въ стянутомъ видѣ находимъ слово **Ісуса** (Ш. № VII), **Іс ѣа** (мн. р.), **исвса**, **-е** (С. NN № 66, 127, 133), **исвѣсть** (С. № 37) и пр.

Б-а и совершенно опускается въ окончаніи отечественныхъ именъ: **терьтококъ**, **рдникокъ**, **-кѣль**, **нрѣкокъ** (С. № 89), **павлокъ**, **стимякокъ**, **миръкокъ** (С. № 97) и пр.

Б-а и присоединяется къ окончанію мѣстоименій, преимущественно указательныхъ, для усиленія мысли. Въ этомъ случаѣ можно назвать ее частицею. Таковое усиленіе находимъ во всѣхъ семьяхъ грамотъ и Законникѣ; на пр.: **си**, **сиа**, **сени**, **сени** (сн), **сѣган**, **сеган**, **снган**, **сѣгзи** (мн. р.), **тои** (то), **тоган**, **томен**, **нѣ томен**, **тан** (та), **тѣи**, **тоѣи**, **тѣи** (тѣ), **теи** (мн. р.); **ѣ тѣи** два монастыря (С. № 173), **ѣган**, **ѣ ѣкомен** (муж. р., С. NN № 114, 127), **ѣгон** (ср. р., С. NN № 77, 107, 114, 119, 120, 123, 127, 133, 140, 141, 145, 156, 162, 169; М. и пр.), **ѣкоган** (С. NN № 87, 144, 146, 155, 163, 164, 165), **ѣкомен** (С. № 136), **ѣган** (ж. р.), **ѣги**, **ѣзи** (С. NN № 77, 89, 107, 114, 132, 142, 159, 164), **сѣ ѣкми** (С. № 77), **ѣган** два монастыря (Г. Б.), **ѣган** села (Ш. № 16), **ѣган** шесть сѣтъ **нрѣри** (С. № 107), **ѣ ѣкми** **ѣ мнса** (С. № 145), **ѣган** (ж. р.) **ѣзи** (С. NN № 63, 94, 97, 98, 173), **ѣгон** (ср. р., С. NN № 77, 143, 151), **ѣоган** (С. NN № 73, 91, 100, 101, 111, 137, 147), **ѣомен**, **-моѣи** (С. NN № 73, 111, 137; З.), **ѣган** села (С. № 89), **ѣгон** **законѣ** и **свободе** и **показан**, **прѣдъ ѣнѣми** (С. № 77), **сѣгзи** (С. № 114), **такоган** (С. № 142), **нодъ тѣи** **такоки** **средѣ** (С. № 143), **толики** (ж. р., С. NN № 107, 132, 144), **за толики** **вѣмомѣ** (С. № 107), **такоган** (С. № 142), **итон** (С. № 51 и пр. и пр.). Также для усиленія нарѣчи, **корень** которыхъ, какъ извѣстно, кроется въ мѣстоименіяхъ: **досган**, **прѣи** (С. № 56), **дѣсган** (С. № 77), **дотган**, **дотган** (С. NN № 108, 112, 119), **ѣтган** (А. № 11), **тѣган**, **таган** (А. № 15; С. NN № 77, 114, 165), **ѣдган** (С. № 135), **тѣгн** (С. № 137), **тоѣи** (Мл.), **тѣгн**, **тоѣгн** (А. NN № 1, 4), **ѣганов** (С. NN № 73, 91), **ѣганов** (С. NN № 71, 77, 114, 132), **такон**, **-ѣи** (С. NN № 56, 65, 70, 88, 89, 91, 98, 112, 114, 115, 129, 130, 143, 144, 150, 168; А. № 14; Мл.; С.-Д. М. № 2), **тѣи** (С. NN № 84, 86, 88, 89, 92, 94, 97, 98, 107, 114, 127, 133, 142,

144, 164). Это и прибавлено даже къ предлогу *зи*: *зи рать* (С. № 112) и къ частицѣ *годи* (С. № 164). Что такое это и? Прежде всего замѣтимъ, что оно равно употребляется въ грамотахъ всѣхъ семействъ и всѣхъ возрастовъ: стало быть, время и мѣстность не дѣйствовали на него, и по тому оно есть постоянная общеупотребительная частица древней Сербской письменности. Тѣмъ не менѣе его должно отнести къ той, или другой стихіи. Въ Ц.-Славянскомъ языкѣ оно неупотребительно, и по тому остается приписать его Сербскому и при томъ въ самыя отдаленныя времена письменности, ибо уже въ грамотѣ Немани находимъ его. Въ Хорутанскомъ оно тоже существуетъ; но въ нынѣшнемъ Сербскомъ его уже нѣтъ. Съ теченіемъ времени оно исчезло въ послѣднемъ, и мѣсто его заняла частица *зи*, которая равнымъ образомъ существуетъ и въ древней письменности. Древніе Булгары не употребляли ни той, ни другой частицы, ибо у нихъ была своя равносильная *жда*, которая у Сербовъ существовала въ видѣ *ѣе*, *ѣе* или съ удвоеніемъ въ *ѣея*, *ѣея*, ибо *я*, *р* есть первоначальное *жда* или *жа* съ обычнымъ у Сербовъ перезвукомъ *ж* въ *р*, Ц.-Слав. *ждажъ*. Впрочемъ, справедливо подмѣчаетъ Шафарикъ присутствіе частицы *зи* въ Ц.-Славянскомъ словѣ *тъзоминини*, откуда обрусѣла *тезоименитство* и *тезка*. Новобулгары, напротивъ, подобно Сербамъ, знаютъ эту частицу и употребляютъ въ своемъ говорѣ. Частицы *жда*, *ѣе*, *зи*, и суть усилвующія, и корень ихъ долженъ быть одинъ и тотъ же. Шафарикъ¹ находитъ для *зи* начало въ Ц.-Славянской указательной частицѣ *си*; но, по моему мнѣнію, эта, довольно рѣдко употребляющаяся, частица не могла произвести для другаго нарѣчія свое подобіе, которое бы тамъ снискало себѣ такое обширное употребленіе, даже перешло, хотя въ измѣненномъ видѣ, но въ не менѣе обширномъ объемѣ, въ третье нарѣчіе; и по чему же въ такомъ случаѣ Новобулгарамъ не говорить *си* вмѣсто *зи*? Правда, переходъ съ *з* весьма понятенъ и обыкновененъ, но надобно замѣтить, что Ц.-Славянское *с*, вообще говоря, не переходитъ въ Сербскомъ языкѣ въ *з*, а остается въ послѣднемъ безъ перемѣнъ: *си* могло въ томъ же видѣ перейти и въ Сербскій языкъ; однако его тамъ вовсе нѣтъ. Надобно думать, что частица *зи*, какъ и самая *жда*, образовалась изъ корня *де*, который принялъ Ц.-Славянскій видъ *жда* и Сербскій *ѣе*, у другихъ *дже*, что собственно одно и то же. Празычный звукъ *д* могъ легко перейти въ близкій къ нему звукъ *з*, чему видимъ не одинъ примѣръ въ сравнительномъ языковѣдѣніи; а мягкій звукъ *е*, который у Сербовъ, по свойству своему, въ произношеніи есть почти то же, что *ь*, перешелъ при этомъ въ *и*, ибо Сербскій языкъ не отличаетъ *е* отъ *ь* и часто обращаетъ его въ *и*, да и другія Славянскія нарѣчія весьма непослѣдовательно поступаютъ съ *е* и *ь* и часто сдѣлываютъ *гхъ*: въ одномъ находимъ *е*, *и*, въ другомъ *ь*, *я*, въ третьемъ *и*. Но такое превращеніе *де* въ *зи* совершилось въ доисторическую пору на той почвѣ Сербіи, гдѣ для *е* возможенъ переходъ въ *и*. Я разумѣю преимущественно западную Сербію. Со временемъ эта частица сдѣлалась общимъ достояніемъ всего Сербскаго говора и явилась даже у Хорутанъ. Для частицы *и* можно допустить двоякое объясненіе: или признать съ Шафарикомъ, что сдѣсь *з* пропало, подобно тому, какъ оно пропадаетъ въ словахъ *неми* ви. *незим*, *немой* ви. *не мози*, или же предположить, что она образовалась чрезъ перезвукъ изъ *е*, *ме*, стянутого изъ *ѣе* и употребляющагося какъ въ Сербскомъ, такъ и преимущественно въ Хорутанскомъ. Но во всякомъ случаѣ образованіе и распространеніе у Сербовъ частицы *и* должно отнести къ временамъ до-

¹ Serbische Lesekörner, стр. 91.

историческимъ и помнитъ, что она вошла въ древнѣйшую Сербскую письменность цѣликомъ и безъ движенія, ибо въ нашихъ памятникахъ движенія ея подмѣнить нельзя. Являясь вмѣстѣ съ *зи* въ самой отдаленной книжности, она гораздо опережаетъ *ѣ*; но за то въ позднѣйшихъ вѣкахъ, которыхъ мы уже не касаемся, она пропадаетъ у Сербовъ; между тѣмъ, какъ *ѣ* (*fe*) и *зи* остаются доселѣ. Но, повторяю, оставя въ сторонѣ письменность, не виднѣя ничего невѣроятнаго въ возможности происхожденія ея изъ *де* (*de*).

Но съ усиливашимъ и не должно смѣшивать простое удвоеніе его. Удвоеніе *б*-ы и господствуетъ въ Аеонскихъ грамотахъ, отчасти въ другихъ собственно-Сербскихъ и Законникѣ, но почти не существуетъ въ грамотахъ прочихъ семействъ. Такъ мы находимъ: *ѣсмашии*, *нѣмощи* соущиѣ (А. №2), *миѣи*, *ѣлоути*, *створи* (А. №3), *миръ*, *проскити*тсѣ, *кажи*зѣ, *дѣмашина*мѣ, *спаш*мѣ, *ѣжтешнѣи*, *сѣленинѣи*, *нѣмощнѣи*: въ послѣднихъ трехъ прилѣгахъ *б*-а и вытягиваетъ гласность, хотя и глухо съ зн. *ѣ*, для произведенія большаго смягченія (А. №4), *ти* (тебѣ, Мк.), *си*ни, *разори*, *ѣни* (С. №51), *ѣкоути*, *изуми*, *стѣи* (С. №176), *ви*ти, *сѣи*ршѣи (А. №5), *сѣи*ршѣ, *нѣрѣи*сѣи (А. №10), *ѣн*дѣшѣи (С. №40), *вѣроси*, *нѣни*, *нѣволи* (С. №35), *миѣи*, *сѣи*шѣ, *сѣи*шѣи, *сѣи*шѣи (В. №1), *ѣ*ржи (С. №46), *ѣжи*ти (Г. А.), *ѣтѣрѣи* (С. №54), *ѣури*ти (З.), *нѣволи*тѣ, *нѣнѣи*ти, *нѣнѣи*дѣи (В. №2), *ѣути*шѣи, да *сѣ* *нѣстѣи*ти, *ѣжтѣи*ти, да *нѣтѣи*ти, *нѣ* соудѣи, ако *сѣ*шѣи (С. №137) и мн. др. Въ прочихъ грамотахъ: *миѣи*, *нѣколы* (Мл.), ако *сѣ* *зѣни*ти, *зѣни*ти (С. №3; Ш. №X), *миѣи*, *ми*ти (С. NN №81, 84, 104, 105, 117, 127, 128, 129, 132, 133, 144, 179), *сѣи*ршѣи (С. №104), *нѣноколѣи*ти, *нѣпороути*ти (С. №107), *нѣшнѣи*ти (З. А.) — и только.

Третій чистый основной гласный звукъ есть *у*. Будучи губнымъ, онъ занимаетъ третье мѣсто послѣ *а*. Губной органъ голоса наименѣе способенъ доставлять звуку открытую и ясную гласность, и по тому *у* есть глухая и узкая гласная, совершенно протавуположная открытой и широкой *а*. Звукъ *у* есть такой же твердый, какъ *а*, и болѣе узкій, чѣмъ *и*: глухота есть его отличительная черта; *а* и *у* представляютъ двѣ крайности гласнаго начала: возможнаго самогласія и возможной нѣмоты гласныхъ. Отъ того *у*, стоя на послѣдней ступени самогласія, составляетъ переходъ отъ гласныхъ къ согласнымъ или нѣмымъ, т. е., такимъ, которыя не могутъ имѣть въ языкѣ опредѣленнаго членораздѣльнаго звука безъ помощи той, или другой гласной. Естественный преемникъ ему по однородности есть нѣмое *в*, звукъ того же губнаго органа. Во всѣхъ Индоевропейскихъ и Славянскихъ языкахъ эти два звука взаимно, въ большей, или меньшей мѣрѣ, смѣняютъ друга друга, и, быть можетъ, эта смѣна ни въ одномъ не доведена до такихъ огромныхъ размѣровъ, какъ въ Древнесербскомъ княжномъ нарѣчїи.

Но прежде всего о начертанїи. Въ древнѣйшихъ памятникахъ Сербской письменности уже встрѣчается постоянное употребленіе сокращеннаго *з* вмѣсто первоначальнаго *ѣу*; ср. А. И.; С. NN №3, 4, 6—14, 16—20 и такъ далѣе въ слѣдующихъ столѣтїяхъ. Начертаніе *ѣу* наиболѣе употребляется въ Аеонскихъ и нѣкоторыхъ другихъ собственно-Сербскихъ грамотахъ; но почти ни въ одной нельзя найти его одного: всюду вмѣстѣ съ нимъ является и *з*: — доказательство, что послѣднее начертаніе было господствующимъ. Такъ, даже въ гр-ѣ Немани, на ряду съ постояннымъ *ѣу*, находимъ нѣсколько разъ *з*, хотя у Шафарика всюду стоитъ одно *ѣу*. Начертаніе *ѣу* съ нѣкоторыми исключенїями господствуетъ у А. NN №2, 3, 4, 6—11, 16, 17; въ С. №175; Г. А, Б, V и В. №1; оно смѣняется съ *з* въ гр-хъ: А. NN №5, 12, 18; С. №178; В. №

2 и С.-Д. М. 1844 и совершенно уступает ему свое мѣсто, становясь въ обратное съ нимъ отношеніе у А. NN^о 13, 14, 15, 19 и 20. Въ другихъ собственно-Сербскихъ грамотахъ оно встрѣчается въ немногихъ, именно въ С. NN^о 2, 24, 38, 51, 52, 62, 73, 91, 137, 176; Мк., также въ Черногорской (Мл.); а изъ грамотъ прочихъ семействъ—только въ нѣкоторыхъ древнѣйшихъ: С. NN^о 5, 15. Но и въ собственно-Сербскихъ начертаніе оу нигдѣ не пользуется исключительностію употребленія: весьма не рѣдко сдѣлываетъ его џ. Такимъ образомъ звукъ у явился и въ Древнесербской письменности съ преобладающимъ начертаніемъ џ, которое хотя и было заимствовано изъ Ц.-Славянской, однако по своему огромному господству можетъ назваться Сербскимъ, тѣмъ болѣе, что начертаніе оу связано съ тѣми грамотами, которыя наименѣе выособились изподъ Ц.-Славянскаго вліянія. Можно сказать, что Сербская одежда для звука у есть џ. Но џ и оу суть собственно одно и то же начертаніе: первое есть только сокращеніе втораго, болѣе удобное для написанія, и по тому значительно приближающееся къ скорописи. Другаго начертанія для звука у мы не находимъ: если кое-гдѣ и встрѣчается ꙗ, то не болѣе, какъ по одному разу, вѣроятно, въ слѣдствіе недописки, на пр., вездѣ (С. N^о 26), ұтъръѣнъ (С. N^о 81), ұдръжътъ (С. N^о 91), дрѣгъи (С. N^о 163), ұгъгъ (А. N^о 15). Только въ одной Хлумской грамотѣ начала XV-го и собственно-Сербской конца того же вѣка употреблено ꙗ, въ первой нѣсколько разъ: ұграѣнъ, сѣ, господѣю, ұзрокомъ, ꙗ (С. N^о 96), а во второй очень часто (Г. V), что заставляетъ подозрѣвать умыселъ писца и смѣлую попытку сократить начертаніе оу, какъ несвойственное Славянскому языку, и приблизить его къ Греческому υ, для котораго и употребляется въ Древнесербской письменности б-а ꙗ, тожественная съ и. Замѣчу еще начертаніе оз, только разъ встрѣчающееся въ нашихъ памятникахъ въ словѣ озготовѣнъ (В. N^о 2): въ немъ писецъ совершенно забылъ смыслъ и происхожденіе начертаній оу и џ, и это подтверждаетъ нашу мысль, что Сербы уже позабывали разумность составленія буквенныхъ начертаній.

Звукъ у, по общему свойству Славянскихъ языковъ, часто смягчается въ началѣ словъ и предъ гласною чрезъ посредство небнаго і. Явленія этого смягченія столь обыкновенны, что не требуютъ доказательствъ. Равнообразно смягченіе это въ древнемъ книжномъ языкѣ Сербовъ совершается въ одинаковыхъ предѣлахъ, какъ и въ Ц.-Славянскомъ, а по тому и съ этой стороны не требуетъ примѣровъ: слова звучатъ одинаково въ обохъ языкахъ, одни съ џ, другіе съ ю. Сдѣсь я долженъ ограничиться только случаями, нѣсколько выдающимися и рѣзкими для уха. Смягченный звукъ у явился въ Сербской письменности съ Ц.-Славянскимъ начертаніемъ ю. Но есть случаи, гдѣ онъ получилъ другое, болѣе очевиднѣйшее начертаніе, именно въ словахъ иностранныхъ: іоѣди.-ою, (А. N^о 12; Мл.), ивди.-ѣ (А. N^о 14; С. NN^о 37, 102), іѣди. (А. N^о 17), іоѣдою (А. N^о 19). іоѣдою (Г. Б), іоѣиѣ (А. N^о 17), ивѣиѣ.-ѣ (С. NN^о 139, 142, 143, 145), іоѣиѣ (Г. V); ср. юдѣ.-и (С. NN^о 78, 96, 101, 141), юѣѣ, юѣиѣ.-и (С. NN^о 96, 123, 148, 157), юѣиѣ, юѣиѣ (С. NN^о 130, 164 и пр.). Но въ тѣхъ же словахъ, по причинѣ ихъ иностраннаго происхожденія, замѣтно нѣкоторое колебаніе въ смягченіи и какъ бы ухищреніе, происходящее отъ желанія поддаваться подъ иностранный выговоръ: средствомъ къ тому найдено было вторичное смягченіе или, вѣрнѣе, смягченіе џ передъ и, і, заимствованнымъ прямо изъ иностраннаго правописанія: слѣдовательно, первичная форма будетъ іоѣ, иѣ; за нею послѣдуетъ ію, ию, а эта наконецъ чрезъ стаже-

ніе превратиться въ ю. Вторую форму находимъ въ большей части случаевъ: *мода, -а, -и* (Ш. № VII; А. NN № 4, 6; С. NN № 37, 76, 84, 89, 98, 100, 107, 118, 120, 127, 132, 140, 176), *мѣдѣ* (А. № 10), *мѣста* (А. № 20), *моша, -и* (С. NN № 66, 89, 124, 135), *мѣста* (А. № 8), *моша* (С. NN № 125, 163), *моша*, *мошою* (Г. А). Другой, видъ смягченія совершается съ помощію ѣ, но чрезвычайно рѣдко: *всѣдѣ* (С. № 25), *крьдѣ* (С. № 84), *крьдѣм* (С. № 119), *трѣснѣмъ* (С. № 176), *днѣ* (А. № 13); и двойнѣ въ словѣ *монастырѣю* (С. № 52). Если изъ этихъ сочетаній обратимъ вниманіе на лѣ и мѣ и напишемъ ихъ вѣсно: ѣ, ѣ, то получимъ тѣ же самыя начертанія, которыя В. Караджичъ ввелъ въ новѣйшее Сербское правописаніе. Разница только въ томъ, что въ старину и другія буквы, какъ видимъ, смягчались чрезъ ѣ въ присутствіи гласной, тогда какъ выборъ Караджича палъ по чему-то на двѣ плавныя. Въ послѣдствіи мы возвратимся къ этимъ сочетаніямъ. Въ началѣ словъ смягченіе б-ы з не представляетъ ничего замѣчательнаго, развѣ исключая одного сложнаго *зюстра* (З.); въ срединѣ и концѣ есть нѣсколько довольно замѣчательныхъ явленій: всѣ они стоятъ въ обратномъ отношеніи къ однороднымъ съ ними явленіямъ и по тому составляютъ исключеніе изъ общаго правила смягченія. Такъ мы находимъ з, вопреки обычаю, несмягченнымъ передъ гласною въ формахъ: *обитализ*, *вѣуѣвѣуѣмиз* (А. № 14), *мѣтѣ* (А. NN № 16, 17), *мѣрдѣ*, *уѣколюѣ*, *прозраѣ*, *лѣбрѣ*, *зѣпѣнѣ*, *мѣтѣ* (С. № 90), *моморѣ*, *вѣнѣ* (С. № 111), *милостѣ* (С. NN № 139, 163), ср. *милостю* (С. NN № 150, 164), *есвѣдиторѣ*, *прокѣнѣ* (С. № 170), *милостѣ*, *писаниѣ*, *вожѣю*, гдѣ выразилось колебаніе, (С. № 173) и пр. Подобное явленіе и въ той же семь грамотъ мы видѣли въ б-ѣ з. Если припомнимъ, что въ Среднебулгарской письменности очень часто гласная при гласной не смягчается, то увидимъ, что виною этого явленія есть вліяніе послѣдней. На оборотъ, послѣ согласныхъ з, противъ обычая, смягчается въ ю. Полное разсмотрѣніе этого явленія сюда не относится: оно представлено будетъ на своемъ мѣстѣ въ ученіи о согласныхъ; но здѣсь я приведу лишь тѣ случаи, которые своею исключительностію противорѣчатъ общепринятому употребленію: я укажу только на тѣ слова, которыя при обычной формѣ имѣютъ еще другую смягченную. Таковы: *юше* и *юше* (Ш. № VII), *дюрѣкѣмѣ*, -а, -ѣ, *дюрѣкѣмѣ*, *дюрѣкѣмѣ*, -а, -нѣ, -ога и т. д., *мѣхалѣю*, *люкоу* (С. № 16; Ш. № XVI), *порѣшѣмоу* (С. № 176), *сѣю*, *гѣю* (С. № 51), *зюкѣмѣ* (С. № 48), *юмѣ* (С. № 54), *юмѣ* (А. № 15), *истѣномо*, *настѣно*, *скомо*. *сѣ* (сѣ, сѣтъ), *момо*, *кѣсномо*, *мо* (мѣ, ему), *послѣдѣмѣ* (С. № 89), *кѣрѣмѣ*, *юмѣ*, *мѣстю*, *молю*, *амѣсто*, *скѣрѣю*, *кѣнѣю*, *моуѣмѣ*, *слѣю*, *гѣюѣмѣ*, *кѣрѣю*, *слѣю*, *моуѣмѣ* (С. № 104), *слѣю* (С. № 114), *сохрѣмѣю* (С. № 115), *крьдѣмѣ* (С. № 119), *сохрѣмѣю* (С. № 126). Замѣчательно, что какъ излишнее отверженіе з относится преимущественно къ Восточнымъ грамотамъ, такъ излишнее смягченіе принадлежитъ преимущественно Западнымъ.

Б-а з возникаетъ чрезъ усиленіе изъ ѣ въ предлогѣ *съ* и *со*мѣ из (см. в.) и въ словѣ *моуѣмѣ* (А. № 7) отъ *мѣмѣ*, откуда *мѣмѣ*.

Б-а з сѣняется съ и и я въ мѣстѣ. п. ед. ч. существительныхъ и прилагательныхъ муж. и ср. р.

Б-а з сѣняется съ а въ иностранномъ словѣ *мѣмѣ, -и* (С. NN № 3, 4, 5, 12, 13, 17) и *мѣмѣ, -а, -и, -ѣ, -ю* (С. NN № 16, 17, 36, 39, 66, 76, 78, 80, 83, 85).

Б-а з сѣняется съ я въ нарѣчій *до*мѣ, *до*мѣ (С. NN № 7, 15, 16, 31).

Б-а з сѣняется съ о въ формахъ: *кѣрѣмѣ* (С. № 176), *моуѣмѣ*, *кѣмѣ, -и* (А. № 7), *оуѣмѣ* (В. № 2), *кѣмѣ* (С. № 103), *кѣмѣ* (З).

А.); также въ иностранныхъ словахъ: писмоушии, архиепискоушь (Ш. № VII), архиепискоубъ (С. № 21), архиепискоубъ (С. № 27), пѣнзавъ (С. № 16), пискоушь (А. № 7), ср. епископъ (мн. р.), кърна и корна (С. NN № 16, 49, 84, 86, 89), жъръши и жъръги (С. NN № 32, 33), трифоушь (С. № 176), коуштитица и коуштитца (А. № 11), коушсоуломъ, коушсоуль, коушсзль, -и (С. NN № 91, 137), апостоуль, -а, оушь, -оуа, -оуа, -оуа (С. NN № 92, 93, 96, 100, 101, 102, 107, 114, 118, 140—145), ср. линостель (С. № 120), кзидъ, кзифетиниць (С. № 130), ср. дѣя бояра (С. № 115), провзратура (С. № 135) и въ дат. и мѣстн. пп. ед. ч. причастій.

Б-а ъ стаяла въ себѣ ъѡ или ѡа въ словѣхъ потѣгнѣ ви. потѣгнѣѡ, -ль (С. № 159).

Б-а ю замѣняетъ и въ формахъ сиюшь зумоловъ, божиюшь помоию (А. № 1).

Б-а ю замѣняетъ о въ формахъ сминюшь, -а (Ш. № II; С. № 14), сминюшь (С. № 20), на сминюшь дѣъ (С. № 27), ср. сминюшь.

Сербскій языкъ, имѣя когда-то носовые звуки, замѣнилъ первый носовой звукъ ж, ш, б-ю ѡ, ю. Эта замѣна совершилась въ незапамятныхъ временахъ, такъ что имена, передаваемая древнѣйшими иноземными источниками, *Sarento* (хорътъ), *Μουνημῆρος*, *Νέβτοουος*, *Λουουμῆρος*, представляются уже рѣдкимъ явленіемъ и исключеніемъ изъ общаго правила: это отвердѣлый звукъ глубочайшей древности, дошедшій до слуха лѣтописцевъ, благодаря памяти народной. Но другіе древнѣйшіе иностранные источники уже постоянно передаютъ носовой звукъ ж черезъ *ou*, *u*¹. Равнозрно въ нашихъ памятникахъ на всемъ ихъ пространствѣ нигдѣ не встрѣчаемъ носоваго произношенія, ни даже самого начертанія ж, ш, но всюду, какъ въ произношеніи, такъ и въ письмѣ, постоянно находимъ вѣсто него ѡ, ю, съ чѣмъ согласно и нынѣшнее употребленіе. Приводить примѣры считаю излишнимъ. Замѣчу только, что исключеніе составляютъ творят. п. ед. ч. именъ существительныхъ, прилагательныхъ и причастій ж. р., а также нѣкоторыхъ мѣстоименій и 1-е лице ед. ч. настоящаго и будущаго вр., о чемъ, однако же, рѣчь будетъ впереди. Во всѣхъ другихъ случаяхъ древній книжный, равно какъ и нынѣшній Сербскій языкъ, постоянно ставятъ ѡ, ю вм. ж, ш. Въ одномъ только иностранномъ словѣ, и то однажды, встрѣчаемъ носовой отзвукъ: *оуштемѣрню* — очевидно неправильно вѣсть *е* или, по крайней мѣрѣ, *em* (С. № 114). Въ нѣсколькихъ словахъ ж замѣняетъ второй носовой звукъ л, исполняя въ этомъ случаѣ служеніе б-ы ѡ; таковы: *видѣъ* (*видаште*), если только не *вѣдѣъ* (С. № 140), ср. *вѣдоуше* (А. № 10), *оуштеръ* (С. № 171) и еще два слова, отличающіяся постоянствомъ своей формы, а именно: *тисоуша*, *тисина*, *тисѣа* съ производными (мн. р.) и *кисинюшь* (*кисаштеж*), -оушь, -оушь, -ѡ, -ю, -ю, -ѡи, *кисѣъ*, -ю, -оушь, -оушь, -ѡи, -ѡи (С. NN № 96, 98, 101, 114, 116, 117, 120, 122, 126, 127, 128, 130, 133, 134, 136, 140, 141, 146, 147, 150, 157, 163, 164). Впрочемъ, для послѣдняго встрѣчается однажды *подисеюшь*, гдѣ *е* правильно замѣнило л (С. № 86). Ср. въ Остромировомъ Евангелии *тысащѣнникомъ* и *тысащѣнникъ*.

Самое важное замѣнительное служеніе б-ы ѡ есть въ отношеніи согласной в. Возможность и естественность такой смѣны заключаются въ одноорганичности того и другаго звука. Губной органъ доставляетъ гласному звуку наименьшую самогласность и приближаетъ его къ тѣмъ звукамъ, которые въ языкѣ не обходятся безъ помощи гласныхъ. Родство *е* и *ѡ* замѣтно во всѣхъ Индо-европейскихъ языкахъ. Въ устномъ Сербскомъ языкѣ не терпится въ началѣ

¹ Подробнѣе см. у Шафаръ въ *Se. bische Lesekörner*, стр. 34.

словъ стеченіе согласной *е* вѣстѣ съ другою согласною (крошѣ *л* и *р*): по этому нинѣшніе Сербъ говорятъ и пишутъ *у* (*еу*), *уз* (*еоз*), *удовица*, *урук*, *уторник*, *уш*; исключеній только два: *шеница* и *шница*, но въ обонхъ словахъ *е* не есть коренное, а замѣнительное вѣсто *и*, да при томъ эти слова происходятъ, какъ *шеница*, *шница*. Предлоги *еа* и *еаз* сохранились у нинѣшнихъ Сербовъ только въ немногихъ случаяхъ: они употребляются большею частію въ словахъ, имѣющихъ духовный смыслъ, на пр., *еа име оца*, *еа еист*, *еаводеише*, *еаамена*, *еаскрсенише*, *еаскрснуги*, *еаслава*; одно только слово *еаздух* не подходитъ подъ этотъ разрядъ, но за то оно слышится единственно въ Которѣ. Напротивъ, въ древней книжномъ языкѣ Сербовъ такой послѣдовательности въ употребленіи звука *ѣ* мы не находимъ: тамъ постоянно въ продолженіи цѣлхъ вѣковъ сдѣняются *ѣа*, *ѣи* и *ѣз*, *ѣъ-*, *ѣс-*, *ѣл-*, *ѣс-* и *ѣз-*, *ѣс-*. Спрашивается, что было тому причиною? отвѣчать легко:—Ц.-Славянской языкъ, гдѣ нѣтъ *оу-* и *оуз-*, гдѣ есть только *ѣа* и *ѣл-*. И такъ на этой точкѣ народная стихія снова столкнулась съ Ц.-Славянской: взаимное воздѣйствіе происходитъ почти во всѣхъ памятникахъ, начиная съ перваго и до послѣднанаго. Сербское ухо не терпѣло передъ согласною звука *ѣ*, хотя бы соединеннаго съ безгласнымъ *ѣ*; а по тому и *ѣл-*, звуча какъ *ѣз-*, было противно ему. Первая уступка, которая сдѣлана была Ц.-Славянскимъ языкомъ, состояла въ озвукотвореніи *б-нѣ ѣа*, *ѣл-*; но *ѣа* предъ гласною производило неприятное столкновеніе гласныхъ звуковъ: народность порѣшила и съ этимъ, превратить *ѣа* въ *ѣ* и *ѣл-* въ *ѣз-*. Когда произошло окончательное дѣйствіе народности въ пользу *ѣ* и *ѣз-*, мы не знаемъ, ибо XV-й вѣкъ не прекращаетъ еще сдѣнн: она, по видимому, въ полномъ развитіи. Звукамъ *ѣ* и *ѣз-* не удалось въ XV-мъ в. превозмочь окончательно звуки *ѣа* и *ѣл-*; они послѣдовали общей участи всѣхъ народныхъ признаковъ, изъ которыхъ ни одинъ, говоря строго, не одержалъ еще полной побѣды съ исходомъ XV-го вѣка. Все разсматриваемое нами пространство книжнаго языка Сербовъ есть не что иное, какъ огромное трехвѣковое поприще, по которому движутся двѣ, хотя и одноплеменные, но все таки отличныя одна отъ другой стихіи; признаки одной слабѣютъ, исчезаютъ; признаки другой усиливаются, умножаются и становятся на мѣсто исчезнувшихъ. Таковъ двойственный смыслъ всего этого пространства. Но къ выгодамъ народной стихіи должно отнести то, что уже въ древнѣйшихъ памятникахъ она выступила весьма открыто въ звукъ *ѣ*, *ѣз-*. Количество случаевъ показываетъ, что сдѣсь она наиболѣе сосредоточила своихъ силъ, чтобы одолѣть несвойственный ей звукъ *ѣа*, *ѣл-*; но за то и Ц.-Славянская стихія столь упорно защищала своего любимца, что колебаніе между обонми звуками продолжалось до конца XV-го в. и не окончилось съ нимъ. Кажется, судя по первымъ многочисленнымъ проявленіямъ звука *ѣ*, *ѣз-* можно бы было заключить, что ему не долго придется бороться съ звукомъ *ѣа*, *ѣл-*; но вышло иначе: посредничество озвукотворенныхъ *ѣа* и *ѣл-* не помогло и не отстранило долгаго колебанія. Только въ Западныхъ грамотахъ *ѣ*, *ѣз-*, взяло перевѣсъ надъ *ѣа*, *ѣл-*, но не истребило его совершенно, — и тѣмъ заключился XV-й вѣкъ. Звукъ *ѣа* нашелъ себѣ самое безопасное и самое недоступное для *ѣ* убѣжище — въ началѣ и концѣ грамотъ въ обычной, освещенной давностію формулѣ вступленія: *ѣа иимѣ* или, съ конца XIV-го в., *ѣа иимѣ*, и клятвы: *ѣа хѣ ѣа* и *ѣа прутѣзю иго матерь* и т. д. Хотя въ XV-мъ в. *ѣа* иимѣ, *ѣа* иимѣ чаще употреблялось, чѣмъ *ѣа* иимѣ, *ѣа* иимѣ, однако и послѣднее выраженіе держалось упорно, не смотря ни на какое различіе, представляемое иѣстонаписаніемъ грамотъ: можно сказать, что Западные грамоты

столько же любил его, сколько и первое выраженіе. За то ж нам не терпѣлось. Если мы знаемъ, что ж нмъ, оу нмъ находится только въ двухъ Боснійскыхъ грамотахъ (А. И.; С. № 5), то должны сознаться, что въ это убѣжище звука въ народная стихія наименѣе проникла. Клятвенное выраженіе: ж гѣй. ж рѣсте шѣ. ж устымъ рѣтъ и ж стѣ нѣмгана и ж .д. еѣганств. и ж .т. нѣ. стѣжъ бѣр. и ж всѣ стѣ и ему подобныя тоже попадаютъ въ немногихъ древнѣйшихъ грамотахъ (С. NN № 3, 4, 12, 14, 15, 19, 20, 21, 26, 27, 56). А въ обычныя выраженія: азъ въ хѣ гѣ, въ лѣто, кромѣ одного случая: ж лѣто (С. № 92), въ мнѣши, -ш и т. д. и възымн, възымн распнн, б-а ж не проникаютъ вовсе. Но во всѣхъ другихъ случаяхъ она постоянно, въ большей, или меньшей мѣрѣ, сбивается съ в. Въ гр-ѣ Кулина, кромѣ начала: ж нмъ, болѣе не встрѣчается ни та, ни другая форма; въ гр-ѣ Немани находимъ обѣ: къ и оу, ж. Замѣчательно, что подъ конецъ грамоты постоянно встрѣчаемъ оу, а въ началѣ въ: это по тому, что грамота отъ общихъ мыслей, отъ общаго духовнаго настроенія переходитъ къ частностямъ, къ церковнымъ задачамъ; а извѣстно, что гдѣ излагается сущность дѣла, тамъ народная стихія проявляется яснѣе. Предлогъ въжъ существуетъ въ ней только въ этой одной формѣ: въсприемъшюу, възднгожд (А. № 1). Въ первой половинѣ XIII-го в., гдѣ стекаются грамоты различныхъ семействъ преобладаніе ж и жз- весьма замѣтно. Но въ первой, открывающей собою этотъ вѣкъ, грамотѣ Жичанской, относящейся къ церковнымъ задачамъ, находимъ оба звука. Во вступительномъ началѣ: въ память, въдоши, и въ заключеніи: къ мнѣши, въ си вѣш и въ бѣдоушнн, възымн; въ среднѣ же, кромѣ: выпадытъ и тутъ же оупадытъ, възврати, възднши, второу, много разъ: оу, оузыма, -лютъ, -летъсь, оузыма, -ю, -летъсь, -лютъ и т. д., оулазнавъ, оузыти, оузыи, оуписоу (Ш. № VII). Въ слѣдующихъ по нѣсколько разъ: ж, оу, жз-, жс- (С. NN № 2, 3, 4, 6, 7, 9—12), такъ что, кромѣ вышепомннутыхъ формулъ: къ нмъ, къ лѣто и въсприети (С. № 2), въздннши, въскоши, въсходъ (С. № 3), предлоги къ и въжъ болѣе не попадаютъ. Теперь же видимъ: ж рѣжъ и къ рѣжъ (С. № 13); но далѣе опять одно ж, жз-, жс- (С. NN № 14, 15, 17), даже възднши (С. № 14). Въ договорѣ Дубровничанъ съ Михаиломъ Асѣномъ мы должны ожидать вліянія Ц.-Славянской стихіи, и дѣйствительно находимъ только одну форму: къ и въжъ, въжъ, даже съ довольно рѣзкою крайностію, какова: въгоднѣ, въемо, въготовнмо; однажды только ж кнн (С. № 16). Въ дальнѣйшихъ снова по нѣсколько разъ: ж и жз-, жз-, жс-, жс- (С. NN № 19—22, 26). Исключенія: въпащнѣжъ (С. № 19) и разъ къ (С. № 22). Здѣсь съ Урошемъ I оканчивается стеченіе различныхъ грамотъ и начинается исключительное господство однихъ только общвенно-Сербскихъ, продолжающееся до послѣдней четверти XIV-го в. Въ сейчасъ разсмотрѣнномъ пространствѣ времени мы видѣли, что ж и жз- совершенно преобладаютъ надъ къ и въжъ: послѣднія, гѣс-нимыя первыми, укрылись только въ двухъ грамотахъ, гдѣ церковныя задачи и дѣло съ Булгарією могли поддержать ихъ во имя Ц.-Славянской стихіи. Но и въ Жичанской грамотѣ средина ея, заключающая сущность дѣла, не любитъ ихъ. Посмотримъ, что представитъ намъ дальнѣйшій обзоръ собственно-Сербскихъ грамотъ до конца XV-го в. Грамоты эти, какъ извѣстно, можно раздѣлять на договоры съ Дубровникомъ и церковныя записи; между послѣдними ббольшую часть занимаютъ Авонскія. Сначала о первыхъ. Въ нихъ мы находимъ прежнсе отношеніе между ж, жз- и къ, въжъ. Одно ж и жз- по одному, или по нѣсколько разъ въ гр-хъ С. NN № 23, 25, 27—30, 32, 33, 34, 36, 38—45. Одно только есть исключеніе въ концѣ клятвы: къ самъъ, къжъ и къ рѣдншмъ (С. № 39).

Въ золотопечатномъ словѣ, данномъ двумъ властелямъ на островъ Млѣтъ, во вступленіи, употреблены ѡ и ѡс-; но гдѣ говорится собственно о пожалованіи, тамъ находимъ ѡ, ѡз-, а въ концѣ опять ѡ (С. № 46). Далѣе опять одно ѡ и ѡс- (С. NN № 48, 49). Въ такой же гр-ѣ, данной Дубровнику, во вступленіи и въ заключеніи снова находимъ ѡ, но въ срединѣ ѡ, ѡз-, ѡс- (С. № 50). Въ слѣдующихъ: ѡ, ѡс-, ѡз- (С. NN № 53, 54), однажды ѡ свѣтѣ (С. № 54), ѡ, ѡс-, ѡз- и ѡ, ѡс- (С. № 55), здати (С. № 56). Во вступленіи Вукашиновой грамоты: ѡ (С. № 62); ѡу, ѡ, ѡу-, ѡз- (С. NN № 73, 131, 146, 147, 165, 166, 167); ѡ шикотѣ и ѡ грдѣ (С. № 90), ѡзети, ѡуѣ, проѡзума, ѡ, ѡу (мн. р.); но во вступленіи: ѡ, ѡзлюбленимъ (С. № 91), ѡскотѣ, ѡзумаю, ѡзети, ѡ (мн. р.), но ѡспоминишѣ, ѡ всѣхъ лѣтъ (С. № 111), ѡузети, да ѡзума, ѡзума, ѡбѣащениа, ѡспоминишѣ, ѡу, ѡ, но въ началѣ грамоты: ѡсколи, ѡ свѣтѣ (С. № 137), ѡу, ѡ, ѡ, ѡспоминишѣ (С. № 138). И такъ отношеніе между обими звуками такое же, какъ и прежде. Наши слова о правдываются: народная стихія усиленно стремилась выразить себя въ звукахъ ѡ и ѡз-, гдѣ только позволяло ей содержаніе грамотъ. Не смотря на то, что эти грамоты принадлежатъ собственной Сербіи, народность входила въ нихъ свободно и вытѣсняла Ц.-Славянскіе звуки ѡ и ѡзъ. Отношеніе между обими звуками можетъ быть выражено приблизительно, какъ 1: 12, и это отношеніе не мѣняется съ теченіемъ времени: оно остается однимъ и тѣмъ же между концомъ XII-го и концомъ XV-го в. Но въ другомъ отдѣлѣ собственно-Сербскихъ грамотъ Ц.-Славянская стихія взяла верхъ надъ народностію. Въ гр-хъ Милутина: ѡскеламъ, ѡлиимъ, ѡприниша, ѡ; но въ надачѣ: ѡузърѣдо, ѡу (мн. р.) (Мк.), ѡ грѣсѣ (С. № 52). Въ спискѣ Милутинова времени мы находимъ нѣсколько разъ ѡ; но гдѣ говорится о самой надачѣ, тамъ встрѣчается нѣсколько разъ и ѡу (С. № 51). Въ гр-ѣ Стефана Дечанскаго монастыря того же имени замѣчательны начало, середина и конецъ. Хотя эта грамота состоитъ собственно изъ двухъ грамотъ, однако владѣльцы ея сумѣли такъ хорошо сплотить обѣ части, что онѣ составили собою одно цѣлое: первая служить вмѣсто вступленія, а вторая въ началѣ излагаетъ самую сущность дѣла, т. е., исчисляетъ монастырскія надачи, и подъ конецъ переходитъ въ приличное заключеніе. Въ первой и концѣ второй части Ц.-Славянская стихія рѣзко выдается своими формами и образуетъ замѣтную противоположность съ серединою. Въ ней находимъ всюду ѡ и ѡз-, ѡс- и ни разу ѡу. ѡуз-; далѣе въ заключеніи опять всюду ѡ и ѡз-, и только однажды: ѡу породнишѣ; но въ срединѣ, на оборотъ, во множествѣ ѡу, ѡузъ, ѡуз- и ни разу ѡ, ѡз- (С. № 176). Во вступленіи и заключеніи Душанова золотопечатнаго слова, даннаго Ерусалимской церкви: ѡзлюбленимъ, ѡ имѣхъ же, ѡздингати, ѡишии, но ѡ призраи, а въ условіяхъ надачи: ѡзума и ѡ (мн. р.), но ѡскръсѣши (С. № 35). Въ подтвердительной на эту гр-ѣ Уроша V: ѡскотѣ, ѡ дѣи, но ѡспоминишѣ (С. № 47). Впрочемъ, обѣ эти грамоты относятся столько же къ Синайскому Богородичному монастырю, сколько и къ Дубровнику, ибо даны собственно послѣднему касательно дохода, получаемаго съ него Синайскимъ монастыремъ. Въ Раваницкой Лазаря: ѡ, ѡ, ѡз- (мн. р.)—во вступительномъ богословіи, но ѡу (мн. р), ѡуада, ѡуз- въ изложеніи надачъ (В. № 2; Ш. № 15; В. К.). Въ Милешевской Стефана Лазаревича: ѡ, ѡ, ѡз- (мн. р.), но въ надачѣ: ѡу моранидахъ (С.-Д. М. 1844). Въ Аѳонскихъ грамотахъ ѡ и ѡзъ еще болѣе усиливается. Въ четырехъ грамотахъ Милутина (А. NN № 2, 3, 4, 6) исключеній сравнительно немного: ѡу (7 р.), ѡусколи, ѡузрокомъ, ѡуѣзети (А. № 4), ѡ, ѡу (13 р.), ѡуспотомъ, ѡуауѣ.

оўзнамаю (А. № 6). Въ послѣдней грамотѣ, бѣльшая часть случаевъ относится къ описанію жалованныхъ мѣстностей, а по тому сдѣсь писецъ невольна увлекся народною формою выраженія. Въ гр-ѣ Дечанскаго: оу (5 р., А. № 7) и въ другой, въ описаніи мѣстныхъ границъ, много разъ: оу, оуъ, оуъ- (А. № 8). Въ гр-хъ Душана: зсѣщюу, оу лпалми, оу соухогрлѣ, оу кострѣцъ, з вратоинно, нѣ з коуно нме нѣ оу залогоу: сдѣсь, кроиѣ перваго примѣра, другіе относятся къ описанію границъ, а послѣдній представляетъ обычное судебное выраженіе, которое чаще держалось въ устахъ народа, чѣмъ на письмѣ (А. № 5); оу (4 р.), оуѣжно (А. № 9), оу вардѣ, оу илѣю — въ условіяхъ надачи (А. № 10), и снова въ описаніи границъ: оуѣрѣ, оу, оуѣзма, оуѣзбѣроу (А. № 11), зспомнѣн ѣ гокори ѣ цркви з свои каиниѣ. оу змѣлн шганковскон. ѣ з мѣстѣ... — чужія слова, вставленныя въ грамоту изъ обычной рѣчи; оу каиниоу, оуспомнѣоу; и опять о границахъ: оу, з (н. р.), оуѣстоу, оуздоль, зираѣ (А. № 12). Въ гр-хъ Уроша V: зспомнѣн, зспомнѣтнн, з вггарѣ и зъ вьсвѣнзю, з мѣсто (А. № 13), оу стѣюю гороу, оу прирѣнѣ, по каѣмѣ, зъ вѣтѣ, зъ змѣлю, зъ цркъ, зъвѣдѣнѣ зъ стѣл стѣхъ, зъскрѣнѣнѣ и пр. (Г. А). Въ гр-хъ деспотовъ и ихъ родичей: з въ нѣсколькихъ случаяхъ, кои всѣ относятся къ надачамъ (А. № 14), оу поуѣ, оуздѣл — о границахъ (Ш. № 14), ззѣхъ (А. № 15), оу (1 р., А. № 17), зспомнѣтнн, з нѣрѣ, з хрѣсѣкѣлѣ, оуѣнѣсѣлѣ, ззѣ (А. № 18), ззѣлѣ, зстѣл (зѣ тѣ) нѣтѣ, з мѣрѣ, з нѣ, з коуѣкѣ, ззѣмо (А. № 19), з (1 р., С. № 175), оу (4 р.), оуѣзмаю (Г. Б), з (1 р., А. № 20). Замѣтимъ сверхъ того, что гр-ы А. NN № 2, 3, 16; В. № 1; С. № 178 и Г. V вовсе не имѣютъ предлоговъ з и зъ-, а другія, какъ видѣли, хотя и имѣютъ ихъ, но въ такомъ маломъ количествѣ, что соответствующія формы зъ и зъ- совершенно заглушаютъ ихъ. Сюда же отнесу и Цетинскую грамоту Черноевича, въ которой находимъ: зъзѣмѣ, зъзѣдѣ, зъзѣрѣтнѣ, зъзѣжно, зъзѣхъ, зъзѣгѣ, зъзѣмѣ, зъ, зѣ (н. р.), но ѣоуѣзѣтѣ, а въ среднѣ, при описаніи надачъ и условій: оу зѣнѣ ѣ оу каиниоу — обычное выраженіе при пожалованіи, оу (н. р.), зѣзѣ оуѣрѣса, оуѣзѣмѣ, да оуѣдѣ, да ѣзѣмоу, ѣоуѣзѣлѣ, оуѣзѣрѣнѣ, оуѣзѣтѣ (М. I.). Сообразимъ съ этими немногими исключеніями, во первыхъ, объемъ грамотъ, въ нѣкоторыхъ довольно большой, и во вторыхъ, огромное количество случаевъ, имѣющихъ форму зъ и зъ-, и мы увѣримся, что въ монастырскихъ грамотахъ собственной Сербіи Ц.-Славянская стихія съ своими формами зъ и зъ- господствуетъ надъ народною съ ея з и зъ-, чему споспосбствуютъ, съ одной стороны, участіе православнаго духовенства въ составленіи этѣхъ грамотъ, съ другой, набожное настроеніе духа, искавшее себѣ выраженія въ изреченіяхъ Св. Писанія, которое хранилось въ Сербіи на Ц.-Славянскомъ языкѣ: по этому въ общихъ мѣстахъ писцы, постоянно согласуясь съ набожнымъ настроеніемъ самихъ благотворителей, удерживали въ своемъ книжномъ языкѣ представительницу и виѣстннлицѣ духовно-созерцательной жизни — Ц.-Славянскую стихію. Но и сюда народная нашла себѣ доступъ, отыскавъ слабую сторону въ описаніи мѣстности и условіяхъ надачъ: сдѣсь писцы, увлекшись содержаніемъ, взятымъ прямо изъ народной, обыденной жизни, невольна забылись и употребили разговорныя формы з и зъ-. Если другіе звуки и формы представляютъ въ себѣ болѣе ровности, то предлоги были столь незначительны и слабы, что на нихъ писцамъ было всего легче сбѣгаться и изъ Ц.-Славянской формы впасть въ народную. Серединою между тѣмъ и другимъ отдѣломъ собственно-Сербскихъ грамотъ представляетъ За-

кончикъ, писанный подъ вліяніемъ, съ одной стороны, православнаго дужевства, съ другой, обычнаго права народа. Въ немъ, въ лицѣ разсматриваемыхъ предлоговъ, дружно сходятся обѣ стихіи; сдѣсь между ними болѣе равновѣсія, чѣмъ въ томъ, либо другомъ отдѣлѣ грамотъ; но и сдѣсь предлоги отразили на себѣ общую черту Законника — преобладаніе въ немъ Ц.-Славянской стихіи. И сдѣсь количество случаевъ для оу, оуз- уступаетъ количеству для ка, казъ. Такъ мы находимъ: оуиромшѣа, оузмъ, оузти, оузмиають, оузмиа, оуиресети, оуимати, оуддѣаи, оуоуддѣа, оуирславо и въскочѣти (н. р.), въдурѣтѣти, въспети, възмъ (н. р.), възмѣти (н. р.), възмѣти, въдѣстѣти, въшѣтѣнаго, възметѣти (н. р.), възѣти, възмъ, възммиають. Отсюда мы видимъ, что сдѣсь оуз- относится къ въз-, какъ 1 къ 2; такое же отношеніе существуетъ и между оу и ка. Мы видѣли, какъ въ грамотахъ всѣхъ семей, а въ томъ числѣ и собственно-Сербской семьи, не относящихся къ церковнымъ надачамъ, народная стихія уже съ самаго конца XII-го в. взяла рѣшительный перевѣсъ надъ Ц.-Славянскою. Надобно то же предположить и въ Зетскихъ грамотахъ и равномѣрно въ грамотахъ Западнаго отдѣла, т. е., Турецкихъ, Дубровницкихъ, Боснійскихъ, Хлумскихъ и Травунскихъ, начинающихся по времени съ бана Твртка, въ послѣдствіи короля Твртка I. Такъ въ Зетскихъ, относящихся еще къ Восточнымъ грамотамъ, з, зъ-, зс- господствуютъ (С. NN^o 64, 67, 70, 71, 72), однажды только ка сѣдѣни (С. N° 70), и въ вступленіи нѣсколько разъ ка, въскотѣхъ (С. N° 71). Въ двухъ Албанскихъ (С. NN^o 148, 149) вовсе не находимъ ка и въз-. Во всѣхъ Западныхъ грамотахъ совершается то же самое, но только въ большемъ размѣрѣ. Во многихъ изъ нихъ вовсе не находимъ ка и въз-; въ другихъ эти предлоги существуютъ только въ обычныхъ выраженіяхъ, какъ то: ка, на нмъ, ка нѣ ка и т. д., ка, калато, ка нини, казми и въ богословіяхъ, которыхъ содержаніе приближимо ихъ къ Ц.-Славянской стихіи. На помощь послѣдней явились формы съ озвукотвореннымъ к: ка, казъ-; но и онѣ исчезаютъ во множествѣ случаевъ, имѣющихъ з и зъ-. Объемъ и количество грамотъ не позволяютъ намъ сравнить всѣ три формы; но мы можемъ только привести формы ка и въз-, ка и казъ-, какъ заключенія, и тѣмъ показать ихъ относительную малочисленность сравнительно съ формою з и зъ-, которая въ рѣдкой грамотѣ не встрѣчается во множествѣ. Проходимъ нѣсколько первыхъ Боснійскихъ грамотъ конца XIV-го ст., въ которыхъ видимъ одну только форму з и зъ- (С. NN^o 57, 59, 65). Первая королевская грамота Твртка I выразила его стремленіе породнить себя съ Сербскими царями и тѣмъ приобрести право на Сербію. Для этого въ самой грамотѣ допущено вступленіе, подобное закупанію царскихъ хрисовуловъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ открытъ нѣкоторый входъ для Ц.-Славянской стихіи. По этому случаю въ ней находимъ: въдѣнѣти, въдѣрѣнѣти и нѣсколько разъ ка; но тутъ же: ззгорѣнѣти, зскотѣнѣти, зспоминѣнѣти, ззмъ и нѣсколько разъ з, оу (С. N° 66). Въ другихъ грамотахъ того же времени: ка змиаѣ, ка сѣхъ, ка примѣри, но ззето, з (н. р.) (С. N° 67), ка въдѣрѣнѣти казъ, но зскотѣнѣти, ззети, ззможѣти и з (н. р.) (С. N° 76), ка истѣнѣти (С. N° 78). Подобно грамотѣ Твртка I, и грамота Дабыши допускаетъ богословіе и вмѣстѣ съ тѣмъ ка и казъ: казъкоде, казъдѣрѣнѣти, ка (н. р.), но въ дальнѣйшемъ изложеніи з (н. р.) (С. N° 81); въ другой гр-ѣ того же: ка дворѣ, ка змиаѣ, но з конѣхъ (С. N° 179). Во вступленіи грамоты Остои: ка трѣнѣти, ка ѡчи нѣти, ка систѣмъ дѣти, ка те, ка змиаѣнѣти, ка сѣхъ нѣти, но далѣе: зспоминѣнѣти, з сѣрѣнѣти и з плѣснѣнѣти, з ками кавомъ, а въ концѣ: ка ками, ка конѣнѣти, з лишнѣти, ка анѣти (С. N° 84).

часть употребили *ъ, ѡз-, ѡс-* (С. № 100), *ваздю, ва гѡдѡстѡмъ, ва, ва ѡтаннѡхъ*—вступленіе, *ва кники, ва книи* (С. NN № 101, 102), *ва книи, важдѡшии*, (С. № 103), *ваздю, ва гѡцѡтѡхъ*—списано, *ва вѡка* (С. № 104), *ва слава, ва рѡсази, ва сѡхъ, ва сѡрокицѡхъ, ва воуѡшью, ва вѡмѡ, ва вѡки*—вступленіе, и тутъ же и. р. *ѡ*; *ва кники*, но въ прочихъ случаяхъ *ѡ, ѡз-* (С. № 107), *ва сѡдѡшии, -ѡвѡ*, въ другихъ случаяхъ *ѡ, ѡз-* (С. NN № 108, 109), *ва видѡшии, ва вѡмѡ*, въ прочихъ мѣстахъ *ѡ* и *ѡз-* (С. № 112), *ва бѡронѡ, ва ѡщи, ва нѡмѡ*, но тутъ же въ вступленіи: *ваздѡжишѡ, ѡ намѡти, ѡ мѡмѡхъ*, въ прочихъ же мѣстахъ всюду *ѡ* и *ѡз-* (С. № 114), *ва видѡшии, ваздѡжишѡ*, но *ѡ* (и. р.) (С. № 115), *важдѡшии* и *важдѡшии* (С. № 116), *ва кникици, но вѡхѡти* и *ѡ* (и. р.) (С. № 119), *ва слава, ва двѡрѡ, ва лѡта*, но и *ѡ* (и. р.) (С. № 120), *ва дѡста, ва кникици*, но *ваздѡжишѡ, ѡзѡти*, *ѡ* (и. р.) (С. № 121), *ва волауѡ, но ѡ* и *ѡз-* (и. р.) (С. NN № 123, 126), *ва кемѡци, ва лета*, но *ѡ* (и. р.) (С. № 130), *ва слава, ва двѡрѡ, ва лѡта*, но *ѡ* (и. р.), *важдѡшии* (С. № 133), *ва наустѡмѡ, важдѡмѡ, важдѡра...ше*, но въ этомъ, списанномъ съ предыдущихъ, богословіи уже измѣнено: *ваздѡ; ва жѡмѡхъ*, но даѡе всюду *ѡ* (З. А.), *ва книи*, но *ѡ* (и. р.) (С. № 136), *ва трѡицѡ, ва ѡщи, ва нѡмѡ*—списано, но тутъ же другія формы уже измѣнены: *ваздѡжишѡ, ѡ намѡти, ѡ мѡмѡхъ, ѡзѡти*; *ва лѡта* (С. № 144), *ва слава*—списано, но другія формы уже измѣнены: *ѡ гѡцѡтѡхъ* и *ѡ пѡмѡ двѡжѡкѡ* и пр. (С. № 145), *важдѡрѡмѡ, ва жѡмѡхъ, ва двѡрѡ*—списано, но съ перемѣною формы *важдѡ* въ *ваздѡ* (С. № 150). Въ Турецкомъ спискѣ гр-ы Дежанскаго слышны оба звука: *ѡ, ва* (и. р.) и *ѡ* (и. р.), также: *важдѡри, ѡзѡти, ѡжѡма*, что объясняется неопредѣленнымъ положеніемъ самой грамоты относительно языка, ибо списокъ съ подлинника сдѣланъ былъ спустя сляшкѡмъ столѣтіе: признаки поздѡншіе могли смѣшаться съ признаками древнѡншими; грамота изъ одной семьи перешла въ другую (С. № 37). Къ обычнымъ выраженіямъ можно присоединить и нѣкоторыя другія изъ приведенныхъ выше, на пр.: *ва вѡжѡницѡ, ва волауѡ, ва сѡдѡшии, ва видѡшии* и въ повторяемыхъ вступленіяхъ (С. NN № 85, 89, 95, 100 и 150; 71, 84, 97, 114 и 144; 96, 98, 104, 107, 120, 133 и 145). Безъ этихъ обычныхъ, заученыхъ выраженій число случаевъ для *ѡ, ѡз-*, *ва* и *ваз-* сократилось бы значительно; но и съ ними подѡ конецъ XV-го в. случаи эти рѡдѡтъ замѣтно. Особенно примѣтно исчезаютъ *ѡ* и *ѡз-*, мѡсто конѡхъ стремятся занять *ва* и *ваз-*; но ни та, ни другая форма не могла спастись отъ изгнанія. Стоитъ только замѣтить NN № пропущенныхъ грамотъ, въ которыхъ господствуетъ одна только форма *ѡ* и *ѡз-*; число такихъ NN № увеличивается съ теченіемъ времени, а это и служитъ лучшимъ признакомъ изгнанія первыхъ двухъ формъ и усиленія послѡдней. Уже въ XIV в. пришлось пропустить нѣкоторыя грамоты, такъ какъ въ нихъ встрѣчается одна только форма *ѡ* и *ѡз-*. Въ первой половинѣ XV-го в. пропущены: С. NN № 74, 87, 93, 105, 106, 110, 113, 117, 118, 122, 124, 125, 127, 128, 129, 132, 134, 135. Съ половины XV-го в. число грамотъ съ формами *ѡ, ѡз-*, *ва, ваз-* значительно сокращается, и выгода еще болѣе склоняется на сторону народной формы. Сдѡсь пропущены: С. NN № 139—143, 151—159, 161—164, 168—173; С.-Д. М. № 2. Число пропущенныхъ во второй половинѣ болѣе, чѡмъ въ первой. Такъ быстро народность входила въ свои права и занимала мѡсто чуждой стихіи. Убѡжженіемъ для Ц.-Славянскихъ формъ остаются по прежнему только тѣ мѡста, гдѣ содержаніе сколько нибудь отзывается набожнымъ настроеніемъ духа, или богословіе и заклю-

чемъ грамотъ съ тѣми освященными временемъ и употребленіемъ выраженіями, безъ которыхъ почти ни одна грамота обойтись не можетъ. Но такія мѣста не принадлежатъ уже Исторіи: въ нихъ нѣтъ настоящаго движенія, а есть застой, опѣшеніе; они переписываются со старыхъ подлинниковъ, а можетъ быть, даже заучиваются, но не сочиняются вновь, и по тому въ исторіи живаго, движущагося языка они не могутъ имѣть много вѣду. Эти мѣста легко узнать при чтеніи грамотъ: писцы какъ бы затвердили ихъ; въ нихъ часто укрывается Ц.-Славянская стихія, какъ въ единственномъ убѣжищѣ, отъ напора народной, для которой въ Западныхъ грамотахъ данъ большой просторъ. Если въ этихъ грамотахъ, кромѣ означенныхъ мѣстъ, гдѣ либо встрѣчаемъ ѡ и ѡзъ, ѡ и ѡзъ-, то не болѣе, какъ въ видѣ исключенія и въ самомъ разрозненномъ состояніи. Общая участь обѣихъ стихій есть та, чтобы во взаимномъ воздѣйствіи до конца XV-го в. итти выѣсть, пересиливать, господствовать, но не совершенно уничтожать и исключать себя изъ языка. Ни одинъ изъ признаковъ Ц.-Славянской стихіи еще не былъ, съ исходомъ XV-го в., отрѣшенъ и истребленъ народнымъ; но торжество готовилось для народной стихіи: Ц.-Славянская къ концу XV-го в. ослабѣла значительно. Предлоги ѡ и ѡзъ- были одяю изъ самыхъ замѣчательныхъ точекъ столкновения, но и они отразили на себѣ общій законъ движенія языка, и въ нихъ народная стихія одержала верхъ надъ Ц.-Славянскою; послѣдняя укрывалась съ ними въ монастырскихъ грамотахъ и продолжала тамъ господствовать до конца XV-го в.; но во всѣхъ прочихъ грамотахъ, и преимущественно Западныхъ, относящихся къ XV-му в., народная стихія вытѣснила ее, оставивъ ей только скудные, ничего не значащіе участки. Такой перевѣсъ одной стихіи надъ другою оказался уже въ XII-мъ в., и съ той поры продолжался въ равной мѣрѣ до конца XV-го. Ясно, что здѣсь народная стихія наиболѣе сосредоточила своихъ силъ.

Намъ остается еще исчислить слова, начинающіяся въ Ц.-Славянскомъ языкѣ съ звука ѡ и измѣняющія его въ ѡ. Таковы повременныя формы этихъ словъ: ѡуноуѡ, ѡзѡкъ, -ци (А. NN^о 7, 15; С. NN^о 2, 103, 133, 136, 142, 145) и ѡлюноуѡ, -ѡ, ѡлюноуѡ, ѡлюнѡ (А. NN^о 3, 4, 5, 7; С. NN^о 35, 37, 176; Мл.); но всюду ѡзѡкъ, -е, -ѡ, -ѡ, -ѡ, ѡуноуѡ (С. NN^о 14, 37, 84, 96, 98, 176), ѡуноуѡтъѡ (А. N^о 1), даже ѡзѡкъ (С. N^о 103); ѡдокиѡ, ѡдокиѡ (Ш. N^о VII; А. N^о 6), ѡдокиѡѡ (А. N^о 2), ѡдокиѡѡ (Мл.), ѡдокиѡѡ ѡдокиѡѡ (С. N^о 178), ѡдокиѡѡ (А. N^о 20); вторѡкъ (С. N^о 93), вторѡѡ (А. N^о 20), ср. ѡвторѡѡ (А. N^о 10), ѡвторѡѡ (А. NN^о 3, 4); ѡтѡра (С. N^о 136) и ѡтѡра (С. N^о 37), ѡтѡра (С. N^о 103); находимъ даже такія формы: ѡсѡми, ѡсѡмъ (С. N^о 16), ѡсѡга (С. N^о 78), гдѣ иныче народность ограничилась только перестановкою буквъ: *сѡема, сѡем, сѡега*. Противуположность имъ мы видѣли въ формахъ ѡѡмо, ѡѡготовѡмо, ѡѡдокиѡ.

Б-а ю способна стягивать въ себѣ звукъ ю черезъ посредство ѡю въ твор. п. ед. ч. именъ сущ. ж. р. на ѡ и мѣстн. п. ед. ч. именъ сущ. ср. р. на ѡю. Вотъ нѣкоторыя замѣчательнѣйшія формы: по хѡтѡю (С. N^о 16), ѡтѡнѡю и ѡтѡнѡю (С. N^о 51), ѡмѡстѡю (С. N^о 164) и ѡмѡстѡѡ (С. NN^о 139, 163). Еще находимъ такое сокращеніе: сѡръѡхю ѡм. сѡръѡхъ ю (С. N^о 94). Въ формѣ ѡръѡю (С. N^о 12), ѡръѡѡ (С. NN^о 118, 120, 133, 136, 144, 145, 156 и др.) ѡ, смягчающееся въ ю, стягиваетъ ѡю, ѡю; ср. гѡръѡѡ, -нѡю, гѡръѡѡ, -ѡ, гѡръѡѡѡ, -ѡмъ, гѡръѡѡѡ (С. NN^о 16, 17, 18, 178; печ., Г. III, N^о 88; Р. III, стр. 168), откуда посредствующія формы: гѡръѡѡ (нѣтъ), гѡръѡѡ, гѡръѡѡ и т. д. (мн. р.) и ѡръѡѡ (род. п., С. N^о 10), въ которыхъ начальное г отбрасывается, а окончаніе -ръѡѡ чрезъ

посредство формы *ѣрагъ* (С. № 172), *ѣраѣ* (С. № 145) озвукотворяется въ ии.

Б-а *ѣ* въ нѣкоторыхъ грамотахъ удваивается, по видимому, безъ всякой причины и значенія: на *крѣстѣ гѣхъ* (С. № 98), *поуѣнѣхъ*, *вслѣхъ* (С. № 107), *исповнихъ*, *уловѣхъ*, *вздѣхъ*, *страхъ*, *всѣхъ добрыхъ и прихѣхъ*, *сѣхъ*, *вѣхъ* (С. № 114), *сѣхъ* (С. NN № 114, 133, 145), *мохъ* (С. № 127), *хѣхъ* (С. № 129), *вѣхъ* (С. № 133), *прѣхъ*, *спомнихъ* (С. № 145) и т. п. Замѣчательно, что кромѣ первой грамоты, относящейся къ Хлуму, всѣ прочія принадлежать Травуни. Не мѣшаетъ также замѣтить, что большая часть примѣровъ относится къ *ѣ*, замѣняющему Ц.-Славянскіе носовые звуки *ж* и *ажъ*; но едва ли можно искать тутъ чего либо другаго, кромѣ одного случая; нельзя объяснить это явленіе и долгою б-ы *ѣ*.

Доселѣ мы разсматривали три коренные и первоначальные звука: *а*, *и*, *у*. Въ праязыкѣ Индоевропейскихъ нарѣчій эти три звука составляютъ основаніе самогласія и являются краткими. Соединеніе одного изъ нихъ съ двумя другими произвело еще пару звуковъ долгихъ по природѣ: *а*, соединившись съ *и*, произвело *е*; *а*, соединившись съ *у*, произвело *о*. Слитіе было сдѣсь полное; оба составные звука уравнились взаимно другъ друга и слышатся, какъ одно нераздѣлимое цѣлое: голосъ, начавшись въ одно время отъ двухъ крайностей, *а* и *и*, *а* и *у*, необходимо долженъ былъ принять срединное направленіе и впасть въ звуки *е* и *о*. Дѣйствительно, эти два звука на лѣствицѣ органаго образованія занимаютъ середину: *е* между *а* и *и*; *о* между *а* и *у*. Отъ того, что въ нихъ слитіе было полное и нераздѣльное, звуки эти явились столь цѣльными, что вскорѣ сравнялись съ тремя образовательными, и отвергли условіе непремѣнной долготы. Ни одинъ изъ Индоевропейскихъ языковъ, кромѣ языка Вѣдъ и отчасти Готскаго, не обошелся безъ нихъ и считаетъ ихъ столько же необходимыми, а по тому коренными, сколько и образовательные *а*, *и*, *у*. Въ Санскритѣ они тоже существуютъ, но постоянно только въ немъ одною сохраняютъ свою долготу; въ другихъ же являются уже обоюдными, или краткими. Ихъ первичная долгота указываетъ на ихъ относительно позднѣйшее происхожденіе отъ простыхъ началъ голоса; а по тому и самая долгота мѣла краткости, ибо могла образоваться только изъ краткости. Тѣмъ не менѣе, какъ языкъ не обошелся безъ составныхъ звуковъ *е* и *о*, такъ точно онъ не обошелся и безъ долготы, ибо благозвучіе каждаго развитаго языка требуетъ извѣстнаго сочетанія краткости и долготы; по этому какъ самые звуки *е* и *о* можно въ историческомъ смыслѣ назвать ровесниками образовательныхъ *а* и *у*, такъ и долготу можно въ томъ же смыслѣ назвать ровесницею краткости. Сербскій языкъ, подобно прочимъ Славянскимъ языкамъ, считаетъ *тѣ* и другіе звуки основными гласными, а въ разсужденіи долготы и краткости не наблюдаетъ между ними исконаго, стародавнаго различія, но отмѣчаетъ ихъ по своему тою, или другою. Вообще просодическое свойство Славянскихъ звуковъ образовалось у себя дома, въ нѣдрахъ самихъ Славянскихъ языковъ подъ вліяніемъ различныхъ мѣстныхъ и временныхъ условій. Такъ какъ оно не составляетъ предмета нашихъ изслѣдованій, то мы, помимо него, обращаемся къ прочимъ свойствамъ звуковъ и прежде разсмотримъ б-у *е*, потомъ *о*.

Происхожденіе звука *е* изъ *а* и *и*, не смотря на всю цѣльность его и са-обытность, исторически равную саобытности образовательныхъ звуковъ, весьма ясно обнаруживается въ различныхъ перемѣнахъ, которыя происходятъ съ этою буквою въ Сербскомъ языкѣ. Сдѣсь, быть можетъ, болѣе, чѣмъ

главнѣйшую область употребленія, а именно, Восточную семью грамотъ, тогда какъ в держалось преимущественно въ Западной, что важно для внѣшняго различія памятниковъ по мѣсту написанія. Слѣдовательно, здѣсь нельзя отыскивать никакой внутренней причины, лежащей въ духѣ языка, а должно видѣть одну лишь внѣшнюю — правописный произволъ, затруднявшій много печатное изданіе памятниковъ. Это смѣшеніе начертаній не мало затемняетъ ученіе о смягченіи б-ы в.

Сербскій языкъ, какъ вообще всѣ Славянскіе языки, не терпя въ началѣ словъ и послѣ гласной широкаго и открытаго подъема голоса, приражаетъ гласныя небнымъ началомъ, отъ чего тѣ кажутся какъ бы сдавленными, узкими. То же дѣлаетъ онъ и съ б-ю в. Но замѣчательно, что въ началѣ словъ звукъ в является столь неопредѣленнымъ, что сравнивать его въ этомъ случаѣ съ я, или оу нѣтъ никакой возможности. Хотя и эти послѣдніе звуки не всегда смягчаются въ началѣ словъ, но если уже смягчились въ какомъ словѣ, то, большею частію, такъ и остаются въ немъ навсегда: по этому слова, начинающіяся съ нихъ, имѣютъ постоянную форму, и рѣдко когда показывается въ нихъ двойственная форма, развѣ какъ исключеніе; въ такомъ случаѣ не трудно отличить господствующую и обычную форму отъ необыкновенной и рѣдкой. Большую стойкость звуковъ я и ш, ж и ю мы можемъ приписать ихъ звуковому отличію, которое нѣсколько замѣтнѣе, чѣмъ въ буквахъ в и м. Б-а я и въ особенности ж звучатъ довольно отлично отъ ш и ю, между тѣмъ, какъ полумягкое в звучитъ очень сходно съ мягкимъ м: по этому писцы и не старались вездѣ тщательно различать этѣ буквы. Въ срединѣ словъ послѣ гласной исключеній, какъ мы видѣли, довольно и для первыхъ двухъ звуковъ, но все таки въ этомъ случаѣ в превосходитъ ихъ. Изъ 200 слишкомъ грамотъ только въ 1/4 находимъ послѣдовательно проведенное смягченіе (Ср. С. NN^о 2, 22, 25, 28, 29, 36, 39, 41, 43, 48, 49, 50, 55, 61, 66, 77, 79, 81, 98, 100, 108, 109, 112, 115, 123, 125, 126, 127, 130, 132, 134, 148, 149, 153, 162, 164, 165, 168; А. NN^о 3, 4, 5, 7, 9, 13, 15, 17, 18), но и то многія изъ относящихся сюда грамотъ одолжены своею послѣдовательностію сомнительному начертанію в, а въ нѣкоторыхъ не случилось и самого повода къ смягченію б-ы в. Даже, какъ видно, и изъ Авонскихъ грамотъ не всѣ избѣжали общаго недостатка въ правильности смягченія. Въ прочихъ грамотахъ, въ большей, или меньшей степени, отсутствуетъ смягченіе въ тѣхъ формахъ, которыя необходимо требуютъ мягкаго в какъ послѣ гласной, такъ и въ началѣ слова, — формахъ, которыхъ мягкость доказывается взаимнымъ сравненіемъ грамотъ между собою. Въ XII-мъ и первой половинѣ XIII-го в. мы, кажется, находимся при самомъ рожденіи того способа, которымъ смягчающее начало языка переходило въ письменность. Можно видѣть постепенное возникновеніе мягкихъ начертаній; можно прослѣдить ихъ усиленіе и расширеніе. Замѣчательно, что въ двухъ весьма противоположныхъ между собою грамотахъ XII-го в., ни въ той, ни въ другой, нѣтъ особаго начертанія для мягкаго в: всюду одно в, если не считать однажды моихъ (И. А.; Ш. N^о IV; въ С. N^о 1 — моихъ) и доюла (А. И.; у Ш. N^о IV и въ С. N^о 1 — доюля). Въ первой половинѣ XIII-го в., хотя и показывается м, но только въ двухъ собственно-Сербскихъ грамотахъ (Ш. N^о VII; С. N^о 2), въ первой весьма рѣдко, а во второй послѣдовательно. Но послѣ того она пропадаетъ до самого договора Дубровничанъ съ Булгарами (С. N^о 16), въ которомъ показывается по весьма понятной причинѣ, и потомъ снова исчезаетъ до грамотъ Дечанскаго. По изданію Шафарика, въ этомъ времени появляется м еще разъ въ гр-ѣ N^о XVIII. Между тѣмъ въ монастырскихъ грамотахъ Ми-

лутина и его преемниковъ оно уже господствуетъ. Равнообразно *е*, появившись украдкою въ двухъ Дубровницкихъ грамотахъ (С. NN^о 3, 12), появляется такимъ же образомъ въ Дубровницкомъ договорѣ съ Булгаріею (С. N^о 16) и въ гр-ѣ Уроша I (С. N^о 21), нѣсколько разъ въ гр-ѣ того же (С. N^о 22) и до самого начала Западной семьи, во второй половинѣ XIV-го в., существуетъ весьма неприхотливо, показываясь кое-гдѣ урывкомъ; его находимъ и на печатяхъ Милутина и Дечанскаго. Его сопровождаютъ *и* и *еѣ*, но еще неприхотливо, чѣмъ оно. Такимъ образомъ, если спросимъ, какою же буквою выражали первоначально Сербы мягкій звукъ *е*, то отвѣчать должно — *б*-ю *в*. Эту букву находимъ вмѣсто мягкаго *и* не только въ большей части грамотъ, но и въ большей части случаевъ на пространствѣ всего XIII-го столѣтія. Гр-ы С. NN^о 4—11, 13, 14, 15 имѣютъ одно только *е*, кромѣ одного *э* въ С. N^о 10. Въ этомъ отношеніи онѣ сходятся съ гр-ми XII-го в. Слѣдовательно, установленіе мягкихъ начертаній происходитъ въ виду Исторіи. Западные грамоты, болѣе отдаленныя отъ Ц.-Славянской письменности и по тому менѣе знакомыя съ *и*, предпочитали ему *е*; да и самыя Восточныя грамоты, отбросившіяся къ дѣламъ съ Западомъ, немного отстали отъ нихъ. Напротивъ, въ XIV-мъ в., при отсутствіи Западныхъ грамотъ, чаще начинается показываться *и*; оно господствуетъ въ Авонскихъ, гдѣ *е* встрѣчается очень рѣдко, а отсюда оно переходитъ и въ другія Сербскія грамоты, появляясь довольно часто въ гр-хъ Дечанскаго, Душана, Уроша V и Вукашина. Но и въ нихъ еще нерѣдко попадаетъ простое начертаніе *е* вмѣсто мягкаго. Другое начертаніе *и* иногда появляется на смѣну *и*, но весьма рѣдко (С. NN^о 44, 53, 58; С.-Д. М. N^о 1). Такой обычай употребленія продолжается въ Восточной семьѣ до самого конца XV-го ст. Въ Законникѣ одно только начертаніе—*и*, которое, по изданію Шафарика, поставляется только послѣ согласныхъ, а послѣ гласныхъ и въ началѣ словъ вездѣ со строгою послѣдовательностію стоитъ *е*. Западные грамоты, съ появленіемъ своихъ во второй половинѣ XIV-го ст., дали новый толчекъ начертанію *е*, и въ XV-мъ довели его до крайности, употребляя всюду, гдѣ только имъ этого хотѣлось, порою вмѣсто твердаго *и*. Къ нимъ присоединить должно и одну Черногорскую гр-у (Мл.), тогда какъ въ другой (С. N^о 60) употребляется *и*. Средину между собственно-Сербскими и Западными грамотами составляютъ гр-ы Зетскія конца XIV-го в., въ конхъ встрѣчаемъ *и*, *и*, *е*, или, вмѣсто нихъ, простое *е*, но такъ, что однѣ употребляютъ одно начертаніе, другія другое. Онѣ не любятъ начертанія *и* и предпочитаютъ ему *е* и *и*. Судя по большинству случаевъ, можно съ достовѣрностію заключить, что отличительнымъ начертаніемъ XII-го и XIII-го вв. есть *е*, XIV-го — *и*, XV-го — *е*. Но при этомъ рождается вопросъ: происходитъ ли это различіе дѣйствительно отъ времени, или отъ преобладанія той, либо другой семьи грамотъ? Послѣднюю причину должно признать вѣроятнѣйшею; ибо, какъ мы замѣтили, *и* господствуетъ въ Восточной семьѣ, *е* въ Западной; но съ другой стороны, припоминая себѣ государственную жизнь Сербскихъ областей, мы убѣждаемся, что и время также условливало преобладаніе той, или другой семьи грамотъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и преобладаніе того, или другаго начертанія. Смягченіе попомію полного *и*—*иѣ*, *иѣ*, не употребляется, кромѣ немногихъ отрывочныхъ случаевъ, на пр., *иѣдио*, -*иѣ*, -*иѣ* (С. NN^о 3, 115, 141), *иѣсть* (С. N^о 8), *иѣлиномъ* (Г. А), *иѣномъ*, *иѣномъ* (С. N^о 124), *иѣи* (Г. Б), *иѣдичинъ* (С. N^о 142), *иѣкватемъ*, *иѣкъмълемъ*, *иѣкъмълемъ* (Г. В). Начертанію *иѣ*, *иѣ* дано иное служеніе—замѣна *б*-ы *ѣ*; но съ нимъ не должно смѣшивать простое соединеніе гласныхъ въ окончаніи именъ существительныхъ ср. р.

Тамъ, гдѣ писецъ не хотѣлъ смягчать б-ы е, въ этомъ случаѣ не есть то же, что им. Черезъ разныя начертанія мягкаго е мы для каждаго слова, начинающагося съ этого звука, получаемъ нѣсколько формъ: такъ исть (3-е л. ед. ч.) является то просто въ видѣ е, то въ видѣ и, ѣ, то какъ е, еѣ, и наконецъ какъ иѣ; едишь, идишь, едишь и идишь; ере, ире, ере, еѣре и ире и пр. Можетъ быть, не найдется ни одного слова, начинающагося со звука е, которое бы не существовало въ двойственной формѣ, то съ простымъ е, то съ мягкими и, е, ѣ. Сбивчивость въ начертаніяхъ и частое употребленіе простаго е вмѣсто смягченнаго можно объяснять природою этого звука. Происходя изъ слитія твердаго и мягкаго звуковъ, е не могло имѣть въ себѣ такой твердости, какую имѣло, на пр., д, или о; оно было полумягкимъ; по этому писцы не могли хорошо различить полумягкое е отъ мягкаго и и, смѣшивая оба звука, смѣшивали и ихъ начертанія. Сюда присоединилась, быть можетъ, другая причина—измѣненіе смягчающей силы въ самомъ языкѣ. Мы замѣтили, что собственно—Сербскія грамоты менѣе смягчаютъ я и оу въ началѣ словъ и послѣ гласной, чѣмъ Западныя; то же замѣчаемъ и относительно б-ы е. Если въ XII-мъ и первой половинѣ XIII-го в. грамоты всѣхъ семействъ, даже Аеоискія Немани, не смягчаютъ, по большей части, звука е, то можемъ заключить, что въ древнѣйшія времена Сербскій языкъ менѣе склоненъ былъ къ смягченію, и что въ послѣдствіи смягчающая сила развилась въ немъ въ большей степени и преимущественно въ тѣхъ памятникахъ, въ которыхъ народность высказывалась яснѣйшимъ образомъ. Уже въ Булгарскихъ кодексахъ, современныхъ началу народной Сербской письменности, часто весьма значительно ощущается отсутствіе смягченія; а извѣстно, что древнѣйшій книжный языкъ Сербовъ былъ общіе для всѣхъ Сербскихъ областей и ближе къ Ц.-Славянскому. Слѣдовательно, ранній недостатокъ смягченія и позднѣйшій избытокъ его въ древнемъ Сербскомъ книжномъ языкѣ должны быть отнесены къ двумъ одновременно и согласно дѣйствовавшимъ причинамъ: во первыхъ, большей, или меньшей близости этого языка къ Ц.-Славянской стихіи и происходившему отъ того сжатію, или расширенію народнаго смягчающаго начала, во вторыхъ, прародѣ полумягкаго звука е, который въ началѣ, не будучи еще хорошо сознаны писцами, выражался одинаково, какъ въ полумягкой своей формѣ, такъ и въ совершенно мягкой, и только уже въ послѣдствіи, при содѣйствіи народности, получилъ болѣе определенное и разумное значеніе, начавши примѣтно отличаться отъ мягкаго и. Что большому отличію его отъ мягкихъ иѣ, е, ѣ помогла народность, то это видно изъ того, что съ теченіемъ времени въ XV-мъ в., при большемъ развитіи народнаго начала, твердое или собственно полутвердое е, замѣняющее мягкое и, начинаетъ рѣдѣть и, не смотря на то, что все таки попадаетъ въ большей части грамотъ, случаи эти несравненно малочисленнѣе предыдущихъ. Смягчающая сила народности помогла различенію обихъ звуковъ и, давши перевѣсъ мягкому, ввела вмѣстѣ съ тѣмъ въ огромные размѣры употребленіе мягкаго е его начертанія, и при томъ такъ, что это начертаніе вскорѣ дошло до крайности въ слѣдствіе излишней любви древнихъ Сербовъ къ смягченію. Но повторю, крайность эта нѣсколько умѣряется тѣмъ предположеніемъ, что мы иногда не можемъ хорошо разобрать почерка грамотъ и видимъ е тамъ, гдѣ ни писецъ, ни самый духъ языка не думали вовсе ставить мягкаго звука въ замѣнъ твердаго. Впрочемъ, одной народности нельзя приписывать распознаваніе мягкаго начертанія отъ твердаго. Правда, Ц.-Славянскій языкъ дѣйствовалъ со стороны твердаго е, а народный со стороны мягкаго е, тѣмъ не менѣе правильное и послѣдовательное упо-

требленіе *ѣ* и *и* въ нѣкоторыхъ Аеоискихъ грамотахъ показываетъ, что начертанность писцовъ въ Ц.-Славянскоіи письменности въ ея обширномъ объемѣ открывала имъ иногда вѣрный смыслъ обоихъ начертаній и наводила на путь правильного употребленія. Вообще XIV вѣкъ отличается бѣльшимъ равновѣсіемъ обоихъ начертаній. Съ другой стороны, какъ самая неясность начертанія *ѣ*, заставлявшая принимать его вмѣсто *ѣ*, такъ и свойство Западнаго подрѣчія, произносимаго и писавшаго *ѣ*, какъ мягкое и вытянутое *ѣ*, слѣдовательно, какъ *ѣ*, *и*, *ѣѣ*, *и*, *иѣ*, даже *и*, умножили употребленіе мягкаго начертанія въ Западной семьѣ XV-го вѣка. Вотъ по чему такое разнообразіе въ видахъ употребленія звука *ѣ* встрѣчаемъ въ нашихъ памятникахъ. Но оно не лишено, какъ мы видимъ, поврежденныхъ степеней, составляющихъ наружное отличіе памятниковъ извѣстнаго возраста Древнесербской письменности.

Звукъ *ѣ* возникаетъ чрезъ усиленіе изъ *ѣ* въ мѣстоименныхъ формахъ отъ *съ* и *тъ*, въ формахъ *миа* (дат. ед.) и въ нарѣчійхъ отъ *късь* и *сь* и пр. Не привожу другихъ примѣровъ усиленія, ибо въ нихъ Сербское словообразованіе не представляетъ ничего отличительнаго.

Б-а *ѣ* замѣняетъ б-у а въ слѣдующихъ словахъ: *иизде*, *изде*, *дотоле*, *домоле* и пр. (см. в.), *трекоуминскихъ* (С. № 2), *злемъ* (т. е., *злемъ*, *злемь*), *бръмь* (А. № 6), ср. *бръмь*, т. е., *бръмь* (С. № 65), *ииде* (т. е., *ииде*, Г. А.; С. NN № 87, 121), *лмъизидръ* (С. № 61), *иерьмили* (С. № 18), *иѣсмалека* (А. № 19), *повелмь* (вин. мн. ср. р., С. № 95), *иизомь* (С. NN № 92, 97); въ послѣднихъ двухъ примѣрахъ *ѣ* замѣняетъ *ѣ*, а это стоитъ уже вм. *и*; *жигъиизде*, -*иьте* (род. ед., С. NN № 97, 100), *ииде* (С. № 109), ср. *иидъ* и *ииди*; *згорѣ*, -*ѣ*, *иизгорѣ* (С. NN № 107, 110, 124, 125, 145), ср. *згорѣ*, -*л* (мн. р.), *дмъи* (С. № 158); въ союзѣ *де* (*да*, такъ какъ, С. NN № 8, 14). Въ словахъ: *ишларъ* (С. № 103), *ишларъ* (С. № 106) она замѣняетъ Латинское *ja*. Замѣтимъ еще форму *ишугити* (С. № 100), которая попадаетъ только однажды, между *тъмъ*, какъ *ишугити*, -*ью*, -*ю*, *ишугитити*, *ишугити*, -*ом* и т. д. встрѣчаются очень часто согласно съ вышшею *печат*. Такъ и въ Ц.-Славянскомъ языкѣ; но въ Польскомъ это слово имѣетъ носовое произношеніе, чѣмъ и объясняется вышеприведенная Сербская форма съ *ѣ*.

Б-а *ѣ* замѣняетъ *и* въ словахъ: *призвѣтти* (С. № 3), *ѣиитиомъ*, *иидниѣ*, *ѣиидниѣиѣ*, *ѣиитиѣ*, *иидниѣѣ*, *ѣи* (С. NN № 16, 21, 49, 50; А. NN № 9, 14), *ишмь* (тв. ед. муж., А. № 10), *хеламьдаро*, *ѣриѣ* (мн. ед.) (А. № 14), *ишми* (С. № 9), *пришмти* (А. № 17), *ириѣмъ*, *ириѣмъ* (А. № 20), *иѣиимити* (неок. н., С. № 176), *ишугитиѣ* (С. № 59), *дорѣѣи* и *дорѣѣиѣ* (С. № 66), *иѣ* (т. е., *иѣ*, С. № 73), *ишмѣиѣтѣ*, *ишугити* (С. № 77), *ишѣдрѣжѣтѣ* (С. № 89), *ишѣдрѣжѣ* (род. мн., А. № 17), *ишѣ* (С. NN № 93, 116, 117, 140, 152, 154, 162), *да* *ишѣжѣ* (пов. дв., С. № 143), *ириѣл*, *ириѣл* (Ирина, С. NN № 130, 146, 147). Сверхъ того б-ы *ѣ* и *и* смѣняются въ различныхъ формахъ, являющихся при движеніи словъ; но объ этомъ послѣ. Сдѣсь замѣчу только, что во многихъ случаяхъ не должно забывать, что *ѣ* стоитъ вмѣсто *ѣ*, и что, стало быть, въ смѣнѣ съ *и* главную роль играетъ не *ѣ*, но *ѣ*. Еще объ одномъ случаѣ смѣны надлежитъ замѣтить: это въ окончаніи собственныхъ именъ на *иѣ*, *омъ*, которыя въ Ц.-Славянскомъ произносятся, какъ *иѣ*, *омъ*. Изъ сравненія вѣхъ двухъ формъ съ подобными въ древнѣйшихъ Индоевропейскихъ языкахъ открывается, что въ старину конечный звукъ *и* произносился сдѣсь полно, а не сокращался въ половинный; отъ того и возможна была смѣна его съ б-ю *и*. Именъ съ тако-

выиъ окончаніемъ встрѣчаемъ не мало: радосъ-е (А. И.; С. NN№ 14, 84, 118, 133, 145, 150, 179), дисосъ (С. NN№ 5), калдомъ (С. NN№ 36, 176), призомъ, е (А. NN№ 5; С. NN№ 66, 176), алѣхѣ, алѣкѣ, корѣнѣ, плѣсѣ, макарѣ (А. NN№ 11), сладосъ-е (С. NN№ 57, 120, 144), кратосъ, градосъ (С. NN№ 78), прѣкосъ (С. NN№ 84), макарѣ, едѣосѣ (А. NN№ 19), пасномъ-е (С. NN№ 97, 100, 137, 138), рѣстосъ (С. NN№ 136, 140; З. А.) и пр. и пр. Другаго произношенія для подобнаго окончанія мы и не находимъ. Нынѣшній языкъ произноситъ точно такъ же.

Б-а в замѣняетъ о: помоужде, погожде (А. NN№ 1), хотя сдѣсь жде постановлено съ большею послѣдовательностію, чѣмъ ждо; поуждию (А. NN№ 16), извѣстѣмъ, омъ (С. NN№ 62), поуждѣтисѣ (А. NN№ 10), поужди, суждѣосѣ (А. NN№ 19); чрезъ смягченіе въ формахъ: лише (С. NN№ 13, 25; А. NN№ 4, 6), ср. лихо (С. NN№ 146, 147; Мл.), шре, шре, шре, шре, шре (С. NN№ 5, 22, 39, 66, 89, 176; Г. А; Мл.; А. NN№ 4, 5, 12, 19), ср. шра, -е, -е, шра, -е (мн. р.). Посредствующая между ними форма есть поше (С. NN№ 101); ѡсѣшше (А. NN№ 6), машашицоу, шрѣданъ (С. NN№ 176), шѣхъ (А. NN№ 5) и пр.

Въ формахъ гвѣдѣшии (С. NN№ 73), гвѣдѣи (С. NN№ 77) б-а в замѣняла ш.

Важнѣйшее служеніе б-ы в состоитъ въ замѣнѣ носоваго д, ш во всѣхъ родахъ его служенія. Крошѣ двухъ словъ шдрѣ и шмазь (см. в.), мы во всѣхъ нашихъ памятникахъ находимъ всюду е, ш, вмѣсто д, ш. Замѣна эта возникла ранѣе письменности, и по тому, съ водвореніемъ въ Сербіи книжнаго языка, звукъ е уже постоянно, безъ колебанія, занималъ мѣсто носоваго д. Въ древнѣйшую пору, отъ которой дошли до насъ только иностранные источники, мы встрѣчаемъ у Багрянороднаго *Tζέντινα, Tζέντιζηνα*, но у него же *Tζεέσδλαβος*; у Анны Комнинной *Σρεντζάνιον* и въ Латинскихъ грамотахъ *Zenta*, которое у Багрянороднаго звучитъ уже *Zetλήβη, Vekenego, Cetina, Svetoslavus*¹. Въ нашихъ древнѣйшихъ памятникахъ: шше, присезаю, ходе (ходить), шше, де-сѣтъ, шшеца (А. И.), постанѣ шви шре дроугне шше, шшкѣ, хоте (хотѣи), ше, ш земли, шшехъ, шше и прѣславѣиши калѣшце шше шше, шше шго шшешше, шше, шше, шше (приходить), е (ш, вин. мн. муж.) и пр. (А. NN№ 1). Сдѣсь, разумѣется, ш стоитъ на сторонѣ ш. Такова должна быть положительная и правильная замѣна звуковъ; но такъ какъ мы уже видѣли, что часто е замѣняетъ собою ш, то по этому и отношенію обѣихъ звуковъ къ обѣимъ носовымъ измѣняется. Впрочемъ, сдѣсь нѣтъ ничего страннаго и непонятнаго. Причина этому явленію заключается не въ тожествѣ звуковъ д и ш, ни въ отношеніи ихъ къ е и ш, но она возникаетъ уже въ области самого звука е: такъ, на пр., всюду пишется шше, но изъ этой формы, по смягчающему свойству Сербскаго языка, является шше (А. NN№ 6), шше и шше и т. д. Любопытно видѣть, какъ носовой звукъ сохранился въ именахъ мѣсяцевъ. На ряду съ формами безъ носоваго произношенія показываются мѣстами формы съ остаткомъ этого произношенія, выраженномъ въ б-ѣ ш; такъ находимъ: шше (С. NN№ 40, 116), шше (С. NN№ 61), шше (С. NN№ 67), шше (С. NN№ 110, 151), шше (С. NN№ 97) и шше, шше (С. NN№ 68, 92, 105), шше, шше (С. NN№ 90, 91), шше (С. NN№ 107), шше (С. NN№ 111), шше (С. NN№ 140), шше (А. NN№ 15), шше (С. NN№ 121), шше, шше (С. NN№ 150, 153, 154), шше (С. NN№ 117), шше (С. NN№ 133), шше, шше (С. NN№ 158); одинъ носовой звукъ смѣшанъ съ другимъ въ словѣ шше (С. NN№ 175).

¹ Шд-Фар., Serbische Lesekörner, стр. 31.

Отъ этого важнѣйшаго служенія б-ы е переходимъ къ другому, не менѣе важному, — замѣнѣ ею б-ы ж. Стоитъ только взглянуть въ древнѣе памятники, чтобы увидѣть, что здѣсь господствуетъ совершенное смѣшеніе: поминутно е, или и являются вмѣсто ж, и на оборотъ, ж вмѣсто е, и. Объясненіе причинъ этого явленія мы отложимъ, какъ и при б-ѣ и, до изслѣдованія о б-ѣ ж: здѣсь предложимъ обзоръ однихъ только явленій. Если при б-ѣ и мы только въ одной семьѣ и только въ извѣстную пору нашли господствующую замѣну б-ы ж б-ю и, то и въ смѣнѣ б-ѣ е и ж, должны обратить вниманіе на различіе мѣстности и времени написанія грамотъ. Въ этомъ отношеніи е, кажется, идетъ въ противномъ направленіи съ б-ю и: тогда какъ послѣдняя вступаетъ въ послѣдовательное и полное служеніе для замѣны б-ы ж только уже со второй половины XIV-го ст. и въ Западной семьѣ грамотъ, б-а е, напротивъ того, показывается наиболѣе замѣняющею ж въ самомъ началѣ появленія грамотъ и продолжаетъ свое служеніе, постепенно слабѣющее, до второй половины XIV-го в., а съ этого времени, по причинѣ появленія во множествѣ Западныхъ грамотъ, теряетъ совершенно свою послѣдовательность и обнаруживается въ позднѣйшихъ памятникахъ столь же слабо, какъ слабо обнаруживалось и въ древнѣйшихъ. Такимъ образомъ время господствованія е есть XIII-й вѣкъ; время господствованія и есть XV-й вѣкъ; первое принадлежитъ преимущественно Восточной семьѣ, второе Западной. Но отъ простаго е должно отличать мягкое и. И нынѣ б-а ж розно звучитъ въ Сербскихъ подрѣчиахъ: въ Герцеговинскомъ, какъ е, въ Ресавскомъ, какъ е. Въ послѣднемъ е короткое и чистое; въ первомъ е долгое и не только смягченное, но даже вытянутое въ *ие*. По этому, что сказано о б-ѣ е, того нельзя сказать объ и, е, и, ие. Замѣна б-ы ж этими послѣдними начертаніями преобладаетъ въ XV-мъ в. въ Западной семьѣ. И если возьмемъ полный звукъ е во всѣхъ его измѣненіяхъ, какъ твердый и мягкій, чистый и прираженный, то должны сказать, что замѣна б-ы ж б-ю е присуща всѣмъ вѣкамъ и свойственна всѣмъ семьямъ грамотъ. Сдѣлаю здѣсь оговорку: въ примѣрахъ, которые буду приводить, можетъ быть, многимъ покажется ненужною замѣна б-ы ж б-ю е. Въ самомъ дѣлѣ, употребленіе б-ы ж нельзя строго провести по всѣмъ Славянскимъ нарѣчіямъ; въ одномъ и томъ же нарѣчій она является въ своемъ видѣ, или съ извѣстнымъ перезвукомъ, то въ видѣ мягкаго, индѣ даже твердаго е. Приводя примѣры для древнекнижнаго Сербскаго языка, я имѣю въ виду тѣ же самыя слова въ нынѣшнемъ Сербскомъ же языкѣ и отчасти Д.-Булгарскомъ. Такъ въ гр-ѣ Кулина уже встрѣчаемъ двойную форму доколѣ и доколѣ, но во всѣхъ прочихъ случаяхъ ж строго выдержано. Замѣчательно, что и въ гр-ѣ Немани того же вѣка различіе между е и ж всюду сохранено. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что въ тѣхъ грамотахъ, въ коихъ обнаруживается пристрастіе къ б-ѣ ж, выражающееся въ замѣнѣ ею б-ы и, какъ и въ упомянутой гр-ѣ, смѣна ея съ б-ю е происходитъ гораздо рѣже, и употребленіе ея соблюдается правильнѣе. Въ XIII-мъ в.: *обемати, ли, иквалюсе* (С. NN^о 2, 7, 9, 21), *теки, -е* (С. NN^о 8, 12, 14, 16), *обетинали, обетаниа, обетованиж* (С. NN^о 8, 17, 21), *сикта, -омъ* (со-вѣтъ, С. NN^о 8, 12), *вершии, -о, напредъ* (С. NN^о 8; Ш. NN^о XVI, XVIII), *влопокаль*, даже *вѣролатно* и союзъ *де* *ви. дѣ* (С. N^о 8), *хтешиимъ* (С. N^о 12), *зде, деломъ, ошнниа* (дат. ед.), *престѣ, деть* (С. N^о 14), *декию, -ою, вероць* (С. NN^о 14, 16), *всина* (С. N^о 14; Ш. N^о XVIII), *придѣли, предѣлехъ, теллахъ, -ехъ, доколе, ишти* (Ш. NN^о XVI, XVIII), *годе гискъ, -бѣ* (С. NN^о 16, 17), *дѣлѣхъ иделѣ, време, потрѣхъ, ил вѣро-*

дѣ, на мостѣ, въ градо, на сѣора, место, въ ѡмѣхъ законѣхъ, вѣлома, на сѣте, хѣтеню, немомоу и пр. (С. № 16; Ш. № XVI), повелени, ѡверте, некретани (С. № 17), гдѣ (С. NN № 17, 21), вѣсти, вѣдени, немомоу (С. № 20; Ш. XVIII), трѣ-ва, дополе, прѣга, прѣдѣ (С. № 21), привѣсти (С. NN № 21, 26), грѣхота (С. № 25). Въ XIV-мъ вѣкѣ: немощна (А. № 2), ѡдеги, ѡдѣжю (А. № 6; Мк.), вѣцлѣ, вѣцлѣй (А. NN № 3, 5), ѡвѣрени, ѡ- ѡвѣрени, -и, ѡвѣрѣсе, ѡвѣрѣлися, -вѣсе, -ивѣсамъ (А. NN № 4, 5; С. NN № 53, 55, 64, 69, 176), ѡ- коудѣ, издѣ (А. № 4; С. NN № 67, 73; 3.), вѣдомо, -дѣти, сѣвнии, -и (С. NN № 33, 43, 70, 73; А. № 14), гнѣнь, да не, з градо (С. № 33), призрѣнь, -и, -искога (С. № 33; А. № 8; Г. А), порѣво (С. № 52; А. № 10), гдѣ, гдѣ, гдѣ (С. NN № 36, 43; А. NN № 5, 8, 12; Ш. № 14; 3.), ѡвѣдѣти, ѡвѣдѣти (С. NN № 36, 73), сѣвѣннѣмъ, ѡ хѣвокедѣхъ, вѣсми, пѣже, злѣцѣл, сѣвѣннѣмъ (С. № 176), зѣ, зѣ, зѣ (С. № 176; А. NN № 5, 7, 14), вѣли, -я (А. NN № 8, 11), прѣ- идѣте (А. № 8; С. NN № 53, 62), вѣлѣть, медѣть, вѣгомы, зинѣдѣ, тѣмѣ (А. № 8), по (по н), вѣли (С. № 40), ѡволе, ѡвѣли (С. № 40; А. № 11), вѣдѣти, -дѣвь (С. NN № 41, 47, 70), тѣмъ (С. № 41), медѣни, ѡвѣ (А. № 5), вѣмѣ, -аю (А. NN № 5, 14), въ хрисѣвоуле, слѣз (дат. ед.), ѡтѣли (А. № 11), делѣни, соделѣнѣ, делѣнь, дѣмѣ (А. NN № 11, 13, 14; С. № 50), изволеню, привѣнѣни (С. № 35), напѣ (С. № 43), вѣсми, вѣсми (дат. мн., А. № 12; Г. А; С. № 73), допле, -е (А. NN № 12, 15; С. NN № 55, 58, 69, 73; 3.), просѣвѣннѣмъ, доплѣже, пѣлѣшамъ (А. № 12), лѣта, ѡвѣ-токѣнѣмъ, вѣсми, вѣрѣнѣмъ, дѣцѣмъ, хотѣнѣ, повѣлѣнѣмъ (С.-Д. М. № 1; въ С. № 46 всюду ж), вѣсхотѣ, нѣмѣ (С. № 47), вѣдѣ-, добродѣтелѣ, въ Иѣросолимѣ, зѣ-поустѣти, при логофтѣ (Г. А), молѣнѣ (С. № 63), жѣбѣ, извѣстѣнѣ (С. № 62), повѣлѣнѣмъ, -вѣмѣ (С. NN № 62, 73), хотѣнѣ, улѣкѣнѣ (С. № 70), годѣ (С. № 72; 3.), тѣдѣти, да припокаемъ, прѣ- (С. № 73), ѡвѣтѣли (А. № 17), младѣна, мѣ-ча (А. № 15), мнози злобѣ, нѣдѣли, по низѣмъ, ѡ издѣкѣ, ѡвѣмѣти (дат. мн.), тѣмѣдѣ, тоудѣ (3.), вѣрѣи, вѣрѣи, вѣгокѣрѣи, -и (печ., А. NN № 5, 9, т. XI; Р. III, стр. 1) и пр. и пр. Изъ этого обзора явленій мы легко можемъ замѣтить, что ж, замѣняющее ж, господствуетъ въ XIII-мъ в., не смотря на стеченіе грамотъ различныхъ семействъ и на то, что Западныя грамоты, по мѣсту написанія своего, принадлежать къ подрѣчию, которое ж произносить не какъ е, а какъ е, ме. Этимъ доказывается еще разъ то, что замѣтили мы прежде объ общности книжнаго языка въ древнѣйшей Сербской письменности. И слѣсь, какъ въ полугласныхъ, признакъ Восточной семьи господствуетъ и въ Западной: явно, что книжный языкъ, употреблявшій Кириллицу, возникъ первоначально въ восточной Сербіи, въ нѣдрахъ православія, и потомъ перешелъ въ западную. Такъ и должно быть: это естественный путь и вѣроподобнѣйшая догадка. Потому ж продолжается нѣсколько слабѣе въ XIV-мъ в.; собственно-Сербскія и Зетскія грамоты поддерживаютъ его существованіе. Посмотримъ теперь его дальнѣйшую судьбу въ XV-мъ в. въ собственно-Сербскихъ и Черногорскихъ грамотахъ: манѣ (С. № 90), ѡвѣдѣти, по градокѣ (С. № 91), оу, по трѣгокѣ (С. NN № 91, 111, 137), коудѣ, издѣ (С. NN № 91, 111, 137; А. № 19), гдѣ, гдѣ, гдѣ (С. NN № 91, 111, 137, 138; Мл.), нѣдѣ, нѣдѣ, ѡвѣ, нѣмѣ (С. NN № 91, 111, 137; А. № 18), тоудѣ, тоудѣи, тѣдѣ (С. NN № 91, 111, 137; Мл.), по дѣлѣ, зѣвѣла (А. № 19), лѣрѣи, вѣсми, тоудѣ (дат. ед.), вѣрѣамѣ, ѡвѣсѣнь (А. № 17), зѣдѣ, зѣдѣ (С. № 175; С.-Д. М. 1844), догдѣ, повѣмѣ, вѣси (2-е л. ед.), вѣсѣдѣ, дѣво (С. № 111), хотѣль (С. NN № 111, 137), ѡвѣдѣ, ѡвѣдѣ (С. NN № 111, 137; Мл.), годѣ,

гѣдо (С. NN[№] 111, 137; А. № 17; Г. Б; Мл.), нигде, нидѣ (С. NN[№] 111, 137), въ мнѣшнѣ (С.-Д. М. 1844), нипредѣ (С. № 137), прѣ (С. NN[№] 137, 146), докас (С. № 137, Г. Б), двастѣ. сѣло, изъ приде, рѣзе, дѣо, нѣ (не м) (С. № 146; ср. С. № 147), послѣнѣ (С. NN[№] 146, 147), всроклѣте, ни, заповѣди (С. NN[№] 146, 148), видѣннѣ. в писмѣ (С. № 148), вѣрвѣте (С. № 149), в тѣ, видѣннѣ (С. NN[№] 165, 166), вѣмѣ, вѣсемь, рѣзсуги. въ іѣрѣ, запоустѣ (Г. Б), въ стѣи го-рѣ, сѣбѣжѣ, нѣдѣжѣ (С. № 178), на мѣстѣ, сѣрѣннѣннѣннѣ, хотѣшѣмь, изъ уѣдѣхъ, вѣ-лѣжѣхъ, оу рѣцѣ (Мл.), прихрѣнѣ, вѣсемь, уѣстѣннѣшѣннѣ, по силѣ, въ клѣннѣи коньчѣ-нѣ, дѣдѣ, обѣщѣемьсѣ, мѣсѣдѣ (Г. V), въ скѣтѣ, ймѣннѣ, тѣсѣ, прѣвѣсуги, изъ тѣнѣ-жѣ, бѣгокѣрѣннѣ, изъ прѣстоле, дѣжѣ цѣтѣ, вѣсѣстѣннѣ й прѣнѣнѣротѣннѣ (А. № 20). Та-кимъ образомъ мы находимся въ самой той средѣ, въ которой наиболѣе дѣй-ствуетъ замяѣна б-нъ и б-ю ѣ. Но ни одна изъ означенныхъ грамотъ не лишѣ-на вовсе б-нъ ж: всѣ онѣ употребляютъ ее наравнѣ съ ѣ. Отъ того формы, приведенныя нами въ примѣрахъ, являются и съ б-ю ж; ихъ двойники находят-ся не только въ другихъ односемейныхъ и одновременныхъ съ ними грамо-тахъ, но даже встрѣчаются иногда въ тѣхъ же самыхъ грамотахъ, откуда и онѣ взяты. Укажу на нѣкоторыя двойственныя формы: такъ на пр., помимо словъ съ ѣ, находимъ тѣ же слова и такъ же съ ж: тѣтѣ (С. NN[№] 1, 3), довола (С. NN[№] 1, 8, 17, 20). вѣрно, дѣтѣ (С. № 2), хѣдѣ (С. NN[№] 3, 15), хѣннѣннѣ (С. № 7), ѣвѣтѣ (С. NN[№] 9, 16), дѣннѣ (С. № 12), гѣвѣннѣ (С. № 14), поволаѣннѣ, ѣвѣннѣннѣ, гѣдѣ. ѣвѣрѣтѣ (С. № 17), прѣдѣннѣ, вѣрѣннѣ (С. № 16), ѣтѣннѣ (С. № 19), нѣтѣннѣ (С. № 20), доволаѣ, прѣдѣ (С. № 21), гѣтѣжѣ, мѣдѣннѣннѣннѣ (А. № 2), ѣдѣннѣннѣ, прѣвѣннѣннѣннѣ (А. № 4), мѣдѣннѣ (С. № 36), прѣннѣннѣннѣннѣннѣ, вѣрѣннѣ (С. № 176; А. № 11), прѣннѣ (С. № 39), прѣннѣннѣ, -н, -ѣ (А. № 7; С. NN[№] 35, 50), сѣдѣннѣннѣ (С. № 42), ѣтѣннѣ, ѣдѣннѣннѣннѣ, ѣвѣтѣннѣ (н. р.) (А. № 11), ѣннѣннѣннѣ (А. № 10), нѣрѣннѣ (С. № 35), дѣннѣ (А. № 12), нѣвѣннѣннѣннѣ (А. № 12; С. № 50), мѣдѣтѣ (А. № 13; С. № 50), вѣннѣннѣ, подѣннѣннѣннѣ, ѣвѣннѣннѣннѣ (А. № 14), хѣннѣннѣ (Ш. № 15). нѣдѣ (А. № 19), хѣннѣ (А. № 17), ѣвѣннѣннѣ, нѣннѣннѣннѣннѣ, хѣннѣннѣ, хѣннѣ (А. № 16), довола (С. № 111), коуѣдѣ, годѣ (С. № 137), нѣпрѣдѣ (С. NN[№] 137, 138), вѣрѣннѣннѣ (С. № 146), вѣло (С. N. 147), дѣло (С. NN[№] 34, 70, 71, 91, 176) и пр. и пр. Довольно этихъ примѣровъ, чтобы удостовѣриться въ томъ, что иногда даже одиѣ и тѣ же грамоты передаютъ одно и то же слово въ двухъ видахъ, то съ ѣ, то съ ж. Не говорю уже о томъ, что на всякое слово съ ѣ можно привести изъ другихъ односемейныхъ грамотъ по два и по три слова съ ж. Оставимъ пока Восточныя грамоты и перейдемъ къ Западнымъ. Мы замѣтили, что въ XIII-нѣ в. и эти грамоты не слабѣе Восточныхъ поддерживаютъ замяѣну б-нъ ѣ и ж. Исчезнувъ на время, онѣ появляются снова въ концѣ XIV-го в. и наполняютъ собою весь XV-й вѣкъ. Если взглянемъ на одиѣ только Восточныя грамоты, то увидимъ, что смѣна б-нъ ж б-ю ѣ не ослабѣваетъ въ нихъ съ теченіемъ времени; но если взглянемъ на обѣ семьи вдругъ и примемъ въ расчетъ объемъ и количество ихъ, то замѣтимъ, что эта смѣна является уже нѣсколько въ иномъ видѣ. Въ Западныхъ грамотахъ уже преобладаетъ употребленіе мягкаго ѣ вмѣсто ж, и во-обще эти грамоты какъ-то не любятъ упомянутой смѣны, ибо количество примѣ-ровъ не отвѣчаетъ ихъ числу и объему; онѣ то претворяютъ ж въ и, то изобра-жаютъ его чрезъ иѣ, т. е., протянутое мягкое и, какъ бы иѣннѣ, и тѣмъ избѣгаютъ излишнихъ случаевъ смѣненія, которые могли бы возродиться при начертаніи ж. Впрочемъ, изъ нихъ Турецкія грамоты весьма любятъ замѣнять ж б-ю ѣ, въ чемъ

онѣ ближе подходить къ Восточнымъ, нежели къ Западнымъ. Въ Турецкихъ находимъ, по примѣру Восточныхъ, весьма часто в мн. 2: **заповѣди**, **повѣдени**, **гнень** (С. № 113), **овѣдет** страны, **лѣто** и **лѣто**, **показаннень**, **гоисаго**, **сведоуаства** (С. № 164), **вѣдети**, **уекиз**, **керинишъ**, **гѣде**, **заповѣтъ**, **заповѣдл**, **дѣв**, **гнень**, **на тѣ**, **иуде**, **лѣто**, **мѣсѣца** (С. № 168), **вѣдомомъ**, **гоисомъ**, **свѣсть** (С. № 173), **вѣдети**, **уаѣкгуаскине**, **всѣ**, **наследникъ**, **неверанъ**, **на прѣкладѣн** (С. № 37), **потолѣ**, **вѣдети**, **кернога**, **прѣкзизъ**, **-зѣте** (С.-Д. М. № 2). Въ прочихъ Западныхъ читаемъ: **о** **зѣтѣхъ**, **въ лѣтѣхъ** (С. № 66), **донола**, **-е**, **домаѣ** (С. NN № 66, 68, 83, 98, 101, 115), **ѡбѣрласъ**, **-ини**, **ѡбѣтѣнмо**, **-нмо**, **ѡбѣщавашьсѣ**, **-ѣлемо**, **ѡбѣннино**, **ѡбѣтолѣно**, **-ини**, **ѡвѣтѣнмомѣ** (С. NN № 66, 78, 82, 108, 112, 115, 121, 126, 133), **прѣ-** (С. № 68), **ѡслѣде**, **пѣлѣтнѣта** (С. № 77), **поспѣшнѣнѣ** (С. № 82), **последни**, **последни**, **-ию**, **-ѣни** (С. NN № 89, 127, 128, 133, 163; Ш. № 16), **зѣкерѣнмо**, **кѣ-** **км-** **кѣрокѣномъ**, **-ниъ**, **-нѣ**, **-и**, **-о**, **-нѣ**, **-ти**, **кѣрѣнмо** (С. NN № 96, 112, 115, 119, 121, 123, 126, 127, 130, 155, 170, 172), **мѣнѣ** (лат. п., С. № 97), **дотолѣ**, **доталѣ** (С. NN № 83, 98, 115), **ѡ- ѡволе**, **-е** (С. NN № 101, 127), **аре** и **папѣра**, **зъ законѣхъ**, **зѣкѣтѣнмѣсѣ** (С. № 107), **зѣмѣть**, **зѣеть**, **зѣтъ**, **-ихъ** (С. NN № 112, 126, 127, 136), **моднѣнѣ**, **-гнѣ**, **кѣрѣнѣ**, **кѣрѣнѣ** и **кѣрѣнѣ** (С. NN № 112, 127), **вѣдѣннѣ**, **гоисомѣнѣ**, **тѣмѣ**, **дѣлѣ**, **дѣлѣ**, **мѣднѣнога** **уаѣкѣниа**, **рѣгѣ**, **свѣста** (С. № 112), **зѣвѣднѣнѣ** (С. NN № 112, 115, 119, 121, 123, 126, 130), **заповѣдѣ**, **-иудѣ**, **-еди** (С. NN № 112, 126, 130), **лѣтѣ**, **лѣто**, **-л** (С. NN № 112, 133, 155), **кѣрѣ**, **кѣрѣ**, **-ѣ** (С. NN № 112, 115, 133), **годѣ**, **-ѣ** (С. NN № 74, 112, 126), **зъ свѣдѣ**, **-овѣхъ** **зѣлѣтѣхъ** (С. NN № 115, 130), **свѣдѣ** (С. № 120), **вѣмѣтаѣ** (С. № 121), **ва** **вѣнниѣ** (С. NN № 123, 126), **прѣдѣ**, **ѡбѣю** **странѣ** (С. № 123), **ѡбѣма**, **дѣкѣсти**, **зѣделѣ**, **бѣлѣ** (С. № 126), **свѣдоѣнѣ** (С. № 127), **зъ помѣдѣхъ** (С. № 128), **вѣдѣннѣ**, **дѣв**, **бѣлѣгомѣнѣ**, **зѣвѣднѣнѣ**, **свѣстнѣнѣ**, **свѣстнѣнѣ** (С. № 130), **ср. свѣстнѣннѣнѣ** (С. № 176), **свѣстнѣнѣ**, **-лѣмѣ**, **наследннѣнѣ**, **рѣдѣннѣнѣнѣ**, **ва** **слѣвѣ**, **зъ дѣрѣжѣкѣ**, **свѣстѣ**, **са** **изѣбраннѣнѣ**, **-ннѣмѣ**, **ва** **свѣстѣхъ** и **свѣстѣхъ**, **хотѣннѣ**, **всѣмѣн** **имѣнованнѣнѣ**, **кѣ ѡннѣ** (С. NN № 133), **дѣбрѣннѣ**; **-ѣ** (С. NN № 133, 157), **вѣмѣ**, **-и**, **-омѣ** (С. № 133; Ш. № 16), **нрѣмѣннѣнѣнѣ**, **ѡ** **нѣтрѣнѣ** (С. № 135), **нрѣскѣтѣго** и **нрѣскѣта**, **ѡтоле** (С. № 144), **нрѣд** и **нрѣд** (С. № 74), **зъ** **нѣзнѣ** **дѣрѣжѣкѣ** (С. № 145), **мѣсѣца** (С. NN № 155, 158, 170), **наследннѣнѣ** (С. № 155), **нѣнѣдѣннѣнѣ** (С. № 158), **вѣдѣннѣ** (С. № 166), **сѣмѣрѣно** (С. № 172), **ѡсѣвѣнѣ**, **дѣтѣца** (Ш. № 16) и **пр.** и **пр.** Что же замѣчаемъ мы въ этихъ примѣрахъ? Въ нихъ, по большей части, ѣ изображено чрезъ мягкое и. е. Напомнимъ также, что ѣ могло иногда звучать, какъ и, и что Сербы не всегда видимо смягчали его тамъ, гдѣ произносили мягко: часто одна и та же форма пишется то съ ѣ, то съ и. Отсюда справедливо можемъ заключить, что многіе случаи замѣны б-нъ ѣ б-ю ѣ должно отнести къ замѣнѣ ея б-ю и. Въ какихъ же грамотахъ ѣ звучало, какъ ѣ, и въ какихъ оно звучало, какъ и? Рѣшеніе этого вопроса могло бы послужить къ рѣшенію трудной задачи уяснить въ грамотахъ то, или другое подрѣчіе, различаемое на основаніи звука ѣ въ нынѣшнемъ Сербскомъ нарѣчій; ибо въ одномъ ѣ звучитъ, какъ чистое, короткое и открытое е, въ другомъ, какъ долгое и прираженное мягкостію е. Но для грамотъ этотъ вопросъ остается нерѣшеннымъ. Писцы не соблюдали точности въ написаніи ѣ и и, ѣ, е, тамъ, гдѣ это начертаніе они употребляли для звука ѣ,—не соблюдали ея по тому, что и въ другихъ случаяхъ не вездѣ различали начертанія ѣ и и, ѣ, е, хотя, вѣроятно, знали ихъ настоящее произношеніе въ устной рѣчи. Спутанность еще болѣе увели-

чилась отъ преобладавiя смягчающей силы, вторгшейся вмѣстѣ съ народностию въ грамоты XV-го в. и заставившей е звучать, какъ *и*, тамъ, гдѣ бы не слѣдовало по общимъ звуковымъ законамъ. Еще вопросъ: а или, какъ пишутъ его теперь по Герцеговинскому подрѣчию, *je, џе*, т. е., *е*, *ме*, или, по правописанiю многихъ грамотъ, *иѣ, ѣ*, т. е., какъ *ѣ*, то какая будетъ разница между нѣмъ и б-ю *ѣ*? Ни какой. Если въ грамотахъ находимъ *ѣ*, *ѣ* вмѣсто *ѣ* (С. NN№ 82, 120, 123), то ясно, что *ѣ* звучало совершенно, какъ *и*, а по тому очень естественно, что писцы смѣшивали начертанiя, ими придуманныя для *и* и *ѣ*. Если наконецъ находимъ формы: *скоинимъ* и *скоини* (С. № 101), *стринга* и *стринга* (С. NN№ 112, 126), и если въ гр-ѣ С. № 112, по многочисленности случаевъ, убѣждаемся, что *ѣ* изображено въ ней, какъ *и*, то не слѣдуетъ ли изъ того заключить, что звуки *ѣ* и *и* были смѣшаны въ XV-мъ в. въ грамотахъ Западной сѣви? Одно, что можно замѣтить и утвердительно сказать: это, во первыхъ, то, что начертанiе *ѣ*, какъ взятое изъ Кириллицы, не подходило хорошо къ тѣмъ звукамъ Сербскаго нарѣчiя съ его подрѣчiями, для выраженiя которыхъ оно было назначено; и во вторыхъ, то, что звукъ, выраженный въ Кириллицѣ чрезъ *ѣ*, въ Сербскомъ нарѣчiи звучалъ различно, то какъ *е*, то какъ *и*, *иѣ*, *иѣ*. Последнiе два вида начертанiя были почти исключительно предоставлены для *ѣ*; *иѣ* есть самое употребительное, тогда какъ *иѣ*, *иѣ*, попадаются чрезвычайно рѣдко. Если при общей любви Западныхъ грамотъ къ мягкому начертанiю б-мъ *ѣ*, эта послѣдняя въ своемъ твердомъ видѣ упорно держалась въ сочетанiи *иѣ*, то это показываетъ, что такое начертанiе имѣло въ себѣ особенную плотность, и на него смотрѣли, какъ на нѣчто цѣльное, нераздѣльное, подобное цѣльному начертанiю *ѣ*: отъ того и *ѣ* не смягчалось въ *иѣ*. Но какiя бы ни были выраженiя для *ѣ*, всѣ они приходятъ къ коренному *ѣ*, откуда прямое заключенiе то, что въ Сербскомъ языкѣ звукъ *ѣ* имѣетъ основную звукъ *е*, который звучитъ тамъ твердо, тутъ мягко и даже протяжно мягко, откуда недалеко и до *и*. Остановимся пока на этомъ заключенiи и докончимъ о б-ѣ *ѣ*.

Б-а *и*, *ѣ*, *иѣ*, служить еще стяженiемъ для звука *иѣ*, чрезъ что имена существительныя собирательныя и средняго рода на *иѣ* получаютъ новый, народный образъ. Переходомъ служило окончанiе *иѣ*, рассмотренное нами выше. Стяженiе это родилось, по указанiю памятниковъ, въ XIII-мъ в. и продолжалось слабо до XV-го, а въ этомъ усилилось значительно. Такимъ образомъ мы читаемъ: *показани* и *-иѣ*, *показаниѣ*, *-иѣ*, *-иѣ* (С. NN№ 17, 73, 113, 164), *видни*, *-иѣ*, *видниѣ*, *видниѣ*, *-иѣ*, *видниѣ* (А. № 6; III. № 11; С. NN№ 74, 101, 112, 115, 119, 121, 123, 126, 130, 164), *ѣговѣрени*, *застѣпени*, *ѣсновани*, *ѣни*, *ѣвъзбожани*, *ѣскръсени*, *котѣни*, *приложѣни*, *ѣтѣрѣни* (С. № 35), *ѣи*- *прѣи*- *иѣни*, *-иѣ*, *-ѣ* (С. NN№ 35, 101, 126), *иѣниѣ*, *-иѣ* (С. NN№ 35, 101), *иѣстѣпѣниѣ* (С. № 81), *распѣте*, *ѣтѣрѣниѣ*, *ѣтѣрѣниѣ* (С. № 101), *прѣи*- *прѣи*- *прѣиѣ*- *дѣни*, *-иѣ*, *дѣниѣ* (С. NN№ 112, 115, 126), *ѣровани*, *-иѣ* (С. NN№ 112, 115, 119, 121, 123, 126, 148), *натѣрѣни* (С. NN№ 112, 126), *послани*, *-иѣ* (С. NN№ 115, 126), *спомѣнѣти*, *прѣиѣнѣти* (С. № 126), *ѣдѣнѣ* (С. № 132), *ѣспѣнѣ дѣи* (С. № 155), *ѣниѣ* (С. № 164). Встрѣчаются еще стяженiя въ родѣ слѣдующихъ: *ѣи* *моѣ*, *по моѣ ѣласти* (С. № 17), *ср. по моѣ ѣласти* (С. № 38), *по милости божѣи* (С. № 51), *ср. по милости божѣи* (С. № 52), *по твоѣи матѣи* (С. № 104).

Удвоение б-ы не существуетъ въ нашихъ грамотахъ, ибо удвоенное не имѣетъ, какъ мы видѣли, совсѣмъ иного значеніе. Въ пользу удвоенія можно привести только одинъ случай: *родина* (А № 6).

По праву, предоставляемому намъ однороднымъ съ б-ю е происхожденіемъ б-ы ъ, и пока не ослабѣло еще впечатлѣніе, произведенное на насъ смѣною обѣихъ звуковъ, мы приступаемъ къ разсмотрѣнію б-ы ъ. Обыкновенно, хотя и несправедливо, относятъ ъ на конецъ буквеннаго ряда; ея мѣсто ближе къ б-ѣ е, ибо, хотя ъ звучало и звучитъ разнообразнѣе, чѣмъ е, и мѣстами отличнѣе отъ него, однако въ происхожденіи его участвовали тѣ же самые образовательные звуки, изъ которыхъ составилось е. Собственно звукъ ъ есть видоизмѣненіе звука е, такъ сказать, тотъ же звукъ е, но только не созрѣлый, не переваренный языкомъ, подобно е, а носящій въ себѣ слѣды своего двойственнаго образованія, своей относительной молодости. Отъ того ъ есть *двоегласный* долгій звукъ, а е уже простой и краткій. Говоря у звукъ ъ, образуемъя собственно чрезъ усиленіе, не должно приравнивать его къ коренному звуку, изъ котораго онъ произошелъ; ибо намъ нужна извѣстная минута перезвука, а не корень слова, который всегда будетъ приведенъ къ тремъ основнымъ звукамъ. И въ Санскритѣ есть уже усиленіе *é* изъ *i*, на пр., *veda* и *vid*, но, разумеется, наше *вѣдать* должно сличать съ *veda*, а не *vid*. Въ Санскритѣ звуку ъ отвѣчаютъ *é* и *á*. Первое есть явный признакъ слитія *a + i*, отъ чего въ немъ и долготы; второе своею долготою указываетъ на свое позднѣйшее происхожденіе и должно быть отлечено отъ основнаго *a*: оно не иначе могло произойти, какъ чрезъ соединеніе *a* съ другою гласною, и есть, слѣдовательно, *двоегласное*. Это для насъ весьма важно, ибо оба звука указываютъ на *двоегласіе* б-ы ъ, а *é* подтверждаетъ ея происхожденіе изъ соединенія *a* и *i*, при томъ такъ, что ему отвѣчаетъ плотный, цѣльный и долгій звукъ *e*, или *a*, но не двойственный, подобный другимъ *двоегласнымъ*, въ которыхъ ясно слышатся оба составные звука. *Слѣдовательно*, ъ въ *Индоевропейскихъ* языкахъ, по своей плотности и древности, занимаетъ средину между *e*, *o* и другими *двоегласными*, изъ коихъ первыя двѣ уже забыли свое *двоественное* происхожденіе и сдѣлались такими же простыми и краткими, или обоюдными, какъ *a*, *и*, *у*, а послѣднія до того еще новы и нецѣльны, что не могутъ слиться въ одинъ общій звукъ, но всякій разъ въ своемъ произношеніи напоминаютъ обѣ составныя части, изъ которыхъ сложились. Въ Санскритѣ есть одно только *é*, которое отвѣчаетъ *Славянскимъ* *e* и *ь*; этотъ звукъ въ другихъ *Индоевропейскихъ* языкахъ имѣлъ время обратиться или въ простыя гласныя, или *двоегласныя*, удержанныя и правописаныя, изъ коихъ одинъ хорошо соответствовали его природѣ и разоблачали его происхожденіе, другія же плохо: *и* и *áμείβο*, *дѣж* и *ἔμυ*, *рѣж* и *ῥέω*, *и* и *μύρμι*, *яж* и *ἀλεῖφο*, *λίπαζω*, *кадаж* и *ὀδα*, *кагати* и *φεύω*. Въ словахъ, прямо заимствованныхъ изъ *Греческаго* языка, ъ отвѣчаетъ тоже простому *e* и *двоегласной* *αι*, на пр.: *трапѣза*—*τράπεζα*, *иерей*—*ἱερεύς*, *демоуи*—*δαίμων*, *иудей*—*ἰουδαῖος*, *иерей*—*ἑβραῖος*, *царь*—*κἄϊβαρ*, *матей*—*ματθαῖος* и на оборотъ, *Греческому* *αι* отвѣчаетъ иногда *e*: *хурнѣи*—*κυρηνάιος*—*куринскій*, *садоуи*—*σαδοῦναιος*—*садоуи*, *иудейскій*—*ἰουδαῖος*—*иудейскій*, *фарисей*—*φαρισαῖος*—*фарисей*. Въ *Латинскомъ* то же самое: вмѣсто ъ являются то простыя гласныя, то *двоегласныя*: *и* и *и*—*misceo*, *сѣати*—*serere*, *сѣж*—*nix*, *сѣти*—*secare*, *вадр*—*hydria*, *лѣши*—*lacus; daeton*, *caesar* и пр. Но *Готскій* языкъ вѣрнѣе передалъ у себя звукъ ъ: въ немъ почти

всюду мѣсто ъ стоитъ *ai*: *хлѣбъ*—*klaibs*, *снѣгъ*—*snaiws*, *квѣти*—*vaiian*, *дѣль*—*dails*. Въ Литовскомъ ъ выразилось частію въ *é*, частію въ *ai*: *вадро*—*védras*, *вѣсъ*—*bésas*, *снѣгъ*—*snégas*, *вѣра*—*véra*, *звѣрь*—*buéris*, *цѣни*—*czéne*, *мѣшати*—*maiszyti*, *мѣкъ*—*maiszas*. Все эти сравненія приводятъ насъ къ одному заключенію, что ъ по природѣ своей есть доегласное и по тому долгое; что мѣсто его не прешъвано между *a* и *и*; звучитъ же оно довольно слитно, такъ что можетъ быть выражено одною гласною и преимущественно долгимъ *e*, которое также занимаетъ средину между *a* и *и*; напоследокъ это долгое *e* или обратилось въ краткое *e*, или совершило ближайшій переходъ въ *и* (*i*, *y*). Если и въ Ц.-Славянскомъ языкѣ, гдѣ для него изобрѣтено было особое начертаніе, отличное отъ *e* и *и*, оно сдѣлывается съ *e*, или собственно *и*, то должно заключить, что оно звучало весьма близко къ этой буквѣ *и*, вѣроятно же всего, какъ *я*, которое безпрестанно переходитъ въ *e* и обратно; доказательствомъ тому служитъ и самое названіе этой буквы, какъ и то, что въ Н.-Булгарскомъ языкѣ она, большею частію, сохраняетъ этотъ звукъ. Но *я* не отрицаетъ первоначальнаго средняго звука *e*, а есть только одно изъ главнѣйшихъ видоизмѣненій, принимаемыхъ голосомъ при слияніи *a* + *и*, усвоенное Булгарскимъ нарѣчіемъ. Повторяю, ъ ближе всего подходитъ къ звуку *e*, какъ по происхожденію своему, такъ и по многочисленнымъ сдѣланіямъ съ этимъ звукомъ. особенно въ нарѣчіяхъ Славянскихъ. Корень или, вѣрнѣе, составныя начала обоихъ звуковъ суть одни и тѣ же, но образованіе ихъ неодинаково: *e* до того уже созрѣло въ Славянскихъ языкахъ, что сдѣлалось вполне одновременнымъ и однороднымъ съ *a*, *и*, *y* и такимъ же основнымъ звукомъ, какъ и эти; ъ носитъ въ себѣ нѣкоторую степень незрѣлости, и хотя въ произношеніи своемъ въ большей части Славянскихъ нарѣчій представляетъ довольно цѣльности, однако непремѣнная долгота и нѣдѣ мягкость обличаютъ его относительно позднѣйшее происхожденіе и доегласіе. Последнія свойства и заставили св. Кирила изобрѣсть для него особое начертаніе. Такимъ образомъ въ Ц.-Славянскомъ языкѣ звукъ *я* занялъ такое же мѣсто, какое занимало *é* въ Санскритѣ, а *é* Санскритское уже вошло въ немъ въ рядъ коренныхъ образовательныхъ *a*, *и*, *о* и стало равнымъ съ ними. Если присовокупимъ сюда *о*, то для Славянскихъ языковъ выйдетъ рядъ коренныхъ, основныхъ звуковъ: *a*, *e*, *и*, *о*, *y*; за нимъ послѣдуетъ долгая, но слитая доегласная ъ, и наконецъ явятся неслитыя доегласныя *ай*, *ей*, *ій*, *ой*, *уй*, *ав*, *ев*, *ов* и т. д. Какое мѣсто въ Санскритѣ занимали *e* и *о* въ отношеніи *a*, *и*, *y*, такое же точно въ Славянскихъ языкахъ займетъ ъ въ отношеніи *a*, *e*, *и*, *о*, *y*. Только въ одномъ Полябскомъ звучитъ оно доегласно: *пѣана*; но едва ли это не есть только неудачное правописное выраженіе долгаго звука *я*, ибо и сдѣсь оно слышится, какъ *я*, потомъ какъ *и* и *é*: послѣдній звукъ есть слѣдствіе видоизмѣненія мягкаго *e* и какъ бы его усиленія въ мягкое *о*. По этому въ Полябскомъ для него собственно три звука: *я*, *и*, *e*, которые и приравниваютъ это нарѣчіе къ прочимъ Славянскимъ, гдѣ всюду ъ имѣетъ слитный звукъ, произносящійся различными образомъ: въ Н.-Булгарскомъ, какъ *я*, *e*, рѣдко *и*, въ Польскомъ, какъ долгія *я*, или *e*, въ Чешскомъ, какъ долгія *и*, или *e*, въ Малороссійскомъ и В.-Лужицкихъ подрѣчіяхъ, какъ *и*, въ Угрословенскомъ, Лужицкихъ, Русскомъ, Сербскомъ, Хорватскомъ и Хорутанскомъ, какъ *e* съ различными видоизмѣненіями мягкости и долготы, въ Бѣлорусскомъ иногда, какъ *a*. Обращеніе ъ въ нѣкоторыхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ въ *я* и *и* показываетъ, что

въ образованіи его участвовали именно два звука *a* + *и*, хотя и слились въ одинъ плотный, цѣльный звукъ, но такъ, что одинъ изъ нихъ переселился другой: переселившееся *a* образовало *a*, смягчившееся въ *я*; переселившееся *и* образовало *и*. Мягкость, или собственно полумягкость звука *ь* произошла отъ соединенія твердаго звука *a* съ небнымъ *и*. Тамъ, гдѣ *a* + *и* слились въ равной мѣрѣ, тамъ *ь* стало звучать, какъ *e* съ разными измѣненіями мягкости, смотря по нарѣчіямъ. Въ Русскомъ—какъ *e* и чаще, какъ *e*, а въ Новгородскомъ подрѣчіи, какъ *и*, въ Лужицкихъ, какъ *e*, въ Угрословенскомъ то какъ *e*, то какъ *e*. Сходство этого нарѣчія, принадлежащаго къ Западному говору, съ Иллирскими нарѣчіями Восточнаго говора указываетъ на прадавнее его родство съ ними въ слѣдствіе прадавняго сосѣдства племенъ, которыя ими говорили. Въ Хорватскомъ нарѣчіи *ь* звучитъ, какъ *e*, въ Хорутанскомъ, какъ *e*, или, съ перемѣною звуковъ, какъ *ей*, т. е., тамъ и тутъ мягко. Въ Сербскихъ подрѣчіяхъ то какъ *e*, то какъ *и*, то какъ *e*, которое по своей долготѣ протягивается въ *ие*, или совершенно смягчается въ *и*. Звукъ *и* Сремскаго подрѣчія я не считаю коренною и прямою замѣною б-ы *ь*, но, вѣрнѣе, онъ образуется уже при посредствѣ *e*, т. е., изъ этого *e*, ибо тамъ нѣтъ *e*, ни *ие*. Наконецъ спросимъ, какъ звучало *ь* въ Д.-Булгарскомъ нарѣчіи? Хотя мы видимъ, что въ немъ *ь* можетъ являться въ видѣ *я*, *ш*, *с*, *и*, *ъ*, *ь*, *д*, однако въ этихъ видоизмѣненіяхъ должно отличать смѣну отъ перезвука и усиленія. Послѣднія два явленія, всегда связанныя съ внутреннимъ значеніемъ слова, суть одно изъ тѣхъ средствъ, къ которымъ языкъ прибѣгаетъ для видоизмѣненія своихъ понятій; но простая смѣна звуковъ обыкновенно указываетъ только на родство ихъ, на основаніи котораго они могутъ смѣняться взаимно, не нарушая понятія, заключеннаго въ словѣ. Въ Ц.-Славянскомъ нарѣчіи *ь* смѣняется съ *ш* и *д* и чаще всего съ *с*. По чему оно смѣняется съ первымъ, то мы уже знаемъ тому причину; смѣна же съ *д* и *с* важна для насъ по тому, что *ь*, стоя между *д* и *и*, должно было близко подойти къ звуку *с*, и дѣйствительно оно подходитъ къ нему въ видѣ носоваго *д* (*ен*) и простаго *с*. Такии образомъ *ь* непремѣнно должно было въ основаніи своемъ имѣть звукъ *с*, который оно и имѣло дѣйствительно, ибо смѣнялось съ *с* въ однихъ и тѣхъ же формахъ и въ передачѣ одной и той же Греческой доегласной *αι*; оно должно было имѣть также въ природѣ своей часть мягкаго начала, ибо образовалось изъ слитія твердаго звука съ небнымъ, который перешелъ здѣсь въ совершенную мягкость, и выразилось въ мягкихъ *ш*, *и*, *и* и *иш*. Будучи собственно полумягкимъ, оно могло смѣняться съ таковымъ же *с*, но чаще смѣнялось оно съ мягкими, ибо стояло въ обратномъ отношеніи къ *с*: какъ это изъ двойнаго полумягкаго сдѣлалось простымъ и чистымъ твердымъ звукомъ, такъ оно осталось навсегда доегласнымъ и мягкимъ. Послѣднее его свойство видно въ переходѣ гортанныхъ въ соответствующія имъ среднія мягкія при словообразованіи: *зюкъъ* — *зюкъати* (*зюкъати*), *слюкъъ* — *слюкъати* (*слюкъати*), *взгъ* — *взгати* (*взгати*), *кряпъъ* — *кряпъати* (*-ати*), *мълогъ* — *мълогамъ* (*-ати*) и т. д. Но большею частію, въ противоположность *с*, оно припинаетъ совершенно мягкую природу, и по тому при движеніи словъ гортанныя измѣняются въ крайнія мягкія: *бръгъ* — *бръзъ*, *уловкъъ* — *уловкъъъ*, *доукъ* — *доусъ*, *уловкъъсъкъ* — *уловкъъсъкъъ*, *уловкъъсъкъъ*. И такъ первобытное *ь* надобно принять за мягкій звукъ, который могъ восходить до твердаго, ибо въ немъ было сочетаніе твердости и мягкости: отъ того, съ одной стороны, *ь* могло переходить въ *a*, *e*, а съ другой въ *я*, *с*, *ие*, *и*.

По чему же св. Кирилъ изобрѣлъ для него новое начертаніе, то причину тому я вижу въ его доегласіи, а слѣдовательно, непрерывной долготѣ и полумягкости. Такъ какъ е стояло уже на ряду съ образовательными звуками и, слѣдовательно, утратило свою первичную доегласность, долготу и полумягкость, слѣвавшись кореннымъ краткимъ и чистымъ звукомъ, то ъ совершенно отдѣлилось отъ него, какъ по природѣ, такъ и по долготѣ и мягкости, а въ Д.-Булгарскомъ нарѣчій еще по звуку, и потребовало для себя новаго, отличнаго начертанія, чему и удовлетворилъ составитель азбуки. Сравнивъ всѣ видоизмѣненія звука ъ въ Славянскихъ нарѣчійхъ съ другими доегласными этѣхъ нарѣчій, мы видимъ, что ъ звучало слитно, по крайней мѣрѣ, столь же слитно, какъ звучать мягкіе я, э, ю, между тѣмъ, какъ другія доегласныя отражаютъ въ себѣ болѣе, или менѣе ясно обѣ составныя части. По этому общее заключеніе, которое мы можемъ вывести изъ нашего краткаго обзора, будетъ состоять въ томъ, что ъ въ Славянскихъ нарѣчійхъ играетъ ту же роль, какую ѓ играло въ Санскритѣ, и что Ц.-Славянскій языкъ, утративъ е въ смыслѣ Санскритскаго ѓ, возобновилъ его для себя въ буквѣ ъ. Таковъ коренной звукъ для ъ; а если онъ обратился въ нѣкоторыхъ нарѣчійхъ въ другія гласныя, какъ-то: е, я, а, и, то виною тому не первичное его происхожденіе, а духъ тѣхъ самыхъ нарѣчій и ихъ историческое движеніе. Звукъ ъ принадлежитъ собственно Славянскимъ языкамъ: въ нихъ онъ живетъ со всѣми своими звуковыми развѣтвленіями; Санскритъ указалъ его долготу и цѣльность; за нимъ послѣдовалъ Литовскій; Готскій представилъ его въ первичномъ разложенномъ видѣ; прочіе же Индоевропейскіе языки отчасти забыли его, замѣнивъ другими коренными звуками, отчасти выразили его въ различныхъ доегласныхъ, болѣе, или менѣе свидѣтельствующихъ объ его утратѣ.

Сербскій языкъ поступилъ съ звукомъ ъ совершенно самостоятельно; но въ то же время не забылъ его происхожденія и всѣ его видоизмѣненія приновилъ къ его природѣ. Но что касается до происхожденія б-и и чрезъ усиленіе изъ другихъ гласныхъ и полугласныхъ, то въ этомъ отношеніи древній книжный языкъ Сербовъ не представляетъ ничего новаго и отличнаго отъ Ц.-Славянскаго: слова образуются одинаково. Такъ и возникаетъ чрезъ усиленіе изъ ѓ: *вскръснѣи* (С. № 35), ср. *вскръснѣи* (С. NN № 114, 144), *рѣнѣи* (А. № 11), *рѣнѣи* (А. № 12), *рѣнѣи* (А. № 17), ср. Ц.-Сл. *ръжж*, -ати, откуда Сербскія: *ръжи*, -ога и т. д. (мн. р.), *напѣръжж* (С. № 89), ср. *връжж*; *вѣръжж* (А. № 17), ср. *процѣръжж*, -шѣ (А. № 10; В. № 1);—изъ и: *вѣдѣни* и *вѣдѣни* (мн. р.), *радѣнѣи*, -и (С. NN № 100, 127), *радѣи* (С. № 114), ср. *радѣи* (С. № 104), *радѣи* (С. № 88);—изъ а: *вѣспѣтъ* (А. № 2), *вѣръжж* (С. № 46), ср. *вѣръжж* (С. № 62), *вѣръжж* (С. № 2), *вѣръжж* (С. NN № 72, 132), *вѣръжж* (С. № 77), *вѣръжж* и *вѣръжж* (С. № 142), ср. *вѣръжж*;—изъ л: *гѣръжж* (А. № 6), *гѣръжж*, *вѣръжж* (З.), *вѣръжж* (С. № 175) и пр.

Б-а и замѣняетъ б-у и въ грамотахъ всѣхъ вѣковъ и семействъ. Такая замѣна объясняется природою обонхъ звуковъ, изъ коихъ тотъ и другой представляетъ соединеніе однихъ и тѣхъ же образовательныхъ звуковъ, но только въ неравной мѣрѣ: въ и они уравновѣшены, въ ъ преобладаетъ л. Впрочемъ, такая замѣна не составляетъ отличительнаго свойства Сербскаго языка: она совершается и въ другихъ Славянскихъ нарѣчійхъ. Въ ней можно даже видѣть заимствованіе, ибо въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ ея нѣтъ. Въ Древнебулгар-

скихъ рукописяхъ она составляетъ довольно обыкновенное явленіе. Хорутане и теперь говорятъ *езь, ечмень*. Въ Русскомъ нарѣчій замѣчаемъ то же самое: отъ того и въ Сербскихъ древнѣйшихъ памятникахъ, во всѣхъ семьяхъ грамотъ, уже въ сильной мѣрѣ развита эта замѣна. Въ обѣихъ гр-хъ XII-го в. находимъ я им. м.: я (азь), прѣтъль, дѣтъль (А. И.), въслюкочо, тѣо, покаянне, тѣсно, вѣса мотъ раздунукаъ мотъ. крѣстѣтъльскы, тѣтъ, моланѣтъ, жѣтънѣ, жѣтънѣ (род. пл.) (А. № 1), такъ что въ нихъ уже не находимъ б-ы м. Въ XIII, XIV и XV вѣкахъ: снѣ (им. ед. жен. р., им. и вин. мн. ср. р., Ш. № VII.; С. NN № 3, 16, 84), бѣтънѣ, бѣтънѣ, бѣтънѣ, бѣтънѣ (род. ед., им. и вин. мн. ср. р., С. NN № 3, 57, 120, 127, 140), бѣтънѣ (т. е., -ѣ, -ѣ, вин. мн., С. № 3), не- мотъ (-ѣ, С. NN № 3, 15, 20; 86, 89, 120, 127, 150, 163), тѣоѣ (-ѣ, С. NN № 3, 9), мотъ (С. NN № 4, 9, 10, 59), прѣтънѣ, прѣтънѣ (С. NN № 5, 82), откуда не- прѣтъль, -ѣ. -н, -ѣ, -ѣтъль, -ѣтъль, прѣтънѣ (С. NN № 6, 13, 16, 18, 57, 59, 78, 82, 84, 89, 94, 97, 128, 135, 140, 154, 159), прѣтъльство (С. № 16), прѣтънѣ, -нѣ, -ѣтънѣ (С. NN № 78, 93, 96, 107, 141, 145), я (м, азь, С. NN № 7, 13, 15, 59, 78, 86, 89, 93, 94, 114, 127, 141, 145, 163), вѣтънѣ (род. ед. муж. р., С. № 7), тѣо, -ѣ (С. NN № 7, 16, 19, 20, 51, 84, 92, 96, 97, 103, 120), вѣтънѣ, вѣтънѣ, вѣтънѣ, -ѣтънѣ (род. ед., С. NN № 14, 16, 19, 20), тѣоѣ, -ѣ. -ѣтъ, -ѣтънѣ (Ш. № II; С. NN № 15, 16), нѣтънѣ, повѣтънѣ, добѣтънѣ (род. ед., С. № 16), вѣтънѣ (род. ед., Ш. № II), мѣтъ (род. ед., С. NN № 19, 20, 158, 159), прѣ- со- до- стотнѣ, -ѣтънѣ, -ѣтънѣ (род. ед.), -ѣтънѣ, -ѣтънѣ, -ѣтънѣ (С. NN № 20, 78, 81, 82, 84—86, 89, 95—97, 125, 127, 128, 163; 3. А.), вѣтънѣ, вѣтънѣ, вѣтънѣ (род. ед., С. № 51), вѣтънѣ (вин. мн. ср., С. № 52), добродѣтънѣ (А. № 6), ср. добродѣтънѣ (А. № 8), вѣтънѣ- вѣтънѣ- дѣтънѣ (печ., А. NN № 5, 9), вѣтънѣ (С. № 176), вѣтънѣ, вѣтънѣ и вѣтънѣ (А. № 7), вѣтънѣ (им. ед., С. № 43), вѣтънѣ (род. ед., С. NN № 43, 50, 81), вѣтънѣ (печ., А. № 10), порѣтънѣ, вѣтънѣ (род. ед., С. № 57), вѣтънѣ (род. ед., печ., С. № 62), вѣтънѣ, -ѣтънѣ, -ѣтънѣ (род. ед., С. NN № 65, 82, 85, 78, 104, 144), дѣтънѣ, -ѣ. дѣтънѣ, дѣтънѣ (С. NN № 37, 65, 82—85, 89, 120, 135, 141, 145, 150, 151, 161, 163; 3. А.), вѣтънѣ (С. № 65), вѣтънѣ, вѣтънѣ (род. ед.), вѣтънѣ (им. ед.), дѣтънѣ (С. № 78), вѣтънѣ, добѣтънѣ (род. ед.), вѣтънѣ (дат. мн.) (С. № 79), вѣтънѣ, -ѣ (род. ед., им. и вин. мн., С. NN № 81, 84, 92, 95, 97, 103, 120, 150), вѣтънѣ, вѣтънѣ (им. ед., С. NN № 81, 92, 127, 159), вѣтънѣ (А. № 18), вѣтънѣ (С. № 82), вѣтънѣ (им. ед., С. NN № 83, 84, 85, 88, 89, 92, 136), с- помѣтънѣ, -ѣ. -ѣ (род. ед., С. NN № 83, 141, 159, 163, 171), да вѣтънѣ (С. № 83), вѣтънѣ, -ѣ (род. ед., С. NN № 85, 89, 95), вѣтънѣ (С. NN № 85, 92, 95), вѣтънѣ (С. NN № 88), вѣтънѣ (род. ед., им. мн., С. NN № 89, 140, 141), вѣтънѣ (С. NN № 89, 92), вѣтънѣ (им. мн., С. № 89), вѣтънѣ, вѣтънѣ (род. ед., С. № 93), вѣтънѣ, вѣтънѣ (род. ед., С. № 96), вѣтънѣ, вѣтънѣ и вѣтънѣ (С. NN № 104, 127), вѣтънѣ (им. мн., С. № 104), вѣтънѣ (род. ед., С. № 108), вѣтънѣ, -ѣ. -ѣ (С. NN № 117, 154, 158), вѣтънѣ (С. NN № 120, 141), вѣтънѣ (С. NN № 120, 127), вѣтънѣ (род. ед., С. NN № 75, 127), вѣтънѣ, вѣтънѣ (род. ед., С. № 135), вѣтънѣ, вѣтънѣ (род. ед., С. NN № 139, 163), вѣтънѣ (род. ед., С. № 140), вѣтънѣ, вѣтънѣ (им. ед., С. № 141), ср. вѣтънѣ, вѣтънѣ, (Итальян. *Andrea*, С. NN № 16, 176), вѣтънѣ, -ѣ (С. NN № 150, 151, 153), вѣтънѣ (род. ед., С. № 153), вѣтънѣ (С. № 158), вѣтънѣ (им. ед., С. № 159), вѣтънѣ (род. ед., С. № 161), вѣтънѣ (род. ед., С. № 162), вѣтънѣ (С. № 171), ср. вѣтънѣ (С. № 74), вѣтънѣ, вѣтънѣ, вѣтънѣ (С. № 37) и пр.

Въ формѣ *цѣлти* (С. № 142) я замѣтило я (ср. Ц.—Слав. *цѣлти*), но и сдѣсь шипящая б-а џ своимъ образованіемъ указываетъ на первоначальную мягкую гласную, которая, смягчивъ ее, сама обратилась въ твердую. Замѣну я б-ю я находимъ въ словѣ *лѣснати* (А. № 1), ср. *лѣскати*, *лѣска*; и въ частницѣ прѣ вм. прд: *прѣрѣдѣти*, -лѣ (А. NN№ 2, 3), *прѣрѣдитѣти*, -лѣти, -лѣ, -лѣти (А. NN№ 6, 10; С. NN№ 71, 98, 176), *прѣрѣдитѣса*, *прѣрѣдитѣми* (А. № 11), *прѣрѣдитѣль* (С. № 120), *прѣрѣдитѣти* (Г. Б), *прѣрѣдѣти*, -ѣ (Г. А, Б; А. № 16), *прѣрѣдоуць* (А. № 3), ср. *прѣрѣдѣти* (С. № 35), *прѣрѣдитѣти*, -лѣти, -лѣ, -лѣти, -лѣ-лѣти, -лѣ, -лѣти, -лѣ (А. NN№ 5, 9; С. NN№ 43, 66, 81, 84, 85, 95, 97, 136, 150, 179), *прѣрѣдѣ* (С. № 50), *прѣдоуць* (С. № 2) и пр.

Б-а я замѣняетъ собою и. Сдѣсь также поступлено на оборотъ; но причина ясна. Сербы произносятъ часто *ль* за *и*, а по тому писцы, принимая начертанія я и и за тожественныя, употребляли первое вмѣсто второго. Впрочемъ, таковыя случаи не весьма часты; всѣ они относятся къ Западной семьѣ конца XIV-го и XV-му в., слѣдовательно, къ той же семьѣ, которая употребляетъ и вм. я. Въ произношеніи же, какъ надобно полагать, писцы не увлекались начертаніемъ и произносили это я подобно существенному и. Сдѣсь все дѣло ограничивается лишь однимъ начертаніемъ; такъ мы видимъ, что они пишутъ: *бѣлѣ*, *мѣръ*, *людѣти*, *дѣвровѣтка*, *вѣтѣти*, *любовѣ*, *пославѣти* (неок. н.), *мѣти*, *бѣлѣти*, *вспрѣстѣ* (3-е л. ед.), *вѣ*, *прѣповѣ*, *поуѣти* вмѣсто *смѣлѣ*, *мирѣ*, *вѣти*, *нижѣ*. *ви* и т. д. (С. № 77). Отъ того въ исторической грамматикѣ необходимо обращать вниманіе на правописаніе памятниковъ, ибо у каждаго писца есть свой обычай, своя снаровка, свое любимое начертаніе: безъ этого часто придется объяснять какую нибудь форму звуковыми законами, между тѣмъ, какъ она объясняется просто и прямо изъ одного лишь правописанія. Затрудненіе останется лишь при возможныхъ формахъ, которыя допускаютъ въ себѣ двойственность, какъ на пр., въ приведенныхъ примѣрахъ, *вѣлѣти*—форма, которая можетъ быть усиленною изъ *вѣлѣти* и въ которой, слѣдовательно, я поставлено законнымъ образомъ и звучитъ, какъ я; или она дѣйствительно есть *вѣлѣти*, во только написанная иначе съ б-ю я, которая сдѣсь замѣняетъ законное и и звучитъ, какъ и. Въ первомъ случаѣ причина будетъ внутренняя, во второмъ вѣншая. Тутъ же встрѣчающуюся форму *тѣрати*, по общему правописанію грамоты, можно бы объяснить формою *тирати*, однако вѣрнѣе считать сдѣсь я законнымъ усиленіемъ изъ ѣ (*тѣрати*), ибо она попадаетъ въ такихъ грамотахъ, гдѣ вовсе нѣтъ и тѣни замѣны и б-ю я, на пр., С. № 35: *ни пѣти тѣраю*, ср. Рус. *торить дорогу*, *viam terere*. Слѣдовательно, въ *тѣрати* б-а я замѣняетъ собственно мягкое ѣ послѣ т, а это есть усиленіе изъ ѣ. Но такъ какъ въ той же гр-ѣ есть и форма *тирѣлѣ*, то надобно предположить двойное усиленіе б-ы ѣ—въ ѣ и въ и. Далѣе: *прѣлѣтѣми*, *прѣлѣгосми*, *сорькоуѣтѣти* (С. № 80), *мѣти*, *мѣти*, *мѣлѣтѣми*, *юрѣми*, *вѣти* (С. № 81), *прѣморю* (С. NN№ 83, 85), *дѣвровѣтка*, *вѣдѣти* и *видѣти*, *лѣстки*, *прѣ* (при), *лауѣномъ*, *дѣлѣти*, *дѣлѣти* (им. мн. муж. р.), *руѣти* (вин. ед. муж. р.), *мѣлѣрѣ*, *руѣти*, *дѣлѣти* дѣлѣ, *дѣлѣ* (С. № 83), *тѣлѣти* (С. NN№ 83, 84), ср. *тѣлѣти* (№ 36), или сдѣсь я стоитъ вм. и — *тѣлѣти*; *вѣти* (С. NN№ 84, 85, 89)—опять затрудненіе: дѣйствительно ли сдѣсь эта самая форма, или только видимо вмѣсто *вѣти*? Далѣе: *прѣлѣтѣлѣсе*, *прѣлѣтѣлѣ*, *дѣлѣ* (С. № 84). Въ слѣдующей гр-ѣ встрѣчаются *вѣти* и *вѣти*; но тутъ же: *прѣлѣтѣлѣ*, *вѣти* и *вѣти*, *прѣлѣтѣлѣ*, по *лѣтѣти*, *прѣлѣтѣлѣ* (С. № 85), *сѣлѣ*, *подѣлѣти*, *зѣлѣти*, *мѣлѣти* и *мѣлѣти*, *прѣлѣти*, *тѣ* (С. № 89), *прѣлѣтѣство* и *прѣлѣтѣлѣми*, *сѣми*, *котѣрѣ* (твор. мн.), *дѣлѣти* (вин. мн.) — колебаніе (С. № 97), *вѣ сѣлѣ* (С. №

98), **з** **звѣннѣ**, **пакѣ** (С. № 100), **потворѣ** (С. № 102), **прѣзри** **вм.** **прѣзри**, **видѣ** (неок. н., С. № 103), **обѣтуню** (С. № 109), **прѣдѣ**, **прѣписакѣ**, **трѣдѣсѣти** (С. № 115), **прѣписмо**, **трѣста** и **трѣста** (С. NN № 119, 130), **двѣстѣ** (С. № 124), **прѣми** (С. № 127), **илшѣ** и **илшннн** (С. № 140), **братю**, **ѡкоз** - **зи** (**ѡко**), **скоз** (**ско**, **все**), даже **возско** (С. № 141), **з** **вѣрностѣ** (нѣвст. е.), **но рѣзѣ**, **тонзѣ** (С. № 142), **з** **паметѣ** (С. № 143), **сѣхѣ**, **вогѣ** **извола** (С. № 37). Если вспомнить, что въ тѣхъ же самыхъ грамотахъ употребляется и **и** **тамъ**, гдѣ, по подобію съ сейчасъ приведенными формами, слѣдовало бы ожидать **ѣ**, и что въ прочихъ грамотахъ той же семьи, а онѣ составляютъ несравненно большую часть, нѣтъ этой замѣны, то мы убѣдимся, что сдѣсь дѣло лишь внѣшности и одного правописанія и что коренное и не измѣнялось въ **ѣ**, но только такъ писалось. Есть еще формы, каковы: **законѣ** (им. мн.), **повелѣ** (вин. мн.), **дужѣ** (им. мн.), **на трѣ** **днѣ** **мѣсяцѣ** (С. № 83), которыя трудно объяснить; вѣроятнѣе всего, въ нихъ отразилось колебаніе, какъ и въ формѣ **снѣ** (сына, С. № 141). Писецъ не зналъ, какую букву поставить, и вслѣдъ за одной написалъ другую; но должно замѣтить, что во всѣхъ этѣхъ формахъ, кромѣ **трѣ**, если писецъ произносилъ **ѣ** за **ѣ**, то онъ замѣнялъ ею б-у **ѣ**, ибо им. и вин. пп. мн. ч. находимъ въ другихъ гр-хъ съ окончаніемъ **ѣ**: **законѣ**, **повелѣ**, **днѣ**, **дужнѣ**. Въ той же гр-ѣ **ѣ** замѣняетъ **и**, по чему выраженіе **дужѣ** **згора** **ручннѣ** должно читать: **дужѣ** **згора** **ручннѣ** и **сѣ** **дужнѣ** **давѣ**ти—**сѣ** **дужнѣ** **давѣ**ти. Если въ вышеприведенныхъ формахъ **ѣ** переведемъ въ **и**, то получимъ: **законнѣ**, **повелѣннѣ**, **дужннѣ**, **трнѣ**, а такъ какъ тѣ же падежи, наровнѣ съ **ѣ**, имѣютъ и б-у **и**: **законнѣ**, **повелѣннѣ**, **дужннѣ**, **ср.**, **дужнѣ**, то мы и назвали сдѣсь и признакомъ колебанія; ср. **дарѣ** (С. № 97). Можно на этѣ формы представить и другое объясненіе: первое **ѣ** замѣнить **и**, но такъ какъ оно звучало, быть можетъ, и какъ **и** или **ѣ**, то, по общей страсти къ смягченію, писцы могли употребить другой родъ смягченія, именно, поставленіе и сзади гласной (postiotatio), и въ возможности такого смягченія убѣждаютъ насъ формы на **и**, подобныя этѣмъ, на пр.: **прѣдѣ**, **нѣ** **ѡмѣтнѣ** (С. NN № 77, 114), **з** **ѡкозѣ** **лѣстѣ** (С. № 114), **но** **снѣ** **лѣстѣ**, **з** **ѡвнѣ** (С. № 145), **црѣ** **нѣ** **рѣствѣ** **зю** (С. № 136), **высоу** **лѣ** **нѣ**, **згодѣ** **лѣ** **нѣ** (С. № 84), **изво** **лѣ** (С. № 85): въ первыхъ конечное **и** можно считать усиливающимъ, но въ послѣднихъ это невозможно, ибо подобныхъ примѣровъ для усиливающаго **и**, при всемъ ихъ множествѣ, нѣтъ. Отъ того не малое затрудненіе при разсматриваніи словодвиженія составляютъ окончанія различныхъ падежей на **ѣ**, **ѣ** и **и**, **ѣ**, **тѣ** и **нѣ**, **внѣ**, **тнѣ** и **ннѣ**, **снѣ**, **тнѣ** и **ннѣ**: не знаешь, дѣйствительно ли сдѣсь должно быть **ѣ**, или **ѣ**, или послѣднее только пишется вѣсто **и**. Особенно поразительна въ этомъ отношеніи двойственность формъ, встрѣчающихся въ большей части грамотъ; но объ этомъ послѣ. Впрочемъ, нѣкоторыя изъ приведенныхъ формъ, можно думать, даже произносились съ звукомъ **ѣ** **тамъ**, гдѣ было это легко, ибо если существовала замѣна **ѣ** б-ю **и**, то могла существовать и обратная замѣна, по той причинѣ, что **ѣ** смѣшивалось съ **и**. Насъ понуждаетъ такъ думать обстоятельство, которое трудно объяснить однимъ правописаніемъ: именно, мы встрѣчаемъ **ѣ** **вм.** и въ предыдущемъ вѣкѣ и въ Восточныхъ грамотахъ, которыя не могли такъ смѣло перемѣнять буквенныя начертанія и въ которыхъ, какъ мы видѣли, замѣна **ѣ** б-ю **и** существовала въ весьма слабой степени. Хотя таковыхъ случаевъ чрезвычайно мало, однако можно указать на слѣдующіе: **прѣ** **внѣ**, **соу** **тѣ** **скоу** (отъ **соу** **тѣ** **скѣ**, Ш. № VII), **го** **во** **рѣ** (3-е л. е. д. прош., С. № 40), **дрѣ** **нѣ**, **жнѣ** (л.

должно было первенствовать, ибо собственно-восточная Сербія приняла и въ XII-мъ, XIII-мъ и XIV-мъ вв. установила и поддерживала у себя Кириловскую письменность, будучи ближайшею къ ней какъ по вѣрѣ, такъ по государственному и естественному положенію. Какъ скоро западнымъ областямъ Сербіи нужна была Кирилица для ихъ сношеній съ восточными областями, то при этихъ сношеніяхъ восточная Сербія, какъ средоточіе Сербобулгарскаго языка, должна была оказывать вліяніе и на Кириловскую письменность западныхъ областей, гдѣ, при господствѣ Латинской вѣры и письменности, нельзя было ожидать большаго знанія и большой устойчивости въ Ц.-Славянскомъ языкѣ. Сдѣсь Кириловская письменность съ Ц.-Славянскими признаками была гостею и не отуземилась: къ ней питали менѣе уваженія и менѣе дорожили ея неприкосновенностію. Слабость въ этомъ отношеніи западныхъ областей обнаружилась въ послѣдствіи при допущеніи въ грамоты большаго количества народныхъ признаковъ, чѣмъ какое допущено было въ восточныя. Но это могло случиться только со временемъ, а въ древнѣйшую пору западнымъ областямъ оставалось только подражать языку восточныхъ. Восточныя берегла Кириловскій языкъ съ его отличительными свойствами, по своимъ вѣроисповѣднымъ и образовательнымъ отношеніямъ, а западныя еще не осмѣливались прикоснуться до него преобразующею и онародняющею рукою, и по тому въ древнѣйшую пору Кириловскій книжный языкъ былъ общіе для всѣхъ Славянскихъ языковъ. Это подтверждается первою половиною XIII-го в., гдѣ разносемейныя грамоты, Восточныя и Западныя, представляютъ большое сходство въ признакахъ языка и въ правописаніи. Такъ бываетъ всегда съ нововведеніемъ: пока оно остается еще таковымъ, то имъ дорожатъ и хранятъ его въ цѣлости; но когда оно отуземится и привьется къ народу, тогда народъ начинаетъ перерабатывать его по своему. Такъ было поступлено съ Кирилицею въ западныхъ областяхъ Сербіи: сначала, когда она была еще довольно чужда для нихъ, ее хранили неприкосновенно; а коль скоро свыклись съ нею и въ то же время не имѣли повода питать къ ней особеннаго уваженія, основаннаго на преданіяхъ вѣры, какъ было въ восточной Сербіи, то и рѣшились преобразовать ее и сблизить съ народнымъ языкомъ. Основываясь на этомъ положеніи, мы найдемъ неудивительнымъ, что въ XIII-мъ в. в. в. встрѣчается не только въ собственно-Сербскихъ грамотахъ, но также въ Дубровницкихъ, Боснійскихъ и Хлумскихъ: это былъ отвлеченный, условный способъ писанія, подчиненный восточному; въ самомъ же дѣлѣ сдѣсь я произносилось, какъ е или ѡ. Присоединимъ сюда еще то, что въ древнѣйшихъ грамотахъ мягкое и, большею частію, замѣнялось простымъ ѡ, а также неизвѣстность происхожденія дьяковъ—и мы еще болѣе поймемъ, по чему ѡ в. в. ѡ попадаетъ и въ древнѣйшихъ грамотахъ Западной семьи. Объясненіемъ послужитъ намъ отчасти договоръ Дубровничанъ съ Булгаріею, въ которомъ Дубровничане, по тому самому, что вели дѣло съ православною землею, замѣтно удалились отъ своего обычнаго книжнаго языка въ пользу Ц.-Славянской стихіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ большей мѣрѣ замѣнили ѡ б-ю ѡ. Какъ бы то ни было, историческія данныя свидѣтельствуютъ, что чистый и простой звукъ ѡ замѣнялъ собою ѡ преимущественно въ грамотахъ Восточной семьи. Это явленіе отвѣчаетъ естественному положенію собственной Сербіи, коей правительство и дворъ находились въ области Ресавскаго подрѣчья. Зетскія же грамоты, по государственнымъ отношеніямъ Зеты къ собственной Сербіи и вѣроисповѣданію, могли въ книжномъ языкѣ держаться восточнаго произношенія. Напротивъ, звукъ и и мягкое ѡ преобладаютъ въ грамотахъ Западной семьи. Когда съ паденіемъ собственной Сербіи

въ концѣ XIV-го в. Ц.-Славянская стихія ослабѣла значительно, а въ одно и то же время народность сильнѣе проявилась въ Западныхъ грамотахъ, тогда книжный языкъ на западѣ Сербіи приобрѣлъ себѣ самостоятельность и своеобразность, условленная болѣею количествомъ народныхъ признаковъ; тогда онъ значительнѣе отличался отъ книжнаго языка восточныхъ областей. Въ Западныхъ грамотахъ, возникшихъ снова въ концѣ XIV-го в., мы находимъ и и вмѣсто ѡ. Подъ и я разумѣю различныя начертанія для мягкаго звука ѡ, кроми и, которое, очевидно, назначено было для ѡ. Хотя въ этѣхъ грамотахъ и удержалось, вмѣстѣ съ новѣйшими начертаніями, древнѣйшее ѡ, однако мы смѣло можемъ думать, что оно уже произносилось не по-ц.-славянски, а по народному, чему доказательствомъ служатъ, съ одной стороны, сопоставленіе рядомъ съ нимъ и въ однѣхъ и тѣхъ же грамотахъ и формахъ новаго начертанія, а съ другой, употребленіе начертанія ѡ вмѣсто и тамъ, гдѣ и, по всей вѣроятности, удерживало свое настоящее произношеніе. Начертаніе и для ѡ не представляетъ никакого затрудненія: оно показываетъ, что Ц.-Славянскій звукъ ѡ произносился, какъ и. Причина, по чему въ Западныхъ грамотахъ, принадлежащихъ по мѣсту написанія къ Герцеговинскому произношенію, называется б-а и, объясняется языкословно чрезъ стяженіе ие и политически чрезъ связь Западныхъ областей съ Хорватскимъ Приморьемъ, гдѣ господствуетъ и, возникшее изъ е. Постоянныя сношенія Дубровника, Босны и Хлуца съ Угріею, зависимость всего побережья отъ Угрии и постоянныя притязанія послѣдней на Босну сближали этѣ области съ Угорскими владѣніями въ Хорваткомъ Приморьи, Славоніи и Сремѣ, гдѣ Латинское населеніе произносило ѡ за и, а единство вѣры навязывало имъ именно этотъ звукъ и. Но большинство грамотъ остается за мягкимъ и. Это и или, какъ нынче пишутъ, је оставалось частію въ своемъ видѣ, частію выражалось различнымъ образомъ: то какъ е, то какъ ѡ, и, ии, еи, то какъ ѡ. Сюда же отнесу и начертаніе ии, которое, какъ сейчасъ сказалъ, почти исключительно употребляется для ѡ, а не для и. Оно появилось въ концѣ XIV-го в. и значительно облегчило выраженіе звука ѡ, стѣсненное до этого въ предѣлахъ употребительнѣйшихъ ѡ, и, е. Исключая сомнительное правописаніе гр-ы С.-Д. М. № 1, гдѣ находимъ манету (т. е., ии; въ С. № 46—манту), мы его видимъ въ первый разъ въ словѣ благоиестъ и тутъ же видоизмѣненіе его ииесмо (С. № 82), потомъ въ словѣ годиъ (С. № 89) и наконецъ въ обилии въ позднѣйшихъ грамотахъ: замѣченное нами начертаніе ие я считаю за тождественное съ рѣдко встрѣчающимся ии: динти, ѡвнити, кинроканин, ринуть (С. № 105), по скени, да разумин (С. № 128), исиъ, иавриъ, саданиъ, всацниъ, ииниъ встимъ (С. № 142), кимини (С. № 143), а также съ ии, встрѣчающимся не менѣе рѣдко: пракиъ, иилютикииъ и доброколиниъ, всиъ, з сиъ листъ, ии ѡвтииъ и злиислииъ (С. № 142), сл всацниъ, иитниъ, сраниъ, иоглавитиъ, ииниъ, пракиъ, смониъ, ии скониъ добрииъ и иеуииниъ злиисниъ (С. № 143). Всѣ три служатъ выраженіемъ протянутого и, т. е., ии, ие или је, какъ нынче пишутъ, ије, между тѣмъ, какъ ие выражаетъ связанное и, е или је, ибо самое начертаніе его, въ которомъ и не смягчено, заставляетъ думать, что и служило ему смягченіемъ. Въ собственно-Сербскихъ грамотахъ нѣтъ начертаній ии, ие, ии; Зетскія исчезли рано, еще до появленія ихъ; а въ Черногорскихъ, какъ и въ собственно-Сербскихъ, господствуетъ ѡ. Но въ послѣдней изъ нихъ находимъ нѣсколько разъ начертаніе ии, которое сходно съ ии: по старѣхъ волзѣхъ, дивалѣхъ, ии гдѣтѣ, да ии смѣ (Мл.), ср. да ии смѣ (С. № 113)—точно также, какъ въ одной собственно-Сербской съ

сомнительнымъ правописаніемъ—*ѣ*: *зѣпѣмъ*, *згодѣмъ*, *нѣмъ*, *великѣмъ* и *малѣмъ*, гдѣ, впрочемъ, *ѣ*, т. е., при другомъ шрифѣ, *ѣ*, можетъ быть или дѣйствительно *ѣ*, а не *ѣ*, или произносится, какъ *и*; ибо сдѣсь *ѣ* находимъ въ видѣ *ѣ* (*ѣ*) (С.-Д. М. № 1). Подобный полный способъ написанія, *иѣ*, для кореннаго мягкаго *ѣ* мы видѣли выше, какъ весьма рѣдкое явленіе, ибо не зачѣмъ было прибѣгать къ нему, когда на готовѣ стояло нѣсколько начертаній: *иѣ*, *ѣ*, *иѣ*. Но такъ какъ Сербы все таки различали звукъ *ѣ* отъ кореннаго мягкаго *и*, то первому они усвоили особое полное начертаніе *иѣ*, какъ видимое отличіе отъ *иѣ*, хотя въ сущности это было то же самое мягкое *ѣ*. По этому, если допустимъ, что писцы, не имѣя между собою ничего общаго и не руководствуясь никакимъ общимъ правиломъ, не могли въ точности исполнять этого условія при написаніи той, или другой буквы *и*, сбиваясь постоянно между кореннымъ мягкимъ *и* и *иѣ*, замѣняющимъ *ѣ*, придавали второму наравнѣ съ первымъ любимое начертаніе *ѣ* и *иѣ* (ср. С. № 112), отъ чего въ правописаніи выходило тожество между *и* и *ѣ*, а при любви къ смягченію, часто и не мягкое *ѣ* обращалось въ мягкое и писалось точно такимъ же образомъ; если сюда прибавимъ еще то, что смягчающая сила, нарушивъ равновѣсіе между твердымъ и мягкимъ *ѣ*, нарушила отличіе и въ ихъ написаніи, такъ что часто, на оборотъ, *ѣ* писалось вмѣсто *иѣ*, *ѣ*, *иѣ*: то мы увидимъ, какое смѣшеніе должно было произойти между начертаніями того и другаго звука, *ѣ* и *ѣ*. Не всегда должно видѣть *ѣ* тамъ, гдѣ оно написано, но подъ нимъ индѣ должно разумѣть мягкое *и* (*ѣ*, *иѣ*), а въ этомъ должно видѣть *ѣ*. Другими словами, Сербы знали гдѣ долженъ былъ стоять знакъ *ѣ*, но писали не *ѣ*, а по своему ставили *иѣ*, которое, въ свою очередь, по тожеству значенія, переходило въ *ѣ*, *иѣ*, *иѣ*, а это въ *ѣ*. Въ древнихъ памятникахъ, столь многочисленныхъ и разнообразныхъ, каковы наши грамоты, при всей взаимной независимости писцовъ и при неустановившемся правописаніи, когда всякій писалъ, какъ хотѣлъ, ибо при различіи нарѣчій правописаніе одного не могло удовлетворить вполне свойствамъ другаго, никакъ не слѣдуетъ строго держаться буквенныхъ начертаній, но должно видѣть въ нихъ мысль писца, понимать, что хотѣлось писцу выразить тою, или другою буквою; а для этого руководствомъ служить взаимное сличеніе памятниковъ въ ихъ правописаніи и вниманіе къ способу и приемамъ, какіе любилъ употреблять тотъ, или другой писецъ. Такимъ образомъ, принявъ въ расчетъ неясность въ начертаніи мягкаго *ѣ* и въ замѣнѣ имъ *ѣ*-мъ *ѣ*, мы не можемъ признать, чтобы во всѣхъ вышеприведенныхъ нами примѣрахъ замѣны *ѣ*-мъ *ѣ* дѣйствительно происходила эта замѣна; скорѣе мы должны думать, что начертанія *иѣ*, *ѣ*, *иѣ*, *иѣ* и т. п. служили для *ѣ* такъ же хорошо, какъ *иѣ*, *иѣ*, *иѣ*, *иѣ*, и что сдѣсь въ сущности мы имѣемъ дѣло съ такимъ же звукомъ *ѣ* какимъ является онъ или въ своей Ц.-Славянской одеждѣ, какъ *ѣ*, или въ Сербскомъ языкѣ, по Герцеговинскому нарѣчію, звучитъ, какъ *ѣ*, т. е., какъ мягкое *ѣ*, или по-ц.-славянски *иѣ*, то, слѣдовательно, сдѣсь не можетъ быть никакого затрудненія. а равно различія между начертаніями для *ѣ* и для кореннаго мягкаго *ѣ*: тѣ и другія сходятся въ своемъ произношеніи и тѣмъ подтверждаютъ Сербскую основу звука *ѣ*. Этотъ звукъ, какъ соединеніе твердаго *ѣ* съ небнымъ *иѣ*, долженъ былъ непремѣнно вылиться въ полумягкое долгое *ѣ*, которое, въ отличіе отъ кореннаго *ѣ*, отвердѣвшаго и сдѣлавшагося чистымъ и краткимъ звукомъ, и по смягчающему свойству Сербскаго языка, приняло видъ мягкаго *ѣ* и въ произношеніи ничѣмъ, кромѣ непремѣнной

долготы, не отличалось от смягченного коренного *e*. Отъ того какъ звукъ *e*, такъ и звукъ *ь* сошлись между собою, а по тому и начертанія, введенныя для того и другаго, должны были тоже сойтись между собою. Разница между ними заключалась только въ количествѣ ихъ, но отнюдь не въ природѣ. Коренное смягченное *e* могло быть обоимъ, а *ь* непремѣнно долгимъ: оба же звучали, какъ *ь*. Что касается до протяжнаго смягченія *иe*, то въ нынѣшнемъ Герцеговинскомъ подрѣчи оно возникаетъ подъ извѣстнымъ условіемъ, именно, тамъ, гдѣ надъ нимъ должно пасть удареніе. Вѣроятно, и въ старину такъ должны были звучать тѣ слоги съ *ь*, на которые падало удареніе; но, какъ мы уже замѣтили, начертаніе *иe*, *иe*, *иe*, было употреблено въ немногихъ грамотахъ, а по тому въ большей ихъ части протяженное смягченіе не выражалось на письмѣ, и въ тѣхъ же самыхъ формахъ, въ которыхъ однѣ грамоты пишутъ *иe*, *иe*, *иe*, другія пишутъ *иe*, *e*, *e*, на пр.: *ринуть* (С. № 105), *рисуи* (С. № 143) и *рисуь* (С. № 142), по *свѣни* (С. № 128) и по *свѣи* (С. № 155), *въ вѣнѣ* (С. № 132) и *въ вѣнѣ* (С. № 133), *всѣи* (С. № 142) и *всѣи* (С. № 144), *въ ханиснѣхъ*, на *пѣтѣнѣ* (С. № 143) и *въ ханиснѣхъ* (С. № 133), по *поутѣнѣхъ* (С. № 158) и пр. Отсюда замѣчаемъ также, что хотя въ сущности *иe*, *иe*, *иe* должно было произноситься иначе, чѣмъ *иe*, *e*, *e*, однако на письмѣ оба начертанія были смѣшаны, и одно употреблялось вмѣсто другаго; равно первое, становясь не вездѣ на своемъ мѣстѣ, должно было и произноситься иначе, сходясь въ произношеніи на незаконныхъ мѣстахъ со вторымъ. Остается для Западной семьи рѣшить недоразумѣніе, которое могутъ породить тѣ изъ примѣровъ, въ которыхъ стоитъ чистое *e* вмѣсто *ь*. Мы уже сказали, что смягчающая сила увеличивалась въ грамотахъ по мѣрѣ ослабленія Ц.-Славянской стихіи и водворенія народной. Всего болѣе обнаружилась эта сила въ концѣ XIV-го и въ XV-мъ в. вмѣстѣ съ появленіемъ грамотъ Западной семьи. Отъ того писцы стали пренебрегать еще болѣе начертаніями твердаго и мягкаго *e* и смѣшивать ихъ: по этому въ Западныхъ грамотахъ болѣе, чѣмъ въ какихъ либо другихъ, подъ *e* должно разумѣть мягкое *и*. Такъ изъ вышеприведенныхъ примѣровъ слѣдующіе: *ѡ зѣтѣхъ*, *ѡ лѣтѣхъ*, *ѡ свѣтѣхъ*, *ѡ сѣдѣ златѣхъ*, *ѡ помладѣхъ* имѣютъ мягкое *e* при буквахъ *д* и *т*, хотя оно и не выражено на письмѣ; то же и при *б-ѣ ѣ*, которая и теперь въ Герцеговинскомъ подрѣчи пишется съ простымъ *e*; а другіе, какъ на пр., *дополе*, *ѡсѣлаемо*, *ѡѣ*, *видѣи* и пр., находятъ себѣ объясненіе въ той двойственности формъ, съ которою они являются въ грамотахъ: для нѣкоторыхъ между самими примѣрами уже готовы двойники съ мягкимъ *e*, а для другихъ не мудрено представить ихъ противни. Развѣ одинъ только дѣякъ *звѣздиць* и написанное имъ слово *звѣздиць* останутся безъ двойника. Такимъ образомъ, припомнивъ весь кругъ замѣны *б-ы* *ѣ* какъ *б-ю* и, такъ мягкимъ *e* во всѣхъ его видахъ, мы увидимъ, что большинство случаевъ относится именно къ этой замѣнѣ въ грамотахъ Западной семьи, начиная со второй половины XIV-го в.; а для чистаго твердаго *e* въ тѣхъ грамотахъ почти не остается мѣста. Исключенія въ пользу *e* столь же незначительны, какъ исключенія въ пользу *и* въ грамотахъ Восточной семьи. Отсюда вытекаетъ общее заключеніе, что въ XIII-мъ и XIV-мъ вв. въ грамотахъ Западной и преимущественно Восточной семьи чистое и открытое *e* замѣняло *ѣ*; оно осталось въ XV-мъ в. въ собственно-Сербскихъ, Черногорской и Турецкихъ грамотахъ. Со второй половины XIV-го в. въ Западныхъ грамотахъ началась, а въ XV-мъ в. усилилась замѣна *б-ы* *ѣ* *б-ю* и

и въ особенности мягкимъ и съ различными видами его начертанія. Явленіе б-ы и въ Восточной семьѣ и б-ы в въ Западной вмѣсто б-ы и составляетъ маловажное исключеніе, объясняемое взаимными государственными сношеніями Сербскихъ областей, мѣстороженіемъ дьяковъ, которые изъ одной области могли переходить на службу въ другую, и неустановившимся способомъ правописанія. Большой общности книжнаго языка, преобладанію Восточнаго правописанія и слабости народной стихіи въ древнѣйшую пору Сербской письменности должно приписать замѣну и б-ю в въ грамотахъ Западной семьи XIII-го в. Но при этомъ не должно забывать, что въ эту самую пору часто употреблялось одно в какъ вмѣсто себя, такъ и вмѣсто мягкаго и, по чему произношеніе рознилось съ правописаніемъ; не должно забывать также и того, что въ XII-мъ в., въ грамотѣ Кулина, находится уже замѣна и звукомъ в, но не чистымъ и открытымъ, а прираженнымъ и мягкимъ в, отвѣчающимъ позднѣйшему иѣ.

Обращаясь къ б-ѣ и, мы въ самомъ служеніи ея находимъ еще большее доказательство въ пользу того, что въ основаніи ея лежалъ звукъ в, и что у западныхъ Сербовъ она звучала какъ в, иѣ, а у восточныхъ какъ в. Если звукъ и замѣнялъ и, и если, на оборотъ, и замѣняло и, то и звукъ в съ своими видоизмѣненіями, замѣняя и, самъ, въ свою очередь, замѣнялся имъ. Замѣна в б-ю и начинается въ XII-мъ в. и продолжается до конца XV-го; впрочемъ, въ послѣднемъ вѣкѣ она далеко не такъ обильна, какъ въ предыдущихъ. Мы находимъ ее въ слѣдующихъ случаяхъ: сѣтати (вн. скетати, т. е., скатати, А. № 1), славо поля, прѣвѣнцѣмъ, властвѣхъ, прѣскетым и пр. (Ш. № VII), видѣ, гдѣ и замѣняетъ в, образовавшееся изъ носоваго а, влахъ вѣрѣ (С. № 2), амьдрѣи (С. NN № 4, 15), сѣ (сѣ, сѣ, С. NN № 8, 12, 14, 17), обсто-клинѣ (С. № 8), имѣ (има), вьсѣдржитѣла, сѣтѣ (внн. мн.), сѣ (сѣ, снн), амѣ, вѣрѣхъ (С. № 12), вѣмѣрѣхъ (С. № 13), вѣлики, сѣ (снн), да сѣ подѣлѣрѣ, вѣмѣти, да снѣти (С. № 14), сѣтитѣлѣ, вѣрѣхъ, дрѣвѣхъ, поставѣ (им. мн.), вѣрѣхъ жѣръ-похѣнѣхъ, до вѣрѣхъ, стоѣ (стом), кнѣзѣхъ, ѿ папѣ, властвѣхъ (внн. мн.), амьдрѣ, вѣ имѣ, доуѣровѣуѣхъ (внн. мн.), иѣ (иѣ) (С. № 16; Ш. № XVI), мѣрѣцѣхъ, про-дѣхъ, на трѣхъ (внн. мн.), правѣхъ (род.), прѣвѣрѣхъ (С. № 17), властвѣхъ (им. мн., С. NN № 17, 43), тѣхъ (внн., С. № 19), да сѣдѣ (С. № 21), в то вѣрѣхъ, прѣсѣдѣхъ (С. № 26), влахъ (С. NN № 27, 32), мѣтѣми и мѣтѣ (им. мн.), ѿ зем-лѣмъ, гдѣ въ двойной формѣ отразилось колебаніе (С. № 176), помѣти (А. NN № 7, 8), вѣрѣ, говорѣхъ (С. № 40), сѣвластѣ (А. № 10), да вѣсѣ мѣрѣнѣхъ и даѣхъ, вѣдѣхъ, ср. вѣзѣ хѣбѣхъ, да иѣ вѣмѣ, хѣлѣхъ и похѣхъ (внн. мн.), что сѣ хѣлогѣ хѣложѣхъ (С. № 43), прѣнесѣмъ (В. № 1), иѣвѣхъ, гдѣда, оѣхѣдѣхъ, вѣхѣдѣнѣю, иѣхѣдѣнѣхъ, прѣродѣтѣми, вѣликими, вѣлихѣхъ, на хѣсно, прѣидѣ, рѣдѣтѣлѣ (А. № 11), иѣхѣлѣтѣми, прѣвѣдѣ, вѣхѣдѣнѣ (Г. А.), ѿ главѣ (А. № 12), сѣвластѣорѣторѣ (А. № 13). Въ Законникѣ очень часто: кнѣзѣхъ, хѣрѣстѣмѣхъ, трѣхъ, прѣтопѣхъ, поповѣхъ, влахѣхъ царѣхъ, хѣуѣсарѣхъ, сѣтѣхъ, вѣропѣнѣхъ, похѣдѣхъ (им. и внн. мн.), мѣхъ (-а), скопѣхъ, соудѣхъ (3-е л. мн.), снѣхъ, похѣхъ, жоуѣхъ (род. ед.), да сѣ ѿвѣхъ, мѣтохъ, вѣдѣхъхъ и вѣдѣхъхъхъ и пр. (3.), прѣидѣхъ, кнѣпоградѣхъ, вѣстрѣнѣхъ (В. № 2), вѣсѣмѣтѣхъ, похѣдѣнѣи (А. № 18) и пр. и пр. Такова замѣна въ XIII-мъ и XIV-мъ вв. Въ XV-мъ въ собственно-Сербскихъ грамотахъ ее находимъ въ слѣдующихъ формахъ: хѣрѣстѣмѣхъ, ѿ хѣберѣхъ, похѣдѣхъ и похѣдѣхъ (А. № 17), ѿ жѣхъ, ѿ гѣлуамѣхъ, сѣмѣхъ (А. № 19), властвѣхъ (им. мн.), да вѣдѣхъ (внн. мн., С. № 114), како иѣ иѣ хѣуѣхъ иѣ тѣтѣхъ (С. № 137),

вратѣнѣ (С. № 147), врт (С. № 166), ѡ мларѣ (С. № 167), встѣмѣстѣнѣмѣ, да сѣ зокѣ (Г. V), тѣмѣ (вин.), да вѣдѣтѣ (А. № 20) и въ Черногорской: при мѣи, тѣкопѣрѣ, мѣгѣ, зѣ сѣгѣ, зѣмѣгѣ (род. ед.), кѣтѣю, зѣмѣгѣ (Мл.). Въ Западныхъ грамотахъ XIV-го и XV-го вв.: мѣ хотѣ (хотѣи, С. NN № 68, 108, 109, 157), хотѣе, хотѣе—колебаніе (С. NN № 86, 157), мѣмѣе, -е, сѣмѣи, -омѣ (С. № 87, 109, 110, 142), мѣгоу (С. № 108), при мѣмѣ (С. № 120), мѣтѣ (род. ед. жен., С. № 127), радѣкоу (им. ед.), мѣдровѣмѣ, вѣровѣмѣ (вин. пп., С. № 141), мѣтѣ (род. ед., С. № 144), вратѣнѣмѣ (С. № 163), зѣмоуѣдѣя (-ѣ), мѣтѣ (мон), мѣтѣ (мон, мон), ѣ (ѣ) (С. № 164). Очевидно, замѣна преобладаетъ въ Восточной семьѣ, а въ Западной только въ XIII-мъ в. Выякнувъ въ примѣры, мы легко можемъ замѣтить, что въ большей части изъ нихъ ѣ замѣняетъ мягкое ѣ, что и доказываетъ мягкую природу этого звука. Въ Западныхъ же грамотахъ XIV-го и XV-го вв. ѣ всюду замѣняетъ мягкое ѣ; а если въ Восточныхъ и древнѣйшихъ Западныхъ ѣ стоитъ иногда на мѣстѣ полутвердаго ѣ, то это объясняется взаимною смѣною этихъ звуковъ. Виднѣтъ также, что ѣ беззастѣнливо замѣняетъ носовое ѣ, но не прямо, а чрезъ посредство ѣ: стало быть, оно имѣетъ дѣло лишь съ послѣднимъ, не различая однако въ немъ основнаго отъ замѣнительнаго звука. Сверхъ того, б-а ѣ смѣняется съ б-ю ѣ въ словахъ: сѣмѣринѣи (А. № 11), сѣмѣра, сѣмѣринѣ (С. № 130), сѣмѣринѣ, -омѣ (С. № 159) и сѣмѣринѣ, -нога, -нижѣи, -шѣтѣи (А. № 3; С. NN № 115, 126, 128, 136, 146, 147, 158), сѣмѣинѣ (А. № 4), сѣмѣро, -ѣ (С. NN № 124, 125, 135, 147), сѣмѣринѣхѣ (С. № 134), сѣмѣринѣтѣи (С. № 136), сѣмѣра (А. № 16). Хотя въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ существуетъ одна только форма *сѣмѣро*, однако присутствіе въ древнемъ книжномъ языкѣ другой формы съ ѣ объясняетъ Чешское *střebro*. Имя *Стефанъ* приобрѣло себѣ другую форму—съ ѣ: будучи Греческимъ, *Στέφανος*, не можетъ собственно заключать въ себѣ существеннаго ѣ; но, перенесенное на Сербскую почву, до того усвоило себѣ ѣ, по случаю мягкаго т, что легко можетъ поспорить въ первенствѣ съ своимъ дружкой, удержавшимъ въ себѣ ѣ. Какъ та, такъ и другая форма имѣютъ на своей сторонѣ почти по ровному числу памятниковъ. Первую находимъ въ С. NN № 2, 7, 9, 13, 21—25, 28—31, 33, 34, 36—40, 42, 43, 46, 48—55, 62, 66, 84, 85, 112, 115, 116, 123, 126, 128, 138, 146, 150; III. № 16; А. NN № 2—5, 7—12, 16, 17, 18; Г. А; мон., Г. III, NN № 6, 7, 10, 11, 27—30, 39, 40, 41, 71, 72; Рейх. XVIII, 8; Бод.; печ., А. № 1. Вторую и перегласованную изъ нея съ б-ю и въ А. NN № 1, 13, 19; С. NN № 2, 14, 57, 60, 64, 71, 74, 83, 84, 89, 92, 95—98, 108, 120, 124, 128, 132, 133, 134, 137, 138, 140—144, 147, 150, 151, 152, 154, 156—159, 161, 163, 164, 173, 179; печ., С. № 120. Объясненіемъ б-ы ѣ служить форма съ ѣ, мѣ, мѣ: сѣмѣи, сѣмѣи, -н, сѣмѣи, сѣмѣи, -ѣ, сѣмѣи, сѣмѣи и т. п. (С. NN № 84, 112, 115, 119, 163, 176; печ., А. NN № 8, 11). Изъ сличенія памятниковъ, имѣющихъ ту, или другую форму, т. е., пишущихъ это имя или съ ѣ, или съ ѣ, мѣ, ѣ, мѣ, н. видно, что въ древнѣйшее время въ Восточныхъ грамотахъ преимущественно господствовала въ этомъ имени б-а ѣ, а въ позднѣйшее время въ Западныхъ грамотахъ — б-а ѣ, или ѣ и н, что совершенно согласно съ нашими изслѣдованіями о свойствѣ б-ы ѣ. Исключенія же не служатъ опроверженіемъ. Слово *Дечаны* находимъ въ формѣ дѣтѣи, дѣтѣи и дѣтѣи (С. № 176). Сверхъ того, не лишнимъ будетъ замѣтить, что слѣдующія слова всегда пишутся съ ѣ: прѣдѣ, прѣдѣ, сѣдѣ, на пр., посѣдѣ (А. №

19), *сръднѡмь*, -ѡ (С. NN^о 151, 152, 153), *вѡгодѡть*, -тѡмь, какъ въ Ц.-Славянскомъ языкѣ, (С. NN^о 50, 68, 104; А. N^о 13), *вѡзь вѡгодѡтьмь* (А. N^о 16), *сѡтѡрѡмь* (А. N^о 3), *сѡтѡрѡмь* (А. N^о 4), *сѡтѡрѡмь* (А. N^о 9), *сѡтѡрѡ* (С. N^о 104), *сѡтѡрѡсѡ*, *сѡтѡрѡстѡбѡ* (С. N^о 143), а чрезъ перезвукъ ѡ въ и: *сѡтѡрѡ* (С. N^о 102), *сѡтѡрѡмь* (А. N^о 4), *сѡтѡрѡмь* (С. N^о 86), *сѡтѡрѡмь*, -ѡ, -омь (С. NN^о 73, 91, 137, 143), *сѡтѡрѡмь* (С. N^о 111), *сѡтѡрѡмь* (А. N^о 16), *сѡтѡрѡмь* (С. N^о 156), *сѡтѡрѡмь* (С. N^о 158), *сѡтѡрѡмь*, -ѡ, -ѡ, -ѡ, -ѡ (С. NN^о 43, 73, 83, 91, 111, 113, 117, 127, 139, 163, 164, 165), а по другому правописанію *сѡтѡрѡмь* (С. N^о 127), откуда чрезъ перемѣну ѡ въ и по свойству Западныхъ грамотъ: *сѡтѡрѡмь* (С. NN^о 95, 103, 118, 136, 140, 150, 179 и др.), *сѡтѡрѡмь* (С. N^о 171), *сѡтѡрѡмь* (С. N^о 162) и пр. отъ *сѡтѡрѡмь*, по чему полезно снести выраженія: *тѡмь сѡ вѡмь и тѡмь сѡтѡрѡмь* (С. N^о 156).

Въ формѣ *сѡтѡрѡмь* (С. N^о 83) ѡ замѣняетъ ѡ.

Б-а ѡ образуется изъ стяженія звуковъ *и* и *и* (*и*и), какъ на пр., *сѡмь*, ср. *сѡмь* (Ш. N^о VII), *иѡ* (*и*и, С. N^о 8), *сѡ* (*с*и, С. N^о 14), *иѡдѡмь*, *иѡдѡмь*, -ѡ, -ѡгь, -ѡгь, *иѡдѡмь* (С. NN^о 87, 108, 157, 164), *людѡ* (-и, С. N^о 144), *пѡрѡдѡмь* (-и, С. N^о 157), *лиѡдѡ* (*лиѡдѡмь*, А. N^о 11); чаще при отрицаніи глаголовъ *иѡмь* и *иѡмь*: *иѡмь*, -иѡмь, -иѡмь (Ш. N^о VII; А. N^о 3; С. NN^о 10, 26, 34), *иѡ*, *иѡстѡ*, *иѡсѡ*, -ѡ (С. NN^о 4, 13, 35, 36, 39, 43, 45, 54, 64, 70, 71, 73, 91, 111, 137, 138, 147, 167, 176, А. NN^о 3, 5, 6, 7, 9, 13, 14, 18; 3; Мл.) и пр. Последнюю форму не трудно объяснить этимъ стяженіемъ, припомнивъ, что нѣкоторыя Славянскія нарѣчія, какъ-то: Хорватское, Хорутанское, Чешское и самое Сербское удерживаютъ въ 3-мъ л. мн. ч. глагола *быти* полный корень *ес*.

Обозримъ все пройденное нами пространство служенія б-ы ѡ и выведемъ общее заключеніе объ ея природѣ. Знакъ ѡ, взятый изъ Кириллицы, оказался въ Сербіи однимъ изъ самыхъ неопредѣленныхъ буквенныхъ начертаній. Онъ употреблялся вмѣсто *к*, *в*, *и*, *и*, *и* и на оборотъ, вмѣсто него употреблялись *в*, *и* (*в*, *и*, *сѡ*, *иѡ*), *иѡ*, (*иѡ*, *иѡ*), *и*. Эта взаимная смѣна доказала окончательно природу звука ѡ. Обращеніе его въ *в*, *и* и *иѡ* со всѣми видоизмѣненіями ихъ начертаній показало, что въ основаніи его лежитъ звукъ *в*, въ которомъ смягчающее свойство Сербскаго языка развило зародышъ мягкости и сравняло не только съ обыкновеннымъ *и*, но еще вытянуло въ *иѡ*; смѣна же его съ *иѡ* и *иѡ* показала, что онъ сложился изъ *а+и*, и что въ этой сложной его природѣ не только бываетъ равновѣсіе, производящее средній, собственно мягкій и долгій звукъ *в*, но является мѣстами и колебаніе, дающее превѣсъ тому, или другому образовательному звуку, отъ чего происходят *иѡ*, или *иѡ*. Эти не уравновѣшенные звуки занимаютъ въ Сербскомъ языкѣ второстепенное мѣсто; а главное мѣсто принадлежитъ звуку *в*, который окончательно твердѣетъ въ Ресавскомъ подрѣчьи и окончательно смягчается въ Герцеговинскомъ. Въ послѣднемъ *иѡ* есть какъ бы противодѣйствіе переходу *иѡ* въ *иѡ*, существующему въ Сремскомъ подрѣчьи. Въ этомъ послѣднемъ, вѣроятно, въ слѣдствіе государственной судьбы Славоніи, Срема, Бачки и Баната, развившейся подъ условіемъ частыхъ переселеній сюда Сербскаго племени, составилось два выговора: *е* и *иѡ*; первое, вѣроятно, занесено было сюда православными Сербами, а второе родилось отъ сосѣдства и общенія съ Хорватами, ибо дѣйствительно оно любимо Римско-католиками Славонцами и Далматинцами. Возможность перехода *иѡ* въ *иѡ* не подлежитъ никакому сомнѣнію; даже въ самомъ Герцеговинскомъ подрѣчьи, если за *е* (*je*) слѣдуетъ гласная, въ особенности *иѡ*-

кая, то *е* обращается въ *и*: *смяти, дмо*. Другое заключеніе, истекающее изъ нашего обзора, относится къ исторіи и мѣстности звука *ѣ*. Звукъ этотъ своими повременными видоизмѣненіями отвѣчаетъ нынѣшнему, на немъ основанному, дѣленію Сербскаго нарѣчія на подрѣчія. Восточныя грамоты, коихъ мѣстонаписаніе должно предполагать въ области Ресавскаго подрѣчія, замѣняютъ *ѣ* б-ю *ѣ*; Западныя грамоты, по мѣстности своей относящіяся къ Герцеговинскому подрѣчію, замѣняютъ *ѣ* б-ми *и* и *и* *и* *и* (съ различными начертаніями): таково показаніе большинства историческихъ данныхъ. Сюда должно присоединить еще слѣдующіе три историческіе вывода: 1) въ половинѣ XIII-го в., по случаю большей неприкосновенности и цѣльности, а по тому и ббльшаго разединенія книжнаго языка съ народнымъ, появляется и въ Западной семьѣ замѣна б-ы *ѣ* чистымъ *ѣ*; 2) въ Западныхъ грамотахъ XIV-го и XV-го вв. существуетъ обильная замѣна б-ы *ѣ* б-ю *и*: это объясняется языкословно, равно какъ вѣроисповѣдною и государственною судьбою западныхъ областей Сербіи; и 3) по всѣмъ грамотамъ проходитъ довольно сильная замѣна б-ы и б-ю *ѣ*, чего нѣтъ въ нынѣшнемъ Сербскомъ нарѣчіи: это объясняется свойствомъ самого звука *ѣ*, который, при малѣйшемъ ослабленіи преобладающаго въ немъ *а* и усиленіи *и*, можетъ переходить въ среднее мягкое *е*, *је*, какъ въ Хорутанскомъ, или, на оборотъ, мягкое долгое *е* или *ь*, т. е., *а+и*, при нарушеніи равновѣсія, переходитъ въ *ѣ*, или въ *и*, какъ въ Н.-Булгарскомъ, Польскомъ, Чешскомъ и Бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ.

Второй сложный по природѣ звукъ есть *о*. Онъ образовался изъ слитія *а* и *у*, отъ чего въ Санскритѣ былъ отличенъ долгою. Но въ другихъ Индоевропейскихъ языкахъ онъ былъ возведенъ на степень кореннаго и простаго звука, и по тому сдѣлался обоюднымъ по своему количеству. Славянскіе языки поставили его на ряду съ простыми коренными звуками, забывъ его первичную непремѣнную долготу. По природѣ своей, звукъ *о* занимаетъ мѣсто между *а* и *у*. Будучи сліяніемъ двухъ твердыхъ звуковъ, онъ твердъ, какъ и они. Первоначально въ Кириллицѣ было одно простое *о*, потомъ явилось и двойное *оо*, Греч. *ω*. Въ этихъ двухъ видахъ приняли его и Сербы въ свою древнѣйшую письменность. Не наше дѣло разсматривать законы, на основаніи которыхъ въ Ц.-Славянской письменности стало употребляться то и другое начертаніе; представимъ здѣсь наблюденія, сдѣланныя нами надъ обоими начертаніями только въ области одной Сербской письменности, гдѣ они пользовались уже равнымъ правомъ гражданства. Главное и общее правило, которое проведено, въ большей, или меньшей степени, по всѣмъ памятникамъ, состоитъ въ томъ, что въ началѣ слова и послѣ гласной писалось *оо*, а въ другихъ случаяхъ *о*. На долготу и краткость звука не обращалось вниманія, равно какъ нельзя подозрѣвать, чтобы *оо* означало мягкій, а *о* твердый звукъ. Употребленіе того и другаго, конечно, могло родиться изъ подражанія, на пр., б-мъ *и* и *ѣ*, но подражаніе это не могло быть навязано самому произношенію звука *о*, ибо, во первыхъ, онъ всегда произносился одинаково какъ въ томъ, такъ и въ другомъ видѣ, а во вторыхъ, для смягченія его употреблялась также б-а *и*, но только въ полномъ начертаніи, какъ увидимъ ниже. Но главное правило, хотя и выдерживаетъ всякое возраженіе по большинству случаевъ, однако не лишено множества исключеній. Въ древнѣйшихъ памятникахъ до половины XIV-го в. часто является *о* вмѣсто *оо* въ началѣ слова и послѣ гласной, а съ половиною XIV-го в. до конца XV-го *оо* часто заступаетъ мѣсто *о* въ среднѣй слова послѣ согласной. Въ такомъ порядкѣ являются исключенія. Разумѣется, здѣсь не

обошлось без вліянія свойствъ той и другой семьи грамотъ. Обратный порядокъ исключеній, хотя также находить себѣ представителей, ибо въ дѣлѣ столь произвольномъ и неопредѣленномъ, каково древнее правописаніе, возможно всякій случай; однако таковыя примѣры весьма рѣдки и несравненно рѣже исключеній перваго рода. Кажется, главное и общее правило начертаній, сейчасъ нами упомянутое, установлено было Сербскими писцами, ибо, во первыхъ, большее количество исключеній, и именно въ пользу *o*, находимъ въ тѣхъ грамотахъ, кои держатся ближе къ Ц.-Славянскому правописанію; во вторыхъ, всякое правило, касающееся одного лишь вѣшняго начертанія буквы и не основанное на внутреннемъ ея свойствѣ, должно было скоро впасть въ несостоятельность и допустить множество исключеній. Такъ дѣйствительно въ послѣдствіи замѣчаемъ частое употребленіе *o* не на своемъ мѣстѣ, тогда какъ прежде оно ставилось весьма осторожно и правильно: ясно, что законъ возникъ уже на Сербской почвѣ, въ туземной письменности, и тутъ же отъ времени искажился. Я сказалъ, на Сербской почвѣ, — и дѣйствительно, грамота Кулина не представляетъ ни одного исключенія; въ ней пишется: бѣа, бѣ, осмьдестъ, немана и до, гон, стѣ, по момѣ, що, радѣ и пр. и пр. (А. И.). Напротивъ, въ гр-ѣ Немани, болѣе близкой къ Ц.-Славянскому языку, встрѣчаемъ *o* вмѣсто *o*: приобрѣтохъ, о мѣитъ, симѣохъ, осталь, ометъ, симѣохъ (у Ш. № V—симѣонокъ), а на печати: вликлгѣ (у Ш.—o), но все таки большинство случаевъ остается за правиломъ (А. № 1). Въ XIII-мъ в. правильное употребленіе *o* и *o* находимъ въ гр-хъ С. NN № 2, 3, 4, 7, 9, 13, 15, 17, 26. Въ другихъ есть исключенія, между которыми на 24 незаконныхъ *o* приходится всего только 6 незаконныхъ *o*. Прибавимъ сюда также и то, что на каждое незаконное *o*, или *o*, законныхъ можно привести по нѣскольку: не говорю уже о грамотахъ, гдѣ нѣтъ исключеній. Также противъ неправильнаго употребленія *o*-ы *o* послѣ согласной говорить все достаточное бесчисленное множество случаевъ правильнаго употребленія тамъ же *o*-ы *o*. Нельзя не замѣтить и того, что въ двухъ грамотахъ, Боснійской и Приморской (С. NN № 5, 18), пишется почти постоянно одно *o*; въ первой даже нѣтъ вовсе другаго начертанія, а въ послѣдней только одинъ разъ употреблено *o*; но такъ какъ въ этихъ грамотахъ недостаетъ также и начертанія *o*, то можно думать, что писецъ, по случаю ихъ отдаленности отъ Ц.-Славянской стихіи, пренебрегъ общимъ книжнымъ языкомъ и хотѣлъ ввести свое правописаніе, кратчайшее и по тому удобнѣйшее; точно также, какъ позднѣе другой писецъ хотѣлъ писать *o* вмѣсто *o* или *o*. Вообще соотношеніе между недостаткомъ *o* и *o* въ начальныхъ грамотахъ XIII-го ст. не можетъ не броситься въ глаза внимательному изслѣдователю. Равномѣрно нельзя не замѣтить въ послѣдствіи, въ XV-мъ в., обилія въ начертаніи *o* и вмѣстѣ съ нимъ *o*, *o*, *o* и т. п. Такимъ образомъ исключенія изъ общаго вышеупомянутаго правила употребленія начертаній *o* и *o* составляютъ не болѣе, какъ $\frac{1}{100}$. Въ XIV-мъ и XV-мъ вв. въ собственно-Сербскихъ грамотахъ, кромѣ Аѳонскихъ, незаконное употребленіе начертанія *o* усмливается; но вообще исключенія маловажны. Въ XV-мъ же вѣкѣ, кромѣ четырехъ весьма сомнительныхъ случаевъ, гдѣ едва ли правильно понято начертаніе начальной *o*-ы *o* (С. № 91), исключеній для *o* нѣтъ; неправильное употребленіе находимъ только для *o*. Вообще отношеніе въ этихъ двухъ вѣкахъ между обоими начертаніями принимаетъ въ упомянутыхъ грамотахъ обратный смыслъ сравнительно съ XIII-мъ в.: здѣсь на 8 случаевъ незаконнаго употребленія начертанія *o* приходится 110 случаевъ таковаго же употребленія начертанія *o*. Укажу на нѣкоторыя формы,

которыя можно объяснить двойко, или оправдывать въ смыслѣ правила, или обвинять въ смыслѣ исключенія; таковы: *ѡоць* (С. № 35), которую писецъ въ произношеніи воображалъ, какъ *ѡоцъ*; *прѡомъ* (С. № 40), *крѡмъ* (С. № 46), *грѡмъ* (С. № 55), изъ которыхъ двѣ первыя правильны съ вѣднѣй стороны или наглядно, ибо писецъ, выведя изъ строки согласную, долженъ былъ поставить *ѡ* вслѣдъ за гласною; а послѣдняя правильна въ совершенно обратномъ отношеніи, со стороны произношенія, ибо гласныя разъединены согласною. Сверхъ того, формы изъ XIII-го в.: *мономъ*, *вратномъ*, *скономъ* (С. № 14) представляютъ замѣчательное смягченіе б-н *ѡ*, такъ что и, сливаясь съ нею въ одинъ мягкій звукъ, подобно *мѡ*, не требуетъ ея удвоенія въ видѣ *ѡѡ*. Не будетъ ли слишкомъ смѣлымъ предположеніемъ, если мы поведемъ далѣе нашу мысль, выраженную выше, что главное и неоспоримое правило употребленія начертаній *ѡ* и *ѡѡ* возникло между Сербами въ Сербской письменности, и скажемъ, что удвоенному начертанію *ѡѡ* Сербскіе писцы хотѣли придать болшую силу и самостоятельность въ сравненіи съ *ѡ*, и по тому съ него собственно начинали произношеніе слова и его ставили послѣ гласной, когда эта не сливалась съ послѣдующимъ звукомъ *ѡ*, какъ въ *по*, а напротивъ требовала между собою и имъ твердаго и сильнаго отбоя голоса или, иначе, полной членораздѣльности звукомъ? Вѣдь не писали же никогда *ѡѡ* съ *ѡѡ*, когда это сочетаніе служило для выраженія одного цѣльнаго звука. Мы замѣчаемъ также, что около половины примѣровъ, начиная съ грамотъ Душана, какъ бы послѣдовательно употребляютъ *ѡѡ* послѣ согласной въ творительномъ п. ед. ч. всѣхъ родовъ и мѣствомъ п. ед. ч. муж. и ср. р. Болѣе яснымъ подтвержденіемъ тому служитъ Законникъ Душановъ, гдѣ, можно сказать, постоянно находимъ *ѡѡ* не только въ началѣ словъ, но и въ среднихъ въ твор. п. ед. ч., въ дат. и мѣстн. пп. мн. ч. всѣхъ родовъ и въ мѣстн. п. ед. ч. муж. и ср. р. Кромѣ того *ѡѡ* попадается иногда и въ другихъ мѣстахъ послѣ согласной. Послѣдовательность въ употребленіи *ѡѡ* въ вышеупомянутыхъ случаяхъ набрасываетъ даже тѣнь подозрѣнія въ исправкѣ подлиннаго правописанія Законника. Не совсѣмъ то же сказать можно объ Аеонскихъ грамотахъ. Сдѣсь, сравнительно съ количествомъ и объемомъ этѣхъ грамотъ, исключеній гораздо больше, и при томъ *ѡѡ* незаконное значительно усиливается; сдѣсь незаконное *ѡѡ* относится къ таковому же *ѡѡ*, какъ 43: 206. Эти числа уже показываютъ, сравнительно съ предыдущими, что въ Аеонскихъ грамотахъ исключеній изъ общаго правила болѣе, чѣмъ въ другихъ собственно-Сербскихъ же грамотахъ: стоятъ только указать на гр-у А. № 18, въ которой исключеній почти столько же, сколько во всѣхъ прочихъ Аеонскихъ. Можно положительно утверждать, что гдѣ сильнѣе была Ц.-Славянская стихія, тамъ главное правило соблюдалось слабѣе, а это и доказываетъ вновь, что правило это родилось на Сербской почвѣ. Законникъ служитъ тому новымъ подтвержденіемъ, ибо, нося глубокіе слѣды вліянія Ц.-Славянскаго языка, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не только допускаетъ обильныя исключенія въ пользу *ѡѡ*, но во многихъ случаяхъ дѣлаетъ ихъ даже правиломъ. Одно, въ чемъ сходятся всѣ Сербскія грамоты, это преобладаніе съ XIV-го в. незаконнаго *ѡѡ* надъ незаконнымъ *ѡѡ*, хотя и въ этомъ отношеніи Аеонскія отличаются отъ прочихъ Сербскихъ, учащая употребленіе послѣдняго. Въ остальныхъ грамотахъ, принадлежащихъ къ Восточной семьѣ, т. е., Зетскихъ, Албанскихъ и Черногорскихъ, происходитъ то же самое, но только въ гораздо меньшихъ размѣрахъ. Наиболѣе исключеній встрѣчаемъ въ гр-ѣ Ивана Черноевича 1485 г. (Мл.); но въ то же время видимъ, что эта

грамота, относясь къ православному Цѣтинскому монастырю, сильно отзывается Ц.-Славянскою стихією. Вліяніе последней было одинаково со вліяніемъ времени, которое обыкновенно всегда стремится къ уничтоженію созданнаго и къ созданію новаго. Время поколебало правило, установленное тремя вѣками, и породило для него множество исключеній. Трудно было сохранить общность и ненарушимость правила, когда между писцами не было ничего общаго, и не существовало другой науки правописанія, какъ только чтеніе и смыслываніе грамотъ предшественниковъ. Но такова наука была слишкомъ непрочна. Ошибка одного писца вводила другаго въ десять подобныхъ ошибокъ. Какъ Ц.-Славянская письменность, въ которой не было Сербскаго правила для употребленія *o* и *o*, такъ и время произвели смѣшеніе между обоими начертаніями, а поздѣйшіе писцы, замѣтивъ у древнѣйшихъ довольно частое употребленіе *o*, подумали, что оно болѣе идетъ къ Сербской рѣчи, и стали употреблять его безъ разбора вмѣсто *o*. Преобладаніе *o* можно назвать отличительнымъ свойствомъ Сербскихъ рукописей. Ц.-Славянская стихія тщетно старалась доставить преобладаніе начертанію *o* вмѣсто *o*: исключенія въ пользу *o* превосходятъ своимъ количествомъ исключенія въ пользу *o*. Въ разсмотрѣнныхъ нами грамотахъ XII-го, XIII-го, XIV-го и XV-го вв. незаконное *o* относится къ такому же *o*, какъ 81: 321. Въ Западной семьѣ, начиная со второй половинѣ XIV-го в., это отношеніе еще болѣе склоняется на сторону *o*. Начертаніе *o* встрѣчается, сколько мнѣ удалось замѣтить, почти столько же разъ, сколько и въ разсмотрѣнныхъ сейчазъ грамотахъ (около 90), но за то число и объемъ Западныхъ грамотъ значительно увеличиваются, равно какъ усмиваются и исключенія въ пользу *o*. Нѣкоторыя грамоты отличаются особенною любовью къ *o*; въ другихъ же оно является какъ бы нечаянно. Это указываетъ на произволъ писцовъ, изъ которыхъ одинъ любилъ начертаніе *o*, другой же не терпѣлъ его. Въ число исключеній не входятъ тѣ случаи, въ которыхъ *o*, какъ смягчающее, предшествуетъ *o* и вмѣстѣ съ нимъ составляетъ одинъ мягкій звукъ, какъ на пр., *госномомъ*, *пофе*, *моноп*, *сконм*, *моном*, *скономъ*, *ном*, можетъ быть, и *вономъ*, *поденскиномъ*, *братьномъ* (см. н.), а также тѣ, которыя написаны, какъ *ѡлѡини* (С. NN^o 95, 103), *ѡ олѡини* (С. N° 85), *пѡком* (С. N° 156), *ѡлѡхи* (С. N° 74), и которыя писецъ промазосилъ за одно слово, соединяя предлогъ непосредственно съ послѣдующимъ словомъ, ср. *ѡдоногам* (С. NN^o 102, 104). Кромѣ одной грамоты, лишенной вовсе *o* (С. N° 99), во всѣхъ прочихъ грамотахъ, гдѣ встрѣчается незаконное *o*, есть и законное *o*, по чему исключенія кажутся столь малочисленными, что даже, по видимому, вовсе исчезаютъ во множествѣ случаевъ, имъ противорѣчащихъ. Не таково явленіе другаго начертанія *o*. Это начертаніе стало неправильно употребляться, какъ мы видѣли, преимущественно съ времени Душана; но количество случаевъ его неправильнаго служенія дошло до высшей степени въ Западныхъ грамотахъ конца XIV-го и XV-го вв. Въ рѣдкой грамотѣ не попадаетъ неправильное *o* и при томъ въ довольно значительномъ количествѣ, такъ что съ перваго взгляда можно замѣтить пристрастіе къ нему большей части писцовъ. Отношеніе его къ правильному *o* равняется 35: 1. Напрасно бы было приводить примѣры. Но какъ бы велико ни было число исключеній, оно никогда не превзойдетъ количества законнаго служенія начертаній *o* и *o*; последнее встрѣчается, повторяю, безконечное число разъ. Довольное число грамотъ безъ исключеній съ однимъ правильнымъ употребленіемъ обоихъ начертаній, равно какъ силь-

ное противодѣйствіе исключеніямъ въ тѣхъ же самыхъ грамотахъ, гдѣ находятся исключенія, достаточно убѣждаютъ насъ, что въ продолженіи четырехъ разсматриваемыхъ нами вѣковъ изложенное выше общее и главное правило нѣко доволно силы и употреблялось въ большей части случаевъ. Если сравнимъ всѣ грамоты всѣхъ вѣковъ, то увидимъ, что въ отношеніи исключеній XIII-й в. отличается любовью къ о, XIV-й смѣшиваетъ то и другое начертаніе, но даетъ преимущество ѿ, а XV-й окончательно устанавливаетъ незаконное ѿ; правило же остается неизмѣннымъ по прежнему и общимъ для всѣхъ грамотъ: исключенія не опровергаютъ его и даже не ослабляютъ. Это правило—ставить въ началѣ словъ и послѣ гласной ѿ, а въ срединѣ и концѣ словъ, послѣ согласной о — родилось на Сербской почвѣ и первый наибольшій ущербъ въ пользу незаконнаго о потерпѣло отъ Ц.-Славянской стихіи, а потомъ Западная семья грамотъ придала ему наибольшее число исключеній въ пользу незаконнаго ѿ.

Б-а о усиливается изъ ѿ въ косвенныхъ падежахъ ед. ч. и во всѣхъ падежахъ мн. ч. мѣстоименія ми и въ формахъ мѣждѣ (С. № 35), мѣтора, тогда, доколя, ѿтока и т. д. (см. в.).

Б-а о смѣняется съ ѿ въ словахъ: михола дѣе (С. № 2), михола, -о, -и, -а, -в (С. NN № 12, 16, 19, 21, 27, 133, 176), михолола (С. № 32), трокизи (С. № 7), ѿсяномъ, локрытизи (С. № 16), докшица, ср. дакиши (С. № 40), сотоннию (С. № 51), алекандръ (С. № 61), въ Геросалимахъ, ср. въ Геросалимѣ (Г. А), ярусалими (С. № 173). Въ формѣ юркизи (С., стр. 252) о стягиваетъ въ себя ѿ: юри—юро, какъ въ михола вм. михили.

Б-а о замѣняетъ ѿ въ словахъ: гиѿлола (С. № 35), толауцими (А. № 4) и толауки (А. № 8). Въ формѣ ѿтоври (С. № 162) ѿ замѣнило ѿ (ѿ), ср. ѿвѣри (С. № 116).

Б-а о замѣняетъ ѿ въ формахъ: проморликаго (А. № 7): сѣсь, вѣроятно, усиленіе изъ ѿ, какъ въ словѣ *нора* и *вѣрити*, *вѣрици*; ѿзѣриши (А. № 18), ср. ѿзѣриши (А. № 19) — не есть ли первое сокращеніе изъ ѿзѣрикаши, гдѣ ѿ возникло изъ ѿ чрезъ весьма обыкновенное усиленіе?

Б-а о смѣняется съ ѿ въ словахъ: морила (С. № 16), подкиѿриши (А. № 4), хрисоколя, -ѿ, -ми (А. NN № 4, 8; 3.), гоутиши, -ѿа (С. NN № 133, 140), ср. гзутиши, -ѿа (С. NN № 64, 68, 82, 89, 105), докѿриши и докѿриши (А. № 7), агоста (С. № 171), ср. агѿста (С. № 21).

Б-а о смѣняется съ ѿ въ мѣстн. п. мн. ч. существительныхъ муж. и средн. р. и въ мѣстн. п. ед. ч. прилагательныхъ муж. и средн. р.

Б-а о является чрезъ стяженіе въ формахъ поѿрлати (т. е., поѿрлати, А. № 1), поѿ, поѿмо (С. NN № 3, 10), гоѿри (С. № 43), гоѿри (А. № 6), гоѿри (С. № 62), гоѿъ (печ., Р. III, стр. 168), гоѿри (С. № 70), гоѿъ (мон., Г. III, № 82), поѿи (поѿти, С. № 72), доѿган (С. № 89), поѿъ, (т. е., по ѿкъъ, С. № 102), соѿми, коѿми (С. № 141), доѿи (доѿти, С. № 145), соѿъ (С. № 157).

Въ словѣ поѿо (С. № 165) ѿ замѣнило ѿ, т. е., ѿко (С. NN № 158, 159, 163) уменьшительное отъ поѿла.

Б-а о способна удваиваться, но безъ всякаго внутренняго значенія. Удвоеніе началось въ Восточной семьѣ съ гр-ы Стефана Первоувѣчаннаго, гдѣ находимъ однажды: поѿѿ (III. № VII), а въ гр-хъ Милутина: ѿѿѿ (А. № 4), ѿѿѿ (С. № 52). Частое употребленіе удвоеннаго ѿѿ появилось не ранѣе грамоты Душана. Сильнѣе распространилось оно въ Западной семьѣ XV-го в. При

но неохотливость къ этому смягченію весьма замѣтна. Немногія формы удержали въ себѣ смягченное о, большая часть пишетъ твердое о. Мы разсмотримъ здѣсь только тѣ формы, въ которыхъ мягкое о не переходитъ въ и. Въ началѣ словъ о смягчается въ ио въ формахъ *ноше* (С. № 101), чрезъ которую *оше* переходитъ въ *ише*. Замѣчательна форма въ синон *окитан* (А. № 14), не переведшая о въ и и не смягчившая его, ср. *з сянн кастиа* (С. № 7). Подобныя ей формы находимъ: *моши* (С. NN № 67, 70, 71, 82, 102, 114, 132) и съ смягченіемъ: *мошон* (С. NN № 101, 164), *по скоши* (С. NN № 76, 80, 143) и съ смягченнымъ о: *з скошѣн* (С. № 77), *з сконон* (С. № 140), *ил сконон кѣн* (С. № 157); *з сион* (С. № 78), *з коши* (С. № 94) и смягченная: *кошии* (С. № 57), *о конон* (С. № 113); *ѣшнѣи* (А. № 15), *по ѣшнѣи* (А. № 18), *по бошнѣи* (С. NN № 96, 97) и *по бошнѣи* (С. NN № 24, 37), *кошнѣи* (С. № 31), *бошнѣи* (С. № 51), *бошнѣи* (С. № 52), *ѣшнѣи* (С. № 73). Въ началѣ слова о не смягчено въ формахъ *ои* (ей, С. NN № 87, 93, 109) и съ благозвучнымъ и: *з ши* (С. NN № 97, 99); но оно смягчено въ формахъ: *иш* (С. NN № 121, 164). Въ твор. п. ед. ч. жен. р. существительныхъ, прилагательныхъ и мѣстоименій, оканчивающемся на -кѣ и -мѣ, Сербы не любятъ переводить предшествующее о въ и, но или оставляютъ его такъ, безъ перемѣны, или смягчаютъ. Встрѣчаются, правда, въ одной изъ древнѣйшихъ грамотъ формы съ и: *ишнѣ*, *ѣшнѣ* (С. № 2) и еще въ гр-ѣ С. № 60: *скошнѣ* (твор. ж.), но ими ограничивается весь переходъ о въ и при предшествующей гласной. Обыкновенныя же формы суть слѣдующія: *скошнѣ* (С. NN № 3, 26), *скошнѣ*, *скошѣ*, *скошѣ* (А. № 13; С. NN № 87, 91, 108—111, 124, 125, 128, 137, 163), *ѣшнѣ*, -*шнѣ* (С. NN № 6, 7, 21, 27), *бошнѣ*, -*шнѣ*, *ѣшнѣ*, -*шнѣ*, *ѣшнѣ*, *ѣшнѣ* (С. NN № 65, 70, 77, 92, 96, 99, 103, 105, 107, 116, 122, 127, 132, 139, 140, 142, 150, 152, 153, 154, 157, 161, 164), или смягченная *скошнѣ* (С. № 14), *скошнѣ*, *скошнѣ*, *скошѣ* (С. NN № 57, 77, 112, 115, 119, 121, 26, 135, 140, 164), *бошнѣ* (С. № 134), *бошнѣ* (С. № 141); несмягченныя формы: *братнѣ* (С. № 14), *братнѣ*, *братнѣ* (С. NN № 86, 96, 98), *суднѣ* (С. № 22), *гнѣзновѣ* (С. № 35); смягченная *твонѣ* (С. № 41); *иплѣ* (С. № 43), *мѣнѣ* (С. № 49), *ушнѣ* (С. NN № 49, 50), *пѣтнѣ* (С. № 61), *госпошнѣ*, *госпошнѣ* (С. NN № 66, 97) и смягченная *госпошнѣ* (С. № 85); *мошнѣ*, *мошнѣ*, *мошнѣ* (С. NN № 67, 72, 80, 86, 93, 96, 98, 110, 132, 148, 162, 171) и съ смягченіемъ *мошнѣ*, *мошнѣ*, *мошнѣ* (С. NN № 14, 96, 158, 170), *шнѣ*, *шнѣ* (С. NN № 78, 80, 82), *тѣпашнѣ* (С. № 85), *ишнѣ* (С. NN № 96, 141), *пошнѣ* (С. № 101). Впрочемъ, всѣ эти несмягченныя формы, кромѣ *госпошнѣ*, можно считать сомнительнымъ, ибо онѣ, во первыхъ, о, о, передъ и, даже и безъ видимаго смягченія, уже произносятся мягко; во вторыхъ, два сряду и рѣдко пишутся у Сербовъ и обыкновенно стягиваются въ одно и; въ третьихъ, можно предполагать въ таковыхъ формахъ выпущеніе ѣ, образовавшагося изъ перваго и: объясненіемъ послѣднему предположенію послужатъ формы: *бошнѣ*, *бошнѣ* (см. в.), *братнѣ*, -*нѣ* (С. NN № 136, 140) и *братнѣ* (С. № 141), которыя звучатъ, какъ *бошнѣ*, *братнѣ*, и гдѣ, слѣдовательно, и есть вставочное смягчающее для о: яскѣ это видно въ сочетаніи *шо*, которое, по поподобию съ *шѣ*, звучащимъ какъ ш, должно произноситься совершенно слитно, какъ *шѣ*; а такъ какъ *шѣ* замѣняетъ и, то и *шо*, *шо* должно произноситься точно такъ же: отъ того форму *братнѣ* (С. № 141; въ этой гр-ѣ *ш=и*) должно читать *братнѣ*. Объясненіемъ служатъ также формы:

любеку, платю, милостю (см. в.), гдѣ конечное ѣ исчезло въ ю, какъ бы лю-
беку и пр., также какъ истиню и истинью (С. № 51); по этому формы,
какъ кратиомъ, можно читать и *братиомъ* и *бретемъ*, гдѣ, слѣдовательно, и
передъ ѣ не есть первоначальное конечное, но вставочное для смягченія ѣ;
конечное же обратилось въ ѣ и въ этомъ видѣ исчезло во вставочномъ и,
какъ бы *кратиомъ*, *игуатиомъ* и пр. Явно смягченными находимъ формы, ка-
ковы: *твощомъ*, *госпономъ*, *кономъ*, *игуатиомъ*, *нодесвиномъ*, откуда *кисѣомъ*
(С. NN № 116, 120, 140), гдѣ и изъ ю перешло въ и и смягчило его въ ѣ.
Другой родъ смягченія б-ы совершается чрезъ ѣ, но такихъ случаевъ
немного; замѣчены только слѣдующіе: *мѣомъ* (С. № 97), *внѣшомъ* (С. № 103).
Въ иностранныхъ словахъ смягченіе выражается точно такъ же, какъ и въ
Сербскихъ, чрезъ полное начертаніе *мѣ*, при чемъ, конечно, это послѣднее
могло звучать и раздѣльно: *йѣлниниѣ* (А. № 4), *йѣиѣ* (А. № 9), *йѣиѣиѣ*,
йѣиѣиѣиѣ (А. № 6), *йѣсифѣ* (С. № 176), *йѣлниниѣиѣ*, *йѣлниниѣиѣиѣ* (А. № 11)
и пр. Б-а-ѣ, вставленная между *мѣ* и *ѣ* въ *мѣлѣиѣ* (А. И.), подтверждаетъ, что
мѣ звучало слитно, какъ нынѣ въ той же формѣ *Јованъ*; но открытые значки ѣ
надъ *мѣ* показываютъ, что всѣ три гласныхъ звука произносились раздѣльно;
напротивъ, закрытые ѣ свидѣтельствуютъ протвѣное. Наконецъ *мѣ* слилось въ
однѣнъ звукъ и и образовало форму *мѣиѣиѣ*, *мѣиѣиѣиѣ* и т. д.

Носовые звуки *ѣ* и *ѣ* съ ихъ смягченіями *ѣ* и *ѣ*, не существующіе въ ны-
нѣшнемъ Сербскомъ языкѣ, были въ немъ когда-то, въ его допамятную пору,
и оставили по себѣ нѣкоторые слѣды. О первомъ изъ нихъ мы не станемъ
здѣсь говорить, ибо о немъ было довольно говорено при другихъ зву-
кахъ. Переиѣна его въ *ѣ* столь послѣдовательна и безысключительна, что
все служеніе его вылилось въ этой буквѣ. Отдѣлять коренное *ѣ* отъ за-
мѣнительнаго *ѣ* для *ѣ* нѣтъ никакой надобности, ибо и самый языкъ не отли-
чаетъ ихъ въ произношеніи. И о второмъ также говорено было въ своемъ
мѣстѣ. Здѣсь же мы хотимъ только напомнить тѣ формы, въ которыхъ носо-
вое *ѣ* оставило по себѣ ясныя слѣды. Мы уже замѣтили выше, что слѣды *ѣ*
въ срединѣ слова видны въ именахъ собственныхъ, переданныхъ намъ древними
иноземными писателями, каковы: *Carento*, *Μουνημῆρος*, *Νέβτοουρος*, *Λουου-
μῆρος*. Къ нимъ присоединю еще названіе Хорватскаго селенія, встрѣчающе-
еся въ одной Латинской грамотѣ 1071 г., *Sanjsovo*, которое можно сравнить
съ селеніями въ Сербіи *Санковитъ* и *Санчица*, хотя послѣднія вѣрнѣе образо-
вались изъ *Сыжко*, гдѣ, слѣдовательно, *ѣ* есть озвукотворяющее ѣ¹. Но такой
остатокъ носоваго звука составляетъ рѣдкое явленіе и исключеніе изъ об-
щаго правила. Онъ принадлежитъ глубочайшей древности и оттуда, какъ
отвердѣлый памятникъ того времени, дошелъ до насъ, благодаря письму, или
памяти народной. Въ наше время, какъ часть живаго слова, съ нимъ виѣсть
живущая, растущая и двигающаяся, присущая ему во всѣ времена, носовой
звукъ отразился только въ концѣ словъ въ двухъ формахъ, именно, въ твор-
тельномъ п. единственнаго ч. именъ женскаго рода, включая сюда и имена муже-
скаго рода съ женскимъ окончаніемъ, и въ 1-й лицъ ед. ч. настоящаго и будущаго
временъ. Какъ нынѣ, такъ и въ древнѣйшихъ Сербскихъ памятникахъ, эти слѣды
существуютъ. Нынѣ въ обоихъ случаяхъ непремѣннымъ окончаніемъ служатъ
носовое *ѣ*: всѣ виды склоненія именъ существительныхъ, прилагательныхъ,
числительныхъ, иѣстоимелій и причастій женскаго рода оканчиваются въ твор.

¹ Шафар., Slov. Starožitn., II, V, 679. Слав. Древн., II, II, 36.

п. ед. ч. на -ом. Исключаются только имена существительныя жен. р., оканчивающіяся на согласную и имѣющія въ твор. п. ед. ч. -ию или, чрезъ стяженіе, -ю (*жу*). Но это исключеніе вознаграждается мѣстоименіями, употребляющимися для всѣхъ трехъ родовъ, каковы: *я—мною, ти—тобою, (си)—собою*. Первое лицо ед. ч. настоящаго вр. всѣхъ видовъ глаголовъ оканчивается на *м* съ предыдущею гласною *а, е, и*. Исключаются только глаголы *оу* и *моу*. Но за то сюда присовокупляется будущее вр. отъ *бити* — *будем*. Таковы остатки носоваго звука *ж*, *ш* въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ. Въ глаголахъ тотъ же отзвукъ удержали, болѣе, или менѣе, и другія Славянскія нарѣчія. Наши памятники представляютъ тѣ же остатки и въ тѣхъ же двухъ случаяхъ, но съ нѣкоторымъ ограниченіемъ и измѣненіемъ. Ограниченіе состоитъ въ томъ, что какъ въ творительномъ п., такъ и въ 1-мъ лицѣ не всегда окончаніе имѣетъ признакъ носоваго звука. Часто оно оканчивается на *т* и *ю*, что отвѣчаетъ замѣнѣ носоваго *ж* въ другихъ случаяхъ и формахъ Сербскаго языка.

Теперь, когда гласные звуки изслѣдованы, каждый отдѣльно, можно будетъ сдѣлать нѣсколько общахъ замѣчаній.

Древній книжный языкъ Сербовъ употреблялъ слѣдующіе знаки для гласныхъ звуковъ: *а, и, ѳ, з* или *оу, в, ѳ* или *е, ѳ, з* или *иѳ, о*. Эти знаки были или общепринятыми, или такими, которые употреблялись въ цѣлой семьѣ грамотъ. Начертаніе *иѳ*, но никогда *ѳѳ*, рѣдко употребляется въ древней Сербской письменности и хотя является во всѣхъ семьяхъ грамотъ, однако главное его мѣстопробываніе находится въ Аеонскихъ. Начертаніе *оу*, попадаетъ исключительно въ Восточныхъ грамотахъ и то не во всѣхъ. Два раза встрѣтившися б-а *ѳ*, по нашему мнѣнію, намекаетъ на вліяніе Глаголицы. Б-у *ѳ* любила Западная семья грамотъ. Мягкій звукъ *ѳ* обилецъ начертаніями, между которыми встрѣчаются иногда и доведенныя до крайности смягченія, каковы на пр., *ѳѳ, ѳѳ, ѳѳ, ѳѳ*. Нѣсколько формъ представляютъ смягченіе чрезъ полное *и*: *иѳ*. Это послѣднее начертаніе вѣдѣтъ съ *ѳ*, встрѣчающимся въ одной грамотѣ вѣсто *ѳ*, связываютъ собою звукъ *ѳ* съ мягкимъ *ѳ*, ибо Западная семья грамотъ преимущественно любила выражать *ѳ* чрезъ *иѳ*, которое въ нѣкоторыхъ грамотахъ перешло въ *иѳ, иѳ, иѳ*, отвѣчающее нынѣшнему *иѳ*. Такъ какъ *ѳ* по внутреннему свойству своему, условливаемому происхожденіемъ, часто замѣняло собою въ Западныхъ грамотахъ *иѳ*, то въ томъ же разрядѣ грамотъ бралось оно иногда для образованія мягкаго *ѳ* и производило начертаніе *ѳѳ*. Въ употребленіи *ѳ* и *ѳѳ* главное и общее правило остается въ своей силѣ, хотя и не лишено многочисленныхъ исключеній. Оно состоитъ въ томъ, что въ началѣ словъ и послѣ гласной поставлялось *ѳѳ*, а во всѣхъ прочихъ случаяхъ *ѳ*. Правило это наиболѣе ослабѣвало въ столкновеніи съ Ц.-Славянскою стихією, и по тому позволительно думать, что оно было домашнимъ обычаемъ Сербскихъ писцовъ, хотя признаки послѣдовательнаго употребленія *ѳѳ* попадаютъ и въ Д.-Булгарскихъ рукописяхъ. Но позднѣйшее усиленіе этого начертанія, замѣчаемое и въ Д.-Булгарскихъ памятникахъ, равно какъ предпочтеніе, оказываемое одинакому *ѳѳ* въ грамотахъ, наиболѣе подчиненныхъ Ц.-Славянскою стихіи, показываютъ, что древніе Булгары менѣе, чѣмъ Сербы, любили его, и что первоначально въ Кириллицѣ, перешедшей и къ Сербамъ, употреблялось одно простое *ѳ*. Мягкое *ѳ* выражалось чрезъ *иѳ*. Поелку носовыхъ звуковъ Сербскій языкъ не терпѣлъ, то одинъ изъ ихъ знаковъ, *ѳ, ѳ*, былъ вовсе изгнанъ изъ употребленія, а другой, *ѳ, ѳ*, хотя и встрѣчается

часто въ Аеонскихъ гранотахъ, какъ ближайшихъ къ Д.-Булгарскому языку, однако служить уже для выраженія простаго ш.

Въ ученіи о переходѣ и усиленіи звуковъ мы не представляли примѣровъ, касающихся общихъ законовъ звукоизмѣненія, или такихъ, которые существуютъ не въ одномъ Сербскомъ, но и въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Главную тому причину мы видѣли въ двухъ обстоятельствахъ: во первыхъ, изложеніе общихъ законовъ, наблюдаемыхъ Славянскими языками при словообразованіи и словодвиженіи, есть дѣло не звукоученія одного какого либо нарѣчія и при томъ только въ известную его пору, но общеславянскаго звукоученія, гдѣ никакое нарѣчіе не должно преобладать и поглощать въ себя всю силу и занимательность выводовъ; но гдѣ всѣ нарѣчія взаимнымъ дружнымъ и равносильнымъ содѣйствіемъ должны воспроизводить тотъ общій Славянскій языкъ, который въ каждомъ изъ нихъ отразился. Во вторыхъ, избранный нами возрастъ книжнаго языка Сербовъ представляетъ вліяніе двухъ стихій, которыя еще не вполне установились въ своемъ соотношеніи и не произвели опредѣленнаго языка; но каждая съ своими особенностями живетъ и дѣйствуетъ въ сыромъ, такъ сказать, видѣ, постоянно измѣняя свое отношеніе къ другой. Скорѣе можно бы было излагать законы усиленія и перезвука въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ, какъ уже опредѣлившимся окончательно въ своемъ составѣ и имѣющемъ положительно утвердившіеся звуки и формы; но въ древнюю пору своего образованія языкъ этотъ, какъ сказали мы, былъ еще разложенъ на свои составныя части, между которыми посредствующимъ звѣномъ стояли середнякия и переходныя формы. Излагать въ такую пору видоизмѣненія звуковъ, не принадлежащія одной какой либо порѣ, но существующія постоянно и при томъ не въ одномъ этомъ языкѣ, а въ большей части другихъ Славянскихъ языковъ, было бы излишнимъ; ибо въ такомъ случаѣ отъ исторіи одного нарѣчія мы перешли бы къ постояннымъ и вѣчнымъ общеславянскимъ язычнымъ законамъ и большая половина ученія отнеслась бы не къ Сербскому, но Ц.-Славянскому и другимъ нарѣчіямъ. Къ чему, на пр., было бы распространяться объ *ъ* въ *вэдати*, *вашьць* и т. д., или объ усиленіи *о* въ *воли*, *хвои* и пр.? Этѣ формы общеславянскія и принадлежатъ къ ученію объ общеславянскомъ звукодвиженіи. Или къ чему было бы говорить объ явленіяхъ, принадлежащихъ исключительно Ц.-Славянской стихіи, стоящихъ особнякомъ отъ народной и не дѣйствующихъ на нее, когда главною нашею задачею есть изслѣдованіе временныхъ судебъ Сербскаго языка? Если мы гдѣ и говорили о подобныхъ звукоизмѣненіяхъ, то имѣли въ виду отличительные признаки Сербскаго языка, составляющіе его собственность въ известномъ только возрастѣ, или во всѣхъ его возрастахъ, либо показывающія его отношеніе къ Ц.-Славянской стихіи. Вообще, вѣрные предположенной цѣли, если мы и касались общезвѣстныхъ и вовсе не отличительно-Сербскихъ усиленія и перезвука, то считали это нужнымъ по чему либо особенному, или по рѣдкости явленія, или по несходству съ подобными явленіями въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ.

Сербскій языкъ, какъ и прочія Славянскія нарѣчія, уже признавалъ основными чистыми звуками всѣ пять гласныхъ: *а*, *и*, *ѣ*, *о*, *у*, не дѣлая между ними различія по составу и долготѣ, какъ то было въ Санскритѣ. Эти гласные звуки въ словодвиженіи производятъ частію важныя явленія, составляющія существенныя всегдашнія, или повременныя свойства языка, частію не важныя, представляющіяся если не исключеніями, то какъ бы прихотью языка безъ

всяких временныхъ условій. Мы рассмотрѣли тѣ и другія. О послѣднихъ замѣтимъ, что ихъ можно назвать простымъ перезвукомъ, допускаемымъ всѣми языками, ибо живое слово, проникнутое живою мыслию, не можетъ никогда положить твердой преграды между звуками, такъ чтобы они не переступали ее и не переходили одинъ въ другой: это-то и свидѣтельствуешь отчасти о богатствѣ языка; ибо съ перезвукомъ, большею частію, бываетъ соединена и переѣзна мысли, пребывающей въ словѣ. Мы уже видѣли, какъ одна гласная переходила въ другую въ древнемъ книжномъ языкѣ Сербовъ. Припомнимъ здѣсь только перваго рода явленія, кромѣ служенія гласныхъ для полного озвукотворенія полугласія, что уже было рассмотрѣно нами выше. Звукъ л не представилъ намъ ничего особенно важнаго для существенныхъ и отличительныхъ свойствъ Сербскаго языка. Онъ легко сдѣляется съ звукомъ о; въ образованіи нарѣчій ему сопутствуетъ ѣ, переходящее, въ свою очередь, въ и и ѡ. Частица пра имѣетъ свой двойникъ въ пра. Въ звукѣ и мы замѣтили его постоянное существенное свойство—мягкость, условливаемую самымъ прираженіемъ небнаго органа, съ помощію котораго онъ произносится. Сербы хорошо понимали это свойство, какъ въ произношеніи, такъ и въ начертаніи. Хотя у нихъ есть и былъ полумягкій звукъ ѡ, близко подходящій къ ѡ или Ц.—Славянскому ѡ, однако въ самомъ правописаніи они оправдывали ту мысль, что если Кирилица предлагаетъ знаки для однихъ только крайнихъ звуковъ, твердыхъ и мягкихъ, а для среднихъ не имѣетъ ихъ, то срединный или полумягкій звукъ ѡ, вѣдѣтъ съ вполнѣ мягкимъ ѡ, скорѣе и правильнѣе долженъ былъ выразиться въ начертаніи ѡ, чѣмъ въ начертаніи ѡ. Послѣднее не пользовалось въ древней письменности Сербовъ правомъ гражданства; находясь подъ защитою Ц.—Славянскою стѣною, оно часто смѣшивалось съ ѡ и тѣмъ доказывало, что срединный полумягкій звукъ законнѣе долженъ быть отнесенъ къ мягкому начертанію, чѣмъ твердому. Главнѣйшее служеніе звука ѡ направлено къ замѣнѣ б-ы ѣ, совершающейся преимущественно въ семьѣ Западныхъ грамотъ. Хотя грамоты этѣ принадлежатъ къ тѣмъ областямъ Сербіи, гдѣ ѡ произносится, какъ ѡ или ѡе, однако происхожденіе ѡ на мѣстѣ ѣ легко объясняется тѣмъ, что ѡ по происхожденію своему есть а+ѡ, стянутыя въ полумягкій долгій звукъ ѡ, полумягкій по тому, что одинъ изъ образовательныхъ его звуковъ есть небный, долгій же по тому, что онъ есть слитіе двухъ краткихъ. Природная мягкость въ ѡ, возбужденная смягчающимъ свойствомъ самого Герцеговинскаго подрѣчія, выразилась въ растяженіи долгаго ѡ въ ѡе, откуда прямой переходъ въ ѡ. Мы замѣтили, что не всѣ грамоты Западной семьи замѣняютъ б-у ѣ б-ю и, и по тому представили другое предположеніе о происхожденіи этого звука, приписавъ его влиянію Срежскаго подрѣчія и вообще Римско-католическаго населенія Славоніи и Далмаціи, гдѣ ѡ звучитъ, какъ ѡ. Звукъ ѡ служитъ также для усиленія мысли, выражаемой словомъ при его сочетаніи съ другими словами. Здѣсь онъ есть то же, что усиливающая частица ѡи; корень у нихъ общій—ѡе. Звукъ ѡ замѣнилъ собою ѡ, а смягченіе его ѡ замѣнило смягченіе ѡ. Въ нѣкоторыхъ словахъ ѡ замѣняетъ другой носовой звукъ ѡ. Признакъ народности отразился въ замѣнѣ ѡ звукомъ ѡ въ предлогахъ ѡ и ѡдѣ- и въ началѣ нѣкоторыхъ немногихъ словъ. Западные грамоты, всегда предшествующія Восточнымъ въ дѣлѣ народности, способствовали и этому перезвуку, оправдываемому однородствомъ губнаго ѡ съ губнымъ ѡ. Звукъ ѡ, возникшій изъ соединенія а+ѡ и, изъ полумягкаго и долгаго, отвердѣвшій въ чистый и прос-

той, съ своимъ смягченіемъ, замѣнилъ носовое *а* и его смягченіе *ш*. Онъ же, ближайшій, по своему образованію, къ звуку *я*, замѣнилъ его собою преимущественно въ Восточной семьѣ грамотъ, писанной, по большей части, въ области Ресавскаго подрѣчія, которое и по сию пору произносится *ль*, какъ *е*. Звукъ *о* не представляетъ особенно — замѣчательнаго перезвука. Б-а *я* въ Сербскомъ языкѣ существовала только, какъ виѣшній, видимый знакъ, какъ начертаніе, не имѣвшее за собою ничего, собственно ему принадлежащаго. Отъ того Сербская письменность въ старину и теперь не рѣдко обходилась и обходится безъ нея, или на оборотъ, этимъ знакомъ выражала и выражаетъ иногда коренное *е*, мягкое и твердое, или стянутое долгое, что, впрочемъ, не лѣдо. Причина та, что подъ б-ю *ль* Сербъ разумѣлъ звукъ *е* съ его мягкими видоизмѣненіями. Возникшій тоже изъ *а+и*, но не столь отвердѣлый, какъ *е*, звукъ, выражаемый въ Ц.-Славянскомъ языкѣ б-ю *я*, сохранилъ свою первичную полумягкость и долготу при основѣ, которую Сербы весьма правильно выражали звукомъ *е*. Въ немъ образовательные звуки еще не совсѣмъ переработались при своемъ соединеніи, и по тому мѣстами они представляютъ колебаніе, при чемъ одинъ одолеваетъ другой. При преобладаніи *а*, подъ знакомъ *ль* является *я*; при преобладаніи *и*—*и*. При равновѣсіи знакъ *ль* выражаетъ *е*, — и это главный звукъ у Сербовъ; ибо *я*, виѣсто *ль*, какъ мы видѣли, теперь вовсе не существуетъ у Сербовъ, да и въ старину и на мѣстѣ *я* встрѣчалось намъ разсѣянно по всѣмъ семьямъ грамотъ, не составивъ для себя никакого постояннаго и отличительнаго служенія; а *и*, хотя существующее понынѣ въ одномъ изъ Сербскихъ подрѣчій и употреблявшееся въ старину только въ немногихъ грамотахъ Западной семьи, составляетъ уже крайность видоизмѣненія звука *е* и принадлежитъ крайнимъ предѣламъ Сербскаго нарѣчія, какъ принадлежало оно въ старину памятникамъ, составлявшимъ, по своимъ признакамъ, крайность Западной семьи, противоположную Аеонскимъ или крайности Восточной семьи. Но большинство Сербскихъ областей понынѣ, въ живомъ языкѣ народа, также какъ и большинство памятниковъ древней письменности, употребляютъ уравновѣшенный звукъ *е*, который въ Восточной семьѣ грамотъ, на почвѣ Ресавскаго подрѣчія, произносится твердо и чисто; въ Западной же, на почвѣ Герцеговинскаго подрѣчія, звучитъ мягко и протяжно, переходя изъ *е* въ *ие* и *и*, хотя тамъ и тутъ сохраняетъ иногда и свое первичное произношеніе въ знакѣ *ль*. Носовой звукъ *ѣ* оставилъ свои слѣды въ Сербскомъ языкѣ только въ творительномъ п. ед. ч. именъ женскаго р., оканчивающихся на гласную, включая сюда имена существительныя, прилагательныя, числительныя, мѣстоимѣнія и причастія, а также мѣстоименія общаго рода и существительныя мужскаго р. съ женскимъ окончаніемъ, и въ 1-мъ л. ед. ч. настоящаго и будущаго времени.

Въ смягченіи звуковъ Сербскій языкъ отступилъ значительно отъ Ц.-Славянскаго. Гласныя *и* и *е* наиболѣе выразили силу смягчающаго начала, которое развивалось подъ вліяніемъ народности по мѣрѣ отдаленія книжнаго языка отъ древнѣйшихъ временъ и отъ Ц.-Славянской стихіи. Звуки *я*, *з*, *о* были признаваемы твердыми; и—полумягкимъ или, что то же, полутвердымъ, ибо оно есть небный звукъ, и образовательный органъ его самъ употребляется для смягченія другихъ звуковъ; е—полумягкимъ по образованію. Звукъ *и* постоянно выражался, какъ мягкій, и для твердости или собственно полутвердости его, никогда, по самой природѣ своей, не могшей сравниться съ твердостью, на пр. *а*, звука *у*, или *з*, начертаніемъ служило *и*; только видѣ въ видѣ исключенія *ы*, которое самымъ образованіемъ своимъ, чрезъ посредство *ь*,

въ Сербской письменности уже указываетъ на овою полумягкость. Отсюда видно, что первичный основной звукъ *и* былъ полумягкій, и что потомъ уже Славянскіе языки, какъ и Сербскій, дали ему ровня въ видѣ твердаго Ц.-Славянскаго *ы* или полутвердаго Д.-Сербскаго *ы, ѣ*, Лат. *у*. Въ этомъ случаѣ они дѣйствовали обратно въ сравненіи съ *а* и *у*; между тѣмъ, какъ эти изъ первичныхъ твердыхъ дѣлали они мягкими чрезъ подставленіе къ нимъ смягчающаго небнаго *и* въ сокращенномъ видѣ *и*, Лат. *ј*: *и, ю, ја, ју*; напротивъ изъ первичнаго полумягкаго *и* сдѣлали они твердый звукъ чрезъ подставленіе въ Кириллицѣ къ его сокращенному виду *и*, а иногда и полному *и*, твердаго полугласнаго знака *ѣ*, а въ Д.-Сербскомъ полумягкаго *ѣ*. Звукъ *е*, какъ образовавшійся изъ твердаго въ соединеніи съ небнымъ, долженствовалъ быть, по природѣ своей, собственно полумягкимъ и долгимъ; но Сербы, какъ и прочіе Славяне, дали ему, ради давности его происхожденія, какъ ровеснику чистымъ основнымъ *а, и, у*, значеніе простаго, чистаго и кореннаго короткаго звука, при чемъ отверждали его по возможности, назначавъ для мягкости его даже другое начертаніе; но все таки самую твердость его, сравнительно съ твердостью *а, о, у*, скорѣе назвать должно полутвердостью. Отъ того смягченіе звука *ѣ* въ древнемъ Сербскомъ языкѣ дошло въ Западной семьѣ до обширныхъ размѣровъ, сколько можно судить по его начертанію. Но съ другой стороны, вѣрно опредѣлить его размѣры невозможно, ибо нѣтъ сомнѣнія, что писцы были пристрастны къ мягкому знаку *ѣ* и свободно употребляли его вмѣсто твердаго *ѣ*. На оборотъ, въ грамотахъ, подверженныхъ наибольшему вліянію Ц.-Славянской стихіи, мы замѣтили несмягченіе *б-ъ а, з* послѣ гласной. Хотя общіе законы Д.-Булгарскаго, какъ и всякаго другаго Славянскаго языка, требуютъ въ этомъ случаѣ смягченія, и хотя въ древнѣйшую пору Ц.-Славянской письменности они, по всему вѣроятію, были соблюдаемы, однако временныя явленія, постигшія эту письменность, отразились и на Д.-Сербской. Въ средневѣковыхъ Булгарскихъ рукописяхъ находятся въ изобиліи несмягченныя формы, объясняемыя различными причинами; ихъ вліянію должно приписать образованіе подобныхъ формъ и у древнихъ Сербовъ: народный же языкъ не любилъ и не употреблялъ ихъ.

Стяженіе звуковъ есть общая Славянская черта, и Сербскій языкъ своею древнею письменностію представляетъ ту переходную пору, когда народность начинала дѣйствовать въ пользу этого стяженія и вопреки Ц.-Славянскому обычаю писать всегда полныя формы.

Удвоеніе гласныхъ мы оставили безъ окончательнаго объясненія, предложивъ только въ видѣ догадки возможную причину его. По нашему мнѣнію, удвоеніе, вѣроятнѣе всего, назначено было для выраженія долготы или протяженія голоса безъ обращенія вниманія на природную долготу звука, съ чѣмъ соединялось иногда, можетъ быть, желаніе усилить произношеніе и съ нимъ вѣсть самый вѣсъ слова. Рѣшить окончательно этотъ вопросъ предоставляемъ другимъ: сдѣсь только замѣтимъ, что звуки *а, о, з* удваиваются преимущественно въ Западной семьѣ послѣдняго столѣтія, и изъ нихъ два первые не рѣдко, послѣдній же очень рѣдко и исключительно въ одной только Западной семьѣ. Напротивъ, *и* удваивается почти исключительно только въ однихъ Восточныхъ грамотахъ. *Б-а ѣ* не удваивалась въ тѣхъ видахъ, въ какихъ удваивались прочія гласныя; удвоенное *ѣ* назначено было для выраженія мягкости и вѣсть съ *ѣ*, *е* мѣшало обыкновенному удвоенію, ибо въ противномъ случаѣ начертанія для смягченнаго и удвоеннаго *ѣ* получали бы одинъ и тотъ же видъ. Мягкія *и, ю*, равно какъ *ѣ*, не удваиваются. Толь-

но изрѣдка обнаруживается между писцами: какъ бы чуть ли смутное воспоминаніе, намекающее на древнѣйшія долгія формы и заставляющее ихъ удваивать гласную: это нѣсколько замѣтнѣе въ б-хъ и и о.

Соображая всѣ случаи движенія гласныхъ звуковъ, мы приходимъ къ общему и послѣднему заключенію, что здѣсь, въ области гласныхъ, какъ самой чувствительной части состава языка, самой подвижной его оболочкѣ, на которой преимущественно отражаются отличительныя черты внѣшняго вида языковъ, народная стихія съ своими признаками взяла, къ концу XV-го вѣка, совершенный перевѣсъ надъ Ц.-Славянскою. Въ однихъ случаяхъ народныхъ признаковъ оказывается менѣе, въ другихъ болѣе; но вообще въ цѣломъ итогъ численная величина ихъ превосходитъ такую же величину признаковъ Ц.-Славянскаго языка. Гласные звуки проявили собою съ большимъ упорѣхомъ движеніе книжнаго языка Сербовъ, доставивъ напоследокъ полное торжество признакамъ народной стихіи. Хотя оставались еще кое-гдѣ слѣды Ц.-Славянскаго господства; однако, судя по ихъ малочисленности и слабости, можно XV-й вѣкъ назвать вѣкомъ торжества первыхъ и паденія послѣднихъ. Тѣмъ не менѣе никогда не должно забывать, что Ц.-Славянская стихія не была вовсе вытѣснена съ своими признаками изъ древнекнижнаго языка: она все таки оставалась ему присущею, не смотря на преобладаніе народной. Приведемъ себѣ на память всѣ переизуки гласныхъ и преимущественно судьбу б-ы я въ связи съ о и и: мы видимъ, что всѣ гласныя тѣсно связаны между собою средними звуками или какъ бы полутонами, переводящими ихъ одну въ другую; видимъ также, что древній Сербскій языкъ, при самобытномъ развитіи, понималъ, разумѣлся, еще безъ научнаго сознанія, природу гласныхъ и, видоизмѣняя ихъ, согласовался съ ихъ первичнымъ образованіемъ. Это-то правильное и постепенное звукопретвореніе поддерживало связь между обѣими стихіями, произведшими книжный языкъ Сербовъ, и придавало взаимному ихъ отношенію видъ дружнаго и плодотворнаго воздѣйствія, при чемъ, конечно, живая часть народа должна была взять верхъ надъ другою стихіею, хотя и родственною, но тѣмъ не менѣе пришлою и заимствованною. Гласныя, по своей подвижности и легкости, притянувъ на себя большую часть движенія древнекнижнаго языка, наполнили своими явленіями и пространство и время, въ которыхъ совершалось это движеніе. Въ разсужденіи мѣстности мы видимъ, что въ первыхъ, разсматриваемыхъ нами столѣтіяхъ, книжный языкъ былъ общіе, цѣльнѣе для всѣхъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ онъ употреблялся; но въ послѣдующихъ различіе между западными и восточными областями Сербіи, распадавшимися между собою и въ государственномъ и въ вѣроисповѣдномъ отношеніяхъ, становится ощутительнѣе и обширнѣе. Каждая сторона является съ своими отличительными признаками. Нынѣшнее отлпчіе подрѣчій, основанное на звукѣ л, проявляется и въ древнихъ памятникахъ, въ которыхъ, должно сознаться, б-а я служитъ главнѣйшимъ распознавательнымъ звукомъ: этимъ оправдывается и подтверждается законность основы нынѣшняго дѣлнія подрѣчій, предложеннаго первоначально В. С. Караджичемъ и принятаго Шафарикомъ и другими учеными. По времени, мы замѣчаемъ, что въ первыхъ столѣтіяхъ Ц.-Славянская стихія вообще дѣйствовала сильнѣе на составъ книжнаго языка; но потомъ мало по малу слабѣла, уступая мѣсто народной. Скачковъ или рѣзкихъ переходовъ нѣтъ; но есть постепенная и незамѣтная переиѣна въ соотношеніяхъ. Къ концу XV-го вѣка Ц.-Славянская стихія становится въ обратное отношеніе къ народной, Сербской, чѣмъ въ

какомъ стояла она къ ней прежде. Эта постепенность обуславливается, съ одной стороны, переходными или срединными формами, съ другой, неравнообразнымъ движеніемъ языка въ семьяхъ грамотъ. Собственно-Сербскія и преимущественно Леонскія грамоты отличаются своею постоянною, переходящею даже въ косность, привязанностію къ Ц.-Славянской стихіи; Западныя же напротивъ, возродившись въ исходѣ XIV-го в., отказались отъ общности и какъ бы неприкосновенности книжнаго языка, какъ это было въ XIII-мъ вѣкѣ, внесли въ себя множество признаковъ народнаго языка и тѣмъ доставили книжному значительное и постоянно усиливавшееся движеніе впередъ. Привѣръ — на звукахъ ѣ, ѡу- и ѣ, ѡу-, или на е, ѡ, ѡмъ вмѣсто ѣ. Это свое движеніе книжный языкъ совершалъ самостоятельно, и по тому народная стихія оказывала на него самое благотворное вліяніе. Замѣчая установленіе гласныхъ звуковъ въ XV-мъ вѣкѣ, мы убѣждаемся, что древнекнижный языкъ Сербовъ вступилъ на прямую, широкую дорогу, ведущую его къ совершенному сближенію съ народнымъ. Его правильному развитію наиболее содѣйствовала тогдашняя государственная самостоятельность Сербіи.

ГЛАВА IV.

СОГЛАСНЫЯ.

Противуположность гласности или самогласности есть тѣмнота или согласность. *Нѣмые* или *согласные* звуки, которые не иначе могутъ установиться въ словѣ и получить явственный отбой голоса, какъ въ соединеніи съ другими самостоятельными звуками, т. е., гласными, еще не составляютъ одна, сами по себѣ, достаточнаго вещества для выраженія какого либо полнаго понятія; языкъ человѣческій не можетъ гордиться ими, ибо изъ нихъ однихъ онъ не въ состояніи сдѣлать никакого отдѣльнаго употребленія: по этому, если человѣка мы называемъ словеснымъ существомъ, то звуки, неудовлетворяющіе его слову, мы должны назвать *нѣмыми*. Напротивъ, многія изъ гласныхъ сами по себѣ уже выражаютъ полное понятіе, какъ на пр., въ предлогахъ, союзахъ, междометіяхъ, и на нихъ покоится весь составъ человѣческаго языка и его членораздѣльность: отъ того они по преимуществу являются звуками человѣческими, и имъ однимъ принадлежитъ честь быть самогласными. Тѣмъ не менѣе тѣ и другіе необходимы для языка. Нѣмые, неясные звуки выражаютъ собою еще только зародышъ понятія, возникающаго въ чловѣкѣ при созерцаніи видимаго міра и при перенесеніи его явленій въ міръ нравственный,—зародышъ, начало понятія, еще не доведеннаго до сознанія или до той степени совершенства, на которой понятіе становится достойнымъ вѣстилищемъ мысли. Первое впечатлѣніе, получаемое чловѣкомъ извнѣ, отливается въ нѣмыхъ звукахъ: отъ того въ семьѣ Индоевропейскихъ языковъ до сихъ поръ еще не найдено слова, не включая сюда частицъ рѣчи и спорнаго *есль*, котораго корень состоялъ бы изъ одной гласной; но есть корни если не изъ одной, то изъ двухъ, или трехъ согласныхъ безъ участія гласной. Но лишь только зародышъ разовьется въ полное понятіе, сдѣлается вѣстилищемъ мысли, тогда и нѣмые звуки, составлявшіе доселѣ только тѣло языка, остовъ слова, получаютъ душу, гласный отбой, и становятся опредѣленными, членораздѣльными звуками, составляя изъ себя живое слово. Слѣдовательно, существо нѣмыхъ звуковъ покоится на гласныхъ, и тогда только приходитъ въ опредѣленный видъ, когда получаетъ гласный отбой чрезъ соединеніе съ тѣмъ, или другимъ гласнымъ звукомъ. Справедливо сказалъ древній Русскій языковедъ: «согласныя письмена яко же плоть есть, немощно ими рещи что безъ прикладу книмъ письмене гласнаго: стоятъ якоже безъ души.» По этому въ нашемъ дѣлѣ отъ согласныхъ нельзя ожидать той гибкости и того движенія, какія мы замѣтили въ гласныхъ. Составляя собою основу или, вѣрнѣе, зародышъ слова, согласныя являются одинаковыми во всѣхъ, или во многихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Славянскій народъ долженъ былъ одинаково воспринимать и выражать свои впечатлѣнія, а каждое племя уже только видоизмѣняло у себя это первичное впечатлѣніе и приводило его чрезъ сознаніе къ оконча-

тельному понятію. Последнее дѣйствіе сосредоточивалось преимущественно на гласныхъ, которыя корню слова придавали тотъ, или другой обликъ, смотря по племенн. Разумѣтся, и согласныя, особенно тѣ, которыя уже въ видѣ придаточныхъ присоединились къ корню слова, не оставались при этомъ въ совершенномъ бездѣйствіи; и онѣ принимали съдѣсь участіе, но въ гораздо меньшей степени, чѣмъ гласныя, и при томъ ежели и измѣнялись, то въ измѣненіи ихъ участвовали, большею частью, общеславянскіе законы звукоизмѣненія безъ особенныхъ рѣзкихъ племенныхъ отличій. По истинѣ, движеніе согласныхъ представляетъ въ себѣ гораздо больше общности, единства, законности, чѣмъ движеніе гласныхъ, во всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Первыя успѣшно и легко могутъ быть разсматриваемы въ общеславянскомъ ученіи о звукахъ безъ лишнихъ примѣненій къ отдѣльнымъ нарѣчіямъ, но вторыя требуютъ частыхъ уклоненій, отступленій и исключеній въ пользу отдѣльных нарѣчій. Первыя представляютъ въ своемъ ученіи больше общности, послѣднія больше частныхъ. Оно такъ и должно быть: составъ языка заключаетъ въ себѣ два міра, внѣшній и внутренній; первый выражается въ согласныхъ, второй въ гласныхъ. Нѣмые звуки выразили первыя впечатлѣнія внѣшняго міра, бессознательныя, неясныя, безжолныя, ибо мысль еще не вселмилась въ нихъ; они суть вещественность, заимствованная языкомъ изъ міра вещественнаго. Славяне, по своему племенному родству, одинаково чувствовашіе и мыслившіе, должны были и одинаково воспринимать и выражать первыя впечатлѣнія видимаго міра, и такъ какъ эти впечатлѣнія прежде всего отражались звуками нѣмыми, то одинаковость составила отличительную черту нѣмыхъ звуковъ: но надо было одухотворить ихъ сознать и перевести въ міръ нравственный: языкъ прибѣгнулъ къ гласнымъ. Гласныя суть достояніе челоувѣческаго духа; это духовная стихія въ составѣ языка. И на сколько мысль выше вещественности, на сколько разнообразіе мысли обширнѣе разнообразіа явленій, на столько гласныя выше и разнообразнѣе согласныхъ. Являясь жизненною силою языка, онѣ срослись съ жизнью Славянъ, приняли на себя ея отпечатокъ и, по мѣрѣ развитія и распада ея по племенамъ, сами видоизмѣнялись и обособлялись по нарѣчіямъ. Отъ того въ различныхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ онѣ представляютъ въ своемъ движеніи множество видоизмѣненій, полужуковъ, среднихъ звуковъ и т. п., между тѣмъ, какъ согласныя являются болѣе постоянными, опредѣменными, однообразными, и не только въ однихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, но и во всѣхъ Индоевропейскихъ языкахъ, какъ родственныхъ и сходящихся между собою нѣкогда въ одномъ языкѣ. Отличительною чертою первыхъ есть подвижность, вторыхъ—постоянство.

То, что вывели мы впередъ изъ свойства самыхъ звуковъ, то увидимъ въ послѣдствіи изъ явленій.

Начинаю съ *гортанныхъ*. Первое начинательное дѣйствіе органовъ, предназначенныхъ для челоувѣческаго слова, въ кругу нѣмыхъ или согласныхъ звуковъ, выразилось въ гортанныхъ — плодѣ самого дальнаго и вѣдѣстѣ открытаго и самостоятельнаго органа, того самого, который, въ кругу самогласныхъ, произвелъ полное, чистое, открытое, твердое *а*. По этому *з*, *к*, *х* представляютъ собою наиболѣе независимыя, простые, открытыя и твердыя звуки. Но такъ какъ это суть согласныя звуки, то гортань, произведя одинъ только чисто голосовой звукъ *а*, для нихъ должна была принять болѣе, или менѣе сжатое положеніе для того, чтобы сдѣлать ихъ отличными отъ голосовыхъ звуковъ или гласныхъ и способными соединяться съ послѣдними.

Наименьшее сжатіе гортани и наибольшую глубину органа мы замѣчаемъ въ звукѣ *z*, который и ставимъ на первомъ мѣстѣ въ ряду согласныхъ, хотя вопреки мнѣнію многихъ ученыхъ, желающихъ выдѣлить его на второмъ мѣстѣ послѣ *k*. Звукъ *z* ближе всѣхъ подходитъ къ самогласности, но за то онъ слабѣе другихъ и по тому многіе Индоевропейскіе языки, особливо позднѣйшаго происхожденія, и нѣкоторые изъ Славянскихъ нарѣчій не могутъ даже произносить его такъ глубоко и чисто и, стѣняя гортань, дѣлаютъ его, подобно Латинскому *h*, чѣмъ-то среднимъ между наиболѣе открытымъ *z* и наиболѣе сжатымъ *x*. Средній звукъ *k* пользуется, по своему срединному положенію, полнымъ безразличіемъ во всѣхъ Индоевропейскихъ языкахъ; онъ есть самый употребительный и неизмѣнчивый изъ гортанныхъ. Третій, самый сжатый гортанью и потому сильный звукъ есть *x*. Нѣкоторые изъ Индоевропейскихъ языковъ и Славянскихъ нарѣчій не могутъ до такой степени довести сжатіе гортани или чистоту голоса и ограничиваются междозвукомъ, среднимъ между *z* и *x*, либо вовсе опускаютъ его. Онъ же, при наименьшемъ гортанномъ давленіи, получаетъ столь слабую вещественность, что, подобно найслабѣйшимъ губнымъ *e* и *φ*, обращается въ нѣкоторыхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ въ междозвукъ, складывшійся съ междозвукомъ отъ *z* (Лат. *h*), и употребляется для придыханія. Но Славянскій языкъ, взятый въ совокупности своихъ нарѣчій, имѣетъ всѣ три гортанныхъ звука и, соединяя ихъ съ твердыми гласными, показываетъ всю общирность, силу и разнообразіе своего органаго устройства. По свойству своему, истекающему, впрочемъ, изъ самой природы, гортанные не входятъ въ образованіе прочихъ самостоятельныхъ звуковъ, но напротивъ, сами производятъ два ряда тройныхъ звуковъ, въ основѣ коихъ кроется ихъ гортанная природа. §

Въ Древнесербской письменности соблюдаются и строго различаются всѣ три звука *g*, *h*, *k*. Первые два почти никогда не смѣшиваются между собою, и въ ихъ употребленіи существуетъ такое же различіе, какое и въ Ц.-Славянскомъ языкѣ. Немногіе случаи смѣшенія не нарушаютъ правила; таковы: *граматиѣ* (С. № 5), *ижда* (Ш. № XVI), *дьяль* (Ш. № XVIII; С. № 20 *дьягъ*), *гасара*, отъ Итальян. *corsare*, (С. № 43), *говса*, *-а*, *гоушиѣ* (С. NN № 73, 91), *вратиѣ* (З.), *журкешиѣ* (С. № 83), ср. *жургошиѣ* (С. NN № 70, 95), *гвогъ* и *вѣгъ* (С. № 132). Русское, Польское, Чешское *грудъ* у древнихъ и нынѣшнихъ Сербовъ зовется *крушка*: *връшка*, *вротиню* (А. NN № 12, 19). Самое слово *гдѣ*, *гдѣ* (мн. р.) слѣдовало бы писать, какъ въ Ц.-Славянскомъ, *ижда*, *ида*, ибо оно состоитъ изъ мѣстоименной основы *и* и частицы *да*. Слѣдовательно, и *сдѣ* имѣетъ мѣсто уподобленіе. Иностранцы писатели легко могли смѣшать два Славянскіе звука *z* и *k*: такъ у Константина Багрянороднаго находимъ: "*Острогъ* (Острогъ) и въ одной старинной Латинской грамотѣ 1078-го г. читаемъ: *Corize* (Горица), *Cugme* (Кукме)¹. Что касается до третьяго звука *x*, то страннымъ кажется съ перваго раза встрѣтить столь постоянно и необыкновенно послѣдовательно выдержанное употребленіе его во всѣхъ безъ исключенія древнихъ памятникахъ Сербскаго языка, между тѣмъ, какъ знаемъ, что теперь Сербы вовсе не имѣютъ этого звука и не могутъ терпѣть его. Тотчасъ рождается вопросъ, какъ столкнулись между собою столь прямо противоположныя явленія? Рѣшеніе не трудно. Надобно замѣтить, во первыхъ, что тогда, какъ несравненно большая часть нынѣшнихъ Сербовъ или вовсе опускаетъ въ произношеніи звукъ *x*, или замѣняетъ его звуками *e*, *z*, *ц*, *φ*, *k*, въ узкой береговой полосѣ отъ Дубровника до Скадра, и преимущественно въ самомъ Дубровникѣ и Черногоріи, на мѣстѣ *x*,

¹ Шафар., *Slow. Starozina*, II, IV, 656; II, V, 679. Слав. Древн., II, I, 440; II, II, 35.

слышится, болѣе, или менѣе, междозвукъ *x(h)*; въ Герцеговинѣ онъ остался только въ концѣ словъ и произносится тоже, какъ Лат. *h*; во вторыхъ, ближайшіе къ Сербамъ по языку Областные Хорваты и Хорутане имѣютъ у себя этотъ звукъ; и въ третьихъ, древнѣйшіе иностранные писатели IX-го, XI-го и XIV-го вѣковъ гораздо чаще пишутъ: *ch*, чѣмъ опускаютъ его, или замѣняютъ другими буквами. Такъ мы читаемъ у Грековъ: *Zaxλοῦμοι*, *Zaxλοῦμα*, *Χλοῦμος*, *Χλοῦμ*, *Zaxλοῦβος*, *Χρέλης*, *Χλάπατος*; но также и *Φαλιμέρης* (Хвалиширь), *Φάρα*, *Φάρος* (Хварь). Въ Хорватскихъ источникахъ встрѣчаются также опущеніе и замѣна б-ы *x*; въ грамотахъ 837 и 892-го гг.: *Vyasi*, *Biaci* (Бихътъ). Въ грамотѣ 1059-го г.: *Sephova* (Зехова), и въ другой 1100-го г.: *Seovani* (Зехованы) ¹. Эти замѣчавія приводятъ насъ къ тому, что Сербы когда-то, въ доисторическую пору, выговаривали *x* подобно Булгарамъ, Хорутанамъ и другимъ Славянскимъ племенамъ; но что уже въ IX-мъ в. звукъ этотъ сталъ истребляться, если только уже не истребился совершенно, хотя иностранные лѣтописцы могли точно такъ же писать Сербскія слова съ б-ю *x*, какъ писали ихъ сами Сербы позднѣйшихъ вѣковъ, тогда какъ въ произношеніи эта буква уже вовсе не слышалась, или если и слышалась, то въ измѣненномъ видѣ; однако съ другой стороны, Греческіе и Латинскіе писатели и писцы, какъ иностранцы, не могли же ставить *x* единственно по законамъ языка, не держась устнаго произношенія; ибо такъ поступать могли у себя дома только Сербы, передъ глазами и въ памяти которыхъ постоянно находилась Ц.-Славянская письменность: по этому если въ иностранныхъ памятникахъ частію находимъ, частію не находимъ звука *x*, то мы должны заключить, что въ это время этотъ звукъ колебался въ устахъ Сербовъ. Но со словъ кого писали иностранцы: со словъ ли Сербовъ, или Хорутанъ, или Булгаръ, и какого племени были писцы четырехъ вышеупомянутыхъ Латинскихъ грамотъ?—на этотъ вопросъ нѣтъ отвѣта. Только самымъ важнымъ для насъ обстоятельствомъ остается то, что опущеніе б-ы *x* замѣтно уже въ самомъ началѣ XII-го в. По чему же—сдѣлаемъ другой вопросъ—въ самихъ Сербскихъ источникахъ писцы, природные Сербы, такъ упорно соблюдали *x*? Оставя въ сторонѣ Дубровничанъ и жителей Зеты, которыхъ грамоты не столь рѣзко отличались отъ ихъ народнаго говора, какъ грамоты прочихъ Сербовъ, мы должны, въ отношеніи послѣднихъ, признать всю великость вліянія Ц.-Славянской стихіи, которая б-у *x* поддерживала столь сильно, что, кромѣ двухъ, трехъ исключеній, во всей разсматриваемой нами Сербской письменности постоянно видимъ эту букву въ грамотахъ всѣхъ семействъ. Познакомившись чрезъ Ц.-Славянскую письменность съ настоящимъ полнымъ написаніемъ словъ; заимствуя отсюда же огромное число рѣченій; слыша отъ сосѣднихъ Хорутанъ и Булгаръ слова съ внятнымъ произношеніемъ звука *x*, Сербскіе писцы должны были непремѣнно знать истинную форму каждаго слова, т. е. не произнося, быть можетъ, въ разговорѣ *x*, они знали, гдѣ, въ какомъ словѣ и въ какой формѣ оно находится, и потому дѣйствительно удерживали его на бумагѣ. Еще болѣе болшимъ поощреніемъ служилъ имъ другой, не разбираемый нами, разрядъ памятниковъ, Сербобулгарскій, въ которомъ *x* должно было

¹ Шафар., Slov. Starožitn., II, IV, 655, 654, 656; II, V, 678, 679. Слав. Древн., II, I, 434, 440, 435; II, II, 36.—Serb. Lesek., стр. 69. Не привожу примѣровъ употребленія звука *x* изъ Греческихъ источниковъ, касающихся исторіи Хорватіи, ибо они сюда не относятся, наковы на пр.: *Χρωβάτοι*, *Χλεβίανα*, *Χλεβίνα*, и др., хотя Хорваты тоже не имѣютъ звука *x*. Латинскія грамоты, за исключеніемъ выше приведенныхъ примѣровъ, сохраняютъ въ Хорватскихъ нѣмецахъ звукъ *ch*, на пр.: *Rasochatiza*, *Sechirani*.

строго соблюдаться, какъ строго соблюдались нѣкоторыя другія особенности Ц.-Славянскаго языка; а конечно, соблюсти его было гораздо легче, чѣмъ удержаться отъ какихъ либо другихъ, болѣе настойчивыхъ сербизмовъ, какъ на пр., отъ замѣны в 6-ю *и* т. п. Сдѣсь, безъ сомнѣнія, дѣйствовали общіе законы языка и Ц.-Славянская стихія. Мѣсто б-ы *х* можно было легко узнать: письменность Ц.-Славянская, отъ которой зачалась и самая Сербская, глубоко уважалась,—и вотъ по чему Сербскіе писцы такъ строго удерживали на бумагѣ букву *х*. Не должно забывать, что и въ наше время не всѣ Сербскіе писатели еще согласны на счетъ этой буквы: одни пишутъ ее, другіе не пишутъ. Самъ В. С. Караджичъ, установитель Сербскаго правописанія и строгій гонитель б-ы *х*, кажется, еще не вполне уяснилъ себѣ этотъ вопросъ и въ позднѣйшихъ своихъ сочиненіяхъ нѣсколько отступилъ отъ способа, принятаго имъ прежде. Дѣло въ томъ, какъ согласить правописаніе съ народнымъ говоромъ въ различныхъ областяхъ? Древніе Сербскіе писцы рѣшили это дѣло гораздо общіе и, можно сказать, законнѣе, чѣмъ нынѣшніе писатели: они всюду удержали *х* тамъ, гдѣ ему слѣдуетъ быть, не смотря ни на какую его замѣну, ни на опущеніе его въ устномъ произношеніи народа по разнымъ областямъ. Промахи, ими сдѣланные въ этомъ случаѣ, не заслуживаютъ никакого вниманія: имъ удалось подмѣтять только слѣдующіе: ѿ всахъ стѣмъ (С. № 6; у Ш. № XII—хъ), наши врѣи (род. ии., С. № 17), ѿвръ (ѿвръхъ, А. № 5), посла (послахъ, С. № 61), врь (врѣхъ, С. № 121), въ вѣ апостола врьховни (С. № 142). Они показываютъ только, что въ народномъ говорѣ *х* не произносилось. Впрочемъ, не мѣшаетъ замѣтить и то, что сдѣсь отсутствіе *х* должно приписать не столько умыслу, сколько забывчивости писца; ибо, по тогдашнему правописному обычаю, во всѣхъ этихъ случаяхъ *х* должно бы было поставиться сверху строки; притомъ же это только отдѣльные, единичные случаи, и въ тѣхъ же грамотахъ всюду постоянно употребляется *х*.

Съ б-ю *х* сдѣняются двѣ другія гортанныя; но примѣры рѣдки: хитороу (А. № 1), хиторѣй, -омъ (А. NN № 3, 20), хиторѣю (В. № 2) и хитора, -ѣръ (А. NN № 10, 16, 18), хиторѣ (А. № 17), хтѣора, -ю (С.-Д. М. 1844; Г. V), хтѣорѣ (С. № 175), ѿхтѣра (С. № 40), лѣхна (легкаго, С. № 93). Сербы постоянно пишутъ: хрѣцѣръ, хрѣцѣръ и т. д. (ин. р.), хрѣков, хрѣков, -ѣ, -ю (С. NN № 83, 88, 118, 179 и пр.), хрѣседамовина, -ѣ (С. № 127).

Б-а *г* выпущена передъ и въ словѣ льмо (легко, А. № 1).

Не выходя еще изъ области однихъ гортанныхъ звуковъ, разсмотримъ теперь предѣлы ихъ употребленія. Б-а *х* не требуетъ разсмотрѣнія, ибо предѣлы ея не распространены болѣе обыкновенныхъ, Ц.-Славянскихъ, и въ употребленіи ея нѣтъ никакихъ особенностей: она стоитъ всегда тамъ, гдѣ ожидаешь ее. Нынѣшніе Черногорцы нѣсколько обособили ея употребленіе въ род. п. мн. ч., прибавляя ея междозвукъ почти ко всѣмъ именамъ существительнымъ; они говорятъ: пушакахъ (*h*), риччихъ (*h*), женахъ (*h*) и т. д. Такъ называемое обще-Иллирское правописаніе, средоточіемъ котораго есть Загребъ, поступаетъ почти точно такъ же, прибавляя всюду въ род. п. мн. ч. именъ существительныхъ, по примѣру прилагательныхъ, имѣющихъ, впрочемъ, къ тому совсѣмъ другое основаніе, б-у *h*, вопреки духу Славянскихъ языковъ. Но и сдѣсь древніе Сербскіе писцы не переступали предѣловъ законнаго употребленія б-ы *х*. Въ Зетскихъ и Черногорскихъ грамотахъ они пишутъ: моухъ, моѣ (С. NN № 70, 71; Мл.), властаъ (С. NN № 70, 71), вѣродитель, притѣль, гдѣ сръпсцѣхъ (С. № 71), сѣграшнѣи моухъ, хлѣмъ работимѣхъ, ѿ обилаъ (Мл.), а не властаахъ, сѣграшнѣихъ,

дѣлами и т. д. Напротивъ, б-ы г и в отличаются болыною къ нимъ любовью древнихъ Сербовъ, что не можетъ быть названо иначе, какъ особенностью древней Сербской письменности. Сдѣсь мы должны войти въ ближайшее разсмотрѣніе этой особенности. Обратимся прежде всего къ явленіямъ.

Тамъ, гдѣ древніе Булгары ставятъ жд и ж, а прочіе Славяне и новѣйшіе Сербы жс, дж, дз, дь (ѣ), ѣ (ѣ) и т. д., древніе Сербы любятъ употреблять г. Сюда прежде всего относится извѣстное Сербское слово, переданное Константиномъ Багрянороднымъ, *Μεγυρέτους* (Медюречь, Междурѣчье). Далѣе, наши памятники доставляютъ примѣры во множествѣ изъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ разрядовъ грамотъ; приведу нѣкоторые: тоуги, вдвойнѣ усиленное чрезъ в и г или Ц.-Славян. жд, всго (А. № 1), оноуги, оиуги, оноуги (С. NN № 2, 18, 176), оу- з- потаргенинъ, -ниъ, -нъиъ, зтѣргенинъ (С. NN № 2, 17, 108), госноги, -а, -я, -и, -ни, госѣги, -и, гѣги, -а, -я, -ю, -и, гѣоги, -и, -омъ, -ѣ (С. NN № 3, 26, 44, 45, 66, 76, 77, 87, 90, 91, 109, 111, 121, 126, 130, 146, 147, 165, 166, 167, 175, 178; А. NN № 14, 18, 20; Г. V), мѣгъ, -ю (С. NN № 3, 19, 21, 39, 43, 56, 66, 67, 70—73, 77, 86, 91, 100, 107, 111, 127, 133, 137, 148, 157, 164, 176; Ш. № 14; А. NN № 5, 6, 8, 19), мѣга, -и, -а, -я, -и, -оу, -омъ, -и, -иинъ, -иинъ, -иинъ, -ахъ (С. NN № 3, 35, 46, 51, 86, 107, 176; Ш. NN № 14, 15; А. NN № 5, 6, 7, 8, 10, 11, 12, 14, 17, 18, 19; В. К.; 3.), тѣгъ, -ю, -я, -и, -ѣ, тоуги, -иъ, -нъиъ (С. NN № 17, 43, 73, 111; А. № 6; 3.), мѣгъ, -и, -и (С. NN № 17, 39, 73, 77, 90, 111, 138), носогни (С. № 21), оуогни, -ѣ, оуогни, -нъиъ (С. NN № 21, 91, 111, 137), гѣгнаниъ, -а, гѣгнаниа, гѣгнани, -омъ (С. NN № 26, 64, 76, 108, 112, 115, 126, 157), соугмѣгъ (А. № 3), прирага, досоуги (А. № 6), мѣдогѣ доль (А. № 8), мѣдѣгъи, -гѣга, мѣгюиинъ (С. № 176), да погю, погѣ (С. NN № 39, 86), да хѣгю, -и, -и (С. NN № 35, 91, 111, 137), наги, -ю, -и, -я (С. NN № 44, 66, 70, 91; 3.), дога, -и, -ѣ, -омъ, -ѣ (С. NN № 56, 64, 70, 71, 73, 126, 144, 145, 164, 166, 167; 3.), порогниинъ, -гѣниа, -ни (С. NN № 61, 126), оу крагѣ (въ краждѣхъ, 3.), потаргѣю, -юю, -гю, -гнаниъ, -гнани, потаргѣю (С. NN № 69, 70, 77, 97, 101, 102, 107), мѣган (С. № 72), свѣгюсѣ (С. № 73), носогни, носогни, -я, -и, -нниъ, -омъ (С. NN № 85, 107, 133), дѣгѣа (С. № 89), гѣгнаниа (А. № 17), потаргѣниа, мѣгюсѣ (С. № 101), дѣвъ свѣги (С. № 107), таргѣа (С. NN № 123, 127), згогнани (згогнани, згогнани, случая, С. № 157), нѣгнаниъ (С. № 164), оуаги (Г. Б), мѣгю (С.-Д. М., № 2) и пр. и пр. Придаточная усиливающая Ц.-Славянская частица жд по тому же способу перезвука переходитъ въ гѣ, гѣ, гѣ (ин. р.), на пр., такогѣ или съ присоединеніемъ еще Ц.-Славянскаго союза жс, а по-сербски рѣ: таногѣрѣ, -гѣрѣ, -гѣрѣ, -я (С. NN № 3, 27, 67, 73, 77, 86, 91, 101, 107, 136, 137, 157, 176), оуагнниъ, -гѣ, оуагнни (С. NN № 87, 106, 108, 109, 121, 130), всѣгѣа (С. № 148), тѣкогѣрѣ, гдѣ три усиленія, (Мл.). Тамъ, гдѣ прочіе Славяне и нынѣшніе Сербы ставятъ шт, тѣ (ѣ), ч (сѣ), ш, ц, ѣ (ѣ), ш (ѣ) и т. д., древніе Сербы любятъ употреблять ш. Примѣровъ такъ же много, и такъ же разбросаны они по всѣмъ грамотамъ и всѣмъ вѣкамъ, какъ и для б-ы Оба звука идутъ объ руку одинъ съ другимъ: гдѣ есть одинъ, тамъ надобно ожидать и другаго. Такъ болышею частію бываетъ на самомъ дѣлѣ, ибо происхожденіемъ своимъ они обязаны одному и тому же органному закону. Укажемъ на нѣкоторые случаи: тисниа, -и, -и, -и, -е, -и, -и, -я, -ю (А. И; С. NN № 3, 24, 70, 87, 107, 109, 112, 119, 126, 127, 130, 131, 138, 168; Г. А), хокъ, -шнни, -я, -и, -и, -шмо, -шмо, -штѣ, кѣю, кѣ, кѣ, кѣ, кѣмо, кѣмо, кѣмо, кѣтѣ, кѣтѣ, кѣтѣ, кѣтѣ, кѣтѣ, -и, -и, оушхоки (хѣштѣ, А. И.; С. NN № 2, 3, 13,

16—20, 26, 27, 31, 34, 39, 41, 44, 45, 56, 64, 76, 86, 100, 101, 106, 108, 111, 112, 113, 119, 126, 127, 137, 168 и пр.; А NN[№] 4, 15; 3.), **връщаюся** (А. N[№] 1), **кокошь** (С. N[№] 2), **ошкати**, -ди, -но, -ниѣ, **ошкатишъ**, **ошкатишюся** (С. NN[№] 2, 7, 17, 21, 64, 112), **ошкати**, -тъ, -ошъ, **ошкатишъ**, -ѣ, -и, -ѣ, -тъ, -и, -ѣ, -ошъ, **ошкатишъ**, **ошкатишю** и т. д. (С. NN[№] 2, 3, 4, 5, 19, 20, 25, 26, 27, 39, 45, 56, 69, 79, 86, 100, 107, 111, 112, 113, 115, 119, 123, 125, 126, 127, 130, 133, 145, 148, 164; А. N[№] 14), **мошь**, -и, -ью (С. NN[№] 3, 16, 127), **вѣшницѣ**, **вѣшницѣ**, -омѣ (С. NN[№] 8, 31, 56, 107), **ушкати**, гдѣ уѣ замѣняетъ тѣ, а и мягкое сочетание шт, (**штѣштѣ**, С. N[№] 10), **шкати**, -ѣри, -ѣри, -ѣришъ, -ѣрь, **шкати**, -ѣри, -ѣришъ, **шкати**, -ѣри, -ѣришъ, **шкати**, -ѣри, -ѣришъ, **шкати**, -ѣри, -ѣришъ, гдѣ первое и замѣняетъ собственно г, а это дѣ или Ц.—Слав. дѣ; сдѣсь дѣйствуетъ звукоподобіе: какъ д смѣняется съ т, такъ и г смѣняется съ и; второе и есть то же, что мягкое шт, которое по этому въ позднѣйшихъ формахъ является въ индѣ ѣ, (Ш. N[№] II; С. NN[№] 10, 87, 108, 112, 115, 121, 126, 134, 155, 156), **покоши** (большѣ и болѣе), **вѣш** (вѣча), **прѣшъ** (прѣтивъ) (С. N[№] 16), **помошь**, -и, -ню (С. NN[№] 16, 21, 67), **за-пѣшю**, -ѣ, -л (С. NN[№] 16, 115, 126, 130), **мошно** (С. N[№] 17), **да вѣш**, -ишю, **вѣшю** (воротать), С. NN[№] 20, 164; 3.), **да вѣш** (платять), С. NN[№] 20, 107), **вѣши**, -ѣ, -и, -и, -и, -ю, -ѣ, -лѣшъ, -лѣшъ, **поуши**, -ѣ, -ю, -ѣ, **поуши** (С. NN[№] 22, 36, 47, 54, 62, 70, 108, 112, 115, 126, 176; А. NN[№] 9, 10; 3; Мл.), **сѣрѣшюся** (С. N[№] 23), **ошкати** (С. N[№] 26), **коши**, -ѣ, -и, **коши**, **ошкати** (вѣшъ, С. NN[№] 27, 100, 101, 108, 112, 115, 127, 146, 147, 168; 3.), **плати**, -ѣти, -лѣти (платять), **платю**, -ишъ, -ишю, -ѣшю, -лѣшю, -лѣшю, **плати** (С. NN[№] 27, 28, 43, 54, 67, 70, 91, 107, 111, 113, 137, 168; А. NN[№] 6, 15; 3.), **сѣшъ** (А. N[№] 7), **на мошѣ** (на мошѣхъ, С. N[№] 64), **зашкати** (А. N[№] 14), **сѣшюся** (сѣшюсяшъ, С. N[№] 86), **вѣшницѣ**, -и (С. NN[№] 87, 100, 102, 106, 108, 109), **вѣшю**, **вѣшъ** (вѣшѣшъ, -и, С. NN[№] 87, 108, 109, 112, 121, 123, 126, 127; 3.), **воши** (С. N[№] 101), **ушкатишю**, **ушкатишю** (С. N[№] 107), **ошкатишю** (С. NN[№] 107, 127), **ушкатишю** (С. N[№] 113), **поушкатишю**, -и, -лѣшъ, -лѣшю, -лѣшю (С. NN[№] 115, 119, 130, 176), **ушкатишю**, **ушкатишю** (С. NN[№] 121, 123, 126, 127), **ошкатишю** (С. N[№] 130) и пр. и пр. Въ дѣпричастіяхъ и причастіяхъ, на пр.: **тѣшю** (А. И.), **коудоуши** (С. N[№] 2), **коушюся**, **гѣдѣшю** (С. N[№] 10), **стоши**, **прѣдоуши**, **подоуши** (С. N[№] 15), **продаваюши**, **вѣшюши** (С. N[№] 16), **ходѣши** (С. N[№] 21), **исходѣши**, **сходѣши** (А. N[№] 8), **исподаюши** (С. N[№] 176), **гѣдѣши**, -ѣри (С. NN[№] 40, 48), **пѣри** (С. N[№] 61), **изълазѣши** (Ш. N[№] 14), **сповѣшюши** (С. N[№] 67), **хотѣши** (С. N[№] 70), **подѣшю**, -ѣшю, -ишю (С. NN[№] 86, 100, 101), **вѣдѣши**, -ѣ, -и, -ишъ, -ишъ (С. NN[№] 107, 127, 133, 145, 164), **вѣшюши**, -ю, -ѣ, -ѣшъ, -ѣшю (С. NN[№] 114, 121, 126, 127, 130, 146, 147), **платяюши** (С. N[№] 129), **вѣшюши**, **животворѣши**, **дѣши** (С. N[№] 145), **сѣдѣши**, **дѣши**, **зашкатишю** (С. N[№] 145) и т. д. Въ неокончательномъ наклоненіи: **изъри** (изъришѣти, С. N[№] 35), **поши** (поши, С. N[№] 72), **вѣри** (3.), **поуши**, -и (С. NN[№] 73, 91, 111), **доши** (С. N[№] 101), **плати** (плати, С. N[№] 113), **доши** (С. N[№] 145) и т. д. Б-а и является сверхъ того въ окончаніяхъ отечественныхъ именъ и прозвищъ вмѣсто нынѣшняго Сербскаго *тъ* (ѣ) или у другихъ Славянъ *чѣ*, на пр., **коушѣшю** (С. N[№] 2), **вѣшѣришю** (С. N[№] 3) и т. д., **ошкатишю**, **ташю** (С. N[№] 176), **поуришю** (А. N[№] 10), **вѣшѣшю**, -ишъ (С. NN[№] 42, 46; А. N[№] 12; Г. VI, N[№] 2), **коушѣшю** (С. N[№] 66), **поушѣшю** (С. 155) и т. д. (ср. С. NN[№] 15—17, 19, 20, 22, 32, 36, 39, 40, 43, 46—48, 50, 54—56, 60—64, 66, 68, 70, 71, 73, 76, 86, 87, 90, 91, 95, 100, 101, 106—109, 111, 112, 115, 117, 119, 121, 123, 126, 130, 137, 138, 145—148, 164—167, 176; А. NN[№] 5, 6, 10, 14, 15, 17, 19; Ш. N[№] 15; Мл. и пр.). Въ другихъ падежахъ это и соединяется то съ твердыми, то съ мягкими гласными, какъ и

въ приведенныхъ примѣрахъ: носоркию, удекию, или дражию (С. № 36), гъмъданию (С. № 47), люболикемъ (С. № 176) и т. д. Въ именит. п. ии. ч. это замѣнительное и уже не смягчается въ *ц*, какъ то бываетъ съ существеннымъ. Трудно понять, по чему въ нѣкоторыхъ изъ разсматриваемыхъ нами случаевъ древнiе Сербы уничтожили всякую мягкость какъ въ гласной, такъ и согласной, и сочетали два твердыхъ звука, которые, по видимому, не имѣли и не имѣютъ уже повода къ смягченію, слѣдовательно, остаются навсегда несмягчаемыми? Прежде всего замѣтитъ, что всѣ приведенные примѣры какъ для *г*, такъ для *к*, распадаются на двѣ половины: одни приводятъ къ первоначальному звуку *д*; другіе къ звуку *т*, изъ которыхъ первый почти всегда отвѣчаетъ б-ѣ *г*, другой б-ѣ *к*, на пр., погъши приводятъ къ первоначальному слову *идъ*, *осъгемъ* къ *сидъ(ъ)*, *объгати* къ *обътъ(ъ)* и т. д. Но если не станемъ доискиваться начала каждаго слова, а только оравнимъ примѣры съ тѣми же формами другихъ Славянскихъ нарѣчій и новѣйшаго Сербскаго, то увидимъ, что сдѣсь *г* и *к* почти всегда, кромѣ немногихъ исключеній, приводятъ къ видоизмѣненнымъ *д* и *т*, т. е., къ нимъ же, но только въ смягченномъ видѣ: *жд*, *дз*, *дъ*, *ѣ*, *ж*, *з*, *шт*, *ч*, *ѣ*, *с*, *с* и т. д. Но между соотношеніями *г* и *д*, *к* и *т*, нельзя никакъ провести непреложной грани, ибо какъ *д* переходитъ въ *т*, такъ и *г* переходитъ въ *к*, по чему и въ смягченіяхъ ихъ должное соотношеніе нарушается: такъ мы привели слово *одѣги* или въ именит. п. *одѣга*, которое отвѣчаетъ Русскому *одѣжда*, но у нынѣшнихъ Сербовъ звучитъ *одѣга* (*одеѣга*, *одеѣга*) отъ глагола *одѣти*; такъ *къмъръ* отвѣчаетъ формѣ *дѣштеръ*, нынѣшнее Сербское *към*: сдѣсь первое *к* замѣняетъ даже твердое *д*, но если Сербъ уже взглянулъ на это *д*, какъ на мягкое, то и позволилъ себѣ претворить его въ *г*, а чрезъ уподобленіе въ *к*, присоединивъ къ нему мягкое *ь* и пр. Принявши въ расчетъ, что въ нѣкоторыхъ Славянскихъ нарѣчійяхъ мягкое *д* принимаетъ видъ *жд* или *дж*, *дз* и *жс*, а мягкое *т* обращается въ *ц* и *ч*, мы должны заключить, что между разноорганными *г* и *к*, *д* и *т* должно скрываться ближайшее тайное родство, которое открыть, привести въ порядокъ и подкрѣпить достаточными доказательствами изъ всѣхъ Индоевропейскихъ нарѣчій представляемъ сравнительному языковѣднію. Сербскій языкъ въ своемъ повременномъ движеніи представляетъ одинъ изъ яснѣйшихъ признаковъ этого сродства, ибо онъ безъ помощи мягкихъ *жс*, *з*, *ц*, *ч* и т. п. прямо роднитъ *д* и *т* съ *г* и *к*, замѣняя послѣдними мягкія первыя. Другое обстоятельство, по чему твердыя *г* и *к*, замѣняющія мягкія *д* и *т*, соединяются съ твердыми, а не мягкими гласными, объяснить труднѣе, но и оно объяснится, если на измѣненіе согласныхъ и гласныхъ станемъ смотрѣть, какъ на два одновременныя явленія. Во первыхъ, Сербскій языкъ измѣнилъ мягкія *д* и *т* въ *г* и *к*; но, по свойству всѣхъ Славянскихъ языковъ, мягкость согласной условливается мягкостію гласной: *д* и *т* были мягкими по тому, что соединялись съ мягкой гласною. Претворивъ ихъ въ *г* и *к*, Сербскій языкъ боялся оставить при нихъ, какъ уже твердыхъ, мягкую гласную, ибо чрезъ это онъ заставилъ бы ихъ снова смягчиться и обратиться въ прежнія *д* и *т*. Но ограждая ихъ такимъ образомъ отъ опасности новаго видоизмѣненія, онъ въ нихъ самихъ долженъ былъ оставить мягкую природу, ибо нѣтъ сомнѣнія, что ухо Серба не терпѣло въ этихъ случаяхъ твердыхъ *г* и *к*, какъ терпѣло ихъ, когда они стояли на своемъ мѣстѣ съ значеніемъ коренныхъ буквъ. Мы имѣемъ причину сомнѣваться на счетъ твердаго произношенія сочетаній *га*, *ка*, *го*, *ко* и т. п., а на счетъ б-ы и увѣрены, что она звучала сдѣсь мягко, ибо твор. п. един. ч. и имен. и дат.

п. и. ч. оканчиваются у этѣхъ формъ на -гми и -кми, -ги и -ки, -ми, а не на -гомъ и -комъ, -ди и -ки—ясный признакъ мягкаго окончанія. По этому сочетанія б-ъ г и и, замѣняющихъ д и т, съ мягкими гласными въ сущности должны быть одинаковы съ сочетаніями этѣхъ же буквъ съ твердыми гласными, каковыя находимъ въ нѣкоторыхъ изъ вышеприведенныхъ примѣровъ; и дѣйствительно, мягкость г и и древніе Сербы выразили весьма наглядно, соединяя ихъ въ гораздо большемъ количествѣ случаевъ непосредственно съ мягкою гласною. Хотя такое сочетаніе противно Славянскому языку, который обыкновенно при мягкихъ сочетаніяхъ измѣняетъ согласную и отверждаетъ гласную, однако Сербскіе писцы хотѣли, по видимому, чрезъ такой способъ правописанія выразить переходящую минуточку, то мгновенное и какъ бы остывшее дѣйствіе языка, когда онъ, при самомъ рожденіи мягкаго сочетанія, измѣняетъ твердую согласную въ мягкую, а мягкую гласную въ твердую. Это неумовное превращеніе они выразили въ первобытномъ видѣ гм, км, ги, ки, гю, кю и т. д., каковыя сочетанія возможны только для законовъ языка, но въ жизни ихъ нѣтъ; ибо, повторяю, въ минуту ихъ образованія языкъ уже превращалъ ихъ въ жа, жда, шта, ча, же, че, жу, чу и т. д. Сдѣсь этого нельзя было сдѣлать, ибо г и и не суть существенныя, а только замѣнительныя для мягкости д и т, и по тому языкъ остановился на означенныхъ сочетаніяхъ ихъ съ мягкими гласными. Мягкость буквъ г и и признаетъ и Шафарикъ, но только введеніе ихъ Сербскими писцами приписываетъ вліянію Новогреческаго языка, гдѣ у и ж звучатъ мягко. Я же отношу причину этого введенія къ внутреннему сродству д и т съ г и к, болѣе тѣсному, нежели какое существуетъ между другими разноогранными звуками. Сравнительное языковѣднѣе нападаетъ на слѣдъ этого сродства, когда сноситъ зрю съ дѣржа, ибо з есть видоизмѣненіе звука г. Четыре, гдѣ ч есть смягченіе б-ы к, Санскр. *katur*, Лат. *quatuor*, въ Греч. языкѣ звучитъ уже *τέτταρες*; въ Ц.-Славянскомъ языкѣ смѣна окончаній ст и сц, смягчившагося изъ св, указываетъ на взаимное близкое сродство џ, образовавшагося изъ в, съ т. Припоминаетъ перезвукъ т въ к у Карпаторусовъ въ словѣ *кисто* (тѣсто), у Полабцевъ, на пр.: *t'iza* (кожа), *t'aurisa* (курица); у нихъ же д въ г: *djozda* (звѣзда), *vundil* (уголь). у Словаковъ, на пр.: *glh* (долгъ), *donda* (дуга) и въ Русскомъ нарѣчій въ словахъ *для* (для), *мезгра* и *мездра*, и обратный перезвукъ г въ д въ Д.-Сербскомъ въ словѣ *мьга*, *мьги* и *мьда*; а также не ишааетъ снести слово *Думача* съ *Глумач*. Ср. дѣлаишика (С. № 18), дѣлоушикъ (какъ бы глумоушикъ, С. № 176), мнѣшъ *дубок*, *дубина* (глубокій, глубина). Вліяніе Новогреческаго языка не могло быть такъ сильно, чтобы дѣйствовать на все пространство Сербской грамотности въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ и преимущественно въ первые вѣка, какъ увидимъ ниже, когда Сербская грамотность держалась ближе къ Ц.-Славянскому языку. Тутъ не могло дѣйствовать и вліяніе западнаго поморья, имѣвшаго въ себѣ много Итальянскаго и писавшаго Славянское ч чрезъ *ch*, ибо у Сербовъ скорѣе было окончаніе -тъ, чѣмъ -чъ, какъ увидимъ послѣ. Еслибы сдѣсь являлись одни имена собственныя съ окончаніемъ -шь, то еще можно бы было допустить это вліяніе, хотя тоже отчасти и въ весьма слабой степени, ибо оно не могло бы проникнуть, на пр., въ Аѳонскую грамоту Милутина, гдѣ нечисляются имена людей, жившихъ, большею частію, въ Македоніи и подаренныхъ Хиландару. Впрочемъ, если бы дѣло касалось, какъ сказали мы, однихъ отечественныхъ именъ, то еще можно бы было допустить другое объясненіе, именно, смѣну окончаній, подобно *ко* и *то*, *кій* и *тый*, служащихъ для ближайшаго опредѣленія качества или состоянія предмета на вопросъ: *какъ* и *какой*? Слова: *ко*

како, *какоостъ*, *якоостъ*, *качество* уже доказываютъ, что духъ Славянскаго языка избралъ окончаніе *ко* для выраженія свойства предмета, выражая его также и чрезъ окончаніе *то, сіе, іе, іе, іо*. Но и это объясненіе, нейдетъ сюда, ибо, во первыхъ, сдѣсь не всегда мягки *к* и *т*, между тѣмъ, какъ наши примѣры относятся къ мягкимъ *д* и *т*, замѣняемымъ мягкими же по произношенію *г* и *н*; во вторыхъ, объясненіе это годно только для окончанія, а къ прочимъ словамъ, гдѣ перезвукъ совершается въ срединѣ и даже началѣ, оно никакъ не можетъ быть примѣнено. Остается послѣ всего принять положеніе, нами выше представленное, о сродствѣ зубныхъ съ гортанными, и допустить, какъ особенность Д.-Сербскаго языка, замѣну мягкихъ зубныхъ *д* и *т* мягкими по произношенію гортанными *г* и *н*. Другое замѣчаніе, которое им должны сдѣлать объ этомъ перезвукѣ, состоитъ въ томъ, что, по сравненіи примѣровъ изъ Д.-Сербскаго языка съ тѣми же словами Ц.-Славянскаго, открывается, что не всегда *г* и *н* замѣняютъ мягкія *жд* и *шт*, но иногда и твердыя *д* и *т*, а иногда и мягкія *дъ, жъ, ть, хъ*, на пр.: *догъ, догоше—догдѣ, догдоши, плати—кандѣтъ, послатки—послаткини, ошоуги—ошоудъ, медѣгъ—медѣжжи, ишуканъ—ишуканъ, унстоку—унстодъ, платяю—платятъ, мокино—моукино, кидъ—кѣта, киши—киши и т. п.* Такъ точно въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ найдется не одинъ примѣръ, гдѣ, въ сравненіи съ Сербскимъ, нѣтъ обычнаго смягченія *д* и *т*; это показываетъ, что Сербы болѣе другихъ Славянъ любятъ смягченіе зубныхъ и, смягчая ихъ, въ древней своей письменности протворяютъ въ *г* и *н*. Отъ того случаи этого претворенія лучше всего сличать съ Сербскимъ же языкомъ въ нынѣшнемъ его состояніи: въ такомъ случаѣ мы увидимъ, что *г* и *н* только тогда замѣняютъ у Сербовъ *д* и *т*, когда эти послѣднія звучатъ мягко и въ нынѣшней письменности выражаются б-ми *ђ* и *ѣ*.

Теперь, послѣ предварительныхъ замѣчаній, скажемъ нѣсколько словъ о времени и мѣстѣ этого перезвука. Выше мы не разъ говорили, что эта замѣна имѣетъ мѣсто во всѣхъ вѣкахъ и всѣхъ семьяхъ грамотъ. Объяснимся подробнѣе. Не должно думать, чтобы Д.-Сербская письменность не знала другихъ звуковъ для мягкихъ *д* и *т*, кромѣ *г* и *н*: она знаетъ *ждѣ, штѣ, дъ, ть* и *і (ѣ, ј)*; но употребляя ихъ, употребляетъ вмѣстѣ съ ними и упомянутыя гортанныя. Часто односемейныя, одновременныя и однолѣтныя, даже одному и тому же лицу принадлежащія грамоты имѣютъ одна *г*, и *н*, другая *ђ* (*дъ* и *тъ*); даже часто случается, какъ увидимъ ниже, что одна и та же грамота имѣетъ оба рода звуковъ—собственно мягкія *д* и *т* и ихъ замѣнительныя *г* и *н*. Число примѣровъ показываетъ, что послѣднія были въ большемъ ходу въ древней Сербской письменности и преимущественно въ первыхъ вѣкахъ, начиная съ XII-го и до конца XIV-го в. Въ продолженіи этого времени мы не разъ замѣчали болѣе общности въ правописаніи, чѣмъ въ XV-мъ в.: такъ и сдѣсь встрѣчаемъ то же самое. Въ грамотахъ всѣхъ семействъ въ равной мѣрѣ господствуютъ *г* и *н*. Но съ конца XIV-го в., по случаю появленія и преобладанія Западныхъ грамотъ, *г* и *н* начинаютъ рѣдѣть: ихъ мѣсто заступаютъ чисто-смягченныя, безъ участія шипящихъ, *дъ* и *тъ*, въ видѣ обоюднаго начертанія *ђ*, или же *дъ*, смягченное до степени небнаго *і*. Въ этомъ вѣкѣ собственно-Сербскія, Зетскія и Черногорскія грамоты всѣхъ болѣе держатся прежнихъ *г* и *н*; за ними весьма упорно слѣдуютъ Турецкія и Дубровницкія, которыя въ этомъ случаѣ рѣзко отличаются отъ другихъ Западныхъ грамотъ; прочія же, какъ-то: Боснійскія, Хлумскія и Травунскія, предпочитаютъ болѣе и болѣе звукъ *ђ*. Сдѣсь пока довольно объ этомъ предметѣ: мы коснемся его еще

разъ, когда будемъ говорить о зубныхъ. На послѣдокъ замѣчу, что Русскій языкъ можетъ всего болѣе служить посредникомъ и пояснителемъ въ этомъ дѣлѣ, ибо онъ мягкія *д* и *т* превращаетъ въ *ж* и *ч*, а эти послѣднія суть не что иное, какъ мягкость гортанныхъ *з* и *к*. По сему, если Сербскія мягкія сочетанія: *гш*, *шг*, *гш*, *шг*, *гш*, то приедемъ за тождественныя съ *жа*, *ча*, *же*, *че*, *жу*, *чу*, что такъ и должно быть на самомъ дѣлѣ, и если сравнимъ эти послѣднія съ подобными имъ у прочихъ Славянъ, то увидимъ, что Сербскій языкъ ничѣмъ существенно не отличается въ этомъ отношеніи отъ другихъ Славянскихъ нарѣчій. Разница только въ томъ, что Сербскіе писцы ознакомили и нагляднымъ образомъ выразили неуловимый и мгновенный переходъ языка отъ одного сочетанія къ другому: отъ сочетанія твердой согласной съ мягкой гласною къ сочетанію мягкой согласной съ твердою гласною.

Гортанныя *з*, *к*, *х*, будучи твердыми по природѣ, сочетаются, по общеславянскому правилу, только съ твердыми же гласными: Ц.-Славянскій языкъ строго держится этого правила; прочія нарѣчія болѣе, или менѣе отступаютъ отъ него. Впрочемъ, при этомъ сочетаніи никогда не должно забывать того, что сказано нами о свойствахъ звуковъ *е* и *ѣ*: звуки эти, по стародавности своей, ставъ на ряду съ другими основными звуками, расширили наравнѣ съ ними кругъ своего употребленія; *е* изъ поумягкаго сдѣлалось и твердымъ и мягкимъ; *ѣ* изъ мягкаго достигло известной твердости и совершенно отвердѣло въ *ы*. Отъ того, если мы встрѣчаемъ непосредственное соединеніе гортанныхъ съ этими звуками, то не должны послѣдніе считать мягкими. Но если, кромѣ того, въ Древнесербской письменности гортанныя являются въ соединеніи съ явно-смягченными гласными, вопреки своей твердой природѣ, то это свидѣтельствуетъ лишь о смягчающей силѣ Сербскаго нарѣчія, которое самымъ грубымъ согласнымъ придаетъ мягкій отзвукъ. Претвориться въ этихъ случаяхъ въ соотвѣтствующія мягкія онѣ не могутъ, ибо это было бы противно духу Славянскаго языка; за то писцы сочетаютъ ихъ съ мягкими гласными, приравливая къ Сербскому произношенію. Сочетаніе гортанныхъ съ мягкими гласными возрастаетъ по мѣрѣ усиленія народной стихіи. Разумѣется, въ XV-мъ в. и въ Западныхъ грамотахъ оно достигаетъ наибольшей степени развитія. Примѣровъ довольно количество: *гшивард*, *гшивард* (С. NN^о 44, 63), *кшлик*, -ѣ (С. NN^о 44, 84, 101, 144), *кшпалик*, -ѣ (С. NN^о 44, 71), *поморьски*, *поморски* (С. NN^о 51, 52), *кшлатицы*, *кшиски* (В. N^о 2), *сльге*, *ршик* (С. N^о 81), *сръскве*, *восамьскве* (С. NN^о 81, 84), *ршик* (С. NN^о 84, 125, 127), *кшик* (С. N^о 86), *кшик*, *кшавалскве* (С. N^о 96), *држе* (С. NN^о 96, 144), *свагъгедлю* (С. N^о 97), *свагъгалисте* (С. NN^о 100, 106), *кшикю*, -ѣ (С. N^о 100; А. N^о 17), *свагъгедлю*, -ѣ (С. N^о 101), *кшлик* (С. NN^о 104, 132, 133), *дхерокалик* (С. NN^о 107, 127, 133), *дхенъкшрѣ* (С. NN^о 111), *търъге*, *голик*, *кшик*, *херъгег* (С. N^о 132), *кшфалію*, -ѣ, -лю, -го (С. N^о 137; А. NN^о 18, 19; 3.), *кшиски* (С. N^о 145), *кшѣгѣ*, *кшѣгѣ*, *кшгѣгѣ* (С. N^о 178), *стръулик*, *досогъгемъ* и пр. (С. N^о 176; здѣсь господствуетъ почти исключительно одно *е*), *кшѣгѣ* (Г. А), *кшлогирь*, *кшлогирь*, *кшлогирь* (З.; А. N^о 17; Г. Б), *кшлик*, -ѣ (А. NN^о 4, 17), *кшиски* (А. N^о 8), *сшм* (А. NN^о 10, 14, 17), *кшришъ* (А. N^о 11), *кшиски*, *сшиски* (А. N^о 14), *кшширишми* (А. N^о 17), *кшиски* (А. N^о 18), *дохотик*, *ршик* (З. А.), *гшръгъ*, -ѣ, *гшръгъ*, -ѣ, -ю, -ѣ и т. д., *гшришъ*, *гшришки*, *гшришъ*, *гшришъ* и пр. (С. NN^о 2, 21, 63, 64, 67, 70, 71, 72, 91, 93, 137, 138, 146, 147, 175, 176; А. N^о 6; нов., Шим. N^о 3; Г. III, NN^о 77, 79, 81, 83—87; Г. V, N^о 6; VI, N^о 21). Хотя здѣсь *г* законное, ибо

это слово заимствовано изъ Греческаго языка, однако Сербскій языкъ, сочетавъ его съ мягкой гласною, подвергъ дальнѣйшему преобразованію, претворивъ въ мягкое *д* и отвердавъ гласную: нынѣ Сербы говорятъ и пишутъ *бурадъ*. Припомнимъ еще примѣры, приведенные нами гораздо прежде по случаю излишняго смягченія *б-ы* *з* въ *ю*.

На оборотъ, въ тѣхъ грамотахъ, гдѣ допущено употребленіе *б-ы* *м*, не разъ встрѣчается сочетаніе гортанныхъ съ твердымъ *м* по правилу Ц.-Славянскаго правописанія сочетаватъ твордыя согласныя съ таковыми же гласными; на пр.: *ѹмны* (А. NN^о 1, 5), *погымноути*, *крѣйсмы* (А. N^о 6), *погымлѣни*, *срѣсмы*, *поморскы* (А. N^о 7), *сѣрскы* *срѣсскы* (А. N^о 8), *вѣлмы*, *сѣрѣмы*, *вѣлмы* (А. N^о 9), *ѹмы*, *срѣсмы*, *-шь*, *шѣтъ*, *драгыня* (А. N^о 5), *косорѣтскы* (А. N^о 10), *вѣлмы*, *крѣйсмы*, *хѣлѣдарскы*, *пѣм* (А. N^о 11), *галкомы* (А. N^о 12), *рѣзниты* (С. NN^о 137, 138), *пѣды* (С. N^о 178), *вѣлмы* (С. N^о 176), *копѣскы*, *дроугы* (Ш. N^о 14), *пѣтѣскы* (Ш. N^о 15), *гнѣскы* (В. N^о 2) и т. д.

Обыкновенный видъ перезвука гортанныхъ есть переходъ ихъ въ соответствующія имъ шипящія и свистящія. Словообразованіе и словодвиженіе имѣютъ каждое свой перезвукъ гортанныхъ: первое требуетъ перехода ихъ въ шипящія *ж*, *ч*, *ш*; второе—въ свистящія *з*, *ц*, *с* (съ нѣкоторыми исключеніями). Сербскій языкъ въ томъ и другомъ случаѣ сходится съ прочими Славянскими нарѣчїями и не требуетъ большихъ поясненій. Какъ въ древней своей письменности, такъ и въ теперешнемъ своемъ состояніи онъ наблюдаетъ при словодвиженіи перемѣну твердыхъ гортанныхъ въ соответствующія имъ мягкія, сходясь въ этомъ отношеніи съ Ц.-Славянскимъ. Въ словообразованіи же онъ слѣдуетъ общему духу Славянскихъ языковъ и образуетъ производныя слова отъ коренныхъ точно такъ же, какъ и другія Славянскія нарѣчїя. По этому мы и не считаемъ нужнымъ много распространяться объ этомъ предметѣ: довольно привести нѣсколько примѣровъ для поясненія дѣла. Такъ въ словообразованіи *г* переходитъ въ *ж*, на пр., *вѣножъ*, *божѣство* и пр. отъ *богъ*; *пѣтражѣнъ* отъ *пѣтрагъ* и пр.; *ш* переходитъ въ *ч*, на пр., *докодачѣ* (С. N^о 173) отъ *докодѣнъ*; *рѣзнити* отъ *рѣзнѣ*, и пр.; *х* переходитъ въ *ш*: *дѣша* отъ *дѣхъ*; *сѣрѣшити* и *сѣрѣха*; *сѣрѣшити* и *сѣрѣхъ* и пр. Какъ особенность, должно замѣтить слѣдующіе случаи обоюднаго употребленія и замѣны буквъ: *дѣвровѣнѣ*, *вѣтѣнѣкога* (С. N^о 16), гдѣ и не смягчилось въ *ч* вопреки обычному образованію: *дѣвровѣчанѣ* (мн. р.), *вѣтѣтѣсна* (С. N^о 10); *сѣ. ѹмѣ* (А. N^о 15), ср. *умѣ* (мн. р.), *мисѣга* (т. е., *мисѣга*, С. N^о 99), *покантѣларъ*, *покантѣларъ* и пр. (С. NN^о 106, 107, 114, 127, 128), ср. *centum*; *дрѣвошѣнѣ* (С. N^о 144) ви. *драгошѣнѣ*, *дѣмѣ*, (гнездо, А. N^о 8), *дрѣвошѣнѣ* (С. N^о 57) ви. *дрѣвошѣнѣ*; *присѣгомъ* (С. N^о 57) ви. *присѣгомъ*, *шѣрѣшѣ* (А. N^о 5), ср. *шѣрѣхъ* (А. N^о 4). Во всѣхъ этихъ случаяхъ слова, оставаясь въ одномъ и томъ же положеніи, имѣютъ двойственную форму. Словодвиженіе требуетъ, какъ сказали мы, перехода гортанныхъ въ шипящія: объ немъ и его особенностяхъ будетъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ.

Б-а *г* опускается передъ *б-ю* и въ словѣ *нѣмо* (А. N^о 1). Она же опускается передъ *б-ю* двѣ формахъ *тада*, *тада*, ср. *тогда*, *тогда* (см. в.). Впрочемъ, слѣсъ собственно нѣтъ ни опущенія, ни вставки *б-ы* *г*, ибо присутствія частицы *да* нельзя отрицать и въ тѣхъ Славянскихъ нарѣчїяхъ, гдѣ постоянно она имѣетъ при себѣ *г* въ словахъ *тогда*, *всегда* и пр., какъ, на пр., Русскомъ. Эта частица сродна съ двумя другими *да* и *дѣ*, и всѣ эти частицы существуютъ

въ томъ, или другомъ видѣ во всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, образуя собою различныя роды нарѣчій мѣста и времени. Сродство б-къ *г* и *д* заставляетъ подозрѣвать въ окончаніяхъ *-да*, *-ды* удвоеніе звука *д*, который выразился въ *г* и тутъ же рядомъ съ нимъ въ *д*. Это доказывается, во первыхъ, тѣмъ, что одни изъ Славянскихъ нарѣчій имѣютъ въ нѣкоторыхъ опредѣленіяхъ мѣста и времени звукъ *г*, другія же въ тѣхъ же самыхъ словахъ не имѣютъ его, ср. *когда*, *тогда* и *kiedy*, *tedy*, Санскр. *kadā*, *tadā* и пр.; во вторыхъ, присутствіе сдѣсь звука *г* ничѣмъ другимъ удовлетворительно объяснено быть не можетъ. Б-а *г* употреблена весьма замѣчательно въ словахъ *степани*, *агрьхидичкомъ* (леч., А. № 9). Такое употребленіе составляетъ единственный случай въ нашихъ письменныхъ памятникахъ: сдѣсь *г*, вѣроятно, управляетъ такое же служеніе, какое *д* въ формѣ *раздръшино*, т. е., ради благозвучія.

По той же причинѣ находимъ постоянно *септврѣ* (С. № 43), *септѣ* (С. № 54), *септѣ* (Г. VI, № 2), *септврѣ* (С. № 158). Въ нынѣшнемъ народномъ Сербскомъ языкѣ этого слова нѣтъ, такъ какъ оно иностранное, а по тому старинныя книжники, желая образовать его на народный ладъ, измѣнили или Латинское *p* въ словѣ *september*, или Ц.-Славянское и въ словѣ *септъврѣ* въ болѣе, по нхъ мнѣнію, благозвучное и.

Б-а *к* передъ слѣдующимъ *к* опускается подобно тому, какъ мы видѣли исчезновеніе б-ы *г* передъ *к* въ словѣ *лько*; по этому слово *кыръ* имѣетъ другую сокращенную форму: *кыри*, *кыра*, *кырь* (С. NN № 108, 109).

Б-а *х* вставлена подобно б-ѣ *г* въ словѣ *всакъскимъ* (С. № 176).

Наконецъ замѣчу сдѣсь о Греческой б-ѣ *з*. Она, какъ извѣстно, допускалась въ Кирилловской письменности; она же допускается и въ древней Сербской, но замѣтно слабо, преимущественно въ грамотахъ собственно-Сербскихъ. Ту же букву Сербскіе писцы чаще выражаютъ чрезъ *ис*, а иногда, по смягчающему свойству своего языка, чрезъ *ись*, на пр., *аликсис* (С. № 16), *аликсисъ* (С. № 124). Даже чрезъ *икъ*: *аликхондрѣ*, *аликхондрѣ* (С. № 61). Что касается до Греческаго сочетанія *уу*, то и оно при посредствѣ Д.-Булгарской письменности перешло въ Сербскую, на пр., *ѣггѣисла* (А. № 6), *ѣггѣи* (А. № 10), *ѣггѣомъ* (А. № 11), *ѣггѣскимъ*, *ѣггѣгла* (С. № 35), *ѣггѣгла* (С. № 165), *ѣггѣгла* (А. № 20) и т. д. Обычное же правописаніе употребляетъ, сообразно съ произношеніемъ, *иг* или *иьг*; но иногда находимъ даже: *ѣггѣи*, *ѣггѣи* (С. № 178; Г. V), что показываетъ, что начертаніе *гг*, какъ и *з*, уже утратило для Сербскихъ писцовъ свое значеніе и только списывалось ими безсознательно.

Мы въ кругу *шиплящихъ* и *свистящихъ*. Эти звуки, по своему образованію, позднѣе гортанныхъ, и въ глубочайшей древности долженствовали быть языкъ, отразившійся въ языкѣ Вѣдъ, который могъ обходиться безъ нихъ, ограничиваясь одними гортанными. Славянскія нарѣчія богаче другихъ Индоевропейскихъ языковъ развили у себя составъ мягкихъ согласныхъ звуковъ и преимущественно гортанныхъ; въ нихъ самихъ есть такія нарѣчія, которыя, сравнительно съ другими, довели это смягченіе до высшей степени, каковы Польское и Лужицкія. Сербское усвоило себѣ всѣ шесть звуковъ, отлѣчающихся попарно гортаннымъ *г*, *к*, *х* и общихъ прочимъ Славянскимъ нарѣчіямъ. Эти звуки суть *ж*, *з* (*г*); *ч*, *ц* (*к*); *ш*, *с* (*х*). Мы уже видѣли ихъ соответствіе въ двухъ главныхъ дѣйствіяхъ языка, словообразованіи и словодвиженіи. Рядъ первообразныхъ и первостепенныхъ гортанныхъ звуковъ производитъ въ своемъ видоизмѣненіи два ряда второсте-

пепныхъ звуковъ, которые, каждый непосредственно, образуются изъ гортанныхъ. Въ образованіи ихъ уже участвуетъ не одна гортань, но и небо. Языкъ, приражающій ихъ при посредствѣ гортаннаго органа къ небу, принимаетъ такое же послѣдовательное направленіе, какое сжатіе гортани при образованіи гортанныхъ. Отсюда по порядку происходитъ первый рядъ прираженныхъ звуковъ, въ которомъ первое мѣсто, отвѣчающее гортанному *г*, занимаетъ *ж*, второе, отвѣчающее *к*, — *ч* и третье, отвѣчающее *х*, — *ш*. Въ этомъ ряду *ж* есть слабѣйшій и какъ бы невнятный звукъ, *ч* — средний, а *ш* — самый твердый и внятный, ибо, по порядку образованія, *ж* рождается всѣхъ ближе къ гортани, а *ш* всѣхъ далѣе отъ нея; но извѣстно, что чѣмъ далѣе отъ гортани образованіе звука, тѣмъ сжатіе органа, а по тому накопленіе голоса больше, и тѣмъ звукъ тверже и увѣсистѣе; напротивъ, по мѣрѣ приближенія къ гортани, звукъ слабѣетъ и улетучивается, ибо вещественности въ немъ меньше. Такъ какъ этотъ рядъ производныхъ звуковъ образованіемъ своимъ одолженъ прираженію языка къ небу или тому органу, который въ области гласныхъ производитъ мягкое начало, то и онъ, въ свою очередь, является полнымъ претвореніемъ твердыхъ гортанныхъ въ мягкія и совершеннѣйшимъ ихъ сляніемъ съ мягкими началомъ, по чему звуки его по большей части соединяются уже не съ мягкими гласными, но съ твердыми. Слѣдовательно, *ж*, *ч*, *ш* суть соответствующія мягкія для твердыхъ *г*, *к*, *х*: это шипящія буквы. Второй рядъ производныхъ образуется помощію тѣхъ же органовъ, но только при дальнѣйшемъ слѣдованіи образующаго ихъ органа отъ неба къ зубамъ, при чемъ послѣдніе уже принимаютъ замѣтное участіе. По этому какъ вообще этотъ рядъ слабѣе, тонше, уже предыдущаго, такъ и въ немъ самою опять являются три степени силы голоса: слабѣйшій звукъ есть *з*, отвѣчающій звуку *г*, средний *ц*, отвѣчающій звуку *к*, и сильнѣйшій *с*, отвѣчающій звуку *х*. Это суть узкіе, тонкіе звуки, и по тому они называются свистящими. Они представляютъ дальнѣйшее смягченія гортанныхъ и приводятъ ихъ къ зубнымъ. Самый обычный переходъ разнорядныхъ звуковъ совершается между ближайшими. По этому въ Славянскихъ нарѣчіяхъ всего чаще и легче сляются гортанныя съ шипящими, шипящія съ свистящими и свистящія съ зубными. Въ однорядныхъ слабыхъ переходятъ въ твердыя: *ж* въ *ш*, *з* въ *с*. Что касается до соединенія съ мягкими гласными, то Славянскія нарѣчія, взятая въ совокупности народныхъ говоровъ, оба рода звуковъ соединяютъ съ твердыми и мягкими, но не всѣ нарѣчія и не всѣ звуки въ равной степени, какъ и вообще при шипящихъ они предпочитаютъ твердыя гласныя. Когда духъ языка требуетъ смягченія при столкновеніи гортанныхъ съ мягкими гласными, тогда мягкость гласной переходитъ въ твердое существо гортанной и измѣняетъ его въ мягкое шипящее, а мягкая гласная становится уже твердою. Таковъ главный и общій законъ въ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Д.-Булгарское, Русское и Сербское поддерживаютъ его во всей силѣ; если же въ Д.-Булгарскихъ рукописяхъ и встрѣчаемъ исключенія въ пользу соединенія шипящихъ съ мягкими гласными, то это означаетъ уже вторичное смягченіе, или уподобленія гласнаго звука мягкому согласному. Подобныя исключенія встрѣтимъ и въ древней письменности Сербовъ. Разсмотримъ же оба ряда производныхъ звуковъ независимо отъ ихъ производителей, гортанныхъ. При взаимныхъ частыхъ и разнообразныхъ перезвукахъ, ими совершаемыхъ, мы не можемъ ихъ разсматривать иначе, какъ вѣсть, подвергая изслѣдованію какъ одноорганна, т. е., однорядная, такъ и разноорганна, т. е., междурядная, сдѣны звуковъ.

ишнѣхъ (изъ ишъ, С. № 114). Сверхъ того въ словообразованіи и словодвиженіи з часто переходитъ въ ж по общимъ законамъ перехода узкой въ широкую.

Б-а ж замѣняетъ і подѣ влияніемъ Итальянскаго языка въ словѣ мажа (т. е., маім, С. № 170).

Б-а ж придается, по образцу Итальянскаго языка, къ слову шкани: шканил (С. № 133). Также формы: шани, -и (С. NN № 3, 4, 5, 12, 13, 17), шни, -и (С. NN № 16, 17), шаниши, -ѣ (С. NN № 74, 129), шаниш (С. № 132) отзываются Итальянскимъ произношеніемъ. Вообще Итальянское влияніе отразилось въ нашихъ памятникахъ весьма слабо; оно ограничилось произношеніемъ нѣкоторыхъ иностранныхъ словъ именъ собственныхъ въ приморской береговой полосѣ, преимущественно въ Дубровникѣ.

Б-а ж замѣняетъ Турецкое дж или, по нынѣшнему Сербскому и Румынскому правописанію, б-у џ, на пр., слышашъ, джашъ (С. № 164).

Взаимная сдѣла б-ъ з и с, столь обыкновенная въ Славянскихъ нарѣчіяхъ, имѣетъ мѣсто и въ Сербскомъ языкѣ въ его древней письменности. Причина тому созвучіе и благозвучіе. Есть буквы, которыя почти всегда требуютъ этой сдѣлы: таковы ш, т, и, х, џ, у. Примѣровъ бесчисленное множество; предлоги изъ-, изъ- и изъс-, ис-, изъ- и ис- сдѣляются весьма часто: выше, говоря о б-хъ ш и в, мы разсмотрѣли большую часть примѣровъ. Замѣчательныя прочія: изсправити и измош (С. № 89). Та же сдѣла происходитъ въ предлогѣ съ, какъ въ сложныхъ словахъ, такъ и передъ словами, начинающимися съ согласныхъ в, г, д, ж и др., кромѣ вышеназванныхъ ш, т, и, х, џ, у. Но во всякомъ случаѣ сдѣла эта происходитъ не иначе, какъ только при непосредственномъ соединеніи этого предлога съ послѣдующимъ словомъ, при чемъ полугласная уже опускается. Отдѣльно стоящій предлогъ съ никогда не употребляется перезвука, кромѣ одного случая: зъ (Ш. № VII). Далѣе находимъ эту сдѣлу въ предлогѣ ис вм. изъ: искоши (А. № 1), испратишъ (С. № 3), иствѣ (Мк.), исписти (С. № 35), иствѣ зуми (С. № 43), испришъ (С. № 46), иуришъ (С. № 51), испришъ (С. № 55), испришю (С. № 70), испришъ (С. № 85), исприш (С. № 100), исномѣна (С. № 127), испратиш (С. № 144), искошишъ, исписашъ (С. № 37), испишъ, искоши (А. № 12), испришъ (А. № 19) и пр. и пр. Даже въ слѣдующихъ случаяхъ: исъ (С. № 12), испишъ, испишъ, испишъ, испишъ (С. № 16), испришъ (С. № 19), испишъ (С. № 21). Въ выраженіи ишъстоу-го (А. № 6) писецъ колебался между тѣмъ и другимъ звукомъ;—въ предлогѣ пръз: присто (т. е., пръзъ то, С. № 3);—въ предлогѣ изъ: изспришъ (С. № 80), испришъ (С. № 98), испишъ, искоши (А. № 6), даже исъ (С. NN № 14, 21, 26), испришъ (С. № 26) и пр.;—въ предлогѣ изъ: испотошъ (А. № 19);—въ предлогѣ ръз: рспришъ (С. № 25), рспишъ (Г. Б) и пр.;—въ нарѣчій рашъ (С. № 16); и еще въ словахъ: ишъма, шъномъ (С. № 16), ишъско (С. № 116), ишъшъшъ, -я (С. NN № 117, 127), зъдъ, зъдъ, зъдъ, зъдъ и т. д. (мн. р.) вмѣсто сдѣ (съ-дѣ) Отсюда видна причина этого перехода, причина общеславянская, именно, влияніе послѣдующей сильной или густой согласной, переводящее и предыдущую слабую или легкую въ сильную.

Б-а з передъ с, ж, у и з иногда выбрасывается, на пр.: рашъшъ (А. № 1), ишъшъ, -я (С. NN № 3, 73), рашъшъ (С. № 9), изъшъшъ, -я, -е (С. NN № 24, 43, 101, 102), испишъшъ (С. № 26), испишъшъ (Мк.), искошъ (изъ искошъ, С. № 66), испишъшъ (В. № 2), изъшъшъшъ (3.), изъшъшъшъ (С. № 76), рашъ (рашъшъ, С. № 78), рашъшъ (С. № 88), истошъ (изъ стошъ, С. № 94), изъшъшъшъ, -ишъ (С. NN №

142, 153), *иньере* (изъ *иньере*, А. № 19) и пр. То же въ Ц.-Славянскомъ и другихъ нарѣчійхъ и нынѣшнемъ Сербскомъ.

Б-а з встрѣчается только два, три раза въ Аеонскихъ грамотахъ подъ влияніемъ Ц.-Славянской стихіи, но безъ особеннаго значенія вмѣсто обыкновеннаго з: *иъза*, *злѣтица* (А. № 11), на печати Лазара: *иъз* (В. К.) и въ подлинси грамоты деспота Стефана Лазаревича съ братомъ: *иъз* (А. № 19).

Б-а у смѣшается съ џ въ немногихъ словахъ; *вѣд* *одѣна*, столь обильная въ Н.-Лужицкомъ и Русскихъ подрѣчійхъ, Бѣлорусскомъ и Новгородскомъ, и не чуждая другимъ Славянскимъ нарѣчіймъ, Н.-Булгарскому, Полабскому и пр., не нашла себѣ простора въ Сербскомъ языкѣ и является въ немъ лишь въ видѣ исключенія. Въ нашихъ памятникахъ попадаются только слѣдующія слова: *црельнобрешкоѳ* и *урьленократике* (С. № 176), *црельна* (А. № 12), *црельникъ* (С. № 62), *црельница*, -я (А. № 19), *црельнид*, *црельнокииѳ* (А. № 17), *црельны* (С. № 121), *црельати* (С. № 142), *црельѳ* (С. № 157), *вѣтунъ* (С. № 164) и *вѣтунки* (С. NN № 100, 167), *црельноскии* (Мл.) и съ Итальянскимъ выговоромъ: *мануилларки* (С. № 106). Нынѣ въ приморьи слышится постоянно *ча* (Поль. *co*), да и вообще въ Сербскомъ нарѣчій, преимущественно въ упомянутыхъ словахъ, существуетъ этотъ перезвукъ.

Б-а џ переходитъ въ у въ словообразованіи и словодвиженіи обыкновеннымъ порядкомъ.

Б-а у употреблена вмѣсто ж въ словѣ *уише* (С. NN № 47, 48), ср. *жише*, -з (С. NN № 41, 43, 48—50, 55, 56, 62) и вмѣсто ж или жд въ союзѣ *тѣмотѣ* (С. № 32), если только это не недосмотръ справщика.

Б-а у замѣняетъ иногда т въ окончаніи именъ отечественныхъ, какъ въ Ц.-Славянскомъ нарѣчій. Въ этомъ нельзя не признать близкаго сродства зубнаго мягкаго т съ смягченнымъ въ видѣ у гортаннымъ и, по чему видѣть въ этой замѣнѣ влияніе Ц.-Славянской стихіи можно столько же, сколько и не видѣть его. Правда, примѣры окончиванія отечественныхъ именъ на -уѣ не многочисленны и составляютъ весьма малую часть въ сравненіи съ тѣми, въ которыхъ употреблено окончаніе -тъ, или -ѣ и -иъ; но это не иѣшаетъ думать, что Сербамъ не противно было окончаніе -уѣ: это послѣднее находимъ и въ нынѣшнемъ ихъ языкѣ въ словахъ: *Радич* и *Раич*. Тѣ же слова постоянно встрѣчаются въ этой формѣ въ нашихъ памятникахъ: *радичь*, *раичь*, -уѣ, -уѣ, -уѣмъ, -уѣмъ (С. NN № 60, 79, 80, 86, 98, 99, 108, 111, 112, 115, 126, 133, 139, 145; З. А.), *раичь* (С. № 61); также *микоуѣ*, -уѣ (С. NN № 83, 85, 156), *подимѣуѣ* (С. № 84), *грьвѣуѣ* (С. № 98), *драгъльмѣуѣ* (С. № 158). Замѣчательно, что въ одной старинной Боснійской грамотѣ 1249 года, болѣе Восточныхъ удаленной отъ Ц.-Славянской письменности, читаемъ безъ исключенія: *ошѣтѣнокичь*, *гъшѣтѣуѣ*, *срълѣуѣ*, *дръгоуѣуѣ*, *ванѣуѣ*, *одрауѣуѣуѣ*, *вѣмѣсокѣуѣуѣ* (Г. VI, № 1). Это и заставляетъ насъ отрицать съдѣсь Ц.-Славянское влияніе, хотя съ другой стороны присутствіе во всѣхъ прочихъ грамотахъ, даже Аеонскихъ, окончанія -тъ, -ѣ и -иъ отвергаетъ народность окончанія -уѣ и заставляетъ видѣть въ немъ лишь странное исключеніе. Сверхъ того б-а у замѣняетъ мягкое т въ словахъ: *моуѣ*, *панѣуѣ*, *иѣуѣ* (С. № 16), ср. *вѣѣ*, *иѣиѣ*; *досѣуѣ* (С. № 60) и въ иностранномъ *марѣуѣ* (*марта*, С. NN № 141, 170).

Въ словѣ *словѣуѣтѣи* (С. № 120) б-а у замѣнила сочетаніе *дытѣ*, а въ словѣ *идѣтѣ* (С. № 150) б-у ш. Въ словѣ *пѣтуѣскимѣи* (Ш. № 15) выразилось колебаніе между формами: *пѣтъ*, т. е., *пѣѣ* и *пѣиѣ*. Въ словѣ *уѣтѣ*, -ѣ, -ѣ, *уѣтѣ*, *уѣѣ*, *ѣуѣтѣѣѣ*, *ѣуѣтѣѣѣ* (С. NN № 22, 36, 55, 66, 77, 113, 114, 132) у замѣнило

ш, выражающее собою мягкость звука ч; ср. *чста* (чит. *штета*). Точно то же должно сказать и о словъ *гъто*, *гто*, *гтоо*, *гтоо* (А. NN^о 1, 3, 4, 5, 6, 14, 16, 19; Ш. N^о VII; С. NN^о 2, 3, 21, 26, 68, 176; Мк.; 3.), *штутьто* (С. N^о 20), *штутьто* (С. N^о 21), *штутьто*, *штутьто* (Мл.) и пр., которое замѣняетъ общеупотребительное *шо* (чит. *што*). Въ этомъ словѣ нельзя не замѣтить вліянія Ц.-Славянской стихіи, которая дѣйствовала преимущественно на ближайшія къ себѣ Двоюскія грамоты и весьма слабо на всѣ прочія. Въ XV-мъ в. только одна Черногорская грамота, какъ видно, замѣствовала у нея форму вмѣсто народной *што*.

Въ словѣ *самуѣи* (С. N^о 168) б-а у замѣнила *дж* (ц), какъ и нынѣ *бардакчия*.

Б-а ч замѣняетъ собою, какъ и въ нынѣшнемъ языкѣ, сочетанія *дс* и *тс*, на пр.: *госпоцтво*, *гшоцтва* и т. д., *госпоцка*, *гшоцкѣ* и т. д. (С. NN^о 37, 75, 96, 98, 102, 104, 107, 116, 117, 120, 121, 127, 132, 133, 140, 142—144, 150,—154, 156, 159; Ш. N^о 16; Мл.), *гдшоцткочкати* (А. N^о 18), *прошцтво*, *прошцтва* (С. NN^о 78, 93, 104), *свалцци* (С. N^о 88), *вратцтво*, -а, *вратца* (С. NN^о 107, 114, 120, 127, 141), *свалццкомъ* (С. NN^о 118, 127, 133, 141) и пр.; и обратное сочетаніе *ст*: *вратца* (С. N^о 126).

Б-а ч замѣняетъ с: *б. цалъ* (*б. сътъ*, С. N^о 127), *дкѣтъцать* (С. N^о 130).

Переходъ б-н с въ ш при словообразованіи и словодвиженіи, какъ и вообще переходы другихъ согласныхъ, не требуетъ поясненія призмѣрами, ибо слѣдуетъ постояннымъ общеславянскимъ законамъ.

Б-а с смѣняется съ б-ю ш весьма часто въ предлогѣ *съ*, когда онъ непосредственно соединяется съ личнымъ мѣстоименіемъ 3-го л. обонхъ чиселъ и съ его притяжательнымъ, на пр.: *шнмиъ*, -ми, *шнй*, *шнйъ* (С. NN^о 43, 45, 50, 55, 62, 76, 84, 89, 101, 102, 104, 114, 129, 142, 143, 173; А. N^о 15; Г. Б), *шншгокъми*, -ми (С. NN^о 55, 108), *шншгокъми* (С. N^о 77), *шншкъ*, -ѣ (С. NN^о 64, 77, 104, 129), *шншгокъми*, -ми, -ѣ, -вѣ (С. NN^о 112, 123, 126, 130, 156), *шнш* (съ *ея*, С. N^о 134), *шншномъ* (Ш. N^о 16). Въ томъ же предлогѣ въ другихъ] случаяхъ, но весьма рѣдко: *шншдми* (С. N^о 102), *шншшломъ* (С. N^о 143). Написавши *съшнмиъ* (С. N^о 16), писецъ колебался въ выборѣ того, или другаго звука. Перезвукъ этотъ существуетъ и нынѣ: въ немъ сказывается прихоть народнаго языка. Сдѣсь полугласная предлога не значить уже ничего и непосредственное столкновеніе звуковъ с и ч производить переходъ тонкаго с въ густое ш, конечно, чрезъ дѣйствіе слѣдующей за ш мягкой гласной. По той же причинѣ встрѣчаемъ, какъ и нынѣ: *кошншлншиъ*, -а, *кошншншиъ*, -а (С. NN^о 89, 114, 120, 133, 145). Б-а с перешла въ ш въ словѣ *рошншнми* (Русскій, А. N^о 11), *шншшномъ* (С. N^о 140), *шншнш* (В. К.), *шншшшгара* и *шншшгара*, -ра (С. N^о 164). Передъ б-ю ч нерѣдко с измѣняется въ ш, на пр.: *квалшнш* (С. N^о 16), *ч шншнш* (С. N^о 73), *шншшш*, *шншш* (С. N^о 78), *шншшш*, -шш (С. N^о 132, 140, 142), *шншшш*, *шншшш* (ср. *casteli*, С. NN^о 140, 168), *шншшшш* (ср. *custos*, С. N^о 140), *шншшшш*, -шшш (С. NN^о 157, 159), *шншшш*, *шншш* (мѣсто) (С. N^о 164); во всѣхъ этихъ словахъ, какъ и всюду, ч должно произносить за шт. Самое слово *шншшш* по тому же самому измѣняется въ *шншшш*, *шншшш* и т. д. (мн. р.).

Б-а с передъ другимъ с иногда опускается: *шншшш* (т. е., съ *шншшш*, С. N^о 86). Весьма часто с опускается въ окончаніи прилагательныхъ -шшш, -шшш и т. д. при предшествующей шншшш: ш, ч, ж, на пр.: *гратшшш* (А. N^о 1), *шншшшш*, *шншшшш* (С. N^о 2), *шншшшш* (С. N^о 112) и пр. и пр. въ грамо-

тахъ всѣхъ возрастовъ и семействъ. Рѣдко послѣ другихъ буквъ: хальмацѣ (С. № 20), срънрѣй (В. № 1), влаетьмацѣ (3.), хлаллѣцѣ (А. № 18), зѣтѣцѣ (Мл.). Въ окончаніи -ство послѣ ж и ш: рошѣтка (С. NN№ 121, 136), рошѣтка (С. № 161).

Б-а с замѣняетъ и въ словѣ прилавѣсь (С. № 17), ср. прилавѣсь (А. № 20), прилавѣ (С. № 178).

Б-а с замѣняетъ греческое ξ въ словѣ еседма, еседмо (А. 14).

Б-а с смѣняется съ ж въ словѣ ншмадѣомъ и ншмадѣ (С. № 157).

Б-а ш замѣняетъ собою иногда сочетанія ст и шт (ш), на пр.: шкелашно (С. № 77), мошнла (С. № 114), тисшшо (С. № 119), крлшшннш (С. № 143), шкшшмакъ и шкшшннкъ (С. № 130).

Б-а ш замѣняетъ жд въ словѣ рошѣтка, рошѣства, рошѣта (С. NN№ 88, 125, 161), рошѣта (т. е., рошѣта, С. NN№ 151, 154), ср. рошѣтка, рошѣстѣта и т. д.

Б-а ш опущена при образованіи словъ въ формахъ: въ шншшшъ шшшъ, гдѣ сверхъ того еще опущено ш (С. № 51), садшшшъ (С. № 129), ср. садшшшъ.

Послѣ гортанныхъ и ихъ видоизмѣненій естественнѣе всего перейти къ зубнымъ *д* и *т*. Плавныя останутся у насъ назади хотя по естественному образованію, начиная отъ гортанныхъ, зубныя слѣдуютъ послѣ плавныхъ. Но это не помѣшаетъ намъ сдѣлать небольшое перемѣщеніе въ порядкѣ изслѣдованія; ибо, разсматривая свистящія, мы уже дошли до зубнаго органа, который, мы сказали, уже участвуетъ въ образованіи свистящихъ. Дѣйствительно, все, чѣмъ отличаются другъ отъ друга оба ряда буквъ, зубной и свистящій, состоятъ въ особомъ способѣ прираженія языка къ зубному органу для образованія тѣхъ и другихъ звуковъ. Такъ для произведенія трехъ свистящихъ звуковъ языкъ едва только приражается къ зубамъ, оставаясь главнымъ образомъ при небѣ: но и тутъ приражается онъ слабѣе, или сильнѣе, смотря по свойству звука, слабѣе для *з* и сильнѣе для *с*. Для произведенія же двухъ зубныхъ звуковъ языкъ прямо приражается къ зубамъ, и при томъ въ различной степени, меньшей для *д* и большей для *т*: послѣднее произносится сильно при наибольшемъ упорѣ языка въ зубы. Это естественное средство двухъ рядовъ звуковъ совершенно оправдывается и языковословіемъ. Духъ языка весьма тѣсно соединилъ зубныя съ гортанными при посредствѣ двухъ рядовъ претворенныхъ гортанныхъ. По тому и мы, вслѣдъ за послѣдними, должны разсматрѣть зубныя. Нѣтъ другихъ двухъ самостоятельныхъ рядовъ, которые бы были соединены между собою столь тѣсно, какъ соединены зубныя съ гортанными и производными отъ нихъ. Главнѣйшая внутренняя связь состоитъ въ ближайшемъ органическомъ переходѣ отъ одного ряда къ другому, а главнѣйшая внѣшняя связь, истекающая изъ первой, состоитъ въ томъ, что большая часть Славянскихъ нарѣчій для смягченія зубныхъ *д* и *т* прибѣгаютъ къ шипящимъ, ведущимъ свое начало отъ гортанныхъ, а Сербское даже замѣняетъ, какъ мы видѣли, мягкія зубныя мягкими (по произношенію) гортанными, и на оборотъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ увидимъ, мягкія гортанныя замѣняетъ мягкими зубными. И такъ мы въ средѣ зубныхъ. Разсмотримъ ихъ прежде всего независимо отъ гортанныхъ и ихъ претворенныхъ.

Во всѣхъ Славянскихъ нарѣчійхъ существуетъ постоянная замѣна слабого звука *д* сильнымъ *т*, если не въ письменномъ, то, по крайней мѣрѣ, въ разговорномъ языкѣ. Сербскіе писцы, слѣдуя вообще устному произношенію словъ и не нѣтя, конечно, никакой мысли о послѣдовательномъ правописаніи, нерѣдко

ности, принималъ ш за предлогъ ѿ и написалъ ѿ: это показываетъ, что онъ не сочинялъ, но списывалъ грамоту. Случается иногда, что писцы принимаютъ предлогъ ѿ за другой предлогъ о. Есть и такія повторенія: ѿдася (С. NN^о 136, 154), ѿдася (С. N^о 150), гдѣ писца ебили, кажется, тилы. Вообще тилы не привлекали на себя надлежащаго вниманія Сербскихъ писцовъ, и точность ихъ употребленія часто страдаетъ въ нашихъ грамотахъ.

Ц.-Славянскій языкъ прибѣгалъ иногда къ благозвучному д передъ б-ю р послѣ ш, з: точно то же и почти въ такой же мѣрѣ замѣчаемъ и въ Сербской письменности. Но должно обратить вниманіе на мѣстность грамотъ, въ которыхъ встрѣчается благозвучное д: *къдѣла*, -ш, -вати (А. NN^о 1, 2, 17), *къшѣя* (А. N^о 18), *рѣдрѣшню*, -шнн, -шннн (С. NN^о 3, 35, 178), *шѣламоръ*, *шѣладе* (С. NN^о 16, 77), *ѣрѣки*. -ю, *ѣрѣкино*, *ждрашн* (С. NN^о 62, 176; А. NN^о 11, 16; Г. V), *ѣрѣца* (А. N^о 6), *рѣжѣшнн*, -жннн, -я, -жнннн (А. NN^о 7, 10; С. N^о 62), *рѣжѣшнн*, *рѣжѣшннн* (А. NN^о 11, 14), *шѣрашнн*, *шѣрашннн*, *шѣрашнннн* (С. NN^о 89, 95, 150; 3. А.), *шѣрѣшннн* (С. N^о 175), *рѣдрѣшннн* (Мл.). Изъ этихъ грамотъ большая часть принадлежитъ собственной Сербіи, одна Черногорія: всѣ онѣ, кромѣ С. N^о 62, относятся къ духовнымъ надачамъ и по тому въ большей степени допускаютъ влияніе Ц.-Славянской стихіи. Что касается до остальныхъ, то одна Дубровницкая, С. N^о 3, есть древнѣйшая изъ этой семьи и писана, слѣдовательно, въ то время, когда Кириловскій письменный языкъ былъ общае для всѣхъ грамотъ, и когда въ немъ господствовали приемы восточной Сербіи; при томъ же она обращена къ Владиславу, королю Сербскому, и заключаетъ договоръ съ нимъ Дубровничанъ, а по тому въ нее легко могъ вкратиться образъ слова, принятый православными Сербами отъ древнихъ Булгаръ. Нѣсколько Боснійскихъ грамотъ списываютъ одна у другой одно и то же слово, освященное употребленіемъ въ Д.-Булгарской письменности; ввести благозвучное д въ другія слова онѣ не смѣютъ, ибо того не требуетъ народность языка. Но не совсѣмъ же должно отнимать у Сербскаго языка возможность допущенія благозвучнаго д: и въ немъ находимъ нѣсколько словъ съ этимъ д, каковы на пр.: *ждерати*, *ждлеб*, *ждрак*, *ждракнути*, *ждрал*, *ждриец*, *ждриеце*, *ждриело*, *ждркиль*, *радрѣшнннн* и т. д. За то эти слова какъ бы остыли въ своей формѣ и кромѣ ихъ д благозвучное не можетъ быть употреблено. Въ нашихъ же грамотахъ замѣчаемъ нѣкоторую свободу относительно благозвучнаго д, особенно въ словѣ *шѣрѣшнннн*, и можемъ догадываться, что писцы въ этомъ отношеніи прислушивались къ Ц.-Славянскому произношенію.

Звуки д и т пользуются особенною мягкостію произношенія въ языкѣ Сербовъ. Тѣмъ не менѣ Сербскіе писцы, желая болѣе нагляднымъ образомъ означить ихъ мягкость, позволяли себѣ очень часто соединять эти звуки съ мягкой гласною е, ш. Это соединеніе, какъ мы уже видѣли и еще увидимъ, допускается и для другихъ согласныхъ. Оно выказываетъ наглядно то внутреннее свойство, которое заключается въ самихъ звукахъ: писцы не видѣли въ немъ удвоенія мягкости, но только наружное выраженіе внутренняго мягкаго свойства согласныхъ звуковъ; они хотѣли только показать, что если д и т соединяются съ мягкой гласною, то они должны произноситься мягко. По этому они писали, какъ произносили: *шѣштель*, -ю, -е, -ство (С. NN^о 16, 100, 104, 107, 132), *шѣрате* (С. NN^о 2, 144), *шѣрѣде*, *шѣста*, *шѣде* (С. N^о 22), *тере*, -ра, -ра (С. NN^о 22, 96, 108, 112, 126, 157), *шѣстель*, -с, -е, -омъ, -емъ, -амъ (С. NN^о 22, 66, 81, 84, 86, 96, 99, 100, 103, 104, 106—109, 125, 127, 133, 144,

157), матерь, -но, -ю (С. NN^o 66, 86, 103), приходимъ, свокоде, влде (С. N° 66), поутено, -ога, -омъ, -имъ, поуенога, -омъ, -е, -ими, -ими (С. NN^o 66, 81, 99, 100, 107, 125, 127, 132, 134, 144; Г. VI, N° 2), пра- при- родитель, -а, -и, -ъе, -ие (С. NN^o 66, 81, 84, 96, 99, 103, 104, 127, 132, 133), зяте, зяте (С. NN^o 66, 81, 103), вьдм, -е, -сть (С. NN^o 66, 68, 86, 96, 99, 104, 106—110, 112, 122, 127, 157, 168), те, тм (С. NN^o 68, 84, 86, 104), годм (С. NN^o 74, 112), смиде, вьзде, всьдръжителю, стефанъ (С. N° 81), господа (С. NN^o 81, 84, 128), вьдощъ, тьстено, тьмлунъ, прьлусте (С. N° 84), поутени, -ю, поуеню (С. NN^o 84, 96, 104, 107), вьде, дери (С. N° 86), христеки, десте (С. N° 92), тьм, дьсто- вьдѣто (С. N° 96), кокоде, -и, кокоде, кокоде (С. NN^o 99, 100, 109, 114, 122, 127, 129, 133, 134), хоте, -и (С. NN^o 86, 96, 107, 112, 126), стежанию, -ю (С. NN^o 99, 100, 103, 104), тьвъ, жьмъмъде (С. N° 100), вьсте (С. NN^o 100, 124, 127), мьчутелне, сиде (С. N° 103), ротм, -е (С. NN^o 104, 132), приуени (С. N° 104), дьдесте, -сти, приде, -и (С. NN^o 104, 109), дьжате (С. NN^o 106, 126, 127), дьде (С. NN^o 106, 125), свангансте (С. N° 106), вьде (когда, С. NN^o 106, 109), жорте (С. N° 107), десте, -те, -ти, -ть (С. NN^o 107, 108, 112, 130), дьжте, -то (С. NN^o 108, 109), зьлатѣ, пьдестъ, стьпковиню (С. N° 112), вьсхотм (С. N° 117), гьодм, вькоде (С. N° 120), зьлате (С. N° 126), домаде, степаномъ, свьгьте, скете (С. N° 127), прстени, -иномъ, ирьстенискъ (С. NN^o 130, 134, 157), вьтездестъ, домаде (С. N° 130), тьдестъ (С. N° 131), вьдѣти, -ѣ, дьнде, вьвде, щете, вьнограде, вьсляде, вьстаде (С. N° 128), сван- гьте (С. N° 133), гдѣ (С. N° 138), сьдѣть, вьдемо, хьде (С. N° 144), вьсходо (С. N° 164), вьдѣти (С. N° 168) и пр. Изъ этихъ примѣровъ видно, что смягченіе зубныхъ имѣеть мѣсто тамъ, гдѣ и употребленіе мягкихъ начертаній *е* и *и*. Обращая вниманіе на первое изъ нихъ, можемъ предполагать, что не вездѣ внутреннее свойство зубныхъ, но иногда просто одно наружное начертаніе подавало поводъ къ такому написанію. Въ нѣкоторомъ родѣ доказательствомъ можетъ служить то, что съ *и*, кромѣ одного вьсхотм (С. N° 117), подобнаго соединенія зубныхъ мы не встрѣчаемъ: слѣдовательно, слѣсъ сущность въ начертаніи *е*. Мы не приводили примѣровъ для *и*, замѣняющаго *т*, хотя и оно стоитъ иногда на мѣстѣ *е*, и *е*, и, стягивающаго *и*, *и*. Далѣе видимъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ *е* замѣняетъ *т*, а въ нѣкоторыхъ съ мягкимъ *е*, и сочетаваны такія *д* и *т*, которыя, въ другихъ грамотахъ, но въ тѣхъ же формахъ, переходять въ *ѣ*, или *г* и *и*. Собственно эти послѣднія, т. е., по природѣ своей мягкія, а не мягко только произносимыя, *д* и *т*, равняющіяся Ц.-Славянскимъ *жд* и *шт*, требовали бы сочетанія съ мягкими гласными; но старинные писцы, по примѣру Глагольскаго письма, и по обыкновенію своему, хотя рѣдкому, ервать согласныя вѣсто ютированія гласныхъ, употребили для этихъ *д* и *т* особое начертаніе *ѣ*, которое и сочетали съ твердыми уже гласными. И такъ намъ теперь предстоитъ рѣчь объ этой новой буквѣ, какъ достояніи одной Сербской письменности. Но прежде, чѣмъ приступить къ ней, бросимъ взглядъ на другаго рода смягченіе зубныхъ *д* и *т*, сохранившееся въ Д.-Сербской письменности и имѣющее съ этою буквою непосредственную связь.

Если сравнимъ Сербскія мягкія *д* и *т* съ таковыми же прочіи Славянскихъ нарѣчій, то увидимъ, что одно только Сербское нарѣчіе прямо и непосредственно смягчаетъ эти звуки, произнося ихъ чисто и мягко въ тѣхъ даже случаяхъ, гдѣ прочія Славянскія нарѣчія прибѣгаютъ къ различнымъ звуковымъ

видоизмѣненіямъ, гдѣ, большею частію, одни произносятъ: *жд* и *шт*—Л.—Булг. и Н.—Булг.; другія *ж*, *ч*—Рус. и Малорус.; третья *дз* (*dz*), *ц* (*c*)—Словац., Польск., Бѣлорус.; четвертая *з* (*z*), и *ж* (*z*), *ц* (*c*)—Чеш.; пятая *з* (*z*), *ц* (*c*)—Н.—Луж.; шестая *дж* (*dž*), *ч* (*č*)—Карпаторус., Хорв.; седьмая *дж* (*dž*) и *з* (*z*), *ць* (*č*)—В. Луж., восьмое скрадываетъ *д*, обращая его въ *й* (*j*), а *т* произносить, какъ *ч* (*č*)—Хорут. Разумѣется, въ Ц.—Славянскомъ языкѣ *д* и *т* не всегда переходятъ въ сочетанія *жд* и *шт*: они остаются мягкими сами по себѣ безъ посторонняго звука, а между тѣмъ въ нѣкоторыхъ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ въ тѣхъ же самыхъ словахъ они смягчаются съ помощію посторонняго звука подобно первымъ: такъ *дядъ*, *ушадъ*, *дѣнь* въ Польскомъ: *dziad*, *szeladz*, *dzień*, въ Лужицкихъ: *dźed*, *čeledź*, *džen*, *žen*, въ Бѣлорусскомъ *dzen*; но въ другихъ нарѣчіяхъ остается чистое мягкое *д*; итѣ, тѣко въ Польск. *iść*, *cicho*, въ Луж. *hić*, *čicho*, *hiż*, въ Бѣлор. *ицици*, *цицо*; но въ другихъ нарѣчіяхъ чистое мягкое *т*. На оборотъ, Ц.—Славянское *шт* часто остается безъ перемѣны по всѣмъ Славянскимъ нарѣчіямъ, т. е., при необходимыхъ видоизмѣненіяхъ, никогда не покидаетъ своего сложнаго произношенія и вовсе отличается отъ перваго *шт*: тогда какъ первое *шт* переходитъ въ *ч*, *ц*, это второе *шт* постоянно звучитъ или какъ *шт* (*št*), или какъ *ц* (*szcz*, *šč*), или какъ *сц* (*sc*). По этому, говоря о Кирилловскихъ мягкихъ *д* и *т*, надобно непремѣнно означать ихъ произношеніе *дъ*, *ть* и *жд*, *шт*. Сербскій языкъ въ древней своей письменности былъ, какъ мы видѣли, весьма остороженъ въ замѣнѣ мягкихъ *д* и *т* гортанными *г* и *к*, подвергая этой замѣнѣ только *ть* изъ нихъ, которая въ Ц.—Славянскомъ языкѣ переходила въ *жд* и *шт*, и только въ немногихъ формахъ замѣняя этими буквами просто мягкія *дъ* и *ть* и твердое *д*; также свое *шт* никогда не выражалъ *б-ю* и. Въ нынѣшнемъ своемъ состояніи, равно какъ и въ старину, въ устномъ (а не книжномъ) языкѣ, онъ вообще мягкія *д* и *т* произносилъ и произноситъ чисто, безъ примѣси побочнаго призвучка; но неизмѣняемое *шт* въ немъ всегда остается такимъ же, на пр., *јоште*—ици, оци, оци, кроиѣ единственнаго исключенія *акс*, *лю*, нынѣ одно *ако*, которое совершенно отвѣчаетъ Ц.—Славянскому *ашт*, какъ и въ Чеш. древнее *ак*, Словац. *акъ*. Нынѣ Ц.—Славянское *жд* едва ли не въ единственномъ словѣ *нужда* нашло себѣ мѣсто, но и это слово не пользуется у Сербовъ народностію, а только сохраняется между книжными людьми, вѣроятно, какъ остатокъ церковнаго образованія. Съ этимъ смягченнымъ *д* не должно смѣшивать неизмѣннаго *жд*, являющагося при словопроизводствѣ: оно въ старину и нынѣ у Сербовъ не измѣнялось и не измѣняется въ *г*, *ѣ*, *ѣ*, на пр., *мождити*, *междити* отъ *можак* (мозгъ) и т. п.

Теперь посмотримъ, въ какой степени древняя Сербская письменность удержала Ц.—Славянское *жд* и съ какимъ видоизмѣненіемъ? Съ самыхъ первыхъ памятниковъ, т. е., уже съ XII-го в. показываются два вида смягченнаго *д*—*жд* и *ж*; послѣднее напоминаетъ Русское и Чешское нарѣчія. Въ XII-мъ в. находимъ: *рожьства* (А. И.), слово, которое по своему вѣроисповѣдному значенію должно бы было долѣе другихъ сохраниться въ своемъ Ц.—Славянскомъ образѣ. Дѣйствительно, мы встрѣчаемъ его въ этомъ, или близкомъ къ этому, образѣ въ нашихъ грамотахъ всѣхъ семействъ и всѣхъ вѣковъ до самаго конца XV-го в. Даже нынѣшніе Сербы, по уваженію къ его духовному значенію, удержали въ своемъ языкѣ слово *рожанство*, то же, что *Божикъ*, между тѣмъ, какъ всѣ остальные слова, производныя отъ *род*, произносятся съ чис-

178; А. NN^o 17, 19; Г. Б; С.-Д. М. 1844), *надежно*, *тѣмъ*, *пошѣ*, *уюждѣ* (А. N° 19), *покрѣпивоу* (С. N° 175), *тоуѣа*, *-ихъ* (А. NN^o 16, 17), *рождѣ-момоу*, *многолѣи*, *тѣмъ* (С.-Д. М. 1844), *вѣлѣхъ*, *поуѣа*, *-но* (С.-Д. М. 1844; А. NN^o 16, 17), *ѣдѣжъ* (А. N° 17), *рождѣствѣ* (С. N° 165), *накажѣнѣмъ*, *ништожѣ* (Г. Б), *дѣлѣ* (С. N° 178) и въ мѣстоименіи относительномъ *нжъ* съ его видовзмѣненіями (А. NN^o 16, 17, 19, 20; С. NN^o 114, 137, 176; Г. Б). Въ Черногорской: *нжъ*, *нѣжъ*, *ѣжъ*, *ѣжъ*, *ѣгожъ*, *тѣмъ*, *троуждѣючисѣ*, *рождѣство*, *-оу*, *рожѣшѣа*, *гѣюжѣ*, *-и*, *оуѣрѣжѣнѣю*, *оуѣождѣшѣй*, *прѣтѣжѣ* (Мл.); а въ Албанской: *рождѣствѣ* (С. N° 148). Въ Турецкой: *таждѣ*, *нжѣ*, *ѣжѣ*, *нмѣжѣ* (С. N° 37). Кромя этой копіи сдѣланной съ Сербской грамоты, въ другихъ Турецкихъ грамотахъ эти звуки не встрѣчаются. Въ Западныхъ: *жъ*, *жѣ*, *ждѣ* (С. NN^o 89, 95, 97, 99, 103, 114, 144, 150; З. А.), *вѣрѣждѣюсѣ*, *-ютсѣ*, *-ждѣнемъ*, *-жѣнѣмъ* (С. NN^o 89, 95, 96), *тѣможѣжѣ* (С. N° 100), *нжѣ* (З. А.). Далѣе не находимъ примѣровъ. Всѣ эти слова, принадлежать вступленіямъ и переходятъ изъ грамоты въ грамоту, какъ отвердѣлые остатки старины. Въ другихъ мѣстахъ давно уже слышатся на ихъ мѣстѣ *гѣ*, *нѣ*, выражающія воздѣйствіе народности на Ц.-Славянскую стихію. Въ самомъ же Сербскомъ языкѣ нѣтъ союза *жѣ*, и по тому его виды *гѣ*, *рѣ*, *нѣ* имѣютъ временное, историческое значеніе и въ Западной семьѣ исчезаютъ съ нимъ мало по малу. Но за то освященное всегдашнимъ употребленіемъ слово «рождество» постоянно сохраняетъ то *жд*, то *ж*: *рождѣствѣ* (С. NN^o 105, 110, 120), *рождѣствѣ* (С. NN^o 92, 102, 108, 109, 140), *рождѣствѣ* (С. NN^o 89, 103, 114, 115, 119, 123), *рождѣствѣ* (С. N° 101), *рождѣствѣ*, *рождѣствѣ* (С. NN^o 121, 136), *рождѣствѣ* (С. NN^o 144, 163), *рождѣствѣ* (С. NN^o 93, 116, 122, 124, 128, 130, 132, 133, 135, 141, 150, 155, 157, 158, 159). Даже въ одной грамотѣ находимъ такую замѣну: *прижѣ* и *послѣнѣжѣ*, но тутъ же и *послѣдѣнѣжѣ* (С. N° 103). Западные грамоты не любятъ звуковъ *жд* и *ж* и замѣняютъ ихъ различнымъ образомъ, преимущественно, какъ мы видѣли, б-ю г. О другихъ замѣнахъ скажемъ послѣ. Замѣчательна любовь, съ которою древніе Сербы замѣняли *жд* звукомъ *ж*, что показываетъ, что смягченіе *д* въ *жд* было неприяно для Сербскаго уха и сглаживалось чистымъ звукомъ *ж*. Впрочемъ, Сербы знали мягкость этого сочетанія и по тому почти всегда сопоставляли его съ твердыми гласными; исключенія весьма рѣдки: *надежно* (С. N° 51), *надежно* (А. N° 19), *поуждѣ* (А. N° 16), *такоже* (А. N° 66), *вѣрѣждѣюсѣ*, *рождѣствѣ* (С. N° 81), *рождѣствѣ*, *тѣможѣ* (С. N° 100). Не мѣшаетъ также замѣтить порядокъ звуковъ въ сочетаніи *жд*, противорѣчащій Хорватскому *дж* (*dž*) и условленный вліяніемъ Ц.-Славянскаго языка. Только однажды попало намъ сочетаніе *дж* въ словѣ *вѣрѣждѣюсѣ* (С. N° 21), что по своей единичности не заслуживаетъ большаго вниманія: грамота принадлежитъ собственной Сербіи. Присоединимъ сюда форму *мѣдѣ* (С. N° 16), которую Шафарикъ написалъ *мѣдѣ* (*междѣ*, *межи*, Ш. N° XVI).

Равномѣрно смягченіе *т* въ *шт* было въ употребленіи въ древней Сербской письменности и замѣняло нынѣшнее чистое мягкое *т* (*ѣ*). Это сочетаніе некогда, кромя немногихъ исключеній, не изображалось такъ, какъ мы теперь изобразили его, т. е., черезъ *шт*; и древніе Сербскіе писцы постоянно и послѣдовательно писали его черезъ сокращенное начертаніе *ѣ*. Думать, что это начертаніе звучало, какъ на пр. Рус. *щ* или Пол. *szcz*, Луж. *šć*, невозможно, ибо мѣстоименія *што*, такъ произносимое Сербами, всегда, если только употребляется въ этомъ видѣ (а не въ видѣ *што*), пишется черезъ *ѣ*; а это и

значить, что *ѣ* читалось дьянами, какъ *што*: иначе въ столь обычномъ словѣ Сербскіе писмы непремѣнно проговорились бы и когда нибудь написали бы *што*, а не *ѣ*, если бы произносили по-малоруски, какъ *що*. Дважды встрѣченное слово *на пишѣ* (соб. имя, С. NN^о 142, 143) ничего не доказываетъ, ибо его могли произносить, такъ, какъ оно написано, и по тому самому не прибѣгли къ начертанію *ѣ*, какъ не отвѣчающему этому звуку: въ Русскомъ письмѣ удобнѣе можно бы было написать *на Пищу*; но писецъ, измѣнивъ въ этомъ словѣ обыкновенное произношеніе *пишѣ* на *пишѣ*, какъ измѣнялъ часто *што*, *ѣ*, въ *што*, и какъ нынѣ Сербы говорятъ *кошчица*, не отважился однако употребить для того знакъ *ѣ*. Напротивъ, однажды встрѣчающіяся *што* и *шита* (С. N^о 161), *шѣльницѣ*, *пишѣница*, *градница* (З. А.) и *ошѣ* (т. е., *ошѣ*, *ошѣ*, С. N^о 88) подтверждаютъ, что *ѣ* должно было звучать, какъ *шт*. Употребленіе *ѣ* вмѣсто *ш* не должно также мѣшать главному положенію, ибо весьма нечувствительная разница между тѣмъ и другимъ начертаніемъ могла иногда увернуться изподъ пера писца, или сгладиться отъ времени и вѣтхости памятника. Такъ, на пр., мы находимъ: *слѣшкѣ* (С. N^о 81), *вѣшѣ* (С. N^о 88), *ѣшѣ*, *ѣше* (С. N^о 101, копія), *ѣшѣноу* (Ш. N^о 16). И такъ мы будемъ всюду начертаніе *ѣ* принимать за *шт* и, говоря о звукѣ *ѣ*, разумѣть подъ нимъ сочетаніе звуковъ *шт*.

Въ звукѣ *ѣ* (*шт*) иногда обращается сочетаніе ст чрезъ уподобленіе с въ густое ш; на пр.: *шѣльѣ* (С. NN^о 78, 164), *ѣшѣноу* (С. N^о 157), *ѣшѣ* (А. N^о 16), ср. *власт* и у Дубровницкихъ поэтовъ *властити*; *ѣшо* (т. е., *мѣсто*, С. N^о 164) и пр. Мы не приводимъ здѣсь примѣровъ общезвуковаго усиленія с въ ш въ сочетаніи съ т при словообразованіи.

Мы уже выше замѣтили, что Д.-Булгарское *шт* не всегда переходитъ въ Сербскомъ языкѣ въ мягкое т, но остается иногда неизмѣняемымъ, звуча одинаково въ обоихъ языкахъ. Для доказательства приведу примѣры изъ нашихъ грамотъ. Такъ Ц.-Славянскія имена на *што*, *шта* исходятъ у Сербовъ на тѣ же самыя окончанія: *соудиѣ*, -ѣ (А. N^о 1; С. N^о 176; Мл.), *шѣрошѣ*, -ѣ (А. NN^о 1, 6, 8), *градошѣ* (Ш. N^о VII), *ѣшѣ* (С. N^о 14), *градѣ*, -ѣ, -ѣ, -ѣ (А. N^о 6; Мк.; С. N^о 176; З. А.), *сѣшѣ*, *тѣшѣ* (Мк.), *пошѣ* (А. N^о 2), *ѣшѣ*, -ѣ, -ѣ (А. NN^о 6, 10; Мк.), *сѣшѣ*, -ѣ, -ѣ, -ѣ (А. NN^о 6, 12, 13; Ш. N^о 15; С. N^о 176), *ѣшѣ* (А. NN^о 6, 8), *ѣшѣ*, -ѣ, -ѣ (А. NN^о 3, 4, 5), *ѣшѣ*, -ѣ и т. д. съ производными (мн. р.), *ѣшѣ*, -ѣ и т. д. (мн. р.), *ѣшѣ* (А. N^о 17), *ѣшѣ*, *ѣшѣ*, *ѣшѣ*, *ѣшѣ* (А. N^о 6), *ѣшѣ*, -ѣ (А. N^о 7; С. N^о 39), *ѣшѣ*, *ѣшѣ*, *ѣшѣ*, *ѣшѣ* (С. N^о 132), *ѣшѣ*, -ѣ, -ѣ, -ѣ (С. NN^о 94, 96, 114, 176), *ѣшѣ* (А. N^о 5), *ѣшѣ* (А. N^о 10), *ѣшѣ*, *ѣшѣ* (А. N^о 12), *ѣшѣ* (С. N^о 55), *ѣшѣ* (Ш. N^о 15), *ѣшѣ*, -ѣ (С. N^о 114; З. А.), *ѣшѣ*, -ѣ (С. NN^о 132, 140, 142), *ѣшѣ* (З. А.). Въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ эти слова, если только они существуютъ, имѣютъ тотъ же самый звукъ *шт*. Но замѣтимъ, что оканчивающіяся на *-шта*, нынѣ имѣютъ уже *-ѣ*, хотя *ѣшѣ*, *ѣшѣ* остаются и теперь съ тѣмъ же звукомъ *шт*. Еще слѣдующія слова, попадающіяся въ грамотахъ съ б-ю *ѣ*, звучатъ, или должны бы были звучать, если бы находились въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ, съ такимъ же звукомъ *шт*: *ѣшѣ* (А. N^о 1), *ѣшѣ*, *ѣшѣ* (Ш. N^о VII), *ѣшѣ*, *ѣшѣ*, -ѣ, *ѣшѣ*, *ѣшѣ*, *ѣшѣ*, *ѣшѣ* (С. N^о 14, 22, 25, 43, 55, 61, 66, 130,

ный языкъ переходить чрезъ и къ своему народному ѣ, которое въ этихъ случаяхъ изъ всѣхъ Славянскихъ нарѣчій свойственно одному Сербскому. Равноѣрно ѣ, удержанное доселѣ Сербскимъ языкомъ въ тѣхъ же самыхъ случаяхъ, не есть заимствованіе изъ Булгарскаго языка, но звукъ, допущенный духомъ и благозвучными условіями языка, который, какъ родственныи, сошелся въ этомъ случаѣ съ Д.-Булгарскимъ и другими нарѣчіями.

Сознавая мягкость звука ѣ, равняющагося мягкому т (ћ), Сербы никогда не соединяли и не соединяютъ его съ мягкими гласными. Есть, разумѣется, исключенія, но ихъ вообще немного; таковы: *селище*, *градѣще*, *напальиоуре*, *славище*, *палмиоуресе*, *ѣкѣше*, *скрѣпище*, *сѣрѣшии*, *просѣтѣшии*, *жикоуѣше* (С. № 176), *вадѣиоуре* (С. № 56), *потириѣиоуре* (С. № 66), *вадѣириѣше*, *годище*, *ирасѣресе* (С. № 81), *жпѣо- жпѣотворѣше* (С. NN № 96, 104). Сдѣсь дѣло, кажется, одной вѣдѣности и зависитъ отъ пристрастія писца къ тому, или другому начертанію звука ѣ; такъ въ С. № 176 почти всюду исключительно одно ѣ. За то въ словодвиженіи, когда за ѣ слѣдуютъ окончанія *-ога*, *-оми*, *-ома*, эти послѣдніи измѣняются въ *-ѣга*, *-ѣми*, *-ѣма*. Исключеній тоже весьма немного, какъ увидимъ ниже.

Въ формѣ *роѣка* (С. NN № 82, 95, 98, 103, 131, 134, 139, 145, 151, 154), которая однажды написана *роѣтка* (С. № 161), сочетаніе *шт* или *ѣ* не замѣняетъ *жд*, но въ немъ *т* принадлежитъ сокращенному окончанію *-ство*, а *ш* чрезъ уподобленіе замѣнило *ж*; отъ того въ другихъ случаяхъ то же слово пишется *роѣтка*, *роѣка* и *роѣства*. Точно такъ же должно объяснять форму *воѣкиа* (С. № 104). Видно, что Сербамъ трудно было вромзносить полное сочетаніе *жство* или *ѣство*, по чему они и сокращали его, прибѣгая сверхъ того къ звукоподобленію. Этимъ объясняется и форма *сѣрѣио* (С. № 9; З. А.). Въ словѣ *моѣица* (С. NN № 71, 84, 97) и *моѣица* (С. № 144) звуки *шт* и *ш* смѣняются, смотря по тому, отъ какого понятія слово это произведено: отъ *моѣи*, или отъ *моѣи*. Форма *моѣица* (С. № 144) образована чрезъ уподобленіе *ш* въ *шт*. Въ формахъ *тѣици* (З.), *дѣици*, *-ѣ* (С. № 79; З.), *мноѣици* (С. № 94) *б-а ѣ* замѣнила *жд*.

Исслѣдовавши употребленіе мягкихъ сочетаній *жд* и *шт*, равно какъ замѣнительныхъ *г* и *к*, мы еще не пришли къ конечному видоизмѣненію мягкихъ *д* и *т*; но прежде, чѣмъ поведемъ рѣчь впередъ, обозримъ вкратцѣ итоги, къ которымъ насъ привело предыдущее изслѣдованіе. Такъ какъ древняя Сербская письменность сложилась изъ двухъ началъ, которыя въ разное время дѣйствовали на нее различно, то и въ отношеніи разсматриваемыхъ нами звуковъ должно признать тотъ же порядокъ въ ихъ дѣйствіи, какой многократно признавали мы прежде и какого требуютъ самыя явленія и сравнительно взятый численный объемъ ихъ: Ц.-Славянское начало съ своими *жд* и *шт* предшествуетъ, по времени, народнымъ мягкимъ *д* и *т*. Въ древнѣйшую пору, а именно, въ XII-мъ в., уже обозначилось различіе между семьями грамотъ: Боснійская Кулина имѣетъ наимѣнѣ Д.-Булгарскихъ звуковъ, Авонская Немани имѣетъ ихъ наиболѣе. Но уже въ это время въ Боснійской гр-ѣ обнаружилось движеніе въ замѣнѣ сочетанія *жд* б-ю *ж* вопреки Д.-Булгарскому языку: это первый шагъ къ отчужденію несвойственныхъ Сербскому языку звуковъ. Въ XIII-мъ в. эти звуки присутствуютъ равноѣрно во всѣхъ семьяхъ грамотъ, ибо языкъ письменный былъ въ то время общіе для всѣхъ областей и двигался ровнѣе, не получая еще того быстраго развитія въ пользу народности, которое при-

дали ему въ послѣдствіи Западныя грамоты. Писцы строже держались условій письменности, и такъ какъ Кирилловская письменность возникла въ православно-Сербіи, то въліянію Ц.-Славянскаго начала былъ оставленъ въ ней большой просторъ. Въ такомъ видѣ, при робкомъ и малозамѣтномъ еще движеніи народности, письменный языкъ введенъ былъ равномерно во всѣхъ областяхъ Сербіи безъ видныхъ отличій, проявившихся уже въ послѣдствіи. Отъ того въ XIII-мъ в. находимъ весьма малое количество тѣхъ народныхъ признаковъ, которые въ слѣдующихъ вѣкахъ одержали рѣшительный перевѣсъ надъ Ц.-Славянскими. Но тѣмъ не менѣе количество примѣровъ показываетъ, что древніе Сербы не много дорожили Д.-Булгарскими звуками жд, ж и шт. За то Авонскія гр-ы XIV-го и XV-го вв. доставили имъ полное торжество надъ народными. Участіе духовенства и важность предмета, требовавшая и приличнаго языка, способствовали преобладанію этихъ звуковъ также и въ Законникѣ. Но какъ только грамоты переходятъ отъ церковно-дарственнаго содержанія къ гражданскому, договорному, торговому и т. д., звуки эти тотчасъ же уменьшаются, и весьма значительно, въ своемъ численномъ объемѣ и постепенно исчезаютъ въ XV-мъ в. въ гр-хъ Западной семьи. Б-а ж идетъ рядомъ съ жд и на половину отправляетъ ея служеніе, преимущественно въ Западныхъ грамотахъ; б-а ш стоитъ къ нимъ въ прямомъ отношеніи, и всѣ подчиняются общимъ законамъ языковеденія, по которымъ онѣ, будучи чуждыми Сербскому языку, уступаютъ мѣсто другимъ, болѣе народнымъ признакамъ. Первыми, явившимися на ихъ мѣсту, были г и к. По количеству употребленія эти послѣдніе стоятъ къ нимъ въ обратномъ отношеніи, хотя столь же древни, какъ и они. Трудно опредѣлить, что именно было причиною введенія этихъ замѣнительныхъ звуковъ въ Древнесербскую письменность, тѣмъ болѣе, что въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ они не существуютъ. Нѣтъ сомнѣнія, что г и к весьма близки и родственны съ д и т; но тѣмъ не менѣе, по чему для замѣны были избраны именно они, твердые, а не ихъ смягченія, или претворенія? Надобно думать, что поелику Сербы, какъ нынѣ, такъ и въ старину, въ устномъ языкѣ своемъ произносятъ и произносили мягкія д и т, какъ *дѣ* (ѣ) и *тѣ* (ѣ), то прямою замѣною этимъ послѣднимъ послужили дѣйствительно ближайшія къ нимъ г и к, произносившіяся въ этомъ случаѣ столь же мягко, какъ и самыя *дѣ* и *тѣ*, т. е., какъ бы *гѣ* и *кѣ*. Тѣмъ не менѣе замѣнительныя г и к остаются въ этомъ случаѣ все таки чисто письменными, а не устными, звуками, и нѣтъ никакой надобности допускать, чтобы древніе Сербы такъ и произносили слова, какъ писали ихъ. Пусть условными знаками для мягкихъ д и т писцы принимали г и к, или, вѣрнѣе, гъ и къ; но оставляли ли они за этими знаками ихъ настоящій звукъ, или измѣняли ихъ во время чтенія въ мягкія д и т? — вотъ вопросъ, который теперь едва ли можетъ быть рѣшенъ положительно. Если Константинъ Багрянородный пишетъ *Μευυρέτους*, а въ Латинскихъ грамотахъ встрѣчаемъ *Vekenego, Vekenega, Vekiedrago* (вѣштѣтѣгъ, вѣштѣдрагъ, *Vefenei, Vefedrai*) и у Кантакузина *ὁ Μχορίλοβίτης* (Борилловик), то это доказываетъ, что замѣнительныя г и к дѣйствительно звучали какъ *гѣ*, *кѣ*, а не какъ *дѣ*, *тѣ*; но съ другой стороны, у того же Багрянороднаго находимъ *Γραβέται, Βουσεβίτιζη* (Грабѣтѣи, Вушесѣтѣи)¹, что совершенно противорѣчитъ первымъ. Присоединимъ еще то, что

¹ Шлаар, *Serbische Lesekönner*, стр. 59.

знакъ **ѣ**, замѣняющій **дъ** и **тъ**, уже показывается въ грамотѣ Кулина, какъ выраженіе необходимости такого произношенія, и что вообще въ грамотахъ относительно **г**, **и** и **ѣ** замѣчаемъ какую-то исключительность, такъ что одинъ писецъ исключительно употребляетъ **г** и **и**, а другой такъ же исключительно употребляетъ **ѣ**, и наконецъ вспомнимъ, что если бы **г** и **и** дѣйствительно когда либо существовали въ народномъ говорѣ, а не въ одномъ книжномъ языкѣ, то они необходимо дошли бы до сего времени въ нѣсколькихъ, хотя немногихъ, словахъ, исключая, можетъ быть, одно *ако*:—сообразивъ все это, можемъ, кажется, съ достовѣрностію заключить, что **г** и **и** были лишь средствомъ писцовъ къ замѣнѣ мягкихъ **д** и **т**, а въ народномъ, устномъ языкѣ никогда въ этомъ случаѣ не звучали своимъ настоящимъ образомъ, но переходили въ *дъ* и *тъ*. Хотя знакъ **ѣ**, присвоенный древними Сербскими писцами мягкимъ **д** и **т**, уже показался въ XII-мъ в., однако нѣсколько случаевъ его появленія въ XIII-мъ и XIV-мъ вв. до самого выступленія Западныхъ грамотъ на поприще Сербской письменности, во второй половинѣ XIV-го в., никакъ нельзя назвать употребленіемъ, и можно съ достовѣрностію принять, что онъ до второй половины XIV-го в. еще не былъ въ ходу у Сербскихъ писцовъ и даже не пользовался у нихъ ни малѣйшимъ правомъ гражданства. Отъ того это время, т. е., XII-й, XIII-й и первую половину XIV-го в. можно назвать временемъ господства **б-ъ г** и **и**. Этѣ буквы разсыяны по всему пространству Сербской письменности безъ различія семействъ, столько же въ Восточныхъ, даже Аѳонскихъ, сколько и въ Западныхъ гр-хъ. При нелюбви Сербовъ къ **жд** и **шт**, этѣ буквы взяли рѣшительный перевѣсъ надъ послѣдними, преимущественно въ грамотахъ не-Аѳонскихъ. Въ означенное время несомнѣнное право преобладанія принадлежитъ **б-мъ г** и **и**. Въ собственныхъ именахъ и Аѳонскія употребляютъ исключительно одно окончаніе **-къ**. Можно думать, что употребленіе **г** и **и** вмѣсто **ѣ** взялось первоначально въ Восточной семьѣ между православными писцами и оттуда, при благопріятствовавшей общности письменнаго языка, перешло въ грамоты всѣхъ прочихъ семействъ. Подтвержденіемъ тому служить XV-й в., ибо какъ прежде, такъ и во второй половинѣ XIV-го и въ продолженіи всего XV-го в. мы видимъ постоянную любовь Восточной семьи къ этѣмъ буквамъ, не смотря на то, что Западная семья давно уже оказывала предпочтеніе знаку **ѣ**. Упорство, съ какимъ эта семья грамотъ, включая сюда и Аѳонскія, держится старинныхъ **б-ъ г** и **и**, равно стародавнее и многочисленное появленіе ихъ въ Восточныхъ грамотахъ еще въ XII-мъ и XIII-мъ вв. и преобладаніе въ этихъ вѣкахъ письменнаго языка православныхъ Сербовъ — все это усиливаетъ доказательство въ пользу восточнаго происхожденія замѣнительныхъ **б-ъ г** и **и**. Вліяніе восточнаго правописанія на западное было въ этомъ случаѣ столь велико, что, какъ сказали мы, нѣкоторые изъ западныхъ писцовъ доставляли въ своихъ грамотахъ исключительное господство **б-мъ г** и **и**: отъ того во второй половинѣ XIV-го и въ XV-мъ в. употребленіе этѣхъ буквъ въ Западной семьѣ не прекращалось вовсе, но шло постоянно своимъ чередомъ, непримѣтно ослабѣвая къ концу XV-го в., но, разумѣется, въ гораздо меньшей степени, чѣмъ какъ усиливалось употребленіе знака **ѣ**. Число приведенныхъ нами приѣздовъ для **б-ъ г** и **и** удвоилось бы или даже учетверилось, если бы знакъ **ѣ**, введенный въ Западныя грамоты, не подрывалъ этѣхъ буквъ.

И такъ о знакѣ **ѣ**. Знакъ этотъ первоначально изображался въ видѣ **д**, какъ показываютъ грамоты XII-го в. (А. И.; III. № V; у А. № 1—д) и древ-

тѣхъ грамоты XIII-го (Ш. № XIV; С. NN № 14, 15, 19, 20; Г. VI, № 1, см. fac-simile). Поздѣе стали перечеркивать его наверху, откуда произошло другое начертаніе *ѡ*, встрѣчаемое весьма часто въ XIV-мъ и XV-мъ вв. Происхождение его не изслѣдовано учеными; но всѣ согласны въ томъ, что онъ принадлежитъ Кириллицѣ. Если мы припомнимъ, что онъ означалъ мягкія *д* и *т*, просто или чисто звучація, а не смягченныя шипящими, то догадаемся, для какой именно Кириллицы былъ онъ изобрѣтенъ. Этого знака нѣтъ въ Глаголицѣ: тамъ есть подобный ему, *Ѡ* или *ѡ*, назначенный для того же самого употребленія. Д.-Булгарская Кириллица тоже не нуждалась въ немъ, ибо у ней было смягченіе зубныхъ, выражаемое чрезъ *ѡд* и *ѡт*. Слѣдовательно, его мѣсто въ Кириловской письменности, и именно у тѣхъ племенъ, которыя употребляютъ чистыя мягкія *д* и *т*: ясно, что онъ назначенъ былъ для Сербовъ и Хорватовъ, писавшихъ Кириллицею. Откуда же взялся этотъ знакъ? можно думать, что образцомъ ему послужило древнѣйшее начертаніе *б*-ы *д*: *Д*, какъ и дѣйствительно въ древнѣйшихъ памятникахъ XII-го и XIII-го вв. встрѣчаемъ его только на мѣстѣ мягкаго *д*: *гдѣмъ* (А. И.), *коурыко* (Ш. № V), *мѣоу*, -ѣ, -ю, (Ш. № XIV; С. NN № 14, 15, 19, 20), *сѣѣ* (Г. VI, № 1). Но въ послѣдствіи, впрочемъ, уже и въ XIII-мъ в., онъ сталъ употребляться и на мѣстѣ мягкаго *т*: *мѣѣмъ* (С. № 15). Вотъ всѣ случаи изъ двухъ первыхъ вѣковъ нашей письменности. Изъ нихъ видимъ, что знакъ *ѡ* существовалъ уже въ концѣ XII-го в. и употреблялся какъ въ Восточной, такъ и въ Западной семьѣ памятниковъ, т. е., у православныхъ и у Римо-католическихъ Сербовъ и Патареновъ. Шафарикъ прямо называетъ этотъ знакъ Кириловскимъ¹. Кошитаръ же сравниваетъ его съ Кириловскимъ *У* и думаетъ, что Сербы сдѣлали его изъ обращеннаго къ низу *Д* для того, чтобы показать, что въ немъ произошло двойное смягченіе первоначальнаго *к*. Въ примѣръ онъ приводитъ Русское и Хорутанское *ночь*, откуда чрезъ вторичное смягченіе произошло Сербское *ноѣ* (ср. Лат. *nox*, *noctis*)². Мы видимъ, что и Кошитаръ признавалъ Кириловское происхожденіе знака *ѡ*; но принимать его за перевернутое *У* и видѣть въ этомъ умыселъ писца невозможно, ибо въ старину Сербскіе писцы не могли знать о соотношеніи между Русскимъ и Хорутанскимъ *ч* и своимъ *тъ*. Напротивъ, они скорѣе стали бы сравнивать свое *ноѣ* съ Ц.-Славянскимъ *ношъ*, и тогда имъ пришлось бы создавать свой знакъ изъ *шт* или, по крайней мѣрѣ, *ш*. Во вторыхъ, примѣръ неудаченъ, какъ и самое основаніе его, ибо первоначально знакъ *ѡ* изобрѣтенъ былъ для мягкаго *д*, а не *т*. Впрочемъ, мы можемъ заключить, что и Кошитаръ признавалъ его назначеніе для Кириловскаго письма. В. С. Карджичъ равномерно держится той же мысли и того же объясненія³. Но если онъ изобрѣтенъ былъ для дополненія Кириллицы, то естественно долженъ былъ войти въ употребленіе только тогда, когда народный языкъ Сербовъ началъ вступать на цоприще письменности и свои признаки соединить съ признаками Д.-Булгарскими. Знакъ *ѡ* стоялъ на сторонѣ народности и войти съ нею долженъ былъ войти въ письменность. Мы его находимъ въ XII-мъ в. въ первыхъ, дошедшихъ до насъ народныхъ памятникахъ, и по тому можемъ полагать, что изобрѣтеніе и водвореніе его относятся къ древнѣйшей порѣ. Но онъ не Древнебулгарскій, а Сербскій

¹ Památky Hlaholského písemnictví. V Praze. MDCCCLIII. Стр. 13.

² Glogolita Clozianus. Стр. XXII.

³ Дешада, 1828. Стр. 15.

знакъ для Кириллицы. Съ этой точки зрѣнія можно легко объяснить всѣ явленія его дальнейшей судьбы. Если онъ изобрѣтенъ былъ для народнаго языка, то не нуженъ былъ для Д.-Булгарскаго. Отсюда ясна причина, по чему въ рукописяхъ церковныхъ и вообще духовнаго содержанія знакъ этотъ почти не существуетъ: здѣсь языкъ Булгарскій, хотя и Сербскаго извода; здѣсь жд и шт съ ихъ звукомъ и начертаніемъ сохранены изъ уваженія къ языку вѣры; здѣсь нѣтъ мѣста постороннему знаку. Православные Сербы, привыкшіе постоянно слышать Ц.-Славянскій языкъ и свыкшіеся съ нимъ, какъ съ роднымъ, легко писали на немъ и мало измѣняли его. Въ отношеніи знака ѣ они дѣйствовали весьма осторожно и первоначально употребляли его только въ иностранныхъ и почти исключительно Греческихъ словахъ въ сочетаніи шѣ вм. уу, которое нынѣ у Сербовъ звучитъ тоже какъ иѣ. Подобное употребленіе замѣчаемъ и въ Глаголицкомъ знакъ М: и онъ весьма рѣдко и исключительно употребляется вмѣсто Греч. уу въ церковныхъ книгахъ Булгарской Глаголицы. Въ послѣдствіи стали примѣнять его и къ Сербской формѣ нѣкоторыхъ словъ. Въ пергаминаномъ Евангеліи, отысканномъ В. С. Караджичемъ въ Святоиколаевскомъ монастырѣ на Моравѣ, знакъ ѣ поставленъ только въ слѣдующихъ словахъ: мѣтнѣмъ шдрѣмъ, айѣла, шѣхѣла¹. Караджичъ признается, что не видалъ этого знака ни въ какой другой церковной книгѣ. Шафарикъ тоже утверждаетъ, что видалъ этотъ знакъ только въ весьма немногихъ рукописяхъ православныхъ Сербовъ, и что печатныя церковныя книги вовсе его не знаютъ; но въ Кириловскихъ книгахъ Римо-католическихъ Сербовъ, на пр., у Матіевича, Дивковича, Орбини, Посилевича и др., онъ встрѣчается не рѣдко². Тоже свидѣтельствуютъ и наши памятники. Восточная семья во все продолженіе четырехъ вѣковъ употребила его, сколько намъ извѣстно, только семь разъ: ѣорѣгѣко (Ш. № V), помѣти (А. № 8), вѣрстиѣя, вѣртогладѣиѣ, гѣвѣиѣи вѣрѣи и, по словамъ Караджича, два раза мѣта (Ш. № 15; В. К.). Не включаемъ сюда грамоты С. № 37, переписанной при Турецкомъ владычествѣ въ концѣ XV-го в., и изданія С.-Д. М. № 1, гдѣ ѣ поставлено вмѣсто г и и, какъ это видно въ изданіи Спомениковъ № 46. Эта семья, какъ мы уже не разъ замѣчали, держится преимущественно Ц.-Славянской стѣхив, и въ ней писцы, хотя сами произносили жд и шт за дѣ и тѣ, однако словамъ придавали Д.-Булгарское произношеніе и писали ихъ съ жд и шт. Напротивъ, Римо-католическіе Сербы, въ старину и поздѣе, дававшіе у себя просторъ народнымъ признакамъ, смѣлѣе употребляли этотъ знакъ, прямо выражавшій звуки ихъ языка. На это указываетъ и Шафарикъ. Мы не ошибемся, если его изобрѣтеніе припишемъ западной или Римо-католической Сербіи, гдѣ потребность его была сильнѣе и гдѣ господствовала Глаголица—двойникъ цѣлой Кириловской азбуки. Дальнѣйшее разсмотрѣніе памятниковъ покажетъ, что тутъ были его почва и рассадникъ, ибо тутъ онъ приобрѣлъ наибольшее развитіе. Чрезвычайная скудость его въ Восточной семьѣ и вообще въ Сербобулгарской письменности подтверждаетъ, что здѣсь онъ былъ гостемъ и пришлецомъ; здѣсь онъ показывался невзначай и украдкой. Но обиліе его въ Западной семьѣ и въ книгахъ Римо-католиковъ притягиваетъ его сюда и здѣсь заставляеть искать его мѣстоименіе. Однако развитіе его совершается предъ нашими глазами: онъ не вдругъ укоренился на западѣ Сербіи и не вездѣ равномерно. Онъ господствовалъ въ

¹ Даница, 1828. Тамъ же.

² Serbiens Leskötner, стр. 61.

Приморья и Босніѣ; въ Дубровникѣ его не любили: тамъ держались г и в. Въ XII-мъ и первой половинѣ XIII-го в. мы уже видѣли его употребленіе въ Западной семьѣ въ словахъ *сѣтъ, мѣтъ, мрътъ*: сдѣсь оно не чаще, чѣмъ и въ Восточной. Это объясняется, какъ самую новизною его, такъ и большею общностію древнѣйшаго книжнаго языка, склонявшеюся на сторону Ц.-Славянской стихіи. Но съ появленіемъ Западныхъ грамотъ въ концѣ XIV-го в. появляется и знакъ ѣ, и съ этой поры онъ усиливается сдѣсь болѣе и болѣе. Прежде писцы ставили его робко, какъ бы случайно, вмѣстѣ съ г и в, теперь же одинъ писецъ ставитъ его исключительно, забывая вовсе о г и в, а другой, напротивъ, ставитъ одни г и в, вовсе не употребляя ѣ. Таково свойство всѣхъ Западныхъ грамотъ конца XIV-го и цѣлаго XV-го в. Смѣшеніе б-ъ г, и в ѣ мы могли замѣтить только въ С. NN№ 66, 77, 107, 114, 133, 145 и то въ весьма немногихъ словахъ. Въ С. № 95 имена пословъ Дубровницкихъ исходятъ на -нъ, а имена властелей Боснійскихъ на -тъ. Гр-ы С. NN№ 37, 57, 59, 64, 66, 68, 74, 75, 77—86, 88, 89, 92—99, 102—105, 107, 110, 114—118, 120, 122, 124, 125, 128, 129, 132—136, 139—145, 150, 152, 154—159, 161, 163, 169, 170, 172, 173, 179; Ш. № 16; З. А. употребляютъ б-у ѣ; прочія вовсе не имѣютъ ея. Замѣчательно, что большая часть этѣхъ грамотъ суть Боснійскія, Травунскія и Хлумскія; Дубровницкихъ только три; Приморскихъ двѣ, Турецкихъ двѣ, и одна изъ нихъ есть списокъ съ гр-ы Дечанскаго; Зетскихъ одна. Такое соотношеніе весьма важно указываетъ на чисто западное происхожденіе знака ѣ. Прочія Дубровницкія грамоты употребляютъ г и в, или просто д и т: это свидѣтельствуетъ въ пользу того, что Дубровничане, какъ прямые Римо-католики, не нуждались въ уточненности Славянской азбуки и писали либо Латинскими буквами, либо Кириллицею, съ ея г и в, къ которымъ близко подходило Итальянское. *сѣ*. При государственной отдѣленности отъ Босны и Хорватскаго Приморья, они не могли соблазниться примѣромъ тѣхъ, кои, доведя Глаголицу даже до домашняго употребленія и увлекшись тою же страстію къ изобрѣтенію, которая породила Глаголицу, сочли нужнымъ и въ Кириллицу внести новый знакъ. Такъ ли выражалось свойство языка, или иначе: это было для нихъ все равно. Знакъ ѣ не стѣснялъ движенія народности: за неимѣніемъ его, народное свойство, прямо смягчавшее зубные звуки, безъ участія призвукъ, прямо и выражало это смягченіе, употребляя въ письмѣ тѣ же д и т только съ мягкимъ произношеніемъ, а мѣстами даже и съ твердымъ, или прибѣгало къ замѣнительнымъ г и в, столь любимымъ Восточными грамотами. Для большей ясности отношенія между г, в, дъ, тъ и ѣ приведу нѣсколько примѣровъ послѣдняго: *вѣтъ, -ъ, -ю, -ѣ, -ѣ, -н, -амъ, мочѣа, -ъ* (С. NN№ 57, 93, 96, 114, 132, 142, 143, 157; Ш. № 16), *на мочѣахъ* (на мощахъ, С. NN№ 57, 145), *омѣтъни, -ъ, -ѣ, -омѣ, омѣтъни, омѣтъни, омѣтъни, -ъ, -н, -ѣ, -ѣ, -ѣ, -омѣ* (мн. р.), *вѣтъ, -н, -н, -ѣ, -ѣа, -ъ, вѣтъ* (мн. р.), *нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ* (С. NN№ 77, 115, 134, 155, 156), *плѣтъи, -ѣа, -ѣамо, -ѣаи, -ѣаъ, -н, -ѣ, плѣтъи* (С. NN№ 79, 83, 86, 94, 139, 144, 151), *тисѣтъ, -н, -ѣ, -нѣ, -н, -ъ, -ѣ, -ѣамо, -ѣа* (С. NN№ 74, 80, 81, 83, 85, 88, 92, 95, 105, 110, 124, 125, 128, 134, 136, 150, 152, 157, 158, 159), *граѣтъи* (С. NN№ 82, 94), *но- мочѣ, -нѣ, -нѣ* (С. NN№ 88, 98, 104, 141), *траѣтъи* (С. № 88), *хоѣтъ, -нѣ, -ѣ, -нѣ, -нѣ, хоѣтъ, ѣтъ, ѣтъ, ѣтъ, ѣтъ* (С. NN№ 79, 93, 96, 98, 102, 104, 114, 116, 118, 132, 140, 142, 143 — 145, 172, 173, 179; З. А.), *но- ѣ- тѣтъ, -нѣ, -нѣ, -нѣ,*

(С. № 156) и т. д.; эти имена можно производить отъ стуритъ, драгитъ, вогануть, прикзуть, краинуть, соответственно именамъ градитъ, микоуть, раститъ и пр., также имитъ (А. № 5); а что действительно въ этихъ и имъ подобныхъ именахъ могло стоять ѣ, вмѣсто у, то это доказывается, во первыхъ, именами, такъ же образованными, какъ микоуть и пр., но имѣющими окончаніе -ѣ вмѣсто -уть, и во вторыхъ, двойникомъ одной изъ вышеприведенныхъ формъ: драгитѣнѣ, -ѣнѣ (С. NN № 97, 99, 136, 145) и ему подобными: доврѣтѣнѣ (С. № 97), квинѣнѣ, -ѣнѣ (С. NN № 118, 141).

До сихъ поръ мы слѣдили только за знакомъ ѣ, какъ выраженіемъ мягкихъ *д* и *т*, и чрезъ то какъ бы придерживались наружнаго правописнаго отличія Сербскихъ грамотъ; но, чтобы не упрекнули насъ въ удаленіи отъ внутреннихъ свойствъ языка, мы считаемъ себѣ необходимымъ заимѣть, что ѣ есть собственно не что иное, какъ тѣ же Кириловскія мягкія *д* и *т*, и употребленіе какъ того, такъ и другихъ нисколько не дѣлаетъ разницы относительно духа и свойствъ языка, а только составляетъ внѣшнее отличіе правописанія. Если мы до сихъ поръ опускали случаи того же истинно Сербскаго смягчающаго свойства языка, по которому зубные звуки смягчаются сами собою чрезъ соединеніе съ мягкими гласными и сохраняются въ правописаніи, не принимая на себя образа б-ѣ ѣ, то это нисколько не нарушаетъ порядка движенія языка въ постепенномъ умноженіи случаевъ истинно народнаго смягченія зубныхъ, но съ другой стороны придаетъ видъ единства въ изслѣдованіи о б-ѣ ѣ. Можно съ достовѣрностію сказать, что упомянутый народный способъ смягченія зубныхъ идетъ въ той же самой мѣрѣ, въ какой идетъ умноженіе знака ѣ. Помимо его, употребленіе б-ѣ *д* и *т* съ мягкими гласными столь незначительно, что хотя оно и распространяетъ на весьма маловажную долю объемъ народнаго смягченія зубныхъ, однако не производятъ ни малѣйшаго переворота, ни даже колебанія въ ходѣ этого смягченія. Вотъ тѣ примѣры, которые мы опустили при б-ѣ ѣ. Мы сказали, что Восточныя грамоты не любятъ знака ѣ, слѣдовательно, не любятъ и смягченія зубныхъ въ нихъ самихъ непосредственно безъ участія *ж* и *ш*, или *г* и *и*, и только съ придачею мягкаго выговора; по этому мы мало находимъ примѣровъ и для *д* и *т*, какъ выше для ѣ: мѣдъ (Ш. № VII), добротѣнѣ (С. № 15), ѣмѣтѣнѣ (С. № 21), ѣмѣтѣнѣ (С. № 28), истрѣитѣ (А. № 6), пощедѣнѣ (С. № 176), зглѣшитѣ, ѣмѣтѣнѣ (С. № 58)—не болѣе. Равномѣрно Западныя грамоты, любя звекъ ѣ, не любили на его мѣстѣ ставить б-ѣ *д* и *т*; а по тому послѣднія являются въ нихъ лишь урывкомъ. Таковы формы: въ XIII в.: тамодѣ, мѣдѣ (С. № 16), калѣдѣнѣнѣ (Ш. № II); въ XIV и XV вв.: шѣдѣ (С. № 79), потѣрдѣю, -дѣю, -дѣмѣю (С. NN № 92, 98), толѣкодѣ, зтерѣдѣнѣнѣ, мѣдѣнѣ, мѣдѣю, калѣдѣнѣнѣ, ѣмѣкодѣ (С. № 98), рѣтѣ, рѣтѣнѣ (С. NN № 157, 163), ср. рѣтѣнѣ (С. № 132), зтерѣдѣнѣнѣ (С. № 168) и н. др. Вообще можно сказать, что древній письменный языкъ еще не развилъ употребленія знака ѣ до такой степени, до какой довелъ свои знаки *ѣ* и *ѣ* нынѣшній языкъ. Подъ постояннымъ вліяніемъ Ц.-Славянской стихіи древніе Сербы употребляли прямое соединеніе зубныхъ съ мягкими гласными, что весьма справедливо и разумно, вмѣсто перевода мягкаго начала гласной въ согласную и измѣненія этой послѣдней. Конечно, все это дѣло внѣшности, ббольшаго, или меньшаго удобства въ выраженіи мягкихъ звуковъ, тѣмъ не менѣе нынѣшнее Сербское правописаніе довело до крайности свое стремленіе къ ерованію согласныхъ вопреки іотациі гласныхъ; съ своими *ѣ*, *ѣ*, *ѣ*, *ѣ* оно отняло у гласныхъ законное ихъ свойство и отнесло его къ со-

гласнымъ, между тѣмъ, какъ вся сила звука согласныхъ покоится на гласныхъ, и отъ переменъ послѣднихъ зависятъ переменъ первыхъ. Произношеніе остается однимъ и тѣмъ же, но вѣдѣнность написанія не соответствуетъ законамъ Славянскихъ языковъ; она наружнымъ образомъ затѣмняетъ ихъ. Зачѣмъ у гласной отнимать мягкость, когда ей-то и принадлежитъ это важное свойство, столь хорошо развитое Славянскими нарѣчіями? Зачѣмъ переводить его въ согласную, которая сама зависитъ отъ гласной и ея твердаго, или мягкаго произношенія? Ерованіе вовсе не нужно при іотици.

Какъ ѣ соединяется съ мягкими гласными вопреки общеславянскому правилу, такъ на оборотъ д и т соединяются съ твердыми гласными тамъ, гдѣ за ними должна бы была слѣдовать мягкая гласная. Впрочемъ, таковыхъ примѣровъ весьма мало; укажемъ на вышеприведенные: *мѣдѣ, ѡбѣтани, ѡбѣтасѣ, шѣдѣ*. Что касается до соединенія съ б-ю я, то мы давно уже сказали, что эта буква, по своей природѣ, должна быть полумягкою, и къ тому же Сербы любили смягченіе гласныхъ, а по тому не мудрено, что они придавали ей мягкое произношеніе, даже значеніе б-ы я, вовсе не думая измѣнять для этого ея начертаніе подобно тому, какъ, на оборотъ, часто я, е, и, и ставили вмѣсто я. Въ словахъ *толѣкодѣ, потѣрѣдио* д должно было звучать такъ же мягко, какъ и въ словѣ *малѣдирѣцѣ*, да и въ другихъ примѣрахъ съ другими твердыми гласными произношеніе, вѣроятно, отдѣлялось отъ правописанія и сохраняло мягкое свойство зубныхъ.

Теперь припомнимъ, что сказано было нами выше о близкомъ родствѣ д и т съ г и и. Мы сказали, что въ Сербскомъ языкѣ г и и замѣняютъ мягкія д и т, и на оборотъ мягкое д замѣняетъ иногда г. Первую замѣну мы уже видѣли; видѣли также, какъ мягкія д и т принимаютъ видъ то жд и шт, то ѣ; замѣтили, что послѣдній видъ для мягкихъ д и т есть настоящій Сербскій, свойственный одному только Сербскому нарѣчію; но что въ то же время б-я ѣ въ сущности есть тѣ же самыя д и т, только измѣненныя въ вѣдѣннѣ своемъ видѣ. Намъ остается подтвердить примѣрами обратное отношеніе зубныхъ и гортанныхъ, т. е., указать на замѣну б-ы г тамъ, гдѣ она стоитъ законно, б-ю д: этимъ мы съ противоположной стороны подтвердимъ возможность внутренняго сродства гортанныхъ и зубныхъ. Сербское ухо, безъ сомнѣнія, находило близкое соотношеніе между мягкими гортанными звуками г и и и между зубными или, по большей части, мягкими зубными д и т. Звукъ д, замѣняющій г, часто соединяется съ мягкой гласною, какъ сейчасъ увидимъ, а по тому надобно полагать, что въ словахъ, допускающихъ въ себѣ замѣну кореннаго г мягкимъ д, первое звучитъ тоже мягко согласно съ основнымъ свойствомъ Сербскаго языка. Примѣры сейчасъ покажутъ намъ всѣ виды этой замѣны: *ѡурѣго* (Ш. № V), *архидѣла, -домѣ* (С. № 78), *с-и-сканѣли, -но, -лю, -ѣлисте, -и, -ѣ, -ѣлисте, с-сканѣли, -и, -ѣ, -лю, -дѣлисте, -ѣ, -ѣлисте, -и* (С. NN № 78, 81, 84, 85, 93, 96, 98, 102, 103, 104, 118, 120, 132, 141, 144, 150), *лиѣла* (С. № 93), *малѣдирѣцѣ, лѣдѣо* (С. № 98), *срѣла* (Сергія, С. № 132), *лиѣла* (С. № 141), *ѣраѣ* (С. № 145), *ѣраѣ* (С. № 172), *малѣри* (С. № 173). Во всѣхъ этихъ примѣрахъ д, или ѣ замѣняетъ коренное г; ср. *гюргѣ—γεωργίς*, *ангѣль—ἄγγελος*, *иѣвѣлиѣ—εὐαγγέλια*, *малѣгерѣ—καλὸς γέρον.* Дважды въ одной грамотѣ ѣ замѣнило коренное и въ словѣ *ѣерѣ, ѣерѣ*, т. е., *ѣръ—κυρία* (С. № 92). Въ вышнемъ Сербскомъ языкѣ такой замѣны нѣтъ. Кромѣ Ш. № V всѣ остальные грамоты принадлежатъ исходу XIV-го и XV-му вѣку и относятся исключительно къ Западной семьѣ (только, разумеется, не

къ Дубровническимъ). Это одно изъ выражений народности, которой, какъ мы видѣли, всегда благопріятствовали грамоты Западныя. Нынѣшній Сербскій языкъ въ этихъ, равно какъ нѣкоторыхъ другихъ словахъ тоже имѣетъ звукъ *ѣ* (дѣ). Прочія семь грамотъ употребляютъ еще постоянно г: ср., на пр., *младгерокъ* (С. № 13). И въ этихъ примѣрахъ, какъ и въ предыдущихъ, мы замѣтили употребленіе *д* вмѣсто *ѣ*, что, впрочемъ, составляетъ дѣло одного правописанія. Между прочимъ нельзя не умолчать о томъ, что знакъ *ѣ* не былъ собственно необходимъ для Кирилловскаго письма: слово *младѣрица* ясно это доказываетъ. Отсюда можно заключить, что онъ не былъ изобрѣтеніемъ послѣдователей Кириллицы, или слѣдствіемъ крайней необходимости, вынудившей ихъ прибѣгнуть къ составленію новаго знака; но что онъ изобрѣтенъ былъ для Кириллицы Сербами Римо-католиками, которые, съ одной стороны, смѣлѣе могли ввести въ нее новый знакъ, а съ другой видѣли, что этотъ знакъ, хотя и не вовсе былъ необходимъ для нея, однако, будучи исключительнымъ знакомъ для чиста мягкихъ *д* и *т*, удобнѣе приѣмлялся къ Сербскому языку, сознававшему въ этомъ отношеніи свое различіе отъ Ц.-Славянскаго; *дѣ*, *тѣ* и *жд*, *шт* звучали различно, и для первыхъ Западныя Сербы придумали знакъ *ѣ*, утвердившійся въ ихъ Кириллицѣ. Но повторю, если бы этого знака не было у Западныхъ Сербовъ, православные писцы лучше рѣшились бы перебиваться все же еще возможными знаками *д* и *т*, соединяя ихъ съ мягкими гласными, чѣмъ стали бы выдумывать новый знакъ.

Заключимъ нашъ обзоръ движенія зубныхъ звуковъ еще однимъ видомъ ихъ смягченія. Видъ этотъ не принадлежитъ ни Сербскому, ни Ц.-Славянскому языкамъ; его собственно можно назвать хорутанизмомъ въ древней Сербской письменности, свидѣтельствующимъ о взаимномъ близкомъ родствѣ этихъ двухъ нарѣчій одного говора. Онъ состоитъ въ томъ, что мягкое *д* смягается до такой степени, что улетучивается до свойства полужука *и* или вообще полониннаго небнаго *и* (Рус. *ѣ*, Лат. *j*), такъ что уже ничѣмъ не отличается отъ того небнаго начала, которое участвуетъ въ смягченіи гласныхъ: по тому слова съ подобнымъ мягкимъ *д* получаютъ форму съ одною только мягкою гласною, ибо хотя при смягающемся *д* гласная становится твердою, но, имѣя возлѣ себя полужукъ *ѣ*, въ который превратилось *д*, соединяется съ нимъ и снова образуетъ изъ себя слитый мягкій звукъ. Примѣры объяснятъ наши слова: *порошнѣ* (С. № 57), иначе *пороѣшнѣ*, *порождѣшнѣ*; сдѣсь мягкость *д*, превратившагося въ *и*, перешла въ твердое *ѣ* и съ нимъ вмѣстѣ образовала мягкое *ѣ*, то же, что *и*. Таковы и всѣ прочіе примѣры. Разумѣется, есть и невѣрныя формы, въ которыхъ *ѣ* не обращено въ мягкое начертаніе; тѣмъ не менѣе въ сущности эти формы, будучи жертвою неопредѣленности, господствовавшей въ правописаніи 6-ы *ѣ*, ничѣмъ не отличаются отъ правильныхъ съ мягкою гласною. Продолжаю примѣры: *потѣрьюшмо* (С. NN № 78, 89), *ѣмѣлокъ* (С. № 78), *госпоѣ* (С. NN № 78, 93, 159), *такѣ* (С. NN № 78, 88, 95, 116, 150); въ первомъ *ѣ*зъ правильно измѣнилось въ *ю*, но въ послѣднихъ *ѣ* вмѣсто *ѣ* должно звучать, какъ *и*; *госпоѣшмо* (С. NN № 85, 92): сдѣсь *ѣ* обратилось въ *и* и осталось въ такомъ видѣ, ибо въ Кириллицѣ не употреблялось начертаніе мягкаго *ѣ* о подобное начертаніямъ *ѣ*, *и*, *ю*; *тѣрю*, *прованстка* (С. № 89): въ послѣдней примѣрѣ мягкое *дѣ* очутилось возлѣ согласной *и* по тому своимъ чередомъ изобразилось въ видѣ *и*, которое сдѣсь звучитъ въ половину, какъ Рус. *ѣ*; *потѣрьѣшнѣ*, *ѣмѣлѣшнѣ*, *-ѣшмо*, *-ѣшнѣ* (С. № 92), *госпоѣ* (С. № 93): сдѣсь два *ѣ* или *и*-и слились въ одно; *потѣрьѣшмо* (С. № 96), *такѣ* (С. NN №

98, 128): *сѣсь* подразумевается форма *тѣсь* вѣсто *тѣодѣ*, *тѣодѣ*, ср. *ѣшакодѣ*; *дѣанасѣ* (С. № 115), гдѣ смягчено *д* вопреки Ц.-Славянскому языку; *тѣрьвѣ* (С. № 116), гдѣ *ѣ* замѣняетъ *н*; *ѣшакон*, *ѣшаконѣ* (С. № 132): последнее слово слѣдовало бы написать иначе *продѣвѣ* (*продѣжда*); *госное* (С. № 134), *ѣкишьялю* (С. № 136), *тѣнѣрѣ*, *ѣкашьян*, *мѣши* (С. № 140): въ первомъ изъ трехъ послѣднихъ словъ *нѣ* осталось нетронутымъ вѣсто того, чтобы превратиться въ *н*, т. е., *тѣнѣрѣ* — *тѣнѣджѣ*; во второмъ *ѣ* есть то же, что *н*; въ третьемъ *н* замѣнено *б-ю* вѣсто *мѣши*, *мѣши*; *гѣоим* (С. № 142), гдѣ двойное смягченіе, ибо если писецъ рѣшился написать обѣ буквы, *н* и *ѣ*, раздѣльно, то *ѣ* передъ гласною онъ долженъ былъ еще разъ смягчить; *гѣом* (С. № 158). Мы назвали этотъ видъ смягченія хорутанизмомъ: дѣйствительно, въ Хорутанскомъ нарѣчїи оно составляетъ собою общее правило; но въ Сербскомъ языкѣ оно допущено только въ условныхъ случаяхъ не болѣе, какъ въ видѣ исключенія. Въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ многіе изъ приведенныхъ словъ имѣютъ законное *ђ*, но числительныя съ *дѣсѣтъ* упорно развили у себя хорутанизмъ: Сербы говорятъ: *еданаест* или *еданайст*, *дѣнаест* и т. д. до *дѣсѣнаест*. Въ Сѣни говорятъ *мѣши* вѣсто *мѣѣа*. Кромѣ этихъ случаевъ едва ли найдется еще какой либо въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ. Откуда же взялись хорутанизмы въ древней его письменности? — отвѣчать трудно; можно только сказать, что *ѣ*, смягченное до *н*, встрѣчается единственно въ грамотахъ Боснійскихъ и Хлушскихъ. Въ Травунскихъ, вѣроятно, случайно не встрѣчается, а въ Дубровническихъ хотя и встрѣчается однажды, но за то въ словѣ *дѣанасѣ*—числительномъ, которое, какъ сейчасъ мы сказали, во всей Сербїи звучитъ такимъ же точно образомъ. Отсутствие другихъ привѣровъ въ Дубровническихъ грамотахъ должно имѣть отношеніе вообще къ отсутствію въ нихъ же знака *ѣ*.

Отъ зубныхъ, которыя выгоднѣе всего было намъ рассмотреть вслѣдъ за претворенными гортанными, возвращаемся нѣсколько назадъ къ *плавнымъ*. Прямое приращеніе языка къ небу производитъ родъ небныхъ звуковъ *л*, *н*, *р*, которые отъ неба заимствуютъ особое свойство мягкости, называемое въ согласныхъ плавностію, тягучестію и т. п. Въ средѣ согласныхъ они суть то же, что *м* въ средѣ гласныхъ; отъ того въ древнемъ Сербскомъ языкѣ они, въ отношеніи мягкости, дѣйствуютъ совершенно отлично отъ прочихъ звуковъ. Тогда какъ послѣдніе, при соединеніи съ мягкими гласными, или измѣняются въ особые второстепенные звуки, или требуютъ для того благозвучныхъ буквъ, или замѣтно различаютъ свою твердость и мягкость, плавные, напротивъ, охотно сопоставляются съ подобными имъ мягкими гласными и даже прибѣгаютъ иногда къ двойному смягченію чрезъ повтореніе самихъ себя. Ихъ тягучесть доставила имъ еще другое свойство—способность легко и безъ нарушения благозвучія соединяться съ послѣдующею согласною; это обманъ слуха, который думаетъ найти сдѣсь признакъ самогласности плавныхъ. Сербскій языкъ воспользовался этою способностію ихъ и не упологласилъ сочетанія плавныхъ, оставя ихъ почти всюду съ полугласными. То же свойство оказалось въ Булгарскомъ и Чешскомъ и въ ближайшихъ къ Сербскому Хорватскомъ и Хорутанскомъ нарѣчїяхъ, что подало поводъ нѣкоторымъ ученымъ приписывать плавнымъ *л* и *р* значеніе, въ одномъ случаѣ, согласныхъ, въ другомъ гласныхъ. Мы не доставили имъ никакого участія въ области гласныхъ; мы не разпознали въ нихъ какой-то двойной природы, которая относитъ ихъ то къ гласнымъ, то къ согласнымъ. Хотя, будучи небными, они являются въ

то же время и плавными, какъ бы мягко протягивающими голосъ; однако это свойство, сокращающее нѣсколько силу гласной, или сопутствующей, еще нисколько не даетъ имъ права быть самогласными. Нынѣшній способъ правописанія, отмѣтающій полугласныя ѣ и ѣ не только въ Латинскомъ письмѣ, но и въ Кириловскомъ, не можетъ и не долженъ смущать ученыхъ. Ежели и пишутъ, на пр., *ерт*, то это значитъ все то же, если бы написали *ерть*: переводя это слово въ *вертоградъ*, увидимъ въ послѣднемъ б-у е, которая не откуда болѣе не могла взятъ, какъ изъ озвукотворившагося ѣ. Латинская азбука не имѣетъ знаковъ для ѣ и ѣ, а по тому пишетъ безъ нихъ; Кириловцамъ же не слѣдовало бы подражать Латинцамъ и тѣмъ добровольно и несправедливо клеймить свою богатую азбуку печатью бѣдности. Чѣмъ болѣе азбучныхъ знаковъ, тѣмъ яснѣе выражается произношеніе словъ, тѣмъ болѣе облегченія и выгоды для языкоислѣдованія. Опущеніе полугласныхъ, сравнявши плавныя съ прочими согласными, уничтожило то различіе, которое замѣтно между дѣйствіемъ полугласныхъ въ соединеніи съ плавными и дѣйствіемъ ихъ въ соединеніи съ прочими согласными. Исторія Сербскаго письменнаго языка показала намъ это различіе, которое, безъ сомнѣнія, зависѣло отъ внутренняго, исконнаго свойства языка; ибо всѣ писцы въ продолженіи всѣхъ вѣковъ, пока только существовало въ употребленіи полугласное ѣ, не могли же согласиться между собою, чтобы не озвукотворятъ полугласной, ни опускать ея въ сочетаніи съ б-ми л и р, между тѣмъ, какъ въ другихъ случаяхъ они, по требованію народной стихіи, стремились къ озвукотворенію, или опущенію (разумѣется, кромѣ окончанія словъ) б-мъ ѣ. Это обстоятельство ясно показываетъ, что Сербскій языкъ, любя благозвучіе и полногласіе и распространяя эти два требованія на всякое сочетаніе согласной съ гласною и полугласною, не измѣнялъ однако же сочетаній лъ и рѣ, которыя, слѣдовательно, сами въ себѣ удовлетворяли обонимъ требованіямъ. Если произносить слова, имѣющія эти сочетанія, безъ всякой примѣси гласнаго отзвука, то они будутъ или вовсе неблагозвучны, или даже непронносимы: по этому въ нихъ долженъ быть гласный отзвукъ, который въ древней письменности и выражался въ видѣ полугласной. А такъ какъ плавныя, по своей тягучести, отстраняли отчасти полноту и силу сопутствующей имъ гласной, то они и не нуждались въ томъ, чтобы полугласная, стоящая при нихъ и образующая вмѣстѣ съ ними одинъ слогъ, претворялась въ полную гласную, ибо ихъ собственная природа вознаграждала ея половинность: по этому они удовлетворяли и другому требованію Сербскаго языка — полногласію. Законность начертаній лъ и рѣ безъ уполноглашенія б-мъ ѣ и излишнее стяженіе ихъ чрезъ опущеніе при нихъ полугласной ввели нѣкоторыхъ въ заблужденіе касательно природы плавныхъ и заставили придать послѣдней какую-то самогласность, которой она вовсе не имѣетъ. Настоящее мѣсто плавныхъ есть между согласными. Разсмотримъ же теперь ихъ движеніе и взаимныя смѣны какъ между собою, такъ и съ другими согласными.

Б-а л сдѣлываетъ б-у и въ словахъ: *одмѣломъ* (С. № 5): *аъ рѣкъ ѣмъ илѣтъ*: а *одмѣломъ* (а иначе) *иносѣлъ*; *длѣмнѣмъ* (С. № 78), *длѣмнѣмъ* (С. № 118), *длѣмнѣмъ* (С. № 172), т. е., *длѣмнѣмъ* и пр., какъ въ нынѣшнемъ языкѣ: *зламенѣ*, *зламеновати*, *млюю*; *емѣтъ* (*емѣтъ*, С. № 128).

Б-а л замѣняетъ и въ окончаніи именъ отечественныхъ. Никогда этой смѣны не бываетъ въ именахъ собственныхъ, служащихъ къ образованію отечественныхъ; но лишь только получили они окончаніе *-нѣ* или *-нѣ* и т. п., какъ

тотчасъ же свое конечное и измѣняютъ въ л. Это явленіе совершается въ весьма многихъ отечественныхъ именахъ, заключающихся въ нашихъ грамотахъ различныхъ семей и вѣковъ; но причина ему очевидна: сравнивъ подобныя имена между собою и другими, видимъ; что переизмѣну буквъ испытываютъ только тѣ, кои передъ конечнымъ *-къ* имѣютъ предшествующій слогъ съ 6-ю л.—слѣдовательно съдѣсь дѣйствуетъ звукоподобіе. Таковы: драгославиць, братославиний (С. № 176), койславиць (А. № 5), драгославиць, владиславиць (С. № 66), радославиць, *-тъ*, *-тъмь* (С. NN № 81, 84, 89, 145), драгославицьмь (С. NN № 81, 85), драгославица (А. № 18), гонславиць, *-ю*, *-у* (А. № 19; С. NN № 108, 112, 115), градиславиць, милославиць (С. № 82), вогославиць (С. № 66), вѣнославиць (С. № 94), конславиць, *-тъмь* (С. NN № 99, 103, 140), владиславиць (З. А.). Какъ на исключенія, можно указать на гонславиць (С. NN № 16, 32), волославиць (С. № 16), лркославиць (С. № 20), прииславиць (С. № 144), гдѣ в не измѣнилось въ л, быть можетъ, отчасти по тому, что первое л опущено,—говорю, отчасти, ибо вышеприведенные примѣры и въ этомъ случаѣ соблюдаютъ заимъ. Еще б-ы л и в смѣняются въ словѣ любилики, *-къ*, *-къмь* и любилицьской (С. № 176).

Другой отличительный признакъ Сербскихъ собственныхъ именъ, какъ въ древнемъ письменномъ, такъ и въ нынѣшнемъ языкѣ, есть опущеніе б-ы л въ окончаніи *-славъ* и его производномъ *-славиць*, *-къ*, *-славиць*, *-къ*. Количественное соотношеніе примѣровъ того и другаго окончанія показываетъ, что выпущеніе б-ы л началось еще въ XIII-мъ в., но весьма слабо, и только въ XV-мъ усилилось до того, что почти совершенно вытѣснило полное окончаніе *-славъ*. Въ древнѣйшей гр-ѣ XIII-го в. читаемъ: рдславъ, вадславоць (С. № 2) и въ слѣдующей за нею: вадиславиць (С. № 3); но около того же времени: вѣносавъ (у III. № VI—вѣнослава) и томъ же вѣнославиць (С. № 5); за тѣмъ опять вадиславиць, *-у* (С. NN № 6, 8), вадиславица (С. № 12), домиславиць, храниславиць, вѣриславиць (С. № 14, одной семьи съ С. № 5), храниславиць, лркославиць, братославиць (С. № 15) и т. д. въ гр-хъ С. NN № 16, 19, 20. Въ XIV-мъ в. въ началѣ то же отношеніе: окончанія *-славъ* и *-славиць* въ большомъ количествѣ являются въ гр-хъ С. NN № 46, 54, 55, 56, 66, 86, 176; М.л.; А. NN № 5, 6. Исключеніе только одно: твердиславиць (С. № 58). Но въ позднѣйшихъ окончанія *-славъ* и *-славиць* внезапно вытѣсняютъ первыя. Такъ уже находимъ: радославиць, *-а*, *-омь* (С. NN № 80, 81, 82), гонславиць (С. № 80), допрославиць (С. № 81), конславиць, *-комь*, радославиць, *-тъмь* (С. NN № 81, 84, 85), драгославицьмь (С. NN № 81, 85), вѣнославиць, милославиць, градиславиць (С. № 82). Замѣтимъ перевѣсъ окончанія *-славъ* надъ *-славиць*, возникающій къ концу XIV-го в. Большая общность письменнаго языка въ XIII-мъ в. и преобладаніе восточнаго правописанія слѣдлито, что въ этомъ вѣкѣ нашелся только одинъ примѣръ съ опущеннымъ л: всѣ прочіе и во всѣхъ грамотахъ имѣютъ еще л. Въ XIV-мъ в. Восточныя грамоты представляютъ только одинъ примѣръ безъ б-ы л: твердиславиць, но всѣ прочія имѣютъ л; Западныя же колеблются между тою и другою формою, но перевѣсъ остается за сокращенною. Въ XV-мъ в. въ Восточныхъ встрѣчается однажды радославиць (С. № 111) и въ нихъ же: гонславиць, конславиць, радославиць, вогославиць (А. № 19); но Западныя отдають окончательное первенство сокращенной: вадиславиць, *-а*, *-у* (С. NN № 74, 89, 92, 119, 126, 128, 132, 134, 140, 142, 143, 157, 158, 161, 162, 171; З. А.), радославиць, *-къ*, *-къмь* (С. NN № 89, 127, 145), радославиць, *-а*, *-у*, *-омь* (С. NN № 89, 96, 98, 100, 101, 102, 104, 107, 114—117, 120, 122, 125, 129, 133, 145, 156; З. А.), вѣнославиць (С.

NN^o 94, 120), *конслаиць*, -ѣиць (С. NN^o 99, 103, 140), *видисаиць*, -ѣ, -омь (С. NN^o 104, 107, 114, 116, 127), *принисаиць*, -а (С. NN^o 108, 109, 112), *привисаиць*, -ѣи (С. NN^o 115, 157), *дѣислаиць*, -а (С. NN^o 117, 127), *дѣислаиць* (С. NN^o 120), *терьдисаиць*, -ѣ (С. NN^o 127, 157), *принисаиць* (С. NN^o 144), *вѣисаиць* (С. NN^o 156, 158), *дѣислаиць* (С. NN^o 164), *владислаиць*, *колеслаиць* (З. А.). Сдѣсь, какъ видно, нѣтъ ни одного примѣра съ окончаніемъ -саиць, но всюду -саиць. Это одинъ изъ народныхъ признаковъ, ибо и нынѣшній Сербскій языкъ употребляетъ послѣднее окончаніе. Восточныя грамоты начинаютъ склоняться къ его принятію, какъ мы усматриваемъ изъ примѣровъ, въ началѣ XV-го в. Недостатокъ примѣровъ затемняетъ нѣсколько это обстоятельство, которое такъ ясно и послѣдовательно совершается въ Западныхъ грамотахъ. Не лишнимъ будетъ замѣтить образованіе прилагательныхъ притяжательныхъ отъ этихъ собственныхъ именъ, встрѣчаемое въ Восточныхъ грамотахъ: *радослаиць стоудѣиць* (А. NN^o 6), *принисаиць крѣтъ* (А. NN^o 12).

Б-а л участвуетъ въ словообразованіи часто какъ благозвучная. Не указываю на причастныя формы, которыя оправдываются вліяніемъ Ц.-Славянскаго языка и являются, хотя не Сербскими, однако исторически-правильными; таковы на пр.: *рѣставльа* (А. NN^o 1), *ѣставльшѣ*, *принисльа* (А. NN^o 4), *теиль* (С. NN^o 176), *сѣбѣльшоуѣсѣ*, *ѣнокльшомоуѣ* (А. NN^o 12), *ѣкрѣль* (А. NN^o 18), *могаль* (С. NN^o 20), *понисльа* (С. NN^o 65), *ѣставльшѣ* (С. NN^o 66), *ѣставльшѣ* (С. NN^o 84), *снодѣльшѣ* (С. NN^o 97), *вѣисльа* (С. NN^o 147), *могаль* (С. NN^o 108, 109), отъ коихъ прямой переходъ къ Сербскимъ *изнесао*, *моао*, *теао*, *понесао*. Примечнѣе указать на участіе благозвучнаго л въ образованіи словъ, каково на пр.: *балгословльинимь* (А. NN^o 1), *балгословльинимь* (С. NN^o 51), *ѣгословльень* (А. NN^o 7), *славословльинимь* (А. NN^o 20), *жѣилаиць* (С. NN^o 10), *испокоальбимь*, -имь (А. NN^o 4; С. NN^o 91), *дрѣзѣльинимь* (А. NN^o 14), *сръльинь*, -ѣ и т. д., *сръльаиць*, -ѣ, -ѣ и т. д. (мн. р.), ср. *сръльинь*, -оуѣ, -ѣ (С. NN^o 73, 91, 111, 137). Слово *жѣилаиць* и производныя отъ него хотя постоянно имѣютъ въ себѣ л, однако два раза находимъ: въ *жѣилаиць* (С. NN^o 16; у Ш. NN^o XVI—*жѣилаиць*) и *жѣиль* (С. NN^o 52), равно какъ однажды *кѣиль* (С. NN^o 16), хотя обыкновенно употребляется форма *кѣильа*, -ѣ, -ѣ, -амь (С. NN^o 17, 21, 22, 91 и др.). Въ обоихъ послѣднихъ словахъ л есть вставочное благозвучное, по чѣшу и ѣ, введенное ради мягкаго отбоя б-ы и передъ л, *жѣильа*, мы прежде называли незаконнымъ: если бы не было л, то не было бы и этого ѣ. Однажды встрѣчается форма *уокльиць* (С. NN^o 82) вмѣсто обыкновенной *уокльаиць*: нынѣ, напротивъ, Сербы употребляютъ или *човек*, или *чоек*, между тѣмъ, какъ обыкновенная въ ихъ древней письменности форма *уокльаиць* уже не существуетъ болѣе въ ихъ языкѣ. Въ словѣ *кѣильаиць* (А. NN^o 14) опущено л, ср. *кѣильаиць* (С. NN^o 176). Слово *колльаиць* (С. NN^o 3), *колльаиць*, -имь (С. NN^o 9, 12, 14), *колльаиць* (С. NN^o 176), удерживая въ себѣ б-у л согласно съ древнѣйшею Бугарскою формою, указываетъ на свое происхожденіе отъ сравнительной степени *воливъ*. Въ словѣ *сѣильаиць* (С. NN^o 107) также присутствуетъ благозвучное л, которое начинается собою л слово *лѣильа*, *лѣильаиць* (юльа, С. NN^o 92, 108, 109).

Б-а и сѣильаиць съ б-ю л въ образованіи словъ: *кѣильаиць*, -ѣ и т. д. и *кѣильаиць* (С. NN^o 112, 115, 126) соответственно формамъ *прошмь*, *лѣильаиць*, -ѣ (*лѣильаиць*, *лѣильаиць*). Можетъ быть, *тѣильаиць* (С. NN^o 35) есть то же, что Ц.-Слав. *тѣильаиць*.

Б-а и во всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ сѣильаиць съ б-ю л въ известныхъ случаяхъ. Въ древней Сербской письменности находимъ не много примѣровъ замѣны б-ы и б-ю л, какъ то: *мѣильаиць* (С. NN^o 19), *лѣильаиць* (С. NN^o 104), ср.

зирый (С. № 98), зиринти, -иню (С. № 101), зиринти (С. № 102), два шнаь-
дана и тутъ же два шнадама (С. № 130), дрымъ и дрымь, мзрольхъ (С. № 176),
ср. шрольхъ (3.); поумъ (С. № 168). И нынѣ въ приморскомъ Сербскомъ по-
дрѣчїи часто ж замѣняется чрезъ и.

Участіе, которое принимаетъ б-а и въ словообразованїи, произвело нѣкото-
рыя формы, достойныя того, чтобы быть замѣченными: всматѣнномъ, -мъ (С.
NN№ 50, 62, 111), вссмѣтѣнномъ (С. № 90), ср. вссмѣтѣстѣнномъ (С. № 99),
всмѣтѣнному (С. № 137), прыжїи (А. № 8), плоскїи (А. № 11), здюлютѣннѣхъ
(А. № 16), бѣгоустииню, достоянню (С. № 66), крѣпнѣ, кѣшнѣ (крѣпки, кѣш-
ки, С. № 77), драгни (С. № 78), любно (С. № 85), становитѣи (С. NN№ 95,
103, 136), ср. становитѣ (С. № 97), вссердно, вссерднѣ, вссерднѣ, вссерднѣ (С.
NN№ 96, 98, 107, 114), еднѣсрднѣ (С. № 141), еднѣсрднѣ (С. № 144), ср.
и- еднѣсрднѣ (С. NN№ 89, 100), вссерднѣ, -о (С. NN№ 104, 107), мнѣсрднѣ
(С. № 89), мнѣсрднѣ (С. № 107), вѣлоаннѣ (Г. А) и пр. и пр. Сюда же
отнесу и улѣколѣбно, -бнѣ, улѣколѣбно (С. NN№ 95, 150; З. А.) Но во всѣхъ
этѣхъ формахъ должно замѣтить хотя и странное, однако все таки возмож-
ное служеніе б-ы и. Дѣло въ томъ, что эта буква входитъ же въ образова-
ніе нѣкоторыхъ существительныхъ именъ на -нѣсть и отвѣчающихъ имъ при-
лагательныхъ на -ннѣ и нарѣчїи на -нѣ: слѣдовательно, она допускается ду-
хомъ языка въ одноиъ случаѣ; по чему же было не допустить ея въ дру-
гомъ точно такомъ же? Конечно, духъ языка обходится и безъ нея въ из-
вѣстныхъ случаяхъ, и именно въ формахъ, сейчасъ нами приведенныхъ, но
здѣсь судъ произносится на основанїи Ц.-Славянскаго языка, между тѣмъ,
какъ Сербскїй можетъ измѣнять это утонченное требованіе благозвучїя род-
ственнаго нарѣчїя и на основанїи своего собственнаго вкуса создавать тѣ же
формы, но только съ б-ю и. Странно звучало бы нарѣчїе улѣколѣбно, а между
тѣмъ, по соотвѣтствїю съ лѣно и люно, оно именно должно бы имѣть эту
форму. Форма драганъ существуетъ и въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ; прѣли
оправдывается словомъ прѣнацъ, гдѣ и взялось тоже изза благозвучїя. Стало
быть, духъ языка позволялъ себѣ пользоваться этою буквою тамъ, гдѣ мож-
но было обойтись и безъ нея, пользоваться изъ собственныхъ видовъ благо-
звучїя: по этому я и назвалъ вышеприведенныя формы возможными.

Важное мѣсто въ словообразованїи занимаетъ удвоеніе б-ы и. Нужно вни-
нуть въ сущность формъ съ удвоеннымъ и, равно какъ постигнуть обще-сла-
вянскїй законъ удвоенїя, чтобы судить о причинахъ, производящихъ подобное
явленіе. Законы ли языка требуютъ въ извѣстныхъ случаяхъ удвоенїя и, или
только условіе благозвучїя? Коренное ли здѣсь второе и, или только благо-
звучное? Вотъ вопросъ, который ждетъ рѣшенїя. Но прежде всего назовемъ
формы, въ которыхъ преимущественно встрѣчается удвоенное и: это суть
окончанїя существительныхъ на -ннѣ, -нѣсть и т. п., прилагательныхъ на -ннѣ
и нарѣчїи на -нѣ. Здѣсь и удваивается въ такомъ случаѣ, когда всѣ эти
окончанїя предшествуютъ основѣ, исходящей на и, которое отъ конечнаго и,
по правилу, должно быть отдѣлено б-ю ѣ, составляющею для перваго и сня-
ченіе и отбой голоса, но которое, при ослабленїи служенїя полугласной, боль-
шею частїю, соединяется непосредственно со вторымъ и и представляетъ со-
бою какъ бы удвоеніе одной и той же буквы. Всякїй пойметъ, что здѣсь нѣтъ
удвоенїя, но только степеніе двухъ одинавыхъ буквъ, принадлежащихъ двумъ
совершенно различнымъ частямъ слова, основѣ и окончанїю. Замѣтимъ еще
слѣдующее: во первыхъ, существительныя не должно смѣшивать съ причастїями

страдательнаго залога прошедшаго времени определеннаго окончанія, которыя иногда употребляются въ смыслъ существительныхъ, не переставая образованіемъ своимъ напоминать о своемъ происхожденіи; во вторыхъ, не должно забывать, что Славянскія нарѣчія вообще не терпятъ повторенія, не только удвоенія, одиѣхъ и тѣхъ же буквъ, которое они стараются избѣгать чрезъ опущеніе одной изъ нихъ, даже иногда тамъ, гдѣ удвоеніе согласно съ законами языка. Мы уже видѣли это отчасти при другихъ буквахъ; теперь посмотримъ при буквѣ *и*. Для именъ существительныхъ находимъ немногое примѣровъ. Такъ *цариньникъ* (Ш. № X), *цариница* (С. № 71), *законьникъ*, *бачиньникъ* (З.), *виницъ*, вѣроятно, *виницъ* (С. № 118), *иноплемѣнникъ* (С. № 179), *старинникъ*, *стариница* (А. № 19) образованы правильно, ибо основа ихъ исходитъ на *и*: *царинь-и*, *племь* (*племь*) и пр. По этому, ежели находимъ образованіе *цариньникъ* (С. № 3), *царини* (С. № 43), *цариница* (С. № 150), *иноплеменица* (З. А.), то значить, что оно повесело сокращеніе. Вовсе неправильно написано сущ. истинною (С. № 48). Въ Сербскомъ языкѣ не замѣтно той склонности къ смягченію, которая господствуетъ въ двухъ нарѣчіяхъ Русскаго языка, Малороссійскомъ и Бѣлорусскомъ. Въ обоихъ этихъ нарѣчіяхъ находимъ удлиненную форму существительныхъ на *-лье*, *-ныне* ви. *-ле* (*ліе*), *-ме* (*міе*), которыя нельзя объяснить страстью къ удвоенію одной и той же буквы, но скорѣе страстью къ смягченію, такъ что второе *л*, или *н* является уже благозвучнымъ, вставленнымъ по уподобленію для равновѣсія въ окончаніи; таковы на пр.: *сіяньля*, *весилья*, *зилья*, *коханья*, *свитанья*; *весилья*, *мльня*, *уциранья*, *коханья*. Слѣды этого рода смягченія съ повтореннымъ окончаніемъ попадаются и въ древней Сербской письменности въ формахъ: *длмьнѣицъ* (С. № 78), *длмьнѣицъ* (С. № 118) и, можетъ быть, также въ формахъ: *взвѣнѣица* (С. № 16), *взрѣнѣица* (по смыслу *взрѣнѣица*, С. № 117), *нлсѣица* (С. № 168). Но эти формы еще ничего не говорятъ въ пользу Сербскаго языка и не имѣютъ права стоять на ряду съ отличительными его признаками: онѣ исчезаютъ вмѣстѣ съ древнею его письменностію, и подобныхъ имъ въ нынѣшнемъ языкѣ не находимъ. Прилагательныя представляютъ собою въ своемъ образованіи большую неопредѣленность, но все зависитъ отъ того, какая основа взята для нихъ, и отъ какой формы существительнаго слѣдуетъ ихъ производить. Разумѣется, когда основа исходитъ на *и*, то они имѣютъ въ своемъ образованіи два *и*, а въ другихъ случаяхъ одно *и*. По этому правильно находимъ слѣдующую форму: *вѣнѣица* во всѣхъ видоизмѣненіяхъ (Ш. № VII; С. NN № 2, 35, 46, 50, 61, 66, 71, 84, 96, 97, 144, 175, 176, 178; Г. А, Б; А. NN № 3—7, 9, 10, 12—14, 16, 17, 19; В. № 1; Мл.), но неправильною *кожѣица* (С. № 35), *кожѣицѣица* (С. № 114), ибо основою ей служатъ *кожѣица*. Правильны: *истиньица*, *-нѣица*, *-ница*, *-ица*, *-ица*, *нѣица* и т. д. (С. NN № 51, 66, 68, 81, 85, 111, 120, 133, 137, 142, 143, 176; А. NN № 4, 5, 7, 14, 20; Мл.), по чему находимъ и форму *истиньица* (С. № 142), *страшнѣица*, *иноплемѣннѣица* (С. № 176), *вѣговѣнѣица* (С. № 35), *покиница* (З.), *кариньица*, *-ица*, *-ица*, *-ица*, *-ица* (З.; С. NN № 78, 90; А. NN № 12, 14), *иноплемѣннѣица*, *-ица* (С. NN № 81, 97), *законьица*, *законьица*, *-ица* и т. д. (С. NN № 87, 108, 109, 112, 113, 115, 117, 118, 176; В. № 1; Мл.), *иноплемѣннѣица* (С. № 114), *поустѣица* (А. № 2), *нѣица*, *-ица*, *-ица*, *-ица* (А. NN № 4, 5, 8; С. № 35), *нѣица* (А. № 6), *нѣица*, *поустѣица*, *нѣица* (А. NN № 10), *нѣица* (А. № 12), *нѣица* (А. № 17), *нѣица*

преставленными (А. № 20), *връшениомъ*, *исполнениомъ* (С.-Д. М. 1814), *връшени* (Г. Б) правильны по тому, что основа ихъ исходить на и: истин-а, закон-ъ, врѣмъ и т. д. По той же причинѣ неправильны: *дѣдочимъ* (С. № 7), *истиинъ*, -е, -ию, -ми, *пѣтии* (С. NN№ 85, 89, 95, 103, 113, 136, 150, 168; З. А.), *многочислии* (С. NN№ 85, 95), *вѣриво* (С. NN№ 96, 98, 145), *законъ*, -омъ, -омъ, -ѣ, -ѣ, -имъ (С. NN№ 86, 114, 119, 120 — 122, 126, 130, 134, 136, 139), *намени* (С. № 121), *страшига* (С. № 127), *оностраномъ*, -е, -ими (С. NN№ 140, 150; З. А.; Г. А). На оборотъ, неправильны: *огниими* (С. № 35), ибо образованіе этого слова должно быть таково: *огнь* -ли; *поменьи* (меньшій, З.). Точно такъ же надлежитъ провѣрить и образованіе нарѣчій. Правильны слѣдующія формы: *взданомо* (З.), *истиинно*, -омъ (С. NN№ 142, 143), *единно* (С. № 143), *не-не-при-връшати*, -ино (С. NN№ 104, 150; З. А.; А. № 13), *мг-крано* (А. № 10); но слѣдующія неправильны: *връшати* (С. № 104), *истиинно* (С. № 178). Воздержимся пока отъ общаго вывода и перейдемъ къ опредѣленному виду причастій прошедшаго вр. страд. зал., который въ древней Сербской письменности является то съ удвоеннымъ, то съ однимъ и. Посмотримъ, какъ образуютъ этотъ видъ прочія Славянскія нарѣчія и низшее Сербское, Польское, Чешское, Лужицкія, Хорватское, Хорутанское, Сербское, Д.-Булгарское (по древнѣйшимъ памятникамъ) и М.-Русское постоянно оканчиваютъ его на -ну, -ни, -ми, -ми и никогда не удваиваютъ въ немъ б-ы н, н. Напротивъ, В.-Русское письменное удваиваетъ н, вѣроятно, по требованію своего рода благозвучія, или по примѣру Среднебулгарскаго правописанія, -мнѣй. Конечно, первая форма будетъ правильная, ибо опредѣленное или склоняемое окончаніе причастій образуется изъ неопредѣленнаго или спрягаемаго чрезъ прибавленіе указательнаго мѣстоименія, но послѣднее есть и, а не ми, и по тому правильный видъ будетъ: *гѣмъ-чи*, *сѣроуши-ли*, *вписавъ-омъ* и т. д.; но Русскіе, вопреки теоріи, пишутъ: *сказанный*, *сокрушенна*, *написанное*. Откуда же взялось другое м? Законъ словообразованія молчитъ; но Русскому уху, или, по крайней мѣрѣ, уху Русскаго книжника, какъ-то странно разстаться съ этимъ вторымъ м, и оно охотно прислушивается къ нему, созная въ немъ особенную выразительность и звучность, чрезъ которую и самое окончаніе выигрываетъ, приобретаая какъ бы большую силу и ясность въ произношеніи. Вѣроятно, это благозвучное удвоеніе перешло въ Русскій письменный языкъ изъ Среднебулгарскаго, изъ котораго дѣйствовало и на Древнесербскій. Но въ народномъ говорѣ какъ Русскихъ, такъ и Сербовъ этого удвоенія не замѣтно; оба языка основываютъ свое благозвучіе на удареніи, а не на протяженіи голоса, и отъ того въ разговорѣ трудно соблюсти то и другое, или дать мѣсто тому и другому; языкъ бѣгло произноситъ окончаніе -мнѣй, -на, -но, заботясь лишь объ одномъ удареніи; при томъ же скорѣе протянетъ оный гласную, чѣмъ остановится на двойной согласной. Примѣры покажутъ намъ, что древніе Сербы удваивали и не удваивали б-у и въ причастіи, и что отсюда вообще существовало величайшее колебаніе между тою и другою формою. Что-то сильно противодействовало удвоенію, и если обратить вниманіе на число примѣровъ безъ удвоенія и на семь гранотъ, къ которымъ они принадлежатъ, то не останется никакого сомнѣнія, что этою противодействующею силою была народность. Но обратимся къ самимъ явленіямъ. Нѣтъ, кажется, надобности замѣчать, что слова наши относятся только къ опредѣленному или склоняемому виду страдательныхъ причастій

140—142, 145), потерьенини, -гъно, -търѣно (С. NN№ 92, 97, 99), ѡбтокане, -ѡ, -ѡѡ, -ѡѡ, ѡбтоканѡс, ѡбтоканѡ (С. NN№ 96, 99, 104, 106, 114, 120, 127, 133, 141, 145), ѡбтѡканѣз, ѡбтѡканѣз (С. NN№ 101, 102), вѣроканѣз, -ѡмъ, вѣроканѣи, -нѣ, вѣроканѣмъ и т. д. (С. NN№ 109, 112, 115, 119, 120, 123, 126—129, 134, 135, 139, 148), зунѣган, -номъ (С. NN№ 74, 114), поуланѣи, -нѣ, -нѣхъ (С. NN№ 115, 126), ѡ- ѡткорѣни, -нѣ, -ѡ, -ѡмъ, -з (С. NN№ 74, 116, 133, 142, 145—148), привѣсеннѣхъ (С. № 119), сръвѣрѣи (С. № 126), зѡамѣновѡнога (С. № 148), ѡвѣрѣи, -ѡмъ, ѡвѣрѣнога, -ѡмъ (С. NN№ 156, 157, 163, 164, 166, 167, 173), зѡданѣи (С. № 166). Теоретически неправильно образованы слѣдующія формы: не- не- нѣз- нѣз- нѣз- нѣз- нѣз- з- нѣ- рѣтѣннѣи, -нѣни, -нѣни и т. д. во всѣхъ видахъ (А. NN№ 3, 4, 5, 8, 10, 11, 13, 15, 17, 19; С. NN№ 35, 46, 50, 62, 66, 81, 89, 90, 91, 96, 107, 108, 111, 114, 117, 120, 124, 127, 133, 142, 143, 144, 168, 173, 175, 176; Г. А, Б, V), поуѣннѣи, -ѡга, -ѣ, -нѣ, -нѣни, поуѣннѣи (С. NN№ 81, 111, 146, 166; Г. Б), бѣго- бѣго- дарѡвѡннаго, -ымъ, -нѣ, -нѣни, -ѡю, -ѡи, -ѡмъ и т. д. (А. NN№ 3, 5, 10, 12, 17, 19; С. NN№ 35, 66, 81, 100, 176), прѣко- нѣко- вѣмъланѣннаго, вѣн- уланѣннаго, вѣнъуланѣннаго (С. NN№ 2, 176; А. № 3), бѣго- прѣ- вѣз- вѣз- вѣз- вѣз- вѣз- лѡблѣннѣи, -ѡго, -ѡмъ, -нѣмъ, -ѡмъ, -нѣ, -нѣни, -ѡмъ, -ѡннѣи, -ѡннѣи, лѡс- лѣнна (С. NN№ 35, 62, 91, 176; А. NN№ 12, 14, 18; Мл.; Г. V), прѡ- данѡ, -лѡ, -нѣнѣи, -нѣи (А. NN№ 5, 6; С. NN№ 96, 97, 176), нѣѡ- нѣѡ- зѣ- з- вѣ- ѡѡ- писанѡно, -нѣно, -нѣнога, нѣсѣннѡно, -нѣи, писанѡноу, -ымъ, -ымъ, -ѡи, нѣннѣи и т. д. (А. NN№ 3, 5, 6, 7, 12, 14, 16, 17, 18, 20; С. NN№ 51, 62, 68, 89, 90, 92, 96, 97, 99, 106, 107, 108, 111, 112, 114, 115, 119, 120, 126, 133, 137, 142, 143, 144, 175, 176; Мл.; Г. А; З.), скръщеннѡно, скръщеннѣи (С. № 176; Мл.), рѡженнѡно, рѡженнѡноу, рѡженнѣи (А. № 6; С. № 176; С.-Д. М. 1844) вѣженнѡно, вѣженнѣи, -нѣи, вѣженнѣи, тѣвѣлѣннѣи, -нѣннѣи (С. № 176; А. NN№ 11, 20; Г. А, Б; Мл.), смѣрѣннѣи (Мл.), прѣ- вѣз- лѡженнѣи, -лѣ, лѡженнѡно (А. № 16; С. № 175; С.-Д. М. 1844), зѣтѣрѣннѡно, ѡутѣрѣннѣи (А. NN№ 14, 17), глѣннѣи, -нѣнѣи, нѣнъглѣннѣи, -зѡю (А. NN№ 3, 5; Г. А; С.-Д. М. 1844), ѡнѣннѣи, ѡнѣннѣи, ѡнѣннѣи (А. № 6; С. № 176; С.-Д. М. 1844), нѣмѣлѣннѣи, -ѡноу, -ѡѡ (С. № 176; А. № 9), прѡскръщеннѣи, скръщеннѡноу (А. NN№ 5, 9), ѡнѣннѣи (С. № 176), прѣ- ѡ- ѡ- ѡ- скръщеннѣи, -нѣи, -нѣи, -з, сѣрѣеннѡно, сѣрѣеннѣи, -нѣннѣи, -нѣннѣи и т. д. (А. NN№ 3, 11, 12, 18; С. NN№ 35, 46, 176; З.; Мл.; Г. V), нѣсѣннѣи, нѣсѣннѣи, -нѣи, лѣлѣннѣи, -нѣи (С. NN№ 142, 176; А. № 9), нѣскръщеннѡно (С. № 35), зѣнѡноуѡнѣннѣи (А. № 11), бѣгомъ- по- з- ставлѣннѣи, -ѡмъ, -ѡмъ, -нѣннѣи, -нѣи, нѣномъ, -нѣномъ (С. NN№ 35, 46, 50, 66; А. № 12; З.), содѣннѣи (С. № 35), нѣмѡвѣннѣи, -нѣно, -ѡ, -ѡ, -нѣннѣи (С. NN№ 93, 114, 142, 143), нѣзѣрѣннѣи (С. № 66), ѡбтоканѡно, -ѡ, -нѣ(н)ѡ (С. NN№ 107, 120, 144), вѣроканѣнѣи, -ѡ, -ѡи, вѣроканѣннѣи (С. NN№ 108, 115, 142, 143), поуланѣннѣи (С. № 176), ѡкорѣннѡно (С. № 120), стѡрѣннѣи (А. № 6), ѡвѣрѣннѣи (Мл.), рѣннѣи, -нѣю (А. NN№ 7, 10), скръщеннѡно, зѣтоканѣно (С. № 176), зѣстѣннѡно (С. № 46), тѣснѣннѡноу, вѣзѣннѡноу (А. № 5), сѣннѣи (А. № 10), ѡдѣннѣннѣи (С. № 35), нѣнъуѣннѣи, прѣкозѣннѣи (Г. А), вѣзѣннѡно (С.-Д. М. 1844), нѣннѣннѣи (С. № 142), нѣнъуѣннѣи, прѣкозѣннѣи (Г. Б), ѡскръщеннѣи, нѣннѣннѣи, нѣннѣннѣи, ѡннѣннѣи (Мл.), нѣннѣннѣи (А. NN№ 20). И съ глаголомъ вѣти: не- вѣннѣи, -нѣи вѣти (С. NN№ 46, 50; А. № 12), нѣннѣннѣи, -нѣю вѣти, вѣти, нѣ вѣти нѣннѣннѣи, -нѣю (С. NN№ 62, 90,

111; А. NN[№] 7, 11, 12), *исполнениюу кѣтъ* (А. NN[№] 3, 4, 5), *старшденнѣ кѣтъ* (А. N[№] 14), *исполнени кѣ* (А. N[№] 18), *исполнениюу кѣтъ* (Мл.). Въ выраженіи *ѣ тѣ да ѣтъ кѣтъ* (А. N[№] 10) причастіе имѣетъ справедливо два и, ибо одно изъ нихъ принадлежитъ къ основѣ *краи-ѣ, краи-ити*. Нарѣчія, производныя отъ прилагательныхъ причастной формы, имѣютъ или правильное окончаніе: *имению* (С. N[№] 97), *старшденнѣ* (С. N[№] 143), *исполнению* (С. N[№] 167), *исполнениюу* (С. N[№] 125), *исполнениюу* (С. N[№] 66), или неправильное: *исполнениюу* (С. N[№] 108). Совершенно неправильны формы причастій страдат. зал. прошед. вр. неопредѣленнаго или спрягаемаго окончанія въ соединеніи съ личными временами глагола *кѣтъ*: *даннѣ кѣтъ* (С. N[№] 35), *да и исполнениюу* (С. N[№] 40), *и исполнениюу* (С. N[№] 108), *ѣ испилю* (С. NN[№] 115), *ѣ испилю* (С. N[№] 175), *ѣтъ въ* (Г. Б), *исполнениюу ми кѣтъ, да ѣтъ кѣтъ* (А. N[№] 10), *исполнениюу кѣтъ* (А. N[№] 11), *исполнениюу сѣтъ* (А. N[№] 14). Припомнимъ всѣ выставленные случаи удвоенія б-ы и, мы можемъ видѣть, что время нисколько тутъ не дѣйствуетъ: и въ древнѣйшихъ и въ новѣйшихъ грамотахъ удвоеніе является въ одномъ размѣрѣ, по тому, думаю, что, не будучи слышно въ произношеніи, т. е., въ разговорномъ языкѣ, оно было единственною принадлежностію книжнаго языка и, какъ его собственность, не прикасающаяся къ живой части народа, сохранялась съ нимъ вѣстѣ, держась наиболѣе благопріятствовавшихъ ей грамотъ. Какія были послѣдствія—покажетъ численное сравненіе примѣровъ. Правильныя, безъ удвоенія б-ы и, образованныя формы относятся къ неправильнымъ, допускающимъ удвоеніе, почти какъ 2¼ къ 1, при томъ такъ, что болѣе ¼ неправильныхъ формъ приходится на долю только 30 грамотъ церковно-дарственного содержанія (19 Аеоискихъ; Мк.; Мл.; Г, Б, V; С. NN[№] 35, 51, 175, 176, 178; С.-Д. М. 1844), а изъ остальныхъ около ¼ принадлежитъ грамотамъ собственной Сербіи и Законнику. Вспомнимъ, какую малую часть, въ сравненіи съ прочими, составляютъ эти памятники и своимъ числомъ и своимъ объемомъ, и какую между тѣмъ значительную часть случаевъ притягиваютъ на себя; вспомнимъ также, что Ц.-Славянская стихія нигдѣ такъ ясно не высказывается, какъ въ грамотахъ церковно-дарственного содержанія—и послѣ этого согласимся, что удвоеніе б-ы и есть именно признакъ ея вліянія, разлившійся по всѣмъ грамотамъ, какъ и многое другое, и утвердившійся преимущественно подъ ея защитою тамъ, гдѣ она была сильнѣе. Мы сейчасъ называли этѣ формы неправильными въ томъ смыслѣ, что по законамъ словообразованія б-а и является въ нихъ лишнею, и онѣ неупотребительны въ устномъ языкѣ Сербовъ, какъ и многихъ другихъ Славянскихъ племенъ; но онѣ правильны, если удовлетворяютъ законамъ благозвучія и составляютъ законную собственность какого либо Славянскаго нарѣчія. Какъ образованіе слова *земля* нельзя назвать неправильнымъ, по тому только, что сдѣсь есть вставное благозвучное л; какъ Малороссійскія слова *жоринья*, *сымне* нельзя назвать неправильными по тому только, что въ нихъ является благозвучное н, такъ точно этѣ формы нельзя назвать неправильными въ смыслѣ особенности какого либо нарѣчія. Правда, онѣ менѣе правильны въ сравненіи съ законо-вѣрными, на пр., *земля, зетѣ, зета, зема, земля*, какъ въ Польскомъ, Чешскомъ, Лужицкомъ, Н.-Болгарскомъ, Бѣлорусскомъ нарѣчіяхъ, однако и онѣ опираются на благозвучныя требованія извѣстнаго нарѣчія и составляютъ его особенность, хотя, восторю, особенность, несвойственную Сербскому языку по тому уже, что одиѣ и тѣ же грамоты, которыя ревностно служатъ ей, представляютъ и многочисленныя примѣры противнаго. Но мы вѣсто и

есть признак той же тугучести или мягкости плавной *м*, какую видѣли мы въ другихъ плавныхъ при образованіи слоговъ *мъ* и *ръ*. Протяжность эта правится Славянскому уху, не терпящему однако повторенія одной и той же согласной. Замѣтимъ еще, что удареніе при удвоительномъ образованіи никогда не падаетъ на слогъ со вторымъ *м*, но почти всегда приходится на слогъ съ первымъ *м*, а безъ удвоенія на слогъ предшествующій, или даже на болѣе отдаленный къ началу слова: отъ того, для поддержанія равновѣсія въ словѣ, ухо Серба охотно допускаетъ удлинненіе послѣдняго слога, вызванное требованіями благозвучія, хотя и не въ Сербіи первоначально. При отсутствіи сознанія языка, разладъ книжниковъ съ народомъ и маловажномъ отличіи простыхъ формъ отъ удлинненныхъ, древніе Сербскіе писцы неопредѣлительно ставили ту, или другую форму, заимствуя одну изъ народной рѣчи и зная хорошо другую изъ коротко знакомой имъ письменности Д.-Булгарской.

Оупищеніе *б-ы* и находимъ въ словахъ: *пакръатъ*, *пекръатъ* (Панкрать, Ш. № II; С. № 16), *мостадинъ* (С. № 61), *мостаидина*, *мостаидиѣ* (А. № 14), *мостантинъ* (С. № 176), *пашмъта* (С. № 37) и н. др.

Благозвучное *и* употребляется Сербами, какъ и прочими Славянами, въ соединеніи съ иѣстоименіемъ личнымъ 3-го л. и производными отъ него при-тяжательными: *ниго*, *нимиъ*, *ни*, *нию*, *никъ*, *ними*, *ниши*, *нигошь*, -д, -ѣ, *нишиъ*, *никошь*, -д, -ѣ и пр. и нр. Само собою разумѣется, что при стеченія двухъ стихій, изъ коихъ одна, имено, Ц.-Славянская, пользовалась этимъ благозвучнымъ *и* въ гораздо меньшемъ объемѣ, чѣмъ другая, Сербская, дѣло не обошлось безъ такихъ формъ, въ которыхъ не было благозвучнаго *и* вопреки требованію народности. Понятно также, что этѣ послѣднія наиболѣе вошли въ тѣ памятники, въ которыхъ Ц.-Славянская стихія преобладала, и что, на оборотъ, въ памятникахъ противоположной семьи господствуютъ формы съ благозвучнымъ *и*.

Б-а *р* замѣняетъ *б-у* и въ словѣ *дръавлясь* (А. № 1), *дръавляшикъ* (С. № 176), *дръавлясьи* (А. № 12), *дръавлясьѣ* (С. № 113), *дръавлясьиши* (3.); ср. *лѣавлиѣ* (А. № 10). Также не иѣшаетъ замѣтить формы *взрѣомани* и *взрѣоманиши* (С. № 164), *кши* и *кшиаръ* (rosula, С. NN № 126, 130).

Одною изъ народныхъ чертъ Древнесербскаго письменнаго языка есть за-мѣна *б-ы* ж въ частицѣ *иш* (*жд*) и настоящемъ вр. глагола *иѣти* *б-ю* *р*. Хотя въ древней письменности мы и находимъ *жд*, замѣняемое *б-ю* *р*, однако глаголъ *моиѣ*, имѣющій въ настоящемъ вр. не *жд*, а *ж*, и имѣнній народный языкъ, замѣняющій *б-ю* *р* только *б-у* *ж*, показываютъ, что сродство *б-ы* *р* должно искать не съ *б-ю* *жд* или мягкимъ *д*, а съ *б-ю* *ж*. На это сродство указываетъ способъ смягченія самой *б-ы* *р* чрезъ *ж*, употребленный въ Польскомъ и Чешскомъ нарѣчіяхъ. Въ обоихъ въ устномъ говорѣ, а въ послѣднемъ даже иногда на письмѣ *гъ*, переходитъ въ *з*, *з'*. Не смотря на то, что у Сербовъ въ старину писали *тавоѣ* и т. п., это слово живетъ и *тавоѣ*, да и нынѣ говорятъ *такоѣ*. Вообще древніе писцы распространили нѣсколько кругъ употребленія замѣнительнаго *р* и, видя, что *жд* переходитъ часто въ *ж*, стали и его замѣнять *б-ю* *р*: впрочемъ, напередъ они должны были признать *жд* за *ж* и потомъ обращать его въ *р*. Сербамъ трудно было положить настоящую грань между частицами *жде* и *иш*. Но ухо и привычка заставляли ихъ правильно писать *тавоѣрѣ*, какъ а нынѣ *такѣрѣ*, гдѣ Ц.-Славянское *жд* правильно замѣнялось *б-ю* *е* или *ѣ*, а *ж* *б-ю* *р*; ср. *тавоѣиши*,

-жею (С. NN^o 66, 100). Примеры покажутъ намъ всѣ тѣ случаи, гдѣ совершалось служеніе замѣнительнаго р. Уже въ гр-ѣ Кулина находимъ *никоуре*, *коликоуре* и *иуре*, т. е., *ни* или *нион*, усвоенное частицею *ре* или *ни*, подобно иѣстоименію *ниш*. Нынѣ Сербы уже не прибавляютъ частицы *ре* къ относительному иѣстоименію *ко*, *ком*. Въ гр-ѣ Немани: *ере*, *никомоуре* (А. N° 1). Нынѣ *ере* въ видѣ *ер* употребляется единственно въ значеніи союза, а въ старину оно употреблялось, кромѣ этого, еще въ первоначальномъ своемъ значеніи, какъ иѣстоименіе относительное, Ц.-Слав. *ниш*; и нынѣ говорятъ *ништары*, хотя не слышно *никоуре*. Древніе Сербы распространили употребленіе частицы *ре* для всѣхъ трехъ родовъ неопредѣленнаго иѣстоименія. Въ XIII-мъ в.: *иуре*, -и (Ш. N° VII; С. NN^o 2, 12, 17, 26), *никоуре*, *никоуре* (Ш. N° VII), *иуре*, *ере*, *ере* (Ш. N° VII; С. NN^o 3, 11, 16, 18, 19), *ионикуре* (*ионикур*, С. N° 2), *ишиуре*, *ишигуре*, *ишикоуре* (С. N° 3), *иш-никоуре* (С. NN^o 3, 5, 13), *иогуре* (С. N° 7), *тере*, *иштары*, *иштыуре* (С. N° 14), *ишуре*, *ишкуре*, *ишиуре* (С. N° 16), *ишикоуре* (С. N° 17), *тере* (С. NN^o 9, 11, 18, 22), *ишикоуре*, *ишуремь* (С. N° 19), *ишикогуре* (С. NN^o 21, 26), *ишикошуре* (С. N° 26). Въ XIV-мъ в. *иш-иогуре* (А. N° 6; С. N° 71), *никоуре* (С. N° 51), *ере*, *ере*, *иуре*, *ере* (С. NN^o 34, 39, 40, 43, 59, 61, 77, 79; А. N° 6), *такуре*, *тогигуре* (*тогигур*, С. N° 176), *ишикоуре*, -иуре (С. NN^o 35, 42), *ишигуре* (С. N° 57), *тере* (С. N° 59; А. N° 12), *ишигыуре*, *ишигурь*, -ре (С. NN^o 65, 68), *такогуре*, -гуре (С. NN^o 67, 86), *иуре*, -ише (С. NN^o 68, 78), *ишуре* (С. N° 79). Число примеровъ въ этомъ вѣкѣ замѣтно умножилось, когда выступили на видъ Западныя грамоты: изъ 27 11, т. е., не много менѣ половины, приходится на ихъ долю, между тѣмъ, какъ изъ 78 полныхъ, или отрывочныхъ памятниковъ XIV-го вѣка только 17 принадлежатъ Западной семьѣ. Въ Аеонскихъ только 3 раза встрѣтилось намъ *ре*. Отъ чего же, спросятъ, XII-й и XIII-й вв. сравнительно такъ богаты примерами? Отъ того, что въ нихъ число Восточныхъ грамотъ не превышаетъ числа Западныхъ, да и самая грамота Немани, судя по правописанію и некоторымъ формамъ, нѣсколько ближе къ народной стихіи, чѣмъ прочія Аеонскія. Въ XV-мъ в.: *иуре*, *ере*, -ь, *ере*, -ь, -е, *иуре*, -ь, *ере*, -ь (С. NN^o 87 — 89, 94, 96, 98, 101, 102, 104, 106—108, 110, 112—115, 119, 121, 122, 126, 128, 130, 134, 139, 141, 143, 148, 149, 153, 156, 158, 159, 162, 163; Г.Б.), *иуре*, -мо (С. NN^o 88, 89, 93, 101, 102, 106, 109, 112, 115, 121, 141, 150), *иуре* (С. N° 88), *ишкуре* (С. NN^o 89, 153), *ишуре*, *ишуре* (С. N° 93), *ишигуре*, -ре, -ь (С. NN^o 96, 107, 118, 132), *ишигыуре* (С. N° 102), *тере*, -е, -е, *тере* (С. NN^o 106—108, 112, 115, 118, 119, 126, 143, 157; Ш. N° 16; С.-Д. М. N° 2), *ишикоуре* (С. NN^o 107, 142), *такогуре*, -гуре, -гуре (С. NN^o 111, 137, 157), *ишкоуре* (С. N° 114), *такогуре*, -ре (С. NN^o 114, 169; Ш. N° 16), *ишо*, *ишо*, *кою гедурь*, -е (кто годъ *иш* и т. д., С. NN^o 116, 140, 141), *тениуре* (С. N° 140), *ишикогуре* (С. N° 144), *ишоремь* (С. N° 60), *ишикогуре* (Мл.). Предлогъ *дери* (С. NN^o 16, 84, 86, 89), встрѣчающійся въ другихъ памятникахъ въ формѣ *дери*, *дери*, справедливо долженъ быть сравниваемъ съ Ц.-Славянскимъ *дери*, *дери*; какъ и это послѣднее, онъ сочиняется съ другимъ предлогомъ *де* и вмѣстѣ съ нимъ составляетъ какъ бы одно понятіе непосредственнаго приближенія, то же, что Лат. *usque ad*. Еще въ одной Аеонской гр-ѣ (А. N° 19) находимъ дважды употребленное слово *иери*, въ которомъ р, очевидно, замѣняло собою *ид* или *и*, что доказываетъ, что древніе Сербы многія Ц.-Славянскія формы съ *ид* уже читали съ *и*, смѣшивая это послѣднее съ законнымъ исконнымъ *и*, замѣняли его, какъ и это, 6-ю р. Въ XV-мъ в.

мы опять находимъ ту же бѣдность Восточной семьи примѣрами для *р*: причина въ томъ, что Ц.-Славянская стихія здѣсь болѣе мѣшала народности войти въ письменный языкъ и доставляла преимущество своимъ *жд* и *ж*. Не должно однако думать, чтобы *р* всюду отправляло свое служеніе, гдѣ только настояла въ немъ надобность; ограниченное число примѣровъ показываетъ, что долженствовали быть другіе звуки, которые замѣняли его. Въ самомъ дѣлѣ *жд*, *ж*, *г*, *ѣ*, *д* встрѣчаются тамъ же, гдѣ и *р*, и тѣмъ значительно сокращаютъ объемъ его служенія. Мы можемъ убѣдиться въ этомъ изъ предыдущихъ примѣровъ, представленныхъ для всѣхъ этихъ звуковъ. Здѣсь можно только дополнить ихъ тѣми, которые не имѣли отношенія къ означеннымъ звукамъ, и по тому не были нами приведены выше: въ совокупности съ приведенными, они покажутъ настоящее взаимное отношеніе всѣхъ упомянутыхъ нами звуковъ, между которыми *р*, конечно, займетъ самое незначительное мѣсто. Чтобы дополнить примѣры, намъ нужно здѣсь прослѣдить за настоящимъ временемъ глагола *моѣи*. Форма настоящего времени отъ *моѣи* съ *б*-ю ж встрѣчается въ разныхъ вѣкахъ и семьяхъ: *можѣтѣ* (С. № 9), *можѣмо*, -ѣ (С. NN № 16, 40, 76, 129, 144, 145; А. № 2), *можѣтъ*, *можѣ*, -ѣ (С. NN № 35, 71, 72, 77, 107, 108, 114, 126, 127, 128, 132, 142, 144, 145, 150, 157, 163, 167, 178; Г. А, Б и пр.), *можѣши* (А. № 18) и пр. Союзъ или частица *ж* отдѣльно, или въ тѣсномъ соединеніи съ другимъ словомъ, преимущественно въ формѣ, замѣствованной изъ Ц.-Славянскаго языка, встрѣчается весьма часто, но не всюду равномерно. Мы уже видѣли случаи ея употребленія. Она попадается во всѣхъ грамотахъ, изданныхъ Авраамовичемъ и въ большей части грамотъ, напечатанныхъ въ Споменикахъ. Но съ тѣмъ же союзомъ, сдѣлавшимся уже частицею, соединенныя слова, носящія на себѣ печать Ц.-Славянскаго образованія и принадлежащія Ц.-Славянскому языку, каковы на пр., *нѣш* со всѣми видоизмѣненіями, *нѣштож*, *дойдѣж*, *помѣши*, *нѣож* и т. д., не сохранялись равномерно во всѣхъ грамотахъ, но послѣдовали общему закону движенія языка, укрупнившись въ значительномъ числѣ лишь въ Аеоискихъ. Нынѣ у Сербовъ нѣтъ ни этихъ формъ съ частицею *ж*, ни союза *ж*: первая звучитъ нынѣ кое гдѣ, какъ *ре*, и кругъ ея служенія нынѣ гораздо ограниченнѣе, чѣмъ былъ прежде, ибо нынѣшніе Сербы воздерживаются отъ замѣны ею Ц.-Славянской частицы *жд*, употребляя болѣе *ѣ*. Переменная ж въ *р* въ извѣстныхъ случаяхъ свойственна не только Сербскому нарѣчію, но и ближайшимъ къ нему Хорватскому и Хорутанскому. Желающіе знать подробнѣе объ этомъ общемъ для всѣхъ трехъ нарѣчій свойствѣ, равно какъ видѣть нѣкоторые слѣды родства между *б*-ю ж и *р* въ другихъ Индоевропейскихъ языкахъ могутъ обратиться къ статьѣ Шафарика въ его *Serbische Leseköcher* подъ *б*-ю ж.

Благозвучное *р* встрѣчается въ словѣ *врезъ*, *врез* (С. NN № 112, 115, 132, 141). Эта форма любима Хораватами и Хорутанами; а Сербы предпочитаютъ ей обыкновенную *без*.

Смягченіе плавныхъ *л*, *н*, *р*, понимаемое Сербами нѣсколько отлично отъ Булгаръ, произвело большую неопредѣленность въ Древнесербскомъ правописаніи. Различіе между писцами состояло во взглядѣ на Кириловскіе знаки. Одни смотрѣли на нихъ съ Кириловской точки зрѣнія, другіе съ своей народнои. Св. Кирилъ всѣмъ согласнымъ буквамъ усвоилъ твердое произношеніе, которое измѣнялось въ мягкое чрезъ соединеніе съ мягкими гласными: отъ того Кириллица наиболѣе отдалена отъ ерванья; весь порядокъ ея знаковъ осно-

ванъ на іотаціи. По этому въ Кириллицѣ мы видимъ, что каждая твердая гласная, кромя и, имѣетъ свой двойникъ, мягкую, состоящую изъ того же начертанія, но только соединеннаго съ смягчающимъ небнымъ знакомъ. Употребленіе той, или другой гласной въ сочетаніи съ согласною производитъ то, или другое дѣйствіе на звукъ, согласной, начертаніе которой при этомъ не измѣняется. Я не говорю сдѣсь про внутреннее претвореніе гортанныхъ въ шиплящія и свистящія, равно смягченіе помощію побочныхъ звуковъ. Сербы, напротивъ, старались самымъ согласнымъ буквамъ въ ихъ собственномъ начертаніи придать мягкое произношеніе, не обращая вниманія на гласныя; они изобрѣтаютъ новые знаки для нѣкоторыхъ мягкихъ согласныхъ, не думая вовсе о томъ, что соединеніе Кириловскаго твердаго знака съ мягкою гласною производитъ совершенно одно и то же дѣйствіе въ произношеніи. Отъ того въ ихъ древнемъ правописаніи является величайшій безпорядокъ въ сочетаніяхъ согласныхъ съ гласными: у нихъ часто мягкая согласная сочетается съ мягкою же гласною вмѣсто твердой, и часто твердая согласная сочетается съ твердою же гласною, когда бы слѣдовало сочетаться ей съ мягкою. Все, говорю, зависѣло отъ того, какое значеніе, твердое, или мягкое, придавали Сербы Кириловскимъ знакамъ. Если они понимали какую либо букву по-кириловски, какъ твердую, то и сочетавали ее по-кириловски съ мягкою гласною тамъ, гдѣ нужно было выразить мягкое ея произношеніе; но если они понимали ее по своему, какъ мягкую, то, вопреки Кириловскому правописанію, соединяли ее уже съ твердою гласною вмѣсто мягкой, не думая, что чрезъ это происходитъ сбивчивость для тѣхъ, кои не знаютъ Сербскаго произношенія, или не предупреждены на счетъ ихъ условнаго правописанія. Еще понятны сочетанія, каковы на пр., ѣа, ѣя, ѣз, то же, что та, ти, тю, когда знаемъ, что ѣ не иначе звучитъ, какъ мягко; но если они пишутъ ча, къ, на, нз и т. д., имѣя дѣло не съ отличительнымъ мягкимъ знакомъ ѣ, а съ общими Кириловскими знаками а, я, которые, отдѣльно взятые, не могутъ быть названы мягкими, тогда трудно догадаться, дѣйствительно ли они такъ произносили эти сочетанія, или же читали, какъ та, тю, на, ню и т. д., разумѣя сдѣсь знаки а, я, какъ мягкіе и подобныя по природѣ знаку ѣ. Когда по-ц.-славянски писали га, на, да, та и т. д., тогда Сербы, произнося тутъ г, н, д, т мягко и желая выразить это и въ правописаніи, писали въ тѣхъ же словахъ: гѣ, нѣ, дѣ, тѣ и т. д. На оборотъ, часто случалось и такъ, что писцы, не довольствуясь мягкою природою согласныхъ, желали мягкое ихъ произношеніе выразить на письмѣ и составляли подобныя сочетанія: жо, тю, ци, ши и т. д. Тутъ дѣло рѣшается единственно примѣненіемъ къ народному устному произношенію, которое должно было оставаться постоянно неизмѣннымъ, и съ которыми писцы не могли не соображаться. Слѣдовательно, вся сбивчивость происходитъ лишь на бумагѣ отъ неопредѣленности пониманія письменныхъ знаковъ. Такое объясненіе, мнѣ кажется, всего приличнѣе примѣнить и къ плавнымъ, какъ таковымъ, которыя наиболее представляютъ неопредѣленности и произвола въ своихъ сочетаніяхъ съ твердостью и мягкостью. Хотя сами по себѣ они суть твердыя, но степень твердости ихъ такова, что они не любятъ соединяться съ твердыми гласными, предпочитая имъ мягкія. Это происходитъ отъ своего рода мягкости, тягучести, производимой въ нихъ образовательнымъ органомъ. Въ Д.-Булгарскомъ языкѣ встрѣчаемъ цѣлыя рукописи, гдѣ поставленіе мягкаго и послѣ и и обратилось въ законъ. То же увидимъ и въ Сербскомъ книжномъ. Ихъ звукъ, подходящій къ мягкости, былъ причиною, по чему старинные пис-

цы недоуивали, какую букву приличнѣе поставить послѣ нихъ. Только отсюда становится понятною у древнихъ Сербовъ двойственность однихъ и тѣхъ же формъ, какъ на пр., *вола* и *волаи*, между тѣмъ какъ, безъ сомнѣнія, народъ, а съ нимъ и писцы, произносили это слово какимъ нибудь однимъ образомъ, такъ, или сякъ, но, конечно, не двояко. Нынѣ Сербы говорятъ и пишутъ: *вола*, что значитъ то же самое, что *волаи*, *воля*: такъ должны были говорить и въ старину. Откуда же взялась другая форма *волаи*? Она взялась изъ того, что здѣсь Сербскіе писцы уклонились отъ Кирилловскаго воззрѣнія на знакъ *л*, отдѣльно взятый, и сочли его по своему за такой же мягкій знакъ, какъ и *ѣ*, а по тому естественно сочетали его уже не съ мягкойю, а твердою гласною. Впрочемъ, это только предположеніе: малочисленность примѣровъ, въ которыхъ, вопреки ожиданію и нынѣшнему произношенію Сербовъ, являются съ плавными твердыя гласныя, заставляетъ насъ остановиться на этомъ предположеніи. Но не менѣе смѣлымъ будетъ и то, если мы допустимъ, что древніе писцы писали такъ, какъ говорили, т. е., произносили буквально, отличаясь въ этомъ случаѣ какъ отъ соплеменниковъ своихъ, такъ и отъ нынѣшнихъ Сербовъ. Это было особое временное явленіе, принадлежность извѣстныхъ вѣковъ письменности. Прибавимъ сюда еще вліяніе Ц.-Славянской стихіи въ тѣхъ словахъ, въ которыхъ они рознились, относительно смягченія, съ Булгарами. Очень можетъ быть, что писцы, изъ уваженія къ этой стихіи, придавали слову на письмѣ Булгарское, а не Сербское, произношеніе и такъ читали его: отсюда разногласіе формъ и тѣ же отличительныя свойства семей грамотъ, какія всюду были замѣчаемы нами. Но съ другой стороны, присутствіе двойственныхъ формъ не только въ грамотахъ одной семьи и одного вѣка, но даже въ одной и той же грамотѣ, и при томъ преобладаніе въ некоторой степени формъ безъ смягченія въ грамотахъ Западной семьи, между тѣмъ, какъ ихъ можно бы было скорѣе ожидать въ грамотахъ Восточной, все это заставляетъ думать, что смѣна формъ происходила въ нѣдрахъ самой народной стихіи независимо отъ Ц.-Славянской, или, по крайней мѣрѣ, только подъ слабымъ ея вліяніемъ. А если это такъ, и если народъ не могъ мѣнять своего выговора въ одномъ и томъ же словѣ, однажды произносить звукъ твердо, другой разъ мягко, то опять вѣроятнѣе становится догадка, основывающая все различіе формъ на воззрѣніи писцовъ на свойство буквенныхъ знаковъ Кириллицы. Къ тому же плавные нѣмые звуки, подобно небной гласной, изъ вохъ прочихъ нѣмыхъ звуковъ менѣе всего способны къ сохраненію въ себѣ твердаго произношенія, и даже въ соединеніи съ твердыми гласными произносятся почти полумягко. Постараемся представить здѣсь въ полнѣйшемъ, по возможности, объемѣ весь порядокъ смягченія плавныхъ, но замѣтимъ напередъ, что б-а и занимаетъ здѣсь самое неопредѣленное мѣсто служенія, ибо небольшое различіе въ звукахъ между *б* и *м*, по крайней мѣрѣ, меньшее, чѣмъ между *л* и *м*, *з* и *ю*, недостатокъ въ мягкомъ изображеніи этой буквы въ древнѣйшихъ грамотахъ, забытокъ его въ позднѣйшихъ и наконецъ неразборчивость начертанія твердаго и мягкаго,—все это производитъ такое смѣшеніе между формами, что уже весьма трудно отыскать въ нихъ истинное произношеніе. Такъ точно б-а *м*, вторгнувшись кое-гдѣ въ Сербское правописаніе и не удержавъ при себѣ истиннаго произношенія, но смягчившись въ свою очередь до звука *м*, смѣшалась мѣстами съ этимъ послѣднимъ. Нынѣшніе Сербы, въ своемъ правописаніи, отличаютъ при б-ѣ и твердыя *л* и *н* отъ таковыхъ же мягкихъ чрезъ ардачу послѣдними б-и *ь*, на пр., *кралъице*;

древніе Сербы не употребляли, кромѣ немногихъ случаевъ, этого ерованнаго начертанія, но иѣтотами въ нѣкоторыхъ грамотахъ отличали нѣсколько твердое произношеніе плавныхъ отъ совершенно мягкаго чрезъ соединеніе ихъ съ б-ю и, а иѣстами, и при томъ въ большей части случаевъ, избѣгая б-и и, писали прямо съ и, не различая отгѣика въ произношеніи. По этому мы и не приводимъ примѣровъ сочетанія плавныхъ съ б-ю и, такъ какъ здѣсь твердость и мягкость пишутся безразлично. Что же касается до собственно такъ называемаго ерованья, т. е., исхода слова на гласную съ полугласнымъ ѣ, то въ слѣдствіе вышеназваннаго обычая Сербскихъ писцовъ употреблять одно ѣ, вмѣсто ѣ, мы не можемъ достаточно на основаніи этого окончанія опредѣлять мягкость, или твердость конечной согласной, и по тому излишнимъ считаемъ приводить въ примѣръ слова, исходящія на ѣ, ибо, какъ мы уже прежде сказали, б-а ѣ въ древней Сербской письменности замѣнила обѣ полугласныя Ц.-Славянскаго языка и скрыла въ себѣ твердость и мягкость произношенія. Случая этотъ исходъ словъ съ нынѣшнимъ и смотря на переходъ его при словодвиженіи либо въ твердую, либо въ мягкую гласную, мы убѣждаемся, что и въ древней Сербской письменности, не смотря на однообразіе ерованнаго окончанія, но видимо, всегда мягкаго, слова должны были звучать двояко въ своемъ окончаніи, то мягко, то твердо. И такъ въ примѣрахъ мы будемъ приводить лишь гласныя окончанія словъ.

Мы постараемся сооставить нѣкоторые замѣчательные случаи и смягченія и противодѣствующаго ему отверженія плавныхъ въ однихъ и тѣхъ же словахъ, проводя ихъ по всѣмъ вѣкамъ и памятникамъ. Но напередъ не лишнимъ будетъ замѣтить, что число этихъ случаевъ не увеличивается съ теченіемъ времени, показывая тѣмъ, что у древнихъ Сербовъ были слова, въ которыхъ писцы колебались между мягкостію и твердостію. Только сочетаніе плавныхъ съ мягкимъ ѣ значительно усиллось съ конца XIV-го и въ продолженіи всего XV-го в. Здѣсь то же самое происходитъ, что и выше мы видѣли касательно той же буквы какъ при ея употребленіи въ началѣ словъ и послѣ гласной, такъ и въ ея начертаніи. По мѣрѣ распространенія начертаній и, ѣ, и, ѣѣ умножалось и число мягкихъ плавныхъ сочетаній съ этою буквою; но это еще нисколько не означаетъ того, чтобы плавныя сами съ этой поры и въ той же мѣрѣ начинали смягчаться: они всегда оставались мягкими въ извѣстныхъ случаяхъ, и если доселѣ въ большей части изъ нихъ не соединялись съ мягкимъ начертаніемъ б-и ѣ, такъ это по тому, что древнѣйшее правописаніе не любило этого начертанія; позднѣйшее же, пристрастившись къ нему, обнаружило мягкій выговоръ плавныхъ въ самомъ письмѣ, что прежде предоставлялось лишь устному произношенію. Слѣдовательно, здѣсь не столько участвуетъ самая природа плавныхъ, сколько обычай правописанія для ѣ, измѣнявшійся по вѣкамъ: такимъ образомъ и исторія сочетанія плавныхъ съ мягкимъ ѣ связывается съ исторіею самого начертанія мягкаго ѣ. Въ иныхъ случаяхъ плавныя и съ твердымъ выговоромъ соединялись съ мягкимъ начертаніемъ ѣ, смотря по тому, какое собственно начертаніе любили придавать этой буквѣ. При такой неопредѣленности правописанія, мы не можемъ внѣшнихъ явленій навязывать внутреннимъ свойствамъ буквъ и должны сочетанія плавныхъ съ ѣ или отстранять, какъ неопредѣленныя и ничего положительнаго не говорящія, или принимать въ расчетъ по мѣрѣ того, какъ они отвѣчаютъ другимъ сочетаніемъ. Замѣчательно, что и въ Ц.-Славянскихъ рукописяхъ нередко можно встрѣтить довольно послѣдовательное сочетаніе а и и съ мяг-

кимъ и: изъ этого видно, что природа плавныхъ, близко подходящая къ мягкости, приличіе соединялась съ подобною ей мягкостію. Отъ того и въ некоторыхъ изъ нашихъ памятниковъ, наиболѣе подверженныхъ вліянію Ц.-Славянской стихіи, замѣтно частое сочетаніе л и и съ и, какъ на пр., въ изданіи Авраамовича, въ Законникѣ и въ гр-хъ В. № 1, С.-Д. М. 1844, Г. А, V, III. NN № 14, 15, В. К. и н. др. Сдѣсь же послѣ гласной часто е не смягчается — свойство Восточныхъ грамотъ, замѣченное нами и относительно б-ъ и и з. Слѣдовательно, въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ не столько начертаніе б-м е, какъ сказали мы выше вообще о всѣхъ памятникахъ, сколько, на оборотъ, самое свойство плавныхъ, подмѣненное ухомъ старинныхъ Булгарскихъ и Сербскихъ писцовъ. Нельзя спорить, чтобы они не обратили вниманія на то, что л и и звучатъ плавно, подходя тягучестію своею къ ерованнымъ согласнымъ, и по тому чувствовали потребность соединять ихъ съ болѣе подобнымъ звукомъ, именно, мягкимъ е. Различіе между твердыми л, з и мягкимъ и, ю гораздо рѣзче, чѣмъ между е и и, а въ сочетаніи съ л и и оно почти вовсе пропадаетъ; отъ того въ сочетаніи съ первыми они наблюдали болѣе осторожности и послѣдовательности, а въ сочетаніи съ послѣдними естественно склонялись на сторону мягкости, требуемой свойствомъ языка. Эта мягкость звука е выражалась иногда не столь удачно въ б-ъ з, чему не мало примѣровъ видимъ въ Законникѣ. Но если въ Западныхъ грамотахъ, съ конца XIV-го в., появляются сочетанія плавныхъ съ мягкимъ е, то сдѣсь дѣйствовала вовсе другая причина, и только внѣшнимъ образомъ обѣ семьи грамотъ сошлись между собою. Въ Восточной, какъ сказали мы, требованіе истекало изъ самого свойства плавныхъ; въ Западныхъ же явленіе условливалось болѣе самымъ способомъ начертанія для е въ видѣ е, хотя общій духъ Сербскаго языка, проявившійся преимущественно въ Западной семьѣ, любилъ смягченіе б-м е, и для того отдавалъ первенство его мягкому начертанію. Но помимо всего этого есть случаи, гдѣ е, какое бы то ни было, служить принятымъ указателемъ мягкаго исхода словъ, отвѣчая Ц.-Славянскому ъ, какъ е отвѣчаетъ такому же з. Словодвиженіе строго наблюдаетъ различіе между твердыми и мягкими исходами словъ, когда дѣло коснется Ц.-Славянскихъ окончаній: -ъмь, -ъмъ и -ьмь, -ьмъ. Д.-Сербскій языкъ всегда въ такомъ случаѣ выражалъ ъ чрезъ е, не смотря на то, что въ другихъ падежахъ то же самое слово часто принимало твердое окончаніе. Б-а е въ твор. п. ед. ч. и дат. п. мн. ч. именъ существительныхъ муж. и средн. р. всегда укавываетъ на мягкій исходъ слова, кромѣ окончанія твор. п. ед. ч. именъ жен. р. -омь, которое постоянно зашѣняетъ и -омъ и -омъ или -омъ. Мы должны будемъ указывать на это е, чтобы на основаніи его угадывать твердость, или мягкость плавныхъ и сравнивать древній видъ слова съ нынѣшнимъ. Что же касается до другихъ мягкихъ гласныхъ, и и ю, то въ употребленіи ихъ мы не видимъ такой произвольной смѣны съ твердыми л, з, и по тому въ отношеніи сочетанія ихъ съ плавными л, и, р смѣна твердыхъ и мягкихъ сочетаній представляется гораздо сжатѣе и одобробраніе, хотя и сдѣсь, повторяю, можно допустить ту же догадку, что м, лъ, ш, ѣ и т. д. суть такія же мш, лю, шш, ѣш и т. д., и что сдѣсь правописание такъ же точно умѣло скрыть мягкость въ б-хъ л, и, р, какъ оно скрыло ее въ б-ъ л. Впрочемъ, можетъ быть, что Д.-Сербскій языкъ усвоивалъ болѣе твердости за плавными, чѣмъ нынѣшній, какъ это открывается изъ сличенія примѣровъ; но въ такомъ случаѣ надобно замѣтить, что переходъ отъ твердаго къ нынѣшнему мягкому произношенію отнюдь не совершился въ виду

разсматриваемаго нами времени, а, вѣроятно, возникъ въ послѣдствіи при вторичномъ преобладаніи Ц.-Славянской стихіи во время искаженія книжнаго языка Сербовъ въ XVI-мъ и слѣдующихъ вѣкахъ. Книжный языкъ отдѣлился отъ устнаго. Какъ нынѣ, такъ, вѣроятно, и въ старину, Сербы произносили извѣстные слова съ мягкимъ плавнымъ исходомъ, а между тѣмъ книжный языкъ ихъ придавалъ этимъ словамъ твердый отзвукъ. Неужели народъ измѣнилъ свое произношеніе? Едва ли. Скорѣе писцы ввели условное правописаніе, пиша такъ, а читая вмѣстѣ съ народомъ иначе. Отвердѣніе замѣтно въ продолженіи всего разсматриваемаго нами времени. Когда же, съ возникновеніемъ государственной самостоятельности Сербіи, возникла и новая ея письменность, тогда чисто народныя свойства книжнаго языка, строго отвѣчавшія устному, водворили и большее смягченіе плавныхъ, согласное съ народною рѣчью. Но обратимся къ приѣмамъ, которые подтверждаютъ и уясняютъ наши слова. Въ двухъ грамотахъ XII-го в. мы не замѣтили мягкаго начертанія для *ѣ*, кромѣ одного случая: *докола* (А. И.). Это отсутствіе смягченія въ звукѣ *ѣ*, дѣйствительное ли, или только правописное, отозвалось и на другихъ сочетаніяхъ гласныхъ съ гласными. Такъ мы находимъ въ той же гр-ѣ *кръститѣла* (А. И.), нынѣ *кръстителя*. Окончаніе *-лъ* нынѣ звучитъ мягко и выражается б-ю ѣ; но въ древней письменности оно имѣло двойкій исходъ, твердый и мягкій. Любопытно прослѣдить двойныя формы этого окончанія, показывающія колебаніе писцовъ въ выборѣ между тѣмъ и другимъ, равно какъ вліяніе той, или другой стихіи. Изъ сравненія ихъ вытекаетъ необходимое заключеніе, что твердый исходъ принадлежалъ Д.-Сербскому языку, а мягкій Ц.-Славянскому. Со временемъ Сербы, какъ это видно по нынѣшнимъ, сошлись съ Булгарами въ мягкости произношенія. Памятники, за отсутствіемъ б-ы ѣ, сохранили намъ твердое произношеніе не во всѣхъ падежахъ; именно, его не находимъ въ имен. п. ед. ч. и род. п. мн. ч., гдѣ исходомъ служатъ постоянно б-а ѣ; однако одинъ случай *сѣзѣтелѣ* (Г. А) можетъ служить доказательствомъ, что и въ этомъ падежѣ *-лъ* звучало иногда твердо. Вѣроятно, подъ другимъ вліяніемъ Шафариковъ переписчикъ той же грамоты выставилъ *кръститѣла*, очевидно, въ формѣ Ц.-Славянской (Ш. № IV); но въ другой грамотѣ половины XIII-го в., равно проникнутой Ц.-Славянскою стихіею, находимъ опять *кръститѣла* (Ш. № VII). Окинемъ бѣгло слова на *-лъ*, встрѣчающіяся въ нашихъ памятникахъ: *жиздѣтелѣ*, *святѣтелѣ* (Ш. № VII), *прѣ-прѣдѣтелю*, *-ю*, *-телю*, *тѣлимъ* (Ш. № VII; А. NN № 3, 4, 5, 6, 10, 17; Мк.; С. NN № 35, 37, 176; Г. А) и *прѣдѣтелѣ*. *прѣдѣдѣтелѣ* (С. NN № 84, 99), *крѣла*, *-а*, *-ѣ*, *-ю*, *-ѣи*, *-ѣъ*, *-ѣмъ*, *-ѣ*, *-ѣмъ*, *-ѣмъ*, *-ѣмъ*, *-ѣмъ*, *-ѣмъ*, *крѣла*, *крѣлю*, *крѣлимъ*, *крѣимъ* и т. д. (Ш. № VII; С. NN № 3, 8, 14, 20, 26, 35, 38, 62, 66, 68, 77, 81, 84, 85, 88, 96—100, 107, 114, 120, 124, 133, 136, 145, 164, 176, 179; А. NN № 3, 5, 6, 9, 10, 12, 13; Мк.; З.), *крѣимъ* (С. № 43) и *крѣла*, *-ѣ*, *крѣлаѣ* (С. NN № 2, 10, 12, 16, 20, 41, 57, 83, 86, 88, 89, 94, 95, 97, 99, 103, 107, 114, 135, 136, 140, 145, 151, 152, 154; З. А.). Слово это сохранило мягкій исходъ и въ своемъ производномъ *крѣимъство*, въ которомъ послѣ *л*, въ знакъ его мягкости, *ѣ* очевиднымъ образомъ смягчается въ тѣхъ грамотахъ, которыя допускаютъ мягкія начертанія *и*, *ѣ* и *пр.*; форма *крѣимъство*, *крѣленъство*, *крѣимъство*, *крѣленати* и т. д. попадаетъ нерѣдко (С. NN № 66, 68, 77, 84, 92, 96, 98, 99, 104, 103, 107; А. NN № 5, 8; Мк.; Г. VI, № 2) и *пр.*, да и самое *ѣ* послѣ *л* уже указываетъ на его мягкость: иначе вмѣсто него явилось бы *о*. *стѣла*, *стѣла*, *-ѣ*, *-ѣмъ*, *проскѣтитѣла*, *-тѣлимъ*, *святѣтелѣ*, *-ю*, *-ѣмъ* (Ш. № VII; В. № 1; С. NN № 71, 176; А. NN №

3, 4, 10, 11; 3.), *прѣштелѣ*, -ю, -телѣ, -ю, *прѣштелѣѣ*, *прѣштелѣѣ*, *прѣштелѣѣ*, -ѣ, *прѣштелѣѣѣ*, *прѣштелѣѣѣ* (С. NN^o 2, 6, 56, 59, 63, 67, 72, 77, 80, 84, 94, 104, 107, 114, 135, 150, 151, 154, 166, 167) и *прѣштелѣ*, -ѣ, *прѣштелѣѣ* (С. NN^o 13, 16, 18, 173), *всѣ-всѣ-всѣдръжителѣ*, -ѣ, -ш, -ю, -телѣ, -телѣю (А. NN^o 3—5, 7; Мк.; С. NN^o 21, 26, 27, 35; 37, 51, 53, 76, 81, 107, 114, 120, 142) и *всѣ-всѣ-всѣдръжителѣ*, -ѣ, -телѣ, -жтелѣ, *всѣдръжителѣ*, *всѣдръжителѣ* (С. NN^o 12, 21, 27, 52, 82, 85, 89, 95, 127, 145, 150; 3. А.), *властелѣ*, -ѣ, -емь, -немь, -ьемь, -телемь, *владѣтелѣѣ*, *владѣтелѣѣ* и т. д. (С. NN^o 10, 15, 19, 56, 59, 66, 75, 78, 79, 81, 82, 84, 89, 95—99, 102—104, 107, 114, 116, 126, 133, 136, 140, 145), *властелѣ* (твор. мн., С. NN^o 20, 43, 55; А. № 13) и *властелѣомь*, -омь, -ом, -ѣ, -ѣ, -ѣ, *владѣтелѣомь*, -телѣомь, *владѣтелѣѣ* и т. д. (С. NN^o 4, 6, 7, 14, 17, 18, 21, 24, 26, 31, 37, 39, 40, 45—48, 50, 53—55, 58, 63, 64, 72, 74, 76, 85, 86, 92, 96, 98, 101, 105, 114, 117, 120, 124—128, 132, 133, 135, 136, 139—142, 144, 145, 151, 152, 154, 157, 159, 164, 166—168, 173; А. № 12; 3.; С.-Д. М. № 2; Г. VI, № 2), *властелѣ* (твор. мн., С. NN^o 2, 4, 15), *михилѣю* (С. № 16) и *михилѣѣ* (С. NN^o 17, 19, 35), *прѣ-прѣ-родителѣ*, -ѣ, -ѣ, -ю, -емь, -емь, -ѣмь, -емь, -ѣѣ, -ѣѣ, *рѣштелѣ*, -м, -ю, -емь, -емь, -емь, *родителѣ*, *родителѣ*, *рѣштелѣ*, *рѣштелѣ*, *рѣштелѣю*, -емь, *родителѣю*, -емь, -емь и т. д. (А. NN^o 3, 4, 7, 10, 11, 18; С. NN^o 40, 43, 47, 50, 53—55, 71, 77, 78, 84, 86, 90, 91, 95, 97, 107, 111, 114, 120, 132, 133, 136, 137, 143, 150, 176, 178; Г. А, V) и *прѣ-родителѣ*, -ѣ, -телѣ (С. NN^o 82, 95, 97, 103, 145, 161, 163, 164), *прѣ-родителѣ* (мѣстн. ед., С. № 90), *хрисокоуш*, *хрисокоуш*, -емь, -коушѣмь (С. № 176; А. NN^o 8, 12, 16), *хрисокоушѣ*, *хрисокоушѣ* (С. № 176; А. № 10), *июлѣѣ*, *юлѣ* (С. NN^o 81, 176) и *юлѣ* (С. № 94), *апрѣлѣ*, *апрѣлѣ* (С. NN^o 35, 77, 78, 85, 101—104, 134, 169) и *апрѣлѣмь*, *апрѣлѣмь*, *апрѣлѣмь* (С. NN^o 47, 48, 50, 62, 66, 69, 81, 124, 129, 144), *сидѣлѣ*, -ю, -емь, -емь, *сидѣлѣ* (С. NN^o 74, 87, 89, 98, 99, 101, 108, 112, 115, 119, 121, 126, 142, 144) и *сидѣлѣ*, -ѣ, *сидѣлѣ* (С. NN^o 97, 99, 102, 108—110, 112, 127, 144, 163). Мы не приводили примѣровъ на -ѣ въ имен. п. мн. ч., какъ *родителѣ*, ибо это и объясняется сокращеніемъ изъ *имѣ*, какъ и дѣйствительно встрѣчается нерѣдко форма *родителѣмь*, *властелѣмь*. Вотъ всѣ слова на -ѣ съ двойнымъ произношеніемъ. Всѣ прочія на -ѣ постоянно и всюду звучатъ мягко и въ твор. п. ед. ч. и дат. мн. имѣютъ постоянно -емь или -емь. Но возвращаемся къ другимъ примѣрамъ. Въ грѣ Немани: *неманоуѣ*, -ѣ, -ѣ (А. № 1; С. NN^o 2, 35) и въ прочихъ грамотахъ: *немани*, -ѣ, -ѣ, -ю, *неманиѣ*, *неманиѣ* (А. NN^o 3—5, 7, 10, 12; В. № 1; С. NN^o 71, 176). Окончаніе родительнаго п. ед. ч. на -ѣ, вѣроятно, измѣнилось бы въ -ѣ, еслибъ въ той же грамотѣ не встрѣчалось и послѣ гласной и не было написано: *креденкѣстѣлѣ*, *хѣмѣ*, которыя въ другихъ грамотахъ имѣютъ и; окончаніе же -ѣ заставляетъ подразумѣвать твердую форму: *неманиѣ(ѣ)*. Другія имена собственные съ подобнымъ окончаніемъ имѣютъ мягкое и, на пр., *гоушѣ*, *добринѣ* (Ш. № VII), *дзвизѣ* (Мк.), *радониѣ* (С. № 154) и пр.; но *любжиноуѣ* въ имен. п. *любжиноуѣ* (А. № 6). Далѣе: *сѣлоуѣдѣ* (А. № 1), *сѣлоуѣдѣ*, -ѣмь (С. NN^o 82, 102), *хѣлоуѣ* (С. № 84), но *сѣ-сѣ-влоуѣ*, -ѣ, -ѣмо, -ѣтѣ, -ѣтѣ, -ѣтѣ, -ѣтѣ, *сѣлоуѣдѣмь*, *сѣлоуѣдѣтѣ*, *сѣлоуѣдѣтѣ* (С. NN^o 22, 45, 46, 48, 64, 76, 101, 104, 129; А. NN^o 3, 4, 14, 17, 19), *лоуѣдѣ*, *лоуѣдѣ*, -ѣ, -ѣмь, -ѣмь, -ѣхъ -ѣмь, -ѣмь, -ѣмь, -ѣмь, *лоуѣдѣмь*, (А. № 1; С. NN^o 9, 16, 18—20, 78, 79, 84, 88, 89, 93, 96, 99, 102, 118, 139—141, 144, 145, 154; Ш. № 16; у Ш. NN^o XVI, XVIII -ю), но такъ

же люди, -ѣ, -ни, -ио, -ни, -ы, -ѣ, -и, -ѣ, -ыма, -ыма, -ыма, люди, людѣ, людѣмъ, -ѣ, -ѣ, -ѣ, -ѣ, людми, лѣми (С. NN^о 14, 16, 21, 26, 28, 35, 39, 43, 45, 55, 71, 72, 77, 87, 98, 101, 107, 109, 112, 114, 115, 118, 121, 126, 127, 142—144, 157, 163, 168; А. NN^о 5, 6, 14, 19; 3.), нынѣ *людм*; *монастырѣ*, -а, -оу, -омь, -тырѣ, -тырѣ, -тырѣ, -тырѣ, *мнѣстнромь*, *мнѣстыра*, -оу, *мнѣстыроу*, *мнѣстыроу* (А. NN^о 1, 4, 6, 10, 11, 15—17, 2; С. NN^о 98, 175; Г. А, Б, V; С.-Д. М. 1844; Мл.), но есть также и съ мягкимъ окончаніемъ: *мнѣстырю*, -ѣи, *монастырѣю*, -тырѣ, -тырѣ, -тырѣ, -ѣ, -имь, -ѣи, -тырѣ, -рѣю, -тырѣимь (С. NN^о 51, 52, 176; А. NN^о 1—4, 6, 9). Нѣкоторыя другія имена, исходящія на -ръ, сдѣлываютъ мягкое окончаніе съ твердымъ. Таковы, на пр., *црѣ*, -оу, *црѣ*, -ѣ, -оу, *црѣ*, -оу, *црѣромь* (А. NN^о 1—4, 6, 11—15, 18; С. NN^о 43, 46, 50, 56, 62, 89—91, 98, 101, 102, 104, 111, 114, 120, 137, 143, 173, 176; 3; С.-Д. М. № 2)—словомъ всюду, гдѣ ни встрѣчаются эти падежи, кромѣ одного *црѣю* (А. № 10); но твор. ед. и дат. мн. уже имѣютъ -ѣи, а не -омь, что и указываетъ на двойственность конечнаго р: *црѣимь*, -ѣи, *црѣимь*, -имь, -имь, -ѣи, *црѣимь* (А. № 10; С. NN^о 46, 56, 86, 89, 120, 124, 125, 133, 176; Г. А, Б; 3.), хотя однажды *црѣомь* (С. № 20), и въ производныхъ *црѣомь*, *црѣромь* (С. № 164); *пастыра*, -ѣ, *пастыра*, *пастыромь* (С. NN^о 81, 85, 95, 97, 150; А. NN^о 6, 12; 3. А.) и *пастырю* (С. № 89), *господра*, -оу, -омь, *гпѣдра*, -ѣ, *гпѣдра* (3.; С. NN^о 113, 130, 143; С.-Д. М. № 2), но *господаримь*, *гпѣдрѣи* (3.; С. № 145), *поклѣсрѣ*, -ѣ, -ѣи, -ѣи, -ѣи, *поклѣсаримь* (А. № 10; С. NN^о 36, 81, 86, 104, 145), но *поклѣсрѣ*, -омь, -ѣ (С. NN^о 56, 80, 78, 126, 158; А. № 6). Слово *кнѣжнѣарь* имѣетъ всюду твердое окончаніе, кромѣ одного случая въ твор. п. ед. ч.: *кнѣжнѣаримь* (С. № 156). Имена *мѣсяцевъ* имѣютъ твердое -ръ, кромѣ одного случая: *новтырѣ* (С. № 121). Нынѣшній Сербскій языкъ оканчиваетъ всѣ эти слова, да и вообще всѣ слова съ подобнымъ исходомъ, на твердое р, ср. *намастир*, *цар*, *пастир*, *господар*, *лазар*; въ род. и дат. пп. ед. ч. онъ придаетъ б-ѣ р твердую гласную; но въ твор. п. ед. ч. для нѣкоторыхъ имѣетъ и -ромъ и -ремъ. Слѣдовательно, измѣненіе мягкаго окончанія въ твердое есть движеніе въ пользу народности. Такъ, сверхъ вышеприведенныхъ примѣровъ, мы находимъ: *лазара*, -ѣ, -омь, -ѣ, *лазарѣ* (С. NN^о 87, 90, 91, 109, 111, 131, 137, 138, 146, 147, 175; А. № 18), *кнѣдра* (А. № 6), *царѣ*, *псрѣ* (А. NN^о 10, 14); но *гѣрѣ* (А. № 9). Должно замѣтить, что имена, исходящія на -ль и -ръ, почти всегда оканчиваютъ дат. и твор. пп. ед. ч. и дат. п. мн. ч. на -ѣи и -ѣи, между тѣмъ какъ въ род. и дат. пп. ед. ч. имѣютъ, большею частію, -а и -ѣ, а не -и и -ю, какъ и нынѣ нѣкоторыя имена на -р имѣютъ обѣ формы -ромъ и -ремъ, а въ зват. п. ед. ч. тоже -ру и -ре. Вообще должно замѣтить, что Ц.-Славянское окончаніе -ръ въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ отвердѣло въ -р (т. е., рѣ), и по тому въ род. и дат. пп. ед. ч. получило -а и -у, -ѣи вмѣсто -а и -ю, -ѣи; но въ твор. п. ед. ч. и дат. п. мн. ч. (послѣдній въ нѣсияхъ и просторѣчїи) удержало отгнѣнокъ мягкости въ допущеніи формъ на -ѣи, тогда какъ слѣдовало бы ожидать -ѣи согласно съ род. и дат. пп. ед. ч. Древній же Сербскій языкъ, колеблясь между обѣими стихїями, сохранялъ для одного и того же слова обѣ формы въ род. и дат. пп. ед. ч. -а и -ѣ, -ѣи и -ю; а въ твор. п. ед. ч. и дат. п. мн. ч. отдавалъ пока преимущество мягкой формѣ на -ѣи. Даже мы увидимъ, гдѣ какая форма преобладаетъ. Въ той же гр-ѣ Немани находимъ *рѣтѣлоу* съ твердымъ конечнымъ л. Подобно этому слову въ другихъ грамотахъ встрѣчаются слова: *зѣла*, -ѣ, -ѣ, -ѣи, -ѣи, -ѣи, -ѣи, *ѣи*, -ѣи, *ѣи*, -ѣи, *ѣи*,

-амь, -е, *зѣмля*, -е, *зѣмля*, *зѣмля* (А. № 1; Ш. № VII; С. NN № 2, 4, 8, 14—17, 19, 21, 26, 27, 33, 39, 42, 43, 50, 51, 57, 73, 78, 85, 86, 88, 89, 94, 95, 97, 98, 103, 107, 118, 136, 140, 144, 150, 173, 179) и *зѣмля*, -а, -и -ѣ, -ѣ, -е, -ѣ, -ѣ, -ю, -ю, -ю, -ю, -ню, -ню, -нхъ, -ѣ, -нхъ, *зѣмля*, *зѣмля*, -ю *зѣмь*, *зѣмь*, -и, *зѣмлю* (А. NN № 1—6, 8, 12, 15—17, 19; С. NN № 26, 31, 39, 43—45, 49, 51—55, 63, 66, 68, 76, 81, 84, 85, 91, 96, 107, 111, 113, 114, 132, 137, 142, 168, 176; Г. А; З.; С.-Д. М. 1844; Мл.; печ., А. т. X), откуда *зѣмлянина*, -ѣ (С. NN № 29, 44), *торгозѣмлянинъ* (А. № 6), *не-воля*, -ѣ (С. NN № 10, 16, 78, 79, 89, 93, 96, 116, 118, 140, 141, 145), откуда *воля* (С. № 102) и *воля*, -и, -е, -и, -ю, -ѣ, -ню (С. NN № 27, 36, 38, 51, 66, 72, 74, 76, 77, 81, 91, 98, 104, 106—108, 112, 114, 115, 117, 119, 126, 128, 132, 137, 142—144, 157; А. № 10; З.), откуда *воля* (С. NN № 73, 114), *воля*, -ѣ, -ахъ (С. № 83, 85, 89, 95, 103, 136, 145, 163) и *воля*, -ю, -и, -и, -нхъ, *волю* (С. NN № 39, 62, 66, 67, 70, 71, 77, 81, 85, 92, 95, 114, 117, 120, 127, 129, 133, 144, 150), *воля*, *воля* (С. NN № 17, 21) и *воля*, -ѣ, -ю, *волю*, *волю*, -и даже *воля* (С. NN № 16, 17, 22, 43, 91, 108, 111, 137; З.), переходящее въ *волю* (С. NN № 112, 115, 126). Последней формой отвѣчаютъ: *воля* (пря, С. NN № 107, 127, 145) и *воля*, *воля* (С. NN № 114, 120), *воля*, *воля* (С. NN № 83, 97) и *волю*, -е, -и (С. NN № 81, 108, 112, 115, 126, 133), ср. *воля* (С. № 142), *воля* (С. № 89) и *воля*, -а (С. NN № 114, 133), *воля*, *воля*, *воля*, *воля*, *воля*. Въ XIII-мъ в. мы замѣтили отсутствіе мягкаго *ѣ* въ большей части грамотъ: по этому сочетанію плавныхъ съ мягкимъ *ѣ* находимъ только въ слѣдующихъ случаяхъ: *воля* и тутъ же н. р. *воля*, -омъ (Ш. № VII), *воля* в. *воля* (С. № 17), *воля* (С. № 22), *воля* (С. 26). Во всѣхъ прочихъ случаяхъ, даже въ тѣхъ грамотахъ, кои имѣютъ мягкія начертанія для *ѣ*, мы не видимъ, чтобы эти послѣднія соединялись съ плавными. Замѣчательныя явленія смягченія и несмягченія въ этомъ вѣкѣ находимъ въ слѣдующихъ случаяхъ: *воля*, *воля*, *воля*, *воля*, *воля*, *воля*, *воля* (Ш. № VII). Нѣкоторыя изъ этихъ словъ встрѣчаемъ и въ другихъ памятникахъ позднѣйшаго времени въ двойномъ видѣ. Такъ: *воля* (С. № 13), *воля*, *воля* (С. NN № 78, 82, 89), *воля* (С. № 82), *воля* (С. NN № 83, 102, 116, 140, 145), *воля*, -омъ, -аго, -ои (С. NN № 88, 89, 118, 173), *воля*, -омъ (С. NN № 95, 150; З. А.), *воля* (С. № 99) и *воля*, -омъ, -ѣ, *воля* (Ш. № VII; С. NN № 2, 9, 12, 14, 35, 43, 50, 54, 55, 68, 69, 77, 78; А. NN № 4, 5, 12, 15, 18; З.; С.-Д. М. 1844), *воля*, *воля* съ ихъ видоизмѣненіями и производными (С. NN № 2—4, 17, 27, 34, 35, 46—48, 50, 51, 53, 62, 63, 77, 84—87, 90—93, 96, 100, 101, 104—109, 111—115, 120, 121, 130, 132, 133, 137, 138, 141, 143, 144, 157, 167, 175, 176; А. NN № 3—7, 10—15, 17—20; Г. V, VI, № 2), *воля* (Ш. № VII), *воля*, *воля*. -и (А. NN № 2, 3, 14), *воля* (А. № 6), *воля* (А. № 5), *воля* (С. № 127), *воля* (С. № 132) и пр. и пр.; ср. нынѣшнее *воля*. Глаголы *воля* съ предшествующимъ *ѣ* иногда не смягчаютъ этого послѣдняго; такъ на пр.: *воля* (С. № 23), *воля*, -омъ (С. NN № 24, 66), *воля* (С. № 25), *воля* (С. № 51), *воля* (С. № 77), *воля*, *воля* (С. NN № 85, 95), *воля* (С. № 92), *воля* (С. № 102), *воля* (С. № 104), *воля* (С. № 132), *воля*, *воля* (С. № 163) и пр., также какъ *воля* (А. № 5), *воля* (С. № 62), *воля* (А. № 17).

сстанѣть (Мл.) и пр. Но съ другой стороны тѣ же глаголы имѣютъ и мягкую форму; такъ: *станѣти*, *станѣти* съ производными (А. NN[№] 2, 4, 5, 6, 10, 12, 14; С. NN[№] 81, 86, 91, 107, 111, 114, 137, 144, 178; 3.; В. № 1), *вспрашаю* (С. № 68), *испраю*, -аю (С. № 70; А. № 14), *изпраше*, *спраше* (С. № 81), *напрашаю*, -ашю (С. NN[№] 98, 157), *спрашаюся* (С. № 104) и пр. Всѣ эти глаголы оканчиваются нынѣ въ Сербскомъ языкѣ на *-вати*, какъ и въ Ц.-Славянскомъ, и при движеніи сохраняютъ ѣ. Глаголы на *-вати*, имѣющіе эту форму и въ Ц.-Славянскомъ, не отверждаютъ ѣ; по нынѣшній глаголъ *заклиѣвати* (Ц.-Слав. *заклиѣвати*) и въ старину имѣлъ мягкое и: *заклиѣшю* (А. № 12). Глаголы на *-рати*, имѣющіе въ Ц.-Славянскомъ *-рати*, удерживаютъ при движеніи твердое р, какъ и въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ, гдѣ, сверхъ того, часто Ц.-Слав. *-рати* принимаетъ видъ *-равати*, на пр., *уверавати*. Слово *коша*, въ другихъ памятникахъ, имѣетъ мягкое окончаніе: *коши*, -а, -ю, -и (А. № 6; С. NN[№] 43, 73, 91, 111, 137; 3.). Существительныя и прилагательныя на *-и* имѣютъ вообще мягкой исходъ. Встрѣчаются только слѣдующіе двойники: *иоша*, -а (С. NN[№] 16, 66, 124) и *иоша*, *иош* (С. NN[№] 57, 89, 96, 135), *гѣодна тѣла* (С. № 76), *господаша*, -аша (3; Г. V), на *крѣстѣ гѣиш*, *гѣогѣиш*, *гѣиш*, *госпоѣиш*, *гѣоднаш* (С. NN[№] 98, 127, 141, 144, 145), какъ и вышеприведенная форма *господна*, и на *крѣстѣ*, *крѣстѣ гѣодию* (С. NN[№] 107, 114, 127, 133); чаще встрѣчающаяся форма *гѣоднаш* тоже указываетъ на мягкой исходъ этого слова. Далѣе въ XIII-мъ в. находимъ: *болды*, -а, -иши (С. NN[№] 2, 9, 12, 14) и *болды*, -омъ (С. № 3), *болдыноу* (С. № 176). Сравнивъ съ этимъ существительнымъ однородныя ему нарѣчіе и прилагательное, видимъ ту же двойственность: *болъ* (С. № 56), *бола цѣла* (С. № 79), *боле*, -и, -и (С. NN[№] 53, 68, 77, 92, 100, 101, 104, 114, 132, 144); *мола* (1-е л. ед., С. № 10). Въ древнемъ книжномъ языкѣ иногда и въ позднѣйшихъ вѣкахъ встрѣчается твердое окончаніе для 1-го л. ед. ч. тамъ, гдѣ слѣдовало бы ожидать мягкой плавной. Такъ на пр. для того же глагола: *мола* (С. № 59), *молашася* (С. № 68) и *молю*, *мѣю*, *мѣюся*, *мѣише*, *моле* (С. NN[№] 48, 51, 68, 86, 92, 111, 137, 143; А. NN[№] 5, 7, 9, 11, 12, 13, 15, 18; Г. Б; Мл.), *зѣише* (С. NN[№] 14, 79), *поткоръ* (С. NN[№] 67, 69), *госкоръ* (С. № 124) и въ 3-мъ л. мн. ч.: *дошаъ* (С. № 151); *кральца владислава* (С. № 12), *хальмаше*, -иши (С. NN[№] 15, 79), Подобнымъ образомъ составлены: *комѣлаше*, -иши (С. NN[№] 78, 104), *кѣлашася* (С. № 78); слово *ковѣла* или *комѣла* должно имѣть мягкое конечное *а*, такъ какъ полный его видъ есть *ковѣлаи*, и дѣйствительно однажды читаемъ *ѣ комѣлашѣ* (С. № 114), но чаще *ковѣлаше*, -иши, -ашѣ (С. NN[№] 66, 82, 89, 98, 107, 120, 145); *морѣ*, -ѣ, -ѣ, на *морѣ*, какъ и нынѣ, (С. NN[№] 16, 20, 37, 51, 71, 78, 88, 168; А. NN[№] 3, 11, 19), откуда и *поморѣише* (С. № 72), но есть и *морѣиши* (А. № 2), *морѣ* (А. № 4). Къ этимъ примѣрамъ присоединимъ еще слѣдующіе для сочетанія плавныхъ съ мягкими гласными, кромѣ *ѣ*: *люкоу* (С. № 16), *хлѣпѣиша страш* (С. № 35), *сѣю*, *тѣлю* (С. № 51), *нѣѣ* (С. № 66), *кральца* (С. № 81), *кральъ* (С. № 84), *кларнию*, *колатше*, *поутѣю*, *слюге* (С. № 104), *слюгѣ* (С. № 114), *сохранѣю* (С. № 115), *нашѣри*, *крѣзгал* (С. № 119), *грѣшникѣ* (С. № 121), *литръѣ*, -ѣ (С. № 123), *прѣшѣи*, *сохранѣю*, *прѣшѣишо* (С. № 126). Обратное этому дѣйствию несмягченія находимъ въ словѣ *лазу* (3. А.), которое нынѣ имѣетъ ѣ. Надобно замѣтить, что всѣ эти примѣры, кромѣ послѣдняго, относятся къ смягченію болѣе раннихъ гласныхъ, чѣмъ предшествующихъ согласныхъ, ибо если грамота лю-

бить, на пр., смягчать *з*, какъ С. NN^о 16 и 104, то она это дѣлаетъ, не смотря на то, съ какою согласною соединить смягченную гласную; или если любить вставлять *ь*, какъ С. № 126, то вставляетъ его тамъ, гдѣ и не слѣдуетъ бы: по этому-то мы и приводили эти примѣры въ другомъ мѣстѣ, будучи увѣрены, что они принадлежатъ скорѣе къ области гласныхъ, чѣмъ къ области согласныхъ. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ нихъ наводятъ на мысль о произволѣ писцовъ, позволявшихъ себѣ вводить въ письмо странности произношенія, имъ лично принадлежащія. Уже не разъ обращалъ я вниманіе на эту особенность древней письменности, происходившую отъ неустановки правописанія. Одиночные случаи должны оставаться исключеніями, и правила изъ нихъ выводить нельзя: если въ одной грамотѣ вдругъ является какая нибудь прихоть писца въ употребленіи любимаго звука, или начертанія, а въ другой иная прихоть другаго писца, и если эта прихоть не повторяется у прочихъ писцовъ, а пропадаетъ безслѣдно, не находя себѣ оправданія и въ настоящемъ состояніи языка, то ее ничѣмъ инымъ объяснить нельзя, какъ только личнымъ воззрѣніемъ или особенною склонностію писца къ извѣстному отгѣву звука, или начертанія; а отгѣшковъ этихъ такъ много въ каждомъ языкѣ, что они не должны затемнять выводовъ, дѣлаемыхъ на основаніи главныхъ звуковъ, къ которымъ они всѣ сходятся. Такъ мы должны согласиться послѣ предыдущихъ изслѣдованій, что, кромѣ звуковъ *и* и *е* и близкаго къ послѣднему *я*, смягченіе гласныхъ въ древнемъ книжномъ языкѣ Сербовъ не имѣло разнѣровъ обширнѣе обыкновенныхъ; ни *д*, ни *з*, ни *о*, не представила намъ примѣровъ, сколько нибудь послѣдовательнаго смягченія, которое бы превосходило предѣлы смягченія въ Ц.-Славянскомъ, либо въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ. Но съ другой стороны, отдѣльными проявленія смягчающей силы, выразившіяся въ этихъ гласныхъ, показываютъ, что было у древнихъ Сербовъ какое-то мѣстное, либо временное стремленіе къ смягченію, отразившееся и въ ихъ правописаніи, которое тѣмъ яснѣе выказывало въ мелкія особенности, чѣмъ менѣе было стѣснено условною, или научною послѣдовательностію. Въ каждомъ живомъ языкѣ, взятомъ во всемъ его объемѣ и во всей совокупности народнаго говора, всегда есть подобныя особенности, которыя скрыты такъ называемымъ органическимъ правописаніемъ. Такъ древніе Сербы, вопреки азбукъ, приходили иногда къ возможности нагляднаго выраженія полутвердаго *м* въ *и* и мягкаго *з* въ начертаніяхъ *и*, *е*, *я*, и смягченія плавныхъ чрезъ *ь*: то же дѣлали они и съ *з*, обращая его въ *ю*, и съ *о*, обращая въ *ю*. Но иногда довольно неудачно смягчали они гласныя: не думаю, чтобы повсемѣстно говорили когда нибудь *слюю*, *сѣю*, *тѣлю*, и подобныя случаи должны оставаться особняками. Что же важнѣйшаго представляютъ намъ древнія времена книжнаго языка относительно сочетанія плавныхъ съ прочими гласными, кромѣ *и*? Сличивъ между собою количество случаевъ смягченія и несмягченія плавныхъ, мы приходимъ къ такому заключенію: вліянія Ц.-Славянскаго языка поддерживало смягченіе; народность же любила отверженіе: это видно на именахъ, оканчивающихся на *-ль*, *-ли*, *-ли*, *-ль*, *-рь* и глаголахъ на *-ли* съ предшествующею павною, равно какъ на основномъ слогѣ нѣкоторыхъ словъ: отверженіе это сохранялось отчасти и въ нынѣшнемъ языкѣ, но отчасти перешло въ смягченіе, сойдясь съ Ц.-Славянскимъ языкомъ; такъ что древній языкъ представляетъ большіе разнѣры отверженія, чѣмъ нынѣшній.

Обратимся теперь къ *б-ъ* *в*. Мы уже видѣли нѣкоторые случаи смягченія плавныхъ съ этимъ звукомъ. Весьма замѣтное отсутствіе мягкихъ начертаній

для *в* въ XII-мъ и XIII-мъ вв. дѣлаетъ это смягченіе незамѣтнымъ; но тѣмъ съ большею силою показывается оно въ XIV-мъ и XV-мъ. Выше мы сказали, что въ XIV-мъ в. начинается чаще показываться и въ Восточныхъ грамотахъ и достигаетъ преобладанія въ Аеоискихъ; Западныя же грамоты предпочитаютъ *в*; обоимъ начертаніямъ сопутствуетъ изрѣдка *и*, еще рѣже *ев*, *ив*. Изъ этихъ словъ можно заключить, что XIV-й в. открылъ свободный доступъ въ письменность мягкимъ начертаніямъ б-ы *в*, которая доселѣ изрѣдка пользовалась ими, оставаясь наружно неизмѣнною при внутренней смѣнѣ твердости и мягкости. Выступъ съ водвореніемъ ея мягкихъ начертаній и плавныя стали лсяте выразить свое мягкое произношеніе, соединяясь теперь гораздо чаще противъ прежняго съ этими начертаніями. Явленія этого соединенія въ Западныхъ грамотахъ XIV-го и XV-го вв., говоря вообще, идутъ въ такомъ точно порядкѣ, въ какомъ происходили явленія мягкаго *в* въ началѣ словъ и послѣ гласной и въ какомъ совершалось соединеніе другихъ согласныхъ буквъ съ тѣми же мягкими начертаніями; словомъ, здѣсь очевидность мягкаго произношенія согласной наиболѣе зависѣла отъ употребленія начертанія б-ы *в* въ ея мягкомъ и твердомъ видахъ. Гдѣ писцы въ началѣ слова и послѣ гласной, не смотря на мягкость звука, писали все таки простое *в*, тамъ его же ставили они рядомъ съ мягко звучащими плавными; и гдѣ, на оборотъ, любили употреблять мягкія начертанія для *в*, тамъ ихъ же соединяли они и съ плавными. Въ Восточныхъ грамотахъ, какъ сказали мы, не смотря на поставленіе простаго *в* послѣ гласной, плавныя любятъ сочетаваться съ *и*, и это происходитъ именно отъ свойства плавныхъ, тогда какъ особенной любви къ мягкому *в* здѣсь не замѣтно. Мы должны предупредить, что въ Западныхъ грамотахъ всѣ три плавныя, *л*, *и*, *р*, пользуются почти равнымъ правомъ смягченія, между тѣмъ, какъ въ Восточной наиболѣе сочетающіяся съ мягкими гласными суть *л* и *и*, а *р* далеко отстало отъ нихъ, хотя иногда смягчается и оно. Въ Ц.-Славянской письменности замѣчаемъ то же самое, и выстъ съ тѣмъ это подтверждаетъ наше предположеніе, что въ Восточной семьѣ самая природа плавныхъ требовала соединенія съ мягкимъ начертаніемъ б-ы *в*, а въ Западныхъ это зависѣло болѣе отъ употребленія самого мягкаго начертанія б-ы *в*, а по тому на природу плавныхъ менѣе обращалось вниманіе. XV-й в. есть продолженіе XIV-го; въ немъ обѣ семьи грамотъ продолжаютъ употребленіе мягкихъ начертаній, каждая предпочитая свое, но такъ что Восточная, по видному, не усиливаетъ этого употребленія, ограничиваясь только должнымъ смягченіемъ, даже иногда и того не дѣлая; а Западная, напротивъ, доводитъ до излишества смягченіе и часто употребляетъ его въ ущербъ законной твердости. Начнемъ съ Восточной семьи грамотъ. Въ ней, и преимущественно въ Аеоискихъ и нѣкоторыхъ монастырскихъ грамотахъ, сознательно выражена мягкость плавныхъ чрезъ соединеніе ихъ съ мягкими начертаніями б-ы *в*: большая часть этихъ грамотъ, принадлежащихъ къ XIV-му в., смягчаютъ плавныя согласно съ Ц.-Славянскимъ смягченіемъ; но другія, по видному, не смягчаютъ ихъ, соединяя съ твердымъ начертаніемъ *в*: — говорю по видному, ибо, принявъ въ расчетъ сочетаніе плавныхъ съ другими мягкими гласными въ тѣхъ же грамотахъ и постигнувъ общій законъ смягченія ихъ въ этихъ грамотахъ, мы не усомнились заключить, что хотя писцы въ нѣкоторыхъ случаяхъ и соединяли плавныя съ твердымъ *в*, однако это былъ лишь одинъ наружный видъ твердости, происшедшій изъ близкаго созвучія между твердымъ и мягкимъ *в*, а въ самомъ дѣлѣ если бы писцамъ пришлось про-

пр. и пр. Замѣтимъ, что эта грамота въ то же время не любитъ смягченія плавныхъ при другихъ гласныхъ и не употребляетъ много начертанія, какъ только *ѣ*; но первое обстоятельство доказываетъ, что несмягченіе это не зависѣло отъ начертанія *б-и ѣ*, а отъ произношенія самихъ плавныхъ. Припомнимъ, что въ другой современной грамотѣ тоже нѣтъ мягкаго начертанія для *ѣ* и также встрѣчается несмягченная форма крѣстителя. И такъ позволительно думать, что въ концѣ XII-го в. Сербская письменность далеко такъ не развила смягченія плавныхъ, какъ развилось оно въ вѣкахъ послѣдующихъ. Впрочемъ, XIII-й в. въ этомъ отношеніи ближе стоитъ къ XII-му, чѣмъ къ XIV-му. Единственная, принадлежащая ему, Жичанская дартственная грамота, болѣе другихъ подверженная вліянію Ц.-Славянскаго языка, носитъ ясныя признаки несмягченія плавныхъ. Выше приведены примѣры. Хотя въ ней часто употребляется *и*, однако столь же часто встрѣчается и *ѣ*, гдѣ бы слѣдовало ожидать перваго. По этому и сочетанія плавныхъ съ *ѣ* господствуютъ: мы нашли только два исключенія, къ которымъ можно прибавить и третье: *мохъ*, гдѣ *ѣ* есть не что иное, какъ *и*. Однако нельзя не замѣтить въ этой грамотѣ страннаго колебанія писцовъ между твердыми и мягкими сочетаніями: здѣсь явно оправдывается естественный ходъ смягченія, какъ естественно и то, что XIII-й в. служить продолженіемъ XII-го. Писецъ употребляетъ и такія формы: *докрѣпѣи*, *гоуѣи*, *кралѣи*, *оуѣшлюѣи*, *ѣстаклѣиѣи*, *прѣдѣтѣиѣи*; но ихъ гораздо меньше, чѣмъ несмягченныхъ. Такъ точно поступаетъ онъ и съ *ѣ*; онъ пишетъ: *боѣомъ*, *трѣѣомъ*, *ноуѣпѣи*, *кралѣкъ*, *-ѣ*, *-омъ*, *прѣѣзлюбѣиѣи*, *пѣстаклѣиѣи*, *испрѣдѣиѣи*, *прѣстѣпѣиѣи*, *нѣколѣиѣи*, *сѣтитѣиѣи*, *оуѣшлѣ*, *-тъ*. Послѣднія два слова, нивьющія свои двойники съ мягкими гласными, обличаютъ мягкость *ѣ*, хотя соединеннаго съ твердымъ, по видимому, *ѣ*, и подтверждаютъ сказанное нами выше о правописаніи. Если писецъ писалъ и *кралѣи* и *кралѣкъ*, *крѣстѣиѣи* и *прѣдѣтѣиѣи*, *пѣстаклѣиѣи* и *ѣстаклѣиѣи*, то, значитъ, онъ не имѣлъ еще постояннаго правила для выраженія твердости и мягкости плавныхъ *и*, произнося слова однимъ какимъ нибудь образомъ, выражалъ ихъ двояко, отдѣляя правописаніе отъ произношенія. Изъ прочихъ грамотъ XIII-го в. уже приведены примѣры для сочетанія плавныхъ съ другими гласными, и о *б-ѣ ѣ* сказано, что она употребляется для этого сочетанія только въ твердомъ видѣ, кромя немногихъ исключеній. Все это приводитъ насъ къ мысли, что хотя и здѣсь открываются относительно большія дѣльность и единство древнекнижнаго Сербскаго языка въ двухъ первыхъ вѣкахъ, однако въ явленіи несмягченія плавныхъ нельзя не признать одного изъ тѣхъ признаковъ народности, которые, вопреки большому вліянію Ц.-Славянской стихіи на общность языка въ этихъ двухъ вѣкахъ, усиленно пробивались исподъ искусственной одежды, накинутаго на книжный языкъ рукою писцовъ. Послѣдствія оправдаютъ наше предположеніе. Переходимъ къ XIV-му и XV-му вв. и опять обращаемся къ грамотамъ Авойскимъ. Въ нихъ, сказали мы, встрѣчаются и несмягченныя сочетанія плавныхъ съ *ѣ*, у которыхъ есть двойники съ смягченными *ѣ*; таковы, на пр.: *сѣѣрѣиѣи* (А. № 3), *горѣиѣи*, *моѣиѣи*, *ѣиѣи* (А. № 6), *ѣстѣпѣиѣиѣи*, *ѣѣгослѣѣиѣи* (А. № 71), *мѣиѣиѣиѣи*, *пѣиѣиѣиѣиѣи*, *сѣѣѣиѣиѣи* (А. № 9), *ѣѣѣиѣиѣи* (А. № 10), *ѣѣѣиѣиѣиѣи* (А. № 11), *сѣѣѣиѣиѣи*, *сѣѣѣиѣиѣи* (А. NN № 12, 15), *прѣиѣиѣиѣиѣиѣи*, *ѣѣѣиѣиѣиѣиѣи*, *ѣѣѣиѣиѣиѣиѣиѣи*, *нѣѣѣиѣиѣиѣиѣиѣи* (А. № 13), *пѣиѣиѣиѣиѣиѣиѣиѣи* (А. № 14), *кѣиѣиѣиѣиѣиѣиѣиѣи* (А. № 18), *прѣдѣтѣиѣиѣиѣиѣиѣиѣиѣи* (Г. Б) и и. др. Но этихъ формъ весьма мало. Смягченіе господствуетъ вполне. Эти же формы допущены въ грамотахъ по тому самому, по чему допущено также *ѣ* въ началѣ словъ и послѣ гласной (ср. А. NN № 2, 6, 11—

14, 20; С. NN^o 175, 178 и др.). Въ прочихъ памятникахъ той же семьи и тѣхъ же вѣковъ находимъ уже менѣе смягченныхъ формъ и болѣе несмягченныхъ. Мы не включаемъ сюда, какъ и прежде, такого и, которое образовалось изъ стеченія ии, ибо въ этомъ случаѣ не плавныя, но оно само требуетъ мягкости. Но во главѣ памятниковъ этого времени стоитъ грамота С. № 176, въ которой е почти всюду, кромѣ двухъ, трехъ исключеній, замѣняетъ е, которое для мягкости своей имѣетъ сдѣсь обычное начертаніе и. Кто знаетъ, какъ неопредѣленно изображалось е и какъ часто округлый его видъ сдѣшивался съ болѣе угловатымъ, тотъ согласится съ нами, что сдѣсь не чему иному можно приписать явленіе начертанія е, какъ единственно правописной и, слѣдовательно, наружной причинѣ. По этому изъ этой грамоты мы приведемъ только примѣры съ и, будучи увѣрены, что если и употреблено въ въ грамотѣ, то е стало на мѣстѣ е, котораго почти вовсе нѣтъ: гѣи, иимоу, ииго, къдлюбѣиѣ, -аго, вѣбѣланини, келиниа, соунимиромъ, горѣига, иии, теѣиовкиа, трѣбланиѣ, ии (ей), обѣани, оуѣри, гѣитѣ, помышлениѣ. Этихъ примѣровъ не слишкомъ много, судя по объему грамоты: всѣ они, какъ видно, не противорѣчатъ Ц.-Славянскому правописанію, кромѣ оуѣри; но если приедемъ въ расчетъ то, что грамота эта въ обширномъ началѣ и заключеніи вся пропатана Ц.-Славянскою стихіею, то число примѣровъ покажется намъ еще скуднѣе и невольно приведетъ къ вопросу: по чему же Восточныя грамоты, лишь только нѣсколько устраняются исподъ вліянія Ц.-Славянской стихіи, какъ уже начинаютъ отвергать смягченіе плавныхъ съ е? Но мы подождемъ отвѣчать на этотъ вопросъ, пока не рассмотримъ прочихъ грамотъ этой семьи. Въ нихъ находимъ сравнительно еще менѣе случаевъ смягченія. Таковы: калстѣи (Мк.), задѣри, -и (С. NN^o 36, 71), сръѣли, -и, -иѣ, -ѣи, сръѣлиѣи и т. д. (С. NN^o 46, 48, 49, 53, 73, 91, 111, 137; С.-Д. М. 1844), иига (С. № 48), иигоѣд, -ѣ, -ѣи, иѣтѣ, -ѣѣ (С. NN^o 55, 73, 91, 111, 137, 147; 3.), сѣжиѣ, -ѣ (С. № 55), вѣгокопѣиѣиѣ, сѣдѣниѣиѣ (С.-Д. М. № 1), хрѣсоѣѣиѣ, вѣблѣаниѣ, вѣсѣаниѣиѣ, иѣгокопѣиѣиѣ (С. № 62), иѣгокопѣиѣиѣ (С. № 69), расѣпѣиѣтѣсѣ, иѣдѣѣиѣ, ѣтѣдѣѣиѣиѣ, дѣриѣиѣиѣ, оуѣниѣиѣиѣ, ѣгѣиѣиѣиѣ (3.), иѣпокоѣѣѣиѣиѣ (С. № 91), вѣблѣѣѣиѣиѣ (С. NN^o 91, 137), поѣиѣиѣ, роуѣѣѣиѣиѣ, доѣиѣиѣ, поѣиѣ (С.-Д. М. 1844), жиѣѣѣиѣиѣ (С. № 131), вѣблѣѣѣиѣиѣ (С. № 137), вѣѣѣ (С. № 138), жиѣѣѣиѣиѣ, иѣиѣ (С. № 147), поѣѣѣиѣиѣ (С. № 166), иѣѣѣ (ѣѣѣ, А. № 11); но съ другой стороны, въ большей части этихъ памятниковъ находимъ несмягченныя сочетанія, явно говорящія въ пользу произвольнаго чтенія б-ы е въ соединеніи съ плавными, равно какъ въ пользу народности, не любившей начертанія и. Для любопытства приведу тѣ только слова, которыя получили у другихъ, или тѣхъ же самыхъ писцовъ видимое смягченіе плавныхъ. Таковы: иѣгокопѣиѣиѣ, -ѣиѣ (С. NN^o 35, 46, 50), задѣри (С. № 36), вѣсѣѣѣиѣиѣ (С. № 50), хрѣсоѣѣѣиѣ (С. NN^o 50, 62), вѣгокопѣѣѣиѣиѣ, иѣмоуѣ, поѣѣ (С. № 51), поѣѣѣѣ (С. № 55), иѣго (С. № 56), иѣгоѣѣ (С. № 70), сръѣѣѣѣиѣ, -ѣѣ, сръѣѣѣѣиѣ, -ѣѣ (С. NN^o 35, 43, 46, 50, 54, 55, 64) и пр. Мы привели только весьма немногіе примѣры въ противоположность предыдущимъ; но скудость этихъ послѣднихъ уже сама собою показываетъ, какое изъ двухъ свойствъ преобладало въ разсматриваемыхъ грамотахъ. Б-а е отдѣляется отъ прочихъ гласныхъ. Тогда какъ вообще въ Восточной семьѣ преобладало сочетаніе плавныхъ съ прочими мягкими гласными, б-а е быстро сдѣиваетъ свое мягкое начертаніе на твердое, какъ скоро грамота выходитъ исподъ непосредственнаго вліянія Ц.-Славянской стихіи и становится не-Аеюскою. Что же тому причиною? Мы думаемъ, что причиною тому было восточ-

144), *наираднѣ*, *научнѣ*, -и (С. № 157), *показнѣ* (С. № 164), *поклоннѣ*, *пблоннѣ* (С. NN № 166, 167), *кндрѣ* (С. № 168), *ере*, *тѣре* (см. в.) и пр. и пр. Тамъ, гдѣ смягченіе происходитъ съ такимъ *м*, *с*, которое образовалось изъ *и*, мягкость скорѣе всего должна быть приписана одной б-ѣ *м*, которая уже въ свою очередь требуетъ мягкаго плавнаго звука, на пр., *ижднога* *ви*. *ижднога* *ишлѣ* *ви*. *ишлѣ* и пр. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мягкое *в* замѣняетъ *з*, на пр., *наме*, *нолѣнѣ*, *последнѣ*, *лѣто* и пр.: это объясняется тѣмъ, что въ Сербскомъ языкѣ *з*, какъ говорено было выше, имѣетъ различныя произношенія и между прочимъ звучитъ, какъ *с* и *ш*. Это свойство Сербскаго языка, проявляющееся въ Западныхъ грамотахъ, какъ принадлежащихъ къ той области, гдѣ оно господствуетъ повнѣ, въ свою очередь дѣйствуетъ и на предшествующія согласныя и придаетъ имъ мягкій отзвукъ. Отъ того народность и доставила такіе большіе размѣры мягкому начертанію б-мъ *с*, которое еще болѣе распространило ихъ при отсутствіи положительныхъ правилъ письма и происходящей отсюда въ писцахъ страсти къ подражанію. Но мудро, что другіе писцы, видя нелѣпую крайность смягченія, предоставляли это дѣло устному языку, а на письмѣ ограничивались однимъ лишь твердымъ начертаніемъ *с*. Слова съ мягкимъ плавнымъ исходомъ принимаютъ и мягкую гласную въ словодвиженіи, на пр.: *клатѣ*, *прѣтѣ* и т. п. Всѣ эти случаи не были приведены нами въ примѣрахъ, ибо одни относятся собственно къ природѣ гласной, а другіе были уже рассмотрены выше. Наконецъ замѣтитъ должно, что примѣры означены, болѣею частію, нѣсколькими NN²; а это показываетъ, что не случай руководствовалъ писцами въ употребленіи твердыхъ и смягченныхъ формъ, а было что-то такое, что заставляло ихъ смягчать произношеніе плавныхъ въ извѣстныхъ словахъ и для сего избирать примѣчѣйшее начертаніе буквъ. Но съ другой стороны нельзя не замѣтить, что примѣры означены не всѣми NN² и не болѣею ихъ частію, а только нѣкоторыми, съ избыткомъ употребляющими мягкое начертаніе для *с*: слѣдовательно, остальная часть грамотъ считала лишнимъ выражать смягченіе б-мъ *с*. Повторяю, съ одной стороны, нѣсколько мягкое природное произношеніе плавныхъ или текучихъ, а съ другой близкое сходство твердаго и мягкаго звука *с*, произвели то, что писцы сами не были хорошо увѣрены въ принятомъ ими способѣ правописанія и колебались между тѣми и другими формами. Сочетаніе прочихъ согласныхъ буквъ, которое мы уже видѣли и еще увидимъ при губныхъ, показываетъ величайшую степень колебанія относительно б-мъ *с*. Правильнаго и послѣдовательнаго поставленія твердаго и мягкаго *с* въ сочетаніи съ согласными нечего и спрашивать. Писцы слѣдовали здѣсь своему произношенію, и какъ кто произносилъ, такъ тотъ и писалъ. Отъ того на каждую смягченную форму можно представить по нѣскольку несмягченныхъ, въ чемъ можно убѣдиться уже и по тому одному, что, какъ я сказала, не всѣ грамоты, даже и не бблшая ихъ часть, доставляютъ примѣры для смягченныхъ формъ. Такъ страннѣе и всѣ родительные пп. отъ именъ жен. р., оканчивающихся въ имен. ед. на твердое *а*, *зѣмо* и всѣ винительные пп. именъ муж. р., исходящихъ на твердую полугласную, даѣе множество другихъ словъ съ мягкою основою и пр. ни разу не встрѣчаются въ такомъ видѣ ни въ одной изъ грамотъ Восточной семьи; равно находимъ въ самихъ же Западныхъ грамотахъ, и именно въ тѣхъ же самыхъ, которыя любятъ смягченіе плавныхъ, случаи несмягченія; мало того: въ одной и той же грамотѣ одно и то же слово часто является въ смягченномъ и несмягченномъ видѣ. Указу

на нѣкоторыя: *пгооки*, *-ами*, *погооки*, *-ими* (С. NN^о 77, 112), *зикои* (С. NN^о 77, 133), *павеса*, *павелиион* (С. N^о 81), *ругени*, *-ога*, *рѣи*, *-ога*, *рѣишо* (С. NN^о 81, 106, 112, 114, 132), *кизъ*, *-а*, *-а*, *-омъ*, *-емъ* (С. NN^о 81, 96, 104, 107, 108, 112, 132, 133, 144, 158), *антра*, *лира* (С. NN^о 124, 130), *терьдине* (С. N^о 132). Тѣ же слова въ тѣхъ же грамотахъ имѣютъ мягкую форму. Они всего яснѣе говорятъ о неопредѣленности, существовавшей въ древней письменности. Прибавимъ еще къ тому, что есть грамоты той же семьи, и ихъ весьма много, которыя упорно держатся одного несмягченнаго *в*: стало быть, правописание отдѣлено было отъ произношенія. Но какъ тѣ, такъ и другія грамоты приводятъ къ одному итогу: плавныя, по своей природѣ, какъ и звукъ *в*, по своему свойству, въ твердомъ и смягченномъ видѣ, имѣли столь мало различія, что смѣшивали оба вида, и, вѣроятно, одни Сербы произносили ихъ нѣсколько тверже, такъ что приличіе выражали чрезъ твердое начертаніе, другіе произносили ихъ нѣсколько мягче и находили болѣе приличнымъ выражать въ мягкомъ сочетаніи. Къ сему прибавить должно, что употребленіе *б-ы в*, взятое во всемъ ея объемѣ, подтверждаетъ наше замѣчаніе, что въ Западныхъ грамотахъ видимое смягченіе, равно какъ несмягченіе плавныхъ при звукѣ *в* не столько зависѣло отъ самого себя, сколько отъ употребленія того, или другаго начертанія *б-ы в*; тогда какъ съ другой стороны обильное употребленіе мягкихъ начертаній для этой буквы указываетъ на смягчающую силу языка, господствовавшую въ древней письменности и необходимо отражавшуюся и въ плавныхъ. Какъ мало значенія приписывали писцы мягкому *в*, видно изъ того, что они при немъ прибѣгали иногда еще къ другому способу ббльшаго и какъ бы нагляднѣйшаго смягченія; такъ они писали: *кдствльемъ* (С. N^о 107), *првдъ* (С. N^о 123), *крвемъ* (С. N^о 126). Даже звукъ *ль*, выраженный въ протяженномъ мягкомъ *и*, иногда не удовлетворялъ писцовъ своею мягкостію, и сии писали: *крьиимъ* (С. N^о 121), *првндъ*, *првниисаише* (С. N^о 126). Но эта крайность смягченія остается временною чертою Д.-Сербскаго книжнаго языка, послѣ которой онъ долженъ былъ притти къ болѣе правильной и умѣренности. Нынѣ хотя для мягкихъ *л* и *и* существуютъ особые знаки, однако многія изъ древнихъ мягкихъ формъ получали твердый видъ: *зикои*, *страи* не могутъ быть согласны и съ нынѣшнимъ произношеніемъ и пишутся безъ смягченныхъ плавныхъ, а это и показываетъ отсутствіе въ старину всякаго послѣдовательнаго правописанія, но съ другой стороны хотя и заставляеть думать, что всякій писецъ слѣдовалъ своему оттѣнку произношенія, гоняясь иногда за ненужною мелочностію, однако намекаетъ, что было же въ языкѣ какое-то темное стремленіе къ смягченію, заставлявшее писцовъ колебаться между правильными и неправильными формами, изъ коихъ первыя отвѣчали духу и законамъ языка, условленнымъ его Славянскимъ происхожденіемъ, а другія его живымъ временнымъ потребностямъ. Безъ научнаго познанія своего языка, безъ истекавшихъ отсюда правилъ, писцы блуждали въ туманѣ неопредѣленности, сомнѣнія и двусмыслія; одни попадали на правильный путь, но тотчасъ же сбивались съ него, другіе напротивъ, и можно сказать упорнѣе, держались временныхъ потребностей, но вдавались въ правописныя мелочи, которыя удовлетворяли ихъ лишь одною своею стороною, а другою вносили обоюдность въ письмо. Они смѣшивали оттѣнки произношенія, происходящіе сколько отъ повременнаго движенія языка, столько же отъ личнаго расположенія присносящаго, съ оттѣнками, требуемыми внутреннею постоянною природою языка. Тѣ оттѣнки

голоса, которые имѣютъ въ духѣ языка одно основаніе, не могутъ такъ успѣшно различаться въ правописаніи, какъ тѣ, которые имѣютъ различныя основанія и выражаются различными начертаніями. Такъ и въ извѣстныхъ соединеніяхъ съ согласными, получая силу отъ послѣднихъ, хотя и звучитъ то нѣсколько тверже, то нѣсколько мягче, однако должно выражаться твердымъ знакомъ по требованію извѣстныхъ законовъ языка; оно же въ другихъ случаяхъ должно выражаться въ мягкомъ видѣ по требованію опять извѣстныхъ законовъ языка. Писцы, какъ сказали мы, не всегда наблюдали это правило: съ одной стороны они смѣшивали дѣйствительные разноосновные отбѣнки съ временными одноосновными и писали *ѣ* на мѣстѣ *и* и на оборотъ; но съ другой стороны они, чрезъ точнѣйшее выраженіе частныхъ отбѣнковъ произношенія, принесли намъ большую пользу, ибо при возможности въ наше время научнымъ образомъ повѣрить явленія звука безъ буквального вѣрованія способу правописанія, мы можемъ положительное и вѣчное правило отдѣлить отъ повременныхъ требованій и указать на тѣ явленія, которыя постепенно совершались въ жизни языка. Такъ, благодаря ихъ точному, хотя и непослѣдовательному правописанію, мы изъ наблюденія различныхъ явленій при движеніи гласныхъ, какъ и теперь при сочетаніи *ѣ* съ плавными, имѣемъ право заключить, что въ Д.-Сербскомъ языкѣ въ пору значительнѣйшаго проявленія въ немъ народности, господствовало особенное стремленіе къ смягченію, которое выражалось то въ *ѣ*, то въ *и*, то въ мягкомъ *ѣ*, то въ *ѣ*, растянутомъ и смягченномъ въ *иѣ*, *не*, *имѣ*. Все это показываетъ, что буквально довѣрять старинному правописанію нельзя, но должно угадывать желаніе писца выразить тотъ, или другой отбѣнокъ звука *и*, не теряя изъ виду общихъ законовъ языка, опредѣлять въ то же время его временное поступательное движеніе и его различныя, отсюда истекающія, видоизмѣненія.

Какія же общія замѣчанія должны мы сдѣлать о смягченіи плавныхъ? Привоинная всѣ разсмотрѣнные нами случаи смягченія плавныхъ и сравнивая ихъ съ подобнымъ движеніемъ прочихъ согласныхъ, мы видимъ, что плавными одиѣ изъ всѣхъ другихъ согласныхъ допускаютъ двойственность формъ не только въ сочетаніи съ *ѣ*, но и въ сочетаніи съ прочими гласными. Конечно, всѣ согласныя способны сочетаться даже въ одиѣхъ и тѣхъ же случаяхъ съ твердымъ и мягкимъ *ѣ*, смотря по возрасту и мѣсту грамоты, такъ что непременно можно найти двойственность формъ въ отношеніи этого сочетанія; но не то бываетъ въ сочетаніи съ прочими гласными, имѣющими вѣстѣ съ твердымъ и мягкое произношеніе, каковы *а* и *ѣ* (*ѣ* смягчается только въ началѣ словъ и послѣ гласной; въ соединеніи съ мягкой согласною оно переходитъ въ *ѣ*). Сдѣсь видны однообразіе и постоянство формъ. Если изрѣдка, и весьма изрѣдка, встрѣчаются, на пр., *ѣ*, *ю* въ соединеніи съ какою либо согласною (кромѣ плавныхъ и мягкой *ѣ* съ ея замѣнительными *г*, *и*) вѣсто *а*, *ѣ*, то такимъ формамъ нельзя дать значенія правильныхъ и равносильныхъ съ своими двойниками, а должно смотрѣть на нихъ, какъ на странныя явленія, быть можетъ, прихоть писцовъ, хотя и достойную замѣчанія, особенно въ историческомъ отношеніи, но во всякомъ случаѣ не обязательную для того, чтобы на ней строить правила и выводы. При томъ сдѣсь всю силу значенія должно отнести къ самимъ гласнымъ, что мы и сдѣлали, разсматривая этѣ формы въ ученіи о гласныхъ; ибо если въ какой либо грамотѣ, а таковыхъ едва наберется пять, шесть, писецъ постоянно любитъ смягчать, на пр., *ѣ* въ *ю*, не смотря ни на какія сочетанія этой

буивы, то значить, что онъ смотритъ сдѣсь не на мягкую природу согласной, а единственно на произношеніе гласной. Такія неожиданныя странности писцовъ весьма рѣдки: большинство имъ вовсе не сочувствуетъ; ихъ формы стоятъ особнякомъ внѣ общаго звукодвиженія и звукоразвитія. Такимъ же образомъ одному изъ писцовъ пришло на мысль употреблять *л* (*к*) вмѣсто *ѣ* и онъ написалъ *наследника, настаиваю, тамже* и пр. Повторяю, подобныя формы нельзя никакъ принимать за нѣчто важное паровѣ съ другими, равно замѣчательными, но болѣе естественными, возможнѣйшими и обильнѣйшими: съ одной стороны ихъ исключительность, съ другой нерѣдкіе случаи произвола писцовъ въ способѣ правописанія значительно уменьшаютъ ихъ вѣсъ и заставляютъ смотрѣть на нихъ не болѣе, какъ на странности, чуждыя общему движенію языка. Другое дѣло — смягченіе плавныхъ. Эти звуки равно допускаютъ двойственность въ сочетаніи какъ съ *ѣ*, такъ и съ *д* и *ж*. Во всѣхъ этихъ случаяхъ тѣ и другія формы, какъ смягченныя, такъ и несмягченныя, являются столь обильными и разнообразными по свойству гранотъ, что невольно заставляютъ внести себя въ кругъ языкословныхъ соображеній и принимаютъ на себя часть временнаго образа языка: отказать тѣмъ и другимъ въ участіи при совершеніи судьбы языка невозможно. Это, столь отличное отъ свойства другихъ согласныхъ, явленіе должно приписать природѣ самихъ плавныхъ, происхожденіе которыхъ опредѣляется тѣмъ же самымъ органомъ, который произвелъ мягкое по преимуществу и смягчающее гласное начало. Второе, не менѣе важное, заключеніе касается различія памятниковъ по семействамъ въ смягченіи и не смягченіи гласныхъ и согласныхъ. Припомнимъ все, что доселѣ разсмотрѣно было нами относительно этого свойства Сербскаго языка, и заранѣе отнесемъ губныя, о которыхъ намъ предстоитъ говорить вслѣдъ за плавными, къ разряду другихъ, уже разсмотрѣнныхъ нами согласныхъ, съ которыми они являются однородными въ дѣлѣ смягченія. Въ гласныхъ мы видимъ, что мягкое *ѣ* съ своими особенными начертаніями и по двумъ различнымъ причинамъ преобладаетъ въ Аѳонской семьѣ и Западной XIV-го и XV-го вв., и что несмягченіе *д* и *ж* послѣ гласной является почти исключительно, хотя и не часто, въ одной Аѳонской. Въ согласныхъ, относительно сочетанія ихъ съ *ѣ*, видимъ то же самое и въ прямомъ отношеніи къ употребленію мягкихъ начертаній *б-ы ѣ* въ началѣ словъ и послѣ гласной, т. е., что согласныя сочетаются съ мягкимъ *ѣ* предпочтительно въ Западныхъ грамотахъ конца XIV-го и XV-го вв. Какъ и въ началѣ словъ и послѣ гласной является преимущественно въ Аѳонской семьѣ, такъ и въ соединеніи съ плавными оно является преимущественно тамъ же, но другія согласныя въ этой семьѣ не требуютъ себѣ мягкаго *ѣ*: это свидѣтельствуетъ, что сдѣсь главное значеніе имѣютъ самыя плавныя, которыя и сочетаются съ мягкими гласными подѣ дѣйствіемъ Ц.-Славянскаго языка. Какъ *ѣ, ѣ* въ началѣ словъ и послѣ гласной господствуетъ въ Западной семьѣ конца XIV-го и XV-го в., такъ тамъ же соединяется оно предпочтительно и съ согласными всѣхъ органовъ, какъ плавными, такъ и гортанными, язычными, зубными и, какъ увидимъ ниже, губными: ясно, что сдѣсь вся сила заключается въ самой *б-ѣ ѣ*, а не въ смягченіи согласной. Напротивъ *д* и *ж* въ соединеніи съ прочими согласными, кромѣ плавныхъ, не испытываютъ никакого особеннаго измѣненія, и согласныя остаются съ своимъ обычнымъ произношеніемъ, какое мы привыкли слышать въ томъ, или другомъ словѣ. Но въ соединеніи съ плавными *д* и *ж* являются совершенно въ противупо-

ложномъ отношеніи къ самимъ себѣ, взятымъ самостоятельно. Въ послѣдней случаѣ, сказали мы, Восточная семья любить иногда не смягчать а и ъ послѣ гласной, на пр., великаѣ, желанна, мѣтѣ и т. д.; но она же, на оборотъ, любить употреблять мягкія плавныя, а не твердыя, въ сочетаніи съ ѣтѣми двумя гласными, равно какъ о при словодвиженіи переводить въ я. Въ ней господствуютъ формы: кралиц, -ю, -нми, зумла, -ю, любовь, царь и пр. Напротивъ того Западная семья предпочитаетъ отверженіе плавныхъ въ сочетаніи съ а, ѣ, о, такъ что послѣднее не измѣняется, предполагая собою твердый полугласный исходъ слова: ей принадлежатъ почти исключительно формы: краца, -ѣ, вола, -ѣ, зумла, -ѣ, властель, краель, царь и т. д. Но во всѣхъ этихъ явленіяхъ мы не находимъ ничего сверхъестественнаго, или такого, что бы противорѣчило взаимному отношенію и свойству двухъ началъ, вошедшихъ въ составъ книжнаго Сербскаго языка. Несмягченіе а и ѣ послѣ гласныхъ, равно какъ мягкій полугласный исходъ извѣстныхъ словъ, оканчивающихся на плавныя, въ слѣдствіе чего при словодвиженіи ѣ мѣняется на ѣ, ю, ѣмь, или ѣмь и т. д., суть признаки Ц.-Славянскаго языка въ его средне-вѣковую пору, ту пору, въ продолженіе которой онъ производилъ свое вліяніе на Сербскую письменность. Съ началомъ XIV-го в. рядъ Аѳонскихъ грамотъ яснѣе и въ большей степени обнаружилъ его вліяніе и съ тѣмъ вѣстѣе его современные признаки. Я не сомнѣваюсь вѣстѣе съ Шафарикомъ¹ признать древнѣйшимъ признакомъ Д.-Булгарскаго языка твердый полугласный исходъ существительныхъ на а, на пр., мѣнѣтѣл, дѣлѣтѣл, также форму ѣзѣлюкъшиа и т. п., но не сомнѣваюсь также признать за Д.-Булгарскимъ книжнымъ языкомъ, когда послѣ паденія Булгарскаго царства, онъ достался въ руки смѣшанному Булгарскому народу, или другимъ православнымъ Славянамъ, какъ-то Сербамъ и Русскимъ, признать за таковымъ Булгарскимъ, или, лучше, Ц.-Славянскимъ языкомъ, различныя его временныя и мѣстныя видоизмѣненія или поры, и отличительнымъ признакомъ одной изъ таковыхъ поръ несмягченіе а и ѣ послѣ гласной и на оборотъ смягченіе плавныхъ какъ въ сочетаніи съ ними, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, замѣчаемыхъ въ вышеприведенныхъ примѣрахъ. Въ эту-то пору своего видоизмѣненія Ц.-Славянскій языкъ вошелъ въ Сербскую письменность, въ чемъ убѣждаетъ насъ присутствіе этихъ самыхъ признаковъ именно въ той семьѣ грамотъ, которая наиболѣе подверглась его вліянію. Мы замѣчаемъ, что напротивъ народный Сербскій языкъ отвердилъ мягкій полугласный исходъ плавныхъ въ нѣкоторыхъ словахъ, на пр., цар, какъ и вообще отвердилъ нѣкоторыя конечныя согласныя, на пр., въ княз и пр., а равномѣрно и въ другихъ сочетаніяхъ плавныхъ ввелъ кое-гдѣ твердость противъ Ц.-Славянской мягкости; а по тому мы не усомнимся отнести къ дѣйствию народной стихіи то, что въ Западной семьѣ формы относительно плавныхъ сочетаній распались на твердыя и мягкія. Конечно, въ отверденіи плавныхъ была своего рода крайность: отверждались такія сочетанія, которыя въ послѣдствіи, какъ видимъ ихъ нынѣ, опять вошли въ свою прежнюю мягкость, на пр., любовь, нынѣ *любаѣ*; но это должно приписать переходному времени, въ которомъ всегда формы колеблются, а крайности сталкиваются. Тѣмъ не менѣе это отверженіе, и при томъ большее надлежащаго, есть от-

¹ Serbische Lesekörner, стр. 61.

личительный признак Западной семьи конца XIV-го и XV-го вв. и вместе разсматриваемаго нами пространства Д.-Сербскаго книжнаго языка.

Отъ плавныхъ, помимо зубныхъ, уже разсмотрѣнныхъ, переходимъ къ *губнымъ*. Порядокъ губныхъ отъ внутреннихъ частей усть къ наружнымъ таковъ: *в, ф, ж, б, п*. Сдѣсь самая слабая есть *в*, по чему она и употребляется въ нѣкоторыхъ Славянскихъ нарѣчійхъ для придыханія. Нѣсколько твердѣя, она образуеть звукъ *ф*, хотя не Славянскій, но уже отуземившійся у Славянъ, благодаря посредству звука *в*. Такъ точно *б* слабѣе, чѣмъ *п*; но обѣ онѣ сильнѣе, чѣмъ *в* и *ф*. Средину между тѣми и другими занимаетъ *ж*, какъ и между *л* и *р*.

Б-а в сѣбялетъ *в* въ словахъ: люво (любо, С. № 78), ѡлванѣи, ѡлванѣи (А. № 10; В. № 1), вивидийтоу (А. № 17) и въ названіяхъ мѣсяцевъ: ферьелра, фекрара, фьелра, фрекарра, прекарра, перкарра (С. NN № 2, 59, 65, 83, 87, 100, 112, 124, 128, 163, 164), деиѣвѣра, деиѣмерѣа, деиѣвѣра, дѣвѣра (С. NN № 90, 91, 111, 147), носемькрити, ноѣвѣра (С. NN № 131, 178), септемкрити, сѣтѣвѣра, септемкрити, сѣвѣра (С. NN № 133, 137, 138, 158), ср. фекрара (С. NN № 125, 128), септемкрити, септемкрити (С. NN № 61, 136), носемькрити, носемькрити, носемькрити, носемькрити (С. NN № 64, 67, 83, 110, 125, 150, 151, 152, 153), деиѣмерѣа, деиѣмерѣа (С. NN № 68, 92, 105, 158).

Б-а в замѣнила *ф* въ формѣ стѣлани (С. № 131).

Б-а в переходитъ въ *л*: слободно, -ѡ, слобѡно, -ѡ (С. NN № 54, 72, 77, 82, 100, 101, 108, 112, 114, 115, 126, 129, 132, 144, 154), слобѡда. -ѡ (С. NN № 70, 100), слобѡдани, -дани (С. NN № 78, 98; Ш. № 16), слобѡданини, слобѡданини, слобѡданини, слобѡданини (С. NN № 92, 95, 103, 120, 133, 136, 145, 150), слобѡѣмѣлани, слобѡдани (С. № 114), ѡслокодити, -дани, -диси, -дихъ (С. NN № 132, 154, 164; Ш. № 16), ср. слободно, -дѡно, -дѡно (С. NN № 2, 3, 5, 9, 14, 16, 17, 60, 66, 80, 91; А. № 12), слободани, -дѡни (С. NN № 2, 16), слобѡда, -ѡ, -ѡу (С. № 77; А. № 7; С.-Д. М. 1844), слобѡданини (С. № 81), ѡ-, ѡ-, ѡслокоди, -сѡно, ѡслокодани (А. NN № 5, 10, 14, 17). Порядокъ этой сѣбны отвѣчаетъ такъ часто повторяемому нами соотношенію памятникѡвъ по мѣсту и времени. Нынѣ Сербы говорятъ: *слобода, слободани, слободити* и т. д.

Б-а в опускается весьма часто послѣ *в* и передъ *л*. Въ первомъ случаѣ всѣ Славянскія нарѣчія болѣе, или менѣе наблюдаютъ это опущеніе по закону благозвучія; во второмъ случаѣ Сербскій языкъ сходится съ Хорватскимъ. Таковы формы: урѣлѡногѡ, црѣлѡногѡ (С. NN № 16, 121), ѡвѣрѡно, -ѡно, ѡвѣрѡкѡти, -ѡни, -ѡни, -ѡни, ѡвѣрѡвати (С. NN № 64, 77, 78, 82, 118, 129, 141), изѣ-испрѡно, -ѡно, -ѡно, -ѡно, -ѡно (С. NN № 70, 81, 85, 95, 163; А. № 14), сѣстѡлани, -ѡни, сѣстѡлани (С. NN № 81, 85, 89, 95, 178), ѡспрѡкѡти, -ѡни, -ѡни (С. NN № 81, 85, 95, 132), стѡлѡкѡти, -ѡни, -ѡни (С. NN № 86, 107, 132), ѡу-стѡлѡно (С. № 91), изѣспрѡкѡти, -ѡни (С. NN № 98, 157), постѡлѡнонѡ, -ѡни, -ѡни (С. NN № 99, 105, 163; Мл.), ѡвѣслѡнонѡ (С. № 104), ѡстѡлѡни (С. № 114), да сѣ ѡстѡла (А. № 14). Кромѣ пяти примѣровъ (С. NN № 91, 178; Мл.; А. № 14), всѣ прочіе принадлежатъ Западной семьѣ XIV-го и XV-го вв. Это показываетъ, что опущеніе *б-ы* в передъ *л* возникло не ранѣе XIV-го в. и сдѣлалось господствующимъ въ Западныхъ грамотахъ. Кромѣ приведенныхъ примѣровъ, Восточныя постоянно удерживаютъ в передъ *л*; но въ Западныхъ, на оборотъ, формы съ *в* весьма рѣдки, особенно въ XV-мъ в., каковы, на пр., испрѡкѡти, -ѡни (С. NN № 66, 68), постѡлѡни, -ѡни (С. NN № 65, 68),

оставилимъ (С. № 144) и в др. Нынѣ и въ этихъ случаяхъ, большую частію, восстановлено. Б-а в опущена еще въ слѣдующихъ словахъ: августъ, августъ, августинь, -а (С. NN№ 21, 169, 171), гвнѣра, гвнѣра (С. NN№ 63, 71, 73), сторихъ (т. е., сѣторихъ, С. № 71), крадство, -а, крадство, крадство, -ѣ, крадства (С. NN№ 83, 84, 89, 99), рлзѣ, -и, -ѣ, рлзѣ (С. NN№ 83, 98, 114, 143, 146), ср. рлзѣ (С. NN№ 22, 28, 39, 46, 68), снознимъ (А. № 6).

Б-а в вставляется, какъ благозвучная, въ словахъ: нѣквѣдѣ, -омѣ (А. И.; С. № 16), нѣквѣ, -а, -ѣ (С. NN№ 96, 108, 112, 126, 144, 150, 156, 172; А. № 6; Мл.), ѣквѣ нѣквѣ (Ш. № VII), нѣквѣ доуѣ (А. № 8), нѣквѣнѣ (С. № 94), нѣквѣнѣ, -а, -ѣ, -ѣмъ (С. NN№ 98, 107, 112, 114, 116, 117, 126, 127, 133, 136, 141, 144, 145, 150), нѣквѣнѣ (С. № 108), нѣквѣ, -ѣ, нѣквѣмъ (С. NN№ 99, 158, 159, 163), подкочѣ (З.), нѣквѣнѣски, ср. тутъ же нѣквѣ (С. № 61), нѣквѣнѣнѣ, нѣквѣнѣнѣ, нѣквѣнѣнѣнѣ, нѣквѣнѣнѣнѣ (С. NN№ 81, 89, 93, 150; З. А.).

Имена, оканчивающіяся на и, которое въ Русскомъ языкѣ обратилось въ ѣ, превращаютъ его иногда въ в; на пр.: цѣловѣ (Ш. № VII), нѣквѣмъ (С. № 8), мѣтѣ (С. № 16), доуѣмъ (А. № V), подоуѣнѣнѣмъ и подоуѣнѣнѣмъ (С. № 90), доуѣнѣ, -а (Ш. № 15), на доуѣнѣ (В. К.), подоуѣнѣнѣнѣ (печ., А. т. X), подоуѣнѣнѣнѣ (печ., А. т. XI), подоуѣнѣнѣнѣ (А. № 18), подоуѣнѣнѣнѣ (А. № 16) и т. д. Это явленіе еще замѣтнѣе въ словодвиженіи и словообразованіи. Мы считаемъ здѣсь умѣстнымъ высказать свое мнѣніе о немъ, или, лучше, распространить прежнее. Обыкновенно ав и ов считаютъ усиленіемъ у, которое усиливается или прямо такъ, или въ видѣ ѣ. Слѣдовательно, первоначальный основной звукъ для нихъ должно видѣть въ у, а для еѣ въ ю. Но не всегда эти усиленія можно объяснять чрезъ у; необходимо допустить и здѣсь перезвукъ другаго усиленія ай, или ой, ей, которое образуется изъ усилившагося и. Какъ тамъ у, такъ здѣсь ѣ суть основныя гласныя, усилившіяся въ доегласныя съ помощью а, перезвукующаго въ о, или, при мягкости, въ е. Перезвукъ и въ у возможенъ въ Славянскихъ нарѣчіяхъ: по чему же не допустить и возможности этого перезвука въ тѣхъ же, но только усиленныхъ буквахъ? Иначе нельзя и объяснить окончательно вышеприведенныя формы. Имена нѣквѣмъ, мѣтѣ принадлежатъ Дубровничанамъ; Славянская форма не мѣшаетъ видѣть въ нихъ близкое родство съ Итальянскою Nicolai, Mathai, которая у Сербовъ звучала, по всему вѣроятію, какъ нѣквѣмъ(ѣ), мѣтѣ(ѣ), и гдѣ ав, ви прямо перешли въ ав, вѣ, какъ он перешло въ ов. Стало быть, здѣсь, какъ и въ словахъ доуѣнѣ, доуѣмъ обѣ ѣ и помину нѣтъ, и это явленіе есть не что болѣе, какъ перезвукъ, или переходъ изъ одного усиленія (гуны) въ другое. Слово цѣловѣ предполагаетъ ѣ и по тому не требуетъ подобнаго объясненія.

Вообще всѣ Славянскія нарѣчія не любятъ звуковъ х и ф: одни изъ нихъ мало терпятъ ихъ, другіе даже вовсе не терпятъ. Къ послѣднимъ принадлежитъ и Сербское. Мы знаемъ уже, что отзвукъ г—х (h) сохранился только въ небольшой прибрежной области Сербіи, отъ Дубровника до Черногоріи включительно, мѣстами, быть можетъ, подъ вліяніемъ Итальянскаго языка, а мѣстами и Булгарскаго. Равно звукъ ф вошелъ въ Сербскій языкъ только вмѣстѣ съ иностранными словами, или замѣнилъ собою другую крайность, звукъ х, въ соединеніи съ в, на пр., фала, фитати, фатити, фиснути. Большая часть первыхъ имѣетъ двойственную форму съ в вмѣсто ф. Есть нѣсколько словъ звукоподражательныхъ: фрк, фрка, фркане, фрснути. Чер-

ногорцы болѣе другихъ Сербовъ терпятъ *ѳ*, какъ и *х*. Въ Западныхъ областяхъ употребляется *уфане*, *уфатисе* — форма, очевидно, не Сербская. Такъ и Д.-Сербскій языкъ старался избѣгнуть звука *ѳ*, сколько пристрастіе писцовъ къ обычнымъ письменнымъ формамъ позволяло это. Въ немъ мы находимъ *б-у ш*, какъ замѣняющую *ѳ*: ей дано, по видимому, наибольшее замѣнительное служеніе вмѣсто *б-ы ѳ*. Такъ мы читаемъ: *стѣпань*, -а, -ѣ, *стѣпани ѳриш*, *стѣпань*, -а, *стѣпань*, -а, -ѣ, -омь, *стѣпань*, -ѣ, -омь и пр., *стѣпано*, -омь, *стѣпаникомъ* и т. д. (С. NN^о 6, 14, 15, 24, 57, 60, 62, 64, 71, 74, 78, 83—86, 89, 92, 95—98, 104, 107, 108, 112, 114, 115, 119, 120, 123, 124, 126, 128, 132—134, 136—147, 150—154, 156—159, 161, 163, 164, 173, 176, 179; Ш. № 16; З. А.), *стѣпна*, *стѣпань*, ...*стѣпань* (печ., А. NN^о 5, 9; Г. II, стр. 203; С. № 120). Изъ приведенныхъ сейчасъ грамотъ только 8, да 3 печати принадлежатъ Восточной семьѣ, а всѣ прочія Западной: отношеніе между ними съ небольшимъ, какъ 6: 1; оно почти обратно измѣняется въ формѣ *стѣпань*, -а, -ѣ, -е, -омь, *стѣпань*, -а, -ѣ и т. д., *стѣпань*, *стѣпань*, *стѣпань*, *стѣпань*, *стѣпань*, *стѣпань*, *стѣпань*, *стѣпань* и т. д. (Ш. № VII; С. NN^о 2, 7, 9, 13, 21—25, 28—31, 33—40, 42, 43, 46 48—55, 62, 66, 68, 70, 73, 77, 81, 83, 85, 90—92, 103, 111, 116, 135—138, 140, 150—154, 175, 176; А. NN^о 1—13, 16—19; Мв.; С.-Д. М. 1844; печ. и мон., Г. I, стр. 156, II, стр. 203, III, NN^о 6, 7, 10, 11, 27—30, 39, 40, 41, 55—61, 71, 72, V, NN^о 1, 4, VI, № 17; Рейх. XVIII, 8; Бод.; А. NN^о 8—11, т. X, XI; С.-Д. М. 1844, стр. 127). Между приведенными здѣсь грамотами, печатями и монетами только безъ малаго $\frac{1}{2}$ принадлежитъ Западной семьѣ; остальные относятся къ Восточной. Къ тому же замѣтимъ, что изъ всѣхъ памятниковъ 16 доставляютъ двойныя формы съ *ш* и *ѳ*, при томъ такъ, что большая часть формъ съ *ѳ* принадлежитъ подписямъ, а съ *ш* тексту, ибо подпись, по своей важности, прикладываемая собственноручно Сербскими владѣтельными лицами, уже удалялась отъ народнаго языка и, при обычномъ желаніи Боснійскихъ королей поддѣлаться подъ ладъ грамотъ православныхъ царей, должна была вдаться въ Ц.-Славянскую стихію. И такъ изъ отношенія между грамотами мы видимъ, что форма съ *ш* держалась преимущественно въ Западной семьѣ, какъ ближайшей къ народной стихіи, а форма съ *ѳ* въ Восточной, какъ ближайшей къ Ц.-Славянской. Нынѣ *стѣпань*. Замѣну *ѳ* *б-ю ш* находимъ еще въ слѣдующихъ словахъ: *видишь* (Ш. № II), *кифалла*, -а, -ѣ, *кифалли* (С. NN^о 35, 43, 49, 71), ср. *кифалли*, -а, -ю, *кифаллю*, *кифалле* (С. NN^о 54, 73, 91, 111, 137; А. № 10), *перклар*, *перклар*, *перклар* (т. е., *феклар*, С. NN^о 65, 83, 127).

Б-а ш по звуку своему сходна съ *ш*, и по тому всѣ Славянскія нарѣчія, хотя не часто, употребляютъ одну вмѣсто другой. Мы уже видѣли эту смѣну въ нашихъ грамотахъ.

Не любя повторенія одной и той же буквы, Сербы, какъ и прочіе Славяне, избѣгали стеченія двухъ *ш*, хотя бы они были раздѣлены полугласною и составляли два особые и необходимые слога. По этому мы иногда находимъ подобныя сокращенія: *ѣ законѣ ѳунитъми* (т. е., *ѳунитъми*, С. № 2, съ *кравльствоми* (т. е., съ *кравльствоми*, С. № 31), съ *шлкомъ* (А. № 18), *ѣгодарованими княземъ* (С. № 97) и н. др.

Б-а ш замѣняла *л* въ словѣ *шадлахъ* (С. № 130).

Б-а ш смѣняется съ *б-ю ш* весьма часто: виною тому ихъ созвучіе. Таковы

формы: **бръкати** (привилегія, С. № 16), **подека** (т. е., **подекасти**, С. № 168), **ошкнид**, **ошкнич**, **ошкнит**, **ошкнич**, **ошкнитч**, **ошкнитч**, **ошкнитч**, **ошкнитч**, **ошкнитч**, **ошкнитч**, **ошкнитч**, **ошкнитч** и т. д. (С. NN № 3, 5, 16, 19, 20, 24, 25, 32, 37, 39, 45, 56, 58, 59, 66, 69, 78, 79, 81, 82, 84, 85, 86, 88, 89, 92, 93, 95—98, 100, 103, 106, 107, 108, 110—114, 116, 119 — 122, 124 — 128, 130, 133, 135, 136, 140, 141, 144, 145, 148, 150, 154, 155 и пр.; А. № 14; Г. VI, № 2). Форма **ошкнид**, **-ч**, **ошкнитч** и т. д. встрѣчается мѣстами въ XIII-мъ в. (С. NN № 2, 4, 6, 10, 21, 26, 31) и только по два раза въ XIV-мъ и XV-мъ вв.: **ошкниче**, **-ч** (С. NN № 66, 81), **ошкнитч** (С. NN № 137, 138), **ошкнитч**, **-нид** (Ш. № II; С. № 37), **сръпска**, **-ч**, **-он**, **-омь**, **-ѣ**, **-имь**, **сръпски**, **-и**, **сръпскиго**, **-ошга**, **-и**, **-ѣ**, **-не**, **-он**, **-ч**, **-ѣ**, **-сцалъ** и т. д. (С. NN № 22, 23, 24, 27, 51, 52, 71, 76, 77, 89, 95, 103, 114, 124, 130, 132, 176; А. NN № 5, 9, 10, 14, 18; В. № 1 и пр.), **ошкнитч** (С. № 78), **ошкнитч** (С. № 37), **лѣно** (**лѣно**, С. № 82), **гръпка** (С. № 105), ср. **гръпка** (С. № 98), **гръпка** (С. № 110), **гръпка** (С. № 158).

Б-а в смѣняется съ в въ словахъ: **яковь**, **квистунон** (С. № 16), **з квистунон** (С. № 43), **квистунон** (С. № 62), ср. **квистунон** (А. № 10), **протоквистарь**, **-и** (С. NN № 107, 136, 140), ср. **квистунон** (С. № 16).

Б-а к опущена въ словѣ **новшера** (С. № 121).

Б-а п замѣнила к въ словѣ **палмьдара** (С. № 173).

Б-а п замѣнила у въ предлогѣ **пръзъ**, **пръз**, **пръзъ** (С. NN № 2, 76, 88, 164, 176).

Греческая б-а ψ, замѣняющая простое сочетаніе пс, встрѣчается въ одной изъ нашихъ грамотъ, именно Дубровницкой, въ Греческомъ словѣ **тѣтѣ**, **тѣтѣ**, хотя тутъ же написано и **тѣтѣ** (С. № 130), да еще въ Аѳонской гр-ѣ въ Славянскомъ словѣ **ѣтѣ** (А. № 10), ср. **псарь** (н. р.).

Сохраненіе б-ы ф въ словѣ **стафля** и во многихъ другихъ словахъ, подобное строгому повсюдному сохраненію б-ы х, есть одинъ изъ тѣхъ признаковъ правописанія Д.-Сербскихъ писцовъ, на которые мы не разъ указывали въ ученіи о звукахъ и которые увидимъ въ послѣдствіи въ словодвиженіи. Изъ уваженія къ Ц.-Славянской стихіи писцы, вопреки своему Сербскому уху, писали, а можетъ быть, даже и читали слова въ Ц.-Славянской формѣ, будучи вполне увѣрены, что въ народѣ эти самыя слова звучали иначе. Это уваженіе къ формамъ, освященнымъ языкомъ Вѣры, не мало вредило чистотѣ народнаго языка и вмѣстѣ съ тѣмъ достоинству Д.-Сербскаго правописанія, по скольку достоинство каждаго правописанія состоитъ въ вѣрнѣйшемъ воспроизведеніи звуковъ устнаго языка. Не разъ удавалось намъ замѣчать, что не должно увлекаться древнею правописью, которая не имѣла въ себѣ ни единства науки, ни даже вѣрности въ изображеніи звуковъ народнаго языка: писали такъ, читали и говорили иначе; а если и читали, какъ писали, то съ полнымъ убѣжденіемъ, что такое чтеніе не согласовалось съ народнымъ выговоромъ. По этому въ различныхъ заключеніяхъ о свойствѣ народной рѣчи Сербовъ нельзя буквально слѣдовать всѣмъ приемамъ и уловкамъ древняго правописанія, но иногда должно подъ наружностію буквы подмѣчать скрытую цѣль писца, а когда и того нельзя сдѣлать, то слѣдуютъ цѣлыя формы считать не народными и смотрѣть на нихъ, какъ на выраженіе твердой привязанности писцовъ къ Ц.-Славянскому языку. Такъ и б-а ф своимъ тщательнымъ сохраненіемъ въ нашихъ памятникахъ одолжена той же привязанности.

-речь, -рчи (С. NN^o 66, 81, 100, 104, 107, 127, 132, 134), прак (С. N° 68), пие (С. NN^o 68, 84, 86, 100, 106, 107, 108, 109, 112, 127), пивел, -в, ибесие (С. NN^o 81, 86, 103), славеть, хавожащес (С. N° 81), перверь (С. NN^o 81, 96, 127), иеле, -е (С. NN^o 84, 144), племшито, -д, плешо, -на, -с, племна (С. NN^o 84, 86, 96, 99, 103, 104, 112), слие (С. NN^o 86, 133), ме (С. NN^o 86, 103, 104), прак, -и (С. NN^o 86, 96, 104, 120, 144), слете, -аго, -хъ (С. NN^o 96, 99, 127, 132), градоне (С. NN^o 96, 157), кезь (С. N° 96), назокемо (С. NN^o 96, 127), нешези, -зи (С. NN^o 96, 127), петатисно, пететно, петать, -ью (С. NN^o 96, 100, 127, 134, 144), хавожаши (С. N° 96, 104), распетне, -ье (С. NN^o 96, 100, 104), мене, -я (С. NN^o 96, 104, 127), жупе, -и (С. NN^o 96, 99, 104, 107), криве, правы, -е, ирме (С. NN^o 96, 100, 107, 108, 114), люкесе (С. N° 99), петра (С. NN^o 99, 100), поменять, споменять, -я, -и, память, -и (С. NN^o 100, 103, 104, 124, 127, 132, 134), кѣди, кесалье (С. NN^o 100, 104), хавоже, -и (С. NN^o 101, 145), кемь, -е, -и (квшти, С. NN^o 108, 112, 127), ластоке, кездл (С. N° 109), поголимь (С. NN^o 112, 127), сломь, поджеть (С. N° 112), пира (пия соб., С. N° 113), постале (С. N° 127), мегь (С. NN^o 127, 132), сие (С. NN^o 127, 132, 134), люкешинь, люкешани, гавелз (С. N° 132), дрышке (С. N° 133), кѣе, люкеш, тронге (С. N° 144), спиноке, пошке (С. N° 157) и пр. Не нужно, кажется, говорить, что на каждую смягченную форму можно привести по нѣскольк несмягченных для тѣхъ же самыхъ словъ, что ясно показывается, что губныя въ этихъ случаяхъ не нуждались въ смягченной гласной. Мы не приводимъ случаевъ сочетанія губныхъ съ такимъ мягкимъ *е*, которое въ томъ, или другомъ начертаніи замѣняетъ собою *я*. Изъ примѣровъ видно, что наибольшее количество мягкихъ сочетаній принадлежитъ *б-иъ* и *и* и, потому *е*, *и*, *а* *ф* вовсе не имѣютъ ихъ. Примѣры сочетанія губныхъ съ прочими гласными приведены въ своемъ мѣстѣ въ ученіи о послѣднихъ, каковы: *вряджесткофот* (С. N° 62), *скомю*, *мю*, *последнию*, *истиною*, *номю*, *вслиною* (С. N° 89), *слаю*, *кощю*, *гюцтю*, *диюстоа* (С. N° 104) и пр. Они, какъ сказали мы, имѣютъ отношеніе къ одной гласной и выражаютъ особенное расположеніе писца къ ея смягченію, вопреки общему правописанію и произношенію.

Оканчивая обзоръ движенія согласныхъ рѣчью объ ихъ смягченіи, мы считаемъ сдѣсь не лишнимъ сказать нѣсколько словъ объ ерованьи по поводу признаковъ этого послѣдняго, встрѣчающихся въ древнихъ памятникахъ Сербскаго языка. Всякій знаетъ, что нынѣшнее господствующее правописаніе православныхъ Сербовъ принимаетъ четыре мягкихъ знака для согласныхъ *л*, *и*, *д* и *т*, долженствующихъ, по соединеніи своемъ съ мягкими гласными, звучать мягко. По правиламъ нынѣшняго Сербскаго правописанія, какъ только одна изъ упомянутыхъ согласныхъ соединяется съ мягкой гласной, такъ тотчасъ же наружный видъ ея измѣняется: *л* обращается въ *љ*, *и* въ *њ*, *д* въ *ђ*, *т* въ *ћ*; а мягкая гласная, произведшая смягченіе въ согласной, въ то же время становится твердою. Спрашиваемъ, къ чему такое превращеніе? къ чему такая передвжка мягкаго начала изъ гласной въ согласную? Мягкость живетъ не въ согласной, а въ гласной, и отсюда дѣйствуетъ на согласную, подвергая ее различнымъ видоизмѣненіямъ. Это не противорѣчитъ тому, что въ Сербскомъ языкѣ нѣкоторая мягкость замѣтна въ небныхъ *л* и *и* и зубныхъ *д* и *т*, которая, вѣроятно, и послужила поводомъ къ усвоенію за ними смягченнаго изображенія. Мягкость эта происходитъ или отъ

образовательнаго органа, какъ въ плавныхъ, или отъ привычки народной, какъ въ зубныхъ; но она вовсе не та, которую мы разумѣмъ въ гласныхъ и лишь однимъ приписываемъ. Мягкость плавныхъ есть то же, что мягкость твердыхъ *и* и *е*, т. е., собственно полумягкость, не иѣшающая существованію истинной мягкости. Только въ томъ случаѣ, когда природа согласной измѣняется въ слѣдствіе смягченія, на пр., когда *з* переходитъ въ *ж*, а *х* въ *ш*, мягкая гласная переходитъ въ твердую, ибо сдѣсь, по свойству языка, мягкость выливается изъ гласной въ согласную и вмѣстѣ съ нею образуетъ новый, по природѣ своей мягкій звукъ, послѣ чего гласная, лишенная своей мягкости, необходимо должна сдѣлаться твердою. Въ другихъ случаяхъ, когда согласная не измѣняетъ своей природы, св. Кирилъ поступилъ не менѣе основательно и благоразумно, сочетавъ мягкую гласную съ твердою согласною: чрезъ это его правописаніе сохранило болѣе общности и послѣдовательности, чѣмъ нинѣшнее Сербское: *ш*, *н*, *ю* оставались одними и тѣми же какъ въ соединеніи съ согласными, такъ и въ началѣ словъ и послѣ гласной: слѣдовательно, четыре новые буквенные знака были избытны, а правописаніе отъ того ни мало не пострадало; оно было столько же ясно, сколько и однообразно. Вѣдь принуждены же Сербомъ писать въ началѣ слова и послѣ гласной и впрочемъ согласныхъ *ja*, *je*, *ju*: по чему же не писать ихъ и съ *л*, *н*, *д*, *т*, особенно, если бы они, вмѣсто упомянутыхъ полулатинскихъ, полуславянскихъ сочетаній, приняли обыкновенныя *я*, *е*, *ю*? Мы не видимъ къ тому никакого препятствія. Зачѣмъ прибѣгать къ дурно сплоченнымъ начертаніямъ, въ которыхъ сверхъ того участвуетъ чуждое, не-Славянское *j*? Развѣ *ja*, *je*, *ju* не точно ли такъ же звучатъ, какъ и *я*, *е*, *ю*? При томъ самое образованіе тѣхъ и другихъ одинаково: тамъ *j* сдѣсь *i*: только Кириловское начертаніе гораздо плотнѣе и единичнѣе, а полулатинское разъединеннѣе. Этотъ способъ правописанія былъ бы естественнѣе, послѣдовательнѣе и проще; да онъ и не новъ: его уже употребляютъ нѣкоторые Сербы — и весьма успѣшно. Равнобѣрно и начертанія *ь*, *н*, *ѣ*, *ѣ* тоже вовсе ненужны: иначе и для другихъ буквъ, при мягкомъ ихъ произношеніи, пришлось бы или изобрѣтать новые знаки, или придумывать новыя ерванныя начертанія. Зачѣмъ ервать тамъ, гдѣ дѣйствуетъ гласная мягкость, т. е., іотация? Да и самое *ь* не есть ли прадавняя мягкая полная гласная, приводящая къ небольшому смягчающему *и*, *і*, слѣдовательно, къ той же іотации? Начертанія *ля*, *ле*, *мя*, *не*, *дя*, *тя*, *тю* и т. д. сами по себѣ правильнѣе и болѣе говорятъ въ пользу древности, чѣмъ *ла*, *на*, *ѣа*, *ѣа* и т. д., которыя можно назвать уже второстепенными, видоизмѣненными начертаніями и, должно сознаться, бесполезными, а по тому и лишними. Но отсюда не должно заключать, чтобы мы совершенно отвергали ерванье: и оно имѣетъ свой кругъ употребленія послѣ того, какъ сократилась въ *ь* прадавняя мягкая гласность. Въ правилахъ языка, когда разсматриваются отдѣльно согласные звуки и ихъ смягченіе въ разъединеніи съ гласными, можно, положимъ, употреблять слово «ерваніе» вмѣсто «іотация»; но на дѣлѣ, т. е., въ правописаніи прибѣгать всюду къ ерванію, когда возможна іотация, бесполезно и вредно, ибо чрезъ то правописаніе теряетъ свою послѣдовательность, а съ нею и полезное однообразіе, между тѣмъ, какъ нисколько не приобрѣтаетъ въ точности, столь нужной для облегченія изученія всякаго языка. На дѣлѣ не должно распространять ерванія сверхъ надлежащаго. Славянскіе языки, утративъ прадавнее полногласіе, замѣнили его полугласіемъ, которое въ свою очередь обра-

тлосъ въ безгласіе. Тамъ, гдѣ окончаніе словъ походитъ на мягкую согласную, гдѣ основа слова сочетаетсяъ съ образовательнымъ окончаніемъ по-мощію мягкаго ъ, наконецъ гдѣ въ самой основѣ и въ самомъ окончаніи со-гласная требуетъ мягкаго произношенія или отбоя, тамъ происходитъ еро-ваніе; словомъ, ерваніе бываеъ только тамъ, гдѣ согласная звучитъ мягко при исчезаніи гласной. Во всѣхъ же прочихъ случаяхъ, во всякомъ сочета-ніи согласной съ мягкой гласною, происходитъ іотанія, разумѣется, въ при-родѣ самой гласной, которая, какъ душа слова, сообщаетъ свое мягкое свойство и самому тѣлу, согласной. Д.—Сербскій языкъ никогда не старался скольконибудь обобщить ерваніе согласныхъ въ соединеніи съ гласными и только нарѣдка, какъ бы невзначай, при упаденіи отъ времени и употребле-ніи значенія мягкихъ начертаній, какъ бы для замѣны и поддержанія ихъ, ври-бѣгалъ къ нему, и то большею частію неудачно. Правильныхъ примѣровъ на-ходится весьма немного. Таковы: *врсаванькога*, *взмѣта* (С. № 16), *всѣгда* (С. № 25), *врѣнѣа* (С. № 32), *дѣлѣнѣа страна* (С. № 35), *дѣнѣа* (С. № 52), *мѣнѣнѣа*, *мѣнѣа*, *мѣнѣа* (В. № 2), *врѣнѣнѣа* (С. № 81), *посѣнѣнѣнѣа* (С. № 82), *врѣнѣа* (С. № 84), *внѣнѣнѣа* (С. № 102), *внѣнѣа* (С. № 103), *врѣнѣа*, *врѣнѣа* (С. № 119), *врѣнѣа* (С. № 121), *врѣнѣа*, *-ѣа* (С. № 123), *врѣнѣа*, *дѣнѣа* (С. № 164), *подоучѣнѣа* (печ., А. т. XI). Сдѣсь мягкость б-ы означена чрезъ ерванныя согласныя *нѣ*, *мѣ*; мягкость б-ы з чрезъ ерванныя *сѣ*, *лѣ*, *рѣ*; мягкость б-ы в чрезъ ерванныя *шѣ*, *жѣ*, *нѣ*. Б-а и предполагается сдѣсь тоже мягкой. Почти равносильны съ предыдущими, хотя и неправильно образованы слѣдующія формы: *нѣнѣа* (С. № 16), *монастирѣа* (С. № 52), *внѣнѣа* (С. № 107), *врѣнѣа* (С. № 121), *врѣнѣа*, *врѣнѣа* (С. NN № 123, 126), *врѣнѣа*, *врѣнѣа* (С. № 126), *дѣнѣа* (А. № 13). Въ нихъ ѣ излишне, по тому что гласная и безъ того уже мягкая: ю, е, ие. Впрочемъ, буквальная неправильность не мѣшаетъ видѣть въ нихъ одно значеніе съ предыдущими: писецъ только ошибся въ гласныхъ, написавши мягкія вмѣсто твердыхъ. Очевидно, чрезъ ѣ онъ хотѣлъ выказать мягкость звука согласной, истекающую изъ соединенія съ мягкой гласною: по этому, боясь и не желая, по новости предмета, уничтожить мягкость самой гласной, онъ счелъ нужнымъ для наглядности правописанія подтвердить ея дѣйствіе на согласную еще б-ю ѣ. Первые примѣры, какъ видимъ, написаны разумнѣе; эти — проще и нагляднѣе. Наконецъ есть еще примѣры, относящіеся, по видимому, къ еро-ванію, но имѣющіе совсѣмъ другое объясненіе: *мѣнѣа*, *внѣнѣа*, *нѣнѣа*, *нѣнѣа* *врѣнѣа* *врѣнѣа* (С. № 66): сдѣсь ѣа замѣняетъ и. Можно бы было подумать, что ѣ служить смягченіемъ согласной въ смыслѣ предыдущихъ примѣровъ, а ѣ, подобно какъ въ нѣкоторыхъ другихъ грамотахъ, замѣняетъ и; но всѣ о-стальные случаи, встрѣчающіеся въ этой грамотѣ, не обнаруживаютъ такой замѣны и чрезъ ѣ, и по тому лучше ѣ отнести къ одной гласной ѣ, и въ соединеніи съ нею искать объясненія такого страннаго явленія. Равнобрюно странны формы: *врѣнѣа* (С. № 136) и *сѣнѣа* (сего, С. № 141). Вотъ всѣ слу-чаны дѣйствительнаго и видимаго ерванія. Ихъ неудачность и разрозненность свидѣтельствуютъ о томъ, что ерваніе не занимало еще ума писцовъ, ко-торые постоянно слѣдовали простому и естественному соединенію мягкой гласной съ твердою согласною. Изъ нихъ видно также, что древніе писцы допускали ерваніе для всѣхъ согласныхъ, между тѣмъ, какъ нынѣшніе Сер-бы допускаютъ только для двухъ л и м: по чему же не допустить того и для

других? Что же касается до вышшихъ љ, њ, то они, какъ и, ѓ, ѣ, не новостъ: знакъ ѣ, ѓ, имъ уже видѣли въ XII-мъ ст.; о знакѣ ѓ не могу сказать ничего положительнаго, ибо видѣто него употреблялся въ старину тотъ же ѣ; но я долженъ указать на листокъ глагольскаго Евангелія, принадлежащій Григоровичу¹, гдѣ этотъ знакъ, если только вѣрно изображенъ, встрѣчается однажды въ словѣ *нарисаѣ* П: слѣдовательно, онъ одного происхожденія съ ѣ и не есть новѣйшая выдумка. Также точно и начертанія љ, њ ведутъ начало отъ старины: они произошли въ слѣдствіе вѣзвѣаго письма и встрѣчаются преимущественно на печатяхъ и монетахъ, гдѣ мѣсто не позволяло написать отдѣльно каждую букву. Таковыя *compendia* находимъ на печатяхъ и монетахъ, на пр.: *стаѣль* (А. № 8), *црѣль*, *стаѣль* (А. № 9), *стаѣль* (А. т. X), *гдѣ* (А. т. XI) и пр. съ тою только разницею, что сокращенію въ древней письменности подвергаются не одни љ и њ съ ѣ, но и другія буквы одна съ другой, смотря по удобству письма или вѣзвѣа.

Укажу на примѣры перестановки буквъ. Они, при всей своей малочисленности, распадаются на два рода: одни являются какъ бы случайными и временными; другіе, напротивъ, служатъ проявленіемъ народной стихіи въ письменномъ языкѣ: употребленіе первыхъ произвольное; употребленіе вторыхъ носитъ ясныя слѣды обдуманности и непреодолимаго влеченія въ пользу народности. Первые: *кстрѣтра* (С. № 68), *фрѣлара* (С. NN № 2, 59, 100, 124, 163), *перѣара* (С. № 65), *фрѣара* (С. № 87), *фрѣара* (С. NN № 112, 115, 164), *гмѣара* (С. № 88). Вторые: *мамастри* (Ш. № VII), *юмилу* (В. К.) и въ той же грамотѣ *могилы* (Ш. № 15), *нынѣ юмила*; *шлице*, -а (С. NN № 157, 159): грамота писана въ Дубровникѣ о вкладахъ воеводы св. Савы; а нынѣ въ Герцеговинѣ это слово произносятъ точно такъ же, а въ другихъ мѣстахъ Сербіи говорятъ *лажица*, *ожица*. Важнѣе слѣдующіе два примѣра: *сѣ* и *тѣ*. Сербы не любятъ стеченія согласныхъ *сѣ* и *ктѣ* и по тому измѣняютъ ихъ порядокъ въ обратный: *сѣе* (късь), *сѣа*, *сѣе*, *тѣо*. Но въ древнѣйшихъ памятникахъ этой перестановки буквъ вовсе не находимъ; и если примемъ въ соображеніе, что она несравненно рѣже совершается въ Восточныхъ грамотахъ, чѣмъ въ Западныхъ, то отсюда будетъ ясно, что въ древнѣйшую пору письменности, въ XII-мъ и XIII-мъ вв., книжный языкъ грамотъ всѣхъ семействъ заключалъ въ себѣ менѣе различія и находился болѣе подъ вліяніемъ Восточнаго правописанія, служившаго проводникомъ для Ц.-Славянской стихіи. XII-й в. обошелся безъ перестановки, въ XIII-мъ встрѣчается однажды въ собственно-Сербской грамотѣ *сѣамъ* (С. № 17). Въ XIV-мъ Восточная семья не представляетъ примѣровъ; но Западная начинаетъ уже допускать: *сѣа*, *скѣога* (С. № 77), *сѣамъ* (С. № 80), *скѣамъ* (С. № 85)—и только. Прочія грамоты, и даже тѣ же самыя, удерживаютъ въ гораздо болѣе числѣ прежнее сочетаніе *сѣ*. Въ XV-мъ в. Восточная семья, при обиліи примѣровъ обыкновеннаго сочетанія, представляетъ не болѣе, какъ только слѣдующіе случаи перестановки: *сѣа* (С. № 111), *сѣада* (С. № 137), *сѣамъ* (С. № 149), *сѣамъ* (С. № 166), *скѣоѣ* (Г. Б.), *сѣамъ*, -ѣ, *сѣа*, *сѣамъ*, *сѣамъ*, *сѣамъ* и тутъ же *вѣсь*, *вѣсь*, *вѣсьамъ*, *вѣсьамъ* и пр. (Мл.). Напротивъ Западная, не отстраняя отъ себя совершенно сочетанія *сѣ* и не отдавая преимущества народному *сѣ*, употребляютъ то и другое. Въ началѣ этого вѣка все еще господствуетъ *сѣ*; болѣе десятка грамотъ имѣ-

¹ Миклошичъ, Slavische Bibliothek. 1851.

ють одно *кс*, и только со второй четверти появляется перестановка: *ска*, *скя* (С. NN^о 37, 101, 110, 114, 121, 125—128, 133, 134, 140, 145, 150, 157, 159, 161, 163, 164, 168, 173), *скякъ* (С. 101), *скон* (С. NN^о 102, 128, 145), *ска* (С. NN^о 112, 139, 141, 144, 164), *скѣ*, *скымы* (С. NN^о 112), *скякому* (С. NN^о 112, 115, 124, 128, 139, 141, 157, 159, 161, 164), *скѣ*, *скякоуши*, *скон*, *скякон* (С. NN^о 113), *скымы* (С. NN^о 114, 121, 133, 145, 157), *скя* (С. NN^о 115, 133, 141), *скымы* (С. NN^о 115, 119), *скякъ* (С. NN^о 37, 115), *скякоуши*, *скѣ* (С. NN^о 126), *скяда* (С. NN^о 127, 141), *скякъ* (С. NN^о 128), *скяга* (С. NN^о 128, 132, 141, 162, 163, 164), *скъ* (С. NN^о 140), *скымы*, *скымы*, *скыма*, *скядржителя* (С. NN^о 141), *скяки* (С. NN^о 143, 163), *скякоу* (С. NN^о 75, 157), *скякъ* (С. NN^о 145, 159, 164), *скякоуга*, *скякою* (С. NN^о 157), *скякъ*, *скякоу* (С. NN^о 163). Въ тѣхъ же грамотахъ находимъ и древнѣйшее сочетаніе *кс*, на пр.: *ксыно* (С. NN^о 112, 115), *ксыга* (С. NN^о 112, 140), *ксы* (С. NN^о 112, 127, 132, 145, 164), *ксыми* (С. NN^о 113, 114, 126, 143), *ксыкомы*, *ксыкъ* (С. NN^о 114), *ксон* (С. NN^о 114, 124, 127, 133, 140, 144, 150), *ксы* (С. NN^о 115), *ксыкому* (С. NN^о 125, 134, 140), *ксы* (С. NN^о 37, 125, 126, 132), *ксыѣ*, *ксы*, *ксымы*, *ксыми* (С. NN^о 127), *ксыма*, *ксымы* (С. NN^о 132), *ксымы* (С. NN^о 133, 140), *ксыкомы* (С. NN^о 133), *ксымы* (С. NN^о 145), *ксымы*, *ксыми* (С. NN^о 150) и пр. и пр. Довольно и этихъ примѣровъ, чтобы показать отношеніе между обѣими формами: отсюда видно, что обѣ онѣ еще находились въ полной силѣ, и даже, можно сказать, послѣдняя все еще преобладала, ибо остается еще не мало грамотъ, не приведенныхъ нами единственно по тому, что въ нихъ еще одно только сочетаніе *кс*. Въ формѣ *ксыкъ* (С. NN^о 149) выразилось колебаніе въ соединеніи обѣихъ сочетаній, а нѣсколько разъ повторенная форма *ксы* (вся, С. NN^о 107, 108) указываетъ на уловку писца, не рѣшавшагося, вѣроятно, по привязанности къ Ц.-Славянской формѣ, переставить *кс* на *ксы* и въ то же время желавшаго избѣгнуть звука *с* послѣ *ксы*. И такъ при концѣ XV-го в. обѣ формы еще живы и не уступаютъ одна другой права исключительнаго служенія. Не таково отношеніе между *кто* и *тмо*. Послѣдняя съ теченіемъ времени въ Западной семьѣ конца XIV-го и XV-го вв. беретъ исключительный перевѣсъ надъ первою. Въ XII-мъ в. въ гр-ѣ Кулина еще *кто* и въ гр-ѣ Немани *кто*. Но въ XIII-мъ в. уже въ одной Приморской однажды и въ собственно-Сербскихъ грамотахъ по нѣсколько разъ встрѣчается *тмо*, *тмо* (С. NN^о 18, 25, 33), хотя еще преобладаетъ *кто*, *кто* (Ш. NN^о VII; С. NN^о 2, 3, 6, 14, 16, 17, 21, 22, 26, 27, 29, 30, 32), *кыкто*, *кыкто* (С. NN^о 14, 16, 27), *кыкто*, *кыкто* (Ш. NN^о VII; С. NN^о 14, 23, 29). XIV-й в. въ первой своей половинѣ представляетъ такое же отношеніе, какъ и предыдущій, т. е., *кто* господствуетъ; но это по тому, что первая половина отличается обиліемъ Восточныхъ грамотъ и совершеннымъ отсутствіемъ Западныхъ. Во второй же половинѣ вѣстѣ съ Западными грамотами учащается появленіе формы *тмо*. Въ Аѳонскихъ, кромѣ *тмо*, *тмо*, *кытмо* (А. NN^о 7, 13, 14), всюду постоянно *кто*, *кто* и т. д. Въ прочихъ собственно-Сербскихъ: *кто*, *кто*, *ктоѣ*, *ктоѣ* (С. NN^о 34, 35, 40, 42 — 52, 54, 55, 70, 72, 176; 3.) *кыкто*, *кыкто* (С. NN^о 35, 36, 38, 43, 45, 48, 49, 50, 54, 55, 70, 3.), *тмо* (С. NN^о 35, 64, 71), *кытмо* (С. NN^о 71). Въ Западныхъ же: *кто* (С. NN^о 66, 68, 86), *кыкто* (С. NN^о 66), *тмо* (С. NN^о 65, 76, 77, 78, 81, 84, 85). XV-й в. доставляетъ полную побѣду народной формѣ, которой содѣйствуетъ малочисленность Восточныхъ грамотъ. Но не въ малочисленности дѣло; а главное то, что сами Восточ-

ныя грамоты, начавши уже въ XIV-мъ в. смѣлѣе употреблять тно, какъ видно изъ А. и С. № 71, продолжали это употребленіе и въ XV-мъ в. Въ С. № 91 нѣсколько разъ встрѣчаемъ тно; за тѣмъ С. № 111 и С.-Д. М. 1844 слова употребляютъ што, повторяемое и гр-ми С. NN № 137 и 147. Но С. № 146 и Мл. имѣютъ одно тно, тно. Такимъ образомъ въ не-Аеонскихъ грамотахъ обѣ формы приходятъ въ равновѣсіе. Въ Западныхъ тно далеко оставляетъ за собою што. Первую, тно, тно, тно находимъ въ С. NN № 37, 88, 89, 92, 94, 96—98, 100—102, 104, 113, 114, 116, 118, 127, 130, 132, 140—144, 146, 150, 163, 164; 3. А., штно, -ръ, шткооръ въ С. NN № 89, 114, 144, 153, 163. Вторая же встрѣчается едва ли не однажды въ видѣ шиторъ (С. № 154). И такъ народная стихія въ XV-мъ в., сравнившись съ Ц.-Славянскою въ формѣ сакъ, скани, опередила ее въ формѣ тно. Отношеніе между семью и возрастными грамотъ здѣсь такое же, какое не разъ видѣли мы въ другихъ явленіяхъ звукодвигенія.

Въ заключеніе обращу вниманіе на опущеніе и прибавку цѣлыхъ слоговъ, встрѣчаемыя въ древнихъ Сербскихъ памятникахъ. Въроятно, стеченіе двухъ сочетаній, казавшихся писцу трудными для произношенія, побудило его написать вляствъ (С. № 16), мствъ (С. № 35), сврже (см. в.), рошка (см. в.) и пр. Писецъ договорной грамоты Дубровничанъ съ Булгарами пишетъ нѣсколько разъ сѣткъ, сѣткъю, сѣткъмъ (С. № 16; у Ш. № XVI — сѣткъ, сѣткъю, сѣткъмъ). Равноиѣрно, глаголь зстанокити не разъ и въ различныхъ грамотахъ встрѣчается съ удвоеннымъ окончаніемъ, въ коемъ одно подвергается обычнымъ видоизмѣненіямъ при словодвигеніи, а другое постоянно остается при основѣ: зстанокитити, -тъ (С. NN № 101, 102), зстанокитили (С. NN № 81, 85, 99, 103, 120, 133, 136, 145, 150), зстанокитисмо, -смо, -тѣмо (С. NN № 89, 92, 99, 103, 120, 145, 150), зстанокитимо (С. № 92), зстанокитиъ (С. NN № 101, 102, 114, 120, 132, 140).

Обозрѣвъ снова бѣглымъ взглядомъ весь кругъ движенія согласныхъ.

Мы уже не предположкою, а самымъ опытомъ убѣждаемся, что согласныя менѣе гласныхъ подвергаются различнымъ видоизмѣненіямъ. Это происходитъ отъ того, что согласныя, какъ сказали мы, имѣютъ въ образованіи слова значеніе совершенно противоположное, чѣмъ гласныя. Онѣ представляютъ остовъ слова, зародышъ понятія, одно тѣло, которому душою служатъ гласныя. По скольку духъ подвижитѣ вещества, по стольку гласныя подвижитѣ согласныхъ. Отъ того какъ цѣлыя нарѣчія Славянскаго языка, такъ и самыя подрѣчія одного и того же Сербскаго нарѣчія рознятся между собою не столько согласными, сколько гласными. Согласныя являются постоянно, однообразнѣе гласныхъ. Дѣйствительно, между ними не видимъ тѣхъ полугласныхъ, какіе замѣтили въ гласныхъ, а если и являются въ нихъ различныя степени смягченія, то это зависитъ отъ вліянія сочетаваемыхъ съ ними гласныхъ и полугласныхъ, или образующаго органа, который, придавая имъ полунягкость, тѣмъ самымъ уже отнимаетъ у нихъ настоящую твердость. Азбука легче выражаетъ своими знаками согласныя звуки, чѣмъ гласныя; а исторія языка представляетъ въ нихъ менѣе посредствующихъ формъ. Другое отличіе, замѣчаемое нами при ученіи о согласныхъ и истекающее изъ предыдущаго, состоитъ въ томъ, что движеніе согласныхъ совершается болѣе въ пространствѣ, чѣмъ во времени, т. е., повременнаго хода въ нихъ мы мало видимъ, и большей части ихъ движенія прилично названіе постоянного, всевременнаго, хотя и не всегда новсенѣшнаго; ибо въ пространствѣ, какъ мы сказали,

движеніе согласныхъ имѣетъ свои ступени и свой ходъ соответственно съ мѣстоименіемъ или, что то же, семью грамотъ.

Повсемѣрное и къ тому же повсемѣстное свойство согласныхъ, принадлежащее въ различной степени всѣмъ Славянскимъ нарѣчіямъ, есть переходъ однихъ въ другія при слогодвиженіи и словообразованіи. Сдѣсь Сербскій языкъ не уклоняется ни мало отъ общеславянскихъ законовъ и слѣдуетъ тѣмъ правиламъ и приемамъ, которые извѣстны каждому Славянину. Гортанныя переходятъ въ извѣстныхъ мѣстахъ въ соответствующія имъ шипящія и свистящія — и это свойство сохраняется и доселѣ воплѣ въ Сербскомъ языкѣ, какъ и въ большей части другихъ нарѣчій, хотя въ слогодвиженіи Русское и утратило его. Зубныя чрезъ смягченіе переходятъ въ претворенныя гортанныя и т. д. Все это совершается согласно съ духомъ Славянскаго языка, и по тому не было нами разсмотрѣно въ подробности, какъ не разсматривали мы и подобнаго движенія гласныхъ.

Старинное, съ XII-го в. идущее служеніе замѣнительныхъ г и и вмѣсто мягкихъ д и т въ продолженіи столѣтій сохраняется въ Восточной семьѣ грамотъ до самого конца XV-го ст. Удивительно такое упорство въ употребленіи буквъ, которыя, по видимому, весьма плохо отвѣчаютъ своимъ замѣняемымъ. Удивительнѣе еще то, что Сербы не писали мягкихъ сочетаній по примѣру Кирилловскаго правописанія, прямо соединяя д и т съ мягкими гласными или полугласными, какъ то дѣлали съ прочими буквами. Что заставило ихъ прибѣгнуть къ замѣнительнымъ г и и? Вліяніе Греческаго и Итальянскаго языковъ съ ихъ правописаніемъ не могло имѣть такого повсемѣстнаго и долговременнаго вліянія: вліяніе послѣдняго можетъ быть допущено развѣ только для Дубровницкихъ грамотъ. Остается предположить ближайшее внутреннее средство обоихъ порядковъ буквъ и необходимо-мягкое, близко подходящее къ д и т, даже, можетъ быть, совершенно сходное съ ними, произношеніе б-ъ г и и въ ихъ замѣнительномъ служеніи.

Знакъ ѣ, придуманный, по всему вѣроятію, западными Сербами въ Кирилловскѣ письмѣ для мягкихъ д и т, рано, еще въ XII-мъ в., вошелъ въ памятники, но держался тамъ весьма слабо, пока въ XIII-мъ в. еще сильно было вліяніе правописанія Восточныхъ грамотъ, обобщавшее для всѣхъ Сербскихъ областей книжный языкъ и наиболѣе близкое къ Ц.-Славянскому, а по тому не любившее этого знака. За то въ XIV-мъ в. вмѣстѣ съ вторичнымъ появленіемъ Западныхъ грамотъ уже съ независимымъ положеніемъ отъ Восточныхъ, хотя все еще подъ большимъ, или меньшимъ вліяніемъ Ц.-Славянской стихіи, онъ снова появляется на видѣ, съ явнымъ преобладаніемъ надъ прочими способами выраженія мягкихъ д и т, хотя еще не можетъ до самого конца XV-го в. вытѣснить изъ Западной семьи, преимущественно изъ Турецкихъ и Дубровницкихъ грамотъ, замѣнительныхъ г и и. Онъ держится преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Глаголица наиболѣе усмилась, а въ послѣдствіи, какъ и нынѣ, была даже домашнимъ письмомъ тамошнихъ Сербовъ. Въ то время тутъ боролись всѣ три вѣроисповѣданія: Православное, Римо-Католическое и Патаренское: по этому можно думать, что та же причина, которая дала силу употребленія Глаголицѣ, внушила и введеніе этого знака въ Кирилловское письмо.

Древніе виды смягченія зубныхъ имѣютъ каждый свою отличительную черту: жд и шт принадлежатъ Ц.-Славянской стихіи и востоянно встрѣчаются въ грамотахъ, наиболѣе подверженныхъ ея вліянію, хотя не чужды отчасти

и Западныхъ, Сверхъ того жд не рѣдко переходитъ въ простое ж. Этотъ переходъ есть временное движеніе Сербскаго языка, перешедшее въ немъ къ прямому смягченію д и остановившееся въ большей части Славянскихъ нарѣчій на звукахъ з и жс. Восточная семья употребляетъ преимущественно жд и шт, г и м; Западная—г, и, ѣ. Два вида Восточной семьи также совѣстны между собою, какъ и два вида Западной. Не должно забывать, что шт или, въ Сербскомъ правописаніи, ѣ не всегда есть смягченное т, и въ такомъ случаѣ совершенно свойственно Сербскому, какъ и прочимъ Славянскимъ нарѣчіямъ, нисколько не означая собою вліянія Ц.-Славянской стихіи. Выраженіе мягкихъ д и т чрезъ нихъ же самихъ весьма рѣдко употребляется у древнихъ Сербскихъ писцовъ, развлекаемыхъ то сложными звуками жд, шт, то замѣнительными г, и, ѣ. Наконецъ переходъ мягкаго д въ краткое и (*j*) есть рѣдкое явленіе, указывающее на близость родства между Сербскимъ и Хорутанскимъ языкомъ.

Прочіе различныя перезвуки, смѣны, опущенія и вставки согласныхъ, разсмотрѣнные нами на своемъ мѣстѣ, не представляютъ въ себѣ ничего особеннаго, повсемременнаго, или повсемѣстнаго: одни изъ нихъ являются общеславянскими, другіе болѣе, или исключительно Сербскими. Большая часть изъ нихъ встрѣчается очень рѣдко, не разбирая при томъ ни мѣста, ни времени. Самая частая смѣна звуковъ происходитъ между однородными, т. е., одноорганными, когда слабые звуки переходятъ въ сильные. Сверхъ того подобная смѣна происходитъ и между разноорганными, но въ томъ же смыслѣ: ей подвергаются гортанныя, два ряда гортанныхъ-претворенныхъ и зубныя; тонкіе или слабые, средніе и густые или твердые переходятъ въ таковыя же, имъ соотвѣтствующіе. Совершаются и другія смѣны, болѣе свободныя; но какъ тѣ, такъ и другія не составляютъ признака исключительно Сербскаго языка; напротивъ всѣ онѣ имѣютъ болѣе, или менѣе общеславянское значеніе и находятся, хотя не въ равной мѣрѣ, въ прочихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Но если станемъ сравнивать только два языка, Ц.-Славянской и Сербской, то въ первомъ, разумеется, не найдется многого такого, что есть во второмъ, или, по крайней мѣрѣ, изъ этого многого хотя и найдется что, то все таки какъ позднѣйшій привносъ, между тѣмъ какъ во второмъ оно составляетъ существенную черту, оправдываемую народностію и дальнѣйшимъ успѣшнымъ развитіемъ. Такъ точно и на оборотъ. Съ этой стороны самостоятельность дѣйствія народности въ книжномъ языкѣ древнихъ Сербовъ получаетъ свое значеніе. Укажу на болѣе другихъ замѣчательныя явленія. Таковы: перезвукъ г въ к и ж въ х; перезвукъ з въ ж, з въ с, у въ џ; опущеніе з въ предлогахъ передъ з, с, ж, у; смѣна у и ѣ въ окончаніяхъ именъ отечественныхъ, при чемъ весьма странно кажется прихоть языка, удерживающая у въ извѣстныхъ случаяхъ, когда вообще и исключительно служеніе сдѣсь предоставлено мягкому т (и, ѣ); смѣна с съ ш, особенно въ соединеніи съ мѣстоименіемъ личнымъ и притяжательнымъ 3-го лица; приставка тамъ же благозвучнаго ш; перезвукъ д въ т и опущеніе ихъ предъ различными образовательными окончаніями; переходъ ш въ л: смѣна л и в въ окончаніи отечественныхъ именъ; опущеніе л въ окончаніи собственныхъ именъ —слакъ; смѣна ш и м; переходъ ж въ р; смѣна в и б, и и л, б и в, ф и в; опущеніе в при к и л, и наконецъ перезвукъ гласной усиленныхъ слоговъ въ в. Всѣ эти явленія сохранились болѣею частию и доселѣ въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ; многихъ изъ нихъ вѣтъ въ Ц.-Славянскомъ, и эти-то составляютъ признакъ народной стихіи, дѣйствовавшей независимо отъ Ц.-Сла-

вянской. Они получили повременное развитіе и усилились въ концѣ XV-го в., ибо имъ содѣйствовала Западная семья грамотъ, наиболѣе народная. Происхожденіе слоговъ *ли, ѣи, ов, виѣсто ли, ѣи, ов* мы приписали перезвуку, ибо какъ *тѣ*, такъ и другіе сами по себѣ суть уже усиленные, и между ними возможенъ только перезвукъ, но не вторичное усиленіе.

Удвоеніе *б-ы* и въ причастіяхъ и прилагательныхъ встрѣчается преимущественно въ собственно-Сербскихъ, а изъ нихъ особенно въ Аеонскихъ грамотахъ разныхъ вѣковъ и есть слѣдствіе благозвучныхъ требованій, несвойственныхъ впрочемъ Сербскому языку, хотя писцы, изъ уваженія къ Ц.-Славянской стили, и употребляли его постоянно въ своемъ правописаніи.

По той же причинѣ звукъ *х*, несвойственный большей части Сербскаго народа, постоянно и упорно сохранялся въ древней его письменности. Примеры опущенія *х* столь рѣдки, что они даже не могутъ идти въ историческій расчетъ, хотя съ другой стороны своею разновременностію и разномѣстностію намекаютъ, что въ устномъ произношеніи Сербовъ этотъ звукъ не слышался.

Частые примеры замѣны звуковъ *ф* и *ѣ* звуками *ш*, *т* и отчасти нѣкоторыми другими показываютъ, что у Сербовъ эти звуки не имѣли положительнаго значенія и, какъ несвойственные ихъ уху, подвергались различнымъ замѣнамъ для того, чтобы быть избѣгнутыми.

Смягченіе согласныхъ является въ двухъ видахъ: одно заключается въ твореніи гортанныхъ въ соотвѣтствующія имъ шипящія и свистящія, другое въ простомъ смягченіи или соединеніи съ мягкою гласною безъ перемѣны основнаго звука. Первое не заключаетъ въ себѣ ничего особеннаго и представляетъ черты общеславянскаго перезвука. Второе имѣетъ нѣкоторыя особенности. Но такъ какъ оно вступаетъ здѣсь въ область гласныхъ, то его не иначе можно разсматривать, какъ въ связи съ этими послѣдними. Особенно важное явленіе представляетъ сочетаніе гортанныхъ *г* и *и* и плавныхъ *д*, *ш* и *р* съ мягкими гласными. Въ этомъ случаѣ гортанныя суть замѣнительныя для *д* и *т*. Они сочетаются съ *и*, *ю*, и чаще, чѣмъ съ ихъ твердыми. По видимому, это противорѣчитъ общеславянскому закону сочетанія звуковъ и не имѣетъ оправданія ни въ Древнеболгарскомъ языкѣ, гдѣ не видимъ ничего подобнаго, ни въ нынѣшнемъ Сербскомъ; но лишь только обратимъ вниманіе на особенность ихъ служенія, являющуюся въ этихъ сочетаніяхъ, какъ найдемъ и оправданіе имъ. Здѣсь *г* и *и* звучатъ мягко, одно вмѣсто мягкаго *д*, другое вмѣсто мягкаго *т*; но такъ какъ самыя начертанія ихъ не носятъ въ себѣ непремѣннаго условія мягкости, подобно знаку *ѣ*, то писцы, для обозначенія этой особенности ихъ произношенія, отличающей ихъ отъ коренныхъ *г* и *и*, и придали имъ мягкую гласную, указывающую вышнимъ образомъ на измѣненное ихъ произношеніе. Доказательствомъ этого различія, установленнаго писцами между коренными и замѣнительными гортанными, служить, во первыхъ, то, что и Восточныя, а въ томъ числѣ и Аеонскія грамоты, очень строго держащіяся Ц.-Славянскаго правописанія, любятъ соединять замѣнительныя *г* и *и* съ мягкими гласными, при чемъ *и*, употребляемое ими столь же осторожно, какъ и прочія мягкія гласныя, отчасти оправдывается въ этомъ случаѣ и *е* Западныхъ грамотъ, употребляемое тамъ безъ особеннаго разбора; во вторыхъ, то, что коренныя *г* и *и*, кромѣ рѣдкихъ исключеній, не соединяются съ мягкими гласными, и въ третьихъ, то, что третій гортанный звукъ *х* тоже, какъ и два предыдущіе коренныя, избѣгаетъ подобнаго соединенія. Слѣдовательно, здѣсь смягче-

ніе зависить отъ самихъ гортанныхъ, также какъ и смягченіе плавныхъ. Эти послѣднія имѣютъ свою отличительную временную черту смягченія. Природа ихъ такова, что они по своей плавности легко соединяются съ мягкими гласными: отъ того въ Ц.-Славянской письменности того времени мы постоянно находимъ мягкія окончанія съ плавными -ъ, -и въ существительныхъ и прилагательныхъ, -ти и -ю въ глаголахъ, и мягкія гласныя въ срединѣ словъ и именно тѣхъ самыхъ словъ, которыя въ древнѣйшую пору имѣли твердый исходъ и твердую плавную въ срединѣ. Это указываетъ на легкость, съ какою плавныя перешли отъ твердости къ мягкости. По этому и въ Сербскихъ памятникахъ, принадлежащихъ къ Восточной семьѣ, мы обыкновенно видимъ въ этихъ словахъ сочетаніе плавныхъ съ мягкими гласными и, ю, равно какъ находимъ множество примѣровъ сочетанія ихъ съ и. Сербскій языкъ въ этомъ отношеніи шелъ нѣмнѣ путемъ: онъ обратился къ отверженію, и первый признакъ народности показался въ самихъ Аѳонскихъ же грамотахъ, въ древнѣйшей изъ нихъ, гр-ѣ Немани, въ которой не находимъ смягченія по тому ли, что оно еще не развилось въ самой Древнебулгарской письменности, или по тому, что писецъ уже приворазивался къ народному говору. Несмягченіе преобладаетъ и въ слѣдующей за нею Жичанской грамотѣ начала XIII вѣка; но потомъ смягченіе замѣтно усиливается въ XIV вѣкѣ въ монастырскихъ грамотахъ и Закольникахъ и далеко отстаетъ въ прочихъ собственно-Сербскихъ грамотахъ XIII-го и слѣдующихъ вѣковъ. Западныя еще болѣе выказали народности, поддерживая отверженіе плавныхъ въ упомянутыхъ случаяхъ въ XIV и XV вѣкахъ. Отъ того приведенныя на своемъ мѣстѣ слова явились въ Древнесербской письменности съ двойнымъ образомъ. Что же касается до ѣ въ Западныхъ грамотахъ, то, рѣдко употребляя его мягкое начертаніе, по примѣру Восточной семьи въ XIII вѣкѣ, онъ по этому самому рѣдко обозначалъ его мягкость и при плавныхъ; но, давъ полный ходъ его мягкимъ начертаніямъ во второй половинѣ XIV-го и XV-мъ в., онъ и самое сочетаніе плавныхъ довелъ до обширнѣйшихъ размѣровъ. Сдѣсь уже дѣйствовала не столько природа плавныхъ, сколько судьба самого ѣ, которое по этому въ мягкомъ видѣ сочеталось безъ разбора и съ другими согласными кстати и не кстати.

Понимю упомянутыхъ видовъ смягченія, имѣющихъ или общеславянское, или свое временное и мѣстное значеніе, мы нападаемъ въ нашихъ памятникахъ, почти всегда нечаянно, на отдѣльныя и необычныя сочетанія согласныхъ съ мягкими гласными вмѣсто твердыхъ. И эти случаи относятся собственно къ дѣйствию одного самогласія. Они кажутся одиночными, хотя неоднократное повтореніе ихъ отвергаетъ всякую мысль о нечаянной опіскѣ или оговоркѣ писца, но показываетъ умышленность, истекающую, впрочемъ, изъ довольно темнаго источника; ибо если бы даже это было слѣдствіемъ мягкаго произношенія, то писецъ не могъ бы своей привычки измѣнить чрезъ годъ, или чрезъ нѣсколько лѣтъ въ другихъ своихъ грамотахъ. Грамота С. № 104, въ которой видимъ странное употребленіе мягкаго ю, писана тѣмъ же дякомъ Остоєю, который четырьмя годами поздѣе писалъ другую свою грамоту С. № 107 и чрезъ десять лѣтъ еще грамоту С. № 114, въ которыхъ такого употребленія нѣтъ и тѣмъ. Или писцы увлекались подражаніемъ чему нибудь, не хорошо ими понимаемому, или это было невольное проявленіе смягчающей силы народнаго языка. Какъ бы то ни было, но при-

давать этѣмъ странностямъ много вѣсу нельзя по тому, что, какъ видно, даже писцы измѣняли самимъ себѣ, хотя тоже нельзя и прѣйти ихъ молчаніемъ: и по тому остается только догадываться объ истинномъ назначеніи сочетанія и подъ необыкновенною оболочкою открывать зерно мысли и настоящую цѣль писца. Если это намекъ на одинъ изъ тѣхъ оттѣнковъ голоса, которые мы назвали серединными или посредствующими, то, признаемся, намекъ неудачный: правописанію не угоняться за ними; его дѣло вѣрно и законно выражать твердость и мягкость, а все остальное, относящееся до полутвердости и до полумягкости, должно въ правописаніи склониться на сторону или совершенной твердости, или совершенной мягкости. Кромѣ *ѣ*, равняющагося долготу *ѣ* съ мягкимъ оттѣнкомъ и мѣстами впадающаго въ оттѣнокъ одного изъ своихъ составныхъ звуковъ, кромѣ *ѣ* и *ь*, отвѣчающихъ скраденной въ половину полной гласной, твердой, или мягкой, другихъ буквенныхъ знаковъ для серединныхъ звуковъ нѣтъ; а по тому древніе Сербскіе писцы, желая удовлетворить, по возможности, оттѣнку твердости, или мягкости; иногда приводили этотъ оттѣнокъ, вмѣсто основной твердости, къ основной мягкости, или на оборотъ, и, выражая это письменно, употребляли мягкое начертаніе вмѣсто твердаго, или обратно твердое вмѣсто мягкаго: иными словами, искажали настоящее свойство звука излишне-усиленнымъ начертаніемъ. Такъ, на пр., полумягкое *ѣ* писали уже чрезъ *ю*, полумягкое и чрезъ *м*, полумягкое *ѣ* чрезъ *ѣ*: отъ того, избѣгая одной крайности, они впадали въ другую и вводили въ правописаніе двусмысленныя формы. Принятая буквально, *ю*, *м*, *ѣ* могутъ ввести исследователя въ заблужденіе: только твердое знаніе народнаго устнаго произношенія, съ одной стороны, и сличеніе формъ по всѣмъ разсматриваемымъ памятникамъ, съ другой, доставляютъ средство къ истинному разумнію цѣли и пріемовъ писцовъ во времена неустановленнаго и поминутно колебавшагося правописанія. По этой причинѣ мы, какъ можно было замѣтить, и не разсматривали явленій отверженія въ *б-ѣ* *м*, ибо, какъ показали пріѣзды, эта буква нигдѣ не пользуется сознательнымъ употребленіемъ, во всюду является тождественною съ *ѣ* и при томъ большею частію не на своемъ мѣстѣ. Точно такъ же поступили мы и съ *б-ю* *ѣ*. Равношрно тѣ грамоты, въ которыхъ замѣтно исключительное пристрастіе писца къ начертанію *ѣ* (С. № 176; 3. А.) мѣстами не приняты къ соображенію, ибо въ первой есть свое *ѣ*, а во второй есть болѣе округлое *ѣ*. Наконецъ замѣтимъ, что нынѣшніе знаки *ѣ*, *ѣ*, *ь*, *ѣ*, принятые большинствомъ пишущихъ Сербовъ, не суть новѣйшее изобрѣтеніе: они являются лишними въ сочетаніи съ мягкими гласными и нарушаютъ послѣдовательность состава азбуки, отражающуюся въ другихъ буквенныхъ начертаніяхъ. Употребленіе ихъ можетъ быть допущено только въ тѣхъ случаяхъ, когда правописаніе, изгнавъ *ѣ* и *ѣ*, нуждается въ видимомъ означеніи мягкости согласныхъ при отсутствіи гласной; но и въ такомъ случаѣ зачѣмъ увеличивать азбуку новыми начертаніями, когда сохраненіе старыхъ *ѣ* и *ѣ* можетъ сдѣлать ихъ ненужными и сверхъ того еще въ другихъ случаяхъ принести много пользы послѣдовательности и наглядности правописанія?

Все ведетъ къ тому заключенію, что согласныя, по самой природѣ своей и по предназначенію своему служить основой всякаго зарождающагося понятія, являются въ своемъ движеніи гораздо общіе, постояннѣе, тверже гласныхъ; а по тому большая часть явленій относится къ грамотамъ всѣхъ возрастовъ и семействъ.

Развитіе книжнаго языка, идучи самобытнымъ путемъ, должно было условливать собою такое же развитіе и составныхъ частей языка. Звуки, гласные и согласные, двигались и видоизмѣнялись самобытно, постепенно, безъ видныхъ скачковъ, какъ это свойственно самостоятельному языку, не подвергнувшись внезапному нашествію какой-либо чуждой стихій. Дружное воздѣйствіе двухъ родственныхъ стихій, изъ коихъ сложился письменный языкъ древнихъ Сербовъ, произвело въ гласныхъ, по самой подвижности ихъ, болѣе посредствующихъ формъ, а въ согласныхъ менѣе, по тому что онѣ неподвижны и стойче первыхъ. Ц.-Славянскія формы словъ идутъ въ уровень съ народными, то слабѣя, то утончаясь; смотря по возрасту и семьямъ грамотъ, но не ратоборствуя между собою, какъ враждебныя стихіи, которыхъ столкновение всегда имѣетъ плодомъ своимъ безобразіе. Въ области гласныхъ самымъ сильнымъ народнымъ возникновеніемъ является измѣненіе носовыхъ звуковъ, которое съ первымъ появленіемъ народной письменности уже господствуетъ исключительно, такъ что даже самое начертаніе ж ни разу не встрѣчается, а ж имѣетъ со-всѣмъ иное назначеніе. Но такой послѣдовательности и исключительности въ прочихъ явленіяхъ гласныхъ не находимъ; равномерно согласныя еще менѣе допускаютъ этихъ свойствъ въ своихъ явленіяхъ: всюду существуетъ двойственность. Такъ з, шд, шт, ль, не смотря на все упорство народнаго языка, незамѣтно прокрадываются къ самому концу XV-го в., тогда какъ уже давно господствуютъ ъ, ѣ, ѓ, г, и, ѣ, ѓ, з. Такъ смягченіе плавныхъ съ полугласными и гласными а и э плотно сливается съ ихъ отверженіемъ при тѣхъ же буквахъ; и то и другое вмѣстѣ составляютъ неразрывный, неизяснимый узелъ, котораго полное рѣшеніе затрудняется, съ одной стороны, временными судьбами самого Д.-Булгарскаго языка, а съ другой различіемъ въ самомъ Сербскомъ языкѣ древней и нынѣшней формы словъ. Гдѣ въ старину писцы не смягчали плавныхъ вопреки Ц.-Славянскому языку, тамъ нынѣшніе Сербы смягчаютъ ихъ. Рѣшеніе этого вопроса ведетъ за собою новую задачу, которая можетъ быть исполнена только послѣ написанія исторіи древняго Сербскаго языка: пусть на основаніи формъ, съ которыми Ц.-Славянская стихія выступаетъ въ письменномъ языкѣ Сербовъ, кто другой потрудится изслѣдовать, въ какую пору своей исторической жизни Ц.-Славянскій языкъ потребовался для образованія, вмѣстѣ съ народнымъ, книжнаго языка Сербовъ, и въ какомъ состояніи, первичномъ, или уже видоизмѣненномъ чрезъ вліаніе различныхъ народностей, принявшихъ отъ древнихъ Булгаръ Вѣру и св. Писаніе, находились его звуки и формы? Такъ вліаніе Ц.-Славянскаго языка упрочило за звукомъ ж его законное, хотя и несообразное съ духомъ Сербскаго языка, служеніе въ продолженіи всѣхъ разсматриваемыхъ нами четырехъ вѣковъ. То же можно сказать и о всѣхъ прочихъ звуковыхъ видоизмѣненіяхъ. Такимъ образомъ согласныя, по своей общности, болѣе, чѣмъ гласныя, миряты обѣ стихіи и менѣе, чѣмъ гласныя, содержатъ въ своемъ движеніи тѣхъ рѣзкихъ особенностей, которыя не могутъ обойтись безъ временныхъ посредствующихъ звуковъ, которыхъ нѣтъ ни въ Ц.-Славянскомъ, ни въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкахъ, и которыя составляютъ собственность древняго книжнаго языка въ известную пору его исторической жизни. Важнѣйшими изъ нихъ суть замѣательныя г и и, иняющія, между всѣми подобными имъ звуками, самое обширное служеніе, и плавныя, управляющія самостоятельно и отлично отъ Ц.-Славянскаго и нынѣшняго народнаго языковъ твердостью и мягкостью сочетаемыхъ съ ними глас-

ныхъ. Но хотя обѣ стихіи продолжаютъ жить рядомъ одна съ другою, взаимно воздѣйствуя другъ на друга до самого конца XV-го в., и хотя, кромѣ иско-выхъ, нѣтъ такого признака, въ которомъ народная восторжествовала бы оконча-тельно надъ Ц.-Славянскою, исключивъ ее совершенно изъ всѣхъ грамотъ, однако нельзя не замѣтить, что въ согласныхъ, какъ и въ гласныхъ, Ц.-Славянская стихія замѣтно ослабѣваетъ къ концу XV-го в., ослепшая народ-ною. Численное сравненіе прифрговъ по всѣмъ грамотамъ указываетъ на это торжество народной стихіи. Но здѣсь, какъ и всюду, мы должны отдать справедливость Западной семьѣ грамотъ, которая въ исходѣ XIV-го в. явившись снова на попримѣ истинности съ независимымъ отъ Восточной направле-ніемъ, обратила выгоду своего новаго положенія въ пользу народности, до-ставивъ у себя народному языку широкое развитіе въ XV-мъ вѣкѣ.

ГЛАВА V.

СКЛОНЕНІЯ.

Послѣ звукодвигенія, въ которомъ мы рассмотрѣли, какъ гласныя и согласныя въ неподвижномъ словѣ измѣняютъ свою природу, чтобы дать образу слова народное значеніе, мы переходимъ къ другой части нашего языковсловаго изслѣдованія—словодвигенію. Сдѣсь слово, выразивъ прежде въ сочетаніи звуковъ своихъ извѣстное представленіе вѣшняго міра и перенеся его въ міръ внутренней, является уже облеченнымъ мыслию, изгибаясь вѣсть съ нею и подчиняясь ея власти: отсюда начало образовательныхъ окончаній и вѣсть склоненій и спряженій. Въ словодвигеніи господствуетъ мысль, отражающаяся въ каждой формѣ слова и придающая слову полный, разумный образъ, съ которымъ оно является уже готовымъ для словосочиненія. Если звукодвигеніе придаетъ языку его отличительный вѣшний образъ, то словодвигеніе выражаетъ его способъ мышленія. Но по скольку вѣщность бываетъ произвольною, по столько напротивъ мысль является положительною и вѣрною своимъ законамъ, и все, что подчинено ей, носить признакъ этой положительности. Образовательныя окончанія словъ находятся въ полной зависимости отъ мысли и въ Славянскихъ языкахъ почти одинаковы, ибо родственныя нарѣчія слѣдуютъ однимъ законамъ мышленія. Правда и она также отражаетъ въ себѣ законы звукодвигенія, увоенныя каждымъ нарѣчіемъ, и съ этой стороны вѣсть съ остальною частію слова подчиняются общимъ звуковымъ требованіямъ; но тѣмъ не менѣе, подчинившись однажды этимъ законамъ, они остаются болѣе постоянными, болѣе вѣрными самимъ себѣ, болѣе чуждыми повременнаго двигенія. Прихоть нарѣчія боится играть ими, ибо они запечатлены мыслию, стрегущею ихъ всеславянскую однообразность. Можно сказать, что Славянскія нарѣчія гораздо болѣе расходятся между собою въ звукахъ, чѣмъ въ формахъ, т. е. образовательныхъ окончаніяхъ. Ученіе о звукодвигеніи сложнѣе, чѣмъ ученіе о словодвигеніи. Последнее болѣе носить въ себѣ свойствъ общности и однообразія для всѣхъ Славянскихъ нарѣчій. Сдѣсь образовательное окончаніе является уже не случайнымъ или произвольнымъ сочетаніемъ звуковъ, измѣненіе конхъ не измѣняетъ смысла слова, какъ это бываетъ въ звукодвигеніи; но сдѣсь оно придаетъ слову извѣстный оттѣнокъ мысли и неразрывно связано со вѣщимъ существомъ слова. Мысль, въ немъ отражающаяся, доставляетъ ему вѣсь и въ то же время даетъ значеніе цѣлому слову. Слово живой рѣчи невообразимо безъ окончанія, которое вѣрнѣе приурочиваетъ его къ тому, или другому оттѣнку мысли: безъ падежа, лица, числа и времени живая рѣчь не существуетъ, также какъ не существуетъ и слово. Черезъ нихъ мертвая основа или, вѣрнѣе, зародившій мысли получаетъ жизнь и двигеніе въ словѣ. Отъ того въ ученіи о словодвигеніи мы заимчиваемъ неохотливостъ, съ какою языкъ подчиняетъ образо-

вательныя окончанія своей особи; пережня по своему звуку, онъ иногда для образовательныхъ окончаній заглядывается на своего дружку, въ которомъ замѣчаетъ болѣе богатая и болѣе установившися формы. Тяжеловѣсность окончаній придаетъ имъ и постоянство. Мы видимъ между Славянскими языками не одинъ, котораго книжность упорно держится формъ, въ устной языкѣ не существующихъ; котораго грамматика имѣетъ покровъ не самобытный, но взятый отъ чужаго, хотя и родственнаго языка. Правда, и грамматика движется вмѣстѣ съ языкомъ, но всегда отстаётъ отъ него и устойчивѣе, чѣмъ онъ. Это временное явленіе обуславливается всегдашнимъ началомъ—началомъ мысли. Оно пояснить намъ, по чему и въ ученіи о словодвиженіи Д.-Сербскаго книжнаго языка мы встрѣтимъ менѣе разнообразія и движенія, чѣмъ въ ученіи о звукодвиженіи.

Древнесербскій книжный языкъ, занявъ первоначально большую часть звуковъ у Ц.-Славянскаго языка, тѣмъ болѣе долженъ былъ занять у него и образовательныя окончанія. Немногіе звуки явились въ немъ безысключительно въ народномъ образѣ; большая часть ихъ живетъ смѣшано въ Ц.-Славянскомъ и народномъ образѣ, хотя подъ конецъ XV-го в. между ними уже ясно выказывается торжество народнаго начала въ книжномъ языкѣ, оживленномъ жизнію самобытнаго народа. Еще менѣе образовательныя окончанія успѣли присвоить себѣ безысключительно народную одежду; всѣ они имѣютъ свои двойники изъ Ц.-Славянскаго языка. Если же замѣтимъ, что самый складъ рѣчи есть Ц.-Славянскій, и вспомнимъ, что писцы любили обращаться къ Ц.-Славянской письменности, почерпая изъ нея слова и выраженія, то неудивительнымъ покажется намъ, если увидимъ, что все словодвиженіе Древнесербскаго книжнаго языка сильно проникнуто Ц.-Славянскимъ началомъ, которое сдѣсь господствуетъ по преимуществу, и тѣмъ сильнѣе и продолжительнѣе, чѣмъ менѣе формы народнаго языка были сознаны и усвоены старинными писцами; чѣмъ болѣе эти послѣдніе чувствовали недостаточность ихъ. Звуки яснѣе слышались писцамъ и съ тѣмъ вмѣстѣ казались маловажнѣе и способнѣе для перемены, чѣмъ образовательныя окончанія: пережня ихъ, писцы видѣли, что значеніе формы не измѣнялось; въ самыхъ окончаніяхъ измѣняли они звуки, но свойства окончаній не трогали, твердо держась Ц.-Славянскаго языка. Они видѣли, что звуковой образъ слова не нарушалъ его мысли, и тѣмъ сильнѣе поступали съ звуками; грамматическія же формы, какъ болѣе существенную часть рѣчи, они тѣмъ съ большею готовностію брали изъ Ц.-Славянскаго языка, ибо боялись нарушить ихъ или замѣнить народными, боясь чрезъ то нарушить или измѣнить и самую мысль. Звуки поражали ихъ скорѣе, они скорѣе и усвоивали ихъ себѣ въ народномъ образѣ; труднѣе, съ большимъ напряженіемъ вниманія сознавалось словодвиженіе народнаго языка, и по тому медленнѣе, упорнѣе подавалось оно въ область книжности. Ц.-Славянская письменность непрерывно являлась предъ глазами писцовъ съ готовыми многочисленными формами, установленными частымъ употребленіемъ и разнообразіемъ видовъ; писцы соблазнялись ея богатствомъ, и готовое достояніе ея переносили въ свой языкъ. По этому грамматика ихъ опаздываетъ относительно народности. Еще многія формы являются постоянно въ Ц.-Славянскомъ видѣ, и нѣтъ народныхъ, которыя бы пришли на ихъ мѣсто; въ звукахъ мы уже не находимъ такой запоздалости: тамъ всякій Ц.-Славянскій звукъ имѣетъ уже свое народное подобіе, которое подъ конецъ осмѣливаетъ его. Дальнѣйшее изслѣдованіе покажетъ намъ, на сколько словодвиженіе вмѣстидо въ себя народнаго

начала и съ тѣмъ вѣсть на сколько оно отстало въ этомъ отношеніи отъ звукодвиженія.

Началье со склоненій. Мы принимаемъ въ словодвиженіи два основныя, склоненія: существительное и вѣстоименное, которымъ подлежатъ всѣ склоняемыя части рѣчи.

Склоненіе существительное.

Именительный п. ед. ч. именъ существительныхъ муж. р. вѣбеть въ Д.-Сербскомъ языкѣ разныя окончанія, изъ коихъ нѣкоторыя принадлежатъ народному языку, другія заимствованы имъ у языковъ иностранныхъ. Полугласный исходъ, заключающій въ себѣ собственно оба звука, твердый и мягкій, и только по древнему правописанію выражающійся въ одномъ начертаніи ѣ, не представляетъ никакихъ особенностей: онъ сходенъ съ Ц.-Славянскимъ, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, подобно послѣднему, твердость его обнаруживается, вопреки обычаю, въ б-ѣ ѣ, какъ уже мы видѣли въ ученіи о полугласныхъ. Укажу только на нѣкоторыя замѣчательныя слова. Таково слово, перешедшее изъ средняго рода въ мужескій и съ тѣмъ вѣсть перемѣнившее и окончаніе: вратоуудъ, вратуудъ (С. NN^о 2, 141); оно показывается уже въ древнѣйшихъ памятникахъ и сохраняется доселѣ. Другое слово—сѣокъ, сѣоѣ (А. NN^о 4, 6), первоначально прилагательное, нынѣ обращенное въ существительное въ формѣ *сыновац*. «Еще упомяну о замѣчательномъ образованіи народнаго имени, попадающагося, впрочемъ, только два раза: вѣтъкъ (С. № 44) и вѣтъкъ (С. № 62); оно одинаково съ имѣкъ (А. № 5) и съ дѣвровѣтъ, слѣсъ, арѣвѣлъ, хумѣвъ, употребленными въ другихъ падежахъ, какъ увидимъ ниже.

Въ именахъ собственныхъ на -лъ народная стихія взяла верхъ надъ Ц.-Славянскою и поступила двоякимъ образомъ: или озвукотворила ѣ въ о, произведши окончаніе -ло, или цѣлый слогъ ѣ превратила въ о. Уже въ самомъ началѣ XIII-го в. находимъ первое озвукотвореніе въ именахъ *вѣрло*, *вратло* (Ш. № VII), которое распространяется по ширѣ вліянія народности. Обыкновенно въ срединѣ грамотъ, при поименномъ исчисленіи населенія жалованныхъ земель, или въ Западныхъ грамотахъ, не питавшихъ большаго притязанія на Ц.-Славянскую стихію, когда писецъ невольно долженъ былъ повторять собственные имена такъ, какъ звучали они въ народѣ, это озвукотвореніе господствуетъ. Мы читаемъ: *вѣрло*, *вѣрло*, *вѣрло*, *вѣрло*, *вѣрло*, *вѣрло* (А. № 6), *мѣрло*, *дѣрло* (С. № 176), *дѣрло* (С. № 94), *вѣрло* (С. NN^о 106, 117, 156), *мѣрло* (С. № 145) и т. др. Нынѣ обыкновенно Сербы говорятъ и пишутъ *Мѣрло*; но нѣкоторые, особенно духовнаго званія, держась Ц.-Славянскаго произношенія, пишутъ *Мѣрло* и т. п. Съ этимъ окончаніемъ не должно смѣшивать подобное окончаніе, произведенное Итальянскимъ вліяніемъ, на пр., *мѣрло* (С. № 16), по образцу другихъ именъ. Но не всегда писцы соблюдали Итальянское произношеніе: они сокращали его иногда въ полугласную. Отъ того, на оборотъ, находимъ: *дѣрло* (С. № 3), *мѣрло* (С. NN^о 12, 19), *вѣрло* (С. № 40) вѣсто ожидаемаго *дѣрло* и т. д. Исходъ собственныхъ именъ на -ло принадлежитъ многимъ другимъ Славянскимъ нарѣчіямъ и есть чисто Славянскій признакъ. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторыя имена собственные оставляютъ при себѣ окончаніе -лъ, что, впрочемъ, случается весьма рѣдко, на пр.: *дѣрло*, *вратло* (А. № 6); *вѣрло* (А. № 5): обѣ грамоты, какъ видно, Авонскія. Второе дѣйствіе народности состоятъ въ озвукотвореніи конечнаго -лъ въ -о: мы уже

разсмотрѣли это явленіе въ общихъ его чертахъ и видѣли временныя его предѣлы; здѣсь прибавимъ только то, что весьма рано встрѣчающаяся форма *мартоо* ни мало не говоритъ въ пользу этого озвукотворенія, ибо она есть не что иное, какъ сокращеніе формы *мартола*, каковая и дѣйствительно встрѣчается. Труднѣе объяснить формы: *нео*, *рлео*, *илѣо*, находящіяся въ началѣ XIV-го в. (А. № 6); должно принять ихъ за признакъ народности, выразившіяся первоначально въ этихъ простонародныхъ именахъ. Только уже вѣкомъ позднѣ находимъ *иллао* (С. № 95) и т. д., когда озвукотвореніе уже укоренилось въ Сербской письменности.

Окончаніе *-о* собственныхъ именъ любимо всѣми Славянскими нарѣчіями. Ласкательный видъ, по большей части, исходитъ на *-о*: *михо*, *-оо* (А. № 6; С. NN № 54, 103, 145), *лио* (А. № 6) и т. п. Уменьшительный образуется чрезъ приставку окончанія *-ио*: *хрѣлио* (С. № 15), *верие*, *верѣио* (С. NN № 15, 20), *враслио* (С. № 16), *доврио* (А. № 6), *вранио* (Мк.; С. № 66), *рѣио* (С. NN № 35, 176), *конио*, *дрѣио*, *хлѣио* (С. № 176), *шѣио*, *п्राиѣо*, *стѣио* (А. № 5), *кѣио* (С. NN № 64, 65) *димѣио* (С. № 65), *влатѣио* (мн. р.), ср. *владио* (С. № 66), *гѣрѣио* (мн. р.), *стѣио* (С. NN № 86, 120), *вѣшѣио* (С. № 86), *рѣско* (С. NN № 87, 106, 108, 109), *слиио*, *-о* (С. NN № 104, 133), *жиѣио* (С. NN № 111, 117), *жарио*, *жариѣо* (С. NN № 133, 141, 170, 172), *ладѣиѣио* (С. NN № 137, 138, 144, 169), *ниѣио*, *ноѣио* (С. NN № 158, 159, 163, 165), *ратио* (Мл.) и т. п. Не только уменьшительныя, но и неуменьшительныя имена часто получаютъ въ Сербскомъ языкѣ исходъ *-о*, заиная ихъ полугласную, на пр.: *дѣо*, *гѣрѣо*, *стѣо*, *страѣо* (А. № 6), *дрѣо* (Мк.), *марио* (С. NN № 141, 150, 169, 176) и пр. Подобныя имъ на *-о* мы уже видѣли. Съ этими именами, являющимися въ народномъ видѣ, не должно смѣшивать именъ, прямо взятыхъ изъ чужаго языка въ непереработанной еще народностію формѣ. Въ нашихъ памятникахъ, изъ коихъ большая часть относится къ отношеніямъ внутреннихъ земель Сербіи съ Дубровникомъ, а нѣкоторые принадлежать самому Дубровнику, не рѣдко попадаются имена, взятая у Итальянцевъ и въ Итальянской формѣ. Рука народности какъ бы страшилась коснуться ихъ, по тому что это имена собственные, имена отдѣльныхъ личностей, принадлежность единствъ, которыя, по понятіямъ писцовъ, должны были оставаться нетронутыми въ своемъ отличительномъ видѣ. Отъ того, съ другой стороны, писцы не преобразовывали и не поддаивали подъ Д.-Булгарскій ладъ и своихъ народныхъ Сербскихъ именъ, внося ихъ въ письмо въ первобытномъ видѣ. Обыкновенно имена Итальянскія или въ Итальянской формѣ находятся въ договорахъ Дубровничанъ и принадлежать ихъ гражданамъ, отправлявшимся нерѣдко послами къ владѣтелямъ Сербіи. Въ окончаніи этихъ именъ господствуетъ большое разнообразіе, какъ и въ именахъ народныхъ; но иностранное имя почти всегда можно узнать по его не-Славянскому образованію. Таковы на б-у *о*: *тѣнѣско* (С. № 8), *матѣо*, *гамѣо* (Ш. № II), *фѣско*, *филиѣо*, *илиѣиѣо*, *илѣѣо* (С. № 16), *мартола* (С. № 19), *пѣро*, *пѣро* (С. NN № 33, 40, 99), *иллаѣо* (С. № 66), *злаѣиѣо* (С. № 82), *владиѣо* (С. № 104), *франѣиско* (С. № 167) и т. п. Но нѣкоторыя имена распознать трудно, ибо корень ихъ, по видимому, Славянскій, а внѣшній видъ Итальянскій, или на оборотъ, на пр., *влатѣо* (С. № 84) есть не что иное, какъ обитальяненное Славянское имя, или *маринѣо*, *жиѣиѣо*, есть чисто Славянская уменьшительная форма отъ Итальянской *жине* или *жине*, *мариѣо*. Съ послѣднимъ не должно смѣшивать чисто Славянское *Жине*, *Жине*, происшедшее изъ прилагательнаго средняго рода. Такъ точно и *микоѣо* (С.

16), по свойству грамоты, есть Итальянская форма; но она въ то же время есть и Сербская, хотя и тотъ и другой языкъ образовали ее совершенно независимо другъ отъ друга.

Вторая гласная, служащая часто исходомъ для собственныхъ именъ, есть *а*. Уже съ XII-го в. она начала замѣнять собою Ц.-Славянское *и*, предшественное гласными *и* и *о*. Это употребленіе ея весьма обширно: народность полюбила его до того, что, не взирая на присутствіе Ц.-Славянскаго языка, не взирая на имена, прямо оттуда взятая и относящіяся къ лицамъ духовнаго званія, она даетъ этимъ именамъ окончаніе *а*. Въ нынѣшнемъ языкѣ замѣчаемъ то же самое; народность взяла здѣсь рѣшительный перевѣсъ. Такъ мы читаемъ: *радос*, -*а* (А. И.; С. NN^о 14, 84, 118, 133, 145, 150, 179), *героги* (III. N^о VII), *десос* (С. N^о 5), *вадом*, -*а* (С. NN^о 35, 176), *гирисли* (А. N^о 8), *аэром*, *градой*, *гурой*, *вогом* и пр. (С. N^о 176), *приком*, -*а*, *празос*, *празос* (С. NN^о 66, 84, 176, 179; А. N^о 5), *аици*, *кофини*, *карламанѣ*, *блѣфорѣ*, *наисѣ*, *надомѣ* и пр. (А. N^о 11), *арсени* (Г. А), *сладос*, -*а* (С. NN^о 57, 120, 144), *грозом*, *игѣи* (С. N^о 61), *драгом* (С. N^о 68), *валтос* (С. N^о 78), *грѣгорѣ*, *милари*, *содосѣ* (А. N^о 19), *паскос*, -*а* (С. NN^о 97, 100, 137, 138), *ростос* (З. А.; С. NN^о 136, 140) и мн. др. Образованіе окончанія -*а* вмѣсто -*и* при предшествующей гласной должно приписать тому же неизбежному свойству всѣхъ языковъ, которое обнаруживается въ переходѣ одного звука въ другой и преимущественно въ двогласныхъ, когда второй звукъ нѣсколько слабѣетъ и какъ бы улечивается, доставая тѣмъ языку возможность переводить его въ другой почти незамѣтнымъ образомъ. Это и показываетъ, что въ Ц.-Славянскомъ языкѣ хотя и писалось въ этомъ случаѣ полное окончаніе -*и*, -*ои*, и должно было собственно произноситься, какъ двѣ полныя гласныя, однако отъ времени и для большей легкости выговора и потеряло здѣсь часть своего удѣльнаго вѣса и произнеслось нѣсколько слабѣе, подходя, быть можетъ, близко къ Русскому *ѣ*. Не менѣе замѣчательно другое окончаніе на -*а* съ предшествующею согласною; оно есть собственно средней родъ, и по тому подобныя имена образуются почти всѣ изъ прилагательныхъ. Таковы: *урале* (С. N^о 16), *празе*, *моудре*, *тоуде*, *дале*, *вале* (А. N^о 6), *досде*, -*а* (А. N^о 6; С. NN^о 66, 99), *миле* (С. N^о 78). Съ ними не должно смѣшивать озвукотворенное окончаніе въ формахъ: *ранте* (С. N^о 61), *ваде* (С. N^о 66), и сокращенныя формы: *ини* (С. N^о 62), *сими* (С. N^о 71), ср. *симомѣ*. Нельзя не признаться, что эти послѣднія имена сильно отзываются Итальянскимъ языкомъ; однако имѣть необходимости непремѣнно приписывать ихъ этому языку: они могутъ быть и уменьшительными, образованными независимо отъ послѣдняго. Но есть имена, привнесенныя прямо изъ чужаго языка, гдѣ они тоже получили уменьшительную форму; таковы: *валде* (III. N^о II), *уни* или *ини* (С. NN^о 41, 47—50, 55, 56, 62), *ини* (С. NN^о 54, 63, 71), *пале*, *паси* (С. NN^о 40, 59), *мате* (С. N^о 70), *пале*, *дамьаре* (С. N^о 76). Нѣкоторыя изъ этихъ именъ, какъ мы можемъ замѣтить изъ сравненія съ предыдущими, являлись иногда въ народномъ видѣ, принимая болѣе Славянское окончаніе: такъ *ини*, сокращенное изъ *Giovanni*, уменьшилось въ *инице*; *паси* перешло въ *паском*. Слѣженіе *и* или *э* съ *а* доставило новую букву именительному и., выставивъ формы: *андра* (С. N^о 19), *ини* (С. N^о 43), *радина* (С. N^о 141).

Третья гласная, употребляемая въ окончаніяхъ нарицательныхъ и собственныхъ именъ мужскаго рода, есть *и*, смягчающаяся иногда въ *и*. Всѣ Славянскія нарѣчія знаютъ ее и употребляютъ сходно съ Сербскимъ. Такъ

какъ это явленіе Славянскихъ нарѣчій весьма важно, ибо показываетъ, что нѣкоторые слова не сократили въ полугласную первичнаго *a*, которое въ Санскритѣ и Литовскомъ языкѣ соединяется съ признакомъ мужескаго рода *s*, то я считаю не лишнимъ привести изъ Древнесербской письменности нѣкоторые болѣе другихъ замѣчательныя слова, каковы на пр.: протополи (Ш. № VII), шоура (А. № 6), дворьдъжица (С. № 61), дъиа (С. № 70), гоуса, хъси (С. NN № 91, 111, 137), вълониста (С. № 94), ѿгокрауъа (т. е., -ухъ. отвѣтъкъ), платца (платильщикъ) (С. № 127), влишица (С. № 155). Теперь они видимо кажутся намъ именами женскаго рода, или какъ будто озвукоторившими или протяннувшими конечную полугласную въ полную гласную. Но, вспомнивъ явленія, совершающіяся въ языкахъ, ближайшихъ къ праязыку Индоевропейской семьи, мы увидимъ, что самое *-a* есть уже оголенное окончаніе слова, лишенное своего признака, а переходъ его въ полугласную есть уже дальнѣйшее сокращеніе образовательнаго окончанія. Въ праязыкѣ, сколько можно судить по Санскриту и Литовскому языку, звукъ *a* былъ господствующимъ, какъ и во всякомъ первичномъ языкѣ, и всѣ роды именъ принимали его основною конечною гласною; помня это, и Славянскія нарѣчія допускали образованіе именъ мужескаго рода на *a*. Что же касается до именъ собственныхъ, то они также обильны въ Сербскомъ языкѣ, какъ и во многихъ другихъ Славянскихъ нарѣчійхъ. Довольно привести нѣсколько изъ нихъ, чтобы увидѣть ихъ общее образованіе. Таковы на пр.: ишана (А. № 1), радота, ханна, сонн, вожаа, ка-ла (Ш. № VII), николл, николл (Ш. № VII; С. NN № 22, 37, 43, 55, 56, 61, 62, 66, 71, 76, 89, 95, 97, 100, 104, 121, 133, 136, 145; А. NN № 6, 7, 19), конжаа, конжаа (Ш. № VII; А. NN № 5, 6; С. № 111), шръуа, грѣкша (С. № 14), кольида (С. № 16), микълица, мигауа (С. № 19), деснира, хрѣа. вожаа, мѣа, влица (А. № 6), доушца, доушца (Мк.; С. № 176), шъга, гюрица, смюка (С. № 61), вѣшиа, лѣшиа (С. № 82), валиа (С. NN № 63, 64, 67, 70, 171), вѣлица (С. № 89), ѿстоа, -а, ѿстоа (С. NN № 92, 104, 107, 117, 133; Мл.), никша (С. NN № 112, 115, 117, 119, 126, 145, 166), алиа (С. № 117), сѣшица, сѣи (С. № 37) и пр. Нѣкоторые имена имѣютъ совершенно женское образованіе и, кажется, иначе и не могутъ быть объяснены; другія взяты прямо изъ нарицательныхъ и перенесены на челоуѣка. Замѣчательно, что большая часть именъ собственныхъ, входящихъ на *a*, принадлежитъ къ Славянскимъ народнымъ именамъ, которая вообще у древнихъ Славянъ всегда стояли на первомъ мѣстѣ впереди крестныхъ. Последнія, болѣе частью, сходны съ Греческими, перешедшими чрезъ Д.-Булгарскую духовную письменность, каковы: сава, аѣа, хадариа и т. п. Всѣ наши памятники наполнены народными именами и съ упорствомъ избѣгаютъ крестныхъ, болѣе, или менѣе чуждыхъ Славянамъ; только лица духовнаго званія отмѣчаются именами крестными. Но и между крестными были нѣкоторыя, усвоенныя народомъ и весьма имъ любимыя; каковы: юванъ, гюргъ, юрай, николл и др., подчинившіяся народной формѣ. Въ сокращенномъ видѣ является мѣа (Ш. № II). Сюда принадлежатъ также имена иностранныя собственные и нарицательныя, доставляемыя изъ Итальянскаго, Греческаго и Турецкаго языковъ. Изъ двухъ послѣднихъ взяты почти исключительно имена, означающія званіе; тогда какъ первому принадлежатъ нѣкоторые виды именъ собственныхъ; между этими есть тѣ же самыя имена, которые мы встрѣчали въ другой формѣ: доказательство, что они дурно принимались на Славянской почвѣ, и писцы измѣняли ихъ, смотря по тому, какъ имъ назалось лучше. Такъ мы находимъ: шасиа, шѣа (С.

№ 16) *шшаси* (см. в.), *шшъ* (С. NN№ 16, 66); *шшши* (С. NN№ 16, 25), *шшдря*, *шшлма* (С. № 16), *шшдрш*, *шшдрш* (С. NN№ 76, 176), *шшдрш* (С. NN№ 179) и т. п., *шшкта*, *шшкта* (С. NN№ 150, 154); но есть и такія, которыя образованы уже по-славянски, на пр.: *шшртолица* (С. № 41), *шшрица* (С. № 166) и т. п.; Греческое: *шшфалин*, -а, -д; *шшвалин*, *шшвалин* (С. NN№ 49, 54, 61, 91, 111; А. NN№ 10, 18; З. и пр.); Турецкія: *шшваши*, *шшдиш* (С. № 168) и т. д. *Замѣтимъ*, что гласная ш, смотря по свойству грамотъ, переходитъ иногда въ я, и по тому исходъ именительнаго п. получаетъ еще новую гласную, которая есть собственно звуковое видоизмѣненіе первой; на пр.: *шшдрш* (С. NN№ 16), *шшкш*, *шшпш* (С. NN№ 57, 84, 179), *шшстош* (С. NN№ 89, 85, 88, 89, 92, 94, 95, 136), *шшдш* (С. № 89), *шшкарш* (С. № 127), *шшдрш*, *шшдш* (С. № 141).

Четвертая гласная, служащая исходомъ тому же началу, есть ш, означавшая, большею частію, имена, взятая изъ Д.-Булгарскаго языка съ его образованіемъ. Семья грамотъ, въ которой они являются, указываетъ на заимствованіе. Въ нашихъ памятникахъ встрѣчаются: *шшми*, *шшмы*, -и, -ми (А. NN№ 6, 8, 11; С. NN№ 49, 176), ср. *шшмиш*, *шшмиш* (А. NN№ 1, 11; Ш. № 16) нынѣ *шшмиш*, аше, по западному подрѣзю *шшми* и даже *шшм*, Ц.-Слав. *шшми*; *шшти* (С. № 35), которое во всѣхъ другихъ грамотахъ уже перешло въ *шштин*; *шшши* (С. № 62) и т. п. Наконецъ въ одной гр-ѣ (С. № 92) находимъ *шшти*, изъ котораго произошло вышедшее *шштин*. Кромя первого слова, остальные три стянули двойное и Д.-Булгарскаго языка и одинаковы съ его *шштин*; *шштин*, въ которыхъ второе и шшло иногда полное преношеніе и возникало вѣроятно, при посредствѣ *шштин* и съ неизменною согласною *шш* рода; оно отвѣчаетъ Санскр. *-jān*, Греч. *-ios*, Лад. *-iis*, Бол. *-jis* или *-sis*, Лит. *-is*. Сюда же отвесу и имена собственных, употребленныя въ Д.-Булгарской формѣ вмѣсто народной, претворившей изъ ш. Эта форма употребляется рѣдко, но тѣмъ не менше ее находимъ *шштин*, какъ на пр., *шшдрш* (С. NN№ 4, 15), *шштин* (А. № 6), ср. *шштин* (С. № 43), *шштин* (С. № 62), *шштин* (А. № 11). Подобно имъ образованы: *шштин* (С. NN№ 88), *шштин* (С. NN№ 135, 158)—формы, любимыя другими Славянскими нарѣчіями, но нынѣ вовсе не употребляемыя. Сербскія, а въ старину допускаемыя имъ очень рѣдко. Онѣ были противъ его понятій о благозвучіи и всегда обращались въ немъ въ -ом, чему доказательствомъ служатъ множественные, приведенныхъ нами выше, и между ними самое имя *шштин*. Присякъ народности, выразившейся въ окончаніяхъ -и, -ом, вполне оправдана видѣніемъ языкомъ. По тому и возможно было здѣсь претвореніе полузвона ш (ш) въ полную гласную, что въ основѣ лежало праязычное полногласіе. Но, подобно старинному вліянію Д.-Булгарской стихіи, и нынѣшніе Сербы, желая уважить ту письменность, которая научала ихъ первоначально православною Вѣрѣ, иногда сохраняютъ, по произволу, крестныя имена въ ихъ Д.-Булгарской формѣ; но при этомъ всегда должно помнить, что это не есть ихъ народная форма. Какъ сильно въ старину дѣйствовала здѣсь народность, видно изъ того, что даже въ Азовскихъ грамотахъ имена дуковныхъ лицъ переданы въ народной формѣ (ср. А. NN№ 8, 11, 15, 19). Сюда не относятся, по своему образованію, осербизованное *шштин* (С. NN№ 95, 97, 116, 120, 133, 136, 144, 145, 156, 179), перешедшее въ сколько видоизмѣненій, начиная съ ближайшей къ Греческой формы *шштин* чрезъ *шштин*, *шштин*, *шштин* и *шштин*, *шштин*, *шштин*, *шштин* (см. в.); въ ней послѣдняя гласная ш, Греч. *os*, сократившаяся въ ѣ, снова возникла, поглотивши въ себя и б-у е, державшуюся при полугласной; нынѣ *Юре*, *Бура*, *Бураѣ*. Вообще окончаніе -и допускается какъ нынѣ, такъ и

въ старину, въ нарицательныхъ и собственныхъ именахъ; ср. *женин* (С. № 97), *дрягилъ*, *ряган* (А. № 5), *нали* (С. № 57), *трам* (верн? С. № 156): въ *лени* не находимъ вышесказаннаго озвукотворенія. Къ нему прибавить должно и окончаніе *-ни*, которое однажды только попадается въ именѣ собственномъ: *вратенъ* (С. № 176). Ц.—Славянскія слова входятъ съ одами окончаніями безъ паренѣвъ; такъ въ Законникѣ употреблено слово *дрѣвренъ*, которое и нынѣ если должно быть произнесено, то сохраняетъ свою Д.-Булгарскую форму. За то въ окончаніяхъ *-ни*, *-си*, *-зи* находимъ иной родъ превращенія: *-ни* переходитъ въ *-ниа*, *-си* въ *-сиа*, *-зи* въ *-зиа*: *виноуа* (С. № 8), *матуа* (С. № 16), *целюа* (Ш. № VII). Сюда присоедию внимательный п. *доучаа* и родительный *доучаа* (Ш. № 15) которые арводятъ къ такому же именительному, отъ котораго и встрѣчаемъ производныя: *подоучасниа*, *-сина*, *подоучасниа* и т. д. Выше въ ученіи о согласныхъ, разсматривая эти формы, мы уже предложили наше объясненіе, основанное на перезвукѣ усиленныхъ слоговъ. Въ другомъ мѣстѣ мы сказали, что Сербы стигиваютъ ихъ въ и; у Дубровничанъ находимъ слѣдующія имена на *-и*: *шарьси*, *гьорьги*, *диньтри*, *гьорьси*, *власи*, *власьси* (С. № 16). Эти имена преимущественно употреблены въ Славянской формѣ, хотя по-сербски слѣдовало бы дать имъ окончаніе *-ни*. Но Итальянскія имена въ нашихъ памятникахъ предпочитаютъ *и* и употребляютъ ее весьма часто на концѣ послѣ согласной и гласной, гдѣ она должна произноситься полно. Таковы имена Дубровничанъ: *шарьси*, *шарьси* (С. № 3), *власи* (Ш. № II), *власьси*, *власьси*, *власи* (С. № 16), *владьси* (С. № 17), *шорьси* (С. № 32), *шорьси* (С. № 33), *матуи* (С. № 62), *матуи* (С. № 76). Впрочемъ, и Боснійскіе бани одинаково произносили свое имя, когда писались: *матуи* (С. № 5), *матуи* (С. № 14). Укажу еще на одно Турецкое имя, получившее ту же исходную букву: *матуи* (С. № 164).

Итакъ въ именахъ собственныхъ мы видимъ большое разнообразіе, благодаря сосѣдству Италіи. Въ общеупотребительномъ имени *иоаннъ* предстояла на выборъ или иноземная форма, или народная, и они употребляли ту, для другую, но большею частію прибѣгали къ посредствующимъ формамъ, полуитальянскимъ, полуславянскимъ. Для примѣра можно указать на имя *Giovanni*, которое является то въ видѣ *шанъ* (С. NN 4, 5, 12, 13; Ш. № II), то въ видѣ *шани*, *шани*, *шани*, *шани*, *шани*, *шани*, не говоря уже о Славянскихъ формахъ *шанъ*, *шанъ*, *шанъ*, *шанъ*, *шанъ*, *шанъ* и пр. Немного именъ находимъ въ члостъ Итальянской формѣ. Большая часть изъ нихъ подверглась перенѣмамъ въ среднѣ и концѣ. Наибольшее, по нашему мнѣнію, дѣйствіе народности оказалось въ обращеніи конечной гласной въ полугласную, что совершенно противо Итальянскому уху; такъ, на пр., находимъ *шорьси* (Ш. № II) и ии. др. (ср. С. № 16 и др.). Это показываетъ, что и въ Дубровникѣ не все господствовало Итальянская стихія, но были властели, которые имена свои произносили и по-славянски. Дѣйствіе народности приняло и въ другую сторону, въ имена крестныя, заимствованныя изъ Д.-Булгарскаго языка и принадлежаща даже лицамъ духовнаго званія: и сдѣсь оно преобразовало ихъ конечную гласную. Разнообразіе именъ собственныхъ увеличиваетъ количество входящихъ звуковъ.

Припомнимъ все означенное, мы находимъ слѣдующіе выходы для именительнаго п. ед. ч. муж. р.: *ъ*, *ь*, *е*, *и*, *и* (*ъ*), *а*, *и* (*а*, *и*), *и* (полновзвучное и половинное). Окончаніе *и* переводить имена въ женское склоненіе, также какъ *и* и *е* относятъ ихъ къ склоненію средняго рода, которое, впрочемъ, ничѣмъ

не отличается отъ мужскаго, допуская съ этомъ случаѣ родительный п. вмѣсто винительнаго для одушевленныхъ предметовъ. Удивительно, что и В. С. Караджичъ и Даяничъ пропускаютъ полугласный исходъ *ѣ* или, по ихъ правописанію, *ј* и не представляютъ образца его склоненію, тогда какъ въ Сербскомъ языкѣ есть слова, исходящія на это *ѣ*, на пр., *край*, *обычай*, *лаичай*, *Бочей*, *Билай* и др.

Въ среднемъ родѣ именительный п. ед. ч. исходитъ на *ѳ*, или *ѳ*, твердое и мягкое. Эти окончанія столь обыкновенны, что о нихъ нечего говорить. Б-а *ѳ*, какъ извѣстно, соединяетъ въ себѣ коренное *ѳ* и носовое *л*. Впрочемъ, послѣднее не встрѣчается. Обратимъ вниманіе только на собирательный видъ, сходный съ именительнымъ п. мн. ч. мужскаго р. Хотя эта послѣдняя форма, какъ увидимъ, произошла сама собою по законамъ звукодвигенія и первоначально не должна была заключать въ себѣ понятія собирательнаго, однако духъ языка придавъ ей это значеніе въ большей, или меньшей степени, увлекшись сходствомъ съ именительнымъ п. ед. ч. средняго р., который необходимо долженъ былъ имѣть собирательное значеніе. Дѣйствительно мы находимъ въ среднемъ р. подобныя формы во всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, а также и въ древнекишномъ Сербскомъ, каковы на пр.: *травы* (А. № 1), *доцвова гам*, *шлоры* (Ш. № VII) и для женскаго рода: *кытны* (С. № 52), *ложы* (Мл.), даже; можетъ быть, и *даны*: *шныры даны* (С. № 16). Эта-то форма для женскаго рода служитъ лучшимъ опроверженіемъ противъ тѣхъ, которые въ подобной формѣ именительнаго п. мн. ч. мужскаго р. видятъ внутреннее собирательное значеніе. Имена женскаго р., конечно, не могутъ оканчиваться въ именительномъ п. мн. ч. на *-ны*, а между тѣмъ для собирательнаго значенія они принимаютъ это окончаніе: явно, что они переходятъ въ средній родъ. Такъ точно и имена мужскаго р. переходили бы въ средній родъ, если бы имѣли отличное отъ него окончаніе, но такъ какъ оно у нихъ одинаково, то они и остаются при своей формѣ на *-ны*, получая собирательное значеніе по прихоти языка, основанной на наружномъ сходствѣ съ собирательною формою средняго р. Вообще должно сознаться, что между именительнымъ п. мн. ч. муж. р. на *-ны* и именительнымъ п. ед. ч. средн. р. существуетъ тѣсная связь относительно понятія совокупности предметовъ; что она основана на видномъ сходствѣ, и что языкъ, увлекшись этимъ сходствомъ, не уяснилъ себѣ и не разграничилъ ни понятій, ни употребленія, ни родовъ, ни согласованія словъ опредѣляющихъ. Подтверженіемъ можетъ служить употребленіе слова *звѣты*, которое, при отсутствіи ближайшаго опредѣленія, само является въ неопредѣленной формѣ, такъ что трудно рѣшить, что это за падежъ, именительный ли мн. ч. мужскаго р., или именительный ед. ч. средняго р.? Мы приводимъ его подъ первымъ, основываясь на выраженіи гр-ы С. № 14: *шныры звѣты*, но гр-а С. № 2, гдѣ сказано: *дѣти мое* или *оцѣвѣти* или *прѣцѣвѣти*, болѣе говорить въ пользу послѣдняго. Да и самую форму на *-ы* лучше называть признакомъ средняго рода, чѣмъ стяженіемъ изъ *-ны*, ибо въ этой древнѣйшей грамотѣ трудно ожидать подобнаго стяженія. Надобно допустить двойственность формъ, очень возможную и легкую при сходствѣ окончаній и при переходѣ именъ съ собирательнымъ значеніемъ изъ одного рода въ другой, но двойственность внутреннюю, а не наружную, ибо различіе между *звѣты* и *оцѣвѣти* есть только случайное и какъ бы очевиднѣйшее; въ дѣйствительности же и средній родъ можетъ имѣть окончаніемъ *-ы*, и тогда виднѣйшимъ образомъ совершенно совпадетъ съ мужскимъ. Двойственности заключается въ самомъ способѣ пред-

ставленія или въ известной минутѣ мышленія: — разумѣть ли духъ языка подъ этою формою еще совокупности, т. е., множество предметовъ мужскаго рода, или онъ доводитъ это разуміе уже до степени единства понятія, забывая, уже о множествѣ, и представляя себѣ, какъ нѣчто цѣлое, и переводя отъ действительности къ отвѣченію. Въ первомъ случаѣ это будетъ именительный п. мн. ч. муж. р., во второмъ именительный п. ед. ч. средняго рода. Эта отвѣченность представленія позволила и имена женскаго рода употребить въ формѣ именительнаго п. ед. ч. средняго рода. Къ собирательной формѣ должно однести трѣхъ (С. № 66). Тутъ же встрѣчающееся слово *компан* есть или несклоняемое, ибо въ родительномъ и винительномъ пп. ед. ч., какъ увидимъ, оно не измѣняется, или это есть именительный п. множ. ч., составленный по образцу женскаго р., ибо въ дательномъ и мѣстномъ пп. оно имѣетъ *компанамъ*, *компанамъ*.

Имена женскаго рода исходятъ на *а* и *я* (я), или на согласную. Перезвукъ *я* въ *я* прибавляетъ сюда новое окончаніе *я*, на пр., *изъяла* (С. № 43), *кряля* (С. № 78), *госноя*, *гнѣя* (С. NN № 81, 127, 159) и т. п. Надо замѣтить, что нѣкоторыя имена мѣняютъ свой гласный исходъ на согласный и переходятъ въ другое склоненіе. Такъ на пр.: *клятыла* (С. № 16) и *клятыя* (С. № 9), *опыла* (мн. р.) и *опытыя* (С. № 188) и замѣтимъ собирательное слово *дѣтя*, *дѣтя*, *дѣтя*, *дѣтя* (С. NN № 16, 66, 96, 97, 98; А. № 6), какъ и у нѣмѣцкихъ югозападныхъ Сербовъ и Хорватовъ, то же, что Ц.-Слав. *гудъ*. Иностранное *перья* переходитъ иногда въ женскій родъ, на пр., *отъ нова перья* (З., ст. 95). Хотя въ словѣ *дѣтя* (А. № 19) простое удвоеніе, однако оно замѣчательно тѣмъ, что обнаруживаетъ долготу *я*, происшедшую изъ *а* и указывающую на первоначальную прилагательную форму подобно *дѣтя*, откуда существительное *дѣтя*.

Кромѣ *а*, исходомъ для именъ женскаго р. служитъ *и*. Это остатокъ старинны, сохранившійся въ нѣкоторыхъ словахъ по всѣмъ Славянскимъ нарѣчіямъ. Это была вторая основная гласная послѣ *а*, въ языкъ Индоевропейской семьи; но Славянскій языкъ болѣе другихъ не полюбилъ ея и почти всюду, кромѣ немногихъ словъ, замѣнилъ полугласною *ь*, или обратилъ въ *а*. Въ Д.-Булгарскомъ нарѣчіи еще сохранились окончанія *-и*, въ словахъ *мита*, *дѣмита*, *-тми* и *-чи*, *-ши*. Съ этимъ *и* не должно смѣшивать *-и*, на пр., въ словѣ *скити*, перезвукующее въ *-ои* и приводящее къ основной гласной *у*, ср. Санскр. *skiti*. Въ прочихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ еще менѣе сохранилось слѣдовъ этого исхода. Упомянутыя два слова удержали при себѣ и только въ нарѣчіяхъ: Сербскомъ: *мати*, *кѣи*, Хорватскомъ: *mati*, *kci*, Хорватскомъ: *mati*, *hci*, къ которымъ должно присоединить *kri*, Словацкомъ и Малорусскомъ одно *matъ*, *matъ*. Въ прочихъ они или сократились на полугласную, или приняли другое окончаніе: *-арь*, *-егъ*, *-оъ*, одинаковое съ первоначальнымъ *-ар*, ср. Санскр. *matar*, *duhitar*. Но они были и въ Д.-Русскомъ, и Д.-Чешскомъ, и Д.-Польскомъ. Еще болѣе исчезло *и* въ другихъ окончаніяхъ, такъ что теперь только въ Польскомъ, въ нѣсколькихъ словахъ, да въ Лужичскомъ, въ двухъ словахъ, находимъ *-уи* и *-и*; въ прочихъ ихъ нѣтъ, хотя они тамъ и были. Вообще, какъ сказали мы, Славянскія нарѣчія, волюбя *и*, старались такъ, или дѣлать избѣгнуть его. Отъ того образовался еще полугласный исходъ для именъ женскаго рода, приводящій или къ первоначальному *а*, или чаще къ *и*; сюда относятся также имена на первоначальное *-о* и *-оъ*, перезвукующее изъ *у*. Д.-Сербскій книжный языкъ, держась Ц.-Сла-

вѣнскій допускаетъ и ю и еу. Изъ вышеприведенныхъ примѣровъ можно народною формою предположить только нѣкоторые случаи *ѣю*, *гѣю* и *кравъ*. Въ послѣдней хотя Ц.-Славянскій языкъ и сошелся съ народнымъ, однако временное представленіе твердости и мягкости, въ слѣдствіе котораго *кравъ* звучало въ старину твердо, измѣнило конечную мягкую гласную въ твердую, но тѣмъ же, *кравъ* не коснулось формы, оставивъ ее какъ бы при мягкомъ *-а*, ибо иначе, если допустить дѣйствительную твердость въ *а*, слѣдовало бы написать *кравъ*. Прочія суть Ц.-Славянскія; ибо гдѣ въ формахъ должна быть рѣзница, тамъ уже находимъ Ц.-Славянскую, на пр.: *ѣроу*, *ѣръ*, *ѣръ* (А. NN^o 2, 11; С. NN^o 46, 48, 101, 102, 104, 176), *сѣю* (С. N° 51). Въ этихъ формахъ народность коснулась лишь звуковъ, какъ и въ *кравъ*, отвердая, или смягчая *-ихъ*, но самыя формы оставила нетронутыми; нинѣ *царе*, *сине*. Слово *господ*, удержанное изъ Ц.-Славянскаго языка и употребляющееся нинѣ только при словѣ *Богъ* въ отверженной формѣ, въ древней письменности имѣло Ц.-Славянскую форму: *гѣ*, *гѣ*, *господѣ* (А. NN^o 2, 8, 18, 19, 20; С. N° 178). Впрочемъ, находимъ однажды и *гѣ* (А. N° 12). Такъ точно и нѣкоторые другія слова удерживаютъ свою, освященную временемъ, форму: *хѣ*, *хѣ*, *хѣ* (А. NN^o 3, 4, 5, 20; С. NN^o 46, 176; Г. А, Б). Укажемъ еще на замѣчательное употребленіе звательнаго *п*, въ формѣ родительнаго: *да тѣю ти моста шкота*, и *цѣю моста* (С. N° 34). Это употребленіе встрѣчается и въ Д.-Булгарской письменности; однако свойство грамоты и весь ходъ рѣчи, даже остальной способъ выраженія не показываютъ, чтобы это было заимствованіе оттуда. Однажды поставленъ именительный *п*: *ѣ дѣю тѣю мѣстѣмъ гѣю дѣ* (А. N° 4).

Въ орднѣмъ *р* звательный *п* постоянно равенъ именительному, на пр.: *ѣрѣмъ святѣю*, *гѣрѣмъ*, *вѣрѣмъ* (Мк.), *оуѣрѣмъ* (Мл.).

Въ женскомъ *р* звательный *п* оканчивается нинѣ постоянно на *-о*, исключая имена на *-ца*, которыя, кромѣ *-о*, принимаютъ и *-е*. Въ древней письменности держался онъ Ц.-Славянскихъ формъ на *-а*, *-ѣ*, *-я*. Имена съ твердымъ исходомъ на *-я* принимали *-о*: *владѣю*, *кѣю*, *-ѣю*, *нѣю*, *кѣю* (А. NN^o 3, 4, 7, 8, 12, 20; С. NN^o 46, 175, 176; Г. А, Б; Ю.), *дѣю*, *сѣю*, *вожѣю*, *дрѣю* (Мк.), *ѣрѣю* (А. N° 9), *кожею*, *смоуѣю* (Г. А), *сѣю*, *-ѣю* (С. NN^o 71, 84, 97, 114, 144), *господею*, *недею* (С. NN^o 149, 172). Имена съ мягкимъ исходомъ на *-а* и *-я* принимали *-ѣ*, *окрѣтѣю*, *-ѣю*, *вѣрѣю* (А. N° 1; С. NN^o 59, 79; Мл.), *трѣю*, *трѣю*, *трѣю*, *-ѣю* (А. N° 4; В. N° 2; С. NN^o 71, 84, 86, 87, 100, 114, 144), *ѣю*, *лѣю*, *вогородѣю* (А. NN^o 6, 18; Мк.; Мл.), *орудѣю* (Мл.), *кѣю* (Мл.). Однажды находимъ именительный *п*: *вѣрѣю* (А. N° 3). Имена съ сонорнымъ исходомъ принимаютъ *-ѣю*, въ которое усиливается *а*: *владѣю*, *-ѣю* сладости (А. NN^o 3—5), *вѣмѣю* (А. N° 14), *кравѣю*, *вѣмѣю* (Ю.). Мы привели выше выраженіе *да тѣю ти моста шкота* и *цѣю моста* съ родительнымъ *п* *любею*: нинѣ существуетъ у Сербовъ подобное выраженіе: *дела любви тѣю* (сдѣлай пожалуѣста!).

Именительный *п* ед. ч. для именъ одушевленныхъ муж. *р* сходенъ нинѣ съ родительнымъ, а для неодушевленныхъ съ именительнымъ. Но какъ и въ Д.-Булгарскомъ иногда, и тѣмъ древнѣе тѣмъ чаще, одушевленная имена употреблялись въ именительномъ *п*, такъ и въ Д.-Сербской письменности иногда находимъ одушевленные имена, и преимущественно животныхъ, въ именительномъ *п*. Такъ: *да оуѣмѣю мѣстѣмъ идѣю комъ* (Ш. N° VII), *да мѣю* (С. N° 22), *да мѣю на нѣю кравѣю* (С. N° 35), *да вѣрѣю мѣю* (3.). Два раза, подъ вліяніемъ Д.-Булгарскаго языка, находимъ въ именительномъ падежѣ:

носилъ индивидуальности тѣмъ (А. № 4) инослави прѣстоу дѣ (С. № 176). Впрочемъ, это не есть собственно именительный падежъ, какъ и вообще всѣхъ именъ неодушевленныхъ. Сдѣсь сходство наружное, и духъ языка нисколько не хотѣлъ для одного падежа употреблять другой. Сдѣсь форма, подобная формѣ именительнаго п., образовалась чрезъ стяженіе основной правдней гласной въ полугласную и откинутіе конечнаго образовательнаго м. Доказательствомъ тому могутъ служить другіе соплеменные языки, различающіе оба падежа. Отъ того употребленіе родительнаго п. вмѣсто винительнаго для одушевленныхъ предметовъ должно быть милое формы, подобной именительному, или, какъ обыкновенно говорятъ, формы именительнаго. Зная, что Сербы и доселѣ употребляютъ *камъ*, мы не удивимся, если и въ древней ихъ письменности не разъ найдемъ ту же форму въ винительномъ п. Но такъ какъ ее употребляютъ грамоты Восточной Сербіи, а *камъ* существуетъ на югозападѣ, то вліяніе Ц.-Славянскаго языка остается сдѣсь во всей силѣ, хотя и не безъ участія сошедшей съ нимъ народности. Такъ: на урнѣ *камъ*, отъ дороги *камъ*, отъ волы *камъ* (С. № 176), на дѣлани *камъ*, на рѣсцванни *камъ*, на цркви *камъ*, на прѣскупнн *камъ* (А. № 11). Это употребленіе замѣчательно тѣмъ, что и въ Ц.-Славянскои письменности оное дозволено рѣдко. Впрочемъ, Сербскіе писцы брали сдѣсь просто форму именительнаго п. и распространяли ее на другой падежъ. Но есть и другая форма: *отъ камнѣ* (А. № 8), *на камнѣ* *малоски* (А. № 11), *на камнѣ* (Ш. № 15). И такъ въ одной и той же грамотѣ встрѣчаются двѣ формы. Слово *кѣшица* (С. № 142) представляетъ образованіе, рѣдкое для единственнаго ч. и отвѣчающее Ц.-Славянскому *крѣстици*. Возможность такого образованія въ Сербскомъ языкѣ—ибо ни одинъ изъ примѣровъ, нами видѣнныхъ въ именительномъ п., не показываетъ заимствованія—очень важна, какъ доказательство того, что *-нѣ* не служить необходимымъ окончаніемъ для подобнаго рода именъ, и если допускается другое образованіе, то между тѣмъ и другимъ должна быть какая нибудь разница. Если вспомнить, что множественное ч. отъ именъ на *-нѣ* отвѣчаетъ именлю единственному на *-нѣ*, или *-ѣ*, *-ѣ*, то увидимъ, что *-нѣ* есть окончаніе одного только единственнаго ч., и по тому догадка объ его значеніи, какъ единичности, подтверждается. Опять и въ этомъ падежѣ находимъ собственные имена: *квѣсъ* (С. NN № 14, 19, 20), *днѣтъ* (С. NN № 18; 20), съ которыми писцамъ казалось труднымъ справиться; а также выраженіе: *мошти гнѣ* *крдѣ* *нѣгнѣмѣ* (С. № 88).

Въ среднемъ р. винительный п. ед. ч., какъ во всей Индоевропейской семьѣ, подобенъ именительному. Это сходство образовалось по той же самой причинѣ, по какой и въ мужескомъ р., т. е., признакъ падежа м былъ откинутъ, а конечная основная гласная удержала видъ о или е, какъ на оборотъ въ мужескомъ р. духъ языка для отличія сократилъ ее въ ѣ или ѝ. Мы встрѣчаемъ опять собирательныя формы, перешедшія сюда изъ другихъ родовъ: *квѣсъ*, *сенинѣ* (С. № 22), *шѣнѣ*, *податнѣ* (А. № 6), *рѣнѣ*, *дѣнѣ*, *рѣнѣ* (С. № 176), *трѣнѣ* (А. № 11), о которыхъ говорили выше. Сюда же отнести должно *трѣнѣ* (С. № 104), *нонѣ* (С. NN № 136, 150). Встрѣчающееся въ этомъ падежѣ слово *дѣнѣ*: *ѣ* *тонъ* *дѣнѣ* (С. NN № 106, 164), есть несклоняемое, какъ и *нѣнѣ*. Приведенное выше *нонѣ* имѣетъ еще и другую форму на *-нѣ*, и въ ней дѣлается, кажется, несклоняемнѣ, на пр.: *нонѣнѣ*, *нѣнѣ* *нонѣнѣ* (С. NN № 96, 97, 120, 132, 133, 145). То же мы видѣли и выше. Собственною-нѣя мужескаго р., принявши форму средняго р. съ нароченіемъ, такъ и осталось съ нею въ винительномъ п.: *носнѣ* *нѣнѣ* *нѣнѣ* *нѣнѣ* (С. № 34). Наличиее отглаголеніе про-

извело окончаніе -и: *вѣрѣли* (т. ѡ., -иши, С. № 159), *вѣдали* (С. № 164). Черезъ перезвукъ *е* въ и произошло *годири* (С. № 136).

Винительный п. ед. ч. именъ женскаго рода на -а удержалъ при себѣ первоначальнаго указателя падежа *м*, который, слившись съ основною гласною, произвелъ носовой звукъ, сохранившійся въ *Д.-Булгарскомъ*, *Польскомъ* и *Полабскомъ* языкахъ. Въ прочихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, при истребленіи носовыхъ звуковъ, остались болѣе, или менѣе ясны слѣды ихъ въ тѣхъ гласныхъ, которыя ихъ замѣнили. *Ц.-Славянскій* языкъ употребляетъ звукъ -*ж*, -*ш*, во *Польскій* ослабляетъ его до -*г*, исключая нѣкоторые случаи снягченія, когда онъ замѣняетъ чрезъ *іг*, и немногія имена съ предпоследнею мягкою согласною, образующія свой винительный на -*г*. Прочія нарѣчія остаются вѣрными звуку, отвѣчающему *ж*, *ш*, и оканчиваютъ свой винительный или на -*у* (*и*), какъ *Сербское*, *Хорватское*, *Лужицкія*, *Чешское* и *Русское*, или на -*о*, какъ *Хорутаское*. Сдѣсь дѣло въ перезвукъ, форма же остается неизмѣненною. *Д.-Сербскія* письменности всюду употребляетъ -*ж* или -*ш*, смотря по собственному представленію твердости и мягкости, а по тому излишне было бы приводить привѣры. Однакоже образуется этотъ падежъ и для именъ мужскаго р. на -*а*, на пр.: *лѣтъ*, *младрѣю* (С. № 16), *веманю*, *веманю*, -*оу*, -*и* (А. NN № 1, 12; С. NN № 35, 176), *соудію* (3.) и т. д. Опять, и въ томъ же памятникѣ, находимъ переселенца: *ди дѣди вѣрѣоу цѣрѣоу* (3., ст. 58). Имена съ согласнымъ исходомъ не усиливаютъ своей конечной полугласной, ибо вообще въ этомъ падежѣ нѣтъ первоначальнаго гласнаго перезвука или усиленія, а есть только носовой отзвукъ, который тѣмъ не менѣе въ послѣдствіи принялъ различныя измѣненія въ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Отъ того при удержаніи конечной полугласной и самый носовой отзвукъ *м* оказался ненужнымъ, и винительный п. сравнялся съ именительнымъ. Но имена, пользующіяся краткою формою въ именительномъ п., кажется, не могли уже опять удержать ее въ винительномъ, когда первоначальная ихъ форма винительнаго еще удлинилась 6-ю *д*, и по тому въ этомъ падежѣ мы находимъ въ *Д.-Сербскомъ*, какъ и въ *Ц.-Славянскомъ* только полныя формы: *матѣрѣ*, *шѣрѣ*, *шѣрѣ* (С. NN № 12, 21, 26—28, 51, 53, 58, 76, 93, 142; А. NN № 11, 20; 3.), ср. Санскр. *mātaram*; *цѣрѣоу*, -*и* *цѣрѣ*, *цѣрѣ*, *цѣрѣ*, *цѣрѣ*, *цѣрѣ*, *цѣрѣ* (А. NN № 3—9, 11, 13, 14, 18; Мн.; С. NN № 46, 51, 76, 176; В. № 2; 3.; Мл.), *мѣмѣ*, -*ош*, *ош*, -*иш*, -*иш*, *мѣмѣ* (С. NN № 16, 37, 66, 77, 84, 88, 92, 96, 97, 100—102, 104, 107, 113, 114, 116, 117, 130, 140, 141, 145, 157). Отсюда видимъ, что имена, которымъ нарощеніе образовалось черезъ усиленный перезвукъ *м* въ *ош*, слѣдуютъ общему правилу относительно этого падежа. Исключеніе находимъ только одно: *мѣтѣ* (С. № 16). *Сербскій* языкъ придаетъ иногда *а* къ окончанію -*ош*, а по тому и въ старину кое-гдѣ прорывалось это свойство его; такъ читаемъ: *и цѣрѣоу* (А. № 8), *мѣмѣ* (С. № 78) и на оборотъ: *мѣмѣ* (С. № 55).

Родительный п. ед. ч. муж. р. имѣетъ, какъ и въ прочихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ и нынѣшняемъ *Сербскомъ*, главною наковечною буквою *а*, которое, какъ мы уже видѣли, переходитъ иногда въ *и*, а это въ нѣкоторыхъ памятникахъ перегласовывается въ *я*. Мы видѣли также, что не вездѣ въ этихъ случаяхъ имѣетъ мѣсто снягченіе, и если прибавимъ, что общее образованіе этого падежа въ *Сербской* письменности не представляетъ ничего отличительнаго, то намъ остается только обратитъ вниманіе на частныя особенности древняго сложенія. Имена, исходящія на -*и*, будутъ ли око слѣдующее изъ -*иш*, или полугласное, или же означаютъ родъ, въ -*и*, *дѣлѣ* и *мѣмѣ*, слѣ-

нѣгу и едь, голый, остатокъ основной конечной гласной известного разряда словъ: во первыхъ, Славянской языкъ, хотя и откладываетъ согласный указатель падежа, каково с₁, но гласную большую частью удерживаетъ въ слого-движеніи; во вторыхъ, навязывать основной исходу малочисленнаго разряда огромному большинству словъ, въ нарѣчіяхъ, предпочтательныхъ родительный на -у, невозможно, ибо въ Славянскомъ языкѣ основныя исходы словъ уже сдѣлались иже, подходить къ тремъ привычнымъ, и скорѣе являются въ видѣ о и е, и хотя различаютъ твердость и мягкость, однако периодъ ихъ плохо отвѣчаетъ порядку первоначальныхъ основъ а, и, у. Еще менѣе имѣетъ значенія въ этомъ отношеніи болѣе поверхностное объясненіе, именно различіе именъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ, односложныхъ и многосложныхъ, къ которому прибѣгаютъ грамматики; чтобы сколько нибудь привести къ основанію употребленіе того и другаго окончанія: остается происхожденіе а и у отнести къ кореннымъ звуковымъ началамъ, а выборъ ихъ предоставить духу и благозвучнымъ требованіямъ каждаго Славянскаго нарѣчія. Возвращаясь опять къ слову дѣнь, мы замѣчаемъ, что и въ Чешскомъ и Лужицкомъ языкахъ оно имѣетъ въ родительномъ п. -и, въ отпадѣ отъ -а, употребляемаго вмѣсто нарѣчія: такъ, можетъ быть, пошлая и древнѣе Българскіе и Сербскіе племени отъ того въ этомъ словѣ уклонились отъ общихъ свойствъ своего языка.

Въ среднемъ р. этотъ падежъ принимаютъ, какъ и въ мужескомъ, -я или -и (а, я). Твердость и мягкость согласныхъ исходовъ Сербскій языкъ рѣшаетъ по своему, а по тому же находимъ и моря, -я, моря (С. NN^o 16, 37, 51, 71, 78; А. NN^o 3, 11) и моря (А. NN^o 4) и т. п., какъ мы уже видѣли выше: Б-а и, переходя въ я, образуетъ перовозвучанное окончаніе -я. Обратимъ вниманіе на слова съ такъ называемымъ нарощеніемъ, хотя здѣсь нѣтъ никакого нарощенія, а напротивъ здѣсь возникаетъ древнѣйшій полный образъ слова. Таковы родительныя падежи: племени, племена, -е, плени, плениши (А. NN^o 3, 4, 16; С. NN^o 37, 64, 97, 103, 136, 176; Мл.), крамѣ, крамѣши, -е (А. NN^o 10; С. NN^o 100, 107), словеса (Ш. № VII), словеса, -е, словеса, словеса (С. NN^o 37, 81, 89, 95, 103; З. А.; А. NN^o 20); ср. племн, крамн, Санскр. *padhas*. Здѣсь окончаніе -е есть усиленіе изъ первоначальнаго а (*as*). Дальнѣйшее усиленіе переходитъ въ и: словеси, словеса (А. NN^o 5; С. NN^o 46, 54, 55). Мы видѣли форму *плениши*, моря: такъ точно Сербскій языкъ, оставляя и забывая Н.-Славянскія формы, придавалъ этимъ словамъ общее окончаніе -и, воображая ихъ именительный на -е, и совпадалъ, хотя и совѣтъ по другой причинѣ, съ первобытною формою на -а; ср. Санскр. *padhasas*. По этому съ теченіемъ времени мы находимъ: племена, племена, племена, плени (С. NN^o 64, 96, 98, 104, 107, 108, 112, 115, 126), крамѣши, крамѣши (С. NN^o 76, 93, 98, 126, 145). Опять встрѣчаемъ собирательную форму *плениши* (А. № 19), *плениши* (С. № 164): Последнее есть то же, что *плениши* отъ *плениши* ед. ч. средняго р. *плениши*, которое сходится съ *плениши* нѣмъ ч. мужескаго р. Такъ, повторю, слова, не измѣняя формы, переходили изъ одного рода въ другой, хотя въ сущности и формѣ ихъ была различія. Слово *нована*, являющееся въ этой формѣ въ винительномъ п. принимать въ винительномъ и родительномъ ш и дѣляется, по видѣному, несклоняемымъ; ср. *новъ шивъ*, -а, *новъ шивъ новани* (С. NN^o 86, 88, 96, 101), *новъ шивъ новани* (С. NN^o 97), *новъ шивъ новани* (С. NN^o 107) *новъ шивъ новани* (С. NN^o 114). Нововъ имена мужескаго р. нѣмъ ч. происходятъ преимущественно отъ прилагательныхъ средняго р., склоняются по

образу иищнннхъ *лэме, прасе, тале* и т. п., или Ц.-Славянскихъ отрогъ, дѣтѣ и т. п. Происхожденіе при этихъ словахъ формы на *-тѣ* указываетъ на ихъ первоначальную причастную форму, исходящую съ Санскр. *-ant*, Лат. *-ans*, *-ens* (древн. *-ant*, *-ens*), Греч. *-ων*, Гот. *-ands*. Но слова, которыя мы хотимъ привести изъ памятниковъ, не должны законово имѣть этой формы и принимать ее только по подобію съ вышеназванными. Таковъ родительный п. именъ собственныхъ: *тратѣ* отъ *тратѣ* (С. № 16), *шнѣ* отъ *шнѣ* (С. NN № 63, 96), и переначенный *сметѣ*, ии. *-тѣ*, отъ *сметѣ* (С. № 96).

Родительный п. ед. ч. женскаго рода съ гласнымъ исходомъ постоянно имѣетъ *-е*—перезвукъ носоваго *а, ш*, которое въ Ц.-Славянскомъ языкѣ имѣетъ свой кругъ употребленія, снѣжаясь съ *б-ю* ш. Последняя есть тоже видъ носоваго перезвука, и по тому мы должны считать носовой звукъ признакомъ родительнаго п. для Славянскихъ нарѣчій. Дѣйствительно во всѣхъ этихъ нарѣчійхъ находимъ эти два исхода: въ Хорватскомъ, какъ и въ Сербскомъ, всюду *-е*, въ Хорутавскомъ для гласнаго исхода *-е*, въ Русскомъ и Польскомъ *-ы* (*у*), *-и* (*і*), въ Чешскомъ для твердаго гласнаго исхода *-у*, для мягкаго *-ѣ*, *-е*, въ Луижскихъ для твердаго исхода *-у*, *-і*, для мягкаго *-е*. Этотъ носовой отзвукъ, хотя и перезвукованный, усвоенъ безысключительно всѣми Славянскими нарѣчійми для всѣхъ существительныхъ именъ женскаго р., имѣющихъ главный исходъ *а* въ именительномъ п.: здѣсь видно самостоятельное дѣйствіе Славянскаго языка, усвоеннаго собою вспомогательное *и*, которое въ другихъ Индоевропейскихъ языкахъ помѣщается очень рѣдко въ склоненіи. Послѣ него наиболѣе употребляетъ *и* Готскій. Санскритъ тоже имѣетъ: вставочное *и* для именъ средняго рода съ конечною гласною основой и двойное склоненіе для именъ прилагательныхъ, безъ *и* и съ *и*. Сербскій языкъ, какъ и Хорватскій и Хорутавскій, всюду провѣлъ *е* для гласнаго исхода, какъ Русскій и Польскій провѣли *ы* (*у*) и *и* (*і*). Здѣсь *е* можетъ быть твердымъ и мягкимъ. Послѣ этого, приступая къ древней его письменности, мы съ перваго же разу можемъ отличить степень вліянія двухъ стихій, произведшихъ иищнннн языкъ. Тѣ имена, которыя имѣютъ въ Ц.-Славянскомъ языкѣ *-а, -ш, -а* въ Сербскомъ *-е, -и*, не могутъ служить для насъ вѣрными мѣрломъ при движеніи формъ, ибо здѣсь главное служеніе отправляетъ законъ звукоизмѣненія, требующій упомнутаго перезвука и возникшій съ рѣшительнымъ дѣйствіемъ уже въ XII-мъ вѣкѣ; но позваніе будетъ прослѣдить имена съ твердымъ гласнымъ исходомъ, имѣющія въ Ц.-Славянскомъ *-ы*. Такъ какъ въ Сербскомъ они равномерно принимаютъ *-а*, то это различіе и послужитъ намъ настоящимъ основаніемъ для выводовъ. Надо сомнѣться, что въ этомъ надежѣ народная форма съ самой первой поры уже взяла рѣшительный перевѣсъ надъ Ц.-Славянскою и тѣшила ее даже въ Афонскихъ грамотахъ. Въ XII-мъ в. въ гр.-ѣ Кулина уже господствуетъ народность съ своими формами: *снаѣ*; *дѣѣ* (А. И.); въ XIII-мъ только въ одной Жичанской находимъ *гласи*, *слѣи*, но тутъ же и *дрѣшѣи*, *шнѣ* (Ш. № VII); во всѣхъ прочихъ одно *е*, которое иногда, какъ и въ послѣдствіи, замѣняется начертаніемъ *ѣ*, на пр., *вѣѣѣѣ* (С. № 17). Въ XIV-мъ в. появляются Афонскія грамоты, а съ ними и Ц.-Славянская форма. Такъ мы находимъ въ нихъ: *сѣшѣ*, *-ѣ* (А. NN № 3, 4, 6), *моѣшѣ*, *шѣшѣ*, *шнѣшѣ* (А. № 4), *воѣшѣ*, *прѣшѣ*, *тѣшѣ*, *дѣшѣ*, *дѣшѣ*, *дѣшѣ*—въ *бѣшѣ*, *дѣшѣ*, но далѣе: *рѣшѣ*, *ѣшѣ*, *шѣшѣ*, *дрѣшѣ* и *дрѣшѣ* (А. № 6), *гласѣшѣ*, *дѣшѣ*, *рѣшѣ*, *воѣшѣ*, *шнѣшѣ*, *слѣшѣ*, но *ѣшѣ* (А. № 7), *дѣшѣ*, *прѣшѣ*, *гѣшѣ*, *рѣшѣ*, *слѣшѣ*, но *шѣшѣ*, *воѣшѣ*

и, вѣде (А. № 8), нивола (А. № 9), дѣи, но шив, рѣи, шити, вонси; нахо-
днѣи воли, слѣи, но тутъ же шлѣи (А. № 5), слѣи, горѣ, слѣи, вѣи, но
блѣи койси, глѣи, за то: дѣи и дѣи (А. № 10), шибѣи, лѣи, -и, горѣ (А.
№ 11), горѣ, вѣи, но вѣи (А. № 13), шѣи, вѣи, но вѣи, три-
шѣи, шѣи, шѣи, вѣи (А. № 14), вѣи, но вѣи (А. № 15). Въ про-
чихъ Аеоискихъ одно -е. Если изъ сейчасъ приведенныхъ въ каждой нахо-
димъ ту и другую форму и при томъ такъ, что въ позднѣйшихъ народная
многочисленнѣе, то въ другихъ Восточныхъ грамотахъ перевѣсъ народной
долженъ быть еще значительнѣе, и тѣмъ значительнѣе, чѣмъ ближе къ концу
вѣка: дѣи, глѣи, въ немногихъ памятникахъ встрѣчаемъ еще Ц.-Славян-
скую форму: вѣи, но шѣи, вѣи (Мк.), вѣи, вѣи (С. № 51), вѣи,
шѣи, шѣи—въ богословіи, но вѣи, кромѣ рѣи, всюду -е (С. № 176),
шѣи—въ богословіи, вѣи -е (С. № 35), вѣи, вѣи (В. № 1), вѣи, рѣ-
и, шѣи—въ богословіи, но вѣи -е (С. № 46), вѣи (С. NN № 46, 62, 69),
вѣи, шѣи, но вѣи, вѣи (С. № 63), вѣи (С. № 71), но вѣи (С. №
50), шѣи и неправильное шѣи, но въ прочемъ всюду -е (З.). Такъ оче-
видно слабѣетъ Ц.-Славянская форма, стараясь укрыться въ богословіяхъ,
обыкновенно писанныхъ близко къ Ц.-Славянскому языку. Въ Западныхъ гра-
мотахъ этого вѣка ея не находимъ. Въ XV-мъ в. она попадаетъ изрѣдка въ
Восточныхъ: дѣи (Ю.), вѣи (А. № 19), вѣи (С. № 90), вѣи, -и,
вѣи (С. NN № 90, 94, 111, 137; Мл.), вѣи, вѣи (А. № 16), рѣи (С.-Д.
М. 1844), вѣи (Мл.), дѣи, вѣи (С. № 178), вѣи, горѣ (Г. V) вѣи,
вѣи, вѣи (А. № 20) — и только, тогда какъ народная гораздо много-
численнѣе. Въ Западныхъ же, не смотря на ихъ обиліе, встрѣчаемъ толь-
ко слѣдующіе случаи: вѣи (С. № 93), вѣи (С. № 99), вѣи (С.
№ 114), вѣи (С. № 134). Явно, что падежъ этотъ принадлежитъ къ чи-
слу тѣхъ немногихъ областей письменности, въ которыхъ народность рано
и успѣшно начала свои дѣиствіа. Только слово вѣи несколько откло-
няется, принимая часто -и вмѣсто -е, -и. Правда, въ нѣкоторыхъ случаяхъ
трудно рѣшить, въ какомъ падежѣ оно поставлено, ибо слова, каковы: вѣи,
самодрѣи и т. п., равно сочиняются съ родительнымъ, какъ и дательнымъ
п.; но когда есть прямая указанія на родительный п., тогда остается при-
знать, что -и возникло здѣсь по тому, что это слово встрѣчается нѣрѣдко въ
твердой формѣ вѣи: слѣдовательно, вѣи есть форма Ц.-Славянская, хотя
образованная отъ временной народной съ твердымъ исходомъ. Таковы случаи:
вѣи (т. е., изъ вѣи, С. № 3), вѣи (С. № 66), вѣи (З.), вѣи
и вѣи (Мл.). Присоединимъ сюда сомнительные: вѣи вѣи вѣи вѣи
и вѣи (С. № 21), вѣи и самодрѣи вѣи вѣи вѣи и вѣи (С. №
24), ср. вѣи вѣи вѣи вѣи и вѣи (С. № 25), вѣи вѣи
вѣи (С. № 164). Въ Славянскія нарѣчія сходятся между собою отно-
сительно полугласнаго исхода словъ женскаго р. Родительный п. этихъ словъ
они оканчиваютъ на -и. По тому и нынѣшній Сербскій языкъ, сойдясь съ Бул-
гарскимъ, имѣетъ и въ древней своей письменности то же окончаніе -и. Но въ
именахъ съ нарощеніемъ первоначальное -ас, перейдя у Славянъ въ -е, под-
верглось нѣдѣ дальнѣйшему перезвуку въ -и. Такъ Хорутанскій употребляетъ
вѣи вмѣстѣ съ вѣи, Русскій вѣи, дочери. Но Д.-Сербскій, какъ нынѣш-
ній и какъ большая часть Славянскихъ нарѣчій, имѣетъ -е: вѣи, -еи, вѣи,
-е, вѣи (С. NN № 2, 37, 51, 84, 88, 93, 97, 140, 156, 176; А. NN № 3—3,
10, 12, 20; Мл.), вѣи, вѣи, вѣи. вѣи (С. NN № 7, 87, 109, 115, 155),

но не трудно было подвести это окончание под обычное полугласное и составить имень (С. № 108), Имена, исходящая на Ц.-Слав. ш, которое Сербский язык перевелъ, какъ и другія Славянскія нарѣчія, въ е съ предшествующею полу-гласною, озвукотворенною въ а, въ другихъ о, е, подчиняются въ этомъ видѣ общему падежному исходу -и; но въ Ц.-Славянскомъ имѣютъ -ѣ, которое в Д.-Сербский отчасти удержалъ, а отчасти измѣнилъ въ и, переведя эти слова въ общее склонение именъ съ согласнымъ исходомъ. По этому въ на-пятинкахъ, наиболѣе подчиненныхъ Ц.-Славянскому влиянію, находимъ преимущественно форму на -ѣ, а въ противоположныхъ имъ на -и. Примеры покажутъ ихъ отношеніе: *црѣкѣ, црѣкѣ, -ѣ* (Ш. № VII; С. NN № 16, 35, 118, 142, 145, 176; А. NN № 3, 4, 6, 9, 10, 14; 3.; Мл.), *црѣкии, црѣкии, -и* (Ш. № VII; С. NN № 16, 35; А. № 10; 3., В. № 2). Отсюда видимъ, какое сильное колебаніе должна была производить народность, когда въ однихъ и тѣхъ же грамотахъ употребляются рядомъ обѣ формы. Далѣе: *любовѣ, любовѣ, -ѣ* (С. NN № 16, 34, 107, 111, 114, 137, 138, 144), какъ и теперь въ Шувалинъ говорятъ *любовѣ; крѣкѣ* (А. № 19), *крѣкии* (С. NN № 89, 114, 120, 133, 144, 145) и т. д.

Дательный п. ед. ч. для мужскаго р. имѣтъ своимъ исходомъ б-у -ѣ, смягчающуся въ -ю. Слово *дѣдѣль* имѣтъ двойное окончаніе: мужское, которое и отвѣчаетъ этому именительному п.: *дѣдѣлоу* (Ш. № VIII), *дѣдѣлоу* (С. № 5), и женское: *дѣдѣлоу* (С. № 4), предполагающее именительный *дѣдѣлоу*. Неопредѣленность окончанія собственныхъ именъ иностраннаго происхожденія затрудняла ихъ движеніе и заставляла писцовъ оставлять ихъ иногда неизмѣняемыми; такъ въ этомъ падежѣ находимъ: *гварьги марьсиа* (С. № 18), *здѣтъ амьдрѣи* (С. № 21); *миконоу* имѣтъ *миконоу* (С. № 27), *жѣнѣ* — *жѣноу* (С. № 36), *михо* — *михѣ* (С. № 46); *хракою* (С. № 88) подтверждаетъ вышеприведенные именительный и родительный; за то *подѣноу* (А. № 15), находящееся въ Аѳонской гр-ѣ показываетъ, что здѣсь писецъ не хотѣлъ сохранить нелюбимую Д.-Булгарскимъ языкомъ форму на -ѣ и употребилъ обычную на -ю. Мы уже видѣли этотъ перезвукъ въ словообразованіи. Первоначальною образовательною гласною дательнаго п. было и, которое требовало озвукотворенія конечной полугласной соответственно духу Славянскаго языка. Это озвукотвореніе вмѣстѣ съ падежнымъ признакомъ произвело слоги -ои, -еи, въ которыхъ отъ времени и ослабло до ѣ, и въ этомъ видѣ -оѣ, -еѣ, какъ находимъ ихъ въ Лужицкой формѣ дательнаго п. -оѣ, -еѣ, перезвучивались въ -оѣ, -еѣ, каковыя формы, какъ посредствующія, встрѣчаемъ въ Д.-Чешскомъ: *dobow, dnow*, и Д.-Русскомъ: *доловъ, домовъ, срдолоу, домой*; а эти послѣднія, равняясь усиленнымъ у, ю, привели наконецъ и къ нимъ. Такимъ образомъ первоначальныя сочетанія *ои, еи* обратились въ *у, ю*. Самое ясное образованіе этого падежа мы видимъ въ Литовскомъ языкѣ, который прямо присоединяетъ падежной признакъ къ основной гласной; Санскритъ прибавляетъ его уже къ усилённому перезвуку; Латинскій и Греческій сливаютъ признакъ и основную гласную въ одинъ долгій звукъ о (=oi), -φ; а -иі Латинскаго прямо уподобляется такому же Литовскому. Но кромѣ простаго соединенія -ои, -еи, Славянскій языкъ иногда, не желая стягивать ихъ въ -оѣ, -еѣ для произведенія -у, прибѣгаетъ для полнаго сохраненія ихъ къ благозвучному е, которымъ разъединяетъ трудное стеченіе двухъ полныхъ гласныхъ, и такимъ образомъ составляетъ другое падежное окончаніе -оѣи, -еѣи. И такъ, при посредствѣ въ Лужицкаго языка и древнихъ формъ Чешскаго и Русскаго, Славянскія нарѣчія сохранили въ себѣ полное временное образованіе дательнаго п. Общее дви-

женіе идетъ отъ *-ом*, *-ем* чрезъ *ой*, *ей* и *ов*, *ев* къ *-у*, *-о* и къ *-оми*, *-еми*. По этому какъ мало Сербскій, такъ еще менѣе Хорватскій и Русскій языки любятъ *ов*, *ев* въ склоненіи именъ; но остальные Славянскія нарѣчія, и во главѣ ихъ Хорутанскій языкъ, допускаютъ это падежное видоизмѣненіе въ большей, или меньшей мѣрѣ. Сюда принадлежитъ и Д.-Булгарскій, вліяніе котораго не могло въ этомъ случаѣ не отразиться и на Д.-Сербскомъ. Мы знаемъ, какъ иногда вліяніе это было сильно: но припомнимъ томъ сдѣсь оно явилось столь слабымъ, что, не смотря на присутствіе Аѳонскихъ грамотъ, только немногихъ примѣровъ находимъ мы въ нашихъ памятникахъ, и, кромѣ одного, всѣ они принадлежатъ именно этой семьѣ грамотъ. Таковы: *мнѣштираки* (А. № 1), *гѣи* (А. № 3), *гѣи* (С. № 176), *вѣи* (С. № 175), *дѣи* (С. № 178). Если къ тому замѣтимъ, что послѣднія слова въ Ц.-Славянскомъ наиболѣе усвоили себѣ этотъ видъ и могли войти въ Сербскую письменность, какъ отвердѣлыя формы; если обратимъ вниманіе на ничтожное число примѣровъ и на то, что даже подъ самымъ сильнымъ вліяніемъ Ц.-Славянской стихіи, не говоря уже о другихъ грамотахъ, *моиштира*, *гѣи*, *вѣи*, *дѣи* продолжаютъ исходить на *-ю* и *-ѣ*, то поймемъ, до какой степени Сербскій языкъ питалъ отвращеніе отъ упомянутого видоизмѣненія въ своемъ склоненіи единственнаго числа.

Для средняго рода дательный п. ед. ч. образуется одинаково, какъ и для мужскаго, на *-ѣ*, *-ю* и *-ѣи*. Первое не требуетъ поясненія; о второмъ замѣтимъ, что его принимаютъ и имена, пользующіяся такъ называемымъ нарощеніемъ, на пр., *дѣтѣи* (А. № 1). Подобно этому слову, оправдывающему свое нарощеніе первичнымъ происхожденіемъ, находимъ и другія, принимающія нарощеніе не болѣе, какъ по подражанію, каковы: *оуоуѣти* (А. № 1), *зрѣстѣи* (С. № 34). Первое замѣчательно тѣмъ, что совершенно приняло образованіе средняго рода и окончательно перешло сюда изъ мужскаго; второе же, какъ иностранное собственное, пришло сюда и получило нарощеніе, какъ другія ему подобныя получили его въ родительномъ п. ... Нынешній Сербскій языкъ имѣетъ для этихъ именъ *-у*, на пр., *телему*. Имена съ первоначальнымъ носовымъ исходомъ принимаютъ, какъ и въ мужескомъ р., *-и*: *вѣиши*, *вѣиши* (А. № 1; С. № 176), *иши*, *иши*, *-і*, *иши* (А. NN № 3, 4, 5; С. № 176). Но въ послѣдствіи народность подвела и эти имена подъ одну форму съ прочими, давши имъ исходъ *-ѣ*, какъ и нынѣ *-у*; въ Западныхъ грамотахъ XIV-го и XV-го вв. читаемъ: *ишиши*, *ишиши*, *иши* (С. NN № 86, 96, 98, 107, 126). Собирательныя имена, перешедшія сюда изъ другихъ родовъ, подчиняются общему склоненію; такъ: *оуоуѣти* (С. № 176), *ишиши* (А. № 19), *ишиши* (С. № 37).

Для женскаго р. въ дательномъ п. ед. ч. служитъ тотъ же признакъ *-и*, который, сливаясь съ конечною основною гласною, производитъ *-ѣ*, или, при мягкомъ исходѣ, въпротивно, по особеннымъ законамъ благозвучія, *-и*. Очень легко можетъ быть, что стеченіе двухъ небныхъ, одной падежной. другой мягкаго основнаго исхода, пересиливаетъ всякій другой звукъ и требуютъ неизрѣнно уподобленнаго имъ перезвука *и*. Между тѣмъ какъ Польскій, Чешскій, Лужицкіе отличаютъ въ своемъ склоненіи обавзвукъ *-ѣ*, *-е* и *-у*, *-і*, Сербскій, Хорватскій и Хорутанскій уже всюду перегласовали *-ѣ* въ *-и* (*i*), тогда какъ Русскій поступилъ совершенно на оборотъ, принявъ всюду *-ѣ*. Это-то движеніе и доказываетъ, что между *-ѣ* и *-и* Д.-Булгарскаго никакого другаго различія не могло быть, какъ только звуковое, а призывакъ падежа остается одинъ и тотъ же. Д.-Сербскій книжный языкъ держался Д.-Булгарскаго образованія,

принимая при гласномъ исходѣ, т. е., твердою *а*, форму на *-а*, перезвукованную иногда въ *-о*. Такъ было въ XII-мъ, XIII-мъ вв. и въ Восточной семьѣ XIV-го и XV-го вв.; но въ Западныхъ грамотахъ двухъ послѣднихъ вѣковъ начинаетъ показываться народная на *-и*, не вытѣсняющая однако на минуту Ц.-Славянской. Сдѣсь постоянно видимъ обѣ формы. При этомъ гортанныя претворяются обыкновеннымъ образомъ. Замѣнительныя *г* и *и* остаются неизмѣняемыми, сочетаясь съ *и*, на пр., *госѣти*, *гаѣи*, *гѣи* (С. NN^о 3, 45, 76, 87, 109). Для *и* не находимъ примѣровъ, но *ѣ*, какъ мягкое, сочетается также съ *и*: *иѣи*, *иѣи* (С. NN^о 104, 114, 157). Перезвуки не должны наст смущать: *ошѣиши* (С. № 14), *кѣи* (С. № 57), *слѣи* (А. № 11), *иѣи* (С. NN^о 76, 133), *ѣи* (А. № 17), *госпои* (С. NN^о 121, 126), *комѣи* (С. № 127). *гѣиши*, *-и*, *госпои* (С. NN^о 142, 159), *чиѣи* (С. № 158), *гѣи* (С. № 166), *кѣи* (С. NN^о 166, 167), *вѣиши* (А. № 20) суть дательные падежи. Форма *госпои* показываетъ, что сдѣсь *г* звучало твердо и по тому, не имѣясь, приняло *г* = *а*; *гѣиши*, *вѣиши* и т. п. показываютъ ослабленіе Ц.-Славянскаго склоненія, допустившее *а* = *о* вмѣсто *и* при мягкомъ исходѣ, подобно Русскому языку. Съ первымъ появленіемъ своимъ въ XIV-мъ в. Западные грамоты не замедлили ввести новую форму для твердаго исхода *а*: эта форма была зародною и по тому быстро пошла въ ходъ. Тѣмъ не менѣе старина, способствуемая Ц.-Славянскою стихією, не переставала сохранять свои права, ставя свою форму на *-а* въ ровень съ народною на *-и*. Мы постоянно видимъ обѣ формы рядомъ одну съ другою. Такъ: *ошѣиши*, *ошѣиши*, *ошѣиши* (С. NN^о 74, 78, 82, 85, 86, 92, 95—98, 103—105, 107, 120, 124, 135, 136, 140, 141, 145, 150—152, 154), *иѣиши* (С. № 78), *вѣиши* (С. NN^о 81, 83—85, 89, 92, 95, 99, 103, 116, 136, 140, 150—154; 3. А.), *иѣи*, *иѣи*, *иѣи* (С. NN^о 84, 89, 96, 98, 100, 101, 102, 104, 107, 118, 120, 132, 140, 141, 164), *иѣиши*, *иѣиши* (С. NN^о 89, 132), *иѣиши* (С. № 93), *госпои*, *госпои* (С. NN^о 94, 95, 136, 150), *комѣи*, *комѣи*, *-иѣи*, *комѣи*, *комѣи* (С. NN^о 96, 98, 100, 101, 102, 107, 108, 112, 115, 116, 118, 126, 141, 163), *дрѣиши* (С. № 100), *иѣиши* (С. № 118), *вѣиши* (С. № 150; 3. А.), *слѣи* (С. № 140). И рядомъ съ ними даже въ однихъ и тѣхъ же грамотахъ: *иѣи*, *иѣи* (С. NN^о 68, 68), *ошѣиши*, *ошѣиши*, *ошѣиши* (С. NN^о 75, 77, 79, 86, 107, 114, 120, 125, 127, 128, 144; Г. VI, № 2), *иѣи*, *-и* (С. NN^о 76, 78, 114, 127, 133), *иѣи* (С. № 78), *госпои*, *иѣи* (С. № 86), *иѣи* (С. № 114), *комѣи*, *комѣи* (С. NN^о 126, 128), *слѣи*, *иѣи* (С. NN^о 128, 142). Даже находимъ: *госпои* (С. NN^о 121, 126). Замѣтимъ, что слово *госпои* имѣеть твердое *а* и есть собирательное женскаго р.; напротивъ *госпои* или иначе *госпои*, *госпои* имѣеть мягкое *а*; смягчающее *д* въ *иѣи*, *г*, *ѣ* и *и* и долженствующее въ дательномъ п. ед. ч. имѣть *и*. И такъ обѣ формы ужались и не перезвѣсили одна другую. Это показываетъ, что Сербскій языкъ признавалъ сдѣсь законность звука *а*, но во особеннымъ причинамъ перезвуковалъ его въ *и*. Во всѣхъ прочихъ случаяхъ находимъ, какъ сказали, *-а*, какъ во всѣхъ семьяхъ первыхъ двухъ вѣковъ, такъ и въ послѣдствіи въ Восточной и отчасти Западной. Въ первой только однажды подъ конецъ попадается *ѣи* (Мл.). Что касается до мягкаго исхода, то Д.-Булгарскій языкъ, какъ и Сербскій, имѣеть *-и*, которое постоянно образуетъ этотъ падежъ и въ Д.-Сербскомъ, и по тому повременнаго дательнаго сдѣсь нѣтъ. Обратимъ только вниманіе на отяженіе *и* чрезъ *ы* въ *и*: *иѣи*, *-и*, *-и* (А. NN^о 9, 17; С. NN^о 60, 63, 64, 67, 79, 80, 94, 96, 98),

нии (А. № 10), ветохъ (А. № 15), дшамци (С. № 136) и т. д. Въ образованіи падежа для согласнаго исхода всѣ Славянскія нарѣчія сходятся между собою, принимая признакъ *и*, который является здѣсь весьма естественно въ соединеніи съ мягкой полугласною, представляющею собою тотъ же небный звукъ первоначальной основы. Д.-Сербскій языкъ имѣетъ тоже *-и*, а по тому прифрмъ намъ не нуженъ.

Творительный п. ед. ч. мужескаго р. ничѣмъ не отличается отъ нынѣшняго. Окончаніемъ ему служатъ *-омь*, для твердой основы, и *-емь*, для мягкой, или гласной. Здѣсь Сербскій языкъ поступаетъ согласно съ общимъ духомъ Славянскихъ нарѣчій. Только однажды въ грамотѣ, исполненной Ц.-Славянской стихіи, находимъ *Архидрѣмь* (А. № 16). Ни разу не встрѣчаемъ уже Ц.-Славянскихъ *-ымъ* и *-емь*: здѣсь народность взяла рѣшительный перевѣсъ, принявъ для озвукотворенія *б-и* *о* и *е*, тогда какъ въ другихъ случаяхъ употребляетъ для того *я*. Собственныя имена на *-о* имѣютъ *-омь*: *марномь* (С. № 62), *варомь* (С. № 62), *сташомь* (С. № 107), *лидринномь* (С. № 158) и пр. *акъ*, имѣющее у Сербовъ творный исходъ, является здѣсь съ *ѣ*: *путьемъ*, *-емь*, *путьемъ*, *-ѣ* (А. NN № 5, 8, 11, 19; С. NN № 141, 176; III. № 15). Никѣ имѣетъ и *то* и другое окончаніе въ этомъ падежѣ. *хрѣсомъ* имѣетъ правильно *хрѣсомъ*, *-омь*, *хрѣсомь* (С. NN № 81, 85, 88, 89): *камь* или *камь*—*камьомь* (С. № 118).

Средній родъ имѣетъ одинаковое образованіе, какъ и мужескій, на *-омь* и *-емь*, *-имь*. Изъ *-имь*, чрезъ стяженіе, происходятъ *-ымь* и *-емь*, *-емь*. Собирательныя имена, какъ и въ предыдущихъ падежахъ, удерживаютъ форму единственнаго числа, на пр.: *лохымъ*, *конымъ* (С. № 2), *никимь*, *ликадкимь* (А. № 6), *камешнымъ*, *кичимь* (С. NN № 157, 176), *никимь* (III. № 14), *травнымъ*, *краснымъ* (С. № 78), *грамнымъ*; *-емь*, *грамьомъ* (С. NN № 98, 99, 107), *морьомъ* (С. № 140). Имена съ первичнымъ носовымъ исходомъ возстановляютъ, одни причастное *т*, другія обыкновенно *и*, на пр., *пигимь* (С. № 176), *й-й-имь*, *-ѣ* (А. NN № 3, 4, 6; С. NN № 5, 10, 61, 89, 90, 101, 102). Въ Западныхъ грамотахъ послѣднихъ двухъ вѣковъ находимъ и нынѣшнюю форму *нимьомъ* (С. NN № 73, 89, 164).

Образованіе творительнаго п. ед. ч. женскаго р. представляетъ любопытное явленіе въ Славянскихъ нарѣчіяхъ, особливо въ Сербскомъ. Общій признакъ этого падежа для всѣхъ трехъ родовъ есть *и*, который хотя не существуетъ въ Санскритѣ, однако является въ Литовскомъ для словъ съ основною *і* и *и* въ видѣ *-ті*, или въ видѣ долгой гласной для другихъ основъ; въ Санскритѣ тоже является одна лишь долгота падежной гласной; но какъ здѣсь, такъ и въ Литовскомъ эта самая долгота уже указываетъ на первоначальное стяженіе: и дѣйствительно, подобно Славянскому долготу *ш*, отвѣчающему индѣ гласной съ носовымъ отзвукомъ, Литовская, Санскритская и Латинская долгая гласная, по сличеніи съ Славянскимъ языкомъ и даже самимъ Литовскимъ, есть не что иное, какъ звукъ, поглотившій въ себя носовой отзвукъ и по тому сдѣлавшійся долгимъ. Слѣдовательно, здѣсь несправедливо видѣть прихоть языка, имѣвшаго здѣсь въ виду *вѣ* и измѣнившаго его въ *и*: если бы это было такъ, то *вѣ* явилось бы въ Санскритѣ, но долгота гласной этого послѣдняго именно указываетъ на ея стяженіе или переходъ изъ носоваго въ простой долгій звукъ. Литовское *-ті* объясняетъ Ц.-Славянское *-иь*, тогда какъ *-ти* дательнаго и. мн. ч. приводитъ къ Ц.-Слав. *-иь*. Другія Славян-

скія нарѣчія забыли это различіе и твердили конечную полугласную. Этотъ признакъ они придавали прямо къ основной полугласной, которая оставалась въ своемъ видѣ въ Ц.-Славянскомъ и озвукотворялась въ *o*, или *e* въ другихъ нарѣчіяхъ. Но для женскаго р. они поступили нѣсколько иначе. Сдѣсь ж не образовало уже собою цѣлаго слога, какъ въ Ц.-Славянскомъ -*мь*, или Литовскомъ -*mi*, но произвело только носовой отзвукъ, который въ сущности есть одно и то же, ибо первоначально носовые отзвуки произошли изъ придаточныхъ благозвучныхъ *ж* и *н*. Взаимный перезвукъ этихъ буквъ отразился и въ Славянскихъ нарѣчіяхъ, какъ сейчасъ увидимъ: въ однихъ творительный *п*. получилъ носовой отзвукъ *ж*, въ другихъ *н*. Но хотя падежъ этотъ и принялъ носовой отзвукъ для женскаго р., однако онъ не сошелся съ винительнымъ *ц*, какъ слѣдовало бы этого ожидать. И въ Литовскомъ тоже оба падежа разнятся между собою: сдѣсь въ творительномъ, -*mi*, въ винительномъ одинъ чистый носовой отзвукъ конечной основной гласной. Въ Славянскомъ языкѣ, ежели взять въ основаніе Д.-Булгарское нарѣчіе, одинъ падежъ имѣетъ -*омъ*, -*имъ*, -*имъ*, другой просѣ -*ж*, -*ж*. Сюда присоединилось и Русское нарѣчіе; но прочія болѣе, или менѣе стянули оба звука въ одинъ, то съ отзвукомъ, то безъ отзвука. Мы принимаемъ Д.-Булгарскую форму творительнаго *п*. -*омъ*, -*имъ*, -*имъ* за древнѣйшую для Славянскихъ нарѣчій, такъ что прочія будутъ моложе-ся по образованію. Напрасно нѣкоторые почитаютъ *o* и *e* вставочными буквами, для которыхъ и *ж* пріняло смягченіе въ *ж*: этому противорѣчить -*имъ*, гдѣ и есть явное воспроизведеніе основной гласной, а что это такъ, то доказательствомъ тому служить ихъ природа: *o* отвѣчаетъ твердой, *e* мягкой конечной полугласной или, что то же, правдней, болѣею надѣю, таковой же гласной. Напрасно также, одни за другими, упрекаютъ они Бопца, въ самечіи Санскритской формы *vidhavajá* съ Ц.-Славянскою *вѣдохъ*. Правда, сдѣсь носовой отзвукъ производитъ рѣзкое отличіе, но за то эта форма, какъ и другія: *déčna*, *matija*, *gáspatina*, *madhuna* могутъ служить объясненіемъ двозвучію -*омъ*, -*имъ*, -*имъ* исчезающему въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Онъ доказываютъ, что духъ Индоевропейскихъ языковъ первоначально къ основной конечной гласной присоединялъ *á*; это-то столкновение конечной гласной съ другою долгою требовало въ Санскритѣ разъединительнаго *п*. Движеніе конечной основной гласной отразилось и въ Д.-Булгарскомъ языкѣ, который первоначальное основное *a* (*ъ*) обратилъ въ *o* и *e*, а *u* (*ь*) въ *и*, въ падежномъ же *á* возстановилъ признакъ *ж* или *н*, образовалъ носовой звукъ *ж* или, для большаго разъединенія, *ш*. Отсюда происхожденіе формъ -*омъ*, -*имъ*, -*имъ*, въ которыхъ *ш* или первоначально *ж* могло когда-то звучать какъ *ан*, потомъ уже *он*, и *ун*. Такимъ образомъ Д.-Булгарскій языкъ сошелся въ измѣненіи основной гласной, съ Санскритомъ, а въ признакъ -*мь* или носовомъ отзвуку съ Литовскимъ. Русскій языкъ ближе всего подошелъ къ нему съ своими формами -*ою*, -*ею*, -*юю*; но прочія нарѣчія уже стали забывать это удлинненіе, хотя и изъ нихъ въ нѣкоторыхъ оно оставило свои слѣды. Такъ Польскій языкъ нѣсколько отличается свой творительный отъ винительнаго, употребляя въ первомъ *a*, когда во второмъ ставитъ *e*. Это *a* отвѣчаетъ Сербскому -*ом* для твердой и мягкой основы, даже при предшествующей гласной, хотя во всякомъ другомъ случаѣ мягкая основа переходить въ *e*, а не *o*, и Хорватскому -*ит* и -*јит* для всѣхъ окончаній. Въ Сербскомъ согласный исходъ принимаетъ *тјо*, какъ прямой перезвукъ Ц.-Славянскаго -*имъ*. Полабскій языкъ имѣетъ носовое -*ал*, какъ и Польскій; но другія нарѣчія уже забываютъ его и стягиваютъ съ предыдущею гласною въ долгій

ная доегласный звук подобен *й*. Такъ Чешское имѣетъ *-ou* (*ou*) или, по древнему *-i*, Угрословенское *-ou*, Лужицкія *-i*, Хорутанское *-o*, *-i* или *-oj* и *-jo*. Изъ нихъ Чешское, по роду отзвука, ближе всего подходить къ Д.-Сербскому. Всѣ эти звуки ясно указываютъ на свою составную природу, ибо чрезъ обыкновенный перезвукъ они произойти никакъ не могли. Тѣ, которые не имѣютъ носоваго отзвука, поглотили его въ себя. По этому-то мы Д.-Булгарскую форму и назвали относительно древнѣйшею, и при томъ она видимо полнѣе другихъ. При этой полнотѣ возможно было отличить твердость и мягкость основной гласной, сообразно съ *к* или *ж* или оставалось твердымъ, или смягчалось въ *ж*; но все таки, замѣтимъ, оно оставалось однимъ и тѣмъ-же въ сущности и не переходило въ *д*. Въ этомъ звукѣ было много своей собственной силы, такъ что въ нарѣчіяхъ, гдѣ онъ слѣвался съ основной гласной, онъ одерживалъ верхъ: отсюда Польское и Сербское постоянное *-om*, а въ старину *-oem*, не смотря на то, что эти окончанія присоединялись къ мягкой согласной, а иногда и къ гласной.

Но Д.-Сербскій языкъ, въ древнѣйшую пору своего книжнаго существованія, проявилъ другую форму творительнаго п., нѣсколько отличную отъ разсмотрѣнной, хотя и однородную съ нею: мы говоримъ о формѣ на *-om*. Мы не думаемъ, чтобы въ было сдѣсь что либо другое, какъ не то же м, но только перезвукованное, какъ видимъ въ словахъ *гуено*, *тавница* и н. др. Эта форма есть исключительно временное явленіе древнѣйшей поры Сербскаго языка, возникшее, быть можетъ, въ самую первую минуту его образованія или выдѣленія изъ общеславянской семьи. Сербы чувствовали присутствіе носоваго звука *м* и выразили его въ близкомъ къ нему *о*. Но что у Сербовъ было старинною и что въ послѣдствіи перешло въ общій носовой звукъ *м*, то и доселѣ сохранилось у Карпаторусовъ, у коихъ творительный п. жен. р. оканчивается на *-om*. Вообще всѣ эти надежныя окончанія очень понятны и близки между собою. Ц.-Славянскій языкъ первоначальный носовой отзвукъ *-m*, Лит. *-mi*, довелъ до произношенія *am* (ср. Санскр., *-na*), потомъ *um* или *um*, до его предписи, *ж*, которое въ другихъ нарѣчіяхъ, забывшихъ носовой отзвукъ, обратилось въ простое *у*, *ю*, такъ что надежъ сталъ исходить на *-ю*, *-ю*; одни нарѣчія стѣгнули ихъ совершенно въ *-у*, *-ю*, *-о*, другія оставили при о слабый отзвукъ *-у*, *-ю* и хотя пишутъ *-au*, *-ou*, однако произносятъ, какъ *о* съ бѣглымъ *е*,—и вотъ объясненіе Д.-Сербскому *-om*, третьи же перезвуковали въ *-oi*, *-ei*, т. е., изъ одного усиленія (*a+u*) перешли въ другое (*a+u*),—и вотъ объясненіе Русскому *-oi*, *-ei* и Хорутанскому *-oj*, а также вышеприведеннымъ *доуль*, *цалокъ*, *матка*. Присоединимъ сюда еще форму на *-o*, находимую, по словамъ Шафарика¹, въ нѣкоторыхъ памятникахъ Д.-Сербской письменности, епрочемъ, не ранѣ XIV-го в., но въ нашихъ не встрѣчающуюся. Это *o* есть то же *om* или *om*, но только поглотившее въ себя свой отзвукъ и ставшее наравнѣ съ Хорутанскимъ *o*, или произносившееся, можетъ быть, съ слабымъ отзвукомъ подобно Чешскому *i* или Угрословенскому *ou*. Это была переходная форма, исторически и теоретически позднѣйшая, чѣмъ *-om*. Но обратимся къ самымъ явленіямъ и посмотримъ, въ какомъ отношеніи находились всѣ три формы: Ц.-Славянская и двѣ народныя? Мы сказали, что и теперь слова съ согласнымъ исходомъ, къ которымъ присоединить должно два на *-m*, имѣютъ *-mo*: такъ какъ сдѣсь *o* есть обыкновенный перезвукъ *ж*, то собственно въ отношеніи самой фор-

¹ Se. bische Lesekörner, стр. 98.

ны надежа им не заходить никакого движомля: такими именами постоянно означиваются и въ Д.-Сербекомъ книжномъ языкѣ на -иѣ, или, при посредствѣ -иѣ, въ стянутомъ видѣ -ю. Но объ нихъ послѣ. Имена на -и и -и въ XII-изъ и XIII-изъ вв. принимаютъ, большею частію, окоччаніе -ока, а въ послѣдующихъ исключительно одво -оа. Сдѣсь -оа уже не встрѣчается. Ц.-Славянская же форма на -оа и -иѣ идетъ рядомъ съ ними, умножаясь, или слабя по мѣрѣ вліянія своей стихіи. Но въ двухъ первыхъ вѣкахъ вліяніе это было столь слабе, что, не смотра на Жичанскую граниту, находимъ только разъ роукою и тутъ же роукою (С. № 2). Обыкновенная сдѣсь форма есть -оа: кроа, кроа (А. И.; С. NN№ 3, 14, 16, 19, 26), ш-колоа (А. И.; С. NN№ 3, 4, 14, 15), воза (А. И.); хаша (А. № 1), ратиоа, летиоа, сароа (Ш. № VII), оакиоа, оакиоа (С. NN№ 2, 3), доа (С. № 2), гзеоа (С. № 3), вратиоа (С. № 14), вратиоа (С. NN№ 14, 15), гзеоа, шилоа (С. № 26). Что до формы -оа, то въ XII-изъ в. ея вовсе не находимъ, если не принимать въ расчетъ сомнительнаго ашиаоа (А. № 1), но въ XIII-изъ она начинаетъ показываться. Уже въ Жичанской находимъ ее въствѣ ст-оа: ратиоа, ватиоа, окроуа (Ш. № VII), одиоа (т. е. -оа, С. № 5), кроа (С. № 14), шеоа, оакиоа (С. № 16), ватиоа (С. № 19), вратиоа (С. № 20), сдиоа (С. № 22), скоодоа (С. № 24). Она малочисленнѣе предыдущей, но съ половины вѣка учащается. XIV-й и XV-й вв. являются уже только съ этою, да Ц.-Славянскою формами; но -оа въ нихъ уже не показывается. Народная господствуетъ въ Западной семьѣ, Ц.-Славянская въ Аѳонскихъ и отчасти другихъ Восточныхъ грамотахъ; но народная прокрадывается и въ Аѳонскія при малѣйшихъ благоприятныхъ обстоятельствахъ; въ рѣдкой грамотѣ не находимъ обѣихъ формъ. Пропускаемъ гр-ы А. NN№ 2, 9, 15, 16; Г. А, Б, V; В. NN№ 1, 2; С.-Д. М. 1844; С. NN№ 35, 48, 60, 178, въ которыхъ существуетъ одна только Ц.-Славянская форма; всѣ онѣ принадлежатъ Восточной семьѣ и преимущественно Аѳону. Прочія представляютъ смѣшеніе. Гр-а А. № 6: поуроа, но вратиоа, гзеоа, вратиоа; шилоа; гр-ы А. NN№ 3, 4, кроа ватиоа, имѣютъ еще постоянно -оа, -иѣ. Далѣе: колоа, но вратиоа (А. № 7), ташетоа, но вратиоа (А. № 5), кроа, црѣа, агоустѣа, гзеоа, сѣлоа, но вратиоа сѣлоа (А. № 10), шеоа, хаша, гоудоа, ратиоа, црѣа, гзеоа, но ратиоа, ибальриоа, шатоа, сѣа (А. № 12), оакиа, кроа, но вратиоа, ратиоа, колоа, ашатоа, вратиоа, вратиоа (А. № 14), вратиоа, но вратиоа, мѣа, гзеоа (А. № 18), вратиоа, гоудоа, ратиоа, ашатоа, но вратиоа (А. № 19). Сдѣсь обѣ формы являются почти по ровному числу разъ, народная умножилась къ концу вѣка; но въ другихъ памятникахъ Восточной семьи, въ которыхъ существуетъ такое же смѣшеніе, народная беретъ перевѣсъ. Такъ: вратиоа, вратиоа (С. № 51), вратиоа, роукою, дѣа, сѣа, истиоа—въ богословіи и заключеніи, а въ другихъ мѣстахъ безъ исключения множество на -оа: вратиоа, вратиоа, вратиоа и пр. и пр. (С. № 176), вратиоа, дѣа, вратиоа, ратиоа, црѣа, гзеоа, но вратиоа, сѣа (С. № 46), истиоа, но вратиоа (С. № 54), истиоа, но вратиоа, вратиоа (С. № 55), колоа, поуроа, вратиоа, црѣа, но вратиоа, вратиоа, вратиоа, вратиоа (вратиоа), сѣа (3.), хаша, но много разъ -оа (С. № 91), дѣа, хаша, но колоа, вратиоа, сѣа (М.). Сдѣсь Ц.-Славянская относится къ народной, какъ 1 : 1½. Другія же грамоты, каковы: А. NN№ 8, 11; Мк.; Ш. NN№ 11, 14; С. NN№ 43, 50, 61, 62, 70, 72, 111, 137, 146—148, 175, заключаютъ въ себѣ одну только народную форму. Вообще говоря, народная форма перевѣшиваетъ Ц.-Славянскую въ Вос-

точной семьѣ памятниковъ. Тѣмъ болѣе перевѣсъ долженъ склониться на ея сторону въ грамотахъ Западной семьи. Уже въ Восточной, даже въ самыхъ Аеоискихъ грамотахъ, можно было замѣтить по ходу рѣчи, что народная форма жила здѣсь внѣ богословія и заключенія; въ Западныхъ же только въ богословіи и заключеніи, и то чрезвычайно рѣдко, находимъ Ц.-Славянскую форму. Только С. NN^о 66, 68 имѣютъ въ богословіи такую, какъ С. NN^о 81, 150 и 3: А. водню, -ю, во всѣхъ же прочихъ мѣстахъ -омъ. Послѣ этого ясно, что только одно сильное влияние Ц.-Славянской стихіи поддерживало, и то не вездѣ удачно, свою форму: самое выгодное отношеніе для нея было въ Аеоискихъ; но и здѣсь оно не превышало 1 : 1. Стало быть, въ творительномъ п. ед. ч. женскаго р. народность дѣйствовала успѣшно и уже въ первыхъ вѣкахъ письменности выступала побѣдоносно съ своею формою. Замѣтимъ, что кромѣ двухъ сомнительныхъ словъ *лишавомъ* и *лишотѣ* отъ *лишави*, *лишота*, для всѣхъ окончаній служить одна форма -омъ, которая и нынѣ также есть единственная. Подъ это склоненіе переходятъ нѣкоторыя имена съ согласнымъ исходомъ; таковы: *црквиомъ*, -ѣ, *црквиомъ*, *црквиѣ*, *црквиомъ*, *црквиомъ* (А. NN^о 7, 9, 14, 18; С. № 35; 3. А.; Мл.): это народная форма, которую, какъ видно, полюбили и Аеоискія грамоты; ср. *црквию*, -ювию (3.), *любовомъ*, -имъ, -ѣ (С. NN^о 104, 105, 132, 142). Обѣ эти формы предполагаютъ именительные *црква*, какъ нынѣ, и *любовь*. Но есть имена, которыя при согласномъ исходѣ принимаютъ -омъ, какъ на пр.: *тѣнѣ* (С. NN^о 49, 50), *матѣнѣ* (С. № 49), *исхитомъ*, -ѣ, -тѣнѣ (С. NN^о 57, 61, 77, 118, 122, 130) и даже *исхитимъ* (С. № 170), *радостѣ* -омъ (С. № 61). Впрочемъ, относительно формы *исхитомъ* можно думать, что писецъ воображалъ ея именительный п. съ твердымъ исходомъ и образовалъ по мужескому р., ибо однажды опредѣляющее слово поставлено въ этомъ родѣ: *исхитомъ*, *дланинитимъ* (С. № 118). На оборотъ, сюда переходятъ имена съ гласнымъ исходомъ, каковы: *истиню* (С. № 5), *истинню*, *истиню* (С. № 51), *датую*, -ѣ (Ш. № VII; А. NN^о 5, 6) предполагаютъ именительный *дѣтѣ* или *дѣтъ*, то же, что *дѣтъ*. Черезъ стяженіе -ню происходитъ -ю: *любовю*, *альтѣ*, *рѣшностѣ*, *тѣлностѣ* (С. № 35), *помощю* (С. № 84), *любовю* (С. № 85), *исхитю* (С. NN^о 102, 115, 119, 121, 123, 126, 130), *матерю* (С. № 103), *исхитю* (С. № 145).

Мѣстный п. ед. ч. муж. р. имѣетъ три исхода: -ѣ, -ѣ, -и. Замѣчаютъ большое сходство между ними и дательнымъ. Въ нѣкоторыхъ Индоевропейскихъ языкахъ одинъ и тѣ же окончанія отправляютъ служеніе для обоихъ падежей. Слѣдовательно, мысль обонхъ падежей была въ основаніи своемъ одна и та же, и только разнообразіе представленія придавало ей различныя отбѣнки. По этому для мѣстнаго п. должно принять тотъ же признакъ *и*, какъ и для дательнаго. Подтвержденіемъ этому послужитъ Литовскій языкъ, въ которомъ одна и та же образовательная буква *i* служитъ для того и другаго падежа; въ Санскритѣ то же самое усиліе *ѣ*, какъ и въ дательномъ, а для основъ *и* и *i* одно усиліе основной гласной *ѣи* безъ падежнаго признака, какъ въ дательномъ Готскард. Отсюда понятнo происхожденіе *ь* и *и* въ Славянскихъ языкахъ; но *у* требуетъ нѣкотораго объясненія. Мы полагаемъ, что происхожденіемъ своимъ оно обязано какъ внутреннему средству обонхъ падежей *и* и *ѣи*, такъ и одинаковому звуковому явленію въ перезвукѣ доегласныхъ *ои*, *ѣи* въ *у*, *ю*. Только здѣсь строже поступили Славянскія нарѣчія и не удержали переходныхъ *оѣ*, *ѣѣ*, кромѣ Чешскаго и Хорватскаго, которыя и въ этомъ падежѣ имѣютъ -омѣ, а послѣднее, забывая разумность образованія формъ, даже

-омъ. И такъ всё три окончанія имѣютъ равное право на пребываніе въ языкѣ; но ни одно Славянское нарѣчіе, кромѣ Чешскаго, не пользуется всеми тремя вмѣстѣ. Д.-Булгарскій языкъ допускаетъ только два: я и и, Сербскій и Хорватскій только одно -у, -и; Хорутанскій -и и -і въ окончаніи -омъ, что весьма важно для тожества мѣстнаго п. съ дательнымъ; Русскій -ль и рѣдко -у, Польскій и Лужицкіе -и и -е (-іе), Чешскій же имѣетъ -и, -е, -а и -омъ. Что же представляетъ намъ древнекишкнній Сербскій? Мы сказыали, что онъ въ мѣстномъ д. допускаетъ три образовательныя гласныя, объясняемыя однимъ и тѣмъ же происхожденіемъ. Такъ какъ нынѣ онъ имѣетъ только одну гласную, то двѣ остальные, конечно, заимствованы имъ у Ц.-Славянскаго языка вмѣстѣ съ формами словъ. Сдѣсь опять выступаетъ впередъ временное движеніе языка подъ вліяніемъ двухъ стихій. Аѳонская грамота XII-го в. имѣетъ -я и -и согласно съ Ц.-Славянскимъ языкомъ: на вѣстола, на пашамъ (А. № 1). Грамоты XIII-го в. всѣхъ семействъ имѣютъ совершенно Ц.-Славянское употребленіе, свидѣтельствующее, какъ уже не разъ мы замѣчали, о большей общности въ этомъ вѣкѣ книжнаго языка для всѣхъ странъ Сербіи и близости его къ своему образователю. Не только собственно-Сербскія, но и Дубровницкія и Приморскія имѣютъ -я и -и, хотя управляющій падежомъ предлогъ въ давно уже принялъ звукъ ѣ: оу дѣтоѣ, въ храмѣ (Ш. № VII), на сѣтъ, -е (С. NN № 3, 16), въ дѣтоѣ, на станицѣ (С. № 11), на мостѣ, въ кровѣ, на пѣти, на сѣкорѣ (С. № 16), въ, в градѣ, -я (С. NN № 16, 26, 27), на сѣдѣ (С. № 17), в оветѣ, оветѣ (С. NN № 17, 21, 26), д. мира (С. № 20), на, в дѣлоѣ (С. NN № 21, 25, 26). Исключеніе только одно: в дѣлѣ (С. № 25). Отсюда видимъ, что въ этомъ вѣкѣ Ц.-Славянская форма господствуетъ, и въ ней народность менѣе усилѣла, чѣмъ въ предлогѣ ѣ. Переходимъ въ XIV-й в. Сдѣсь встрѣчаютъ насъ Аѳонскія грамоты; но уже во второй изъ нихъ читаемъ: в книжѣ дѣроу, на приноу градоу, хотя тутъ же: в кнѣгоградѣ, въ хрѣсокоуѣ (А. № 6) и въ слѣдующихъ: въ домоу, въ пригоу, пригоу (А. NN № 3, 4), хотя въ тѣхъ же грамотахъ еще и Ц.-Славянское образованіе: при ироутѣ илнннѣ, при игоуѣ илннѣ (А. № 2), въ хрѣсокоуѣ, въ животѣ (А. № 3), въ илнѣ, въ бѣроуѣ (А. NN № 3, 4), оу хрѣсокоуѣ, гдѣ принято мягкое окончаніе, въ илнѣ, въ монастырѣ (А. № 4) и пр. И такъ уже въ самомъ началѣ вѣка, и при томъ даже въ Аѳонскихъ грамотахъ мы встрѣчаемъ совмѣстное, присутствіе Ц.-Славянской и народной формъ. То же отношеніе продолжается до конца вѣка въ собственно-Сербскихъ и Зетскихъ грамотахъ. Приведу изъ нихъ нѣсколько замѣчательнѣйшихъ примѣровъ, чтобы показать, какъ еще свѣжа была Ц.-Славянская стихія, когда рядомъ съ нею, въ тѣхъ же грамотахъ, уже дѣйствовала народность: в дѣроуѣ илнѣ, дѣроуѣ илнѣ, -е (С. NN № 33, 35, 43) и в дѣроуѣ илнѣ (С. NN № 55, 62, 64), в улоуѣ (С. № 34), на поутѣ, оу сѣкоуѣ, на хрѣсокоуѣ (С. № 176), оу оѣтоуѣ (С. № 51), въ градѣ (С. № 52), в гѣ, в гѣ (А. NN № 5, 7), въ хрѣсокоуѣ и хрѣсокоуѣ, хрѣсокоуѣ (А. NN № 5, 11), въ илнѣ (А. NN № 5, 15, 18), на, в илнѣ, въ, в сѣкоуѣ (А. NN № 12, 13; С. NN № 50, 53, 62), при логоуѣ (Г. А), на илнѣ (С. № 64), въ оѣи, сѣѣ, дѣѣ, илнѣ, на илнѣ (В. № 2), въ оѣи и снѣи и въ дѣѣ (С. № 71); и въ Законникѣ: въ монастырѣ, на оѣи, оу хрѣсокоуѣ, въ законникѣ. Рядомъ съ этими вѣстными въ. мы находимъ достаточно примѣровъ на -я. Такъ, на пр., въ церковно-дарегезныхъ грамотахъ: на ироуѣ, на поутѣ (А. № 8), на ироуѣ, на ироуѣ, на домоу (С. NN № 176); в пригоуѣ (А. № 9), въ градѣ илнѣ, въ

домоу сѣова (А. № 10), з владѣде (А. № 14), з нѣри (С. № 18) и въ Законникѣ: въ, на домоу, оу милостиноу, градоу, нѣтоушоу, нѣдѣлоу. Другія грамоты наблюдаютъ такое же отношеніе, на пр., въ Зетскихъ: з лѣши (С. № 63), такъ что, можно сказать, въ XIV-мъ в. въ Восточныхъ грамотахъ народная форма относится къ Ц.-Славянской менѣе, чѣмъ 1 : 2; первой формы почти вдвое менѣе, чѣмъ второй. Что же представляютъ намъ Западныя грамоты того же вѣка, показывающіяся, какъ извѣстно, во второй его половинѣ? Въ нихъ находимъ з граде воеваца, въ, о рода, о дмитрове днѣсѣ, з грагоца, на нѣстоу (С. № 66), о гѣ мѣшѣ нѣзѣ, з граде (С. № 68), о поплѣдѣ, въ вѣдрѣ (С. № 76), з граде дѣврокѣнѣцѣ (С. № 77), на цѣнтѣтѣ, з граде (С. № 78), з листѣ (С. NN № 79, 83), на мирѣ, на нѣтѣ (С. № 81), на дворѣ (С. № 179), на ѡци снѣзѣ и дѣси (С. № 84), на мирѣ, на хрѣсти, з гнѣнѣ, на дворѣ (С. № 85), на нѣтѣ, з дѣврокѣнѣцѣ (С. № 86). Въ нихъ тоже преобладаютъ Ц.-Славянскія формы. Вступаемъ въ XV-й в. и видимъ уже совсѣмъ иное отношеніе. Въ собственно-Сербскихъ: з жикотѣ, при нѣри стѣфлѣи и родитѣлѣи нѣзѣи лѣзарѣи, въ граде воруѣ; сдѣсь уже искаженіе Ц.-Славянскаго образованія въ словѣ стѣфлѣи, которому придано мягкое окончаніе (С. № 90), но въ другихъ такихъ же грамотахъ: при гѣоу нѣроу стѣфлѣиноу, оу тѣрноу (С. № 91), оу доусрокиноу, дѣврокиноу (С. NN № 91, 111, 137, 146, 148), на доусрокулиноу, дѣврокулиноу, стѣлоу, -з, соудѣ, сѣдѣ (С. NN № 91, 111, 137); на сѣтѣ, на моустири (А. № 17), на сѣоу, при стрѣоу нѣ ѡбѣдоу. но въ нѣстоу (С. № 175), на вѣцѣ (С. № 175; А. NN № 16, 19; С.-Д. М. 1844), при нѣрѣ стѣфлѣи гѣзѣ, родитѣлю (С. NN № 111, 137), при нѣзѣ, лѣзарѣ, дѣспотѣ, з нѣнѣдѣи (С. № 111), оу граде, при вѣлѣзѣ (С. № 137), з записѣ (С. № 131), при жикотѣ (С. NN № 146, 147), з граде, на дѣи (С. NN № 148), на Іерѣлѣи (Г. В), оу ѡбѣдоу, моустироу, нѣшоу, на соудѣ (М.), о рода, въ граде (С. № 178), о хрѣстѣ, въ хрѣсокоуѣи, у градоу коунишѣиноу (Г. V), на сѣтѣ, на нѣстоу, з воудѣиноу. Мы нарочно выписали всѣ примѣры, чтобы показать, что сдѣсь отношеніе между обѣими стихіями измѣнилось совершенно; сдѣсь народная форма относится къ Ц.-Славянской безъ малаго, какъ 2 : 1. При томъ замѣтимъ, что тѣ же выраженія, переходя изъ древнѣйшей въ позднѣйшую грамоту, принимаютъ съ тѣмъ вмѣстѣ и народный видъ:—явленіе очевидное въ своемъ повременномъ ходѣ. Если таково было дѣйствіе народности въ собственно-Сербскихъ грамотахъ XV-го в., то оно тѣмъ сильнѣе должно было проявиться въ грамотахъ Западныхъ. По этому считаю излишнимъ приводить множество примѣровъ; ограничусь только тѣмъ, что укажу на ихъ отношеніе: сдѣсь оно, какъ 4 : 1. Сдѣсь противъ Восточной перевѣсъ народности увеличился вдвое. И такъ дѣло говорить само за себя; данныя краснорѣчивѣе всякихъ словъ. XV-й в. доставилъ торжество народности. Укажу лишь на замѣчательнѣйшія формы: на хрѣсти, нѣси, крѣсти (С. NN № 88, 89, 92, 95, 96, 97, 99) и на крѣстѣ, крѣстѣ, нѣтѣ, нѣтѣ (С. NN № 98, 120, 133, 141, 144, 145, 157), на нѣри (С. NN № 100—103, 106) и на нѣришѣ (С. NN № 107, 114, 127, 136), на вѣсази (С. NN № 96, 98, 107), на сѣти, сѣти, сѣти, сѣти (С. NN № 96, 98, 106—109, 112, 119, 126) и на сѣтѣ, сѣтѣ (С. NN № 107, 115, 121, 132), въ, на ѡци, ѡци (С. NN № 97, 100, 114, 144) въ дѣсѣ, -и (С. NN № 97, 100), на дѣи (С. № 114), на гѣ, еѣ, сѣ, ѣ, нѣ, хѣ, ѣ, ѣ дѣи, дѣи (С. NN № 125, 126, 128, 139, 158, 163, 171), на дѣи гѣ, ѣ, хѣ (С. NN № 148, 157, 161), о стѣлѣи дѣси (С. № 139), на дѣи нѣдѣ нѣвоуѣ м. з.

днѣ (С. № 163). Предложу общее заключеніе. Въ отношеніи господства двухъ стихій, XIII-й и XV-й вв. представляютъ двѣ противоположности: въ первомъ, присоединивъ къ нему и XII-й, господствуетъ вполне Ц.-Славянская стихія, во второмъ народная. Въ XIV-мъ в. первая еще вдвое сильнѣе второй; но въ началѣ XV-го она быстро ослабѣваетъ и къ концу совершенно уступаетъ народной. Передъ глазами изслѣдователя, какъ нельзя яснѣе, совершается поступательное движеніе народности. Обратимъ вниманіе на временное преемство формъ въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ въ Восточныхъ грамотахъ, или, на пр., въ выраженіи на крысти и на крыстѣ въ Западныхъ. Только переписка вступленій да пристрастіе къ Ц.-Славянскому языку въ нѣкоторыхъ грамотахъ, не уменьшившееся отъ времени, еще нѣсколько поддерживаютъ Ц.-Славянскія формы. Но слабость ихъ видна въ томъ уже, что въ одной и той же грамотѣ, даже въ одномъ и томъ же выраженіи, существуетъ рядомъ съ ними и народная. Въ Ц.-Славянскихъ видимъ правильное и своеобразное употребленіе -ѣ и -и съ переменю при первой гортанныхъ въ соотвѣтственныя мягкія. Нѣкоторымъ словамъ дано мягкое Сербское произношеніе, и по тому она перешли отъ -ѣ къ -и, на пр., слово хрисовъ; другія же, напротивъ, сохранили Д.-Булгарское мягкое произношеніе и приличное ему окончаніе, на пр., мѣтъ, камѣнь. Основное тождество въ звукахъ ѣ и е и произношеніе въ известномъ подрѣчьи ѣ, какъ е, произвело смѣшеніе обѣихъ буквъ и замѣну первой второю. Слова, исходящія на мягкую согласную, или гласную, имѣютъ, какъ и въ дательномъ, -ю вмѣсто -ѣ. Окончаніе -и въ тѣхъ словахъ, въ которыхъ слѣдовало бы по-ц.-славянски ожидать -ѣ, показываетъ, что они встрѣчаются въ тѣхъ же грамотахъ, гдѣ ѣ переходятъ въ и. Такимъ образомъ опять видимъ, что народность, мѣняя звуки, еще робѣетъ передъ формою. Слово днѣ имѣетъ, какъ и въ нынѣшнемъ Сербскомъ, двѣ формы: днѣ и днѣи или неправильно днѣи.

Легко можно было замѣтить, что въ приѣтрахъ мы не приводимъ предлога *во*. Въ Ц.-Славянскомъ языкѣ главное управленіе этого предлога принадлежитъ дательному п.; но въ известныхъ случаяхъ онъ управляетъ винительнымъ и мѣстнымъ. Напротивъ, нынѣшній Сербскій языкъ сочиняетъ его съ винительнымъ въ тѣхъ же случаяхъ, въ какихъ и Ц.-Славянскій, а въ остальныхъ подчиняетъ ему мѣстный п., какъ и всѣ прочія Славянскія нарѣчія, кромѣ Русскаго, которое употребляетъ съ этимъ предлогомъ винительный, дательный и мѣстный согласно съ Ц.-Славянскимъ. Въ Д.-Сербской письменности трудно опредѣлить, какимъ собственно падежемъ управляетъ онъ? Единственнымъ исходомъ управляемаго имъ падежа служить б-а ѣ; но она есть ли признакъ Ц.-Славянскаго дательнаго, или Сербскаго мѣстнаго. Вѣкая въ различныхъ значенія этого предлога, равно въ его управленіе мѣстнымъ множественнаго ч., мы приходимъ къ тому заключенію, что въ Д.-Сербской письменности онъ управлялъ и дательнымъ и мѣстнымъ пп. Къ этому заключенію приводятъ насъ слѣдующія соображенія. Если бы *во* управляло однимъ мѣстнымъ п., то, при господствѣ въ первыхъ вѣкахъ Ц.-Славянской формы мѣстнаго, мы непременно нашли бы его тутъ въ сочиненіи съ этою формою; но этого не находимъ ни разу, между тѣмъ, какъ уже въ XII-мъ в. оно встрѣчается съ формою на -ѣ: то и другое обстоятельство заставляетъ насъ думать, что этотъ предлогъ управлялъ и дательнымъ и мѣстнымъ согласно съ двумя дѣйствующими стихіями. Что касается до винительнаго п., то онъ стоитъ отдѣльно отъ двухъ предыдущихъ по особенностямъ своего за-

ченія, и если мы не говоримъ о немъ, то по тому только, что нѣтъ примѣровъ для него. Но дательный и мѣстный п., при общемъ сходствѣ своемъ, когда сверхъ того въ другихъ нарѣчіяхъ, кромѣ Русскаго, при предлогѣ *по*, первый сдвигается вполнѣ вторымъ, представляютъ такое тонкое различіе, что оно неминуемо должно было исчезнуть хотя въ нѣкоторой степени тамъ, гдѣ ни та, ни другая стихія не господствовала исключительно. Значеніе, съ которымъ *по* является въ нашихъ памятникахъ, мы можемъ раздѣлить на шесть родовъ и сообразно съ ними опредѣлить управленіе этого предлога. Предлогъ этотъ выражаетъ, во первыхъ, «сообразно» или «согласно съ чѣмъ нибудь», «въ силу чего нибудь», Лат. *secundum* или *vi*. Въ этомъ значеніи онъ управляетъ дательнымъ и мѣстнымъ п. безразлично, смотря по свойству памятника. Гдѣ вѣроятнѣе предполагать Ц.-Славянскую форму, тамъ, значить, стоитъ дательный п., а гдѣ сильнѣе народность, тамъ мѣстный. Положительнаго сдѣсь ничего нельзя сказать. Даже если обращать вниманіе на прилагательныя, съ нимъ иногда соединенныя, то и это нисколько не подвинетъ впередъ рѣшенія, ибо и прилагательныя, имѣя въ Ц.-Славянскомъ языкѣ разныя формы для упомянутыхъ падежей, въ Сербскомъ имѣютъ одинаковую для обоихъ, сходную съ дательнымъ Ц.-Славянскаго. Всѣ примѣры могутъ быть распределены лишь по предполагаемой большей вѣроятности. Такъ я отнесу къ формѣ дательнаго: *по правоу* и *по законуу* (А. № 1), *по црквиноу оустякоу* (Ш. № VII), *по законуу*, *по старомуу*—(С. NN № 2, 16, 17, 19, 20, 24), *по томоу же овразоу* (С. № 24), *по правоу дѣлоу*, *по умноу скопцоу* (С. № 176), *по правоу овразу*, *по законуу установленномуу* (С. № 46), *по овразу*, *овразу* (А. NN № 12, 13), *по правоу* (В. № 1), *по исати* (А. № 16) — отъ того, во первыхъ, что въ раннихъ грамотахъ еще трудно предположить народную форму, которая, какъ мы видѣли, только разъ появляется въ концѣ XIII-го в.; а въ другихъ слишкомъ сильно вліяніе Ц.-Славянской стихіи; во вторыхъ же, по тому, что мѣстный п. прилагательныхъ, какъ покажетъ дальнѣйшее изслѣдованіе, оканчивается почти всегда на *-мъ*, а дательный на *-му*, хотя опять утверждать это положительно нельзя, ибо оба вышніе падежа сходятся между собою и въ формѣ на *-му* и въ формѣ на *-мъ*. До какой степени доведено было сдвигеніе формъ, видно изъ Законника, который пишетъ и *по црквиноуу законуу* и *по законууу црквиноуу* и *црквиноууу*. Можно объ формы назвать и мѣстнымъ и дательнымъ п., но, предполагая въ Законникѣ вліяніе Ц.-Славянскаго языка, мы скорѣе отнесемъ первую къ дательному, вторую къ мѣстному, ибо и другіе мѣстные падежи представляютъ въ себѣ сдвигеніе обоихъ стихій. Такъ одна и та же грамота говоритъ: *по снми отвориши и по снми отвориномъ листѣ* (С. № 116), разумѣя, конечно, подъ тою и другою формою мѣстный падежъ. По этому для опредѣленія падежа должно непременно смотрѣть на семью и вообще на свойства памятниковъ. О тѣхъ же выраженіяхъ, но только въ другихъ грамотахъ встрѣчающихся, и о подобныхъ имъ мы можемъ предположительно сказать, основываясь на большей вѣроятности, что это суть мѣстные падежи, каковы на пр.: *по законуу* (С. NN № 43, 46, 55, 81, 85, 95, 103, 113, 134, 136, 142, 150, 153, 157, 167), *по овразоуу*, *-и* (С. NN № 46, 50, 62), *по злати*, *злати* (С. NN № 81, 85, 95, 103, 136, 150), *по овануу* (С. NN № 81, 85, 99, 100 — 103, 120, 129, 133, 136, 145, 150, 157; 3. А.), *по листѣ* (С. NN № 97, 98, 99, 99; 101, 102, 114, 116, 121, 140, 151—154, 164), *по законуу* (С. № 94), *по законууу*, *законууу* (С. NN № 108, 112, 114, 115, 135, 141), *по актоворуу* (С. № 114), *по актоворууу* (С. № 142),

и тутъ же отъ слызъ (З.), на гдѣдствѣхъ (А. № 19). Но Ц.-Славянская форма все еще преобладаетъ. Въ XV-мъ в. встрѣчаемъ уже совсѣмъ иное. Самыя Восточныя грамоты отдають преимущество народной. Въ нихъ читаемъ: отъ мѣстоу, слызъ, приморію (С. № 91), и мѣсту, приморіѣ, -ю, владаніѣ, -ю, врьдѣ, врьдѣ (С. № 114, 137), и дрицѣлѣтѣхъ (С. № 111); но на оустроинѣ и оустаминиѣ (А. № 16), о недостонистѣхъ къ мори, къ нахоинѣи, къ мидашеру (С.-Д. М. 1844). Далѣе: отъ слозу, прѣлѣтѣлѣтѣу (С. № 137), и смѣрѣху (С. NN № 137, 147), отъ смѣрѣху (С. № 138), и станию и потѣню (С. № 166), отъ смѣху, но на прѣкослѣкѣхъ (Г. Б), на чѣтѣню и чѣтѣнѣ, о рѣлѣтѣу, во на мѣстѣ (Мл.), на мѣстѣ (С. № 60), на ислѣкѣдѣхъ (А. № 20). Отношеніе перемѣнилось. Тѣмъ болѣе должно оно склониться на сторону народности въ грамотахъ Западныхъ. Излишне бы было приводить ту и другую формы: довольно если укажемъ на одну Ц.-Славянскую и замѣтимъ малочисленность случаевъ ея употребленія. Такъ мы находимъ: и приморіи (С. № 89), на скланѣдѣи и -данію (С. № 92), на срѣдѣ (С. № 94), на госноцѣхъ (С. № 96), на чѣрѣтѣхъ, на мѣстѣ (С. № 97), на гѣтѣхъ (С. № 100), на гдѣдствѣхъ и гдѣдствѣхъ, на госноцѣхъ и на госноцѣхъ (С. NN № 101, 102), на гѣтѣхъ (С. NN № 104, 107), на мори (С. № 107)—и только. Въ позднѣйшихъ вовсе ея нѣтъ. Только въ Турецкомъ спискѣ съ грамоты Дерайскаго еще попадаетъ на мѣстѣ, на мѣстѣхъ (С. № 37). И такъ въ первой половинѣ XV-го в. Ц.-Славянская форма, постепенно слабѣвшая со второй половины XIV-го в., пришла къ совершеннѣйшему упадку и прѣдъ конецъ уступила полное право господства народной.

Объ управленіи предлога но должно сказать то же, что сказано было выше: дательный и мѣстный пп. сдѣваются одинъ съ другимъ: смотря по вліянію той, или другой стѣхъ. Самое обширное и неопредѣленное употребленіе въ первомъ значеніи можетъ быть объяснено до извѣстной степени вѣроятности, свойствомъ памятника и семью, къ которой онъ принадлежитъ. Въ позднѣйшихъ Западныхъ грамотахъ, когда мѣстный п. соединяется съ дательнымъ, различія не замѣтно; но въ Восточныхъ и во всѣхъ грамотахъ XII-го и XIII-го вв., когда еще сильна была Ц.-Славянская стѣхъ, съ перваго же взгляда обнаруживается различіе между формами словъ, сочиненныхъ съ но и употребленныхъ въ другомъ сочиненіи. Тогда какъ первая исходятъ на -ѣ, -ю, вторыя имѣють исходомъ -ѣ и -ѣ: явно, что Ц.-Славянская стѣхъ требовала дательнаго п. По этому мы назовемъ дательными пп.: но мидасрѣю, но уловѣнолювию (А. № 1), но хѣтѣю (С. № 16), но изхоловию (А. № 2), но дрицѣлѣтѣю (А. № 4), но слозу (С. № 51), но слѣвѣхъ (А. № 5), но изхоловию (С. № 35), но изхоловию (В. № 1), но изхоловию, но змѣлѣнию и владѣоустѣоу (А. № 10): но въ этой же грамотѣ, повесницѣ гр-ѣ А. № 11, въ которой, мы видѣли, появилась впервые народная форма о сасѣнѣю, появляется народное употребленіе предлога но съ мѣстнымъ п., который однако остается въ Ц.-Славянской формѣ: но, хѣтѣю. Въ дальнѣйшихъ памятникахъ Восточной семьи употребляется та же форма, но такъ какъ оуѣсъ начинаетъ уже показываться народнымъ мѣстнымъ падежѣмъ, то рѣшѣніе становится затруднительнымъ, и объ этой формѣ нельзя сказать ничего положительнаго: дательный ли она Ц.-Славянской, или мѣстный народный? Въ Западныхъ грамотахъ, съ учащеніемъ народной формы, должно и форму на -ѣ и -ю съ предлогомъ но считать скорѣе народнымъ мѣстнымъ, чѣмъ Ц.-Славянскимъ дательнымъ. Есть и некоторые случаи, гдѣ нѣсколько разъ обѣ

Такъ: на слаки (С. NN^o 95, 96, 98, 145), въ, на, з дръжакъ, дръжакъ (С. NN^o 96, 98, 100, 107, 120), въ жели (С. NN^o 96, 98), з горн, виталинъ (С. NN^o 98), з когоди (С. NN^o 107), з восьми (С. NN^o 113), з сѣтисци (С. NN^o 116, 135), з цни—безъ перемѣны гортанной (С. NN^o 119), з кренини, хети, на воини (С. NN^o 132), на палини (С. NN^o 133), на, з постави (С. NN^o 135, 161), з палишцини (С. NN^o 140), на глави (С. NN^o 157), з рѣци, на порти, болокни (С. NN^o 164) и з сѣтисци (С. NN^o 97), на слакѣ, -ѣ (С. NN^o 107, 120, 133), на дръжакѣ, -ѣ, -ѣ (С. NN^o 107, 133, 145), на глакѣ (С. NN^o 107), на портѣ (С. NN^o 114), ѿ потреби (С. NN^o 135), ѿ сыграсѣ, съпротивници, з пикѣ, на палини (С. NN^o 142), з терѣкѣ (С. NN^o 144), з рѣци, на постави (С. NN^o 164). Въ однихъ и тѣхъ же грамотахъ видимъ ту и другую форму. Но здѣсь еще важенъ перезвукъ и въ ѣ и ѣ, замѣчаемый не рѣдко въ именахъ съ мягкимъ исходомъ. Трудно предположить въ Западныхъ грамотахъ, чтобы въ этомъ случаѣ стояло дѣйствительно ѣ, обратившееся въ ѣ, если и въ Восточныхъ, кромя одного случая, этого не замѣчали: скорѣе должно принять это явленіе за перезвукъ. Такъ мы читаемъ: з, на кѣкици, кѣкици, кѣкици, пѣкици (С. NN^o 86, 100, 108, 109, 119, 123, 126, 130), въ тронци, на полицѣ (С. NN^o 97), на тронци (С. NN^o 114), на полукѣ, -ѣ (С. NN^o 123, 126, 130), з драгѣци (С. NN^o 128), на съвѣци (С. NN^o 142), з половици (С. NN^o 143), на зѣмѣ (С. NN^o 144). Или, быть можетъ, древніе писцы, забывая со временемъ Д.-Булгарское словодвиженіе и не дорожа также своею народною формою, небрежно ставили ту, или другую форму, смотря по тому, которая скорѣе приходила имъ въ голову; но такое предположеніе противорѣчило бы сознанию и послѣдовательности, которыя мы замѣчаемъ въ другихъ случаяхъ. По этому лучше считать это явленіе перезвукомъ, очень легкимъ и не замѣтнымъ при мягкости б-ы ѣ. Въ этомъ убѣждаемся еще болѣе, когда обращаемся къ именамъ съ согласнымъ исходомъ, которыя, не смотря на то, что постоянно имѣютъ здѣсь -и, какъ въ Ц.-Славянскомъ и нынѣшнемъ Сербскомъ, допускаютъ тѣмъ не менѣе -ѣ; на пр.: по зановици, -къдѣ (С. NN^o 128, 142, 143), з вѣрности, по рѣци (С. NN^o 142), ѿ прици, з вѣсти (С. NN^o 144). Перезвукъ этотъ имѣетъ связь съ употребленіемъ ѣ въ и, и мѣсто его въ одномъ XV-мъ вѣкѣ.

Что касается до предлога по, то при совершенномъ тождествѣ формъ дательнаго и мѣстнаго пп. какъ въ Ц.-Славянскомъ, такъ Сербскомъ, изслѣдованіе дѣлается совершенно бесплоднымъ по причинѣ невозможности различить падежъ, съ которымъ предлогъ этотъ сочиненъ. Формы равно:трно измѣняются, какъ и при другихъ вышеприведенныхъ предлогахъ, и плутъ совершенно въ уровень съ прочими формами этого падежа. Гдѣ находимъ въ окончаніи -ѣ, тамъ и при по находимъ ту же букву: по правѣ (Ш. NN^o VII), по зѣти (С. NN^o 2), по магѣти (С. NN^o 9) и т. д.; когда показывается -и, тогда и при по показывается оно же: по сили (С. NN^o 78), по дръжакѣ (С. NN^o 102) и т. д. То же движеніе мы видѣли въ дательномъ п., а по тому рѣшительно нельзя распознать эти падежи въ сочиненіи съ по. Достаточно сказать, что съ какимъ бы падежемъ ни былъ сочиненъ предлогъ по, дательнымъ, или мѣстнымъ, форма этого падежа не отклоняется ни мало отъ общаго движенія и представляетъ по своему образованію полное согласіе съ другими случаями употребленія того же падежа.

Именительный п. мн. ч. муж. р. въ Славянскихъ нарѣчіяхъ весьма измѣнился и умножилъ свои окончанія сравнительно съ древнѣйшими одноплеменными язы-

нами. Сербскій языкъ, какъ членъ Славянской семьи, имѣя въ своей древней письменности различныя окончанія, въ которыхъ оное гораздо ближе подходить къ Д.-Булгарскому, чѣмъ къ нынѣшнему, требуетъ себѣ поясненія, а отчасти и самъ поясняетъ ихъ. Въ Славянскихъ нарѣчіяхъ принято двойное образованіе, одно съ помощью падежнаго указателя *и*, который находимъ отчасти въ Литовскомъ, Греческомъ и Латинскомъ, въ формахъ *-ai*, *-oi*, *-i*; другое съ помощью первоначальнаго *-as*, употребляемаго Санскритомъ и Готскимъ языкомъ, въ которыхъ *i* предоставлено лишь иѣстоименному склоненію. Стяженіе этаго *as* съ основною конечною твердою гласною *a* производитъ въ Санскритѣ *-ās*. Напротивъ при мягкой основѣ *i*, какъ и при *и*, вмѣсто стяженія, происходитъ усиленіе основнаго *i* въ *aj*, откуда *-ajas*, и *и* въ *av*, откуда *-avas*. Славяне употребляютъ *и*, *i*, для твердой основы, и первоначальное *as* въ перезвукующемъ видѣ для мягкой. Сдѣсь должно сказать, что въ Славянскихъ нарѣчіяхъ слова, болшею частію, забыли первоначальныя основныя гласныя и смѣшали свои ряды, такъ что въ отношеніи движенія почти для каждаго нарѣчія нужно свое распредѣленіе словъ по окончаніямъ; тѣмъ не менѣе первоначальное дѣйствіе основныхъ гласныхъ обнаруживается при ихъ движеніи, и падежныя окончанія находятъ себѣ объясненіе въ тѣхъ языкахъ, которые чище сохранили праязычныя свойства. Образовательное окончаніе, допускаемое Славянскими нарѣчіями, есть, какъ сказали мы, *и*: сдѣсь нѣтъ ничего особеннаго. Оно приставляется прямо къ твердому согласному исходу слова, при чемъ конечная полугласная пропадаетъ, а гортанная подвергается претворенію тамъ, гдѣ претвореніе допускается. Кругъ его употребленія далеко не одинаковъ въ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Самое правильное и разумное служеніе находимъ въ Д.-Булгарскомъ языкѣ: сдѣсь оно требуется именами съ твердою основною согласною, преимущественно гортанною, и согласною втораго образованія, какъ-то *ж*, *з*, *ц*, *ч*, *ш*, *щ*, которая предполагаетъ первоначальный твердый звукъ; равно какъ именами съ гласнымъ исходомъ и нѣкоторыми на *ь* съ предыдущею плавною *ь*, *р*. И такъ: *вазѣи*, *рози*, *доуси*, *мѣжи*, *отѣи*, *врауи*, *кнѣзи*, *кран*, *злудѣи*, *гнои*, *латари*. Слѣдовательно, сдѣсь служеніе *-и* обуславливается твердостью конечной основной согласной. Труднѣе объяснить его при гласной; но должно полагать, что оно возможно сдѣсь по тому, что основная гласная, какава бы она ни была, твердая или мягкая, не имѣетъ прѣмога дѣйствія на падежной при знакъ *-и*, раздѣляясь съ нимъ смягчающимъ небнымъ началомъ, производящимъ отбой голоса, ибо въ формахъ, какъ *кран*, *гнои* послѣднее *и*, по причинѣ предшества гласной, звучитъ мягко. Плавныя, какъ мы уже выше видѣли, не имѣютъ въ себѣ опредѣленной положительной твердости, или мягкости, а по тому въ Славянскихъ нарѣчіяхъ въ нихъ происходитъ колебаніе и двойственность. Они, по самому органному свойству своему, занимаютъ середину между твердостью и мягкостью. Мы уже имѣли случай замѣтить ихъ колебаніе въ Д.-Сербской письменности. Укажемъ сдѣсь на подобные случаи въ Д.-Булгарскомъ; такъ: *воурд* и *воурм*, *латара* и *латарм*, *цара* и *царм*, *авала* и *авалм*. Отъ того и сдѣсь плавный исходъ представляетъ наибольшее число исключеній: *ворван*, *рѣшари* и *мштарни*, *свѣдѣтвани*, *мштары*, *свѣдѣтван* со стянутымъ *-и* изъ *-ии*. Изъ прочихъ нарѣчій яснѣе видно это въ Польскомъ, Чешскомъ и Лужицкомъ, въ которыхъ обыкновенно, хотя и не безъ исключеній, твердыя согласныя принимаютъ *-i*, *-y*. Остальныя нарѣчія уже смѣшиваютъ твердость и мягкость и расширяютъ кругъ служенія *-и*, такъ что Сербскій и Хорватскій, кромѣ двухъ, трехъ словъ, уже не знаютъ другаго исхода, какъ только *-и*, *-i*. Рус-

скій и Хорутанскій, при разнообразіи падежныхъ окончаній, почти, или вовсе не наблюдаютъ различія между твердостью и мягкостью основнаго исхода. Другой падежный исходъ, находимый въ Ц.-Славянскомъ языкѣ, есть *-ми*, принимаемый именами, исходящими на *ь* съ первообразною мягкою согласною, включая сюда и *с*: *тати*, *годежи*, *мытари*, *урьжи* и т. д. Очевидно, *-ми* условливается мягкостью согласнаго исхода. Оно происходитъ изъ *-ас* чрезъ перезвукъ *-ас* въ *-е* и восстановление мягкости исходной полугласной въ видѣ *и*: изъ *-ме* образуется *-ми*. Следовательно, эти имена сходятся съ Санскритскимъ образованіемъ отъ основы *i*, какъ на пр. *krmi* — *krimajas*. Стяженіе производитъ *-и* или *-в*, на пр., *мытари*, *съядьтви*. Но съ этимъ *-и*, *-в* не должно смѣшивать другое *-е*, происходящее чрезъ перезвукъ изъ *-ас* и только тѣмъ отличающееся отъ *-ми*, что при немъ основная мягкость не восстанавливается въ видѣ *-и*. Въ Д.-Булгарскомъ языкѣ оно, по видимому, вошло въ послѣдствіи, ибо его находимъ въ позднѣйшихъ формахъ на *-ше* вм. *-и* отъ словъ на *-ши* первоначально *-шъ*, равно въ позднѣйшемъ образованіи на *-ше*, *-ши*. Прочія Славянскія нарѣчія смѣшиваютъ то и другое окончаніе и вообще представляютъ его въ видѣ мягкаго *е*: *-je*, *-ie*, *-é*, *-e*. Дѣйствительно, *-и* и *-в* въ сущности есть одно и то же образованіе; *-и* въ другихъ нарѣчіяхъ чрезъ стяженіе переходитъ въ мягкое *-е*, которое пишется то съ *-j*, *-i*, то безъ нихъ, какъ *-é*, или просто какъ *-e*. Кругъ служенія этого исхода различенъ въ Славянскихъ нарѣчіяхъ: одни сокращаютъ его, другія расширяютъ. Хорватскій вовсе не имѣетъ его; Сербскій также, кромѣ Ресавской формы: *ме*, *гре*, *сме*. Русскій тоже, кромѣ словъ на *-ми* и древнихъ *людье*, *гостье*, ибо уменьшительная форма *-ья* объясняется иначе; Хорутанскій имѣетъ *-je* вообще для мягкаго исхода, равно какъ для нѣкоторыхъ именъ на *d*, *b*, *t*, которыя впрочемъ могутъ исходить и на *-i*. Польскій для мягкаго исхода и для словъ на *-anin* тоже употребляетъ *-ie* или *-e*; Чешскій равномерно при мягкой исходной согласной ставитъ *-é*, *-e*, относя сюда исходъ *-an* и нѣкоторые слова на *d* и *t*. Лужицкій всѣ слова съ мягкимъ исходомъ оканчивается на *-e*. И такъ мы видимъ, что вообще твердый исходъ именъ существительныхъ мужескаго р. принимаетъ *-и*, а мягкій *-ме* или *-e*. Точности здѣсь искать нельзя; но должно судить по большинству явленій. Равно не всѣ нарѣчія одинаково смотрятъ на мягкость согласной, и въ этомъ случаѣ мы можемъ сдѣлать три замѣчанія: во первыхъ, плавныя постоянно представляютъ колебаніе, переходя изъ одного образованія въ другое; во вторыхъ, такъ называемыя среднія *b*, *v*, *d*, *t*, *s* склоняются, большею частію, на сторону *-e*, *-e* или мягкаго образованія; въ третьихъ, согласныя втораго образованія, свистящія и шипящія, различнымъ способомъ употребляются: въ Ц.-Славянскомъ языкѣ съ *-и*, позднѣе жъ переходитъ по большей части въ образованіе *-ми*; а въ другихъ то съ *-и*, то съ *-e*. Но не смотря на это смѣшеніе и разнообразіе возвращенія Славянскихъ нарѣчій на твердость и мягкость, важно то, что эти два свойства звуковъ условили собою двойное окончаніе падежа, и что Ц.-Славянскій языкъ, который чище и древнѣе другихъ, именно на этихъ-то свойствахъ утвердилъ различіе образовательныхъ окончаній. И такъ начало формъ именительнаго п. мн. ч. муж. р. объясняется языкословно чрезъ коренной, прадавній способъ, употребляемый Индоевропейскими языками для этого падежа. Что въ формѣ *-ми* и есть основное, а не падежное, то это доказывается В.-Лужицкомъ *-jo*, которое хотя и называютъ вытянутымъ *-jo*, однако это несправедливо: *-jo* В.-Лужицкое отиѣчаетъ Хорутанскому *-je*,

т. е., стянутому *-иѣ*, перешедшему въ мягкое *-е*, которое, какъ извѣстно, у Лужичанъ смягчается еще болѣе въ *-jo*, Рус. *-ѣ*, а отъ него окончательно переходитъ въ *-о*, такъ что здѣсь крайности сталкиваются: крайнее смягченіе производить уже твердый звукъ, который, впрочемъ, всегда можно отличить отъ настоящаго *о*. Вытяженіе голоса не могло стать впереди самого звука, и *-jo* никакъ не могло произвести *-jo*; но, на оборотъ, послѣднее произвело первое; въ немъ конечная основная полугласная возстановлена въ видѣ *о*, которое, по свойству Лужицкаго языка, можетъ отвѣчать и твердой и мягкой полугласной, будучи въ сущности совершенно различныхъ свойствъ и отвѣчая въ первомъ случаѣ настоящему *о = ъ*, а во второмъ *е = ѣ*; по этому *-jo* есть то же, что *-е*, смягчившееся передъ гласной въ *-е*. И такъ здѣсь первое *о* отвѣчаетъ Ц.-Славянскому *-и* и есть, стало быть, воспроизведеніе основной конечной полугласной. Разница только въ томъ, что В.-Лужичане озвукотворяютъ въ *о* и твердую и мягкую полугласную, и по тому форма *-ojo* равно употребляется для всѣхъ именъ и съ твердымъ и съ мягкимъ исходомъ. Эта-то В.-Лужицкая форма соединяетъ *-ни*, *-ѣи*, *-и* съ другою позднѣйшею формою *-овѣ*, *-евѣ*. Какъ въ ней полугласная озвукотворена въ *о*, равное съ одной стороны *о*, съ другой *е*, такъ и тутъ полугласная озвукотворяется въ *ѣ* и *ѣ*, и формы *-овѣ*, *-евѣ*, какъ и *-ojo*, являются одна при твердомъ, другая при мягкомъ исходахъ. Здѣсь конечное *ѣ* есть *-as*; а *ѣ* есть благозвучная буква, предупреждающая зіяніе *-оѣ*, *-еѣ*, подобно В.-Лужицкому *j*. Но форма *-ѣи*, *-евѣ*, по всему вѣроятію, не была первоначально въ Д.-Булгарскомъ языкѣ, а появилась въ немъ только съ теченіемъ времени, такъ что главнѣйшее усиленіе ея перешло уже въ другія нарѣчія и здѣсь подверглось дальнѣйшему видоизмѣненію. Форму *-owie*, *-owé*, *-owie* находимъ въ Польскомъ, Чешскомъ и В.-Лужицкомъ. Забвеніе въ ней значенія б-ы *ѣ* и принятіе ея за неподвижную часть слова, съ утратою надежнаго образовательнаго значенія, допустило въ ней, по причинѣ первоначальной твердости б-ы *ѣ*, съ какою она является въ Ц.-Славянской *-овѣ*, возможность замѣнить настоящій исходъ *ѣ* (*-as*) чрезъ совершенно другой и независимый отъ него *-и*, откуда позднѣйшая форма у Сербовъ и Хорутанъ *-ови*, *-ѣви*, *-ови*, *-ѣви*. Хорватскій вовсе не имѣетъ этой формы; Сербскій же можетъ вполне обойтись безъ нея, ибо здѣсь она вызвана благозвучною потребностію, которая однако въ тѣхъ же словахъ допускаетъ и простой исходъ *-и*. Обратимся теперь къ Русскому языку и посмотримъ его образованіе. Мы сказали, что онъ имѣетъ *-и* или *-ѣ* и *-е*, но кромѣ того въ немъ находимъ окончанія *-а* и *-ѣя*: *господа*, *учитель*, *князь*, *сучья* и т. д. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь *-а*, *-ѣя* есть окончаніе, заимствованное отъ средняго р., и что *-ѣя* составилось изъ прежняго *-ѣе*, *-ѣи*, чрезъ перемѣну *ѣ* мужскаго р. на *ѣ* средняго р. Забывъ значеніе формы *ов*, *ев*, Русскій языкъ подчинилъ ее общему образованію на *-а* и *-ѣя*, составивъ *-ѣа*, *-ѣѣя*, *-ѣѣя*: *хозяѣя*, *кумовѣя*, *затѣѣя*. Вотъ сколько различныхъ окончаній имѣетъ Русскій языкъ. Подражаніе среднему р. замѣтно также у В.-Лужичанъ въ формахъ на *-а*: *bu'a*, *kmótsja*, *pora*, *bratsja*, у Хорватовъ въ словахъ съ собирательнымъ значеніемъ *derwa*, *ila*, и у Поляковъ въ словахъ: *okreia*, *gyma*. Мѣстами эта форма перешла, по сходству окончаній, въ женскій р. и получила единственное число съ движеніемъ женскаго р. Таковы у Сербовъ: *дѣца*, *господа*, *браћа*, у Хорватовъ: *détsa*, *gospoda*, *marša*, *bratja*, у Хорутанъ: *gospoda*, у Поляковъ: *bracia*, *księża*, у древнихъ Чеховъ: *hrabija*, *sudija*, *bratija*,

*klečija*¹ и т. д. Впрочемъ, нельзя навѣрно утверждать, что эта форма образовалась непременно отъ средняго р. мн. ч., какъ того же нельзя сказать и о словахъ средняго р. ед. ч. на -имъ, -иѣ, -ѣ: соображенія, которымъ слѣдуетъ духъ языка не всегда бываютъ понятны: разумный и самостоятельный произволъ живаго языка не всегда подчиняется строгой послѣдовательности, но иногда выбираетъ окольные пути, другія основанія, иныя соображенія, которыя угадать дается не всякому, да иногда и нельзя сказать объ нихъ положительно, ибо приемы бываютъ различны, хотя и ведутъ къ одному концу. Можно дѣйствовать и такъ и сякъ съ одною цѣлю. Упомянутыя формы могли образоваться и самобытно, независимо отъ формы именительнаго п. мн. ч. муж. р. Относительно образованія на *ов*, *ев*, замѣтимъ, Русскій и Польскій языки строже всѣхъ провели отличие этого образованія отъ -ья, -иѣ, -ѣ, ограничивъ его лишь именами челоуѣка и предоставивъ другое прочимъ одушевленнымъ и неодушевленнымъ предметамъ. В.-Лужицкій силится также разграничить -ою, -оуѣ, отъ -у, -и, -ѣ на основаніи разумности и неразумности предмета; но частые переходы разумныхъ именъ въ образованіе неразумныхъ показываютъ, что не тутъ должно искать главнаго основанія. Чешскій равномерно предоставляетъ -оуѣ, одушевленнымъ предметамъ со множествомъ исключеній въ пользу неодушевленныхъ. Хорутанскій и Сербскій вовсе не дѣлаютъ различія между -оуѣ, -ѣ и -иѣ, или -оуѣ, -ѣ и -и. И такъ ни то, ни другое, ни третье окончаніе не прошло цѣло по всѣмъ Славянскимъ нарѣчіймъ и ни въ одно изъ нихъ не утвердилось такъ, чтобы можно было положительно [опредѣлить его мѣсто, значеніе и границы. Благозвучіе, не вполне одинаково понимаемое Славянскими нарѣчійми, не одинаково и распордилось мѣстомъ и кругомъ ихъ служенія; но для насъ важны сдѣсь не подробности, а общій итогъ, основанный на большинствѣ употребленія. Мы видимъ, что всѣ окончанія именительнаго п. мн. ч. муж. р. возникли изъ общаго праязычнаго начала законнымъ и естественнымъ образомъ [согласно съ духомъ Славянскаго языка. Въ основу имъ легли два признака: и и *as*; твердость и мягкость исходоу раздѣлили ихъ между собою, а позднѣйшее -оуѣ, -ѣ перевело отразившееся въ немъ *as* и на твердый исходъ. Это главный итогъ, который можно вывести изъ большинства явленій. Не для видоизмѣненія значенія слова, но по необходимости выразить падежъ возникли путемъ звукодвиженія -и, -иѣ, -ѣ, -оуѣ, -ѣ, и всѣ ихъ дальнѣйшія видоизмѣненія. Разумѣется, въ общемъ хозяйствѣ Славянскаго языка первоначальная основа была болѣе или менѣе забыта, ряды словъ смѣшались, слова приняли позднѣйшее окончаніе, по своему установили твердость и мягкость; однако окончанія ихъ въ этомъ падежѣ, какъ и въ другихъ, подчинились исконнымъ звуковымъ законамъ, примененнымъ къ самобытной жизни языка. Общія праязычныя начала просвѣчиваютъ среди множества дальнѣйшихъ и измѣнившихся явленій. Время дѣйствовало сдѣсь за одно съ движеніемъ Славянскаго языка и придало окончаніямъ падежа новое значеніе, которое хотя не родилось вмѣстѣ съ окончаніемъ, но усвоено было за нимъ духомъ языка. Я говорю о собирательной формѣ. Впрочемъ, въ древнѣйшую свою пору Д.-Булгарскій языкъ не имѣлъ ни за однимъ изъ своихъ окончаній значенія собирательнаго; но отъ времени -имъ получило его. Неточность, съ перваго раза обнаруживающаяся въ употребленіи этого окончанія въ собирательномъ зна-

¹) Шафарикъ, *Počátkové Staročeské mluvnice*, стр. 39, 41. Въ его *Wybor z literatury České. W Praze, 1845.*

ченіи, мало говорить въ пользу необходимости для него этого значенія и показываетъ, что оно придано было ему въ послѣдствіи силою употребленія. Когда?—рѣшить трудно; но надо полагать, что весьма рано, быть можетъ, съ первымъ появленіемъ письменности. Въ Остромировомъ Евангеліи, древнѣйшемъ изъ познанныхъ годовъ памятниковъ, а слѣдовательно и въ подлинникѣ его, -ни употребляется съ именами предметовъ одушевленныхъ, преимущественно чловѣка; то же явленіе замѣчаемъ съ собирательною формою и въ другихъ нарѣчіяхъ. Форма -оки, являющаяся еще только въ одномъ словѣ *смыоки* и имѣющая въ большей части Славянскихъ нарѣчій собирательное значеніе, создана сдѣсь была какъ будто именно для того, чтобы твердому исходу придать собирательный смыслъ, а мы видѣли, что она однородна съ -ни. Отъ того -оки, служа твердому исходу, оказалось нужнѣе, чѣмъ -ки, и по тому ранѣе послѣдняго показалось въ письменности. Время, повторяю, много измѣнилось въ формахъ. Исходъ -ки сталъ переходить часто въ -ни; -укъ въ -оки; -ль и -ръ продолжали принимать обоюдное окончаніе -и и -ни или ставящее -и -ѣ; -иъ перешло въ -иниъ и приняло -ѣ. Плавная л, р и шиплящія, по самой природѣ своей, стоя между совершенно твердыми гортанными и совершенно мягкими, т. е., въ сочетаніи съ ѣ употребленными губными и зубными, естественно представляли область столкновенія двухъ окончаній и изъ одного переходили въ другое. Я сказалъ, что собирательное значеніе, видѣ придаваемое окончанію -ни и чаще -оки, показалось въ Д.-Българскомъ языкѣ съ первымъ появленіемъ письменности: я сказалъ это по тому, что оно могло быть внесено въ письменность изъ устнаго языка. Подобное явленіе, образовавшееся и въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, не могло быть дѣломъ книжниковъ; оно было слѣдствіемъ особаго представленія, возникшаго въ самомъ духѣ языка, и перешло въ книжность въ большихъ или меньшихъ раздѣлахъ. Тонкость различія, заключающагося между неопредѣленнымъ множествомъ и множествомъ въ совокупности, не могла быть строго проведена ни народомъ, ни писателями и постоянно подвергалась неточностямъ, очень понятнымъ и возможнымъ. Многое зависѣло отъ собственнаго воззрѣнія пишущаго, или говорящаго: понималъ ли онъ множество только вообще, какъ собраніе однородныхъ предметовъ, или воображалъ его себѣ какъ нечто цѣлое совокупное, когда отъ него въ добавокъ зависѣло представить его себѣ такъ, или иначе. Да и самое множество, разобщенное въ природѣ, подчиняясь законамъ мысли и языка, не становится ли уже въ нѣкоторомъ родѣ единствомъ? Во всякомъ случаѣ различіе было незначительное, что доказывается отсутствіемъ собирательной формы этого падежа въ другихъ Индоевропейскихъ языкахъ и въ нѣкоторыхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, не считавшихъ ее нужною, или понимавшихъ это различіе гораздо грубѣе, такъ сказать, самоотдѣльнѣе, и выражавшихъ его въ формѣ средняго и отчасти женскаго р. По тому-то нѣкоторые ученые не замѣчали его въ рассматриваемомъ нами падежѣ, а другіе, на оборотъ, пріимтивъ его, уже слишкомъ произвольно распредѣляли его по формамъ, доводя ихъ толкованіе и употребленіе до крайней послѣдовательности. Жизнь не подлежитъ теоріи; состоя изъ безчленивыхъ явленій, она красуется ихъ разнообразіемъ, и много въ ней такого, что должно назваться особенностію и исключеніемъ. Духъ живаго самостоятельнаго языка разуменъ и свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ; онъ не любитъ теоретическихъ узъ; пути его часто неуловимы; богатство представленія зависитъ отъ богатства народной жизни. Подобіе, созвучіе, или что нибудь тому подобное внушаютъ ему;

какъ бы живому существу, новую мысль, новое представленіе, и, задавшись ими, отъ развиваетъ цѣлую область звуковъ и формъ. Такъ и сдѣсь мы замѣчаемъ, что множество, понятое и представленное двояко, доставило и двоякое значеніе формамъ того именно падежа, который выражаетъ множество предметовъ въ спокойномъ состояніи безъ отношенія и зависимости другихъ падежей. Совокупность однородныхъ предметовъ, представленная, какъ нѣчто цѣлое и единое, есть то же, что множество въ единствѣ, и по тому легко уже можетъ въ представленіяхъ духа языка перейти въ единицу, а для этого духъ языка создаетъ имя средняго р., иногда и женскаго, вкладывая въ него значеніе, само по себѣ отвлеченное, но указывающее на совокупность существующихъ предметовъ. Всего приличнѣе былъ для того средній р. съ своею формою на *-ие*, и вотъ неодушевленные предметы, и отчасти одушевленные, преимущественно имена животныхъ, но не человѣка, принятыя въ цѣльной совокупности, перешли въ этотъ родъ и стали въ единственномъ числѣ. Окончаніе *-ие* сократилось въ *-ѣ*, *-е*, *-ѣ*, *ј*. Такихъ именъ довольно во всѣхъ нарѣчіяхъ: многія изъ нихъ попали сюда изъ женскаго р.: — явно, что сдѣсь имѣть уже мѣсто не именительный п. мн. ч. муж. р., а самостоятельная форма единственнаго ч.; иначе женскій р. не принялъ бы *-ие*. На пр.: Ц.-Слав. *лѣстни*, *вѣтви*, *роджи*; Рус. *трянѣ*, *воронѣ*, *угодѣ*, *камнѣ*. Русскій перевелъ сюда и имя человѣка: *дурачѣ*, *бабѣ*; Серб. *расте*, *пруте*, *драле*, *пере*; Хорв. *perje*, *ternje*, *jagodje*, *grozdje*, *swetje*, *kamenje*, *korenje*, *listje*; Хорут. *brézeje*, *hrástje*, *ternje*; Поль. *ziele*; Чеш. *kwijtj*, *dřívj*, *uhlj*; Луж. *lisćje*, *kosćje*, *pućie*. Многія понятія совокупности приняли форму женскаго р. ед. ч., другія средняго р. мн. ч.; но для насъ главное обстоятельство заключается въ томъ, что средній р. съ своею формою *-ие*, *-е* преимущественно оказался способнымъ къ выраженію множества въ единствѣ, да и вообще какой другой родъ, какъ не средній, можетъ всего лучше выразить совокупность предметовъ, представляемую, какъ нѣчто цѣлое, единое? При томъ такъ какъ эта совокупность становится уже понятіемъ отвлеченнымъ, ибо въ природѣ сама по себѣ не существуетъ, то окончаніе *-ие*, тоже выражающее обыкновенно понятія отвлеченныя, шло къ нему наиболѣе. Что же сдѣлалъ духъ языка? Постоянно употребляя съ исконнаго времени два тождественныя окончанія *-ие* именительнаго п. мн. ч. муж. р. и *-ие* именительнаго п. ед. ч. средн. р., онъ, по своимъ творческимъ соображеніямъ, возможнымъ лишь для живаго языка, дошелъ до мысли о возможности единства во множествѣ и создалъ понятіе совокупности, приспособивъ его къ самому приличному для того падежу; увлекшась же неволью тождествомъ одного изъ его окончаній съ другимъ, выражающимъ именно эту единичность и отвлеченность представленія, онъ этому окончанію и придавалъ значеніе собирательное. Такъ отъ времени *-ие* мнж. ч. муж. р. пошло въ ходъ со значеніемъ многихъ однородныхъ предметовъ, взятыхъ вмѣстѣ, въ цѣлости и единствѣ. Форма *-ове*, одного происхожденія съ *-ие*, являлась въ-помощу этой послѣдней для словъ, не принимавшихъ *-ие* по тѣмъ же исконнымъ, кореннымъ началамъ, по которымъ образовались и приняли служеніе самыя исходы *-и*, *-ие*, *-е*. За нею послѣдовала и *-ове*. И такъ эти двѣ формы явились въ Славянскомъ языкѣ съ собирательнымъ значеніемъ, не скажу всегда и всюду, а все таки нидѣ съ нѣкоторымъ присутствіемъ его. Дѣйствительно, не всѣ нарѣчія допускаютъ его, а допускающія не всѣ допускаютъ въ равной степени. Д.-Русской языкъ имѣетъ его въ формѣ *-ѣ*, можетъ быть, заимствованной у Ц.-Славянскаго языка. Но нивѣднѣй Русскій представляетъ любопытныя явленія. Онъ избралъ для того

окончаніе множественнаго ч. средняго р. и тѣмъ подтвердилъ, что духъ языка, создавая собирательное значеніе для *-ме*, бралъ въ основаніе вмѣстѣ съ наружнымъ сходствомъ и самую мысль средняго рода. Русскій языкъ не увлекся сходствомъ, но основался на одной мысли средняго р., и какъ будто для того, чтобы доказать, что самое множественное число можетъ заключать въ себѣ мысль единства, и что именительный п. множ. ч. муж. р. не требуетъ переведенія въ средній родъ единственнаго ч., какъ думаютъ нѣкоторые, взял для себя окончаніе множественнаго ч. средняго р. *-а*, которое въ соединеніи съ *-ь* произвело *-ья*. Но явленіе б-ы *-ья* для твердаго исхода указываетъ уже на излишнее распространеніе этого окончанія и исключительность его служенія для многихъ словъ. Русскій языкъ смотрѣлъ на него уже какъ на неподвижное, отвердѣвшее окончаніе, и придавалъ его всѣмъ исходамъ для образованія множественнаго ч., даже къ формѣ *ов. св.* Нѣтъ надобности замѣчать, что въ Русскомъ языкѣ множество словъ, принимающихъ окончаніе средняго р. *-а, -ья*, не имѣютъ собирательнаго значенія; оно сдѣлалось для нихъ неизбѣжнымъ, за неизбѣжнѣмъ другаго, и къ нимъ также удобно, какъ и другимъ на *-и, -ь*, прилагается понятіе «одни», «нѣкоторые». Таковы на пр.: *острова, брусья, стулья* и пр. Но въ другихъ понятіе множества такъ слилось съ понятіемъ совокупности, что почти невозможно ихъ отдѣлать, на пр.: *голоса, господа, сучья, берега* и пр. Сюда подведены и слова средняго р., на пр., *польнья, перья, крылья*. Быть можетъ, рядомъ съ *-ья, -а* существовала и другая форма собственно мужескаго р., но отъ времени была забыта; однако двойственность существуетъ: есть много такихъ словъ, которыя имѣютъ двѣ формы, и въ нихъ *-а, -ья* есть собирательная, на пр., *бары и бара, холопы и холопья, учителя и учителя, волосы и волоса, волосья, ули и уюлья, камни и каменья, край и края, дерева и деревья*, какъ и у Малорусовъ, на пр.: *браты и браця*. Словомъ, языкъ, воспользовавшись этимъ исходомъ, приравливалъ его ко множеству словъ, наблюдая нѣстами и благозвучныя условія; различія между собирательною и множественною формами онъ не соблюдалъ строго, какъ и другія родственныя нарѣчія. Замѣтимъ, что окончаніе *-а* и *-ья* принимаютъ имена равно одушевленныхъ и неодушевленныхъ предметовъ; но *-овья, -евья, -ева* принимаютъ имена одного лишь чловѣка на пр.: *сыновья, кумовья*. Первое имѣетъ и *сыны*. Это явленіе стоитъ въ соотвѣтствіи съ подобнымъ, замѣчаемымъ въ Польскомъ, Чешскомъ и В.-Лужицкомъ, въ которыхъ образованіе *ов* преимущественно принадлежитъ одушевленнымъ предметамъ, какъ и въ Ц.-Славянскомъ языкѣ. Объяснить причину этого явленія почти невозможно. Но въ древнѣйшемъ языкѣ, Д.-Булгарскомъ, оно, по нашему мнѣнію, сбъясняется тѣмъ, что *-овъ* придавалось лишь къ твердому исходу для собирательнаго значенія, а такъ какъ одушевленные предметы представляли для духа языка скорѣйшую способность къ совокупности представленія, то *-овъ* естественно и всего скорѣе пало на имена одушевленныхъ. Въ Д.-Булгарскихъ памятникахъ *-овъ* и потомъ *-овъ*, появляясь уже не въ первую пору языка, относятся почти исключительно къ именамъ чловѣческимъ. Такъ, на пр., древнѣйшее слово, нѣсколько разъ встрѣчающееся уже въ Остромировомъ Евангеліи, *сыновъ* по тому приняло собирательную форму, что всѣ лица, стоящія въ одинаковомъ извѣстномъ отношеніи къ другому предмету, не требуютъ раздѣленія, ибо тутъ нужны не они сами, и не отдѣльныя ихъ особи, а общее ихъ отношеніе, именно *сыновья*, которое и соединяетъ ихъ въ одно цѣлое. Сдѣсь разумѣются всѣ вообще лица, вмѣстѣ взятыя, стоящія въ сыновьихъ отношеніяхъ къ другому предмету.

Такъ: *сѣнове сѣноту*, *сѣнове царствени*, *сѣнове именовъ*, т. е., все потомство Якова. Русскій языкъ наиболее сошелся съ Д.-Булгарскимъ, но другія нарѣчія, распространивъ образованіе *-овъ*, *-евъ* ради благозвучныхъ причитъ, забыли, или нарушили его отношеніе къ предметамъ одушевленнымъ. Сербскій и Хорватскій языки не знаютъ собирательной формы именительнаго п. мн. ч. Хорваты употребляютъ не болѣе двухъ, трехъ словъ въ собирательномъ значеніи и для нихъ дѣлаютъ исключеніе, придивая съ этою цѣлью окончаніе *-овѣ*: *čerповѣ* и *brestовѣ*. Разница между послѣднимъ и *bresti* будетъ такая же, какая между *Ulmenvald* и *Ulmbäume*. Хорутане, напротивъ, такъ распространили окончанія *-овѣ* и *-ѣ*, что, какъ и Русскіе въ окончаніи *-а* и *-ѣ*, могутъ видѣть и не видѣть собирательнаго значенія. У нихъ *-овѣ* принимаютъ слова односложныя и много такихъ же принимаютъ *-ѣ*. Одушевленные, исходящія въ родительномъ п. ед. ч. на *-ба*, *-да*, *-та*, рядомъ съ *і*, имѣютъ *-ѣ*; мягкій исходъ одушевленныхъ *-г* имѣетъ *-гѣ*. Сдѣсь вообще преобладаетъ благозвучное начало; такъ на пр. односложныя на *в* имѣютъ *-ѣ* безъ всякаго собирательнаго значенія, хотя съ другой стороны въ одушевленныхъ на *-ѣ* нельзя не видѣть собирательной формы, отвѣчающей Ц.-Слав. *-им*, Рус. *-ья*: *zosédje*, *góstjé*. Въ Д.-Чешскомъ форма *-овѣ* показывается позднее, чѣмъ *-і*, и слова съ твердымъ исходомъ, принимающія эту форму, суть преимущественно одушевленные; но изъ этой формы они уже переходятъ въ мягкое образованіе *-ѣ*, на пр., *Čechové* и *Česjé*, *Uhrjé*, *Taterjé*.¹ Это и служитъ подтвержденіемъ нашихъ словъ, что форма *-ове* одного происхожденіе съ *-ме*. Польскій и Чешскій языки, которые въ употребленіи *-і*, *-у* и *-іе*, *-е* наблюдаютъ главное и существенное основаніе, различіе твердости и мягкости, не придаютъ по этому случаю послѣднему окончанію собирательнаго значенія. Надо къ тому же замѣтить, что въ нихъ *-іе*, *-е* отвѣчаетъ Ц.-Слав. *-им* и *-я*, такъ что стяженіе происходитъ въ нихъ полное, и мягкое *-іе*, *-ѣ*, соединясь съ мягкой гласною, переходитъ въ простое *-е*, на пр., Чеш. *měse*. Съ другой стороны, въ Чешскомъ языкѣ окончаніе *-овѣ* распространилось значительно для обоихъ исходовъ, твердаго и мягкаго: его принимаютъ и одушевленные и неодушевленные имена, но первые предпочтительнѣе, особенно односложныя. Тѣмъ не менѣе Чехи говорятъ *dešiové*. Поляки окончанію *-овѣ* подчиняютъ имена человѣческія, не ограничивая ихъ свойствомъ исхода. По этому въ обоихъ языкахъ нельзя усмотрѣть дѣйствія собирательнаго значенія въ употребленіи формъ, когда главнымъ основаніемъ принято свойство исходовъ и благозвучія. Впрочемъ, нѣкоторыя Польскія слова, имѣющія двойственную форму, могутъ различать ее на основаніи совокупности. Таковы: *panowie* и *pany*, *królowie* и *króle*, *świadkowie* и *świadki*, *bogowie* и *bogi*. Грамматика вторую форму называютъ уничтожительною, но это-то и показываетъ въ ней не совокупность, а раздѣльность представленія, ибо удареніе, падающее въ такомъ случаѣ на слово, выисблиаетъ его изъ цѣлаго, указываетъ на него съ особенной точи зрѣнія и, слѣдовательно, отмѣчаетъ особымъ опредѣленіемъ въ смыслъ «извѣстные». Все, что можемъ сказать въ пользу собирательнаго значенія окончанія *-овѣ*, *-овѣ* въ этихъ двухъ языкахъ, это то, что древнѣйшее его употребленіе въ Ц.-Славянскомъ языкѣ съ этимъ значеніемъ почти исключительно для именъ одушевленныхъ, равно какъ и въ Русскомъ языкѣ, показываетъ, что и въ нихъ оно могло первоначально имѣть это зна-

¹ См. Шафарика, *Počátkové Staročeské mluvnice*, Стр. 51. Тамъ же.

ченіе, но потомъ утратило его, сливъсь съ общимъ повятіемъ множества. Относительно позднѣйшее возникновеніе собирательнаго значенія и, такъ сказать, побочность его при окончаніи именительнаго п. множ. ч. муж. р. не позволила ему, какъ мы видѣли, укорениться и опредѣлиться ни въ одномъ нарѣчій. Непостоянство и неточность суть главные недостатки его употребленія. Нѣкоторыя, какъ Д.-Булгарское въ среднюю свою пору и Русское, соединяютъ мѣстами -иъ, -ѣя съ собирательнымъ значеніемъ, а -ои, -ои, -ооѣя, -ооѣя, -ооѣ почти всегда употребляютъ въ этомъ значеніи; напротивъ, Польское и Чешское наименѣе допускаютъ его, оставаясь при главномъ основаніи, свойствѣ исходавъ. Средину между тѣми и другими занимаетъ Хорватскій языкъ. Прочія представляютъ другой рядъ явленій: Хорватскій и Сербскій вовсе не имѣютъ образованія -иъ или -ѣ и не допускаютъ собирательнаго значенія, первый по тому, что вовсе не имѣетъ ни -иъ, ни -оѣ, второй по тому, что на -оѣи, -оѣи смотритъ лишь съ благозвучной стороны и рядомъ съ нею допускаетъ -и. Одушевленныхъ и неодушевленныхъ предметовъ, равно какъ собирательнаго значенія въ образованіи -оѣи, -оѣи Сербскій языкъ не различаетъ. Особнякомъ отъ прочихъ и какъ двѣ крайности стоятъ два Лужицкихъ нарѣчій: одно, В.-Лужицкое, имѣетъ въ явобиліи -оѣо, -ѣо, -ѣ, -оѣи рядомъ съ -х, -і, -ѣ; другое, Н.-Лужицкое, имѣетъ только -і и -ѣ. Первое зашѣтно допускаетъ собирательное значеніе, второе вовсе его не допускаетъ. Но оба окончаніе -ѣ употребляютъ при мягкомъ гласномъ и согласномъ исходѣ. Собственно такъ называемыя неразумныя имена (ирраціональныя) принимаютъ въ В.-Лужицкомъ такія же два окончанія, какъ и въ Н.-Лужицкомъ -у, -і и -ѣ: это суть главные его окончанія, отвѣчающія -и, -иъ Ц.-Славянскаго. Только, разумеется, оба языка не равно смотрятъ на твердость и мягкость. В.-Лужицкій мягкому окончанію подчиняетъ шипящій и гласный исходы. Эти окончанія принимаютъ и имена разумныя, когда предметъ, ими означаемый, берется въ отвлеченія отъ разумности. Но какъ скоро предметъ этотъ принимается, какъ разумное (раціональное) существо, включая сюда и олицетворенія, тогда, какого бы ни былъ онъ исхода, онъ оканчивается на -оѣо или -ѣо, -ѣ и -оѣи. И такъ В.-Лужицкій, какъ и Польскій, для именъ предметовъ одушевленныхъ принялъ два окончанія -у, -і, -ѣ, или -оѣо, -ѣо, -ѣ, -оѣи. Нѣтъ сомнѣнія, что -оѣо, -оѣи было обязано своимъ существованіемъ съ -у, -і собирательному значенію, которое для одушевленныхъ предметовъ, преимущественно для человѣка, служило и въ Ц.-Славянскомъ, и Русскомъ, и Польскомъ языкахъ. Но В.-Лужицкій языкъ только разсѣлъ на двое одно и то же окончаніе -иъ: для неразумныхъ именъ онъ выразилъ его въ видѣ -ѣ, а для разумныхъ въ видѣ -оѣо; но -оѣо, какъ мы сказали, есть также -оѣи только съ другою благозвучною буквою: и по тому между -оѣо и -оѣи не можетъ быть никакой разницы. Сдѣсь -оѣо есть туземная форма, а -оѣи заимствованная у родственнаго языка, ибо В.-Лужичане предпочитаютъ въ словодвиженіи благозвучное *j* таковому же *w*, какъ это видно въ формѣ дательнаго п. ед. ч. -оѣи или -оѣи. У Френцеля и въ народныхъ пѣсняхъ -оѣи не принято, но зашѣнено чрезъ -оѣо. Видѣть различіе въ этихъ двухъ формахъ нѣтъ никакой нужды: это есть одна и та же собирательная форма, двойственность которой подтверждаетъ только то, что -иъ и -оѣи одного между собою происхожденія и имѣютъ посредникомъ -оѣо, образовавшееся какъ и -иъ, но только съ другимъ приемомъ, ибо основная конечная полугласная была озвукотворена въ *o*, а *e* передъ гласной перешло въ *e*, по-русски *ѣ*, по-лужицки *jo*; если *j* разъединительное зашѣнено чрезъ такое же *w*, то получимъ -оѣи или *oŋe*. Отъ того -оѣо распространено и

на твердый исходъ, заѣмая собою вѣдливъ *-owѣ*; она прилично и мягкому исходу, ибо хотя собственно и заѣмаетъ тутъ *-owѣ*, но у Лужичанъ мягкое е чрезъ ѣ переходитъ въ о и отъ того не требуетъ переѣмъ ни въ той, ни въ другой формѣ: *-ojo*, *-owѣ* служатъ для вѣдхъ исходовъ. И такъ на повѣрку выходитъ, что употребленіе окончаній такое же, какъ и у Поляковъ: твердый исходъ принимаетъ *-у* или *-і*, Ц.-Слав. *-я*, мягкій *-е*, Ц.-Слав. *-ни*, и сверхъ того ния чловѣка принимаетъ *-ojo*, то же, что *-owѣ*, Поля. *-owie*, Ц.-Слав. *-ви*, Рус. *-овья*. Что касается до собирательнаго значенія, то оно, какъ и въ Польскомъ, Чешскомъ и Н.-Лужичкомъ, прешло за *-е*, но слѣды его остались за *-ojo*, *-jo*, *-о*, *-а* или *-owѣ*. Таковы собирательныя: *janiteljo*, *pselceljo*, *rohajo*, *knęza*, *widia* и пр. Другая ихъ форма на *-у*, *-і*, *-е* отбѣиваетъ при этой собирательное значеніе, но какъ въ Польскомъ *-owѣ*, такъ и здѣсь *-ojo*, *-jo*, *-о* такъ сроднилось съ своими именами, что стало употребляться съ ними и безъ собирательнаго значенія. Доказательствомъ тому служить употребленіе его съ числительными, или даже съ самымъ словомъ *sicy*. Такимъ образомъ передъ нами открывается весь кругъ употребленія формъ съ собирательнымъ значеніемъ. Одни нарѣчія расширяютъ его болѣе, другія менѣе: Соберемъ же наши замѣчанія во едино и выведемъ общее заключеніе. Общимъ заключеніемъ будетъ то, что окончанія *-и*, *-ни*, *-я*, *-ви*, *-ви* и ихъ перезвуки по нарѣчіямъ, возникли независимо отъ какого либо стремленія языка означить или неопредѣленное, либо собирательное множество, но потребовались языкомъ для образованія падежа на тѣхъ же исконныхъ прадавнихъ и общихъ законахъ, на которыхъ оснѣвывается все Индоевропейское словодвиженіе. Но коренное свойство Славянскаго языка, граничащее съ близозвучіемъ, занимающимъ въ строеніи звуковъ каждаго языка одно изъ первыхъ мѣстъ, требовало различія между твердымъ и мягкимъ основными исходомъ и съ этой точки зрѣнія приняло въ служеніе для признаковъ падежа два праязычныхъ образователя: иѣстоименное *-і* и существительное *-аг*. Первый обратился по нарѣчіямъ въ *-и*, *-ни*, *-ы*, (*-і*, *-у*), другой въ *-ни*, *-ви*, *-е*, (*-ѣ*, *-іе*, *-е*) и *-е*. Таковы окончанія именительнаго п. мн. ч. муж. р. Но независимо отъ ихъ происхожденія духъ языка, по своей творческой способности, замѣтивъ сходство между отвѣченными окончаніемъ среднего р. *-ни*, выражавшимъ часто собраніе однородныхъ предметовъ, и окончаніемъ падежа *-ни*, перенесъ и на послѣднее собирательное значеніе, которое первоначально привали имена съ мягкимъ исходомъ, дождевствовавшія по самому свойству своего исхода принимать *-ни*. Потомъ и имена съ твердымъ исходомъ получили собирательное значеніе въ формѣ *-ви*, которая есть не что иное, какъ видоизмѣненіе *-ни*, отличающееся отъ послѣдняго лишь инымъ воспроизведеніемъ основной полугласной, которая, по причинѣ своей твердости, естественно должна была обратиться въ *е*. Подобный же приемъ для гласнаго и мягкаго исхода произвелъ *-ви*. Но объ эти формы отослательно поздиѣе, чѣмъ *-и* и *-ни*. За то онѣ образовались, по видимому, для того, чтобы собирательное свойство, приданное формѣ *-ни*, перенести и на тѣ исходы, которые по благозвучнымъ причинамъ не могли принять *-ни*, хотя собственно и имъ никакъ нельзя приписывать необходимости собирательнаго значенія, ибо главная причина ихъ происхожденія заключается въ общихъ звуковыхъ соображеніяхъ, по которымъ и дательный п. ед. ч. образовалъ свое *-омн*, *-емн*. Имена одушевленные оказали большую способность передъ неодушевленными къ принятію собирательнаго значенія. Прочія Славянскія нарѣчія повели далѣе движеніе, возникшее въ Д-

Булгарскомъ языкѣ. Въ вѣхъ *-ме*, явившись въ различныхъ переизмѣненіяхъ, мало по малу утратило свое собирательное значеніе, оставшись болѣе исполнять служеніе надежнаго образователя для мягкаго основнаго исхода въ противоположность *-і*, *-у*, оставшемуся при твердомъ исходѣ. Только у Хорутанъ еще иѣстами носитъ оно собирательное значеніе въ видѣ *-је*. За то совѣстивши его *-оѣ*, смягчавшись нѣсколько въ *-оѣіе*, *-оѣіѣ*, *-оѣіѣ* у Поляковъ, Чеховъ и В.-Лужицанъ, гораздо яснѣе, хотя не всегда и не вездѣ, сохранилъ свое собирательное значеніе, служа преимущественно исходомъ для одушевленныхъ предметовъ и тѣмъ намекая на иную, а не на благозвучную причину, дѣйствовавшую къ его сохраненію: и эту причину, если свесемъ упомянутыя нарѣчія съ Д.-Булгарскимъ и Русскимъ, было собирательное значеніе. У В.-Лужицанъ *-оѣіѣ* переходитъ въ болѣе народное *-оіѣ*, *-іѣ*, *-ѣ*, и *оѣіѣ* формы существуютъ рядомъ одна съ другою, хотя народъ и отдаетъ предпочтеніе послѣдней. Другія нарѣчія, какъ Сербское и Хорутанское, это *-оѣ* обратили въ *-оѣі*, *-оѣіѣ*, уничтоживъ въ немъ его отличительное *е* и сдѣлавъ *-оѣ*, *-оѣі* какъ бы неподвижною образовательною частицею, къ которой, при твердости *е*, *и*, можно было придать другой признакъ надежа *и*, *і*. Естественно, форма эта забыла у нихъ свое собирательное значеніе и осталась удовлетворять лишь благозвучнымъ требованіямъ языка, которыя впрочемъ были столь тонка, что нѣкоторыя нарѣчія могли вовсе обходиться безъ образования на *-оѣ*. Таковы Д.-Булгарское въ первую свою пору, Хорватское, кромѣ двухъ, трехъ словъ, употребленныхъ съ *-оѣіѣ* въ собирательномъ смыслѣ, Н.-Лужицкое и самое Сербское, которое легко можетъ обходиться и безъ *-оѣі*, *-оѣіѣ*, имѣя для тѣхъ же словъ другую обычную форму на *-и*. Весьма важенъ въ этомъ отношеніи Русскій языкъ. Онъ для собирательной формы принялъ окончаніе средняго р. множ. ч. *-а* и *-ѣ*, показавъ, что не только наружное сходство окончаній, но и внутренняя способность средняго рода выражать въ отвлеченномъ понятіи существующее множество, побудила духъ языка прибѣгнуть къ уподобленію ему окончанія именительнаго п. множ. ч., когда мысль желала выразить существующее неопредѣленное множество въ видѣ единого, цѣлаго, совокупнаго понятія. Въ послѣдствіи окончанія *-а*, *-ѣ*, по вѣрѣ усилившагося ихъ служенія и отнесенія другихъ, терли свое собирательное значеніе, не все таки оставались при такихъ именахъ, которыя наиболѣе подчиняются собирательному понятію. Образование на *оѣ*, *еѣ* осталось при однихъ одушевленныхъ именахъ, или, лучше, чловѣкъ для выраженія различныхъ отношеній, въ которыхъ онъ стоитъ къ подобному себѣ; оно яснѣе сохранило свое собирательное значеніе; но *оѣ* и *еѣ* приняты за неподвижную частицу и къ нимъ приданы окончанія *-а* и *-ѣ*. Въ окончаніи средняго р. множ. ч. Русскому языку вторитъ также и В.-Лужицкій. Такимъ образомъ мы видимъ, что временное движеніе Славянскаго языка выразилось въ усиленіи образования на *оѣ*, *еѣ* на счетъ другихъ надежныхъ окончаній и въ сохраненіи за нимъ въ большей, или меньшей степени признака собирательнаго значенія, которое, вѣроятно, и было главною причиною его возникновенія. Его первообразъ, *-ме* оставалось по прежнему отправлять служеніе при мягкомъ основномъ исходѣ и теряло свое собирательное значеніе, котораго оно первоначально, по происхожденію своему, и не имѣло. Словомъ, будучи вѣдѣнъ и относительно позднѣйшимъ, тѣмъ самымъ надежнымъ окончаніемъ, собирательное значеніе, приравненное сначала къ *-ме*, потомъ къ его видоизмѣненію *-оѣіѣ*, *-оѣіѣ*, не могло удержатъ исключительно за собою какую либо изъ вѣдѣнъ

формъ. Свободная дѣятельность языка поминутно отвлекаетъ его отъ этихъ формъ и не даетъ установиться: ясно видно, что служебнѣе формъ руководитъ другое, важнѣйшее и коренное начало, которое вызвало ихъ изъ латинской мастерской языка на служебнѣе разсматриваемому нами падежу. Повторяю, относительно поддѣланныхъ формъ на *-es, -es*, сдѣлавшаяся уже въ послѣдствіи для некоторыхъ нарѣчій необходимою по благозвучнымъ условіямъ и вообще часто удовлетворяющая лишь однимъ этимъ условіямъ, но тѣмъ не менѣе допускающая при себѣ на рѣдую и другую форму, наиболѣе сохраняющую признаки настоящаго, или минувшаго присутствія собирательнаго значенія и тѣмъ подтверждаетъ, что языкъ преимущественно ее имѣлъ въ виду для придачи понятія множества собирательнаго отъѣнка. Сербскій языкъ, какъ мы могли замѣтить, во многомъ отличается отъ Д.-Булгарскаго. Въ немъ нѣтъ уже *-me* и *-e*; въ немъ одно только *-и*, между которыми и основою вставляется иногда образовательное *es, es*, уже утратившее здѣсь настоящее значеніе, какъ формы живой, имѣющей свое начало, свой видъ и извѣстную цѣль служенія, и сдѣлавшееся не болѣе, какъ ожившею, неподвижною частицею, удовлетворяющею однимъ благозвучнымъ потребностямъ и по тому легко и произвольно опускаемою. Форма падежа обобщилась, и значеніе собирательное сдѣлалось, при единствѣ формы, невозможнымъ. Посмотримъ теперь, что представитъ намъ Д.-Сербскій книжный языкъ, стоящій въ срединѣ между Ц.-Славянскимъ и народнымъ и выходящій въ себѣ объ эти стихіи съ ихъ животворнымъ взаимодействіемъ при его переработкѣ и воссозданіи.

Д.-Сербскій именительный р. мн. ч. муж. р. въ образованіи своемъ представляетъ полное сходство съ Ц.-Славянскимъ и далеко отстаетъ отъ нынѣшняго. Богатство формъ этого падежа, въ которомъ Д.-Булгарское нарѣчіе не уступитъ никакому другому, должно было сильно дѣйствовать на письменность, находившую въ народномъ языкѣ не столь опредѣленныя, или менѣе различныя формы. Окончанія *-e* и *-me* поддержаны здѣсь Ц.-Славянскимъ языкомъ; ихъ нѣтъ теперь въ народѣ. Мы постараемся представить въ повременномъ порядкѣ всѣ видоизмѣненія падежныхъ окончаній и оправдать, по возможности, предыдущія слова, сколько позволитъ языкъ, имѣющій собственное воззрѣніе на твердость и мягкость и налагающій на формы печать своего движенія. Имена, исходящія на твердую согласную, имѣютъ почти всегда *-и*, при чемъ гортанныя измѣняются въ соответствующія свистящія; на пр.: власи (Ш. № VII; С. NN № 5, 41, 176; А. № 6), носли (С. NN № 3, 86, 100), вельници (С. NN № 8, 16), нымети (С. № 14), шезрици, шезрици и т. д. (С. NN № 16, 96, 98, 104, 107, 114, 127), трыжници (С. № 21), виногради (С. № 26; А. № 4), нрѣти (А. NN № 3, 4), доли, фтроци (А. № 6), реди, реди (Мк.; С. № 175), нрѣци, иници, полюси, соналици, штроиси (С. № 176), соупрѣци (А. № 11), дари, сифтрѣ, иници (А. № 10), предди и пр. (Г. А), аили (В. № 2), милестаници, мѣтници и т. д. (С. NN № 73, 91, 111, 137, 138), згри, згри (С. № 76), доухоници, висици, шгоушици, кзрицици, зхриси, шроиси, доушеници, узлици и пр. (З.), хрисокоуши (З.; Г. Б), сядоци, -ѣ, сядоци (З.; С. NN № 82, 83, 103, 116, 117, 118, 127, 136, 139, 140, 150, 163, 165, 179; З. А.), рзтици (С. № 179), метеси (Ю.), ицици (А. № 18), старшици (А. № 19), ѣ-владдици (С. NN № 96, 98, 104), вѣници (С. № 104), дзилци (С. № 106), сиси (С. № 107), вѣлици (А. № 16), исладдици (С.-Д. М. 1844; С. NN № 103), везокоушици (С. № 118), стезици (С. № 127), метеси (С. № 130), сивистри (З. А.), фотлици, ретници (С. NN № 136, 150), стронници (С. № 145), дилари (С. № 154), аили, калочтири, хѣци и пр. (Г. Б), виногради (М. А.), врсници

(С. № 178), *аггмы*, *арастомѣ* (А. № 20), *илитѣри* (С. № 173) и пр. Въ этихъ гранотахъ, гдѣ я замѣляеть и, находимъ эту замѣну, на пр., *инфра*, *синитра* (С. NN № 81, 89), или колеблющаяся форма *дзастомѣ* (С. № 83). Мы еще не разъ встрѣтимъ ее, также какъ и замѣну б-ы я или е чрезъ я. Имена съ твердымъ исходомъ принимаютъ иногда окончаніе -омъ, -омъ, -омъ; но это случается не часто, по крайней мѣрѣ не чаще, чѣмъ въ Ц.-Славянскомъ языкѣ, но за то это окончаніе равно принимаютъ какъ одушевленными, такъ и неодушевленными имена, больше односложными, какъ и въ нынѣшнемъ Сербскомъ. Тамъ на пр.: *врагохъ* (С. № 16), *полюксъ* (С. № 176), *синомъ*, -е, *синомъ*, *сиомъ* (С. NN № 76, 128, 137, 141, 144, 145, 156, 157, 163, 176), *трыгомъ* (С. NN № 73, 91, 111), *судомъ*, *трыгомъ*, *градомъ* (3.), *судомъ* и *судъ* (С. № 115), *стоуномъ* (Мл.). Число примѣровъ показываетъ, что это окончаніе не было въ ходу. Но, вопреки нынѣшнимъ, нѣкоторыя изъ этихъ формъ сохранили собирательное значеніе, на пр., въ гр-хъ С. NN № 16, 176, гдѣ вообще говорится о всѣхъ врагахъ, о всемъ сословіи поповъ и пр.; въ гр-ѣ Мл. *стоуномъ* не имѣетъ уже этого значенія, также какъ *синомъ* и и др.: это показываетъ, что форма -омъ хотя имѣла мѣстами собирательное значеніе, однако Сербы смотрѣли на нее не съ этой одной точки, а болѣе подъ условіемъ благозвучія, приближаясь къ нынѣшнему ея употребленію. Дѣйствительно, какъ сказали мы, необходимости собирательнаго значенія для -омъ не можетъ быть, какъ это доказываютъ Сербскій и Чешскій языки, распространившіе это образованіе и на имена неодушевленныхъ предметовъ въ видахъ удобнѣшаго изслѣденія окончанія. Исходъ -и перенесенъ былъ и сюда, какъ въ нынѣшнемъ Сербскомъ и Хорутанскомъ языкахъ, и по тому находимъ *полюксъ* (А. № 5) и *поутокъ* (А. № 8) — слово, которое въ Д.-Сербской письменности получало иногда народное произношеніе съ твердою полугласною. Мы должны всегда имѣть въ виду это различіе въ произношеніи и имѣть объяснять нѣкоторыя двойныя формы. Нынѣшнее и имѣетъ у Сербовъ и твердый и мягкій звукъ; въ первомъ случаѣ его пишутъ иногда чрезъ *ы*, а мы знаемъ, что нѣкоторыя слова, исходящія на плавныя, нынѣ звучатъ у Сербовъ твердо, тогда какъ въ Д.-Булгарскомъ языкѣ они звучали мягко: по этому невозможно въ Д.-Сербской письменности, гдѣ было снѣженіе обѣихъ стихій, рѣшить положительно, какой звукъ принимали они въ именительномъ п. мн. ч. муж. р., народный ли, или Ц.-Славянской, когда въ обѣихъ языкахъ онъ изображался чрезъ и ? Но если при вышеозначенныхъ согласныхъ встрѣчается, кромѣ -и, еще форма на -иъ, -иъ, или -и, -и, то мы можемъ быть увѣрены, что тутъ согласныя эти звучали мягко. Примѣры свидѣтельствуютъ, что мягкій исходъ, приближавшійся всего болѣе къ прадавней основноисходной гласной *i*, допускался и Сербскимъ ухомъ, положимъ, хотъ подъ вліяніемъ Д.-Булгарскаго произношенія, въ видѣ -иъ или -и; первое стягивалось въ -иъ, а второе всегда звучало мягко, хотя часто неображалось чрезъ твердый знакъ -ѣ. Весьма замѣчательно то, что имена, исходящія преимущественно на плавныя и имѣющія въ падежахъ единственнаго ч., какъ мы видѣли въ ученіи о звукахъ, двойное окончаніе, твердое и мягкое, сдѣсь, въ именительномъ п. мн. ч., предпочитаютъ мягкій исходъ, который доказывается вышеупомянутыми окончаніями; а если испоманитъ, что большая часть этихъ словъ нынѣ опять возвратилась къ своему мягкому исходу, то увидимъ, что въ разсматриваемомъ нами падежѣ Сербскій и Д.-Булгарскій языки тѣсно обходятся между собою, чѣмъ въ единственномъ числѣ, чему, конечно, не мало содѣйствовалъ праязычный способъ образованія этого падежа.

На ряду съ формами на -и встрѣчаемъ и формы на -ни, -ль, -и, -о: шма-
стири, монастыри (Ш. № VII; Г. Б), брадѣи, брадѣи (Ш. VII; А. № 9), скъ-
титѣи, -ѣ, стѣи (Ш. № VII; С. № 176; 3.) и стѣи (А. NN № 3, 4), прѣ-
тѣи, прѣтѣи, прѣтѣи (С. NN № 3, 62, 159), прѣтѣи, прѣтѣи прѣтѣи,
прѣтѣи, -тѣи, -ѣ, -ѣ, -ѣ, прѣтѣи; прѣтѣи (С. NN № 3, 60, 89, 104,
111, 114, 132, 135, 137, 138, 147, 166) и прѣтѣи (С. № 16), властѣи, -ѣ,
-ѣ,
50, 53—55; 57, 62, 64, 66, 72, 76—78, 81—83, 85—92, 95—99, 103, 104,
106—109, 111—117, 119, 120, 122—127, 129, 130, 132, 133, 136—138, 140—
142, 144—146, 150, 154, 157, 159, 161, 162, 164—167, 172, 179; Мк., 3.; 3. А.),
властѣи (С. NN № 19, 40, 61) и властѣи (С. № 77), кови (С. № 22; А. № 6;
3.), гандѣи (А. № 6), пра- пр- родитѣи, родитѣи, -ѣ, -ѣ, -ѣ, -ѣ, -ѣ, -ѣ, -ѣ,
-ѣ, -ѣ, -ѣ (А. NN № 8, 9; С. NN № 66, 84, 89, 97, 132, 146, 147, 176;
Мл.), родитѣи (С. № 146) и родитѣи (Г. Б), цѣи, -ѣ, цѣи, -ѣ, цѣи, -ѣ,
цѣи (А. NN № 8, 9, 16; С. NN № 37, 103, 136, 176; В. № 1; С.-Д. М. 1844),
седѣи, Златѣи (С. № 176), шистѣи, -ѣ (С. № 176; А. № 12), я- поклѣ-
сарѣи, -ѣ, -ѣ, -ѣ, -ѣ, -ѣ, поклѣсарѣи, поклѣсарѣи (С. NN № 40, 49, 50, 56, 71,
81, 83—85; 89, 95, 97, 103, 104, 117, 120, 123, 126, 127, 136, 144, 145, 150,
154), поклѣсарѣи (С. № 164) и поклѣсарѣи (С. NN № 55, 65, 120, 144, 164),
хитѣи, -ѣ, -ѣ, хитѣи, хитѣи (А. NN № 10, 17; Г. V; С. № 178),
строитѣи, господарѣи (3.) и гѣодарѣи (С. № 145), прѣицѣи, прѣицѣи (3.; А.
№ 14), рѣитѣи (А. № 19), дѣитѣи (А. № 17), мѣитѣи, -ѣ, -ѣ (С.
NN № 37, 103, 136), слѣитѣи, слѣитѣи (А. № 16), прѣицѣи (С. № 130).
Формы прѣитѣи (С. № 66) едва ли можетъ существовать, и не есть ли съдѣи
второе и перезвукъ изъ и, ибо тутъ же находимъ и прѣитѣи. Изъ сравне-
нія количества примѣровъ видно, что дѣйствительно мягкая основа и оконча-
нія -ни, -и предпочитаютъ, но, какъ и въ Ц.-Славянскомъ, происходитъ колебаніе
по неопредѣленному свойству самихъ плавныхъ. Для этого исхода только одна-
жды встрѣчается форма на -ѣи: сужѣи (С. № 55). Но положительно сказать, какъ
произносились слова съ этимъ исходомъ, нельзя. Въ звукоученіи мы уже видѣли,
что они произносились и твердо и мягко: по этому если властѣи, поклѣсарѣи,
господарѣи и т. п. исходили на твердое р, т. е., -рѣ, то очень естественно
было принять и въ окончаніи -и; въ мягкомъ же видѣ принимали они -ни.
Мягкій исходъ -ль предпочитаютъ, какъ и въ Ц.-Славянскомъ языкѣ, -и, -ѣ,
стоящее на одной линіи съ -ни и очень удобное въ благозвучномъ отношеніи
для этого исхода. Слова, оканчивающіяся на -ць, которое нынѣ часто имѣетъ
твердый исходъ, на пр., *оацъ, тѣвоацъ*, принимаютъ б-у и всѣ безъ исключенія;
для нихъ имѣтъ ии -ѣи, ии -ни, ии -ѣ: тѣвоицѣи, тѣвоицѣи (С. NN № 22, 36, 43,
50, 54, 55; 67, 70, 71, 82, 113, 129, 144, 145, 150, 154, 168). Только
однажды приписка и тутъ же н. р. -ѣи (3. А.). Слова, исходящія на прочія
претворенныя гортанныя и на мягкія зубныя д, т и ѣ, или замѣняющія г и и,
принимаютъ тѣ же окончанія, какія и предыдущія, т. е., -и (Ц.-Слав. -и), -ни,
-ль, -и, которое при соединеніи съ согласною обыкновенно переходятъ въ -ѣ,
на пр.: рѣицѣи, тѣвоицѣи (Ш. № VII), мѣицѣи (С. № 2), поклѣи (А. №
7), поклѣи, поклѣи (С. № 176), поклѣи (А. № 10), тѣи (3.), мѣицѣи, -ѣ,
-ѣ, мѣицѣи (С. NN № 81, 84, 85, 95, 116, 120, 136, 150, 154, 178), гостѣи,
-ѣ, -ѣ (С. NN № 91, 111, 137) и гостѣи (С. № 163), тѣицѣи (С. № 92), тѣи-
мѣицѣи (С. № 126), рѣицѣи, синѣицѣи, лѣицѣи, гѣицѣи (3. А.), мѣицѣи (С.

№ 156), *остойни* (Мл.), *хрѣношени* (С. № 60). И такъ хотя мягкій исходъ равно допускаетъ -и, -ни, -ѣи, -ѣи, -ѣи, однако послѣднія преобладаютъ. Предпочтительное употребленіе -и послѣ т, ш, ѣ очень понятно: надо замѣтить, что здѣсь всѣ три буквы служатъ въ замѣнѣ первоначальнаго и; но и обыкновенно принимаетъ -и и съ нѣмъ переходитъ въ -ѣи: и здѣсь происходитъ такое же явленіе, но только съ гортанною, претворенною въ другую смыслѣ, имено, въ видѣ т, шт, ѣ (ть). Отъ того, за этии исходами и усвоено окончаніе -и. Нельзя также упускать изъ виду образованія *покатни*, *пожнни*, которое уже болѣе сходствуетъ съ образованіемъ другихъ Славянскихъ нарѣчій, тогда какъ Ц.-Славянскій употребляетъ въ этомъ случаѣ болѣе -и, -ѣи. *гостни*, преобладающее надъ *гости*, согласуется съ Ц.-Славянскими и другими нарѣчіями. Не мѣшаетъ приподнять и то, что и здѣсь могло происходить смѣшеніе народнаго произношенія съ Д.-Булгарскимъ, ибо *ныѣ*, на пр., *гестъ* звучитъ уже какъ *юстъ*, -а; однако примѣры показываютъ, что произношеніе оставалось болѣею частію Д.-Булгарское. Только слово *имѣтъ*, которое и въ другихъ падежахъ предпочитало уже народный выговоръ, и здѣсь сохранило *имѣтъ* (З.). Слова, исходящія на -и послѣ гласной, какъ -ни, -ѣи и т. д., имѣютъ -и, при чемъ предпоследнее и сокращается иногда въ ѣ: *висѣтъ* (С. № 16), *ходѣтъ* (С.-Д. М. 1844). Теперь докончимъ о твердомъ исходѣ. Слова, оканчивающіяся на твердую согласную, или полугласную, почти исключительно принимаютъ -и: это мы уже замѣтили выше. Только немногія изъ нихъ допускаютъ -ни и -ѣи, каковы: *држинискоуни*, *нискоуни*, *игочнни* (Ш. № VII), *донѣти* (С. № 16), *кивоградъ* (С. № 21), *строгоуни* (С. № 176), *законъ* (С. № 77), *митрополѣти*, *налогѣти*, *хоуѣрѣти* (З.), *наменѣ* (С. № 144), *имѣти* (Мл.). Если нужно окончаніе -ѣи образовать на -ни, то и переходитъ въ т: *прѣ-звѣти*, -ѣи, -ѣи, -ѣи, -ѣи (С. NN № 14, 84, 96—99, 107). И такъ сравнительно взятое количество примѣровъ показываетъ, что должно принять за правило и что за исключеніе. Твердый исходъ предпочтительно образуется на -и, мягкій, плавный и зубной, на -ни, -ѣи, гортанно-претворенный, включая сюда и замѣнительныя и, ѣ, на -и, и, -ѣи. Окончанія -ѣи и -ѣи рѣдко допускаются. Собирательное значеніе мѣстами выдерживается мѣстами не выдерживается. Противъ него говорятъ всѣ тѣ случаи, когда къ имени, употребленному въ такъ называемой собирательной формѣ, дается дальнѣйшее единичное представленіе, отнимающее у него общность понятія и дѣлающее его только частію цѣлаго; таково, на пр., употребленіе слова *пописарни*, къ которому почти всюду приданы имена собственные, такъ что здѣсь оно никакъ уже не можетъ означать всѣхъ пословъ вообще, а вѣдь это имено сословіе посольское, но именно извѣстныхъ, поименованныхъ пословъ, по чему непременно должно бы было стоять въ формѣ *пописари* или -ѣи. Много и другихъ словъ употреблено точно такъ же. Но много и такихъ, особенно одушевленныхъ, означающихъ, на пр., сословіе, какъ-то, *покатни*, *мастерни*, *имѣти*, *строгоуни*, или всѣ вообще лица, стоящія въ одномъ отношеніи, на пр., *родитѣли*, *дѣти*, *дѣти*, *дѣти* и т. п., которыя очевидно имѣютъ собирательное значеніе. Но вообще въ этомъ отношеніи замѣтно большое колебаніе, хотя явнѣе, что Д.-Сербскій языкъ еще не дошелъ до полнаго отрицанія собирательнаго значенія, какъ вышній. Окончаніе -ни, -ѣи, какъ мы выше сказали, должно было образоваться независимо отъ -ни и есть видовизмѣненіе первоначальнаго -ас; ибо употребленіе его при плавныхъ, на пр., въ формѣ *законъ*, *наменѣ* и особенно при прочихъ мягкихъ согласныхъ показываетъ, что оно существовало совершенно отдѣльно отъ -ни и не могло быть стяженіемъ его чрезъ -ѣи.

Напротивъ, какъ видно, языкъ любитъ прибѣгать къ нему тамъ, гдѣ *-ни* или *-ьм* считалъ нѣсколько неловкимъ. Подтверженіе мы видимъ въ образованіи множественнаго ч. съ формы *-ниъ*, которая иначе и не образуется, какъ въ *-и* и *-ѣ*, *-и*. Это замѣчательное образованіе показываетъ, что понятіе множества никакъ не согласовалось съ формою *-ниъ*, и по тому языкъ прибѣгалъ въ другой формѣ единственнаго ч., составленной прямо изъ основы съ наконецною полугласною. Выше мы представили признаки существованія этой послѣдней въ единственномъ ч. При этомъ надобно замѣтить, что у Славянъ изъ именъ собственныхъ или выражающихъ человѣческія отношенія одни ходятъ въ своемъ простомъ видѣ, другія принимаютъ *-анъ*, праязычное *-ана*, съ указательнымъ значеніемъ, третьи *-имъ*, тоже по происхожденію относящееся къ *-ана*, но уже долѣе прожившее и получившее два значенія: «другой», Санскр. *anja*, и «одинаъ» (ср. *инорогъ*, *инонъ*). Сдѣсь оно употребляется въ послѣднемъ значеніи и занимаетъ мѣсто члена; ср. *юсподъ* и *юсподинъ*, *нѣмецъ* и *нѣмчинаъ*. Четвертыя же присоединяютъ оба окончанія вмѣстѣ *-аникъ*. Окончаніе *-анъ* въ единственномъ ч. рѣдко въ Ц.-Славянскомъ языкѣ, ср. *крѣстимъ*, и относится къ древнѣйшей порѣ; тѣмъ не менѣе нѣкоторыя Славянскія нарѣчія, какъ Чешское и Лужицкое, употребляютъ его такъ же свободно, какъ другія *-аникъ*. Впрочемъ, сдѣсь дѣло одного лишь обычая Славянскихъ нарѣчій: въ нѣкоторыхъ именахъ они упорно держатся окончанія *-имъ*, такъ что сокращенная форма единственнаго ч. того же имени кажется уже рѣдкостію, между тѣмъ, какъ другія подобныя имена, нисколько не бросаясь въ глаза, ходятъ въ языкѣ то въ обыкновенномъ простомъ видѣ, то въ двухъ видахъ, простомъ и удлинненномъ. Но ни одинъ Славянскій языкъ не удержалъ окончанія *-имъ* во множественномъ ч., считая его признакомъ единственнаго. Ц.-Славянскій для *-имъ* имѣетъ *-ѣ*, но для *-имъ* *-и*, Польскій *-іе*, Русскій *-ѣ*, но Чешскій *-ѣ* и *-у*, Лужицкій *-jo*. Слѣдовательно, тѣ, которые допускаютъ *-анъ*, *-ан*, допускаютъ при немъ въ именительномъ п. мн. ч. и признакъ твердаго исхода *-и*, *-у*, *-jo* (*оимъ*), а имѣющіе *-аникъ*, *-анил*, допускаютъ *-ѣ*, которое составляетъ мягкій перезвукъ *-ас* и возникаетъ сдѣсь, вѣроятно, подъ впечатлѣніемъ мягкости, производимымъ б-ю и въ окончаніи *-имъ*, *-ил*, хотя и пропадающемъ во множественномъ ч. Обыкновенно въ Д.-Сербской письменности имена, исходящія на *-имъ*, принимаютъ *-ѣ*: *дубровѣчанъ*, *-вучанъ*, *дубровѣчанъ*, *доубровѣчанъ* (А. И.; С. NN № 15, 16, 20, 43, 55, 68, 73, 78, 91, 111, 137; Г. А. Б), *трѣстѣнчанъ* (С. № 11), *хальмаланъ* (С. № 15), *воѣнарѣчанъ*, *халпѣчанъ* (А. № 6), *добродоланъ* (А. № 8) и *доланъ* (А. № 12), *соѣшчанъ*, *кардинѣчанъ* и пр. и *напракани* (С. № 176), *пѣлѣчанъ* (А. № 12), *подлѣчанъ*, *злокчанъ* (А. № 14), *вѣталнчанъ*, *копанчанъ* (С. № 78), *вѣс-* *вѣсчичанъ* (С. NN № 92, 103), *злѣрѣчанъ* (А. № 17), *вошчанъ* (С. NN № 95, 103), *плѣчанъ*, но *вѣланъ*, *злѣланъ*, *хрѣвочанъ* (З. А.), *крѣчанъ*, *оѣгичанъ* (М.); *слѣчанъ* (С. NN № 25, 73, 91, 111, 137) имѣетъ *слѣч* (С. NN № 22, 73, 91, 111, 137); подобно ему образуется *арѣчанъ* (А. № 12); *срѣчанъ*, *срѣчанъ*, *срѣчанъ*, *срѣчанъ*, *срѣчанъ*, *срѣчанъ* (С. NN № 14, 25, 43, 73, 91, 94, 111, 137) имѣетъ *срѣчанъ*, *-ѣч* (С. NN № 73, 91, 111) и *срѣчанъ* (С. № 137). Нѣкоторыя изъ этихъ именъ собственныхъ забыли или, можетъ быть, никогда не имѣли единственнаго ч., какъ это видимъ у всякаго Славянскаго народа, и по тому строго разсматривать подобныя имена нельзя. Если они получали *-и* вм. *-ѣ*, то легко могло статься, что народъ воображалъ ихъ себѣ въ единственномъ ч. исходящими на *-имъ* (ъ) съ твер-

дою согласною, какъ это доказываетъ найденная нами форма *хъмъшизъ*. Но *сасы*, *дръмъшасы*, *сръмъши* явно указываютъ на форму *сасы(ъ)*, *дръмъшасы(ъ)*, *сръмъши* или *сръмъши*, безъ благозвучнаго *д*, какъ нынѣ *Србъ*, *Србашъ* и *Србинъ*, *Серблинъ*, которыхъ, впрочемъ, не находимъ въ нашихъ памятникахъ. Нынѣшніе Сербы, не имѣя *-ме*, *-е*, всѣ имена на *-имъ* оканчиваются на *-цъ*. Вообще время вліянія Ц.-Славянской стихіи опредѣляется развитіемъ въ ея формахъ собирательнаго значенія и только что зачинавшася образованія *омъ*, *емъ*. Помимо *улохъци*, находимъ чаще *людимъ*, *-мъ*, *-е*, *-имъ*, *-ьмъ*, *лѣмъ*, *людимъ*, *-имъ*, *-имъ*, *-имъ*, *людимъ*, *людимъ*, *людимъ*, *людимъ*, *людимъ*, *-е* (С. NN^о 9, 14, 16, 18, 19, 20, 28, 43, 71, 77, 79, 93, 103, 118, 142, 145, 163; А. NN^о 5, 9, 19) и *лѣди*, *-мъ*, *людимъ* (С. NN^о 19, 20, 35). Въ Законникѣ находимъ даже три формы: *людимъ*, *людимъ* и *людимъ*, какъ и въ С. № 144 *людимъ*, изъ коихъ послѣдняя есть стяженіе первой. Въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ это слово имѣетъ слѣдующія формы. Ц.-Слав. *людимъ*, Рус. *люди*, Срб. *люди*, Хорв. *ljudi*, Хорут. *ljudje* и *ljúdi*, Пол. *ludzie*, Чеш. *ljudé*, Луж. *ludzo*, Н.-Луж. *lúže*. *дъмъ* имѣетъ *дмъ* (С. № 20), *къмъши* — *къмъши* (С. № 124).

Въ среднемъ р. падежъ этотъ образуется весьма просто, какъ и въ другихъ Индоевропейскихъ языкахъ и Славянскихъ нарѣчіяхъ, на *-а* или *-шъ*. Санскритъ имѣетъ, правда, и *-ани*, но въ Вѣдахъ еще *-á*. Примеры изъ памятниковъ были бы лишни; приведу только слово *госуда* (А. № 4), какъ и нынѣ, и Ц.-Славянскую форму *словеса* (А. № 7; 3). Переходъ *шъ* въ *ъ* видимо прибавляетъ новый исходъ для этого падежа.

Именительный п. мн. ч. для женскаго р. на *-а* представляетъ въ Ц.-Славянскомъ и Сербскомъ языкахъ совершенное сходство съ родительнымъ п. ед. ч. Отъ того и въ Д.-Сербскомъ находимъ то же сходство. Тѣ же звуки *-шъ* и *-а*, *-шъ* Сербскій языкъ замѣняетъ тѣми же *-а*, *-шъ*, съ тою только разницею, что сдѣсь исключеній въ пользу Ц.-Славянской формы еще меньше, чѣмъ въ родительномъ п. ед. ч., и тѣ, которыя допущены, всѣ находятся въ грамотахъ Восточныхъ. Ихъ немного: *ѣкомы* (А. № 3), *похъкали* (А. № 35), *шамъ* (А. № 14), *ѣпри*, *асири* (С. NN^о 146, 147), *сманъ* (А. № 20). Всѣ прочіе случаи имѣютъ *-а*, или *-шъ*. Если же находимъ форму *къмъши*, *къмъши* (С. NN^о 76, 81, 85, 89, 96, 98, 101, 102, 104, 132), то она указываетъ на именительный *къмъши*, а *къмъши* имѣетъ *къмъши* или, вѣрнѣе, *къмъши*, *къмъши* (С. NN^о 97, 100). Въ образованіи этого падежа видна та же особенность, которая обнаружилась и въ родительномъ п. ед. ч. Конечно, сдѣсь нѣтъ заимствованія; но если уже допущенъ языкомъ тотъ же приемъ, то и слѣдствіе должно быть то же. Но имена съ согласнымъ исходомъ принимаютъ тотъ же признакъ, какой и имена мужскаго р.,—и. Ц.-Славянскій, Сербскій и Д.-Сербскій не представляютъ никакого различія, и по тому другихъ формъ, вромѣ исходящихъ на *-мъ*, нѣтъ.

Звательный п. мн. ч. имѣетъ для всѣхъ родовъ форму одинаковую съ именительнымъ. Мы находимъ его въ нѣсколькихъ памятникахъ въ тѣхъ же самыхъ видахъ, какіе изслѣдовали въ предыдущемъ падежѣ; они послужатъ дополненіемъ послѣднему. Такъ: *къмъши* (С. NN^о 10, 18, 75, 166, 167, 173), *ѣщи* (А. № 7), *къмъши* (С. № 135). Забѣлательнѣе другихъ слово *господимъ* (А. № 5), указывающее на единственное *господь*. Нынѣ въ единственномъ ч. употребляютъ *господимъ*, а для множественнаго *господа*; слово же *господ* осталось при одномъ только вѣронсповѣдномъ значеніи. Въ среднемъ р. находятъ форму родительнаго п.: *ѣмъ*, *ѣмъ* *къмъши*, *-мъ* *къмъши* (Г. А, Б).

Винительный п. множ. ч. замѣчательнѣе своими уклоненіемъ къ народности и вѣсть болѣе яснымъ воспроизведеніемъ древнѣйшаго образовательнаго признака. Въ правыиъ Индоевропейской семьи общимъ признакомъ для всѣхъ окончаній этого падежа былъ, безъ сомнѣнія, носовой отзвукъ съ накопечнымъ *s* при основной гласной, какъ это видно изъ Готской формы *-ans*, *-ins*. Но уже въ Санскритѣ, рядомъ съ формою *-ān* (*-ans*), сталъ пронадать носовой отзвукъ въ долгой гласной *-ās*, *-īs*; въ Литовскомъ, Греческомъ и Латинскомъ его уже нѣтъ; но въ Славянскомъ языкѣ онъ сохранился въ известнѣхъ перезвукахъ; за то здѣсь нѣтъ наконецнаго *s*, которое удержалось въ предыдущихъ языкахъ. Мы не говоримъ здѣсь о среднемъ родѣ. Въ Д.-Булгарскомъ нарѣчїи носовой отзвукъ остался при гласномъ и при мягкомъ исходахъ, кромѣ *ь* послѣ губныхъ, зубныхъ, свистящаго *s* и отчасти плавныхъ, которое переходитъ въ *-н*. Твердые исходы *-ъ* и *-а* принимаютъ *-ы*. Но здѣсь какъ *-н*, такъ и *-ы* суть долгія гласныя, поглотившія въ себя носовой отзвукъ, быть можетъ, въ слѣдствіе благозвучныхъ условій языка. Русскій и Н.-Булгарскій приравняли этотъ падежъ именительному того же числа; Польскій и Луицкій тоже; но Чешскій, въ особенности Д.-Чешскій, Хорутанскій, Хорватскій и Сербскій не забыли древняго носоваго звука и обратили его въ *-е*. Чешскій, какъ и Д.-Булгарскій, имѣеть *-у* на мѣстѣ *-ы*, *-е* на мѣстѣ *-и* и *-и*, *-і* на мѣстѣ *-и*; Хорутанскій не соблюдаетъ различія между твердостью и мягкостью и одни слова оканчивають на *-е*, другія на *-і*; но за то и окончанію *-ови*, *-еви*, заимствованному у именительнаго п., придаетъ *e*: *-ове*, *-еве*. Хорватскій и Сербскій ставятъ всюду безъ различія *-е*; даже послѣдній, какъ и Хорутанскій, обращаетъ *-ови*, *-еви* въ *-ове*, *-еве*. Такимъ образомъ оба послѣдніе языка неуклонно до сихъ поръ держатся первоначальнаго надежнаго образованія, только съ известнымъ перезвукомъ. Хотя въ Сербскомъ и происходитъ иногда смѣшеніе винительнаго п. съ именительнымъ въ образованіи на *-ов*, *-ев*, однако это окончаніе именительнаго онъ подчиняеть признаку винительнаго.

Въ Д.-Сербской письменности, не смотря на то, что первоначально рѣчь ея выкраивалась вся по образцу Ц.-Славянской, уже въ древнѣйшихъ памятникахъ ея мы находимъ *-е* тамъ, гдѣ Д.-Булгарскій поставилъ бы *-ы*. Винительный п. множ. ч. принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ поприщъ, на которыхъ народность выступала весьма рано съ своими признаками и съ рѣшительнымъ перевѣсомъ надъ Ц.-Славянскою стихією. Сначала о мужескомъ родѣ. Въ XII-мъ в., въ грѣ Немани, на ряду съ *цѣри*, *цѣре*, *цѣри*, *цѣри*, *цѣри*, *цѣри* читаемъ: *граме*, *оугре*, *пирки*, *оулицини* (А. № 1). Положимъ, что *цѣре* очень легко составилось изъ *цѣри*, но *граме* изъ *грамы* не могло образоваться прямо съ помощію одного перезвука, ибо примѣровъ подобнаго перезвука не находимъ ни одного. Здѣсь обѣ формѣ произошли изстари въ то время, когда оба языка, каждый по своему, воспроизводили у себя первоначальный носовой отзвукъ *an*. И по тому появленіе въ подобныхъ формахъ *б-ы* *e* обличаетъ самостоятельное исконное дѣйствіе народности. Въ XIII-мъ в. во всѣхъ семьяхъ почти всюду *-е*, *-и*. Исключеній очень немного. Такъ: *болари* (С. № 3), *болари* и тутъ же *боларе* (С. № 9), *властари* (С. № 19), *дубровничани* (С. № 20), *поуничани* (Ш. № XVIII, но въ С. № 20 — *пичичани*). Дубровничане, въ договорѣ съ Булгарією, употребили вѣсть съ *-е* и формы именительнаго п.: *пичичани*, *помоки* (С. № 16). Еще сбивало писцовъ освященное употребленіемъ Ц.-Славянское выраженіе *зъ кни*, *зъ кни* (С. NN № 4, 14, 15, 16), такъ что другой формы мы и не находимъ. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ и твердыя,

и мягкія окончанія принимаютъ -ѣ. Въ XIV-мъ в. въ церковно-дарственныхъ грамотахъ есть еще мѣстами Ц.-Славянскія формы: разоумѣи, дворы, поугошми, (А. № 4), глѣм, но хрисокоуле, влахе, винограде (А. № 6), уленѣм, дворѣ, ѡвезем, моужн, мѣпы, угошмени, крѣты, сьсоудн, свьщеники, соупротѣици, дѣи (дыханія) — въ началѣ и концѣ, а въ срединѣ: ѡрахѣ, крѣте, сьномоса, строгѣ, мьроухѣ, соилѣици (С. № 176), ждрѣм, дѣмоки, оугодници, хрѣмы, моульеники, рококи, но тутъ же хрисокоуле, прадѣле, сѣнорѣ (А. № 11), зусеници, айѣи, дари и тутъ же вьгарѣ, хрисокуле (А. № 13), дари и дароуѣ, вьрги и сьностате, винограде (А. № 14). Гр-ы же А. NN № 3, 7, 12, 18; С. NN № 35, 51 имѣютъ одно -и, -ы. Но если, на оборотъ, въ прочихъ однородныхъ съ этѣми грамотахъ вовсе не находимъ Ц.-Славянской формы, и если даже этѣ самыя грамоты, на ряду съ Ц.-Славянскою, имѣютъ, какъ мы сейчасъ видѣли, болѣею частію, и народную, то о прочихъ можно смѣлѣе заключать въ пользу послѣдней. Дѣйствительно, уже рѣдко въ собственно-Сербскихъ проглядываетъ Ц.-Славянская форма: уленѣи, ѡвѣти (С. № 39), айѣи, дари (С. № 50), зусеници, айѣи, зѣици, сѣифѣри (С. № 62). Даже въ Законникѣ отношеніе явно склоняется на сторону народности: христѣици, тѣти, а рядомъ съ ними: доудовеници, влахе, ськодеи, хоусѣрѣ, дѣнѣрѣ. Еще рѣже въ Западныхъ: испрѣтѣи (С. № 78), прѣтѣи (С. № 84), прѣтѣици, вѣлѣтѣи (С. № 86) — и только, тогда какъ форма на -ѣ изобилуетъ. Только опять до, въ, зѣици (№ 55, 69, 84, 85, 86, 176) еще торжествуетъ надъ ѣ, въ ѣици (С. NN № 57, 86). Тѣмъ болѣе отъ XV-го в. должны мы ожидать движенія впередъ, когда оныя наполненъ грамотами Западной семьи. Но и Восточныя уже не отстаютъ въ немъ отъ общаго стремленія, предлагая не болѣе, какъ только слѣдующія исключенія: дѣри (Г. Б), ѡвѣти, помѣти, ѣици (Мл.) и рядомъ съ ними многія формы на -ѣ. Изъ Западныхъ только Турецкій списокъ съ грамоты Дечанскаго удержалъ нѣсколько формъ Ц.-Славянскихъ: сѣици, ѣици, дѣри (С. № 37). Другія же грамоты этой семьи только въ слѣдующихъ немногихъ случаяхъ обнаруживаютъ память о Ц.-Славянскомъ падежѣ: прѣтѣи (С. № 89), ѣ, вѣ, въ ѣици, ѣици, ѣици (С. NN № 89, 95 — 104, 107, 114, 127, 133, 136, 145), свѣнѣлѣици (С. № 92), свѣнѣлѣици, свѣнѣлѣици (С. NN № 101, 102), дари (С. NN № 103, 120, 133, 136, 145), трьговѣци, свѣнѣлѣици (С. № 104), зѣици, лѣици, ѡвѣти (С. № 105), дѣкѣти и дѣкѣте, -ѣ (С. NN № 106, 107), вѣлѣтѣи, -тѣи (С. NN № 114, 117, 127, 128, 143, 145), зѣхоулици (С. № 118), сѣици (С. № 136), гости (С. № 139), свѣнѣлѣици (С. № 141). Замѣтимъ, что болѣшая часть ихъ относится къ богословію, или къ заключенію, либо условлена обычнымъ употребленіемъ. Но, сверхъ того, на всякую, часто повторяющуюся, форму можно привести столько же, или еще болѣе, случаевъ противоположнаго образованія; такъ: ѣ и ѣици, ѣици, ѣици, ѣици, -ѣ, -ѣ (С. NN № 89, 94, 98, 107, 114, 118, 132, 133, 140, 145, 163), ѣи- свѣнѣлѣици, свѣнѣлѣици, свѣнѣлѣици и т. д. (С. NN № 89, 93, 96, 100, 106, 107, 120, 133, 142, 143, 144), вѣлѣтѣи, -тѣи (С. NN № 89, 107, 113, 116, 132, 141), дѣкѣте, -ѣ (С. NN № 127, 139, 147, 158, 163, 164; З. А.), трьговѣци, -ѣ (С. NN № 144, 145), зѣици, -ѣ (С. NN № 107, 114, 126, 127, 128, 132, 136, 140, 145), лѣици, лѣици (С. NN № 109, 118, 121, 164), дѣри (З. А.; С. № 150) и пр. Образованіе ѡи, ѡи не принято Ц.-Славянскимъ языкомъ въ этомъ падежѣ. Но Сербскій допускаетъ его, обращая форму именительнаго -ѡи, ѡи въ -ѡи, -ѡи. Такъ и въ старину оны переводилъ форму именительнаго п. въ винительный

съ переѣною б-ы и въ носовой перезвукъ -ѣ: *пшозекъ, -ѣ* (С. NN^о 16, 47), *дльговъ, -ѣ* (С. NN^о 43, 55; 3.), *судовъ* (С. NN^о 43, 126), *даровъ* (А. N^о 14), *вродовъ* (С. N^о 70), *листовъ, лъстовъ* (С. NN^о 83, 87, 105, 109, 121), *градовъ, -ѣ* (С. NN^о 91, 96, 98, 107, 143, 157; 3. А.), *трыговъ* (С. NN^о 91, 111, 137), *дълосовъ* (С. N^о 107). Но, рѣшившись заимствовать форму у именительнаго, хотя и съ приличною переѣною, онъ уже не далекъ былъ отъ того, чтобы перенести и всю форму безъ переѣны. Таковы видѣнные уже нами формы на -и, -оми; таковы еще *пѣжыи* (С. N^о 16), *покансары, людыи* (С. N^о 100). Формы на -иы и -иъ или -ѣ Д.-Сербскій языкъ образуетъ одинаково на -ѣ (и): *воларъ* (С. N^о 9), *валшнии* (С. N^о 54), *хращани, привинокиѣ, хръдомшиѣ, конкиѣ* (С. N^о 118). Изъ всѣхъ Славянскихъ нарѣчій ни одно, кромѣ Русскаго, не допускаетъ собирательной формы въ винительномъ п. Даже В.-Лужицкое не имѣетъ сдѣсь своего -ою. Тѣ, которыя принимаютъ -ов, -ев, не допускаютъ его въ винительномъ, кромѣ Русскаго, которое совершенно смѣшиваетъ оба падежа, Сербскаго и Хорутанскаго. Но послѣднія два различаютъ падежи, оканчивая именительный на -оми, -оми, -оми, -оми, винительный на -ове, -еве, -ове, -еве. Хорутанскій еще тоньше различаетъ ихъ въ формѣ -ѣ: оставляя этотъ же исходъ за именительнымъ, онъ винительный изводитъ на -ѣ, явно указывая на Ц.-Слав. -ѣ, -и. Слѣдовательно, смѣшеніе въ нашихъ памятникахъ именительнаго п. съ винительнымъ свидѣтельствуетъ о рано начавшемся вообще въ Славянскомъ языкѣ обобщеніи формъ и забвеніи ихъ существенныхъ признаковъ то чрезъ перезвукъ, то просто чрезъ смѣшеніе, слѣдствіемъ чего было наружное отождествленіе нѣкоторыхъ падежныхъ формъ. Еще въ то время форма родительнаго падежа не была въ ходу для замѣны винительнаго, подобно единственному числу. Тѣмъ не менѣе, не обошлось и безъ ея проблесковъ: коегдѣ проглядывала и она, но разсѣянно и безъ успѣховъ, которыми препятствовалъ, съ одной стороны, Ц.-Славянскій языкъ, съ другой народный. По этому проблески эти приписать должно общеславянскому представленію, допускавшему возможность родительнаго п. на мѣстѣ винительнаго. Во всякомъ случаѣ это есть позднѣйшее явленіе, ибо въ древности мы видимъ, что и въ единственномъ ч. винительный п. не замѣняется родительнымъ. Такихъ примѣровъ въ нашихъ памятникахъ весьма мало. Вотъ они: на *стѣхъ православныхъ црѣ* (С. N^о 50), *да ми проманиють христіанъ* (3.), *изъ мовъ природителъ господъ вралель* (С. N^о 99), *на црѣ и гдѣ* (С. N^о 111), *на црѣ и господѣ* (С. N^о 137). И такъ, послѣ всего сказаннаго, главное положеніе, что Сербскій языкъ уже съ древнѣйшихъ временъ сталъ образовывать свой винительный п. на б-у -ѣ, остается во всей силѣ. Только одно слово *людыи* удержало до конца свою форму и не приняло народной: мы постоянно находимъ его въ Ц.-Славянской формѣ то винительнаго п., то даже именительнаго: *луди, -и, лудыи, луды, -ѣ, -ѣ* (А. NN^о 1, 6; С. NN^о 18 — 21, 43, 45, 72, 77, 100 — 102, 108, 112, 114, 115, 132, 139, 143—145, 168; 3.); нынѣ *люде*. дѣнь имѣетъ *дѣи, дѣи* (С. NN^о 20, 21, 51, 78, 137; А. NN^о 2, 12) — память Ц.-Слав. *дѣи*; нынѣ *дане*, а *днѣ* употребляется только съ *два* и *три*, какъ остатокъ двойственнаго ч. Однажды встрѣчается *пвти* (С. N^о 35).

Винительный п. мн. ч. ср. р. одинаковъ съ именительнымъ, ибо въ обоихъ произошло стяженіе носоваго отзвука, ср. долгое Вѣдич. -д. Славянскій языкъ не принялъ Санскр. *i*; но основное конечное *a* чрезъ стяженіе и долготу такъ окрѣпло; что уже не могло измѣниться подобно единственному ч. Если находимъ *свѣгланъ* (С. N^о 3), *повланииъ, -иъ* (С. NN^о 95, 103), то это значитъ, что -ѣ образовалось

изъ -ъ, а это изъ -и; *ваддѣа* (С. № 144) есть то же, что *ваддѣи*. Упомяну о нѣкоторыхъ отдѣльныхъ словахъ: *уѣдо* имѣеть *уѣдеса*, *уѣдеса* (С. NN № 51, 71), *слоко*—*словеса*, -*ѣ* (А. NN № 7, 10), *нѣко*—*нѣса*, *нѣса*, *нѣвеса*, *нѣвеса* (С. NN № 84, 85, 89, 95, 114, 150, 176; А. № 5; З. А.), *тело*—*телеса* (С. № 176). *Нѣтъ* *чудо*, *небо* имѣють ту же форму; *тѣмело* имѣеть двоякую: *тѣлеса* и *тѣмела*.

Для женскаго р. форма винительнаго п. уже нами достаточно объяснена. Сдѣсь въ краткихъ словахъ повторимъ, что Ц.-Славянская -ѣ есть перезвукъ носоваго окончанія; -и есть долгій звукъ, поглотившій въ себя, подобно -ѣ, носовое произношеніе; онъ не есть -и именительнаго п., возникшее совсѣмъ по другому образованію, сдѣсь оно есть то же, что Санскритское -*is*, также утратившее носовое л. Д.-Сербскій языкъ, какъ и нынѣшній, имѣеть -ѣ, -и на мѣстѣ Ц.-Славянскихъ -ѣ и -д, -ш, а -и остается во всѣхъ трехъ неизмѣнно. Это послѣднее окончаніе употребляется и всѣми прочими Славянскими нарѣчіями при согласномъ, т. е., полугласномъ исходѣ имѣть женскаго р. Намъ остается только показать отношеніе между народною формою на -ѣ и Ц.-Славянскою на -ѣ или, по Сербскому правописанію, -и, -и. Прочія же окончанія, какъ -д, -ш, замѣненное чрезъ -ѣ, -и, и -и, чужды повременнаго движенія, ибо первыя постоянно замѣняются б-ю -ѣ, -и, а второе остается всюду неизмѣненнымъ. Но и Ц.-Слав. -ѣ только въ немногихъ собственно-Сербскихъ грамотахъ удержалось; обыкновенно на мѣстѣ его находимъ -ѣ: Оно начинается въ XIV-мъ в. вмѣстѣ съ Аеонскими грамотами: *вады* (А. № 2), *нѣды* (А. № 3), *жрѣты*, *жрѣты*, *жрѣты*, *жрѣты* (А. NN № 3, 4, 5; С. № 176), *сѣи*, -ѣ, -и (С. NN № 35, 51, 176), *похѣи* (С. № 35), *горѣ* (А. № 10), *мѣи* (В. № 2), *вѣды* (А. № 20); въ Черногорской: *странѣ* (Мл.). Вотъ всѣ случаи Ц.-Славянскаго употребленія въ Восточныхъ грамотахъ. Въ Западныхъ находимъ ихъ еще менѣе. Въ Турецкомъ спискѣ съ гр-ы Дечанскаго: *потрѣи* (С. № 37); въ прочихъ: *ротѣ* (С. № 104), *царѣи* (С. № 120) — и только. Такое незначительное количество употребленія явно говоритъ въ пользу народности, которая сдѣсь брала полный перевѣсъ надъ Ц.-Славянскою стихіею. Вообще въ Д.-Сербскомъ словодвиженіи носовые звуки являются самою слабою стороною Ц.-Славянской стихіи, гдѣ признаки ея наименѣе устояли противъ дѣйствія народности. Не только прямая замѣна ѣ чрезъ ѣ и ж чрезъ ж, но и болѣе глубокое и къ самой формѣ относящееся звукообразованіе -ѣ вмѣсто -ѣ свидѣтельствуетъ о значительности народнаго вліянія на книжный языкъ въ древнѣйшую его пору; ибо уже въ XII-мъ и началѣ XIII-го в. въ Аеонской и Жичанской гр-хъ находимъ одну форму на -ѣ: *кобѣи* (А. № 1), *жѣи*, *ротѣ* (Ш. № VII) и т. д. Почти излишнимъ было бы замѣчать, что въ этомъ падежѣ, какъ и въ другихъ, ѣ иногда замѣняетъ собою -ѣ или -и, на пр., *постѣи* (С. № 16), *прѣи*, *похѣи* (С. № 43), *удѣи* (С. № 111) и т. п. Отъ *кѣтъѣ*—*кѣтъѣ* (С. NN № 19, 66, 83, 89, 142), ср. *кѣтъѣ* (т. е., -ѣ, С. № 16) отъ *кѣтъѣ*.

Родительный п. множ. ч. въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ представляется, какъ слѣдствіе дальнѣйшаго движенія Славянскихъ нарѣчій послѣ сокращенія праязычвой гласности: я разумѣю озвукотвореніе полугласныхъ. Ни одно изъ Славянскихъ нарѣчій не довело, можетъ быть, этого явленія до такихъ обширныхъ размѣровъ, какъ Сербское: всѣ прочія остановились передъ словодвиженіемъ; Сербское пошло далѣе и озвукотворило самыя окончанія косвенныхъ падежей множественнаго ч., въ томъ счету и родительнаго. Но если откинемъ озвукотворенную гласную а, то увидимъ, что всѣ имена мужскаго р. имѣють родительный п. на полугласную, которая, болѣею частію, или прямо

приставляется къ основѣ слова, или иногда требуетъ благозвучнаго *в*. Вообще всѣ Славянскія нарѣчія хотя существенно и сходны между собою въ образовательныхъ окончаніяхъ этого падежа, однако всякое по своему возрѣнію употребляетъ и отчасти видоизмѣняетъ ихъ. Тѣмъ не менѣе, это есть самый неопредѣленный падежъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ самъ народъ не знаетъ, какъ составить его форму и прибѣгаетъ то къ двойственности, какъ въ Русскомъ, то къ перенесенію изъ одного образованія въ другое, какъ въ Польскомъ и Лужицкомъ. Краткій исходъ мужескаго р. на *-ъ* и *-ь* нигдѣ такъ обильно не сохранился, какъ въ Д.-Булгарскомъ и Сербскомъ. Послѣдній, если принять, что въ немъ *а* есть позднѣйшее озвукотвореніе полугласной, всѣ слова муж. р., кромѣ немногихъ исключеній, изводитъ на полугласную, приставляя ее или непосредственно къ основѣ, или съ помощью *ов*, *ев*: отсюда его общій исходъ *-а*, *-ова*, *-ева*. Только нѣсколько словъ принимаютъ *-и* вм. *-а*, но они хотя и считаются теперь исключеніями, однако носятъ на себѣ слѣды древнѣйшаго правильнаго образованія, имѣя ближайшее отношеніе къ Ц.-Славянскому языку. Таковы: *чръ*, *мрав*, *месец*, *динар*, *пут*, *юст*, *ват* и *сат*. Нынѣ, правда, они имѣютъ твердый исходъ; но ихъ форма на *-и* намекаетъ на старинную *урѣки*, *мрѣки*, *ди-марѣи*, *патѣи*, *гостѣи*; остальные уподоблены имъ. Прочія Славянскія нарѣчія болѣе, или менѣе стѣснили краткій исходъ формою *ов*, *ев*, такъ что его вовсе не находимъ въ нарѣчіяхъ Польскомъ, кромѣ исходящихъ на *-анин*, Чешскомъ, кромѣ *tisjc*, *loket*, *penjz*, *prijtel*, и то не всегда, Хорватскомъ и Лужицкомъ, кромѣ именъ собственныхъ, употребляющихся только во множественномъ ч., которыя могутъ и не принимать *-ов*. Въ Русскомъ, болѣею частію, тоже *-овъ*, *-евъ*, хотя есть и *-ъ* для исхода *-инъ*, въ словѣ *глазъ*, и для немногихъ словъ въ сочетаніи съ другимъ, означющимъ количество, какъ на пр., *разъ*, *человѣкъ*, *день*, *аршинъ*, *алтынъ*. Эта форма стѣснила и другое окончаніе *-и*, *-і* (*й*), такъ что Сербское, кромѣ вышеприведенныхъ словъ, Чешское и Хорутанское уже не знаютъ его, хотя и знали въ старину. Въ Польскомъ, какъ и Русскомъ, гласный исходъ *-j*, *-й* уже имѣетъ *-ов*, *-евъ*. Но за то въ обоихъ мягкій согласный исходъ принимаетъ *-у*, *-і*, *-ей*, расширяя его сравнительно съ Д.-Булгарскимъ, гдѣ въ этомъ случаѣ стоятъ краткій исходъ *-ъ*; Лужицкій смѣняетъ уже *-і* съ *-ов*: на пр., Ц.-Слав. *мѣу*, Рус. *мечей*, Пол. *mieczu*, Луж. *теіа* и *теіов*. Сверхъ того Русскій языкъ собирательную форму изводитъ на *-ей*, вмѣсто *-овъ* или *-евъ* или Ц.-Слав. *-ъ*, на пр., *сосѣдей* и *сосѣдовъ*, Ц.-Слав. *сосѣдъ*. Женскій и средний р. нѣсколько крѣпче устояли съ своими формами. Однако и въ нихъ нѣкоторыя Славянскія нарѣчія удлиннили, или окоротили окончаніе. Такъ Лужицкій языкъ всѣ имена женскаго р. извелъ на *-ов*, оставивъ *-і* рядомъ съ *-ов* только при согласномъ исходѣ; кратко исходить въ немъ только одно слово *hédzěl*, *hézěl*. Впрочемъ, Н.-Лужицкій довольно часто опускаетъ *-ов*, но никогда не отвергаетъ его вовсе. Сербскій удержалъ въ женскомъ р. *-а*, равняющееся Ц.-Слав. *-ъ*, или *-ь*, и *-и* = Ц.-Слав. *-и*, или *-ъ*. Хорватскій озвукотворяетъ въ *-і* (*ih*) для всѣхъ исходовъ; Впрочемъ, многія на *-а* имѣютъ краткій исходъ, то же, что Ц.-Слав. *-ъ*, а нѣкоторыя тотъ и другой. Хорутанскій, употребляя, подобно Сербскому, *-а* и *-і*, опускаетъ ихъ иногда для обоихъ исходовъ, гласнаго и полугласнаго, и оставляетъ падежъ исходящимъ на согласную или собственно полугласную: *gorá* и *gor*, *molítev*, *misel*, *škárenj*, *kosti* и *kost*. Русскій и Польскій вѣрнѣе отвѣчаютъ Ц.-Славянскимъ *-ъ*, *-ь* и *-и* своими окончаніями *-ъ*, въ Польскомъ одна согласная, и *-ей*, *-й*, Пол. *-і*, *-у*. Впрочемъ, въ послѣднемъ нѣкоторыя односложныя слова въ

просторѣчїи исходятъ на *-ow*. Чешскій, изводя твердый гласный исходъ на согласную или собственно полугласную, мягкій гласный исходъ, на пр.: *zemé*, какъ и согласный, наводитъ на *-j*. Въ среднемъ р. Сербскій языкъ, какъ и Хорватскій и Хорутанскій, вообще допускаетъ лишь полугласный исходъ, который въ первомъ озвукотворяется въ *-a*, въ послѣднихъ нѣтъ. Отъ того и въ Ц.-Славянскомъ исходъ *-ni* они видятъ лишь какъ бы *-нь*, и первый обращаетъ его въ *-мя*, гдѣ *я* есть то же, что *ь*, а второе просто въ *-ь*, или, иными словами, изводятъ падежъ на мягкую основную согласную, на пр. *življenj*, гдѣ *-nj* = *-нь*. Русскій и Чешскій придали для гласнаго исхода *-e* форму *-ей*, *-j*, на пр., *полей*, *polj*, Ц.-Слав. *поль*, Пол. *pol*. Польскій языкъ, подобно Хорватскому и Хорутанскому, во всѣхъ случаяхъ допускаетъ лишь полугласный исходъ; но въ немъ есть и *-ow* для именъ ласкательныхъ или уменьшительныхъ, равно какъ для исходящихъ на *-wie*. Лужицкій же для всѣхъ родовъ имѣетъ *-ow*. Замѣтимъ, что Польскій ближе всего подходитъ въ окончаніи *-ow* къ Лужицкому, съ тою только разницею, что Лужичане рѣшительно приняли это окончаніе для всѣхъ родовъ и исходовъ, а Поляки еще колеблются и спорятъ. И такъ мы видимъ собственно три главныя окончанія для родительнаго п. мн. ч., которыя всѣ существуютъ въ Д.-Булгарскомъ въ формахъ *-ъ*, *-ь*, *-ни* и позднѣйшей *-оуъ*, *-яуъ*, которая успѣла сильнѣе утвердиться въ другихъ нарѣчїяхъ и всего болѣе въ Лужицкомъ. Но всѣ эти окончанія, по видимому, различныя, находятъ себѣ объясненія въ одной и той же прадавней формѣ *-át*, отразившейся въ Греческой *-aw* и Латинской *-um*. Литовскій и Готскій опустили носовой отзвукъ, первый въ своемъ *á*, второй въ *-é*, *-ó*. Въ происхожденіи краткаго полугласнаго исхода участвовало общее свойство Славянскихъ языковъ, по которому праязычная полная гласная переходила въ полугласную: *-át* чрезъ опущеніе *t* и ослабленіе *á* произвело *-ъ*; мягкость обратила его въ *-ь*. Другое окончаніе *-ни*, обыкновенно сопутствующее мягкому гласному исходу *-ни*, или *-ь*, отвѣчающему прадавнему *i*, образовалось изъ *-jám*, Литов. *-iáj*, и своимъ полногласіемъ въ видѣ и обязано разъединительному мягкому небному началу, которое предохраняло его отъ ослабленія, давши ему самостоятельность чрезъ отбой голоса. Первое и будетъ выраженіемъ мягкой основы, второе падежнымъ образовательнымъ окончаніемъ. Вѣроятно, когда нибудь обѣ гласныя звучали полно, но со временемъ языкъ стянулъ послѣднее въ полужвукъ (*й*) для легкости произношенія; другія же Славянскія нарѣчїя стянули ихъ вовсе въ одно *-и*, *-i*, *-y*. Но что сдѣсь было доегласіе, то это видно изъ Сербской формы *-ия* для средняго р., равняющейся Сербской же *-и* для женскаго р. Русскій языкъ тоже не стянулъ, но только ослабилъ второе *и* до *й*. Его *-ей* представляетъ иное озвукотвореніе основноисходной мягкой гласной на томъ общемъ основаніи, по которому *ь* переходитъ въ *o*, *ь* въ *e*. Начало этого перехода уже замѣтно въ Д.-Булгарскомъ языкѣ, хотя и въ весьма древнихъ памятникахъ, но все таки, судя по восходящей рѣдкости случаевъ, не въ древнѣйшую его пору. Но озвукотворенный основной исходъ *o* или *e* не могъ въ немъ прямо соединиться съ образовательнымъ *-át*, *-ъ*, и по тому сдѣсь явилась обычная при словодвиженіи благозвучная буква *и*, откуда и произошли окончанія *-оуъ*, *-яуъ*. Повторяю, это суть позднѣйшія въ Д.-Булгарскомъ языкѣ окончанія, возникшія позднѣе другихъ двухъ и продолжавшія свое усиленіе въ прочихъ Славянскихъ нарѣчїяхъ. Русскій языкъ провелъ это *оу*, *еу* въ собирательной формѣ и въ родительный п., говоря *сыновей*, *кумовей* вмѣстѣ съ *сыновъ*. Вообще собиратель-

мья на -ѣя имѣютъ или -сеє, или -ѣи, на чѣа имѣютъ -єъ, на -а — -ѣ: *жоздєєъ, барь*. Еще замѣчательно въ Русскомъ удвоеніе: *сыновєєъ, кумовєєъ* отъ *сыновѣя, кумовѣя*. Сдѣсь не лишнимъ будетъ напомнить по этому случаю о перезвукѣ -ѣи, -ѣи въ -ѣе, -ѣе, который и объявляется эта двойственность формъ. Русскій языкъ, принявъ въ именительномъ п. нѣкоторыхъ словъ собирательную форму и исключивъ другія, повелъ ее далѣе въ словодвиженіи.

Посмотримъ теперь, что происходитъ въ Д.-Сербскомъ книжномъ языкѣ? Мы сейчасъ видѣли, что повременное движеніе Славянскаго языка клонится къ ограниченію краткаго окончанія и гласнаго на -и, і, у (Ц.-Слав. ии). Последнее ~~н~~ нужескомъ и среднешъ р., кромѣ немногихъ исключеній, вовсе не принято нѣшнимъ Сербскимъ языкомъ, который за то распространилъ краткій исходъ на озвукотворенную въ видѣ а полугласную, подчинивъ ему и Ц.-Славянскій исходъ -ии. Въ другихъ случаяхъ Сербскій языкъ распространилъ противъ Ц.-Славянскаго форму на *оа, еа*, какъ въ именительномъ, такъ и въ родительномъ и другихъ падежахъ ии. ч. муж. р. Имена, неходящія на -о, а также одноклѣпныя и двусложныя предпочитаютъ форму на *оа, еа*, въпротивно, во благозвучной причинѣ, хотя могутъ а не имѣть *еа*. Въ первомъ случаѣ ихъ родительскій исходъ на *-оаа, -еаа*. Послѣ этого мы можемъ предположить, что и древнекиевскій языкъ не остался безъ вліянія народности, отдававшей предпочтеніе въ известныхъ случаяхъ формъ *-оа, -еа* вопреки Д.-Булгарскому, который только уже съ теченіемъ времени начиналъ доуказывать у себя образованіе на *-оа, -еа*. Дѣйствительно, въ его памятникахъ встречаемъ довольно случаевъ этого образованія. Уже въ обѣихъ грамотахъ XII-го в. находится это окончаніе: *цѣстѣинокъ* (А, И.), *ѣ сьвоудѣи* (А, № 1); потомъ оно продолжается безъ видимаго усѣдка по всѣмъ вѣкамъ нашей письменности: *попекъ* (Ш. № VII; 3.) *млюдонокъ* (С. № 176), *сирѣкъ* (А. № 10), *зликѣнокъ* (С. № 57), *дарѣкъ* (А. № 14), *прамѣкъ, -єкъ, -єкь, -єкь* (С. NN № 68, 96—99, 107, 140, 153, 154), *граѣкъ* (3.), *сынокъ, сѣнокъ, сѣнокъ, сивѣкъ* (3.; А. № 15; С. NN № 90, 111, 115, 119, 126, 137, 138, 142, 159; Мл.), *попавєрєкъ* (С. NN № 83, 105), *дѣбрѣкъ, трѣдонокъ* (А. № 17), *мидѣнокъ, апостѣнокъ* (С. № 98), *жизѣнокъ, мизѣнокъ* (С. NN № 115, 126), *ѣ срєрєрєинокъ* (С. № 118), *дѣмѣнокъ* и тутъ же *дѣмѣтъ* (С. № 119), *апѣстѣнокъ* (С. NN № 141, 145), *сонѣинокъ* (С. № 157), *гѣтѣнокъ* (А. № 20). Мы нарочно привели всѣ случаи, чтобы показать, что *-оа, -еа* существуютъ въ равной степени какъ въ Восточныхъ, такъ и въ Западныхъ грамотахъ, и что, стало быть, Ц.-Славянская стихія не имѣла сдѣсь важнаго повода отстаивать краткое окончаніе, тогда какъ сама во всѣхъ случаяхъ, поставила бы -ѣ, или -ѣ. Это значитъ, что вліяніе Ц.-Славянскаго языка на Сербскій происходило уже въ ту пору его, когда въ немъ начинали показываться уже нѣкоторые признаки позднѣйшаго образованія. Судьбы Д.-Булгарскаго языка известны. Раннее вторженіе чуждыхъ началъ въ жизнь древней Булгаріи имѣло вліяніе и на ея языкъ, такъ что чистый Д.-Булгарскій языкъ, какимъ онъ долженствовалъ быть въ пору государственной самостоятельности, укрывался уже только въ древнѣйшей письменности, да въ памяти книжниковъ, хорошо его изучавшихъ; но послѣднее хранилище было ненадежно безъ поддержки со стороны народной самостоятельности и чистаго народнаго начала. Книжники могли быть и не Булгары — и вогь причина различныхъ изводовъ и нѣкоторыхъ измѣненій, какия мы замѣчаемъ въ средневѣковой Ц.-Славянской письменности. Въ прочихъ случаяхъ Д.-Сербскій языкъ сходится съ Ц.-Славянскимъ и изводитъ вѣстѣ съ нимъ подобныя сло-

ва на -ъ (Ц.-Слав. ѣ и ѧ), на пр.: дѣдъ, бѣць, волава, мѣнь (С. № 2) и т. д. Съ теченіемъ времени онъ началъ озвукотворять это -ъ въ -х. Первое озвукотвореніе показывается въ гр.-ѣ С. № 81: динара, и потомъ возрастаетъ въ дальнѣйшихъ Западныхъ гр.-хъ. Примѣры какъ той, такъ и другой формы считаемъ излишними. Первая во всемъ сходна съ Ц.-Славянскою, и если озвукотворимъ ее въ -д, то сходна будетъ и съ нынѣшнею. Сдѣсь повременное движеніе заключается въ озвукотвореніи; но мы уже рассмотрѣли его въ своемъ мѣстѣ. Что касается до окончанія -ни, то Сербскій языкъ, не имѣя его теперь для именъ мужескаго р., допускалъ его однако въ древней своей письменности, вѣроятно, слѣдуя Ц.-Славянскому языку; но допускалъ самостоятелно, обнаруживая болѣе склонности къ другимъ Славянскимъ варіантамъ, стягивавшимъ двойное -ни въ одно -и: отсюда предпочтеніе, оказываемое формѣ на -и вмѣсто -ни. Такъ: люди, люди, луди (А. № 1; Ш. № VII; С. NN № 14, 26, 39, 78, 79, 96, 98, 100, 101, 102, 107, 114, 144, 164, 168), мѣсти, мѣсти (С. NN № 14, 107), мѣи (С. № 16), динари (С. NN № 85, 95, 96, 98, 103, 119, 125, 136, 158), мѣнзи, мѣнзи (С. NN № 96, 127), властѣи (С. № 113), мѣиши (С. № 121), вратѣди (С. № 141), дѣиши (С. № 158). Не должно удивляться, что въ эти примѣры вошли слова съ твердымъ, по видимому, окончаніемъ. Общее смягчающее свойство Сербскаго языка дало имъ мягкій исходъ и подчинило образованію по примѣру Ц.-Славянскаго, имѣющаго -ни для словъ на -ъ съ предшествующими д, т, з, р. Но лишь только слова эти принимали нѣсколько твердый отзвукъ, какъ тотчасъ же измѣняли свое образованіе. Другая форма ихъ на -ъ или -д, подтверждаетъ это: мѣѣ, мѣѣ (С. NN № 35, 37, 68, 96, 98, 103, 107, 136), динари (С. NN № 81, 107, 112, 123, 124, 125, 127, 150, 170, 171), дѣнати, дѣнати (С. NN № 41, 74, 79, 83, 87, 106—110, 112, 119, 124—128, 134, 139, 155, 157, 163, 168; А. № 20), дѣнати, -дѣ (С. NN № 74, 123, 159, 164). мѣнзи и властѣи перешли сюда изъ правильнаго падежнаго образованія на -ъ, и хотя первое не имѣетъ своего двойника, но за то второе очень часто употребляется въ формахъ: властѣи, властѣи, властѣи. Остатокъ смягченнаго оклоненія сохранялся и донынѣ въ нѣкоторыхъ словахъ, какъ мы видѣли выше; но у тѣхъ, которыя имѣютъ твердый исходъ, рядомъ съ формою -и, принятой, вѣроятно, по подражанію, слышится и форма на -а; такъ: мѣсса, прѣста, нокѣта, динара, сѣта или сѣхѣта, пуѣта. Остается одно только вѣт, имѣющее вѣтѣи. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ даже по двѣ и по три формы: третья есть на -ио: юстѣи, прѣтѣи, нокѣтѣи. Она образовалась, вѣроятно, изъ соединенія -и съ -ео, причѣмъ -е слилось съ -и, а е перешло въ у или ю. Въ -и Сербскій языкъ сходится съ другими Славянскими варіантами, кромя Русскаго и Д.-Булгарскаго. Но древнекишный языкъ придерживался иногда и Ц.-Славянскихъ формъ въ словахъ съ мягкимъ исходомъ и въ памятникахъ, наиболѣе подверженныхъ вліянію этой стихіи. Однако и сдѣсь онъ слѣдовалъ иногда другой приему и, подобно Русскому языку, конечное основное ь озвукотворялъ не въ и, но въ е, оставляя тотъ же мягкій отголосокъ и. Отъ того мы находимъ двойкія формы: лѣди, гдѣ первое и ослабло до ѣ, (С. № 16), лѣдѣи и тутъ же люди (С. № 6), природѣиши (С. № 176), сѣнѣиши (С. № 130); и нокѣи (А. № 6), мѣнѣиши (А. № 10), мѣнѣиши (А. № 16). И такъ съ одной стороны стянутое -и, съ другой -и тишѣиши Ц.-Славянское -ни. Имена, входящія на гласную, въ Ц.-Славянскомъ языкѣ не измѣняются въ родительствѣ н. м. ч., — зная, что падежная полугласная не озвукотворяется, но слѣ-

вается съ основною. Въ нынѣшнемъ Сербскомъ языкѣ подобныя имена принимаютъ окончаніе *-я*, на пр., *края*, гдѣ *-я* стянута изъ *-иа* (собственно *иѣ*), какъ въ среднемъ р.; но въ старину они удерживали Ц.-Славянскую форму; на пр.: *оулий* (А. № 6), *архирей* (З.), *краи* (С. NN № 89, 118, 179), *оулий* (С. № 178). Въ среднемъ и женскомъ р. слова, исходящія на одну гласную, нынѣшніе Сербы изводятъ на *-а*, озвукотворившее полугласную: такъ и старинные писцы изводили ихъ на полугласную согласно съ Ц.-Славянскимъ языкомъ, или въ послѣдствіи, какъ мы видѣли въ звукоученіи, оглашали *-ѣ* въ *-я*. Тутъ нѣтъ ничего особеннаго. Но имена на *-иш* и *-иш*, которыя у Чеховъ подвергаются двойному стяженію на *-j*, а у Лужичанъ и отчасти Поляковъ переходятъ въ образованіе *-ош*, у Сербовъ имѣютъ *-иш*, у древнихъ Булгаръ *-иш*. Сдѣсь первичный признакъ падежа *-ѣт*, передъ мягкой гласною и, принявъ самъ мягкость и долготу чрезъ стяженіе съ носовымъ отзвучкомъ, превратился въ *иш* (добрѣе *иш*). Но у нынѣшнихъ Сербовъ, которые въ стяженіи гласныхъ идутъ врознь съ Булгарами и Русскими, въ именительномъ и. *-иш*, *-иш* ед. ч. стянулись въ *-ѣ*, *-я* гдѣ *-иш* ослабло въ полугласную; сдѣсь же это *-иш* возстановлено, но за то второе ослабло до *ѣ*, которое въ свою очередь озвукотворилось въ *я*, откуда *-иш*. Но этого озвукотворенія, кромѣ одного воздвигнутаго *тефим* (С. № 130), мы еще не находимъ въ древнихъ памятникахъ письменности, а видимъ или просто стяннутую форму *-иш* чрезъ переходъ перваго *-иш* въ *-ѣ*, откуда *-ѣш*, *-иш*; на пр.: *даровани* (В. № 2), *суди*, *-и* (С. NN № 73, 111), или Ц.-Славянскую полную *-иш*: *иш*, *оу-оу-отирѣиш*, *-иш* (А. NN № 3, 4, 5), *иш* (А. № 5), *иш* (А. № 18), *иш*, *иш* (А. № 19), *иш* (С.-Д. М. 1844), *суди*, *суди* (С. NN № 73, 91, 137), *иш* (А. № 17). Самия грамоты показываютъ, чему она обязана своимъ существованіемъ. Но *иш* (III № VII) представляетъ уже слишкомъ протянутую форму. Если вспомнить, что въ этой грамотѣ постоянно существуетъ сдѣшеніе народной стихіи съ Ц.-Славянскою, то увидимъ, что уже въ первой четверти XIII-го в. Сербскіе писцы начинали нарушать Ц.-Славянскія формы и, забывъ ихъ истинное значеніе, преобразовывали ихъ по своему усмотрѣнію, гдѣ ошибочно, а гдѣ и согласно съ общими правилами, какъ увидимъ въ послѣдствіи. Стяженіе происходило при посредствѣ *-иш*, какъ видимъ въ *иш* *суди* (см. *суди*, С. № 89). Форма *иш*, *-и* (С. NN № 130, 146, 147) скорѣе должна объясняться благозвучною причиною, по которой и нынѣ *иш* имѣетъ *иш*. Форма *иш* (А. № 1), вѣроятно, вѣсто *иш*, предполагаетъ единственное ч. *иш*; но равномерно встрѣчающаяся *иш* (С. № 14) представляетъ образованіе безъ нарощенія отъ единственнаго *иш*, какъ *иш*. Тутъ же встрѣчающаяся форма *иш* не есть ли то же, что *иш* отъ единственнаго *иш*, и не есть ли въ ней признакъ вытяженія голоса, образующагося въ долгомъ стянutomъ *-иш*? Женскій согласный или собственно полугласный исходъ имѣетъ, подобно мужскому р., *-иш*, какъ и нынѣ; на пр.: *иш* (III. № VII; А. № 7), *иш* (А. № 12), *иш* (С. № 172), или *-иш*: *иш* (С. № 179), *иш* (С.-Д. М. 1844), или же *-иш*: *иш* (А. № 6), *иш* (С. № 51; А. № 17) Ц.-Славянскій имѣетъ *иш*: такъ и Д.-Сербскій *иш* (С. № 112); но нынѣшній приравниваетъ это слово общей формѣ *иш*, тогда какъ *иш* оставляетъ въ полномъ соотвѣтствіи съ Ц.-Слав. *иш*.

Наконецъ Д.-Сербскій языкъ выразилъ то именованное дѣйствіе, посредствомъ котораго имена принимаютъ въ родительномъ п. мн. ч. краткое окон-

чаніе, приравнивающее ихъ именительному п. ед. ч. -ъ, -ь. Если основная исходная полугласная не озвукотворяется, то, соединяясь съ падежною полугласною, образовывается изъ *am*, она вѣсть съ нею производитъ какъ бы удлинненное полугласіе, какое и слѣдуетъ видѣть въ подобныхъ формахъ. Слѣдовательно, едѣсь нѣтъ формы именительнаго п. ед. ч., хотя она одинакова съ нею. Это-то различіе нынѣшніе Сербы выразили въ озвукотворенности и долготѣ окончанія -а; древніе же въ болѣе наглядномъ и близкомъ къ Ц.-Славянскому образованіи. Свойство ихъ народнаго языка, огласовать полугласную, облегчило имъ возможность понять это различіе, и, не осилываясь еще претворять полугласную въ полный звукъ, они старались, по крайней мѣрѣ, видимо обозначить ея долготу и составную природу. Средствомъ къ тому было выразить наглядно самое образованіе формы на -ъ, -ь; вотъ они и стали писать: *сильѣ, сельѣ* (А. № 2), *зильѣ, прѣ-родильѣ, йгоумильѣ, айльѣ* (А. № 3), *бръѣ* (А. NN№ 3, 9), *прѣ-родительѣ* (А. NN№ 4, 9), *гъильѣ, соуродильѣ, йгоумильѣ, сьильѣ, сѣильѣ* (А. № 4), *айльѣ* (А. NN№ 4, 9), *айтиръѣ, зильѣ* (А. № 8), *сѣѣ* (А. NN№ 8, 11), *соуродильѣ, мѣстьѣ, зильѣ* (А. № 9), *айльѣ, врьдѣ* (А. № 5), *родительѣ, прѣ(ди)тельѣ, мѣтьѣ, сѣѣ, сьедѣ, рькотѣ, сѣильѣ* (А. № 10), *мѣстьѣ* (А. № 11), *родительѣ* (В. № 1), *монѣстиръѣ* (Г. А.), *доуроктильѣ* (С. NN№ 73, 91), *господѣ, срьильѣ* (С. № 91), *господѣ* (С. № 175), *нѣтъѣ* (А. № 20) и т. д. Хотя едѣсь не озвукотворялась ни та, ни другая полугласная, однако въ самомъ произношеніи должна была присутствовать долгота, и по тому она легко переходила въ гласную. Впрочемъ, едѣсь олітѣ было полное, какъ это доказывается значкомъ [˘] надъ ѣ, и формами на одно -ъ, которое, не смотря на то, вѣщало въ себѣ законную долготу и по тому, болѣею частію, если стояло одно, то выносило значекъ [˘], выражающій стяженіе и нерѣдко въ Ц.-Славянскихъ формахъ замѣняющій колечное и съ нн. Такъ: *прѣ-родильѣ, врьдѣ* (А. № 5), *рькотѣ* (А. NN№ 5, 17), *мѣтьѣ, сѣѣ, жильѣ, айльѣ, мѣстьѣ* (А. № 10), *срьедильѣ* (С. № 73), *доуроктильѣ* (С. NN№ 73, 91), *срьедильѣ* (А. № 15), *старильѣ, врьдѣ, врьдѣ* (А. № 18), *сельѣ* (А. NN№ 17, 18), *мѣтьѣ* (А. № 17), *айльѣ* (А. № 19), *срьильѣ* (С. № 91), *врьдѣ, сѣѣ* (С. № 111), *дуроктильѣ* (С. NN№ 111, 137), *айльѣ* (С. № 175), *зильѣ* (С. № 146). Присутствіе этой формы въ собственно-Сербскихъ и особенно Аеовскихъ грамотахъ показываетъ, что на этой почвѣ писцы негдѣ всего надѣялись когда либо озвукотворить чьолугласную, боясь отступить отъ Ц.-Славянскаго обычая, какъ это и показала намъ исторія озвукотворенія б-мѣ, и по тому прибѣгли къ уловкѣ удвоенія полугласной для показанія ея долготы, подобно удвоенію озвукотворяющаго я съ джматамъ *врьдѣ* (С. № 125), *врьдѣ* (С. № 127), (С. № 164) и пр. Такимъ образомъ они сошлись едѣсь съ выводами новѣйшаго сравнительнаго языковѣдѣнія. Въ заключеніи замѣчу, что форма *сѣѣ*, до *мѣньѣ* (С. № 16) есть мѣстный п. Эта грамота отличается неточностію формъ въ слѣдствіе мнѣ дурнаго списка, или вліянія чуждой стѣхн на самый подлинникъ, такъ какъ она заключаетъ въ себѣ разговоръ Дубровничанъ съ Михаиломъ Асѣномъ Булгарскимъ.

Датевый п. мн. ч. въ Славянскомъ языкѣ исходитъ на -мѣ, которое есть остатокъ прадавняго *-bujas*, Лат. *-bis*, гдѣ *-jas* сократилось въ ѣ. Литовскій удержалъ одно конечное *s*, претворивъ, подобно Славянскому, *b* въ одногласное *is*, *-mъ*. Но, согласныя въ общемъ падежномъ признакѣ *m*, Славянскія нарѣчія различными образомъ приставляютъ его къ основѣ слова Ц.-Славянскій

языкъ возстановляетъ полугласный исходъ : мужскаго и женскаго . р. въ ъ, или е согласно съ твердостью, или мягкостью его, а гласный исходъ среднего и женскаго р. оставляетъ нетронутымъ , приавая къ нему прямо *-мъ*. Польскій имѣетъ для всѣхъ трехъ родовъ *-омъ*: или *іомъ* и только въ среднемъ р. при шиплящихъ *-етъ*. Обратное этому дѣйствию видимъ въ Русскомъ и Лужицкомъ, которые всѣмъ родамъ даютъ одинъ общій исходъ *-амъ*, *-атъ*. Хорватскій и Хорутанскій сохраняютъ въ мужскомъ р. прежнее образованіе *-омъ* или *-етъ*, но средній р. уже подчиняютъ женскому образованію на *-атъ*. Чешскій имѣетъ для твердаго исхода мужскаго и средняго р. *-итъ*, для мягкаго женскаго и средняго р. *-етъ* или *-ѣтъ*. Вообще всѣ они въ основу падежнаго образованія принимаютъ именительный п. ед. ч. и не озвукотворяютъ конечной полугласной въ *-мъ*, которая есть остатокъ утраченнаго *-іагъ*. Но, одинъ изъ всѣхъ, Сербскій языкъ озвукотворяетъ *-мъ* въ *-ма*, а конечную полугласную въ мужскомъ и женскомъ р. и гласную въ среднемъ, кромѣ исхода *-ме*, обращаетъ въ узкій звукъ и съ переменною гортаннаго: *розима*, *мислима*, *подима*, *питама*. Конечное ѣ муж. р. твердеетъ въ и: *краима*; но *-ме*, удержанное изъ Ц.-Славянскаго языка, образуетъ свой дательный, отъ родительскаго п. мн. ч.: *сретенима*. Женскій на *-а* имѣетъ *-ама*. Впрочемъ, простой народъ въ Бачиѣ, равно какъ пѣсни Сербскія часто изводятъ этотъ падежъ въ муж. р. на *-омъ*, *-амъ*: доказательство, что Сербскій языкъ подвергся позднѣйшей дорчѣ и мѣ въ старину онъ сходился съ Ц.-Славянскимъ. Еще болѣе подверглись дорчѣ творительный и мѣстный п. мн. ч., и въ этомъ отношеніи Сербскій языкъ стоитъ ниже другихъ на лѣтвищѣ повременнаго движенія и преобразованія. Древняя его письменность свидѣтельствуетъ, что онъ стоялъ гораздо выше нынѣшняго, имѣя болѣе разумное падежное образованіе. Такъ въ разсматриваемомъ падежѣ онъ не озвукотворялъ окончанія *-мъ*, и въ мужскомъ р., какъ и женскомъ съ полугласнымъ исходомъ, производилъ форму отъ именительнаго п. ед. ч., возстановляя полугласную, по своему воззрѣнію, то въ о, то въ ѣ, на пр.: *допыткомъ*, *водромъ*, *кучимъ* (С. № 3), *гостимъ* (С. № 7), *црѣгомъ* (С. NN № 36, 44, 63, 64, 70, 71), *срълимъ*, *срълимъ* и т. д. (мн. р.); *сѣромъ* (А. NN № 4, 5), *допродѣтамъ* (А. № 16), *кормъ*, *илкормъ*, *мѣформъ*, *мѣромъ* (С. NN № 108, 112, 115, 124) и пр. Имена на *-къ* имѣютъ обыкновенно *-къмъ* или для большей наглядности *-кимъ*; ибо, приведи и въ ѣ, получишь *ѣкъ*; на пр.: *станикомъ* (С. № 108), *господетимъ* (С. № 126). Слова мужскаго р., исходяція на *-и* съ предшествующею гласною, Ц.-Славянскій языкъ изводитъ на *-омъ* или *-имъ*, озвукотворяя съѣсъ праязычное образовательное *-іагъ* въ о или ѣ, какъ озвукотворилъ его въ *-и* для именительнаго п. Нынѣшній Сербскій языкъ образуетъ обыкновенно *-ма* *-има*, но древній держится Ц.-Славянскаго образованія: *крѣмъ* (С. NN № 83, 136, 140, 150, 179), *ошѣтамъ* (С. № 178), *мѣдомъ* (С. № 132); *станутая* будетъ *тамъ* (С. № 6). Иногда ѣ становится на мѣстѣ мягкаго ѣ, образуя формы *трыгомъ* (С. № 72), *срълимъ* (С. № 81). Мы знаемъ, какъ не любилъ Д.-Булгарскій языкъ образованія на *-омъ*, *-имъ*. Не смотря на то, въ Д.-Сербской письменности формы на *омъ*, *имъ* начинаютъ уже показываться. Поддерживаемыя именительнымъ и родительнымъ пп. Впрочемъ, съѣсъ онъ показывается не раньше второй половины XIV-го в.; на пр.: *градомъ*, *-омъ* (С. NN № 62, 81, 84, 85, 95, 97, 99, 140; 3.), *кѣномъ* (С.-Д. М. 1844), *сплюномъ*, *-ѣ*, *-ѣ* (С. NN № 111, 115, 119, 126, 128, 142, 143, 157, 163; 3. А.),

прадедомъ (С. № 150), вихудомъ (С. NN№ 153, 154), хрѣмомѣ (С. № 178). Гласный исходъ средняго р. остается, какъ и въ Д.-Булгарскомъ, петроу-тымъ: оустомъ (А. № 7), сломъ, -ѣ (А. № 8; С.-Д. М. 1844), уедомъ, лдомъ (С. № 176), мистомъ, мистомъ (А. № 10; С. NN№ 84, 97, 99), ваддн-итымъ (С. № 95). Впрочемъ, форма женскаго р. начинается уже показываться и, что удивительно, даже первоначально въ Афонской: селамъ (А. № 7). Знаю, что гр-ы С. NN№ 81, 85 употребляютъ я вмѣсто я послѣ гласной, мы не усумнились принять за форму на -имъ: вадднѣимъ, -итимъ вмѣсто Ц.-Слав. -имъ. И такъ искаженіе первоначальныхъ формъ дательнаго п. началось еще въ XIV-мъ в., и это, какъ видно, было одно изъ самыхъ сильныхъ условий поврежденнаго движенія Славянскаго языка. Слова съ нарощеніемъ имѣютъ -имъ: сломѣимъ (С. № 57). Слово *копаламъ*, движеніе котораго весьма неопредѣленно, имѣетъ сдѣсь *копаламъ* (С. NN№ 120, 133, 145). Гласный исходъ женскаго р. остается, какъ нынѣ, такъ и въ старину, безъ перемѣны основной гласной, къ которой присоединяется образовательное -имъ, нынѣ -ма: по этому имени женскаго р., какъ и мужскаго, на -а, -ш оканчиваются на -амъ, -имъ: седѣимъ (С. № 10), седѣимъ, -имъ, седѣимъ (С. NN№ 20, 56, 63, 79, 89; Г. VI, № 2) и пр. Озвукотвореніе конечной полугласной падежа *авило себѣ* мѣсто только въ одномъ словѣ, не ранѣе, при томъ, концѣ XIV-го в.: *кыномъ*, *кыномъ*, -гымъ (С. NN№ 78, 89, 96—98, 103, 107, 120, 133, 136, 140, 142, 144, 145, 163, 179), но и сдѣсь озвукотворено это слово не въ Сербской, а въ Ц.-Славянской формѣ. Въ формахъ *граѣмъ* (А. И.), *дверокѣимъ*, *-гымъ* (А. И.; С. NN№ 30, 34) присутствуетъ, безъ сомнѣнія, форма -амъ; ибо, во первыхъ, формы *граѣ* не можетъ быть, но должна быть *граѣмъ*, какъ *крѣстимъ*, или у насъ *хѣтимъ*; во вторыхъ, -амъ есть женское, а не мужское образованіе, и въ нашихъ памятникахъ въ мужскомъ р. оно ни разу не попадаетъ; тѣмъ менѣе могло быть сдѣсь озвукотвореніе а въ а въ древнѣйшую пору письменности. По этому если и возможна форма *дверокѣтъ*, подобно *кытѣмъ*, откуда *дверокѣтъмъ*, то она произвела бы *дверокѣтъмъ*. Но сдѣсь именно должна быть отъ *дверокѣтъмъ*, каковую я действительно находимъ: *дверокѣтъмъ*, -ѣ. *доу-дверокѣтъмъ*, -ѣ (С. NN№ 29, 40, 43, 72, 91, 111, 168). Ср. А.-Рус. *Полеми* отъ *Поляни*. Сокращеніемъ объясняю я и форму *госломъ* (С. № 27). Слово женскаго р. *юспа*, сокращенное изъ *юспоя* или *юспоя* вмѣсто *господа*, не могло быть сдѣсь употреблено; а видѣтъ сдѣсь должно *господѣ* или *господимъ*, которое въ множественномъ ч. будетъ *господомъ* или въ сокращенной формѣ *госпомъ*. Если предполагать сдѣсь другую форму, именно собирательную *господа*, то она произвела бы въ сокращенномъ видѣ *госпамъ*, а не *госпомъ*. Отъ *люди*, *луди* или *людю* находимъ: *людѣмъ*, -имъ, *лудѣмъ*, -имъ, *людѣмъ* и т. д. (С. NN№ 9, 16, 18—20, 26, 60, 89, 96, 98, 100—102, 107, 114, 118, 140, 142—144, 154; А. NN№ 6, 14; 3.) или сокращенное *людѣмъ*, *лудѣмъ* (С. № 16), у Ш. № XVIII—*людимъ*, какъ нынѣ *лудима*.

Творительный п. им. ч. нынѣ у Сербовъ приравненъ дательному и мѣстному, такъ что всѣ три падежа одинаковы: это единственное явленіе въ Славянскихъ нарѣчійхъ, которая обыкновенно различаютъ эти падежи. Однообразіе происходитъ отъ того, что Сербы составили свое представленіе этихъ надежей и, воспользовавшись признакомъ *ж*, образовали изъ него общее окончаніе для всѣхъ трехъ падежей. -ма. Сдѣсь они дѣйствовали независимо, но уже самое дѣйствіе это обличаетъ позднѣйшую пору и сравнительную бѣдность въ

другими нарѣчіями. Время движетъ языки къ упрощенію формъ, чрезъ что общность и смудость заѣмляютъ прежнее разнообразіе и особность. Другія Славянскія нарѣчія сохраняютъ отличіе творительнаго п. мн. ч., оканчивая его или на *-ми, -ми, -ті*; или на *-ш, -ш, -у, -і*. Первое окончаніе есть главное, ибо его находимъ и въ Санскритѣ въ видѣ *-bhīṣ*, и въ Литовскомъ въ видѣ *-mīš*. Въ Славянскихъ нарѣчіяхъ оно употребляется для всѣхъ трехъ родовъ. Въ Ц.-Славянскомъ языкѣ имѣтъ озвукотворенія конечной основной полугласной передъ *-ми*, какъ и въ Хорватскомъ и Хорутанскомъ. Онъ любитъ и краткое окончаніе *-ш*, или *-ш*, образовавшееся изъ стяженія конечной основной полугласной съ образовательною падежа *и*, которая и въ Санскритѣ и въ Литовскомъ существуетъ въ первоначальномъ видѣ *-is*, быть можетъ, какъ сокращеніе изъ *-bhīṣ, -mīš*. Эта стянутая форма принята для мужескаго и средняго р. Ее особенно любятъ Чешскій и Хорватскій языки, тогда какъ, на оборотъ, Хорутанскій почти исключительно употребляетъ *-ті*, а къ тѣмъ прибѣгаютъ только иногда въ среднемъ р., да въ окончаніи *-ови*, которое столь же часто образуетъ, какъ и *-ови*. Русскій, Польскій и Лужицкій имѣютъ исключительно одно склоненіе на *-ми, -ті*, обобщая его для всѣхъ родовъ въ формѣ женскаго р. *-ами, -ати*. Хорутанскій только для средняго р. имѣетъ *-ати*, производя его отъ именительнаго п. мн. ч., но онъ употребляетъ и краткій исходъ, на пр., *licī* и *licamī*. Въ В.-Лужицкомъ послѣ мягкихъ согласныхъ *-ами*, на пр., *kazamī*. Впрочемъ, и Д.-Сербская письменность до самого конца XV-го в., благодаря дѣйствию Ц.-Славянскаго языка, постоянно отличала творительный п. мн. ч. отъ другихъ падежей, сохраняя его преимущественно въ Ц.-Славянскомъ видѣ. Слѣдъ мы для мужескаго и средняго р. такъ же часто находимъ полную форму: царьми, кралями (А. № 1), вѣршми (Ш. № VII), сыными (С. № 15), виногради (С. № 21), родителми, -дми, рѣдителями (А. NN № 6, 11; С. № 150), даже родителыми (С. № 95), койши, конши, коньши (А. NN № 6, 14; 3.), сѣши, сѣдши, сѣдши (А. № 9; 3.; С. № 84), влѣстѣши, -дши, телши (А. № 12; С. NN № 66, 77, 86), притѣлши, притѣлши (С. NN № 57, 97, 142), дрѣшми, дрѣшми, дрѣши (С. NN № 84, 86, 96, 98, 99), даршми, даршми, дарши (С. NN № 86, 100, 103, 120, 133, 136, 150), листшми (С. № 106), котаршми (С. № 136), въ одной Авонской славословіи (А. № 20) и пр. и пр., какъ и краткую: сьсоуди, -ш, сьсоуди (Ш. № VII; А. NN № 2, 3, 11), мѣлѣши, вѣлѣши (Ш. № VII; С. № 140), дрѣш (Ш. № VII), урѣш (С. № 2), волшми (С. № 3), гради (С. NN № 16, 21), влѣстѣш, -ш, -ш, -тѣш, влѣтѣш (С. NN № 2, 4, 15, 20, 43, 46, 55, 61, 77, 81, 83 — 86, 89, 95, 97, 104, 107, 114, 116, 117, 120, 127, 129, 132, 133, 141, 142, 144, 150, 156, 158, 176; Г. Б; 3.; А. № 18), виногради, -ш, -ш (А. NN № 3, 4, 6, 10, 14; С. № 35), сѣшми, -ш, -ш, сѣш (А. NN № 4, 8, 13, 14; С. NN № 35, 46, 84, 86, 89, 96—98, 140; 3.), прѣ- прѣ- родитѣш, -ш, рѣшѣш (А. № 6; С. NN № 35, 66, 81, 85, 103, 120, 133, 136, 144, 145, 150; Г. Б), цѣш, цари (С. NN № 142, 176), телш (С. № 176), вѣшш, химошшми, вѣшшми (С. № 35), вѣшшшш (С. № 66), дарш (А. № 10; В. № 1; С. NN № 81, 85, 95), сшш (С. № 78), вѣшшшш (В. № 2), котарш (С. NN № 84, 86, 89, 96—99, 118, 150), заслѣшш (Ю.), дѣш, -ш (С. NN № 86, 178), притѣшш, -тѣшш (С. NN № 144, 140), вѣшш (С. № 140), вѣшшшшшш и -тѣшшшшшш (С. № 141), вѣшшшшшшшш (С. № 142) и пр. и пр. во всѣхъ грамотахъ и во всѣхъ вѣкахъ. Это послѣднее окончаніе даже заѣмтило преобладаетъ надъ первымъ. По этому мы думаемъ, что прежде, чѣмъ

Сербы ооожествляли воѣ три падежа, творительный муж. в оред. р. походилъ на -и (Ц.-Слав. и) и -ми, какъ у Хорватовъ и Хорутанъ: отъ того и теперь за Дунаемъ и въ пѣсняхъ слышатся въ этомъ падежѣ окончанія -и, -оми, -оми. Такъ какъ краткая форма на -и часто по вѣдѣности соединялась съ именительнымъ п. мн. ч., муж. р., то трудно рѣшить, усиливали ли они сдѣсь ѣ, ѣ въ и, или прямо брали форму именительнаго п. мн. ч. для своего -има. Но что у Д.-Сербовъ дѣйствительно происходило подобное смѣшеніе, то доказательствомъ тому служатъ формы именительнаго п. мн. ч., употребляемыя въ творительныхъ п. еще въ древней ихъ письменности. Таковы: *засѣици, -сѣици, -сѣици -сѣици, -сѣици, засѣици, -оци* (А. NN№ 10, 12, 14; Ш. № 11; С. NN№ 84, 86, 89, 96—99, 107, 140), можетъ быть, а отъ именительнаго *засѣица*, хотя такой формы мы нигдѣ не встрѣчаемъ, но напротивъ для того же падежа есть другая: *засѣици, -ици, засѣици* (С. NN№ 37, 176; З. А.) отъ именительнаго *засѣици*; *класѣи* (Ш. № 11; С. № 41), *ѣици* (А. № 15), *зѣици* (А. № 18), *згодѣици* (С. № 93), *оцицици, оцицици, оцицици* (С. NN№ 107, 114, 127, 133), *разлози* (С. № 132), *тѣзи* (С. NN№ 132, 137), *строѣици* (С. NN№ 142, 145), *слѣицици* (С. № 145). Этому смѣшенію еще болѣе помогло смягченіе ѣ въ и, хотя Сербы и знали настоящую форму творительнаго п. на -и или, по ихъ правописанію, -и (твердое и) и иѣстани въ Восточныхъ гр-хъ ясно писали ее, какъ на пр.: *воици* (С. № 3), *уици, доици* (А. № 3), *ѣици, класѣи* (А. № 4), *ѣици* (С. № 178), *ѣицици* (М.) и т. д. Но все таки сдѣсь не былъ одинъ перезвукъ гортанныхъ въ свистящія по случаю и, заступившаго иѣсто ѣ: сдѣсь дѣйствительно есть форма именительнаго, какъ видно изъ дальнѣйшаго образованія творительнаго: *воицици* (С. NN№ 12, 14), *засѣицици, -ици* (Ш. № VII; А. № 6): сдѣсь эта форма взята отъ именительнаго п. мн. ч., но только еще съ Ц.-Славянскимъ окончаніемъ -ици мн. -ици. Обратимъ вниманіе на древность ея: стало быть, уже въ началѣ XIII-го в. Сербскій книжный языкъ сталъ вводить народное образованіе въ творительномъ п. мн. ч. Подобную форму находимъ еще разъ: *тѣзици* (С. № 82), гдѣ способъ образованія совершенно ясенъ. Ц.-Славянскій языкъ прибѣгаетъ весьма рѣдко къ подобному образованію: но тѣмъ не менѣе его -ици не иначе можно объяснить, какъ этимъ же путемъ, ибо хотя собственно -ици есть уже соединеніе конечной основной полугласной съ образовательною и, однако вставна -ици, прямо взятая изъ именительнаго п. мн. ч., показывается, что на -ици смотрѣли уже, какъ на отвѣченное окончаніе, забывая въ немъ слитіе основы съ падежнымъ признакомъ. Если бы это окончаніе было образовано правильно, по подобію съ другими падежами, то оно было бы -ици. Но Д.-Сербскій языкъ, воспользовавшись этимъ примѣромъ въ своихъ формахъ: *гѣицици, -ици* (А. № 1; С. NN№ 55, 127), *дѣицици* (С. № 54), *сѣицици, сѣицици* (С. NN№ 62, 118; А. № 19), *ѣицици* (Ш. № 14), *класѣицици* (С. № 128), *лѣицици* (С. № 140), повелъ образованіе далѣе и придавъ къ -ици полное окончаніе -ици, чего уже нѣтъ въ Ц.-Славянскомъ языкѣ: *класѣицици, -ицици, лѣицици* (С. NN№ 108, 112, 145), *оцицици* (С. № 128). Самые NN№ грамотъ указываютъ на народное происхожденіе этой формы, отъ которой не далеко было и до прѣдвѣстной -ицици, -ицици. Въ иицахъ на -ици находимъ опущеніе, какъ въ *дѣицицици*; таковы: *дѣицицици* (С. № 116), *воицицици, класѣицици* (З. А.), мн. *дѣицицицици, класѣицицици, лѣицицици* или -ицицици: иначе если бы не было тутъ формы иици, а была бы кратчайшая -ѣ, то въ первомъ и третьемъ словахъ, по свойству грамотъ, стояло бы ѣ мн. у, да и форма жен. р. -ицици противорѣчала бы дре-

нему и нынѣшнему языку. Отъ люда, лѣди — людами, людами, лѣдами, людами, лѣдами; лѣми, лѣдами, лѣдами (С. NN^o 20, 21, 35, 37, 55, 77, 84, 88, 89, 96—99, 101, 102, 104, 107, 114, 141, 142, 144) и люди (Ш. N° XVIII, въ С. N° 20 —ми; С. N° 21), даже лѣди (С. N° 16), камиъ и нѣтъ камиши (С. N° 121), какъ бы съ твердымъ исходомъ; вста—всти, ѣсти, оусти (А. NN^o 1, 20; С. N° 175). Слова съ нарощеніемъ: уѣдси (С. N° 35), имши (А. N° 14; С. N° 78). Такимъ образомъ мы видимъ, что языкъ Сербскій, удерживая Ц.-Славянскую форму, въ то же время, и весьма рано, началъ вводить свой способъ образованія, прибѣгая для этого къ именительному п. мн. ч.; но все таки онъ не отступалъ отъ формы Ц.-Славянскаго языка и удерживалъ при своемъ способѣ образованія тѣ же признаки, которыми этотъ падежъ отличается отъ другихъ не только въ Д.-Булгарскомъ, но и въ прочихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Въ этомъ случаѣ нынѣшній Сербскій языкъ уклонился отъ нихъ и въ дальнѣйшемъ своемъ движеніи впалъ въ скудость и однообразіе.

Въ женскомъ р. падежъ этотъ образуется въ Д.-Сербскомъ языкѣ чрезъ приставку -ми, къ основной гласной *и*, *ш*, или къ полугласной, какъ и въ Д.-Булгарскомъ. Нынѣ для гласнаго исхода -ама, для полугласнаго -има, гдѣ и есть усиленіе *ь*. Находимъ замѣчательное сокращеніе *мѣши* (С. NN^o 97, 179), ср. *мѣшам* (С. NN^o 37, 96, 98, 118). Укажу на слова муж. р.: *шофрми* (А. N° 5), или съ сокращеніемъ *а* въ *ь*: *шофрми* (А. N° 6), *вѣжиниши* (С. NN^o 101, 102, 120, 133). Краткое окончаніе вообще не употребляется для женскаго р.; но здѣсь однажды встрѣчаемъ *штати* (С. N° 78), какъ иногда поступаетъ и Хорутанскій языкъ; либо же здѣсь *штати* принято въ мужескомъ р.

Мѣстный п. мн. ч. представляетъ нынѣ ту же скудость и однообразіе: онъ испыталъ такую же участь, какъ и предшественникъ его. Нынѣ онъ ничѣмъ не отличается отъ дательнаго и творительнаго и совершенно утратилъ свой признакъ, принимая общее образованіе на -ма. Но прочія Славянскія нарѣчія отличаютъ его: самобытнымъ признакомъ *х*, происшедшимъ чрезъ перезвукъ изъ древнѣйшаго *с*, какъ это видно изъ формъ Д.-Чешскаго на -ас, на пр.: *Lužds, Polás, twy's* и т. п.¹ Въ Саяскритѣ, Литовскомъ и Греческомъ языкахъ существуетъ первоначальное образованіе -зи и -зи, -са, -се, -си. Надо предполагать, что духъ Индоевропейскихъ языковъ не всегда допускалъ прямое соединеніе этого признака съ основою слова и прибѣгалъ иногда къ измѣненію конечной основной гласной. Такъ въ Саяскритѣ происходитъ усиленіе *а* въ *э*, въ Литовскомъ *а* и *и* измѣняются въ *э*, *а* въ *о*; въ Греческомъ -*οιβι*, -*οις*, но въ послѣднемъ гораздо чаще -*σι* приставляется въ чистой основной гласной: то же видимъ и у Славянъ. Обыкновенно Славянскія нарѣчія послѣ твердаго исхода въ мужескомъ и среднемъ р. усмиваютъ основную гласную или полугласную въ *ль*, которое въ некоторыхъ переходитъ въ *и*, Д.-Булг. -*ль*, Хорв. -*ль*, Хорут. -*ль* и -*ль*, Чеш. -*ль* и -*ль*. Было ли это въ древнѣйшемъ Славянскомъ языкѣ необходимо, рѣшить трудно; но у Д.-Булгаръ находимъ и форму на -*ль* и потомъ -*ль*; дальнѣйшее движеніе этого падежа у Славянъ пошло, какъ видимъ, къ усиленію. При мягкомъ доходѣ, болѣею частію, бываетъ подобное явленіе. Но въ старину усиленія или вовсе не было, или было оно слабѣе. Такъ Ц.-Славянскій въ гласномъ исходѣ оставляетъ конечную гласною *и* и *ь*: -*ми*, -*ми*; при мягкомъ *ь* съ губными,

¹ Палацкій, Die ältesten Denkmäler der böhmischen Sprache. Prag, 1840. Стр. 200.—Шафарикъ, Počátkové Staročeské mluvnice, тамъ же, стр. 52.—Časopis Českého Museum, 1847, sv. II, стр. 134.

вубными и свистящими с, а иногда и плавными, оставляетъ ѣ: -аѣ. Но вѣсть съ этою послѣднею формою оѣ и вѣсть и усиленную съ ѣ ам. ѣ, -аѣ, а при другихъ мягкихъ полугласныхъ исходахъ постоянно -ихъ, даже вышеприведенное -аѣ отъ средняго р. на -я переводить иногда въ -ихъ. Но не столько усиленіемъ должно назвать это явленіе, сколько сгущеніемъ или суживаніемъ голоса, подобнымъ Чешскому, гдѣ во всѣхъ этихъ случаяхъ стоитъ -jch, у Хорватскою постоянно -ih; но у Хорутанъ вѣсть съ -ih и -eh для словъ односложныхъ, ивѣющихъ въ именит. п. мн. ч. -je. Во всякомъ случаѣ полугласное ѣ переходитъ въ е, а это достигаетъ до и, или до сгущеннаго é. Въ женскомъ р. усиленія не бываетъ: -аѣ, -аѣ, но полугласный исходъ можетъ въ Д.-Булгарскомъ возстановлять ѣ въ е: -аѣ; это озвукотвореніе въ Хорватскомъ, Хорутанскомъ и Чешскомъ перешло въ станутое -ih, -jch. Мы не упоминали о Русскомъ, Польскомъ и Лужицкомъ, которые для всѣхъ родовъ и исходовъ принимаютъ общее окончаніе -аѣ, -яѣ. Впрочемъ изъ старинныхъ памятниковъ видно, что и они ивѣли -оѣ, -аѣ. Сильное стремленіе къ обобщенію отразилось и въ Чешскомъ, гдѣ для твердаго исхода муж. р. находимъ и -ach и въ Хорватскомъ и Хорутанскомъ, которые для средняго р. вѣсть съ -ih ивѣють и -ah. Д.-Сербскій языкъ держался Ц.-Славянскаго образованія, ивѣли перелъ и гортанныя въ соответствующія свистящія. Но здѣсь должно припомнить то, что оѣ по своему понималъ твердость и мягкость исхода въ извѣстныхъ словахъ и что перелъ замѣнялъ ѣ черезъ ѣ, и на оборотъ мягко звучащее ѣ обращалъ въ ѣ. Отсюда пристокаетъ чужое отличіе нѣкоторыхъ его формъ отъ Ц.-Славянскихъ. Разсмотримъ ихъ ближе. Твердый исходъ въ мужескомъ и среднемъ р. принимаетъ окончаніе -аѣ или, по другому правописанію и другимъ подрѣчиамъ, -аѣ, -ихъ, -ихъ, -ихъ съ извѣстными перезвучемъ гортанныхъ: паричаѣ (А. № 1), коничаѣ, расчюстаѣ (III. № VII), уѣдаѣ, -ѣ, -ихъ, уѣдаѣ, уѣдаѣ (III. № VII; А. NN № 3—6, 8—10. 17; С. NN № 35, 107, 114, 127, 175, 176), уѣдаѣ (С. № 118), уѣдаѣ (Мл.), постаѣ, -ихъ, -аѣ (С. NN № 10, 104, 107), законихъ, -ѣ, -аѣ, иѣ (С. NN № 16, 50, 53, 54, 66, 85, 95, 107, 127, 133, 142) и въ грамотахъ, ивѣняющихся ѣ въ и: законихъ (С. NN № 81, 136, 150); вричѣ, -аѣ (С. NN № 16, 164), сѣаѣ ѣ (С. № 16; А. № 6; 3.), вричѣ, вричѣ (С. NN № 27, 43), дворяѣ (А. № 2), хрискофѣаѣ (А. № 6), оустаѣ (С. № 51), вѣаѣ, вричѣаѣ (С. № 176). Исросолѣаѣ (Г. А), вѣаѣ, вѣаѣ, вѣаѣ (С. NN № 66, 103, 171), вѣаѣ (С. № 66), вѣаѣаѣ (3.), вѣаѣаѣ, вѣаѣаѣ (С. № 78), дворяѣ (С. № 80), вѣаѣ, -ѣ -аѣ, -ихъ, вѣаѣ (С. NN № 81, 85, 86, 88, 94—96, 98, 99, 103, 120, 133, 136, 150, 164); вѣаѣ, вѣаѣ, вѣаѣ (С. NN № 81, 85, 93, 103, 136), дворяѣ, дворяѣ и -ихъ, дворяѣ (С. NN № 83, 104; А. № 20), вѣаѣ (С. № 89), вѣаѣ (Ю.), вѣаѣаѣ, вѣаѣ, -аѣ, -ѣ -ихъ, -ихъ, -ѣ, -ѣ, -ихъ, -ѣ (С. NN № 101, 102, 105, 117, 120, 124, —126, 132, 133, 136, 142—144, 150), вѣаѣаѣ (С. № 113), вѣаѣ (С. № 115), дворяѣаѣ, дворяѣаѣ, вѣаѣаѣ и -аѣаѣ (С. № 128), вѣаѣаѣ (С. № 134), дворяѣаѣ (С. NN № 135, 158), вѣаѣаѣ, -ѣ (С. NN № 142, 143, 144), оѣаѣ (С. № 168), вѣаѣаѣ (Мл.), вѣаѣаѣ (С. № 178). Замѣтимъ, что во всѣхъ грамотахъ, которыя ивѣють -аѣ, ивѣняють и въ другихъ случаяхъ ѣ въ и и обратно и въ ѣ; слѣдовательно, здѣсь не виноваты падежъ: здѣсь явленіе звуковое. Какъ мало обращалось здѣсь вниманія на самый падежъ, видно изъ того, что одна и та же грамота допускаетъ двойное окончаніе; такъ: вѣаѣаѣ (С. NN № 126, 144) и вѣаѣаѣ, -ѣ

(С. NN^o 126, 144). Другое дѣло переѣма твердости въ мягкость: получая мягкій исходъ, имена принимаютъ и сообразное падежное окончаніе. Такъ мы видѣли двойной исходъ въ словѣ *хрисовъзалъ*; такъ и теперь видѣть съ предъидущею формою на *-ѣхъ* находимъ и *хрисовоуѣхъ* (Г. А) — въ грамотѣ, въ которой писецъ не мѣняетъ *ѣ* въ *и*. Иногда Д.-Сербскій языкъ удерживаетъ твердое Ц.-Славянское образованіе на *-охъ* исключительно въ грамотахъ, подверженныхъ вліянію этой стихіи: *трыгѣ* (С. N° 22), *домоохъ*, *-охъ* (А. N° 2; 3.), по *сваохъ* (3.), *балахоохъ*, *шпохоохъ* (А. N° 16), *шпохоохъ* (Г. V). Замѣтимъ въ мужескомъ р. еще форму отъ именительнаго п. мн. ч.: *-оохъ*, *-оохъ*: *трыгвоохъ*, *-ѣ*, *-ѣ* (С. NN^o 22, 28, 36, 43, 54, 73, 91, 111; 3.), *гродоохъ*, *-охъ*, *-ихъ* (С. NN^o 29, 54, 55, 91, 118; 3.), *сидоохъ*, *-ихъ*, *-охъ*, *-охъ* (С. NN^o 115, 128, 130, 134). Обиліе ея показываетъ, что такое образованіе не было противно народности, и она охотно допускала его, ибо и нынѣшній мѣстный п. мн. ч. иногда образуется изъ именительнаго мн. ч. и исходитъ на *-сима*, *-осима*. Имена съ мягкимъ исходомъ принимаютъ окончаніе *-ихъ* и *-ѣхъ*; но если иногда видѣсто *-ѣхъ* пишутъ *-ѣхъ*, *-ихъ* и т. д., то это дѣло одного правописанія, относящееся къ звуковымъ явленіямъ, а не падежнымъ; за то *-ихъ* не есть уже сибѣна съ *-ѣхъ*, но самостоятельное падежное окончаніе, ибо его находимъ и тамъ, гдѣ этой сибѣны вовсе нѣтъ. Приведемъ примѣры: *спориѣхъ* (Ш. N° VII), *дичѣхъ* (Ш. N° XVIII), *ковахъ* (А. N° 6), *копѣхъ* (А. N° 14), *сръваѣхъ* *-ѣ*, *-ѣхъ*, *-ѣ* (Ш. N° 11; С. NN^o 114, 118, 137) и *орьваѣхъ*, *-ихъ* (С. NN^o 40, 91), *монастырѣхъ*, *-ѣ*, *-ѣхъ* и тутъ же *-ѣхъ* (А. N° 10; 3.; М. л.), *чръѣхъ*, *чръѣхъ*, *-ихъ*, *чръѣ* (Г. А, Б; А. N° 13; С. N° 90), *покадсарѣхъ*, *-ѣхъ* и тутъ же *-ихъ* (С. NN^o 127, 163) и *покадсарѣхъ*, *-ѣхъ* (С. NN^o 127, 139, 144, 145, 150, 158), *клатѣхъ*, *клатѣхъ* (С. NN^o 132, 139) и *клатѣхъ*, *-ѣхъ*, *-ихъ* (С. NN^o 150, 158, 163, 166, 167), *преставѣхъ* (С. N° 134), *свазѣхъ* (М. л.); *ѣсавѣхъ* (А. N° 6). И такъ мы видимъ при плавныхъ двойную форму, какъ и въ Ц.-Славянскомъ; но та и другая стоятъ на сторонѣ мягкости. Имена, исходящія на *ѣ* и *зъ*, принимаютъ чаще *-ихъ*, рѣже *-ѣхъ*. Сербскій языкъ не такъ строго различаетъ эти окончанія, какъ Ц.-Славянскій. Тамъ: *мьръѣхъ* (Ш. N° VII), *трыгоцѣхъ* (С. N° 53) и *трыгоцѣхъ* (С. N° 113), *азѣхъ* (С. N° 81), *ѣвоцѣхъ* (С. N° 134), однажды *тѣхъ* (С. N° 70); *дичѣхъ* (С. N° 175). Сюда относятся имена средняго р. на *-ѣ*: *мьдѣхъ* (А. N° 6), *плѣхъ*, *тѣхъ*, *тѣхъ* (М. л.), *чръѣхъ* (3.), *свазѣхъ* (С. N° 89), *срѣхъ*, *-ѣхъ*, *-ѣхъ* (С. NN^o 94, 96, 107), *чръѣхъ* *черезъ* *изъ* и *или* *ѣ*: *срѣхъ* (С. N° 98). Для исхода с *мъ* имѣемъ только одно слово *дѣхъ*, о которомъ нельзя сказать навѣрно, какъ звучало оно, твердо, или мягко. Другіе падежи свидѣтельствуютъ, что оно звучало твердо, какъ на пр.: *дѣхъ* (С. N° 116), *дѣхъ* (С. NN^o 107, 118). Отъ того мы помѣстили его подъ твердый исходъ. Имена, исходящія на гласную, имѣютъ *-ихъ*, какъ въ Ц.-Славянскомъ: *чръѣхъ* (С. N° 81), *кохъ* (С. N° 179), *направѣхъ* (А. N° 4). Но нѣкоторые средняго р. имѣютъ въ женское склоненіе, какъ у Хорватовъ и Хорутанъ: *свазѣхъ* (А. N° 4), *дѣхъ* (С. N° 55), по *писанѣхъ*, *-ихъ* (С. NN^o 96, 98) и *черезъ* *черезъ* по *писанѣхъ* (С. N° 107), *владѣхъ* (С. N° 118). Впрочемъ, *свазѣхъ* навѣрно рѣшить нельзя, женская ли это форма, или образованіе отъ именительнаго п. мн. ч., какъ замѣтили мы въ творительномъ. Окончаніе *-ѣхъ* (ѣ) имѣетъ *-ихъ*. *мьдѣхъ*, *истинѣхъ* (С. N° 176). Однажды только для мягкаго исхода встрѣчаемъ *мьдѣхъ* (С. N° 36). Вспомнимъ одинокое существительное и убѣдимся, что Д.-Сербскій еще менѣе, чѣмъ *-охъ*, любитъ *-ѣхъ*. Въ этомъ онъ сошелся съ

Ц.-Славянскимъ, который только уже въ позднѣйшихъ памятникахъ сталъ допускать *-ше*. Имена на *-ли* принимаютъ образованіе отъ чистой основы: *дѣтѣ*, *вранѣнѣ*, *комѣрахъ*, ср. *дѣтули*, *вранѣнѣи*, *комѣраи* (С. № 176) и *Д.-Рус. Поляхъ, Деревляхъ, Д.-Чеш.* на *-ас*. *шѣ* произносилось мягко и въ этомъ видѣ произвело: *шѣхъ*, *шѣтѣ* ви. *-ѣ* (С. № 16; А. № 17) и *шѣтѣхъ* (С. № 36). Отъ *люди*, *лѣди*—*людѣхъ*, *-ехъ*, *-тѣхъ* *-ѣ*, *-ѣ*, *лѣдѣхъ* (З; С. NN № 78, 87, 109, 121, 132, 157). Имена среднего р. съ приращеніемъ имѣютъ *-охъ*: по *вранѣнѣхъ* (С. № 16), но чрезъ перезвукъ *-ахъ* и *-ихъ*: *вранѣнѣахъ* (Ш. № IX; С. № 2), *пѣсѣахъ*, *-ѣ*, *шѣтѣ* *повѣсѣахъ*, *повѣсѣахъ* (А. NN № 3, 5; С. NN № 103, 136, 176). Отъ *тѣло*—*тѣлѣхъ* (Ш. № XVIII) и *тѣлахъ* (С. № 16). Неправильно образовано по имени (А. № 14). Женскій р. имѣетъ *-ахъ* и *-ихъ* для гласнаго исхода и *-ахъ* для согласнаго. Замѣчательно, что здѣсь Ц.-Славянское *ш* переходитъ въ *ш*, какъ и въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, кромѣ Чешскаго, а не въ *ш*, какъ бы слѣдовало ожидать. Восточныя грамоты пишутъ, правда, *шѣлахъ* (А. № 1), *шѣтѣхъ*, *шѣтѣхъ* (А. № 4), но здѣсь *ш* есть то же, что *ш*: по тому оно и находится въ состояніи носности, какъ отвердѣмый, безъ собственнаго значенія, знакъ для *ш*. Другіе памятники, не смягчая гласной передъ *ш*, пишутъ *шѣлахъ*, *шѣтѣлахъ*, но тутъ же и *шѣлахъ* (З.). Вообще же въ мѣстѣ *ш* находимъ *ш*; такъ на пр.: *шѣлахъ*, *шѣлахъ* (С. NN № 66, 114, 117, 120, 133; З.), *шѣлахъ*, *-ѣ*, *-ихъ* (С. NN № 68, 81, 113), *шѣлахъ* (С. № 89), *шѣтѣлахъ* (С. № 158), или, не смягчая плавной: *шѣлахъ* (С. NN № 83, 85, 89, 95, 108, 136, 150), *шѣлахъ*, *-ѣ*, *шѣлахъ* (С. NN № 16, 85, 95, 150, 179; З. А.). Впрочемъ, находимъ и перезвукъ *ш*: *шѣлахъ* (С. NN № 16, 89), *шѣлахъ* (С. № 168). Труднѣе рѣшить форму *шѣлахъ*, *-ахъ*, то же, что *шѣлахъ*, (С. NN № 101, 102). Не образована ли она отъ среднего р., какъ бы отъ *шѣлаше*? Или просто для женскаго р. взято образованіе на *-ахъ*. Вторая на *-ихъ* есть лишь перезвукъ для *-ихъ* (*ахъ*) по свойству грамоты. Согласный исходъ принимаетъ всюду *-ахъ*. Слово *шѣлахъ* опять попадаетъ лишь въ этой формѣ: *шѣлахъ*, *шѣлахъ* (С. NN № 39, 176; З.). О предлогѣ по замѣтить, что множественное ч. нѣсколько освѣщаетъ его употребленіе: *сѣловъ*, по причинѣ различія формъ, мы видимъ, что сочиненіе его болѣе склоняется къ мѣстному п., чѣмъ къ дательному; съ перимъ находимъ его тамъ, гдѣ Ц.-Славянскій языкъ поставилъ бы со вторымъ. Такъ въ первомъ значеніи онъ постоянно сочиняется съ мѣстнымъ п., на пр.: по *шѣлахъ* (С. № 78), по *шѣлахъ*, *-ахъ*, *-ихъ*, *-ѣ* (С. NN № 86, 94—96, 98, 103, 120, 133, 136, 150, 164), по *шѣлахъ* (С. № 132), по *шѣлахъ*, по *шѣлахъ* (Мл.), по *шѣлахъ*, *-ахъ* (С. NN № 83, 85, 120, 133, 150), по *шѣлахъ* (С. № 130), по *шѣлахъ* (А. № 14), по *шѣлахъ* (С. NN № 78, 132), по *шѣлахъ*, *-ахъ* (С. NN № 96, 98). Въ пятomъ тоже: по *шѣлахъ*, *-ахъ*, *-ахъ* (С. NN № 104, 107), по *шѣлахъ* (З.) по *шѣлахъ*, *-ахъ*, *-ахъ*, *-ѣ* (С. NN № 87, 109, 121, 132, 157), по *шѣлахъ*, *-ахъ*, *-ахъ*, *-ѣ*, *-ѣ* (С. NN № 132, 139, 150, 158, 163, 166, 167) и пр. Также и въ шестомъ: по *шѣлахъ*, *-ахъ*, *-ахъ*, *шѣлахъ*, *шѣлахъ* (С. NN № 22, 28, 36, 43, 54, 73, 91, 111, 137; З.), по *шѣлахъ* (С. № 36), по *шѣлахъ*, по *шѣлахъ*, по *шѣлахъ*, по *шѣлахъ* (З.), по *шѣлахъ* (С. № 118), по *шѣлахъ*, *-ахъ*, *-ахъ* (А. № 14; З.), по *шѣлахъ*, *шѣлахъ* (С. NN № 71, 88, 129) и пр. Только не болѣе двухъ разъ предлогъ по въ этомъ значеніи сочиненъ съ дательнымъ въ древнѣйшихъ грамотахъ: по *шѣлахъ* (С. № 2), по *шѣлахъ* (С. № 17). Слѣдовательно, и въ единственномъ ч. большая часть употребленія должна отнестись къ мѣстному п., не смотря на возрастъ и разрядъ грамотъ. Въ такомъ случаѣ

иѣстный и., а съ нами и народность, еще болѣе выиграють передъ дательнымъ п. и Ц.-Славянскою стихією.

Въ заключеніе укажу на разницу между нынѣшнимъ образованіемъ иѣстнаго п. и тѣмъ, которое было въ старину. Теперь всѣ три падежа, дательный, творительный и иѣстный, одинаковы во всѣхъ трехъ родахъ. Основаніемъ для образованія, или, по крайней мѣрѣ, ближайшимъ къ образованію былъ дательный п.; остальные два, въ особенности послѣдній, образованы насильственно и не по своимъ законамъ, а приравнены къ дательному. Образованіе иѣстами отъ именительнаго п. мн. ч., измѣненіе основной конечной гласной, озвукотвореніе конечной полугласной въ *a*, перезвукъ конечнаго м творительнаго п. въ *a* и наконецъ принакъ *m* и для иѣстнаго п. суть дѣйствія языка въ его новѣйшемъ движеніи, клонящемся обыкновенно къ упрощенію и обобщенію грамматическихъ формъ. Въ этомъ дѣйствіи Сербскій языкъ ушелъ даже другихъ Славянскихъ нарѣчій, изъ коихъ нѣкоторыя тоже выказали движеніе, но только другимъ путемъ, обобщая формы для всѣхъ трехъ родовъ. Но образованіе на *-има*, *-ама*, *-яма* не исключило совершенно древнѣйшаго, которое проглядываетъ въ пѣсняхъ и въ народномъ говорѣ за Дунаемъ, въ Сремѣ, Бачкѣ и Банатѣ. Можно еще слышать дательный на *-ом* и *-ем*, творительный на *-м*, и иѣстный на *-и*, *-ом* для мужскаго и средняго р. и *-а* для женскаго. Въ послѣднемъ падежѣ недостаетъ только *x*, не пропавшаго Сербами, чтобы падежъ этотъ приравнялся къ Хорватскому и въ то же время приблизился къ древнѣйшему образованію. Такъ точно и творительный п., оканчивающійся на *-и*, или *-оми*, есть древнѣйшая форма. Что до его формы на *-ма*, то, вѣроятно, она образовалась не прямо изъ *-ми*, но прежде и перешло въ полувзвукъ *ь*, который часто опускается въ народѣ, произносящемъ *-ми*, а потомъ, по праву общаго озвукотворенія полугласныхъ, перешло въ *a*.

Общее движеніе Славянскихъ нарѣчій обозначается, между прочимъ, постепенною утратою двойственнаго числа, такъ что теперь изъ живыхъ нарѣчій вполнѣ сохранили это только два: Хорутанское и Лужицкое. Въ прочихъ остались лишь весьма скудные слѣды. Но по мѣрѣ восхожденія въ глубь старинны слѣды эти становятся все яснѣе и яснѣе, чаще и чаще, и наконецъ убѣждаютъ, что въ каждомъ нарѣчій въ доисторическую его пору должно было существовать двойственное число въ такой же полнотѣ, въ какой оно доведено къ намъ письменностію Д.-Булгарскою. Древняя письменность другихъ нарѣчій, утратившихъ теперь двойственное число, не можетъ сравняться съ Д.-Булгарскою обиліемъ и правильностію формъ, но тѣмъ не менѣе и Польская, и Чешская, и Русская, и Сербская знаютъ и болѣе, менѣе употребляютъ его. Нынѣ оно осталось повсюду лишь съ двойственнымъ числительнымъ и отчасти съ *три* и *четыре*. Но дожившія доселѣ съ двойственнымъ числомъ Славянскія нарѣчія значительно измѣнили его. Такъ Хорутанское имѣетъ для именительнаго и винительнаго пп. двойственнаго форму на *-i* и *-e* и на *-i* и *-a* вмѣсто однихъ *-e* и *-a*; въ иѣстномъ рядомъ съ *-има* и *-ама* имѣетъ *-ih* и *-ah*. Такъ В.-Лужицкое прибавляетъ *j* къ окончаніямъ *-a* и *-ома*: *-aj*, *-омаj*, и вмѣстѣ съ Хорутанскимъ образуютъ родительный п. одинаково, какъ и во множественномъ ч. Наконецъ какъ Хорутанское, такъ и Лужицкія отвлекли иѣстный падежъ отъ родительнаго и приравняли его къ дательному и творительному. То же замѣтно и въ Д.-Польской письменности. Таковы были переѣмныя, постиг-

¹ Краткое изложеніе судьбы двойственнаго числа ии. въ сочиненіи Новикова: Означеніи нскихъ особенностяхъ Лужицкихъ нарѣчій. Москва. 1849.

шія двойственное ч. въ поврежденной его жизни у Славянъ. Одна только Д.-Булгарская письменность сберегла его во всей его чистотѣ; прочія же древнія письменности представляютъ лишь отрывки его, иногда въ искаженномъ видѣ. Помимо всѣхъ находимъ его въ Д.-Чешской; но въ Д.-Русской и Д.-Сербской, вѣроятно, по причинѣ болѣе ранняго забвенія, оно явно держится лишь подражаніемъ Ц.-Славянскому. Въ Д.-Сербской болѣею частію не находимъ его тамъ, гдѣ ему слѣдовало бы стоять; преимущественно оно употребляется при двойственномъ числительномъ, какъ было и въ Д.-Польской письменности; въ прочихъ же случаяхъ, когда нѣтъ слова съ исключительно двойственнымъ значеніемъ, тогда писцы забываютъ, что они говорятъ о парѣ лицъ, или предметовъ, и ставятъ все, къ нимъ относящееся, въ числѣ множественномъ. Мы могли бы привести сотни примѣровъ, но воздерживаемся отъ лишней траты времени и представимъ только одинъ примѣръ снѣженія формъ изъ договора Дубровничанъ съ Булгарією, который по древности своей и заіѣтному желанію писца придерживаться Ц.-Славянской стикимъ, общаетъ болѣе правильности въ отношеніи послѣдней, чѣмъ другія гр-ы Западной семьи. Вотъ клятва изъ него: *нѣ. ѿа и нѣ стѣо. снѣнѣди. нѣмъ. и нѣ снѣтѣю. дѣноу(нѣ).* *нѣрнѣю. мати. нѣо. и нѣ уѣби. нѣнѣтѣрѣнѣи. нѣтъ. и нѣ стѣю. ѿѣан. нѣтра. и* *нѣѣлѣ. и нѣлѣнѣтѣю. уѣтарѣи. снѣнѣнѣнѣстѣ. марѣнѣ. матѣ. лѣнѣи нѣѣлѣнѣ. и нѣ стѣтѣю. нѣтѣнѣнѣи гѣнѣи нѣлѣнѣ. нѣкрѣнѣтѣ. нѣтра. и нѣнѣдрѣю. нѣнѣнѣ снѣтѣтѣнѣ. (С. № 16).* Сдѣсь видно желаніе соблюсти двойственное ч., но съ одной стороны народность, съ другой порча, начинавшая водворяться въ Д.-Булгарскомъ языкѣ при Асѣнахъ, сбавля Дубровницкаго писца, и оубъ, къ стати поставивъ его сначала, потомъ ставля уже не къ стати. Переходимъ прямо къ формамъ двойственного числа тамъ, гдѣ ихъ находимъ.

Именительный и винительный пп. имѣютъ одинаковыя окончанія, какъ и въ Д.-Булгарскомъ языкѣ, т. е., -я, -ш, -я, -я. Такъ какъ и нѣмъ Сербскій языкъ слова *оба*, *два* и ихъ видоизмѣненія сочиняетъ съ двойственнымъ ч., которое, впрочемъ, грамматики зовутъ родительнымъ п., то измѣрять взаимное отношеніе двухъ стихій можно лишь по другимъ случаямъ; но этихъ случаевъ, какъ сказали мы, весьма мало, и они, по большей частіи, ограничиваются Восточною семьею и грамотами древнѣйшаго времени. Таковы: *шдоумѣсь* и *стрѣнѣнѣрѣ адѣмоуѣна* (С. № 15), *ходѣтам ѡбрѣсти нѣ и вождѣи и хранѣтѣлѣи и нѣрѣстѣтѣи*, и тутъ же они во предстоиѣи встрѣчаютъ (С. № 35); *аднѣтѣ* (А. № 6), *роуѣцѣ* (С. № 176), *оуѣи* (З.), *оуѣи*, *оуѣи*, *оуѣи*, *оуѣи*, *оуѣи* (А. NN № 4, 8, 10; С. NN № 51, 55, 176), ср. Д.-Булг. *оуѣи*, *оуѣи*; *нѣрѣнѣи* (М. л.). Сюда отнесу еще форму: *нѣцѣи*, на пр., *нѣстѣнѣнѣнѣнѣи нѣцѣи*, встрѣчающуюся въ Западныхъ грамотахъ (С. NN № 85, 95, 103, 136, 150). Это не есть винительный п. мн. ч., ибо таковой очень часто находимъ въ формѣ *нѣнѣи*, -е (Ш. № VII; С. NN № 78, 98, 125, 164; З. А.); но, безъ всякаго сомнѣнія, это двойственное ч., измѣнившее по свойству грамотъ -я въ -и. Вотъ и всѣ примѣры этихъ падежей двойственного ч. безъ упомянутыхъ числительныхъ. Но съ числительными они многочисленнѣе. Приведу нѣкоторые для всѣхъ трехъ родовъ: *дѣка нѣнѣоуѣлѣдѣи*, но *дѣка нѣоуѣлѣдѣи* (А. № 1), *оуѣи нѣрѣи*, но *нѣ. нѣ. нѣоуѣи*, но тутъ же *нѣо. нѣ. нѣоуѣи*; *оуѣи нѣлѣнѣи*, *нѣнѣнѣнѣнѣи* и тутъ же правильнѣе *нѣнѣнѣнѣи оуѣи* (Ш. № VII), *нѣ дѣка нѣоуѣлѣдѣи* (С. № 16), *нѣдѣнѣнѣи оуѣи* (С. № 21), *дѣка нѣнѣнѣнѣи*, объясняющее, до чему тутъ же есть и *дѣка нѣнѣнѣи*, ибо въ послѣднемъ и есть заіѣнительное, (С. № 31), *оуѣи нѣрѣнѣи*, *дѣка нѣнѣнѣи*, но *нѣ нѣрѣнѣи*, *оуѣи нѣоуѣи* (А. № 6), *оуѣи нѣрѣнѣи* (С. № 176).

дѣи наміни (А. № 11), ѡбѣ ѡстражице, дѣи изѣи (С. № 57), дѣи потоки, ѡбѣ гадимми (Ш. № 14), ѡбом владутьстени (С. № 66), ѡбѣ чръке, ѡбѣ роуцѣ, дѣи дии (З.), дѣи тисѣи (С. NN № 83, 85, 136, 150, 158), дѣи тисѣи, -ѣ, -ѣ (С. NN № 87, 123, 127, 130, 168), дѣи годири (С. № 114), дѣи гѣгаи (С.-Д. М. 1844), ѡби похлуѣ (С. № 96), дѣи здигѣ, дѣи конатице (С. № 115), ѡби страни (С. № 116), дѣи грѣнилицѣ, в. зѣи, двои грѣнилицѣ (С. № 121), р. ѣ. ѣ. антри, -ѣ (С. № 124), дѣи ромѣице, дѣи кидрице, дѣи ножи, дѣи тѣпѣи, дѣи жѣнилицѣ, дѣи кѣзимари (С. № 130), двѣадесяте лѣбѣода (С. № 132), ѡба, дѣи сѣи, дѣи кѣрѣѣ (С. № 156), дѣи кожице, шѣтарѣ дѣи (С. № 157), ѣ кругли, ѣ кѣпи, ѣ здѣ-лѣѣ, ѣ тѣши (С. № 159), ѡбѣдѣи страни, дѣи тисѣѣ, -ѣи, ѣѣ дѣмѣи (С. № 158), ѡбѣдѣи сѣи, в. двѣирѣѣ, дѣи дѣи (С. № 163), ѡбѣ чръкѣ (Мл.) и пр. и пр. Я нарочно привелъ большую часть примѣровъ, чтобы показать, какъ не-прочно было двойственное ч. даже въ соединеніи съ двойственнымъ числитель-нымъ. Сдѣлаемъ слѣдующія замѣчанія: -ѣ, -ѣ, -ѣ иѣняются, послѣднія двѣ букви не только черезъ перезвукъ, но и чрезъ смѣшеніе окончаній, показывающее, что писцы начинали забывать Ц.-Славянское употребленіе: я это уже въ XIII-мъ в. Замѣнительныя г и ж и мягкое ѣ принимаютъ то -ѣ, то -ѣ, то -ѣ (ѣ). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ множественное ч. смѣнило двойственное. Слож-ныя числительныя съ дѣи, или когда въ ряду чиселъ это стоитъ послѣднимъ, управляютъ тоже двойственнымъ ч. хотя и не всегда.

Родительный и иѣстный пп. иѣють для всѣхъ трехъ родовъ -ѣ и -ю: въ стію лѣи. петрѣ. в. пакѣи (С. № 16), ѡбѣ помоу, къ роукоу, ѡбѣи мою (С. № 176), архистратигѣи (С. № 35), вѣдѣици, -оу стѣю, -ѣи (А. № 10; В. № 1), клѣ-стѣици кѣицу (С. № 48), прилоу твою, придоу твою (Г. А, Б), ѡбѣ дѣиу чръкоу (З.), дѣиу братѣи (А. № 17), изѣи рѣи (С. № 107), ѡбѣи страни, сѣи тоѣи ѡби страни (С. № 114), ѡбѣи страни (С. № 123), сѣи ѡбѣиу страни (С. № 164), в. сѣи рѣи (С. № 168). Отсюда видно, что имена оду-шевленные вѣсто винительнаго п. ставятся въ родительномъ. Даже слово страна, относясь къ одушевленнымъ предметамъ, стоитъ въ этомъ падежѣ. Иногда писецъ не умѣлъ сладить съ формою этого падежа и ставилъ вѣсто нея фор-му именительнаго, или винительнаго: в. дѣи кожице (С. № 157), ѡбѣи тѣи дѣи мѣицира (Г. Б), ѡбѣи мѣи дѣи, ѡбѣи чръкѣ (Мл.).

Дательный и творительный пп. иѣють -ѣи: дѣици мѣдѣицицима (А. № 2), роуцима (А. № 6; С. № 176; Г. А, Б), поѣици (Мл.), помои (С. № 176), архистратигѣи (С. № 35), клѣстѣицима (С. № 46), братѣи. вѣи лѣицима (С. № 179), оуцима (А. № 11; Ю.), ѡбѣици, сѣицима (С. № 116), вѣи лѣицима, -ѣи (С. NN № 118, 140), дѣи. страницима (С. № 142), дѣици братѣицима (С. № 163), сѣицицима, ѡбѣици (Мл.). Опять находимъ несогласованныя формы: вѣи дѣи наміни (С. № 119). Касательно количества и мѣста употребленія по-слѣднихъ четырехъ падежей должно сказать то же, что сказано о двухъ первыхъ.

Вообще всѣ примѣры безъ числительныхъ, съ небольшимъ исключеніемъ, от-носятся къ Восточной семьѣ и именно къ грамотамъ, ближайшимъ къ Ц.-Сла-вянской стихіи и къ древѣйшимъ вѣкамъ. Формы всѣхъ падежей—Ц.-Славян-скія съ небольшими измѣненіями, порожденными временемъ и полузабвеніемъ. Тѣмъ не менѣе, самое удержаніе его есть признакъ еще сильнаго присутствія Ц.-Славянской стихіи, хотя, прибавлю, присутствія болѣе неподвижнаго, мерт-веннаго и по тому отрывочнаго, чѣмъ живаго, движущагося и развивающагося.

Всего лучше доказываетъ это множественное ч., послѣдовательно и съ постепеннымъ успѣхомъ употребляемое на мѣстѣ двойственного. Стоитъ прочесть любую грамоту, чтобы убѣдиться въ справедливости нашихъ словъ. Что нѣкогда двойственное число существовало у Сербовъ, въ этомъ нѣтъ спору; но въ то время, какъ письменность застаётъ ихъ, языкъ оно уже пропало, и формы, какъ сказалъ я, кажутся мертвыми, ибо составляютъ заимствование; живые слѣды остались только при числительныхъ, какъ и во всѣхъ прочахъ Славянскихъ нарѣчіяхъ. Но за то нынѣ числительныя *три, четыре* послѣдовали примѣру своего предшественника и сочетаются тоже съ двойственнымъ ч: этого нѣтъ въ древней письменности, гдѣ при нихъ постоянно находимъ число множественное.

Мы просмотрѣли движеніе именъ существительныхъ со всеми его отгѣнками и частными особенностями. Постараемся же собрать во едино главнѣйшія черты Д.-Сербскаго книжнаго языка, отразившіяся въ его временныхъ судьбахъ.

Мы видимъ, что въ этой области движенія, какъ и въ области звуковъ, Д.-Сербскій книжный языкъ, соединяя въ себѣ и народность и слѣды воздѣйствія Ц.-Славянской стихіи, стоитъ на границѣ между древнѣйшими формами, болѣе общими для всего Славянскаго языка, и новѣйшими, начинавшимися выособляться и становиться отличительно Сербскими. Въ немъ находимъ остатки первичнаго образованія безъ опредѣленнаго окончанія: *кыматы, дзврокыу*, откуда *дзврокыуми, кыматы, сасъ*. Потомъ первое опредѣляющее окончаніе является въ *-амь: хыматы*, и съ этимъ окончаніемъ имена вступаютъ въ движеніе опять въ первоначальной кратчайшей формѣ на *-амь, -ами, -ахъ: грацамь, дзвротамь, -ми, концми, концуми, дугахъ, комарахъ, прапримяхъ*. Потомъ является уже полная *дзврокыаомь* и т. д. Въ единственномъ ч. еще находимъ форму *-амь: хыматы*, которая впрочемъ уступаетъ другой, еще болѣе опредѣленной или, какъ нѣкоторые называютъ, членной на *-амыи*, рядомъ съ которою стоитъ третья на *-амь*. Первичное сродство въ представленіи и формѣ прилагательныхъ съ существительнымъ открываебся изъ древнѣйшихъ формъ *сыновь, уривь, добръ* и т. п., равно какъ *дзвамъ, кыдокамъ*, которыя употреблены, какъ прилагательныя опредѣленнаго в., тогда какъ ихъ неопредѣленный в. принять за имя существительнаго. Этотъ взаимный переходъ прилагательнаго въ существительное и обратно показываетъ, что первоначально духъ языка создавалъ то и другое подъ однимъ воззрѣніемъ, но сила употребленія разграничила ихъ отгѣнкомъ значенія, основаннымъ на общаго и частности предметныхъ свойствъ. Равно древнѣйшая форма безъ опредѣляющаго исхода является съ первоначальной образовательною *-ю* и въ словѣ *моидамъ*; съ тѣмъ же исходомъ, но въ болѣе опредѣленной формѣ находимъ *агоустыи* — остатки первоначальнаго языка, допущенныя подъ вліяніемъ Ц.-Славянской стихіи. Къ немногимъ Д.-Булгарскимъ словамъ муж. р. на *-и*, какъ на пр. *мъраки*, прибавимъ встрѣчающееся у насъ пяти Д.-Сербскій языкъ сохранилъ краткое перезвучованное окончаніе въ удержавшейся и до селѣ формѣ *иамъ*, равно какъ въ женскомъ р. *амы, цыми*, разлагаящія свое *ы*, и на усиленіе изъ первоначальнаго *у-ок: люокъ, цыокъ*, гдѣ *о* слабѣетъ до *ь*, которое иногда озвукотворяется въ *а: люекъ, цыекъ*; духъ Сербскаго языка стремился къ озвукотворенію окончанія переводеніемъ этого исхода въ гласный на *-амь: люекъ, цыекъ*; мы находимъ и *масть* и *масть* съ соответственнымъ отгѣнъ двухъ формъ дальнѣйшимъ движеніемъ. Другія кратчайшія формы, какъ *матъ, цѣи*, сохранились и доселѣ у Сербовъ и принадлежатъ, какъ *иамъ* и многія имена средняго р., къ числу

такъ называемыхъ именъ съ нарощеніемъ, но собственно именъ, принявшихъ кратчайшую форму вмѣсто древнѣйшей полной, или поглотившихъ въ своемъ исходѣ носовой отзвукъ, либо цѣлую причастную форму. При движеніи эти имена возстановляютъ признакъ полнѣйшей формы: одни въ с, какъ *нѣко, уѣдо, слоко* и пр., которыя, впрочемъ, по свойству народнаго языка, въ единственномъ ч. остаются въ краткой формѣ, а во множественномъ иногда возстановляютъ с, иногда *нѣтъ*; другія въ и, какъ *клинъ, племъ*; третья въ р, какъ *матъ, нѣн*; четвертая въ т, какъ *дѣтъ*. Послѣднимъ слѣдуютъ по подражанію нѣкоторыя имена собственные муж. р. на -я, происходящія отъ прилагательныхъ средн. р., или иностранныхъ, на пр., *урьматы, шматы, синьта, зръстѣки*, а также одушевленные оредняго р., на -я, на пр., *зизутѣки*. Имена средн. р., поглотившія въ своемъ походѣ носовой отзвукъ, въ дальнѣйшемъ движеніи языка возстановляютъ его и придаютъ къ нему уже обычное образовательное окончаніе о, съ которымъ и вступаютъ въ обычное движеніе, какъ бы *племто, шмто*.

Звательный п. ед. ч. имѣетъ для мужскаго р. -я, -ѣ, -ю, для женскаго -о: здѣсь обѣ стихіи сходятся, но звательный на -и для полугласнаго исхода жен. р. нынѣ уже не существуетъ. Встрѣчается подражаніе Ц.-Славянскому употребленію родительнаго п. въ обояхъ числахъ.

Винительный п. въ муж. р. для одушевленныхъ предметовъ сохраняетъ еще кое-гдѣ въ древнѣйшихъ памятникахъ свою собственную форму, но большею частью уже замѣняется родительнымъ. Во множественномъ ч. онъ удерживаетъ и для одушевленныхъ предметовъ свою особую форму -и (ы) и -ѣ. По этому чрезвычайно рѣдко находимъ вмѣсто него родительный п. Но смѣщеніе формъ проглядываетъ въ употребленіи здѣсь именительнаго п. мн. ч.: *авснзы, новокъ*.

Сербскій языкъ, не употребляя, по свойству югозападнаго говора, въ родительномъ п. ед. ч. -у вм. -а, и въ древней своей письменности сохранилъ это отличіе.

Явленіе звука -ѣ тамъ, гдѣ первоначально духъ языка ставилъ носовой звукъ, свидѣтельствуетъ о древнѣйшемъ самобытномъ развитіи этой формы, прямо возникшей изъ носоваго звука въ доисторическую пору и одновременно съ Д.-Булгарскою -ы и -ѣ. Таковы: родительный п. ед. ч. жен. р., именительный п. мн. ч. жен. р. и винительный п. мн. ч. муж. и жен. р. Ц.-Славянская форма -ы, -ы, -и показывается здѣсь весьма слабо и почти исключительно въ однихъ церковно-дѣрствянныхъ грамотахъ, всего менѣе во второмъ и нѣсколько болѣе въ третьемъ изъ упомянутыхъ падежей.

Введеніе образованія *ок, ѡк* въ дательномъ п. ед. ч. и во всѣхъ падежахъ мн. ч. муж. р. есть слѣдствіе дальнѣйшаго движенія Славянскихъ нарѣчій, въ томъ числѣ и Сербскаго, ибо древнѣйшая Славянская письменность, Д.-Булгарская, не любитъ его и показываетъ, что это образованіе есть временное явленіе, усилившееся только уже въ новѣйшемъ состояніи Славянскаго языка. Но ограниченное употребленіе его въ Д.-Сербской письменности отвѣчаетъ такому же и нынѣшнему, ибо Сербы болѣе, чѣмъ кто либо другой, могутъ обходиться безъ этого образованія. Въ этомъ отношеніи они ближе всего стоятъ къ Булгарамъ. Какъ у послѣднихъ *ок* появляется ранѣе и чаще, чѣмъ *ѡк*, такъ и у Д.-Сербовъ *ок* чаще встрѣчается, чѣмъ *ѡк*: послѣднее находимъ только въ немногихъ случаяхъ, именно: *монастырѣи, дѣтѣи, зизутѣи, зръстѣи, дѣи, синьи, кралеи и вѣтѣи*. Но Сербскій языкъ не употребляетъ нынѣ этого образованія въ единственномъ ч.; такъ и въ старину на-

родность уступила Ц.-Славянской стихіи лишь въ Аеонскихъ грамотахъ, допустивъ здѣсь въ немногихъ случаяхъ дательный на *-оми*, *-еми* и только однажды въ не-Аеонской, но все таки собственно-Сербской XIV-го в. Во множественномъ ч. употребленіе его свободнѣе, и въ немъ обѣ стихіи сходятся. Но не во всѣхъ падежахъ употребленіе это сохраняетъ разумность образованія. Безъ сомнѣнія, *е* есть буква благозвучная, а *о*, *е* есть озвукотвореніе конечной полугласной: отъ того образованіе принадлежитъ исключительно мужескому р.; два вышеприведенные примѣра средняго р., какъ в третій, итъ подобный, мужескаго р., обозначаютъ лишь подражаніе. Назначаемое для раздѣла основы и падежнаго указателя, *ом*, *ем* соединяется по этому съ простымъ падежнымъ признакомъ: такъ бываетъ въ дательномъ п. ед. ч., именительномъ, родительномъ и винительномъ пп. мн. ч., исходящихъ на *-оми*, *-еми*, *-оми*, *-еми*, *-оми*, *-оми*; но въ другихъ падежахъ мн. ч. уже замѣтно простое заимствованіе этого образователя у одного изъ предыдущихъ, вѣроятно же всего, у именительнаго мн. ч., ибо здѣсь *ом*, *ем* являются лишь простою вставкою между основой и падежнымъ окончаніемъ, уже составленнымъ изъ конечной полугласной, озвукотворенной, или еще къ тому и усиленной, и падежнаго признака. Такъ въ дательномъ *-оми*, творительномъ *-оми*, т. е., *оми*, иѣстоимъ *-оми*, *-еми*. Но и въ именительномъ п. мн. ч. начинало уже показываться забвеніе значенія *ом*, *ем*, ибо здѣсь находимъ ихъ два раза въ сочетаніи съ признакомъ *и*: *иоми*, *иоми*. Но повторяю, употребленіе этого образованія мало развито въ Д.-Сербской письменности, и по всему замѣтно, что хотя народность и допускала его во множественномъ ч., однако не любила его. Въ дательномъ ед. ч. Д.-Сербскіе памятники представляютъ общую форму *-и*, *-и*.

Движеніе народности выразилось въ переходѣ *-а* въ *-и* въ дательномъ и иѣстоимъ пп. жен. р. Въ XII-мъ и XIII-мъ вв. и вообще въ Восточной семь памятниковъ всѣхъ вѣковъ господствуетъ *-а*; но въ Западной конца XIV-го и XV-го вв. усиливается *-и*, не вытѣсняя однако совершенно *-а*, но видъ его постоянно возлѣ себя. Полугласный исходъ и мягкій гласный иѣстоимъ постоянно *-и*, *-и*, какъ соединеніе основноконечной мягкости съ падежнымъ признакомъ *-и*. Это *-и* находимъ и для полугласнаго исхода жен. р. въ именительномъ и винительномъ пп. мн. ч. жен. р.; но здѣсь оно, по всему вѣроятію, есть стяженіе смягченнаго носоваго образователя, который въ Санскритѣ, тоже стянувъ въ себя носовой отзвукъ, выражается въ *-jaḥ* и отвѣчаетъ Лит. *-i*.

Открытое удержаніе признака *-и* во всѣхъ трехъ родахъ въ творительномъ п. ед. ч. составляетъ отличіе Сербскаго языка. Мужескій и средній р. образуются на *-омь*, *-емь*, а женскій гласный исходъ на *-омь*, не различая твердости и мягкости конечной гласной. Это *-омь* отвѣчаетъ Польскому *o*, Чешскому *ai*, Хорутаяскому *o*, Хорватскому *it*. Если представимъ себѣ перезвукъ его по-сербски въ *ѣ* и если это *ѣ* усилить въ *ѣ*, то и выйдетъ древнѣйшая Сербская форма *-ѣмь*. Усиленіе *ѣ* и носовой отзвукъ падежа, при сродствѣ губныхъ *м* и *к*, сближаютъ вѣ формы такъ коротко, что одна незамѣтно переходитъ въ другую. XII-й и XIII-й вв. суть иѣсто господствованія формы *-ѣмь*; а XIV-й и XV-й формы *-омь*. Но полугласный исходъ женскаго р. оствѣтается постоянно въ старину, какъ и нынѣ, при одномъ образованіи *-ию*, стягивающемся въ *-ю*. Тѣмъ не менѣе Ц.-Славянская стихія принимаетъ и здѣсь участіе своею формою *-ѣю*, *-ѣю*. Наибольшее ея господство открывается въ Аеонскихъ гр-хъ XIV-го и XV-го вв.; но изъ нихъ въ большей части является ранношѣрое присутствіе обѣихъ формъ, явно склоняю-

щеся въ пользу народной въ другихъ памятникахъ Восточной семьи, преимущественно XV-го в.

Другое дѣйствіе народности выразилось въ мѣстномъ п. ед. ч. муж. и средн. р. Сначала, подобно Д.-Булгарскому, Д.-Сербскій языкъ является съ *-ъ* и *-и*, распредѣля ихъ для твердости и мягкости, и это продолжается во весь XIII-й в. Въ XIV-мъ начинается сильное колебаніе между *-ъ* и *-и*, съ одной стороны, и *-ѣ*, *-ю* съ другой; однако преимущество остается еще за первыми. Но отношеніе обратно измѣняется въ XV-мъ в. уже въ самой Восточной семьѣ, а въ Западной *-ѣ*, *-ю* быстро берутъ значительный перевѣсъ, и движеніе клонится къ ихъ исключительному господству.

Въ именительномъ п. мн. ч. муж. р. сохранилось нѣсколько исходовъ, изъ коихъ нинѣ удержанъ только *-и*, онъ же въ *-омъ*. Употребленіе ихъ подтверждаетъ общее свойство Славянскаго языка, замѣчаемое и въ другихъ нарѣчіяхъ, но всего яснѣе въ Д.-Булгарскомъ, по которому *-и* сопутствовало твердости, а *-имъ*, *-и* мягкости. Плавныя занимаютъ средину и колеблются между тѣми и другими; согласныя втораго образованія въ Д.-Булгарскомъ языкѣ стоятъ на сторонѣ *-и*, что очень естественно; въ другихъ же нарѣчіяхъ переходятъ на сторону мягкаго надежнаго образованія, либо колеблются подобно плавнымъ. Такъ и въ Д.-Сербскомъ твердыя согласныя принимаютъ *-и* съ претвореніемъ гортанныхъ; шипящія и свистящія имѣютъ *-а* и *-ѣ*, которое здѣсь, вѣроятно, служитъ перезвучомъ для *-и*; но уже нѣкоторыя изъ нихъ, какъ *ш*, *у*, столь же часто принимаютъ и *-имъ*. Мягкія зубныя, часто смягченныя, любятъ *-имъ*: *татимъ*; но ихъ замѣнительныя *г*, *и*, равно *ѣ*, принимаютъ *-и*, или *-и*, но здѣсь *-и*, вѣроятно, есть перезвукъ *и*. Образованіе для плавныхъ, которыя, по своей природѣ, способны другихъ для двойственности, представляетъ здѣсь колебаніе между *-а*, *-имъ* и *-ю* (*ю*). Для твердаго исхода *-омъ*, для мягкаго *-имъ* представляютъ нѣсколько приѣзровъ собирательнаго значенія. Въ послѣднее образованіе переходитъ съ этимъ значеніемъ и твердый исходъ, хотя весьма рѣдко, на пр., *искоушимъ*, *митронодитѣ*, *имитѣ*, *налогорѣ*. Происхожденіе *ѣ* въ *омъ*, *ѣ* и употребленіе его иногда при плавныхъ, какъ на пр., *даномъ*, и преимущественно въ окончаніи *-имъ* изъ *-имъ* составляетъ самостоятельное явленіе, какъ перезвукъ прадавняго *-ds*.

Средній р. въ именительномъ и винительномъ па. имѣетъ обычное образованіе на *-а*.

Родительный п. мн. ч. имѣетъ краткую форму: *-ѣ*, *-ѣ*, *-и*. Послѣдняя употребляется для мужскаго р. на *-ѣ*, кромѣ сочетанія съ согласными втораго образованія, а то не всегда, женскаго на *-ѣ* и *-имъ* и средняго на *-имъ*: во всѣхъ этихъ случаяхъ первоначальный мягкій образователь *-jdm* своею мягкостію приражаетъ конечную полугласную, или гласную и обращаетъ ее въ *-и*; но если уже слово исходитъ на *и* съ предшествующею гласною, то признакъ неминуемо пропадаетъ въ немъ. При *-ѣ* и *-ѣ* съ шипящими и свистящими признакъ *-dm*, обращаясь въ полугласную, сливается съ нею. Двойственная природа полугласной выражается очевиднымъ образомъ чрезъ *ь*, благодаря остроумію Д.-Сербскихъ писцовъ. Въ концѣ XIV-го в. начинается озвукотвореніе конечной полугласной падежа въ Западной семьѣ. Другая, болѣе долгая форма на *-омъ* имѣетъ свое мѣсто въ нѣкоторыхъ грамотахъ, не различая возраста и семей. Сильшеніе твердости и мягкости въ исходахъ, отличительная черта Д.-Сербской письменности, доставляетъ нѣкоторымъ словамъ двойное окончаніе *-ѣ* и *-а*, стянутае изъ *-имъ*, на пр., *динарѣ* и *динара*; первая

форма напоминает Ц.-Славянскую, другая представляет народную, уже бывшую древнее образование и ставшую подъ общій уровень фортиъ на -ч (з). Другія слова попадаютъ въ фортиъ на -и, больше по одному разу, въ видѣ рѣзкой особенности, отпечатокъ которой замѣтенъ и нынѣ на нѣсколькихъ словахъ. Слова, исходящія на и съ предшествующею гласною, остаются еще при прежнемъ образованіи: *ошуди, ошани, ардіери*, тогда какъ нынѣ послѣднее и, ѣ уже переходитъ въ я. Въ полугласномъ исходѣ муж. и жен. р. замѣчательно озвукотвореніе конечнаго ѣ не въ и, а по-русски въ в: *кони, вѣсти, монастыри, класти*.

Нынѣ дательный, творительный и мѣстный п. мн. ч. отождествлены народностію, но Д.-Сербскій языкъ различаетъ всѣ три падежа ихъ существеннымъ образованіемъ. Первый онъ изводитъ на -омъ, -имъ, -амъ, -имъ, но допускаетъ и -оимъ. Озвукотвореніе -мъ въ -имъ показывается съ конца XIV-го в. въ одномъ словѣ, *кшима*. Второй равно любитъ краткую форму на -и, -иимъ и долгую на -ии, -иими; разумѣется, образованіе на -и гораздо слабѣе перваго. Слѣдующіе формы на -и, по наружному сходству, съ именительнымъ п. мн. ч. на -и замѣтно въ смягченіи гортанныхъ и образованіи кое-гдѣ формы на -ии отъ этого падежа: *болариини, урзуини*. Въ третьемъ обыкновенное образованіе на -ихъ, -ихъ для твердаго исхода и -ихъ, -ихъ, однажды -ихъ, для мягкаго. Плавныя и вретворенныя гортанныя колеблются между -ихъ и -иимъ. Подъ вліяніемъ Ц.-Славянского языка показывается форма -ихъ. Въ женскомъ р. -ихъ, -ихъ для гласнаго и -ихъ для полугласнаго исхода. Замѣтны еще въ этихъ трехъ падежахъ слѣды женскаго образованія для именъ орднаго р.: *свиими, кидиими, хислиими, тмахи*, что, впрочемъ, можно объяснить примятіемъ именительнаго п. мн. ч. въ основаніе образованію, какъ нынче *сретимиима*.

Припомнимъ нѣкоторыя отдѣльныя слова, въ которыхъ замѣтенъ переходъ въ одного образованія въ другое. Такъ нѣтъ постоянно переходить отъ твердости къ мягкости и обратно: родит. ед. *пѣти* и *пѣта*. Рядомъ съ нимъ идутъ *тѣта* и *лѣта*, *зѣти* и *зѣта*. Твор. ед. *пѣтѣмъ*, вин. мн. *пѣти*, мѣстн. мн. *пѣтѣтъ*. *дѣмъ* склоняется: род. ед. *дѣи*, *дѣи* и *дѣаи*, мѣстн. ед. *дѣи* и *дѣици*. Имен. и вин. мн. *дѣи*, мѣстн. мн. *дѣихъ*. Имен. *люди*, *люди*, -ѣ, *люде*, род. *люди*, дат. *людѣи*, *людѣи*, твор. *людѣи*, *людѣи*, *люди*, мѣстн. *людѣхъ*. Имена, восстанавливающія въ движеніи признакъ первоначальнаго образованія, склоняются согласно съ Ц.-Славянскимъ языкомъ: род. ед. *корѣи*, *пѣици*, *пѣици*, *словѣи*, *матѣи*, мѣстн. ед. *на пѣици*, но *словѣи*, на *мѣици*, вин. мн. *уздѣи*, *словѣи*, *пѣици*, *телѣи*, род. мн. *пѣици*, дат. мн. *словѣици*, *пѣицици*, твор. мн. *уздѣи*, *пѣици*, *мѣици*, мѣстн. мн. *кѣицици*, *тѣици*. Но движеніе языка выразилось въ обобщеніи формы этихъ словъ съ другими и подведеніи ихъ подъ общее склоненіе то чрезъ опущеніе полнаго образователя, то чрезъ переводъ отъ мягкости въ твердость. Такъ рядомъ съ приведенными формами находимъ род. ед. *шѣици*, *мѣици*, *пѣици*, дат. ед. *мѣици*, твор. ед. *мѣицици*, *мѣицици*, мѣстн. ед. *на кѣици*, но *мѣици*, но *словѣи*, имен. мн. *мѣици*, род. мн. *дѣи* и *дѣи*, мѣстн. мн. *мѣици*. Слѣдъ же принимаетъ участіе и перезвукъ в въ и и з: род. ед. *словѣи*, *мѣици*, мѣстн. ед. *на кѣици*, мѣстн. мн. *пѣицици*, *кѣици*, *кѣицици*. Образованіе *кѣици* находимъ въ дат. ед. *дѣицици* и въ мѣстн. ед. *дѣици*. Винительный п. ед. ч. муж. р. *пѣици* полную и краткую формы: *кѣици* и *мѣици*, но въ женскомъ полную *матѣи* съ однимъ исключеніемъ: *мѣици*, чего не допускаетъ однако Д.-Булгарскій языкъ. Въ

среднемъ р. онъ одинаковъ съ именительнымъ: *нимъ, вѣрше, носо, тѣло, дѣсто*; однако исключеніе: *мнъ шесѣ*.

Подобное явленіе замѣчаемъ въ именахъ женскаго р. съ усиленіемъ *-онь*. Они или склоняются сходно съ Ц.-Славянскимъ, или переходятъ въ склоненіе именъ на *-а*, либо именъ на полугласную. На пр.: род. ед. *цркви* и *цркви*, *крьвѣ* и *крьвѣ*, вин. ед. *цркви*, *любкѣ* и *цркви*, *любкѣ*, твор. ед. *цркви* и *црквию*, *любкомъ* и *любкѣ*; но въ род. ед. на *-ѣ* и мѣстн. мн. на *-дѣ*: *цркви* нельзя рѣшить, отъ какого образованія произведены эти окончанія.

Въ движеніи именъ важное мѣсто занимаетъ перезвукъ гласныхъ. Его должно всегда имѣть въ виду для того, чтобы не назвать формы неправильною. Перезвукъ совершается на общихъ началахъ, изложенныхъ въ звукоученіи. Онъ же производитъ различіе въ большей части формъ между Сербскимъ и Д.-Булгарскимъ языкомъ, ибо въ первичныхъ приемахъ образованія формъ, какъ мы видѣли изъ сравненія ихъ, всѣ Славянскія нарѣчія сходны между собою. Таковъ на пр. перезвукъ носовыхъ *ж, д* въ *ѣ, е* и ихъ взаимный переходъ другъ въ друга; таковъ перезвукъ *ѣ* въ *ок* и *омъ*, *д* въ *омъ*; усиленіе *ѣ* въ *ѣ*, *ь* въ *ь*, и пр. Разсмотримъ ближе перезвуки, совершающіеся въ Д.-Сербскихъ формахъ независимо отъ ихъ движенія. Таковы: *-ло* ви. *-лѣ* и *д* въ *о* въ имен. п. ед. ч. муж. р.: *плавѣ*; *-амъ*; *-омъ*, *-и* въ *-лѣ*, *-онь*, *-ивъ*: *доумлѣ*, *цѣловѣ*, *мѣтлѣ*; и въ *-и* въ именахъ собственныхъ на *-ни*, *-омъ*: *акани*, *дѣгѣмъ*; и въ *ѣ* въ имен. ед. муж. и жен. р.: *сѣдѣ* *эсто*, *кѣпѣ*, *госпо*, въ род. ед. муж. и средн. р.: *алѣтѣ*, *дѣвѣтѣ*, въ имен. и вин. мн. средн. р.: *сѣдѣнѣ*, *завѣснѣ*, въ дат. мн. средн. и жен. р.: *кѣдѣнѣ*, *сѣдѣнѣ*, въ мѣстн. мн. жен. р.: *испѣдѣ* *торѣнѣ*; и чрезъ *ѣ* въ *ѣ* въ мѣстн. мн. жен. р.: *зѣмлѣ*, и въ имен. и вин. мн. средн. р.: *повѣнѣ*; *ѣ* въ *ѣ* въ вин. ед. средн. р.: *кѣпѣ*, въ род. ед. жен. р.: *правѣ*, въ вин. мн. муж. и жен. р.: *коусѣ*, *кѣпѣ*, *кѣпѣ*, *кѣпѣ*, *кѣпѣ*, въ дат. и мѣстн. мн. муж. и средн. р.: *трѣговѣ*, *сѣлѣнѣ*, *монѣнѣ*, *сѣрѣнѣ*, *пѣтѣ*, *пѣтѣ* *кѣпѣ*; *ѣ* въ *ѣ* въ дат. ед. жен. р.: *кѣпѣ*, въ мѣстн. ед.: *гѣдѣ*, *гѣдѣ*, *мѣтѣнѣ*, *писѣ*, въ мѣстн. мн. муж. и средн. р.: *кѣпѣ*, *кѣпѣ*, *кѣпѣ*; и въ *ѣ* въ дат. ед. жен. р.: *кѣдѣ*, *кѣпѣ*, въ мѣстн. ед. по *кѣпѣ*, *кѣпѣ*, въ имен. мн. муж. р.: *могорѣнѣ*, *алѣнѣ* *кѣпѣ*, въ род. мн.: *кѣпѣ*, *кѣпѣ*; и чрезъ *ѣ* въ *-ѣ* въ мѣстн. ед. жен. р.: *кѣпѣ*, *кѣпѣ*, *кѣпѣ*; *ѣ* въ *ѣ* въ мѣстн. мн. ч.: *кѣпѣ*; *-ѣ* въ *-ѣ* въ дат. и мѣстн. ед. жен. р. и мѣстн. мн. муж. и средн. р.: *кѣпѣ*, *кѣпѣ*; и въ *ѣ* въ имен. мн. муж. р.: *кѣпѣ*, *кѣпѣ*. Сѣна и сѣ е происходить въ имен. п. мн. ч. муж. р.: *кѣпѣ* и *кѣпѣ*, въ мѣстн. мн. муж. и средн. р.: *кѣпѣ* и *кѣпѣ*, *кѣпѣ* и *кѣпѣ*, *кѣпѣ* и *кѣпѣ*.

Не менѣе важное мѣсто въ движеніи Д.-Сербскаго языка принадлежитъ стяженію. Въ Д.-Булгарскомъ обыкновенно господствуютъ полныя формы, но прочія Славянскія нарѣчія уже допустили стяженіе. Оно свидѣтельствуетъ о движеніи Славянскаго языка отъ точнѣйшихъ формъ къ простѣйшимъ. Въ этомъ отношеніи и Д.-Сербскій языкъ быстро шелъ къ стяженію, оставляя въ сторонѣ древнѣйшія полныя формы; въ особенности конецъ XIV-го и XV-й в. замѣчательны этимъ стяженіемъ. Нынѣ, какъ извѣстно, стяженіе господствуетъ въ окончаніи *иѣ*, *иѣ* и его видоизмѣненіяхъ; и переходитъ въ *ь*, а это скрывается въ *ь*, *ь*, *ь*, *ь*. Въ нашихъ памятникахъ мы находимъ слѣдующіе случаи стяженія или сокращенія: *о* ослабѣваетъ въ *ь* въ окончаніи жен. р. *-онь*, откуда чрезъ перезвукъ *ѣ* въ *ѣ* является *-лѣ*: *любонь*, *любонь*, *любонь*; откуда

также открывается возможность перехода въ -льа: *любьа*; въ имен. и твор. ед. жен. р.: *клятьа, клятью*, по чему слово это и переходит въ образование на -а. а ослабѣваетъ въ ѣ въ твор. мн. жен. р. *мѣньми*. и ослабѣваетъ въ ѣ при послѣдующей гласной въ продолженіи всего движенія въ имен. ед. и средн. жен. р.: *дальа, вратъа*, въ род. ед. средн. и жен. р.: *помоньтъа, владльа, вратъа*, въ дат. ед.: *юрью, писанью, зивую, вратъа*, въ вин. ед. жен. р.: *вратью*, въ твор. ед.: *мръа, камньа, вратъоа, пзотью*, въ мѣстн. ед. средн. р.: *поморуа*, въ имен. и вин. мн. муж. и средн. р.: *приматьа, зивуа, повлашьа*, въ дат. мн. средн. и жен. р.: *владаньа, судьа*, въ мѣстн. средн. и жен. р.: *писаньа, судьахъ*. Черезъ стяженіе б-ы ѣ съ гласною происходятъ дальнѣйшія кратчайшія формы: въ имен. ед. средн. р.: *вмннн*, въ твор. ед. жен. р.: *штотю, шугатю*, въ мѣстн. ед. средн. р.: *зстаню, хутью*, въ имен. и вин. мн. средн. р.: *владанн*, въ дат. мн. муж. р.: *васьа*, въ мѣстн. мн. средн. р.: *писаньа*. Стяженіе -ни въ -н производтъ формы: въ дат. ед. жен. р.: *вратъа*, въ мѣстн. ед. средн. и жен. р.: *дароканн, преданн, сномн, нинн, нотарн*, въ род. мн.: *люди, нымти, соудн, дѣтн, дароканн, оекластн, налнствн*.

Замѣтимъ наконецъ отвердѣніе плавныхъ, составляющее временное явленіе Д.-Сербской письменности, на пр., *родитѣла, морд* и т. д., нынѣ или оставшееся преимущественно въ р, или снова возвратившееся къ мягкости. Обо всемъ этомъ, перезвукахъ, стяженіи, отвердѣніи плавныхъ, было говорено въ звукоученіи и тамъ же представлены и выводы.

Претвореніе гортанныхъ въ свистящія постоянно существуетъ во всѣхъ вѣкахъ и семьяхъ: въ дат. ед. жен. р.: *владнн, -ѣ, салзи*, въ мѣстн. ед. предъ -ѣ и -и: *станьца, вьца, грѣса, рѣсази, дѣса, сѣса, стѣсѣца, -и, сѣгрѣса, рѣцѣ*, въ имен. мн. муж. р. предъ и: *власн, мѣцн*, въ мѣстн. мн. муж. р.: *враньца, шарьца, владьа*. Въ зват. ед. муж. р. передъ ѣ гортанныя и свистящія претворяются въ шипящія: *кожа, кнже, творюа*. Въ имен. мн. муж. р. передъ -ни гортанныя переходятъ тоже въ шипящія: *звннн*. Претвореніе, замѣчаемое въ творительномъ п. мн. ч. муж. р., можетъ быть приписано либо дѣйствию -н, либо смѣшенію этихъ падежей съ именительнымъ мн. ч. на основаніи наружнаго сходства.

Предлогъ *во* по преимуществу управляетъ мѣстнымъ п. Сходство формъ этого послѣдняго съ дательнымъ должно обратить болѣе въ пользу перваго.

И такъ Д.-Сербскій книжный языкъ открываетъ предъ нами путь, по которому существительныя имена двигались отъ древнѣйшаго образованія чрезъ посредствующія формы до новѣйшаго. Мы видимъ постепенное превращеніе кратчайшихъ и своеобразныхъ формъ на -ѣ въ новѣйшія на -льа и -льнн и согласное съ тѣмъ движеніе ихъ; на -н въ -льнн, -ръ, -оъ съ собственнымъ движеніемъ, а потомъ съ обобщеннымъ, какъ бы отъ простаго твердаго -льнн и мягкаго -ръ полугласнаго исхода, или отъ гласнаго -льа; такъ и въ ижевахъ на -ѣ (а) возникаетъ движеніе какъ бы отъ исхода -оо. Мы видимъ еще ясныя слѣды родства существительнаго съ прилагательнымъ. Обычныя формы -д, -ѣ, -оа, -льнн, въ родительномъ, дательномъ и творительномъ пп. ед. ч. муж. и средн. р., и -н, въ родительномъ, дательномъ и мѣстномъ пп. ед. ч. женскаго р. полугласнаго, а въ послѣднихъ двухъ и мягкаго гласнаго исходовъ, постоянно проходятъ передъ нами во все продолженіе разсматриваемыхъ нами вѣковъ. Винительный п. ед. ч. муж. р., выставивъ нѣсколько случаевъ употребленія своей собственной формы для одушевленныхъ предметовъ, уступаетъ для нихъ

свое служеніе родительному. Звательный п. ед. ч. является съ особою формою для всѣхъ исходовъ муж. и жен. р. Средній р. въ обоихъ этихъ падежахъ представляетъ общую и всегдашнюю у всѣхъ Славянъ форму, сходящую съ именительнымъ п. ед. ч. Мѣстный п. ед. ч. муж. и средн. р. показываетъ, какъ переходилъ языкъ отъ формы -я, -и къ -ѣ, -ю; женскій р. для гласнаго исхода явилъ въ родительномъ п. исконную и постоянную форму на -а, рядомъ съ которою въ дательномъ и мѣстномъ п. ед. ч. для твердаго гласнаго исхода совершается переверотъ въ пользу -и вѣсто -а. Въ творительномъ п. ед. ч. онъ сѣло вводитъ свою народную форму съ отвердѣлымъ признакомъ носоваго произношенія, переходящимъ отъ -омъ къ -омъ. Именительный п. мн. ч. муж. р. представляетъ различное образование для различныхъ исходовъ, которое нынѣ уже обобщено въ одномъ -и. Онъ сохранилъ еще память о собирательномъ значенія, которое нынѣ уже утрачено. Въ винительномъ п. муж. и жен. р. является опять своя исконная форма -а, которая для полугласнаго исхода жен. р., въ именительномъ и винительномъ пп. мн. ч., замѣняется формою -и. Средній р. опять является, какъ и всюду, съ общею для обоихъ падежей формою -а. Звательный п., какъ и всюду, сходитъ съ именительнымъ. Родительный п. мн. ч. представляетъ, какъ и нынѣ, большею частію, краткую форму, которую подъ конецъ начинаетъ озвукотворять въ -а, что нынѣ сдѣлалось уже непрѣннымъ условіемъ. Онъ выставилъ индѣ временную форму для муж. р. -и, слѣды которой сохранились и нынѣ въ немногихъ словахъ. Но выраженіе его краткой формы чрезъ ѣ составляетъ одинъ изъ удачныхъ доводовъ для сравнительнаго языковѣдѣнія въ объясненіи этой формы. Дательный, творительный и мѣстный пп. еще сохранили каждый свою отличительную черту; первый доставилъ даже примѣръ начинавшагося озвукотворенія конечной полугласной; второй двѣ равносильныя формы на -и и -ими; но волярныя уже приближаются къ нынѣшней на -има; третій сохраняетъ свои формы -ахъ съ перезвукомъ -ихъ для твердаго исхода муж. и средн. р. и -ажъ, -ихъ для мягкаго. Женскій р. во всѣхъ трехъ падежахъ удерживаетъ свою форму на -амъ, -ими, -ахъ. Средній р. покушается на образованіе женскаго р., но покушеніе это остается безъ послѣдствій, чѣмъ-то отрывочнымъ и безсвязнымъ, не такимъ, какъ у Хорватовъ и Хорутанъ, или у Русскихъ и Лужичанъ. Вѣсть съ этими прямыми формами въ муж. р. двигаются въ извѣстныхъ падежахъ формы на ов, ѣ; но языкъ, какъ и нынѣ, не даетъ имъ простора и мѣстами выказываетъ забвеніе ихъ разумности и принимаетъ ихъ за неподвижный образовательный слогъ. Разумѣется, Ц.-Славянская стихія сопутствуетъ движенію народной и болѣе или менѣе выступаетъ наружу съ своими отличительно звуковыми формами: ея мѣсто въ Восточной семьѣ и преимущественно въ церковно-дарственныхъ грамотахъ. Перезвукъ, стяженіе и отвердѣніе плавныхъ суть тоже отличительныя черты переходнаго времени, выраженіемъ коему служатъ разсматриваемые нами Д.-Сербскіе памятники. Опять, какъ и прежде, XII-й и XIII-й вв. являются съ болѣе общими и древнѣйшими формами; XIV-й в., съ одной стороны, облукъ церковно-дарственными грамотами и вообще памятниками Восточной семьѣ, представляетъ сильное господство Ц.-Славянской стихіи, но тутъ же и возрождавшееся противодѣйствіе ей въ собственно-Сербскихъ памятникахъ, которое усиливается въ концѣ этого вѣка съ появленіемъ Западныхъ грамотъ. XV-й в. доставляетъ полное господство народности, по скольку она проявлялась не только въ нынѣ сохранившихся формахъ, но и въ утраченныхъ нынѣ, каковы, на пр., мѣстна-

го п. ед. ч. муж. и средн. р. на -т и -и, дательнаго и мѣстнаго пп. ед. ч. жен. р. на -ѣ, родительнаго п. мн. ч. на неоглашенное еще -ь, различныхъ формахъ трехъ падежей мн. ч. и т. д. Словомъ, въ существительныхъ именахъ Д.-Сербскаго книжнаго языка мы находимъ драгоценныя остатки старинныя вѣсть съ неменѣе важными переходными формами, объясняющими происхождение тугъ же зачинавшихся и новѣйшихъ.

Склоненіе *мѣстоименное*.

Мѣстоименія имѣютъ свое особенное склоненіе, которое въ Индоевропейскихъ языкахъ распадается на два отдѣла, безродное, или общее для всѣхъ трехъ родовъ, и родовое, различающее роды. Впрочемъ, это дѣленіе лишь наружное; въ сущности, или относительно образовательныхъ падежныхъ окончаній мѣстоименія слѣдуетъ одному и тому же склоненію, которое въ свою очередь есть то же, что и для именъ существительныхъ, ибо, вѣроятно, въ праязыкѣ одни образовательныя окончанія служили для тѣхъ и другихъ, и только особое движеніе въ мѣстоименныхъ основахъ произвело нѣкоторую разницу, послужившую къ обособленію того и другаго склоненія. Безродное склоненіе, какъ увидимъ, ближе подходитъ къ существительному, чѣмъ родовое. Вся разница состоитъ въ способѣ соединенія основы съ падежныхъ исходомъ: на различіи приемовъ, при этомъ употребляющихся, основывается и различіе склоненій. Изъ всѣхъ частей рѣчи мѣстоименія наиболѣе обнаруживаютъ свой чистый корень, который обыкновенно весьма коротокъ и при движеніи нерѣдко повторяется, или соединяется иногда съ другимъ корнемъ, имѣющимъ значеніе служебной мѣстоименной частицы. Образованіе падежей происходитъ большею частью съ помощью озвукотворенія или усиленія конечной основной полугласной и принятія благозвучной буквы, и въ этомъ заключается главнѣйшее отличіе отъ склоненія существительнаго. Самые же падежные указатели суть тѣ же, что и въ существительныхъ. Мѣстоименія образуютъ и свои производныя, которыя мало отличаются отъ прилагательныхъ и по тому нерѣдко смѣшиваются съ ними. Въ этомъ случаѣ, при различеніи ихъ, должно брать во вниманіе способъ ихъ движенія, что составляетъ лучшую основу для дѣленія. Эти производныя нѣсколько отличаются и въ движеніи: легко образуя изъ себя два вида, опредѣленный и неопредѣленный, они имѣютъ и двоякое склоненіе, одно съ помощью опредѣляющаго указательнаго мѣстоименія, слѣдовательно, во всемъ сходное съ прилагательнымъ, другое существительное, котораго впрочемъ не держатся постоянно, но мѣняють ина мѣстоименное, переходя въ разныхъ падежахъ изъ одного въ другое. Хотя все это относится болѣе къ общесравнительному языковѣдѣнію, мы думаемъ однако, что Д.-Сербскій книжный языкъ разнообразіемъ своихъ формъ, занятыхъ имъ у Ц.-Славянскаго и народнаго, послужить къ подкрѣпленію выводовъ, и такимъ образомъ взаимная услуга доставить и взаимную пользу. Выгода его состоитъ именно въ томъ, что писцы въ заимствованіи мѣстоименныхъ формъ у Ц.-Славянскаго языка, не ограничивались ими одними, но дополняли ихъ и изъ источника народнаго. Отъ того Д.-Сербскій книжный языкъ предлагаетъ богатый запасъ мѣстоименныхъ формъ для общеславянскаго языковѣдѣнія, и главное достоинство его состоитъ въ обиліи пояснительныхъ переходныхъ формъ, созданныхъ какъ бы болѣе смѣлою рукою, не стѣснявшеюся одними Ц.-Славянскими приемами, но дополнявшею ихъ и народными, или преобразовывавшею ихъ на свой ладъ и на основаніи своего собственнаго, а не Д.-Булгарскаго, взгляда на законы образованія. Надо сознаться, что Д.-Булгарскій языкъ отличается иногда протяжностью своихъ формъ, закрывающею

образованіе и первичную простоту, и хотя онъ есть старшій въ семьѣ Славянскихъ нарѣчій, и въ дѣлѣ Славянскаго языкословія съ нимъ преимущественно должно совѣтоваться, какъ болѣе другихъ богатымъ формами и древнѣйшими письменными памятниками, однако и другія нарѣчія могутъ способствовать къ объясненію словодвиженія и вообще къ узнанію началъ и путей развитія Славянскаго языка, ибо они предлагаютъ много формъ или срединныхъ, или упрощенныхъ, или такихъ, какихъ въ немъ вовсе нѣтъ. Такъ и теперь въ Д.-Сербскомъ книжномъ языкѣ мы находимъ счастливое соединеніе Сербо-Булгарскихъ формъ, взаимно пополняющихъ и поясняющихъ себя: и это явленіе есть исключительно временное, въ исторіи языка дважды не повторяющееся; ибо нынѣшній Сербскій языкъ уже обдѣнчалъ формами, сгладивъ и обобщивъ ихъ. И такъ представимъ весь объемъ мѣстоименнаго склоненія, какъ застаемъ его въ древнѣйшую пору Сербской письменности до XVI-го в., въ пору ея самостоятельнаго существованія.

Начинаю со склоненія *безродныхъ* мѣстоименій.

Упрощеніе, обобщеніе и сокращеніе, ознаменовавшія всѣ Индоевропейскіе языки въ ихъ повременномъ ходѣ, отразились и сдѣсь въ мѣстоименіи личномъ 1-го л. ед. ч. м, образовавшемся изъ полной формы азъ, Санскр. *aham*, Лит. *asz*, Зенд. *azem*. Славянскія нарѣчія, кромѣ Булгарскаго, Хорутанскаго и Полабскаго, перешли уже къ позднѣйшей и кратчайшей формѣ: въ числѣ ихъ и Сербское. Уже въ XII-мъ в., въ его письменности, эта краткая форма является. перезвукованною въ видѣ я въ гр-ѣ Кулива (А. И.); но въ другой грамотѣ того же вѣка, принадлежащей Немани, она сохраняетъ полный видъ, хотя тоже съ перезвукованною гласною: азъ (А. № 1). Причина тому понятна, и эта причина опредѣляетъ все дальнѣйшее употребленіе той и другой формы, разумѣется, не такъ исключительно строго, какъ въ XII-мъ в. Дѣйствительно, форму я, ја, ја, ја, ја, а, я, ја, ја и т. д. мы находимъ въ гр-хъ: С. NN^o 4, 5, 7, 9, 13—15, 18, 20, 21, 26, 27, 32, 56, 59, 61, 63, 64, 66, 67, 69, 70—75, 80, 86, 89, 91, 93, 94, 97, 101, 102, 104, 107, 110, 113, 114, 117, 120, 124, 125, 127, 128, 131—136, 141—143, 145—148, 150, 151, 155, 158, 161—164, 168—170, 171, 173; А. NN^o 4, 14, 15; Мл. Вторую азъ, азъ, азъ, азъ, азъ и т. д. въ гр-хъ: Ш. № VII; С. NN^o 3, 5, 8, 12, 14, 16, 35, 37, 51, 71, 81, 83—86, 89, 90, 92, 95, 97, 99—104, 107, 111, 136, 137, 145, 150, 176; А. NN^o 2—11, 16—20; Мк.; В. NN^o 1, 2; Г. А, Б, В; Ю.; С.-Д. М. 1844; З. А.; Мл. Сличимъ NN^o и семьи грамотъ и увидимъ на сторонѣ первой $\frac{2}{3}$ Западныхъ грамотъ, а на сторонѣ второй $\frac{2}{3}$ Восточныхъ. Особенность еще болѣе обнаружится, если замѣтимъ, что всѣ Западные грамоты, стоящія на сторонѣ азъ, начиная съ № 81, имѣютъ эту форму лишь во вступленіяхъ — этой закоснѣлой и заимствованной части своей, чуждой по языку и содержанію живой и народной середины. Такъ точно, но только на оборотъ, Восточные грамоты употребляютъ я, а болшею частію тамъ, гдѣ рѣчь касается народнаго дѣла, вызвавшаго и самую грамоту. Послѣ этого не остается никакого сомнѣнія, что уже издавна народъ Сербскій произносилъ это мѣстоименіе такъ, какъ и нынѣ произноситъ, и только подъ самымъ сильнымъ вліяніемъ Ц.-Славянской стихіи книжникамъ удалось провести по вѣзмъ-вѣкамъ Булгарскую форму. 2-е лицо -ти, ты (н. р.).

Винительный п. ед. ч. мѣ, мѣ, мѣ (А. NN^o 1, 3, 6, 7, 11, 16, 17; С. NN^o 2, 4, 7, 21, 50, 51, 61, 62, 66, 84, 86, 90, 93, 97, 99, 102, 104, 111, 114,

140, 176; В. № 2; Ю; Г. V), *те, те* (С. NN№ 3, 16, 26, 51, 68, 84, 176; А. NN№ 3—7; Мк.; Ю.), отвѣчающія Ц.-Славянскимъ *ма, та* съ праязычными носовымъ отзвукомъ, какъ и въ существительныхъ. Но не рѣже употребляется и форма родительнаго п. *мене, -и, мене* (С. NN№ 2, 51, 94, 104, 107, 114, 117, 164, 173; А. NN№ 2, 6; Мк.; М.л.), *тѣбѣ, -я* (С. NN№ 19, 51, 68, 71, 178; А. NN№ 4, 10, 20). Такъ и нынѣ находимъ ту и другую форму въ этомъ падежѣ.

Родительный п. ед. ч., какъ въ Ц.-Славянскомъ, какъ и въ нынѣшнемъ Сербскомъ: *мене, мене, -я* (А. И.; С. NN№ 2, 20, 27, 51, 52, 67, 69, 79, 85, 96, 98, 103, 107, 111, 120, 133, 136, 142—145, 150; А. NN№ 3 — 5, 7; Мл.; В. № 2; 3.), *тѣбѣ* (Мк.; С. NN№ 175, 176; А. № 19; Ю.). Встрѣчается дѣйствительный п. предполагать сдѣсь нельзя, ибо объ грамоты соблюдаютъ *тѣ*, да и самое значеніе противорѣчитъ этому, какъ видно изъ второй изъ нихъ: *да мнѣ мѣсяцъ и тѣ мѣсяцъ и тѣ мѣсяцъ и тѣ мѣсяцъ*. Впрочемъ, эту форму находимъ въ другихъ Славянскихъ нарѣчійхъ, какъ-то, Польскомъ, Чешскомъ и Луижскомъ. Въ послѣднемъ мягкое *с* или, какъ у Поляковъ, *іе*, смягчается въ *іо*, по чему тамъ и пишутъ *тію*. Напротивъ, Хорватское и Хорутанское имѣютъ *мене*, какъ и Сербское. Югозападный говоръ уполногласилъ эту форму, озвукотворивъ въ корнѣ *мъ*. Слѣдовательно, если сравнимъ съ Санскритскимъ и Земаскимъ *та, то* увидимъ, что Славянскій корень перешелъ изъ одной основы въ другую, въ твердой въ мягкую: Повтореніе *тата* произвело чрезъ перезвукъ *мъ*, которое въ родительномъ п. измѣняетъ падежное окончаніе *-as* въ *-e*, откуда *тпіе, тпе, тію*, или *мене, меня, мене, тене* подобно *имени, ивеса*. Форма 2-го л. *тѣбѣ* представляетъ перезвукъ первоначальнаго *в* въ *б* и образовалась, вѣроятно, чрезъ стяженіе изъ удвоенной *twatwa*, откуда *tawa*: слѣдовательно, корень будетъ *tv, та*, который Славяне уполногласили чрезъ *е*. Краткую форму *ме, мя, тѣ, тѣ, те, тѣ, тѣ*, находимую въ большей части нарѣчій, особенно въ простонародномъ говорѣ, вмѣсто полной, должно объяснять стяженіемъ съ винительнымъ, какъ бываетъ и на оборотъ, ибо духъ языка въ представленіи одушевленныхъ предметовъ, къ которымъ относятся мѣстоименія общаго рода, сводитъ оба падежа, какъ видно изъ употребленія родительнаго вмѣсто винительнаго въ именахъ существительныхъ. Первоначально этого не было, и по тому въ древнѣйшемъ изъ Славянскихъ нарѣчій, Д.-Булгарскомъ, этихъ формъ нѣтъ. Претвореніе же носовыхъ звуковъ въ *е* способствуетъ этому единенію, которое подтверждается Русскимъ языкомъ, имѣющимъ въ родит. *меня, ми, тебѣ, тя*, форму тождественную съ винительнымъ. Хотя областная форма *тея* прямо указываетъ на сокращеніе *тя* изъ *тебѣ*, однако при всеобщемъ стяженіи обоихъ падежей нельзя отвергать отдѣльнаго образованія того и другаго падежа. Замѣтимъ, что Рус. *меня* указываетъ на образованіе этого падежа по примѣру женскаго р., какъ очевидно становится въ слѣдующихъ падежахъ. Женскій же родъ въ праязыкѣ Индоевропейскомъ ничѣмъ не отличался отъ другихъ родовъ въ словодвиженіи и во временныхъ судьбахъ, расходясь отъ нихъ, вообще сохранивъ болѣе праязычныхъ признаковъ. Такъ и сдѣсь мѣстоименія личнаго движутся по женскому, или только видимому женскому, роду, собственно же древнѣйшему образованію. Въ женскомъ же р. находимъ въ этомъ падежѣ носовой звукъ: отъ того *-я, -е, или -я* приличнѣе объяснять носовымъ звукомъ, хотя и страшно, что Д.-Булгарскій не удержалъ его сдѣсь, какъ удержалъ

въ существительныхъ съ мягкимъ исходомъ. Отъ того и винительный п. во всѣхъ Славянскихъ нарѣчійхъ, кромѣ Д.-Булгарскаго, сходенъ съ родительнымъ при самостоятельномъ образованіи того и другаго.

Дательный п. ед. ч. представляетъ у Славянъ двѣ формы: видимо краткую, образующуюся изъ простаго корня *та*, *тва* съ падежнымъ признакомъ *i*: *таі*, *тваі*=*мь*, *ми*, *тъ*, *ти*, ср. Греч. *μοι*, *βοι* или *τοι*, и видимо полную съ повтореннымъ корнемъ: *татаі* или *тапаі*, *тватваі*=*мь*, *тебь*. Первоначально въ Д.-Сербскомъ языкѣ полная форма для 1-го л. была та же, что и въ П.-Славянскомъ, и таковою сохранилась до конца XV-го в. преимущественно въ Восточной семьѣ грамотъ: *мьнѣ*, *мнѣ*, *мпѣ*, *мннѣ* и т. д. (А. NN^о 1 — 9, 11, 12, 16, 18; С. NN^о 2, 9, 10, 17, 18, 46, 51, 61, 64, 70, 71, 75, 79, 86, 98, 101, 107, 114, 143, 176; В. N^о 2; Мл.), или съ перезвукомъ: *мни*, *мнѣ* (С. NN^о 94, 102). Потомъ *ь* перезвучивалось въ *е*, откуда вышла форма одинаковая съ нынѣшней: *менѣ*, *менне*, *менѣ*, или съ перезвукомъ *мене*, *мене* (С. NN^о 66, 84, 97, 98, 107, 114, 127, 128, 139, 147, 155, 159, 161, 163; Мл.). Безъ всякаго сомнѣнія, здѣсь *е* есть озвукотвореніе *б-ы* *ь*, которое должно было произойти уже послѣ сокращенія прадавной гласной *а* въ *ь*, по тому что рядомъ съ нимъ находимъ нѣсколько позднѣйшую и иначе озвукотворенную форму: *мнит* (С. NN^о 142, 143), гдѣ позднѣйшее *л*, возникшее тоже изъ *ь*, сошлось съ празычнымъ *а* въ корнѣ *та*. Черезъ перезвукъ *т* въ *н* является форма *мени*, *мени* (С. NN^о 74, 96, 140) *мни* (С. NN^о 93, 132). И такъ позднѣйшая форма есть *мнѣ*, -*н*; но она не принялась у Сербовъ и явилась хотя и народною, однако переходною и единовременною. Для 2-го л. одна форма *тебѣ*, иногда съ известнымъ перезвукомъ *тебѣ* (А. II.; Ш. N^о VII; С. NN^о 3, 8, 12, 14, 16, 18, 19, 26, 41, 51, 68, 71, 84, 100, 114, 147, 176; А. NN^о 4, 6—9, 12, 20; Г. А, Б; Ю.). Однажды только находимъ *теби* (С. N^о 97) въ грамотѣ, гдѣ *т* переходитъ въ *н*. Нынѣ обыкновенно говорятъ *мене тебе*, хотя пишутъ преимущественно *мени*, *теби*: послѣдній перезвукъ принадлежитъ исключительно той семьѣ и тѣмъ самымъ памятникамъ, гдѣ *т* обыкновенно переходитъ въ *н*; но большая часть грамотъ изъ той же семьи употребляетъ -*т* или -*н*. Отсюда объясняется и нынѣшнее народное произношеніе съ *е*; но Хорваты и Хорутане имѣютъ *мени*. Всѣ Славянскія нарѣчія болѣе, или менѣе любятъ краткія формы *ми*, *ти*; только одно В.-Русское не любитъ и не употребляетъ ихъ, хотя *те* вмѣсто *теѣ* или *тебѣ* и слышится въ простонародіи, какъ и у древнихъ Сербовъ находимъ въ *мѣ*, т. е., въ *мѣ* (С. N^о 73). Но всюду въ краткой формѣ произошло звуковое измѣненіе *ь* въ *и*. Хотя по значенію обѣ формы тождественны, однако между ними есть другаго рода отличіе, определяемое длиннотою и краткостію ихъ произношенія и большимъ или меньшимъ притяженіемъ силы голоса въ зависимости отъ мысли; но такъ какъ въ текущей рѣчи обыкновенно истоищеніе слѣдуетъ за управляющимъ словомъ и чаще сливается съ нимъ, чѣмъ, на оборотъ, осливааетъ его, то краткая форма является здѣсь умѣстнѣе и способнѣе для хода рѣчи. Это всего чаще случается непосредственно послѣ глагола, или въ значеніи притяжанія въ ближайшемъ соединеніи со словомъ, къ которому оно относится. По этому какъ въ нынѣшнемъ, такъ и въ древнемъ Сербскомъ языкѣ мы чаще встрѣчаемъ *ми*, чѣмъ *мнѣ*. Здѣсь дѣйствуютъ благозвучные законы языка. Указывать на памятники было бы лишнимъ: довольно сказать, что *ми* употреблено вдвое болѣе, чѣмъ *мнѣ*; *ти* нѣсколько менѣе, чѣмъ *тебѣ*. Причина понятна: сила обращенія ко 2-му лицу отнимала у этой формы ея краткость, какъ бы летучесть, и удареніе пристой-

нѣе падало на полную форму. Такъ и въ другихъ нарѣчіяхъ. За то древніе Сербы, какъ и Булгары, основываясь на однородствѣ основной мысли падежа съ мыслию притяжанія, любили выражать это послѣднее чрезъ краткую форму, такъ что ми, ти, приставленныя къ слову *сздаи*, сливались съ нимъ и въ письмѣ и въ понятіи и отгнѣивали его значеніемъ принадлежности; на пр.: *сѣиу-ми* (А. № 1), *кравльєсткомѣ* (С. NN № 2, 17, 21—25, 28—34 и пр.), *дадѣти*, *ѡрѣти* (С. № 3), *ѡрѣсткоти* (С. № 16) и т. д. Прямѣры безчисленны. Если при существительномъ стоитъ прилагательное, то мѣстоименіе удобнѣе соединяется съ послѣднимъ: *прєсладьнотѣи ѡрѣство*, *стѡмѣти ѡрѣстєи* (С. № 16), *стѡмѣи и кѣбѣстѣи-мѣти крѣмѣи* (А. № 14) и пр.

Творительный п. ед. ч. образованіемъ своимъ одинаковъ съ таковымъ же именъ существительныхъ, гдѣ и предложено было объясненіе емъ. Сдѣсь мы ограничимся лишь изложеніемъ повременнаго развитія самыхъ формъ, которое во всемъ сойдется съ движеніемъ именъ существительныхъ. Такъ: *мною*, *-ю*, *-ѣ*, *мною* (Ш. № VII; А. NN № 3—6, 10; Мк.; С. NN № 51, 52, 176; В. № 1; 3.; С.-Д. М. 1844) — не много и исключительно въ церковно-дѣржавственныхъ грамотахъ. Такъ точно и *товою*, *-ю*, *-ѣ*, *тою* (А. NN № 3, 4, 5, 19; Мк.; С. NN № 71, 84, 97, 114, 144) — въ таковыхъ же грамотахъ, или во вступленіяхъ грамотъ, что въ отношеніи языка почти одно и то же. Древнѣйшая же народная форма есть *мною* (С. NN № 6, 14), *товою* (С. № 3), за которою уже слѣдуетъ *мною*, *мною*, *мною* (С. NN № 20, 56, 67, 72, 94, 114, 143). Замѣтимъ опять, что эти безродныя мѣстоименія имѣютъ, по видимому, форму женскаго р. въ Славянскихъ нарѣчіяхъ; если бы дѣйствительно такъ было, то причину тому невозможно бы было объяснить. Но сопоставимъ съ ними форму творительнаго п. женскаго р. въ Сербскомъ языкѣ на *-м*, и дѣло объяснится само собою. Мы видимъ, что Сербскій языкъ напоминаетъ собою о родовомъ безразличіи словодвиженія въ Индоевропейскомъ языкѣ, на основаніи котораго для всѣхъ родовъ должна была существовать одна форма, отражающаяся въ признаковъ падежа *м*. Слѣдовательно, и *мною* и *мною*, *мною*, *мною* суть одного и того же образованія и, соединяя въ себѣ обѣ формы, тѣмъ самымъ доказываютъ тожество родовыхъ формъ въ именахъ существительныхъ.

Мѣстный п. ед. ч. образуетъ свою форму согласно съ Ц.-Славянскою: *ми* (А. № 6; С. NN № 51, 107, 176; В. № 2) и съ предлогомъ *по* въ значеніи «послѣ»: *по миѣ*, *миѣ*, *миѣ* (А. NN № 3, 10, 12, 15, 17; С. NN № 37, 46, 51, 90, 176; Г. А; С.-Д. М. 1844). Нынѣ *мени*: обѣ формы, какъ видно, сходны, каждая съ своимъ дательнымъ. Для 2-го л. нѣтъ приѣзровъ. Нынѣ прихотъ народнаго языка предпочитаетъ *-е* для дательнаго п. и *-и* для мѣстнаго, хотя происхожденіемъ своимъ то и другое обязано одному и тому же *ь*. Но Д.-Сербскій языкъ еще не достигъ этого позднѣйшаго и наружнаго различія и правильнѣе соблюдалъ въ обоихъ случаяхъ *и*. И этотъ падежъ убѣждаетъ насъ въ одинаковости падежнаго образованія для существительныхъ и мѣстоименій. Какъ форма дательнаго и мѣстнаго существительныхъ муж. и средн. р. собственно есть одна и та же, хотя чрезъ перезвукъ распадается на *-у* и *-ю*, отождествляясь однако въ женскомъ р., такъ и вообще существительныя и мѣстоименія имѣютъ одно падежное образованіе: отъ того женское, по видимому, окончаніе для дательнаго *мени*, *тѣиѣ* есть собственно общеродовое окончаніе дательнаго, сходнаго по представленію въ Славянскихъ нарѣчіяхъ съ мѣстнымъ, по чему и образованіе обоихъ падежей вѣроятно одно съ другимъ. Именительный п. ед. ч. имѣетъ постоянно *ми*, *ми* (мн. р.), *ми*, *ми* (мн. р.)

Форма этого падежа еще ближе, чѣмъ въ именѣхъ существительныхъ, подходитъ къ первоначальному склоненію, ибо сдѣсь -м, -н, собственно-падежь усиленіе изъ ѣ, принятаго заимствителя первоначальнаго падежнаго образователя -as. Корень м, н есть тотъ же, который видѣнъ въ единственномъ ч. во всѣхъ падежахъ, кромѣ именительнаго для 1-го л. Славянскія нарѣчія восточно имѣютъ ту же форму. Удвоенную форму май, ми, ми и т. д. (А. NN№ 3, 4; С. NN№ 81, 84, 176; В. № 1) и намекающую на нее со значкомъ ми, ми (С. NN№ 91, 111; А. № 5) удобнѣе всего можно объяснять вытяженіемъ голоса, которое очень часто замѣчается въ просторѣчій Сербскаго и Русскаго языковъ. При этомъ вытяженіи голоса, которое, впрочемъ, необходимо бываетъ и при усиливашей частицѣ и, нѣрѣдко первое и обращается въ ии; откуда ми (С. № 85). То же увидимъ и въ другихъ мѣстоименіяхъ.

Винительный п. мн. ч. представляетъ двѣ формы: свою и родительнаго п. Собственная форма этого п. есть въ Ц.-Славянскомъ ии, ии, которая имѣетъ уже не существуетъ въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, хотя въ старину и была, какъ видно изъ памятниковъ, на пр., Д.-Чешскаго, Д.-Русскаго и Д.-Польскаго. Явленіе и вмѣсто м есть обыкновенный перезвукъ, не имѣющій вліянія на образованіе формы: Литовскій во всѣхъ падежахъ имѣетъ *m*, какъ на оборотъ Латинскій *n*. Хотя ии, ии отвѣчаетъ винительному Сакрита *mas*, *mas*, однако Литовскій имѣетъ въ именительномъ *mas*, а въ винительномъ *mis*. Если слышимъ это *mis* съ тѣмъ же падежемъ существительныхъ, на пр., *vilkus*, Ц.-Слав. -и съ тѣмъ же исходитъ винительнаго п. существительныхъ, а также применъ въ соображеніе различіе между обоими падежами въ Греческомъ языкѣ, то должны будемъ признать въ этомъ -и пропавшій носовой исходъ, тотъ же, какой и въ существительныхъ. Следовательно, именительный и винительный пп. хотя и сходятся видимо между собою, если не принимать въ расчетъ перезвукъ м — н, однако они существенно отличаются одинъ отъ другаго. Уже въ древнѣйшихъ памятникахъ Ц.-Славянскаго языка нѣрѣдко находимъ форму родительнаго п. мн. винительнаго. И Д.-Сербскій языкъ уже съ раннихъ поръ сталъ предпочитать первую форму ми, ми, ми находимъ въ III № VII; С. NN№ 3, 8, 10, 12, 14, 15, 16, 19, 20, 26, 70, 127; А. № 18; форму ми, ми въ С. NN№ 2, 7, 10, 14, 21, 45, 166, 173; А. № 7; Мл. Самые NN№ грамотъ показываютъ, что она держалась только въ древнѣйшей письменности, но принадлежала и народному языку. Вмѣсто нея рано и въ большинствѣ чиселъ, а подъ конецъ исключительно утвердилась нинѣшняя ии, ии (С. NN№ 3, 14, 16, 35, 51, 78, 81, 82, 85, 91, 95, 96, 98, 101 — 104, 107, 114, 117, 120, 127, 132, 136, 149, 150, 154, 156, 163, 175, 178, 179; Г. А, Б; А. № 16; З. А.), ии, ии (С. NN№ 4, 10, 14, 15, 19, 20, 48, 59; А. NN№ 4, 5, 10, 11; Г. VI, № 2).

Родительный п. мн. ч. имѣетъ постоянно ии, ии (мн. р.), какъ и нинѣ и во всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, которая воспользовалась сдѣсь вспомогательною мѣстоименною частицею *s* подобно прочимъ Индоевропейскимъ языкамъ, на что указываетъ чистое образованіе этого падежа у Грековъ. Конечно *s* есть тотъ же падежной отзвукъ, который образуютъ и существительныи наз. первоначальнаго *an*. Родительный п. пользуется обширнымъ употребленіемъ, поставляясь не только вмѣсто винительнаго п., но и въ собственномъ значеніи, не только въ соединеніи съ предлогомъ, но и одинъ безъ предлога въ томъ же смыслѣ извѣтія; или же заимляя собою мѣстоименіе притяжательное. Такъ, на пр., читимъ: *xi* послѣднее ии, ии; *ti*о *li*чи ии, ии (С. № 78), *ti*о *li*чи ии, ии (С. № 96),

конь, конь, нльсь, нльсь (С. NN^о 118, 112, 115), а кога годи нльсь (С. № 141), доколатъ нльсь съмъ (наше съмя; С. № 57) и т. д.

Дательный п. мн. ч. предлагаетъ двѣ формы. Въ Ц.-Славянскомъ языкѣ находимъ тоже двѣ формы *намъ, вамъ, ны, вы*. Последняя менѣе употребительна, хотя образованіемъ и равносильна первой, ибо одна удержала признакъ падежа *m* (*bh*), стянувъ въ полугласную его гласный исходъ *jas*, какъ въ существительныхъ, другая же, опустивъ *m* (*bhj*), обратила *as* въ *ъ* и потомъ *ъ*, отъ чего и сравнялась съ именительнымъ п. Нынѣ Славяне употребляютъ постоянно первую форму; и только одни Сербы около Нѣготина и Черной Рѣки еще доселѣ говорятъ *ни, ви*. Древнекнижный ихъ языкъ тоже предпочитаетъ *намъ, вамъ*, но кое-гдѣ употребляетъ и *ни, ны* (С. NN^о 3, 11, 16, 17, 41, 63, 76, 91, 128, 134; А. № 14; Г. V), *ви, вы* (С. NN^о 2, 4, 7, 9, 11, 13, 14, 15, 18, 20, 21, 45, 53, 166, 173). Въѣсть съ этимъ въ XII-мъ и дальнѣйшихъ вѣкахъ находимъ множество разъ *намъ* и *вамъ*. На это употребленіе не имѣла вліянія Ц.-Славянская стихія: ту и другую форму находимъ равно въ обѣхъ семьяхъ грамотъ, такъ что церковно-дарственные даже предпочитаютъ *намъ* (ср. А. NN^о 2—5, 11, 12, 16, 18, 19; С. NN^о 175, 176, 178; С.-Д. М. 1844; Г. V). Изъ этого слѣдуетъ заключить, что обѣ формы не противорѣчили Сербской народности и попеременно употреблялись по волѣ писцовъ: впрочемъ, въ XV-мъ в. *ни* и *ви* начинаютъ замѣтно рѣдѣть. Какъ *ми, ти*, такъ *ни, ви* служатъ вмѣсто притяжательныхъ, на пр., *госпогний* (С. № 26), *родительни* (С. № 128), *гѣли* (А. № 7), *господствони* (Г. V), *ѡ ѡцѣвы* (С. № 2). Нынѣшній Сербскій языкъ, употребляя формы *нам, вам*, озвукотворяетъ и въ нихъ конечную полугласную и по тому, кромѣ *ѣтъхъ, имѣтъ* и *нама, вама*.

Творительный п. мн. ч. имѣетъ ныѣ, какъ и въ существительныхъ, одинаковую съ дательнымъ форму: *нама, вама*, произшедшую чрезъ ослабленіе *и* творительнаго въ *ь* и озвукотвореніе *ь* въ *а*. Но Д.-Булгарскій языкъ и прочія Славянскія нарѣчія различаютъ оба падежа и оканчиваютъ творительный на *-ми* (*bhis*). Находясь подъ вліяніемъ Ц.-Славянскаго, древнекнижный Сербскій языкъ постоянно различалъ оба падежа, какъ различалъ ихъ въ существительныхъ. Сдѣсь мы находимъ только одну форму *нами, вами*, начиная съ XII-го и до конца XV-го в. Но что нынѣшняя, вѣроятно существовала уже въ народномъ говорѣ, по крайней мѣрѣ въ XV-мъ в., то это видно изъ того, что она промелькнула въ одной грамотѣ: *нами* (С. № 132), если это только не была ошибка переписчика.

Мѣстный п. мн. ч. равнымъ образомъ отличенъ отъ творительнаго и дательнаго, не смотря на то, что нынѣ онъ приравненъ къ нимъ. Сдѣсь опять не могло никакъ участвовать внутреннее движеніе звуковъ, и сходства падежей нельзя объяснять законными приемами словодвиженія; но это сходство ничему другому приписать нельзя, какъ только относительной бѣдности современнаго языка, перешедшаго отъ разнообразія къ однообразію формъ; ибо падежъ этотъ образовывался самостоятельно на *-съ*, отвѣчающее первоначальному *-sa, -si* и переходящее въ существительныхъ въ *-хъ*. Въ старину постоянно находимъ *нльсь, нль, нльсь, нльсь*, равно и съ предлогомъ *по* въ значеніи «послѣ» (Ш. № VII; С. NN^о 3, 35, 37, 83, 84, 105, 111, 175, 176, 178; А. NN^о 3, 4, 5, 8, 9, 11, 14, 17, 18, 20; Мк.; Г. Б; Мл.). Для 2-го л. примѣровъ нѣтъ.

Двойственное ч., какъ сказано выше, заимствовано было прямо изъ Ц.-Славянскаго языка и въ рассматриваемое нами время, не получая уже жизненныхъ силъ отъ народнаго, гдѣ оно пришло въ забвеніе, оставалось неподвижнымъ,

разъединеннымъ, слабымъ, большею частію уступая свое служеніе множественно-му ч. Кое-гдѣ однако находимъ его остатки и для личныхъ мѣстоименій. Такъ, родительный п. *мию, -ю, -ію* (Ш. № VII; А. NN № 10, 12; С. NN № 35, 91), *окрѣсти ка, вѣроятно, каю*, родительный въ значеніи винительнаго (С. № 35); дательный: *нама* (С. № 98). До какой степени оно начинало уже забываться, показываютъ два слѣдующихъ примѣра: *ономъ мнѣ* (С. № 66), *ономъ мнѣю илии* (С. № 114) и множество подобныхъ.

Къ склоненію общаго рода относится еще возвратное мѣстоименіе, не употребляемое, по самому значенію своему, въ именительномъ п. Чисель оно тоже не имѣетъ. Винительный п. его, какъ и въ другихъ нарѣчіяхъ, имѣетъ одну краткую форму *са*, Ц.-Слав. *са*, хотя и употребляетъ другую, полную, принадлежащую собственно родительному. Первая тѣсно соединяется съ глаголомъ, сливаясь съ нимъ въ одно понятіе,—и это почти единственное ея употребленіе; вторая, напротивъ, всегда имѣетъ самостоятельное значеніе и представляетъ отдѣльное понятіе, на пр.: *взяхъ на себя* (А. № 15), *сильнѣю пошло сами сами себя* (С. № 76), *да себя(о)* (Мл.). Ее же находимъ и въ родительномъ п., ср. А. NN № 6, 15; С. NN № 61, 78, 143, 158. Дательный п. имѣетъ *себѣ, -и* (А. И.; Ш. № VII; С. NN № 5, 26, 107, 115, 143, 178; А. NN № 2, 11, 18; Мл.), или съ перезвукомъ *себи, себи* (С. NN № 132, 140). Въ болѣе обширномъ значеніи, и какъ дательный п., и какъ притяжательное мѣстоименіе, употребляется краткая форма *си*, принадлежащая всемъ родамъ, лицамъ и числамъ. Она относится или къ глаголу, означая собственно дательный п. «себѣ», или къ имени, означая принадлежность, или возвратное отношеніе. Такъ, на пр.: *я обрѣкаюся сконьси хътиши* (С. № 7), *сии мои повѣсти пише прѣдѣстопи любокъшомъси книзу* (С. № 17), *нов си имамъ* (С. № 20), *я обрѣкаюся прѣснъпомъси книзу* (С. № 21), *ахъ съ прѣказуодѣишии вратѣси* (А. № 18); *да си прѣздѣши* (С. № 3), *да ея взимъси* (С. № 26), *мѣтиюси повѣлоу ѿ мни...., ни погнѣшайси мни....; ѿго же ѿзъ прѣхъстѣиши оустроюи пороюи* (А. № 6); *да си нма чрѣки* (С. № 16), *квалътиюси къ прѣхътиюси мѣтьи ѿ сконьси вѣгокопѣишии вѣнъла шасъ* (С. № 51), *хрѣд си съдѣла* (А. № 6), *бѣгъ... прѣзрѣки на мѣ шлосръднѣишии окомъ* (А. № 7), *сѣло съ прѣкишии си* (Ш. № 11), *кто ти излазе... по разоудѣ по сконъси* (С. № 34), *да си обѣдѣи ѿномъ* (А. № 9), *да си дрѣжи мѣти вѣжѣа*, *да си дрѣжи чрѣкии тѣ* (А. № 12); *да симамо* (С. № 16); *да кы како си съ сто нѣвѣуни* (С. № 9), *да си живѣте* (С. № 21), *да си поидѣте* (С. № 53); *сѣдъ сѣла съ засѣлишии* (Ш. № VII), *да си ходѣ съ сконьси си трѣги* (С. № 2), *да си идѣт доуѣрокуди* (С. № 15), *а дрѣжинъси на вѣхъ мѣси* (С. № 16), *да си прѣдѣ*, *да си стои* и *поидѣ* (С. № 20) и т. д. (ср. С. NN № 24, 28—35, 43, 46, 49, 54, 55, 63, 66, 73, 76, 97, 98, 99, 113, 137, 176; А. NN № 10, 11, 12, 14; 3.). Въ творительномъ п. это мѣстоименіе представляетъ, какъ и другія, двѣ формы, Ц.-Славянскую: *сокою* (С. NN № 81, 85, 89, 95, 150; 3. А.) — въ одномъ и томъ же вступленіи, исполненномъ Ц.-Славянской стихіи, *сокою* (С. № 178)—въ гр.-ѣ Аеонской, и народную: *сокомъ, -омъ, -ѣ, -ѣ* (С. NN № 39, 88, 91, 106, 107, 111, 116, 117, 132, 137, 142—144, 157, 164, 179). Мѣстный п. образуетъ собственно *свѣзъ*: *о свѣзъ* (Ш. № VII), *по (послѣ) свѣзъ, -и, -и, секне, въ свѣзъ* (С. NN № 106, 124, 125, 128, 134, 155; А. № 20), *по (чрезъ) свѣзъ* (С. № 157); но съ помощью перезвука является и *себи*: *самъ по себи* (С. № 132), *по (послѣ) себи* (С. № 139), *на себи* (С. № 140), *по себи* (С. № 157). Этотъ перезвукъ приводитъ къ вышней формѣ *себи* и показываетъ, что

она, какъ и форма дательнаго п., образовалась чрезъ перезвукъ, и что между ними и другою формою на *-ѣ* нѣтъ никакой существенной разницы. Причина этой двойственности заключается въ общемъ перезвукѣ *-ѣ* въ *н*.

Родовое мѣстоименное склоненіе заключаетъ въ себѣ три разряда мѣстоименій: одинъ изъ нихъ являются первообразными или самостоятельно склоняющимися и имѣютъ строеніе одинаковое съ существительными; другія суть производныя отъ первыхъ, и образованіе, равно какъ движеніе свое совершаютъ съ помощію одного изъ предыдущихъ; третьи суть тоже производныя отъ первыхъ, но окончаніе ихъ, хотя и есть производный образователь, однако движеніе свое совершаетъ по подобію съ существительными, а иногда переходитъ и въ склоненіе мѣстоименное. Движеніе третьихъ есть смѣшанное. Распознать всѣ три рода не трудно. Хотя движеніе ихъ, по видимому, рознится; но вникнувъ глубже въ склоненіе простыхъ мѣстоименій, равно какъ мѣстоименнаго образователя производныхъ, мы замѣчаемъ, что это одно и то же склоненіе, которое въ свою очередь, относительно падежныхъ образователей, сходится вообще съ движеніемъ существительныхъ. Вся разница состоитъ, какъ мы и прежде сказали, въ способѣ соединенія съ падежнымъ указателемъ, болѣе разнообразномъ, чѣмъ въ существительныхъ, какъ на пр., въ принятіи служебной мѣстоименной частицы между основою и падежнымъ указателемъ, въ видоизмѣненіи основной конечной полугласной и т. д. Это послѣднее свойство придаетъ особый отгѣнокъ строенію первообразныхъ мѣстоименій, который отличаетъ ихъ иногда отъ существительныхъ. Я постараюсь представить здѣсь очеркъ родоваго склоненія мѣстоименій, по скольку открывается къ тому средствъ въ нашихъ памятникахъ. Здѣсь, какъ увидимъ, Д.-Сербскій языкъ, при всемъ сходствѣ съ Ц.-Славянскимъ, умѣлъ дѣйствовать самостоятельно и образовывалъ формы по своему собственному воззрѣнію, хотя и на тѣхъ же началахъ. И здѣсь есть временное шестіе отъ древнѣйшихъ формъ къ новѣйшимъ. Многія формы уже не существуютъ нынѣ, но тѣмъ важнѣе онѣ для насъ, ибо являются поясняющими, посредствующими и какъ бы дополняющими самый Ц.-Славянскій языкъ. Во многихъ мы замѣтимъ смѣлость народнаго дѣйствія и даже мѣстами большую послѣдовательность въ образованіи, отгвѣтующую собою отличительныя свойства и Ц.-Славянскаго языка. Мы не станемъ обращать вниманія на разныя частицы, наружно придаваемые къ мѣстоименіямъ и не входящія въ составъ самого слова, каковы на пр., *и, зи, ѣ, ѣ, ге, ре, гер*, то, ибо онѣ нисколько не затемняютъ формы и не измѣняютъ ея внутренняго значенія. Тѣ же, которыя измѣняютъ собою самый смыслъ слова и, слѣдовательно, какъ бы срослись съ нимъ и съ его понятіемъ, необходимо должны оставаться при немъ въ изслѣдованіи.

Именительный п. ед. ч. представляетъ намъ различные виды мѣстоименій, употребленныхъ въ Д.-Сербскомъ книжномъ языкѣ. Мы замѣчаемъ, что съ помощію Ц.-Славянскаго языка Д.-Сербская книжность была богаче формами, чѣмъ нынѣшняя. Писцы удачно воспользовались многими Д.-Булгарскими формами, въ отношеніи конхъ, по многочисленности ихъ, Д.-Булгарскій языкъ не имѣетъ себѣ равнаго въ Славянской семьѣ. Нынѣ многихъ изъ этѣхъ формъ нѣтъ въ Сербскомъ языкѣ, какъ и вообще у другихъ Славянъ; но допущеніе ихъ въ древней письменности свидѣтельствуетъ, что онѣ когда-то были общимъ достояніемъ и, поддержанныя примѣромъ Д.-Булгарскаго, свободно присутствовали и у другихъ. Тѣмъ не менѣе, замѣтное распаденіе формъ по семьямъ памятниковъ и пребываніе многихъ лишь въ тѣхъ памятникахъ, въ которыхъ

въ сильной степени была допущена Ц.-Славянская стихія, указываемъ не столько на живое присутствіе ихъ въ народномъ языкѣ, сколько уже на заимствование. Книжность позднѣе устнаго языка могла удерживать старинныя формы, руководясь древнѣйшими примѣрами. По этому количество употребленія тѣхъ и другихъ покажетъ степень отношенія двухъ стихій въ Д.-Сербской письменности. Сдѣсь однажды навсегда замѣчу, что въ родовыхъ мѣстоименіяхъ муж. и средн. р. винительный п. ед. ч. одинаковъ съ именительнымъ, не по тому, однако, чтобы онъ былъ тождественъ съ нимъ по происхожденію и употребленію, но по тому, что въ слѣдствіе звуковыхъ соображеній, тѣхъ же, какія мы видѣли въ именахъ существительныхъ, онъ уподобился ему. Носовой признакъ *м*, или *н*, присутствующій въ Санскритѣ, Зендѣ, Литовскомъ, Греческомъ, Латинскомъ и отчасти Готскомъ языкахъ, былъ откинутъ Славянами, и слово необходимо приняло образъ именительнаго п. Въ именительномъ и винительномъ пп. ед. ч. мы находимъ слѣдующія простыя и первоначальныя формы указательныхъ мѣстоименій: *тѣ*, *тѣ*, *ты*, *тѣ* (С. NN^о 11, 43, 47, 111, 137, 138, 176; А. NN^о 3, 4, 7, 17; З.; Г. Б; Мл.). Начальныя NN^о грамотъ, особенно С. № 11, показываютъ, что оно еще держалось въ народѣ въ XIII-мъ в. можетъ быть, еще XIV-мъ в.; но потомъ перешло исключительно въ Восточныя грамоты, слѣдовательно, подъ защиту Ц.-Славянской стихій. Народъ уже не любилъ его полугласія и съ XIII-го в. началъ озвукотвореніе, древнѣйшее въ *те* (С. № 24) и позднѣйшее въ *та* (С. № 59), или съ усиленіемъ *таѣ* (С. № 143). Въ среднемъ р. *то* (мн. р.). Въ женскомъ *та*, *тѣ* (С. NN^о 14, 18, 38, 40, 43, 83, 78, 98, 107; А. NN^о 12, 14; Г. А, Б). *са*, *сѣ*, *сѣ* (Ш. № VII; А. № 2; С. № 178) сохранилось еще менѣе, чѣмъ предыдущая форма *тѣ*, и исключительно въ Восточной семьѣ. Въ среднемъ р. *се*, *се*, *се*, *сѣ*, *сѣ* (Ш. № VII; С. NN^о 5, 12, 14, 53, 55, 57, 113, 133, 162, 171, 176; А. NN^о 5, 6, 9, 10, 16; Мк.; З. А.). Видно, что народъ еще любилъ эту форму, которую употреблялъ и съ именемъ и безъ имени въ родѣ указательной частицы. Соответственная этимъ форма женскаго р. не попадается. Сюда же отнесу взятую изъ Ц.-Славянскаго языка форму винительнаго п. муж. р. *и*, *и* (А. № 3; С. № 56) и средняго *и*, *и*, *иѣ* (С. № 176; Г. А, Б). Самое мѣстоименіе существуетъ почти во всѣхъ Славянскихъ нарѣчіяхъ; но въ винительномъ п. оно употребляется только съ предлогами и переходитъ въ полугласную, получая гласную опору въ самомъ предлогѣ, съ которымъ соединяется чрезъ благозвучное *и*. Такое употребленіе началось въ Д.-Булгарскомъ языкѣ. У насъ находимъ: *змиѣ*, *-ѣ* (А. № 3; С. № 43), *иамѣ* (А. № 5; С. NN^о 37, 97, 103, 136). Нынѣ у Сербовъ тоже *иѣ* съ предлогомъ, какъ и у Поляковъ, Чеховъ и Хорутанъ *и*, *и*, *иѣ*, гдѣ оно переходитъ въ видѣ полугласной въ мягкость благозвучнаго *и*, *и*. У послѣднихъ оно живо сохранилось въ винительномъ п. не только въ краткой, но и въ полной формѣ *и* съ предлогомъ, на пр., *рѣди*, то же, что *рѣдиѣ*. Еще свободнѣе употребляютъ его Лужичане: Верхніе въ формѣ *јѣн*, на пр., *ја сум јѣн* (его) *купил*; съ предлогомъ *јѣн*, на пр., *за јѣн*; Нижніе въ формѣ *јен* и даже не только въ винительномъ, но въ именительномъ п., на пр., *ја јен сом* (я тотъ самый); средняго р. *јо*, происшедшее изъ мягкаго *је*; женскаго *ја*. Эта форма стоитъ въ прямомъ соотношеніи съ Чешскимъ относительнымъ *genz*, старинное *jenze*. Подобный переходъ *и* въ *иѣ* видѣнъ и въ мѣстоименіи *иѣрѣ* изъ *и* и первоначальнаго *tara*. Эта форма весьма важна; она подтверждаетъ однородство мѣстоименія и съ *онѣ* и *иѣѣ*, Санскр. *ана* въ сложныхъ словахъ, Лит. *anas*.

Прямо сносить его съ Санскр. *jas, já, jat*, Лит. *jis, ji*, Греч. $\delta\varsigma, \eta, \delta$, Лат. *is, ea, id*. На возможность опущенія *n* указываетъ Греческое $\epsilon\iota\varsigma, \epsilon\eta$, род. $\epsilon\iota\upsilon\delta\varsigma$; а что сдѣсь дѣйствительно есть *n*, то это подтверждается выше упомянутыми формами, Луижскою и Чешскою. Первоначальное его значеніе должно было быть единичности, и по тому необходимо снести его съ Лат. *unus*, которое въ старину звучало, какъ *onos, oinos* и совершило перезвукъ, какъ *oní*, отъ *on*, у Хорутанъ въ *úni*, и какъ *uter* сравнительно съ *и҃теръ*, Санскр. *jataras*; Гот. *ains*, Санскр. *épas*, Лит. *wienas*, Слав. *и҃въ*, Санскр. *anja*. Отъ того въ позднѣйшихъ Индоевропейскихъ языкахъ оно получило служеніе члена въ значеніи «одинъ», «нѣкоторый», какъ *и҃въ* тоже означало и «одинъ» и «другой». Мѣстоименное значеніе сошлось съ числительнымъ, ибо понятіе единичности и указаніе на третье лицо близки между собою. Это сродство дало у Славянъ мѣстоименію и значеніе опредѣленнаго члена. Различныя перезвуки произвели и различныя формы. Такъ многообразна творческая сила языка. Сродныя въ корнѣ между собою, формы вступили независимо одна отъ другой въ служеніе языка. *о҃въ, о҃въ, о҃въ* (А. № 6; С. NN№ 47, 58, 66, 73, 77, 91, 98, 108, 111, 112, 130, 137, 142, 162, 176; 3.), *о҃во, -о* (С. NN№ 34, 36, 71, 77, 111, 117, 137, 143, 146, 147, 150—152; Г. Б.), *о҃ва, о҃ва* (Мл.; С. NN№ 40, 87, 94, 98, 109, 121, 155, 173; А. № 19). По случаю указанія на третье лицо, оно причисляется и къ мѣстоименіямъ личнымъ 3-го л., т. е., раздѣляется въ грамматикахъ на два мѣстоименія, личное или чисто заименительное, когда при немъ нѣтъ предмета указанія, и указательное, когда при немъ непосредственно стоитъ, или подразумевается предметъ указанія. У насъ оно употребляется въ обоихъ значеніяхъ. Въ первомъ значеніи всѣ Славяне удержали его только въ этой формѣ; а во второмъ, какъ указательное, нѣкоторые уже ограничили его однимъ опредѣленнымъ *в.*, другіе однимъ неопредѣленнымъ, третьи удержали за нимъ тотъ и другой. *и҃въ, -ѣ, и҃въ, и҃въ* (С. NN№ 2, 8, 35, 44, 48, 50, 54, 111; А. NN№ 2 — 6, 12; 3.), *и҃во, и҃во, и҃во* (А. № 4; С. NN№ 16, 43, 114, 163, 176; 3.), *и҃ва* (С. NN№ 62, 85, 95, 136, 150, 163; 3.). Нынѣ оно осталось у Сербовъ только въ сложныхъ словахъ и въ неподвижномъ *и҃во. о҃въ, о҃в, о҃* (С. NN№ 87, 93, 96, 98, 104, 105, 108, 112, 114, 115, 117—119, 121—129, 139, 142, 143, 146—148, 157, 159, 163, 169—171), *о҃во, о҃во, о҃во, -о* (С. NN№ 16, 19, 27, 41, 54, 55, 61, 77, 93, 107, 114, 119, 120, 123, 127, 133, 136, 139—141, 144, 145, 156—158, 162, 164, 169, 171; А. № 11; Мл.). Мѣстоименія ближайшаго опредѣленія: *са҃ма, -ѣ, са҃ма, са҃* (С. NN№ 5, 20, 106, 108, 112, 115, 124, 125, 132, 142, 176; А. NN№ 3, 4, 6, 12; 3.; Ю.; Г. Б; Мл.), *са҃мо* (С. NN№ 28, 45, 47, 48, 150), *са҃ма* (Ш. № VII; С. NN№ 87, 121). *вѣсь, вѣсь, вѣсь, вѣ* (С. NN№ 16, 27, 50, 51, 55, 107, 108, 112, 115, 119, 124—126, 146, 159, 161; 3.), *вѣса, вѣса, вѣса* и т. д. (Ш. № VII; С. NN№ 3, 14, 16, 18, 20, 26, 27, 30, 36, 39, 42, 43, 45, 49, 50 и пр.; А. NN№ 2—5, 14; 3. А.; Мл.), *вѣса, вѣса, вѣса* (А. NN№ 1, 14, 16, 20; Ш. № VII; С. NN№ 16, 26, 82, 85—89, 92, 95, 96, 98, 100 и пр.). Притяжательныя: *на҃ма, -ѣ* (С. NN№ 14, 16, 57, 78, 91, 92, 104, 105 и пр.; Г. V; Мл.), *на҃ма, -е, -о, на҃ме, на҃ме* (С. NN№ 66, 88, 89, 91, 96, 98, 100 и пр.; А. № 11; Г. А), *на҃ма* (С. NN№ 15, 16, 72, 77, 78, 91, 101, 102, 166; Г. А, V), *на҃ма* (С. NN№ 4, 15, 20, 63, 79; А. NN№ 3—5), *на҃ма* (С. NN№ 16, 71, 79, 89), *на҃ма* (С. NN№ 10, 11, 53) склонны по образованію съ *вѣсь*, а съ другой стороны съ другими притяжательными: *мо҃въ, -ѣ, мо҃въ* и т. д. (А. NN№ 1—5, 9, 17, 18; С. NN№ 2, 13, 17, 18, 27,

51, 59 и пр.; 3.), *моѣ*, -и, -е, -ѣ и т. д. (А. NN^о 1, 3 — 5, 15; С. NN^о 2, 17, 22, 27, 51, 61, 73, 84, 86, 104, 105, 142, 164, 176; Ю.; Мл.; Г. V), *моѣ*, -ѣ, -ѣ, -ѣ (А. NN^о 1, 3, 4, 10; С. NN^о 4, 10, 59, 91, 105, 132, 164), *твоѣ*, -ѣ (С. NN^о 3, 4, 5, 8, 175; Г. А; Мк.; Мл.), *твоѣ*, -и, -ѣ, -ѣ, -ѣ (С. NN^о 12, 16, 51, 114, 144, 164; А. NN^о 6, 7, 12, 20; Мк.), *твоѣ*, -ѣ, -ѣ (С. № 3; Г. V; А. № 20), *скон* (А. NN^о 1, 11; Ш. № VII; С. NN^о 16, 43, 47, 97, 130, 144, 146, 157; 3.), *скоѣ*, -и, -ѣ и т. д. (А. NN^о 1, 2, 5, 12; С. NN^о 4, 15, 73, 91, 111, 137, 140, 143, 176; Мк.), *ѹни*, *ѹни*, *ѹи* (3.; С. NN^о 91, 111, 137), *ѹне*, *ѹне* (С. № 22; 3.). Такимъ образомъ мы отъ простыхъ полугласныхъ *тъ*, *сь* дошли до формъ, въ которыхъ уже явно образованіе съ помощью *и*. Но посмотримъ пристальнѣе на *тъ* и другія. Нѣтъ сомнѣнія, что въ исторіи Индоевропейскихъ языковъ полугласіе слѣдовало за полногласіемъ: по этому въ *тъ*, *сь*, должно видѣть стяженіе прадавней гласности. Первому, т. е., *тъ*(*тъ*), *то*, *та* отвѣчаютъ Санскр. *sa*, рѣдко *sas*, *tat*, *sá*, Zend. *hó*(*has*), *taí*, *há*, Греч. *ὄ*, *τ(τ)*, *α(η)*, Гот. *sa*, *thata*, *só*, Лит. *tas*, *ta*. Лат. *ta-lis*. Второму *сь*, *се*, женск. Ц.-Слав. *си*, отвѣчаетъ Санскр. *sjas* и *sja*, *tjai*, *sjá*, Лит. *szis*, *szí*. И такъ мы видимъ, что эти мѣстоименія имѣютъ общее образованіе съ существительными на первичное *-as*, *-am* или *-ai*, *-á*. Но духъ языка, желая усилить въ нихъ указаніе, придавъ имъ, хотя не всюду, еще мѣстоименный исходъ *и*, первичное *jas*. Мы находимъ въ Ц.-Славянскомъ *тъ*, *тъи* или съ озвукотвореніемъ полугласной *тон*. Женскій и средний родъ остались безъ перемѣны. Но въ Н.-Булгарскомъ находимъ въ среднемъ р. *тоѣ*, въ женскомъ *тоя* или *тая*. Определенный в. понравился Славянамъ, и они удержали его одинъ, забывъ про *тъ*. Русскіе нѣсколько напоминаютъ это послѣднее въ своемъ удвоенномъ съ тою же цѣлю *томъ*: но прочіе говорятъ или *ти*, какъ Хорутане, а Крайцы *та*, или *тен*, *тѣи*, какъ Поляки, Чехи и Лужичане. Въ этомъ *ен*, *ѣи* не трудно узнать перезвукъ того же мѣстоименія *и*, которое сохранило свой звукъ въ Хорутанскомъ *ти*, въ Чешскомъ *туъ*. У Чеховъ основа *t* приняла оба образованія, какъ ниже увидимъ подобное явленіе у В.-Лужичанъ. Сербы ближе всего подошли къ Д.-Булгарамъ. Они въ старину наглядно выражали образованіе неопределеннаго в. въ *тъи*, *тъи* (А. № 7; Г. Б; Мл.) или *ты*, *ти* (Ш. № VII; С. № 133), которое прямо отвѣчаетъ Д.-Булгарскому *тъи*. Потомъ, какъ мы замѣтили, стали озвукотворять полугласную въ *те* и *та*. Определенный в. по этому вышелъ у нихъ въ *тъи* (С. NN^о 83, 104, 116, 118, 135, 142—144, 153, 157, 161, 164), и эта форма сохранилась и доселѣ: *тай*. Въ остальныхъ двухъ родахъ остался неопределенный в., ибо, обладая гласностію, онъ удовлетворялъ благозвучнымъ условіямъ Славянскаго языка, а слабое различіе между видами не потребовало ему двойника. Сербы какъ бы вознаграждали его отсутствіе чрезъ усиливающую частицу *и*, весьма часто пиша *тони*, *тии*. Но Н.-Булгарскія *тоѣ*, *тоя* становятся въ противенъ мужескому *тои*, *тони*. Определенный в. другого мѣстоименія *сь* образовался чрезъ придачу *и* къ *сь* и возстановленіе въ среднемъ р. первоначальнаго звука *и*: *си*, *сии*, *сии*. Теперь пора сдѣлать замѣчаніе, весьма важное для уразумѣнія движенія этихъ двухъ мѣстоименій, къ которымъ присоединимъ и Ц.-Славянское *къ*. Образую ихъ определенный в., Славянскій языкъ въ возстановляемой полугласной нисколько не хотѣлъ видѣть остатка первичнаго образованія; но считалъ *о* и *и* за простые, основѣ принадлежащіе звуки, и по тому дѣйствіе свое понималъ лишь какъ первичное построеніе определеннаго в., и *тони*, *кони*, *сии* уподоблялъ, по образованію, первичнымъ *мон*, *ѹни*. Отъ

того-то средній и женскій р. то, та и сочтены были за формы, вполнѣ соотвѣтствующія мужескому *тон*, въ которомъ $\Theta = \chi = as$ сдѣлялось простымъ основнымъ звукомъ. Отъ того-то въ среднемъ р. удержалось и въ *си*; по тому же явилось и *ном*, *ном*, *ном* изъ *нѣ*. Какъ въ первомъ остались *то*, *та*, такъ сдѣсь водворились *ном*, *ном*. Отъ того же наконецъ оба вида имѣютъ одно и то же движеніе. Конечно не что иное, какъ время, условило эти измѣненія: прежде были *тѣ*, *сѣ*, *нѣ*, потомъ *тон*, *си*, *ном*, прямо отвѣчающія своею формою еще первичному способу образованія опредѣленнаго в. на $\chi + n$: *тѣи*, *нѣи*, гдѣ только озвукотворена полугласная, а въ *си* даже и того не было. Но позднѣйшій способъ, конечно, для одного мужескаго р. явился уже на $\chi + n$. Время заставило также забыть и значеніе преобразования первыхъ во вторыя. Создавая *тон* и др. т. п., языкъ, по видимому, вовсе не желалъ произвести сдѣсь то, что происходило въ прилагательныхъ на $-ъи$ (*тъи*), $-ом$, $-аи$; по тому-то сдѣсь и различныя гласныя, а тамъ одинаковыя во всѣхъ родахъ. Послѣ этого уже ни видимъ новыя дальнѣйшія попытки опредѣлить нѣкоторыя формы, въ слѣдствіе чего являются и подобныя прилагательнымъ, т. е., въ позднѣйшемъ опредѣленномъ в.: *маи* съ двойнымъ движеніемъ изъ *ма* и *и*, по чему родительный уже бываетъ *нѣи*, гдѣ *нѣ* есть существительное падежное образованіе, отвѣчающее простому иѣстоименному *ном*; далѣе *маи*, гдѣ *ма* есть то же, что *тѣ* отъ *та* и пр. Слѣдовательно, *ном* будетъ въ представленіи языка то же, что *и*, или то же, что *та*; а *маи* явится дальнѣйшимъ опредѣленнымъ в., который часто придается этому иѣстоименію, какъ и нѣкоторымъ формамъ другихъ, на пр. *тѣи* *ви*. *тѣ*; но ужъ это есть слѣдствіе дальнѣйшаго видоизмѣненія языка. Отъ того, находя достаточнымъ движеніе *ном*, *ном*, *ном*, языкъ для *нѣи*, *ном*, *маи* и не произвелъ многихъ падежей, но ограничилъ движеніемъ предыдущей формы. Ц.-Славянская форма *си* есть, вѣроятно, продолженная изъ *си = си*. У Русскихъ *сей* представляетъ озвукотвореніе б-ы ѣ. Сербы выразили образованіе этого вида въ формѣ *сиа* (С. № 176), которую стаяли вѣстѣ съ Д.-Булгарами въ *си* (Ш. № VII; С. NN № 2, 14, 16, 21, 31, 34, 39, 43, 49, 50, 66, 162, 176, 178; А. NN № 7, 14). Но въ половинѣ XIV-го в. быстро исчезаетъ эта форма, ибо Сербы, помня въ ней присутствіе *ѣ*, озвукотворили его, когда настало время общаго озвукотворенія этой буквы. Такъ появляются *сиа*, *сиаи* (С. NN № 121—128, 130, 140, 141, 145). Ц.-Славянская форма *си*, *си* и т. д. *си*, *си* ограничилась почти одними церковно-дарственными грамотами (А. NN № 3—6 8—10, 12, 13, 17; Г. А, V; С. NN № 35, 46, 134, 176). Средній и женскій р. остались при своей формѣ: *си*, *си* и т. д. (А. И.; Ш. № VII; С. NN № 2, 3, 6, 7, 14—17, 19, 21, 22, 26, 27, 35, 37, 39—44, 46—50, 51, 54, 55, 62, 63, 66—68, 70, 77, 81, 83, 84, 86, 90, 99, 168, 175, 176, 178; А. NN № 3—19; Мк.; Г. А, Б; 3.; С.-Д. М. 1844; Мл.), *сиа*, *сиа*, *сиа* (С. NN № 3, 16, 27, 47, 66, 67, 70, 71, 73, 91, 178; А. NN № 6, 20; Мл.) Встрѣчаемое разъ *сиа* (С. № 20) и *сиаи* (С. NN № 107, 114) показываютъ неудавшуюся попытку образовать средній р. прямо отъ *си*. Замѣтимъ, что формы того и другаго рода употребляются только до конца XIV-го в., не считая церковно-дарственныхъ гр-ъ, всего менѣе говорящихъ въ дѣлѣ народности. Это значитъ, что прежде Сербы употребляли это иѣстоименіе, а потомъ стали забывать его по примѣру другихъ Славянъ. Тверже держалось въ XV-мъ в. *сиа*, благодаря народному способу озвукотворенія. Сличивъ употребленіе формы *си*, мы видимъ ту же бѣдность ея въ XV-мъ в. Еще появилась она съ усиливающейся частицею: *сиаи*, но сохранилась болѣе чрезъ списываніе въ общемъ выраженіи *сиаи сиаи* (С. NN

115, 116, 121—123, 126, 127, 130, 136). Такимъ образомъ признакъ забвенія обнаруживается въ этомъ мѣстоименіи. Нынѣ Сербы, какъ и большая часть другихъ Славянъ, не имѣютъ этого мѣстоименія, вѣроятно, по тому, что, будучи однородно съ *тъ*, оно оказалось ненужнымъ. Въ старину, безъ сомнѣнія, оно было у всѣхъ, какъ это доказываетъ и Д.-Чешская письменность своимъ *zjen*. Русскіе удерживаетъ его только въ письменномъ языкѣ и только одни В.-Лужичане еще имѣютъ *sen* и *siĵ*, опять указывающія на происхожденіе и видоизмѣненіе мѣстоименія *и*. Если въ послѣднемъ *i* есть коренное, то Ц.-Славянское *сни* найдетъ себѣ объясненіе въ вышесказанномъ о значеніи *и* въ среднемъ р. *сни* и подтвердитъ то, что здѣсь Славянскій языкъ возстановилъ прадавнюю коренную *б-у i*, являющуюся въ Литовскомъ языкѣ. Въ такомъ случаѣ здѣсь не будетъ уже протяженія формы, и оба *и* будутъ сохранять свое настоящее значеніе, а форма *съи* и ей подобныя, имѣющія признаки присутствія *ь*, будутъ если не второстепенными, то позднѣйшими, ибо послѣдовательность требовала бы въ противеніе имъ *съи*; но *сни* именно и выкупаетъ и утверждаетъ возможность формы *сни*. Общая гласная *и* найдетъ себѣ подобную въ *о* въ *мон*, *монь*, *моѡ*, *кон*, *конь*, *коѡ*. Переходимъ къ этому послѣднему. Образование его и значеніе въ немъ возстановленной полугласной точно такія же, какъ и въ предыдущихъ двухъ. Оно въ своей простой первоначальной формѣ не попадаетъ одно въ нашихъ памятникахъ, но въ сложеніи существуетъ, на пр., *кѡкѡ*; для него есть еще другая форма, отвѣчающая Ц.-Слав. *кѡи* или удлиненной *кѡи*: это *ки* (С. NN^о 4, 11, 15, 28, 97, 173). Какъ Ц.-Слав. *тъи* перешло въ *тон*, но у Д.-Сербовъ и въ *ты*, такъ и *кѡи* могло перейти у Д.-Сербовъ въ *ки* (*кы*) и въ *кон*, *кои*, *коѡ* (Ш. N^о VII; С. NN^о 16, 17, 19, 20, 22, 26, 29, 31, 36, 39, 40 и пр.; А. NN^о 4—6, 12, 19; Мк.; В.; Г. VI, N^о 2; Мл.), сложныя: *никон* (С. NN^о 51, 122; З.), *иѡкон* (С. N^о 173). Та и другая форма находятся у Хорватовъ: *коi* и *ki*, изъ которыхъ вторая есть то же, что стяженіе первой, ибо, обративъ *о* въ полугласную, получимъ *ki*. Русскіе, Сербы и Н.-Булгары имѣютъ *кой*, *кои* (*који*), но у Русскихъ, какъ и у Сербовъ, есть *иѡкий*, *иѡки*; Хорутане *ki*, В.-Лужичане неподвижное *kiž*, а Н.-Лужичане *kepž*, въ которомъ опять *i* перешло въ *ep*, *jen*, *jón*. И такъ Славяне двояко образовали опредѣленный в., озвукотворивъ и не озвукотворивъ полугласную. Въ этомъ мѣстоименіи самъ Д.-Булгарскій языкъ не любилъ первоначальной формы, удержавъ ее однако въ *кѡто*, *кѡждо* и въ опредѣленномъ *кѡи*, *кои*, *кѡи*. Первое опредѣленіе явилось въ формѣ *кѡи*, *кон*, гдѣ *о* принято было за простую основную гласную, и языкъ какъ будто только приступалъ къ созданію именной формы, по чему ту же букву оставилъ и въ женскомъ р. *кои*. Онъ смотрѣлъ на эту форму вовсе не такъ, какъ на прилагательное опредѣленнаго в. на *-ди*; ибо, желая усилить опредѣленіе, онъ повелъ образование далѣе и сдѣлалъ *кѡи*, *кѡи* и далѣе имъ движеніе прилагательныхъ хотя и не полное, и не имѣющее многихъ падежей; на пр. *кѡихъ*, *кѡимъ*, *кѡѡ* и пр. Въ среднемъ р. оставалось въ обоихъ случаяхъ *кон*. Въ мѣстоименіи *тъ* Д.-Булгарскій языкъ старался остаться при первоначальной формѣ, а въ этомъ стремился къ преобразованію и ближайшему опредѣленію формы. Отъ того *тъ*, не смотря на *тъи* или *тон*, сохранило простое движеніе неопредѣленнаго в., а *кѡ* уже утратило его, оставивъ слѣды его только въ мужескомъ или безродномъ движеніи въ сложеніи съ *ждо* и *то*. Но другіе Славяне остались довольны обычною формою *кон*, отъ которой находимъ у насъ средней р. *коѡ*, *-и*, *-ѡ*, *-ѡ*, *коиѡ*, *коѡѡ* (С. NN^о 3, 26, 27, 41, 42, 47, 57, 64, 66, 76, 78 и пр.; З.),

инно (С. NN^o 20, 46, 76; 3.), *и-* *цѣков*, *-и* *-и* (А. N° 1; С. NN^o 16, 20, 66, 78, 168) и женскій *ном*, *номѣ*, *номѣ* (С. NN^o 3, 16, 19, 85, 86, 101, 102, 107, 108, 112, 115, 121, 126, 127, 133, 136, 142, 145, 150, 163), *инном* (С. N° 39), *и-* *инном*, *-и* (С. NN^o 15, 20, 66, 72, 76). Нынѣ у Сербовъ *коѣ*, *коя*; у Хорватовъ *које* и *која*, стягивающіяся въ *ké*, *ká*. Это стяжение объясняетъ у насъ форму средняго р. *иѣ* *ви*. *иѣ* (С. N° 8) и женскаго *иѣ* (С. NN^o 95, 98, 169). Ожидать здѣсь первоначальной *иѣ* недѣзя по позднему возрасту грамоты; напротивъ, во въ сложной формѣ въ выраженіи *инномѣ* *дѣнь*. (С. N° 16) можетъ еще служить намекомъ на употребленіе первоначальной; но одиночность его, хотя и въ весьма древней грамотѣ, равно не точность во многомъ этой послѣдней заподозриваютъ его достовѣрность и заставляютъ скорѣе предполагать пропускъ *б-ы* *и*. Посмотримъ теперь, въ какомъ отношеніи къ простымъ формамъ стоятъ другія упомянутыя иѣстоименія: *и*, *ишь*, *ишѣ*, *ишѣ*, *ишѣ*, *ишѣ* и притяжательныя. Первое, въ своемъ настроеніи видѣ, отвѣчаетъ Санскр. *jas*, и только мягкости своей обязано гласъ, что не перешло у Славянъ въ полугласную. Тѣмъ не менѣе, въ соединеніи съ другими переводитъ мягкость *и* въ *ѣ* и измѣняетъ свойство предшествующей согласной, на пр., въ *ишѣ*, *ишѣ*, *ишѣ*, которое должно бы было звучать *ишѣ*, какъ и дѣйствительно находимъ у Поляковъ *wszystek*, у Чеховъ *wšecek*, у Лужичанъ *wšiki*; а что здѣсь дѣйствуетъ это само *и*, то это видно еще изъ другой Лужицкой формѣ *wšón*, *wšo*, *wša*, прямо отвѣчающей *ишѣ* и снова подтверждающей переходъ *и* въ *jen*, *jón* и средство его съ *ишѣ*, *ишѣ*. Следовательно, *и* стоятъ въ прямои отношеніи и въ уровнѣ съ *ѣ*, *сѣ*. То же деривное образование представляютъ *ишѣ*, Санскр. *ana*, Лит. *anas*; *ишѣ*, Санскр. *anja*; *ишѣ*, Зенд. *ava*; *ишѣ*, Санскр. *sama*; *ишѣ*, образовавшееся изъ соединенія основы *ишѣ* съ *jas*. Литовскій языкъ образовалъ *ѣ* *as*: *wissas*, съ удвоеніемъ *ви*. Санскр. *viśva*: по этому можно бы было ожидать *ишѣ*, какъ и дѣйствительно находимъ въ Остромировомъ Евангеліи, по чему и у Сербовъ, особенно въ ихъ пѣсняхъ, есть *вас(ѣ)*, *васколик*, или обыкновенная съ перестановкой *сас*; но Славяне предпочли сюда образование съ *jas*. Такъ точно иѣстоименные корни *иѣ*, гдѣ *и* перезвучено изъ *и*, и *иѣ* въ соединеніи съ служебною иѣстоименною частицею *с*, которую увидимъ нѣсколько разъ въ движеніи, и исходомъ *jas*, образовали *ишѣ*, *ишѣ*. Здѣсь принять въ образованіи родительный п., какъ *ѣ* другихъ Индоевропейскихъ языкахъ для другихъ притяжательныхъ; но что здѣсь *-ишѣ* есть *s+jas*, это видно изъ Санскрита, въ которомъ *ишѣ* отвѣчаютъ *asmadījas*, *jusmadījas* отъ *asma*, *jusma* съ отложительнымъ указателемъ *d* или *t* и усиленнымъ или вытянутымъ *ījas* изъ *jas*. Тѣмъ же точно первоначальныя основы *та*, *тва*, *сва*, Санскр. *tva*, въ соединеніи съ *jas* и съ перезвучемъ *а* въ *о*, приняли видъ *мом*, *твом*, *свом*. Ближе всего подходитъ Санскритъ съ своимъ *madījas*, *tvadījas*, гдѣ *d* есть отложительный указатель, а *ījas* есть усиленіе или протяженіе изъ *jas*. Следовательно, *мом* и пр. отвѣчаетъ существительному образованию *ишѣ* и есть по тому неопредѣленный р. Это еще болѣе доказывается образованіемъ въ другихъ Индоевропейскихъ языкахъ, Лит. *manas*, *tavas*, *savas*, Лат. *meus*, *tuus*, *suus*, Греч. *ἐμός*, *ός*, *ός*, Гот. *meins*, *theins*, *seins*, гдѣ даже пропущена образовательная гласная. Хотя они происходятъ отъ родительнаго п., однако самый образовательный отвѣчаетъ существительному исходу Славянскаго языка *ѣ*. а следовательно и неопредѣленному *в*. притяжательныхъ. Не смотря на двугласный исходъ *и* опредѣленный, какъ кажется, видъ, эти иѣстоименія, по степени

образованія, стоятъ въ одной линіи съ **тѣ**, **сѣ**, **кѣ**, изъ коихъ послѣднее есть то же, что Санскр. *kas*, жен. *kā*, гдѣ *as* естественно переходитъ въ **ъ**. Уни произошло изъ образователя *jas* и первоначальнаго *kis*, которое кое-гдѣ существуетъ, на пр., въ **ѹто** и Санскритскомъ среднемъ р. *kim* при мужескомъ и женскомъ *kas*, *kā*, или въ сложномъ муж. р. *mākis*, ср. Лат. *quis*. Слѣдовательно, сдѣсь первое и есть первоначальное, какъ въ женск. р. **си**, и не есть усиленіе изъ **ь**: отъ того оно всюду сохраняется въ движеніи. И такъ сдѣлаемъ общее замѣчаніе о природѣ упомянутыхъ мѣстоименій. Исключая **тон**, **си**, **кон**, всѣ прочія, какъ **тѣ**, **сѣ**, **кѣ**, представляютъ въ себѣ первоначальное простое образованіе на *-as* или *-jas*, прямо отвѣчающее неопредѣленному в. прилагательныхъ или, что то же, образованію существительныхъ. Отъ того мы и даемъ ихъ формѣ названіе неопредѣленнаго в. Но и самый опредѣленный в., какой мы видѣли въ **тон**, или **си**, **кон**, не похожъ на такой же видъ прилагательныхъ и есть какъ бы посредствующій или, вѣрнѣе, настоящій опредѣленный в., сросшійся съ основою и одинъ управляющій ей движеніемъ; тогда какъ обыкновенный такъ называемый опредѣленный в. прилагательныхъ, причастій, другихъ мѣстоименій и числительныхъ есть только соединеніе движенія неопредѣленнаго в. съ движеніемъ указательнаго мѣстоименія, ибо въ старину, болѣе въ досторическую пору, во всѣхъ падежахъ склонялось имя и рядомъ съ нимъ склонялось и мѣстоименіе указательное независимо другъ отъ друга. Первоначально духъ языка и не думалъ соединять два движенія, но отъ времени, ради краткости, соединилъ ихъ, какъ застаетъ въ древнѣйшихъ Д.-Булгарскихъ памятникахъ, уподобивъ начальную гласную мѣстоименія исходной гласной падежа и опустивъ въ движеніи неопредѣленнаго в. согласные падежные исходы, какъ-то, **мѣ**, **сѣ**, **кѣ**: *-ымь* вм. *-ымь+ымь* и т. д., а въ творительномъ жен. р. и самый носовой отзвукъ, такъ что въ обоихъ видахъ вышла одна форма **-омь**; а потомъ и совершенно слилъ оба движенія, какъ это видимъ у другихъ Славянъ. Слѣдовательно, то, что мы разумѣемъ подъ опредѣленнымъ в., есть позднѣйшее слитіе двухъ различныхъ движеній, и если разсѣчемъ его, то выйдетъ, что упомянутыя части рѣчи останутся при одномъ первоначальномъ или неопредѣленномъ в.: напротивъ, собственно-опредѣленный в. будетъ принадлежать однимъ мѣстоименіямъ **тон**, **си** и съ полнымъ движеніемъ **кон**. Этотъ недостатокъ движенія и есть знакъ того, что собственно опредѣленный в. считался языкомъ за излишній и по тому употреблялся рѣдко, наиболѣе въ прямыхъ падежахъ, и безъ особой силы значенія. Движеніе же неопредѣленнаго в. мѣстоименій будетъ отличаться отъ такового же прилагательныхъ или существительныхъ только, какъ сказали мы выше, иными приемами падежнаго образованія, на пр. **-го** или **-га** вм. **-д**, **-моу** вм. **-оу** и т. д., что увидимъ ниже. Полное движеніе первоначальнаго опредѣленнаго в. мы находимъ въ **кон**, **кою**, **ком**, **конго**, **коня** и т. д., а неопредѣленный предоставленъ сложнымъ **кѣ-то**, **кѣ-ждо**, **кого**, **комоу** и т. д., **ѹ-то**, **ѹго** или **ѹсо** и т. д. Вроде-чуть, у Н.-Булгаръ *кои* склоняется какъ **кѣто**: *кого*, *кому*, слѣдовательно, одинаково съ **тон**, **того**, **томоу**, т. е., оно оставлено за однимъ падежомъ, а движеніе совершается отъ **кѣ**. Но какъ мало языкъ дорожилъ опредѣленнымъ в., явствуетъ изъ того, что **тон** подчинено движенію **тѣ**; **си**, **си**, **сни** подчинено движенію **сѣ**, **си**, **сѣ**; ср. **сѣго** и **ѹго**, **том** и **си**; **кѣ** подчинено движенію **кон**, исключая нѣкоторые падежи особенно въ женскомъ р., при чемъ однако **кѣ**, **кѣ**, **ко** принимаютъ уже существительное движеніе: **кѣ**, **кѣ** и т. д. Можетъ быть, укажутъ на различіе между движеніемъ существительныхъ, или другихъ

частей рѣчи неопредѣленнаго в., и движеніемъ того же вида мѣстоименій, на пр. въ родительномъ первыхъ -а, вторыхъ -го и т. д., то отвѣчаемъ, что въ этомъ и состоитъ отличительная черта мѣстоименнаго движенія, которое не сливается падежнаго образователя съ конечною полугласною, но раздѣляетъ ихъ воставочною буквою, или частицею: въ удлиненномъ образованіи мѣстоименій не должно видѣть опредѣленнаго в., ибо лучшимъ доказательствомъ служить женскій р., на пр. въ **тоѣ**, **тон**, гдѣ о явно не что иное есть, какъ только возстановленная конечная полугласная; **и**, и суть надежные признаки, тѣ же, какъ и для существительныхъ. На возможность сохраненія основной гласной и для существительныхъ, какъ о въ -ого для **тѣ**, указываетъ Санскритъ своими *wrkasja*, *bhagasja*, *navasja*, одинаково образованными съ *tasja* отъ *sa*. Отъ того -ого, -омъ и пр. совершенно отличны отъ -омго или -аго, -омъ или -ымъ, гдѣ явно присутствуютъ мѣстоименіе и, вторично приданное. Но спросить, по чему **мон** и т. д. и **уни**, первоначальныя по своему образованію, склоняются точно такъ же, какъ **кон**, стоящее на второй ступени сравнительно съ ними, ибо они не имѣютъ своего первоначальнаго, какъ это имѣетъ своего въ **кѣ**? Это по тому, отвѣчаемъ, что въ нихъ и, столкнувшись съ гласною, не могло утратить своей первичной природы и перейти въ полугласную, какъ на пр. въ **мѣжъ** = **мѣг** + **jas**, но осталось на виду, слишкомъ яснымъ, и, принадлежа мѣстоименію, сохранило и свое мѣстоименное движеніе; но -омго, -омюу явно указываютъ, что сдѣсь и вовсе не въ такомъ служеніи, какъ на пр. въ **тоужди**, -аго, гдѣ не **аго** отвѣчаетъ ему, а **ж**; прямое отношеніе имѣетъ оно къ и въ **кри** = **кри** + **jas**. Если же **кри** не склоняется, какъ **мон**, это по тому, что, какъ сказано выше, между существительнымъ и мѣстоименнымъ склоненіемъ лежитъ коренное различіе въ способѣ соединенія основы съ падежными указателями, различіе, скрытое въ духѣ языка. Замѣтимъ однако, что женскій р. вообще тверже удержалъ первичное движеніе и между прочимъ носовой отзвукъ въ родительномъ п., объясняющій въ немъ долгое -*jas*, -*és*, -*ós* Санскрита, -*ós*, -*aus* Литовскаго, или *oto* = *ov* Греческаго. Если же сравнимъ **и** съ **кри**, то увидимъ между ними сходство, доказывающее наши слова, что только различные приемы падежнаго образованія различали два склоненія, но указатели падежные оставались одними и тѣми же, и что нѣкогда въ доископныя времена склоненіе было одно и то же для всѣхъ частей рѣчи. Но какъ **и**, **и** обнаруживаютъ свою чистую основу въ **и**: **иго**, **иѣ**, такъ и **тѣ**, **тѣ** обнаруживаютъ свое **о** въ **того**, **тоѣ** и т. д. Имѣя движеніе опредѣленнаго в., **мон**, **твон**, **скон**, **уни** все таки по образованію своему принадлежатъ къ первостепеннымъ именамъ и допускаютъ полное и какъ бы отдѣльное склоненіе мѣстоименія и только по тому, что оно при гласной не могло потерять или затемнить свой первоначальный образъ и свое движеніе, какъ въ существительныхъ. Не только сходство, но и тожество можно видѣть между **монго** и **конго**, ибо сдѣсь и осиливаетъ самое образованіе и первичному даетъ видъ и движеніе вторичнаго; а между тѣмъ **мон** стоитъ на одной ступени съ **кѣ** и **мѣшъ**. Но объ этомъ довольно. Кажется, понятно выражена мысль, что духъ языка употребилъ тройкій способъ переведенія корня или безразличной основы слова въ жизнь и движеніе; но этотъ тройкій способъ условленъ лишь временемъ и, какъ три степени, относится къ повременному развитію языка. Онъ собственно есть одинъ и тотъ же, но три раза былъ повторенъ языкомъ по мѣрѣ его развитія и забвенія значенія и мысли первоначальныхъ формъ. Сначала къ основѣ слова приданы были *as* и его совѣстникъ *jas*, въ кото-

рыхъ языковѣдѣніе признаетъ смыслъ указательнаго мѣстоименія: чрезъ это произошли существительныя, прилагательныя и мѣстоименія въ своемъ первоначальномъ видѣ, т. е., неопредѣленномъ, какъ мы называемъ его въ сравненіи съ дальнѣйшимъ преобразованиемъ ихъ: чрезъ это образовались и первоначальныя формы движенія, родительный мѣстоименій на **-ого**, **-его**, **-ою**, **-ю** и другихъ частей рѣчи на **-а**, **-я** и т. д. Потомъ, какъ бы забывъ скрытое указаніе или опредѣленіе, языкъ усилилъ нѣкоторыя мѣстоименія вторичнымъ *jas*, принявъ первое *as* за простой исходъ или за простую полугласную, которую при движеніи озвукотворилъ въ соответственную гласную **о**, или **и**, откуда **-оюго**, **-июга**, **-оюя** и т. д.: этому движенію онъ подчинилъ и первично образованныя притяжательныя отъ единственнаго ч., не могшія скрыть, какъ другія, своего **и** (*jas*): **мон** и т. д. Это и есть собственно-опредѣленный **в.**, сросшійся съ основою и двигающійся одинъ. Наконецъ и другія части рѣчи, какъ и нѣкоторыя мѣстоименія, онъ опредѣлилъ чрезъ мѣстоименіе **и**, давъ ему совмѣстное съ ними движеніе, сначала отдѣльное и независимое, потомъ стянутое и наконецъ совершенно слитое. Только по случаю стяженія и слитія мы называемъ форму опредѣленнымъ **в.**; но собственно на нее должно смотрѣть, какъ на движеніе двухъ самоотдѣльныхъ словъ, поставленныхъ въ тѣсное между собою отношеніе, опредѣляемого и опредѣляющаго или указываемаго и указующаго. Въ одномъ изъ мѣстоименій выразились всѣ три способа опредѣленія, первичный въ **къ**, **къ**, вторичный въ **кон**, **ком**, третичный въ **къи**, **къи**. Последнее не получило полнаго движенія, но уже **иъ-ции**, **къи** и пр. показываютъ, что **ъ** въ **къи** или **къи** или **къи** и **а** въ **къи** не были тѣмъ неподвижнымъ **о**, которое находимъ въ движеніи и образованіи **кон**, **ком**. Переходимъ теперь къ сложнымъ формамъ.

Сложныя формы бываютъ двоякія: въ однихъ простыя мѣстоименія сложены съ частицами, измѣняющими ихъ значеніе; въ другихъ они сложены съ опредѣляющимъ мѣстоименіемъ **и**. Сначала о первыхъ.

Эти мѣстоименія опять бываютъ двухъ родовъ: одни соединены съ частицею и при движеніи или отбрасываютъ ее, или оставляютъ при себѣ, а самыя измѣняются, какъ простыя; другія такъ плотно соединены съ производнымъ образователемъ, что вмѣстѣ съ нимъ составляютъ какъ бы одну основу съ извѣстнымъ понятіемъ и движеніемъ. Къ первымъ причисляемъ: относительное **иже**, **-е**, **иже**, **иже** и т. д. (А. NN^о 1, 3—6, 9, 11, 12, 14, 17, 19, 20; Ш. N^о VII; Мк.; С. NN^о 35, 37, 46, 51, 52, 81, 85, 89, 95, 99, 100, 103, 150, 176, 178; В. N^о 2; Ю.; С.-Д. М. 1844; З. А.; Мл.; Г. V), **иже**, **-е**, **еже**, **еже**, **е** и т. д. (Ш. N^о VII; С. NN^о 16, 37, 50, 66, 84, 90, 100, 111, 137, 138, 176; А. NN^о 3—5, 11, 13, 18, 19; Г. А.; В. N^о 2; Мл.), **аже**, **аже** и т. д. (А. NN^о 4, 18; Г. А, Б; Мл.). Это мѣстоименіе, какъ сказали мы и какъ видно изъ самыхъ памятниковъ, держится подъ вліяніемъ Ц.-Славянскаго языка; если и находимъ нѣсколько граммъ изъ Западной семьи, то сдѣсь оно допущено лишь въ богословіи. Кажется, родовое различіе уже начинало ослабѣвать въ немъ подъ рукою писцовъ: мы не разъ встрѣчаемся съ подобными сочетаніями: **ѡ бѣствѣнѣмъ дарѣ иже ми да вѣко мон хѣ** (С. N^о 176), **иже испрѣдъ сицевѣмъ любовь бѣжиамъ и сладость неизрѣиниъ сладки твои. и кто довольнѣ ие изгати таковою бѣгѣ иже даровалъ иси вѣко хѣ** (С. N^о 46), **вѣнѣмѡ проногѡиѣ на ѡпѣ ѡнодоѡлѣ да ие прѣстатель кѣли тѡи иже оу крѣдахъ** (А. N^о 10), **црѣкѣ нашѣ вѣциниъ вѣрѣ иже въ мѣстѣ рекомѣмъ архилѣвцихъ** (А. N^о 14), **кѣвию вѣунию иже ѡ прѣутѣихъ рѣрѣ истѣишо** (А. N^о 18), **ѡбители прѣутѣ вѣуѣ ише бѣе хѣлидарскимъ, иже въ стѣи горѣ** (А. N^о 17). Нѣсколько иначе объясняются:

црѣкви великославянскаго архистратига михаила ѿже въ цинноу градоу (А. № 6), кѣли тѣи стго сѣки ѿже въ карѣлѣхъ (А. № 10), црѣкви архистратига михаила ѿже въ ирѣи (С. № 35). Сдѣсь ѿже можетъ относиться къ именамъ мужескаго р.; но въ предыдущихъ случаяхъ оно указываетъ уже на смѣшеніе родовъ, слѣдовательно, ослабленіе Ц.-Славянской формы на Сербской почвѣ. Далѣе читаемъ еще: по всехвалмен же его мѣти ѿже на крѣтѣвѣи (С. № 62), кляцнѣи ѿже въ прѣстѣи твоѣи оутрѣѣ незилѣице (А. № 6), въведеніе ѿже въ стѣа стѣи (А. № 12), дровани(и) ѿже (С. № 46), сега пнслии: не потворите ѿже дровахъ (С. № 84), по его прирѣжию ѿже на крѣтѣвѣи (С. № 62). Перезвукъ жъ въ р произвелъ другую форму для средняго р.: *кѣре, ере, ере* (Ш. № VII; С. NN № 3, 11, 13, 16, 19), которая употребляется и вмѣсто союза «что». Нынѣ это мѣстоименіе не существуетъ, но осталась отъ него только частица *ер, ере, ера* съ вопросительнымъ и внословнымъ значеніемъ; въ слѣднемъ иногда въ сложномъ видѣ *ербо*. Сюда же относится мѣстоименіе ближайшаго опредѣленія *кожо* (С. № 35), въ которомъ первоначальное *кѣ*, озвукотворенное въ *ко*, соединено съ частицею, придающею ему особое значеніе, какъ и предыдущему мѣстоименію. Эта частица *жо* есть то же, что *же*, и не отбрасывается при движеніи. Ея особое служеніе при мѣстоименіяхъ, извѣщающее самое значеніе мѣстоименія, принадлежитъ Д.-Бургарскому, Чешскому и Лужицкому языкамъ. Въ прочихъ Славянскихъ нарѣчійхъ его уже нѣтъ. По этому какъ *ѿже*, такъ и *кожо* въ Д.-Сербскихъ памятникахъ указываютъ на вліяніе Ц.-Славянской стихіи. Другая частица, входящая въ образованіе мѣстоименныхъ формъ и отбрасываемая при движеніи есть *то*: ее находимъ въ соединеніи съ тѣмъ же простымъ мѣстоименіемъ *кѣ*, для одушевленныхъ предметовъ, и *ѣ*, однороднымъ съ предыдущимъ, для неодушевленныхъ. Въ Санскритѣ корень *ki* образуетъ средний родъ *kim* вмѣстѣ съ мужескимъ *kas* и женскимъ *ka*: отсюда объясняется *ѣ* въ *кѣ* и *ѣ* въ *ѣ* и претвореніе твердой гортанной въ мягкую. И такъ мы получаемъ *кѣто* и *ѣто* въ значеніи относительномъ и вопросительномъ. Хотя различіе ихъ основано теперь видимымъ образомъ болѣе на одушевленности и неодушевленности предмета, однако легко понять, что сдѣсь собственно кроется различіе родовъ, какъ въ Санскритѣ, и что эти мѣстоименія справедливо могутъ быть отнесены къ родовымъ. Сербы нѣсколько переименовали ихъ въ звуковомъ отношеніи и изъ перваго сдѣлали *тѣо*, а изъ втораго *што* или въ древней правописи *що*. Мы уже видѣли въ ученіи о звукахъ значеніе этого явленія въ общемъ движеніи книжнаго языка: повторять его сдѣсь считаемъ лишнимъ. Нынѣ *што* и *штоа*. Последняя форма съ положительнымъ значеніемъ еще не появляется въ нашихъ памятникахъ. Очевидно, *штоа*, какъ находимъ его также у Лужичанъ, Вѣлкорусовъ и Бѣлорусовъ, и *що* у Малорусовъ, есть перезвукъ изъ *что* книжнаго Русскаго или *ѣто* Д.-Булгарскаго. Но другія Славянскія нарѣчія, какъ-то: Польское, Чешское, Хорватское и Хорутанское, имѣютъ вмѣсто него, первыя два *со*, а вторыя *кај*. Эта форма образована безъ частицы *то* изъ простаго корня *ч*, возникшаго въ свою очередь изъ прадавняго *к*, принявшаго мягкую основу. Опять приходимъ къ Санскр. *kas*, *kim*. Уже въ Санскритѣ и теперь происходитъ смягченіе *к* въ *к'*, которое естественно въ Славянскомъ языкѣ обратилось въ *ч*. По законамъ Сербскаго озвукотворенія *ѣ* въ *а*, *ѣ* на Далматскихъ островахъ перешло въ *ча*. Общій у Славянъ законъ претворенія мягкой полугласной въ *е* первоначально произвелъ *че*, ср. Д.-Чеш. *се*, потомъ *чо*, какъ у Словаковъ *со*, которое, смягчившись еще болѣе, перешло въ

цо, со. Форма *kaj* есть обратное дѣйствіе отвердѣнія, ибо *ь*, перешедшее въ *а*, уже утратило свою мягкость, такъ что твердое *а* легко потребовало возлѣ себя твердую согласную, какою и явилось *к*, законный совмѣстникъ для *ч*: *ка*, ср. на пр. *kar*. Но этого было мало: значеніе или сила частицы *то* перешла въ частицу *и*, образовавъ обыкновенную форму *kaj*. Впрочемъ, при движеніи въ косвенныхъ падежахъ *к* исчезаетъ, и на его мѣстѣ является *ѡ*: Хорв. *česa*, *čemu*, *čem*, Хорут. *čga*, *čimu*, *čim*. Участь другаго мѣстоименія *кто* подвержена меньшимъ переменамъ: оно постоянно имѣетъ свой видъ, измѣняясь только черезъ перезвукъ въ *gdo* Хорв., *kdó* Хорут., *kdo* Чеш., *кто*, *кто* Поль., Рус., *что* съ женскимъ *чhta* Н.-Луж. Въ послѣднемъ, въ устной рѣчи, слышится въ муж. р. *чhta* и въ среднемъ *ca*. Но В.-Лужицкое обращаетъ его въ *što*, средн. *štó*; однако при движеніи восстанавливаетъ *к*: *koho* и т. д. Изъ этихъ двухъ мѣстоименій съ помощью отрицанія образуются мѣстоименія съ отрицательнымъ и неопредѣленнымъ значеніемъ: *никто*, *ниѣто*, *никто*, *-ѣ*, *пнтко* и т. д., или съ усиленіемъ *никтоже*, *ниѣторѣ*, *пнткорѣ* и т. д. (Ш. № VII; А. NN № 4—7, 12, 17; С. NN № 14, 23, 29, 35, 36, 38, 43, 45, 48, 49, 50, 54, 55, 66, 70, 71; 89, 113, 114, 127, 144, 153; Г. А, Б; З.; М.), *некто*, *неѣто* (С. NN № 14, 16, 27), *ниѣто*, *ниѣто*, или съ усиленіемъ *ниѣтоже*, *ниѣтоже*, *ниѣтоже* (А. NN № 1, 6, 19; С. № 21; З.; М.), *ниѣо*, *ниѣѣ*, *ниѣорѣ*, *ниѣорѣ*, или съ перезвукомъ, по свойству грамоты, *ниѣо* (С. NN № 16, 43—45, 50, 54, 69, 93, 114, 127, 128, 134, 143, 146, 147, 164, 168; З.), *ниѣта* (С. № 161). Послѣдняя форма есть нынѣшняя, образовавшаяся изъ *ниѣто* при посредствѣ предыдущей, которая нынѣ уже не употребляется, хотя простая *што* преобладаетъ надъ *шта*. Усиленное *ниѣорѣ*, или съ перезвукомъ *ниѣорѣ* (С. NN № 3, 9, 18, 83). И такъ *шта* вм. *што* начало показываться еще въ XIII-мъ в., что весьма замѣчательно въ отношеніи дѣйствія народности. *ниѣто*, *ниѣто*, *ниѣто* (Ш. № VII.; С. № 20; М.). Ко вторымъ, имѣющимъ образовательное окончаніе, подверженное движенію, относятся мѣстоименія ближайшаго опредѣленія: *тѣкъ* (такой, С. NN № 4, 15), *тѣкѣрѣ* съ усиливающей частицею (С. № 62); для средняго р. *нѣтъ* примѣровъ. Оно образовано изъ указательнаго *тъ* (*тъ*) и частицы *къ* (*къ*), служащей въ прилагательныхъ и нарѣчійхъ къ обозначенію преимущественно качества и сродной съ подобнымъ ему мѣстоименіемъ. *вѣскъ*, *вѣскъ*, *вѣскъ* (С. NN № 86, 91, 101, 102, 111, 137, 176; З.), *вѣско*, *вѣско* и т. д., *сѣско* (С. NN № 16, 24, 35, 37, 41, 47, 49, 51, 69, 76, 81, 83, 85 и пр.; А. NN № 4, 7, 10, 14, 20; Г. А, V; З.; С.-Д. М. 1844), *сѣска* (М.), составленное изъ *къ* и той же частицы. Отъ первоначальнаго *ка* съ тою же частицею составлено жен. р. *кѣка* (С. № 11), откуда существительныя *качество*, *качество* и т. п. Замѣтимъ, что какъ скоро окончаніе образовательное дается не къ прилагательному, а къ мѣстоименію, то оно тотчасъ же получаетъ и мѣстоименное движеніе: *вѣскаго*, *какою* и т. д. Сдѣсь *-къ* не есть мѣстоименіе *къ*, хотя оно и однородно съ нимъ, но сдѣсь оно собственно есть уже простой образователь, который въ прилагательныхъ совершаетъ и приличное имъ движеніе, по образцу существительнаго, на пр., род. п. *далека*, *высока*. Этою двойственностію движенія объясняется и движеніе мѣстоименія и въ соединеніи съ мѣстоименіемъ и другою частию рѣчи, о чемъ мы говорили выше, на пр., въ *монго*, *всѣго* и *мѣжа*, *кѣназа*. И сдѣсь дѣйствуетъ коренное различіе существительнаго и мѣстоименнаго движенія, заключающееся въ творческой дѣятельности языка, хотя образователь есть собственно одинъ и тотъ же: *as*, *jas*—н—ъ, *-ъ*.

Но есть мѣстоименія, производныя отъ первыхъ, слѣдующія въ неопредѣленномъ в. смѣшанному склоненію, въ однихъ падежахъ существительному, въ другихъ мѣстоименному, хотя первоначально, вѣроятно, слѣдовали одному первому. Эти мѣстоименія въ нашихъ памятникахъ суть: притяжательныя: **тоговъ** (З.), **еговъ**, **неговъ**, **нѣговъ**, **неговъ**, **нѣго** (С. NN^o 16, 26, 99, 104, 133, 141, 147, 158, 164), **нгоко**, **нгоко**, **нгоко**, **нгоко** (А. NN^o 6, 9; С. NN^o 70, 77, 133), **егола**, **нгола**, **нгола**, **негола** (С. NN^o 73, 91, 111, 130, 137). У Д.-Булгарь есть только **нговъ**, -о, -а; но югозападные Славяне образуютъ, кромѣ *негов*, *njehov*, еще и отъ женскаго р.: *неин*, *njen*, и отъ 3-го л. мн. ч.: *ниов*, *njihov*. Хорутане сверхъ сего имѣютъ *čigán* отъ *káj*. Ближайшаго опредѣленія: **никаковъ** (С. N° 88), **таково** (С. NN^o 93, 96, 98), **такова** (А. NN^o 4, 5; З.; С. N° 93), **сицево** (С. N° 51), **только** (С. NN^o 96, 98, 126, 132, 176; Ю.), **толкла** (С. NN^o 96, 98, 107, 132, 144), **ѣлко**, **ѣлко** и т. д. (А. NN^o 4, 9, 11; В. N° 2; С. NN^o 113, 176), **ѣлка** (А. N° 11), **колько** (А. N° 4; С. NN^o 98, 115, 126, 132, 150), **онолко** (С. NN^o 98, 150), **вско-
линь** (С. N° 164), **всколотно** (А. N° 1). Присоединимъ сюда встрѣчающіяся въ другихъ падежахъ: **сиковъ**, **ошакъ** и **нѣкль**.

О вторыхъ. Принимая опредѣленный в., подобно прилагательнымъ, мѣстоименія, первообразныя и производныя, слѣдуютъ обыкновенному въ такомъ случаѣ мѣстоименному движенію, т. е., собственно существительному съ придачею движенія опредѣляющаго мѣстоименія и: въ нихъ отъ времени совершается такое же стяженіе, а потомъ слитіе и перезвукъ слитой гласной. При придачѣ мѣстоименія и въ Д.-Булгарскомъ языкѣ въ именительномъ п. ед. ч. муж. р. происходитъ явленіе, повторяющееся только въ Н.-Булгарскомъ, именно протяженіе конечной долгой гласной: послѣдовательность требовала бы **-ѣи**, **-ѣи**, какъ и дѣйствительно находимъ въ древнѣйшихъ памятникахъ, **-ѣи**, **-ѣи**, **-ѣи**, **-ѣи**, откуда прямо произошло **-ѣи**, **-ѣи**, какъ у другихъ Славянъ: **-ѣи**, **-ѣи**, **-ѣи**, **-ѣи**, или чрезъ озвукотвореніе ѣ въ о, ѣ въ е у Русскихъ: **-ѣи**, **-ѣи**. Но съ теченіемъ времени даже въ самыхъ древнихъ памятникахъ водворилось вытянутое **-ѣи**, **-ѣи**, въ которомъ или ѣ и ѣ усилились въ **ѣи**, **ѣи**, или просто произошло протяженіе голоса, либо же наконецъ двойное опредѣленіе при забвеніи разъ уже совершившагося. Какъ бы то ни было, подобныя формы въ нашихъ памятникахъ указываютъ на сильное присутствіе Ц.-Славянской стихіи тамъ, гдѣ онѣ находятся. Разумное и первичное образованіе опредѣленнаго в. находимъ въ формѣ **ѣви**, **-ѣи** (А. N° 11; Г. Б), откуда стянуто: **ѣви**, **ѣви** (С. NN^o 74, 87, 108, 109, 112, 115, 119, 121, 126, 132, 134, 144, 148, 161, 163, 164), **ѣви** (С. NN^o 107, 161), или чрезъ озвукотвореніе ѣ: **ѣви** (С. NN^o 127, 168), **ѣви** (С. NN^o 135, 142, 150, 173), какъ и нынѣ **ѣви**, **ѣви**. Но въ Восточныхъ гр.-хъ находимъ и Ц.-Славянскую форму: **ѣви**, **ѣви** (С. NN^o 91, 137), **ѣви** (А. N° 20) — но въ другихъ опять народная: **ѣви**, **ѣви** (Ш. N° VII; С. NN^o 16, 19, 43, 44, 63, 67, 72, 78, 80, 113, 114, 126, 142, 143, 163; А. N° 14; З.; З. А.), хотя опять значки въ **ѣви**, **ѣви**, **ѣви** (А. N° 17; Мл.) составляютъ намекъ на вытяженіе **ѣи** въ Восточныхъ гр.-хъ. Однажды находимъ озвукотворенную конечную гласную, какъ въ Русскомъ: **ѣви** (С. N° 157); но здѣсь видно желаніе писца образовать **-ѣи** на подобіе мѣстоименія **кон**. **ѣви**, **-ѣи** (А. N° 12; С. NN^o 89, 100, 107, 150) — опять трудно рѣшить, обыкновенный ли это опредѣленный в., отвѣчающій женскому **ѣви** (З.; С. N° 146), или только мѣстоименное образованіе, ибо **кон** и **ѣви**, **кон** и **ѣви** будутъ имѣть для средняго р. одинаковую форму

ном. *таньци*, вѣроятно, *таньми* изъ *тань* и *ми*, или просто *саѣсь* удвоено и в.м. *тань* (С. № 17), *таньми*, *таньми* (Ш. № VII; С. NN № 35, 40, 47, 66, 70, 142; А. № 17), или въ Ц.-Славянской формѣ *таньми*, *-ми*, *-ни*, *таньми*, *таньми* (А. № 6; Мк.; С. NN № 37, 51, 52, 175, 176; Мл.), *таньми* (А. № 4), *таньми* (С. NN № 87, 109, 118, 121, 130), *таньми* (А. № 17). Относительное, имѣющее всегда опредѣленный в. и въ прочихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, *котори* (Ш. № VII), или съ отрицаніемъ *никотори* (А. № 1), *каторо* (А. № 1), Рус. *который* (соб. *-ой*), Хорв. *koteri*, Хорут. *katéri*, Пол. *który*, Чеш. *kerýž*, Луж. *kotry*. Это одно изъ древнѣйшихъ образованій съ помощію частицы *тор*, Санскр. *tara*, Греч. *τερο*, употребляемой для сравнительной степени. У Славянъ она сохранилась только въ *вторымъ* и подобныхъ числительныхъ формахъ, на пр., *пятеро*, *шестеро*, *въ седмеромъ*, *десятерица*, и еще въ Д.-Булг. *итерьъ*. Безъ сомнѣнія, *вторымъ*, Санскр. *katara* ограничивалось первоначально вопросительнымъ значеніемъ, а *итерьъ*, Санскр. *jatara*, положительнымъ; но потомъ первое перешло въ относительно-вопросительное, а второе въ неопредѣленное «нѣкто», «нѣкакой». Признакъ сѣверозападнаго образованія на перезвукованное *сп* или *jep*, тщательно избѣгаемаго югозападнымъ и восточнымъ говоромъ, мы находимъ однако въ формѣ *омошми* (С. № 16), подобно Чешскому *опеш*, *оппо*, *оппа*, и въ родительномъ ед. жен. р. *опше* (С. № 132), ср. Чеш. *опешо*. Но вступленіе въ движеніе этого *ш* показываетъ, что такое образованіе было чуждо Сербовъ. Теперь существуетъ у Сербовъ частица *но* съ такимъ же значеніемъ, какое вообще получилъ опредѣленный в. въ соединеніи съ *и*, *и* у восточныхъ, или *н* у западныхъ Славянъ, что заставляетъ видѣть *саѣсь* остатокъ этого мѣстоименія. Она придается къ среднему р., употребленному въ значеніи нарѣчія, на пр., *каконо*.

Окинувъ общимъ взглядомъ весь кругъ Д.-Сербскихъ мѣстоименій, мы замѣчаемъ обиліе ихъ сравнительно съ другими современными намъ нарѣчіями и самимъ Сербскимъ. Это происходитъ, безъ сомнѣнія, отъ близкой дружбы съ Д.-Булгарскимъ языкомъ и вообще отъ ранняго времени, когда языкъ живѣе создавалъ первоначальную потребность внѣшняго опредѣленія чрезъ указаніе, въ наружной разнообразіи формъ, и отъ которой послѣ перешелъ къ мысленному представленію чрезъ внутреннее измѣненіе значенія формы. Отъ того мѣстоименія указательныя и ближайшаго опредѣленія наиболѣе богаты разнообразными формами. Но уже въ нашихъ глазахъ совершается забвеніе и отчужденіе нѣкоторыхъ формъ. Такъ *ми*, *ношо*, *катори*, *зани*, *сицьки*, *вськи* никакъ не могутъ освободиться изподъ Ц.-Славянскаго вліянія и перейти въ народность; сейчасъ видно, что они уже чужды были Сербамъ. Такъ *си*, *сми* долго держалось между Сербамъ, но въ XV-мъ в. подверглось участи предшествующихъ. Другаго рода богатство Д.-Сербскаго книжнаго языка, тоже развившееся въ немъ подъ вліяніемъ времени и Д.-Булгарскаго языка, состоитъ въ двойственности вида для большей части мѣстоименій. Языкъ шелъ къ забвенію разумности первичнаго образованія и къ вторичному повторенію того же образованія. Собственно-опредѣленный в. произошелъ тогда, когда первичный видъ, который мы называемъ неопредѣленнымъ только сравнительно съ вторично образованнымъ, забылъ свое опредѣляющее свойство въ *as*, *jas*, и языкъ потребовалъ новаго опредѣленія чрезъ повтореніе того же *jas*=и. При этомъ языкъ дѣйствовалъ все такъ же, какъ дѣйствовалъ первоначально при словообразованіи. Но одновременные два вида представляли уже въ себѣ мысленное различіе, и пока языкъ снова не забылъ свойства собственно-опредѣленнаго

в. в. не забывалъ имъ въ большей части случаевъ неопредѣленнаго, оба отъ правды въ нѣкоторой степени разунное служеніе. Это было когда-то въ Д.-Булгарскомъ языкѣ. Стремленіе мысли къ большей опредѣлительности и обособленію предмета въ его единичности требовало точнѣйшаго или сильнѣйшаго указанія. Славянскія нарѣчія усилалъ у себя опредѣленный в. въ святой формѣ изъ двойнаго движенія двухъ частей рѣчи, изъ коихъ одна была нѣстоименіе и; но, усиливая его, вмѣстѣ съ тѣмъ забывали его отлчіе отъ неопредѣленнаго и ослабляли послѣдній. Смѣшеніе обомъ видовъ уже началось въ Д.-Булгарскомъ и повело въ другихъ къ господству опредѣленнаго, хотя, болшею частію, съ забвеніемъ его настоящаго значенія. Въ этомъ усиленіи одного на счетъ другаго и переходѣ отъ правдыяго исключительнаго господства неопредѣленнаго в. къ почти исключительному господству опредѣленнаго выразилось повременное движеніе Славянскаго языка. Сдѣсь не мѣсто проводить сравненіе всѣхъ мѣстоименій по всѣмъ Славянскимъ нарѣчіямъ: скажу вообще, что въ нихъ теперь наиболѣе развитъ опредѣленный в. Неопредѣленный сохранился въ Лужицкомъ только въ *wón, sam*, въ Польскомъ въ *ón, óv, sam*, въ Чешскомъ въ *sam* и *wšecek*; но въ Лужицкомъ и Чешскомъ есть и *samy, -ý*. Въ прочихъ нѣсколько болѣе. Русскій языкъ къ *самъ* и *тошъ* прибавляетъ исходящія на *-къ* и *-овъ*. Это послѣднее образованіе сохранялось и на югозападѣ: у Хорутанъ *kákov*, у Хорватовъ *kakov, takov*, у Сербовъ *какав, такав, онакав, овакав*. Но какъ Русскіе имѣютъ и *самый*, и *-кій, -ый*, такъ и Сербы изводятъ свой на *-и*. Кромѣ того у Хорутанъ есть *ón*, у Хорватовъ *on, ov*, у Н.-Булгаръ *самъ*. Д.-Булгарскій языкъ, какъ представлялъ древнѣйшаго состоянія Славянскаго языка, замѣтно отдѣляется отъ нихъ богатствомъ своихъ формъ и двойственностію видовъ. Еще свободное употребленіе неопредѣленнаго в., которому слѣдовалъ и Д.-Сербскій, дозволяло ставить этотъ видъ тамъ, гдѣ сила мысли падала преимущественно на мѣстоименіе, какъ на ближайшее опредѣленіе предмета, или на замѣну его. Тамъ на пр. Д.-Сербское выраженіе *нишъ кто любо* Русскій уже переводитъ чрезъ *иной кто нибудь*, какъ и Полякъ чрезъ *inzy ktobądź*; или въ выраженіи *ли ли приде тамъ тѣмъ* (С. № 4, ср. С. № 15) другіе Славяне замѣняютъ тамъ уже чрезъ *такой, taki*. Но, сходясь въ обширности двойственности вида съ Д.-Булгарскимъ, Д.-Сербскій языкъ образовывалъ его въ именительномъ и муж. р. по своему и согласно съ прочими Славянскими нарѣчіями изводитъ, на *-а, (м, и)*. Припомнимъ количество исходящихъ на *-и* и исходящихъ на *-ии, -ьи*: мы сейчасъ видимъ, что первыхъ гораздо болѣе, чѣмъ послѣднихъ. Первые относятся ко вторымъ, какъ 8: 1. При томъ мѣстоименованіе вторыхъ есть почва по преимуществу Ц.-Славянская, наименѣе народная, и тамъ зародилась выказалась сдѣсь открыто и успѣшно. Весь XV-й в. и конецъ XIV-го исполнены народной формы, которая видимо успѣваетъ, тогда какъ Ц.-Славянская остается безъ приращенія, какъ неподвижный задогъ преданности книжниковъ къ начально-образовательной стихіи. Что до среднего и женскаго р., то Д.-Булгарскій имѣетъ разунно образованныя *-ом, -ем, -амъ, -ямъ*, которыя Д.-Сербскій языкъ удерживаетъ тамъ же, гдѣ и форму муж. р. на *-ии*, и которыя доселѣ сохранились въ Русскомъ и Н.-Булгарскомъ; но прочія Славянскія нарѣчія обратили ихъ въ *-о, -е, -а*. Сдѣсь не другое что видно, какъ дѣйствіе дальнѣйшаго движенія Славянскаго языка, стремившагося къ упрощенію формъ чрезъ стяженіе. Какъ за мужскимъ р. благозвучіе условило преимущественно опредѣленный и вмѣстѣ гласный исходъ, такъ для этихъ двухъ родовъ оно же допустило сти-

женіе, довольствуясь одною гласною. Самое время и сила употребленія въ быстрой рѣчи привели этотъ видъ къ стяженію. Но, безъ сомнѣнія, первоначально стянутыя формы отличались отъ простыхъ длиннотою звука, а потомъ и это различіе пропало. Повтореніе *a* въ Д.-Сербскомъ языкѣ намекаетъ на эту длину. Ее подозреваютъ и нынѣ Сербскіе и Чешскіе ученые, ставя надъ *o*, *e* и *a* значекъ, первыя ^o, вторыя ^o, выражающій сгущеніе голоса. Но едва ли это не есть одна лишь теорія, ибо въ живой рѣчи народъ не соблюдаетъ ни долготы, ни краткости. Но что въ старину была полная форма, то это доказываетъ Д.-Чешская письменность многими своими формами, на пр., *moja* и рядомъ съ нею *má*, *ke kteréj wěře, w každěsi tesknosti* и пр. Сербскій языкъ изстари стягивалъ формы. По этому все тѣ формы, которыя въ нашихъ памятникахъ имѣютъ полный опредѣленный видъ, свидѣлствуютъ о вліяніи Ц.-Славянскаго языка, и ихъ относительное количество опредѣляетъ мѣру этого вліянія. Она будетъ такая же, какъ и въ мужескомъ р. Но объ именительномъ п. ед. ч. пока довольно. Сказаннаго достаточно будетъ для уразумѣнія формъ другихъ падежей относительно вида, въ которомъ онѣ встрѣчаются. Переходимъ къ дальнѣйшему движенію и прежде всего замѣтимъ, что ему подчиняется и числительное *ѣдинь*, имѣющее въ понятіи своемъ близкое родство съ *инь*. Оно въ нашихъ памятникахъ встрѣчается или въ формѣ *ѣдинь*, *ѣди* и т. д. (А. NN^o 6, 20; С. NN^o 37, 39, 176, 178; Ш. N° 14; 3.), по свойству грамотъ, очевидно, въ Ц.-Славянской формѣ, или какъ *ѣднь*, *ѣднъ*, *ѣднъ* и т. д. (А. N° 1; Ш. N° VII; С. NN^o 18, 58, 73, 91, 111, 137; Мл.)—формѣ, ближайшей къ народной, какъ видно уже по грамотамъ, и наконецъ какъ *ѣ- ѣ- ѣ- ѣдинь* (С. NN^o 61, 79, 96, 98, 107, 115, 118, 121, 126, 128, 132, 133, 142, 157, 158). Къ нему часто присоединяется отрицаніе *ни*, сливающееся въ *ниѣ- ѣднъ*, *ѣднъ* (С. NN^o 106, 108, 109, 112, 157). Предлоги *за* и *по*, встрѣчающіеся въ другихъ падежахъ, поставляются между *ни* и числительнымъ, на пр., *ни за ѣднъ* или *взрокъ* (С. N° 98), либо впереди, на пр.: *за ѣднъ*, *за ѣднъ взрокъ* (С. N° 96, ср. С. NN^o 106, 107, 108, 109, 121): разница въ отбѣнкѣ отрицанія. Или съ двойнымъ отрицаніемъ: *ни за ѣднъ* *взрокъ* (С. N° 115, ср. С. N° 132). Замѣчательно употребленіе съдѣсь предлога *по* съ винительнымъ п., тогда какъ въ этомъ значеніи онъ постоянно соглашается съ дательнымъ по-ц.-славянски, или наиболѣе съ мѣстнымъ по-сербски: *по ѣднъ*, *по ѣднъ ѣднъ* (С. NN^o 137, 157). *ѣдино* (3.), *ѣдно*, *-ѣ*, *ѣдно* и т. д. (С. NN^o 58, 89, 104, 107, 112, 114, 115, 142, 150; А. N° 6; 3.), *ѣдно*, *ѣдно* (С. NN^o 108, 112), *ни за ѣдно* (С. N° 150), *за ѣдно*, *-ѣ* (С. NN^o 104, 107), *ни за ѣдно* (С. N° 108, ср. С. NN^o 112, 115). *ѣ-ѣ-ѣ-ѣдина* (С. NN^o 43, 65, 94, 130, 144, 173), *ѣднъ* (С. N° 88), *ѣднъ* (С. N° 164). И такъ мы видимъ, что форма этого слова отъ *ѣдинъ* дошла чрезъ *ѣднъ* до народной *ѣднъ*; что съдѣсь было ослабленіе и въ *ѣ*: нынѣ *ѣдан*, *ѣдно*, *ѣдна*. Въ Русскомъ, Н.-Булгарскомъ и В.-Лужичкомъ еще сохранилось *и*, но въ прочихъ нарѣчійхъ оно перешло въ *е*: *ѣдинъ*, *ѣдинъ*, *ѣдынъ*; *ja- je- geden*.

Винительный п. ед. ч. жен. р. образуется на носовой звукъ, какъ и въ существительныхъ, переходящій у Сербовъ въ *-ѣ*, *-ю*: *тоѣ*, *тѣ*, *тоѣ* (С. NN^o 32, 33, 37, 43, 49, 55, 89, 94, 97, 99, 107, 135, 142, 144, 176; А. NN^o 6, 7, 9; Мл.; Г. А.; 3.), *сно*, *-ѣ*, *сно* (А. И.; Ш. N° VII; С. NN^o 22, 25, 29, 36, 40, 47, 48, 55, 62, 66, 72, 84; А. NN^o 12, 14, 15), откуда стянутое *сно* (С. N° 89). Замѣтимъ, какъ съ началомъ XV-го в. Сербы вдругъ перестаютъ употреблять это мѣстоименіе: то же мы видимъ прежде; увидимъ и послѣ. Съдѣсь

ходилъ, выособляясь изъ общеславянскаго говора. Укажу, для примѣра, на озвукотвореніе ѣ въ я и д, обращеніе л въ о, на твор. ед. жен. -ошь и -ошь, или на 1-е л. ед. настоящ. вр. -ѣ, -ю и -мь и т. д. Народный языкъ, какъ начало живое, не могъ не двигаться вслѣдъ за общеславянскимъ движеніемъ, и вотъ по чему въ XII-мъ и XIII-мъ вв. памятники показались намъ однообразнѣе и сходнѣе между собою, чѣмъ въ послѣдующихъ вѣкахъ. Съ одной стороны, писцы бережнѣе обращались съ Ц.-Славянскою стихією и менѣе противорѣчили ей, съ другой, языкъ не такъ еще далеко отошелъ отъ общеславянскихъ свойствъ и признаковъ. XIV-й в. представилъ самое большое разногласіе между стихіями: способствуемая различными обстоятельствами, Ц.-Славянская стихія сильно вошла въ книжный языкъ восточной Сербіи и не только наполнила собою церковно-дартственные грамоты, но проникла и въ прочія грамоты православныхъ королей и царей Сербскихъ. Однако противодѣйствіе ей уже возникало по мѣрѣ ослабленія восточной Сербіи въ слѣдствіе государственныхъ переворотовъ и усиленія Босны съ ея областями, Хлумомъ и Травуниєю. Еще Зетскія грамоты старались поддержать языкъ восточной Сербіи, но и онѣ вскорѣ прекратились, когда настала минута рѣшительной борьбы за независимость. Первенство въ XV-мъ в. берутъ грамоты Западной Сербіи, и имъ-то принадлежитъ честь быстрого подвинутія впередъ народнаго начала въ книжномъ языкѣ. Еще нѣсколько поостоятъ королевскія Боснійскія грамоты, за то Хлумскія и Травунскія съ Дубровницкими смѣло вводятъ народныя звуки и формы. Въ самыхъ грамотахъ восточной Сербіи, даже монастырскихъ, обнаружилось въ этомъ вѣкѣ усиливающееся вліяніе народности. Если возьмемъ всѣ памятники въ ихъ совокупности, равно припомнимъ всѣ явленія звукодвиженія и словодвиженія въ ихъ преемственности, то увидимъ, что къ концу XV-го в. древнекнижный языкъ Сербовъ почти установился въ своихъ звукахъ и формахъ: это не значитъ еще, чтобы онъ явился вполне народнымъ, но значитъ то, что, вступая въ XII-мъ в. на правильный путь самобытнаго развитія, онъ постоянно слѣдовалъ за народнымъ началомъ, вмѣщая его въ себя съ возрастающимъ успѣхомъ. Не исключительное господство, но преобладаніе народности, но надежнѣйшіе залогомъ лучшаго будущаго представляетъ намъ Д.-Сербскій книжный языкъ съ конца XII-го до конца XV-го в. Совершенно безысключительности въ пользу народнаго начала не могло быть, ибо языкъ только слагался, выработывался, укрѣплялся. Въ немъ Ц.-Славянская стихія пребывала еще постоянно въ извѣстной степени; но степень эта значительно измѣнялась, смотря по содержанію и мѣсту написанія памятника. Вообще она ослабла къ концу XV-го в. и составляла столь незначительное меньшинство, что не могла уже заградить собою всѣхъ блестящихъ проявленій народности. Въ творчествѣ языка уже совершился переломъ: несвойственные привносы чуждой стихіи сдѣлались рѣзче, замѣтнѣе, стали болѣе выдѣляться изъ общаго состава языка; согласные съ духомъ и родственные признаки окончательны вошли въ языкъ и слились съ тѣмъ, что своего собственного доставила народность: языкъ сталъ ровнѣе, глаже, вѣрнѣе туземному говору; онъ, такъ сказать, онароднился. Честь его поступательнаго движенія окончательно утвердилась за грамотами западной Сербіи. Еще оставалось ему сдѣлать послѣдній рѣшительный шагъ, чтобы совершенно принять на себя приличный народный образъ: но здѣсь засталъ его конецъ XV-го в., а съ нимъ и рѣшительный переворотъ въ жизни и судьбахъ Сербскаго народа. Независимость государственная пала; съ нею прекратилось и самостоятель-

ное развитіе книжнаго языка. Когда ярмо порабощенія давитъ народность и приводитъ ее къ samozабвенію, тогда и языкъ упадаетъ и не только останавливается на пути саморазвитія, но идетъ назадъ и переходитъ къ безобразію.

Восточная Сербія пала еще въ концѣ XIV-го в., но оставшаяся за нею тѣнь самостоятельности продолжалась до конца XV-го в. Въ это время вліяніе Турціи было почти исключительно внѣшнимъ, правительственнымъ, и языкъ, какъ самая упругая и живучая сторона народа, всего менѣе могъ подчиниться дѣйствию другаго, совершенно посторонняго ему языка. Сверхъ того сама Порта, щадя народность и Вѣру покореннаго народа, не пренебрегала его языкомъ и писала на немъ свои грамоты, когда было нужно. Чрезъ это входили въ книжный языкъ только отдѣльныя Турецкія слова, но сущность языка, его внутренній составъ, его звуковыя особенности оставались неприкосновенными: даже Турецкія слова дѣяки старались облечь въ Сербскую одежду. Замѣтно, какъ Порта принаравливается языкомъ къ тѣмъ, къ кому пишетъ: въ грамотахъ Дубровнику болѣе Сербскаго, въ грамотахъ православному монастырямъ болѣе Ц.-Славянскаго. Кромѣ того Босна, сохранявшая до конца XV-го в. свою независимость, служила убѣжищемъ Сербской письменности. Слѣдствіемъ всего этого было то, что послѣ Косовской битвы хотя собственно Сербскія грамоты значительно уменьшились числомъ, но за то Боснійскія, умножившіяся въ слѣдствіе самостоятельности Босны, далѣе повели письменность и развивали народное слово. Но какъ тѣ, такъ и другія вдругъ, какъ бы маговіемъ волшебнаго жезла, исчезаютъ съ поля письменности въ самомъ началѣ XVI-го в. Причиною тому смерть двухъ владѣтельныхъ лицъ, Юрія Бранковича и Стефана Томашевича, разсѣяніе ихъ родичей, ослабленіе боярскихъ домовъ, упадокъ рода Косачичей Хлумскихъ и послѣдовавшее за тѣмъ полное покореніе всей Сербіи. Дубровнику не съ кѣмъ уже было сношаться, и его слово, обращенное въ эту сторону, замолкло навсегда. Конецъ XV-го в., ознаменованный государственнымъ паденіемъ Сербіи, ознаменовался и упадкомъ письменности, а вмѣстѣ и книжнаго языка. Грамоты, которыя своимъ духомъ, содержаніемъ и языкомъ такъ вѣрно отвѣчали странѣ и народу и по тому распадалась естественнымъ образомъ на двѣ главныя семьи, Восточную и Западную, прекратились тамъ и тутъ. Языкъ, не совершивъ вполнѣ начатаго дѣла самопреобразованія, остановился на полупути, на той самой точкѣ, когда народность, взявши верхъ, повела языкъ прямою дорогою къ тому состоянію, въ которомъ онъ явился только уже гораздо позднѣе.

Движеніе это было прервано Турціею на три вѣка: произошелъ неблагоприятный переворотъ; правильность хода была нарушена, совершенствованіе забыто, и языкъ впалъ въ ту косность, которая могла породить лишь безобразную и нелѣпую смѣсь формъ и звуковъ, какую находимъ во все продолженіе XVI, XVII и XVIII вѣковъ. Дѣло народное кончилось. Началось отуреченіе. Языкъ сталъ воспринимать въ себя многія Турецкія слова и удалился къ обыденной жизни, ибо государственная жизнь покореннаго народа доставляла мало пищи для письменности. Духовная іерархія наполнилась Греками, которые скорѣе могли знать Ц.-Славянскій языкъ, чѣмъ Сербскій; на мѣстѣ мірскихъ грамотъ явились духовныя посланія. Исключительное пребываніе книжнаго языка въ рукахъ духовенства и преимущественно вѣроисповѣданное настроеніе духа, бывшее содержаніемъ Среднесербской письменности, доставили преобладаніе Ц.-Славянской стихіи. Народъ, главною опорою своею почитавшій Вѣру, поддерживалъ и привязанность свою къ языку этой Вѣры. Еще лучше всѣхъ писали въ

это время патриархи Сербские, а грамоты их, хотя наволенныя Ц.-Славянскою стихією, читаются легко и не представляют въ языкѣ своемъ безобразнаго смѣшенія. Но примѣръ заразителенъ: стоило однажды потрасти зданіе, созданное вѣками, чтобы части его распались. Грамотѣи, не понимавшіе постепенности самобытаго развитія и примиренія формъ, не заставшіе уже общенароднаго правильнаго движенія, захотѣли возстановить книжный языкъ, отдавъ преимущество Ц.-Славянской стихіи, и произвели какую-то неволеитную смѣсь звуковъ и формъ, запечатленную несвоеобразностію и остававшуюся безъ движенія въ продолженія трехъ вѣковъ. Въ первые четыре вѣка, начиная съ XII-го, языкъ сдѣлалъ огромные успѣхи; въ три послѣдніе вѣка онъ не только оставался безъ развитія, но и отодвинулся назадъ. Между грамотными людьми встрѣчаемъ Бранковича, Рача и безименныхъ лѣтописцевъ, языкъ которыхъ далеко не народный; приемы ихъ не показываютъ даже возможности когда либо улучшить этотъ языкъ. Причина та, что вѣковое зданіе, построенное самообразно и постепенно при участіи всего народа, пало; на его развалинахъ, изъ обломковъ старинны и съ примѣсью новизны, создають языкъ отдѣльныя личности, начетчики, люди, по тогдашнему, образованные. А извѣстно, что все образованіе того времени, за недостаткомъ другихъ средствъ, оцутительныхъ даже и понимѣ, состояло въ тѣсномъ знакомствѣ съ Ц.-Славянскою письменностію, которая въ ту пору уже утратила первоначальную чистоту своего языка. Такое состояніе Сербскаго книжнаго языка, зависѣвшее волюнъ отъ личнаго произвола, не могло привести къ чему либо полезному, когда произволъ этотъ имѣлъ ложное направленіе. Оно продолжалось до послѣдней четверти XVIII вѣка.

Между тѣмъ, послѣ паденія Сербіи, все, что еще оставалось независимаго, скрывалось въ Дубровникѣ; здѣсь XVI-й и половина XVII-го в. ознаменовались творчествомъ чисто народнаго слова. На мѣстѣ дѣлковъ явились стихотворцы. Сербскій языкъ процвѣталъ, становясь все чище и лучше. Одни Дубровницкіе стихотворцы не могли бы до такой степени усовершенствовать языкъ: совершенствованіе готовилось вѣками. Успѣхи его мы сейчасъ видѣли въ памятникахъ, писанныхъ Кирилицею; если присоединимъ сюда письменность Глагольскую и ту, которой служила Латинскія буквы, то получимъ весь предварительный запасъ народныхъ памятниковъ, усовершенствованныхъ и приготовившихъ Сербскій языкъ до высokaго служенія поэтическому творчеству. Но страшное землетрясеніе 1661 года и неблагопріятныя государственныя событія прекратили и эту отрасль Сербскаго слова. Къ концу XVII-го и въ продолженіе большей части XVIII-го в. обнаруживается застой на всемъ пространствѣ Сербскаго говора. Нѣкоторыя немногія и блѣдныя личности не нарушаютъ тишины застою. Правда, Бранковичъ и за нимъ Рачъ ищутъ свою Исторію, но трудъ ихъ является бесполезнымъ для совершенствованія языка. Нуженъ рѣшительный переворотъ, нужны новыя, свѣжія силы, нужно живое народное начало.

И вотъ въ концѣ XVIII-го в., въ восточной Сербіи, народность пробуждается всѣми своими многосторонними силами. Современныя Европейскія событія и угнетенія Турецкой власти порождаютъ въ Сербяхъ мысль независимости. Въ живой части Сербскаго народа, тамъ, гдѣ еще таилась жизненная сила, въ простомъ народѣ, встають личности, которыя своею тѣсною связью съ народнымъ началомъ, своими кровавыми усиліями успѣваютъ возстановить государственную независимость и поддержать существенную основу народности, Віру-

Въ то же время поднимается и языкъ. Труды историковъ привели свою пользу въ дѣлѣ сознанія народности, напоминая народу его лучшее былое. Открылась необходимость не искусственнаго языка, годнаго для отвлеченныхъ занятій отдѣльныхъ личностей, но такого, который могъ бы удовлетворить всѣмъ разнообразнымъ потребностямъ всего возраждающагося народа. И первый, сознавшій эту необходимость, былъ Досвеей Обрадовичъ. Одаренный свѣтлымъ умомъ, проникнутый сочувствіемъ къ народному слову, какъ выраженію народной мысли, сознавшій всю важность народнаго пробужденія, Обрадовичъ посвятилъ цѣлую свою жизнь служенію духовнымъ силамъ своего народа. Онъ не щадилъ трудовъ, учился, странствовалъ, и былъ учителемъ, наставникомъ и первымъ новымъ поэтомъ Сербовъ. Избирая для нихъ, какъ для дитяти, такіе предметы чтенія, которые могли бы удобнѣе всего развить первый зародившійся умственнаго движенія, знакомя ихъ съ успѣхами просвѣщенія и употребляя свою житейскую опытность для укрѣпленія въ нихъ доброй нравственности, онъ содержаніемъ и цѣлью своей письменной дѣятельности невольно наведенъ былъ на мысль созданія лучшаго книжнаго языка. Силою рукою разрушилъ онъ бессмысленное твореніе своихъ предшественниковъ и, отрѣшась отъ личнаго произвола, ввелъ въ письменность четкій, свѣжій и живой народный языкъ, присущій всему народу. Это великое дѣло, начатое на межѣ двухъ вѣковъ, сдѣлалось въ текущемъ вѣкѣ однимъ изъ главнѣйшихъ общественныхъ вопросовъ, вопросомъ жизни и народности; оно пустило уже глубокіе корни, благодаря дѣятельности многихъ поборниковъ народнаго слова и достойныхъ преемниковъ Обрадовича. Два современника, Георгій Черный и Обрадовичъ, на двухъ различныхъ поприщахъ, независимо другъ отъ друга, одинъ мечетъ, другой словомъ, трудились надъ воссозданіемъ полноты, цѣльности и самостоятельности народной жизни: одинъ вносилъ въ народное дѣло прочность государственнаго начала и внѣшнюю независимость, другой пробуждалъ нравственныя силы и ихъ выраженіе—слово. Какъ въ старину, при полнотѣ самобытнаго развитія народной жизни, и слово развивалось самобытно, такъ и теперь, вѣстѣ съ народомъ, возсталъ и его языкъ. Оба подвижника сходились своею дѣятельностію въ единствѣ народнаго духа. И это высшее единство, которымъ обуславливается стройное, всецѣлое и самобытное развитіе жизненныхъ силъ народа, сознательно дѣйствовало въ нихъ. Одинъ оправдывалъ его дѣломъ, другой словомъ. Глубоко сочувствуя цѣли воинскихъ подвиговъ Георгія и постигая значеніе древней Сербіи, Обрадовичъ, какъ подвижникъ слова, среди своихъ мирныхъ занятій, такъ привѣтствовалъ поэтическими звуками возрожденіе своей отчизны:

Востани Сербіе, мати наша мила,
И постани опять, шта си пріе била!

ДОПОЛНЕНИЯ И ПОПРАВКИ.

Страница 1, строка 9 снизу. Въсто «III-й и V-й ч.» читай: III-й, V-й, VI-й, VII-й и VIII-й чч.

— *стр. 5 см.* Вм. 128 чит. 213.'

Стран. 2, стр. 1 сверху. Вм. 12 чит. 14.

Стран. 4, стр. 10 св. Прибавь: а также грамоты: Боснійскаго бана, Матоея Стефана, съ неполнымъ fac-simile, напечатанная въ Споменикахъ подъ № 14, неизвѣстнаго короля Боснійскаго съ fac-simile.

— *примѣчаніе 5.* Приб.: VI, 1834. VII, 1835. VIII, 1836.

Стран. 5, стр. 22 св. Юришичъ, въ Описаніи Дечанскаго монастыря, издалъ въ первый разъ грамоту, данную этому монастырю супругою Лазаря, Млицею или, въ монашествѣ, Евгеніею. У него же напечатана жалованная грамота Стефана Дечанскаго, помѣщенная въ Споменикахъ подъ № 176 '.

Стран. 7, стр. 14 св. Оба очень хорошія изданія, Споменики и Гласникъ, относительно грамоты бана Матоея Стефана, рознятся между собою довольно значительно. Въ С. оставлены титлы, какъ въ подлинникѣ; въ Г. онѣ переведены въ строку и написано, на пр., *отца* вм. *оца*; но по чему же не *отца*? С. *косььски*, Г. *косььски*—вѣрно; С. *мономъ*, Г. *мономъ*—вѣрно; С. *склягган*, Г. *склягган*; С. *згодикъшъ ѿ*, Г. *згодикъшъ ѿ*; С. *тврды*, Г. *тврды*; С. *владдано*, Г. *-но*; С. *вслѣзъ*, Г. *вслѣзъ*; С. *инкъръ*, Г. *инкъръ*; С. *людно*, Г. *-но*; С. *то уъ*, Г. *то то*—вѣрнѣе; С. *срѣдишъ*, Г. *-шъ*; С. *слыга*, Г. *-ога*; С. *илшихъ*, Г. *-хъ*; С. *ино*, Г. *ино*. Впрочемъ, видно, что списки для обоихъ изданій были сдѣланы старательно и добросовѣстно; по крайней мѣрѣ, желаніемъ переписчика было оставаться какъ можно болѣе вѣрнымъ подлиннику. Но онъ не избѣжалъ нѣкоторыхъ погрѣшностей: въ С. и Г. *крикъ*, въ подлинникѣ *крик*. Въ Г. неправильно прочтены *нурца* вм. *нурца*, *кляхта*, въ С. *камота*, вм. *кальута*. И еще, кромѣ предыдущихъ ошибокъ, въ С. *окутноенуть* вм. *окутноенуть*. Сличивъ въ Гласникѣ гр-у Боснійскаго короля съ ея fac-simile, мы должны сказать, что, въ видахъ языка, нельзя такъ издавать памятки: тутъ нужна точность неуклонная. Такъ въ подлинникѣ *е* отлечено отъ *е* въ словѣ *късноу-тешимъ*, а въ печатномъ изданіи этого нѣтъ; въ подлин. *ѿ* *поутено* *принесъ*, въ изданіи: *и* *поутено* *принесъ*, въ подлин. *гѣд*, *раткъ*, *ѿ* *ога*, въ издан. *градъ*, *ратко*, *вогъ*; въ подлин. *сѣтъ*, *з* *ѣ*, въ издан. *сѣтсмеръ*, *з* *зети*. Значки опущены. И такъ Гласникъ и самые Споменики не безъ грѣха. Но, сличивъ ихъ съ другими изданіями, все таки замѣчаемъ, что ихъ списокъ былъ правильнѣе другихъ. Такъ гр-а С. № 176, при сравненіи съ Юришичемъ, представляетъ правильнѣйшее чтеніе. Въ С. ш, у Ю. л. Но за то мы отдаемъ преимущество Юришичу въ

написаніи ѣ, которое въ С. изображено всюду чрезъ ѥ; а послѣднее у Ю. тамъ, гдѣ въ С. и, на пр., Ю. есть, С. ѣ. У Ю. правильно прочтено: ил ѡзрислаа коуке вм. С. ил ѡзрисламе коуки.

Стран. 16, стр. 2 св. Что наконецъ сказать объ изданіяхъ, которыя мы принимаемъ за достовѣрнѣйшія, Споменникахъ и Гласникъ? Изъ предыдущаго сличенія мы усмотрѣли, что и они мѣстами погрѣшаютъ. О Гласникъ добавимъ, что онъ мало различаетъ ѣ отъ ѣ и пишетъ ѣ вм. з или оу. О титлахъ, переводимыхъ имъ въ строку, повторимъ то же, что сказали другимъ: можно ли переписчику угадать мысль первописца въ сокращенныхъ начертаніяхъ, когда знаемъ, что у каждаго писца былъ свой способъ письма, даже у одного и того же было нѣсколько способовъ? Это-то и служитъ признакомъ сколько прихоти первописца, столько же живаго начала, присущаго самобитно развивающемуся народному языку. Лучше, не принимая на себя отвѣтственности, оставлять правописаніе памятника въ его неприкосновенной подлинности.

Стран. 17, стр. 25 св. Вм. № 22 чит. № 24.

Стран. 25, стр. 11 св. Помѣщенная въ VI-й ч. Гласника расписка какого-то Боснійскаго короля можетъ относиться къ Томѣ Остоичу, какъ думаетъ Я. Шафарикъ. Въ нѣкоторомъ родѣ доказательствомъ служитъ печать съ уцѣлѣвшими словами S. T... BOSNE, т. е., S. (sigillum) TOME REGIS BOSNE. имѣющая сходство съ монетами Томы Остоича¹. Такъ какъ въ 1444 г. Тома далъ Дубровнику подтвердительную грамоту, въ которой напоминаетъ объ ежегодной дани или «доходѣ» съ этой общины, и такъ какъ въ 1459 г. онъ былъ убитъ, то время этой расписки въ полученіи дохода чрезъ попа Ратька принадлежитъ 1445—1459 годамъ. Впрочемъ, расписка можетъ относиться и къ Тврѣтку I, или даже Тврѣтку II. Она дана въ Спужѣ, въ Зетѣ. По моему мнѣнію, скорѣе можно приписать этотъ памятникъ Тврѣтку I, ибо, во первыхъ онъ владѣлъ частію Зеты; во вторыхъ, подходилъ къ самому Дубровнику; въ третьихъ, краткая подпись вѣдъ скорѣе принадлежитъ ему, какъ первому королю. Изображеніе вѣнца съ частію щита, находящееся на печати, находится, сколько по сю пору извѣстно, также на монетахъ Томы Остоича, Стефана Томича и Тврѣтка I². Слѣдовательно, въ этомъ случаѣ монеты не могутъ быть рѣшителями спора.

Стран. 30, стр. 1 св. Грамота С. № 56 могла быть писана и не въ Которѣ, ибо Воиславъ не владѣлъ этою общиною, а занималъ земли, сосѣднія съ нею и Дубровникомъ, именно, Требине, Конавле и Драчевицу, и составлявшія часть Травунии, вмѣстѣ съ коєю въ послѣдствіи отошли къ Боснѣ³. Аппендини называетъ Воислава владѣтелемъ Ужицы⁴. Вообще Воиславу досталась часть земель послѣ его отца, цезаря Войхны, а потомъ и послѣ братьевъ. Тѣмъ не менѣе грамоту его, хотя писанную въ землѣ, которая въ послѣдствіи является подъ властію Босны и производитъ цѣлую семью Травунскихъ грамотъ, отнесенныхъ нами къ отдѣлу Западно-Сербскихъ грамотъ, мы относимъ къ отдѣлу Восточно-Сербскихъ, ибо давшій ее принадлежитъ къ вельможамъ православ-

¹ Ср. Гласникъ, ч. III, N 105 и стр. 255; ч. V, N 10.

² Гласникъ, ч. VI, NN 23, 24; ч. V, N 11.

³ Мидаковичъ, Исторія Црне Горе. У Задру 1856. Стр. 21.

⁴ Т. I, стр. 294.

ной Сербіи, и самый языкъ ея нисколько не отличается отъ языка другихъ Восточныхъ грамотъ.

Стран. 53, примѣч. стр. 17 св. Приб. Надпись на церковной стѣнѣ въ монастырѣ Зерзе (Цръце) близъ Прилѣпа, 1589—1591 г. (Гласникъ, ч. VI); на надгробной доскѣ протосеаста Хрели въ Рыльскомъ монастырѣ, 1545 г.; на башнѣ, построенной Хрелею въ томъ же монастырѣ, 1534 г. (Гласникъ, ч. VII); въ монастырѣ св. Андрея Первозваннаго надъ папертью церкви, построенной Андреяшемъ, сыномъ Вукашина, 1572 г. (Гласникъ, ч. VIII); множество надписей на стѣнахъ, гробницахъ и утваряхъ въ Дечанскомъ монастырѣ (Дечански Првенацъ).

Стран. 54, стр. 21 св. Говоря объ отдѣлахъ Древнесербскихъ памятниковъ и исчисляя важнѣйшіе памятники, я долженъ присовокупить, что при возрастающей любви къ изысканіямъ старины, постоянно дѣлаются новыя открытія, и нельзя никакъ поручиться, чтобы со временемъ большинство извѣстныхъ намъ теперь памятниковъ не сдѣлалось меньшинствомъ. Такъ въ NN^о 17 и 18 повременнаго Загребскаго изданія «Nevem» за 1855-й годъ помѣщено извѣстіе о путешествіи въ Далмацію Кукулевича, главнаго члена Загребскаго Общества Исторіи и Древностей Южнославянскихъ, гдѣ ученый путешественникъ-литераторъ сообщаетъ о своихъ открытіяхъ, число и важность которыхъ показываютъ, какъ много еще драгоценностей таится въ городскихъ, монастырскихъ и другихъ хранилищахъ Сербіи и сосѣднихъ земель, ожидая себѣ достойныхъ цѣнителей и любознательныхъ изыскателей. Въ Сплитѣ, въ епископальномъ архивѣ, Кукулевичъ видѣлъ много писемъ и описовъ на Хорвато-Боснійской Кириллицѣ касательно жупъ Полицкой общины. Въ архивѣ Рабскихъ подестъ есть древніе Рабскіе статуты и много грамотъ, изъ коихъ старѣйшая относится къ королю Звонимиру, 1081 г. Имъ приобрѣтены между прочимъ: 109 Латинскихъ грамотъ отъ 837 по 1200 г. и 370 отъ 1200 по 1600 г.; около 200 Хорватскихъ грамотъ, писанныхъ Глаголицею, Кириллицею и Латинскою азбукою, начиная съ 1321 г., между коими есть нѣкоторыя, принадлежащія Младену, Павлу, Твртку и Остону; до 40 рукописей, писанныхъ Глаголицею, Кириллицею и Латинскою азбукою, изъ коихъ нѣкоторыя принадлежатъ XIV-му и XV-му ст. Между ними замѣчательны: нѣсколько Глагольскихъ лѣтописей XVI-го в.,—Сербская лѣтопись XIV-го в., Кириллицею, содержащая родословіе царей и ктиторовъ Сербской земли и повѣствованіе отъ Адама до смерти Янула (Гуяда),—рукопись XVII-го в. Хорвато-Боснійскою Кириллицею, содержащая между прочимъ Хорватскій переводъ всей Хроника Витезовича,—Сербская лѣтопись XVI-го в. Приобрѣтенъ также Полицкій законникъ Боснійскою Кириллицею и пр. и пр. Еще въ 1852 г. Кукулевичъ напечаталъ въ Загребскомъ Архивѣ¹ перечень 260 грамотъ, относящихся къ исторіи Босны и выбранныхъ имъ изъ разныхъ изданій.

Стран. 82, стр. 4 св. Вм. «съ правителемъ Котора» чит.: съ Которомъ и его сосѣдомъ,

— *стр. 19 св.* Выкинувъ глубже въ смыслъ гр-ы С. N^о 55, мы замѣчаемъ, что дѣйствительно правъ Аппендини, отдѣляя владѣніе Воислава отъ Котора.

Стран. 93, стр. 28 св. Вм. «Стратимировичъ» чит.: Страшимировичъ.

Стран. 96, стр. 23 св. Вм. «въ Которѣ у Воислава» чит.: у Воислава въ его владѣніяхъ, прилегавшихъ къ Котору.»

¹ Arkiv za povēstnica Jugoslavensku, II, I, 1852.

Стран. 97, стр. 8 св. Вм. «имѣлъ войну съ Которомъ» чит.: имѣлъ войну съ Воиславомъ, бывшимъ въ союзѣ съ Которомъ.

— *стр. 16 св.* Въ Сени судебное разбирательство производилось ректоромъ и судьями близъ солянаго магазина.

Стран. 101, стр. 2 св. Вм. «Которскій» чит. Войхновичъ.

— *примѣч. 1.* Перперомъ называлась въ Дубровникѣ серебряная монета, стоившая около 18 крейцеровъ. (Милаковичъ, Исторія Црне Горе. Стр. 73).

Стран. 110, стр. 11 св. Въ Сени, въ день св. Михаила, капитула избирала ежегодно блюстителя церковнаго имущества, который назывался *santiz* (кому se vse crkveno blago skazi i uzdaj po pismu pred svim Kapitulom) ¹. Въ Сени, какъ и на Млѣтѣ, общинный судья избирался ежегодно въ сентябрскій праздникъ св. Михаила. (Впрочемъ, въ статутѣ постоянно говорится *judices*). А корабельщики, числомъ двое, содержавшіе городскую стражу вмѣстѣ съ прочими часовыми (вфронтно, на судахъ), избирались два раза въ году въ день св. Михаила и въ день св. Юрія. Всякій гражданинъ (*civis et popularis*) платилъ пошрины за торговлю виномъ по 1 солиду за каждый сестарій вина, а съ Михайлова дня до Новаго Года по два солида; благородный же платилъ въ это время по одному солиду. Никакое иностранное вино не позволялось продавать въ разницу отъ Михайлова дня до Новаго Года. Положеніе это не касалось вина туземнаго. ²

— *стр. 8 св.* Вм. дзброкунинноу чит. дзброкунинноу.

Стран. 117, стр. 11 св. Въ Сеньскомъ статутѣ въ двухъ мѣстахъ упоминаются добрые люди (*boni homines*) однажды какъ оцѣнщики покражи, другой разъ какъ присутствующіе при заявленіи отысканной покражи ³.

Стран. 119, стр. 7 св. Къ «провати» приб. *probare*.

— *примѣч. 2.* Приб.: Сеньскій ст., § 46.

Стран. 122, стр. 12 св. Вм. «Стратимировичъ» чит. Страхимировичъ.

— *примѣч. 2.* Вм. 85, 95, . . . чит. 85, 89, 95, . . .

Стран. 143, примѣч. 2. Приб.: Сеньскій ст., §§ 43, 44, 48.

Стран. 144, стр. 17 св. Въ Сеньскомъ статутѣ есть постановленіе, гдѣ сказано, что благородный, извлекшій мечъ, но не ударившій имъ, не платитъ ничего, а ударившій платитъ 24 ливры. И потомъ прибавлено: то же самое относится и къ гражданину (*et idem in cive*) ⁴. Вообще въ этомъ статутѣ при преступленіи не выставлено различія между сословіями, тогда какъ въ торговыхъ правахъ, или въ правленіи благородные (*nobiles*) ярко выступаютъ изъ среды прочихъ гражданъ.

— *стр. 6 св.* Приб.: и Сеньскомъ.

— *стр. 5 св.* Но оскорбленіе чести, когда страдало не одно лицо, но въ немъ и все сословіе, различалось по сословіямъ. Сейчасъ мы видѣли это различіе въ Которѣ: то же видимъ и въ Сени. Кто оскорбилъ равную себѣ (*in equalitate constitutam*) добрую (*bonam*) женщину, или дѣвицу, тотъ платитъ 6 ливровъ; но если неблагородный (*inhonestus homo*) оскорбитъ благородную (*honestam*) женщину, или дѣвицу, то платитъ 24 ливра ⁵. Впрочемъ, за правиль-

¹ Сеньскій статутъ. Arkiv za povjestu Jugoslav., III. 1854. § 27.

² Arkiv za povjestu Jugoslav., II, 1. 1852. Стр. 83.

³ Сеньскій ст., §§ 19, 20, 100, 110, 146.

⁴ §§ 43, 87.

⁵ § 127.

⁶ Сеньскій ст., § 56.

ность пониманія, въ этомъ случаѣ словъ *honestus, inhonestus* не ручаюсь. Въ другихъ мѣстахъ сословія различаются выраженіями *nobilis, civis, popularis, fogenis*.

Стран. 145, стр. 5 св. Нельзя положительно сказать, подвергались ли благородные въ Далматскихъ общинахъ увѣчью, или позорной казни? Эти наказанія, какъ на пр. висѣлица, были положены за тѣ только преступленія, которыя, по самому свойству своему, могли совершаться всего скорѣе людьми простаго сословія, каковы, разбой и воровство. За разбой положено было въ Корчулѣ вознагражденіе въ четверо, потеря глаза, руки, ободкъ глазъ, висѣлица, отобраніе имущества, смотря по обстоятельствамъ. Въ Травѣ разбойникъ лишался глаза и вознаграждалъ убытки. За воровство въ Травѣ наказаніе полагалось различное: денежная пеня, потеря глаза, носа, висѣлица. Въ Шибеникѣ, на Лезинѣ и Брачѣ тоже: пеня, розги, клеймо, увѣчье, висѣлица. Въ Шибеникѣ женщинѣ, вмѣсто висѣлицы, отрубалась голова¹. Въ Сени, за покражу въ 24 ливра, полагалась пеня во столько же, или потеря уха; за покражу въ 50 ливровъ пеня во столько же, или потеря члена, а за покражу въ 100 ливровъ висѣлица². Въ послѣднемъ случаѣ, кромѣ казни, не было другаго исхода. Спрашивается: подвергались ли ей и благородные? За недостаткомъ поясненій, отвѣтъ долженъ быть утвердительный. Но увѣчье всегда могло быть избѣгнуто взносомъ пени. Такимъ образомъ, касательно увѣчья, Далматскія общины стояли не выше взгляда Душанова Законника.

Стран. 167, стр. 18 св. Обычай созывать собраніе звономъ колокола находимъ и въ устахъ Сеньской капитулы; но, вѣроятно, сдѣсь разумѣется не вѣчевой, а церковный колоколъ³.

— *стр. 15* св. *Vice-comes* и вездѣ нимъ еще *vicarius* были и въ Сени⁴.

Стран. 172, стр. 25 св. Можетъ быть, что за Кулиномъ слѣдовалъ сынъ его; ибо Мирко, король Угорскій, въ письмѣ къ папѣ, 1204-го г., упоминаетъ о сынѣ Кулина, какъ владѣтелѣ Босны⁵. Кажется, ту же грамоту Кукулевичъ, по Фейеру, отмечаетъ 1203-мъ г. слѣдовательно, Кулинъ умеръ не ранѣе этого года, ибо въ этотъ же году онъ еще былъ живъ, какъ видно изъ другой грамоты 1203-го г., приводимой Кукулевичемъ⁶. Обязательство платить 1000 марокъ ежегодно, какъ поручительство за обращеніе Патареновъ, данное сыномъ Кулина, могло быть дано только самимъ баномъ. Но въ такомъ случаѣ гр-а С. № 5, гдѣ Нинославъ повторяетъ клятву бана Кулина, будетъ этому противорѣчить. По чему Дубровничане не взяли клятвы съ бана, бывшаго между Кулиномъ и Нинославомъ? Развѣ по тому, что Кулину наслѣдовалъ сынъ его; но это невѣроятно. Какъ звали Кулиновича? Опять молчатъ историки. Въ 1225 г. папа пишетъ къ Боснійскому бану Стефану⁷, но не къ Нинославу, ибо послѣдняго онъ такъ и называетъ. Не есть ли это тотъ самый Кулиновичъ? О Нинославѣ есть грамота отъ 1233 г. Сибиславъ ока-

¹ Рейцъ, Сборн. Вал., стр. 187—189.

² Сеньскій ст., § 43.

³ Arkiv za povēstn. Jugoslav., II, I, стр. 79.

⁴ Сеньскій ст., § 131.

⁵ Пелачевичъ, *Historia Serviae seu Colloquia XIII de statu regni et religionis Serviae ab exordio ad finem sive a saeculo VII ad XV, auctore Fauc. Hav. El. B. de Pejacevich a Verocza, abbate S. Trinitatis de Petri Varadini. Colocae. MDCCXCIX.* Стр. 380.

⁶ Arkiv za povēstn. Jugoslav., II, I, Стр. 6.

⁷ Кукулевичъ, тамъ же.

зывается въ одной папской грамотѣ отъ 1236 г. сыномъ покойнаго бана Боснійскаго и княземъ Восурскимъ (Осерскимъ?)¹; слѣдовательно, онъ будетъ сыномъ бана Стефана. Также имя Николая весьма подозрительно звучитъ въ ряду туземныхъ Славянскихъ именъ: крестнымъ именамъ предпочитались тогда народныя. Скорѣе всего должно считать его Никославомъ, а этотъ былъ не кто иной, какъ Нинославъ.

— *стр. 10 см.* Событія 1245-го г. оказываются несправедливыми, или не такъ переданными, ибо Нинославъ поздне еще, въ 1248 г., упоминается Боснійскимъ баномъ въ двухъ папскихъ грамотахъ².

Стран. 173, стр. 28 св. Кукулевичъ приписываетъ первую грамоту, напечатанную въ VI-й ч. Гласника, т. е., ту же, что напечатана въ С. подъ № 14, Матвея-Стефана, бану Нинославу³. Съ нимъ соглашается и Я. Шаарникъ, объясняя почитку въ имени станаъ тѣмъ, что Дубровничане, желая этою грамотою сослаться на Стефана Котромановича, бывшего столѣтнємъ воже, стерли имя Нинослава и написали имя Степана⁴. Дѣйствительно, таковыя поддѣлки не рѣдкость. За Нинослава говорить, во видимому, и печать со словами *сугатъ вланиа... вана нинослава*. Но странно, чтобы въ 1249 г. еще управлялъ Босною Нинославъ. Одному и тому же лицу не за чѣмъ было дѣвать двухъ сходныхъ грамотъ. Самые приемы въ составленіи грамоты показываютъ, что она принадлежитъ кому другому, а не Нинославу. Печать не можетъ еще служить неопровержимымъ доказательствомъ, ибо случалось въ старину, что при смѣнѣ владѣльца печать оставалась нѣкоторое время вѣрною. Тѣмъ скорѣе могло это случиться съ только что прибывшимъ Угрюмомъ.

— *стр. 14 см.* Отъ Елисаветы, какъ воеводы Мачвы и Боснии, есть одна грамота 1280-го г.⁵

— *примѣч. 3.* Въ 1286 г. Мачва вмѣстѣ съ Босною досталась Младутину; но, по итнію Печевича, часть ея еще прежде принадлежала Сербіи, ибо еще въ 1258 г. встрѣчается въ Угорскихъ лѣтописяхъ выраженіе *Rassiae et Mascoviae rex.* (*Historia Serviae*, стр. 210).

Стран. 174, стр. 5 св. Есть двѣ монеты, весьма сходныя по изображеніямъ съ монетами Уроша I; на одной изъ нихъ по краямъ написано: DUX PAUL— MLADEN, а въ срединѣ, столбцомъ между двумя человѣческими особями, BAN; на другой по краямъ: DUX PAUL— SECUNDUS, а въ срединѣ, какъ и на первой: BAN MLAD—⁶. Безъ сомнѣнія, эти монеты принадлежатъ Павлу Бребирскому. Но здѣсь возникаетъ вопросъ, не одно ли онъ и то же лицо съ своимъ сыномъ Младеномъ? Не есть ли «Павелъ» имя крестное, при которомъ стоитъ и степенъ *dux*, а «Младенъ» народное, за которымъ слѣдуетъ званіе *ban*? Но въ такомъ случаѣ надо опровергнуть всѣ свѣдѣтельства историковъ, признающихъ Младена сыномъ Павла. Если Павелъ былъ первый изъ своего рода владѣтелей Босны, то какъ объяснить слову *secundus*? Монеты скорѣе подтверждаютъ, что Младенъ, при жизни отца, управлялъ банствомъ, называясь по порядку *secundus banus*, тогда какъ воево-

¹ Кукулевичъ, тамъ же.

² Кукулевичъ, тамъ же, стр. 9, 10.

³ Тамъ же, стр. 9. Странно, что Кукулевичъ не исправилъ у себя ошибки издателямъ Спомениковъ въ означеніи года.

⁴ Гласникъ, ч. VI, стр. 183.

⁵ Кукулевичъ, тамъ же, стр. 10.

⁶ Гласникъ, ч. VIII, т. II, NN 3, 4; стр. 278.

да Павелъ оставался въ Бребирѣ, тоже нося, какъ глава рода, званіе бана и будучи *primus banus*. Совладѣніе было тогда въ обычай. Это подтверждаютъ и папскія грамоты, которыя подѣ 1302 и 1319 гг. упоминаютъ о банѣ Младентѣ, а подѣ 1307 и 1308 гг. о банѣ Хорватскомъ и господарѣ Босны, Павелѣ¹. Какимъ образомъ могъ Павелъ попасть въ промежутокъ между 1302 и 1319 гг.? Ясно, что, какъ старшій въ родѣ, онъ стоялъ выше сына и правилъ дѣлами не одной Босны, тогда какъ сынъ его завѣдывалъ одною Босною.

— *стр. 15 св.* Между 1325 и 1340 гг. встрѣчается въ грамотахъ имя Стефана, бана Боснійскаго, безъ сомнѣнія, Котромановича. Жена его называется Елисаветою².

— *Стр. 18 св.* Отъ этого Андрея дошли три грамоты, двѣ отъ 1198 г. и одна отъ 1200 г., въ которыхъ онъ называется то воеводою Хлума и Рамы, то воеводою Хорваціи и Хлума, то воеводою Далмаціи, Хорваціи и Хлума³.

Стран. 175, стр. 21 св. Также и Пеячевичъ относитъ смерть Стефана къ 1357 г.⁴

Стран. 176, стр. 3 св. При Душанѣ и Урошѣ V южная часть Хлума и Травунія оставались за Сербією: ими управлялъ цезарь Войхна, оставившій послѣ себя сыновей Оому, Воцлава и Алтомана. Послѣ Николая Алтомановича всѣ земли Войхны, частію коихъ завладѣли было Балшичи, достались королю Твртку I, около 1378 г.

— *примѣч. 4.* Слова: «дью-рену неправильно приписамъ и т. д.» опустить.

Стран. 178, примѣч. 1. Пеячевичъ называетъ дабышу незаконнымъ сыномъ Никослава (Мирослава?), брата Стефана Котромановича. (*Historia Serviae*, стр. 392, 393).

Стран. 182, стр. 6 св. То же рассказываетъ и Пеячевичъ⁵.

Стран. 183, стр. 10 св. Выводы, сдѣланные мною на основаніи новѣйшихъ достоверныхъ источниковъ, напши себѣ отголосокъ въ позднѣйшемъ сочиненіи Милаковича, 1856 года, «Исторія Черногоріи». Конечно, тотъ и другой обязаны источникамъ, приведеннымъ обоимъ, независимо другъ отъ друга, къ однимъ и тѣмъ же заключеніямъ.

— *стр. 23 св.* Пеячевичъ тоже относитъ къ 1435 г. смерть Стефана Остонча, но вмѣстѣ съ другими принимаетъ его за самого Остою⁶.

— *Примѣч. 3.* Пеячевичъ назначаетъ годомъ смерти Твртка II 1493-й годъ. (*Historia Serviae*, стр. 399).

Стран. 202, стр. 7 св. Вотъ какими словами Кукулевичъ оканчиваетъ свое предисловіе къ списку Боснійскихъ грамотъ: Предлагаемый здѣсь перечень 260 Боснійскихъ грамотъ представляетъ вкратцѣ почти все теченіе Боснійской исторіи. Первый письменный памятникъ начинается въ 914 г. Римскимъ папою Іоанномъ X, а послѣдняя записъ Боснійской королевы Екатерины, 1478 года, оканчивается вновь папою Сикстомъ IV. Уже первый памятникъ ознаменованъ борьбою Римскаго и Западнаго начала съ началомъ Восточнымъ, Славянскимъ. И этотъ духъ борьбы проявляется почти во всѣхъ грамотахъ до самого паденія Босны. Эта — та духовная борьба породила страшныя брани съ

¹ Кукулевичъ, тамъ же, стр. 10, 11.

² Кукулевичъ, тамъ же, стр. 11, 12.

³ Кукулевичъ, тамъ же, стр. 5.

⁴ *Historia Serviae*, стр. 391.

⁵ Тамъ же, стр. 398, 399.

⁶ Тамъ же стр. 399.

сосѣдними державами, долговременныя кровавыя усобицы, голенія на людей сильныхъ духомъ и могущественныхъ, яростныя возстанія друга на друга, брата на брата, сына на отца. Эта-то борьба открыла дорогу чужеземному вліянію и господству, вторгавшемуся въ Босну то изъ Греціи, то изъ Угрии, то изъ Италіи, то наконецъ изъ глубины Азіи. Мало было Риму и Западу того, что преимущественно подъ ихъ наитіемъ миролюбивые Югославыне которіе-лись между собою: нѣтъ, Римъ и Западъ выслали противъ нихъ, особливо противъ ребольшой Босны, огромныя крестоносныя рати, которымъ едва могъ противустоять великій Азіятскій міръ. Славянская письменность, начавшая развиваться еще съ IX-го столѣтія, благодаря послѣдователямъ Грековосточной Вѣры, а въ послѣдствіи усиленная Богумилами, заглушена была въ Булгаріи, Сербіи, Боснѣ, Далмаціи, Хорваціи и Славоніи дѣйствіемъ Римскаго начала и насильственнымъ запрещеніемъ Славянскаго языка.

Еще и понинѣ, къ несчастію, продолжается эта борьба; и понинѣ еще видны ея слѣды во всѣхъ Южнославянскихъ земляхъ, преимущественно въ Боснѣ. Правда, страна эта скрыта отъ взоровъ просвѣщеннаго міра густою мглою тайнолюбивой замкнутости и упрямой силы, присущей Азіятскому началу; но когда пытлиное око сосѣда смотритъ на нее изза Велебита и Шумадіи, оно видитъ въ ней, среди неурядицы, искони царствующей, и вѣчныя тайныя орудія, внесенныя сюда Западомъ въ средніе вѣка и размножившіяся сдѣсь чрезъ хитрыя козни и крамолы, чрезъ постоянныя смуты, постоянныя коварства, вѣчныя преслѣдованія и всегдашнюю бурю различныхъ человѣческихъ страстей. Не будь этихъ орудій—и Босна снова воскресла бы вмѣстѣ съ Сербіею, а вслѣдъ за ними и весь окрестный Южнославянскій край по Дунаю, Савѣ и Ядранскому морю, по Дринѣ, Марицѣ и Струмѣ оживотворился бы общимъ духомъ народности и независимости.»¹

Стран. 211, примѣч. 2. Въ отвѣтъ Вука, короля Дуклянскаго и Далматскаго (*Duciae atque Dalmatiae rex*), папѣ Иннокентію III, отъ 1199 г., упоминается о томъ, что Булинь съ женою и сестрою, вдовою Мирослава, князя Хлумскаго, перешель въ расколъ, т. е., Патаренскую ересь. (Кукулевичъ, *Arkiv za povēstn. Jugoslav. II, I. Стр. 5*). Отсюда видно, какимъ образомъ доводился онъ сродни Стефану Немани.

Стран. 217, примѣч. 1. Вм. II, IV, 31, § 646, чит. II, IV, § 31, 646.

Стран. 222 стр. 12 сл. О низверженіи Радослава упоминаетъ и Пеячевичъ.²

Стран. 226, стр. 7 св. Вм. 1417 чит. 1317.

— *стр. 24 св.* Изъ Пеячевича, желающаго, во что бы то ни стало, доказать, что не только Босна, но и Сербія была Римско-католическою землею и что владѣтели ихъ, большею частію, признавали власть Рима, видно, что дѣйствительно при Урошѣ I и Милутиивѣ происходили сношенія съ папою, вѣроятно, при посредствѣ Елены, которую сочинитель называетъ *piissima Helena*. По его словамъ, она пыталась приобщить Сербію къ Римскимъ духовнымъ владѣніямъ, какъ видно изъ письма папы Николая отъ 1291 г. Вѣроятно, отсюда и происходили распри у Елены съ сыновьями, или даже съ мужемъ; отсюда и объясненіе тому, что она избрала себѣ мѣсто жительства въ приморскій городъ насупротивъ Италіи, и изъ него писала такія грамоты Лубровнику.³

¹ *Arkiv za pvestn. jugoslav. II, I, стр. 15.*

² *Historia Serviae, стр. 191.*

³ *Historia Serviae, стр. 198—214.*

Стран. 230, стр. 10 сл. Пеячевичъ не признаетъ Константина сыномъ Милутина, а называетъ его ошибочно вторымъ законнымъ сыномъ Драгутина, слѣдовательно, братомъ Владислава. ¹

Стран. 231, стр. 24 св. Пеячевичъ равномерно называетъ Стефана *paternalis filius Uroslu*, или *Stephanus nothus*. ²

Стран. 235, стр. 12 сл. Въ подобномъ смыслѣ говоритъ о боярахъ и Пеячевичъ. Они, по его словамъ, возбуждали Душана противъ отца изъ боязни, чтобы престолъ Сербскій не достался Симеону, рожденному отъ Маріи, дочери пангиперсебаста Іоанна. ³

Стран. 238, примѣч. 2. Пропущены слова: «изъ Душину».

Стран. 239, стр. 4 сл. Вм. ꙗѣиѣ чит. ꙗѣиѣ.

Стран. 260, стр. 2 св. Что Симеонъ былъ братъ Душану, то это подтверждаетъ безымянный Греческій лѣтописецъ. ⁴

Стран. 261, стр. 2 св. Пеячевичъ называетъ Драгашу и Константина сыновьями Деяна. ⁵

Стран. 262, стр. 26 св. Вм. ὕφ' ἑαυτῶ чит. ὕφ' ἑαυτῶ.

— *стр. 27 св.* Вм. πειθαρχοῦντες чит. πειθαρχοῦντες.

— *стр. 15 сл.* Вм. οὐκ чит. οὐκ.

— *стр. 14 сл.* Вм. εὐ чит. εὐ.

— *стр. 13 сл.* Лѣтописцы Византійскіе упоминаютъ наиболѣе о Симеонѣ, дядѣ Уроша V, такъ что нельзя не замѣтить того важнаго значенія, которое онъ имѣлъ на югѣ Фракійскаго полуострова. Это подтверждается и отрывкомъ одной Греческой лѣтописи, въ которой Симеонъ, тотчасъ по смерти Душана, является сильнѣе всѣхъ другихъ владѣльцевъ на югѣ, и по смерти Прилупа, распоряжается такъ называемою Греческою Валахіею, Этоліею и городами Трикалою и Касторіею, слѣдовательно, всею южною частию полуострова. Ему, рожденному отъ Гречанки, сходише было оставаться на югѣ. Правда, когда Никифоръ Дука завоевалъ всю эту часть преждебывшихъ владѣній Душана, тогда Симеонъ обратился на сѣверъ къ предѣламъ Сербіи, но смерть Никифора снова привела его въ прежнія области. Онъ жилъ постоянно въ Трикалѣ, а Этолійскому городу Янинѣ далъ въ правители своего зятя Фому, сына Прилупова. Впрочемъ, какъ между большими, такъ и между мелкими правителями происходили безпрестанныя брани, и вообще не было никакого порядка. Сюда мало достигала власть Византин, и еще менѣе доходило владычество Сербіи: на дѣлѣ весь югъ полуострова уже не принадлежалъ Сербіи ⁶. Въ это время разложенія двухъ державъ всякій промышлялъ о себѣ. Если къ Симеону присоединимъ Тврътка, собравшаго и укрупившаго разнесенную на части Босну, Лазаря, усилившагося на Дунаѣ, и Вукашина, засѣвшаго съ братьями въ Македоніи, не говоря уже о другихъ, менѣе значительныхъ, но не менѣе независимыхъ правителяхъ, то увидимъ, что распаденіе Душановой державы было полное, и власть царская обратилась въ пустой призракъ. Вотъ по чему такъ безслѣдно въ Сербской Исторіи, такъ да-

¹ Historia Serviae, стр. 244, 257.

² Тамъ же, стр. 245, 252.

³ Тамъ же, стр. 267.

⁴ Corp. Script. Hist. Byz. Bonae. MDCCCXLIX. См. Epirotica, fragmentum II. Стр. 210.

⁵ Historia Serviae, стр. 302, 321.

⁶ Corp. Script. Hist. Byz. Epirotica. Fragm. II.

же цѣрпнѣтно для самихъ современниковъ совершаются перевороты во вѣдѣніяхъ Симеона, и вся эта страна падаетъ подъ мечомъ Турокъ.

Стран. 263, стр. 15 сл. Вм. *властелинчѣ* чит. *властелинѣ*.

— *стр. 13 сл.* Вм. «*владѣвшій Которомъ*» чит. *сосѣднвшій съ Которомъ*. Противупоставленіе въ гр-ѣ С. № 55 именъ Воислава и Котора, вѣстелей и городовъ показываетъ только общую ихъ зависимость отъ Уроша V, но видно, что Которъ не принадлежалъ Воиславу, а только вмѣстѣ съ нимъ враждовалъ противъ Дубровника и въ одно съ нимъ время заширился, какъ показываетъ и другая гр-а С. № 56.

Стран. 264, стр. 15 сл. Званіе короля было высшимъ послѣ царя. Такъ Душанъ при Дечаяскомъ, Урошъ при Душанѣ назывались королями. При Урошѣ V королемъ былъ Вукашинъ, дядя Царю, ибо сестра его была за Душаномъ, и Урошъ былъ ея сынъ¹. Вукашинъ такъ и оставался до самой своей смерти съ этимъ званіемъ. Но послѣ Уроша V королей было нѣсколько. Вероятно, къ этому времени относятся монеты короля Марка, сына Вукашина (см. в.), и короля Владимира, незаконнаго сына Душанова. Лѣтописецъ свидѣтельствуетъ о сильной враждѣ Марка противъ Лазаря по смерти отца. Видѣвъ Прилѣповъ съ прилежащею страной и нося званіе короля, Марко не хотѣлъ подчиниться Лазарю, избранному въ цари². По словамъ того же лѣтописца. Владимиръ жилъ въ Епирскомъ городѣ Янимѣ и потомъ былъ убитъ любимцемъ своей жены. Во время его малолѣтства, за него правилъ Углеша. Есть монета съ надписью *пр ѣмъ Я. Шафарикъ* приписываетъ ее этому самому Владимиру, а по тому и званіе короля принадлежитъ ему³. Есть также монеты короля Лазаря, который могъ быть королемъ и до вѣнчанія своего, слѣдовательно, еще при жизни Вукашина. Но такъ какъ на монетахъ изображенъ царь, то, безъ сомнѣнія, онъ битъ уже во время его царствованія⁴. Извѣстно, что онъ постоянно ограничивался званіемъ князя; на монетахъ же могъ выставить званіе своего предшественника. Въ междоцарствіе, бывшее по смерти Вукашина, каждый намѣстникъ, каждый сильный областной старшина старался выособиться изподъ общей державы и захватить какъ можно больше самовластія. Тотъ же лѣтописецъ говоритъ, что еще при Урошѣ Сербскіе князи промышляли всякъ о себѣ, какъ на пр., Лазарь Гребеляновичъ, Югъ Богдановъ, Балша Зетскій, Владимиръ Албанскій, Вукъ Бранковъ, Малопъ Обилчъ, Стефанъ Лобосвичъ и др.; Вукашинъ же съ братьями державствовалъ въ Болгаріи и Македоніи. Прибавимъ сюда Симеона или Синину. Со временемъ стремленіе къ независимости и чувство самосохраненія усилились еще болѣе. Но въ именахъ, выдающихся въ общемъ составѣ бояръ, происходитъ больша путаница, начиная со времени намѣстниковъ, поставленныхъ Душаномъ. Необходимо съ точностію опредѣлить время и силы намѣстниковъ и прочихъ державниковъ, границы ихъ областей, и сверхъ того должно различать званія и степени, которыя они носили. До сихъ поръ этотъ отдѣлъ Сербской Исторіи мало разработанъ, и въ разсказахъ лѣтописцевъ и историковъ нѣрѣдко происходятъ столкновения между совершенно отдѣльными лицами.

Стран. 266, стр. 11 сл. По смерти Вукашина, хотя Лазарь былъ выше

¹ Гласникъ, ч. V, стр. 69.

² Гласникъ, ч. VI, стр. 186, 189.

³ Гласникъ, ч. VIII, стр. 210.

⁴ Гласникъ, ч. III, N 70, стр. 233.

силнѣе всѣхъ другихъ бояръ и, одолевая своихъ соперниковъ, достигъ наконецъ царскаго вѣнца въ 1377 г., однако Марко Вукашиновичъ, писавшійся королемъ еще при жизни отца¹, не хотѣлъ добровольно подчиниться ему: это видно по его враждебнымъ отношеніямъ къ Лазарю и связямъ съ Турками. По крайней мѣрѣ, открытая недавно монета его съ надписью: въ хл въ благовѣрнн крль марко свидѣтельствуегъ, что въ своихъ владѣніяхъ, въ Прилѣпѣ, Марко признавался королемъ по смерти отца и управлялъ ими независимо².

Стран. 268, стр. 24 св. Балша былъ въ Зетѣ намѣстникомъ и носилъ званіе жупана, которое перешло и къ его дѣтямъ, ибо есть двѣ грамоты, въ которыхъ Страшимиръ, Юрій и Балша именуются жупанами³. Родъ Балши былъ однимъ изъ первыхъ туземныхъ родовъ: это доказывается быстрымъ его возвышеніемъ и народнымъ преданіемъ, называющимъ Балшу Зетяниномъ⁴ и связывающимъ его съ Неманею по женскому колѣну отъ Вукана Неманича.

— *стр. 12 св.* Драчевица могла принадлежать нѣкоторое время Зетѣ, ибо, по словамъ Печевича, Балша занялъ ее вмѣстѣ съ Требинемъ и Конавлемъ во время спора Лазаря съ Николаемъ Алтомановичемъ, а потомъ долженъ былъ уступить Твртку въ 1374 г.⁵ Сдѣсь должно разумѣть не Балшу, а Балшича, и переимѣнить годъ на 1378-й.

Стран. 269, стр. 6 св. Выраженіе паде на мати должно понимать такъ, что Страшимиръ Балшичъ, вѣроятно, съ сыномъ своимъ Юріемъ, отправившись противъ Карла Товія, владѣвшаго тогда около Драча, палъ на рѣкѣ Мати, протекавшей въ Албаніи⁶. Сдѣсь странно подразумѣвать нападеніе на область Мати, лежавшую при рѣкѣ того же имени, хотя, съ другой стороны, эта самая грамота дана отъ имени всѣхъ трехъ братьевъ, т. е., какъ бы предполагается, что Страшимиръ еще живъ. Между 1368 и 1373 гг. умерли Страшимиръ и Юрій Балшичи.

— *стр. 12 св.* Опустить слова: «Отъ того-то въ грамотѣ и упомянуты только два брата.» Если же Орбини ошибся въ имени плѣнннаго Балшича и назвалъ его, вмѣсто Балши, Юріемъ, то будетъ понятно, по чему Страшимиръ съ Юріемъ Балшичемъ, а уже не съ сыномъ, въ двоємъ ходили на Карла.

— *стр. 15 св.* Вм. «за годъ» чит. за мѣсяць, ибо, по лѣтописцамъ, Юрій Балшичъ умеръ 4-го генваря 1374 г. Какъ согласить это показаніе съ Орбини и Милаковичемъ, относящими смерть его къ 1379 году?

— *стр. 20 св.* На несогласія съ Босною намекается въ гр-ѣ С. № 72, которая, по всему вѣроятію, принадлежитъ Юрію Балшичу: сдѣсь выражена возможность войны съ Боснійскимъ баномъ.

— *стр. 6 св.* О построеніи Новаго Тврткомъ упоминается въ гр-ѣ Маріи Угорской къ Дубровничанамъ 1383-го г.⁷

Стран. 271, стр. 24 св. Милаковичъ остается вѣрнымъ свидѣтельству Орбини и Лукари, что Юрій Балшичъ былъ женатъ на Деспинѣ, дочери Лазаря и вдовѣ Шишмана Булгарскаго⁸. То же говоритъ и Печевичъ, замѣчая раз-

¹ Гласникъ, ч. VI, стр. 186.

² Гласникъ, ч. VII, N 22.

³ Кукулевичъ, Arkiv za povēstn. Jugoslav., II, I. Стр. 12.

⁴ Милаковичъ, Исторія Црне Горе, стр. 25.

⁵ Historia Serviae, стр. 326.

⁶ Милаковичъ, Исторія Црне Горе, стр. 26. Примѣч.

⁷ Кукулевичъ, Arkiv za povēstn. Jugoslav. II, I. Стр. 13.

⁸ Исторія Црне Горе, стр. 35.

погласіе съ Сербскими лѣтописями, по которымъ Балша Зетскій былъ женатъ на Вукославѣ, сестрѣ Деспина ¹.

Стр. 272, стр. 8 св. Милаковичъ, въ позднѣйшемъ своемъ сочиненіи, «Исторія Черногоріи» посылаетъ на Косово поле не Балшу Балшича, а Юрія Страшимировича, который, не дошедъ еще до Косова, узналъ о несчастномъ исходѣ битвы и вернулся домой. За годъ передъ тѣмъ онъ же, по Милаковичу, разбилъ, вмѣстѣ съ Лазаремъ, Турецкое войско при р. Ситницѣ ².

Стран. 273, стр. 5 св. Эта запись, въ которой говорится еще о банѣ Боснійскомъ, принадлежитъ скорѣе Юрію Балшичу, ибо писана не позже 1376 г., когда племянникъ, Юрій Страшимировичъ, еще не могъ одинъ, отъ своего имени, сноситься съ другими землями. Если же эта грамота принадлежитъ Юрію Балшичу, умершему, по Сербскимъ лѣтописцамъ, въ 1373, г. 4 генв., и писана въ Конавлѣ, то несправедливо то, что Конавле досталось Балшичамъ только уже тогда, когда Николай Алтомановичъ былъ побѣжденъ Лазаремъ въ союзѣ съ Твѣрткомъ въ 1374 г. Конавле должно было достаться имъ ранѣе и, вѣроятно, еще при жизни Вукашина; а такъ какъ Юрій Балшичъ былъ зятемъ Вукашина, то этимъ и объясняется безпрепятственное его владѣніе Конавлемъ. Николай Алтомановичъ могъ оставаться послѣ этого въ другихъ своихъ владѣніяхъ, какъ на пр. Ужницѣ. Въ 1378 г. Требани, Конавле и Драчевица принадлежали уже Твѣртку I.

— *стр. 26 св.* Ожиданіе войны съ Боснійскимъ баномъ показываетъ, что у Юрія Балшича и Твѣртка были какія-то несогласія, и всего вѣроятнѣе, за земли Николая Алтомановича, какъ догадывается и Милаковичъ ³.

— *стр. 20 св.* Милаковичъ относитъ смерть Юрія Страшимировича къ 1405 году ⁴.

— *стр. 15 св.* Въ позднѣйшемъ своемъ сочиненіи Милаковичъ взглянулъ уже совсѣмъ иначе на историческую достовѣрность, быть можетъ, въ слѣдствіе открытія новыхъ источниковъ. Онъ уже со строгимъ разборомъ излагаетъ событія, вдумывается въ нихъ и въ лѣтосчисленіе для избѣжанія противорѣчій, и вообще рассказъ его зрѣло обсужденъ, истина отдѣлена отъ вымысла. То, что сказано было прежде о немъ, относится къ Грлицѣ, но теперь оно само собою отстраняется изданіемъ «Исторіи Черногоріи» 1856 г.

Стран. 274, стр. 12 св. Въ Венеціи и Цетынѣ хранится по списку съ договора Венеціанъ съ Балшею Юрьевичемъ, на основаніи коего и другихъ свидѣтельствъ, Андричъ и Милаковичъ нѣсколько разъясняютъ дальнѣйшую послѣ Юрія Страшимировича Исторію Черногоріи. Нѣтъ сомнѣнія, что за Юріемъ слѣдовалъ сынъ его, Балша. Такъ точно, и согласно съ Орбини, пишетъ и Пеячевичъ ⁵. Въ лѣтосчисленіи они тоже согласны между собою. Удаленіе въ Сербію и передача управленія Зетою сроднику, Стефану Черноевичу, относятся къ 1421 г., а смерть Балши къ 1422 г.

Стран. 276, примѣч. 2. Вм. п. и нѣгущъ чит. П. П. нѣгущъ.

Стран. 312, стр. 8 св. послѣ вослѣснаго приб. (С. № 159).

Стран. 348, стр. 4 св. Вм. «формы и» чит. и формы.

¹ Historia Serviae, стр. 327, 328.

² Исторія Црне Горе, стр. 37, 39.

³ Тамъ же, стр. 30.

⁴ Тамъ же, стр. 41.

⁵ Historia Serviae, стр. 333.

- Стран. 354, стр. 6 св.* Сюда же принадлежить и гр-а Ю.
 — *стр. 20 св.* Приб. *посоуфренишиъ штемиъ* (Ю.).
 — *стр. 14 см.* Вм. 69 чит. 69; Г. VI, № 9; VII, № 20.
 — *стр. 13 см.* Послѣ «стр. 1» приб. Г. VII, № 23.
- Стран. 355, стр. 5 св.* Приб. На новетахъ короля Марка: въ (Г. VII, № 22) и Вука Бранковича князь (Г. VIII, т. I, № 8).
 — *стр. 8 св.* Послѣ 87 чит. Г. VII, № 28.
 — *стр. 21 св.* Такъ въ гр-ѣ бана Матея-Стефана (Г. VI, № 1) находимъ какъ ѡ, такъ и другія буквы съ отвѣсною чертою, склоняющоюся въ верху нѣсколько въ лѣво; а въ поддѣсахъ, не принадлежащихъ уже писцу и не столь красиваго почерка, есть всѣ начертанія для ѡ: *кѡмѡзъ, нѡдѡнѡкъ, семѡнѡвъ, нѡдѡнѡвъ, обѡуѡнѡнѡу, дѡрѡнѡнѡу.*
 — *стр. 21 см.* Смысленіе обѡихъ знаковъ подтверждается сличеніемъ гр-и Дечанскаго въ изданіи Спомениковъ и у Юришича.
- Стран. 360, стр. 10 св.* Приб. *кѡмѡлѡу* (Г. VI, № 1).
Стран. 361, стр. 19 см. Вм. «въ словѣ» чит. въ словахъ *кѡтоломѡвъ* (III, № II) и
- Стран. 367, стр. 19 св.* Приб. *кѡсѡши, кѡсѡмѡнѡтъскикъ, кѡторѡ, мѡгѡлѡми, кѡзѡ-* (Ю.), *кѡрѡгѡ* (мон., Г. VIII, т. II, № 1).
Стран. 370, стр. 12 св. ѡ замѣняетъ б-у о: *рѡтъ* (Г. VI, № 2).
 — *стр. 2 см.* Вм. *ер*, чит. *ер, ар*.
- Стран. 371, стр. 1 св.* Приб. *кѡтоломѡвъ* (III, № II).
Стран. 374, стр. 12 св. Вм. *мѡстъ* должно быть *мѡстѡвъ*.
Стран. 377, стр. 11 см. Приб. *кѡмѡдрѡцѡ, кѡрѡчѡнѡ* (Ю.).
Стран. 379, стр. 4 см. Приб. *кѡсѡнѡски* (Г. VI, № 1).
Стран. 380, стр. 4 св. Приб. *лѡшѡ* (А. № 4).
 — *стр. 11 св.* *кѡшѡтѡнѡми, кѡшѡтѡнѡнѡкъ* (Ю.).
 — *стр. 19 св.* Вм. *лѡшѡла* чит. *лѡшѡла*.
 — *стр. 20 св.* Вм. *лѡшѡнѡ* чит. *лѡшѡнѡ*.
 — *стр. 23 св.* Вм. 154 чит. 157 и приб. NN № 74, 88, 107, 108, 115, 124, 138, 146, 163.
 — *стр. 10 см.* Опустить слова *тѡудѡрѡ, дѡсѡрѡ*.
- Стран. 381, стр. 6 см.* Приб. *кѡсѡрѡдѡе, кѡрѡтѡнѡнѡкъ* (Ю.).
 — *примѡч. 2.* Къ словамъ *slow. starožitn.*, приб. II, IV, 650.
- Стран. 382, примѡч. 2.* Къ словамъ *slow. starožitn.* приб. II, IV, 651.
- Стран. 384, стр. 3 см.* Вм. *лѡнѡнѡ* чит. *лѡнѡнѡ*.
Стран. 385, стр. 5 св. Вм. *тѡлѡуѡнѡ* чит. *тѡлѡнѡнѡ*.
 — *стр. 8 св.* Приб. *лѡнѡлѡ* (С. № 83).
- Стран. 387, примѡч. 2.* Къ словамъ *slow. starožitn.*, приб. II, IV, 651.
- Стран. 388, стр. 2 св.* Къ С. NN № 108—175 приб. NN № 19, 20, 82, 96, 100, 104, 106, 107; А. И. Впрочемъ, слѣсъ не перезвукъ, но двойственное и множественное чч. въ зависимости отъ сложенія дѣъ *дѡкѡ, трѡ, уѡтѡнѡ*.
 — *стр. 4 св.* Вм. 124, 130 чит. 130, 131, 165; А. № 17.
- Стран. 389, стр. 17 св.* Приб. *кѡзѡ* (Ю.).
 — *стр. 19 св.* Вм. *нѡдѡ*, чит. *нѡ, дѡ*.
- Стран. 391, стр. 9 св.* Приб. *лѡнѡнѡлѡ* (Г. VI, № 2).
Стран. 392, стр. 3. Въ *нѡ, сѡ* вм. *нѡ, сѡ* есть усиленіе ѡ въ ѡ.
Стран. 403, стр. 13 св. Еще встрѣчается третье слово, гдѣ ѡ стоитъ на своемъ мѣстѣ: *кѡстрѡнѡ* (А. № 11).

— *стр. 25 св.* По сличеніи гр-ы Дечанскому монастырю у Ю. и въ С., оказывается, что сами позднѣйшіе переписчики ставили ъ на мѣстѣ подлиннаго ш.

— *стр. 12 см.* Приб. испытани ѡн. -ми (С. № 176).

Стран. 408, стр. 4 св. Вм. «б-ы ѡ ѡ чѣт. б-ы ѡ и ѡ».

— *стр. 12 св.* Вм. ѡ-и д. б. ѡн.

Стран. 410, стр. 23 св. Приб.: Дечанская гр-а монахини Евгеніи (Ю.).

— *стр. 20 см.* Опустить № 14.

Стран. 412, стр. 4. Приб. рѣчи (Г. VI, № 2).

Стран. 413, стр. 10 см. Приб. осамнадесяти, однадесяти (С. № 130) ѡн. -десеѣ, какъ въ С. NN № 74, 88, 92, 93, 99, 107, 108, 115, 124, 128, 130, 132, 146, 147, 157, 163.

Стран. 414, стр. 4 св. Приб. лине (С. № 135).

— *стр. 17 св.* Приб. въ ѡтѣстѣ ѡмонѣ (А. № 5).

Стран. 422, стр. 21 св. Вм. згрѣцихъ д. б. ѣгрѣцихъ. Что до гр-ъ Г. V и Ю., то въ нихъ можно скорѣе предполагать привычку позднѣйшаго переписчика изображать ѡѣ чрезъ ѣ. Это видно изъ сличенія Юришича съ Споменниками. Собственно у Д.-Сербовъ ѣ отъвѣчало Греческому ѡ; ср. ѡѣга (Мк.), ѡѣгина (Ю.).

Стран. 431, стр. 5 см. Приб. и Г. VI, № 2.

Стран. 432, стр. 13 см. Приб. зисаѡмѣ (С. № 78), гдѣ видно колебаніе между звуками з и ѡ.

— *стр. 7 см.* Приб. подоѡванѣю (Ю.).

Стран. 434, стр. 11 см. Доказательствомъ тому, что употребленіе въ изданіи б-ы ѡ, или ѡ зависитъ иногда отъ того, какъ понимаетъ переписчикъ начертаніе ея въ подлинникѣ, служатъ отличенія гр-ы С. № 176 съ изданіемъ Юришича: послѣдній вездѣ читаетъ ѡ такъ, гдѣ въ Споменникахъ стоитъ ѡ: причиною неясность начертанія.

Стран. 435, стр. 22 см. Приб. гр-у Ю.

— *стр. 5 см.* Вм. «она» чит. оно.

Стран. 436, стр. 25 св. Не смотря на то, что ѡ весьма рѣдко встрѣчается въ Восточныхъ гр-хъ, мы находимъ его съ послѣдовательнымъ употребленіемъ, именно, послѣ гласной, въ одной Восточной гр-ѣ, принадлежащей монахини Евгеніи (Ю.).

Стран. 439, стр. 7 см. Приб. смѣтѣра (С. № 136), ѡмѣра (С. № 64), ѡмѣра (С. № 125).

— *стр. 4 см.* Вм. 150, 153, 154 чѣт. 150—154.

Стран. 441, стр. 16 см. Вм. ѡи чит. ѡе.

— *стр. 3 см.* Приб. ѡгоѡвѣра, ѡсѣми (Ю.).

Стран. 457, стр. 11 см. Вм. ѡдѡнѣми, ѡдѡнѣхъ д. б. ѡдѡнѣми, -ѡнѣ, ѡдѡнѣхъ.

— *стр. 3 см.* Приб. ѡмѣтамъ и тутъ же ѡмѣтамъ, ѡмѣтѣмъ (Ю.).

Стран. 464, стр. 9 см. Приб. доѡѡ, доѡѡ, доѡѡѡ, доѡѡѡѡ, доѡѡѡѡѡ (С. NN № 56, 64, 70, 71, 73, 104, 144, 145, 164, 166, 173), ср. доѡѡѡѡ (С. NN № 124, 125), доѡѡѡ, -ѡ (С. NN № 68, 89, 94, 132, 143, 164), доѡѡѡѡѡѡ (С. NN № 55, 83, 117), доѡѡѡѡѡѡ (С. NN № 78, 97):

Стран. 477, стр. 14 св. Вм. «чистоту» чит. густоту.

Стран. 479, стр. 21 св. Приб. ѡмѣтѣмѣмѣми (С. № 163).

— *стр. 19 см.* Приб. хѡѡѡ, -ѡ, хѡѡѡѡ, -ѡѡѡ (С. NN № 111, 137; 3.), ср. гоѡѡѡѡ, -ѡѡѡѡ (С. NN № 73, 91).

Стран. 480, стр. 19 см. Приб. гѡѡѡ, гѡѡѡѡ, ѡѡѡѡѡѡ, ѡѡѡѡѡѡ (Ю.).

Стран. 492, стр. 5 св. Приб. въ гр-ѣ Евгениі (Ю.) *злостостикихъ*.

Стран. 495, стр. 11 св. Приб. *ратко, -ѣ* (Мл.; Г. VI, № 2), ср. *ра-дичъ* и т. п.

Стран. 497, стр. 23 св. Произношеніе б-ы д могло иногда твердѣть и дѣлаться среднимъ между сочетаніемъ съ твердою и сочетаніемъ съ мягкою гласною; это обнаруживается въ словѣ *оусуды* (Ю.), хотя вообще употребленіе *м* и *н* въ Д.-Сербской письменности ограничено своею собственною областью и не соотнобразяется съ согласными, съ коими сочетаются этѣ буквы.

Стран. 512, стр. 10 см. Вм. «род. и твор. п. ед. ч. муж. и и ср. р.» чит. движеніе именъ, кроми творительнаго п. ед. ч. жен. р.

Стран. 516, стр. 11 св. Приб. *монти* (С. № 59), *квнито* (С. № 79): то и другое есть повелительное н., образовавшееся чрезъ смягченіе *г* и *д* въ *дъ*.

Стран. 519, стр. 21 св. Приб. *ислалъ, оутелъ, ствгаль* (З).

— *стр. 6 см.* Вм. «-ю и т. д.» чит. *-ѣ, -ю* и т. д. (С. NN № 22, 43, 91, 108).

— *стр. 4 см.* *темали*, откуда *темалити, томалити, томали*, есть то же, что *темалъ*, основа, а это то же, что *комель*, у Рускихъ—основаніе дерева.

Стран. 550, стр. 18 св. Приб. *подоушакю* (Ю.).

Стран. 552, стр. 20 св. б-а в опущена въ *гивити, гиве* (ср. С. NN № 112, 115, 126, 130, 173 и пр.; А. № 6), ср. *гивноути* (З).

Стран. 568, въ заглавіи. Вм. согласнымъ чит. склоненія.

Стран. 580, стр. 2 св. Въ именахъ средн. р. съ нарощеніемъ именительный п. одинаковъ съ винительнымъ, исключая: изъ *шесис* (С. № 144).

Стран. 581, стр. 2 св. Приб. *врдъ* (печ., С. № 62).

Стран. 583, стр. 19 см. Обыкновенною формою родительнаго п. ед. ч. остается *зъмале* (Ср. Ш. № VII; С. NN № 2, 13, 16, 21, 26, 27, 37, 39, 43, 50, 51, 55, 57, 73, 78, 91, 94, 95, 111, 118, 137, 142, 144, 164, 176, 179 и пр.; А. NN № 1, 3—6 12, 20; З., Мл.; печ. А. т. X, XI, № 10), *зъмь* (С. № 52).

Стран. 588, стр. 2 св. Нынѣ исходъ *-е* въ дательн. п. ед. ч. жен. р. остается въ Реванскомъ, т. е., восточномъ подрѣчьи, которому въ Д.-Сербскомъ отвѣчаетъ наиболѣе Восточная семья памятниковъ.

Стран. 590, стр. 19 см. Самое *а* Санскрита образовалось изъ стяженія *ат*.

Стран. 594, стр. 4 см. Приб. на печати Милутина *ѣ хрсти воже* (А. № 5).

Стран. 596, стр. 23 см. Слова или неправильно *днѣво* опустить.

Стран. 599, стр. 10 св. Приб. Въ Албанской гр-ѣ *ѣ писме* (С. № 148).

Стран. 600, стр. 7 см. Вм. «XV-мъ» чит. XIII-мъ.

Стран. 601, стр. 18 см. Въ движеніе женскаго р. перешло изъ образованія средняго р. имя собственное мужскаго р. по *звѣти* (С. № 158).

Стран. 604, стр. 7 см. По среднему р. образуютъ также и Н.-Булгары, говоря: *братя, Буларя, Турчя*.

Стран. 608, стр. 24 см. Приб. Въ Д.-Русскомъ *Дреалля*.

Стран. 609, стр. 23 св. У Н.-Булгаръ есть тоже различныя окончанія *-и, -е, (-ни) -ове*, къ которымъ присоединяется и *-я*: послѣднія три имѣютъ отглагольн. собирательнаго значенія.

Стран. 618, стр. 16 см. Примѣръ для именительнаго п. мн. ч. жен. р. именъ на *-ни* находимъ въ *дѣтрѣ* (А. № 20).

Стран. 620, стр. 25 св. Приб. *рлви* (печ., Г. III, № 88).

Стран. 623, стр. 24 св. Вм. «словѣ» чит. для слова.

Стран. 624, стр. 18 см. Такъ же точно образованіе *-ни* производить въ родительной п. мн. ч. *-ни*, гдѣ второе *и* — *јат*. Въ оковчаніяхъ именительнаго ед. *-ан, -он, -он* и т. д. и есть перезвукъ образовательнаго *-јас*, въ которомъ

пропало *was*, но, пропавши, усилило небное *j* до полного звука и: тѣ же приемы родительнаго мн. произвели ту же форму.

Стран. 625, Вм. 632 д. б. 625.

Стран. 648, Вм. 486 д. б. 648.

Стран. 652, стр. 10 св. Встрѣчаемъ однажды такое расположеніе словъ: *ошени* обитова и припи и *закезасе* краљевство; *ошени* краљевство *дахъ*; *обитова* и *обитова* краљевство (С. № 140), гдѣ мн относится къ краљевство.

Стран. 661, стр. 20 св. Простая форма *иъ* не попадаетъ одна въ нашихъ памятникахъ въ мужскомъ р.; но въ другихъ родахъ она нрѣдка встрѣчается, на пр.: *ко* (С. NN № 96, 98), *ка* (С. NN № 98, 169), *никоръ* (С. № 16)

Стран. 667, стр. 12. Въ Д.-Сербскомъ языкѣ встрѣчаемъ двѣ формы для средняго р. *уѣто*, *уто* и *ѣо*, рѣдко *ѣа*. Въ XII-мъ в. въ Аѳонской гр-ѣ *уѣто*; въ XIII-мъ в. *уѣто* и *ѣо*, то и другое въ простой и сложной формѣ, въ грамотахъ различныхъ мѣстностей; такъ: *уѣто*, *уто* въ гр-хъ Ш. № VII; С. NN № 2, 3, 6, 10, 18, 20, 21, 26; *ѣо*, *ниѣа* въ гр-хъ Ш. № VII; С. NN № 3, 9, 14, 16—18, 21, 22. Отсюда видно, что въ этомъ вѣкѣ письменный языкъ былъ общиѣе и формы доступнѣе для всѣхъ семей грамотъ, какъ не разъ уже мы замѣчали. *уѣто* древнѣе по законамъ звукодвиженія, чѣмъ *што*, а по тому Д.-Сербскій языкъ въ XIII-мъ в. еще помнилъ его и употреблялъ. Но въ XIV-мъ в. *уѣто* удаляется въ одиѣ почти церковныя гр-ы, показывая, что народность вытѣсняла его чрезъ свое *ѣо* и оставляла на письмѣ ради Ц.-Славянскаго языка, стало быть, преимущественно тамъ, гдѣ онъ былъ сильнѣе, т. е., въ церковныхъ гр-хъ. Такъ *уѣто*, *уто* и т. д. находимъ въ гр-хъ: А. NN № 3—6, 14; С. NN № 54, 176; въ Законникѣ, гдѣ много Ц.-Славянскаго, и въ богословіи Западной гр-ы С. № 68. Кромѣ этого оно ни въ какой другой грамотѣ не существуетъ, тогда какъ *ѣо* употребляется во множествѣ, даже въ тѣхъ же самыхъ гр-хъ, гдѣ *уѣто*, или однородныхъ съ ними, на пр., А. NN № 4—6, 8—14, 18; Мк.; С. NN № 35, 176; Г. А. Слѣдовательно, и здѣсь, судя по числу памятниковъ, *ѣо* преобладало надъ *уѣто*, не говоря уже о не-церковныхъ грамотахъ, гдѣ оно только одно и есть. Въ XV-мъ в. *уѣто* попадаетъ только въ слѣдующихъ грамотахъ: А. NN № 16, 19 и Мл.; въ прочихъ же всѣхъ семей *ѣо*. И такъ, начавши съ безразличнаго употребленія *уѣто* и *ѣо* въ XIII-мъ в., Д.-Сербскій письменный языкъ дошелъ почти до полного отрицанія формы *уѣто*; по крайней мѣрѣ, онъ уже явно выразилъ въ XV-мъ в. свой взглядъ на нее, какъ на Ц.-Славянскую.

Стран. 669, стр. 25 св. Въ Д.-Сербскихъ памятникахъ существуетъ, какъ и нынѣ, частица *но*, съ значеніемъ усиленія или ближайшаго указанія, что по-русски можно довольно удобно выразить чрезъ «именно», на пр., *вакоино* (С. NN № 78, 166), *коино* (3.).

Стран. 677, стр. 14 св. Приб. *вси* (печ., А. № 10, т. X.), *всьи* (печ., А. т. XI).

Стран. 714, стр. 7 св. Причастіе Д.-Сербское *вѣдѣ* напоминаетъ Чешское *vida* рядомъ съ *budaici*, какъ и въ другихъ глаголахъ. Здѣсь прямое претвореніе носоваго звука.

Стран. 737, стр. 9 св. Старинное притяжательное причастіе на -ль: *ошрислалъ* отъ *ошрислать* писецъ гр-ы Ю. извелъ въ мѣстномъ п. ед. ч. жен. р. на -т: *шл ошрислалъ*, *коуки* вм. -и: значитъ, форма эта уже забывалась у Д.-Сербовъ, и писцы не умѣли совладѣть съ ея движеніемъ, или они произносили ее уже съ твердымъ исходомъ, какъ -л. Какъ бы то ни было, если и въ твердыхъ формахъ народность вводила -и, то при мягкомъ исходѣ тѣмъ скорѣе могло бы стоять это окончаніе.

СПИСОКЪ ПАМЯТНИКАМЪ.

Издаи.	№	XII-й вѣкъ.	
А. И.	—		
С.	1	} бана Кулина. Б.	1189.
Ш.	IV		
А.	1	} великаго жупана Немани. С. ц.	1199.
Ш.	V		
XIII-й в.			
Ш.	VII	} Стефана Первовѣщаннаго. С. ц.	1222—1228.
Ш.	5		
С.	2	} короля Радослава. С.	1234.
Ш.	IX		
С.	5	} бана Нинослава. Б.	} 1233—1238.
Ш.	VI		
С.	4	} великаго князя Андрея. Х.	
Ш.	VIII		
С.	3	} Дубровника.	
Ш.	X		
С.	7	} кор. Владислава. С.	
Ш.	XI		
С.	6	} того же.	
Ш.	XII		
С.	9	} того же.	
Ш.	XIII		
С.	8	} Дубровника.	1238—1240.
Ш.	XIV		
С.	10	} кн. Юрія. Пр.	1240—1241.
С.	12		
Ш.	XV	} Дубровника.	1243—1244.
С.	13		
С.	15	} Уроша I. С.	1248.
С.	14		
С.	15	} вел. кн. Андрея. Х.	1248—1251.
С.	14		
Г. VI.	1	} бана Стефана. Б.	1249.
С.	17		
С.	16	} Уроша I. С.	1249—1253.
Ш.	XVI		
С.	11	} Дубровника.	1253.
Ш.	1		
Ш.	II	} Поповской общины.	} 1253—1254.
С.	18		
С.	19	} кн. Черномира. Пр.	
Ш.	XVII		
С.	20	} Дубровника.	
Ш.	XVIII		
С.	21	} жуп. Радослава. Х.	1254.
С.	26		
С.	24	} Уроша I. С.	
С.	26		
С.	26	} Дубровника.	
С.	26		

С.	22	того же.....	1254—1272.
С.	27	королевы Елены. С.....	1266—1268.
С.	24	Милутина. С.....	1276.
С.	25	того же.....	1272—1281.
С.	31	того же.....	1281.
С.	32	кор. Елены. С.....	1289.
XIII—XIV-й в.			
С.	23	Милутина. С.....	} 1272—1321.
С.	28	того же.....	
С.	30	того же.....	
С.	33	того же.....	
С.	34	того же.....	
С.	51	Стефана Первоверхняго, С. ц.....	
С.	52	Милутина. С. ц.....	
XIV-й в.			
А.	2	Милутина. С. ц.....	1302.
А.	6	того же, ц.....	1302—1305.
Мк.	—	того же, ц.....	1305—1307.
А.	3	того же, ц.....	} 1308—1317.
А.	4	того же, ц.....	
С.	36	Стефана Дечанскаго. С.....	1326.
А.	8	того же, ц.....	1327.
С.	176	} того же, ц.....	1330.
Ю.	—		того же.....
С.	39	того же.....	} 1322—1336.
С.	38	того же.....	
А.	7	того же, ц.....	} 1342.
А.	9	Душана. С. ц.....	
С.	40	того же.....	1345.
С.	29	того же.....	} 1336—1346.
С.	41	того же.....	
С.	42	того же.....	
А.	5	того же, ц.....	} 1347.
А.	11	того же, ц.....	
А.	10	того же, ц.....	} 1348.
В.	1	того же, ц.....	
Ш.	11	того же, ц.....	} 1349.
С.	35	того же, ц.....	
С.	43	того же.....	} 1356.
А.	12	того же, ц.....	
С.	44	Уроша V. С.....	} 1357.
С.	46	того же.....	
С.-Д.М.	1	того же.....	} 1358.
С.	47	того же.....	
С.	48	того же.....	
С.	49	того же.....	} 1360.
С.	50	того же.....	
Г.	А.	того же, ц.....	} 1362.
С.	54	того же.....	
С.	55	того же.....	} 1365.
С.	56	кн. Воислава. С.....	
А.	13	Уроша V, ц.....	} 1356—1367.
С.	45	того же.....	
С.	53	того же.....	} 1367.
С.	57	бана Тврьтка. Б.....	
С.	59	того же.....	1353—1376.

С.	61	Александра. К.-А.....	1367.
С.	63	Балшичей. З.....	1368.
С.	62	Вукашина. С.....	1370.
Ш.	14	Вука Бранковича. С. ц.....	1371.
С.	64	Юрія Балшича. З.....	1372.
С.	72	того же.....	1372—1373.
С.	58	Твердислава Углешича. С.....	1371—1376.
С.	65	бана Тврътка. Б.....	1375.
С.	66	кор. Тврътка I. Б.....	1378.
А.	14	песарицы Евдокии. С. ц.....	} 1379.
С.	67	Балши Балшича. З.....	
В.	2	} царя Лазаря. С.....	1381.
Ш.	15		
В. К.	—	Тврътка I. Б.....	1381.
С.	68	Балши Балшича. З.....	1385.
С.	70	Юрія Страшимировича. З.....	1386.
С.	71	Вука Бранковича. С.....	} 1387.
С.	73	Дубровника.....	
С.	77	Вука Бранковича. С.....	1387—1398.
С.	69	1389.
З.	—	жуп. Санка. Т.....	ок. 1391.
С.	79	Санковичей. Т.....	} 1391.
С.	78	воев. Радича Санковича. Т.....	
С.	80	кор. Дабыши. Б.....	} 1392.
С.	81	Вука Бранковича. С. ц.....	
А.	15	Дубровника.....	1387—1396.
С.	76	десп. Стефана. С. ц.....	1389—1395.
А.	18	кор. Дабыши. Б.....	1395.
С.	179	кн. Павла Радиновича. Т.....	1397.
С.	82	кор. Остон. Б.....	1398.
С.	83	того же.....	} 1399.
С.	84	того же.....	
С.	85	воев. Радича Санковича. Т.....	
С.	86		
А.	19	XIV—XV-й в.	
Ю.	—	монахини Евгении. С. ц.....	1395—1406.
		XV-й в.	
С.	87	Дубровника.....	1403.
С.	88	воев. Гервои. Б.....	1404.
С.	89	Тврътка II. Б.....	} 1405.
С.	90	десп. Стефана. С.....	
С.	91	Вуковичей. С.....	} 1409.
С.	92	кор. Остон. Б.....	
С.	93	воев. Сандаля Х.....	1410.
А.	17	десп. Стефана. С. ц.....	1411.
С.	175	Вуковичей. С. ц.....	1413.
С.	94	кн. Григорія. Х.....	1418.
С.	95	кор. Стефана Остонича. Б.....	} 1419.
С.	96	воев. Сандаля. Х.....	
С.	97	кор. Стефана Остонича. Б.....	} 1420.
С.	98	воев. Сандаля. Х.....	
С.	99	кор. Тврътка II. Б.....	} 1421.
С.	100	Дубровника.....	
С.	101	воев. Радослава Павловича. Т.....	
С.	102		

С.	103	кор. Тврѣтка II. Б.	1421.
С.	104	воев. Радослава Павловича. Т.	} 1423.
С.	105	воев. Садила. Х.	
А.	16	деси. Стефана. С. ц.	} 1423—1427.
С.-Д. М.	—	того же, ц.	
1844	—	Дубровника.	} 1427.
С.	106	воев. Радослава Павловича. Т.	
С.	107	десп. Юрія.	1428.
С.	111	Дубровника.	} 1429.
С.	108	того же.	
С.	109	султ. Мурада.	1430.
С.	113	Дубровника.	1431.
С.	112	воев. Радослава Павловича. Т.	1432.
С.	114	Дубровника.	} 1433.
С.	115	кор. Тврѣтка II. Б.	
С.	116	воев. Радослава Павловича. Т.	} 1434.
С.	117	воев. Юрія. Б.	
С.	118	Дубровника.	1435.
С.	119	воев. Стефана Вукчича. Х.	} 1436.
С.	120	Елены. Х.	
С.	110	Дубровника.	} 1437.
С.	121	воев. Радослава Павловича. Т.	
С.	122	кн. Стефана Драгишича. Х.	} 1438.
С.	124	Дубровника.	
С.	123	кн. Радослава Драгишича. Х.	} 1439.
С.	125	Дубровника.	
С.	126	воев. Радослава Павловича. Т.	} 1440.
С.	127	воев. Стефана Вукчича. Х.	
С.	128	воев. Радослава Павловича. Т.	} 1441.
С.	129	Дубровника.	
С.	130	кн. Владислава Стефановича. Х.	} 1441—1463.
С.	132	того же.	
С.	74	воев. Иванша Радославича. Т.	1442.
С.	153	воев. Стефана Вукчича. Х.	} 1443.
С.	134	кор. Тврѣтка II. Б.	
С.	135	кор. Ёомы Остоича. Б.	} 1444.
3. А.	—	того же.	
С.	136	того же.	} 1444—1450.
Г. VI	2	десп. Юрія. С.	
С.	137	того же.	} 1445.
С.	138	воев. Стефана Вукчича. Х.	
С.	139	кор. Ёомы Остоича. Б.	1450.
С.	140	Влатковичей. Х.	1451.
С.	141	воев. Стефана Вукчича. Х.	} 1452.
С.	142	того же.	
С.	143	того же.	} 1453.
С.	144	Радославичей. Т.	
С.	145	Даміана. С.	} 1454.
С.	131	десп. Лазаря. С.	
С.	146	Стефана Юрьевича. С.	} 1457.
С.	147	кор. Стефана Ёомича. Б.	
Ш.	16	Юрія Кастріота. А.	} 1458.
С.	148	того же.	
С.	149	кор. Стефана Ёомича. Б.	} 1459.
С.	150	того же.	
С.	151	того же.	1461.

С.	152	того же.....	} 1461.
С.	153	того же.....	
С.	154	того же.....	} 1465.
С.	157	Дубровника.....	
С.	155	кн. Влатка Поповича. Т.....	} 1466.
С.	170	Жарка. Х.....	
С.	156	Травунскихъ бояръ.....	ок. 1466.
С.	159	Цицлин. Х.....	1467.
С.	172	Хлумскихъ бояръ.....	1468.
С.	161	воев. Владислава Стефановича. Х.....	1469.
С.	158	воев. Влатка и кн. Стефана Стефановичей. Х.	1467—1470.
С.	163	тѣхъ же.....	} 1470.
С.	165	царицы Мары. С.....	
С.	166	той же.....	} ок. 1470.
С.	167	той же.....	
С.	37	кор. Стефана Дечанскаго. Тур. (сп.).....	} 1470—1472.
С.	164	султ. Магомед.....	
Г.	Б	царицы Мары. С. ц.....	1479.
С.	168	султ. Магомед.....	1480.
Мл.	—	Ивана Черноевича. З.....	1485.
С.	162	воев. Владислава Стефановича. Х.....	1487.
С.	169	воев. Августина Влатковича. Х.....	1488.
С.	60	Черноевичей. З.....	1480—1490.
С.-Д.М.	2	султ. Баязид.....	1492.
С.	178	Ангелны. С.....	1495.
С.	171	воев. Балши Владиславича. Х.....	1497.
Г. V	—	десп. Юанна. С. ц.....	1499.
С.	75	воев. Алибега Павловича. Тур.....	1450—1500.
		XV—XVI-й в.	
С.	173	султ. Баязид.....	1481—1512.
		XVI-й в.	
А.	20	деспотицы Влены. С. ц.....	1502.

Примѣчаніе. С.—Сербская грамота; В.—Воскійская; Х.—Хлумская; Т.—Травунская;
 З.—Зетская; К.—А.—Калино-Авалонская; А.—Албанская; Пр.—Приморская; Тур.—Турецкая;
 ц.—церковная.

REVUE

I. Les principes de la morale
 II. Les devoirs de l'homme
 III. Les devoirs du citoyen
 IV. Les devoirs du parent
 V. Les devoirs du maître
 VI. Les devoirs du soldat
 VII. Les devoirs du magistrat
 VIII. Les devoirs du prêtre
 IX. Les devoirs du commerçant
 X. Les devoirs de l'artisan
 XI. Les devoirs du cultivateur
 XII. Les devoirs du militaire
 XIII. Les devoirs du fonctionnaire
 XIV. Les devoirs du journaliste
 XV. Les devoirs du professeur
 XVI. Les devoirs du médecin
 XVII. Les devoirs du juriste
 XVIII. Les devoirs du philosophe
 XIX. Les devoirs du poète
 XX. Les devoirs de l'homme de bien

4507

45

A. Russo.
867

3 ктм 5

МАЙКОВЪ

ИСТОРИЯ

СЕРБСКАГО ЯЗЫКА

ПО ПАМЯТНИКАМЪ, ПИСАННЫМЪ КИРИЛЛЦЕЮ,

ВЪ СВЯЗИ СЪ ИСТОРИЕЮ НАРОДА.

СОЧИНЕНІЕ

А. Майкова.

302 л.

